DB
25
P76

РОССІЯ.

31/47

ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА.

НАСТОЛЬНАЯ и ДОРОЖНАЯ КНИГА

ДЛЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. П. Семенова

И ПОДЪ ОБЩИМЪ РУКОВОДСТВОМЪ

П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, и АКАД. **В. И. Ламанскаго,**

Вице-Председателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Председателя Отделенія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КИРГИЗСКІЙ КРАЙ.

Съ 123 политипажами, 35 діаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 9 малыми картами.

СОСТАВИЛИ:

А. Н. Сѣдельниковъ.—Л. П. Осипова.—А. Н. Букейхановъ.—С. Д. Чадовъ.—Н. А. Бородинъ.—Т. П. Бѣлоноговъ.—В. П. Семеновъ.—П. Н. Столпянскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

1903.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СОБРАНІЯ №

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 іюля 1903 г.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
610463

Тип. Спб. акц. общ. печатн. и писчебум. дѣла «Слово». Ул. Жуковскаго, 21.

Предисловіе къ восемнадцатому тому.

Киргизскій край, состоящій изъ областей Уральской, Тургайской Акмолинской и Семипалатинской, занимаетъ обширную площадь, состоящую преимущественно изъ степей, перемежающихся съ пустынями и принадлежащую въ юго-восточной своей половинѣ къ древнему Арало-Каспійскому и другимъ внутреннимъ озернымъ бассейнамъ Средней Азіи, а въ сѣверо-восточной—къ бассейну Ледовитаго океана (система Иртыша). Въ эту территорію съ сѣвера вторгается южное меридіанальное продолженіе Уральскаго хребта въ видѣ невысокаго пустыннаго кряжа Мугоджаръ, упирающагося въ Чинкъ, т. е. въ сѣверный обрывистый край плоскогорія Усть-Урта, и раздѣляющаго такимъ образомъ бассейнъ Арала отъ бассейна Каспія. Въ то-же время съ юго-востока Алтайская горная система посылаетъ въ Киргизскій край свои послѣдніе отроги, оканчивающіеся такъ называемымъ „мелкосопочникомъ“ (Каркаралинскія, Кокчетавскія и др. горы), составляющимъ широкій водораздѣлъ системы Иртыша съ бассейномъ Арала и изобилующимъ мѣстами плодородными почвами, ископаемыми богатствами, сосновыми борами, березо-осиновыми „колками“ и небольшими прѣсными горными озерами и рѣчками.

Только эта благодатная полоса „мелкосопочника“, такъ-же какъ долины юго-западнаго Алтая, Тарбагатая, Саура, долины Иртыша и Урала, да узкая полоса лѣсостепи и травяныхъ степей въ сѣверной части Киргизскаго края—и пригодны для земледѣльческой культуры и осѣдлости. Всѣ же остальныя пространства описываемаго края представляютъ собою совершенно пустынную, горькосоленую страну съ песчаными барханами, самосадочными озерами, солончаками и узкими солеными рѣками, впадающими въ воздушный океанъ,—страну, получившую столь рѣзкое и типичное внѣшнее выраженіе въ Голодной степи.

Изъ этихъ природныхъ условій страны сама собою вытекла и ея историческая роль. Киргизскій край съ незапамятныхъ временъ служилъ громадной ареной дѣятельности кочевниковъ. Выходя черезъ трое широкихъ естественныхъ воротъ (Зайсанскія, Алакульскія и Илійскія) изъ глубины Центральной нагорной Азіи, они размножались здѣсь, находя въ здѣшнихъ степяхъ то приволье, которое вскармливало въ нихъ стихійную силу, давшую имъ возможность завладѣть несравненно болѣе культурною земледѣльческою Русью и держать ее въ повиновеніи втеченіе почти трехъ вѣковъ.

Только въ XVI вѣкѣ собранная Москвою и окрѣпшая Русь сбросила съ себя окончательно владычество кочевниковъ и, овладѣвъ всѣмъ теченіемъ Волги, вторглась въ Сибирь и по Яику (Уралу) вглубь негостепріимныхъ степей. Долго еще послѣ того кочевники продолжали опустошать своими набѣгами юго-восточную часть Европейской Россіи и южную окраину Западной Сибири, дѣлая невозможною здѣсь осѣдлую, болѣе культурную жизнь русскихъ переселенцевъ.

Для того чтобы обезпечить сколько-нибудь правильную колонизацію на Приволжской, Пріуральской и Западно-Сибирской окраинахъ, русскому правительству уже въ XVIII в. пришлось отгородиться отъ кочевниковъ искусственными укрѣпленными линіями: одной вдоль Яика (Урала), а другой—продолженіемъ ея къ востоку поперекъ Тобола и Ишима къ Иртышу, т. е. такъ называемой Горькой линіей, и далѣе на юго-востокъ вверхъ по правому берегу Иртыша до Алтайскихъ горъ (Иртышская линія).

Образованіе укрѣпленныхъ линій на окраинѣ Киргизской степи достигло своей главной цѣли—охраненія безопасности русской колонизаціи и развитія земледѣльческой культуры на юго-востокѣ Европейской Россіи и въ Западной Сибири. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣло и другое значеніе. Свободолюбивыя, безпокойныя и склонныя къ усобицамъ киргизскія орды стали одна за другою подчиняться Россіи. Неподчинившіяся же не могли надолго удержать своей независимости, будучи безсильными противъ принятыхъ въ русское подданство родовъ: безнаказанная „баранта“ противъ послѣднихъ стала очень затруднительной, между тѣмъ какъ неподчинившіеся киргизы подвергались „барантѣ“ со всѣхъ сторонъ.

Такимъ образомъ къ половинѣ XIX в. завершилось подчиненіе Россіи всего Киргизскаго края. Для огражденія его со стороны Китая мирная русская колонизація стала водворяться вдоль естественныхъ (горныхъ) границъ съ Поднебесной Имперіей, выдвинувъ на югъ передовое русское поселеніе—нынѣшній г. Вѣрный—къ подножью снѣговыхъ горъ Тянь-Шаньской системы. Въ то-же время съ юго-западной

стороны Киргизскаго края Россія уже проникла до Сыръ-Дарьи, основавъ здѣсь фортъ Перовскій. Такимъ образомъ болѣе половины обруча, стягивавшаго территорію кочевниковъ, было уже сдѣлано русскими. Оставалась незамкнутой только южная часть Киргизскаго края, прилегающая къ среднему теченію Сыръ-Дарьи и къ р. Чу; здѣсь кочевники, когда было нужно, свободно переходили во владѣнія независимыхъ туркестанскихъ государствъ Хивы, Бухары и Кокана.

Необходимость замкнуть укрѣпленную линію привела при имп. Александрѣ II къ столкновенію съ осѣдлыми туркестанскими государствами, окончившемуся полнымъ покореніемъ Туркестана русской власти.

Послѣдствіемъ этого было то, что вся обширная киргизская территорія сдѣлалась полнымъ достояніемъ Россіи, доступнымъ внутренней русской колонизаціи всюду, гдѣ только тому не препятствуютъ почвенныя и гидрологическія условія. Вслѣдствіе начавшейся колонизаціи здѣшніе кочевники естественно вошли въ болѣе тѣсное общеніе съ русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ и, при своемъ стѣсненіи въ пастбищахъ, стали сокращать площади своихъ перекочевокъ, переходя постепенно къ полуосѣдлому образу жизни съ земледѣльческимъ, рыболовнымъ и горнымъ подсобными промыслами.

Дальнѣйшая дѣятельность населенія края, состоящая въ развитіи прежде всего скотоводства, а затѣмъ земледѣлія, рыболовства и добычи полезныхъ ископаемыхъ, будетъ въ особенности обезпечена проведеніемъ въ здѣшнихъ, нынѣ еще полупустынныхъ пространствахъ удобныхъ путей сообщенія, главнымъ образомъ желѣзныхъ.

При выпускѣ настоящаго тома редакція считаетъ своимъ долгомъ выразить признательность А. П. Семенову за нѣкоторыя дополненія въ зоологическихъ данныхъ, а также Западно-Сибирскому Отдѣлу Имп. Русск. Геогр. Общества и тѣмъ лицамъ, имена которыхъ помѣщены подъ иллюстраціями, за предоставленіе въ ея распоряженіе обширнаго фотографическаго матеріала.

В. Семеновъ.

С.-Петербургъ
Сентябрь 1903.

Оглавленіе восемнадцатаго тома.

отр.

Предисловіе къ восемнадцатому тому III

ОТДѢЛЪ I. **Природа.**

ГЛАВА I. Формы поверхности и строеніе земной коры въ предѣлахъ Киргизскаго края.

А. Н. Сѣдельникова 1

Три главныхъ равнины края. —Западная или Прикаспійская равнина.—Общій Сыртъ, Усть-Уртъ, Мугоджары; р.р. Уралъ, Илекъ, Эмба и др.; оз. Чорхалъ и Индерское.—Южная или Арало-Балхашская равнина.—Пустыни Кара-Кумъ и Голодная степь, р.р. Сары-Су, Иргизъ, Чу; оз. Чалкаръ-Тенизъ и др.—Сѣверная или Западно-Сибирская равнина; увалы; р.р. Иртышъ, Ишимъ и Тоболъ. — Прѣсныя и горькосоленыя озера.—Арало-Иртышскій водораздѣлъ.— Ю.-З. Алтай, Сауръ и Тарбагатай; р.р. Бухтарма, Курчумъ и др.; оз. Зайсанъ и Марка-Куль.— Геологическое строеніе края: архейскія, палеозойскія, мезозойскія, неозойскія и современныя образованія (арало-каспійскія, рѣчныя и др.).— Почвы.—Ископаемыя богатства: каменный уголь, золото, серебро, желѣзныя, мѣдныя и др. руды, соль, нефть.—Минеральные источники и грязи.

ГЛАВА II. Климатъ.

Л. П. Осиповой. 72

Общая характеристика климата Киргизскаго края. — Буранъ.— Гололедица.—Вѣтры.—Распредѣленіе атмосфернаго давленія.—Температура. — Вскрытіе и замерзаніе водъ. — Влажность. — Облачность.— Осадки.—Сухой дождь.—Мгла.

ГЛАВА III. Растительный и животный міръ.

А. Н. Сѣдельникова и Н. А. Бородина. 82

Первые изслѣдователи флоры края.—Растительность прошлаго геологическаго періода.— Современныя растительныя области края: лѣсная,

стр.

альпійская, степная и пустынная.— Лиственные лѣса Общаго Сырта и долины р. Урала. — Хвойные лѣса Алтая и Саура. — Альпійская область этихъ горъ.—Хвойные лѣса внутреннихъ горъ края. — Степи приуральскія и западно-сибирскія.—Лѣсостепь.—Луга.—Растительность солончаковъ. — Флора пустынь. — Древняя фауна края.—Современные представители млекопитающихъ.—Птицы.—Пресмыкающіяся и земноводныя.—Рыбы Арало-Каспійскаго, Иртышскаго и Балхашскаго бассейновъ.—Безпозвоночныя.

ОТДѢЛЪ II. **Населеніе.**

ГЛАВА IV. Историческія судьбы Киргизскаго края и культурные его успѣхи.

А. Н. Сѣдельникова, А. Н. Букейханова и С. Д. Чадова. 138

Народы, населявшіе Киргизскій край въ древности.—„Чудь".—Татары.—Башкиры.—Калмыки.—Джунгары.—Киргизы.—Завоеваніе и два вида колонизаціи края—вольная и правительственная.—Крестьянская колонизація 80—90-хъ годовъ XIX в.—„Бѣловодье".—Развитіе просвѣщенія въ краѣ.—Низшее и среднее образованіе.—Книжное и издательское дѣло въ краѣ.

ГЛАВА V. Распредѣленіе населенія Киргизскаго края по территоріи, его этнографическій составъ, бытъ и культура.

А. Н. Сѣдельникова. 175

Пространство и административное дѣленіе края. — Сибирское и Уральское казачьи войска.—Количество населенія и распредѣленіе его въ краѣ.—Сравнительная плотность населенія.—Ростъ и движеніе населенія за послѣдніе годы.—Сравнительное количество городского, сельскаго и кочевого населенія.—Величина и ростъ городовъ; густота и людность русскихъ и киргизскихъ поселеній.—Распредѣленіе населенія по поламъ, сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ.—Этнографическій составъ населенія.— Общія замѣчанія о „сибирякѣ", великоруссахъ, малоруссахъ и другихъ народностяхъ края.—Сибирскіе казаки.—Уральскіе казаки.—Крестьяне.—Киргизы.

ГЛАВА VI. Промыслы и занятія населенія.

Т. П. Бѣлоногова, А. Н. Сѣдельникова и Н. А. Бородина. 222

Общій характеръ промышленной жизни Киргизскаго края.—Размѣры землевладѣнія киргизъ, казаковъ и крестьянъ въ восточной части края.—Исторія земледѣлія.—Посѣвная площадь въ настоящее время.—Системы хозяйства.—Результаты земледѣльческаго производства и продовольственный вопросъ.—Земледѣліе въ Тургайской и Уральской

стр

обл.—Скотоводство.—Рыболовство.—Уральское рыбное хозяйство.—Мѣстные сельскохозяйственные промыслы: пчеловодство, огородничество, табаководство, садоводство, лѣсной промыселъ.—Охота и звѣроловство.—Маслодѣліе.—Кустарные и отхожіе промыслы.—Горная промышленность.—Фабрично-заводская промышленность.—Торговля.

ГЛАВА VII. Пути сообщенія.

А. Н. Сѣдельникова. 293

Древній водный путь „волокомъ". — Типъ старыхъ судовъ.— Развитіе парового флота на Иртышѣ.—Размѣры современнаго пароходства и его грузоподъемная сила.—Сплавной флотъ на Иртышѣ.—Буксирное и пассажирское движеніе по Иртышу. — Древніе грунтовые пути.— Современные главные тракты края.—Желѣзнодорожные пути сообщенія.—Обезпеченность края въ путяхъ сообщенія.

ОТДѢЛЪ III. Замѣчательныя населенныя мѣста и мѣстности.

ГЛАВА VIII. Западная часть Киргизскаго края.

А. Н. Сѣдельникова и В. П. Семенова. 308

Покровско-Уральская жел. дор. — Уральскъ.—Гурьевскій трактъ и дорога отъ Сарайчиковской станицы на Усть-Уртъ и въ Хиву.— Уральско-Уильскій трактъ. — Уилъ и расходящіеся отъ него степные пути.—Уральско-Оренбургскій трактъ.—Уральско-Бузулуцкій трактъ.— Оренбургско-Ташкентская жел. дор.—Оренбургско-Ташкентскій (Орско-Казалинскій) трактъ. — Тургайскіе пути. — Кустанайскій трактъ и г. Кустанай.

ГЛАВА IX. Восточная часть Киргизскаго края.

А. Н. Сѣдельникова, Т. П. Бѣлоногова и П. Н. Столпянскаго. 343

Петропавловскъ. — Почтово-земскій трактъ на Кокчетавъ—Атбасаръ—Акмолинскъ и степныя (караванныя) дороги отъ этихъ послѣднихъ.—Западно-Сибирская ж. д. и Горькая линія.—Омскъ.—Почтовый и водный путь Омскъ — Павлодаръ. — Экибазъ-Тузская ж. д.—Трактъ Павлодаръ—Каркаралинскъ.—Почтовый и водный путь Павлодаръ—Семипалатинскъ.—Семипалатинскъ.—Тракты отъ Семипалатинска на Каркаралинскъ, Сергіополь и Кокпектинскъ. — Трактъ изъ Семипалатинска на Усть-Каменогорскъ. — Усть-Каменогорскъ. — Трактъ Усть-Каменогорскъ — Кокпектинскъ — Зайсанскъ и далѣе къ китайской границѣ. — Трактъ Усть-Каменогорскъ — Бухтарминская—Алтайская станица.—Горные пути Южнаго Алтая.—Водное сообщеніе по верхнему Иртышу отъ Усть-Каменогорска на Зайсанъ.

Указатель главнѣйшихъ источниковъ и пособій по Киргизскому краю 436

Указатель географическихъ названій, именъ личныхъ и предметовъ, встрѣчающихся въ текстѣ 453

Замѣченныя опечатки и погрѣшности 479

ОТДѢЛЪ I.

ПРИРОДА.

ГЛАВА I.

Формы поверхности и строеніе земной коры въ предѣлахъ Киргизскаго края.

А. П. Сѣдельникова.

Три главныхъ равнины края.—Западная или Прикаспійская равнина.—Общій Сыртъ, Усть-Уртъ, Мугоджары; р.р. Уралъ, Илекъ, Эмба и др.; оз. Чорхалъ и Индерское.—Южная или Арало-Балхашская равнина.—Пустыни Кара-Кумъ и Голодная степь; р.р. Сары-Су, Иргизъ, Чу; оз. Чалкаръ-Тенизъ и др.—Сѣверная или Западно-Сибирская равнина; увалы; р.р. Иртышъ, Ишимъ и Тоболъ.—Прѣсныя и горькосоленыя озера. — Арало-Иртышскій водораздѣлъ. — Ю.-З. Алтай, Сауръ и Тарбагатай; р.р. Бухтарма, Курчумъ и др.; оз. Зайсанъ и Марка-Куль.—Геологическое строеніе края: архейскія, палеозойскія, мезозойскія, неозойскія и современныя образованія (аралокаспійскія, рѣчныя и др.).—Почвы.—Ископаемыя богатства: каменный уголь, золото, серебро, желѣзныя, мѣдныя и др. руды, соль, нефть. — Минеральные источники и грязи.

Въ географическомъ отношеніи Киргизскій край изученъ еще мало, хотя минеральныя и другія богатства края привлекали вниманіе русскихъ уже при Екатеринѣ II. Но безпокойное кочевое населеніе, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія и природныя препятствія (безводныя степи и пустыни) мѣшали скорому знакомству съ краемъ. Первыя научныя свѣдѣнія по географіи края далъ извѣстный ученый путешественникъ Палласъ (1769—74). Господство въ краѣ новѣйшихъ геологическихъ образованій, масса соленыхъ озеръ и удивительно однообразный рельефъ края послужили основаніемъ его гипотезы, что край недавно (въ геологическомъ смыслѣ) былъ дномъ моря. Это предположеніе было слишкомъ смѣло для того времени (когда ученіе о смѣнѣ геологическихъ періодовъ не имѣло еще мѣста въ наукѣ). Но его доказательства были настолько убѣдительны, что гипотеза эта была принята учеными и хотя впослѣдствіи значительно видоизмѣнена, но въ основѣ своей подтвердилась новыми данными. Въ первой половинѣ XIX в. наибольшія географическія свѣдѣнія о Киргизскомъ краѣ дали: Левшинъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о Киргизъ-кайсацкихъ ордахъ и степяхъ, а также Эверсманъ, Гебель, Карелинъ и А. Гумбольдтъ въ

своемъ знаменитомъ сочиненіи „Центральная Азія“, которое дало сводку всѣхъ географическихъ свѣдѣній о странахъ Центральной Азіи, въ томъ числѣ и о всей южной полосѣ Киргизскаго края. Во второй половинѣ XIX в. экспедиціи Шренка, Миддендорфа, Влангали, Бэра и Данилевскаго, Сѣверцова и Борщова, П. П. Семенова, Голубева, К. В. Струве, Г. Н. Потанина, А. М. Никольскаго, изслѣдованія Черскаго, геологическія работы Синцова, Новаковскаго, П. Венюкова и Левинсона-Лессинга, статистико-географическія работы Бородина, этнографическія Желѣзнова и Валиханова— дали много новыхъ географическихъ свѣдѣній о разсматриваемомъ нами краѣ. Въ концѣ XIX вѣка появилось много работъ по математической и физической географіи края (измѣренія высотъ въ работахъ Лаварева, Мирошниченко, Пѣвцова, Шмидта, изслѣдованія степныхъ озеръ Игнатова и др.). Проведеніе Уральской, Оренбургской, Западно-Сибирской и въ настоящее время Оренбургско-Ташкентской желѣзныхъ дорогъ—вызвало цѣлый рядъ орографическихъ и геологическихъ изслѣдованій (напр. Никитина, Краснопольскаго и др.), которыя дали болѣе точныя свѣдѣнія о рельефѣ и геологическомъ строеніи сѣверо-восточной и западной части края, установили возрастъ отложеній, что даетъ возможность составить опредѣленное представленіе о краѣ и прослѣдить его судьбы въ различныя геологическія эпохи.

Поверхность Киргизскаго края представляетъ довольно однообразный характеръ—*равнину*, нарушенную въ немногихъ мѣстахъ небольшими горными поднятіями. Только въ восточной части она пріобрѣтаетъ характеръ горной страны, благодаря высокимъ хребтамъ Тарбагатая, Саура и Алтая.

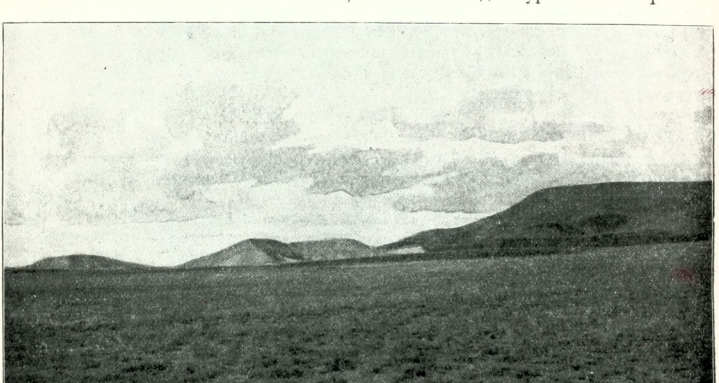
Равнины края не составляютъ, однако, одного цѣлаго; ихъ можно раздѣлить на три самостоятельныя части, раздѣленныя небольшими возвышенностями: *западную—Прикаспійскую, южную—Арало-Балхашскую и съверо-восточную—Степную Сибирскую.*

Западная или *Прикаспійская равнина* ограничена на сѣверѣ отрогами Общаго Сырта, на востокѣ—Мугоджарскими горами и сѣвернымъ Чинкомъ (окраиной Усть-Урта).

Общій Сыртъ—невысокій горный кряжъ, тянущійся отъ южнаго Урала въ ю.-з. направленіи, въ общемъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ вершинъ, весьма полого (на глазъ часто едва замѣтно) повышающійся надъ окружающими равнинами. На всемъ своемъ протяженіи онъ отдѣляетъ рядъ невысокихъ отроговъ на ю.-ю.-в., которые имѣютъ иногда довольно крутые склоны (35—45°) или обрываются оврагами. Вершины его—плоскія сопки, или *„мары“*, незначительной высоты; наиболѣе высокая изъ нихъ г. *Ичка* (160 ф. надъ уровнемъ моря).

Къ югу отроги переходятъ въ невысокое плоскогорье, которое передъ р. Ураломъ сливается съ глинистой степью. Главныя горныя породы, составляющія массивъ Общаго Сырта: песчаникъ юрской системы (на с.-в.—кварцевый бѣлый и сѣрый, идущій на жернова, а на ю.-з.— желѣзистый), известняки и мергель, переходящій мѣстами въ мѣлъ; послѣдній чередуется съ сѣроватыми и синеватыми сланцами. Богатъ Общій Сыртъ и мѣловыми отложеніями. Долины рѣкъ, текущихъ съ Общаго Сырта, заполнены отложеніями неслоистыхъ глинистыхъ породъ (лёссъ); дно рѣкъ—обломками вышеупомянутыхъ горныхъ породъ; долины—новѣйшими (аллювіальными) глинами и песками.

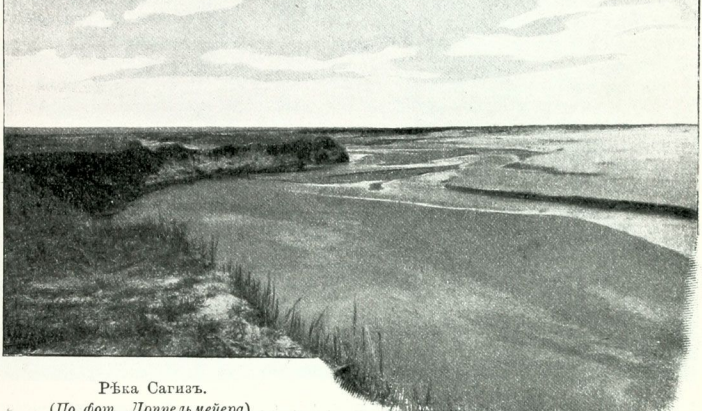
Глинистая равнина, понижаясь къ юго-западу, имѣетъ близъ г. *Уральска* 12,44 саж., высоты надъ уровнемъ океана, а южнѣе, приблизительно отъ 50° начинаетъ уже показывать *отрицательную* высоту, т. е. поверхность ея становится *ниже уровня воды въ океанѣ* (въ г. *Гурьевѣ* на 12,16 саж.). Такая низкая мѣстность занимаетъ все пространство къ югу отъ низовья рѣкъ *Уила*, *Эмбы* и *Узеней* до моря. Поверхность ея довольно ровная съ общимъ уклономъ на ю.-з., покрытая почти всюду солонцевато-мергелистымъ иломъ или песками. Близъ *Индерскаго* озера есть невысокіе гипсовые холмы пермской системы (до 185 ф. в.) окруженные образованіями юрской и мѣловой системъ (песчаники, глины, рухляки, мѣлъ), а также третичной системы (известняки). Эти гипсовые холмы изобилуютъ пустотами и пропастями, въ которыхъ цѣлое лѣто не таетъ набившійся зимой снѣгъ, и имѣютъ видъ курчавыхъ пироговъ



Гора Иманъ-Кара (Уральск. обл. Гурьевск. у.), окруженная съ сѣвера мѣловыми холмами. (*По фот. Доппельмейера*).

среди степи. Съ Индерскихъ „горъ“ открываются обширные виды на безбрежныя степи съ ихъ солончаками, широкимъ соляннымъ озеромъ и пр. Зауральская равнина или „Бухарская сторона“ къ сѣверу постепенно повышается и между оз. *Чорхаломъ* и р. *Утвой* (сѣвернѣе 50-й параллели) обращается въ холмистую страну, которая выше г. Уральска обрывается круто, иногда прямо отвѣсно къ рѣкѣ Уралу, причемъ высокіе обрывы очень живописны, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ подчасъ хорошія обнаженія коренныхъ породъ—третичныхъ, мѣловыхъ, юрскихъ и пермскихъ. Эта холмистая страна имѣетъ въ общемъ протяженіе съ с.-з. на ю.-в. На своей сѣверо-западной окраинѣ она оканчивается мѣловыми холмами *Сантасъ*, близъ сѣвернаго берега оз. Чорхала, и *Сасай* къ югу отъ озера, а на своей юго-восточной окраинѣ представляетъ сначала мѣловую возвышенность *Урундукъ*, а затѣмъ далѣе мѣловыя горы *Акчатъ-Тау*, которыя огибаетъ крутыми извилинами р. *Уилъ*. С. Н. Никитинъ

даетъ такое описаніе этой послѣдней мѣстности: „Поднявшись на высоты Урундукъ, мы увидѣли передъ собою растилающуюся на громадное протяженіе обширную, съ ясно выраженными террассами долину прихотливо извивающагося Уила, живописно окаймленнаго мѣловыми горами съ запада и сѣвера, барханною высокою грядою *Баркинъ-Кумъ* съ востока и, наконецъ, переходящую въ широкую низину на югѣ. Рѣдко въ степи можно встрѣтить мѣсто, гдѣ глазъ охватываетъ столь значительное пространство, гдѣ въ ясное утро отчетливо обрисовываются такія отдаленныя гряды, какъ снѣжно-бѣлыя скалы Акчатъ-Тау, отстоящія до 30—40 верстъ разстоянія отъ мѣста наблюденія. Тѣмъ поразительнѣе была эта картина для насъ, уже привыкшихъ къ однообразію плоскихъ степныхъ пустынь. Среди всей этой обширной перспективы



Рѣка Сагизъ.
(*По фот. Доппельмейера*).

совершенно теряется, въ видѣ крошечнаго сѣраго пятнышка, одинъ изъ двухъ единственныхъ пунктовъ осѣдлаго русскаго населенія всей зауральской степи и центра ея торговли—*Уилъ* или *Уильское* укрѣпленіе“ [1]).

Съ другой стороны отъ нижняго теченія р. Уила Прикаспійская низменность повышается и къ в.-с.-в., переходя въ холмистую равнину, заполненную невысокими горами (*Акчатъ-Тау*, *Ишкирганскія*, *Чиркала* и др.). Почва этихъ мѣстъ также большею частью солонцевато-глинистая или песчаная; рѣже—желтоватый лёссовидный суглинокъ. При этомъ измѣненіе въ почвѣ замѣчается въ двухъ направленіяхъ: съ сѣвера на югъ измѣненіе происходитъ насчетъ увеличенія песковъ (бархановъ) и щебня, а съ востока на западъ—насчетъ увеличенія соленосности почвы. Упомянутыя горы заполняютъ эту мѣстность вплоть до Мугоджаръ; состоятъ

[1]) Никитинъ. Отчетъ эксп. въ Зауральскія степи и Усть-Уртъ. 1893.

онѣ, главнымъ образомъ, изъ песчаниковъ, известняковъ и мѣла; высота ихъ незначительна (г. *Акчатъ-Тау*—664 фута, мѣловая гора *Акъ-Бута*—735 фут.).

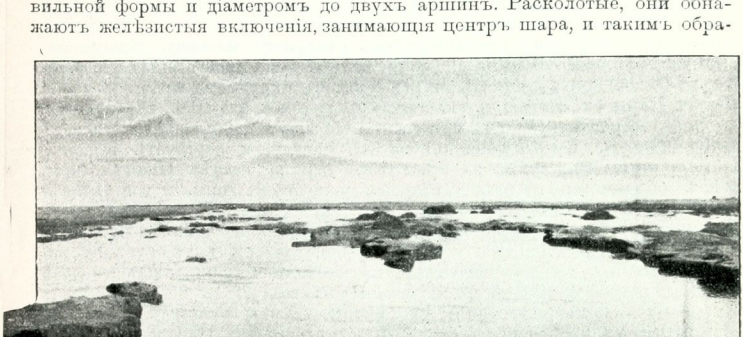
Чтобы закончить общую характеристику строенія этой части края, остановимся нѣсколько подробнѣе на описаніи степныхъ горъ *Иманъ-Кара* и *Кой-Кара* (Гурьевскаго у.).

„За много верстъ среди ровной степи, неясной черно-синей громадой виднѣется гора Иманъ-Кара. Вытянутая съ сѣвера на югъ, она напоминаетъ собою столовыя горы, съ ровной обширной площадью вмѣсто вершины и крутымъ паденіемъ во всѣ стороны. Массивъ Иманъ-Кары распадается на двѣ неровныя части: южное, болѣе низкое возвышеніе, изрѣзанное оврагами и со сравнительно пологимъ подъемомъ, отдѣляется широкимъ прорывомъ отъ сѣвернаго массива, возвышающагося приблизительно на 400 футъ надъ окружающей степью. Ослѣпительно-бѣлое полукольцо мѣловыхъ холмовъ окружаетъ мрачную массу Иманъ-Кары съ сѣвера, и, уклоняясь на востокъ, эта цѣпь соединяется, по всей вѣроятности, съ мѣловыми обрывами *Дарель-Сая*, огибаетъ озеро *Тоголой*, направляясь снова къ западу, и образуетъ высокія, причудливыя обнаженія на нѣсколько верстъ южнѣе Иманъ-Кары. Мѣлъ обнажается со всѣхъ сторонъ у подошвы горы, и вся Иманъ-Кара какъ-бы стоитъ на мѣловомъ основаніи. Ея южная часть интересна выходами гудрона, пропитывающаго песчаникъ и выступающаго, подъ вліяніемъ солнечной теплоты, въ видѣ густыхъ натековъ. Пласты содержащаго гудронъ песчаника, при мощности до 3 саженъ, непосредственно расположены на мѣлу. Съ востока Иманъ-Кара крута и мало доступна, ея склоны усѣяны обломками лимонита на самыхъ разнообразныхъ стадіяхъ вывѣтриванія. Плоская вершина горы обнажаетъ глыбы желѣзистаго песчаника. Съ юга и запада ея болѣе пологіе склоны изрѣзаны оврагами, создающими своеобразныя почвенныя, свѣтовыя и гидрологическія условія для растеній, необычныхъ въ полынной степи подножья. Интересны конусообразные холмы западныхъ склоновъ Иманъ-Кары, сложенные изъ напоминающей пепелъ, рыхлой сѣро-черной земли, перемѣшанной съ кристаллами гипса и бобовой рудой. Мрачныя краски слагающихъ гору породъ, дикіе об-

Р. Эмба. (*По фот. Доппельмейера*).

рывы и овраги, зловѣщія фигуры орловъ, парящихъ въ высотѣ, и глубокое безлюдье необъятной степи дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на путешественника, посѣщающаго вершину святой киргизской горы, и только солнце, ярко блеснувшее изъ-за тучъ и отразившееся на склонахъ бѣлаго мѣлового полукольца, охватывающаго Иманъ-Кару, скрашиваетъ это мрачное впечатлѣніе.

Западнѣе Иманъ-Кары располагается гора *Кой-Кара:* простираясь съ запада на востокъ, она круто падаетъ къ югу и полого понижается къ сѣверу. Южный склонъ ея сложенъ изъ сѣраго песчаника, нерѣдко пропитаннаго желѣзомъ. Попадаются шары песчаника, замѣчательно правильной формы и діаметромъ до двухъ аршинъ. Расколотые, они обнажаютъ желѣзистыя включенія, занимающія центръ шара, и такимъ обра-



Пороги р. Эмбы у Тузъ-Мечети. (*По фот. Доппельмейра*).

зомъ представляютъ собою конкреціи. У подножья горы находятся округлые куски сцементованнаго песка, которые оказываются полыми и заключаютъ черно-сѣрый порошокъ. На вершинѣ находятся скопленія желѣзистаго песчаника, расположенныя правильными кругами, напоминающими конусы потухшихъ сопокъ". (Доппельмейеръ). Желѣзистые песчаники заключаютъ въ себѣ мезозойскія окаменѣлости, напр., белемниты. Повидимому это размытые и вывѣтрившіеся затѣмъ остатки толщи мезозойскихъ породъ.

Мугоджарскія горы представляютъ восточную границу Прикаспійской низменности. Онѣ тянутся съ сѣвера на ю. и ю.-з., служа продолженіемъ Уральскаго хребта, причемъ въ южной своей части раздѣляются на двѣ гряды—западную и восточную. Послѣднія не представляютъ сплошной цѣпи горъ, но раздѣлены котловинами; тѣмъ не менѣе со стороны рельефа онѣ представляютъ больше разнообразія, чѣмъ всѣ окружающія горы; склоны ихъ часто обрывисты, а вершины—острыя

скалистыя сопки или гребни. Сильное разрушеніе породъ говоритъ за то, что эти горы весьма древняго происхожденія. Высшая точка горъ—вершина *Айрюкъ* (1.890 фут. при средней высотѣ горъ въ 840—980 фут.) На югъ Мугоджары кончаются обрывисто, не доходя до Чинка (сѣверной окраины Усть-Урта). Главныя породы, составляющія ихъ массивъ,—гранитъ, діоритъ, сіенитъ, порфиръ, древніе вулканическіе туфы и кристаллическіе сланцы, рѣже яшмы, фельзитъ и діабазъ—представляютъ собою изверженныя породы архейской и палеозойской эры, окруженныя осадочными образованіями девонской (известнякъ) и мѣловой системъ (песчаникъ и мѣлъ). Девонскіе известняки особенно хорошо развиты въ окрестностяхъ г. Айрюка по обоимъ склонамъ Мугоджаръ. Съ южнымъ обрывомъ горъ прекращается господство описанныхъ выше породъ, и къ Усть-Урту равнина покрыта новѣйшими осадочными породами—глинами и песками.

Усть-Уртъ составляетъ ю.-в. границу Прикаспійской равнины; онъ тянется отъ береговъ Каспійскаго моря, сначала въ с.-в направленіи, а затѣмъ (передъ Мугоджарами) поворачиваетъ на ю.-в.—къ Аральскому морю. Граница его съ равниной выражена весьма рѣзко—въ видѣ высокаго (до 490 фут. надъ уровнемъ Каспійскаго моря), обрывистаго берега, весьма извилистаго и мало доступнаго (за исключеніемъ нѣсколькихъ логовъ, гдѣ проложены дороги); этотъ обрывистый край Усть-Урта извѣстенъ подъ именемъ *Чинка* и состоитъ главнымъ образомъ изъ породъ третичной системы съ мѣловыми въ своемъ основаніи. Позволимъ себѣ привести здѣсь слѣдующую характеристику этого своеобразнаго обрыва, сдѣланную Никитинымъ: „Еще верстъ за сорокъ недоѣзжая Усть-Урта передъ нами уже началъ вырисовываться рельефъ его сѣверныхъ вертикальныхъ обрывовъ или Чинка, сплошной стѣной возвышавшихся саженъ на 80 надъ разстилающейся у подножія его широкой долиной Чегана. Отъ Арала до Каспія обрывы эти имѣютъ совершенно одинаковое геологическое строеніе изъ вполнѣ горизонтально напластованной смѣны породъ, раскрывая передъ нами строеніе самого Усть-Урта. Строеніе это обусловливаетъ собою какъ прихотливое очертаніе Чинка, трудную его доступность, такъ и распредѣленіе водоносныхъ горизонтовъ Усть-Урта. На поверхности Усть-Урта, до самыхъ его сѣверныхъ обрывовъ, подъ ничтожнымъ покровомъ почвы, а нерѣдко и вовсе безъ этого покрова мы видимъ плитные плотные известняки, переходящіе внизъ въ болѣе глинистыя и мергелистыя, непропускающія воду, породы. Общая толщина этой известняковой толщи колеблется въ разныхъ мѣстахъ между 20—10 саженями. Подъ известняками слѣдуетъ песчаная свита породъ съ небольшими прослойками рыхлыхъ желѣзистыхъ и глинистыхъ песчаниковъ, всего 20—26 саженъ. Вся остальная высота обрывовъ и основаніе Чинка заняты сѣрыми глинами, мергелями съ выдѣленіями гипса и другихъ сѣрнокислыхъ солей. Такое строеніе, преобладаніе плотныхъ каменистыхъ массъ въ верхнихъ слояхъ обрывовъ и легкая разрушаемость средней песчаной толщи, обусловливаетъ частые обвалы и оползни отдѣльныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ известковыхъ скалъ. Весенніе воды подтачиваютъ и глубоко изъязвляютъ вертикальные обрывы, врѣзываясь въ нихъ промоинами и оврагами по разнымъ направленіямъ, между тѣмъ какъ недостатокъ дождей, обыкновенно въ странахъ съ обильными осадками нивел-

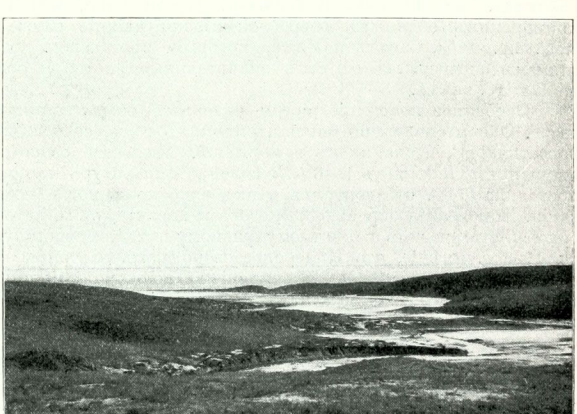
лирующихъ и сглаживающихъ очертанія неровностей, здѣсь, какъ и во всякой другой сухой странѣ, ведетъ къ замѣчательному сохраненію всѣхъ рѣзкостей рельефа; обрывы Чинка разрѣзаются все болѣе и болѣе вѣтвящимися во всѣ стороны глубокими оврагами, но стѣны этихъ овраговъ, пока на вершинахъ ихъ цѣлы известняки, сохраняютъ почти вертикальныя, неприступныя очертанія. На картѣ сколько-нибудь значительнаго масштаба получается крайне прихотливый, изрѣзанно-зубчатый рисунокъ, но самъ Чинкъ остается въ большей части своего простиранія вертикальною, неприступною стѣною. Только въ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ известковые пласты по большей части разрушены и унесены водою, гдѣ на значительныхъ площадяхъ обнажаются подлежащіе песчаные горизонты, склоны принимаютъ болѣе мягкіе и пологіе изгибы, не подвергаются болѣе обваламъ и оползнямъ и становятся болѣе доступными для подъема. Глубоко вдавшихся въ Чинкъ овраговъ, впрочемъ, немного, а такіе какъ Аще-Айрыкъ, идущіе на 15—18 верстъ вглубь Усть-Урта, и совсѣмъ представляютъ рѣдкія исключенія; отсюда и трудная доступность Чинка".

Таковъ рельефъ и строеніе западной части Киргизскаго края. Какъ видимъ, они довольно однообразны и лишены рѣзкихъ очертаній; всхолменная с.-в. часть не нарушаетъ общаго равниннаго характера.

Въ тѣсной зависимости отъ указаннаго рельефа находится и гидрографія этой части Киргизскаго края. Сѣверо-восточная, возвышенная часть имѣетъ достаточное орошеніе: здѣсь протекаетъ главная водная артерія этихъ мѣстъ—р. *Уралъ* съ многочисленными притоками въ своемъ среднемъ теченіи (между Оренбургомъ и Уральскомъ). Съ правой стороны болѣе значительные изъ нихъ *Чаганъ* и *Иртекъ*—вытекаютъ изъ южныхъ отроговъ общаго Сырта, съ лѣвой — *Илекъ* беретъ начало въ западныхъ отрогахъ Мугоджара, *Утва*—беретъ начало и протекаетъ въ крутыхъ берегахъ въ вышеупомянутой холмистой мѣстности между оз. Чарханомъ и верховьями р. Уила. Юго-западная, низменная часть орошена бѣднѣе; особенно замѣчается недостатокъ въ прѣсной водѣ, такъ какъ, кромѣ р. Урала, здѣсь нѣтъ прѣсныхъ проточныхъ водъ. Довольно значительныя рѣки *Уилъ*, *Сагизъ* и *Эмба* (берущія свое начало изъ с.-в. возвышенностей)—лѣтомъ имѣютъ большею частью солоноватую или даже горько-соленую воду. Часто встрѣчающееся здѣся названіе *Аще* (по киргизски — горькій) указываетъ именно на эту особенность. Наименьшею соленостью обладаетъ Уилъ, по берегамъ котораго есть хорошія пастбища. Р. Сагизъ часто дѣлаетъ крутые повороты и образуетъ много рукавовъ. Весной эта рѣка не выходитъ изъ своихъ крутыхъ береговъ даже во время наибольшихъ половодій; эта рѣка наиболѣе солона. Берега Сагиза имѣютъ настолько сильный солончаковый характеръ, что близъ Сагиза нельзя добыть прѣсной воды даже въ колодцахъ. Р. Эмба менѣе солона, чѣмъ Сагизъ. Эмба, текущая въ своемъ верхнемъ и среднемъ теченіи среди холмистой страны и нерѣдко имѣющая крутые берега, отъ урочища *Кандарала* вступаетъ въ равнину. Здѣсь (отъ урочища *Бокачей*), на протяженіи 80—90 в. до устья, она имѣетъ крайне прихотливое теченіе, но только въ весеннее время. Въ сухое же время года она уже, начиная отъ Кандарала разбивается на отдѣльныя лужи стоячей, солоноватой, тухлой воды. Многочисленныя русла Эмбы здѣсь

крайне непостоянны и безпрестанно превращаются въ сухіе, заросшіе овраги. Эти овраги нерѣдко имѣютъ каменистое дно, и когда, во время высокой воды, по нимъ протекаетъ Эмба, то она имѣетъ здѣсь видъ порожистой рѣки, что̀ и видно изъ прилагаемаго рисунка (стр. 6). Отъ низовьевъ Эмбы по направленію къ Чинку Усть-Урта тянется равнина съ любопытными образованіями, называемыми *такырами*. Это ровныя площади краснаго цвѣта, частью голыя, частью заросшія солянками; онѣ состоятъ изъ весьма плотной, непроницаемой для воды глины.

Бо̀льшая часть остальныхъ рѣчекъ Уральской области — также горькосоленыя или имѣютъ годную для питья воду лишь весной и раннимъ лѣтомъ, такъ что ихъ значеніе сводится только къ орошенію, благодаря которому среди безплодныхъ глинистыхъ мѣстъ появляется довольно хорошая растительность (таковы *Дюринскіе, Чижинскіе* и *Балыхтинскіе* разливы). Прѣсную воду можно достать только въ колодцахъ и „копаняхъ“ (на небольшой глубинѣ, часто въ 2—3 арш.). Но насколько бѣдна эта часть прѣсной водой—настолько она богата горько-соленой и соленой. Не говоря уже о вышеупомянутыхъ степныхъ рѣкахъ (къ которымъ надо отнести двѣ довольно значительныя рѣки внутренняго бассейна *Б. Узень* и *Кушумъ*), имѣющихъ горько-соленую воду,—здѣсь находится масса соленыхъ и горько-соленыхъ озеръ. По характеру расположенія, ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: спорадически разбросанныя и групповыя. Первыя расположены въ с.-с.-в. части и отличаются слабымъ присутствіемъ солей; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. *Чорхалъ* (*Челкаръ*), *Камышъ-Самарскія* и *Рыбный Сакрылъ* — изобилуютъ рыбой. Вторыя—сосредоточены въ южной, приморской части равнины и отличаются какъ количествомъ соляного раствора, такъ и качествомъ соли. Наиболѣе значительныя изъ нихъ: *Кара-Батина* (2½ вер. длины, 1 вер. ширины), на которомъ соляной растворъ („рапа“) достигаетъ 2½ верш. толщины; соль, бѣлая и довольно чистая, служитъ главнымъ источникомъ добычи у жителей



Индерское озеро съ западнаго берега.

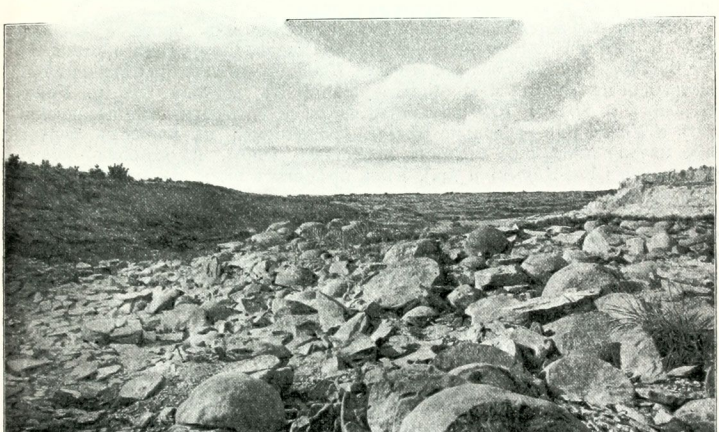
г. Гурьева. Изъ другихъ соленыхъ озеръ здѣсь можно отмѣтить: *Усть-Кемпиръ*, *Искене* (8 вер. длины, 1½ вер. ширины) съ очень хорошей солью, пласты которой достигаютъ 15 верш. толщины), *Кара-Баспакъ*, *Чамбаръ*, *Акъ-Кызъ* и др. На нѣкоторыхъ приморскихъ соленыхъ озерахъ можно наблюдать исторію ихъ образованія, т. е. возникновеніе изъ морскихъ неглубокихъ заливовъ („ильменей“), которые съ теченіемъ времени обособлялись отъ моря (по мѣрѣ его отступанія), благодаря чему въ нихъ происходило усиленное испареніе воды и сгущеніе солей; получались сначала солонцеватыя грязи („соры“), а потомъ соляныя озера (на берегахъ ихъ можно часто встрѣчать створки раковинъ Cardium и Dreyssena, живущихъ и теперь въ Каспійскомъ морѣ). Переходы ильменей въ соры, а послѣднихъ въ солончаки и соленыя озера—можно ясно наблюдать на *Телюгенѣ* и *Тентякѣ*. Несомнѣнно, что на образованіе приморскихъ соляныхъ озеръ оказывали вліяніе также и выходящія сюда р.р. Эмба, Сагизъ и Уилъ, которыя протекаютъ по соленоснымъ глинамъ и содержатъ въ себѣ значительные растворы солей, большей частью горькихъ.

Особенное положеніе среди соленыхъ озеръ занимаетъ *Индерское* озеро. Оно расположено близъ невысокихъ горъ, состоящихъ изъ гипса, известняковъ, песчаниковъ и мергелей. Питается озеро десятью соляными источниками (съ 4—6¹/₄% солей), температура которыхъ довольно постоянна (11°), что̀ говоритъ о ихъ глубокомъ подземномъ происхожденіи. Топографія окрестностей озера и характеръ его источниковъ дали основаніе высказать извѣстному ученому путешественнику Палласу еще въ 1769 г. мнѣніе, что Индерское озеро (какъ Эльтонское и Баскунчакское)—обязано своимъ происхожденіемъ штокамъ каменной соли, залегающимъ въ нѣдрахъ земли, черезъ которые проходятъ источники, выносящіе соль на поверхность. Во всякомъ случаѣ въ образованіяхъ соли на этомъ озерѣ значительное участіе принимали и принимаютъ соленосные ключи, впадающіе въ него. Въ химическомъ отношеніи индерскую соль нужно отнести къ лучшимъ въ Россіи; она заключаетъ въ себѣ хлористаго натрія (Na Cl)—98%, а хлористаго магнія, кальція и сѣрно-кислой извести только слѣды [1]). Запасы соли въ озерѣ громадны (не менѣе 30 милліардовъ пудовъ); пласты ея простираются не болѣе, чѣмъ на 2 саж. въ глубину (съ небольшими прослойками глины). Рапа („тузлукъ“) бываетъ на озерѣ весной и осенью: лѣтомъ она до того сгущается, что перегоняется вѣтромъ отъ одного берега къ другому, обнажая остальныя мѣста, гдѣ и производится добыча соли.

Такимъ образомъ, въ юго-западной (равнинной) части преобладаютъ соленыя и горько-соленыя озера; исключеніе изъ этого составляетъ единственная прѣсноводная рѣка—Уралъ (среднее и нижнее теченіе), притомъ лишенный въ нижнемъ своемъ теченіи притоковъ. *Уралъ* (прежній *Яикъ*) имѣетъ громадное значеніе для населенія края, а поэтому мы остановимся на его описаніи нѣсколько подробнѣе. Свое начало р. Уралъ беретъ внѣ предѣловъ края и вступаетъ въ него уже довольно значительной рѣкой. Выше г. Уральска ширина его колеблется отъ 15 до 97 саж., при глубинѣ отъ 3 четвертей до 6 саж., а ниже—становится

[1]) По анализамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, хлористаго калія (KCl) въ ней до 2%, т. е. больше, чѣмъ въ морской водѣ.

еще шире и глубже. Весьма быстро протекая по рыхлому, глинисто-песчаному грунту, рѣка часто мѣняетъ свое русло, образуя много „старицъ", проточныхъ, или, съ теченіемъ времени, замкнутыхъ и образующихъ луговыя озера. Благодаря этому, многія казачьи селенія, стоявшія нѣкогда на рѣкѣ, оказались теперь на старицахъ. Обыкновенно (въ особенности выше г. Уральска) лѣвый берегъ рѣки, такъ называемая „Бухарская сторона", имѣетъ яры, правый—отмели или луга. Долина рѣки достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 15 вер. ширины и въ верхнемъ и среднемъ теченіи занята лугами, а между Уральскомъ и устьемъ Илека и богатымъ пойменнымъ лѣсомъ (уремой), въ нижнемъ же—болотами.



Высохшее русло рѣчки Кайнаръ. (*По фот. Доппельмейера*).

Въ половодье луга заливаются водой, особенно въ низовой части рѣки, гдѣ между пос. *Карамановскимъ* и г. *Гурьевымъ* (на разстояніи почти 100 вер.), сообщеніе можетъ производиться въ это время только на лодкахъ. Притоками Уралъ богатъ только въ верхнемъ и среднемъ теченіи (гдѣ мѣстность холмистая), а въ нижнемъ (гдѣ мѣстность—отрицательная равнина)—совершенно лишенъ ихъ. Передъ впаденіемъ въ море рѣка образуетъ большую дельту, нѣкогда прорѣзанную многими рукавами; во время Палласа (1769 г.) ихъ было 19, а теперь осталось два—*Яицкій* и *Золотинскій*, имѣющіе при выходѣ въ море незначительную глубину (до 2—3 фут.); кромѣ того, есть еще два незначительныхъ протока—*Бухарка* и *Перетаскъ*. Значеніе Урала для мѣстнаго населенія очень велико, благодаря обилію цѣнной рыбы; какъ въ Россіи Волга воспѣта населеніемъ „матушкой" и „кормилицей", такъ и въ приураль-

скихъ бытовыхъ пѣсняхъ немало отведено мѣста „Яикушкѣ—сыну Горыновичу“, „золотому донышку“, съ „серебрянымъ краешкомъ“.

Южная часть Киргизскаго края омывается здѣсь *Каспійскимъ* моремъ, но она не представляетъ особеннаго интереса, такъ какъ берега его лишены рѣзкихъ очертаній, низменны и такъ отлоги, что незамѣтно сливаются съ горизонтомъ водъ. Глубокихъ заливовъ („култуковъ“), равно какъ и высокихъ мысовъ и косъ здѣсь совершенно нѣтъ. Воды настолько мелки, что на разстояніи 5—7 вер. отъ берега глубина ихъ не достигаетъ сажени; болѣе глубокія мѣста находятся передъ устьями Урала (до 2—6 ф. глубины). Бо́льшая часть другихъ заливовъ или заросли камышемъ съ небольшими открытыми мѣстами („рѣделями“), или представляютъ полузамкнутыя озера („прораны“ и „ильмени“) съ илисто-солончаковымъ дномъ.

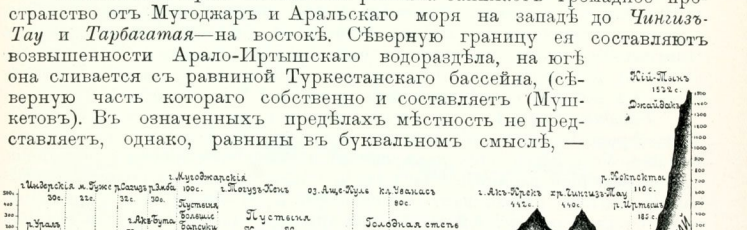
Что-же касается орошенія возвышенностей с.-в. части Уральской области, то болѣе богато орошены отроги Общаго Сырта (гдѣ протекаютъ *Чеганъ, Рубежная, Ембулатовка, Иртекъ, Кинделя*—небольшія рѣки и рѣчки, впадающія въ Уралъ) и холмистыя мѣста къ востоку отъ р. Урала (бассейнъ р. *Илека*). Юго-восточная часть, т. е. отроги Мугоджарскихъ горъ и Усть-Уртъ—довольно бѣдны орошеніемъ; на первыхъ берутъ свое начало нѣсколько мелкихъ притоковъ Эмбы, на второмъ, кромѣ родниковъ (*Аще-Айрыкъ* и др.), нѣтъ прѣсныхъ водъ. Зато много здѣсь соленыхъ и горько-соленыхъ озеръ. Изъ нихъ въ Мугоджарскихъ горахъ болѣе значительны: *Чушка-Куль* и *Кошкара-Ата*, а на Усть-Уртѣ: *Самъ, Асмантай-Матай* и *Чумышты-Куль*. Каменистое и глинисто-песчаное плоскогорье Усть-Урта было-бы совершенной пустыней, если-бъ не присутствіе хорошей прѣсной воды въ верхнихъ слояхъ (среди известняковъ), что́ даетъ возможность получить ее безъ труда; много колодцевъ вырыто по двумъ караваннымъ дорогамъ (замѣчено, что на большей глубинѣ воды хотя и больше, но она становится горько-соленой.)

Всѣ вышеупомянутыя рѣки края принадлежатъ къ внутреннему (Каспійскому) бассейну; направленіе ихъ строго подчинено описанному рельефу, т. е. всѣ онѣ текутъ съ с.-с.-в. на ю.-ю.-з. Мугоджары и Общій Сыртъ служатъ водораздѣломъ этого бассейна съ сосѣдними: Арало-Иртышскимъ и собственно Волжскимъ.

Заканчивая орографическое описаніе Прикаспійской равнины, нельзя не остановиться нѣсколько подробнѣе на типичной для Уральской степи рѣчкѣ *Кайнаръ*. „Рѣчка Кайнаръ—одно изъ самыхъ интересныхъ въ геологическомъ отношеніи мѣстъ уральской степи. Хотя въ половинѣ іюля русло ея обыкновенно сухо, и только мѣстами остаются лужи прѣсной воды, но сухое русло представляетъ грандіозное и интересное зрѣлище... Вблизи урочища *Кайнаръ-Ушакъ* рѣчка, до тѣхъ поръ стѣсненная отвѣсными стѣнами береговъ, вырывается на свободу и, разливаясь въ песчанистой равнинѣ, отлагаетъ на днѣ тотъ матеріалъ, который со страшной силой она передвигала въ тѣсninѣ. Круглые, точно выточенные шары песчаника, перемѣшанные съ неправильными обломками той-же породы, загромождаютъ на сотни шаговъ русло рѣки. Трудно представить силу теченія, способнаго переносить эти глыбы камня, и нарисовать картину половодья на этой рѣчкѣ. Она должна образовать потокъ клокочущей пѣны и въ полной мѣрѣ оправдать киргизское на-

званіе Кайнаръ, что значитъ „кипящая". На урочищѣ *Телюгень-Ушакъ* мощный наклонный пластъ песчаника, пропитаннаго гудрономъ, образуя порогъ, перегораживаетъ русло рѣки. По рѣкѣ обнажается синяя глина, мѣлъ и гудронный песчаникъ. Эта порода обнажается во многихъ мѣстахъ урочища, и ей по всей вѣроятности обязаны своимъ происхожденіемъ обломки песчаника каменнаго поля Кайнаръ-Ушакъ. Мѣстами берега сложены изъ пеплообразной массы съ кристаллами гипса, напоминающей холмы западной части ИманъКара. Оригинальный колоритъ придаютъ мѣстности холмы красной земли и обнаженія плотной породы свѣтло-краснаго цвѣта. Дно рѣки усѣяно гальками, белемнитами и раковинами верхняго мѣла; попадаются обломки окаменѣлаго дерева до метра длины. Ниже порога, подъ крутымъ берегомъ чернѣютъ наплывы гудрона". (Доппельмейеръ).

Южная или *Арало-Балхашская* равнина занимаетъ громадное пространство отъ Мугоджаръ и Аральскаго моря на западѣ до *Чингизъ-Тау* и *Тарбагатая*—на востокѣ. Сѣверную границу ея составляютъ возвышенности Арало-Иртышскаго водораздѣла, на югѣ она сливается съ равниной Туркестанскаго бассейна, (сѣверную часть котораго собственно и составляетъ (Мушкетовъ). Въ означенныхъ предѣлахъ мѣстность не представляетъ, однако, равнины въ буквальномъ смыслѣ, —



Схематическій профиль Киргизскаго края съ з. на в. Сост. А. Сѣдельниковъ.

такъ какъ она всхолмлена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшими горами; кромѣ того имѣются небольшія плоскогорья и низины (ниже уровня воды въ океанѣ). Тѣмъ не менѣе такія мѣста не нарушаютъ общаго равниннаго характера этой части края, такъ какъ слишкомъ незначительны въ сравненіи съ ея величиной.

Западная часть Арало-Балхашской равнины имѣетъ однообразный рельефъ; здѣсь тянется рядъ невысокихъ гранитныхъ площадей, среди которыхъ выдаются небольшія поднятія (сопки) изъ темно-зеленыхъ сланцевъ, рѣже—діоритовъ и яшмъ; мѣстами они смѣняются площадями рухляковъ и обнаженіями песчаниковъ также незначительной высоты. Такая мѣстность занимаетъ пространство отъ сѣвернаго берега Аральскаго моря до границы съ Оренбургской губ. Значительныхъ возвышенностей здѣсь нѣтъ. Наиболѣе низкая мѣстность лежитъ къ юго-востоку отъ Мугоджаръ: это—песчаная пустыня *Большіе Барсуки*.

Въ среднемъ теченіи Иргиза возвышенности начинаютъ сглаживаться, а вся мѣстность—понижаться и наконецъ въ низовьяхъ Иргиза и близъ озеръ *Чалкаръ-Тенизъ*, *Мельде-Куль* и *Дурункча*—образуетъ громадную впадину. Направленіе послѣдней почти совпадаетъ съ долиной Иргиза, т. е. идетъ съ сѣвера на югъ. Ширина ея не вездѣ одинакова: въ сѣверной части (отъ водораздѣла р. Тобола) она довольно

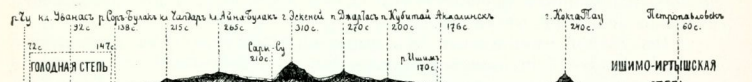
широка (около 200 вер.), передъ г. Иргизомъ—уже, а къ югу снова расширяется, образуя рядъ пустынь (*Кара-Кумъ, Арысь-Кумъ* и др.), которыя переходятъ далѣе въ пустыню *отрицательной* высоты (до 19 с. ниже уровня океана—*Кызылъ-Кумъ*). На востокъ она тянется до р. *Сары-Су*, за которой снова повышается. На сѣверѣ ее ограничиваетъ рядъ невысокихъ горъ съ центральными, болѣе возвышенными горами (*Джиланчикъ и Улу-Тау* 3.730 ф.). Поверхность низины представляетъ однообразную, волнистую равнину, покрытую кварцевымъ пескомъ и мергелемъ; мѣстами (близъ горъ) она хрящевата или обнажаетъ выходы песчаниковъ.

Къ востоку отъ р. *Сары-Су* уровень равнины (Голодная степь) повышается и такъ тянется до отроговъ *Чингизъ-Тау* и *Тарбагатая*. Прибалхашская ея часть прорѣзана съ сѣвера на югъ невысокими хребтами; болѣе значительные изъ нихъ *Кызылъ-Рай* (4.613 ф.), *Акъ-Крекъ* (3.090 ф.) съ южными отрогами; менѣе значительны: *Кызылъ-Тасъ*, *Сары-Кульджа*, сопки *Кой-Багаръ*, *Акча-Адыръ*, *Джиренъ-Суазъ* и др.; передъ Чингизъ-Тау снова растилается однообразная равнина. Наибольшаго вниманія изо всей Арало-Балхашской равнины заслуживаетъ Голодная степь, въ которой совмѣщены всѣ характерныя черты этихъ мѣстъ.

Голодная степь (по киргизски *Бедъ-Пакъ-Дала*) занимаетъ бо́льшую часть Арало-Балхашской равнины (до 70.000 кв. вер.) и отчасти напоминаетъ Усть-Уртъ, такъ-какъ является плоскогорьемъ по отношенію къ окружающей равнинѣ. Сѣверная и сѣверо-западная граница ея выражена такъ-же рѣзко, какъ Чинкъ Усть-Урта,—крутой, съ причудливыми очертаніями стѣной въ 30 саж. высоты; сѣверо-восточная граница выражена не такъ рѣзко, благодаря приподнятому уровню самой равнины и присутствію холмовъ и горъ. Наиболѣе возвышенная часть Голодной степи—сѣверная (до 1.835 ф. надъ уровнемъ моря); къ югу она понижается и на границѣ края (р. *Чу*) имѣетъ только около 500 ф. Поверхность степи—неровная; она прорѣзана многими оврагами и усѣяна невысокими холмами; послѣдніе представляютъ, обыкновенно, голыя обнаженія гранита и сланцевъ, или „*корумы*“—розсыпь изъ обломковъ разрушенныхъ породъ; дно и склоны овраговъ покрыты щебнемъ и пескомъ; иногда на днѣ ихъ залегаютъ солонцовыя глины. Кромѣ того большую роль играютъ здѣсь неподвижные песчаные *холмы* (*джитъ-конуры*), которые заполняютъ среднюю часть степи (до 800 кв. в.), и *подвижные пески* (*барханы, кумы*), которые особенно распространены въ ю. и ю.-з. части (*Моюнъ-Кумъ*—до 1.000 кв. и *Курманынъ-Кумъ*—около 7 тыс. кв. в.). Немало разбросано по Голодной степи и солончаковъ, отъ небольшихъ и слабо-выраженныхъ до громадныхъ (до 300 кв. в.), покрытыхъ крупными кристаллами солей, толща которыхъ достигаетъ до 3 вершковъ. (*Тамгала-Соръ, Добусанъ-Тузъ* и др.). Въ Голодной степи ярко выражены, хотя и въ миніатюрѣ, всѣ характерныя черты Арало-Балхашскихъ равнинъ (пустынь), только нѣтъ одного:—суглинистой степной почвы, какъ нѣтъ здѣсь рѣсныхъ проточныхъ водъ и густого покрова растительности; слабые признаки такой почвы можно встрѣтить только вокругъ колодцевъ, гдѣ останавливаются стада животныхъ, пометъ которыхъ способствовалъ образованію гумуса въ почвѣ. Если ко всему этому добавить скудный растительный покровъ, выраженный жалкими, чахлыми полынями, уродливыми кустами кокъ-пека, баялыча и осо-

бэнно саксаула (заросли котораго замѣняютъ здѣсь лѣса) и мертвый покровъ солончаковъ,—то предъ нами будетъ полная картина Голодной степи, картина унылая и безжизненная. Недаромъ киргизы называютъ ее „голодной“ и „проклятой“. Голыя скалы и горы, мертвыя долины, сыпучіе пески, соленыя озера и безжизненные лѣса саксаула—оказываютъ удручающее впечатлѣніе даже на кочевниковъ, которыхъ нужда заставляетъ проходить ее два раза въ годъ. „Ангелъ смерти пролетѣлъ здѣсь“,—такъ объясняетъ себѣ умъ инородца мертвый ландшафтъ Голодной степи.

Мѣстность между *Мугоджарскими* горами и *Сары-Су* представляетъ однообразную низкую равнину, бо́льшую часть которой занимаетъ пустыня *Кара-Кумъ*; восточная часть этой мѣстности волнистая, съ ложбинами, тянущимися отъ с.-в. къ ю.-з.; по нѣкоторымъ изъ нихъ текутъ степныя рѣчки, но многія совершенно сухи. Поверхность занята главнымъ образомъ песками (*дюнами* и *барханами*), или солонцовыми глинами; только по долинамъ рѣкъ и въ ложбинахъ встрѣчаются суглинистая и луговая почвы или наблюдаются невысокіе выходы древ-



Схематическій профиль Киргизскаго края съ с. на ю. Сост. А. Сѣдельниковъ.

нихъ породъ (песчаниковъ, сланцевъ, гранита). Большое развитіе здѣсь дюнъ и бархановъ говоритъ за то, что образованію ихъ весьма благопріятствуютъ мѣстныя геологическія, климатическія, петрографическія и др. условія. Что касается рельефа восточной части этой равнины, т. е. собственно *Прибалхашской*, то онъ въ многомъ напоминаетъ Голодную степь; здѣсь также сѣверная часть гориста и болѣе возвышенна и, какъ было уже замѣчено, прорѣзана съ сѣвера на югъ рядомъ невысокихъ холмовъ. Въ южной части есть небольшіе пески *Сары-Кумъ*, но господствуютъ глинисто-солонцовыя и каменистыя мѣста. Такимъ образомъ, если забыть о Мугоджарахъ и соединить Прикаспійскую низменность съ Арало-Балхашской, то передъ нами раскинется громадная (въ $2^1/_2$ тыс. вер. длины и до 350 вер. шир.) волнистая равнина съ тремя главными склонами: къ Каспійскому морю, Аральскому и Балхашу. Топографическій характеръ этихъ трехъ мѣстностей отличается удивительнымъ однообразіемъ; ихъ рельефъ въ миніатюрѣ повторяетъ всѣ характерныя черты, выраженныя въ громадныхъ размѣрахъ всей равниной, почему и ландшафты здѣсь дѣйствуютъ на путника гнетущимъ образомъ. Втеченіе цѣлой недѣли ѣзды встрѣчается все одно и то же: пески, глины, солонцы, голые холмы и все это до того похоже въ разныхъ мѣстахъ, что, кажется, ѣдешь по одному мѣсту. „Волнистая равнина, бурая или красноватая, понижающаяся и повышающаяся, то незамѣтно, то крутыми террассами, мѣстами усѣянная дикими, мрачными утесами, или ровная низменность съ рыхлыми сѣ-

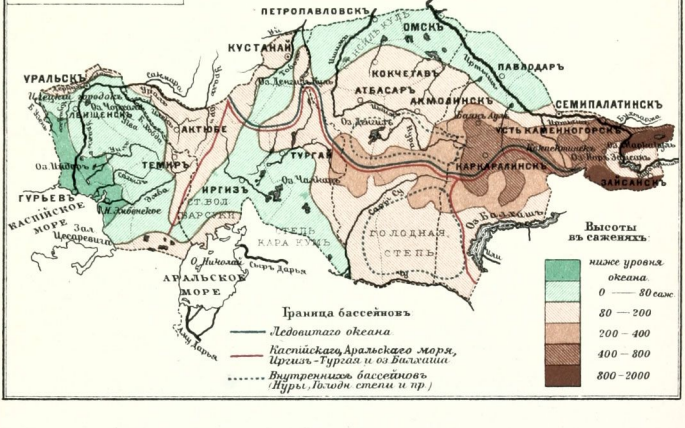
рыми почвами, пропитанными морскими солями, изобилующая солеными озерами и грязями, кое-гдѣ прерванная ослѣпительной бѣлизны мѣловыми островками, или наконецъ цѣлыя горы раскаленнаго песка, поднимающагося параллельными грядами, какъ волны безконечнаго моря—вотъ ландшафты края. Даже весной они производятъ грустное впечатлѣніе своимъ мертвымъ видомъ; но лѣтомъ, когда почва раскалена, горячій воздухъ дрожитъ и колеблется, обманывая путника тысячами явленій миража, ежеминутно измѣняясь, когда не видно почти ни одного живого существа, не слышно живого звука—тогда чувство какой то безграничной томительной тоски, имъ производимое—невыразимо". (Борщовъ). Но песчаныя пустыни (какъ Кара-Кумъ) вмѣстѣ съ тѣмъ и небезопасны для путника: горе, если застанетъ его буря. Пустыня тогда оживаетъ и дѣлается страшной. Какъ на морѣ порывы вѣтра вздымаютъ волны и тучи брызгъ, такъ и здѣсь—они несутъ за собой тучи песка и гонятъ передъ собой песчаныя волны—барханы; все, что ни встрѣтится на пути—замывается пескомъ, а волны ползутъ все впередъ и впередъ; снова засыпаютъ и снова ползутъ, пока не утихнетъ вѣтеръ. Воздухъ до того наполняется пескомъ, что свѣтъ мутнѣетъ, и все принимаетъ какой-то зловѣщій оттѣнокъ.

Въ тѣсной зависимости отъ вышеописаннаго рельефа находится и *орошеніе* Арало-Балхашской равнины. Въ гидрографическомъ отношеніи ее можно раздѣлить на четыре бассейна: бассейнъ *Сары-Су—Тили-Куль* (89.164 кв. в.), *Иргиза—Чалкаръ-Тениза—Сары-Кола—Тургая* (150.049 кв. в.)—*Голодной степи* и *Прибалхашскій*. Южная полоса ея, какъ болѣе низкая, песчаная и лишенная возвышенностей, не имѣетъ (въ предѣлахъ края) почти совсѣмъ проточныхъ водъ; сѣверная, возвышенная—орошена лучше, хотя также лишена значительныхъ рѣкъ. Равнина прорѣзана двумя рѣками, которыя являются вмѣстѣ съ тѣмъ и главными водными артеріями; это — *Иргизъ* въ сѣверо-западнойчасти и *Сары-Су* въ собственно Арало-Балхашской. *Иргизъ* (450 в. дл., 20 саж. ш.) беретъ свое начало на водораздѣлѣ Аральскаго и Уральскаго бассейна, въ ю.-в. отрогахъ Южнаго Урала. Долина его пролегаетъ по западной части описанной выше ложбины, близъ холмовъ; благодаря этому съ правой стороны въ него впадаетъ много притоковъ, съ лѣвой-же (со стороны равнины)—онъ лишенъ ихъ. Въ нижнемъ теченіи рѣка проходитъ систему озеръ и впадаетъ въ большое озеро *Чалкаръ-Тенизъ*. Берега рѣки—глинисто-песчаные. Изрѣдка наблюдаются обнаженія мѣла и известняковъ, а въ верхнемъ теченіи—гранита и песчаниковъ. Рѣка немноговодна, а поэтому не имѣетъ особеннаго значенія для мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что въ среднемъ и нижнемъ теченіи вода ея горько-соленая. *Сары-Су* (болѣе 700 в. дл., 20—30 саж. шир.)—самая большая рѣка Арало-Балхашской равнины (въ предѣлахъ края); она вытекаетъ изъ сѣверныхъ возвышенностей (Арало-Иртышскій водораздѣлъ) и, огибая съ с.-в. на ю.-з. Голодную степь, впадаетъ въ озеро *Тили-Куль*; несомнѣнно, что прежде она была многоводна и принадлежала къ бассейну Сыръ-Дарьи, какъ и проходящая по южной границѣ края р. Чу, притокомъ которой она и была. Но теперь она значительно бѣднѣе водой. Питается Сары-Су, главнымъ образомъ, правыми притоками; слѣва имѣетъ ихъ немного и незначительные. Какъ и всякая степная рѣка, протекающая по глинистому руслу,

1.

РЕЛЬЕФЪ КИРГИЗСКАГО КРАЯ.

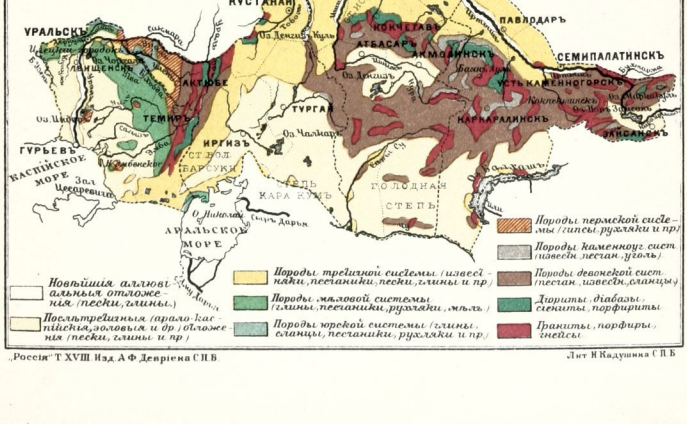
сост. А. Сѣдельниковъ.



2.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНІЕ КИРГИЗСКАГО КРАЯ.

сост. А. Сѣдельниковъ.



„Россія" Т. XVIII Изд. А. Ф. Девріена С.П.Б.

Лит. И. Кадушина С.П.Б.

Сары-Су не отличается качествомъ воды (мутная и горьковатая, особенно въ нижнемъ теченіи); весной она многоводна, но ненадолго; къ осени же до того мелѣетъ, что въ верхнемъ и среднемъ теченіи ее можно переходить вбродъ. Но если принять во вниманіе общую бѣдность этихъ мѣстъ водой, то нельзя отрицать за рѣкой (съ ея заливными лугами) громаднаго значенія для кочующихъ близъ нея сотенъ тысячъ киргизовъ. Изъ другихъ рѣчекъ можно отмѣтить *Белеуты*, которая весной, во время таянія снѣговъ, достигаетъ 300 вер. длины и впадаетъ въ оз. *Чубаръ-Тенизъ*, осенью-же существуетъ только среди холмовъ, въ видѣ незначительнаго ряда „плёсъ“ (на протяженіи 120 в.). Такой-же характеръ имѣетъ *Моинты* (ограничивающая Голодную степь

Соленое озеро Кокъ-Сенгиръ-Соръ Кокчетавскаго у. (*По фот. П. Г. Никитова*).

востока) и большинство другихъ рѣчекъ, еще менѣе значительныхъ *Кокъ-Тасъ*, *Аще-Су*, *Джидели* и др.).

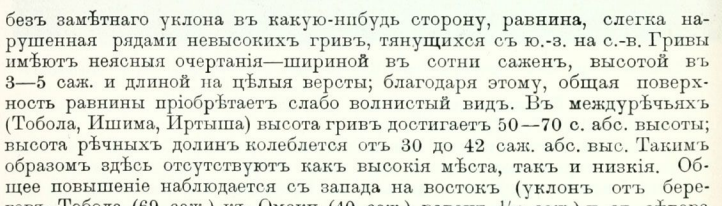
Стоячія воды имѣютъ здѣсь большое распространеніе въ видѣ рѣсныхъ, горько-соленыхъ и соленыхъ озеръ и соръ. По расположенію, ихъ можно раздѣлить, какъ и въ Пріуральской равнинѣ,—на двѣ группы: спорадически разбросанныя и групповыя. *Групповыя* озера сосредоточены въ западной части, гдѣ представляютъ двѣ цѣпи: одну, расположенную по западной окраинѣ пустыни *Большихъ Барсуковъ*, близъ подножья Мугоджарскихъ горъ; всѣ они имѣютъ соленую или горько-соленую воду. Значительныя изъ нихъ: *Курганъ-Тузъ*, *Кашкаръ-Ата*, *Кара-Батыръ* и *Чулакъ-Джида*. Вторая цѣпь, болѣе многочисленная, тянется съ сѣвера на югъ, по ложбинѣ, западную часть которой занимаетъ долина р. Иргиза. Среди нихъ есть прѣсныя, но большая часть горько-соленыхъ; обширныя изъ нихъ находятся на югѣ: *Чалкаръ-Тенизъ* (1.784 кв. в.), *Дуруккa*, *Яръ-Камышъ* и *Джаманъ-Акъ-Куль* (воду послѣдняго пьетъ скотъ).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Спорадически разбросанныя озера, въ сравненіи съ первыми,—значительно меньшей величины. Многія изъ нихъ представляютъ *соры*, т. е. въ сухое время года образуютъ сухой солонецъ, въ дождливое—соленое озеро-болото. Наиболѣе значительныя озера этого типа: *Чубаръ-Тенизъ, Арысь-Куль, Дабусунъ-Тузъ* и *Казанынъ Соръ*.

Указанныя озера, въ отдѣльности, не представляютъ особеннаго интереса, такъ-какъ всѣ они слишкомъ однообразны; но групповыя, образующія цѣлую систему, издавна останавливали вниманіе ученыхъ, и прежде ученые видѣли въ нихъ слѣды нѣкогда бывшаго здѣсь моря (Аральскаго). Но послѣднія изслѣдованія озеръ Западной Сибири не даютъ достаточнаго подтвержденія этому мнѣнію, такъ что вѣрнѣе предполагать ихъ континентальное происхожденіе. Несомнѣнно только, что прежде они имѣли большее распространеніе; береговыя линіи достаточно убѣдительно говорятъ за это.

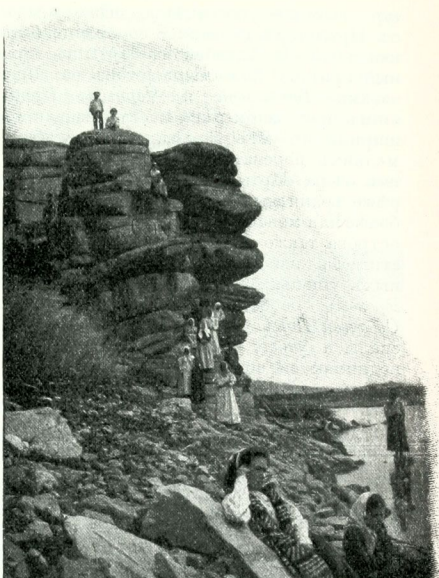
Сѣверъ края занятъ южной частью *Западно-Сибирской* равнины. Поверхность ея отличается удивительнымъ однообразіемъ рельефа, болѣе однообразнымъ, нежели рельефъ обѣихъ вышеописанныхъ равнинъ Киргизскаго края. Отъ береговъ Тобола до Омска разстилается плоская,


Петропавловская
Новомихайловский
ПЕТРОПАВЛОВСКЪ
Покровская
Мѣтная
Усть-Ишимъ
Звѣриноголовская
Ишимъ
Ишимъ
Ишимъ

личныхъ направленіяхъ небольшими грядами горъ и отдѣльныхъ возвышенностей. Къ востоку (отъ 72° восточной долготы отъ Гринвича) равнина поворачиваетъ на ю. и идетъ по обоимъ берегамъ *Иртыша* (въ предѣлахъ края полосой въ 350 вер.) до предгорій Алтая, сохраняя туже слабо волнистую поверхность, благодаря плоскимъ гривамъ и береговымъ увалamъ.

Орошена южная часть Западно-Сибирской равнины небогато, хотя ее прорѣзываютъ съ юга на сѣверъ двѣ большихъ рѣки: *Тоболъ* и *Ишимъ*, да съ ю.-в. на с.-з. еще *Иртышъ*. Объясняется это тѣмъ, что названныя рѣки не имѣютъ въ равнинѣ притоковъ.

Иртышъ (*ир* по киргизски—земля, *тыш* — рыть)—одна изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ тѣхъ, которую мѣстное населеніе зоветъ не безъ основанія „кормилицей"—за тѣ благодѣянія, которыя она приноситъ ему въ видѣ различныхъ заработковъ. Подлинѣ Иртышъ (4.000 вер.) превосходитъ длину Волги на 1½ тыс. вер.; вдоль границъ нашего края онъ течетъ на разстояніи около 1.300 вер. [1]). Начало свое Иртышъ беретъ въ горахъ сѣверо-западной Монголіи, а именно на ю.-з. склонѣ снѣжныхъ вершинъ хребта *Южнаго Алтая*; съ правой стороны въ него впадаетъ много притоковъ, изъ которыхъ значительные—*Кара-Ирцисъ*, *Кранъ-Бурчумъ* (вытекаетъ изъ озера *Канасъ*), *Каба* и *Алкабекъ*; отъ послѣдняго рѣка вступаетъ въ предѣлы Россіи. Лѣвыхъ притоковъ въ этой части своего теченія Иртышъ совсѣмъ не имѣетъ. Въ половинѣ указаннаго пути рѣка проходитъ вблизи большого озера *Улюн-*



Богатырскій утесъ (быкъ) близъ ст. Бухтарминской (матрацовыя отдѣльности гранита.)
(*По фот. Боброва*).

[1]) Хотя Иртышъ считается притокомъ Оби, какъ менѣе многоводный, но по длинѣ и, что особенно важно, потому, что при соединеніи съ Обью принимаетъ не ея направленіе, а наоборотъ, *заставляетъ* ее течь по своему направленію—говоритъ за то, что по генезису слѣдуетъ считать Обь притокомъ Иртыша и что уменьшеніе воды въ послѣднемъ произошло въ современную геологическую эпоху, когда онъ лишился всѣхъ лѣвыхъ притоковъ отъ Семипалатинска до Омска, а Ишимъ и Тоболъ значительно уменьшились въ размѣрахъ.

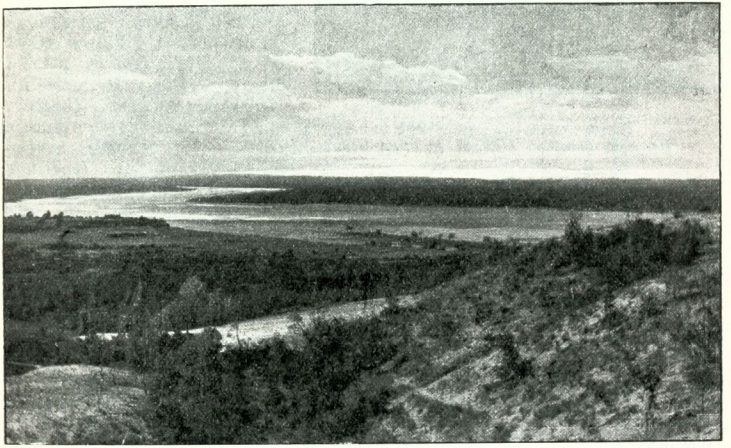
гуръ, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ, имѣетъ съ Иртышемъ подземное сообщеніе; были даже проэкты соединить озеро каналомъ. За Алкабекомъ Иртышъ принимаетъ еще одинъ значительный притокъ *Кальджиръ* (стокъ оз. *Марка-Куля*) и впадаетъ двумя рукавами—*Тополевкой* и *Чернымъ Иртышемъ* въ *Зайсанъ*. На всемъ этомъ протяженіи рѣка носитъ названіе *Кара-Иртыша* (*Черный Иртышъ*); ширина его—отъ 15 саж. до 100, глубина до $1^1/_2$ саж., но есть нѣсколько мелкихъ перекатовъ (мелей) и бродовъ; длина—до 600 вер. По выходѣ изъ озера Иртышъ течетъ до Нарымской долины среди песчаныхъ-рѣже гранитныхъ береговъ; теченіе его довольно спокойное, глубина болѣе или менѣе равномѣрная, мелей и перекатовъ почти совсѣмъ нѣтъ; острова также рѣдки. Ниже теченіе Иртыша становится быстрѣе и достигаетъ наибольшей скорости (10 вер. въ часъ) въ тѣсныхъ гранитныхъ ущельяхъ между *Бухтарминской* станицей и г. *Усть-Каменногорскомъ*, особенно въ 5 вер. ниже впаденія Бухтармы, въ ущельѣ *Собачьей Норъ*. Эта часть рѣки—самая живописная. Высокія отвѣсныя скалы и утесы тѣснятъ рѣку съ обѣихъ сторонъ; нѣкоторые утесы поднимаются прямо изъ воды, образуя такъ называемые „быки"—до 20 саж. выс.; кромѣ того есть рядъ пороговъ, опасныхъ для плаванія. Изъ утесовъ наиболѣе значительны: *Вершининскій*, *Пятухъ* (съ нимъ связаны у мѣстнаго населенія легенды о духахъ, стерегущихъ сокровища, скрытыя здѣсь древними народами); благодаря высокому ущелью путникъ можетъ здѣсь наблюдать интересное эхо, повторяющееся большое число разъ. Далѣе слѣдуетъ упомянуть значительный *Бишбанскій* утесъ, а также *Крестовскій*. Изъ пороговъ замѣчательны *Семь братьевъ*, про которые мѣстные рыбаки говорятъ, что стоитъ только попасть судну на одинъ изъ нихъ, какъ оно неминуемо побываетъ на остальныхъ, и ему грозитъ гибель. Передъ Усть-Каменногорскомъ горы отходятъ отъ рѣки, и она течетъ въ низкой луговой долинѣ; мѣстами къ ней подходятъ сланцевые и песчаниковые холмы, напр. у д. *Зьвакиной*, между с. *Пьяноярскимъ* и *Шульбинскимъ*, образуя скалистые берега. Ширина рѣки въ этой части достигаетъ 100—200 саж., причемъ появляется много мелей, перекатовъ и наносныхъ острововъ. Обыкновенно правый берегъ — крутой (яръ), лѣвый—низменный (лугъ); русло весьма извилисто.

Пороги Семь Братьевъ на Иртышѣ.
(По фот. проф. Сапожникова).

Отъ Семипалатинска до Омска Иртышъ течетъ въ широкой аллювіальной до-

линѣ (до 18 в. ширины) и въ предѣлахъ Павлодарскаго уѣзда образуетъ нѣсколько рукавовъ (*Окуневка, Тяпка, Бѣлая, Кобеневка* и др.), а также нѣсколько стариць и луговыхъ озеръ. Ширина русла—150—450 саж., а скорость, по мѣрѣ удаленія на сѣверъ, уменьшается и близъ Омска не достигаетъ 6 вер. въ часъ. По рѣкѣ тянется рядъ острововъ (намывныхъ), то лѣсистыхъ, то песчаныхъ; есть много мелей, перекатовъ и „шиверовъ". Русло довольно извилистое; по правому берегу также чаще идутъ яры, по лѣвому—луга.

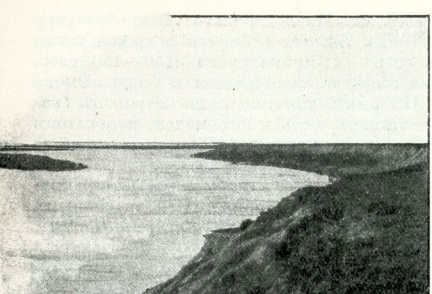
Притоками Иртышъ небогатъ. Главные изъ нихъ—правые; они впадаютъ въ верхнее теченіе рѣки. Изъ нихъ самыми значительными отъ китайской границы будутъ (кромѣ упомянутыхъ) *Курчумъ, Нарымъ,*



Долина одного изъ рукавовъ Иртыша между Семипалатинскомъ и УстьКаменногорскомъ. (*Изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*).

Бухтарма, Ульба, Уба; всѣ вытекаютъ изъ Алтайскихъ горъ. Слѣва въ Иртышъ впадаютъ незначительныя рѣчки—*Кокпекты, Буконь, Аблайкитка, Чаръ-Чурбанъ* и нѣсколько ключей (о нихъ подробнѣе будетъ сказано ниже). Выйдя на равнину, Иртышъ не получаетъ притоковъ, только на с.-в. границѣ края въ него впадаетъ справа *Омь*—довольно глубокая рѣка, берущая начало изъ *Васюганскихъ* болотъ (Тобольской губ.). Въ предѣлахъ края лежитъ только самая нижняя часть рѣки, принадлежащая городу Омску; по рѣкѣ происходитъ небольшой сплавъ лѣса и хлѣба, но для судоходства она не пригодна; въ городской чертѣ рѣка имѣетъ среднюю глубину до 4—5 арш. и весьма удобна, какъ гавань для судовъ.

Какъ видимъ, притоками Иртышъ небогатъ. Но несомнѣнно, что въ прежнее время, даже лѣтъ 300—400 тому назадъ онъ былъ многовод-



Иртышъ въ Павлодарскомъ у.
(*Изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*).

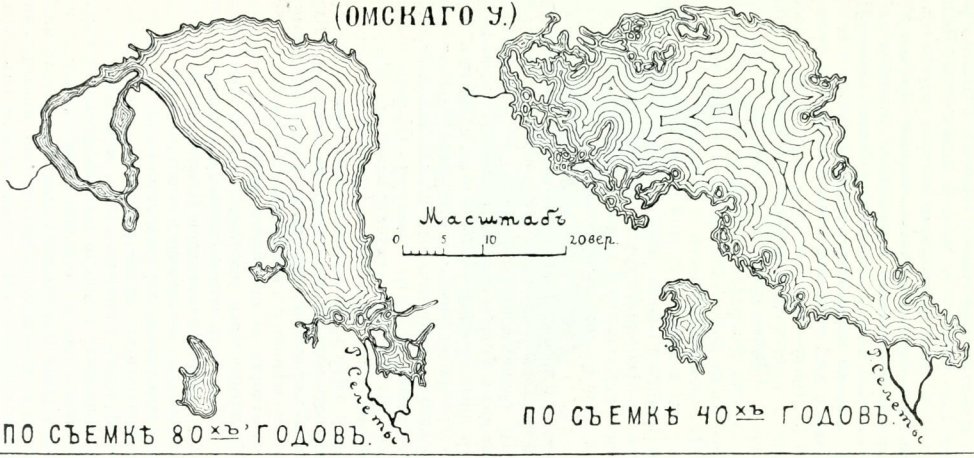
нѣе и имѣлъ въ степной своей части нѣсколько большихъ притоковъ. Такова напр. *Камышловка*, бравшая свое начало съ сѣверныхъ склоновъ возвышенности Кокчетава и впадавшая въ Иртышъ близъ Омска. Теперь отъ нея сохранился сухой логъ, заполненный мѣстами горькосолеными озерами, но въ 1768 г. Палласъ писалъ про нее: „Камышловка сколь ни мала собой, бѣжитъ здѣсь (у п. *Мельничнаго*) весьма быстро". Впадали также въ Иртышъ *Чидерты*, *С-елеты* и нѣкоторыя другія степныя рѣки, которыя теперь далеко не доходятъ до Иртыша. Почти всѣ казачьи поселки, форпосты по правому берегу Иртыша получили свое названіе отъ рѣчекъ, на которыхъ были основаны, и о которыхъ упоминаетъ Палласъ. Теперь на ихъ мѣстѣ разстилаются сухіе лога.

До Усть-Каменногорска вода Иртыша прозрачная, свѣтлая, а ниже—по мѣрѣ усиленія глинистыхъ и луговыхъ береговъ—мутнѣетъ. Въ глинистыхъ ярахъ праваго берега въ среднемъ теченіи Иртыша можно наблюдать много небольшихъ родниковъ, иногда на глубинѣ 10—15 саж. (какъ у п. *Пяторыжскаго*, *Боброва*, *Качирскаго* и др.). Такіе ключи дали поводъ высказать извѣстнымъ ученымъ путешественникамъ Палласу и Миддендорфу предположеніе, что эти ключи представляютъ подземный стокъ озеръ Барабинской степи. Хотя родниковъ въ этихъ мѣстахъ много, но всетаки они слишкомъ незначительны, чтобы оказать вліяніе на уровень такой большой рѣки, какъ Иртышъ. Въ весеннее время уровень воды Иртыша поднимается на 2, а иногда до $3^1/_2$ саж. (1891—92—93 гг.), и рѣка широко разливается; въ среднемъ теченіи—отъ Павлодара до Омска—водная поверхность занимаетъ въ ширину до 15 и болѣе верстъ, и населеніе не безъ основанія зоветъ такія мѣста „моремъ".

Ишимъ беретъ начало изъ возвышенностей Арало-Иртышскаго водораздѣла (гора *Ніязъ*) и орошаетъ край на пространствѣ 600 в. Сначала теченіе направляется съ ю.-в. на с.-з., а отъ 66-го меридіана (отъ Гринвича)—круто поворачиваетъ на с.-в.; долина его весьма извилистая. Въ верхнемъ теченіи русло Ишима—каменистое съ глинистыми, гранитными и песчаниковыми берегами; въ среднемъ теченіи чаще встрѣчаются глинисто-песчаные яры и луга; въ области Кокчетавскихъ возвышенностей берега и русло каменистые, причемъ есть и небольшіе пороги. Притоками Ишимъ богатъ, хотя всѣ они незначительны (*Аканъ-Бурлукъ*, *Джаныспай* и др.); по выходѣ же въ равнину, какъ и Иртышъ, р. Ишимъ совсѣмъ ихъ не имѣетъ. Ширина и глубина рѣки незначи-

ГОРЬКОСОЛЕНОЕ ОЗЕРО СЕЛЕТЫ-ДЕНГИЗЪ.

(ОМСКАГО У.)



тельны, такъ что въ верхнемъ и среднемъ теченіи лѣтомъ можно переходить рѣку въ бродъ, но есть и довольно глубокіе омуты.

Тоболъ беретъ начало на восточныхъ отрогахъ Южнаго Урала (въ предѣлахъ Кустанайскаго у.) и течетъ въ с.-в. направленіи. Долина его расположена по западной части той впадины, которая тянется отъ Арало-Иртышскаго водораздѣла, близъ восточныхъ возвышенностей Урала, на сѣверъ (на югѣ она, съ небольшими перерывами, сливается съ Иргизской впадиной). Притоками Тоболъ несравненно богаче, нежели Иртышъ и Ишимъ, причемъ всѣ они впадаютъ съ лѣвой стороны, т. е. съ отроговъ Урала (*Уй*, *Аятъ* и др.); съ правой—онъ лишенъ ихъ, если не считать горько-соленой р. *Абугана*, которая связываетъ цѣпь горько-соленыхъ озеръ, лежащихъ по восточной окраинѣ упомянутой впадины. Самое большое изъ нихъ—*Убаганъ* или *Денгизъ* (море)—60 вер. дл. и 10 в. ш.; оно окружено болотами и зарослями камыша. Несмотря на большое число притоковъ, Тоболъ не можетъ (въ предѣлахъ края) назваться глубокимъ и широкимъ; лѣтомъ даже близъ г. Кургана его можно перебродить почти всюду (за исключеніемъ омутовъ). Берега по характеру сходны съ берегами Иртыша и Ишима: мѣстами они скалисты, какъ напр. при впаденіи *Аята* и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ верхняго теченія, въ среднемъ же чаще представляютъ глинистые яры и луга.

Всѣ указанныя рѣки (съ ихъ притоками) имѣютъ хорошую прѣсную воду.

Но если Западно-Сибирская равнина сравнительно небогато орошена проточными водами, то нужно сказать обратное относительно стоячихъ водъ—*озеръ*. На равнинѣ ихъ разбросано безчисленное количество, отъ незначительныхъ до громадныхъ. По качеству воды ихъ можно раздѣлить на три группы: *прѣсныя*, *горько-соленыя* и *соленыя*. Прѣсныя озера обыкновенно заросли по берегамъ камышами, имѣютъ глинисто-песчаное дно и среднюю глубину отъ 1 до 2 саж.; таковы, напр., озера гористой части Кокчетавскаго у. и нѣкоторыя озера Омскаго и Петропавловскаго у.; у другихъ прѣсныхъ озеръ глубина меньше (до $2^1/_2 - 3$ арш.)—это обыкновенно переживающія *переходную* стадію (изъ прѣснаго въ горькое); таковы нѣкоторыя озера по такъ называемой *Горькой линіи* (Петропавловскаго у.); жесткость воды такихъ озеръ достигаетъ 23°. Благодаря незначительному количеству воды и небольшому притоку ключевыхъ водъ уровень ихъ значительно мѣняется и вода портится—„тухнетъ“, отъ гніенія органическихъ остатковъ. За послѣднее время, благодаря особенно неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ, многія озера обратились въ солонцовыя болота. Тамъ, гдѣ есть населеніе, порчѣ воды и обмелѣнію озеръ способствуетъ усердное унаваживаніе (свалка зимой навоза). Расположены озера различно—по котловинамъ и логамъ, причемъ иногда два рядомъ лежащія озера рѣзко отличаются по составу воды (прѣсное и горько-соленое); объяснить это можно разницей химическаго состава дна (глинъ), неравномѣрнымъ вліяніемъ вѣтра, который можетъ выдувать кристаллы солей на болѣе открытомъ озерѣ, разницей количества впадающихъ родниковыхъ (а на большихъ разстояніяхъ и атмосферныхъ) водъ и нѣкоторыми другими менѣе важными причинами. Расположеніе озеръ по логамъ наводитъ на мысль, что нѣкогда они занимали бо́льшую площадь и можетъ быть представляли изъ себя степныя рѣчки; на послѣднее наводитъ особенно Камышловскій логъ или

Горькая линія (до 300 вер. дл., до 20 в. шир.), который начинается на ю.-з. отъ Петропавловска и впадаетъ въ Иртышскую долину близъ Омска. По логу расположено много горько-соленыхъ и прѣсныхъ озеръ; такъ какъ грунтъ лога составляютъ новѣйшія рѣчныя и озерныя образованія, то есть полное основаніе допустить, что нѣкогда озера составляли одну рѣку, которая впадала въ Иртышъ. Что въ краѣ наблюдается усыханіе озеръ, видно изъ сравненія старыхъ картъ съ новѣйшими (см. рисунокъ оз. *Селеты* на стр. 23); въ частныхъ случаяхъ свидѣтелемъ такого усыханія можетъ служить даже мѣстное населеніе. Усыханіе объясняется вѣроятно успленіемъ здѣсь въ позднѣйшую геологическую эпоху континентальныхъ процессовъ. Но если оно замѣчается въ об-

Берегъ Щучинскаго озера.
(*Изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*).

щемъ, то нельзя однако сказать, чтобы колебаніе уровня озеръ было все время отрицательнымъ. Позднѣйшія наблюденія показали, что существуетъ нѣкоторая періодичность въ прибыли и убыли воды; такъ, втеченіе 1848—80 гг. на упомянутыхъ выше озерахъ (а также и на Аральскомъ морѣ) происходила убыль воды, но за послѣдніе годы (особенно 90-е годы) вода замѣтно прибываетъ (за небольшими исключеніями). Повидимому это находится въ зависимости отъ климатическихъ колебаній, такъ какъ притокъ весеннихъ водъ играетъ здѣсь большую роль. Но подобная періодическая прибыль воды не останавливаетъ общаго процесса усыханія мѣстныхъ озеръ.

Прѣсныя озера находятся главнымъ образомъ въ области Кокчетавскихъ возвышенностей, гдѣ расположены въ углубленіяхъ горныхъ складокъ. Значительныя изъ нихъ: *Копча*, имѣющее длину до 13 вер., ширину—до 5 вер., наибольшую глубину—30 арш.; берега этого озера песчаные, вода — прѣсная, и оно богато рыбой; далѣе оз. *Чалкаръ*—немного болѣе предъидущаго и также богато рыбой. Оба лежатъ въ за-

падной части возвышенности. По сѣверному скату возвышенности — оз. *Чаглы* имѣетъ 20 вер. длины и около 18 вер. ширины; съ юга оно принимаетъ рѣчку *Чаглинку*, въ озерѣ водится рыба. Оз. *Тарангуль* имѣетъ 12 вер. длины, 7 вер. ширины, 12 арш. глубины. *Джелдыбай* имѣетъ 8 вер. длины, 6 вер. ширины и 10 арш. глубины, а *Копа*—до 13 вер. въ окружности и 6 арш. глубины (на ю.-в. берегу этого озера лежитъ г. Кокчетавъ). Послѣднія озера имѣютъ болѣе худую воду, нежели первыя. Наконецъ въ центральной части возвышенности лежатъ живописныя горныя озера: *Щучье* — 7 вер. длины и 5 вер. ширины., глубины до 20 арш., богатое рыбой и расположенное у южной подошвы г. *Кокче-Тау*. Оз. *Чебачье* состоитъ изъ двухъ озеръ, раздѣленныхъ нешироким перешейкомъ, и имѣетъ 16 вер. длины, 2½ вер. ширины, глубины до 20 арш.; это красивое озеро съ высокими, каменистыми берегами лежитъ у сѣвернаго подножья той же горы. Оз. *Боровое* (*Карагайлы*) имѣетъ до 2 вер. въ діаметрѣ; это самое живописное озеро всей описанной части края.

Изъ прѣсныхъ озеръ края первое мѣсто по величинѣ занимаетъ *Кургальджинъ*—въ Акмолинскомъ у. (оно лежитъ въ предѣлахъ Западно-Сибирской равнины). Поверхность озера равняется 465 кв. вер., но не представляетъ одного цѣлаго, а раздѣлена громадными зарослями камыша на нѣсколько какъ-бы самостоятельныхъ озеръ—„плёсъ", извѣстныхъ подъ особыми названіями; самыя значительныя изъ такихъ плёсъ—*Кокай*, *Солтанъ-Кельды* и *Есей*,—лежатъ по периферіи Кургальджина; внутреннихъ озеръ 14, и они значительно меньше. На озерѣ есть семь небольшихъ и невысокихъ острововъ. Глубина озера незначительна; во всѣхъ внутреннихъ озерахъ она не превышаетъ одной сажени, рѣдко до 1½ саж. Дно озеръ густо заросло Utricularia, а берега — непроходимыми зарослями камыша, особенно въ подвѣтреной части. Съ юго-востока въ Кургальджинъ вливается р. *Нура*, главный притокъ озера; въ сѣверо-восточной части Кургальджина есть два самостоятельныхъ теченія, вызываемыхъ вѣроятно тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ озеро имѣетъ ключи, которые нарушаютъ уровень воды и заставляютъ избытокъ ея скатываться въ другія плёса Кургальджина. Вода въ озерѣ довольно свѣтлая, а, благодаря стоку въ Тенизъ и притоку изъ Нуры,—прѣсная. Здѣсь водится много рыбы (окуни, щуки, караси, плотва, лини), въ камышахъ гнѣздится масса птицъ — утки, гагары, выпи, гуси, крачки, лебеди, цапли и др., а также много кабановъ. Что нѣкогда Кургальджинъ занималъ бо́льшую поверхность и составлялъ одно цѣлое съ Тенизомъ—видно изъ береговыхъ террассъ, гдѣ сохранились слѣды древняго уровня водъ, находящіеся значительно выше современнаго уровня.

Соленыя озера (самосадочныя и горько-соленыя) разбросаны по равнинѣ спорадически, но почти всѣ изъ нихъ пріурочены къ глинистымъ степямъ, которымъ они и обязаны своимъ происхожденіемъ. Изъ самосадочныхъ озеръ въ восточной части можно отмѣтить *Коряковское* (Павлодарскаго у., въ 25 вер. отъ праваго берега Иртыша); оно имѣетъ въ окружности 17 вер. и лежитъ среди глинистой равнины; въ него впадаютъ четыре незначительныхъ прѣсныхъ ключа. „Рапа" здѣсь бываетъ въ іюнѣ до 3 четвертей толщины; соли озеро осаждаетъ до 2 вершковъ. Соль вкусная и пользуется у иртышскаго населенія извѣстностью (составъ: поваренной соли—95—96%, хлора, кальція и магнезіи—слѣды).

Изъ другихъ самосадочныхъ озеръ извѣстны *Джаксы*, *Джаманъ-Тузъ* и *Становое* (Акмолинской обл.), *Карабасъ* и *Сопа* (Семипалатинской обл.), гдѣ ломаютъ соль киргизы и казаки; есть и другія самосадочныя озера. Но главная часть западно-сибирскихъ озеръ (въ предѣлахъ края)—*горько-соленыя* — не настолько солена, чтобы образовать „рапу". Изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія большія озера: *Селеты-Денгизъ* (965 кв. вер.) — самое большое изъ степныхъ горько-соленыхъ озеръ края. Оно лежитъ среди суглинистой степи, въ 165 вер. къ югу отъ Омска. Киргизы не безъ основанія называютъ его моремъ (Цен-

Степь Арало-Иртышскаго водораздѣла. (Акмолинскій у.).
(*Изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*).

гизъ); громадная водная поверхность (длина 55 вер., ширина 20 вер.) кажется безпредѣльной, особенно благодаря окружающей степи, которая, сливаясь съ берегами, раздвигаетъ видимые размѣры озера. При такой величинѣ озеро имѣетъ, однако, ничтожную глубину—до 5½ арш.; при этомъ дно удивительно ровное, что̀ невольно наталкиваетъ на происхожденіе озера. Несомнѣнно, что оно не есть реликтовое (какъ думали не такъ давно), а позднѣйшаго, *наземнаго* происхожденія: на мѣстѣ его была степная котловина, черезъ которую нѣкогда протекала р. Селеты, впадая въ Иртышъ; но въ недавнее (въ геологическомъ смыслѣ) время р. Селеты потеряла связь съ Иртышемъ, стала приносить свои воды только въ упомянутую котловину и заполнила ее. Въ южномъ концѣ озеро

значительно мельче благодаря наносамъ рѣки, которая съ каждымъ годомъ заполняетъ ими озеро, способствуя обмелѣнію и вмѣстѣ съ этимъ и усыханію. При такихъ размѣрахъ и ничтожной глубинѣ и форма озера не отличается большимъ постоянствомъ, такъ что даже въ сорокалѣтній періодъ озеро значительно измѣнило свою форму. Приложенные рисунки достаточно поясняютъ это. То-же самое слѣдуетъ сказать и про другія большія горько-соленыя озера края—*Убаганъ* (650 кв. вер.), *Теке* (228 кв. вер.) и самое большое по сю сторону Арало-Иртышскаго водораздѣла—*Тенизъ* (1.520 кв. вер.). Несмотря на такую большую поверхность, глубина ихъ (какъ и Селеты-Денгиза) незначительна. Максимумъ на первомъ—до 5 арш., на послѣднемъ—до 10 арш. Ю.-ю.-з. берега степныхъ озеръ чаще отлоги и голы, а иногда покрыты „камкой" (корой изъ засохшихъ водорослей), или солончаковые; с.-с.-в. берега—крутые и голые, что объясняется дѣйствіемъ господствующихъ вѣтровъ. Цвѣтъ воды—различный, отъ молочнаго и синеватаго до красно-бураго. Температура поверхности воды на Селеты-Денгизѣ и Теке колеблется отъ 19 до 29°, причемъ температура ея у дна превышаетъ температуру поверхности (что можно объяснить процессомъ гніенія органическихъ остатковъ, большей соленостью, меньшимъ охлажденіемъ и пр.). Масса горько-соленыхъ озеръ находится во всѣхъ уѣздахъ Акмолинской области и сосѣднихъ. Назовемъ изъ нихъ: *Эбейты*, *Улькунъ-Карой* (Омскаго у.), *Мамай*, *Иттемень*, *Кокъ-Сенгиръ* (Кокчетавскаго у.), *Чубаръ-Куль*, *Мегке-Соръ*, *Добусунъ-Тузъ* (Атб. у.), *Джаляулы*, *Чуйрукъ* (Павлодарскаго у.); величина ихъ колеблется отъ 12 до 200 кв. вер.; мелкія же горько-соленыя озера нужно считать тысячами.

Таковы въ общихъ чертахъ топографія и гидрографія Западно-Сибирской и Прииртышской равнины въ предѣлахъ Киргизскаго края.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ *Арало-Иртышскомъ* водораздѣлѣ.

Водораздѣлъ этотъ не представляетъ сплошного горнаго поднятія, ясно опредѣляющаго направленіе рѣкъ, впадающихъ въ Иртышъ и Арало-Балхашскую котловину. Онъ состоитъ изъ цѣлой группы невысокихъ горъ, которыя даютъ рѣчкамъ, стекающимъ съ нихъ, различныя направленія и только въ нижней части, гдѣ уже вся мѣстность начинаетъ пріобрѣтать уклонъ въ ту и другую сторону,—рѣки принимаютъ опредѣленное направленіе, т. е. однѣ изъ нихъ направляются на югъ, другія — на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Водораздѣлъ выраженъ довольно рѣзко только въ восточной своей части, гдѣ его образуютъ два хребта — *Тарбагатай* и *Чингизъ-Тау*. Изъ другихъ горъ наиболѣе значительныя лежатъ въ Каркаралинскомъ и южной части Акмолинскаго и Атбасарскаго уѣздовъ — *Кызылъ-Рай* (4.815 ф. надъ уровнемъ моря), *Кенты* (4.700 ф.), *Каркаралы* (4.400 ф.), *Куу* (4.300 ф.), *Эдрей* (3.050 ф.), *Улу-Тау* (3.730 ф.), *Джиланчикъ*, *Аркалыкъ*, *Дюйсечакъ* и др. Горы *Ніязъ*, *Ермень-Тау* и къ сѣверу лежащіе отъ нихъ холмы, а также высокія сопки *Джаксы*, *Аиръ-Тау* и *Кокча-Тау* (степная Швейцарія) служатъ водораздѣломъ Ишима и Иртыша. Эти возвышенности составляютъ сѣверо-западный отрогъ Арало-Иртышскаго водораздѣла.

Орошеніе водораздѣла небогатое; бо́льшая часть рѣчекъ въ концѣ лѣта пересыхаетъ, а самыя значительныя изъ нихъ—*Ишимъ*, *Сары-Су*, *Тургай*, *Селеты*, *Чидерты*, *Аще-Су* имѣютъ здѣсь только свои верховья.

Озерами водораздѣлъ менѣе богатъ, чѣмъ сѣверныя и восточныя равнины Западной Сибири. Изъ нихъ большинство—горько-соленыя; прѣсныя очень рѣдки и лежатъ обыкновенно, какъ и кочетавскія, въ складкахъ горъ; таково, напр., озеро *Джембай* (близъ Баянъ-Аула). Изъ первыхъ наиболѣе значительныя *Чубаръ-Куль*—въ западной части водораздѣла, и *Кара-Соръ*—въ восточной; мелкихъ озеръ здѣсь много.

Изъ рѣкъ внутренняго бассейна (къ сѣверу отъ водораздѣла) первое мѣсто принадлежитъ р.р. *Нуръ* и *Кону*. Нура вытекаетъ изъ Каркаралинскихъ горъ и собираетъ въ себя всѣ мелкія рѣчки съ ближайшихъ горъ; въ нижнемъ теченіи она проходитъ нѣсколько прѣсныхъ озеръ (*Чалкары*), впадаетъ въ вышеупомянутое озеро *Кургальджинъ* и, пройдя его, вливается въ горько-соленое озеро *Тенизъ* (также вышеупомянутое). Благодаря своимъ лугамъ и обилію хорошей воды, которая течетъ все лѣто,—оно имѣетъ для мѣстныхъ кочевниковъ большое значеніе. *Конъ* нѣсколько меньше Нуры, и вода его горько-соленая; эта рѣка беретъ начало на Арало-Иртышскомъ водораздѣлѣ и впадаетъ въ Тенизъ. Бассейнъ Нуры-Тениза—самый обширный внутренній бассейнъ къ сѣверу отъ Арало-Иртышскаго водораздѣла.

Озеро Джембай въ окрестностяхъ Баянъ-Аула.
(*Изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*).

Совершенно иной характеръ носитъ край въ ю.-в. своей части, въ предѣлахъ Усть-Каменногорскаго и Зайсанскаго уѣздовъ.

Если всю вышеразсмотрѣнную часть можно было съ полнымъ основаніемъ назвать степной, то эта вполнѣ заслуживаетъ названіе горной мѣстности, а ю.-в. уголъ ея даже *альпійской* страны, такъ какъ мѣстность заполнена высокими горами со снѣжными вершинами. Наиболѣе значительные хребты: *Сауръ*, *Тарбагатай*, *Нарымскій* хребетъ, *Курчумскія* горы (съ группой *Сары-Тау*) и горный узелъ *Южнаго Алтая*.

Сауръ составляетъ южную границу между русскими и китайскими владѣніями. Тянется онъ отъ озера *Улюнгура* (въ китайскихъ предѣлахъ) и на половинѣ своего протяженія вступаетъ въ предѣлы Россіи. Отъ Тарбагатая его отдѣляетъ рядъ долинъ, изъ которыхъ наиболѣе значительная—*Чиликты*. Въ этомъ направленіи хребетъ простирается на 280 вер. Южная часть—до русской границы—не превышаетъ 6—7 тыс. фут.;

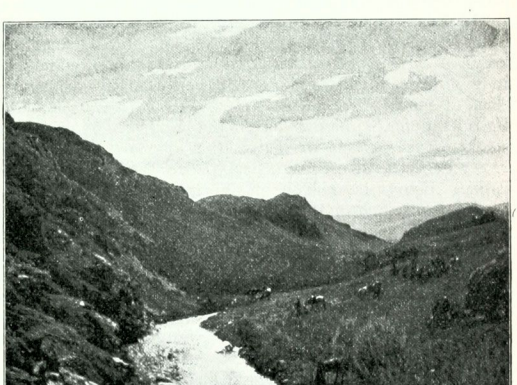
средняя часть (которая собственно и носитъ названіе Сауръ)—наиболѣе высокая. Главная вершина *Мусъ-Тау* имѣетъ 12.300 фут.; снѣговая линія идетъ здѣсь на высотѣ 10—11 т. фут. На Мусъ-Тау есть ледники, но они мало извѣстны. Западная часть хребта (до ущелья *Исыкъ*) снова понижается; она носитъ названіе *Монракъ*. Съ долины Чернаго Иртыша и Зайсана хребетъ подымается довольно круто и представляетъ красивую картину, благодаря своимъ снѣжнымъ вершинамъ. Съ хребта берутъ начало много рѣчекъ; укажемъ изъ нихъ только наиболѣе значительныя въ предѣлахъ Россіи: *Эспе*, *Тайду-Згунъ*, *Кара-Булакъ*, *Муильды*, *Талды-Булакъ*, *Джемени* и самую значительную изъ нихъ—*Кендерлыкъ*. Всѣ онѣ текутъ съ сѣверныхъ склоновъ Саура, направляясь въ котловину озера Зайсана, но, не доходя его, теряются въ пескахъ, за исключеніемъ Кандерлыка и Джармы (Джемени). Съ южныхъ склоновъ Саура стекаютъ незначительныя рѣчки *Карагайлы*, *Сары-Булакъ* и др. Черезъ хребетъ существуетъ нѣсколько переваловъ съ с.-в. стороны на ю.-з.; наиболѣе удобные изъ нихъ находятся въ горахъ Монракъ: это перевалъ *Кара-Булакскій*—отъ пикета того же названія въ долину Чиликты. Изъ г. Зайсанска черезъ Сауръ есть проходъ *Уйдонскій*, также въ долину Чиликты; *Кендерлыкскій*—черезъ Сауръ и сѣверные отроги Мусъ-Тау—ведетъ въ предѣлы Китая. Кромѣ нихъ есть еще другіе, малоизвѣстные, по которымъ кочуютъ киргизы.

Тарбагатайскій хребетъ составляетъ южную границу края съ Семирѣченской областью и китайскими владѣніями. Въ длину хребетъ тянется на 400 вер., съ общей шириной главной горной цѣпи въ 18 вер.; средняя высота Тарбагатая—6—7 т. ф. Массивъ хребта состоитъ изъ гранита и окруженъ повидимому каменноугольными образованіями. Главныя вершины лежатъ въ средней части хребта; изъ нихъ *Тасъ-Тау* достигаетъ 9—10 т. ф. и постоянно сохраняетъ снѣга. Въ другихъ частяхъ хребта снѣговъ нѣтъ: благодаря сосѣдству съ пустынями снѣговая линія здѣсь идетъ на 9—$9^1/_2$ т. ф. надъ уровнемъ моря. Съ сѣверныхъ склоновъ хребта стекаетъ много рѣчекъ; значительныя изъ нихъ: *Терсъ-Айрыкъ* (съ широкой долиной), *Уласты*, *Тебезги*, *Карбуга* и *Базары*. Всѣ онѣ вытекаютъ въ Призайсанскую котловину, но до озера не доходятъ, теряясь въ песчаной подпочвѣ. Отъ Саура Тарабагатай, какъ уже сказано, отдѣленъ широкой долиной Чиликты, которая нѣкогда была повидимому дномъ горнаго озера. Восточный конецъ хребта соединяется съ Сауромъ небольшой горной грядой *Сары-Туменекъ*. Черезъ хребетъ есть нѣсколько довольно удобныхъ переваловъ; большое значеніе имѣетъ перевалъ *Хабаръ-Асу* ($8^1/_2$ т ф. надъ уровнемъ моря) въ среднемъ Тарбагатаѣ; онъ ведетъ изъ Призайсанской равнины въ г. Чугучакъ. Прежде онъ былъ главнымъ путемъ, по которому производились сношенія русскихъ купцовъ съ Монголіей и Китаемъ. Къ с.-з. отъ него въ 40—50 вер. есть другой перевалъ *Алетъ*, но считается менѣе удобнымъ; въ восточной части Тарбагатая есть перевалъ *Барга-Сутай* изъ долины Чиликты, вполнѣ пригодный для переѣзда въ экипажѣ.

Изъ послѣдней долины можно переваливать черезъ горную цѣпь Сары-Туменекъ по двумъ проходамъ: черезъ *Керегенъ-Тасъ* и *Чаганъ-Обо*; первый считается болѣе удобнымъ; на второмъ,—ближе къ Тарбагатаю,—мѣшаютъ удобному проѣзду валежникъ и камни; оба ведутъ въ предѣлы Китая.

Сауръ и Тарбагатай считаются сѣверными вѣтвями горной области Туркестана.

На с.-в. отъ оз. Зайсана начинается *Алтайская* горная область представляющая самостоятельную горную систему. Въ предѣлы Киргизскаго края входитъ только небольшая часть ея — юго-западная. Самымъ высокимъ мѣстомъ ея слѣдуетъ считать восточный уголъ Семипалатинской области, гдѣ лежитъ одинъ изъ высочайшихъ горныхъ узловъ всей Алтайской системы горъ, извѣстный подъ разными названіями, съ главной вершиной *Кійтынъ*. Отъ этого узла горы расходятся въ различныя стороны; самая значительная вѣтвь идетъ на югъ, въ предѣлы Китая, и извѣстна на старыхъ картахъ подъ именемъ *Эктагъ* (южн.)—*Алтая*. Почти такой-же высоты достигаетъ вѣтвь на западъ, чаще извѣстная прежде подъ общимъ именемъ *Большого Алтая*. Западная его часть носитъ самостоятельное названіе—*Нарымскій* хребетъ, въ который входятъ горы *Сарымсакты*, *Кундуз*, *ды Джайдакъ* и др. Верхнее теченіе р. *Курчума* отдѣляетъ отъ Нарымскаго хребта вторую западную вѣтвь, хотя и не такъ рѣзко выраженную, какъ Нарымскій хребетъ; это—*Курчумскія* горы; онѣ идутъ отъ главнаго узла нѣсколькими самостоятельными рядами въ ю.-з. направленіи. Кромѣ этихъ двухъ есть еще нѣсколько горныхъ цѣпей, отходящихъ на с.-в., с. и ю.-ю.-з., но онѣ уже выходятъ изъ предѣловъ края.



Рѣчка Тамыръ-Сыкъ у прох. Хабаръ-Асу въ Тарбагатаѣ. (*По фот. Кирьянова, изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*).

Изъ сѣверныхъ отроговъ въ предѣлахъ края лежитъ только высокое плоскогорье *Коко-Дабы*, которое выдается на сѣверъ отъ западной части главнаго горнаго узла. Высота этого отрога достигаетъ болѣе 8 т. ф.

Таково расположеніе юго-западныхъ хребтовъ Алтайской горной системы, входящихъ въ предѣлы нашего края. Остановимся нѣсколько подробнѣе на главныхъ хребтахъ.

Нарымскій хребетъ начинается при впаденіи р. Курчума въ Иртышъ и тянется на востокъ до упомянутаго горнаго узла, извѣстнаго подъ именемъ *Канаса*, *Кійтына и Табынъ-Богдо-Ола* (пять священныхъ горъ), составляя его западную вѣтвь. Высота хребта повышается къ востоку; въ средней части онъ достигаетъ высоты снѣжной линіи, т. е. 7—9 т. ф.

надъ уровнемъ моря (горы *Сары-Чеку*, *Джайдакъ*, *Кундузды*, *Сарымсакты* съ вершинами въ 10—12 т. ф.), въ западной (горы *Акъ-Тюбе*, *Учъ-Булакъ* и др.)—постепенно понижается до размѣра холмовъ. Сѣверные склоны хребта круто обрываются къ Нарымской долинѣ, южные—постепенно понижаются къ долинѣ р. Курчума. Съ хребта берутъ начало много рѣчекъ, изъ которыхъ *Курчумъ* и *Нарымъ* представляются наиболѣе значительными. Курчумъ беретъ начало изъ южныхъ склоновъ горъ Сарымсакты и получаетъ съ хребта много притоковъ (*Кундузды*, *Куркульдекъ* и др.). Долина его верхняго и средняго теченія лежитъ въ тѣснинѣ горъ, гдѣ рѣка образуетъ рядъ красивыхъ пороговъ; благодаря каменистому руслу, она весьма затруднительна для бродовъ и проѣзда. Въ нижнемъ теченіи долина становится шире, теченіе воды спокойнѣе; по обоимъ берегамъ тянутся лужайки. Послѣднія 30 верстъ рѣка течетъ по обширной суглинистой равнинѣ, гдѣ разбирается на киргизскія пашни, и мелкой рѣчкой впадаетъ въ Иртышъ. Длина рѣки—до 185 вер., ширина—отъ 10 до 70 саж., глубина—до $1^1/_2$ саж. (омута). Съ сѣверныхъ склоновъ Нарымскаго хребта—отъ Иртыша до верховьевъ Нарыма (деревня *Медвѣдка*)—рѣки впадаютъ въ Нарымъ. Изъ нихъ значительныя—*Балгынъ*, *Май-Эмиръ*, *Чурчутъ-Су* и *Тереты*. *Нарымъ* беретъ начало изъ небольшого болота, лежащаго у сѣверо-восточныхъ склоновъ Джайдака; болото является несомнѣнно мѣстомъ стока сосѣднихъ рѣчекъ съ хребта. Теченіе рѣки болѣе спокойное, нежели у Курчума, благодаря невысокому положенію верховьевъ и ровному глинисто-песчаному руслу; ширина долины достигаетъ до 10 вер., а мѣстами съуживается до 50—100 саж., русло рѣки имѣетъ въ ширину 6—20 саж., глубину—отъ $^3/_4$ арш. до 4 арш. Сѣверную границу Нарымской долины составляетъ группа *Бухтарминскихъ* горъ, незначительной высоты (2—3 т. ф.); среди нихъ выдѣляются горы *Толстуха*, *Глядень* и *Коробишенскій* кряжъ (5—6 т. ф. выс.). Онѣ даютъ Нарыму три небольшихъ притока—*Хайрюзовку*, *Березовку* и *Таловку*. Несмотря на свою значительную высоту и довольно крутой обрывъ въ долину, Нарымскій хребетъ имѣетъ нѣсколько довольно удобныхъ переваловъ. Назовемъ три изъ нихъ. Первый—*Мынъ-Булакскій*—сначала идетъ по рѣкѣ того-же названія, затѣмъ поворачиваетъ по склонамъ хребта на ю.-в., къ вершинамъ Сары-Чеку и верховьямъ *Уртенъ-Джурюкъ*; тамъ онъ идетъ нѣсколько верстъ по альпійскимъ полямъ и спускается въ долину притоковъ Курчума. Дорога удобная, только въ одномъ мѣстѣ приходится ѣхать небольшимъ болотомъ; для колеснаго экипажа мѣстами представляютъ большія трудности крутые подъемы и камни. Второй перевалъ, болѣе удобный, лежитъ по с.-з. склонамъ горы Сары-Чеку, близъ устья р. Балгына; здѣсь можно безъ большихъ затрудненій проѣхать въ экипажѣ, хотя и есть крутые подъемы. Третій перевалъ лежитъ по сѣвернымъ склонамъ Джайдака, для колесной ѣзды мало удобенъ. Кромѣ того есть нѣсколько горныхъ тропинокъ, которыми пользуются мѣстные жители—киргизы и золотопромышленники.

Къ востоку отъ д. Медвѣдки Нарымскій хребетъ извѣстенъ подъ именемъ горъ *Сарымсакты*, а еще далѣе переходитъ въ главный горный узелъ Южнаго Алтая. Вершины этихъ горъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, а послѣднія имѣютъ, кромѣ того, и обширные ледники. Бла-

Горный видъ въ Южномъ Алтаѣ. (*Изъ альбома Зап.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.*).

годаря этому орошеніе мѣстности болѣе богатое, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ края.

Съ сѣверныхъ склоновъ Нарымскаго хребта стекаетъ масса небольшихъ рѣчекъ, образующихъ лѣвые притоки *Бухтармы;* а съ южной—р. *Кара-Каба* и ея правые притоки; послѣдняя впадаетъ въ Черный Иртышъ въ предѣлахъ Китая.

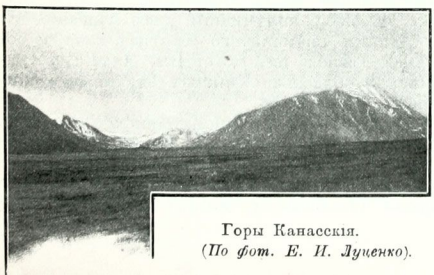
Черезъ хребетъ въ этой части есть нѣсколько переваловъ изъ Бухтарминской долины въ долины рѣчекъ *Кабы* и оз. *Марка-Куля;* изъ нихъ наиболѣе удобными считаются въ горахъ Кундузды перевалы: 1) *Югунтасъ* (каменистая вершина), подъемъ близъ д. Медвѣдки около 10 вер., довольно удобный, хотя и каменистый; выходитъ онъ къ верховьямъ р. *Кундузды,* впадающей въ Курчумъ, 2) *Сарымсакты* (луковичный) черезъ горы того-же названія, начинающійся близъ ст. *Алтайской;* подъемъ около 10 вер., отлогій, такъ что перевалъ годенъ даже для колеснаго экипажа (арбы), но довольно каменистъ, что затрудняетъ мѣстами проѣздъ; выходитъ онъ къ верховьямъ Курчума; этимъ проходомъ чаще всего пользуется мѣстное населеніе, 3) *Байберды,* начинающійся близъ д. *Черневой;* подъемъ около 9 вер., удобный, такъ какъ каменистыхъ мѣстъ мало; пройдя главный хребетъ, онъ развѣтвляется на нѣсколько тропъ, однѣ изъ которыхъ идутъ на востокъ къ горамъ *Кезень,* другія—на западъ, къ оз. Марка-Куль, 4) *Бурхатъ,* начинающійся отъ пикета *Чингистай* подъемомъ 7 вер., нетрудный по крутизнѣ и невысокій, почему русскіе, живущіе на р. Кабѣ, зимой предпочитаютъ его другимъ проходамъ, часто просто скатываясь на саняхъ съ горы въ долину. Есть еще нѣсколько переваловъ: *Ушкунгуй* (три солнопека), *Убалы* (тѣснина), *Тау-Текеле* (горный козелъ), *Баканасъ*, *Канасъ*, *Курту*, *Огулыунъ* и др., послѣдніе въ предѣлахъ горнаго узла; всѣ они довольно каменисты, мѣстами идутъ по снѣгамъ и для проѣзда затруд-

Перевалъ Сарымсакты. (*По фот. проф. Сапожникова*).

нительны. Ведутъ они въ долину р. Кабы и въ китайскіе предѣлы; нѣкоторые изъ нихъ извѣстны подъ именемъ „воровскихъ", т. е. такихъ, по которымъ ѣздятъ только „барантачи" (конокрады).

Упомянутый выше горный узелъ лежитъ на границѣ съ Томской губ. и Китаемъ. Въ немъ можно различить три группы: западную—*Акъ-Ульгунъ*, лежащую въ верховьяхъ Бухтармы, среднюю *Канасъ*, съ вершиной *Кійтынъ*, и восточную *Табынъ-Богдо-Ола*. Всѣ онѣ имѣютъ весьма значительную высоту, особенно *Канасъ* (не менѣе 15 тыс. фут.), гдѣ находятся четыре довольно значительныхъ ледника: *Бухтарминскій*, *Укекскій*, *Алахинскій* и *Канасскій* (считая съ запада). Первый изъ нихъ даетъ начало р. Бухтармѣ. Ледникъ имѣетъ до трехъ верстъ длины и до двухъ верстъ ширины; въ немъ можно различить двѣ боковыхъ и среднюю морену; конецъ ледника (каменистое поле) лежитъ на высотѣ около 9 т. ф.; рѣка вытекаетъ изъ него двумя грязными потоками. Къ востоку, въ 7 вер. лежитъ Укекскій ледникъ (3 вер. дл. и 1 вер. шир.), на 5 верстъ восточнѣе—Алахинскій, такой-же величины, и самый восточный Канасскій. Всѣ три послѣдніе ледника даютъ на сѣверъ начало рѣкамъ тѣхъ-же названій, принадлежащимъ обскому бассейну; съ южныхъ склоновъ этихъ ледниковъ берутъ начало рр. *Акъ-Каба*, *Нарымъ-Каба*, *Канасъ* и др., впадающія въ Иртышъ, а также рѣка *Чаганъ-Колъ*, впадающая въ р. *Кобдо* внутренняго бассейна (въ предѣлахъ Китая).

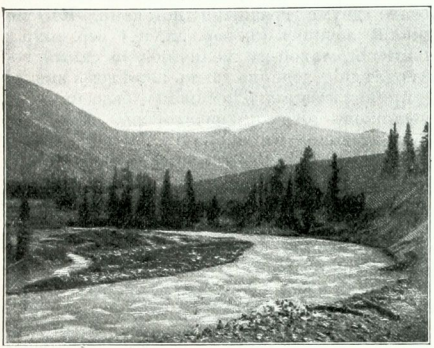
Вторая вѣтвь, идущая отъ этого горнаго узла на западъ, извѣстна подъ общимъ именемъ *Курчумскихъ* горъ. Она представляетъ рядъ хребтовъ, тянущихся отъ Кійтына сначала въ з., а затѣмъ въ ю.-з. направленіи. Эти горы заполняютъ собой весь уголъ, образуемый на с. р. Курчумомъ и на ю.-в. китайской границей. Болѣе высокія нихъ лежатъ въ окрестностяхъ альпійскаго озера *Марка-Куль*, гдѣ гора *Сары-Тау* достигаетъ 10 т. ф. надъ уровнемъ моря и почти всегда покрыта снѣгомъ. Къ востоку отъ нея лежатъ высокія горы *Таутекеле*, Тарбагатай, а къ сѣверу Сарымсакты; по южному берегу озера отмѣтимъ горы *Азу* (*Акъ-Джайляу*) и *Утъ-Курманкеръ*. На ю.-з. вѣтвь разбивается на нѣсколько горныхъ группъ, постепенно понижающихся къ озеру Зайсану. Назовемъ изъ нихъ *Уланъ-Кара*, *Ишъ-Чарышъ* къ югу отъ р. Курчума, *Салкынъ-Чеку* и *Буконбай*—на сѣверъ отъ р. Кальджира Курчумскія горы не представляютъ затрудненій для проѣзда, какъ потому, что высота ихъ не достигаетъ снѣжной линіи, такъ и потому, что онѣ лишены рѣзкихъ очертаній: здѣсь почти совершенно отсутствуютъ скалистые гребни и большіе корумы (каменистыя розсыпи). Самый значительный перевалъ на 7 т. ф. находится въ западной части горъ Акъ-Джиляу къ озеру Марка-Куль. Курчумскія горы даютъ начало многимъ рѣчкамъ и питаютъ большое альпійское озеро Марка-Куль. Изъ г. Сары-Тау берутъ начало лѣвые притоки Курчума и рѣчки *Кал-*



Горы Канасскія.
(*По фот. Е. И. Луценко*).

гутты и *Такыръ* (обѣ теряются въ почвѣ и разбираются по арыкамъ на киргизскія пашни, далеко не доходя до оз. Зайсана); затѣмъ отсюда-же берутъ начало правые и лѣвые притоки *Кальджира* (который вытекаетъ изъ западнаго конца Марка-Куля) и наконецъ пограничная съ Китаемъ рѣка *Алкабекъ*. Послѣднія двѣ обильны водой и впадаютъ въ *Черный Иртышъ*; въ нижнемъ теченіи киргизы пользуются ихъ водой, проводя отъ нихъ арыки на пашни. Въ верхнихъ теченіяхъ рѣчки проходятъ узкія горныя тѣснины, нерѣдко совершенно недоступныя для человѣка; русла ихъ, какъ и всякихъ другихъ горныхъ рѣчекъ, завалены „булками“ (крупными камнями) и большими глыбами.

Кромѣ этихъ главныхъ горныхъ центровъ края, большую роль въ топографіи мѣстности играютъ возвышенности по обѣ стороны Иртыша, отъ Нарымской долины до г. Усть-Каменогорска и на западъ до долины р. *Чаръ-Чурбана*.

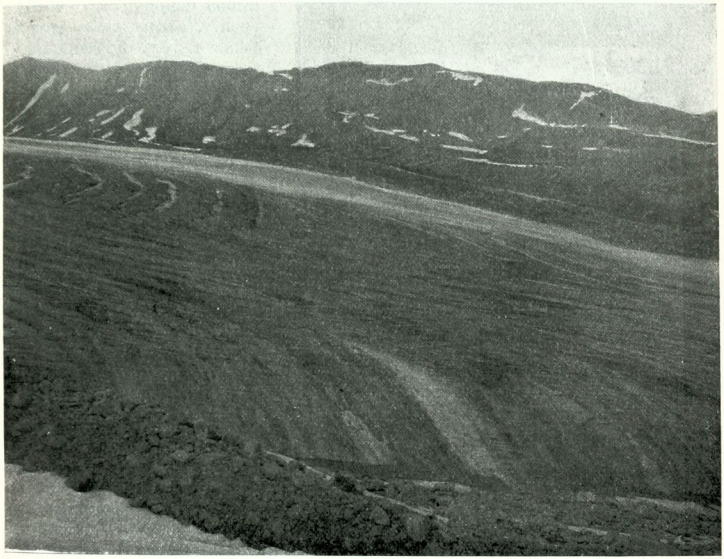


Пограничная рѣка Акъ-Каба.
(*По фот. Е. И. Луценко*).

Горы, лежащія на лѣвой сторонѣ Иртыша, извѣстны подъ общимъ именемъ *Калбинскаго* хребта съ высотой до 4 т. ф. главныхъ горъ: въ сѣверныхъ частяхъ (гора *Аиръ-Тау*) высота превышаетъ 4 тыс. ф. Направленіе главной цѣпи—съ востока на западъ, что позволяетъ разсматривать ее, какъ самый западный отрогъ Нарымскаго хребта. Состоитъ Калбинскій хребетъ главнымъ образомъ изъ гранита и девонскихъ образованій. Эта горная цѣпь имѣетъ свои послѣдніе отроги близъ дороги изъ Семипалатинска въ Сергіополь въ видѣ группъ *Дельбентей* (болѣе 2.200 ф.), *Бельтерекъ* (1.000 ф.), *Аркалыкъ* ($1^1/_2$ тыс. фут.) и *Семей-Тау* (1.800 ф.). Къ югу отъ нихъ расположены отдѣльныя невысокія гранитныя группы *Урда-Тау*, *Аркатъ*, *Альджанъ* и др., за которыми, уже близъ границы Семирѣченской области идетъ гранитный хребетъ *Чингизъ-Тау* (мѣстами болѣе 3 тыс. ф. выс.), получившій свое названіе отъ бывшей здѣсь, по преданію, отоянки знаменитаго Чингизъ-хана, и состоящій изъ трехъ цѣлей, самая южная изъ которыхъ *Акча-Тау* служитъ границей съ Семирѣчинской областью. Чингизъ-Тау можетъ считаться западнымъ продолженіемъ Тарбагатая.

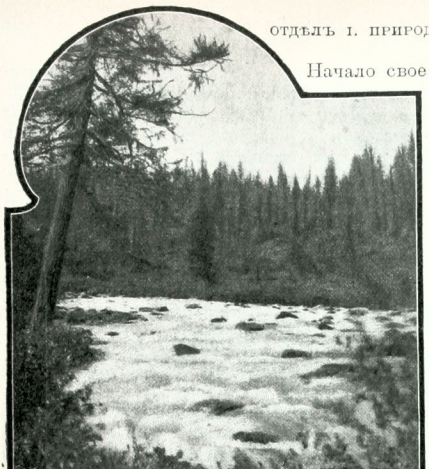
Направленіе горъ по правому берегу Иртыша главнымъ образомъ восточно-западное, и въ такомъ-же направленіи онѣ переходятъ на лѣвую сторону рѣки. Высота ихъ незначительна — до 2 т. ф. надъ уровнемъ моря (близъ пос. *Фекличевки*). Съ южныхъ склоновъ Калбинскаго хребта берутъ начало р. *Буконь* (*Большая* и *Малая*), лѣвые притоки

Кокпекты—р. *Кулунджикъ*, *Каинды*, *Карагай* и нѣсколько менѣе значительныхъ. Всѣ онѣ бѣдны водой, особенно въ нижнемъ теченіи; текутъ эти рѣки въ живописныхъ, но дикихъ горныхъ ущельяхъ. Кокпекты выходитъ на Призайсанскую котловину и впадаетъ въ Зайсанъ, Буконь впадаетъ въ Иртышъ, а всѣ остальныя теряются въ подпочвѣ, по выходѣ изъ горъ. Съ юго-западныхъ склоновъ стекаютъ Чаръ-Чурбанъ съ многочисленными верхними притоками, а съ сѣверныхъ — *Кызыль-Су*, *Джалкуты-Канай*, *Аблайкитка*, *Огневка*, *Черновыя* (три); всѣ впадаютъ



Ледникъ въ горномъ узлѣ Кійтынъ въ Канасскомъ хребтѣ.
(*По фот. Е. И. Луценко*).

въ Иртышъ съ лѣвой стороны и водой бѣдны. Правобережныя горы, отъ ст. Бухтарминской до г. Усть-Каменогорска—орошены богато, хотя и не имѣютъ значительныхъ рѣчекъ. Изъ нихъ назовемъ, начиная съ юга:—*Селезневку*, *Козловку*, *Пихтовку*, *Осиновку*, *Смолянку* и *Феклистовку*; близъ Усть-Каменогорска въ Иртышъ впадаетъ довольно большая рѣка *Ульба*, но она входитъ въ предѣлы края только частью нижняго теченія (на разстояніи 15—20 вер. отъ устья). Долины всѣхъ рѣчекъ—живописныя горныя ущелья, заваленныя камнями и заросшія богатой растительностью, глубина рѣчекъ отъ 1 до 10 четв., теченіе быстрое; У ст. Бухтарминской Иртышъ получаетъ самый главный притокъ—*Бухтарму*



Р. Бухтарма въ верхнемъ теченіи.
(*По фот. Е. И. Луценко*).

Начало свое рѣка беретъ изъ *Бухтарминскаго* ледника (см. выше); сначала она направляется на сѣверъ, затѣмъ подходитъ къ хребту *Большому Алтаю*, гдѣ горный отрогъ *Коко-Доба* заставляетъ ее отклониться на сѣверъ, обогнуть его и снова подойти къ хребту (у п. *Урыльскаго*); отсюда рѣка течетъ почти параллельно главному хребту, до впаденія слѣва р. *Кильмеса* (верхнее теченіе его извѣстно подъ именемъ *Сарымсакты*). Отсюда рѣка поворачиваетъ на с.-з. и выходитъ изъ предѣловъ края. На всемъ этомъ протяженіи Бухтарма представляетъ типичную горную рѣку, которая съ оглушительнымъ шумомъ несется по заваленному каменными глыбами ущелью, образуя почти безпрерывный пѣнящійся порогъ, недоступный для перехода. Красивые, шумные пороги есть между *Черновой* и *Катонъ-Карагаемъ*. Только мѣстами, гдѣ долина расширяется, — рѣка становится спокойной. Близъ д. *Черновой*, *Урыля* и *Берели* черезъ рѣку есть неглубокіе, но быстрые броды. Отъ верховьевъ до впаденія Кильмеса Бухтарма служитъ естественной границей между Семипалатинской областью и Томской губерніей. Отъ впаденія Кильмеса рѣка течетъ на ю.-з. (по Томской губ.), причемъ характеръ долины значительно мѣняется: она становится шире, ближайшія горы—невысокія, почти совершенно лишенныя древесной растительности, и вся мѣстность пріобрѣтаетъ характеръ степи. Отъ впаденія *Хаиръ-Кумына* (съ правой стороны) рѣка поворачиваетъ на ю.-з., за 15 верстъ отъ устья вступаетъ въ Семипалатинскую обл. и здѣсь, близъ станицы *Бухтарминской*, впадаетъ въ Иртышъ двумя рукавами. На всемъ этомъ протяженіи рѣка принимаетъ много лѣвыхъ и правыхъ притоковъ. Общая длина рѣки около 400 вер.; глубина въ нижнемъ теченіи—отъ $^3/_4$ арш. до 6 арш., а въ среднемъ и верхнемъ—до 4 арш., ширина отъ 10—15 до 80 саж. Въ нижнемъ теченіи Бухтармы есть нѣсколько бродовъ, но у станицы Бухтарминской можно только переѣзжать на паромѣ. Въ весеннее-же время—съ апрѣля до іюня—Бухтарма совершенно недоступна для переѣзда; уровень ея поднимается на двѣ и болѣе саженъ, и вода несется съ такой быстротой, что не всегда можно безопасно переѣхать и на паромѣ. Это, впрочемъ, слѣдуетъ сказать и про Нарымъ, Курчумъ, Кальджиръ, Кендерлыкъ, Убу и Ульбу.

Всѣ поименованныя горныя рѣки имѣютъ чистую, прозрачную воду, благодаря своимъ естественнымъ фильтрамъ: каменистому руслу, песчанымъ берегомъ и дну; только Бухтарма въ своемъ верхнемъ теченіи (по выходѣ изъ ледниковъ), какъ и всѣ ледниковыя рѣки, имѣетъ мутную воду; то-же слѣдуетъ сказать и объ нѣсколькихъ мелкихъ притокахъ ея и Кабы, вытекающихъ изъ той же группы ледниковъ. Лѣтняя температура воды горныхъ рѣчекъ ниже, чѣмъ у Иртыша, что вполнѣ объясняется ихъ происхожденіемъ (всѣ онѣ получаютъ воду отъ таянія снѣговъ или ледниковъ, иногда если не прямо, то въ видѣ

Долина р. Ульбы Усть-Каменногорскаго у.
(*Изъ альбома Зап.-Сиб. Отд Имп. Р. Геогр. Общ.*).

ключей, образующихся отъ таянія снѣговъ), а также и тѣмъ, что, благодаря своимъ горнымъ долинамъ, эти рѣчки мало получаютъ тепла отъ солнца; обыкновенная лѣтняя температура ихъ колеблется отъ 12 до 14°. Весной и въ первую половину лѣта въ нижнемъ теченіи Ульбы, Убы и Бухтармы происходитъ сплавъ лѣса и хлѣба на „бѣлянахъ“ (особыя баржи). На послѣдней до рудника Зыряновскаго съ 1900 г. сталъ ходить небольшой пароходъ съ небольшими баржами.

Въ заключеніе о горныхъ рѣкахъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о такъ называемой „*земляной водѣ*“. Въ годы большихъ атмосферныхъ осадковъ лѣтній уровень воды горныхъ рѣчекъ, а также и Иртыша значительно повышается, иногда на цѣлую сажень. Объясняется это тѣмъ,

что рѣчки, берущія свое начало изъ снѣжныхъ горъ, обогащаются водой вторично (кромѣ весны) въ іюнѣ и іюлѣ, когда начинаютъ таять снѣга на вершинахъ горъ. Эту прибыль воды населеніе и зоветъ „земляной водой".

Горныя рѣчки (верхняя Бухтарма, Нарымъ, Курчумъ, Кальджиръ и др.) отличаются отъ степныхъ рѣчекъ также тѣмъ, что почти не покрываются льдомъ. Многія изъ нихъ забиваются только сверху снѣгомъ, другія покрываются мѣстами „накипью" (застывшей пѣной и брызгами иногда толщиной въ сажень и болѣе); и то и другое въ первую-же оттепель проходятъ, а послѣ перваго мороза снова появляются. Въ устьѣ Нарымской долины есть интересное озеро, которое хотя имѣетъ довольно холодную воду, но не замерзаетъ всю зиму. На немъ почти всегда зимуютъ отсталыя отъ перелета птицы.

Чтобы закончить гидрографію этого уголка края, намъ остается еще разсмотрѣть два главныя озера этой части Зайсанъ и Марка-Куль. *Зайсанъ* или *Зайсанъ-Норъ*—представляетъ изъ себя расширенную котловиной долину Иртыша (1.356 ф. надъ уровнемъ моря). Названіе свое (*зайсанъ-норъ*—благородное озеро) онъ получилъ съ 1650 г., когда калмыки, страдая отъ голода, прибѣгли къ его водамъ и нашли въ немъ обиліе рыбы (Риттеръ). До этого, оно носило другія названія—*Кызылъ-Су, Коруанъ*, а калмыки звали его *Хунъ-Хуту-Норъ*—т. е. озеро колоколовъ, за шумъ его волнъ. Длина озера—до 100 вер., ширина—до 30 вер., и у казаковъ оно извѣстно подъ именемъ „моря". Глубина озера не вездѣ одинакова; въ большей части она незначительная—отъ 2 до 6 арш.—и только въ средней части находится неширокая борозда (отъ устья Чернаго Иртыша до устья Бѣлаго Иртыша) глубиной до 15 арш.; эта борозда извѣстна подъ именемъ фарватера и даетъ основаніе считать Зайсанъ расширеніемъ русла Иртыша. Берега озера песчаные и низменные; только въ одномъ мѣстѣ сѣвернаго берега возвышается скалистая сопка *Чакильмесъ*, состоящая изъ глинистыхъ сланцевъ; есть много косъ и мысовъ, изъ которыхъ на сѣверномъ берегу *Голодаевскій, Вершининскій, Бархотъ и Бакланій* — довольно значительны, но низки, а заливы между ними мелки. На южномъ берегу—*Топольный, Песчаный, Голый*—также низменны. Острововъ на озерѣ нѣтъ, если не считать наносныхъ, въ устьяхъ р.р. Чернаго Иртыша и Кокпекты (*Клы*). Вода прѣсная и довольно прозрачная. Съ ю.-в. въ озеро впадаетъ *Черный Иртышъ*, главный притокъ озера; рѣка впадаетъ нѣсколькими рукавами, образуя широкую, болотистую дельту, поросшую непроходимыми зарослями камыша. Въ дельтѣ Ир-

Истокъ рѣки Кальджира изъ озера Марка-Куля. (*По фот. Кирьянова, изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.*)

тыша находится множество озеръ, изъ которыхъ самое большое—*Косъ-Куль*. Присутствіе болотъ и озеръ на разнообразныхъ стадіяхъ своего образованія говоритъ за то, что увеличеніе дельты происходитъ и въ настоящее время. Изъ с.-з. угла озера вытекаетъ рѣка *Иртышъ*, единственный стокъ Зайсана. Рыбой (осетръ, нельма, щука, язь, тальменъ, окунь и др.) озеро славится издавна.

Южный берегъ озера Марка-Куль. (*По фот. Осипова, изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*).

Марка-Куль (35 вер. дл. и 15 вер. ш.) лежитъ среди восточныхъ вѣтвей Курчумскихъ горъ. Съ сѣвера его ограничиваютъ горы *Маркакульскія*, съ юга—*Азу*; берега озера изрѣзаны живописными заливами и бухтами; мѣстами они заросли лѣсомъ, или обрываются скалами (восточный берегъ). Озеро принимаетъ въ себя много мелкихъ притоковъ (самый значительный—восточный—*Чумекъ*). а вытекаетъ отсюда только одна—*Кальджиръ* (см. выше, стр. 36). Глубина озера достигаетъ 15 саж.; вода совершенно прозрачная, отливаетъ зеленоватымъ цвѣтомъ. Озеро богато рыбой (ускучъ и харіусъ), почему здѣсь живутъ постоянно рыбаки изъ сосѣднихъ деревень. Уровень воды стоитъ на высотѣ 4.616 ф., такъ что озеро нужно отнести къ типу альпійскихъ.

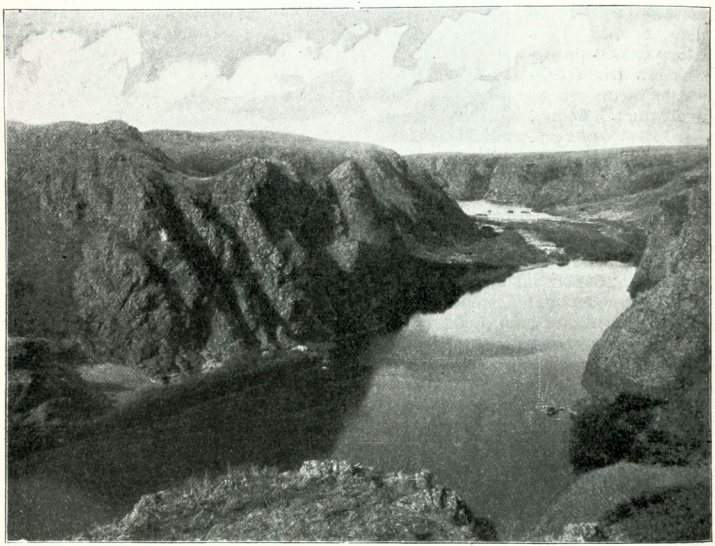
Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ Аральскомъ морѣ и оз. Балхашѣ.

Аральское море (аралъ—по киргизски островъ) входитъ въ предѣлы нашего края только сѣверо-западнымъ своимъ берегомъ; въ этой части Аральскаго моря берега частью гористы, частью отлоги, какъ напр. преимущественно у пустыни Большихъ и Малыхъ Барсуковъ; глубина моря незначительна. Вода горько-соленая, но количество солей незначительно (особенно въ восточной и юго-восточной половинѣ, гдѣ впадаютъ Сыръ-Дарья и Аму-Дарья). Ихтіологической фауной море богато; водятся между прочимъ шипъ, жерехъ, шемисъ, сазанъ, лещъ и сомъ, т. е. прѣсноводные жители.

Балхашъ входитъ въ предѣлы края также не весь, а только сѣверной половиной. Общая длина озера—болѣе 400 вер., ширина въ ю.-з. концѣ—до 80 вер., глубина—до 50 арш. Сѣверо-западные берега Балхаша довольно возвышенны и напоминаютъ Чинкъ Усть-Урта и Аральскаго моря; но глубина воды у береговъ небольшая. Благодаря открытому положенію на озерѣ происходятъ частыя бури, весьма опас-

ныя для рыбаковъ; волны достигаютъ 11 арш. высоты Въ восточномъ, узкомъ концѣ озера вода горько-соленая, а въ юго-западномъ—почти прѣсная; здѣсь водится довольно много рыбы (окуни, щуки, сазаны, караси и др.).

Оба эти озера, какъ показали новѣйшія наблюденія, находятся на пути усыханія и обмелѣнія. Въ отдаленныя времена Балхашъ составлялъ вѣроятно одинъ водный бассейнъ съ оз. Ала-Кулемъ и Сасыкъ-Кулемъ. Аральское же море имѣло заливы тамъ, гдѣ теперь тянутся пустыни. Періодами уровень водъ въ Аральскомъ морѣ прибываетъ (какъ напр. въ 90-хъ годахъ XIX стол.), но это только на нѣкото-

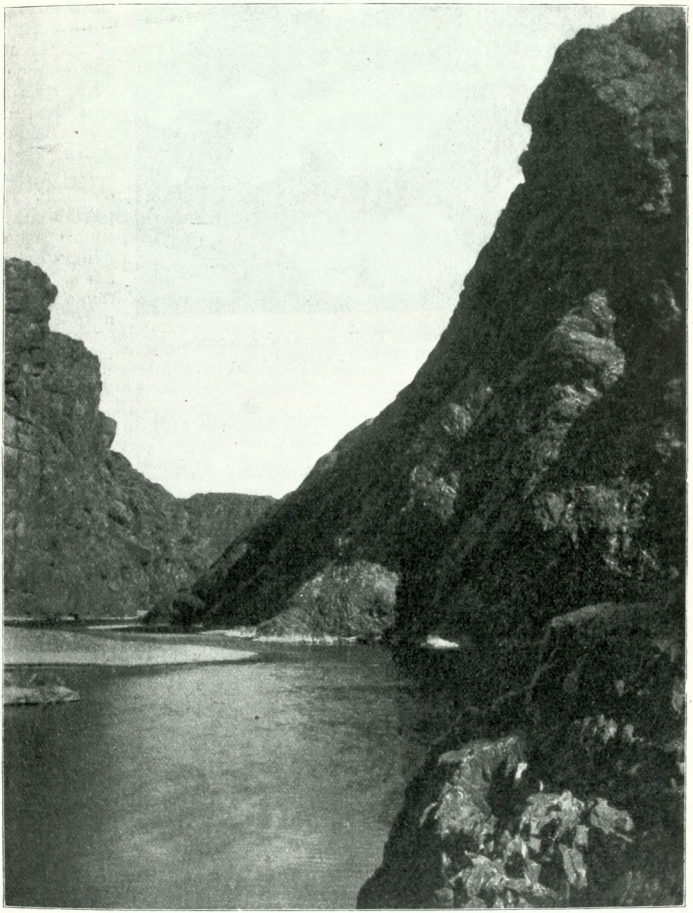


Скалистыя ущелья степной рѣки Селеты. (*По фот. П. І. Игнатова*).

рое время, а затѣмъ снова наступаетъ уменьшеніе водной поверхности и обмелѣніе. Послѣднему способствуютъ отчасти и впадающія рѣки, напр. Сыръ-Дарья и Аму-Дарья въ Аральскомъ морѣ, Или—въ Балхашѣ; эти рѣки несутъ и отлагаютъ на днѣ озеръ массу песка, ила и т. п. осадковъ.

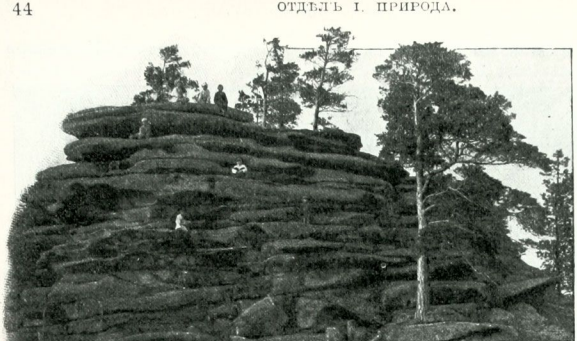
Южную границу края между этими озерами-морями составляетъ р. *Чу*. Начало рѣки находится внѣ предѣловъ края. Здѣсь она представляетъ неглубокую ($2^1/_2$ арш.) рѣку, шириной до 30 саж.; нижнее и среднее ея теченіе лежитъ среди глинисто-песчаныхъ пустынь, почему вода не отличается вкусомъ; древняя долина имѣетъ до 15 верстъ ширины, и по ней находятся киргизскія пашни, орошаемыя арыками изъ

Чу; тутъ-же имѣется много болотъ, заросшихъ камышами. Благодаря



Утесы въ долинѣ степной рѣки Селеты. *(По фот. П. Г. Игнатова).*

песчаному руслу и арыкамъ рѣка небогата водой. Но въ недавнемъ прошломъ она несомнѣнно была многоводнѣе и впадала въ Сыръ-



Матрацовыя отдѣльности гранита въ Киргизскихъ горахъ.
(*Изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.*).

Царью; населеніе разсказываетъ что теперешнее русло Чу образовалось благодаря арыкамъ, которые направили сюда главную массу воды. Въ рѣкѣ водится много крупной рыбы (сазанъ, сомъ, щука, жерехъ и др.).

Теперь перейдемъ къ прошлому *геологической жизни* края.

Киргизскій край, въ геологическомъ смыслѣ, есть страна молодая; вся южная часть его недавно освободилась отъ моря. Поэтому въ строеніи его рельефа принимали участіе, главнымъ образомъ, самыя позднѣйшія образованія.

Нѣмые свидѣтели глубокой геологической древности—*архейскія* изверженныя и кристаллическія и частью *палеозойскія* породы—*гнейсы, слюдяные сланцы, граниты, сіениты, діабазы, діориты, порфириты, порфиры* и др.—встрѣчаются лишь на восточныхъ окраинахъ, въ Мугоджарахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Арало-Иртышскаго водораздѣла. Въ другихъ мѣстахъ они скрыты подъ громадными толщами позднѣйшихъ образованій. На сѣверо-западѣ ихъ можно наблюдать изрѣдка по берегамъ *Тобола* и нѣкоторыхъ его притоковъ, напр. порфириты и гнейсы по *Уяту*, гдѣ они образуютъ небольшіе утесы. На водораздѣлѣ (въ Атбасарскомъ у.) на сопкахъ (*Кара-Гонда, Контасъ*, долина *Аще-Куль*, г. *Беркуты* и др.) встрѣчаются біотитовый и роговообманковый граниты; по *Нуру* и въ другихъ мѣстностяхъ—порфиръ, діабазъ, напр. по *Чидерти*; на берегахъ верхняго теченія р. *Селеты* древнѣйшія породы (граниты, порфириты и др.) образуютъ громадные скалы и утесы, такъ что долина рѣки представляетъ живописное горное ущелье; послѣднее является совершенно неожиданнымъ среди окружающихъ однообразныхъ глинистыхъ степей (см. рис. на стр. 42—43). На Кокчетавскихъ, Баянъ-Аульскихъ и Каркаралинскихъ горахъ граниты, порфиры, кварциты, сіениты—играютъ главную роль. Граниты отъ вывѣтриванія нерѣдко получаютъ здѣсь такъ называемыя *матрацовыя* отдѣльности, какъ это видно изъ прилагаемаго рисунка. Подобныя матрацовыя отдѣльности весьма хорошо выражены, напр., въ горной группѣ *Аркатъ* между Семипалатинскомъ и Сергіополемъ. Здѣсь, по свидѣтельству П. П. Семенова, гранитъ „бѣлый, мелкозернистый съ черной слюдой у подошвы пиковъ,

красноватый и крупнозернистый на самыхъ пикахъ. Онъ представляетъ точно такое-же слоистое, или лучше сказать, скорлуповатое сложеніе, какъ и колыванскій гранитъ (Томск. губ.), и вывѣтрившіеся слои эти точно такъ-же нагромождены одинъ и другой въ хаотическомъ безпорядкѣ, подобно грудамъ *вьюковъ* или *перинъ*, такъ что часто отдѣльныя скалы и гранитныя массы нависли надъ обрывами въ едва устойчивомъ равновѣсіи. Подобныя формы извѣстны всѣмъ путешественникамъ, знакомымъ съ Брокеномъ въ Гарцѣ, но здѣсь они характерны потому, что вся Аркатская группа состоитъ исключительно изъ такихъ формъ". Значительныя обнаженія всѣхъ вышеупомянутыхъ породъ встрѣчаются въ ю.-в. хребтахъ и по берегамъ Иртыша (между Нарымомъ и Усть-Каменогорскомъ). Массивъ Алтайскихъ хребтовъ состоитъ изъ гранита, кристаллическихъ сланцевъ, порфира, гнейса и др. древнихъ породъ; таковъ-же онъ на Тарбагатаѣ и Саурѣ и вѣроятно у большей части горъ Арало Иртышскаго водораздѣла. Въ южной части края они встрѣчаются въ видѣ обнаженій, какъ основа Мугоджарскихъ горъ, и на берегахъ Балхаша.

Значительно богаче край палеозойскими осадочными образованіями, иногда нѣмыми, но иногда сохранившими многихъ представителей фауны, что позволяетъ опредѣлить какъ ихъ возрастъ, такъ и характеръ образованія. *Девонскія* породы развиты, главнымъ образомъ, на возвышенностяхъ Атбасарскаго, Каркаралинскаго, Акмолинскаго и Кокчетавскаго у. и представлены въ сѣверной части указаннаго района красноватыми или зеленовато-сѣрыми *сланцами и песчаниками*, рѣже *конгломератами*; таковые возвышенности *Уръ-Чеку*, *Тоголай*, выходы на берегахъ *Аканъ-Бурлука*, *Шарыка*, *Арчалы* и др. Въ южной части этихъ уѣздовъ развиты *кварциты*, *известняки*, *песчаники*, *сланцы* и *конгломераты*, изъ нихъ известняки съ богатой фауной; напр. по берегамъ *Ишима*, *Уленты*, *Чидерты*, *Нуры* и *Кара-Сора* въ нихъ найдены моллюски: Productus subaculeatus, Chonetes nana, Orthis striatula, Spirifer disjunctus и др. Петрографическій составъ известняковъ различный. Изъ песчаниковъ преобладаютъ красноцвѣтные и зеленые, рѣже бѣлые и сѣрые, причемъ въ ихъ строеніи наблюдается слоистость (діагональная); повидимому они отлагались въ устьяхъ рѣкъ, впадавшихъ въ девонское море; таковы песчаники по р. *Джаксы-Кайракты* и по *Ишиму* (*дер. Кимы*). Большіе выходы песчаниковъ существуютъ на *Баянъ-Аульскихъ* и *Чидертинскихъ* возвышенностяхъ. Конгломераты состоятъ изъ крупныхъ *кварцитовъ и роговика*; встрѣчаются они, главнымъ образомъ, въ восточной части указанныхъ уѣздовъ. Изъ метаморфическихъ породъ *сланцы* не играютъ здѣсь большой роли и встрѣчаются вмѣстѣ съ известняками; *кварциты* же попадаются весьма часто. *Еремень Тау*, *Ніязскія*, *Бель-Агачскія* и др. горы сложены изъ цвѣтныхъ кварцитовъ. Изъ растительныхъ отпечатковъ, характеризующихъ эти системы, можно указать только представителя плауновыхъ (Lepidodendron)—изъ песчаника береговъ р. Уленты. Породы девонской системы въ указанномъ районѣ претерпѣли значительную дислокацію: пласты искривлены, изогнуты, изломаны и даже мѣстами опрокинуты. Дислокація произведена, повидимому, изверженными породами, такъ какъ по направленію къ западу, гдѣ ихъ нѣтъ на поверхности,—дислокація уменьшается и даже совсѣмъ исчезаетъ.

Выходы девонскихъ песчаниковъ и сланцевъ наблюдаются на *Калбинскомъ* и другихъ прииртышскихъ хребтахъ, а также и по берегамъ верхняго теченія *Иртыша*. На западныхъ окраинахъ (Уральская и Тургайская обл.) девонскія отложенія указываются на нѣкоторыхъ возвышенностяхъ Арало-Каспійскаго водораздѣла. Здѣсь, напр., по обоимъ склонамъ *Мугоджаръ* бо́льшая часть предгорій составлена девонскими конгломератами и известняками, большею частью уже обратившимися въ кристаллическіе и только въ немногихъ мѣстахъ (р.р. *Ауліе*, *Каульджуръ*, кряжъ *Шулекъ*, гора *Алабасъ*) сохранившими типичныя средне- и верхнедевонскія окаменѣлости, какъ напр. Spiriter Archiaci, Sp. Anosoffi, Athyris concentrica, Atrypa reticularis, Rhynchonella cuboides, Rh. livonica, Goniatites simplex и др. На Усть-Уртѣ девонскихъ отложеній нѣтъ, а также и по Общему Сырту.

Большое распространеніе имѣютъ здѣсь отложенія *каменноугольнаго* періода, встрѣчающіяся, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ Арало-Иртышскаго водораздѣла, а именно—въ Акмолинскомъ, Атбасарскомъ и южной части Павлодарскаго у., а также принимаютъ участіе и въ строеніи нѣкоторыхъ горныхъ хребтовъ, какъ напр. *Тарбагатая*. Выражены эти отложенія разнообразными *песчаниками*, *известняками*, *глинистыми сланцами и песчаными глинами* (напр. вблизи *Акмолинска*, *Атбасара*, по р.р. *Ащилы*, *Нуръ*, *Чидертъ*, близъ горъ *Еременъ-Тау* и др.). Особеннаго вниманія заслуживаютъ бѣлый и свѣтло-сѣрый известняки, какъ по своей мощности, такъ и по богатству окаменѣлостями; изъ послѣднихъ можно указать типичныхъ представителей этихъ отложеній: Spirifer tornacensis, Sp. striatus, Productus semireticulatus, Lingula, Pecten, Orthis, Syringothyris и мн. др. Обыкновенно такіе известняки пластуются несогласно съ девонскими отложеніями, что́ говоритъ о существованіи дислокаціонной дѣятельности и въ этотъ періодъ. Известняки чаще всего подстилаютъ собой угленосныя свиты; но послѣднія залегаютъ иногда и среди черныхъ глинистыхъ сланцевъ. Наиболѣе изучены эти отложенія въ Павлодарскомъ у. на *Экибазъ-Тузѣ*, гдѣ найдены богатыя залежи каменнаго угля. Нижній ярусъ этихъ отложеній составляетъ тамъ свита песчаниковъ и глинъ съ раковинами Lingula, что́ указываетъ на постепенную смѣну глубоководныхъ (девонскихъ) отложеній прибрежными. Ихъ смѣняетъ выше угленосный ярусъ, основаніемъ котораго служитъ углистый сланецъ; на послѣднемъ лежатъ пласты каменнаго угля съ прослойками глинъ и песчаника. Надъ углемъ идутъ слоистыя (сланцевыя) глины съ растительными отпечатками (различные виды Lepidodendron). Надъ послѣдними находится верхній слой—глинъ и песковъ (разнообразнаго характера съ отпечатками Neuropteris). Въ другихъ мѣстахъ отложенія имѣютъ иной порядокъ: угленосная свита лежитъ на песчаникѣ (съ окаменѣлостями Spirifer, Productus и др.) и раздѣлена на два пласта небольшой толщей песчаника; верхній же слой угля прикрытъ углистымъ сланцемъ (урочище *Бесъ-Тюбе* и др.).

Постепенность и согласное напластованіе экибазъ-тузскихъ отложеній говоритъ за то, что они начались въ каменноугольный періодъ и закончились, вѣроятно, въ ту же эпоху. Различіе въ характерѣ отложеній и окаменѣлостяхъ съ ближайшими мощными отложеніями — уральскими и кузнецкими (сѣв.-вост. Алтай) заставляетъ предполагать, что здѣсь былъ самостоятельный бассейнъ, не имѣвшій съ ними связи, т.

е. къ тому времени, когда начались осадки эмбазъ-тузскихъ отложеній—каменноугольное море, покрывавшее бо́льшую часть Россіи, уже раздробилось на самостоятельные бассейны, каковымъ былъ и эмбазъ-тузскій, куда выносился рѣками лѣсъ, послужившій матеріаломъ для угля (Мейстеръ). Такъ-какъ пласты угля расположены различно, и среди верхнихъ угленосныхъ свитъ, и среди нижнихъ,—то слѣдуетъ думать, что здѣсь имѣли мѣсто дислокаціонные процессы (само мѣстонахожденіе представляетъ синклинальную (вогнутую) складку. Такой-же характеръ носятъ каменноугольныя отложенія близъ *Акъ-Чеку*, *Аще-Куля*, Бесъ-Тюбе и др., гдѣ каменный уголь сопровождается снизу известняками и песчаниками, а сверху — глинистыми сланцами и глинами. Въ области Арало-Иртышскаго водораздѣла каменноугольныя отложенія наиболѣе развиты, причемъ уголь встрѣчается и въ верхнемъ ярусѣ горнаго известняка, и въ нижнемъ; въ первомъ случаѣ—среди песчаниковъ и сланцевыхъ глинъ, во второмъ—среди известняковъ и сланцевъ. Напластованіе также разнообразно (сдвиги, сбросы), что́ указываетъ на безостановочную втеченіе этого періода дѣятельность дислокаціонныхъ процессовъ.

Въ западной части края отложеній каменноугольной системы до сихъ поръ не указано. Большую роль, повидимому, играютъ эти отложенія въ южныхъ возвышенностяхъ края, но они весьма мало изучены. Гранитный массивъ Тарбагатая прикрытъ *глинистыми и кремнистыми сланцами*, *известняками и песчаниками*, принадлежащими къ каменноугольному періоду; во многихъ мѣстахъ встрѣчаются залежи *каменнаго угля*. Отложенія эти обильны разными видами Productus.

Хребетъ *Сауръ* также богатъ отложеніями этого періода, но они также мало изучены. *Сланцы*, *известняки*, залегающіе на гранитномъ массивѣ, принадлежатъ, вѣроятно, также къ каменноугольнымъ отложеніямъ; въ долинѣ *Кендерлыка* открыты пласты каменнаго угля, а въ ю.-в. части Саура—залежи *графита*.

Нѣсколько лучше извѣстно геологическое строеніе ю.-з. Алтая, прилегающаго къ Иртышу, между Нарымской долиной и Усть-Каменогорскомъ. Въ этихъ горахъ имѣютъ большое распространеніе глинистые сланцы и известняки главнымъ образомъ девонскаго и отчасти каменноугольнаго періода. Горы между Нарымомъ и Бухтармой интересны тѣмъ, что въ нихъ были открыты спутниками Гумбольдта нигдѣ не встрѣченные минералы *гесситъ* (теллуристое серебро) и *алтаитъ* (теллуристый свинецъ). Выходы сланцевъ можно наблюдать и по долинѣ Иртыша; бо́льшая часть живописныхъ утесовъ, возвышающихся по обоимъ берегамъ рѣки, состоитъ изъ вертикально поднятыхъ пластовъ синеватаго сланца.

Отложенія *пермскаго* періода найдены въ немногихъ мѣстахъ западной части края. Видную роль среди нихъ играютъ *известняки*, цвѣтные *песчаники*, *кремнистые сланцы*, *мергеля и гипсы*. По берегамъ *Урала* (ниже впаденія *Иртека*) есть выходы яруса *пестрыхъ мергелей*, *гипсовъ* и *глинъ* (верхне-пермскихъ), которые встрѣчаются и на холмахъ близъ *Индерскаго* озера, гдѣ къ нимъ присоединяются красный *песчаникъ* и *известнякъ*; гипсовые холмы встрѣчаются въ окрестностяхъ *Гурьева*, по р. *Эмбѣ* и близъ *Мугоджаръ*. Это самыя древнѣйшія породы, которыя доступны наблюденію въ области Уральскаго войска. По лѣвую сторону

р. Урала они встрѣчаются спорадически, исчезая подъ позднѣйшими и снова появляются изрѣдка на ю.-з. склонахъ Мугоджарскихъ горъ. Пермскіе песчаники, известняки и гипсы развиты также между р.р. *Кіялы-Бурты* и *Буртей* (Тургайской обл.). Наблюдаются они изрѣдка и на Арало-Иртышскомъ водораздѣлѣ. Здѣсь извѣстны выходы ихъ въ степи на западъ отъ Каркаралинскихъ горъ; при этомъ во многихъ мѣстахъ отложенія нарушены поднятіями и выходами кристаллическихъ породъ. Въ сланцахъ найдены отпечатки папоротниковъ (Neuropteris и Odontopteris); а въ песчаникахъ—моллюски (Spirifer, Productus и др.). Встрѣчаются указанныя породы и среди Алтайскихъ хребтовъ, гдѣ напластаваніе ихъ весьма нарушено дислокаціонными процессами. На правомъ берегу *Иртыша* есть обнаженія, гдѣ сланцевая толща, имѣющая значительный уголъ паденія, покрыта сверху изверженными породами; повидимому тутъ была горная складка (синклиналь), размытая впослѣдствіи водой; иногда наблюдается и согласное напластованіе сланцевъ и изверженныхъ породъ.

Отложенія *мезозойской* эры наблюдаются главнымъ образомъ въ юго-западной части края (области Уральская и Тургайская); болѣе богатъ ими *мѣловой* періодъ, менѣе *юрскій*, а *тріасовыхъ* почти не имѣется: лишь въ окрестностяхъ *Гурьева* показано на картѣ Геологическаго Комитета (подъ вопросительнымъ знакомъ) небольшое пятно отложеній этой системы. *Юрскія* отложенія встрѣчаются въ сѣв.-зап. части Уральской области. Къ нимъ принадлежатъ: темно-сѣрая битуминозная *глина, песчаники, известняки, сѣровато-бѣлый мергель* съ пластами *горючаго сланца* и гипса. Изъ нихъ мергель является наиболѣе характернымъ для юрскихъ отложеній *Общаго Сырта*; въ нихъ встрѣчается масса аммонитовъ (изъ группы virgati), белемниты, Gryphaea dilatata, Ctenostreon distans и др. По лѣвую сторону р. Урала эти отложенія хорошо выражены близъ *Январцевскаго* форпоста, гдѣ образуютъ береговой обрывъ въ 22 арш. высоты; тутъ видны два пласта песчаниковъ (верхній съ массой Gryphaea, нижній—съ представителями аммонитовъ, белемнитами и др.); на нихъ лежитъ песчаная глина и мергель, подъ ними—горючій сланецъ. Встрѣчаются эти отложенія и въ *Индерскихъ* горахъ въ видѣ глинъ, глинистыхъ известняковъ и мергелей (содержатъ богатую фауну: Ostrea, Ammonites изъ группы virgati, Belemnites, Pentacrinus, Exogyra и др.), а также по берегамъ рр. *Солянки, Джюреня* и *Аще-Бутака* (мергели, глины, песчаники, горючій сланецъ съ однородной фауной). Въ сѣверо-восточной части Уральской и сѣверо-западной части Тургайской обл. они встрѣчаются по рр. *Утвѣ, Илеку, Большой* и *Малой Хобдѣ* (среди послѣднихъ отложеній залегаетъ бурый уголь невысокаго качества). На сѣверо-западныхъ берегахъ Аральскаго моря есть выходы юрскихъ песчаниковъ, мѣстами богатыхъ аммонитами.

Мѣловыя отложенія развиты также въ ю.-з. части края. На южномъ склонѣ *Общаго Сырта* встрѣчаются въ слабомъ развитіи черныя нижнемѣловыя глины (аптскаго яруса) съ аммонитами (Amm. bicurvatus, Amm. Deshayesi), напр. въ *Цвѣточной рестоши* близъ пос. *Озернаго* [1]). Значительнаго развитія зато достигаетъ здѣсь верхній отдѣлъ мѣловой системы. Въ Общемъ Сыртѣ встрѣчаются цѣлыя мѣловыя горы (*Бѣлая*,

[1]) По наблюденіямъ Новаковскаго и В. П. Семенова.

Ичка, *Глазастая* и др. съ массой белемнителль и морскихъ ежей), а также и на возвышенностяхъ къ ю.-в. отъ г. Уральска (гора *Сантасъ*, берегъ оз. *Чорхалы* и др.), которыя богаты окаменѣлостями.

На юго-востокъ отъ оз. Чорхала, по возвышенностямъ они весьма распространены. Почти всѣ возвышенности до Мугоджаръ образованы мѣловыми отложеніями (г. *Джюрень-Тау*, *Акчать-Тау*, *Мячная* и др. состоятъ преимущественно изъ мѣла съ белемнителлями, устрицами, морскими ежами и др.). Къ этимъ-же образованіямъ нужно отнести глины, известняки и пески съ устрицами, белемнитами и Spondylus въ области *Сагиза*. На западныхъ склонахъ *Индерскихъ* горъ (урочище *Бѣлая ростошь*, получившая свое названіе отъ мѣловыхъ образованій) встрѣчаются рухляки и мѣлъ, богатые окаменѣлостями (морскіе ежи, устрицы, белемнителли и др.), что̀ говоритъ о принадлежности ихъ къ мѣловымъ (сенонскимъ и частью туронскимъ) образованіямъ. На югѣ присутствіе ихъ обнаруживается нахожденіемъ белемнителль и белемнитовъ близъ *Кара-Чунгула* и у подножья *Чинка* (Усть-Урта), гдѣ ниже лежатъ пласты песчаника, переходящіе въ песчаный мергель (съ белемнитами), а сверху—мѣлъ. Послѣдній начинается большой толщей отъ горы *Айрюка* (Мугоджары), идетъ на ю.-з., образуя рядъ мѣловыхъ возвышенностей, и доходитъ до подножья Чинка (сверху прикрытъ третичными и арало-каспійскими осадками).

На сѣверѣ (въ Тургайской обл.) встрѣчаются мѣловые песчаники по лѣвому берегу р. *Аята*. Но вообще отложенія этой системы (кромѣ мѣла)—развиты здѣсь незначительно.

Мы уже замѣтили выше, что Киргизскій край—страна молодая, т. е. въ строеніи его принимали почти исключительно новѣйшія образованія—третичныя и четвертичныя (*неозойскія*).

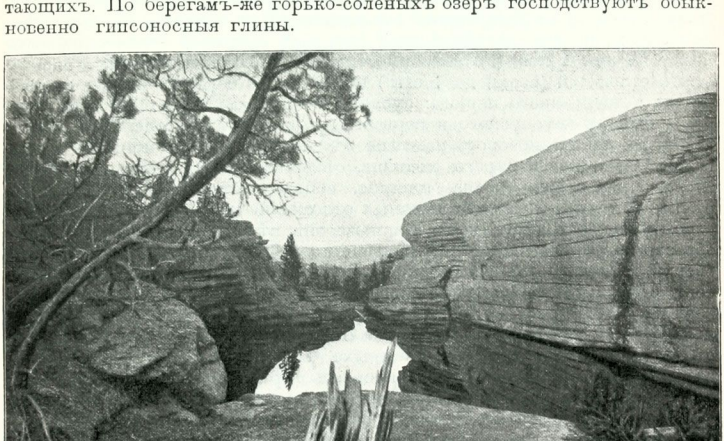
Третичныя образованія развиты въ разныхъ частяхъ разсматриваемаго края и относится къ различнымъ отдѣламъ этой системы. Въ верховьяхъ р. *Тобола* и его притоковъ болѣе древнія—нижне-третичныя (*палеогеновыя*) образованія развиты весьма сильно; по *Ую*, *Аяту*, верховьямъ Тобола нерѣдки *олигоценовые* бѣлые, тонкозернистые *пески* съ прослойками глинъ (подъ ними—желтыя песчаныя глины съ конкреціями гипса и еще ниже—свѣтло-сѣрыя глины); всѣ они богаты окаменѣлостями (Cyprina, Fusus, Modiola и др.). *Эоценовыя* образованія выражены *опоками* (бѣловатыми, сѣро-зелеными кремнистыми глинами, болѣе или менѣе песчаными и переходящими въ песчаникъ), рѣже мелкозернистыми песчаниками и рыхлыми песками; они также заключаютъ разнообразную фауну. И чѣмъ далѣе на востокъ, т. е. съ выходомъ на Западно-Сибирскую равнину—эти отложенія пріобрѣтаютъ все большее развитіе (мощность). Эоценовыя отложенія состоятъ здѣсь изъ сѣро-зеленыхъ крупно-зернистыхъ песковъ со множествомъ остатковъ зубовъ и позвонковъ акуловыхъ, ядра двустворокъ Pholadomya, Cyprina, Ostrea. Ниже они переходятъ въ песчаную глину и далѣе опять пески, а въ верхнихъ горизонтахъ—въ песчаники и опоки. Скрытые на равнинѣ послѣтретичными отложеніями, они обнажаются на Арало-Иртышскомъ водораздѣлѣ и по берегамъ Иртыша (между поселками *Кривинскимъ* и *Глуховскимъ*). Къ *олигоцену* относятся синевато-сѣрыя, пластинчатыя *глины* съ гипсомъ и многими окаменѣлостями (Cyprina, Fusus, Modiola, зубы акуловыхъ); въ верхнихъ слояхъ они смѣняются кварцевыми

песками. Кое-гдѣ среди нихъ встрѣчаются *лигнитъ* (бурый уголь) и *янтарь* (оз. *Худай-Куль*). Эти образованія достигаютъ до 20 арш.; у *Петропавловска* и *Омска* они уходятъ ниже уровня воды рѣкъ, а на западной окраинѣ обнажаются по верховьямъ и лѣвымъ притокамъ *Тобола*.

Въ области Арало-Иртышскаго водораздѣла третичныя образованія представляютъ остатки, уцѣлѣвшіе отъ размыва, въ видѣ небольшихъ островковъ или котловинъ, огражденныхъ выходами кристаллическихъ сланцевъ. Нижніе пласты состоятъ изъ плотныхъ сѣровато-зеленыхъ глинъ, верхніе—изъ буро-красныхъ съ мергелемъ и гипсомъ. Лежатъ они на гранитахъ, гнейсахъ и сланцахъ (гдѣ служатъ основаніемъ горько-соленыхъ озеръ). По составу эти глины тождественны съ таковыми Ишимо-Иртышской степи. Изъ горныхъ породъ, составляющихъ возвышенности водораздѣла, къ третичнымъ (эоценовымъ) должны быть отнесены сильно размытые мелкозернистые *песчаники* (кварцевые или глинистые), залегающіе въ видѣ глыбъ и обломковъ на вершинахъ холмовъ и увалахъ, а также *конгломераты Баянъ-Аульскихъ*, *Каркаралинскихъ* и др. горъ; къ олигоцену здѣсь нужно отнести свиты песковъ и гипсовыхъ глинъ (нижній слой). Послѣднія составляютъ впадины многихъ озеръ и ложе рѣкъ (оз. *Кара-Соръ*, р. *Чидерты*, *Ишимъ*). Лежатъ олигоценовые пески и глины на каменноугольныхъ или девонскихъ отложеніяхъ. Въ прииртышскихъ степяхъ они скрыты верхне-третичными и появляются снова только по берегамъ *Иртыша* (выше г. Павлодара), гдѣ нижній слой—песчаникъ, а надъ нимъ залегаютъ цвѣтныя глины (до 10 арш. в.), богатыя солями; съ выходомъ этихъ глинъ на поверхность связано существованіе извѣстныхъ соленыхъ озеръ *Коряковскаго* и *Ямышевскаго*.

Верхне-третичныя (*неогеновыя*) отложенія занимаютъ довольно значительныя площади въ Уральской области, а также всю сѣверную и восточную часть края (см. карту). Въ Уральской области особый интересъ представляютъ отложенія такъ называемыхъ *акчагыльскихъ* пластовъ, относящихся къ самымъ верхнимъ горизонтамъ *міоцена*, т. е. къ тому времени, когда, съ образованіемъ громаднаго сдвига отъ Жигулей на ю., вдоль восточнаго края Приволжской возвышенности и Ергеней, впервые сталъ образовываться Каспійскій бассейнъ. Возрастъ и названіе этихъ отложеній, частью *песчано-глинистыхъ*, частью *известковыхъ*, недавно установлены проф. Андрусовымъ на основаніи изученія имъ окаменѣлостей, найденныхъ въ обнаженіяхъ у *Индерскаго* озера и по р. *Утвѣ* Новаковскимъ и Никитинымъ, а на берегу р. *Урала* въ окрестностяхъ форп. *Дарынскаго* (обрывъ *Брусяной*) и на томъ же Индерскомъ озерѣ—В. П. Семеновымъ, причемъ окаменѣлости оказались тожественными съ найденными Андрусовымъ въ различныхъ мѣстахъ восточнаго Кавказа. Въ Западно-Сибирской равнинѣ неогеновыя образованія состоятъ изъ перемежающихся мощныхъ свитъ *глинъ* и *песка*, богатыхъ углекислыми, хлористыми и сѣрнокислыми солями. Громадному развитію этихъ отложеній обязаны своимъ существованіемъ здѣсь многочисленныя горько-соленыя озера края; этимъ-же объясняется, почему трудно достать здѣсь даже на значительной глубинѣ хорошую прѣсную воду. Порядокъ напластованія неогеновыхъ отложеній въ Западно-Сибирск й равнинѣ такой (начиная снизу): 1) свита переслаивающихся глинъ (болѣе или менѣе пластическихъ, грязно-сѣрыхъ) до $1^1/_2$ саж.

толщины, суглинковъ, песковъ (бурыхъ и охристыхъ) до 4½ саж. тол.; 2) сѣро зеленые и бурые пески съ остатками рыбъ (Perca и Leuciscus), деревьевъ и листьевъ—4½ саж. мощности; 3) свѣтло-зеленые суглинки (1½ саж.); 4) пластическія грязно-зелено-бурыя глины съ мергелемъ (съ Unio, Paludina и др.). Палеонтологическіе остатки говорятъ за то, что неогеновый бассейнъ былъ здѣсь мелководный (и прѣсный). Къ югу пески начинаютъ преобладать, причемъ встрѣчается богатая прѣсноводная фауна: раковины, кости рыбъ, грызуновъ и млекопитающихъ. По берегамъ-же горько-соленыхъ озеръ господствуютъ обыкновенно гипсоносныя глины.



Бассейнъ въ Каракалинскихъ горахъ. (*Изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*).

Къ верхнетретичнымъ-же отложеніямъ нужно отнести глины и пески многихъ долинъ Алтая—*Бухтарминской*, *Нарымской* и др.; въ глинѣ первой (ущелье *Тихановo*) найдены отпечатки многихъ представителей пліоценовой флоры—мирты, араліи, лавры, кленъ и др.

Въ новѣйшій *послѣтретичный* періодъ вся сѣверная часть края, включая водораздѣлъ, представляла, повидимому, уже сушу, такъ какъ не имѣетъ морскихъ осадковъ, а только *сухопутные* и *озерно-рѣчные*, къ которымъ относятся и древнія образованія долинъ современныхъ рѣкъ *Иртыша*, *Ишима*, *Камышловскаго лога* и др. менѣе значительныхъ рѣчекъ. Нижніе слои этихъ отложеній образованы неправильными пластами сѣрыхъ, бурыхъ и зеленоватыхъ песковъ съ прослойками глинъ и суглинковъ и включеніями гипса и мергеля, рѣже—желѣзистымъ песчаникомъ (въ верховьяхъ рѣкъ). Общая мощность такихъ

пластовъ на междурѣчьяхъ—незначительная, но по берегамъ Иртыша они достигаютъ 8 саж. Окаменѣлостями названныя отложенія довольно богаты: здѣсь встрѣчаются стволы деревьевъ (березы), прѣсноводныя раковины (Planorbis, Limnaea, Cyrena, Unio и др.), кости мамонта, первобытнаго быка, лошади и др. Эти пески составляютъ водоносный горизонтъ сѣверной части края. Верхній слой послѣтретичныхъ (постпліоценовыхъ) образованій состоитъ здѣсь изъ лёссовидныхъ суглинковъ и *лёсса*, т. е. континентальныхъ образованій; они подстилаютъ почву всей степной и лѣсостепной полосы края и содержатъ остатки наземныхъ (Pupa, Succinea) и прѣсноводныхъ раковинъ. По склонамъ рѣчныхъ долинъ толщина ихъ доходитъ до 3 саж., а въ открытой степи колеблется между $^1/_2$ или 1 саж. (въ зависимости отъ гривъ). Въ нижнихъ слояхъ этихъ отложеній (пески до 4 саж.) встрѣчаются богатые остатки степной фауны четвертичнаго періода: суслики, тушканчики, кроты, кости зубровъ, быковъ (мускуснаго и первобытнаго), антилопъ, оленей, лошади, верблюда, кабана, носорога, мамонта; въ пещерныхъ отложеніяхъ Алтая встрачаются кости бураго медвѣдя, сѣвернаго оленя, пещерной гіены, тигра, барса, рыси, волка, лисицы, соболя, летучей мыши и др. Въ рѣчныхъ долинахъ послѣтретичныя отложенія образуютъ вторыя террассы различной высоты; въ степи же они нѣсколько измѣняются, сообразно съ мѣстомъ залеганія. На вершинахъ гривъ они состоятъ (считая сверху) изъ лёссовидныхъ суглинковъ, переходящихъ въ слоистый песокъ съ гальками. На подошвахъ гривъ, а также на низменныхъ мѣстахъ верхній слой образуетъ бурая непористая глина съ кристаллами гипса, нижній—вязкая сѣро-бурая непористая глина. Этотъ слой служитъ дномъ озеръ, почвой солончаковъ и сырыхъ луговъ. Такое строеніе обусловило и характеръ залеганія водоносныхъ горизонтовъ. Воды скоплялись подъ третичными глинами въ нижнихъ слоистыхъ пескахъ и песчаныхъ суглинкахъ (слагающихъ склоны рѣчныхъ долинъ и ложбинъ); богатство глинъ различными солями дѣлаетъ воду жесткой и горько-соленой; добыть ее можно на 1—5 саженной глубинѣ.

Послѣтретичныя образованія южной полосы края имѣютъ также большое распространеніе, хотя выходы ихъ на поверхности незначительны; они составлены также сѣрыми песчанистыми *глинами* и бурыми (желѣзистыми) *песками* съ богатой прѣсноводной и наземной фауной (Planorbis correus, Limnaea, Chondrula, Bytinia, Paludina). Значительныя толщи ихъ можно наблюдать на берегахъ *Урала*, *Утвы* и др.

Въ области *Балхаша*, *Сары-Су* и *Иргиза* эти отложенія выражены глинами, песками и песчаниками, залегающими подъ арало-каспійскими образованіями; на берегахъ Сары-Су обнажены толщи песчаника и глинъ.

На *Арало-Иршышскомъ* водораздѣлѣ къ послѣтретичнымъ отложеніямъ нужно отнести *озерно-рѣчныя* образованія (по долинамъ современныхъ рѣкъ и ложбинамъ). Они выражены здѣсь песками, рыхлыми песчаниками и конгломератами; а изъ сухопутныхъ къ нимъ относятся лёссовидные желто-бурые суглинки, пески и мергели. Къ нимъ же нужно отнести отложенія *Призайсанской* равнины.

Новѣйшія образованія составляютъ въ краѣ такъ называемые *аралокаспійскіе* осадки. Это—тонко измельченный желтый глинистый песокъ (сильно вскипающій съ соляной кислотой); минеральныя части его, а

также и раковины—до того измельчены, что напоминаютъ скорѣе илъ, нежели песокъ. Иногда они переходятъ въ глинисто-известковый песчаникъ. Близъ Каспійскаго и Аральскаго морей они образуютъ вязкую глину, а въ сѣверныхъ частяхъ—болѣе песчанисты. Раковины, встрѣчающіяся въ нихъ, принадлежатъ къ теперь живущимъ въ Каспійскомъ и Аральскомъ моряхъ (Cardium crassum, Dreyssena caspia и др.). Аралокаспійскія образованія занимаютъ всю южную часть края за исключеніемъ Мугоджарскихъ возвышенностей, Усть-Урта, выходовъ мѣловыхъ и третичныхъ образованій въ области Иргиза, Сары-Су, Голодной степи и Балхаша. Къ этимъ же образованіямъ нужно отнести и *лёссъ* (желтовато-красную песчанистую глину), покрывающій большія пространства; такъ, кое-гдѣ по берегамъ *Урала* (п. *Январцевскій*) его толща достигаетъ 6 саж., а въ другихъ мѣстахъ—менѣе значительна; близъ Каспійскаго моря лёссъ не встрѣчается. Образованіе его, какъ извѣстно, объясняется дѣйствіемъ вѣтра на арало-каспійскія (и вообще послѣтретичные) осадки. Съ лёссомъ связаны здѣсь лучшія пахатныя земли, какъ съ арало-каспійскими осадками—глинистыя полынныя степи и солончаки.

Къ *современнымъ* же образованіямъ нужно отнести *рѣчныя и озерныя глины*, *илъ* и *пески* (образующіе первую террассу долинъ *Иртыша*, *Ишима*, *Тобола* и др. рѣкъ), а также и береговыя *дюны*, какихъ особенно много по Иртышу, Тоболу и *Иргизу*, гдѣ онѣ состоятъ изъ глинистаго песка съ обломками прѣсноводныхъ раковинъ. Въ южныхъ частяхъ края кромѣ того къ современнымъ образованіямъ нужно отнести *морскія дюны*, *барханы*, *сыпучіе и бугристые пески* (по сѣверо-восточнымъ берегамъ Аральскаго и Каспійскаго моря, Иргизу, Голодной степи, Зайсану и въ др. мѣстахъ). Ихъ образованіе обязано исключительно дѣйствію атмосферныхъ агентовъ, причемъ матеріаломъ служатъ не только арало-каспійскіе осадки, но и болѣе древнія породы.

Дюны являются результатомъ дѣйствія рѣчныхъ и морскихъ водъ и вѣтра; первыя размывали глинисто-песчаные берега и горныя породы, выбрасывали или выносили продукты разрушенія на сушу, гдѣ они подвергались дѣйствію атмосферныхъ агентовъ (среди которыхъ главную роль играетъ вѣтеръ). Дюны, окружающія Аральское море, обязаны больше всего дѣйствію мѣстныхъ вѣтровъ (дующихъ днемъ съ моря, а ночью съ суши), которому благопріятствуетъ и мягкость береговыхъ породъ. Расположены дюны обыкновенно параллельно берегамъ моря и по размѣрамъ значительно превосходятъ рѣчныя; въ пустынѣ *Кара-Кумъ* и особенно въ Кызылъ-Кумѣ (за предѣлами края) волны ихъ имѣютъ до 50 ф. выс. и до полуверсты длины. Составъ дюнъ всецѣло опредѣляется характеромъ петрографическаго состава ихъ мѣста зарожденія и разстояніемъ отъ него: напримѣръ, близъ береговъ Аральскаго моря составъ ихъ весьма напоминаетъ прибрежные пески, но дальше отъ берега онъ дѣлается замѣтно различнымъ. *Барханы* представляютъ собою исключительно результатъ дѣйствія атмосферныхъ агентовъ, а матеріаломъ для ихъ образованія служатъ обыкновенно различныя мѣстныя горныя породы, напр. песчаники и граниты, которые способны къ скорому вывѣтриванію и разрушенію; особенно наблюдается этотъ процессъ въ южныхъ сухихъ степяхъ, напр. въ *Голодной степи*, въ низовьяхъ *Иргиза*, *Сары-Су*, *Букони*, *Алкабека* и др. Вообще бо́льшая часть песковъ Арало-Балхашской равнины относится къ этому

типу. *Бугристые* пески нѣсколько напоминаютъ барханы (въ миніатюрѣ), но ихъ существованіе связано съ растительностью; обыкновенно они образуются вокругъ кустовъ саксаула, джузгуна и др. растеній пустыни. Въ азіатской части Уральской области барханныя образованія доходятъ до 50° сѣверной широты и даже немного выше ея, т. е. развиты уже немного южнѣе оз. Чорхала. Вотъ какъ описываетъ эти послѣдніе къ сѣверу барханы Никитинъ: „Немного не доходя долины *Булдурты*, появляется, какъ поверхностное образованіе, переносный песокъ—новый факторъ, получающій огромное значеніе въ очертаніи и физико-географической жизни страны. Эти пески, то разстилаются болѣе или менѣе обширными, гладкими, низменными полями, прилегающими преимущественно къ рѣчнымъ долинамъ, то вздуваются вѣтромъ въ цѣлую систему холмовъ, такъ называемыхъ бархановъ, часто громадныхъ размѣровъ, на десять и болѣе сажень въ вышину; при этомъ барханные холмы настолько измѣнчивы, что очертанія ихъ обыкновенно не наносятся вовсе на карты, и цѣлая площадь песковъ не только мѣняетъ эти очертанія, но имѣетъ и значительное поступательное движеніе въ горизонтальномъ направленіи. Пространство между отдѣльными площадями песковъ и группами барханов представляетъ однако все ту-же, совершенно гладкую ровную степь со значительно бо́льшимъ преобладаніемъ солончаковъ и солоноватыхъ глинъ, которыя въ разсматриваемой теперь мѣстности занимаютъ, напр., особенно значительныя площади къ югу отъ долины Булдурты. Несмотря на вышеозначенные недостатки барханныхъ областей, онѣ имѣютъ благопріятныя особенности, въ значительной долѣ выкупающія эти недостатки. Пески являются какъ-бы губкой, пропитанной наиболѣе чистой, совершенно прѣсной водой нерѣдко въ такомъ изобиліи, что даютъ начало многочисленнымъ самонстекающимъ источникамъ. Это обстоятельство обусловливаетъ почти постоянное сопровожденіе подножія барханов болѣе или менѣе значительными площадями особой злаковой растительности, доставляющей прекрасные зимніе кормы, почему такія мѣста являются средоточіемъ киргизскихъ зимовокъ, вокругъ которыхъ появляются и небольшія распашки. Эти же барханы и по той же причинѣ служатъ единственнымъ мѣстообитаніемъ послѣднихъ въ степи слѣдовъ древесной растительности въ видѣ ветлы, осокоря, тамарикса, бобовника, очень рѣдко березы и вяза“.

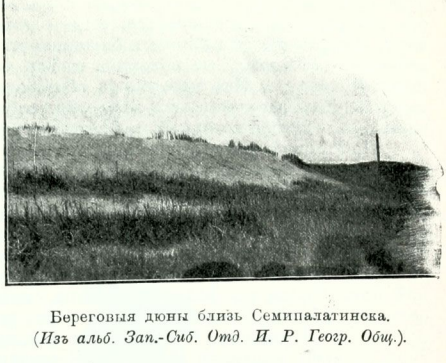
На основаніи всего вышесказаннаго объ отложеніяхъ Киргизскаго края, постараемся сдѣлать общее описаніе хода его геологической жизни.

Въ кембрійскій и силурійскій періодъ край представлялъ вѣроятно почти повсемѣстно сушу. Въ девонскій періодъ море наступило на всю восточную (отъ Мугоджаръ) часть края. Сушей оставались вѣроятно только части современной Уральской области, Мугоджаръ, можетъ быть части Усть-Урта и нѣкоторыхъ возвышенностей Арало-Иртышскаго бассейна. Къ силурійскому и девонскому періоду, повидимому, нужно отнести образованіе горныхъ складокъ на мѣстѣ современнаго Урала и Алтая.

Въ каменноугольный періодъ море вѣроятно покрывало бо́льшую часть разсматриваемаго края, оставляя незначительный полуостровъ на мѣстѣ Алтая и его отроговъ, гдѣ росли гигантскіе плауновые (Lepidodendron), цикадовыя пальмы и араукаріи. Преобладаніе въ нѣкоторыхъ отложеніяхъ Арало-Иртышскаго водораздѣла пластинчатожаберныхъ

(Lamellibranchiata) и брюхоногихъ(Gasteropoda)моллюсковъ говоритъ за то, что въ концѣ эпохи море обмелѣло и представляло, повидимому, рядъ бассейновъ; образованіе послѣднихъ тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ это время, какъ извѣстно, имѣли мѣсто большія поднятія на земной поверхности.

Въ пермскій періодъ море отступило, покрывая собой лишь юго-западную часть края (главнымъ образомъ современную Уральскую область).



Береговыя дюны близъ Семипалатинска.
(*Изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*).

Въ тріасовый періодъ море еще болѣе сократилось, оставшись лишь въ частяхъ Уральской области, смежныхъ съ Букеевской ордой Астраханской губ.

Въ юрскій періодъ (во второй его половинѣ) оно снова наступило на сушу и покрывало бо́льшую часть юго-западной половины края (до западныхъ отроговъ Мугоджаръ). Въ слѣдующій мѣловой періодъ въ первую его половину море только едва касалось разсматриваемаго нами края близъ Общаго Сырта, а во вторую половину этого періода край, повидимому, всей своей югозападной половиной находился подъ водой, за исключеніемъ хребта Мугоджаръ.

Въ третичный періодъ (который всюду сопровождался быстрой смѣной въ распредѣленіи суши и морей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и богатствомъ органическихъ формъ) отложенія края, какъ мы видѣли, носили смѣшанный характеръ (морской, озерный, паземный). Нижне-третичное (палеогеновое) море близъ восточныхъ склоновъ Урала сливалось съ сѣвернымъ палеогеновымъ моремъ на мѣстѣ Западно-Сибирской равнины. Такимъ образомъ современныя горы водораздѣла были островами и полуостровами, а долины ю.-з. Алтая — заливами этого моря. Сначала оно, повидимому, было мелкое, но затѣмъ начало дѣлаться глубоководнымъ, въ концѣ же палеогена настолько обмелѣло, что образовало самостоятельный, неглубокій бассейнъ на мѣстѣ Западно-Сибирской равнины.

Процессъ осушенія Западно-Сибирской равнины закончился, вѣроятно, въ міоценѣ, о чемъ говорятъ палеонтологическія данныя, а именно—отпечатки растеній изъ возвышенностей водораздѣла (колодецъ *Яркуе*) и сѣверныхъ отроговъ Алтая, гдѣ росли платаны, мирты, араліи и др. растенія, свойственныя теперь теплымъ приморскимъ странамъ Европы, Азіи, Америки и Австраліи. Слѣдовательно и тогдашній климатъ края былъ несравненно мягче. Съ этого періода континентальные процессы усилялись все болѣе и болѣе, такъ что въ пліоценѣ указанная флора смѣнилась уже представителями современныхъ широколиственныхъ лѣсовъ Европы, о чемъ можно судить по остаткамъ изъ пліоценовой глины Бухтарминской долины, гдѣ найдены отпечатки

бука, орѣшника, дуба, липы, ольхи и др. Бо́льшая часть края (къ югу отъ водораздѣла) была покрыта тогда однимъ или нѣсколькими бассейнами, которые дѣлали климатъ близкимъ къ современному западно-европейскому; сѣверная же половина имѣла болѣе умѣренный континентальный климатъ. Изъ животныхъ обитателей сѣверныхъ частей края въ этотъ періодъ заслуживаютъ вниманія гигантскіе мастодонты (Mastodon tapiroides), остатки которыхъ найдены въ обвалившихся ярахъ *Иртыша*.

Присутствіе въ этотъ періодъ одного или нѣсколькихъ бассейновъ на югѣ края способствовало увеличенію атмосферныхъ осадковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развитію озерно-рѣчныхъ образованій. Современныя рѣки Иртышъ и Ишимъ представляютъ жалкій слѣдъ тѣхъ многоводныхъ рѣкъ, которыя стекали съ Алтая и водораздѣла; а многихъ изъ нихъ теперь уже совсѣмъ нѣтъ, хотя отложенія ясно свидѣтельствуютъ объ ихъ прошломъ существованіи (напр. Камышловскій логъ, впадающій ниже Омска въ долину Иртыша, несомнѣнно былъ въ то время большой рѣкой; Селеты, Чидерты и др. степныя рѣчки, впадали, вѣроятно, въ Иртышъ). Среди этихъ отложеній найдены кости мамонта, тура, древней лошади и др., а также стволы ивъ и березы, что̀ говоритъ о близкомъ сходствѣ климатическихъ условій съ современными. Къ этому же времени нужно отнести появленіе *ледниковъ* на Алтаѣ и с.-в. Уралѣ. На первомъ они занимали десятки верстъ, заполняли многія долины и спускались на равнину. Что ледниковый періодъ существовалъ въ Южномъ Алтаѣ, Тарбагатаѣ и Саурѣ — это доказываютъ нѣмые свидѣтели того времени—валуны, ледниковые отложенія и штрихи по горнымъ скаламъ. Относительно ледниковыхъ отложеній можно сказать, что они служатъ подпочвой большинству горныхъ долинъ (напр. Нарымской, Бухтарминской, Кендерлыкской и др.). Древнія морены обнаружены во многихъ мѣстахъ Саура, Тарбагатая и почти на всѣхъ главныхъ южно-алтайскихъ хребтахъ. Нахожденіе мускуснаго быка, сѣверной летучей мыши, сѣвернаго оленя — также говоритъ о прежнемъ развитіи здѣсь ледниковъ.

Ледники Урала, вѣроятно, захватывали незначительную сѣверо-западную часть края и не оказывали замѣтнаго вліянія на его природу, такъ какъ въ то же время тамъ появились уже многіе изъ современныхъ животныхъ: суслики, тушканчики, антилопы, верблюды, кабаны и др., а изъ вымершихъ: зубры, туры, носороги и мамонты. Но, повидимому, главнымъ мѣстомъ обитанія послѣднихъ была область теперешняго Арало-Иртышскаго водораздѣла вплоть до Алтая.

Въ міоценовую эпоху на юго-западной окраинѣ разсматриваемаго края, въ части Уральской области существовалъ, какъ мы уже говорили выше (стр. 50), особый бассейнъ, прототипъ Каспія, отложившій такъ называемые акчагыльскіе пласты.

Въ южной части края, какъ мы уже сказали, въ послѣтретичный періодъ все еще занимали большія площади водные бассейны, оставившіе намъ такъ называемые арало-каспійскіе осадки; даже въ началѣ историческаго періода Аральское море простиралось далеко на сѣверъ и востокъ, Каспійское море также, а Балхашъ покрывалъ бо́льшую часть песковъ Сары-Ишикъ-Отрау, и на востокъ быть можетъ простирался до Тарбагатая. Зайсанское озеро было также болѣе значительныхъ размѣровъ.

Но усиленіе континентальныхъ процессовъ продолжалось непрерывно, и площади указанныхъ бассейновъ съ теченіемъ времени прогрессивно уменьшались и уменьшаются и понынѣ, такъ какъ исчезновеніе незначительныхъ озеръ и рѣчекъ наблюдается въ настоящее время на глазахъ одного поколѣнія. Періодами этотъ процессъ останавливается прибылью водъ (усиленіемъ осадковъ вообще), но эти временныя отступленія не нарушаютъ общаго хода усыханія — и бассейны продолжаютъ сокращать область своего распространенія.

По мѣрѣ усыханія мѣстность становилась достояніемъ атмосферныхъ агентовъ (главнымъ образомъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ), которые производили неустанную работу: разрушали породы, разлагали минеральныя соединенія, вымывали песокъ, отлагали глины и лёссъ. Этимъ и объясняется громадное развитіе здѣсь послѣтретичныхъ *сухопутныхъ* образованій, чему весьма благопріятствовалъ и континентальный климатъ края. Такъ какъ этотъ процессъ не окончился и въ настоящее время, то въ будущемъ можно ожидать еще большаго развитія новѣйшихъ *эоловыхъ* образованій въ покраѣ.

Развитые во мно

Утесъ „Конская голова“ около оз. Джембая.

гихъ мѣстахъ Киргизскаго края граниты представляли весьма благопріятную почву для образованія своеобразныхъ формъ вывѣтриванія, вродѣ такъ называемыхъ *матрацовыхъ отдѣльностей*, рисунокъ которыхъ былъ приведенъ выше (стр. 45); эти явленія вывѣтриванія можно, напр., прекрасно наблюдать на берегахъ оз. *Джембая* близъ *Баянъ-Аула*. Здѣсь также имѣются и интересныя формы размыванія горныхъ породъ, относящіяся къ категоріи такъ называемыхъ „земляныхъ столбовъ“ или „земляныхъ пирамидъ“, не уступающихъ, по красотѣ, подобнымъ-же, всемірно извѣстнымъ образованіямъ сѣверо-американскихъ „Парка памятниковъ“ и „Сада боговъ“. Примѣромъ этихъ формъ можетъ служить прилагаемый рисунокъ каменнаго столба „Кон-

ская Голова" близъ оз. Джембая (стр. 57). Происхожденіе упомянутыхъ столбовъ объясняется нахожденіемъ на ихъ вершинахъ кусковъ болѣе твердой породы (сама „голова"), защитившихъ, какъ крышей, нижележащіе, болѣе рыхлые слои отъ размыванія. Подобныя же образованія указываются Струве и Потанинымъ въ красныхъ и желтыхъ глинистыхъ отложеніяхъ вблизи сопки *Чакильмесъ* (между мысами *Бакланьимъ* и *Бархотомъ*) на берегу оз. *Зайсана*. Здѣсь многочисленные овраги раздробили эти глинистыя толщи на коническія и кеглеобразныя отдѣльности. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ азіатской части уральской области, какъ напр. на пространствѣ между р. р. *Терсаканомъ* и *Эмбой*, въ окрестностяхъ горы *Акъ-Буты*, безплодіе почвы, по Никитину, „обусловливается не столько обиліемъ содержанія растворимыхъ солей, сколько частью песка, а затѣмъ тонкой мѣловой пыли, покрывающей всю поверхность на высотахъ ближе къ Эмбѣ. Послѣднее является результатомъ воднаго и атмосферическаго разрушенія оригинальныхъ мѣловыхъ скалъ, разсѣянныхъ здѣсь въ видѣ отдѣльныхъ коническихъ горъ и цѣлыхъ горныхъ цѣпей среди совершенно ровной степи. Типомъ такихъ горъ служитъ извѣстная двухголовая вершина Акъ-Бута, далеко видная во всѣ стороны и господствующая надъ долиной Эмбы".

Вмѣстѣ съ усиленіемъ сухости климата и континентальныхъ процессовъ шло измѣненіе флоры и фауны: растительная и животная жизнь приспособлялась къ новымъ условіямъ существованія, а такъ-какъ эти условія были близки къ современнымъ, то надо полагать, что первый житель этихъ мѣстъ бродилъ по степямъ и лѣсамъ, близкимъ, по своему характеру, къ современнымъ; изъ животныхъ, жившихъ здѣсь, многія и теперь встрѣчаются, а нѣкоторыя только перешли въ болѣе южныя широты (тигръ, барсъ и пещерная гіена).

Съ другой стороны, вмѣсто исчезнувшихъ или отступившихъ въ болѣе благопріятныя для существованія мѣста представителей флоры и фауны,—появились, съ наступленіемъ современныхъ физико-географическихъ условій, новыя формы растеній и животныхъ, болѣе приспособленныя къ теперешнимъ условіямъ существованія; таковы современные представители сухихъ степей и солончаковъ.

Чтобы закончить геологическое описаніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о почвахъ и минеральныхъ богатствахъ края.

Почвы края (т. е. верхній слой земли, измѣненный совокупной дѣятельностью климата, растеній и животныхъ) изучены весьма недостаточно, почему ниже и не приводится подробная (научная) характеристика ихъ. На основаніи теперешнихъ матеріаловъ можно только съ нѣкоторой вѣроятностью сдѣлать общую характеристику почвъ и говорить объ ихъ географическомъ распредѣленіи въ краѣ. Исходя изъ этого, всѣ почвы можно разбить на три главныхъ типа: *черноземъ*, *каштановыя земли* и безплодные *суглинки* (*пустынно-степныя* почвы). Схематически ихъ можно представить въ видѣ поясовъ, простирающихся отъ запада къ востоку; изъ нихъ сѣверный поясъ занимаютъ черноземныя почвы, средній—каштановыя и самый южный—пустынно-степныя. Въ дѣйствительности полной правильности въ распредѣленіи почвъ не существуетъ; черноземы встрѣчаются, напр., въ поясѣ каштановыхъ земель, а каштановыя почвы, въ свою очередь, нерѣдки какъ въ первой, такъ и въ пустынно-степной полосѣ. Кромѣ того общими

для всѣхъ поясовъ являются: солончаковыя почвы, болотныя, суглинки и др.

Черноземъ Уральской области пріуроченъ къ *Общему Сырту*, гдѣ онъ залегаетъ чаще всего на лёссѣ и принадлежитъ къ категоріи такъ называемаго *южнаго шоколаднаго*, съ содержаніемъ перегноя отъ 3 до 6%. Южнѣе онъ переходитъ въ суглинки степей (сначала каштановые, а затѣмъ свѣтлобурые), не доходя праваго берега Урала. Эти почвы характеризуются густымъ покровомъ изъ перистаго ковыля.

Отъ юго-восточныхъ отроговъ Общаго Сырта черноземные участки проходятъ въ Оренбургскую губ. и, отклоняясь на сѣверо-востокъ, вступаютъ въ Тургайскую область. По р. *Илеку* они идутъ слегка къ

Гротъ отъ вывѣтриванія въ Каркаралинскихъ горахъ.
(*Изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*).

югу (почти до широты г. Иргиза), отсюда отступаютъ къ сѣверу—къ *Убогану*, отъ котораго начинаются черноземы Петропавловскаго у. Такимъ образомъ черноземы Тургайской обл., какъ и уральскіе, держатся наиболѣе возвышенной части (приуральской), входя въ составъ двухъ сѣверныхъ уѣздовъ области—Актюбинскаго и Кустанайскаго. По словамъ переселенцевъ, по качеству, здѣшній черноземъ не уступаетъ среднерусскому (содержаніе перегноя въ немъ 6—10%). Хотя черноземы здѣсь и не представляютъ сплошного распространенія, но несомнѣнно преобладаютъ надо всѣми другими почвами. Черноземныя степи покрыты обыкновенно густымъ покровомъ перистаго ковыля, а изъ кустарниковъ—таволгой, вишенникомъ и др. Къ юго-востоку отъ линіи

Актюбинскъ-Убоганъ черноземъ становится бѣднѣе и уступаетъ свое преобладаніе суглинкамъ.

Сѣверная часть Акмолинской обл. заключаетъ въ себѣ продолженіе южной полосы чернозема Тобольской губ., притомъ часто облѣсеннаго (какъ въ уѣздахъ Курганскомъ, Ишимскомъ и др.). Южная граница его на западѣ доходитъ до 53° (оз. Убоганъ), а по направленію къ востоку отклоняется нѣсколько сѣвернѣе и доходитъ до Иртыша подъ 54°. Въ этой полосѣ черноземъ не представляетъ сплошного распространенія, а играетъ только первенствующую роль среди другихъ почвъ (суглинковъ, солончаковъ и др.). Толщина его, въ сравненіи съ черноземомъ Европейской Россіи, менѣе мощна—отъ 14 до 22 дюйм. Здѣсь можно встрѣтить черноземъ въ двухъ его типахъ. Первый изъ нихъ—*суглинистый* черноземъ распространенъ на степныхъ ровныхъ участкахъ; подпочвой имъ служатъ третичныя глины. Въ сухіе годы такія почвы можно отличить по большимъ трещинамъ; производительность ихъ въ такое время замѣтно падаетъ. Второй типъ—это *лёссовидный* черноземъ, залегающій на лёссѣ; мощность его также невелика (отъ 18 до 24 д.), строеніе же чаще всего отличается неправильной комковатостью. У обоихъ видовъ цвѣтъ темно-сѣрый или слегка буроватый. Въ среднемъ содержаніе перегноя въ этимъ типѣ чернозема колеблется отъ 6 до 10%, рѣже — до 10%; при этомъ степной черноземъ бѣднѣе имъ. Такіе черноземы сопровождаются обыкновенно опредѣленной растительностью—изъ ковыля, эспарцета, вѣтренки, астрагала, горошка, морковника; изъ кустарниковъ растутъ на немъ таволга и вишня (на с.-з.). Относительно топографическихъ условій существованія можно сдѣлать такое обобщеніе: распространеніе чернозема связано съ описаннымъ выше рельефомъ и орошеніемъ этихъ мѣстъ, а именно онъ встрѣчается преимущественно на гривахъ и увалахъ рѣчныхъ долинъ и на Тобольско-Ишимско-Иртышскомъ междурѣчьѣ. Мнѣніе Докучаева, что западно-сибирскіе черноземы легко истощаются—не можетъ быть принято безъ оговорокъ. Дѣйствительность показываетъ, что здѣшніе черноземы могутъ давать хорошіе урожаи втеченіе длиннаго ряда лѣтъ—15 и болѣе (что видно, напр., на арендаторскихъ пашняхъ въ Петропавловскомъ у.). Удобреніе истощенныхъ почвъ повышаетъ ихъ производительность, какъ и въ Россіи. Неблагопріятное вліяніе оказываютъ на сибирскіе черноземы только засухи При этомъ въ суглинистыхъ черноземахъ замѣчается нѣкоторая метаморфоза: поверхность ихъ покрывается легкимъ солонцомъ, и производительность значительно падаетъ. Но въ дождливые годы („смочные“) солонецъ исчезаетъ, и почвѣ снова возвращается ея прежняя производительность.

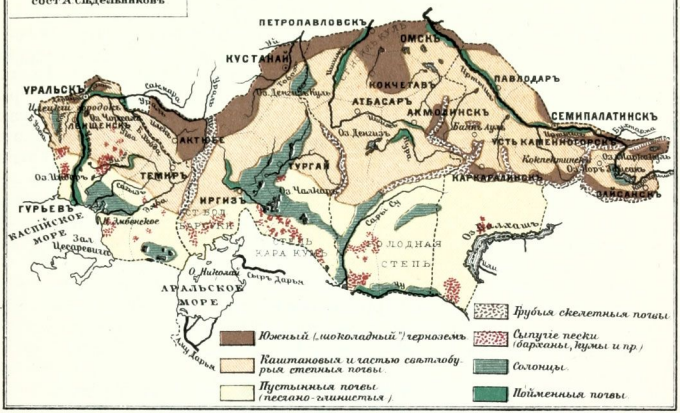
Къ черноземной же полосѣ слѣдуетъ отнести и *подзолистыя* почвы („*бѣляки*“), которыя довольно часты въ низинахъ степи и котловинахъ гривъ. Эти почвы заняты часто лѣсными насажденіями (березы и осины) и бѣдны перегноемъ, что позволяло нѣкоторымъ изслѣдователямъ думать, что подзолы суть производныя образованія изъ чернозема черезъ облѣсеніе и связанное съ этимъ истощеніе почвы цеолитной частью. Другіе изслѣдователи однако видятъ въ типичныхъ подзолахъ первичныя почвы, которыя образовались на лёссовидныхъ глинахъ и пескахъ.

Кромѣ указанной сѣверной полосы, черноземы встрѣчаются также

ПОЧВЫ КИРГИЗСКАГО КРАЯ.

сост. А. Сѣдельниковъ.

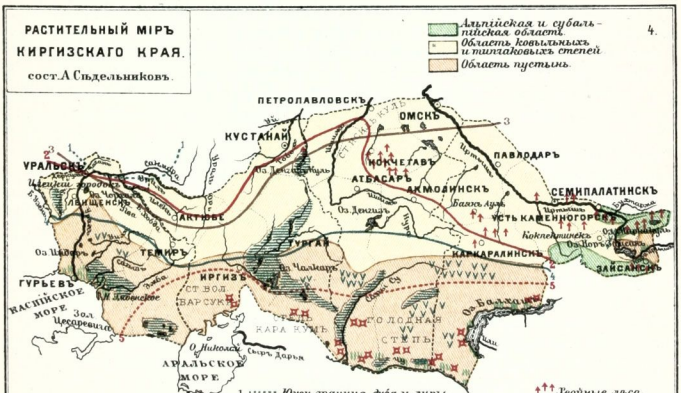
3.



РАСТИТЕЛЬНЫЙ МІРЪ КИРГИЗСКАГО КРАЯ.

сост. А. Сѣдельниковъ.

4.



„Россія" Т. XVIII. Изд. А. Ф. Девріена С. П. Б.

Лит. И. Кадушина С. П. Б.

на восточной и юго-восточной границѣ разсматриваемаго края. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить полосу земли, которая тянется въ 10—30 верстахъ отъ праваго берега Иртыша, едва касаясь границъ нашего края и большею частью принадлежа Томской губ. Начинается она около Омска и за нѣсколькими перерывами доходитъ до Семипалатинска. Близъ послѣдняго находится житница прииртышскихъ казаковъ—*Бельагачская* степь, съ богатыми черноземами, но безводная, что значительно затрудняетъ веденіе на ней хозяйства. Къ югу отсюда черноземы спорадически распространены до Алтая (близъ праваго берега Иртыша), причемъ измѣняютъ свой характеръ, теряя черты степного чернозема и пріобрѣтая особенности *горнаго*.

Горный черноземъ встрѣчается во многихъ широкихъ долинахъ и на склонахъ горъ въ Усть-Каменогорскимъ у., покрытъ роскошной растительностью и при обработкѣ даетъ хорошіе урожаи хлѣбовъ. Такіе-же черноземы можно встрѣтить и въ горахъ Зайсанскаго у.

Кромѣ указанныхъ мѣстъ, черноземъ встрѣчается и во внутреннихъ частяхъ края. Черноземы Кокчетавскаго у. (близъ п. *Щучьяго*, *Макинскаго* и нѣк. др.) до самаго послѣдняго времени служили притягательной силой переселенца пахаря, а среди казачьихъ земель справедливо считаются самыми плодородными (перегноя въ нихъ отъ 6 до 12%).

Полоса съ преобладаніемъ *каштановыхъ* почвъ идетъ къ югу отъ вышеуказанной границы чернозема до 48—49°. Въ этихъ предѣлахъ каштановыя почвы также не имѣютъ сплошного распространенія, а только занимаютъ преобладающее положеніе среди другихъ типовъ почвъ. Каштановыя почвы представляютъ изъ себя сѣровато-каштановые суглинки, которые значительно бѣднѣе перегноемъ, нежели черноземъ; мощность ихъ—до 20 сант.; нерѣдко они отличаются примѣсью мелкой дресвы. Такія почвы обыкновенны на возвышенныхъ степяхъ Акмолинскаго, Павлодарскаго, Каркаралинскаго, Иргизскаго, Тургайскаго и Уральскаго уѣздовъ. Растительный покровъ состоитъ обыкновенно изъ рѣдкаго ковыля, но не перистаго, а волосатаго и др. (Stipa capillata, St. Lessingiana).

Въ этой-же полосѣ весьма распространены *солончаковыя* почвы; ихъ можно встрѣтить не только по берегамъ рѣкъ и горько-солеными озеръ, но и въ низинахъ степей и на склонахъ увалокъ. Чаще всего онѣ встрѣчаются пятнами или небольшими островками, и тогда киргизы называютъ степь „кырала“ (пестрая); рѣже эти почвы тянутся (напр. по дну межгривныхъ мѣстъ) на цѣлыя версты. Подпочвой наиболѣе выщелочныхъ солончаковъ (пойменныхъ) служатъ аллювіальныя глины (въ сыромъ видѣ—вязкая, въ сухомъ—крѣпкая), а въ степяхъ—третичныя. Такимъ образомъ солонцы Киргизскаго края слѣдуетъ отнести къ позднѣйшимъ континентальнымъ образованіямъ, а не къ морскимъ, какъ объясняли первые изслѣдователи края [1]). Въ солонцахъ различаютъ два типа: *структурные* и *безструктурные*. Первые, почти всегда сухіе и твердые, залегаютъ на скатахъ возвышенностей, послѣдніе—по низинамъ, по днищамъ высохшихъ озеръ, бере-

[1]) Мы не говоримъ здѣсь о солончакахъ Каспійскаго, Аральскаго и Балхашскаго морей, съ которыми связь ихъ несомнѣнна.

гамъ ихъ и рѣчнымъ лугамъ. Въ послѣднихъ мѣстахъ солонцы обыкновенно подзолисты и имѣютъ богатую растительность. Къ нимъ слѣдуетъ отнести пойменные луга большинства рѣкъ края, начиная съ извѣстныхъ „*Чижинскихъ разливовъ*“ (въ Уральской обл.) и кончая лугами Иртыша. Структурные-же солонцы характеризуются, наоборотъ, бѣдностью и однообразіемъ растительнаго покрова (состоящаго почти изъ однѣхъ солянокъ и полыней).

Наконецъ третья группа почвъ — *пустынно-степныхъ* — занимаетъ преобладающее положеніе въ южныхъ частяхъ края. Среди нихъ главную роль играютъ *глинистыя* почвы, красноватаго цвѣта съ бѣдной растительностью, среди которой первое мѣсто занимаютъ кустики пустынныхъ кустарниковъ кокъ-пека (Atriplex canum) и баялыча (Atraphaxis Karelinian.). Такихъ почвъ много въ области нижняго теченія Урала, въ Иргизскомъ, Тургайскомъ, Акмолинскомъ и Каркаралинскомъ уѣздахъ. Сухой климатъ и недостатокъ проточныхъ водъ—главныя причины развитія здѣсь пустынныхъ почвъ.

Какъ особый типъ почвъ, можно разсматривать *хрящеватыя* (скелетныя) и *песчаныя*, которыя являются продуктомъ разрушенія материнскихъ породъ (почвы *Голодной степи* и др. пустынь). Содержаніе перегноя въ нихъ незначительно.

Въ заключеніе о почвахъ приведемъ нѣсколько подробныхъ анализовъ ихъ (по Высоцкому и Краснопольскому).

Мѣстность.	Абсолют. выс.	Мощность.	Влажность.	Перегной.	Летуч. вещества при 500° t.	Характеръ.
Березовая степь близъ ст. Чумлякъ	74 саж.	0,2 мет.	0,57%	0,51%	1,81%	Подзолистая.
Степной склонъ къ р. Каменкѣ	75 »	0,2 »	3,49	7,45	17,10	Супесчаный черноземъ.
Сухое болото между оз. Макушинымъ и Максимовымъ	64 »	0,4 »	7,31	3,35	15,77	Тяжелыя глины болотнаго происхожденія.
На второй террассѣ Ишима	44 »	0,3 »	1,54	0,8	3,44	Бѣлякъ.
Степь близъ ст. Маріановки	50 »	0,3 »	5,96	6,91	16,63	Черноземный суглинокъ.
Увалъ близъ ст. Прѣсновской	—	0,5 »	5,40	5,33	13,43	t 1000° Черноземъ.
Степь у Николаевска (Кустанайскій у.) . .	—	0,65 »	5,33	4,16	14,42	
Степь близъ лѣса Казанъ-Басы (Кустъ у.) .	—	0,7 »	8,44	3,76	14,83	
Луга на в. отъ Омска (въ 12 в.)	—	0,4 »	5,39	4,82	12,19	
Древняя терасса прав. бер. Иртыша выше ст. Желѣзинской . .	—	0,7 »	2,30	1,45	—	
Прав. бер. Иртыша у г. Павлодара	—	0,5 »	0,98	0,72	—	
Древн. терасса лѣв. бер. Иртыша у Семипалатинска	—	0,2 »	2,19	0,78	—	Тяжелый суглинокъ.
Бель-агачская ферма на склонѣ горы	—	0,3 »	2,63	4,82	—	Тяжелый суглинокъ.

Мѣстность.	Абсолют. выс.	Мощность.	Влажность.	Перегной.	Летуч. ве. ществ. при 500° t.	Характеръ.
Верхняя долина у горы Куу	—	0,3 »	4,84	8,69	—	Тяжелый суглинокъ.
Южная подошва Баянъ-аульскихъ горъ . . .	—	0,35 »	2,40	4,26	—	
Южн. склоны г. Аркалыкъ	—	0,2 »	3,34	6,8	—	
Южн. склоны г. Джелтау	—	0,5 »	6,73	11,58	—	
Зап. склонъ Каркаралинскихъ горъ . .	—	0,2 »	5,04	9,75	—	

Ископаемыми богатствами Киргизскій край славился издавна, а нахожденіе „чудскихъ“ копей говоритъ за то, что уже въ глубокой древности населеніе занималось разработкой этихъ богатствъ.

Въ настоящее время край не перестаетъ привлекать своими богатствами предпріимчивыхъ людей. Прежде добывали здѣсь золото, серебро, мѣдь, желѣзо, свинецъ и „самоцвѣтные“ камни, за послѣднее же время выяснилось, что край, помимо этого, весьма богатъ *каменнымъ углемъ* хорошаго качества, а близъ берега Каспійскаго моря и *нефтью*. Наиболѣе богаты углемъ уѣзды: Павлодарскій, Каркаралинскій, Акмолинскій и Зайсанскій. Здѣсь извѣстно значительное мѣсторожденіе *Кендерлыкское* (Зайсанскаго у.) въ 50 вер. отъ Зайсанскаго поста. Оно представляетъ незначительную впадину, окруженную выходами сланцевъ. Угленосный слой лежитъ неглубоко и достигаетъ $4^1/_2$ арш. толщины; горизонтальное распространеніе изслѣдовано на небольшомъ пространствѣ. Качество угля — невысокое; по большей части это *бурый* уголь. Въ годъ добывается здѣсь угля до 100 тыс. пудовъ; онъ идетъ исключительно для мѣстныхъ нуждъ. Въ Павлодарскомъ у. замѣчательны четыре мѣсторожденія: *Кызылъ-Тавское*, нѣкогда славившееся качествомъ угля; мощность пластовъ здѣсь до 2 саж., но уголь не разрабатывается; второе мѣсторожденіе *Карагандинское* имѣетъ два пласта: сѣверный—до 10 саж. ширины и 3 въ глубину, южный—нѣсколько менѣе; въ длину они извѣстны на версту; уголь даетъ полуспекающійся коксъ (золы 8—12%); далѣе мѣсторожденіе *Джеманъ-Тузское*—одно изъ богатыхъ въ уѣздѣ; здѣсь пласты угля (до 1 арш. т.) раздѣлены прослойками глины (1—4 верш.), а общая мощность угольнаго пласта достигаетъ 5 саж. (уголь даетъ 60% спекающагося кокса, влажности—1%, золы—30%); здѣсь добывается въ годъ до 25 тыс. пудовъ; еще болѣе мощные пласты угля имѣются въ *Акъ-Чеку*, гдѣ они достигаютъ 10 саж.; по качеству уголь близокъ къ предъидущему. Изъ другихъ, менѣе значительныхъ мѣсторожденій можно указать: *Сергіевское* (мощность бураго угля—4 арш. и хорошаго—1 арш.), *Узунъ-Сорское* (до 61% кокса, золы—6%), *Известковское* (до $1^1/_2$ арш. т.), *Бесъ-Тюбе* (невысокаго качества), *Семизъ-Бугу*, *Аще-Куль* и др.

Но самыя значительныя каменноугольныя мѣсторожденія находятся близъ горы *Куу-Чеку* и оз. *Экибазъ-Туза*. Уголь близъ горы Куу-Чеку залегаетъ среди свѣтлосѣрыхъ глинъ, лежащихъ на черныхъ глинистыхъ сланцахъ; мѣстность представляетъ впадину въ 20 кв. вер., окруженную выходами известняковъ. Мощность угленосныхъ пластовъ точно

не изслѣдована; въ нѣкоторыхъ шурфахъ обнаружена толща чистаго угля до $2^1/_2$ саж.; въ иныхъ же—только до 3 четв. Вглубь мѣстность также изслѣдована мало, почему трудно сказать, сколько угольныхъ пластовъ заключаетъ въ себѣ это мѣсторожденіе; нѣкоторые изслѣдователи считаютъ ихъ пять, другіе—меньше. Но солидность мѣсторожденія признается всѣми. Уголь—чернаго цвѣта, блестящій, слоистаго сложенія; по качеству онъ принадлежитъ къ лучшимъ въ краѣ (углерода—64—69%, водорода—3—4%, золы—15—25%, влажности—0,84—5,54%; уголь даетъ кокса до 81%). Экибазъ-Тузское мѣсторожденіе находится въ 115 в. отъ Павлодара вокругъ небольшого (3 кв. в.) соленаго оз. Экибазъ-Тузъ. На берегахъ послѣдняго, кромѣ новѣйшихъ отложеній, наблюдаются выходы желѣзистыхъ известняковъ и порфиритовъ. Такъ какъ въ настоящее время это мѣсторожденіе играетъ видную роль среди всѣхъ другихъ мѣсторожденій Киргизскаго края, то мы остановимся на его описаніи нѣсколько подробнѣе. Выше сдѣлано его геологическое описаніе; поэтому перейдемъ прямо къ мощности и качеству угля [1]). Во *Владимірской* шахтѣ (до глубины 58,2 саж.) встрѣчаются 2 пласта угля: верхній толщины 11,4 саж., нижній—19,8 саж. Они раздѣлены между собой толщей песчаника и сланца ($1^1/_2$ саж.) и заключаютъ незначительныя прослойки глинъ и мусора. По виду угли подобны другъ другу, т. е. имѣютъ сланцеватое сложеніе, черный цвѣтъ и тонко-волокнистое строеніе. Подобное расположеніе (съ мощностью верхняго слоя въ 18 с. и нижняго—12 с., считая прослойки) имѣетъ и *Маріинская* шахта. Значительные пласты угля обнаружены въ *Артемьевской* шахтѣ (12,15 саж.) и *Косумбескомъ разрѣзѣ* (12 саж. съ незамѣтными прослойками глинъ). Особенно мощные пласты (верхній и нижній) угля обнаружены въ *Воскресенской* шахтѣ (новой), гдѣ они достигаютъ 30,36 саж. Во всѣхъ этихъ шахтахъ уголь черный, то блестящій, то матовый, чаще сланцеватаго сложенія. Твердость угля довольно значительна; на воздухѣ онъ загорается трудно, горитъ съ трескомъ и короткимъ пламенемъ, причемъ отдѣляетъ смолистый запахъ. Здѣсь встрѣчаются слои угля болѣе плотнаго, матоваго, сѣровато-чернаго цвѣта съ полураковистымъ изломомъ (такъ называемый „свѣтлый“, „свинцовый“). По качеству уголь долженъ быть отнесенъ къ лучшимъ. Анализъ угля верхнихъ слоевъ (Артемьевскій пластъ) изъ Воскресенской шахты съ 23 саж. глуб. показалъ слѣдующій составъ:

Влажность	3,56%	C=73,69
Золы	7,85%	H= 5,29
Летучихъ веществъ . .	32,59	O+H=13,17
Кокса	67,41	Золы = 7,85
Чистаго кокса	59,56	

Составъ наихудшихъ углей (съ 6 саж. глубины):

Влажность	11 %	
Золы	8,06	C=60,92%
Летучихъ веществъ . .	45,13	H= 4,20
Кокса	54,87	O+H=24,76
Чистаго кокса	46,81	Золы=10,12

Такимъ образомъ здѣсь встрѣчаются оба вида угля: сухой (первый) и жирный (второй). Въ нижнемъ пластѣ (Владимірскомъ) содержаніе

[1]) Пользуемся данными Мейстера.

бѣднѣе (59%), а золы болѣе (13%). Угли другихъ шахтъ по количеству углерода измѣняются отъ 56 до 76%.

Если принять мощность пластовъ въ 30 саж. и глубину въ 40 саж. и длину, на которую они прослѣжены (7 вер. 400 саж.), то общій запасъ угля (изслѣдованнаго) нужно считать равнымъ 6.500 милліонамъ пудовъ. Несомнѣнно, что дѣйствительный запасъ угля превосходитъ значи-

Экибазъ-Тузское мѣсторожденіе каменнаго угля. (По Мейстеру).

тельно эту цыфру, такъ что мѣсторожденіе нужно отнести къ наиболѣе богатымъ въ краѣ (Мейстеръ).

Принимая во вниманіе богатство края мѣдными, серебро-свинцовыми и др. рудами и почти отсутствіе древеснаго топлива, становится особенно цѣннымъ нахожденіе здѣсь каменнаго угля.

Изъ другихъ горючихъ ископаемыхъ можно указать *торфъ* для сѣверной (равнинной) части (близъ п. *Архангельскаго, Камышлова, Петропавловскаго* и *Котуркульскаго*), но залежи его незначительны и разрабатываются только для мѣстныхъ нуждъ, а потому общаго значенія для края не

имѣютъ. Также мѣстное значеніе имѣютъ: *бурый уголь* въ Кустанайскомъ у. (по берегамъ р. *Аята*) и Актюбинскомъ (по *Малой* и *Большой Хобдѣ* и *Утвѣ*), принадлежащій къ юрской системѣ, *торфяники* и *горючій сланецъ* юрской системы въ Уральской обл. Послѣдній представляетъ горючій матеріалъ низшаго качества; наилучшимъ является онъ въ такъ называемымъ *Черномъ затонѣ* (упомянутое выше, на стр. 48, обнаженіе на берегу р. Урала близъ п. Январцевскаго), гдѣ анализы показали слѣдующій составъ: летучихъ веществъ 50%, влажности 7%, сѣры—2,78, кокса—49,5; углерода въ коксѣ—19,70%, золы—29,7.

Золото добывается главнымъ образомъ въ Усть-Каменогорскомъ и Зайсанскомъ у.у. (*Калбинскій*, *Нарымскій*, *Курчумскій* и др. хребты) изъ розсыпей по горнымъ долинамъ и рѣчкамъ, а также и на холмистой равнинѣ (къ с. отъ Калбинскихъ горъ) среди ложбинъ, заполненныхъ кварцевыми песками и прикрытыхъ глинами. Коренное золото извѣстно по р. *Кара-Су*, въ *Шуптульскомъ* рудникѣ (Каркаралинскаго у.) и по р.р. *Сарыз*-и *Кожегулъ-Булаку* (Кокчетавскаго у.). Немногочисленность коренныхъ мѣсторожденій золота объясняется тѣмъ, что изъ нихъ не производится разработка, а слѣдовательно они и не развѣдываются. Обыкновенно золото встрѣчается въ видѣ мелкихъ блестокъ; при этомъ въ верхнихъ слояхъ (по р *Актасты*, *Узюнь-Булаку*, *Кара-Су*) они наиболѣе крупны, а въ нижнихъ—мелки; изрѣдка встрѣчаются самородки до 4½ фун. Въ гористыхъ мѣстахъ золото добывается среди галечныхъ и глинистыхъ наносовъ долинъ и рѣчекъ, причемъ содержаніе золота и величина зеренъ увеличиваются съ глубиной (по р. *Кыставъ-Курчуму* и др.). Содержаніе золота колеблется въ значительныхъ предѣлахъ. Наиболѣе богатыми считаются *Калбинскіе* и *Курчумскіе* пріиски, гдѣ на 100 пуд. золотоноснаго грунта приходится до 16 и болѣе долей золота; на болѣе бѣдныхъ пріискахъ на 100 пуд. грунта приходится 6 долей. На всѣхъ пріискахъ(123) въ 1897 г. было добыто 32 пуда 12 ф. 29 лотъ 84 зол. Производится промывка золота и въ Кокчетавскомъ у. по долинамъ рѣчекъ (*Джаны-Су*, *Азбая*, *Кайнара*) и на оз. *Чебачьемъ* среди наносовъ; присутствіемъ золота послѣдніе обязаны также разрушенію кварцевыхъ золотоносныхъ жилъ въ гнейсахъ и кристаллическихъ сланцахъ; содержаніе золота здѣсь небольшое; на всѣхъ 26 пріискахъ добывается въ годъ около 2 пуд.

Серебро добывается главнымъ образомъ въ Каркаралинскомъ у., въ горахъ; въ чистомъ видѣ оно встрѣчается рѣдко, чаще вмѣстѣ со свинцомъ (серебро-свинцовыя руды). Наиболѣе значительно мѣсторожденіе *Кузю-Адыръ*, гдѣ имѣются двѣ жилы: одна толщиной отъ 13 до 24 верш., а другая въ 6—12 верш.; онѣ представляютъ свинцовый блескъ, серебряную чернь, цинковую обманку, а также мѣдный и сѣрный колчеданъ, мѣдную синь и зелень. Содержаніе серебра въ рудѣ невелико: на 1 пудъ руды отъ 4 до 11 зол. серебра, свинца 20—25 фунт. Жилы начинаются на 1 арш. глубины и уходятъ на 13 саж. Мѣсторожденіе *Кызыл-Эспе* имѣетъ также двѣ рудныхъ жилы, общая мощность которыхъ достигаетъ 7—8 саж.; прослѣжены онѣ на 25 саж. и лежатъ среди известняковъ; составъ ихъ также разнообразенъ (бѣлая свинцовая руда, серебряный, свинцовый блескъ, охра, англезитъ, мѣдная синь, зелень, лазурь, блескъ, колчеданъ и др.), причемъ окислы располагаются у поверхности въ видѣ скопленій (желваковъ); на 15 саж. глубины содержаніе рудъ уменьшается. Свинцовыя руды преобладаютъ (50—70%) и съ 1 пуда даютъ до 12 зол. серебра.

Подобный характеръ носитъ мѣсторожденіе *Косъ-Копъ-Гыръ*, но серебра заключаетъ еще болѣе—до 20 зол. на пудъ руды. Мѣсторожденіе *Діана* незначительно, но также богато — до 25 зол. серебра на 1 пудъ руды. Менѣе богаты содержаніемъ серебра руды другихъ мѣсторожденій: *Акъ-Чеку*, гдѣ свинца—30%, серебра—9 зол., *Беркала*—свинца 10—25%, серебра—3 зол. и др. Въ мѣсторожденіи *Бишъ-Чеку*, гдѣ среднее содержаніе серебра въ рудахъ—2 зол. на пудъ, встрѣчаются въ жильныхъ гнѣздахъ руды съ содержаніемъ серебра до 50 зол. на пудъ. Всего добывается въ краѣ серебро-свинцовыхъ рудъ до 126 тыс. пудовъ.

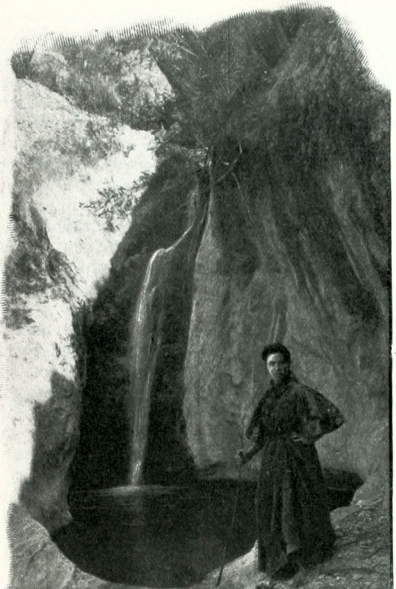
Въ Тургайской области есть небогатыя мѣсторожденія серебро-свинцовыхъ рудъ въ уроч. *Курга-Сыкъ*, *Обалы-Джалъ*, не служащія предметомъ крупнаго дѣла: здѣсь добыча производится непостоянно и зависитъ отъ удачи.

Мѣдными рудами край также богатъ; онѣ обыкновенно встрѣчаются вмѣстѣ съ серебро-свинцовыми, среди кварцитовъ и песчаниковъ въ окисленномъ видѣ (мѣдная синь, зелень, лазурь, блескъ, печенка, колчеданъ); бо́льшая часть мѣсторожденій находится въ *Каркаралинскихъ* горахъ; менѣе замѣчательны мѣсторожденія мѣдныхъ рудъ въ ю.-з. части Кокчетавскаго и Павлодарскаго у.у., на берегахъ оз. *Суръ-Куль* (Тургайской обл.) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Мѣсторожденіе мѣди *Бишъ-Чеку* имѣетъ общую мощность рудной жилы 3—4 саж. шир.; содержаніе мѣди въ немъ—7—8 фун. на пудъ руды; мѣсторожденія *Караджалъ* и *Алайчиръ* даютъ до 9—11 ф., *Аркалыкъ*—до 20% мѣди, *Мурджикъ*—6—20%, *Шуптульское*—10% и др. Довольно богато мѣдью мѣсторожденіе близъ оз. *Суръ-Куль*, которая встрѣчается, какъ и въ другихъ мѣстахъ края, въ окисленномъ видѣ прослойками, налетомъ, примазками мѣдной сини и зелени. Содержаніе чистой мѣди достигаетъ 7—12%. Всего добывается въ краѣ мѣдной руды до 36 тыс. пудовъ въ годъ.

Желѣзной рудой край небогатъ (хотя при болѣе подробныхъ развѣдкахъ можно ожидать бо́льшаго нахожденія, чѣмъ современное). Въ настоящее время извѣстны залежи титанистаго желѣзняка близъ горы *Уткатанъ* (Семипалатинскаго у.); на сѣверныхъ склонахъ горы *Куу* среди гранитовъ желѣзный блескъ и кремнистый желѣзнякъ выходятъ пластомъ въ $1^1/_2$ саж. толщины и 8—10 саж. ширины. Въ мѣстности *Акъ-Чеку* среди серебро-свинцовыхъ и мѣдныхъ рудъ находится жила желѣзнаго блеска, въ которомъ чистаго желѣза содержится до 59%. На *Кенъ-Тюбе* красный желѣзнякъ и блескъ составляютъ значительную жилу; содержаніе желѣза здѣсь до 60%. На горѣ *Джалпасень* встрѣчается магнитный желѣзнякъ. Кромѣ указанныхъ есть мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ и во многихъ другихъ мѣстахъ (въ Кокчетавскомъ у., въ *Муюджарскихъ* горахъ и др.), но, въ виду недостаточности изслѣдованій, трудно выяснить ихъ мощность и значеніе.

Марганцовыя руды (пиролюзитъ) повидимому нерѣдки въ краѣ, но извѣстны пока только среди девонскихъ песчаниковъ горъ *Мурджика* и *Узюнъ* (Каркаралинскаго у.) и въ *Аркалыкскихъ* горахъ, гдѣ на глубинѣ 1 арш. находится жила мощностью до $3^1/_2$ арш. и нѣсколько другихъ менѣе обильныхъ; всего здѣсь добывается въ годъ до 5 т. пудовъ.

Конечно перечисленныя, какъ рудныя, такъ и каменноугольныя, мѣсторожденія не исчерпываютъ всѣхъ минеральныхъ богатствъ въ краѣ: есть много другихъ мѣсторожденій, менѣе извѣстныхъ, или о которыхъ



Водопадъ Кыставъ-Курчумъ Усть-Каменогорскаго у. (*По фот. Боброва*).

только заявлено, но не выяснена мощность и благонадежность запаса; но и заявленныя мѣсторожденія не исключаютъ возможности открыть новыя богатыя залежи рудъ и угля, такъ какъ край слишкомъ мало изслѣдованъ.

Встрѣчаются въ краѣ и *цвѣтные* камни. Въ *Кокчетавскихъ* горахъ (ст. *Зерендинская* и оз. *Боровое*), а также въ Каркаралинскомъ и Усть-Каменогорскомъ у. находятъ дымчатый и безцвѣтный горный хрусталь, черный турмалинъ и фіолетовый плавиковый шпатъ, наконецъ яшмы. Въ Каркаралинскомъ у. (по р. *Алтынъ-Су*) среди пустотъ въ известнякѣ встрѣчаются щетки изумрудно-зеленаго аширита (діоптаза), а въ урочищѣ *Кызылъ-Эспе*—разные опалы.

Но болѣе всего край богатъ *солью*, которая имѣется въ соляныхъ озерахъ, разбросанныхъ по всей его территоріи. Ихъ здѣсь такъ много, что край не безъ основанія отнесенъ къ соленосной области. Начиная съ береговъ Каспійскаго моря и Урала до береговъ Иртыша степныя пространства края пестрѣютъ массами большихъ и малыхъ соленыхъ озеръ. Исключеніе составляетъ гористая часть Усть-Каменогорскаго и Зайсанскаго у.у., гдѣ ихъ совершенно нѣтъ. Несмотря на такое обиліе соляныхъ богатствъ, они почти совершенно не затронуты разработкой. Добывается соль въ значительномъ количествѣ только съ *Индерскаго* озера—на западѣ (см. выше, стр. 10), *Коряковскаго* и *Карасукскаго*—на востокѣ. Изъ нѣкоторыхъ другихъ озеръ соль если и добывается, то исключительно для мѣстнаго потребленія, тогда какъ съ первыхъ идетъ и за предѣлы края. Въ общемъ очеркѣ озеръ было уже сдѣлано описаніе этихъ озеръ, такъ что мы теперь остановимся только на качествѣ и количествѣ соли. Рапы *Коряковскаго* озера представляютъ блѣдно-розовую жидкость соленаго или горькосоленаго вкуса (воды—60%, солей—30%). Химическій составъ ея таковъ: хлористаго натрія—20,168%, хлористаго магнія—8,409%, сѣрнокислой магнезіи—1,570%, слѣды гипса, калія и брома. Мощность рапы невелика—до $1^1/_2$ четв. Также незначителенъ и слой самосадочной соли—отъ $2^1/_2$ до 6 верш.; соль эта однако не растворяется и весной. Она состоитъ изъ 5—6 слоевъ въ 1—3 сант. толщины, раздѣленныхъ между

собой тонкими прослойками ила; верхній слой соли—блѣдно-розовый, нижніе—сѣрые. Подъ „самосадкой“ находится старая соль, смѣшанная съ иломъ (ботпакъ); мощность старой соли достигаетъ до 2 саж., но „матки“ (нижній, крѣпкій слой соли) не обнаружено. Химическій составъ самосадки показываетъ ея хорошее качество (хлористаго натрія—95,^{961}%, магнезіи и калія—слѣды, сѣрно-кислаго натрія—0,^{988}%; хлористаго калія—0,^{117}% и кальція—0,^{183}%). Коряковская соль считается во всемъ Прииртышскомъ краѣ наилучшей. Добывается ея въ годъ отъ 700 тыс. до 1.250 тыс. пуд. Соль *Карасукскаго* озера не изслѣдована; мощность ея почти одинакова съ предъидущимъ озеромъ, но добывается здѣсь въ годъ только до 200 т. пуд. Въ другихъ соляныхъ озерахъ добыванія соли не производится, если не считать оз. *Станового*, *Ахтабана* и нѣкоторыхъ другихъ (на сѣверной равнинѣ края), гдѣ ее добываетъ живущее вблизи населеніе для своихъ нуждъ; да есть еще нѣсколько озеръ, которыя эксплоатируются также для личнаго потребленія киргизами и казаками. Изъ нихъ можно назвать: *Таволжанское*, *Калкаманское*, *Ямышевское* (болѣе замѣчательное въ прошломъ, какъ первое, гдѣ русскіе стали добывать соль) и *Карабакское* (Павлодарскаго у.), *Джаманъ-Тузъ* и *Балпашъ* (Кокчетавскаго у.). Но есть много соляныхъ озеръ (особенно въ Каркаралинскомъ и Акмолинскомъ у.), которыя совершенно не тронуты.

Изъ другихъ полезныхъ ископаемыхъ можно назвать *известняки*, которые идутъ (обжигаются) на известь (пос. *Известковый*, *Боровой* и др.), *гипсъ* (въ третичныхъ глинахъ по берегамъ *Иртыша* ниже Семипалатинска), обжигаемый на алебастръ. Есть также обширныя залежи прекрасной бѣлой *глины* (близь д. *Кантайки* Кокчетавскаго у.), которая можетъ найти въ будущемъ большое примѣненіе (химическій составъ ея: алюминія—16,$_{20}$ и кремнезема—79,$_{17}$%; при температурѣ въ 1.500^{0} глина размягчается, образуя бѣлую фарфоровую массу). Въ *Общемъ Сыртѣ* и по холмамъ и горамъ приуральскихъ степей производится для мѣстныхъ нуждъ ломка *мѣла*. Можно также упомянуть о *песчаникѣ*, который ломаютъ почти всюду на жернова и точила, и *графитѣ* въ Каркаралинскомъ у.; послѣдній употребляется, какъ огнеупорный матеріалъ, на рудникахъ (при сплавахъ).

Нефть извѣстна съ конца 50-хъ годовъ въ Уральской области, когда были впервые указаны выходы ея въ бассейнѣ нижняго теченія рр. *Уила*, *Сагиза* и *Эмбы*. Съ 1892 г., послѣ работъ геологовъ, окончательно установлено присутствіе нефтяныхъ источниковъ и условія ихъ залеганія. Главное мѣсторожденіе нефти находится въ котловинѣ соленаго оз. *Кара-Чунгулъ* (Гурьевскаго у.); котловина эта, повидимому представляетъ собою провалъ въ гипсовыхъ отложеніяхъ. Здѣсь изъ береговыхъ откосовъ вмѣстѣ съ рапой выступаетъ и нефть. Среди котловины выходятъ небольшіе гипсовые холмы, которые уходятъ вглубь, служа основаніемъ для другихъ отложеній (лессовидная глина, битуминозный песчаникъ и песчаникъ, содержащій нефтяные источники). Кара-Чунгульская нефть по своему химическому составу принадлежитъ къ наилучшимъ: такъ, по сравненію съ бакинской, она оказывается болѣе легкою:

	Уд. в.	Легкихъ маслъ.	Керосина.	Тяжел. маслъ.
Бакинская . .	0,8710	6,1	32,6	52
Кара-Чунгульская	0,8283	14,9	33,9	51,1

Глубина залеганія нефтяныхъ источниковъ различна. При буреніи нефть показывалась на глубинѣ 37, 109, 126, 148 и 210 фут.; при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаружено присутствіе озокерита (минеральный воскъ). Кромѣ Кара-Чунгула развѣдки производились въ уроч. *Кира-Токъ*; добытая здѣсь нефть по составу подходитъ къ бакинской. По мнѣнію геологовъ, нефтяныя мѣсторожденія Уральской области относятся къ двумъ типамъ: въ бассейнѣ р. Унла они представляютъ главнымъ образомъ продукты окисленія, часто перешедшіе въ асфальтъ; въ прибрежной полосѣ и на нижней Эмбѣ—являются въ видѣ легкой нефти, которая при этомъ связана не съ новѣйшими отложеніями—третичными (какъ напр. бакинская), а съ болѣе древними—мѣловыми. Въ настоящее время благонадежность указанныхъ мѣсторожденій еще не установлена, хотя есть основанія допускать, что развѣдочныя работы установятъ это.

Лѣчебными минеральными источниками и грязями Киргизскій край довольно богатъ, но малонаселенность и невысокая культурность края мѣшаютъ воспользоваться ими въ нужной мѣрѣ. Въ степяхъ Омскаго, Павлодарскаго, Каркаралинскаго, Семипалатинскаго и Акмолинскаго у.у. находится немало горько-соленыхъ озеръ, цѣлебность грязей которыхъ издавна извѣстна киргизамъ, но научныхъ изслѣдованій здѣсь не было произведено, а потому и оффиціально полезность ихъ не признана. Въ Усть-Каменогорскомъ и Зайсанскомъ уѣздахъ киргизамъ извѣстны нѣсколько теплыхъ, сѣрныхъ и др. источниковъ, которыми они пользуютъ своихъ больныхъ. Вѣроятно, на южной сторонѣ Алтая, въ Тарбагатаѣ и др. горахъ есть и другіе ключи, о которыхъ совсѣмъ не знаютъ и киргизы, или которыми не знаютъ, какъ пользоваться.

Въ настоящее время правильной эксплоатаціи даже наиболѣе извѣстныхъ источниковъ и грязей не существуетъ. Ихъ посѣщаетъ небольшое число больныхъ, изъ которыхъ большинство—киргизы. Лучшая постановка этого дѣла возможна только въ будущемъ, при увеличеніи населенія и культурности края, когда населеніе оживитъ дикія и мало доступныя мѣста, и край будетъ имѣть лучшіе пути сообщенія.

До сихъ поръ наибольшею извѣстностью у мѣстнаго населенія пользуются слѣдующія лѣчебныя мѣстности.

Калкаманское горько-соленое озеро (въ 33 вер. отъ г. Павлодара, на лѣвомъ берегу Иртыша; величина—5 вер. длины и 2 версты ширины) извѣстно своими грязями, которыми лѣчатся не только мѣстные жители—казаки, мѣщане и киргизы, но лѣтомъ больные съѣзжаются и изъ другихъ городовъ (Омска и Семипалатинска). Химическій составъ разсола озера заключаетъ: окиси калія—8,4, натра—136,7, извести—8,2, магнезіи—11,9, хлора—173,1, сѣрной кислоты—23,8, углекислоты—0,4, кремнекислоты — 0,3. Химическій составъ грязи заключаетъ хлор. калія—1,1, натрія—85,6, магнія—73,6, сѣрн.-кислой извести—11,9, двууглекислой извести—4,9, кремнекислоты—21,6: углекислаго натра—0,3, магнезіи—8,7, извести—50,0, фосфорно-кислой извести — 4,2, кремнекислаго кали—0,16, натра—1,7, глинозема—1,1, окиси желѣза—7,3. Эти грязи помогаютъ отъ ревматизма, болѣзни костей и суставовъ, хроническихъ кожныхъ болѣзней, нервныхъ, при параличѣ, судорогахъ, невралгіи, золотухѣ, сифилисѣ. Но до сихъ поръ на озерѣ нѣтъ никакихъ приспособленій къ лѣченію—нѣтъ ваннъ, нѣтъ бараковъ для больныхъ нѣтъ врача. Больные сами выбираютъ себѣ мѣста для купанья и лежа-

нія и нерѣдко идутъ одинъ послѣ другого, такъ что есть полная возможность заразиться. Даже нельзя сказать, что озеро находится въ пользованіи только людей, такъ какъ киргизскій скотъ часто пасется на берегахъ, и пометъ его попадаетъ въ озеро. Но несомнѣнно, что въ ближайшемъ будущемъ уѣздная администрація или частный предприниматель обставятъ пользованіе этими грязями бо̀льшими удобствами: вопросъ объ этомъ стоитъ уже на очереди. Въ 1—2 вер. отсюда есть другое соленое озеро *Кичкене-Тузъ*, грязи котораго также считаются цѣлебными.

Арасанскій (*Кабинскій*) теплый сѣрный источникъ *Чайлинской* волости (Усть-Каменогорскаго уѣзда) не имѣетъ никакихъ приспособленій къ лѣченію и помѣщеній также; больные останавливаются въ юртахъ. Пріѣзжаютъ лѣчиться главнымъ образомъ киргизы; русскихъ здѣсь мало; купанье помогаетъ при болѣзняхъ глазъ.

Минеральный источникъ близъ Индерскаго озера.

То-же приходится сказать и объ оз. *Кызыль-Какъ*, *Муялды* и нѣкоторыхъ другихъ горько-соленыхъ озерахъ Омскаго, Акмолинскаго и Павлодарскаго у.у. Цѣлебность грязей этихъ озеръ установлена, но отсутствіе дешеваго и удобнаго сообщенія и нужныхъ приспособленій для пріѣзжающихъ дѣлаютъ ихъ пока малодоступными; посѣщаютъ ихъ только больные киргизы.

Въ такомъ же положеніи находится и прекрасный минеральный (сѣрнистый) источникъ въ живописныхъ гипсовыхъ провалахъ сѣвернаго берега *Индерскаго* озера. Только тряпки, въ изобиліи развѣшанныя по окрестнымъ жалкимъ кустикамъ благодарными киргизами, говорятъ о многочисленныхъ исцѣленіяхъ, полученныхъ ими здѣсь, а ряды русскихъ надписей на гипсовыхъ скалахъ—о частыхъ, но безрезультатныхъ въ практическомъ отношеніи посѣщеніяхъ этого цѣлебнаго ключа русскими.

ГЛАВА II.

Климатъ.

Л. И. Осиповой.

Общая характеристика климата Киргизскаго края. — Буранъ. — Гололедица. — Вѣтры.—Распредѣленіе атмосфернаго давленія.—Температура.—Вскрытіе и замерзаніе водъ.—Влажность.—Облачность.—Осадки.—Сухой дождь.—Мгла.

Киргизскій край, расположенный вдали отъ океановъ, лишенъ умѣряющаго вліянія ихъ, вслѣдствіе чего всѣ отличительныя черты *континентальнаго* климата присущи ему. Вліяніе Каспійскаго моря незначительно: оно замѣтно только въ прибрежныхъ частяхъ степей. Рѣзкіе переходы температуры, лѣтнія жары, достигающія 40°, сорокаградусные морозы, сухость воздуха, незначительное количество выпадающей влаги—наблюдаются въ степяхъ повсемѣстно. Вслѣдствіе быстраго охлажденія и нагрѣванія суши, переходы отъ зимнихъ морозовъ къ лѣтнимъ жарамъ и обратно — непродолжительны. Зато эти короткіе промежутки представляютъ чудное зрѣлище быстраго оживленія природы. Въ концѣ марта земля бываетъ еще одѣта зимнимъ покровомъ. Черезъ нѣсколько дней этотъ покровъ превращается въ рѣдкую сѣть, и изъ земли, увлажненной и размягченной растаявшимъ снѣгомъ, появляются зелень и цвѣты. Въ половинѣ апрѣля всѣ южныя степи покрыты роскошнымъ зеленымъ или пестрымъ ковромъ. Многія растенія желаютъ воспользоваться перерывомъ между холодомъ и жаромъ, чтобы совершить всѣ жизненные процессы, а потому уже въ началѣ мая растительность достигаетъ здѣсь своего полнаго развитія. Этотъ блескъ продолжается недолго. Скоро солнечные лучи становятся болѣе и болѣе жгучими, и въ началѣ іюня степь начинаетъ желтѣть и высыхать. Лѣто обыкновенно бываетъ жаркое и сухое. Температура нерѣдко достигаетъ 40°, дожди выпадаютъ рѣдко, многія рѣчки и озера высыхаютъ, растительность выгораетъ, люди и животныя стараются уйти въ болѣе умѣренныя части края, обыкновенно далѣе на сѣверъ; въ іюлѣ и августѣ степь становится желтой и безжизненной. Наступающая затѣмъ осень—самое лучшее время въ году. Солнце, потерявшее свою жгучесть, и перепадающіе дожди вызываютъ къ жизни опаленную растительность; скоро степь покрывается зеленью, и начинаютъ цвѣсти свойственныя этому времени года растенія, а нѣкоторыя цвѣтутъ во второй разъ. Но и это время, благопріятное всему живущему, продолжается мѣсяца два (августъ—сентябрь, а иногда и октябрь); затѣмъ наступаетъ суровая, долгая зима. Непріятности зимней стужи еще болѣе увеличиваются частыми *буранами* или снѣжными *пургами* и *гололедицей*. Эти два явленія можно назвать бичемъ киргизскихъ степей. Пурга (буранъ съ сильнымъ вѣтромъ) ослабляетъ силы скота, разгоняетъ его по степи и часто дѣлаетъ жертвой хищныхъ звѣрей и голода. Но особенно много страдаетъ киргизскій скотъ отъ гололедицы. Наступающіе послѣ оттепели сильные морозы покрываютъ землю слоемъ льда, вслѣдствіе чего скотъ, пасущійся

обыкновенно весь годъ на подножномъ корму, затрачиваетъ много силъ для добыванія себѣ пищи изъ-подъ снѣга и часто гибнетъ массами отъ истощенія.

Всѣ явленія континентальнаго климата—рѣзкія перемѣны температуры, лѣтніе жары, зимняя стужа, непродолжительность весны и осени, сухость воздуха, незначительность выпадающихъ осадковъ—увеличиваются съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ. Увеличеніе въ первомъ направленіи идетъ постепенно, такъ что нельзя указать границы между восточной частью съ болѣе континентальнымъ климатомъ и западной—съ менѣе континентальнымъ. Исключеніе изъ этого составляетъ самая восточная, гористая часть края; тамъ, благодаря высокимъ горамъ, недостатка въ атмосферныхъ осадкахъ нѣтъ; также нѣтъ тамъ и рѣзкихъ колебаній температуръ, благодаря умѣряющему вліянію горъ и лѣсовъ. Рѣзче замѣтна разница въ климатѣ между сѣверной и южной частями Киргизскаго края. Въ этомъ большую роль играютъ: лѣсъ, покрывающій Западно-Сибирскую равнину сѣвернѣе Киргизскаго края и преобладаніе въ сѣверной части края западныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, тогда какъ въ южной, пустынной, преобладаютъ сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры. Лѣсъ и болѣе или менѣе влажные юго-западные и западные вѣтры умѣряютъ жаръ, увеличиваютъ влажность, уменьшаютъ рѣзкость перемѣнъ температуры, т. е. дѣлаютъ климатъ сѣверной части нѣсколько менѣе континентальнымъ, чѣмъ климатъ южной части разсматриваемаго края.

При громадности открытаго пространства въ киргизскихъ степяхъ *вѣтры* оказываютъ весьма сильное вліяніе на состояніе атмосферы и температуру ея. Горы, расположенныя навостокѣ и юго-востокѣ края, защищаютъ его отъ южныхъ и юго-восточныхъ теплыхъ, но сухихъ вѣтровъ; вліянію же сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, холодныхъ зимой и сухихъ лѣтомъ, край свободно открытъ. Сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры особенно часто наблюдаются въ юго-восточной части разсматриваемаго края, гдѣ они являются господствующими особенно зимой; лѣтомъ и въ другія времена года вѣтеръ имѣетъ разныя направленія. Въ сѣверо-западной части Киргизскаго края преобладаютъ юго-западные и западные вѣтры, дующіе большей частью лѣтомъ; зимой—частью сѣверо-восточные и сѣверные. Въ восточной части зимой преобладаютъ восточные вѣтры, лѣтомъ—западные. Слѣдовательно, въ отношеніи вѣтровъ разсматриваемый край можно раздѣлить на три части: сѣверо-западную, юго-восточную и восточную. Такое распредѣленіе вѣтровъ будетъ понятно, если мы обратимся къ распредѣленію атмосфернаго давленія. Зимой область высокаго давленія (778 миллим.) находится въ Сѣверной Монголіи, захватывая восточную часть Семипалатинской области. Отсюда воздухъ движется къ юго-западу, западу и сѣверу, т. е. къ Каспійскому морю, южной Россіи и Ледовитому океану, гдѣ давленіе въ это время ниже. Лѣтомъ степи благопріятствуютъ сильному нагрѣванію и разрѣженію воздуха; слѣдовательно давленіе въ степяхъ лѣтомъ очень низкое. Въ это время надъ Каспійскимъ и Средиземнымъ морями и Ледовитымъ океаномъ давленіе выше, а потому воздухъ движется внутрь степей. Благодаря этому зимой преобладаютъ сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры въ южной и юго-восточной части края. Лѣтомъ же дуютъ юго-западные и западные вѣтры, являющіеся господ-

ствующими въ сѣверной и сѣверо-восточной частяхъ степей, куда они свободнѣе проникаютъ, чѣмъ въ южную. Эти два главныхъ направленія являются преобладающими среди другихъ направленій вѣтровъ края и только они опредѣляютъ характеръ климата; это видно, напр., изъ того, что граница наибольшаго и наименьшаго атмосфернаго давленія лежитъ по линіи Уральскъ-Акмолинскъ-Семипалатинскъ (если проводить ее по оси выступа, образуемаго изобарами). Къ сѣверу отъ этой границы лежитъ полоса съ болѣе влажнымъ климатомъ (лѣсостепь), къ югу—безлѣсныя, сухія степи и пустыни.

Кромѣ этихъ главныхъ вѣтровъ наблюдаются и другіе вѣтры. Въ ю.-в. части края направленіе главныхъ вѣтровъ нѣсколько иное, благодаря сосѣдству съ Монголіей. Хотя она и отдѣлена горами Алтая, но на с.-з. ея границѣ есть широкія ворота, черезъ которыя холодный воздухъ движется въ равнины Киргизскаго края,— это мѣстность между Алтаемъ и Тарбагатаемъ и нѣсколько южнѣе Тарбагатая у озера Алакуля. Вслѣдствіе этого въ восточной части степей зимой дуютъ главнымъ образомъ восточные и юго-восточные вѣтры. Лѣтомъ наблюдается обратное явленіе: въ Монголіи воздухъ разрѣженъ сильнѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ киргизскихъ степяхъ; поэтому замѣчается движеніе воздуха къ востоку и юго-востоку, т. е. наблюдаются западные и сѣверо-западные вѣтры. Все вышесказанное, разумѣется, не можетъ быть приложено безъ оговорокъ къ гористымъ частямъ края (Усть-Каменогорскій и Зайсанскій уѣзды), гдѣ почти всякая широкая долина имѣетъ свои вѣтры (обусловливаемые чисто мѣстными причинами—высотой, направленіемъ хребтовъ, присутствіемъ ледниковъ и пр.).

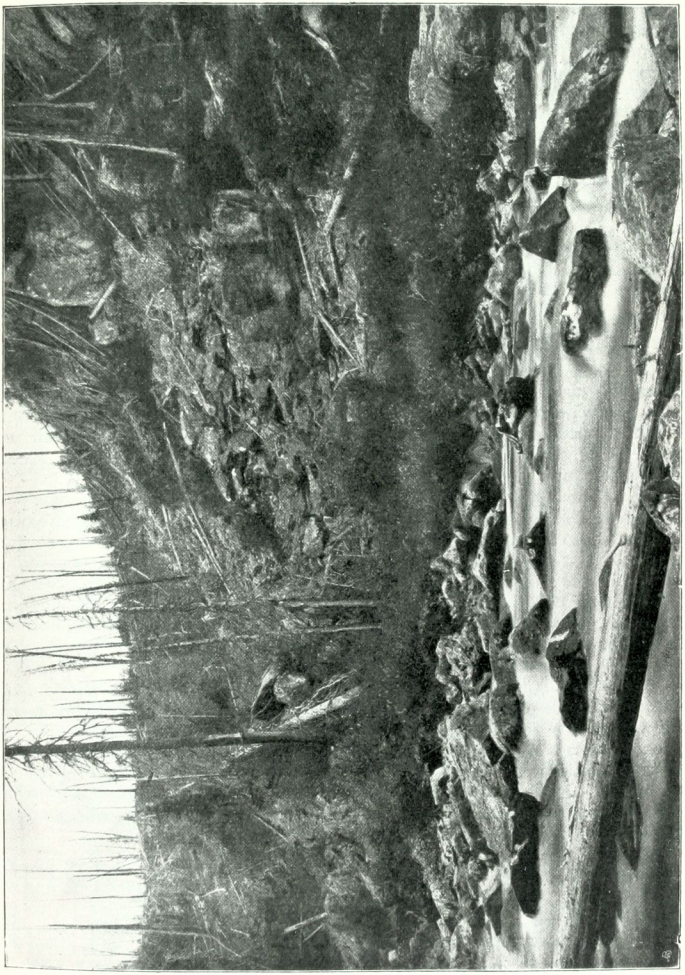
Прилагаемая таблица средней годовой повторяемости вѣтра подтверждаетъ сказанное о главныхъ вѣтрахъ края. Изъ нея-же видно, что на безвѣтріе приходится большой процентъ.

	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Штиль.
Семипалатинскъ	93	47	163	68	85	95	108	55	38'
Акмолинскъ	54	127	86	82	92	254	149	65	18(
Иргизъ	143	91	77	29	85	87	155	135	284
Уральское лѣсничество . . .	80	94	122	156	141	143	99	91	165
Уральскъ	149	106	89	96	118	112	92	106	104
Гурьевъ	102	98	129	149	62	120	141	109	159

Температура воздуха киргизскихъ степей такъ же, какъ и давленіе, имѣетъ большія границы колебанія. Приводимъ таблицу среднихъ температуръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ описываемаго края.

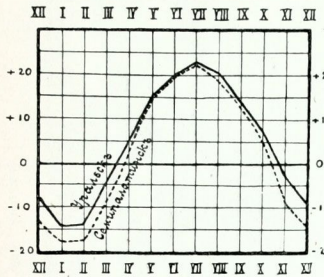
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Семипал. .	—17.9	—17.7	—8.5	2.7	13.8	20.0	22.5	19.3	13.2	4.3	—8.8	—13.6
Акмол. . .	—18.7	—18.1	—9.7	1.3	12.7	17.6	20.6	17.8	11.6	2.0	—8.5	—14.9
Иргизъ . .	—16.8	—15.3	—6.7	7.0	17.5	22.2	24.7	23.0	15.6	5.5	—4.9	—12.5
Урал. лѣсн.	—15.4	—14.6	—7.3	3.1	14.7	18.5	21.2	19.6	13.2	6.4	—4.3	— 9.9
Уральскъ. .	—14.5	—13.9	—3.9	4.7	16.0	19.9	22.3	20.8	14.0	6.9	—3.4	— 9.0
Гурьевъ . .	— 9.7	— 9.3	—2.1	8.2	17.1	22.5	24.4	23.3	15.8	9.3	0.1	— 4.8

	Годъ.	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.
Семипалатинскъ .	2.4	—16.4	2.7	20.6	2.9
Акмолинскъ . . .	1.1	—17.2	1.4	18.7	1.7
Иргизъ	4.9	—14.9	5.9	23.3	5.1
Уральское лѣснич. .	3.8	—13.3	3.5	19.8	5.1
Уральскъ	5.0	—12.5	5.6	21.0	5.8
Гурьевъ	7.9	— 7.9	4.4	23.4	8.4



Долина горной рѣки Аравашки (Усть-Каменог. у.). (*По фот. Боброва*).

Какъ видно изъ этой таблицы, средняя годовая температура въ данныхъ мѣстностяхъ колеблется между $1{,}1^0$ и $7{,}9^0$ и возрастаетъ съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. Годовая амплитуда (разность между температурами самаго жаркаго и самаго холоднаго мѣсяцевъ) колеблется отъ $34{,}1^0$ до $41{,}5^0$, увеличиваясь съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ. Это показываетъ, что континентальность—отличительная черта климата киргизскихъ степей — увеличивается къ востоку и югу. Бо́льшая средняя годовая температура и меньшая амплитуда въ Гурьевѣ, лежащемъ недалеко отъ берега Каспійскаго моря, указываютъ на умѣряющее вліяніе моря на прилежащія къ нему мѣстности. Если мы посмотримъ на среднюю годовую температуру и амплитуду колебанія ея въ фортѣ Александровскомъ, лежащемъ на берегу того-же моря немного южнѣе разсматриваемаго края, то вліяніе моря выскажется въ меньшей, чѣмъ во всѣхъ приведенныхъ мѣстностяхъ амплитудѣ ($29{,}5^0$) и въ высокой средней годовой температурѣ ($11{,}4^0$); на послѣднюю еще вліяетъ болѣе южное положеніе форта Александровскаго.



Годовой ходъ температуры въ Уральскѣ и Семипалатинскѣ.

Какъ видно изъ таблицы и приведеннаго хода годовой температуры, во всѣхъ приведенныхъ мѣстностяхъ самый теплый мѣсяцъ—іюль, самый холодный—январь. Зима въ восточныхъ частяхъ края, какъ болѣе удаленныхъ отъ моря,—холоднѣе, а лѣто жарче, чѣмъ въ западныхъ; температура зимы и лѣта въ южныхъ частяхъ выше, чѣмъ въ сѣверныхъ. Характеръ хода годовой температуры одинаковъ во всѣхъ приведенныхъ мѣстностяхъ: зимой измѣненія температуры незначительны, весной она быстро повышается, а съ іюля также медленно начинаетъ опускаться; осенью же пониженіе температуры становится рѣзкимъ.

Кромѣ среднихъ годовыхъ температуръ важно знать наибольшія и наименьшія температуры, которыя опредѣляютъ въ значительной степени характеръ растительнаго и животнаго царства, такъ какъ животныя и растенія требуютъ опредѣленныхъ температуръ (optimus'овъ), въ предѣлахъ которыхъ только и могутъ совершать свои жизненные процессы и за предѣлами которыхъ погибаютъ. Приводимъ таблицы среднихъ и абсолютныхъ максимумовъ и минимумовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ киргизскихъ степей.

Среднее.		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Годъ
Семипал.	max.	— 2.7	— 2.5	6.1	22.5	30.7	35.1	36.1	35.0	29.2	22.0	4.7	1.4	18.1
	min.	—37.4	—36.2	—27.3	—14.9	—1.3	8.1	12.3	8.5	0.0	—11.5	—27.6	—33.1	—11.4
	разн.	34.7	33.7	33.4	37.4	32.0	27.0	23.8	26.5	29.2	33.5	32.3	34.5	29.5
Акмолинскъ.	max.	— 3.8	— 3.5	2.1	15.5	28.5	32.1	33.6	32.2	27.2	17.9	3.6	0.6	15.5
	min.	—40.5	—37.9	—28.0	—15.2	2.1	7.5	10.5	7.5	—0.7	—13.6	—24.2	—34.1	—13.9
	разн.	36.7	34.4	30.1	30.7	26.4	24.6	23.1	24.7	27.9	31.5	27.8	34.7	29.4

Иргизъ.	max.	— 0.9	— 1.5	8.8	22.8	31.7	36.1	37.2	37.1	30.5	20.9	8.1	1.5	19.4
	min.	—32.2	—29.7	—24.6	— 8.0	4.4	11.4	14.6	11.5	3.1	— 9.2	—18.7	—28.7	— 8.8
	разн.	31.3	28.2	33.4	30.8	27.3	24.7	22.6	25.6	27.4	30.1	26.8	30.2	28.2
Урал. лѣсн.	max.	1.9	— 2.8	3.4	13.2	27.0	30.7	32.2	32.8	26.5	21.3	8.6	1.0	16.0
	min.	—31.3	—26.4	—20.6	— 8.2	1.9	6.7	11.7	7.5	1.2	— 8.7	—21.3	—33.2	—10.1
	разн.	29.4	23.6	24.0	21.4	25.1	24.0	20.5	25.3	25.3	30.0	29.9	34.2	26.1
Уральск.	max.	— 1.5	— 1.5	3.8	19.2	28.5	32.2	34.2	34.0	27.8	22.2	9.6	1.9	17.5
	min.	—24.9	—27.2	—20.2	— 6.5	3.2	7.7	12.8	8.7	1.9	— 8.1	—20.3	—26.4	— 8.1
	разн.	23.4	25.7	24.0	25.7	25.3	24.5	21.4	25.3	25.9	30.3	29.9	28.3	25.6
Гурьевъ.	max.	0.9	0.7	8.0	18.3	27.1	32.4	33.7	34.4	27.6	21.5	11.7	3.4	18.2
	min.	—23.0	—24.0	—14.3	— 1.8	6.5	12.4	15.5	12.3	3.1	— 5.0	—13.1	—18.9	— 4.2
	разн.	23.9	24.7	22.3	20.1	20.6	20.0	18.2	22.1	24.5	26.5	24.8	22.3	22.5

Абсолютн.		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Годъ.
Семипал.	max.	— 1.9	3.8	14.1	28.9	35.0	36.6	38.7	37.8	32.6	25.9	9.3	3.4	38.7
	min.	—46.2	—41.3	—36.2	—22.7	—5.1	4.6	10.1	7.3	—3.3	—15 7	—34.5	—49.9	—49.9
	разн.	44.3	45.1	50.3	51.6	40.1	32.0	28.6	30.5	35.9	41.6	43.8	53.3	88.6
Акмолинскъ.	max.	1.1	4.8	6.0	28.8	31.8	35.4	36.0	36.4	30.7	23.1	9.6	3.4	36.4
	min.	—42.2	—48.9	—34.2	—20.5	—3.4	3.2	8.0	4.9	—5.1	—26.9	—30.2	—45.7	—48.9
	разн.	43.3	53.7	40.2	49.3	35.2	32.2	28.0	31.5	35.8	50.0	39.8	49.1	85.3
Иргизъ.	max.	2.7	5.7	13.7	31.5	35.1	40.1	40.0	40.0	36.0	26.0	13.4	7.5	40.1
	min.	—40.3	—36.5	—32.1	—16.5	0.6	7.7	9.8	8.7	—1.3	—17.3	—24.1	—37.7	—40.3
	разн.	43.0	42.2	45.8	48.0	34.5	32.4	30.2	31.3	37.3	43.3	37.5	45.2	80.4
Урал. лѣсн.	max.	0.6	— 0.4	6.7	16.8	30.1	33.3	38.5	36.1	32.0	26.3	13.2	3.9	38.5
	min.	—38.3	—30.3	—30.6	—15.0	—1.2	3 5	9.0	4.8	—0.8	—13.6	—27.2	—38.3	—38 3
	разн.	38.9	29.9	37.3	31.8	31.3	29.8	29.5	31.3	32.8	39.9	40.4	42.2	76 8
Уральск.	max.	1.4	1.5	6.3	24.1	30.6	34.9	39.6	38 5	33.6	26.3	15.0	5.0	39.6
	min.	—33.5	—30.8	—30.9	—10.3	—0.2	4.4	10.7	7.5	0.0	—11.1	—25.5	—35.8	—35.8
	разн.	3 4	32.3	37.2	34.4	30.8	30.5	28.9	31.0	33.6	37.4	40.5	40 8	75.4
Гурьевъ.	max.	3.8	2.7	15.1	21.7	28.6	34.1	35.8	35.7	32.1	26.6	15.7	5.9	35.8
	min.	—27.2	—26.5	—18.0	— 4.3	3.4	6.5	13.4	10.6	3.0	— 9.0	—20.7	—36.5	—36.5
	разн.	31.0	29.2	33.1	26.0	25.2	27.6	22.4	25.1	29.1	35.6	36.4	42.4	72.3

Изъ этихъ таблицъ видно, что наибольшими противуположностями тепла и холода отличаются зимніе мѣсяцы, а также мартъ и апрѣль, наименьшими—лѣтніе и осенніе мѣсяцы. Морозы обыкновенно начинаются въ октябрѣ, иногда бываютъ въ сентябрѣ; кончаются морозы въ мартѣ, но бываютъ въ апрѣлѣ и даже въ маѣ.

Средняя температура выше 0°, какъ видно изъ первой таблицы, устанавливается весной въ апрѣлѣ, а ниже 0°—осенью въ ноябрѣ. Вслѣдствіе этого *вскрытіе* водъ бываетъ большей частью въ апрѣлѣ, а *замерзаніе* ихъ—въ ноябрѣ.

Приводимъ среднія данныя относительно вскрытія и замерзанія рѣкъ для нѣкоторыхъ пунктовъ разсматриваемаго края.

	Вскрытіе.	Замерзаніе.	Число дней, свободныхъ ото льда.
Черный Иртышъ у озера Норъ-Зайсанъ	20 IV	7 XI	200
Иртышъ у Семипалатинска	19 „	8 „	202
„ „ Усть-Каменогорска	21 „	13 „	205
„ „ Павлодара	27 „	8 „	194
Ишимъ у Петропавловска	29 „	1 „	185
„ „ Акмолинска	17 „	2 „	198
Нура въ Акмолинскомъ уѣздѣ	17 „	31 X	196
Уралъ у Уральска	15 „	17 „	186
Чу	27 II	29 XI	274

Вскрытіе и замерзаніе рѣкъ зависитъ не только отъ географическаго положенія, но и отъ мѣстныхъ условій: меньшія воды вскрываются и покрываются льдомъ раньше. Нѣкоторыя рѣчки, берущія начало въ горахъ и отличающіяся быстрымъ теченіемъ, не замерзаютъ вовсе [1]). Рѣки *Бухтарма*, *Ульба*, *Каркаралинка* и др. отличаются особенностью въ освобожденіи ото льда: онѣ не вскрываются, какъ другія рѣки; вода отъ таянія снѣга въ горахъ идетъ поверхъ льда до тѣхъ поръ, пока послѣдній не растаетъ. Вслѣдствіе рѣзкихъ колебаній температуры весной и осенью нѣкоторыя рѣчки и озера вскрываются и замерзаютъ нѣсколько разъ въ году.

Число дней, въ которые воды бываютъ свободны ото льда, зависитъ отъ различныхъ причинъ: географическаго положенія, времени вскрытія и замерзанія, величины воднаго бассейна, быстроты теченія, и т. п.; чѣмъ меньше рѣка или другой водный бассейнъ, чѣмъ медленнѣе теченіе ея, чѣмъ южнѣе она расположена, тѣмъ большее время она бываетъ свободна ото льда и обратно.

Каспійское море въ своей сѣверной части, прилегающей къ разсматриваемой нами области, покрывается почти сплошь льдомъ. Зимой часто случается, что сильный сѣверный вѣтеръ, гонящій воду къ югу, совершенно освобождаетъ ото льда цѣлые заливы. Тоже самое можно сказать про Балхашъ и Зайсанъ, гдѣ въ сильные вѣтры ломаютъ толстый ледъ, освобождая такимъ образомъ ранѣе весны бо́льшую часть водной поверхности.

Влажность воздуха въ киргизскихъ степяхъ невелика въ сравненіи съ влажностью въ Европейской Россіи. Приводимъ данныя относительно среднихъ годовыхъ относительной и абсолютной влажности въ нѣкоторыхъ пунктахъ киргизскихъ степей.

Относительная влажность.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Годъ.	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.
Акмолинскъ . .	87	83	87	75	53	56	55	59	66	75	83	87	72	86	72	57	75
Иргизъ	76	72	72	59	53	49	49	49	58	69	72	77	63	75	61	49	66
Уральскъ	75	74	75	67	55	53	54	56	61	67	75	76	66	75	66	54	68
Уральск. лѣсн. . .	87	87	87	80	63	65	64	65	70	76	88	89	77	88	77	65	78

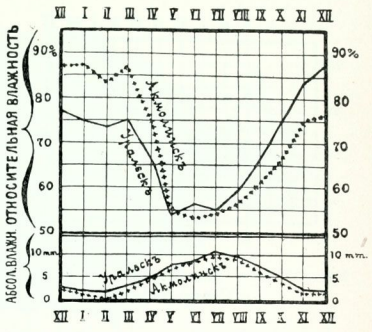
Абсолютная влажность.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Годъ.
Акмолинскъ . . .	1.2	1.0	2.1	4.3	5.9	8.2	9.1	8.5	6.2	4.0	2.0	1.7	4.5
Иргизъ	1.4	1.3	2.5	4.9	7.6	10.1	11.4	10.0	7.0	4.4	2.7	1.7	5.4
Уральскъ	1.4	1.4	2.3	4.3	7.3	8.6	10.5	9.8	7.1	5.0	2.9	2.2	5.2
Уральск. лѣсн. .	1.3	1.5	2.4	4.4	7.3	9.6	10.9	9.9	7.2	5.3	3.2	2.4	5.4

Годовой ходъ относительной влажности, какъ и слѣдовало ожидать по самому опредѣленію ея, противуположенъ годовому ходу температуры и абсолютной влажности. Въ ходѣ относительной влажности не

[1]) Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о такъ называемой „накипи“ у горныхъ рѣчекъ. Вода въ нихъ хотя и не застываетъ, но затягивается ледянымъ покровомъ (со дна) и, протекая по его поверхности, образуетъ новый ледяной покровъ, течетъ опять по нему, образуетъ третій покровъ и т. д. „Накипаетъ“ такимъ образомъ въ долинѣ ледяной водопадъ въ сажень и болѣе высоты; по верху его течетъ рѣчка втеченіе всей зимы, образуя рядъ ледяныхъ пластовъ.

наблюдается той правильности убыванія или возрастанія, которую мы видимъ въ годовомъ ходѣ температуры. Здѣсь влажность то уменьшается, то вдругъ начинаетъ увеличиваться, а затѣмъ снова уменьшаться. Характеръ линій, выражающихъ годовой ходъ абсолютной влажности, таковъ же, какъ и у линій, выражающихъ ходъ температуры.



Годовой ходъ относительной и абсолютной влажности въ Уральскѣ и Акмолинскѣ.

Бо́льшая относительная влажность, какъ видно изъ таблицы и чертежей, наблюдается въ зимніе мѣсяцы; почти во всѣхъ приведенныхъ въ таблицѣ пунктахъ наблюдается въ декабрѣ наибольшая относительная влажность. Меньшая наблюдается въ лѣтніе мѣсяцы и въ маѣ, причемъ размѣры ея колебаній незначительны. Слѣдовательно, наименьшая и наибольшая относительная влажность наступаютъ нѣсколько раньше, чѣмъ таковыя же температура и абсолютная влажность. Разница между наибольшей и наименьшей относительной влажностью колеблется между 40 и 20%; на югѣ и востокѣ она больше, чѣмъ на сѣверѣ и западѣ. Относительная влажность весны и осени почти одинакова, между лѣтней и зимней—разность большая.

Облачность въ киргизскихъ степяхъ, такъ же какъ и влажность, невелика. Это ясно видно изъ приведенной ниже таблицы средней мѣсячной и годовой облачности въ нѣкоторыхъ пунктахъ.

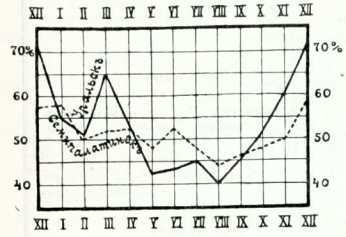
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Годъ.
Акмолинскъ . . .	64	57	51	51	46	29	47	44	54	61	63	63	52
Семипалатинскъ .	58	50	52	53	48	53	48	44	46	55	60	57	52
Иргизъ	59	51	53	46	35	40	34	30	36	46	54	60	45
Урал. лѣснич. . .	79	69	86	72	55	66	64	62	66	67	99	95	73
Уральскъ	55	51	65	53	42	43	45	40	46	51	60	72	52
Гурьевъ	66	60	70	56	49	42	43	26	40	47	70	74	54

Средняя мѣсячная облачность колеблется между 24 и 99%, причемъ выше 60% доходитъ въ немногихъ случаяхъ. Въ среднемъ слѣдовательно облаками бываетъ покрыто около половины неба.

Годовой ходъ облачности отличается еще большей неровностью, чѣмъ ходъ относительной влажности. Колебанія ея болѣе часты и бо лѣе рѣзки. Почти во всѣхъ приведенныхъ въ таблицѣ мѣстностяхъ въ декабрѣ облачность наибольшая; въ слѣдующіе мѣсяцы до августа включительно она понижается, повышаясь нѣсколько въ сравненіи съ сосѣдними мѣсяцами въ мартѣ и іюнѣ. Въ августѣ облачность наименьшая, затѣмъ она постепенно возрастаетъ до конца года.

Амплитуда колебанія облачности небольшая: она находится въ предѣлахъ 14—48%. Наибольшей облачностью отличается Уральская область, т. е. западная часть Киргизской степи.

Зимой, какъ показываетъ приведенная ниже таблица, облачность бываетъ наибольшая, а лѣтомъ—наименьшая. Облачность весны и осени немногимъ отличаются другъ отъ друга.



Годовой ходъ облачности въ Уральскѣ и Семипалатинскѣ.

	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.
Акмолинскъ . .	6.1	4.9	4.0	5.9
Семипалатинскъ.	5,5	5.1	4.8	5.4
Иргизъ	5.7	4.5	3.5	4.5
Уральск. лѣснич.	8.1	7.1	6.4	7.6
Уральскъ	5.9	5.3	4.3	5.2
Гурьевъ	6.7	5.8	3.7	5.2

По незначительному количеству выпадающихъ *осадковъ* Киргизскій край рѣзко выдѣляется среди другихъ областей Россіи. Здѣсь есть такія мѣста, въ которыхъ осадки составляютъ рѣдкое явленіе, напр. въ *Голодной степи*, которая представляетъ собою наименѣе орошаемую мѣстность киргизскихъ степей. Долго полагали, что въ Голодной степи лѣтомъ не бываетъ вовсе дождя, и только послѣднія наблюденія показали, что дождь орошаетъ ее изрѣдка даже въ такіе мѣсяцы, какъ іюнь, іюль и августъ.

По количеству выпадающихъ осадковъ Киргизскій край далеко уступаетъ Европейской Россіи: сумма осадковъ за годъ ни въ одномъ изъ приведенныхъ въ нижеслѣдующей таблицѣ пунктовъ не достигаетъ тѣхъ цыфръ, которыя мы видимъ въ большей части Европейской Россіи.

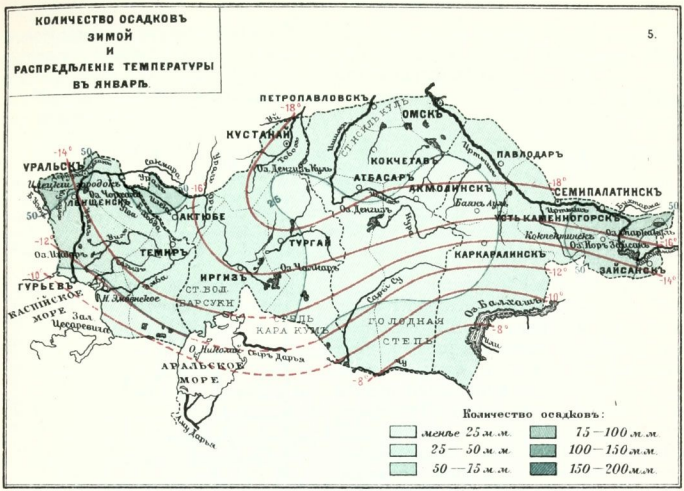
Приводимъ среднія количества осадковъ (въ миллиметрахъ) для нѣкоторыхъ пунктовъ Киргизскаго края.

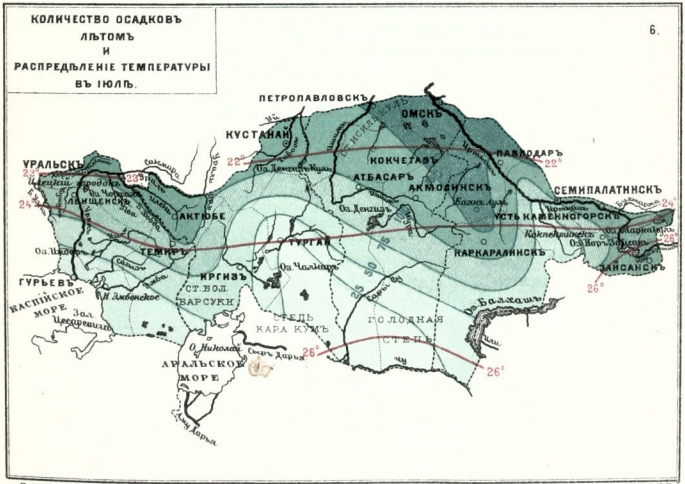
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Акмолинскъ	7.4	6.4	5.1	12.8	17.9	32.3	32.3	27.5	22.6	19.8	9.0	9.3
Иргизъ	14.1	3.1	6.1	8.8	18.2	12.6	12.9	12.0	14.9	18.0	11.0	17.5
Уральск. лѣсн. . . .	9.5	15.6	18.9	19.8	63.7	53.3	66.8	37.1	43.9	27.2	26.4	30.8
Уральскъ	13.2	9.0	27.6	19.0	43.7	37.7	52.9	24.1	43.3	20.4	29.7	21.4
Гурьевъ	7.6	5.6	6.5	26.1	23.4	14.0	17.0	13.1	16.1	7.8	19.9	9.8

	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Годъ.
Акмолинскъ	23.1	35.8	92.1	51.4	202.4
Иргизъ	34.7	33.1	37.5	43.9	149.2
Уральское лѣснич. . .	55.9	102.4	157.2	97.5	413.0
Уральскъ	43.6	90.3	114.7	93.4	342.0
Гурьевъ	23.0	56.0	44.1	43.8	166.9

Годовая сумма осадковъ колеблется здѣсь между 149.2 м.м.. и 413.0 м.м. Меньшее количество выпадающей влаги, какъ мы видимъ, наблюдается въ болѣе южныхъ и восточныхъ (исключая горныя) мѣстностяхъ, а въ западныхъ—большее.

Въ годовомъ ходѣ осадковъ въ этихъ пунктахъ не видно однообразія. Наибольшее количество осадковъ наблюдается въ одинъ изъ четырехъ мѣсяцевъ: въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ или іюлѣ; наименьшее бы-



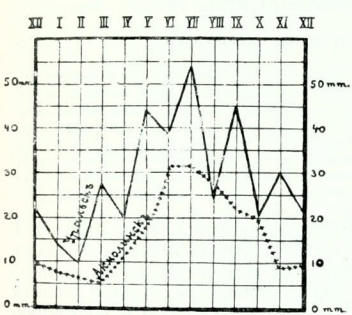


„Россіи" Т. XVIII. Изд. А. Ф. Девріена СПБ.
Лит. И. Кадушкина СПБ.

ваетъ большей частью въ февралѣ, январѣ или мартѣ. Какъ видно по чертежамъ, разность въ суммѣ осадковъ между двумя смежными мѣсяцами въ большинствѣ случаевъ очень значительна.

Число дней съ осадками, какъ показываетъ слѣдующая таблица, тоже незначительно.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Годъ.
Акмолинскъ . .	10	8	7	7	7	11	8	8	8	10	10	12	106
Иргизъ	5	3	5	4	6	5	5	4	4	5	5	6	57
Уральск. лѣсн. .	8	4	7	4	9	8	12	9	7	9	11	11	99
Уральскъ	9	5	8.	8	10	9	5	7	10	8	11	11	101
Гурьевъ	4	3	3	2	5	4	4	2	3	4	4	2	40



Годовой ходъ осадковъ въ Уральскѣ и Акмолинскѣ.

По даннымъ Главной Физической Обсерваторіи за 50-лѣтіе, наибольшее число дней съ осадками въ краѣ приходится на лѣтніе мѣсяцы — іюнь и іюль, за исключеніемъ небольшой южной полосы пустынь (*Голодная степь*, *Кара-Кумы* и др.), гдѣ наибольшее количество такихъ дней приходится на весенній мѣсяцъ май. Наименьшее количество дней съ осадками для большей части края оказывается въ январѣ и февралѣ, а для южныхъ пустынь — въ августѣ и сентябрѣ.

Приводимъ еще таблицу, показывающую число дней со *снѣгомъ* въ тѣхъ-же пунктахъ Киргизской степи.

	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	Годъ
Акмолинскъ . .	1	6	9	15	10	8	6	4	1	57
Иргизъ	—	1	3	5	5	3	4	1	—	22
Уральское лѣсн. .	—	2	7	9	8	4	7	2	—	49
Уральскъ	—	1	9	11	9	5	8	2	—	45
Гурьевъ	—	—	1	1	4	2	2	—	—	10

Въ южныхъ киргизскихъ степяхъ-пустыняхъ (Голодная степь, Кара-Кумы) наблюдается интересное явленіе—*сухой дождь*. Лѣтомъ, когда почва бываетъ сильно раскалена, падающія капли дождя испаряются у поверхности почвы, не оросивъ ее. Такимъ образомъ небогатая осадками степь лишается и той влаги, которая могла-бы упасть на нее.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о мало изученномъ атмосферномъ явленіи—*мглѣ*.

Въ лѣтніе жаркіе дни небо заволакивается какъ-бы легкимъ слоемъ дымчатыхъ облаковъ, такъ что солнце и свѣтъ его кажутся багровыми. Продолжается такое явленіе иногда до 5 дней кряду, и если повторяется нѣсколько разъ въ лѣто, то отзывается неблагопріятно на ростѣ хлѣбной и др. растительности. По мнѣнію нѣкоторыхъ, мгла есть ничто иное, какъ сгущенная атмосферная пыль, приносимая изъ среднеазіат-

скихъ пустынь. Подобное-же явленіе наблюдается при сильныхъ степныхъ и лѣсныхъ пожарахъ, но въ послѣднемъ случаѣ мгла носитъ мѣстный характеръ (Омскій, Петропавловскій, Усть-Каменогорскій, Семипалатинскій у.у.), тогда и какъ въ первомъ случаѣ она наблюдается единовременно во всемъ краѣ.

ГЛАВА III.

Растительный и животный міръ.

А. П. Сѣдельникова и П. А. Бородина.

Первые изслѣдователи флоры края.—Растительность прошлаго геологическаго періода.—Современныя растительныя области края: лѣсная, альпійская, степная и пустынная.—Лиственные лѣса Общаго Сырта и долины р. Урала.—Хвойные лѣса Алтая и Саура.—Альпійская область этихъ горъ.—Хвойные лѣса внутреннихъ горъ края. — Степи приуральскія и западно сибирскія.—Лѣсостепь.—Луга —Растительность солончаковъ. Флора пустынь.—Древняя фауна края.—Современные представители млекопитающихъ.—Птицы.—Пресмыкающіяся и земноводныя.—Рыбы Арало-Каспійскаго, Иртышскаго и Балхашскаго бассейновъ.—Безпозвоночныя.

Въ ботаническомъ отношеніи Киргизскій край изученъ не вездѣ одинаково. Болѣе посчастливилось его сѣверо-западнымъ и восточнымъ окраинамъ. Первый, кто далъ научное описаніе флоры края, если не считать „флоры Сибири“ Гмелина, былъ знаменитый русскій ученый Палласъ, который посѣтилъ въ 1769 г. сѣверо-западную и восточную части края. Изъ послѣдующихъ ученыхъ въ дѣлѣ изученія флоры страны оказали большія услуги: Фалькъ, Эверсманнъ, Миддендорфъ, Ледебуръ, Мейеръ, Бунге, Карелинъ, Кирилловъ, Борщовъ, Ал Шренкъ, П. П Семеновъ, Политовъ, Потанинъ, Сапожниковъ и нѣкоторые другіе.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію теперешней флоры Киргизскаго края будетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о прошлой (въ геологическомъ смыслѣ) растительности края.

Палеонтологическія данныя показываютъ, что въ концѣ третичнаго періода, когда заканчивался процессъ осушенія южной части Западно-Сибирской равнины и Арало-Каспійскаго бассейна — внутри и по окраинамъ нынѣшняго Киргизскаго края существовала растительность, свойственная южнымъ странамъ современной Европы, а именно росли платаны, мирты, араліи, илексы и др. вѣчнозеленыя деревья. Но, съ осушеніемъ страны и усиленіемъ въ ней континентальныхъ процессовъ, эта растительность исчезла и замѣнилась современной широколиственной формаціей лѣсовъ средней Европы. Въ этомъ убѣждаютъ насъ палеонтологическія данныя изъ болѣе новыхъ отложеній третичной системы, такъ называемаго пліоцена, когда въ долинахъ западнаго Алтая росли букъ, орѣшникъ, дубъ, ольха, липа и др. Послѣдующія условія геологической жизни края были неблагопріятны и для этой широколиственной формаціи, и она исчезла, смѣненная современной флорой, какъ болѣе приспособленной къ теперешнимъ условіямъ существованія. Какъ на жалкіе остатки широколиственныхъ лѣ-

совъ, указываютъ теперь только на небольшіе островки лишъ (въ Кузнецкомъ Алатау). Можетъ быть теперешнія заповѣдныя рощи дуба и клена въ южныхъ предгорьяхъ Общаго Сырта, напр. чудная лѣсная растительность близъ *Бородинскаго* форпоста Уральской области—представляютъ также остатки нѣкогда могучихъ лѣсовъ. Вмѣсто этой растительности край стали заселять современныя намъ хвойныя и лиственныя породы деревьевъ—береза, осина, тополь, ива и сопутствующая имъ травяная растительность.

Современная растительность, впрочемъ, не представляетъ однообразія на всемъ пространствѣ края, и этого слѣдовало ожидать, такъ какъ условія существованія для нея не вездѣ одинаковы. Здѣсь встрѣчаются и высокіе хребты съ вѣчными снѣгами и ледниками (ю.-з. Алтай, Тарбагатай, Сауръ), и степныя равнины, тянущіяся на сотни верстъ, изрѣдка прерываемыя гривами или солончаковыми впадинами, встрѣчаются, наконецъ, и мертвыя степи—пустыни съ движущимися песками (барханами), какъ извѣстные *Кара-Кумы, Бедъ - Пакъ - Дала* (*Голодная степь*) и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ растительность должна была приспособляться къ различнымъ условіямъ существованія и сообразно имъ видоизмѣнять свой характеръ.

Принимая во вниманіе господство нѣкоторыхъ формъ, растительность Киргизскаго края можно раздѣлить на четыре группы (области): *лѣсную, альпійскую, лѣсостепную, степную* и *пустынную*.

Лѣса играютъ въ Киргизскомъ краѣ незначительную роль. Крѣпкія солонцевато - глинистыя и недренированныя почвы, равнинная поверхность, сухость климата—вотъ главныя причины, которыя мѣшали здѣсь развитію лѣсовъ. Только на окраинахъ разсматриваемой страны, гдѣ эти причины теряли свое неблагопріятное значеніе—появляются хвойные и лиственные лѣса. При этомъ лиственныя породы распространены главнымъ образомъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ края, хвойныя же—въ юго-восточной, гористой части (сосна въ нѣкоторыхъ внутреннихъ гористыхъ мѣстахъ).

Лиственные лѣса состоятъ здѣсь изъ слѣдующихъ родовъ: березы, тополя, осины, осокоря и ветлы—повсемѣстно и, на западѣ, кромѣ того—дуба, вяза, липы и неклена. Подлѣсокъ повсюду составляютъ: шиповникъ, крушина, боярокъ, таволга, жимолость; на с.-з. къ нимъ присоединяется тернъ (Prunus spinosa), калина, на югѣ—черемуха, рябина, рѣже дикая яблоня.

Изъ сказаннаго видно, что лѣса на западѣ края замѣтно отличаются отъ другихъ лиственныхъ лѣсовъ его. Присутствіе дуба, вяза и липы на крайнемъ западѣ разсматриваемой территоріи ясно говоритъ за то, что тутъ имѣются тѣ условія, которыя благопріятны для существованія среднерусской лѣсостепной флоры. Правда, что теперешніе дубовые и березовые лѣса, расположенные по склонамъ Общаго Сырта, немногочисленны, но, по свидѣтельству Карелина, въ 30-хъ годахъ XIX в. здѣсь были густые лѣса. Несомнѣнно, что естественныя условія края не измѣнились такъ сильно, чтобы повліять замѣтно на распространеніе этихъ породъ, а если лѣса и уменьшились, то благодаря лишь хищническому истребленію ихъ человѣкомъ. Главныя лѣсныя насажденія находятся здѣсь въ двухъ мѣстахъ: по отрогамъ *Общаго Сырта* и въ долинѣ *Урала* (на с.-в. отъ форпоста Бородинскаго).

Лѣса по Общему Сырту не представляютъ сплошныхъ насажденій, а растутъ группами („колками“). Ихъ составляютъ три породы: *осина* (Populus tremula), *дубъ* (Quercus pedunculata и sessiliflora) и *береза* (Betula alba). Повидимому условія существованія болѣе благопріятны здѣсь осинѣ, такъ какъ замѣчено, что на мѣстахъ, гдѣ лѣса вырубаются—чаще и больше всѣхъ появляется это дерево. Лучшія дубовыя рощи (заповѣдныя) находятся въ балкахъ при Общемъ Сыртѣ (въ предѣлахъ нѣкоторыхъ уральскихъ и илецкихъ станицъ). Кромѣ этихъ породъ, здѣсь встрѣчаются изрѣдка: *ольха* (Alnus incana и glutinosa), *неклень* (Acer tataricum), небольшія *липовыя* рощицы (изъ Tilia parvifolia), *дикая яблонь* (*рязань*) (Pyrus acerba), *черемуха*, *рябина* (Sorbus aucuparia), *терн* (Prunus spinosa).

По долинѣ Урала хорошіе уремные лѣса находятся только въ верховьяхъ (отъ впаденія р. *Иртека* до границъ съ Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ). Они носятъ также смѣшанный характеръ и состоятъ изъ: *дуба*, *осины*, *вяза* (Ulmus campestris), *серебристаго тополя*, *осокоря* (*черный тополь*) (Populus nigra), *вербы* (Salix pentandra), *тала* (Salix alba, S. viminalis и др.). Благодаря довольно скученному населенію, лѣсъ представляетъ здѣсь, въ общемъ, довольно разрѣженные участки.

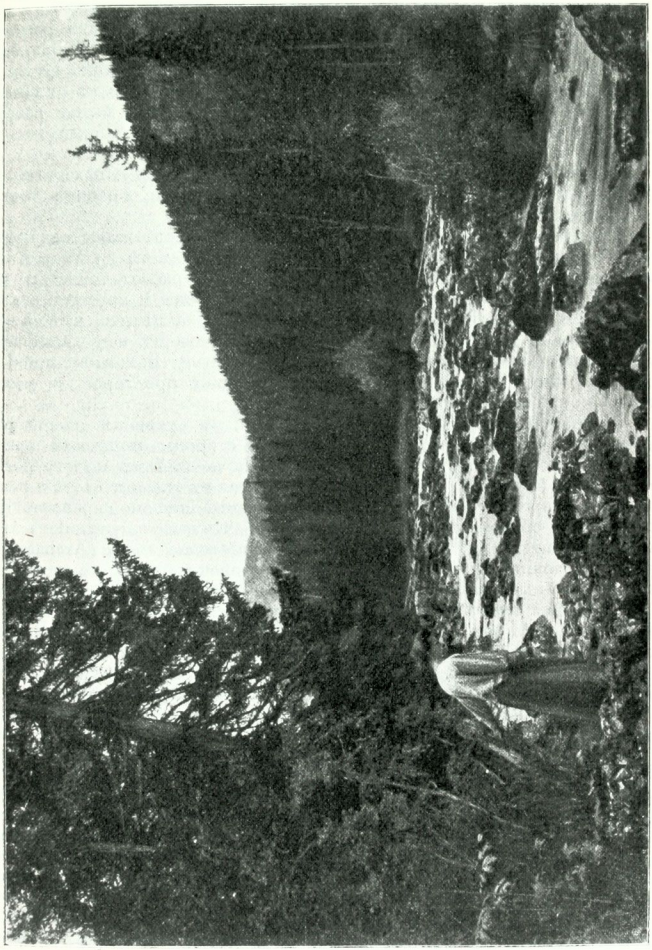
Осокори въ долинѣ р. Урала. *(По фот. Вен. П. Семенова).*

Несомнѣнно, что эта лѣсная формація — крайній аванпостъ средне-уральской (европейской) флоры на югѣ. Это подтверждается и сопутствующей лѣсу травяной растительностью, которая почти тожественна съ соотвѣтствующей формаціей на европейскомъ склонѣ средняго Урала и въ лѣсостепи Россіи. Дубъ, неклень, липа, ольха, вязъ кромѣ этихъ мѣстъ уже нигдѣ въ Киргизскомъ краѣ въ дикомъ состояніи не растутъ. И здѣсь далѣе къ югу идутъ только дубъ и вязъ до *Горячинской* станицы, а южнѣе встрѣчаются уже обыкновенные для всего края: осина, тополь, ветла, осокорь, талъ и ни одного представителя широколиственнаго лѣса.

Неменьшаго интереса заслуживаютъ *хвойные* лѣса (лѣсная область вообще) Алтая, Саура и нѣкоторыхъ мѣстъ Кокчетавскаго и Акмолинскаго уѣздовъ, гдѣ, хоть мѣстами, да сохранился дѣвственный характеръ лѣсовъ.

По богатству флоры, лѣсной области принадлежитъ первое мѣсто въ Киргизскомъ краѣ. Она занимаетъ Усть-Каменогорскій и Зайсанскій уѣзды, гдѣ лежатъ западные хребты Алтая и Саура. На ихъ склонахъ, подошвахъ, вершинахъ и въ долинахъ встрѣчается самая разнообраз-

ная растительность, разнообразная не только по виду, но и по харак-



Хвойный лѣсъ въ долинѣ р. Арасаньи. (*По фот. Боброва*).

теру. Здѣсь можно найти почти всю флору, разсѣянную не только по Киргизскому краю (не исключая его солончаковъ и пустынь), но и

по всей Западной Сибири и Уралу. Только флора, занявшая пространство въ сотни тысячъ верстъ (отъ песковъ Голодной степи до полярнаго круга), сосредоточена здѣсь отъ подошвы горъ до вѣчно-снѣговыхъ вершинъ, и тѣ ландшафты, которые наблюдаются на громадныхъ разстояніяхъ (напр. солончаки Голодной степи и тундры сѣвера Тобольской губ.),—здѣсь смѣняютъ другъ друга черезъ нѣсколько часовъ. Сухія съ жалкой растительностью степи подошвы горъ смѣняются на склонахъ темными лѣсами съ богатой травяной растительностью; выше разстилаются альпійскія лужайки, еще выше—область вѣчныхъ снѣговъ, напоминающая страны крайняго сѣвера.

Мы не будемъ останавливаться подробно на различныхъ типахъ горной (субъальпійской и альпійской) растительности, а дадимъ только ихъ общую картину.

Ландшафтъ суглинистой степи съ жалкой растительностью подходитъ къ самымъ отрогамъ Алтая. Отъ Семипалатинска до Усть-Каменогорска степь еще успѣшно борется съ горной растительностью, вытѣсняетъ ее съ уваловъ, высокихъ гривъ, береговъ и другихъ открытыхъ мѣстъ, но въ долинахъ и логахъ нетрудно замѣтить, что ей приходится самой уступать. Отъ Усть-Каменогорска къ югу ландшафтъ рѣзко мѣняется. Сравнительно высокія горы сразу положили предѣлъ господству степной флоры, давъ у себя широкій просторъ для развитія роскошной горной растительности.

Степная растительность не можетъ идти въ сравненіе съ той флорой, какая встрѣчается въ горахъ; какъ со стороны мощности развитія, такъ и состава и яркости окраски — она не имѣетъ ничего подобнаго съ горной флорой. Прежде всего бросаются въ глаза густота и ростъ травянаго покрова. Разнообразныя высокія растенія тѣсно переплетаются между собой, образуя такую густую заросль, что даже затрудняютъ ходъ лошади. Гигантскія (до 10 фут.) зонтичныя—*медвѣжьи пучки* (Archangelica decurrens), раскинувшія большимъ шатромъ свои зонтики, не менѣе высокій и стройный *стрѣлолистъ* (*иссыкъ-кулькій корешокъ*—Aconitum napellus), длинныя темно-синія кисти *шпорника* (Delphinium elatum), большія кумачно-красныя головки *татарскаго мыла* (Lychnis chalcedonica), золотисто-желтый *карантышъ* (Senecio), цвѣточная корзинка котораго не менѣе молодого подсолнуха, высокое *медвѣжье ухо* (Verbascum thapsus), стебли и листьи котораго покрыты какъ будто войлокомъ, темно-синія *царскія кудри* (Clematis integrifolia), ярко-желтые *золотарники* (Bupleurum aureum), оранжевые *огоньки* (Trollius altaicus et asiaticus), бурыя кисти узорчатолистныхъ мытниковъ (Pedicularis compacta, P. proboscidea) заросли высокихъ раскидистыхъ *болиголововъ* (Dictamnus fraxinella) и *горныхъ лилій* (Lilium spectabile), темно-синія *фіалки* (Viola tricolor), *горечавки* (Gentiana decumbens, Swertia obtusa), *змѣеголовники* (Dracocephalum altajense), *троецвѣтки* (Aquilegia glandulosa) и наконецъ крупные алые цвѣты *алтайскихъ піоновъ* (*марынъ корень*—Paeonia anomala)—все это поражаетъ своимъ богатымъ развитіемъ, яркой окраской и густотой листвы. Никакая степь не дастъ такой флоры. Для этихъ растеній необходимы тучныя, всегда влажныя, богатыя перегноемъ почвы и влажность воздуха; а это возможно встрѣтить только въ горахъ. Богатой травяной растительности соотвѣтствуютъ здѣсь разнообразныя густыя заросли кустарниковъ: *малины* (Rubus idaeus), черной, бѣлой и красной *смородины* (Ribes rubrum, R. nigrum), *кры-*

жовника (Uva crispa), *черемухи* (Prunus padus), *перечка* (Amygdalus nana), *боярки* (Crataegus sanguinea), *шиповника* (Rosa pimpinel'ifolia, R. lutea, R. Gmelini), *таволги* (Spiraea triloba, Sp. salicifolia), пахучей Daphne altaica и др.; заросли малины занимаютъ нерѣдко цѣлые лога (на версту и больше). А надо всѣмъ этимъ поднимаются группы стройныхъ елей и пирамидальныхъ пихтъ, вѣковыя развѣсистыя лиственницы и кедры.

Таковъ общій ландшафтъ горной (субъальпійской) флоры юго-западнаго Алтая (до 5—7.000 ф. надъ моремъ). Тарбадатай и Сауръ не менѣе богаты травяной и кустарниковой флорой, но бѣдны древесной; лиственничными богаты только юго-западные склоны Саура.

Если подняться въ горахъ еще выше—въ *альпійскую* область, то составъ растительности нѣсколько измѣнится, но не по разнообразію и яркости окраски, а лишь со стороны ея густоты и роста, что вызывается климатическими условіями на такой высотѣ.

Альпійскія поля представляютъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ ландшафтовъ въ горахъ. Особенно заманчивую картину раскрываютъ они въ солнечный лѣтній день, когда ярко-изумрудный коверъ зелени искрится отъ массы свѣтлыхъ капель росы, а на немъ, какъ на бархатѣ, вытканы природой цвѣтные узоры изъ альпійскихъ растеній; послѣднія не отличаются ростомъ, но со стороны яркости окраски вѣнчиковъ не имѣютъ себѣ равныхъ въ другихъ областяхъ нашей флоры. Здѣсь царство всевозможныхъ *горечавокъ* (Gentiana algida, G. septemfida, G. altaica, G. prostrata, G. rotata и др.—темно-лазуревыхъ и желтыхъ), золотистаго альпійскаго *мака* (Papaver alpinum et var.) оранжевыхъ *купальницъ* (Trollius altaicus), темносинихъ и блѣдножелтыхъ *фіалокъ* (Viola tricolor и V. altaica), ярколиловыхъ *астръ* (Erigeron glabratus), золотистыхъ *лютиковъ* (Ranunculus altaicus, R. borealis), пышныхъ алыхъ *піоновъ* и многихъ другихъ яркихъ цвѣтовъ. Иногда этотъ пестрый коверъ зелени вдругъ смѣняется одноцвѣтнымъ золотисто-пурпуровымъ моремъ мака и купальницы, занимающимъ нерѣдко большія поля (на южныхъ склонахъ Саура, Тарбагатая, Нарымскаго, Курчумскаго и др. хребтовъ Алтая).

Выше (7—9.000 ф. надъ уровнемъ моря) такой ландшафтъ начинаетъ блѣднѣть: немногія растенія доходятъ сю-

Альпійскій ландшафтъ въ верховьяхъ рѣки Курчума въ Нарымскомъ хребтѣ.
(По фот. В. Сапожникова).

да, въ область вѣчныхъ снѣговъ: горечавки, лютики, камнеломки (Saxifraga, hirculus, S.cordifolia), *первоцвѣты* (Primula nivalis, P. auriculata) и кустики альпійскихъ розъ (Rhododendron dauricum)—вотъ почти всѣ представители флоры. Странно видѣть, какъ у подножья тающихъ снѣговъ и даже прямо изъ-подъ снѣга выглядываютъ изящные, нѣжные вѣнчики этихъ растеній. Даже снѣжныя бури, которыя нерѣдко разыгрываются здѣсь въ лѣтніе дни и толстымъ слоемъ снѣга покрываютъ цвѣтущія растенія,—не имѣютъ на нихъ губительнаго вліянія. Пройдетъ нѣсколько часовъ, и погребенная растительность выглянетъ снова такой-же свѣжей и цвѣтущей, только еще болѣе яркой. Такъ рѣзко выразился въ этомъ приспособленіи растеній могучій законъ природы—законъ борьбы за существованіе.

Еще выше (въ царствѣ ледниковъ) растительность переноситъ насъ уже въ полярныя страны—такъ она жалка и рѣдка. Высота и связанныя съ этимъ суровыя климатическія условія положили предѣлъ богатой растительности. Угрюмыя скалы, утесы, ущелья—все это лишено зеленаго покрова; они голы и мертвы, только кое-гдѣ замѣтно наросли на нихъ бѣлыя, синеватыя и бурыя пятна: это *лишайники* и *мхи* крѣпко и плотно впились въ граниты, какъ будто боясь выдѣлиться и нарушить однообразіе мертвыхъ скалъ. Изрѣдка въ разсѣлинахъ скалъ и въ глубинѣ ущелій можно увидѣть жалкихъ представителей древесной растительности: *кедровый сланецъ* (Pinus pumila), *карликовую березу* (Betula nana), *иву* (Salix arctica) и *можжевельникъ* (Juniperus sabina, J. communis и J. nana). Но и эти стелящіеся кустарники, приспособленные къ суровымъ условіямъ существованія, имѣютъ здѣсь особенно жалкій, уродливый видъ.

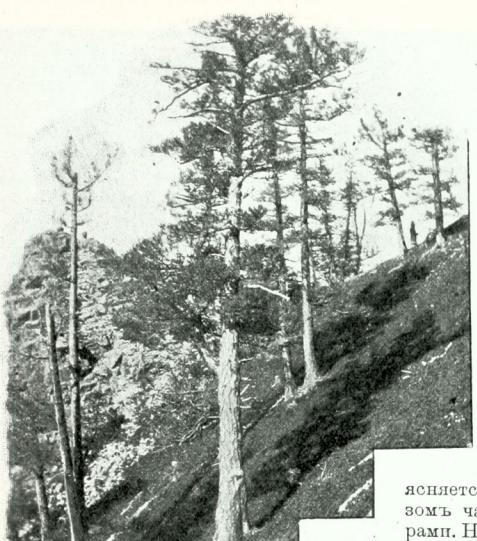
Бѣдной растительности на вершинахъ иногда соотвѣтствуетъ такая-же растительность подошвы хребтовъ, какъ напр. у южныхъ отроговъ Курчумскихъ и Бухтарминскихъ горъ, Нарымскаго хребта и др., гдѣ господствуетъ степная растительность; по виду такія мѣста совершенно похожи на глинистыя степи южныхъ частей Киргизскаго края: господствуютъ тѣ-же роды—полыни, астрагалы, солянки, злаки, только многіе виды здѣсь—типичные алтайскіе, напр. изъ кустарниковъ: *таволга* (Spiraea triloba), *пахучая иссопка* (Daphne altaica) и пр.

Хвойные лѣса юго-западнаго Алтая состоятъ изъ пяти породъ: *лиственницы* (Larix sibirica), *кедра* (Pinus cembra), *ели* (Picea obovata), *пихты* (Abies sibirica) и *сосны* (Pinus silvestris).

Въ ихъ распространеніи наблюдается нѣкоторая разница. Болѣе приспособленной къ условіямъ существованія въ Киргизскомъ краѣ нужно признать сосну, которая выходитъ изъ области горъ на равнину (*Долонскій, Шульбинскій* боръ и др.), или по невысокимъ горамъ (*Калбинскій* хребетъ, *Каркаралинскія, Баянъ-Аульскія* горы и др.) и заходитъ вглубь края. Кокчетавскіе лѣса на сѣверѣ края есть крайній аванпостъ этого дерева.

Кромѣ того, сосновые лѣса встрѣчаются на холмахъ между р. *Тоболомъ* и *Алабугой* (у поселковъ *Прорывного* и *Озернаго*), а также и на ихъ верхнемъ водораздѣлѣ, гдѣ извѣстны боры *Аманъ-Карагай* и *Казанъ-Басы*. Эти сосновые лѣса суть несомнѣнно остатки нѣкогда большихъ лѣсовъ, составлявшихъ одно цѣлое съ приуральскими и тобольскими. Про другія хвойныя деревья можно сказать, что границей ихъ западнаго распространенія (за небольшимъ исключеніемъ) служитъ *Иртышъ*,

Лѣсная заросль въ ущельѣ Алтая.



Саурская лиственница.

на югѣ *Нарымскій* хребетъ (на *Курчумскихъ* горахъ встрѣчается изрѣдка только ель (г. *Сары-Тау*) и еще рѣже—лиственница). На Саурѣ попадается только лиственница.

Хвойные лѣса въ юго-западномъ Алтаѣ и въ горахъ Акмолинской области имѣютъ разрѣженный видъ. Дѣвственныя насажденія — „*тайгу*“ или „*чернь*“ въ предѣлахъ края можно встрѣтить изрѣдка въ юго-западномъ Алтаѣ и на Саурѣ въ глубокихъ логахъ и на трудно доступныхъ вершинахъ. Объясняется это главнымъ образомъ частыми лѣсными пожарами. Несомнѣнно, что въ недалекомъ прошломъ площадь черневыхъ лѣсовъ была значительно больше, но сократилась вслѣдствіе пожаровъ. Также большое вліяніе оказываютъ бури, оставляющія послѣ себя тысячи вывороченныхъ или изуродованныхъ деревьевъ; немало вредитъ лѣсу и неразумное пользованіе имъ человѣка. Путешественники указываютъ еще два фактора, неблагопріятно дѣйствующіе на развитіе здѣсь лѣсовъ: обиліе травяной растительности среди хвойныхъ лѣсовъ, которая не даетъ возможности попадать древеснымъ сѣменамъ въ почву; этимъ, а также развитіемъ здѣсь скотоводства и объясняется отсутствіе молодого подсѣда среди хвойныхъ лѣсовъ: травы заглушаютъ ихъ, а если молодая поросль и появится, то вытаптывается или съѣдается скотомъ; во-вторыхъ—губительное вліяніе южныхъ сухихъ вѣтровъ, благодаря которымъ лѣса, будучи вырубленными на южныхъ склонахъ, никогда тамъ не появляются. И дѣйствительно южные склоны большинства хребтовъ и горъ безлѣсны, или имѣютъ лѣса только въ долинахъ, тогда какъ сѣверные склоны одѣты ими богато.

Вліяніе этихъ вѣтровъ, повидимому, сказывается и на предѣлахъ распространенія хвойныхъ лѣсовъ. Сѣверо-западные отроги Алтая—отъ г. Усть-Каменогорска до Бухтармы покрыты чаще всего пихтой и лиственницей: кедръ и сосна здѣсь совсѣмъ не встрѣчаются, а ель—довольно рѣдко. Въ Бухтарминскихъ, Нарымскихъ и восточныхъ Курчумскихъ хребтахъ преобладаютъ лиственница и пихта, но только на

сѣверныхъ склонахъ; кедръ занимаетъ вершины сѣверныхъ склоновъ Нарымскаго хребта въ восточной его части, т. е. ближайшей къ ледниковому центру Алтая. Еще южнѣе — въ призайсанскихъ склонахъ Саура — встрѣчаются только рѣдкіе лиственничные лѣса. Такое-же неравномѣрное распредѣленіе хвойныхъ замѣчается и въ западномъ направленіи. Дальше всѣхъ идетъ сосна (до Кокчетавскаго у.); за ней идетъ пихта и ель (Калбинскій хребетъ); лиственница встрѣчается на Прииртышскихъ горахъ, кедръ-же нигдѣ не доходитъ и до Иртыша.

Такъ-какъ во всѣхъ этихъ гористыхъ мѣстахъ топографическія, орографическія и почвенныя условія не имѣютъ большого различія, и тѣмъ не менѣе лѣса не вездѣ одинаково развиваются (одна сосна растетъ почти всегда только на сухихъ хрящеватыхъ или песчаныхъ мѣстахъ, какіяпреобладаютъ въ горахъ Кокчетавскаго и Семипалатинскаго у.у.),— то вышеуказанную разницу въ разселеніи нужно объяснить мѣстными климатическими различіями, а среди нихъ прежде всего—неравномѣрнымъ вліяніемъ ю.-ю.-з. сухихъ вѣтровъ. Кедръ оказывается къ нимъ болѣе всѣхъ чувствительнымъ, такъ какъ не выходитъ изъ высокихъ снѣжныхъ хребтовъ; остальныя, если и встрѣчаются на невысокихъ хребтахъ, то главнымъ образомъ по сѣвернымъ ихъ склонамъ. Южные склоны Призайсанскихъ горъ, хотя и высокихъ, совершенно лишены древесной растительности.

Въ высотномъ распространеніи хвойныхъ замѣчается также разница. Выше всѣхъ древесныхъ породъ идетъ (вмѣстѣ съ можжевельникомъ) разновидность *кедра* (Pinus cembra var. pumila)—низкій, стелящійся кустарникъ, который свойственъ альпійской области хребтовъ, а также области снѣговъ и ледниковъ. Нѣсколько ниже идетъ обыкновенный кедръ и лиственница; приэтомъ кедръ не спускается ниже 6—7 т. ф., тогда какъ лиственница выходитъ въ долины (Нарымскую, Бухтарминскую и др. на высотѣ 3 т. ф.), а въ сѣверныхъ отрогахъ Алтая, близъ г. Усть-Каменогорска, спускается еще ниже. Пихта и ель растутъ въ среднемъ (субъальпійскомъ) и нижнемъ поясѣ горъ. Сосна на высокихъ горахъ, по правую сторону Иртыша, совсѣмъ не встрѣчается; по лѣвую—она занимаетъ какъ нижніе, такъ и верхніе (до 3 т. ф.) склоны горъ. Въ общемъ граница хвойныхъ лѣсовъ повышается съ сѣвера на югъ; на южныхъ хребтахъ нижняя граница ея не спускается ниже 8—9 т. ф. Вмѣстѣ съ повышеніемъ рѣдѣетъ и составъ лѣсовъ, что находится въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и климата, который къ югу становится все болѣе и болѣе континентальнымъ.

Кромѣ хвойныхъ породъ въ алтайскихъ лѣсахъ встрѣчаются и лиственныя—береза, тополь и осина; но онѣ не играютъ замѣтной роли, такъ какъ нигдѣ не образуютъ лѣсовъ; чаще всего ихъ можно встрѣтить у подошвы горъ, въ долинахъ рѣчекъ, небольшими группами; рѣже—въ горахъ, причемъ выше всѣхъ идетъ береза, которая, однако, не достигаетъ тамъ полнаго развитія, а является въ видѣ невысокихъ кустовъ (Betula nana).

Наиболѣе значительные черневые лѣса находятся по южнымъ склонамъ и логамъ *Нарымскаго* хребта, начиная отъ пос. *Больше-Нарымскаго* до ст. *Алтайской*. Лѣтъ 20 назадъ здѣсь были большіе пожары, уничтожившіе много лѣса. Кедрово-лиственничные лѣса встрѣчаются по горамъ *Тау-Текелю*, *Коко-Дабъ* и др., лежащихъ въ верховьяхъ р. *Бух-*

тармы и на ея притокахъ. Рѣдкій черневой лѣсъ безъ кедра встрѣчается въ горахъ между Усть-Каменогорскомъ и Бухтармой; но здѣсь онъ носитъ скорѣе паркообразный характеръ.

Долонскій, *Шульбинскій* и другіе сѣверные сосновые боры, вышедшіе въ степь, въ ботаническомъ отношеніи не представляютъ особеннаго интереса: это разрѣженные лѣсные участки съ сухой песчаной почвой и небогатой травяной растительностью, какую можно встрѣтить на окружающихъ степяхъ. На сѣверо-западныхъ окраинахъ ихъ опушка почти совершенно лишена растительности, благодаря сильному развитію песчаныхъ дюнъ. Лучшую растительность имѣютъ хвойные лѣса Запрытышскихъ горъ (*Калбинскія*, *Чертей-Тау* и др.). Изъ древесныхъ породъ, кромѣ сосны, пихты и лиственницы (въ восточной части), тамъ растутъ *березы*, *тополи* и *осины*; послѣднія придерживаются долинъ и рѣчекъ, образуя небольшіе „колкй“; береза изрѣдка встрѣчается и на горахъ. Травяная растительность напоминаетъ, по составу, алтайскую, хотя видами значительно бѣднѣе. Безлѣсныя вершины наиболѣе высокихъ горъ покрыты также густымъ ковромъ субъальпійскихъ травъ, состоящимъ изъ множества *фіалокъ* (Viola tricolor и altaica), *горечавокъ* (Gentianae), *змѣеголовника*, *кукушкиныхъ слезъ* (Iris ruthenica), *астръ* (Astra alpina), *колокольчиковъ*, *незабудокъ*, *лилій*, *астрагаловъ*, *троецвѣтки* (Aquilegia glandulosa), *лютиковъ*, высокихъ *шпорниковъ* (Delphinium elatum), *царскихъ кудрей* и др.; рѣже попадается *марьинъ корень* (Paeonia anomala). Альпійской растительности здѣсь совсѣмъ не встрѣчается. У подножья горъ господствуютъ степныя растенія, такъ что указанная горная растительность является среди нея оазисами. И чѣмъ далѣе на западъ, гдѣ горы все болѣе и болѣе охватываются степями,—тѣмъ рѣже становятся оазисы съ богатой горной растительностью; рѣдѣютъ и хвойные лѣса. *Баянъ - Аульскія*, *Эдрейскія*, *Каркаралинскія* и *Дегеленскія* горы являются уже полными оазисами среди окружающихъ глинисто-солонцеватыхъ степей; на нихъ сохранились кое-гдѣ рѣдкіе сосновые лѣса (казенныя дачи и казачьи участки). Развитіе горнаго дѣла грозило въ ближайшемъ будущемъ полнымъ уничтоженіемъ ихъ, если-бы не были найдены залежи каменнаго угля. Сосны, какъ и всюду, выбираютъ каменистыя и песчаныя мѣста. Въ черноземныхъ долинахъ растутъ *березы*, *тополя* и *осины*, изъ кустарниковъ—*черемуха*, *малина*, *шиповникъ* и др.; травяная растительность здѣшнихъ долинъ разнообразна. Подошвы горъ и нижніе склоны имѣютъ уже совершенно жалкій покровъ изъ степныхъ травъ.

На с.-в. отсюда, въ горахъ Каркаралинскаго у., сосновыхъ лѣсовъ нѣтъ; вѣроятно, объяснять это нужно ничѣмъ другимъ, какъ только хищническимъ истребленіемъ ихъ мѣстнымъ населеніемъ. Путнику, забравшемуся въ долины горъ *Чурчутъ*, *Орда*, *Ніязъ* и особенно *Еремень-Тау*,—трудно повѣрить, чтобы на нихъ не было лѣсныхъ насажденій; кажется, всѣ условія благопріятны тому, чтобы здѣсь поселились лѣса; но ни въ глубокихъ оврагахъ, ни въ широкихъ долинахъ, ни по склонамъ—нѣтъ лѣсныхъ насажденій. По камнямъ стелется *можжевельникъ* и *барбарисъ* (Berberis sibirica), по склонамъ—мелкіе кустики *чернаго шиповника* и *караганы* (Caragana pygmaea), а въ логахъ—кусты *ивъ*; вотъ, кажется, и всѣ главные представители древесныхъ породъ. Въ сырыхъ логахъ и широкихъ долинахъ встрѣчаются, впрочемъ, иногда рѣдкіе *бе-*

резовые лѣски (въ горахъ Еремень-Тау указываютъ одинокія *ольхи*) Травяная растительность такихъ горъ также бѣдна и однообразна, даже на вершинахъ и склонахъ; степь находитъ, повидимому, хорошія условія для своего существованія. Здѣсь растутъ: *богородская трава* (Thymus serpyllum и Th. Marschalianus), мелкіе *злаки* (Triticum, Koeleria, Festuca), *гвоздика* (Dianthus acicularis), *астры* (Galatella Hauptii), *заячья капуста* (Umbilicus spinosus), т. е. тѣ-же растенія, которыя преобладаютъ и въ окружающей степи; по склонамъ къ нимъ присоединяются другія степныя растенія, среди которыхъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ рѣдкій видъ, нѣжную *дымянку* (Fumaria Vailiantii). Болѣе богаты растительностью выходы долинъ и логовъ на равнину; здѣсь вмѣстѣ со степными формами можно встрѣтить представителей поемныхъ луговъ рѣчныхъ долинъ.

Самымъ южнымъ мѣстомъ распространенія сосны въ Акмолинскомъ у. нужно считать г. *Болта-Кара*, гдѣ есть рѣдкій сосновый лѣсокъ. За послѣднее время, впрочемъ, переселенцы и киргизы усиленно вырубаютъ его, такъ что въ ближайшемъ будущемъ онъ исчезнетъ. На сѣверъ отсюда появляется сосна въ нѣсколько большемъ количествѣ на г. *Карагайлы*; затѣмъ снова исчезаетъ (мѣстность къ сѣверу и сѣверозападу снова становится болѣе ровной) и появляется недалеко отъ пос. *Канкринскаго* (сопка *Куу-Чеку*). Здѣсь есть небольшой казенный борокъ и смѣшанный (березово-сосновый) мелкій лѣсокъ. Такія-же рѣдкія насажденія сосны встрѣчаются по холмамъ къ востоку отъ поселка.

Далѣе на сѣверъ сосны снова исчезаютъ; передъ путникомъ развертывается сѣрый ландшафтъ волнистой степи, который смѣняется снова лѣсами передъ пос. *Алексѣевскимъ*. Передъ поселкомъ идетъ смѣшанный лѣсъ, а на с.-з. отъ него—довольно обширный сосновый боръ—*Мунчактинская* дача—самое богатое лѣсное урочище, обслуживающее чуть-ли не весь Акмолинскій у. и ближайшее населеніе другихъ уѣздовъ. Дорога отъ Алексѣевскаго до с. *Никольскаго* и далѣе до *Щучьяго* идетъ уже не по степи, а по всхолмленной мѣстности, среди березовыхъ и сосновыхъ рощъ (лѣсъ *Менреу-Карагай*). На этомъ протяженіи перевѣсъ беретъ то сосна (чаще всего на сопочныхъ возвышенностяхъ), то береза. Среди послѣдней встрѣчаются здѣсь, какъ особое проявленіе „игры природы“,—*курчавые* экземпляры—дерево съ голыми вѣтвями, на концахъ которыхъ располагаются пучки съ густыми листьями.

На сѣверъ отъ пос. Щучьяго въ горахъ *Кокче-Тау* преобладаетъ уже сосновый лѣсъ. Кокчетавскія горы зовутся жителями края „Швейцаріей“. Это, дѣйствительно, одна изъ живописныхъ мѣстностей Киргизскаго края. Невысокія, причудливыхъ формъ горы съ утесами, живописно нагроможденными скалами, голыми и лѣсистыми вершинами, съ тучными черноземными долинами, прѣсными озерами, горными рѣчками—придаютъ этимъ мѣстамъ особенную прелесть въ глазахъ горожанъ степного края, привыкшихъ къ однообразнымъ видамъ степи, почему сюда и съѣзжается на лѣто много дачниковъ изъ ближайшихъ городовъ. На горахъ растетъ въ изобиліи сосновый лѣсъ, который близъ вершинъ и на крутыхъ гребняхъ до сихъ поръ сохранилъ характеръ дѣвственнаго бора; среди него нѣтъ представителей степи — березъ и осинъ. Сохранилась здѣсь и типичная для хвойнаго лѣса травяная растительность—*грушанка* (Pyrola chlorantha, P. secunda, P. rotundifolia), *кукуш-*

никъ (Gymnadenia cuculata), *линнея* (Linnaea borealis), *мохъ* (Hypnum) и *папоротники* (Pteris и Brachipodium), не встрѣчаемые въ степи, а здѣсь играющіе въ травяномъ покровѣ видную роль. Богатую растительность имѣютъ лѣсныя лужайки и опушки лѣсовъ, гдѣ можно встрѣтить въ большомъ количествѣ такія растенія, которыя также въ окружающихъ степяхъ рѣдки, или совсѣмъ не водятся, напр. *вишенникъ* (Prunus chamaecerasus), *малина* (Rubus idaeus), *калина* (Vibirnum opulus), бѣлая и красная *смородина*, *костяника*, *карагачъ* (Ulmus campestris var. suberosa); изъ травянистыхъ—ярко-синій *шпорникъ*, *фіалки* (Viola silvatica), Heracleum sibiricum, высокіе пучки Angelica silvestris, *сокольникъ*, *стрѣчъ* (Calamagrostis), *папоротники*, *грушанка* (Pyrola) и др.; изрѣдка растутъ здѣсь *брусника* и *черника* (Vaccinium vitis idaea и V. myrtillus).

У подошвы горъ сосновый лѣсъ разрѣженъ березами, осинами и тополями; вмѣстѣ съ этимъ и травяная растительность носитъ смѣшанный характеръ. Есть среди такихъ лѣсовъ и чисто степные участки (близъ с. *Боровое*) съ *ковылемъ*, *типчакомъ* (Festuca ovina), *тонконогомъ* (Koeleria cristata), *буркуномъ* (Medicago falcata), *полынями*, *перекати-полемъ* и др. Забѣгаетъ степная растительность и на нѣкоторыя горы, особенно тамъ, гдѣ человѣкъ усердно истребляетъ лѣсныя насажденія. Но, въ общемъ, растительность ихъ, особенно въ закрытыхъ внутреннихъ долинахъ, рѣзко отличается отъ окружающей степной. Сосны достигаютъ здѣсь 11 саж. высоты и до 15 верш. въ отрубѣ; замѣчено, что на мѣстахъ, открытыхъ для вѣтра, сосна селится неохотно, и ростъ ея происходитъ медленно.

Степи занимаютъ въ Киргизскомъ краѣ громадное пространство. Сливаясь на востокѣ съ Барабинскими и Кулундинскими, а на западѣ съ южно-русскими, онѣ такимъ образомъ составляютъ звено въ томъ великомъ поясѣ степей, который охватываетъ все сѣверное полушаріе (въ видѣ южно-русскихъ степей, венгерскихъ и дунайскихъ пуштъ, испанскихъ десьертосовъ и прерій Сѣверной Америки). Схематически ихъ можно представить здѣсь въ видѣ широкой, дугообразной полосы, охватывающей Киргизскій край отъ средняго теченія Урала, черезъ Актюбинскій, Иргизскій, Кустанайскій, Петропавловскій у.у. и по берегамъ Иртыша — до г. Усть-Каменогорска. Но ихъ можно встрѣтить также и въ центральныхъ частяхъ, напр. въ Тургайскомъ уѣздѣ, а также по р.р. *Нуръ*, *Сары-Су* и др.

По составу растительности и степи представляютъ не вездѣ однообразный характеръ, напр. Прииртышскія и Приуральскія. Объясняется это какъ мѣстными климатическими, орографическими, почвенными и др. условіями, такъ и тѣмъ, что колонизація этихъ степей растеніями происходила изъ различныхъ странъ. Несомнѣнно, что Прииртышскія степи носятъ нѣкоторый отпечатокъ алтайской флоры, тогда какъ Приуральскія находились подъ вліяніемъ наступающей сюда европейской (русской) и южной—туркестанской флоры.

Приуральскія степи занимаютъ бассейнъ верхняго теченія р.р. *Урала*, верховьевъ *Иргиза* и *Тобола* (съ притоками). Поверхность ихъ представляетъ однообразную волнистую равнину, нарушенную только на сѣверѣ отрогами Общаго Сырта и на востокѣ Мугоджарскими горами. Къ югу (49—50°) и юго-востоку онѣ сливаются съ глинисто-песчаными пустынями.

Растительность здѣсь небогата и не отличается своимъ развитіемъ; главную роль играютъ кустарники и многолѣтнія травы. Лѣсовъ почти совершенно нѣтъ; въ верховьяхъ *Ори*, *Илека*, *Темира* и нѣкоторыхъ другихъ рѣчекъ, берущихъ свое начало изъ сѣверныхъ склоновъ *Мугоджарскихъ* горъ, встрѣчаются рѣдкія рощицы *березъ*, *осинъ*, *чернаго* и *бѣлаго* (*серебристаго*) *тополя*. Зато большого развитія достигаютъ здѣсь *кустарныя* породы, особенно по берегамъ рѣкъ. Господствующими изъ нихъ являются разныя *ивы* (Salix viminalis, S. acutifolia, S. amygdalina, S. depressa и др.). Нѣкоторыя изъ нихъ—*ветла* и *верба* — достигаютъ величины значительныхъ деревьевъ. Нерѣдки также *боярышникъ* (Crataegus oxycantha), *жимолость* (Lonicera tatarica), *шиповникъ* (Rosa pimpinellifolia), *крушина* (Rhamnus cathartica); въ открытыхъ степяхъ—*чилига* (Caragana frutescens), *бобовникъ* (Amygdalus nana), *таволга* (Spiraea hypericifolia и Sp. crenata), рѣже—*шомпольникъ* (*ургай*, Cotoneaster vulgaris); изъ нихъ—*талъ* (*ивы*) образуетъ по берегамъ рѣкъ густыя заросли (особенно по р. *Уралу*) на нѣсколько верстъ. По отрогамъ Общаго Сырта встрѣчаются кромѣ того *вишенникъ*, *костяника* и *черная смородина*, а по оврагамъ и берегамъ рѣчекъ—*ежевика* (Rubus caesius), *паслень* (Solanum dulcamara) и *тёрнъ* (Prunus spinosus). Травяная растительность указанныхъ степей носитъ не вездѣ однообразный характеръ; лежащія по правому берегу Урала имѣютъ болѣе богатую растительность, а къ югу и юго-востоку отъ него онѣ бѣднѣе. На черноземныхъ степяхъ, южнѣе отроговъ Общаго Сырта, встрѣчаются: *ковыль* (Stipa pennata и St. capillata), *пырей* (Triticum repens), *типчакъ* (Festuca ovina), *тонконогъ* (Koeleria cristata), *мятликъ* (Poa trivialis), а также: *клеверъ* (Trifolium montanum и pratense), *буркунъ* (Medicago falcata), *чина* (Latyrus tuberosus), *душица* (Origanum vulgare), *богородская трава*, *эспарцетъ* (Onobrychis sativa), *донникъ* (Melilotus alba и M. lutea), *клубника*, *лабазникъ* (Filipendula hexapetala), *вѣтрянка* (Pulsatilla patens), *стародубка* (Adonis wolgensis) и др.; изрѣдка попадается и *полынь*. Кустарники нерѣдко перевиты *вьюнкомъ* (Calistegia sepium), *ломоносомъ* (Clematis orientalis) и *повиликой* (Cuscuta). Ближе къ лѣсамъ растительность становится еще богаче; кромѣ упомянутыхъ нерѣдки здѣсь: *незабудка*, *ландышъ*, *колокольчики*, *фіалки*, *гераньи* и др. Такая растительность свойственна всѣмъ сѣверо-западнымъ черноземнымъ степямъ края отъ западной границы до р. *Тобола*. Мѣстами она нѣсколько измѣняетъ свой характеръ, напр. въ верховьяхъ *Ори* и *Иргиза*, гдѣ мѣстность болѣе холмиста и поросла *березовыми* лѣсами; здѣсь ковыль и другіе степные злаки уступаютъ свое господство лѣсостепнымъ видамъ. Въ верховьяхъ Тобола, въ районѣ березовыхъ колковъ, она также носитъ смѣшанный характеръ, переходя къ востоку въ лѣсостепь Западно-Сибирской равнины. Южную границу черноземной степи на западѣ составляетъ р. *Уралъ*; по *Илеку* она идетъ на югъ до отроговъ Мугоджарскихъ горъ, захватываетъ сѣверную, холмистую часть Иргизскаго у. и по *Убагану* сливается съ южной границей Ишимо-Иртышскихъ степей.

Къ югу отъ указанныхъ границъ характеръ степи мѣняется: растительность становится болѣе рѣдкой и однообразной. Изъ кустарниковъ преобладаютъ *чилига* (Caragana frutescens) и *таволга*, а также: *шиповникъ* (Rosa canina), *ракитникъ* (Cytisus biflorus), *гречка* (Fragopyrum lanceolatum), *шомпольникъ* (Cotoneaster vulgaris), *прутовникъ* (Astragalus fruticosus, A. virgatus), *джантакъ* (Alhagi camelorum), нѣсколько видовъ *гребенщика* (Tamarix), *кузьмичева трава* (Ephedra vulgaris) и *можжевельникъ* (Junipe-

rus sabina). Травяная флора выражена тѣми-же злаками, что и черноземная степь, т. е. ковылемъ, типцемъ, тонконогомъ, пыреемъ, арженцемъ (Phleum), только здѣсь они встрѣчаются островками; изъ другихъ растеній видную роль начинаютъ играть полыни; буркунъ, донникъ, богородская трава, эспарцетъ и др. встрѣчаются только изрѣдка. Однообразіе и бѣдность растительности объясняются преобладаніемъ здѣсь сухихъ глинистыхъ почвъ.

Въ Уральской области такія степи начинаются къ югу отъ указанной границы черноземныхъ степей и занимаютъ бо́льшую часть уѣздовъ Уральскаго, Лбищенскаго и Темирскаго. При этомъ по мѣрѣ удаленія къ югу растительность становится все бѣднѣе; представители травяныхъ степей замѣняются однообразными полынями, типцемъ и арженцемъ; мѣстами примѣшиваются солянки. Неприглядный видъ такихъ степей разнообразится немного поёмными мѣстами степныхъ рѣчекъ, гдѣ находитъ себѣ пріютъ болѣе разнообразная кустарниковая травяная растительность, а въ западной части—такъ называемыми „разливами“ *Чижинскими*, *Балыхтинскими* и *Дюринскими* (поемныя степи), гдѣ мѣстность заростаетъ на нѣсколько верстъ *пыреемъ* (Triticum repens).

Не вездѣ, однако, носитъ степь такой характеръ. Во многихъ мѣстахъ она переходитъ въ полные солончаки съ типичной для нихъ растительностью, какъ напр. въ низовьяхъ *Узеня*, по берегамъ *Утвы*, *Уила*, *Сагиза*, *Эмбы*, *Урала* и др. Всѣ эти мѣста имѣютъ одинъ общій признакъ, который въ значительной степени обусловилъ и сходство ихъ растительности—плотныя глинисто-солонцеватыя (рѣже песчаныя) почвы, которыя неблагопріятны для растеній черноземныхъ степей.

Типичными растеніями такихъ степей являются три вида *полыни* (*кара-джусанъ* Artemisia fragrans и A. monogyna) и *чагыръ* (A. dracunculus). Такимъ образомъ, по господству полыней, эти степи можно не безъ основанія назвать полынными.

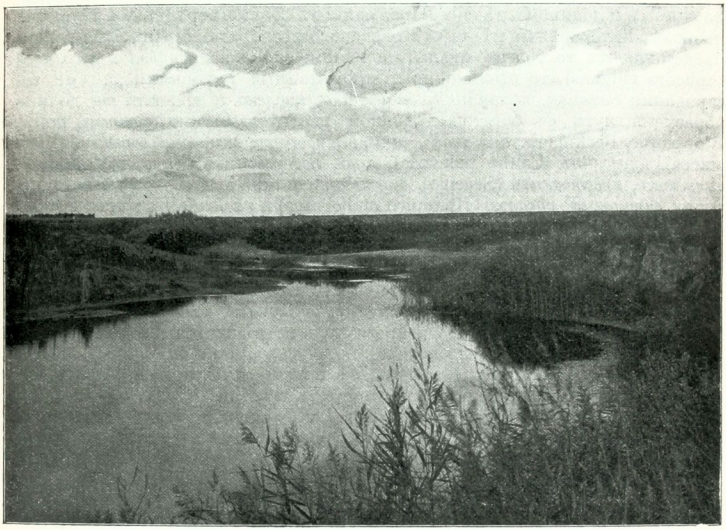
Переходъ ковыльной степи въ полынную не вездѣ одинаковъ; близъ Мугоджарскихъ горъ онъ незамѣтенъ, но въ иныхъ мѣстахъ, какъ напр. близъ р. *Аты-Джаксы* — переходъ весьма рѣзкій. Сравнительно разнообразная по составу ковыльная степь здѣсь сразу смѣняется жалкимъ грязнобурымъ покровомъ упомянутыхъ полыней.

Унылую картину представляютъ такія мѣстности. На необозримое пространство тянется полынный коверъ, на которомъ не видно яркой зелени травъ, ни пестрыхъ узоровъ цвѣтущихъ растеній: всюду утомительно однообразный полынный ландшафтъ. Кое-гдѣ торчатъ среди него безлистные стебли грязнозеленыхъ *солянокъ* (Salsola crassa, S. lanata и др.) красивые кустики *джузгуна* (Calligonum calliphysa, C. Pallasii), *сарбуялы* (Statice suffruticosa), *баялычъ* (Atraphaxis Karelini), различные виды *гребеньщика* (Tamarix Pallasii, T. gracilis), *кокъ-пекъ* (Atriplex canum). Вмѣстѣ съ ними ютятся только немногія растенія, притомъ свойственныя такимъ степямъ: *сурань* (Camphorosma ruthenicum), *ибелекъ* (Ceratocarpus arenarius), *текe-сокалъ* (Dodartia orientalis), *ревень* (Rheum caspium) и *шаиръ* (Ferula persica); изъ злаковъ — *горькуша* (Hierochloa borealis) и *арженикъ* (Phleum Boehmeri). Нѣкоторыя изъ этихъ растеній (солянки, джузгунъ и др.) отличаются оригинальными формами, выработанными въ борьбѣ за существованіе среди такихъ неблагопріятныхъ условій. Но для общаго

ландшафта степи красота и оригинальность формъ не имѣютъ значенія—степь и при нихъ остается утомительно однообразной.

Такой унылый ландшафтъ оживаетъ нѣсколько весной, когда начинаютъ цвѣсти красивыя луковичныя и другія раннія растенія: *тюльпаны* (Tulipa Gesneriana, T. trifl ra, T. patens), *лукъ* (Allium caspium), *носолепестникъ* (Rhinopetalum Karelini) и крестоцвѣтныя: Ch rispora и *левкой* (Matthiola). Но палящіе лучи солнца и сухіе вѣтры не даютъ долго красоваться этимъ растеніямъ, и къ началу лѣта степь принимаетъ уже свой однообразно-унылый видъ.

Нѣкоторое отличіе представляютъ гористыя мѣста, напр. долины



Растительность степной рѣчки Талды-Сай. (*По фот. П. І. Игнатова*).

притоковъ *Эмбы* (въ Мугоджарахъ), гдѣ травяная растительность разнообразится присутствіемъ *калашника* (Althaea officinalis), *льна* (Linum), *колокольчика*, *молочаевъ* (Euphorbia), *подмаренника* (Galium), а также *клубники*, *ежевики*, *костяники*, изрѣдка *малины* и красной *смородины*. Въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются небольшія группы *березокъ*, *осинъ* и *осокоря*.

На югѣ глинистыя степи смѣняются солончаками и песками, на востокѣ онѣ ограничены черноземными степями верховьевъ *Иргиза* и *Ори* на ю.-в.—голыми утесами Мугоджарскихъ горъ, которые, какъ рифы, выступаютъ среди окружающаго моря однообразныхъ степей.

Черноземныя степи сѣверной, холмистой части Иргизскаго у. имѣютъ растительность болѣе бѣдную, нежели приуральскія, отчасти потому, что здѣсь рѣдки лѣса, которые вносятъ въ степную растительность

большое разнообразіе. Господствующими травами нужно считать *ковыль* (Stipa capillata), *типецъ*, *тонконогъ* и *пырей*. Другія растенія, какъ *гвоздика*, островки желтѣющаго *буркуна*, розовый *эспарцетъ*, *астрагалы*, *донникъ*, грязноватая *лапчатка* (Potentilla oraca), *богородская трава*, *подмаренникъ*—занимаютъ подчиненное положеніе. Изъ кустарниковыхъ формъ встрѣчаются почти всѣ тѣ-же виды, которые указывались для приуральскихъ степей (*таволга*, *чилига*, *боярокъ*, *крушина*, *жимолость*, *бобовникъ*, *ракитникъ*, *шиповникъ* и др.); изъ нихъ главную роль играютъ различные виды *ивъ* (Salix): заросли *тальника* (Salix viminalis и др.) занимаютъ по берегамъ рѣчекъ большія пространства. Такъ-же какъ и въ приуральскихъ степяхъ—болѣе разнообразную растительность можно встрѣтить здѣсь по логамъ и долинамъ рѣчекъ. Послѣднія въ своихъ верховьяхъ являются наиболѣе интересными мѣстами Иргизскаго уѣзда; ихъ живописные берега представляютъ то голыя скалы, поросшія *можжевельникомъ* и *кызылчей* (Ephedra vulgaris), то высокіе яры, прорѣзанные глубокими логами съ зарослями *ежевики*, *костяники*, *вишенника*, *паслена* и др., или же долина образуетъ луга съ богатой травяной растительностью (*острецъ*, *осоки*, Alopecurus, Beckmania, *аржанецъ*, *чина*, *тимовеевка*, *мышиный горошекъ* (Vicia cracca), *куросльпъ* (Caltha palustris), *лукъ*, *подорожникъ* (Plantago), *тысячелистникъ*, *крестовникъ* (Senecio), *одуванчикъ* и мн. др.). Сырыя мѣста поросли *ситникомъ*, *сусакомъ* (Butomus umbellatus) и *камышемъ*. Черноземныя степи съ указанной растительностью не выходятъ изъ сѣверной, холмистой части уѣзда; изрѣдка онѣ встрѣчаются и на юго-западѣ, по Мугоджарскимъ горамъ. Такой-же характеръ носятъ черноземныя степи сѣверной части Актюбинскаго и большей части Кустанайскаго уѣзда. Онѣ покрыты больше всего *ковылемъ*, *типцемъ*, *буркуномъ*, *тимовеевкой*, *гвоздикой* и др.; изъ кустарниковъ здѣсь кромѣ тала встрѣчаются: *крушина*, *жимолость*, *калина*, *черемуха*, *боярышникъ*, а также *таволга*, *бобовникъ* и *вишенникъ*. Изъ нихъ первые пріурочены къ логамъ и долинамъ рѣчекъ, послѣдніе растутъ и на открытыхъ степныхъ мѣстахъ. Безлѣсныя степи находятся въ юго-западной части уѣзда; къ сѣверо-востоку появляются сначала изрѣдка, а затѣмъ чаще березовые лѣски, а вмѣстѣ съ ними измѣняется составъ растительности: степь изъ ковыльной переходитъ въ травяную; появляются *незабудки*, *колокольчики*, *фіалки*, *лабазникъ*, *василистникъ*, *вѣтренка*, *клубника*, *костяника*. Разнообразіе растительности обязано какъ присутствію лѣсовъ, такъ и почвеннымъ и орографическимъ условіямъ уѣзда. Эта часть уѣзда имѣетъ черноземную почву, которая въ изобиліи орошается рѣчками и ключами; рельефъ также способствовалъ разнообразію растительности: на сѣверо-западѣ онъ представляетъ возвышенную, притомъ сильно волнистую, поверхность, переходя на востокѣ въ увалъ, служащій водораздѣломъ Тобола и Абугана. Средняя часть заполнена котловинами, на днѣ которыхъ лежатъ прѣсныя и горько-соленыя озера. Такимъ образомъ разнообразныя природныя условія уѣзда не давали господствовать какимъ-либо однимъ видамъ, а способствовали ихъ разнообразію, хотя всю юго-западную часть уѣзда можно назвать ковыльной степью, а сѣверо-восточную—близкой къ лѣсостепи Западно-Сибирской равнины.

Иную картину представляютъ степи въ южной части Иргизскаго у. и почти во всемъ Тургайскомъ. По бѣдности травянаго покрова онѣ напоминаютъ глинистыя степи Уральской обл.; здѣсь такая-же рѣдкая,

низкорослая растительность, лишенная яркихъ цвѣтовъ и зелени, господствуютъ почти тѣ-же виды *полыни, типецъ, пырей, тонконогъ, кіякъ* (Elymus). Остальные спутники этихъ степей еще болѣе усиливаютъ ихъ однообразіе и унылый видъ. Эта мѣстность образуетъ глинисто-солонцовую впадину, съ массой солончаковъ, песковъ и горько-соленыхъ озеръ: такимъ образомъ даже степная флора находится здѣсь въ неблагопріятныхъ условіяхъ, и если на сѣверѣ ее разнообразили виды ковыльной и травяной степи, то здѣсь ихъ мѣсто занимаютъ солончаковыя и пустынныя растенія. Кромѣ указанныхъ, обыкновенны: *кара-матау, конотопка* (Polygonum aviculare), *шалфей* (Salvia pratensis var. dumetorum), *терескенъ* (Eurotia ceratoides), различныя *солянки* (Salsola kali, S. collina), рѣже *чій* (Lasiagrostis splendens), низкорослый *ревень* (Rheum), кустики *кара-джузгуна* (Calligonum Pallasii), *бульдуруна* (Nitraria Schoberi), *гребенщика* и *вьюнка* (Convolvolus fruticosus). Изъ кустарниковъ черноземной степи сюда доходятъ *шиповникъ, таволга* и *талъ*, который и здѣсь образуетъ по рѣчкамъ густыя заросли. Лучшую растительность имѣютъ эти степи въ восточной части—по отрогамъ горъ (*Джиланчикъ* и *Кызылъ-Чеку*), особенно въ долинахъ рѣчекъ *Тузды* и *Сары-Тургая*, гдѣ травяная растительность образуетъ довольно густой покровъ, а вмѣстѣ съ кустами *бобовника, таволги, шиповника* встрѣчаются *березки* и *осины*. Здѣсь находятся лучшіе въ уѣздѣ травяные участки, называемые киргизами „джайляу". Въ этомъ отношеніи самая высокая здѣсь группа горъ—*Улу-Тау*—можетъ считаться оазисомъ среди окружающихъ глинистыхъ степей; наряду съ живописными, дикими, скалистыми мѣстами здѣсь зеленѣютъ широкія долины и лужайки съ густой, сочной травой, въ долинахъ рѣчекъ встрѣчаются рѣдкіе березовые и осиновые лѣски (по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, здѣсь есть и ольха), овраги-же заросли кустарниками. Глинистыя степи охватываютъ кругомъ названныя горы и идутъ далеко на югъ, гдѣ сливаются незамѣтно съ пустынями, а на востокъ (между 47° и верховьями *Сары-Су*) проходятъ до прибалхашскихъ равнинъ и *Чингисъ-Тау*. Степи, лежащія къ югу отсюда, носятъ уже пустынный характеръ; кромѣ обычныхъ спутниковъ глинистыхъ степей, тамъ растутъ уродливые кусты *баялыча* и *кокъ-пека*, которые далѣе на югѣ, въ пустыняхъ, являются самыми характерными изъ кустарниковъ.

Простираясь нешироко холмистой полосой по сѣвернымъ окраинамъ Голодной степи, глинистыя степи выходятъ къ озеру *Балхашу*, гдѣ занимаютъ большія пространства, нерѣдко на прибрежныхъ террасахъ. Какъ и всюду, на нихъ преобладаетъ *полынь*; изъ другихъ бросаются въ глаза: маленькія, лишенныя листьевъ лиловыя пирамидки цвѣтовъ чужеядныго *кокъ-паса* (Phelipaea salsa), островки *хлопушекъ* (Leontice vesicaria), издающихъ трескъ при надавливаніи, кустики *чочимлдука* (Megacarpaea laciniata) и *джантака* (Alhagi kirgisorum). Весной степи оживаютъ, благодаря цвѣтенію красивыхъ *тюльпановъ* (Tulipa altaica) и пробужденію *чухыра* (Rheum caspium), который показывается на поверхности въ видѣ темнокрасныхъ большихъ почекъ. Чухыръ обыкновененъ для всѣхъ южныхъ глинистыхъ степей края, но, кажется, только здѣсь достигаетъ особенно крупныхъ размѣровъ: въ маѣ листья его имѣютъ до 2 арш. въ поперечникѣ. Къ сожалѣнію недолго оживляетъ онъ степь: въ концѣ мая листья отсыхаютъ, и отъ растенія на виду ничего не остается. Оригинальную картину представляютъ эти смор-

щенные листья, когда вѣтеръ приподнимаетъ ихъ надъ землей и заставляетъ описывать въ воздухѣ разнообразныя движенія.

На сухихъ глинистыхъ холмахъ во всѣхъ этихъ степяхъ встрѣчается изрѣдка одна изъ породъ ягелей или лишайниковъ „*земляной хлѣбъ*“ (Lecanora esculenta) и довольно часто другой лишайникъ *оленій ягель* (Cladonia rangiferina).

Въ заключеніе о глинистыхъ пустыняхъ - степяхъ нельзя не упомянуть о холмистой мѣстности близъ *Индерскаго* озера (такъ называемыя *Индерскія* горы). Это небольшая возвышенность, по своему геологическому образованію—несомнѣнно древняго происхожденія, съ холмами и скалистыми вершинами, представляетъ рѣзкій контрастъ съ окружающей глинистой равниной. Благодаря древнему происхожденію и такимъ разнообразнымъ топографическимъ условіямъ здѣсь нашла себѣ пріютъ растительность болѣе богатая, чѣмъ гдѣ-либо въ разсмотрѣнныхъ степяхъ. На вершинахъ холмовъ и среди скалъ попадаются заросли розъ и таволги, по дну овраговъ и въ провалахъ (которыхъ здѣсь много),—яркозеленый коверъ изъ разныхъ мховъ и папоротниковъ, а среди нихъ много красивыхъ растеній: *лютики, тюльпаны, астрагалы, левкои* (Mathiola), *лукъ, плакунъ* (Lythrum), *козлобродникъ* (Tragopogon), *гулюльки* (Adonis), *пасленъ* (Solanum persicum), *червоцвѣтъ* (Zygophyllum), *спаржа* и др. На сухихъ и щебневыхъ мѣстахъ попадаются красивыя луковичныя: *лазоревикъ* (Ixiolyrion Pallasii), *тюльпаны* и *гагеи*, а также *носолепестникъ* (Rhinopetalum Karelini), *рѣпка* (Umbilicus Lieveni), *заразиха* (Orobanche) и много молочаевъ (Euphorbia). Нѣкоторыя изъ индерскихъ растеній относятся къ числу рѣдкихъ въ Киргизскомъ краѣ, напр. *астрагалъ* (Astragalus inderiensis), *молочай* (Euphorbia inderiensis), Lythrum nanum, Ixiolirion Pallasii, Tulipa Gesneriana и Rhinopetalum Karelini.

Наиболѣе богатыми (сравнительно) по составу растительности въ Киргизскомъ краѣ являются сѣверныя степи *Ишимо-Иртышскія*. Онѣ находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели внутреннія степи края. Здѣсь развиты довольно черноземныя почвы (особенно между Тоболомъ и Ишимомъ), или же достаточно выщелоченныя (между Ишимомъ и Иртышемъ). Степи между Иртышемъ и Тоболомъ составляютъ продолженіе приуральскихъ и тобольскихъ черноземныхъ степей. По сѣверной окраинѣ ихъ встрѣчаются небольшія березовыя рощицы („колкѣ“), перемѣшанныя съ осинникомъ, и даже сосновые боры (Курганскій у. и южная часть Ишимскаго), южнѣе-же областной границы лежитъ полоса исключительно березовыхъ лѣсовъ (*лъсостепь*) Послѣдніе тянутся отъ береговъ Тобола до Иртыша нешироко полосой и не образуя сплошныхъ насажденій. Обыкновенно это рядъ небольшихъ рощъ и „колковъ“, раздѣленныхъ степными лужайками, невысокими гривами или, наконецъ, рядомъ горько-соленыхъ озеръ и солончаковъ. По берегамъ рѣкъ и гривамъ они иногда языками вдаются на югъ—въ безлѣсную степь, или отклоняются къ сѣверу.

Бо́льшая часть такихъ лѣсовъ — молодая поросль („колки“). Такъ какъ эти лѣса не представляютъ сплошныхъ насажденій, то и травяная ихъ растительность не носитъ замѣтнаго отличія отъ окружающей степной. Среди лѣсовъ обыкновенно встрѣчаются: *смолевки* (Silene nutans, S. chlorantha), *подмаренникъ* (Galium verum и boreale), *морковникъ* (Peucedanum officinale), *василистникъ* (Thalictrum minus), Libanotis

montana, *костяника*, *лапчатка* (Potentilla recta), *колокольчики* (Campanula sibirica), *незабудки*, *вероника* (Veronica longifolia), *чина*, *эспарцетъ*, (Onobrychis sativa), *трилистникъ* (Trifolium montanum, lupinaster и др.) *стародубка* (Adonis vernalis), *вьютренка*, *кукушкины слезки* (Iris tenuifolia) и нѣкоторыя другія.

На опушкахъ молодыхъ рощъ и на лѣсныхъ полянахъ растительность образуетъ густой травянистый покровъ. Въ такихъ мѣстахъ эти степи напоминаютъ нѣсколько южно-русскія. Въ старыхъ березовыхъ рощахъ и въ осиновыхъ колкахъ растительность значительно бѣднѣе.

Наиболѣе характерными для этой полосы будутъ: изъ кустарни-

Лѣсостепь (Омскаго у.) съ колками.

ковъ—*таволга* (Spiraea crenata) и *шиповникъ* (Rosa cinnamomea), а на западѣ кромѣ того *бобовникъ* (Amygdalus nana) и *вишенникъ*; злаки хотя встрѣчаются часто, какъ напр. *ковыль*, *мятликъ*, *степной овесъ* (Avena desertorum), *типецъ*, *вѣйникъ* (Agrostis), *тонконогъ*, *костеръ* (Bromus inermis), — но не придаютъ степи однообразнаго характера благодаря присутствію многихъ другихъ растеній; характерны для открытыхъ черноземныхъ сибирскихъ степей слѣдующія растенія: *астры* (Aster alpinus), Galatella Hauptii, G. punctata, Serratula nitida, *василекъ* (Centaurea sibirica), *волчій корень* (Scorzonera austriaca, Sc. Marschaliana, Sc. purpurea), *эспарцетъ* (Onobrychis sativa), *астрагалъ* (Astragalus onobrychis, A. virgatus), *чина* (Lathyrus pisiformis, L. tuberosus) и разныя *смолевки* (Silene multiflora, S. sibirica), *перекати поле* (Gypsophila altissima), серебристая *лапчатка* (Potentilla argentea), Libanotis sibirica, *колокольчики* (Campanula sibirica, C. Steveni), *вероники* (Ve-

ronica spuria), *клубника*, *вѣтренки* (Anemone pensilvanica, A. patens), *стародубка* (Adonis vernalis), *морковникъ* (Peucedanum officinale), *подмаренникъ*, *подорожникъ*, *кровохлёбка* (Sanguisorba officinalis) *медунка* (Phlomis tuberosa) и *лабазникъ* (Filipendula hexapetala). Въ межгривныхъ пространствахъ растительность нѣсколько измѣняется; особенно замѣтно это на ковылѣ, который обыкновенно избѣгаетъ ихъ, такъ какъ почва здѣсь болѣе сырая и суглинистая; по склонамъ ковыль смѣняется *острецомъ* (Calamagrostis epigejos)—злакомъ, по которому сибиряки-старожилы отыскиваютъ хлѣбородныя почвы. Въ ложбинахъ встрѣчается чаще костяника, клубника, шиповникъ, осинникъ, мелкій березнякъ и таволга.

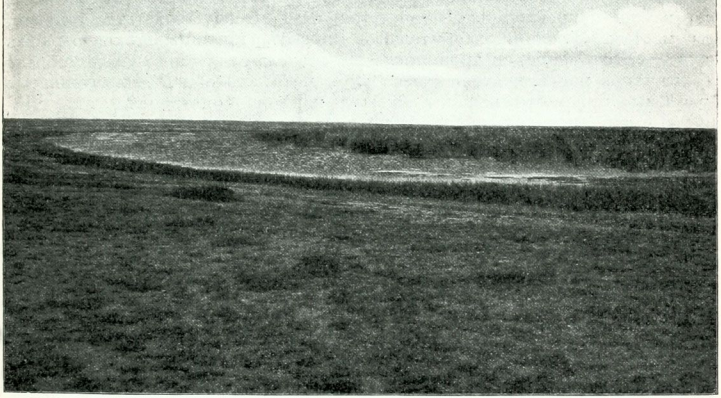
Тамъ, гдѣ степи прерываются глинистыми впадинами, преобладаетъ *солончаковая* растительность, состоящая изъ *морского пырея* (Triglochin maritimum), *бѣлоголовника* (Trifolium vulgare), различныхъ *солянокъ* (Salicornia, Sueda, Salsola), *кара-матау* (Kochia), *безсмертника* (Statice caspia), *горькуши* (Saussurea amara), *полыней*, иногда и *типца*. Такова растительность береговъ горькосоленыхъ озеръ и низинъ, расположенныхъ, напр., по Камышловскому логу. Берега прѣсныхъ озеръ, разбросанныхъ въ этихъ степяхъ, имѣютъ лучшую растительность; нерѣдко степь охватываетъ озеро до самой воды, смѣняясь такими обыкновенными болотными формами, какъ *осоки*, *частуха* (Alisma plantago), *куга* (Typha latifolia), *тростникъ* и *камышъ*. Послѣдніе виды могутъ служить хорошимъ и почти постояннымъ признакомъ отличія мѣстныхъ прѣсныхъ озеръ отъ горькосоленыхъ (на послѣднихъ они рѣдко появляются).

Травянистая степь, какъ мы уже упоминали выше, облѣсена березовыми „колкáми“, тогда какъ солончаковыя мѣста лишены древесной и кустарниковой растительности, что́ еще болѣе отличаетъ ихъ отъ первыхъ; кочковатые, низкорослые *ракитники* (Cytisus biflorus), изрѣдка поселяющіеся по окраинамъ сырыхъ солончаковыхъ мѣстъ, не уничтожаютъ этой разницы.

Описанная лѣсостепь занимаетъ всю сѣверную и даже сѣверо-западную полосу края (до 53 — 54° на югъ), отъ береговъ Тобола до Омска. Трудно сказать, кто выходитъ побѣдителемъ на этомъ участкѣ—лѣсъ или степь. Обѣ эти формаціи — молодыя и находятся въ періодѣ своего развитія. Но если судить о распространеніи ихъ въ зависимости отъ почвъ, то обѣ онѣ, казалось, должны-бы получить въ будущемъ еще большее развитіе, если только не помѣшаетъ этому истребленіе лѣса человѣкомъ или развитіе земледѣльческой культуры; лѣсъ могъ-бы постепенно заселять дренированные суглинистые участки, степь—надвигаться на выщелоченные солонцы.

Говоря объ условіяхъ существованія здѣсь растительности, нельзя не упомянуть еще объ одномъ факторѣ, играющемъ большую роль въ ея распространеніи, именно о степныхъ пожарахъ („палы“). „Палы пускаютъ“ весной, вскорѣ послѣ таянія снѣговъ. Ими думаютъ достичь того, что́, казалось, не предусмотрѣла здѣсь природа: уничтожить прошлогоднюю траву—„тырзу“. Послѣднее является дѣйствительно необходимымъ, такъ какъ эти степи служатъ втеченіе всего года пастбищами, а прошлогоднія травы (особенно типецъ (типчакъ) и другіе злаки), будучи нескошенными, довольно долгое время мѣшаютъ весеннимъ всходамъ травъ, что́ замѣтно отзывается на питаніи животныхъ. И вотъ прибѣгаютъ къ первобытному средству—огню, забывая о томъ, что эта стихійная сила не можетъ быть послушнымъ орудіемъ: уничтожая засох-

шую траву, огонь губитъ молодые всходы деревьевъ, а иногда, при сильныхъ вѣтрахъ и богатой пищѣ (густыя травы и валежникъ), и цѣлые „колки". Зрѣлище, которое представляютъ палы въ темную весеннюю ночь,—одно изъ самыхъ величественныхъ въ степи. Сначала наблюдаешь слабыя огненныя струйки, которыя врываются кое-гдѣ въ траву, то затихая, то усиливаясь. Но вотъ онѣ становятся все рѣже и рѣже, сливаясь въ одинъ огненный потокъ, который стѣной или рукавами врѣзывается въ степь и быстро гонится вѣтромъ, все усиливаясь и расширяясь... Мѣстами онъ какъ-будто кончается: то встрѣтилось озеро или солончакъ—и степь вдругъ потонула во мракѣ. Но огненный потокъ мино-



Растительность прѣснаго озера Чагалалы Омскаго у. (*По фот. П. Г. Игнатова*).

валъ ихъ и снова широкой рѣкой несется по степи, фантастически освѣщая окрестность... То вдругъ онъ исчезнетъ въ логу, и все кругомъ погрузится въ тьму... Только зловѣщее зарево говоритъ объ его присутствіи... То онъ взбѣжитъ на холмъ и, какъ громадный костеръ, освѣтитъ на минуту степь и снова потухнетъ. Обыкновенно онъ избѣгаетъ лѣсовъ, гдѣ почва и травы сырыя, но иногда врывается и туда. Горе лѣсу, если валежникъ и трава дадутъ огню богатую пищу—не пощадитъ онъ и взрослыхъ деревьевъ; быстро взбѣгаетъ огонь по стволамъ деревьевъ и нерѣдко успѣваетъ настолько повредить ихъ покровъ, что деревья погибаютъ.

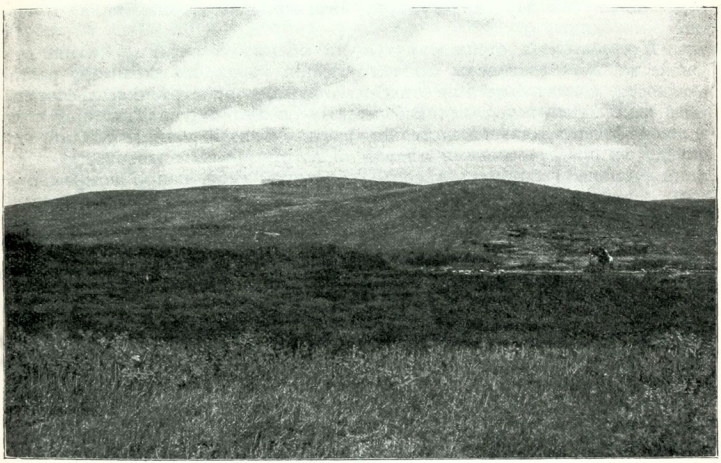
Мрачную картину представляетъ степь послѣ паловъ. Всюду видна черная, выжженная поверхность, лишенная всякой жизни. Но не пройдетъ и недѣли (при хорошей погодѣ), какъ она сдѣлается неузнаваемой:

вѣтренки, стародубки и другія раннія растенія сначала зелеными островками, а затѣмъ и всюду покроютъ степь; за ними появятся и многія другія. Между тѣмъ невыжженныя мѣста до самаго лѣта (іюня)не могутъ побороть прошлогодняго покрова и стоятъ пустынныя, лишенныя зеленой растительности.

Сибирская желѣзная дорога прорѣзала разсмотрѣнную степь въ лучшей части, гдѣ хорошо развиты и лѣса, и травяная растительность. Здѣсь передъ путникомъ, утомленнымъ до того голыми курганскими степями, пашнями и пустынными озерами, развертывается ландшафтъ типичной западно-сибирской степи. Путь идетъ или среди тѣнистыхъ березовыхъ рощъ, которыя то подступаютъ къ полотну дороги, то отбѣгаютъ вдаль, уступивъ свое мѣсто лужайкамъ съ густымъ, пестрымъ ковромъ травъ; или лѣса вдругъ прерываются, и предъ глазами раскидывается до самаго горизонта травянистая степь съ волнующимися злаками, съ желтыми, синими и розовыми переливами разныхъ травъ. Степь съ виду безжизненна; только зайцы то и дѣло прорѣзываютъ ее во всѣхъ направленіяхъ, пронесется стая утокъ, взлетятъ тетерева, да изрѣдка увидишь обитателей — киргизъ, пробирающихся верхомъ куда-то безъ дорогъ и тропинокъ. Но вотъ поѣздъ снова бѣжитъ среди березовыхъ рощъ, и степи какъ будто не было,—о ней забываешь. Не успѣешь присмотрѣться къ лѣсамъ, какъ они опять исчезаютъ, смѣненные той же волнующейся степью, или цѣпью громадныхъ озеръ, то травянистыхъ, то съ голыми и пустынными берегами, гдѣ кулики и стаи чаекъ заставляютъ забыть и о степяхъ, и о лѣсахъ.

Иной характеръ носятъ эти степи при удаленіи на югъ. Прежде всего замѣчается уменьшеніе лѣса: березовые „колки“ и рощи становятся рѣдкими, придерживаясь обыкновенно гривъ и сопокъ, или береговъ рѣкъ, а на открытыхъ мѣстахъ только изрѣдка встрѣчаются одинокіе экземпляры деревьевъ. Южнѣе 53—54° рощи почти совершенно исчезаютъ, встрѣчаясь только въ немногихъ пунктахъ открытой степи (по сѣверному берегу *Денизиа*, *Теке*, *Балыкты*, *Копчи*, *Джаманъ-Туза* и нѣкоторыхъ другихъ озеръ). Травяная растительность также бѣднѣетъ; на первый планъ выступаютъ степные злаки, а остальныя формы травяныхъ степей исчезаютъ. Главную роль изъ злаковъ играютъ: *ковыль*, *степной овесъ*, *аржанецъ тырей*, *типецъ* и *тонконогъ*. Изъ другихъ растеній—*морковникъ и сасыръ* (Feru'a) занимаютъ господствующее положеніе, такъ что нерѣдко степь кажется издали кочковатымъ сухимъ болотомъ (благодаря ихъ густымъ прикорневымъ листьямъ). Изрѣдка появляются и другія растенія:—*адамова голова* (Echinops ritro), *полынь*, *подорожникъ*, *вероника* (*котуртусъ-басъ*), *гвоздика*, *солнечники* (Helychrisum arenarium), *стародубка*, *ланчатка*, *бурачекъ* (Alyssum minimum), *солодка* (Glyzyrrhiza glandulifera). Къ югу, приблизительно отъ широты Акмолинска, ковыльныя степи смѣняются глинистыми, которыя можно назвать *кипцевыми* или *типчаковыми* отъ преобладанія кипца или типчака (Festuca ovina). Глинистыя степи развиты въ средней части края, т. е. въ уѣздахъ Акмолинскомъ, Тургайскомъ, Иргизскомъ и др.; это самые бѣдные по флорѣ участки края; на глинистыхъ, мѣстами хрящеватыхъ, или даже каменистыхъ почвахъ растетъ жалкая и рѣдкая растительность, которая въ сухое, знойное лѣто придаетъ мѣстности пустынный видъ. Выжженная солнцемъ степь кажется тогда совершенно голой. Кругомъ, куда только хватаетъ взоръ.

виднѣется грязно-бурая поверхность почвы, и трудно сказать, что она несетъ на себѣ какую-нибудь растительность; лишь при внимательномъ осмотрѣ можно отличить сохранившіяся кое-гдѣ полузасохшія полыни и немногихъ другихъ представителей глинистой степи. Озера такихъ степей также не вносятъ разнообразія въ пустынный ландшафтъ; бо́льшая часть ихъ—горько-соленыя, т. е. съ голыми, лишенными растительности, плоскими берегами, незамѣтно сливающимися съ общимъ фономъ степи. Кое-гдѣ встрѣчаются незначительныя сопки, но такія-же пустынныя, какъ и окружающія ихъ степи. На апатичнаго жителя этихъ мѣстъ—кочующаго киргиза—унылый видъ родныхъ степей не



Холмистая суглинистая степь Арало-Иртышскаго водораздѣла (Атбасарскаго у.). (*По фот. П. Г. Игнатова*).

наводитъ тоски, но на невольнаго путника онъ дѣйствуетъ гнетущимъ образомъ; утомленный однообразіемъ, путникъ ищетъ на чемъ-бы остановить свое вниманіе, но кругомъ все безжизненно - однообразно. Единственное утѣшеніе здѣсь—степной миражъ. Въ тихій, ясный день взоръ ласкаютъ красивыя сопки, то въ видѣ сказочныхъ замковъ, какъ-бы плавающихъ въ воздухѣ, то какъ зеленые, лѣсистые острова среди ряби необъятныхъ водъ.

Лучшая растительность встрѣчается здѣсь только въ долинахъ такихъ степныхъ рѣчекъ, какъ *Нура*, *Конъ*, *Селета*, *Чидерты* и др. Въ нижнемъ и среднемъ теченіи Нура образуетъ широкую (аллювіальную) долину, покрытую богатыми заливными лугами съ зарослями камыша, осокъ

и мелкихъ кустарниковъ (ивъ и шиповника). Бо́льшая часть долины Селеты имѣетъ также луга съ разнообразной растительностью (*злаки, осоки, чина, подмаренникъ, трилистникъ, лабазникъ* и др.). Мы встрѣчаемъ здѣсь изъ кустарниковъ: *ивы, жимолость, шиповникъ* и *черную смородину;* нерѣдко они перепутаны вьющимися растеніями—*повиликой, хмѣлемъ* и *вьюнкомъ*. На сырыхъ мѣстахъ въ изобиліи растутъ *камышъ* и *куга;* старицы покрыты *кувшинками* (Nuphar luteum), *водяной розой* (Nymphaea biradiata), *ряской* (Lemna) и *рдестомъ* (Potamogeton pulchrum). Въ верхнемъ теченіи Селета проходитъ по черноземной степи, въ среднемъ—въ гористомъ ложѣ и въ нижнемъ—среди глинистыхъ степей; зеленѣющіе луга съ зарослями кустарниковъ составляютъ съ окрестными глинистыми степями полную противуположность. Такая-же растительность находится и въ логахъ „саяхъ", впадающихъ въ озера и рѣки и служащихъ весной стокомъ водъ; они густо заросли кустами ивъ, жимолости, шиповника и черной смородины.

Прииртышскія степи тянутся по обоимъ берегамъ Иртыша отъ Омска до Семипалатинска, причемъ Омскій уѣздъ, по характеру растительности, можетъ быть еще отнесенъ къ вышеразсмотрѣнной лѣсостепи, такъ какъ здѣсь встрѣчаются березовые „колки" и рощи („хутора" подъ Омскомъ). Заслуживаетъ вниманія растительность долины р. *Оми*, гдѣ наряду съ представителями лѣсостепи встрѣчаются и нѣкоторые спутники „урмана" (хвойныхъ лѣсовъ Тобольской губ.), напр., *папоротники, мхи, земляника, кокушникъ* (Gymnadenia conopsea) и *венерины башмачки* (Cypripedium guttatum).

Лѣсостепной характеръ мѣстности наблюдается здѣсь до 54° с. ш. (ст. *Черлаковская*—на правомъ берегу и сѣверныя окрестности озера *Теке*—на лѣвомъ берегу Иртыша). Южнѣе рощи и „колки" исчезаютъ на лѣвобережныхъ степяхъ, а на правобережныхъ уходятъ отъ рѣки на 20—50 вер. и дальше; ихъ мѣста занимаетъ скудная степная растительность. Здѣсь имѣютъ большое развитіе песчаныя почвы (прирѣчныя дюны праваго берега), притомъ совершенно лишенныя орошенія (есть только небольшія горько-соленыя озера). Иртышъ не оказываетъ замѣтнаго вліянія на влажность почвы, потому что подпочву составляетъ мощный слой непроницаемой для воды глины (до 10—30 арш.); поверхность ихъ лишена рѣзкихъ неровностей, что также неблагопріятно для орошенія (слегка волнистая поверхность наблюдается только въ сѣверной и южной частяхъ названныхъ степей); кромѣ того эти степи открыты вліянію вѣтровъ, которые производятъ выдуваніе почвъ и способствуютъ образованію дюнъ. Все это мѣшало развиваться здѣсь травяной и кустарниковой растительности. Травяной покровъ однообразенъ и рѣдокъ; его составляютъ: низкорослыя, уродливыя *полыни*, прижатая къ почвѣ *конотопка*, низенькая *осока* (Carex supina), *вероника*, жесткій песчаный *камышъ* (Elymus arenarius), *тонконогъ, войлочная ланчатка* (Potentilla cinerea), *ибелекъ, богородская трава, перекати - поле, заячья капуста* (Umbilicus spinosus). Это почти всѣ спутники такихъ степей отъ ст. Черлаковской до Семипалатинска; иногда-же поверхность покрыта сухимъ лишайникомъ (Cladonia); изъ кустарниковъ кое-гдѣ только увидишь *гречку* (Tragopyrum lanceolatum), *таволгу*, а въ Семипалатинскомъ уѣздѣ кромѣ того *ежовникъ* (Halymodendron argenteum). Какъ и внутреннія степи, прииртышскія представляютъ лѣтомъ и осенью безжизненную картину: и

рѣдкая ихъ растительность окончательно засыхаетъ, и почва обнажаетъ свою грязно-сѣрую поверхность. Малѣйшій вѣтеръ поднимаетъ облака песчаной пыли, срываетъ сухіе остовы перекати-поля (Gypsophila, Salsola) и перегоняетъ ихъ изъ одной ложбины въ другую; другъ за другомъ проносятся эти шарообразные комки, то привскакивая, то цѣпляясь между собой, и въ ихъ движеніи чувствуется то-что зловѣщее, но несомнѣнно гармонирующее съ мертвымъ видомъ степи.

Близъ Семипалатинска степь по правому берегу Иртыша нарушается сосновыми борами; за ними вглубь страны уходитъ черноземная, но безводная *Бельагачская* степь; на лѣвомъ берегу Иртыша степь нарушается невысокой горной цѣпью (*Семей-Тау*). Далѣе къ югу степь борется уже съ горной флорой, а отъ Усть-Каменогорска до Бухтармы—совершенно исчезаетъ, смѣняясь послѣдней. Степи Бухтарминской (въ нижней части) и Нарымской долинъ являются переходными отъ сѣверныхъ къ южнымъ — призайсанскимъ. На нихъ, наряду съ обыкновенными представителями глинистыхъ и суглинистыхъ степей, встрѣчаются виды, свойственные исключительно этимъ, а также и призайсанскимъ степямъ. Таковы: особый *молочай* (Euphorbia buchtarmensis), *лазоревикъ* (Ixiolyrion Pallasii), *астрагалы* (Astragalus schanginianus, A. arbuscula, A. candidissimus) и *піонъ* (Paeonia hybrida). Кромѣ того здѣсь появляются и пустынныя формы, какъ напр. *саксаулъ* (Haloxylon ammodendron), хотя и мелкими кустиками, и *джузгунъ* (Anabasis aphyllus). Древесной растительности здѣсь нѣтъ, если не считать рѣдкихъ насажденій березъ и тополей у подножья Нарымскаго хребта (на выходѣ рѣчекъ изъ горъ).

Степная растительность встрѣчается здѣсь не только на равнинахъ, но и на горахъ (до 3 т. ф. выс.); почти всѣ горы, служащія водораздѣломъ Нарыма и Бухтармы, покрыты отъ подошвы до вершинъ степной флорой. Также можно наблюдать здѣсь и процессъ наступанія въ долины Алтая южныхъ пустынныхъ формъ (какими являются саксаулъ и джузгунъ); распространенію ихъ весьма благопріятствуютъ топографическія и почвенныя условія этихъ степей. Господство степныхъ растеній въ долинахъ, а также по горамъ (до 3 т. ф.) говоритъ за то, что флора сухихъ степей (и пустынь) является наиболѣе устойчивой и вытѣсняетъ луговыя и лѣсныя формы тамъ, гдѣ замѣчается усыханіе мѣстности [1]).

Въ степной области мы разсмотримъ также и *луговую* растительность. Бо̀льшая часть рѣкъ Киргизскаго края имѣетъ сухіе и поемные луга, которые достигаютъ особенно большого развитія на *Иртышѣ*, *Ишимѣ*, *Уралѣ* и *Тоболѣ*. По составу растительности между ними замѣтной разницы нѣтъ; общими для всѣхъ будутъ обыкновенныя луговыя растенія: *мышиный горошекъ*, *вязиль*, *чина*, *трилистники*, *буркунъ*, *эспарцетъ*, *люпики*, *крестовники*, *вероника*, *тминъ*, *марена*, *подмаренникъ* и др., изъ злаковъ: *мятликъ*, *пырей*, *аржаникъ*, *костеръ*, *вьйникъ*, *лисій хвостъ*. Изъ кустарниковъ, растущихъ всюду на лугахъ: *пасленъ*, *ежевика*, *таволга*, *шиповникъ* и разные виды *ивъ*; рѣже—*осокорь*, *березы*, *осины*, *тополя*, *жимолость*, *боярышникъ* и *крушина*. Кромѣ того по Ишиму встрѣчается *ви-*

[1]) Послѣднее является, повидимому, общимъ для Алтая благодаря усиленію континентальности климата въ современную намъ геологическую эпоху.

шенникъ и *черемуха*, по Тоболу, кромѣ нихъ,—*калина*, а по Уралу (долины правыхъ притоковъ) — *рябина*, *тернъ* (Prunus spinosa) и *дикая яблоня* (Pyrus acerba). Наиболѣе значительные луга имѣетъ Иртышъ, въ среднемъ теченіи (Павлодаръ—ст. Черлаковская), гдѣ они достигаютъ 18 вер. ширины. Обыкновенно луга представляютъ ряды плоскихъ гривъ и „лягъ“; послѣднія иногда покрыты водой и образуютъ луговыя болота („мочежины“); кромѣ того бываетъ нѣсколько узкихъ, но длинныхъ и глубокихъ озеръ, заросшихъ по берегамъ *камышемъ* и *кугой*; есть и старицы, которыя втеченіе всего лѣта имѣютъ проточную воду. Направленіе „лягъ“, болотъ и озеръ всегда параллельно долинѣ рѣки, т. е. прямо указываетъ на то, что это различныя стадіи заболачиванія старицъ. На озерахъ растительность начинаетъ только заселять разъединенную отъ рѣки старицу; по берегамъ появляются заросли *камышей*, *осокъ*, *рдеста* (Potamogeton), а въ водѣ—*кувшинки*, *водяная роза* и *ряски*. Въ „лягахъ“ уже все пространство густо покрыто *осоками*, *камышемъ*, *тростникомъ*, *пушицей* (Eriophorum), *частухой* (Alisma plantago); среди нихъ появляются и луговыя растенія—*лютики*, *куросльпъ*, многіе *злаки* и даже кустики *ивъ* и *ракитника*. Дно ихъ, а также старицъ и заливовъ покрыто массой *водорослей* (Cyanophytae?), образующихъ такъ называемую „няшу“ (илъ). Не лишены интереса плавучіе острова, которые встрѣчаются на луговыхъ озерахъ, напр. на *Замарайкѣ* (близъ Омска) и на большихъ озерахъ, какъ напр. на *Курмальджинѣ*. Эти острова суть ничто иное, какъ остатки болотныхъ растеній, годами скапливающихся по берегамъ (среди камышей) и сбитыхъ вѣтромъ въ плотную массу; на послѣднюю наносилась земля, а вмѣстѣ съ ней явилась возможность расти различнымъ растеніямъ. Послѣднія настолько покрываютъ эти наносы, что ихъ трудно отличить отъ берега. Отрываются отъ береговъ эти плавучіе острова или во время сильнаго волненія, или весной, благодаря прибыли воды. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ значительные размѣры (болѣе 300 кв. саж.) и настолько крѣпки, что выдерживаютъ тяжесть нѣсколькихъ человѣкъ. Обыкновенно они поросли камышемъ и другими болотными растеніями; но кустарники здѣсь не встрѣчаются. Такіе плавучіе острова являются излюбленнымъ мѣстомъ чаекъ, утокъ, куликовъ и гусей. Всѣ луговыя озера имѣютъ камышевыя заросли; на большихъ озерахъ, какъ напр. на *Зайсанѣ* и *Балхашѣ*, камыши достигаютъ 15 и болѣе футовъ высоты и толщины до вершка въ діаметрѣ. Безводныя „ляги“ густо покрыты луговыми злаками, осоками и нѣкоторыми другими растеніями. Лучшая и разнообразная растительность пріурочена къ гривамъ, гдѣ растутъ упомянутыя выше луговыя формы и различные кустарники; главную роль среди послѣднихъ играютъ ивы, которыя образуютъ заросли безпрерывно на всемъ протяженіи иртышскихъ луговъ. Травяная растительность здѣсь настолько богата, что, несмотря на массу домашнихъ животныхъ, которыя имѣетъ прииртышское осѣдлое и кочевое населеніе, и которыя пользуются почти исключительно луговой растительностью, — на лугахъ остаются мѣста, совершенно нетронутыя человѣкомъ. Подобную же растительность имѣютъ и острова, которыхъ по Иртышу довольно много. Почти всѣ они сплошь заросли таломъ, такъ что едва доступны; травяной покровъ ихъ также густъ. Бо́льшая часть ихъ носитъ дѣвственный характеръ, такъ-какъ растительностью ихъ рѣдко кто пользуется, и то лишь зимой; на нѣкоторыхъ можетъ быть только

случайно была нога человѣка. На островахъ подъ Семипалатинскомъ растительность значительно богаче; кромѣ видовъ, обыкновенныхъ для всѣхъ острововъ, здѣсь встрѣчаются черемуха, калина и рощи серебристаго тополя.

По историческимъ документамъ видно, что въ недалекомъ прошломъ долина Иртыша была покрыта непроходимыми зарослями тополеваго и ветловаго лѣса, а травы (луговъ) было „не на великъ скотъ". Палласъ говоритъ въ своемъ путешествіи, что въ долинѣ Иртыша строевого лѣса и для топки весьма достаточно (у пос. *Татарки* онъ называетъ между прочимъ и *ясень*). Но за послѣднія сто лѣтъ окрестное населеніе истребило лѣса, и теперь они встрѣчаются только, какъ запо-

Луговое озеро въ долинѣ Иртыша. (*По фот. П. Г. Игнатова*).

вѣдныя рощи, у нѣкоторыхъ поселковъ (*Уралютинскаго*, *Пяторыжскаго* и нѣкоторыхъ другихъ [1]).

Богатую растительность имѣютъ луга р. *Урала*; на нихъ растутъ въ изобиліи кормовыя травы — *мятликъ*, *пырей*, *аржаникъ*, *костеръ*, *вьйникъ*, *горошекъ*, *вязель*, *чина*, разные виды *трилистника*, *донникъ*, *тминъ* и особенно много *марены* (Rubia tatarica и R. tinctoria). Въ экономической жизни мѣстныхъ казаковъ эти луга имѣютъ также громадное значеніе. Къ типу луговъ здѣсь (въ Уральской обл.) можно отнести

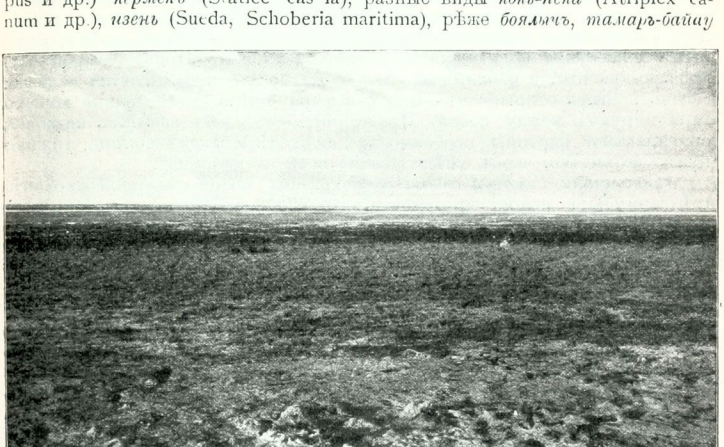
[1]) Извѣстные путешественники Брэмъ и Финчъ упоминаютъ въ своей книгѣ („Путешествіе по Зап. Сиб.", СПБ. 1882 г.) о зарослях крыжовника и дубовыхъ лѣсахъ, но это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

упомянутые выше *Чижинскіе*, *Балыктинскіе* и *Дюринскіе* „разливы“, поемная почва которыхъ напоминаетъ поемные луга, хотя по составу растительности (сплошной покровъ изъ одного *пырея* (Triticum repens)—ихъ слѣдуетъ отнести къ степи. Луга *Ишима* и *Тобола* носятъ такой-же характеръ, причемъ на первомъ они встрѣчаются въ верховьяхъ (до *Атбасара*) и на Западно-Сибирской равнинѣ, а по Тоболу только въ равнинной, сѣверной части края. Луга внутреннихъ рѣчекъ незначительны, что объясняется топографическимъ характеромъ ихъ долинъ (каменистыхъ и песчаныхъ). Исключеніе составляютъ немногія, какъ напр. долины *Кона* и *Нуры*, гдѣ въ нижнемъ теченіи на поемныхъ лугахъ можно встрѣтить густую, сочную растительность, хотя и менѣе разнообразную, чѣмъ на иртышскихъ и другихъ лугахъ. У большинства-же рѣчекъ луга не развиты; имъ соотвѣтствуютъ заросли осокъ, камыша, куги и другихъ водолюбивыхъ растеній, которыя узкой полосой окаймляютъ берега рѣки; нѣсколько выше растутъ кустарники — *ива*, *шиповникъ*, *жимолость*, рѣже—*черная смородина*. Подобную-же растительность (за исключеніемъ кустарниковъ) имѣютъ и прѣсныя озера. Нѣкоторыя изъ нихъ сплошь заросли *камышемъ*, *сусакомъ* (Butomus umbellatus), *кугой*, *осоками* и *частухои*, другія имѣютъ заросли изъ этихъ растеній только по краямъ. Посрединѣ поверхность водъ затянута *кувшинками*, *водяными розами* и *ряской*. Микроскопическая флора ихъ также богата (Volvox, Phacus, Trachelomonas, Chlamydomonas и др.). Иныя не только заросли травами, но имѣютъ даже кусты *ивъ* и *ракитника*, —это самыя мелкія озера, которыя идутъ быстро по пути усыханія и заболачиванія; наконецъ встрѣчаются временныя озера, которыя существуютъ только послѣ многоснѣжной зимы и въ дождливое лѣто, въ сухое-же превращаются въ ложбины съ яркой-зеленой, сочной травой. Въ предѣлахъ лѣсостепи прѣсныя озера почти всегда окружены кустарниками (шиповникъ, боярышникъ) и березками; въ ковыльной и глинистой степи кустарники развѣ только кое-гдѣ встрѣчаются, но никогда не образуютъ зарослей. Что-же касается флоры горько-соленыхъ озеръ, то на берегахъ ихъ растетъ рѣдкая солончаковая растительность, а въ водѣ — только микроскопическія водоросли (Characium, Isotystes, Oedogonium, Synedra, Spirogira и др.). Заслуживаютъ интереса низкіе берега громаднаго горько-соленаго озера *Тенизъ*, на которыхъ прибоемъ волнъ наносится масса водорослей (изъ притоковъ озера), образующихъ лѣтомъ оригинальную твердую кору.

Солончаковая растительность занимаетъ въ Киргизскомъ краѣ видное мѣсто; не говоря уже о солончакахъ, которыми природа богато надѣлила край на югѣ, они нерѣдко встрѣчаются среди лѣсостепи и травяныхъ степей и даже на южныхъ высокихъ хребтахъ (Нарымскій, Тарбагатай). Но типичный характеръ сохраняетъ растительность только на ясно выраженныхъ солончакахъ. Мы не будемъ останавливаться на растительности всѣхъ солончаковъ, такъ какъ составъ ея, обусловленный главнымъ образомъ физико-химическимъ составомъ почвы,—всюду болѣе или менѣе однообразенъ. Разсмотримъ только флору западныхъ (прикаспійскихъ) солончаковъ, внутреннихъ (Голодной степи) и призайсанскихъ.

Прикаспійскіе солончаки, какъ извѣстно,—одни изъ самыхъ значительныхъ въ краѣ. Они сосредоточены въ двухъ мѣстахъ: въ низовьяхъ *Эмбы* и *Сагиза* и къ югу отъ *Кимышъ-Самарскихъ* озеръ. На нихъ

изрѣдка встрѣчаются *камыши* и *чій* (Lasiagrostis splendens); но главную роль въ нихъ играютъ солончаковыя растенія, которыя одни только находятъ здѣсь благопріятныя условія; изъ другихъ можно указать на нѣкоторые виды *полыней* (Artemisia humilis, A. collina и др.). Семейство *солянокъ* выражено почти всѣми представителями, начиная отъ незначительныхъ стелящихся травъ (Sueda, Salsola) до величины значительныхъ кустарниковъ. Обыкновенные спутники солончаковъ: *солянка* (Salsola crassa, S. soda), *сайгачья трава* (Frankenia hispida), *перекати-поле* (Salsola, Ceratocarpus и др.) *кермекъ* (Statice caspia), разные виды *кокъ-пека* (Atriplex canum и др.), *изень* (Sueda, Schoberia maritima), рѣже *боялычъ*, *тамаръ-байау*



Кора изъ высохшихъ водорослей на берегу соленаго озера Тенизъ.
(По фот. П. Г. Игнатова).

(Anabasis aphylla), *чйтъ-сасыкъ* (Brachylepis salsa) и довольно рѣдкія солянки, какъ напр. Halimocnemis brachiata. Бо́льшая часть солянокъ—кустарники, такъ что для этихъ безлѣсныхъ мѣстъ онѣ имѣютъ большое значеніе какъ топливо. Ближе къ морю встрѣчаются красивые, осенью красноватые кустики *булдурунна* (Nitratia Schoberi), на морскихъ-же берегахъ растутъ: *морская спаржа* (Asparagus maritimus), *куга*, *чій* и *камышъ*. Иногда солончаковая (травяная) растительность густо покрываетъ поверхность, но иногда (какъ напр. большинство кустарниковыхъ формъ) растетъ лишь изрѣдка, какъ будто мѣстность стала только-что заселяться растеніями. Немногочисленность представителей флоры солончаковъ вознаграждается отчасти оригинальностью ихъ формъ; условія существованія

выработали въ нихъ разнообразныя приспособленія, не встрѣчающіяся у другихъ растеній, что̀ и даетъ имъ возможность переносить соленость почвы и губительное вліяніе сухости даже лучше, нежели растеніямъ глинистыхъ (полынныхъ) степей и пустынь. Зеленѣющіе почти все лѣто солончаки не производятъ грустнаго, безотраднаго впечатлѣнія, какое охватываетъ путника среди выженныхъ грязно-бурыхъ степей. „Здѣсь растительность, — говоритъ Борщовъ, — какъ будто стремится искупить разнообразіе оригинальностью формъ, своей всегдашней свѣжестью, своими необыкновенными переливами цвѣта. Огромные, весною ярко-зеленые, солонцы, съ появленіемъ удушливыхъ жаровъ постепенно получаютъ желтоватый, а наконецъ и ярко-желтый цвѣтъ, который съ наступленіемъ первыхъ осеннихъ дней переходитъ въ розовый, кроваво-красный и фіолетовый. Въ то-же время показывается молодая зелень новыхъ отпрысковъ—и всѣ четыре цвѣта удивительно хорошо гармонируютъ между собой. Представить себѣ весь эффектъ подобной оригинальной картины, особенно при восходѣ и закатѣ солнца, трудно; нужно ее видѣть, чтобъ убѣдиться во всей ея красотѣ“.

Солончаки *Голодной степи* расположены по ея сѣверной окраинѣ, гдѣ занимаютъ полосу шириною въ 10—20 вер. и длиною до 100 вер. Растительность ихъ значительно бѣднѣе, чѣмъ прикаспійскихъ. Особенно отличаются этимъ солонцы къ востоку отъ оз. *Дабусунъ-Туза*; а близъ озера, гдѣ выцвѣты солей лежатъ на пространствѣ около 100 кв. вер. слоемъ въ 3—4 верш. толщины, растительность совсѣмъ исчезаетъ. Поверхность такихъ солонцовъ напоминаетъ тускло-блестящій ледяной покровъ; даже немногочисленныя солянки, несмотря на свою приспособленную организацію, не въ состояніи выжить на такихъ мѣстахъ, и эти соленосныя поля почти совершенно мертвы—не имѣютъ органической жизни. Только на окраинахъ ухитряются ужиться нѣкоторыя солянки, повидимому, избранныя изъ нихъ; изъ кустарныхъ формъ здѣсь встрѣчаются изрѣдка *кокъ-пекъ*, *баялычъ* и *джингиль*.

Внутренніе солончаки Голодной степи не такъ рѣзко выражены, но растительность ихъ также небогата; кромѣ вышесказанныхъ чаще встрѣчаются: *полынь* (*кара-джусанъ*), *терескень* (Eurotia ceratoides), *джингиль* (Eremostachys phlomoides) и *чій*. Бѣдность растительности объясняется вѣроятно неблагопріятнымъ положеніемъ этой степи-пустыни: она окружена на югѣ и юго-западѣ песками, а на сѣверо-востокѣ—небольшими грядами холмовъ; почвы здѣсь безплодны.

Призайсанскіе солончаки по составу растительности значительно богаче солончаковъ Голодной степи и, можетъ быть, даже богаче и оригинальнѣе прикаспійскихъ. Солончаки занимаютъ здѣсь больше всего устья рѣкъ, при выходѣ ихъ изъ горъ на глинисто-песчаныя равнины; на нихъ господствуютъ разные роды солянокъ, частью мѣстныхъ, но большинство ихъ встрѣчается на всѣхъ южныхъ солончакахъ края; здѣсь можно встрѣтить тѣ-же кустики *бульдургуна*, *кокъ-пека*, *джингиля*, *джусана*, Haltheimia и др. Ближе къ Зайсану солончаки занимаютъ низины между береговыми песчаными барами; чаще всего они заросли *чіемъ* и *камышемъ*.

О характерѣ растительности сѣверныхъ солончаковъ края (Петропавловскаго, Омскаго и др. уѣздовъ) мы уже говорили: они нѣсколько отличаются отъ вышеописанныхъ. Главная особенность ихъ заклю-

чается въ почти полномъ отсутствіи кустарниковыхъ формъ (какъ баялычъ и кокъ-пекъ) и присутствіи многихъ сорныхъ растеній, какъ *изень* (Echinopsilon sedoites), *конотопка*, *солянка* (Salicornia herbacea), *лебеда* (Chenopodium glaucum) и разныхъ полыней.

Песчаныя и глинистыя пустыни, которыми такъ богатъ край къ югу отъ 50° (въ низовьяхъ р. *Урала*, пустыня *Кара-Кумъ*, *Голодная степь*, *Балхашскіе* пески и др.), казалось, должны-бы имѣть самую бѣдную и однообразную растительность, такъ какъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ почвы въ общепринятомъ смыслѣ: пески, нерѣдко движущіеся, едва-ли можно называть почвой этихъ пустынь, такъ же какъ и глинистую или каменистую поверхность. Тѣмъ не менѣе область бугристыхъ

Заросль саксаула.

песковъ, по числу и разнообразію видовъ, несравненно богаче, нежели флора солончаковъ и глинистыхъ степей, причемъ эта флора отличается наибольшею оригинальностью и рѣдкостью видовъ.

Первый характерный признакъ ея—господство кустарниковъ, что объясняется главнымъ образомъ почвенными условіями; только кустарники, распустивъ на громадное пространство многочисленную сѣть своихъ корней и корешковъ и обволакивая ими песчинки, могутъ извлекать въ достаточномъ количествѣ питательныя вещества, или углубляться далеко въ почву за влагой. Второй признакъ—это особое устройство организма такихъ растеній. Все, что такъ или иначе облегчаетъ ихъ существованіе въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ — колючки, опушеніе, безлистность и вообще удивительное сокращеніе органовъ, толстыя покровныя ткани, анатомическія измѣненія, замедляющія нѣко-

торыя физіологическія отправленія, сѣроватый цвѣтъ и т. п., — все это выработано растеніями пустыни. Для обыкновенной древесной растительности пустыни неблагопріятны, такъ какъ бѣдны атмосферной и почвенной (подпочвенной) влагой. Единственное и притомъ характерное дерево такихъ пустынь—*саксаулъ* (Haloxylon ammodendron). Но что это за дерево! Оригинально-безобразныя формы его напоминаютъ скорѣе казуариновое дерево Австраліи, чѣмъ какое-нибудь изъ нашихъ деревьевъ. Онъ лишенъ зеленыхъ вѣтвей и листьевъ: вмѣсто нихъ мы видимъ какіе-то голые, сухіе сучья съ кольцеватыми чешуйками или наростами, при толстомъ, уродливомъ стволѣ. Издали трудно сказать, что саксаулъ живетъ — такъ мертвъ его видъ, и лишь вблизи можно разсмотрѣть мелкіе, блѣдные цвѣты и плоды, показывающіе, что дерево—живой организмъ. Несмотря на свою большую величину (10 — 25 фут. вышины и до 1 арш. толщины) онъ не отличается большой устойчивостью, такъ какъ весьма хрупокъ: вѣтвь въ 2—3 верш. толщины можно переломить ударомъ руки. Но крѣпкость дерева (благодаря содержанію массы минеральныхъ солей) весьма значительна и трудно поддается топору (саксаулъ тонетъ въ водѣ). Зная хрупкость дерева, можно понять, почему природа не надѣлила его листвой: бушующій вѣтеръ могъ-бы тогда легко его сломать. Саксауловый лѣсъ, конечно, также оригиналенъ и не имѣетъ ничего схожаго съ нашими. Скорѣе это таинственный сказочный лѣсъ безъ зеленой кроны и тѣни, гдѣ нѣтъ мшистаго ковра травъ, ни яркихъ цвѣтовъ, гдѣ не слышно пѣнія птицъ, стрекотанья насѣкомыхъ; развѣ только юркія, длиннохвостыя ящерицы, шмыгающія по песку среди стволовъ, нарушаютъ мертвую тишину, да изрѣдка налетятъ саксаульскія сойки.

Не менѣе оригинальны и кустарники: *джузгунъ* (Pterococcus aphyllus) — съ тонкими, длинными вѣтвями, на которыхъ висятъ шарообразные плоды на такихъ-же тонко-волосовидныхъ ножкахъ; разнообразные шаровидные кустики *джузгена* (Calligonum Pallasii и др.) съ оригинально расположенными зеленоватыми вѣтвями; безобразно-уродливые сѣрые кусты *баялыча* (Atraphaxis Karelini). Картину дополняетъ немалое количество красивыхъ и своеобразныхъ колючихъ кустарниковъ, какъ напр. *карагана, серебристый чингыль* (Halimodendron argenteum), *тымырткенъ* (Hultheimia berberifolia), *джантакъ* (Alhagi kirgisorum и A. camelorum) и др.; интересны также *древовидныя: солянки* (Salsola arborescens), *астрагалы, эфедры*, изящные матовые *гребеньщики* (джингыли) (Tamarix) съ блѣдно-розовыми, мелкими цвѣтами; нѣкоторые изъ нихъ представляютъ собою деревья высотой до 18 фут. Много встрѣчается здѣсь и другихъ, не менѣе своеобразныхъ растеній.

Бо́льшая часть указанныхъ формъ распространены по песчанымъ буграмъ и придаютъ имъ довольно красивый, оригинальный видъ, такъ какъ ихъ густыя заросли не образуютъ зеленѣющаго покрова. Но не всѣ холмы покрыты такой растительностью, а только неподвижные „джитъ-конуры“; среди послѣднихъ попадаются даже оазисы съ небогатой травой (*осоки, кіякъ, тарлау* (Elymus arenarius), *шаиръ* (Ferula), *чій*) а среди нихъ красиво цвѣтущія весеннія растенія, какъ напр. *тюльпаны лазоревикъ, густятникъ*. Среди такихъ бугровъ можно встрѣтить рощицы *джидды* (Eleagnus hortensis). Мѣста, гдѣ много неподвижныхъ бугровъ, являются въ пустыняхъ самыми богатыми со стороны растительности,

которая успѣваетъ достигнуть здѣсь своего полнаго развитія (напр., отъ *Узеня* до низовья *Урала*), почему весной тамъ и пасется киргизскій скотъ. Но бо́льшая часть *Кара-Кумовъ*, а отчасти и *Голодная степь* имѣютъ жалкую растительность благодаря барханамъ, т. е. движущимся пескамъ и глинисто-щебнистой почвѣ. Нѣтъ ландшафта болѣе мертваго, какъ эти движущіеся пески. Въ тихую погоду это—безбрежное море съ застывшими волнами. Но поднимется слабый вѣтерокъ — и оно оживится: задымятся верхушки бугровъ, и, какъ брызги водъ, начинаютъ вздыматься надъ ними песчинки. Чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ все больше и больше пѣнятся гребни песчаныхъ волнъ, наконецъ онѣ замѣтно таютъ: гребни сползаютъ впередъ, и постепенно волна передвигается на другое мѣсто. Ползутъ одна за другой песчаныя волны и засыпаютъ на пути все, что ни встрѣтится. Въ бурю песчаное море становится страшнымъ. Налетающіе порывы вѣтра поднимаютъ тучи песка, высокимъ столбомъ уносятъ вверхъ, чтобы бросить потомъ песчаный дождь, или, крутя, насыпаютъ въ одну минуту цѣлыя горы, которыя новый порывъ вѣтра также быстро смететъ. Воздухъ темнѣетъ, такъ что трудно разсмотрѣть гдѣ что находится: песчаная муть скрываетъ все изъ глазъ. Горе каравану, если онъ остановится: въ нѣсколько минутъ песчаный холмъ покроетъ его.

Понятно, что среди такихъ песковъ трудно ужиться растительности: первая буря хоронитъ ее подъ песчанымъ покровомъ. Голодная степь отличается отъ Кара-Кумовъ тѣмъ, что она не столько песчана, сколько глиниста и каменита. Кромѣ того она не безлюдна: ее посѣщаютъ кочующіе киргизы со своими стадами. Эти кочевки имѣютъ большое отрицательное вліяніе на развитіе растительности, потому что киргизы пріурочиваютъ свои перекочевки къ весеннему появленію растеній, чтобы скотъ легче перенесъ переходъ черезъ пустыню; послѣдній обыкновенно опустошаетъ на пути всю появившуюся растительность. Голодныя животныя, идя цѣлый день среди голыхъ песковъ, жадно накидываются на оазисы растительности и уничтожаютъ все, что попадется. Даже древесныя и колючія растенія не избѣгаютъ печальной участи. Неудивительно, что тамъ, гдѣ зеленѣлъ оазисъ, послѣ недолгой стоянки стадъ остается мертвая пустыня. Замѣчаютъ, что развитіе бархановъ увеличивается съ теченіемъ времени, и въ этомъ опустошительныя кочевки киргизъ играютъ не послѣднюю роль.

Балхашскія и призайсанскія пустыни представляютъ почти исключительно неподвижные песчаные бугры, а поэтому растительность ихъ довольно богата и разнообразна. Здѣсь встрѣчаются: *саксауловые* лѣса (небольшіе), заросли *джузгуна, чарыша* (Ammolirion Steveni), *джингыла, минъдуана* (Eremostachys), *кокъ-тыкена* (Ammodendron Sieversii), *джантака, кокъ-пека, баялыча*, а также *полынь, терескень, тюльпаны, тиниджа* (Leontice vesicaria), *ковыль* (Stipa mongolica); на межбугристыхъ мѣстахъ попадается *чій*. Къ сѣверу отъ нихъ тянутся безплодныя глинистыя степи, покрытыя чаще полынью или сухимъ *лишайникомъ* (Cladonia).

Намъ остается еще разсмотрѣть растительность прибрежныхъ дюнъ. На берегахъ *Аральскаго, Каспійскаго* морей, озеръ *Балхаша* и *Зайсана* густую растительность образуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *камыши* (Arundo phragmites) и изрѣдка *чій*. Камышъ достигаетъ здѣсь 15 фут. высоты и образуетъ непроходимыя заросли на десятки верстъ

(берега Аральскаго моря, Балхаша, Каспійскаго моря и Зайсана), служа любимымъ убѣжищемъ несмѣтнаго количества разныхъ птицъ, а также кабановъ (на Аральскомъ морѣ и Балхашѣ нерѣдко и тигровъ); много камышевыхъ зарослей встрѣчается какъ въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ эти моря-озера (напр., *Урала, Эмбы, Сагиза, Иртыша*), такъ и внутреннихъ, какъ напр. р. *Чу*. Открытые песчаные берега этихъ морей и озеръ почти голы; изрѣдка встрѣчаются здѣсь лишь красивые кустики *булдургуна, песчаный хлѣбъ* или *чоти-мулдыкъ* (Megacarpea laciniata), а на Зайсанѣ—морская трава *тамыръ-дари* (Polygonum). Бѣдность растительности какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ тихимъ, пустыннымъ водамъ этихъ громадныхъ озеръ-морей.

Въ *зоологическомъ* отношеніи Киргизскій край изученъ менѣе, чѣмъ въ ботаническомъ и прежде всего потому, что это изученіе значительно сложнѣе, чѣмъ послѣднее; кромѣ того, до настоящаго времени почти не было снаряжено спеціальныхъ зоологическихъ экспедицій (подобныхъ, напр., ботаническимъ экспедиціямъ Ледебура и др.). Таковыми нельзя считать поѣздки Палласа, Эверсмана, Сѣверцова, Никольскаго, Заруднаго и нѣк. др., которыя дали хотя и интересный, но отрывочный матеріалъ для характеристики животнаго міра и зоогеографіи края. Болѣе всего недостатокъ свѣдѣній чувствуется по низшимъ позвоночнымъ и безпозвоночнымъ края. Вотъ почему при описаніи животнаго міра края приходится ограничиваться почти однимъ перечнемъ наиболѣе характерныхъ видовъ, безъ строгой связи съ опредѣленными географическими и біологическими областями, которыя они характеризуютъ.

Описанію современной фауны мы предпошлемъ небольшое замѣчаніе о фаунѣ предыдущаго геологическаго періода. Палеонтологическіе остатки изъ послѣтретичныхъ отложеній говорятъ намъ, что фауна предыдущаго геологическаго періода мало чѣмъ отличалась отъ современной. Въ сѣверной полосѣ края (до Арало-Иртышскаго водораздѣла) водились тогда формы почти тожественныя съ нынѣ живущими, напр. суслики, тушканчики, кроты, первобытный быкъ, мускусный овцебыкъ, сайги, олени, дикія лошади, верблюды и кабаны. Слѣдовательно и общій характеръ мѣстности былъ близокъ къ современному, т. е. напоминалъ собой теперешнюю лѣсостепь, но съ болѣе богатой древесной и травяной растительностью; имѣлось лишь больше проточныхъ водъ и прѣсныхъ озеръ. Въ настоящее время вымершими изъ нихъ можно считать только первобытнаго быка и мускуснаго овцебыка; почти всѣ же остальные или водятся здѣсь и теперь, или ушли значительно южнѣе, къ горнымъхребтамъ. Въ предгорьяхъ Алтая и долинѣ верхняго и средняго Иртыша, какъ показываютъ палеонтологическіе остатки, жили цари тогдашнихъ звѣрей—гигантскій мамонтъ и носорогъ; остатки ихъ часто вымываются теперь изъ яровъ р. Иртыша. Рядомъ съ ними жили здѣсь бурый медвѣдь, пещерная гіена, тигръ, барсъ, рысь, волкъ и др. Остатки послѣднихъ животныхъ были найдены и въ предгорьяхъ ю.-в. Урала, что̀ говоритъ о сходствѣ условій существованія и въ этихъ мѣстахъ.

Современная фауна, какъ мы увидимъ ниже, является дальнѣйшимъ развитіемъ четвертичной фауны, при вымираніи немногихъ крупныхъ животныхъ, каковы мамонтъ, носорогъ и первобытный быкъ.

Описаніе современнаго животнаго царства края мы начнемъ съ высшихъ позвоночныхъ животныхъ — *млекопитающихъ*.

Изъ сухопутныхъ хищныхъ прежде всего слѣдуетъ назвать *тигра* (Felis tigris). Тигръ (по киргизски джулбарсъ) водится въ настоящее время въ камышевыхъ зарослякъ *Балхаша* и р. *Чу*; киргизы нерѣдко терпятъ отъ него большіе убытки, такъ какъ тигры часто нападаютъ на домашній скотъ; животныя настолько напуганы звѣремъ, что даже свѣжій слѣдъ тигра способенъ навести панику на цѣлое стадо. Киргизы также боятся звѣря и только въ рѣдкихъ случаяхъ (когда хищникъ принесетъ особенно большіе убытки) рѣшаются охотиться на него. Прежде, когда хорошія ружья были у нихъ рѣдкостью, практиковалась охота съ клѣткой, устроенной изъ надежнаго матеріала; въ нее заходили нѣсколько охотниковъ и, передвигая ее, направлялись къ логовищу. Звѣрь обыкновенно кидался на клѣтку, садился на нее, и въ это время его убивали. Позже, съ появленіемъ ружей, стали убивать звѣря и пулей, иногда же употребляли отраву. Въ началѣ XIX столѣтія тигры водились на *Тарбагатаѣ*, въ окрестностяхъ оз. *Зайсана*, близъ *Усть-Каменогорска*, *Семипалатинска* и заходили даже въ *Каркаралинскія* и можетъ быть въ *Кокчетавскія* горы (для которыхъ приводитъ ихъ Спасскій въ 1814 г.), а раза два втеченіе XIX в. забѣгали и на Алтай (въ Томскую губ.), такъ что въ разсматриваемой области находится сѣверо-западная граница ихъ распространенія.

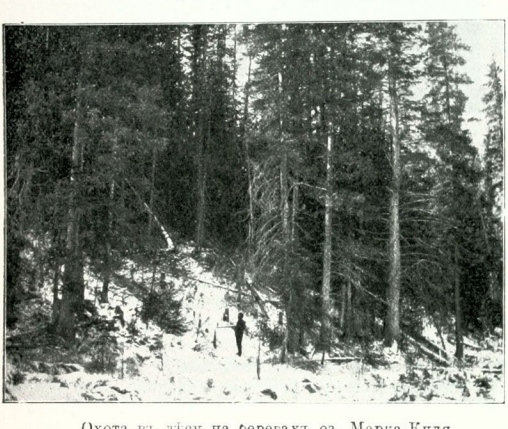
Въ зайсанскихъ камышахъ.
(*По фот. Осипова, изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*)

Вмѣстѣ съ тигромъ водится въ ю.-в. части края *ирбисъ* или *барсъ* (Felis uncia=F. irbis). Прежде онъ встрѣчался довольно часто близъ Балхаша и на р. Чу, но повидимому былъ вытѣсненъ отсюда человѣкомъ, а отчасти и тигромъ; чаще же его можно встрѣтить въ болѣе удаленныхъ и горныхъ мѣстностяхъ края, напр. на *Алтайскихъ* хребтахъ и на *Саурѣ*. По величинѣ онъ меньше тигра и не такъ опасенъ для скота и животныхъ; въ горахъ охотится чаще за мелкими звѣрями, рѣже нападаетъ на дикихъ козъ, барановъ и оленей. *Рысь* (Felis linx) изрѣдка встрѣчается въ гористой части уѣздовъ Акмолинскаго (*Ерменъ-Тау*, *Акъ-Тау*) и др.; чаще рысь встрѣчается въ городахъ *Каркаралинскихъ*, *Кентскихъ* и далѣе на югѣ въ Алтаѣ и Саурѣ. Киргизы охотятся за ней ради теплаго, мягкаго мѣха. Въ 1875 г. рысь была убита въ южной части Ишимскаго у., т. е. на сѣвер-

ной окраинѣ Киргизскаго края. *Степная кошка* (по киргизски малинъ—Felis manus)—небольшой хищникъ (немного болѣе домашней кошки)—водится въ горахъ *Каркаралинскихъ*, *Баянъ-Аульскихъ* и *Кентскихъ*, но довольно рѣдокъ. *Болотная кошка* (Felis chaus) встрѣчается изрѣдка по берегамъ Каспійскаго и Аральскаго морей и близъ Чу. *Сѣбанча* (*сервалина*, Felis caudata) нерѣдка въ горахъ Каркаралинскаго у.

Изъ другихъ видовъ кошачьихъ можно назвать *дикую кошку* на Алтаѣ; это вѣроятно одичавшая домашняя кошка (Палласъ).

Изъ семейства *собачьихъ* (Canidae) мы укажемъ прежде всего киргизскую собаку—*лайку*, напоминающую видомъ и образомъ жизни волка. *Волки* встрѣчаются въ краѣ всюду—въ горахъ, степяхъ, лѣсахъ и пустыняхъ. Среди нихъ различаются три вида. Самый распространенный видъ—*сѣрый волкъ*—по киргизски коскиръ (Canis lupus). Встрѣчается онъ главнымъ образомъ въ степяхъ отъ р. Урала до Иртыша, принося громадные убытки киргизамъ и крестьянамъ своими нападеніями на стада животныхъ. *Черный волкъ* (Canis lupus lycaon) встрѣчается, по словамъ жителей, въ гористыхъ мѣстахъ ю.-в. части края. *Красный* или *горный волкъ* (C. alpinus) живетъ исключительно въ южномъ Алтаѣ, Тарбагатаѣ и Саурѣ; встрѣчается онъ, какъ и обыкновенный, стаями; близко къ жилью человѣка не подходитъ; охотится по горамъ за козами.



Охота въ лѣсу на берегахъ оз. Марка-Куля.
(*По фот. Осипова, изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*).

Представители рода *Vulpes*—*лисицы* также широко распространены въ краѣ. Обыкновенная лисица (по киргизски тюлькe—V. alopex) водится во всемъ краѣ, особенно въ гористыхъ и лѣсныхъ мѣстахъ; цвѣтъ ея измѣняется отъ свѣтло желтаго до черно-бураго. Киргизы ловятъ и держатъ у себя молодыхъ лисицъ для того, чтобы потомъ воспользоваться ихъ мѣхомъ. *Караганка* (V. melanotis)—сѣрая лисица, водится въ окрестностяхъ оз. Балхаша и въ степяхъ на западѣ отъ него. *Корсакъ* (V. corsac), довольно обыкновенное животное въ средней полосѣ края, въ изобиліи встрѣчается въ *Муголджарахъ*, нерѣдокъ и по *Общему Сырту*; сѣвернѣе же широты Омска заходитъ рѣдко.

Киргизы держатъ ихъ иногда въ прирученномъ состояніи. Всѣ виды лисицъ, а также волкъ—служатъ киргизамъ предметами интересной охоты съ беркутами или съ киргизскими борзыми („тазы“). На волковъ

охотятся часто по большому снѣгу, когда они не въ состояніи убѣжать отъ погони на лошадяхъ; убиваютъ ихъ батиками или сойлами (длинными палками).

Родъ *медвѣдей* представленъ въ краѣ однимъ видомъ, общераспространеннымъ *бурымъ* медвѣдемъ (по киргизски—аю, Ursus arctos). Живетъ онъ исключительно въ гористой и лѣсной части края. Главнымъ его мѣстопребываніемъ нужно считать Зайсанскій и Усть-Каменогорскій уѣзды (горы *Нарымскія, Курчумскія, Калбинскія, Сауръ* и др.). Кромѣ того бурый медвѣдь сохранился до настоящаго времени въ горахъ *Кокче-Тау* и *Сондыкъ-Тау* (Кокчетавскаго у.), а также изрѣдка встрѣчается и въ *Мунчактинскихъ* лѣсахъ. Въ западной части края въ настоящее время медвѣди совсѣмъ не встрѣчаются. Мнѣніе, что медвѣди не трогаютъ мертвыхъ, не можетъ относиться до здѣшнихъ медвѣдей: киргизы жалуются на то, что умершіе дѣлаются часто добычей медвѣдей, которые разрываютъ могилы и поѣдаютъ трупы. Большого вреда для скота медвѣди не приносятъ; пожалуй, болѣе терпятъ отъ нихъ пасѣчники на Алтаѣ.

Изъ мелкихъ хищныхъ слѣдуетъ назвать представителей *хорьковыхъ* (Mustelidae) — *хорька, барсука, горностая, колонка* и *ласку*. *Хорекъ* (Putorius Eversmanni) распространенъ на всемъ пространствѣ края отъ Алтая до береговъ Урала. Почти такое-же распространеніе занимаетъ и *барсукъ* (Meles taxus sibiricus). Киргизы охотятся за нимъ болѣе всего изъ-за сала, которое считается цѣлебнымъ. *Горностай* (Putorius ermineus, по киргизски актеинъ) встрѣчается рѣже предъидущихъ, но почти по всему краю; онъ выбираетъ болѣе гористыя и лѣсныя мѣста. *Колонокъ* (P. sibiricus) встрѣчается рѣже предъидущихъ, но на Алтаѣ довольно обыкновененъ. *Ласка* (P. nivalis) одинаково распространена какъ въ степной, такъ и гористой части края. Кромѣ этихъ видовъ на Алтаѣ встрѣчается *каменный хорекъ* или *суслеников* (P. alpinus) и *россомаха* (Gulo luscus); послѣдняя поднимается на самыя высокія горы. Изъ рода *куницъ* (Mustela) въ степной части не встрѣчается ни одного вида. Изрѣдка заходитъ (повидимому, съ южнаго Урала) лишь въ сѣверную часть Актюбинскаго уѣзда *куница лѣсная* (M. martes), да на Алтаѣ встрѣчается *каменная куница* (M. foina), но также рѣдко. Почти совсѣмъ вывелся въ краѣ и *соболь* (M. zibellina)—небольшой, но весьма цѣнный хищникъ, сыгравшій большую роль въ завоеваніи русскими не только западной, но и всей Сибири. Въ настоящее время соболи сохранились только въ самомъ ю.-в. углу края, въ горныхъ лѣсахъ.

Изъ *насѣкомоядныхъ* (Insectivora) степной части края слѣдуетъ назвать нѣсколько родовъ и видовъ *землероекъ* (по мѣстному кутора—Crocidura, Diplomesodon, Sorex, Crossopus), живущихъ въ степяхъ и холмистыхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ; нѣкоторые виды встрѣчаются и въ лѣсныхъ мѣстахъ (Кокчетавскаго, Петропавловскаго, Усть-Каменогорскаго у.). Въ южныхъ пустынно-степныхъ мѣстахъ землеройки не встрѣчаются. *Кроты* (*алтайскій* и *европейскій*—Talpa altaica и T. europaea) изрѣдка попадаются въ ю.-в. и с.-з. части края. Изъ *ежей* въ степяхъ встрѣчаются два вида: *европейскій* (Erinaceus europaeus) и *ушастый* или *дзара* (E. auritus). Первый водится въ сѣверо-западной части края (приуральской), второй—къ югу отъ рѣки Урала въ степной полосѣ всей ю.-в. части края. Въ средней долинѣ Урала водится довольно рѣдкій звѣрекъ—*выхухоль* (Myogale moschata).

Встрѣчаются нѣсколько представителей *рукокрылыхъ* (Chiropt ra): *вечерица* (Vesperus) *сѣверная двуцвѣтная*, и *горная*; распространены, хотя и не часто, но почти всюду въ лѣсостепной части края *ночницы* (Vespertilio); онѣ нерѣдки на Алтаѣ въ горахъ, также какъ и *ушанъ* (Plekotus).

Представители *грызуновъ* (Rodentia) занимаютъ, по распространенію и количеству, первое мѣсто среди другихъ позвоночныхъ края. Изъ нихъ мы назовемъ *зайца*, обыкновеннаго повсюду, не исключая и пустынь. На Алтаѣ водятся два вида азіатскихъ горныхъ зайцевъ (L. tolai и L. lugubris). *Суслики* (Spermophilus) распространены по всему краю отъ приуральскихъ степей до Иртыша, не исключая и пустынь; одинъ видъ ихъ водится на Алтаѣ. Изъ сусликовъ наиболѣе извѣстенъ по своимъ опустошеніямъ хлѣбныхъ полей S. rufescens. Въ 1888 г. суслики истребили всѣ посѣвы хлѣбовъ по берегамъ Урала. Они двигались партіями въ 1.500 штукъ, переплыли Уралъ и напали на пашни лѣваго берега; казаки одной станицы убили ихъ до 20 тысячъ, но не уменьшили замѣтно числа ихъ. Тоже было въ 1889 — 90 г.г., но потомъ число ихъ сильно сократилось. Въ сибирскихъ областяхъ такихъ опустошеній не помнятъ, хотя сусликъ здѣсь и водится. Около Мугоджаръ этотъ видъ вытѣсненъ *муюджарскимъ суркомъ* (по киргизски сууръ, Arctomys); онъ выбираетъ чаще степныя и лѣсостепныя мѣста, встрѣчаясь въ сѣверныхъ частяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской областей и на Алтаѣ. *Бѣлка* (Sciurus) встрѣчается теперь исключительно въ алтайскихъ лѣсахъ; вмѣстѣ съ ней попадается *бурундукъ* (Tamias asiaticus); прежде они водились и въ другихъ лѣсистыхъ мѣстахъ края, но съ увеличеніемъ населенія покинули ихъ. Упомянемъ здѣсь также вымирающаго звѣря *бобра* (Castor fiber); онъ водился не такъ давно въ верховьяхъ правыхъ притоковъ Чернаго Иртыша (*Алкабека*, *Кабы* и др.); но за послѣднее время и здѣсь онъ едва-ли не истребленъ совершенно. *Емуранчикъ* (Dipus halticus)—обыкновенное животное всѣхъ степей края; *тарбаганчикъ* (D. sagitta), *плоскохвостъ* (Platycercomys), *прыгунчикъ*—также широко распространены во всемъ краѣ, хотя нѣкоторые виды, напр. *тушканчикъ сушкинскій* встрѣченъ только въ Тургайской обл. Изъ мелкихъ грызуновъ степная часть края богата *песчанками* (Gerbillus), *мышами* (Muridae); изъ послѣднихъ наиболѣе распространены: *полевая*, *лѣсная*, *малютка и вагнерова* (послѣдняя въ Тургайской и Уральской обл.); встрѣчаются и *водяныя крысы* (Arvicola amphibius). Изъ *хомяковъ* (Cricetus) также встрѣчается нѣсколько видовъ, изъ которыхъ обыкновенный видъ (C. vulgaris frumentarius) извѣстенъ подъ именемъ крысы. Водится на лугахъ и степяхъ и въ горахъ также много видовъ *полевокъ* (Micrati-

Береговыя заросли рѣч. Кальджира при впаденіи въ р. Иртышъ. (*По фот. Кирьянова, изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. О щ.*).

nae); иногда ихъ размножается такая масса, что вся мѣстность кажется взбороненной.

Изъ *однокопытныхъ* (Ungulata) край былъ богатъ прежде *куланами* (Asinus hemionus) и *тарпанами* (Equus equiferus). Куланы встрѣчаются теперь только въ южныхъ частяхъ Акмолинскаго, Атбасарскаго, Каркаралинскаго и Зайсанскаго уѣздовъ. Тѣ и другіе водятся въ степи стадами, крайне осторожны и пугливы; населеніе пыталось приручить кулановъ, чтобъ пользоваться ими, какъ рабочей силой, но, кажется до настоящаго времени эти попытки были неудачны, хотя въ неволѣ животныя и уживались.

Куланы кочуютъ по степи, сообразно временамъ года; весной они двигаются къ сѣверу, а осенью—къ югу. Къ куланамъ иногда подбиваются киргизскія лошади, остаются съ ними и дичаютъ.

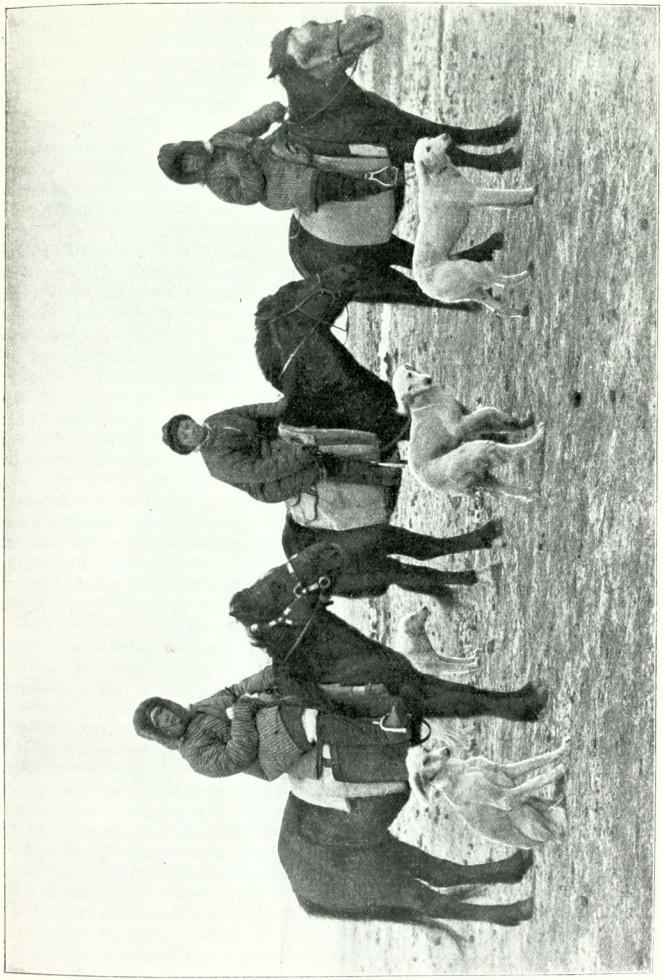
Изъ *парнокопытныхъ* отмѣтимъ хищника—*кабана* (по киргизски чушка—Sus scrofa). Онъ водится въ южной степной полосѣ края, главнымъ образомъ по камышамъ вблизи рѣкъ и озеръ. На сѣверъ отъ оз. *Куральджина* кабанъ, кажется, совсѣмъ не встрѣчается; но прежде онъ водился по *Иртышу* въ Павлодарскомъ и Семипалатинскомъ у., а также по озерамъ въ Кокчетавскскомъ у. Въ настоящее время ихъ много по р. *Чу*, берегамъ *Балхаша*, *Зайсана* и другихъ южныхъ озеръ съ камышевыми зарослями. Изрѣдка встрѣчается въ лѣсистой части южнаго Алтая *мускусная кабарга* (Moschus moschiferus)—небольшое, но красивое животное.

Изъ семейства *полороихъ* (Cavicornia) водятся въ краѣ два вида *антилопъ*: *джейранъ* (Gazella subgutturosa) и *сайгакъ* (Colus saiga). Оба свойственны открытымъ пустыннымъ, преимущественно песчанымъ площадямъ южной части нашего края. Въ горахъ водятся: *архаръ* (Ovis ammon)—горный баранъ въ Усть-Каменогорскомъ, Зайсанскомъ и Каркаралинскомъ у.) и *горный козелъ* (по киргизски таутеке — Capra sibirica)—также въ горахъ южной части края. Архаръ и таутеке являются главными предметами мѣстной охоты для киргизъ и русскихъ; убить этихъ животныхъ—большая гордость для охотника, такъ какъ они забираются на высокія скалистыя горы, и охота за ними сопряжена съ большими случайностями и трудностями. Мясо, шкура и рога того и другого употребляются въ домашнемъ обиходѣ какъ киргизами, такъ и русскими. Южные киргизы украшаютъ черепомъ архара съ рогами могилы умершихъ. Гористая часть края довольно еще богата представителями семейства *оленей* (Cervinae). Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать *марала* (по киргизски бугу—Cervus canadensis asiaticus). Онъ живетъ въ настоящее время только на высокихъ лѣсистыхъ горахъ южнаго Алтая и Саура, а въ другихъ горахъ края не встрѣчается; но, судя по названіямъ мѣстъ (горы *Маралъ-Тюбе*, *Бугу-Лы* и др.), водился прежде въ Акмолинскомъ, Каркаралинскомъ и Усть-Каменогорскомъ уѣздахъ. За маралами издавна охотятся спеціальные охотники, киргизы и русскіе, добывая молодые рога животныхъ для продажи китайцамъ. Извѣстно, что олени мѣняютъ ежегодно рога, причемъ послѣдніе весной снова вырастаютъ. Въ маѣ рога у мараловъ еще не вполнѣ ороговѣли и представляютъ мягкую, обильную кровью, массу. Такіе рога употребляются китайцами, какъ весьма цѣлебное лекарство и цѣнятся очень дорого. Поэтому охота на мараловъ составляетъ до сихъ поръ солидный заработокъ киргизъ-

охотниковъ и особенно алтайскихъ крестьянъ, но успѣхъ достается нелегко; охотнику приходится иногда нѣсколько дней подкрадываться къ животному, чтобы убить его. Иногда при охотѣ прибѣгаютъ къ дудкѣ, но нужно имѣть большое умѣнье, чтобъ подманить звѣря, а не спугнуть. За послѣднія 30—40 лѣтъ крестьяне стали разводить мараловъ у себя въ такъ называемыхъ „маральихъ садахъ“ (большое огороженное мѣсто гдѣ-нибудь въ горахъ). Маралы живутъ въ нихъ хорошо и скоро привыкаютъ къ хозяину настолько, что подпускаютъ его близко къ себѣ и позволяютъ даже ласкать. Весной, когда у самцовъ появятся молодые рога, ихъ загоняютъ въ особо устроенные сараи, гдѣ и спиливаютъ рога. Операція эта производится самымъ первобытнымъ способомъ и стоитъ животному большихъ мученій; раны обыкновенно замазываются землей, такъ что не скоро заживаютъ. Промыселъ этотъ хотя приноситъ большіе доходы, но до сихъ поръ указанная техническая сторона страдаетъ крупными недостатками, о чемъ приходится сожалѣть. Уживаются маралы и въ хозяйствѣ, такъ что въ будущемъ, какъ рабочая сила, можетъ быть сыграютъ не послѣднюю роль въ хозяйствѣ горныхъ крестьянъ. *Лось* или *сохатый* (Alces machlis)—самый значительный по величинѣ видъ изъ семейства оленей—встрѣчается изрѣдка въ снѣжныхъ горахъ Алтая. Вмѣстѣ съ нимъ попадается иногда и *сѣверный олень* (Rangifer tarandus). Наиболѣе обыкновеннымъ представителемъ оленевыхъ является *козуля* (Capreolus pygargus) или, какъ ее называютъ чаще, *дикая коза*; она водится въ горахъ Усть-Каменогорскаго, Зайсанскаго, Каркаралинскаго и Кокчетавскаго у., изрѣдка въ сѣверныхъ частяхъ Уральской и Тургайской областей, но сильно истребляется какъ человѣкомъ, такъ и животными, особенно волками. Отъ охотниковъ можно часто слышать разсказы, какъ волки загоняли цѣлые табуны козуль въ снѣжные лога и истребляли всѣхъ. Безпощадно истребляетъ ихъ и человѣкъ. Извѣстно, что въ 1880-хъ годахъ казаками Кокчетавскаго у. истреблены были въ одну зиму всѣ козули въ горахъ *Сандыкъ-Тау* (числомъ болѣе 200 штукъ); теперь онѣ сохранились только кое-гдѣ въ лѣсистыхъ мѣстахъ *Кокче-Тау* и можетъ быть въ *Мунчактинскихъ* лѣсахъ (сѣверная часть Акмолинскаго у.).

Переходя къ *пернатымъ* жителямъ края, мы можемъ заранѣе сказать, что среди нихъ должно замѣчаться преобладаніе степныхъ формъ. И дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, степныя птицы преобладаютъ. Перечень ихъ мы начнемъ съ царей птичьяго царства—*орловъ*. Изъ нихъ въ степной полосѣ живутъ нѣсколько видовъ; при этомъ наиболѣе обыкновененъ *карагужъ* (Aquila imperialis), встрѣчающійся всюду въ краѣ, но чаще на югѣ, причемъ онъ не избѣгаетъ даже пустынь, гдѣ охотится за зайцами. *Орлана-бѣлохвоста* (Haliaëtos albicilla) можно часто встрѣчать на высокихъ ярахъ по берегамъ Иртыша, а также среди кустарниковыхъ зарослей многихъ степныхъ рѣчекъ. Исключительно въ южныхъ степяхъ живетъ *орелъ-крикунъ* (A. clanga), гнѣздящійся въ камышахъ и саксауловыхъ лѣскахъ по р. Чу и близъ *Балхаша*. Въ приуральскихъ степяхъ нерѣдокъ кромѣ того *орелъ восточный* (Aquila orientalis).

Кромѣ орловъ фауну хищныхъ птицъ нашего края составляютъ: *коршуны*, два вида *кобчиковъ*, *кречета*, нѣсколько видовъ *соколовъ* и *скопа*; послѣдняя водится главнымъ образомъ близъ степныхъ озеръ, гдѣ охо-



Киргизскіе охотники съ собаками.

тится за рыбой. Кречета и сокола весьма цѣнятся киргизами-богачами или охотниками,—первыми, какъ предметъ спорта, а вторыми—какъ главное подспорье охоты; вотъ почему хорошо выученный соколъ доходитъ въ цѣнѣ до 100 руб. Съ соколомъ (и кречетомъ) охотятся обыкновенно на зайца и разныхъ птицъ (гусей, утокъ, дрофъ, лебедей, фазановъ, куропатокъ и др.). Изъ другихъ хищныхъ птицъ для степей края назовемъ *луней* (Circus), которые водятся въ массѣ въ небольшихъ перелѣскахъ и особенно по берегамъ рѣчекъ и озеръ; изъ ночныхъ—нѣсколько видовъ *сов*, изъ которыхъ *болотная сова* (Asio accipitrinus) служитъ нерѣдко хорошимъ указателемъ прѣсныхъ водъ въ степи; ночью киргизъ по мѣсту летанія ихъ ищетъ и часто находитъ прѣсную воду. *Филинъ-пугачъ* также обыкновенень во всей сѣверной полосѣ края.

Здѣсь мы встрѣчаемъ большинство птицъ, обыкновенныхъ въ полосѣ островныхъ лѣсовъ Европейской Россіи. *Козодой* (Caprimulgus), *ласточки* (Hirundo), *стрижъ* (Cotyle), *удодъ* (Upupa), *пѣночка* (Hypolais), *сараюшка* (Eritacus), *горихвостка* (Ruticilla), *чеканчикъ* (Pratincola), *синица-кузнечикъ*, *трясогузки* (Motacilla), *дрозды* (Turdus), *иволга*, *мухоловка*, *сорокопуты*, *чечетки*, *овсянки*, *жаворонки*, *грачи*—обыкновенные жители нашихъ степей и южной полосы лѣсостепи; особенно много гнѣздится ихъ въ береговыхъ зарослях степныхъ рѣкъ, озеръ и въ горахъ Кокчетавскаго, Каркаралинскаго, Актюбинскаго у.у. и въ сѣверной части Уральской области. Для лѣсостепи сѣверной части Киргизскаго края особенно характерна восточная форма обыкновеннаго *тетерева* (Tetrao tetrix viridanus).

Изъ *лазящихъ* водятся *дятлы* (Picus minor, P. cissa и др.), причемъ они обыкновенны въ полосѣ лѣсостепи. Изъ *голубиныхъ*—*горлица* (Turtur auritus), *клинтухъ* (Columba oenas) и *дикій голубь* водятся въ уѣздахъ Акмолинскомъ, Петропавловскомъ и Актюбинскомъ. Изъ представителей другихъ семействъ особенно характерными для степей будутъ: *стрепетъ* (Otis tetrax), *торгакъ* (Chettusia gregarus), нѣкоторые *зуйки* (Charadrius), а также *тиркушка* (Glareola melanoptera).

Весьма обильно здѣсь представлены птицы *голенастыя и плавающія*, что и слѣдовало ожидать при той массѣ озеръ и болотъ, которыя разбросаны въ лѣсостепной и степной полосахъ края. Тучи утокъ различныхъ видовъ (*отайка*, *шилохвостъ*, *полуха*, *чирокъ*, *кряква*, *сокснь* и др.) носятся надъ прѣсными озерами, вереницы *гусей* то и дѣло тянутся отъ одного озера къ другому; множество *куликовъ*, *кроншнеповъ* (Numenius arquatus), *суколень* (Limosa melanura), *бекасовъ* (Scolopax gallinago), *коростелей* (Crex pratensis), *лысухъ* (Fulica atra), *крохалей* (Mergus serrator и др.), *курочекъ* (Porzana) ютится по камышамъ и болотамъ; нерѣдки на озерахъ *лебеди*, *гуси*, а также *журавли* и *выпь* (Botaurus stellaris). Изъ журавлей наиболѣе замѣчателенъ и характеренъ для нашего края громадный *стерхъ* (Grus leucogeranus), попадающійся нерѣдка на нѣкоторыхъ степныхъ озерахъ. Не уступятъ по количеству уткамъ *мартышки* (Larus ridibundus), *чайки* (Larus orientalis, canus и др.) и *крачки* (Sterna hirundo, St. nigra), которыя крикливыми стаями носятся надъ прѣсными и горькими озерами, а также по *Иртышу*, *Ишиму*, *Уралу* и др. рѣкамъ. Большинство указанныхъ птицъ встрѣчаются и въ южныхъ степяхъ. Наиболѣе-же характерными для южныхъ степей будутъ: *дрофа* (Otis tarda), ко-

торая водится стаями не только въ степяхъ, но и въ долинахъ горъ; ее можно встрѣтить и въ сѣверной части Акмолинскаго у. и даже Кокчетавскаго, но рѣдко и не такими стаями, какъ южнѣе; *булдрюкъ* (Pterocles arenarius) и *рябки* (Syrrhaptes paradoxus) стаями водятся въ каменистыхъ степяхъ и пустыняхъ. Самой цѣнной и вмѣстѣ съ тѣмъ и красивой изъ южныхъ степныхъ птицъ является *фазанъ* (Phasianus mongolicus); водится онъ въ окрестностяхъ Балхаша, среди барбарисовыхъ, саксауловыхъ или джидовыхъ кустовъ. Изъ *воробьиныхъ* въ южныхъ степяхъ по количеству первое мѣсто занимаютъ *степные скворцы, жаворонки* (черные и др., родъ Melanocorypha) и *чеканы* (Saxicola). Первыхъ такъ много, что посѣвы крестьянъ-переселенцевъ въ Акмолинскомъ и Атбасарскомъ у.у. терпятъ отъ нихъ большіе убытки. По ихъ имени названа Тургайская обл. (скворецъ по киргизски—торгай). По камышамъ и кустарниковымъ зарослямъ можно встрѣтить *тѣночекъ, синицъ, овсянокъ, лазоревку, славку* и нерѣдко даже *соловья* (Daulias Hafizi и D. philomela).

Въ строевомъ лиственничномъ лѣсу (молодая поросль) Усть-Каменогорскаго у.
(*Изъ альбома Зап.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.*).

Голенастыми эта полоса края небогата, если сравнить съ ними количество видовъ голенастыхъ, живущихъ въ низовьяхъ Волги; поверхность, напр., Балхаша можетъ казаться даже пустынной въ сравненіи съ низовьями Волги. Возможно, что объясняется это неблагопріятными условіями жизни на этихъ озерахъ: они большей частью горьковаты и бѣдны населеніемъ (лягушками, мелкой рыбой, рачками и т. п.), которымъ питаются эти птицы; рѣчки также обыкновенно горькосолены и притомъ тѣ и другія такъ заросли камышемъ, что едва доступны для птицъ; многія рѣки кромѣ того мутны и текутъ въ обрывистыхъ берегахъ. *Чайки, гагары, пеликаны, бакланы* (Phalacrocorax carbo и др.) и *крачки* (Hydrochelidon, Sterna) также рѣже наблюдаются здѣсь боль-

шими стаями; ихъ значительно меньше, чѣмъ у береговъ Аральскаго моря и въ дельтѣ Урала; при этомъ замѣчено, что господствующіе на западѣ виды на востокѣ рѣдѣютъ и уступаютъ мѣсто другимъ: напр., обыкновенный видъ на нижнемъ Уралѣ и Волгѣ—*крачка рѣчная* (Sterna fluviatilis)—становится на востокѣ рѣже и на Балхашѣ почти исчезаетъ, уступая первенство *крачкѣ каспійской* (St. caspia). На самомъ крайнемъ востокѣ—на озерахъ *Марка-Кулъ, Зайсанъ* и р. *Иртышъ* водятся многіе изъ названныхъ видовъ птицъ, но не массами; на верхнемъ Иртышѣ можно видѣть интересную картину, какъ стаи баклановъ, образуя ряды, загоняютъ мелкую рыбу въ мелкіе заливы и устраиваютъ на нее охоту. Нѣкоторые виды чаекъ охотятся по горнымъ рѣчкамъ за харіусами и ускучами.

Орнитологическая фауна юго-восточной, гористой части края (южный Алтай, Тарбагатай и Сауръ) въ общемъ мало отличается отъ вышеописанной, менѣе чѣмъ, напр., флора. Поэтому мы остановимся только на тѣхъ птицахъ, которыя будутъ болѣе характеризовать эти мѣста. Изъ хищниковъ слѣдуетъ отмѣтить *беркута* (Aquila nobilis) Этотъ орелъ хотя и встрѣчается въ степныхъ горахъ, но главное мѣстообитаніе его—горы ю.-з. Алтая, Тарбагатай и Сауръ. Беркуты живутъ на высокихъ, неприступныхъ скалахъ. Киргизы нерѣдко держатъ ихъ у себя для охоты, а страстные охотники не знаютъ хорошо обученному беркуту цѣны; за такого беркута богачи-киргизы платили по 5—9 верблюдовъ, или по 200 барановъ, т. е. по 200—350 и даже 500 руб. Ловятъ беркута, когда онъ только-что началъ оперяться, и нужно много умѣнья, чтобы пріучить его къ себѣ и къ охотѣ. При хорошемъ уходѣ дрессировка удается въ годъ, и съ молодымъ беркутомъ можно охотиться на зайца и птицъ. Со старымъ ѣздятъ на лисицъ и даже на волка; передъ охотой беркута не кормятъ, чтобы вызвать въ немъ больше отваги. Беркутъ нападаетъ на добычу стремительно, не давая ей опомниться хватаетъ обыкновенно одной лапой за голову, а другой за бокъ, и не даетъ звѣрю убѣжать до того времени, пока не подбѣжитъ охотникъ. Киргизы относятся съ уваженіемъ къ орламъ; убить орла близъ аула—значитъ оскорбить его населеніе. Прилетъ орловъ иные киргизы празднуютъ общимъ обѣдомъ; мертваго орла не бросаютъ, а зарываютъ въ землю; неспособнаго къ охотѣ уносятъ на высокія горы и отпускаютъ. *Коршуны* и *соколы* не представляютъ рѣдкости. Ночными хищниками болѣе богатъ ю.-з. Алтай, на Тарбагатаѣ они рѣже; обыкновенны нѣсколько видовъ *совъ* и *филины*. Изъ другихъ птицъ, характерныхъ для горъ, назовемъ *клушицъ* (Fregilus). Изъ рѣдкихъ, но весьма характерныхъ для Алтая птицъ слѣдуетъ назвать *улара* (Tetraogallus altaicus)—гигантскую горную куропатку, встрѣчавшуюся лишь немногимъ путешественникамъ. Вслѣдствіе неправильной охоты и истребленія лѣсовъ на Алтаѣ и Саурѣ значительно уменьшилось количество водившихся прежде въ изобиліи *глухарей* (Tetrao urogallus).

Фауна *пресмыкающихся* (Reptilia) имѣетъ у насъ довольно много представителей, рѣзко распадающихся на двѣ группы. Съ одной стороны въ области встрѣчаются виды, характерные для лѣсостепи; они свойственны сѣверной полосѣ края и общи какъ съ Европейской Россіей, такъ и со значительной частью Сибири. Сюда относятся: обыкновенная *длинохвостая ящерица* (Lacerta agilis var.), *ящерица живородящая* (Lacerta vivipara), а изъ *змѣй*—обыкновенная *гадюка* (Vipera berus), болѣе впро-

чемъ рѣдкая, чѣмъ *степная гадюка* (Vipera Renardi), и обыкновенный *ужъ* (Tropidonotus natrix). Съ другой стороны Киргизскому краю, главнымъ же образомъ его южнымъ, степнымъ или пустыннымъ окраинамъ, свойственъ цѣлый рядъ пресмыкающихся, характерныхъ для Арало-Каспійской впадины или вообще для пустынныхъ частей Средней Азіи. Къ таковымъ относятся: *круглоголовыя* ящерицы изъ родовъ Phrynocephalus и Megalochilus (Phrynocephalus helioscopus — по киргизски кисертке-бака, Phr. interscapularis, Phr. caudivolvulus, Megalochilus auritus), *пестрая ящурка* (Eremias arguta = E. variabilis), встрѣчающіеся только у Балхаша 2 вида *скаптейръ* (Scapteira scripta и Sc. grammica), *агама* (Agama sanguinolenta), *геккончикъ* (Alsophylax pipiens), далѣе *большая степная черепаха* (по киргизски ташъ-бакъ, т. е. камень-гадъ—Homopus Horsfieldi) и змѣи: *стрѣла-змѣя* (Taphrometopon lineolatum), маленькій *степной удавъ* (Eryx jaculus), *водяной ужъ* (Tropidonotus tesselatus = Tr. hydrus), наконецъ широко распространенный во всей умѣренной Азіи *узорчатый полозъ* (Elaphis dione). Кромѣ перечисленныхъ въ предѣлахъ Киргизскаго края довольно широко распространенъ весьма для него характерный *анцистродонъ* или *щитомордникъ* (по киргизски буща-джилянъ, Ancistrodon halys = Trigonocephalus halys) — весьма ядовитая змѣя изъ семейства *гремучихъ* (Crotalidae); въ юго-восточной части нашей области изрѣдка попадается и другой преставитель того-же рода змѣй, именно болѣе восточный видъ—Ancistrodon (Trigonocephalus) intermedius, доходящій по Сибири до Японіи.

Рыбный базаръ въ гор. Уральскѣ.

Изъ *земноводныхъ* (Amphibia), которыми Киргизскій край сравнительно очень бѣденъ, широко распространены *лягушки*: *травяная* и *съѣдобная* (Rana temporaria и R. esculenta) и двѣ *жабы*: *зеленая* (Bufo viridis) и *сѣрая* (Bufo vulgaris). Единственнымъ характернымъ земноводнымъ нашего края является особый *тритонъ* (по киргизски шайтанъ-балыкъ, т. е. чортъ-рыба—Ranodon sibiricus), водящійся у береговъ Балхаша и по нѣкоторымъ степнымъ рѣкамъ южной части описываемаго края.

Въ *ихтіологическомъ* отношеніи Киргизскій край изученъ недостаточно, въ особенности его восточная и юго-восточная части; при современныхъ данныхъ о рыбахъ края удалось, впрочемъ, установить, что онѣ не относятся къ одной ихтіологической области, а принадлежатъ разнымъ. Такъ, западную часть (Уральская и юго-западная часть Тургайской обл.) относятъ къ *понто-арало-каспійской* ихтіологической области; бассейнъ р. Иртыша и Зайсана — къ другой — *иртышской* области и, наконецъ, озеро Балхашъ со впадающими въ него рѣчками—къ третьей—*балхашской* или среднеазіатской.

Составъ рыбъ каждой области разнится между собой довольно значительно, видовъ же, общихъ для всѣхъ областей,—мало, особенно между балхашскими и иртышскими.

Не вдаваясь въ подробную характеристику особенностей каждой области, сдѣлаемъ только общее описаніе фауны этихъ областей, причемъ нѣсколько больше остановимся на первой изъ нихъ, какъ наиболѣе богатой по составу и имѣющей большое экономическое значеніе для мѣстнаго населенія (Уральскаго казачьяго войска).

Систематическихъ изслѣдованій по ихтіологіи водъ р. Урала и связанныхъ съ нимъ озеръ, принадлежащихъ уральскимъ казакамъ, до настоящаго времени не было произведено; если и имѣются подобныя работы, то онѣ больше трактуютъ о мѣстныхъ рыбахъ, между прочимъ ради выясненія какихъ-либо вопросовъ въ рыболовномъ промыслѣ; таковы списки рыбъ, встрѣчающихся въ уральскихъ водахъ, приводимые Сѣверцовымъ [1]), Беромъ и Данилевскимъ [2]) и нѣкоторыми другими. Въ работѣ Кесслера „Рыбы Арало-Каспійско-Понтійской ихтіологической области“ [3]) помѣщена табличка, судя по которой, въ р. Уралѣ водится до 40 отдѣльныхъ видовъ рыбъ, не считая 10 видовъ, противъ которыхъ поставленъ вопросъ, дѣйствительно ли водятся онѣ въ Уралѣ, или нѣтъ. При этомъ таблица Кесслера относится ко всему теченію р. Урала, а не къ среднему и нижнему, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. За неимѣніемъ другихъ, болѣе полныхъ данныхъ приходится придерживаться этого списка, отчасти провѣреннаго Н. Бородинымъ по отношенію къ водамъ земли Уральскаго казачьяго войска (т. е. собственно европейской части Уральской области). Изъ породы *осетровыхъ* (красная рыба) въ войсковыхъ водахъ (въ морѣ и въ р. Уралѣ) водятся: *бѣлуга* (Acipenser huso), *осетръ* (Ac. Guldenstädti), *шипъ* (Ac. schipa), *севрюга* (Ac. stellatus) и *стерлядь* (Ac. ruthenus); послѣдняя относительно рѣдка и не заходитъ изъ моря въ Уралъ, какъ это бываетъ въ Волгѣ. Кромѣ перечисленныхъ, прочно установленныхъ видовъ, встрѣчается очень много разновидностей, различаемыхъ казаками-рыболовами и признаваемыхъ въ наукѣ помѣсями перечисленныхъ основныхъ видовъ; такъ, у казаковъ извѣстны бѣлужій шипъ, севрюжій шипъ, штыковая севрюга, персидская севрюга, которая, по словамъ гурьевцевъ, будто-бы отличается отъ рѣчной и не входитъ въ рѣку, а ловится исключительно въ морѣ. Но это, повидимому, совсѣмъ невѣрно, и „пер-

[1]) „Жи нь красной рыбы въ уральскихъ водахъ“.
[2]) „Описаніе Уральскаго рыболовства“.
[3]) „Труды Арало-Каспійск. экспед.“, в. IV.

сидская" севрюга казаковъ есть не болѣе, какъ крупная, болѣе темно окрашенная обыкновенная севрюга.

Далеко нельзя сказать того же о „персидскомъ" осетрѣ, который представляетъ отдѣльный, легко отличимый видъ, по признакамъ ближе стоящій къ Ac. sturio [1]). Извѣстна также у казаковъ разновидность осетра—„керимъ", или морская стерлядь, признаваемый нѣкоторыми ихтіологами за видъ Ac. Baeri, но въ дѣйствительности это Ac. glaber.

Всѣ перечисленныя рыбы заходятъ въ Уралъ весною для метанія икры, въ концѣ лѣта и осенью—на зимній отдыхъ, во время котораго красная рыба, насколько можно судить по наличнымъ даннымъ, находится въ особаго рода полуоцѣпенѣніи. Впрочемъ, очень можетъ быть, что помимо собственно цѣлей отдыха и зимней спячки на глубокихъ мѣстахъ Урала—„ятовяхъ", – рыба имѣетъ въ виду послѣ зимней спячки подняться вверхъ и выметать икру. По крайней мѣрѣ относительно осетра, который, судя по имѣющимся даннымъ, мечетъ икру черезъ годъ, можно предположить нѣчто подобное [2]). Вообще надо замѣтить, что, несмотря на неоднократное изслѣдованіе мѣстнаго рыболовства, за отсутствіемъ систематическихъ научныхъ наблюденій надъ жизнью осетровыхъ, свѣдѣнія по ихъ біологіи очень скудны, и въ этомъ случаѣ приходится довольствоваться очень разнорѣчивыми показаніями рыболововъ. Нѣкоторыя наблюденія (несистематическія) о пищѣ осетровыхъ (севрюги, шипа и осетра) показали, что севрюга питается преимущественно нѣкоторыми ракообразными (Mysis, Gammarus, Cyclops), во множествѣ водящимися по прибрежью моря, осетры—преимущественно личинками двукрылыхъ (Chironomus и др.) и мелкими видами моллюсковъ

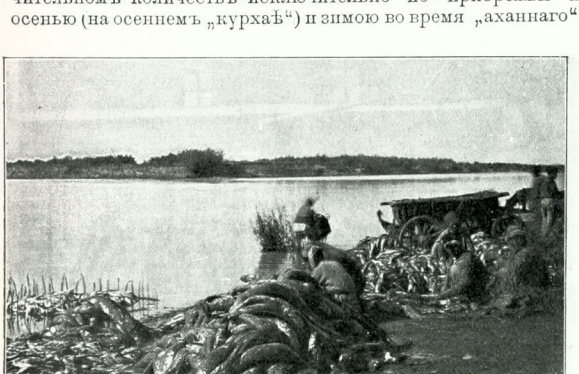
Приготовленіе икры изъ уральской рыбы.

[1]) Этотъ видъ описанъ Н. Бородинымъ подъ именемъ Acipenser persicus. См. „Вѣстн. Рыбопр.". 1897 г., № 1.

[2]) Сѣверцовъ. „Жизнь красной рыбы въ уральскихъ водахъ", стр. 45 и др.

(Cardium, Dreyssena), шипъ—личинками двукрылыхъ и мелкой рыбешкой, бѣлуга же, какъ давно извѣстно, питается преимущественно рыбой, особенно воблой, за которой всегда она слѣдуетъ [1]).

Всѣ перечисленныя рыбы, за исключеніемъ стерляди, имѣютъ громадное промысловое значеніе. Изъ другихъ цѣнныхъ породъ рыбъ, встрѣчающихся въ войсковыхъ водахъ, слѣдуетъ указать на *бѣлорыбицу* (Luciotrutta leucichthys), которая въ прежнее время входила въ довольно значительномъ количествѣ въ р. Уралъ и ловилась во время зимняго неводного рыболовства подъ г. Гурьевымъ какъ неводами, такъ и удочками [2]). Въ настоящее время она ловится въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ исключительно по прибрежью моря позднею осенью (на осеннемъ „курхаѣ“) и зимою во время „ахаинаго“ рыболовства.



Весенняя плавня въ р. Уралѣ: рыбачій базаръ на пескѣ (черная рыба).

Вмѣстѣ съ бѣлорыбицей осенью попадаетъ въ сѣти курхайщиковъ изрѣдка и лосось (Salmo caspius [3]).

Изъ такъ называемой „черной“ рыбы (тоже, что на Волгѣ „частиковая“, на Дону „бѣлая“) наибольшее промысловое значеніе имѣютъ: *судакъ* (Lucioperca sandra), *сазанъ* (Cyprinus carpio), *лещъ* (Abramis brama), *сомъ* (Silurus glanis), *жерехъ* (Aspius rapax), *вобла* (Leuciscus rutilus) и нѣкоторые болѣе мелкіе виды изъ рода Abramis, извѣстные у казаковъ подъ общимъ именемъ „*чебаковъ*“, какъ-то: *синецъ* (Abramis sopa), *сопа* (A. ballerus) [4]),

[1]) Бородинъ. Объ опытахъ искусственнаго оплодотворенія икры севрюги. „С. Х. и Лѣс.“, 1885 г., № 2.

[2]) Палласъ („Путешествія“, т. I, стр. 424) говоритъ, что въ февралѣ очень много бѣлорыбицы ловили большими удами, насаживая на нихъ кусочки изрѣзанной рыбы.

[3]) Подъ г. Уральскомъ весною, отчасти осенью, ловится съ десятокъ бѣлорыбицъ; какъ рѣдкость, зимою 1889 г. во время багренья пойманъ былъ лосось.

[4]) Обратно общераспространенной по Россіи терминологіи, вошедшей и въ латинскія названія рыбъ, здѣсь синцомъ зовется Abr. sopa, а сопой — Abr. ballerus.

густера (Blicca bjorkna) и нѣкоторые другіе. Всѣ перечисленныя рыбы водятся какъ въ самомъ Уралѣ, такъ и въ большихъ его притокахъ, напр. *Чеганъ*. Въ другихъ-же притокахъ и рѣкахъ судака и жереха не встрѣчается, остальные-же виды водятся повсюду. Менѣе важное промысловое значеніе имѣетъ *чехонь* (Pelecus cultratus), *окунь* (Perca fluviatilis), водящійся въ большомъ количествѣ по озерамъ и ерикамъ долины р. Урала и достигающій мѣстами довольно большихъ размѣровъ, *ершъ* (Acerina cernua), *бершъ* (Lucioperca volgensis), *щука* (Esox lucius), *карась* (Carassius vulgaris), *линь* (Tinca vulgaris), причемъ послѣднія двѣ рыбы по омутамъ р. *Чижи* достигаютъ крупныхъ размѣровъ; *голавль* (Squalius cephalus), *язь* (Idus melanotus), *красноперка* (Scardinius erythrophtalmus), подустъ (Chondrostoma nasus) и нѣкоторыя другія. *Каспійская сельдь* (Clupea caspia), заходящая иногда въ Уралъ, промысловаго значенія здѣсь не имѣетъ; въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ она стала появляться въ Уралѣ лишь въ самые послѣдніе годы. Наконецъ, кромѣ перечисленныхъ, въ устьяхъ Урала попадается иной разъ морская рыбка Syngnatus pelagicus, и Barbus brachycephalus. Вѣроятно встрѣчаются въ Уралѣ еще слѣдующія рыбы: *минога* (Petromyzon Wagneri), *колюшка* (Gasterosteus platygaster),—объ въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, по крайней мѣрѣ судя по тому, что казаки совсѣмъ не знаютъ этихъ рыбъ; по отношенію къ миногѣ, впрочемъ, безъ предварительныхъ опытовъ лова ея особыми, приспособленными для того снастями, сказать съ увѣренностью этого нельзя. Судя по тому, что въ зиму 1889—90 г. минога повидимому частенько попадала въ сижу, ячея которой слишкомъ рѣдка для ея лова (рыба случайно запутывалась), можно скорѣе предположить, что миноги въ Уралѣ такъ же много, какъ и въ Волгѣ. Въ большомъ количествѣ встрѣчаются въ Уралѣ Cottus gobio („калтá"-рыба, чашка-рыба) и Gobius fluviatilis. Интересной въ ихтіологическомъ отношеніи находкой слѣдуетъ признать нахожденіе мор-

Мороженые осетры багреннаго лова въ Уральскѣ.

ской селедочки, близкой съ черноморской тюлькѣ (Clupea cultriventris) въ степномъ озерѣ *Чорхалъ* (500 верстъ отъ Каспія). Она описана Н. Бородинымъ въ качествѣ var. Tchorchaliensis. Это несомнѣнно реликтовая форма, указывающая на связь прежняго оз. Чорхала съ общимъ Понто-Каспійскимъ бассейномъ.

Фауну *Иртышскаго* бассейна можно разбить, въ предѣлахъ края, на двѣ части—область *верхняго* теченія Иртыша съ горными рѣчками и область *средняго* теченія, куда надо отнести также *Ишимъ* и *Тоболъ*. Изучены эти области еще мало, и видовые признаки рыбъ точно не установлены, но не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые виды не будутъ общими для обѣихъ областей. Горные притоки Иртыша можно охарактеризовать прежде всего присутствіемъ *харіуса* (Thymalus vulgaris); водится онъ во всѣхъ горныхъ рѣчкахъ, даже въ такихъ, гдѣ глубина не болѣе 2—3 верш.; ютится, обыкновенно, небольшими стайками подъ камнями; при шумѣ стайка быстро бѣжитъ на дно омутка, или по рѣчкѣ, причемъ на меляхъ буквально ползетъ по суху. Интересную картину можно наблюдать въ горныхъ рѣчкахъ весной, когда харіусы движутся вверхъ по рѣчкамъ для нереста; несмотря на пороги, мели и быстрое теченіе, они плывутъ вверхъ по рѣчкѣ, прыгая съ камня на камень, иногда на высоту аршина и болѣе. Весной харіусы считаются особенно вкусными, почему въ это время населеніе усердно и ловитъ ихъ. Поймать харіуса нелегко: на приманку онъ идетъ плохо, а мережей удержать трудно, такъ какъ, замѣтивъ опасность, онъ перескакиваетъ черезъ мережу. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно прежде всего мутятъ воду и успѣваютъ захватить его, пока вода не очистится. Величина харіуса достигаетъ до 6 верш. Въ самомъ Иртышѣ харіусы рѣдко встрѣчаются, даже въ Черномъ; они предпочитаютъ мелкія, холодныя и быстрыя горныя рѣчки. Съ харіусомъ встрѣчается другой горный видъ—*бычекъ* или *подкаменьщикъ* (Cottus gobio и sibiricus), но онъ болѣе рѣдокъ, чѣмъ первый; нѣсколько чаще встрѣчаются: *форель* (Salmo fario) и *голецъ* (Nemachilus barbatus, N. bulatus), а также *ускучъ* или *щиповка* (Cobitis taenia); ускучами славится озеро *Марка-Куль*, куда ѣздятъ за ними много рыболововъ изъ близлежащихъ селеній. Наиболѣе распространенъ другой видъ лососевыхъ—*таймень* (Salmo taimen). Въ мелкихъ рѣчкахъ онъ встрѣчается рѣдко и притомъ не достигаетъ большихъ размѣровъ; въ *Бухтармѣ*, *Нарымѣ*, *Курчумѣ*, *Кальджирѣ*, оз. *Марка-Куль*, *Зайсанѣ* они водятся чаще и бываютъ до двухъ пудовъ вѣсомъ. Въ Черномъ Иртышѣ и Бѣломъ, до Усть-Каменогорска таймени хотя и встрѣчаются, но рѣдко, сѣвернѣе послѣдняго не заходятъ, а въ нижнемъ Иртышѣ и Оби снова встрѣчаются, но внѣ предѣловъ края. Кромѣ того, какъ на рѣдкіе виды для притоковъ верхней Бухтармы и правыхъ притокахъ Чернаго Иртыша, укажемъ на представителя сем. *карповыхъ*—Oreoleuciscus Potanini. Для самого Иртыша и озера Зайсана характерной является *красная* рыба (Acipenseridae): *сибирская стерлядь* (A. ruthenus), *осетръ* (A. Baeri), *чалбышъ*, *костеръ* и *корышъ* (A. stenorynchus); научныя названія ихъ точно не установлены, но вѣроятно нѣкоторыя изъ нихъ являются особыми сибирскими видами. Осетръ водится главнымъ образомъ въ оверѣ Зайсанѣ и въ верхнемъ теченіи Иртыша (отъ Зайсана до Усть-Каменогорска); въ среднемъ теченіи (отъ Семипалатинска до Омска) онъ встрѣчается рѣже; стерлядь, костеръ, чалбышъ и корышъ водятся вездѣ по Иртышу; по-

слѣдніе четыре вида зимой не уходятъ внизъ, а стоятъ „на станѣ“ по омутамъ. Въ горныхъ притокахъ Иртыша красная рыба не водится, даже въ Бухтармѣ попадается только въ устьѣ. Красная рыба является здѣсь наиболѣе цѣнной и служитъ предметомъ промысла, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ на Уралѣ. Къ верхнему теченію Иртыша слѣдуетъ отнести и сибирскій родъ бѣлорыбицы—*нельму* (Stenodus nelma); хотя она встрѣчается по всему Иртышу, заходитъ и въ Ишимъ, но въ большомъ количествѣ водится только въ низовьяхъ (внѣ предѣлахъ края) и въ верховьяхъ; по цѣнности и вкусу нельма считается нѣсколько ниже красной рыбы.

Для средняго теченія Иртыша, а также для Ишима и Тобола установить только имъ свойственные виды трудно, такъ какъ до сихъ поръ научнаго опредѣленія живущихъ въ нихъ рыбъ никѣмъ не производилось. Главная же масса населяющихъ ихъ рыбъ принадлежитъ къ формамъ общерусскимъ: здѣсь водятся *щука*, *язь*, *налимъ*, *окунь*, *ершъ*, *пескарь* (Gobio fluviatilis), *елецъ* (Squalius leuciscus), *гольянъ* (Phoxinus laevis) и *чебакъ* (Leuciscus rutilis); большинство ихъ распространено по всѣмъ рѣкамъ Западно-Сибирской равнины. Рѣже встрѣчается *минога* (Petromyzon fluviatilis). Для озеръ этой полосы до сихъ поръ извѣстны также обыкновенныя породы: *щука*, *окунь*, *линь* (Tinca vulgaris), *карась*, *чебакъ*, *ершъ* и *налимъ*, рѣже *язь*; славятся этой рыбой озера Кокчетавскаго у. Горькія озера сѣверной полосы края имѣютъ чаще всего *карася* и *гольяна* (Phoxinus stagnalis); послѣдній въ другихъ мѣстахъ края не встрѣчается. Къ рѣдкимъ видамъ рѣки Иртыша нужно отнести *сорогу* (Coregonus?) и *сырка* (Coregonus cyrok), который замѣняетъ здѣсь селедку.

Рѣки внутренняго бассейна (напр. *Нура* съ притоками) имѣютъ ихтіологическую фауну, близкую съ иртышской; въ большихъ рѣкахъ (Нура) водится много щукъ, окуней, налимовъ, гольяновъ и язей; возможно, что здѣсь окажутся и особые виды; при устьѣ Нуры (въ озерѣ *Курмальджинъ*) водятся: карась, щука и плотва. Рыбы бассейна Нуры по составу подходятъ къ рыбамъ бассейна Иртыша, что можно допустить и a priori, такъ какъ разобщеніе Нуры и Ишима совершилось не такъ давно.

Нѣсколько особую ихтіологическую фауну имѣютъ внутреніе бассейны къ югу отъ Арало-Иртышскаго водораздѣла. Въ р. *Чу* (нижнее теченіе) водятся разнообразныя рыбы, среди которыхъ (кромѣ обыкновенныхъ щуки, окуня и налима) слѣдуетъ отмѣтить *сазана*, *жереха* (Aspius), *сома* и *усача*: изъ осетровыхъ здѣсь встрѣчается Scaphirhynchus и цѣлый рядъ мелкихъ рыбъ. Составъ ихъ напоминаетъ собой составъ Арало-Каспійскаго бассейна, съ которымъ онѣ несомнѣнно и связаны генетически. Къ арало-каспійской фаунѣ слѣдуетъ отнести также бассейнъ р. *Сары-Су* и отчасти *Тургая*. Среди всѣхъ южныхъ степныхъ рѣчекъ первое мѣсто по рыбнымъ богатствамъ занимаетъ р. Чу. Въ низовьяхъ ея на границѣ съ Голодной степью круглый годъ занимаются рыбалкой пріѣзжіе крестьяне (изъ Вѣрненскаго и Копальскаго у.у.) и достаютъ въ годъ по нѣсколько тысячъ пудовъ.

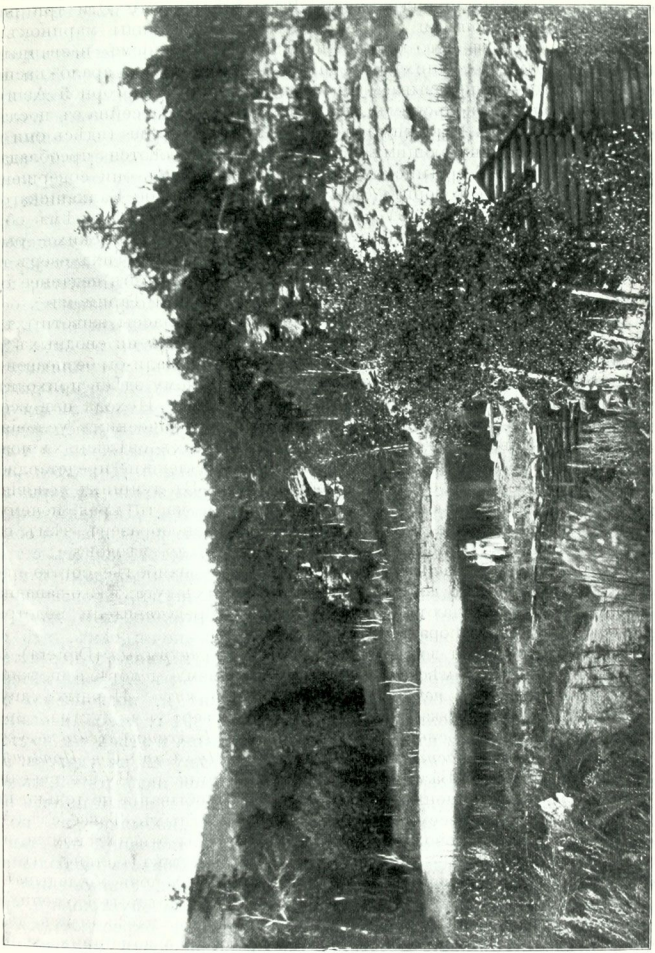
Третью самостоятельную область представляетъ *Балхашскій* бассейнъ, (въ предѣлахъ края его составляетъ сѣверо-западная половина озера Балхаша). Его ихтіологическая фауна характеризуется такими видами, которые въ первыхъ двухъ совершенно не встрѣчаются; такова *маринка серебристая* (Schizothorax argentatus, по киргизски косъ-

басъ балыкъ, т. е. зеленоголовая рыба); это наиболѣе многочисленный видъ въ Балхашѣ; далѣе *османъ* (Diplophysa labiata) водится также всюду, и, наконецъ, балхашскій видъ *окуня* (Perca Schrenkiana). Эти три вида являются преобладающими въ Балхашѣ, другіе-же виды маринокъ и османовъ заходятъ въ него только изрѣдка. Сравненіемъ названныхъ видовъ съ рыбами сосѣднихъ бассейновъ—иртышскаго, арало-каспійскаго и южнаго—такъ называемаго *лобъ-норскаго* (высокогорной Азіи)—была установлена (Никольскимъ) связь Балхашскаго бассейна съ послѣднимъ, гдѣ Schizotorax, Diplophysa и мелкіе виды Diptychus (здѣсь они водятся по рѣчкамъ, впадающимъ въ Балхашъ)—являются преобладающими, тогда какъ въ иртышскомъ и арало-каспійскомъ они совершенно не встрѣчаются. Это говоритъ за то, что разобщеніе Балхашскаго и Арало-Каспійскаго бассейновъ совершилось гораздо ранѣе, чѣмъ образовались Аральское и Каспійское моря. Сходство балхашскихъ рыбъ съ рыбами р. Тарима, оз. Лобъ-Нора и нѣкоторыхъ другихъ озеръ высокогорной Азіи указываетъ на связь, существовавшую въ недавнее геологическое время между бассейномъ озера Балхаша и Таримомъ.

Безпозвоночныя края изучены менѣе, чѣмъ тѣ классы животныхъ, о которыхъ мы говорили. Въ научной литературѣ нѣтъ ни сводныхъ работъ, ни такихъ, которыя достаточно полно исчерпывали-бы безпозвоночныхъ, хотя-бы нѣкоторыхъ частей края. Вотъ почему здѣсь приходится ограничиваться только самыми общими указаніями. Исходя изъ всего, что сказано было о природѣ края и физико-географическихъ условіяхъ существованія животныхъ, при теперешнихъ нашихъ свѣдѣніяхъ можно сказать лишь то, что составъ безпозвоночныхъ далеко не представляетъ однообразія на всемъ пространствѣ нашего края. Въ лучшихъ условіяхъ находится, несомнѣнно, юго-восточная, гористая часть края, почему и составъ безпозвоночныхъ тамъ болѣе богатъ и разнообразенъ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ степяхъ Павлодарскаго, Иргизскаго и др. уѣздовъ.

Изъ *насѣкомыхъ чешуекрылыя* (Lepidoptera) наиболѣе богато представлены въ цвѣтущихъ долинахъ и на альпійскихъ лугахъ юго-западнаго Алтая. Здѣсь преобладаютъ именно видные представители подотряда дневныхъ бабочекъ (Rhopalocera).

Большого развитія достигаютъ въ краѣ и *двукрылыя* (Diptera), являясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страшнымъ бичемъ человѣка и животныхъ; таковы *комары*, *мошки*, *овода*, *слѣпни* и *мухи*. Первыхъ двухъ особенно много размножается по прѣснымъ озерамъ и лугамъ, среди камышевыхъ и др. зарослей, напр., на *Зайсанѣ*, *Балхашѣ*, *Денгизѣ*, устьѣ *Урала*, по берегамъ *Каспійскаго* моря, по р. *Чу*, *Сары-Су*, *Иртышу* и др. Благодаря имъ оз. Балхашъ, Зайсанъ и долина р. Чу въ серединѣ лѣта становятся совершенно недоступны для пребыванія не только киргизъ, привычныхъ ко всему, но и дикихъ животныхъ. То-же слѣдуетъ сказать про слѣпней и оводовъ. Въ нѣкоторые годы эти насѣкомыя, или, какъ ихъ зовутъ здѣсь,—„гнусъ“, размножаются такъ сильно, что населенію степныхъ деревень и ауловъ приходится на ночь обкладываться дымящимися куревами, скотъ-же разгонять или по открытой степи, или держать въ водѣ, „чтобы не избился“ отъ нападенія насѣкомыхъ, такъ-какъ личинки оводовъ и слѣпней паразитируютъ на домашнихъ животныхъ. Въ гористыхъ мѣстахъ „гнусъ“ хотя и нерѣдокъ, но тамъ спасеніе люди и животныя находятъ на горахъ; на высотѣ 5—6 тыс. ф.



Водяная мельница и плоть въ окрестностяхъ Баянъ-Аула.

„гнусъ“ исчезаетъ. Изъ вредныхъ двукрылыхъ можно назвать еще два вида—*шведскую* муху (Oscinis frit) и *зеленоглазую* (Chlorops taeniops), какъ приносящія годами большой вредъ хлѣбнымъ злакамъ въ сѣверныхъ уѣздахъ края.

Среди *перепончатокрылыхъ* (Hymenoptera) слѣдуетъ отмѣтить *пчелъ*. Домашнихъ пчелъ держатъ въ сѣверо-восточной, приуральской и въ гористой, юго-восточной частяхъ Киргизскаго края; благодаря богатой и разнообразной растительности въ горахъ юго-западнаго Алтая, пчеловодство играетъ не послѣднюю роль въ экономіи мѣстныхъ хозяйствъ. Въ послѣднее время пчелъ пробовали разводить въ сѣверной части края, напр. близъ Омска, но положительныхъ результатовъ опытъ этотъ пока не далъ. На Алтаѣ, въ лѣсахъ, можно найти нерѣдко колоніи дикихъ пчелъ.

Жуками (Coleoptera) край весьма богатъ, но они представляются еще недостаточно изученными. Преобладаютъ среди нихъ степныя формы.

Большую роль играютъ въ краѣ *прямокрылыя* (Orthoptera), изъ которыхъ представители сем. Acrididae (*саранчевыя*) заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ производящіе временами громадныя опустошенія среди хлѣбныхъ полей и травяной растительности вообще. Изъ этого семейства насчитывается не менѣе 12 видовъ, причиняющихъ указанный вредъ. Появляются саранчевыя (ихъ называютъ здѣсь однимъ общимъ именемъ—„кобылка“) весной, въ видѣ безкрылыхъ личинокъ, которыя, хотя и не летаютъ, но, отличаясь прожорливостью, производятъ большія опустошенія; въ началѣ лѣта „кобылка“ окрыляется, и тогда ея дѣятельность становится еще болѣе опустошительной. Движется „кобылка“ большими массами, напр., сплошь покрывая землю на вершокъ, на пространствѣ двухъ и болѣе квадратныхъ верстъ. Движеніе саранчевыхъ полчищъ довольно быстрое, причемъ задніе ряды лѣзутъ обыкновенно на передніе, топчутъ ихъ, но, занявшись истребленіемъ встрѣченной растительности, сами топчутся наступающими рядами и т. д.; при этомъ слышится неясный шумъ, похожій на шумъ, производимый стрижкой. На мѣстности съ однообразной растительностью движеніе „кобылки“ совершается весь день и стихаетъ къ ночи; тамъ, гдѣ саранча наталкивается на солонцы, на озеро, она начинаетъ перелетать на другія мѣста. Особенно опасенъ этотъ перелетъ въ сильный вѣтеръ, когда можетъ подняться бо́льшая часть „кобылки“ и, подгоняемая вѣтромъ, перенестись на большое разстояніе. Въ 1891 г. масса „кобылки“ была принесена вѣтромъ къ лѣвому берегу Иртыша и здѣсь съ крутого яра сброшена въ рѣку, такъ какъ перелетѣть рѣку ей не удалось. По словамъ очевидцевъ, масса „кобылки“, поднявшаяся надъ рѣкой, падала въ нее какъ частый градъ, а съ яра текъ въ рѣку грязный потокъ изъ живой саранчи. О томъ, какой массой движется „кобылка“ въ полѣ, можно судить по тому, что колесный экипажъ, попавшій въ такую массу, вязнетъ среди раздавленныхъ насѣкомыхъ. Область наибольшаго размноженія „кобылки“ есть сѣверная полоса края, совпадающая съ областью травяныхъ степей. Въ гористой части края опустошеній, производимыхъ „кобылкой“, почти не знаютъ, хотя въ окрестностяхъ оз. *Зайсана* среди гніющихъ камышей выводится ея почти каждый годъ большое количество. По мнѣнію нѣкоторыхъ, юго-западный берегъ Зайсана, покрытый непроходимыми камышами, служитъ разсадникомъ са-

ранчи на всю Семипалатинскую область; отсюда она совершаетъ свои періодическіе налеты на сосѣдніе уѣзды. Въ 1899 г. саранча перелетѣла даже *Нарымскій* хребетъ (по долинѣ р. *Балгына*) и произвела большія опустошенія у казаковъ въ Нарымской долинѣ; имъ однако удалось прогнать ее дальше въ горы. Несмотря на то, что опустошенія, производимыя „кобылкой", нужно оцѣнивать въ тысячи и десятки тысячъ руб. ежегодно, до сихъ поръ не найдено вѣрнаго средства для ея истребленія; въ настоящее время наиболѣе сильнымъ средствомъ считается ядъ—швейнфуртская зелень (двойная уксусная соль мѣди и мышьяка), которой опрыскивается травяная растительность въ мѣстности, гдѣ появилась саранча, или обнаружены ея личинки. Изъ естественныхъ враговъ саранчи слѣдуетъ упомянуть птицъ (особенно розовыхъ скворцовъ), личинку жука Zonabris (поѣдаетъ личинокъ саранчи) и наконецъ паука *кара-куртъ* (Latrodectes tredecimguttatus).

Изъ *паукообразныхъ* отмѣтимъ *скорпіона*—для южныхъ пустынныхъ степей и *тарантула*—для всего края; оба считаются ядовитыми, но въ разсказахъ о смертности отъ ихъ укушенія есть много преувеличеннаго. Въ южныхъ-же пустынныхъ степяхъ нашего края встрѣчается еще одинъ родъ ядовитыхъ пауковъ — *фаланга* (Galeodes)—волосатый, отвратительный на видъ ночной хищникъ.

Изъ другихъ нашихъ безпозвоночныхъ остановимся на нѣкоторыхъ представителяхъ *ракообразныхъ* (Crustacea). *Ракъ съѣдобный* (Astacus leptodactylus) водится по р. *Уралу*. *Тоболу* и *Ишиму* съ притоками, по *Оми* и въ нижнемъ теченіи Иртыша (отъ Омска до *Пяторыжскаго* п.); выше по Иртышу онъ уже не встрѣчается. *Веслоногими* (Copepoda) и *жаброногими* (Branchipoda) *рачками* богаты прѣсныя озера края и старицы рѣкъ; наиболѣе обыкновенны роды: Diaptomus, Cyclops, Artemia и Daphnia: они населяютъ прѣсныя и слабо-соленыя воды, заросшія травами.

Изъ *прѣсноводныхъ моллюсковъ* (Mollusca) укажемъ *слизней* (Limax), Planorbis, Limneus, Bythinia, водящихся чаще въ приуральскихъ водахъ (рѣкахъ, болотахъ и т. п.); изъ наземныхъ—Succinea, Pupa и др. обыкновенны на болотахъ и лугахъ. На берегахъ Каспійскаго и Аральскаго морей живутъ морскія формы—Dreyssena, Pecten и др.

Изъ *червей* (Vermes) отмѣтимъ *піявокъ*, обыкновенныхъ для всего края за исключеніемъ долины Иртыша, гдѣ онѣ не водятся.

ОТДѢЛЪ II.

НАСЕЛЕНІЕ.

ГЛАВА IV.

Историческія судьбы Киргизскаго края и культурные его успѣхи.

А. Н. Сѣдельникова, А. Н. Букейханова и С. Д. Чадова.

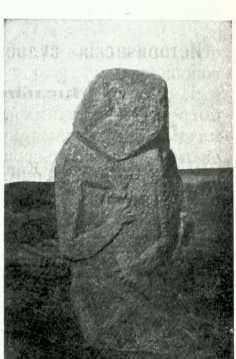
Народы, населявшіе Киргизскій край въ древности.—„Чудь".—Татары.—Башкиры.—Калмыки.—Джунгары.—Киргизы.—Завоеваніе и два вида колонизаціи края—вольная и правительственная.—Крестьянская колонизація 80—90-хъ годовъ XIX в.—„Бѣловодье".—Развитіе просвѣщенія въ краѣ.—Низшее и среднее образованіе.—Книжное и издательское дѣло въ краѣ.

Слѣды пребыванія въ Киргизскомъ краѣ первобытнаго человѣка найдены въ немногихъ мѣстахъ; это различныя каменныя орудія—топоры, молотки, наконечники стрѣлъ и копій и незначительное число грубыхъ металлическихъ издѣлій. Открыто также нѣсколько стоянокъ и могильниковъ у подножья Алтайскихъ горъ и по берегамъ Иртыша. Эти памятники говорятъ о томъ, что народъ, который ихъ оставилъ, находился еще въ младенчествѣ и только выступалъ на путь культуры. Нѣкоторые ученые относятъ этотъ народъ къ финскому племени.

Гораздо бо́льшую область распространенія имѣютъ здѣсь памятники, говорящіе о пребываніи въ Киргизскомъ краѣ болѣе могущественнаго племени, стоявшаго на болѣе высокой ступени культуры. Это тѣ памятники, которые современное населеніе приписываетъ сказочному народу „*чудь*". Кажется, до самаго послѣдняго времени ученые не могли согласиться въ томъ, что за народъ оставилъ послѣ себя такое множество памятниковъ на громадномъ пространствѣ не одного только Киргизскаго края, но и по всей южной Сибири; тѣ-же памятники переходятъ даже въ южную Россію и далѣе на западъ—въ предѣлы Австріи и Германіи.

Одни придерживались Геродота, который, описывая Скиѳію (V в. до Р. Х.), упоминалъ, что у подножья горъ (Урала) жили *аримпеи*, а къ востоку отъ нихъ *исседоны*, выше ихъ *аримаспы* и *гриппы* (грифы), стерегшіе золото. Отъ послѣднихъ, черезъ посредничество исседоновъ, по показанію Геродота, получали греки золото. Геродотъ, однако, самъ мало вѣрилъ въ существованіе упомянутыхъ народовъ и называлъ ихъ съ чужихъ словъ. Позднѣйшіе историки также не признавали ихъ, хотя не отри-

цали существованія въ этихъ мѣстахъ народа, ставшаго родоначальникомъ современныхъ калмыковъ. Съ послѣднимъ, однако, многіе археологи и этнографы не могутъ согласиться, какъ потому, что дошедшія до насъ письменныя свидѣтельства (отъ XIV и XVI вѣка послѣ Р. Х.) говорятъ о „чудскихъ“ могилахъ, какъ совершенно чуждыхъ и неизвѣстныхъ тогдашнимъ калмыкамъ, такъ и потому, что предметы, находимые въ чудскихъ могильникахъ, и другіе дошедшіе до насъ памятники говорятъ о высшей культурѣ „чуди“, въ сравненіи не только съ тѣми калмыками и другими инородцами монгольскаго племени, которыхъ застали русскіе въ XVI и XVII вѣкѣ въ Киргизскомъ краѣ, но и съ современными. Трудно допустить, чтобы калмыки (или другое монгольское племя), такъ давно достигнувъ довольно высокой степени культуры, черезъ болѣе чѣмъ десятокъ вѣковъ не только не сдѣлали шага впередъ, но и значительно опустились. Нѣкоторые археологи видятъ въ „чудскихъ“ памятникахъ слѣды пребыванія здѣсь *арійскихъ* племенъ, основываясь на сходствѣ предметовъ, находимыхъ въ южно-русскихъ и сибирскихъ курганахъ, а также и близостью формъ череповъ.



Каменная баба.
(По фот. Рыжкова, изъ альб. З.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.).

Изъ всего, что намъ до сихъ поръ извѣстно о курганномъ племени („чуди“), можно быть увѣреннымъ лишь въ томъ, что этотъ народъ жилъ здѣсь продолжительный періодъ времени, пройдя нѣсколько ступеней культуры—бронзовый и мѣдный періодъ, и перешелъ къ желѣзному. Онъ жилъ въ укрѣпленныхъ городахъ, имѣлъ довольно развитую промышленность, искусства, выработалъ письменные знаки, съ помощью которыхъ заносилъ свои историческія событія, имѣлъ наконецъ свою религію съ опредѣленными обычаями.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на памятникахъ этого древняго народа. До насъ дошли, какъ мы уже сказали, остатки городовъ курганнаго племени. Это небольшія сооруженія изъ глины, дерева (срубы) и камня; такія „*городища*“, открыты во многихъ мѣстахъ—по берегамъ *Иртыша*, близъ *Павлодара*, *Усть-Каменогорска*, въ окрестностяхъ *Каркаралинска*, въ верховьяхъ *Ишима*, *Тобола* и *Ори*, по берегамъ *Илека* и *Урала*. Въ нихъ найдены мѣдныя и бронзовыя орудія и разнообразная глиняная и бронзовая посуда (чаши и урны); послѣдняя всегда изукрашена различными узорами. Нѣкоторыя городища имѣли видъ укрѣпленій и помѣщались на неприступныхъ мѣстахъ (напр. въ окрестностяхъ Каркаралинска); другія расположены по берегамъ рѣкъ и озеръ и имѣли деревянныя и земляныя постройки. Находили въ городищахъ шорныя издѣлія (удила и стремена съ бронзовыми и мѣдными насѣчками и пр.) и орудія для обработки полей. Но особенно развито было горное дѣло. „Чудскія копи“ въ массѣ разсѣяны по южной гористой полосѣ края; безъ преувеличенія можно сказать, что современная горная промышленность возникла на чудскихъ копяхъ: первые горнопромышленники на-

чали разработку мѣди и серебра въ этихъ копяхъ и только въ недавнее время занялись разработкой никогда еще нетронутыхъ мѣсторожденій. „Чудскія копи“ найдены главнымъ образомъ въ Каркаралинскомъ у., гдѣ и въ настоящее время горная промышленность наиболѣе развита. Въ сѣверо-западномъ Алтаѣ также извѣстно много такихъ копей. Такъ, недалеко отъ впаденія въ Иртышъ р. *Шульбы* найдены были пять старинныхъ печей съ сохранившимися въ нихъ мѣдной рудой и шлаками. Извѣстный Зыряновскій рудникъ въ Алтаѣ основанъ также на „чудскихъ копяхъ“. Слѣды древнихъ рудниковъ найдены въ *Мугоджарахъ* и въ верхнемъ теченіи Урала. Въ этихъ копяхъ находили главнымъ образомъ мѣдную руду, изрѣдка серебро (хотя желѣзная руда и обнаружена была во многихъ копяхъ, но повидимому выплавка металла была народу еще неизвѣстна).

Много осталось и памятниковъ религіознаго культа. Въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ даютъ курганы и могильники. Тѣ и другіе говорятъ намъ, что у здѣшняго народа былъ уже не грубый фетишизмъ, а пантеизмъ и представленіе о загробной жизни. Народъ заботился о погребеніи умершихъ, убиралъ внутренность и внѣшность могилъ, выкладывая ихъ камнемъ или деревомъ, наряжалъ умершихъ въ лучшія одежды, украшалъ золотыми и серебряными вещами—ожерельями, кольцами, запястьями и клалъ вмѣстѣ съ умершимъ его любимыя вещи—чаши, тарелки, горшки и пр. Могилы (курганы) дѣлались для одного или немногихъ умершихъ—и такихъ большинство—или же для многихъ (такъ называемые могильники), причемъ, судя по убранству могилъ и находимымъ предметамъ, можно думать, что богатыя изъ нихъ служили усыпальницами для знатныхъ и почетныхъ людей. Нерѣдко курганы и могильники украшались каменными изваяніями („бабами“) и каменными плитами съ надписями. Въ нѣкоторыхъ могилахъ находили мѣдные жертвенники и сосуды съ пепломъ: повидимому умершіе иногда сжигались. Мѣстомъ для богослуженій служили капища, гдѣ находились изображенія боговъ въ видѣ мужчинъ и женщинъ, быковъ, гусей, змѣй и др. животныхъ. Письмена были знакомы этому народу, и онъ заносилъ ими событія своей жизни, причемъ сначала прибѣгалъ къ іероглифамъ, а позднѣе пользовался буквами. Такія „писянцы“ дѣлались чаще всего на камняхъ, выдалбивались или красились. Форма знаковъ напоминаетъ древнегреческія и индійскія (зендскія) буквы; запись дѣлалась въ горизонтальномъ порядкѣ.

О „чуди“, обитавшіе здѣсь народы во время завоеванія края русскими не имѣли ясныхъ понятій; для нихъ „чудь“ была такимъ-же таинственнымъ народомъ, какъ и для насъ по настоящее время. Но съ памятниками населеніе было знакомо; отъ здѣшнихъ инородцевъ уже узнали русскіе, что курганы суть „чудскія“ могилы, что въ нихъ зарыты различные цѣнные предметы. Какъ инородцы, такъ и первое время русскіе спеціально занимались поисками такихъ могилъ и похищали изъ нихъ все цѣнное.

По китайскимъ источникамъ, за 200 лѣтъ до Р. Х. въ предѣлахъ края появился опредѣленный народъ *усунь* или *уйсюнь*, выдѣлявшійся среди другихъ азіатскихъ народовъ своимъ типомъ (русые волосы, голубые глаза). Какъ и всѣ послѣдующіе народы, усуни двигались черезъ долину р. *Или* и *Ала-Куля*, которыя, по справедливости, называются „исто-

рическими воротами" народовъ, и вышли къ *Балхашу*. Здѣсь они жили почти до Р. Х., когда, разрозненные междоусобіями и тѣснимые съ юга новыми народами, вышли далѣе на сѣверъ и сѣверо-западъ—въ степи, гдѣ смѣшались съ бродячими тюркскими племенами. Съ 119 г. по Р. Х. имя ихъ уже совершенно сошло съ исторической арены. Въ 177 г. послѣ Р. Х. обитавшія въ Киргизскомъ краѣ племена были оттѣснены къ западу вышедшими изъ китайскихъ владѣній *гуннами*, которые двигались по южнымъ степямъ на западъ и совершенно смели на пути родственное усунямъ племя *юэчжи*. Въ V вѣкѣ послѣ Р. Х. остатки гунновъ (большею частью уже ушедшихъ въ южно-русскія и венгерскія степи) въ разсматриваемомъ краѣ поднали подъ власть двигавшихся съ юго-востока монголовъ; бо́льшая часть ихъ вскорѣ была разсѣяна и истреблена ближайшими монгольскими полчищами изъ племени *уйгуровъ*, спустившихся съ Алтая (въ VII вѣкѣ). Въ этотъ періодъ (V—VII в.), послѣ сильной и успѣшной въ завоеваніяхъ гуннской волны, съ востока и въ частности съ Алтая происходило почти безпрерывное движеніе различныхъ *тюркскихъ* племенъ. Въ это время вышли на южныя степи *печенѣги*, но вскорѣ были оттѣснены *торками* въ современную Уральскую область и далѣе до Волги, и въ IX в. были уже хорошо извѣстны русскимъ князьямъ, какъ дикій степной (кочевой) народъ и безпокойный сосѣдъ. Въ XI вѣкѣ появилось по этому-же пути другое тюркское племя—*половцы*; они потѣснили печенѣговъ и торковъ и также двигались на западъ. Жили они, какъ и первые, кочевымъ хозяйствомъ, а, дойдя до русскихъ предѣловъ, также занялись набѣгами на ближайшіе русскіе города и села.

Каменная баба. (*По фот. Рыжкова, изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.*)

Каменная баба. (*По фот. Рыжкова, изъ альб. Зап.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.*).

Приблизительно въ это-же время на историческую сцену выступили новыя тюркскія племена, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *киргизъ казаковъ* (кайсаковъ). Въ виду того, что этотъ народъ игралъ и теперь играетъ большую роль въ исторіи нашего края, мы дадимъ здѣсь болѣе подробное описаніе какъ его исторіи, такъ быта его и нравовъ (въ послѣдующихъ главахъ).

Нашъ очеркъ касается краткой исторіи киргизовъ, проживающихъ въ предѣлахъ нашего края, т. е. четырехъ степныхъ областей: Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской. Въ нихъ, по даннымъ губернаторскихъ отчетовъ 1890-хъ годовъ, числится

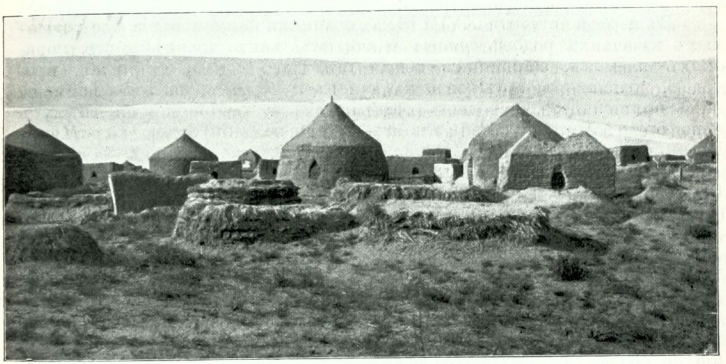
1.875.000 душъ обоего пола, что̀ составляетъ 58% всѣхъ киргизъ-казаковъ, считая въ томъ числѣ живущихъ въ Китаѣ, въ бухарскихъ и хивинскихъ владѣніяхъ [1]). Киргизы Семипалатинской и Акмолинской областей главнымъ образомъ состоятъ изъ нѣсколькихъ тюркскихъ племенъ: *керей, найманъ, кыпчакъ, алчинъ* и *аргынъ*. По скуднымъ историческимъ о нихъ свѣдѣніямъ, упомянутыя тюркскія племена издавна кочевали въ разныхъ углахъ азіатскаго материка. *Кереи* жили въ перемежку съ монголами на рр. Керуленѣ и Ононѣ, родинѣ Чингисхана, и сдѣлались добычею первыхъ его завоеваній. *Найманы* въ XII вѣкѣ кочевали на юго-западъ отъ кереевъ, между рр. Орхономъ и Иртышомъ. *Кыпчаки* и *алчины* кочевали въ сѣвероо-западной половинѣ нынѣшнихъ степныхъ областей. Монголы Чингисхана, идя изъ восточной Сибири въ Среднюю Азію, затѣмъ полчища Батыя, отправляясь изъ восточной-же Сибири сначала на верхнее теченіе р. Иртыша (гдѣ Батый назначилъ сборный пунктъ), потомъ оттуда черезъ нынѣшній Степной край къ устью Волги,—произвели перетасовку всѣхъ кочевыхъ народовъ, встрѣченныхъ по пути. Благодаря общности быта монголовъ и тюркскихъ племенъ, послѣднія смѣшались съ первыми. Послѣ этого смѣшенія, произведеннаго полчищами Чингисхана и Батыя, оказалось, что найманы и аргыны, о которыхъ нѣтъ болѣе раннихъ свѣдѣній, вошли въ улусъ второго сына Чингисхана Джагатая и въ XIV вѣкѣ кочевали отъ р. *Имиля* на юго-западъ до *Каратала* и на западъ до р. *Нуры;* кереи очутились на *Черномъ Иртышѣ*, а кыпчаки и алчины вошли въ улусъ старшаго сына Чингисхана Джучія и составили ядро *Золотой* или *Кыпчакской* орды Батыя. Со времени послѣдняго историческая судьба упомянутыхъ племенъ тѣсно связана съ исторіею улусовъ Джагатая и Джучія. Находясь номинально подъ властью чингисидовъ, кочевыя племена сохраняли родовой бытъ и кочевой образъ жизни. Функцію судьи по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ отправлялъ *бій*, выдвинувшійся изъ народа краснорѣчіемъ, знаніемъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, безпристрастіемъ и справедливостью своихъ рѣшеній. Благодаря особой подвижности, которая неизбѣжна при скотоводческомъ хозяйствѣ, въ степи происходили весьма часто столкновенія между родами изъ-за пастбищъ. Борьба родовъ выдвигала находчивыхъ, смѣлыхъ вожаковъ, носившихъ званіе *батырь*. Часто бій и батырь совмѣщались въ одномъ лицѣ. Искусный слѣдователь, мудрый судья въ мирное время, отправляясь на войну въ защиту рода, превращался въ лазутчика, полко-

---

[1]) Населеніе степныхъ областей называетъ себя „*казакъ*“. Существуетъ много фантастическихъ объясненій этого слова. Умиралъ отъ жажды больной, оставленный на произволъ судьбы, полководецъ Колчи-Кадыръ и молилъ небеса послать ему скорѣйшую смерть. Но небеса сжалились: спустился геній добраго духа пери, въ образѣ бѣлой гусыни *каз-акъ*; гусыня слетала за водой, напоила страдальца и осталась жить съ нимъ. Потомки этого брака получили имя *казакъ*. Слово „киргизъ“, вошедшее въ употребленіе и означающее „казаковъ“, было первоначально совершенно неизвѣстно послѣднимъ, и они стали слышать это слово преимущественно отъ русскихъ. Въ старшей ордѣ кайсаковъ есть родъ „кыргызъ“. Это одно изъ самыхъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ. Кыргызы встарину были извѣстны тѣмъ, что нападали на города, села и караваны. Имя ихъ стало ненавистнымъ ихъ сосѣдямъ. Впослѣдствіи за набѣги, учиняемые сосѣдямъ, послѣдніе „казаковъ“ стали называть *кыргызами*. Это слово вошло въ общее употребленіе и постепенно вытѣснило собственное народное названіе *казакъ*.

водца, солдата, а послѣ войны—въ дипломата. Кочевники, располагая превосходными наѣздниками и необычайною подвижностью, въ свое время, въ XIII—XIV вѣкахъ, представляли огромную военную силу. Каждый родъ, руководимый своимъ біемъ, предводительствуемый своимъ батыремъ, свободно вступалъ въ союзъ и свободно выдѣлялся изъ него, признавая надъ собою только ту верховную власть, которая соотвѣтствовала интересамъ рода или его руководителя. Обычная борьба между чингисидами за власть и удѣлы рѣшалась при непремѣнномъ вмѣшательствѣ сильнѣйшихъ тюркскихъ племенъ, сыгравшихъ дѣятельную роль при распаденіи улусовъ Джагатая и Джучія.

Въ половинѣ XV вѣка на развалинахъ упомянутыхъ улусовъ выступили на историческую сцену въ видѣ самостоятельной политической силы тюркскія племена, впослѣдствіи вошедшія въ степныя области подъ именемъ *киргизовъ*.



Киргизское кладбище Адоевскаго рода въ Кара-Чунгулѣ.

Пользуясь слабостью власти узбекскаго хана Абулхаира [1]), отъ него отложились со своими приверженцами султаны-джучиды Гирей и Джаны-Бекъ, которые, благодаря враждѣ къ Абулхаиру джагатайда, моголистанскаго хана Иса-Бога, нашли пріютъ на западѣ его улуса, на р. Чу и положили основаніе союзу кочевниковъ, получившему впослѣдствіи названіе „киргизъ-казаковъ (кайсаковъ)“.

Послѣ смерти Абулхаира въ третьей четверти XV вѣка въ его улусѣ усилились среди чингисидовъ обычныя усобицы за власть. Кочевникамъ, тяготившимся всегда враждою своихъ властителей, стало невмоготу оставаться въ Узбекской ордѣ. Большая часть кыпчаковъ присоединилась къ союзу киргизъ-казаковъ, увеличивъ число ихъ до 200.000. При сынѣ Джанибека Касымъ-ханѣ (умершемъ въ первой четверти XVI вѣка) союзъ киргизъ-казаковъ, принявъ къ себѣ коче-

[1]) Золотая орда со времени своего хана Узбека, умершаго въ 1342 г., стала носить его имя.

вые народы восточной половины джагатайскаго улуса, насчитывалъ болѣе милліона населенія. Касымъ-ханъ, объединивъ весь киргизскій народъ, располагалъ огромной военной силой. Къ счастью своихъ подданныхъ, этотъ послѣдній изъ могущественныхъ хановъ не принадлежалъ къ числу обычныхъ завоевателей Азіи и стяжалъ любовь своего народа миролюбивой политикой. Касымъ-ханъ, уклоняясь отъ предложенія воевать, говорилъ, что „казаки, какъ народъ кочевой, должны думать о зимовкахъ, а не а войнѣ". За свое миролюбіе Касымъ-ханъ пользовался необычайной популярностью въ народѣ. Послѣ смерти Касымъ-хана союзъ киргизъ-казаковъ раздробился; всякій изъ султановъ его старался захватить власть, и усобицы среди нихъ способствовали распаденію союза киргизъ-казаковъ. Спустя 200 лѣтъ послѣ смерти объединителя киргизъ-казаковъ Касымъ-хана его народъ снова появился на исторической сценѣ въ видѣ трехъ политическихъ союзовъ, извѣстныхъ подъ именами: старшей, средней и младшей ордъ [1]).

Въ первой четверти XVIII вѣка „возникли наименованія юго-восточныхъ казачьихъ родовъ *дулатъ* и *кангловъ*, какъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ, занявшихъ земли казачьяго союза, старшею (улы) ордою, кыпчаковъ, аргыновъ, наймановъ и кереевъ, какъ болѣе позднихъ пришельцевъ,—среднею (орта) ордою, и отдѣлившихся отъ племенъ орды родовъ и племени алчинъ—младшею (кши) ордою" (Аристовъ). Въ это время всѣ три орды, вытѣсненныя съ юго-восточныхъ своихъ земель калмыками, кочевали въ бассейнахъ р.р. *Ишима*, *Нуры* и *Сары-Су*. Въ 1723 году джунгарскій властитель Галданъ-Цыренъ покорилъ роды старшей и средней ордъ. Нашествіе джунгаръ и калмыковъ заставило киргизскія орды подвинуться на западъ—къ Аральскому и Каспійскимъ морямъ и на сѣверъ—къ верховьямъ рѣкъ *Ишима*, *Урала* и *Тобола*. Младшая и средняя орды, прижатыя съ юга своими врагами къ такъ называемой *Горькой линіи*, были вынуждены признать русскую власть. Киргизы относились свободно къ своимъ султанамъ и ханамъ, признавая ихъ власть, пока ихъ интересы совпадали съ видами самоуправляющихся родовъ. Въ 1730 году султанъ младшей орды Абулхаиръ, отчасти боясь нашествія Галданъ-Цырена на свои земли, отчасти хлопоча усилить свою пошатнувшуюся отъ вражды между султанами власть, обратился къ русскому правительству съ просьбой принять его народъ въ подданство. Султаны старшей и средней орды Аблай, Абулъ-Мамбетъ и Баракъ, пользовавшіеся расположеніемъ народа, въ XVIII вѣкѣ остались правителями его. Самый популярный среди киргизовъ, названный ими ханомъ, Аблай, тщательно избѣгалъ подчиненія киргизовъ чужой власти. Нѣкоторые роды средней орды приняли русское подданство при сынѣ хана Аблая, въ 1782 году, и при сынѣ Барака, Букей-ханѣ—въ концѣ XVIII вѣка. Нѣкоторые роды старшей орды въ лицѣ своего султана Сюка-Аблайханова приняли русское подданство въ XIX вѣкѣ. Затѣмъ до третьей четверти этого вѣка постепенно признали русскую власть всѣ киргизскіе роды, за исключеніемъ наймановъ и кереевъ,

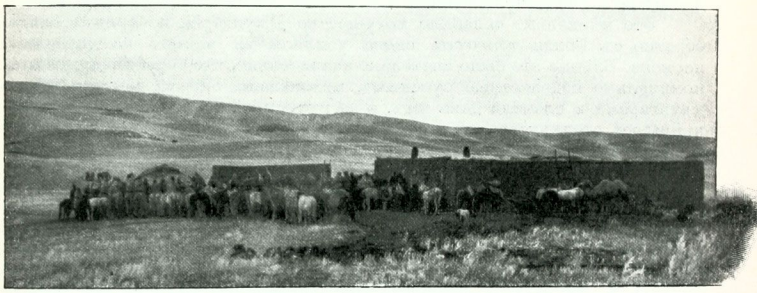
---

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что ходячія названія ордъ *большая* и *малая* совершенно неправильно характеризуютъ орды, невѣрно передавая и смыслъ киргизскихъ словъ; *улы*—старшій, древній, а не большой въ смыслѣ количества (тѣмъ болѣе, что по количеству эта орда меньше другихъ), *кши*—значитъ не малая (въ смыслѣ количества), а *младшая*.

ушедшихъ, послѣ уничтоженія китайцами въ третьей четверти XVIII вѣка Джунгарскаго царства, изъ нынѣшней Акмолинской области на свои старыя земли—на *Тарбагатай* и *Черный Иртышъ*, а оттуда въ предѣлы Китая.

Киргизы, никогда не знавшіе верховной власти, которую немыслимо было создать въ вольной степи, гдѣ искони традиціонная форма власти сосредоточивалась въ рукахъ самоуправляющагося рода и его вожаковъ, въ XIX вѣкѣ вошли въ составъ населенія степныхъ областей. Признавъ свою зависимость отъ русскаго правительства, киргизы не сразу помирились съ этимъ положеніемъ и даже пытались потомъ снова возстановить свою независимость, но эти попытки кончились неудачей.

Въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка Киргизская степь въ послѣдній разъ вспомнила старину. Внукъ Аблай-хана Кенесары-Касимовъ, затмившій въ народныхъ сказаніяхъ славу своего популярнѣйшаго дѣда, собралъ нѣсколько тысячъ наѣздниковъ изъ представителей недоволь-



Киргизская зимовка въ степи.

ныхъ и, объявивъ себя возстановителемъ былого величія киргизскаго народа, пытался поднять подъ свое знамя весь киргизскій народъ. Огромная масса кочевого населенія осталась, однако, равнодушной къ воззванію Кенесары. Но смѣлость и удальство, обнаруженныя его братомъ Наурзбаемъ и товарищами послѣдняго, завоевали симпатію населенія, которое, не выражая активно своего сочувствія, постоянно оказывало покровительство людямъ Кенесары, спасая ихъ отъ преслѣдованія русскихъ отрядовъ. Благодаря этому обстоятельству Кенесары втеченіе 7 лѣтъ продержался господиномъ Киргизской степи, которую исколесили его приверженцы отъ Оренбурга до Каркараловъ, отъ Петропавловска до Туркестана, предавая уничтоженію киргизскіе аулы и русскія поселенія и забирая въ плѣнъ людей. Въ 1847 году Кенесары и Наурзбай были убиты дикокаменными киргизами, и теперь объ ихъ необычайной удали и смѣлости осталась только пѣсня въ памяти народной.

На этомъ мы пока закончимъ описаніе киргизъ и вернемся къ хронологическому порядку историческихъ событій въ жизни края.

Въ XVI вѣкѣ, какъ мы видѣли, въ южной полосѣ края появился народъ, извѣстный у русскихъ подъ именемъ *калмыковъ*, которые оттѣснили киргизъ на сѣверо-западъ. Калмыки представляли изъ себя союзъ нѣсколькихъ племенъ (*торгоутовъ, хонзовъ, хошоутовъ* и *джунгаровъ*), извѣстный подъ именемъ *ойратскаю*. Въ началѣ XVII в. наступившія внутреннія усобицы и борьба съ восточными монголами расшатали его, и онъ распался. Въ 1628 г. торгоуты ушли на западъ, къ верховьямъ *Тобола* и *Урала* и далѣе къ Волгѣ (1630). Среди другихъ племенъ загорѣлась война за первенство, которое и осталось за джунгарами; по имени ихъ Джунгаріей и сталъ называться прежній союзъ. Объединенная мужественными повелителями, Джунгарія стала опаснымъ сосѣдомъ не только для восточно-монгольскихъ, алтайскихъ и барабинскихъ племенъ, но и для Китая. Послѣдній много терпѣлъ въ своихъ западныхъ провинціяхъ отъ набѣга джунгаръ, пока, послѣ нѣсколькихъ походовъ, многочисленныя китайскія войска не нанесли рѣшительнаго пораженія (въ 1696 г.) войскамъ джунгарскаго контайши (князя), извѣстнаго Галданъ-Цырена.

Это нѣсколько ослабило могущество Джунгаріи; но прикочевавшіе обратно съ Волги торгоуты снова усилили ея вліяніе на окрестныя племена. Вліяніе это было настолько значительно, что барабинскіе татары, номинально подвластные русскимъ, признавали однако могущество за джунгарами и платили дань имъ, а не русскимъ. Наконецъ и русскимъ пришлось столкнуться съ ними и сначала уступить. Въ 1714 г. русское правительство послало Бухгольца для основанія по *Иртышу* ряда крѣпостей (которыми предполагалось связать золотыя розсыпи Яркенда съ Сибирью). Послѣдній близъ *Ямышевскаго* поселка (гдѣ сосредоточивалась главная мѣновая торговля русскихъ, джунгаровъ, бухарцевъ и ташкентцевъ), заложилъ крѣпость. Но джунгары не допустили основаться здѣсь русскимъ. Несмотря на то, что у Бухгольца былъ значительный отрядъ (3 тыс. чел.), его осадили и заставили съ большими потерями отступить къ устью *Оми* и отказаться отъ намѣченной цѣли. Только черезъ пять лѣтъ русскимъ удалось основать, съ согласія джунгаровъ, нѣсколько крѣпостей по Иртышу (*Омскую, Старо-Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую*).

Въ 1723 г. джунгары покорили, какъ мы видѣли, часть старшей и средней киргизской орды (кочевавшія къ западу отъ нихъ). Малая и оставшаяся независимой часть средней орды передвинулись на сѣверо-западъ—къ сибирской границѣ русскихъ и къ башкирамъ, причемъ ханы Абулхаиръ и Семеке присягнули на подданство русскимъ, чтобы еще болѣе обезопасить себя отъ джунгаръ. Въ этотъ періодъ Джунгарское царство достигло наибольшей силы и могущества. Оно простиралось отъ Алтая черезъ южную часть теперешнихъ Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областей до Аральскаго моря и на югъ—до предгорій Тянь-Шаня. Въ 1739 г. джунгары напали на киргизъ и гнали ихъ до р. *Урала* (Яика), причемъ много было побито подвластныхъ русскимъ башкиръ; русское правительство не рѣшалось однако наказать джунгаръ за набѣгъ, такъ какъ признавало еще въ нихъ сильнаго врага. Джунгарскіе же контайши настолько считали себя могущественными, что не заботились о хорошихъ отношеніяхъ со своими сильными сосѣдями—Китаемъ и Россіей. Только послѣ того, какъ въ Джунгаріи снова начались ро-

довыя распри, могущество ея пало и на этотъ разъ окончательно, чѣмъ не пропустили воспользоваться китайцы и русскіе. Въ 1751 г. власти надъ Джунгаріей добивался контайша Амурасана Не надѣясь достигнуть цѣли своими силами, онъ обратился за помощью къ китайскому правительству; послѣднее, думая извлечь пользу изъ начавшейся борьбы, послало Амурасанѣ войско, которое и помогло ему добиться власти. Но вмѣсто того, чтобъ признать себя, послѣ этого, зависимымъ отъ Китая, Амурасана, пользуясь довѣріемъ китайцевъ, неожиданно напалъ на нихъ и опустошилъ ближайшія провинціи (Хами). Возмущенный императоръ объявилъ джунгарамъ безпощадную войну. Нѣсколько разъ вступали китайскія войска въ предѣлы Джунгаріи, но были отражаемы. Только въ 1756 г. Амурасана былъ наконецъ разбитъ и бѣжалъ въ Сибирь, къ русскимъ. Китайцы прошли всю Джунгарію „огнемъ и мечемъ“, безпощадно истребивъ почти все населеніе (до милліона человѣкъ), не разбирая ни пола, ни возраста. Это было не покореніе, а поголовное истребленіе націи. И дѣйствительно съ этого времени Джунгарское царство совершенно исчезло съ исторической сцены. Спаслись только нѣсколько тысячъ западныхъ олютскихъ племенъ, успѣвшихъ убѣжать въ калмыцкія орды на Волгу.

Съ уничтоженіемъ Джунгарскаго царства, въ южной полосѣ современнаго Киргизскаго края остались киргизы-казаки (старшая, средняя и младшая орда), которые то признавали надъ собой власть русскихъ, то переходили къ китайцамъ. Въ началѣ XIX вѣка бо́льшая часть киргизъ, какъ мы видѣли, признала власть русскихъ и осталась кочевать въ южной полосѣ нашего края (гдѣ и кочуетъ до настоящаго времени).

Такова, въ краткихъ чертахъ, политическая исторія кочевыхъ народовъ Киргизскаго края.

Какъ мы видимъ, Киргизскій край съ древнѣйшихъ временъ до конца XIX столѣтія не переставалъ быть ареной крупныхъ историческихъ событій. Здѣсь появились первобытныя племена и проходили первыя ступени своего культурнаго развитія (каменный и мѣдный вѣка), двигались десятки народовъ Средней, Внутренней и Восточной Азіи, почему южныя равнины края и извѣстны подъ именемъ „историческихъ воротъ народовъ“. Разнообразные памятники, находимые всюду въ краѣ, являются нѣмыми свидѣтелями разыгравшихся здѣсь событій въ различныя эпохи. Мы уже видѣли памятники древнѣйшихъ обитателей края—сказочной „чуди“. Немало памятниковъ оставлено монголами, киргизами, калмыками, джунгарами, китайцами и др. народами, жившими или проходившими по краю. Таковы различныя могилы (изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть могилу Алача-хана въ верховьяхъ р. *Сары-Су*), каменныя изваянія („бабы“), фигуры и надписи, высѣченныя на камняхъ и утесахъ, слѣды укрѣпленій и арыковъ въ долинахъ горъ, развалины монастырей (знаменитый *Аблайкитскій* буддійскій монастырь близъ Усть-Каменогорска) и много другихъ мелкихъ памятниковъ—оружіе, сосуды, хозяйственныя принадлежности. Письменная исторія и памятники говорятъ, что большинство этихъ народовъ вело кочевой образъ жизни, благодаря чему смѣна одного народа другимъ, одной культуры другою происходила быстро и легко.

Со второй половины XVI столѣтія сюда сталъ надвигаться съ сѣвера новый народъ—*славяне*; его культура была выше культуры тогдаш-

нихъ властителей Киргизскаго края, и послѣдніе должны были уступить пришельцамъ господство въ своемъ краѣ. Къ разсмотрѣнію движенія сюда русскихъ и колонизаціи ими края мы теперь и перейдемъ.

Въ колонизаціи края *русскими* можно различать два момента: появленіе здѣсь *вольныхъ* колонизаторовъ и движеніе по слѣдамъ ихъ *правительственныхъ* дружинъ. Вольная колонизація создалась появленіемъ крестьянъ, преступниковъ, сектантовъ и разнаго сброда, бѣжавшихъ сюда отъ тяжелыхъ условій тогдашней жизни, или ради легкаго способа наживы отъ беззащитнаго инородца. Въ этомъ отношеніи особенно излюбленнымъ мѣстомъ явились южный Уралъ и сѣверо-востокъ нашего края. Здѣсь скоплялись въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ тысячи такихъ безъимянныхъ людей. Здѣсь зарождалась мысль о „провѣдываніи землицъ", сопровождаемая движеніемъ впередъ, вглубь невѣдомыхъ странъ. Насколько сильно и могущественно было это движеніе, можно судить по тому, что волна безъимянной вольницы въ какія нибудь сто—полтораста лѣтъ (1560—1750) пробѣжала всю Сибирь отъ Урала до Камчатки, отъ Березова до Алтая. Одна изъ такихъ боковыхъ волнъ шла въ Киргизскій край съ сѣвера, по Иртышу и Барабинской степи, другая—съ южнаго Урала по рѣкѣ Уралу и его притокамъ. Послѣднее движеніе началось раньше, но колонизація по Иртышу совершалась скорѣе, такъ какъ эта волна была сильнѣе; Иртышскій край и Алтай, благодаря природнымъ богатствамъ, имѣли въ глазахъ колонизаторовъ бо́льшую цѣну, и сюда направлялось ихъ больше. Это сознавало и русское правительство, направляя сюда впослѣдствіи главныя военныя силы. Ниже мы увидимъ, что правительственная колонизація (и завоеваніе) шла по слѣдамъ вольной и, такъ сказать, узаконивала ее; въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительству приходилось просто признать извѣстный участокъ земли своимъ, такъ какъ онъ былъ уже захваченъ вольницей.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ разсматривать отдѣльно завоеваніе и колонизацію *восточной* части края (современныхъ Акмолинской и Семипалатинской областей) и *западной* (Уральской и Тургайской областей).

Какой годъ нужно считать годомъ появленія русскихъ людей въ Ишимо-Иртышскомъ краѣ—точно сказать трудно. Несомнѣнно, что какъ въ Сѣверной Сибири, такъ и здѣсь завоеванію края предшествовали частичныя проникновенія разнаго рода промышленныхъ людей за пушнымъ звѣремъ, а то и просто для грабежа инородцевъ. Эти отдѣльные передовые застрѣльщики русской колонизаціи, являясь сбродомъ вольницы, не объединеннымъ какой-нибудь намѣченной цѣлью (кромѣ грабежа), не могли однако послужить надежнымъ оплотомъ колонизаціи, несмотря на то, что въ первое время вѣроятно не встрѣчали дружнаго отпора со стороны инородцевъ. Когда на Ишимо-Иртышскія степи во второй половинѣ XVI в. распространилась власть Кучума, эта вольница должна была на нѣкоторое время перенести свою арену въ Сѣверную Сибирь. Тѣмъ не менѣе путь въ богатый край былъ указанъ, чѣмъ и воспользовались сибирскіе воеводы.

Въ началѣ 80-хъ годовъ XVI в. на Иртышѣ появились вслѣдъ за Ермакомъ первыя дружины изъ служилыхъ людей, которыя задались уже опредѣленной цѣлью—продолжать дѣло, начатое Ермакомъ, именно подвести инородцевъ „подъ высокую царскую руку" и завладѣть краемъ.

Двинувшіяся сюда дружины русскихъ должны были снова встрѣтиться съ Кучумомъ, который послѣ цѣлаго ряда пораженій отъ Ермака, по выраженію сибирскаго лѣтописца Ремезова, „утече на калмыцкій рубежъ Ишима, Норъ-Ишима, Оми и Камышлова“, т. е. въ современную Ишимо-Иртышскую степь. Но это ужъ не былъ прежній грозный сибирскій царь, и русскимъ не пришлось вести съ нимъ серьезной открытой борьбы. Повидимому предъидущія пораженія сильно поколебали престижъ его власти и убили надежду въ подвластныхъ ему инородцахъ на удачный исходъ борьбы, почему они неохотно подчинялись его призывамъ къ открытой борьбѣ съ русскими; а можетъ быть потому, что ихъ было мало, и, наученные горькимъ опытомъ и не имѣя огнестрѣльнаго оружія, они не рѣшались пробовать счастья въ открытомъ бою. Такъ или иначе, но втеченіе шести лѣтъ, которыя прожилъ здѣсь Кучумъ, русскіе вели мелкую борьбу и не могли двинуться впередъ, хотя и не имѣли ни одного серьезнаго дѣла съ кучумовскими сторонниками, послѣдніе-же „живя- ша сокрытно и пакостиша русскимъ и ясач-

Перекочевка киргизъ.

нымъ зельне“. Въ слѣдующіе годы Кучумъ появился на правомъ берегу Иртыша выше современнаго Омска. Здѣсь Кучумъ не давалъ покоя русскимъ дружинамъ, нападая то на русскихъ ясачныхъ инородцевъ, то на караваны бухарскихъ купцовъ, ѣздившихъ къ русскимъ.

Русскимъ воеводамъ приходилось трудно еще и потому, что у нихъ не было здѣсь опорныхъ пунктовъ; необходимость ихъ была скоро сознана русскимъ правительствомъ, и въ 1594 г. было повелѣно основать на границѣ съ тогдашнимъ Кучумовскимъ царствомъ городъ *Тару* (Тобольской губ.). Городъ сослужилъ свою службу: русскіе окончательно оттѣснили татаръ, нанеся нѣсколько сильныхъ пораженій Кучуму. Послѣдній бѣжалъ на югъ къ калмыкамъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ къ ногайцамъ), гдѣ и погибъ. О погибшемъ сибирскомъ царѣ и его царствѣ въ началѣ XVII в. остались лишь одни воспоминанія.

Трудно думать, чтобы завоеваніе края было обязано исключительно отвагѣ и силѣ казаковъ и служилыхъ людей. Несомнѣнно, что въ самомъ татарскомъ царствѣ началось уже разложеніе. Состоя изъ цѣлаго ряда волостей, подчиненныхъ ради ясака родамъ кучумовцевъ,—царство это не представляло изъ себя чего-либо цѣльнаго и прочнаго, какъ не имѣвшее глубокой внутренней связи. Это особенно

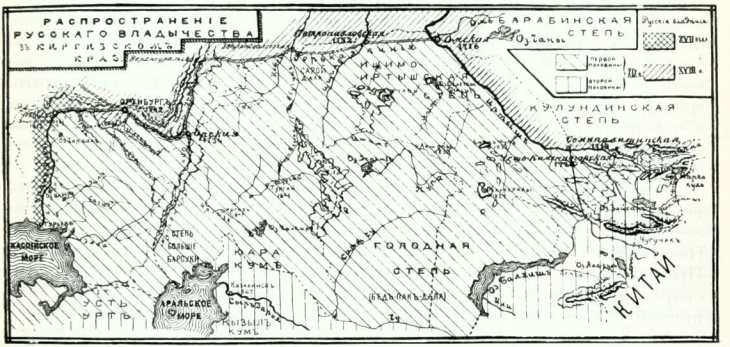
сказалось послѣ первыхъ пораженій Кучума Ермакомъ, когда за отступавшими кучумовцами почти совершенно не двигались самовольно ясачные инородцы. То-же мы видѣли и здѣсь: даже собственно татары и тѣ не сплотились вокругъ Кучума, чтобы дать дружный отпоръ московскимъ воеводамъ. Они или соглашались платить ясакъ русскимъ, или бѣжали отъ нихъ и отъ кучумовцевъ. И чѣмъ болѣе тѣснили Кучума царскіе воеводы, тѣмъ труднѣе приходилось ему удерживать въ подчиненіи татаръ и собирать вокругъ себя надежныхъ воиновъ. На Ормени, напр., у Кучума было уже только около 500 чел., а послѣ этого пораженія въ 1598 г. онъ не могъ собрать и половины ихъ; оставалось одно—признать власть русскихъ, покориться, или бѣжать изъ своихъ владѣній; онъ выбралъ послѣднее и погибъ насильственной смертью.

Такимъ образомъ 1598 годъ можно считать годомъ покоренія послѣднихъ владѣній кучумовскаго царства (современныхъ Ишимо-Иртышскихъ степей или сѣверной половины Акмолинской обл.).

„Русскимъ не удалось однако воспользоваться своими побѣдами: вмѣсто кучумовцевъ пришлось защищать завоеванную землю отъ *ногайцевъ*, къ которымъ бѣжали сыновья Кучума Алей и Канай и подняли ихъ противъ русскихъ. Не имѣя нужныхъ силъ для открытой войны, ногайцы занялись грабежами ближайшихъ русскихъ острожковъ и ясачныхъ татаръ. Наказывать и бороться съ ними было трудно, такъ какъ при появленіи русскихъ дружинъ они быстро исчезали въ степяхъ верхняго теченія Тобола, Ишима и Тургая. Въ это-же время появился на югѣ болѣе опасный врагъ—*калмыки* (джунгары), которые вытѣснили изъ южныхъ прииртышскихъ степей татаръ и ногайцевъ къ востоку и западу, а на сѣверѣ дошли до Оми, гдѣ и встрѣтились съ русскими. Несмотря на протесты русскихъ воеводъ, мѣста по Оми, Камышлову и Иртышу были захвачены калмыками. Русскимъ воеводамъ пришлось снаряжать команды и строить временные острожки для защиты пограничной полосы; но это не приносило большой пользы: полчища калмы-

Развалины Кутмурунскаго укрѣпленія (Петропавл. у.).

ковъ были слишкомъ велики, чтобы ихъ могла удержать небольшая горсть русскихъ; только вскорѣ начавшіяся внутреннія усобицы среди калмыковъ помогли русскимъ удержаться на занятыхъ мѣстахъ. Русскихъ кромѣ того заставляла держаться крѣпко на этихъ мѣстахъ и другая необходимость. Все иртышское населеніе получало соль съ *Ямышевскаго* и др. соленыхъ озеръ, лежавшихъ въ непокоренномъ еще краѣ, и русскимъ необходимо было стремиться во чтобы то ни стало къ завоеванію ихъ, или стараться хоть обезопасить къ нимъ доступъ. Частыя поѣздки русскихъ создали здѣсь впослѣдствіи нѣчто вродѣ мѣноваго двора, куда стали съѣзжаться бухарцы, татары и калмыки. Это также увеличивало значеніе упомянутыхъ мѣстъ для русскихъ. Поѣздки за солью, съ появленіемъ калмыковъ, стали не всегда проходить мирно; калмыки иногда не пускали русскихъ и не давали имъ соли; приходилось силой брать или уходить ни съ чѣмъ. Въ 1624 г., съ открытіемъ здѣсь залежей алебастра (который былъ принятъ сначала за слюду)



русскіе стали еще болѣе стремиться къ удержанію въ своихъ рукахъ долины Иртыша; но привести это въ исполненіе долго не удавалось. Въ 1713 г. сибирскій генералъ-губернаторъ кн. Гагаринъ доносилъ Петру I о возможности построить по Иртышу рядъ крѣпостей. Въ 1715 г. былъ посланъ бригадиръ Бухгольцъ съ 3 тысячами человѣкъ привести это намѣреніе въ исполненіе. Ему удалось уже заложить крѣпость у Ямышевскаго озера, но, осажденный джунгарами, онъ вынужденъ былъ съ большими потерями отступить къ устью Оми, гдѣ на высокомъ лѣвомъ берегу Оми была заложена крѣпость *Омская*. Въ слѣдующіе годы стремленіе русскихъ къ завладѣнію Иртышемъ привелось въ исполненіе: джунгары разрѣшили построить крѣпость у Ямышевскаго озера и укрѣпленіе *Семипалатинское* (1718 г.)—нынѣ *Старо-Семипалатинское*. Въ 1720 г. Лихаревъ съ 440 чел. и пушками проплылъ въ оз. *Зайсанъ* и далѣе въ *Черный Иртышъ*; на обратномъ пути онъ основалъ крѣпость *Усть-Каменогорскую*. Съ этого времени движеніе по всему Иртышу стало болѣе доступнымъ, хотя бухарскіе и другіе караваны отправлялись еще съ охраной. Для усиленія русской власти къ

Ямышевской крѣпости велѣно было приписать ссыльныхъ въ качествѣ постоянныхъ жителей и завести торговыя сношенія съ Джунгаріей, Тибетомъ и Китаемъ. Усиленіе Джунгаріи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII в. помѣшало прочному основанію здѣсь русскихъ, принудивъ ихъ отказаться временно отъ наступательнаго движенія и заставило обратить главное вниманіе на укрѣпленіе границъ. Въ 1745 г. правительство прислало пять полковъ пѣхоты и конницы для охраны границъ, причемъ велѣно было устроить рядъ новыхъ крѣпостей. Съ этого времени началась усиленная колонизація края военнымъ населеніемъ и постепенное расширеніе русскихъ границъ на югѣ и вглубь степей.

Въ 1752 г. ген. Киндерманъ выстроилъ крѣпость *Петропавловскую* и линію редутовъ отъ Омской крѣпости до Оренбургской крѣпостной линіи; (двѣ шестиугольныхъ крѣпости, 9 четырехугольныхъ, 33 редута и 42 маяка, населивъ ихъ 3.642 чел.). Мѣста для крѣпостей выбраны были неудачно (но по кратчайшему разстоянію)—близъ цѣпи горько-соленыхъ озеръ, отчего и вся линія стала называться *Горькой*. Послѣ побѣды китайцевъ надъ джунгарами русскіе хотѣли занять весь Иртышъ до Зайсана, но послѣднее озеро было уже захвачено китайцами; русскіе довели свои крѣпости только до *Бухтармы* (въ 1760 г.). Китайцы выстроили рядъ своихъ крѣпостей по р. *Нарыму* до южныхъ отроговъ *Калбинскаго* хребта, чтобы преградить движеніе русскихъ на югъ. Столкнувшись съ китайцами, русское правительство начало обращать вниманіе на внутреннія киргизскія степи, населеніе которыхъ то переходило въ подданство Россіи, то уходило къ китайцамъ.

Въ концѣ XVIII столѣтія (какъ мы видѣли выше) значительная часть кочевниковъ Киргизскаго края признала русскую власть и кочевала въ русскихъ предѣлахъ. Съ начала XIX столѣтія правительство заботилось объ укрѣпленіи завоеваннаго края; въ городахъ (*Омскѣ*, *Петропавловскѣ*, *Семипалатинскѣ*) оно старалось образовать мѣстное осѣдлое населеніе. Съ этой-же цѣлью было образовано въ 1808 г. мѣстное линейное казачье войско, надѣлено землей, жалованьемъ и продовольствіемъ. Въ 20-хъ годахъ казачье войско захватило лучшую (гористую) часть современнаго Кокчетавскаго у. и появилось на мѣстѣ современныхъ *Акмолинска*, *Баянъ-Аула*, *Кокчетава* и *Каркаралинска*. Кромѣ казаковъ въ степь проникли русскіе промышленные люди, которые открыли тамъ золото, серебряныя и мѣдныя руды. Въ 1837 г. строились пикеты между Кокчетавомъ и Акмолинскомъ; въ этомъ-же году правительство возбуждало вопросъ о перенесеніи южныхъ границъ къ р. *Чу*, но воздержалось отъ этого шага изъ опасенія усилить броженіе среди киргизъ, вызванное возмущеніемъ Кенесары [1]). Съ водвореніемъ спокойствія русское правительство окончательно удержало въ своей власти киргизскія орды, кочевавшія въ предѣлахъ современной Акмолинской и западной части Семипалатинской обл. Тѣмъ временемъ шли дальнѣйшія русскія завоеванія—въ Семирѣчьѣ. Наконецъ въ 1860 г. былъ заключенъ Пекинскій трактатъ съ Китаемъ, по которому русская

[1]) Съ 1847—56 г. въ Кокчетавскій и Петропавловскій у.у. были переселены малороссійскіе казаки и крестьяне Оренбургской и Самарской губ.—болѣе 8 тыс. душъ, а всѣ крестьянскія деревни по Горькой линіи и по Иртышу (до 14 тыс. д.) были перечислены въ казаковъ и прикрѣплены къ землѣ.

граница изъ Нарымской долины отошла къ югу до оз. *Зайсана* (гора *Чакильмесъ*) и черезъ Тарбагатай къ Тянь-Шаню Это увеличеніе территоріи вызывалось уже торговыми соображеніями: къ этому времени русскіе купцы завели милліонные обороты съ китайцами и монголами, покупая у нихъ чай и сырье и продавая фабричныя издѣлія.

Сношенія велись черезъ Зайсанскій край, гдѣ находилось два главныхъ торговыхъ пути — *Чугучакскій* и *Зайсанскій*; необходимо было имѣть ихъ въ своей власти, чтобы производить торговлю безъ риска. Кромѣ того (какъ мы увидимъ ниже) здѣсь уже поселилось много самовольныхъ переселенцевъ-крестьянъ, не признававшихъ китайской власти. Также выгоднѣе было русскому правительству держать здѣсь охрану противъ набѣговъ дунганъ и другихъ пограничныхъ народовъ, усобицы которыхъ вносили смуту и раздоры въ подвластные Россіи южные народы. Смуты конца 70-хъ годовъ въ западномъ Китаѣ заставили Россію принять участіе въ ихъ усмиреніи, а затѣмъ потребовать себѣ, въ видѣ возмѣщенія расходовъ, расширенія границъ вглубь Китая. Въ 1881 г. Петербургѣ былъ заключемъ трактатъ, по которому къ Россіи отошла полоса земли отъ горы *Кійтына* (въ южномъ Алтаѣ) по р. *Акъ-Кабъ* и *Алкабеку* до *Чернаго Иртыша*. Эта граница остается и до сихъ поръ нашей государственной границей съ Китаемъ.

Съ этого времени на сцену выступаетъ вопросъ о крестьянской колонизаціи края. Въ исключительно военномъ населеніи нужды уже болѣе не было; нужно было позаботиться о созданіи въ краѣ мирнаго культурнаго элемента, который оказалъ бы благотворное вліяніе на покоренныхъ кочевниковъ. Но прежде чѣмъ коснуться вопроса крестьянской колонизаціи восточной части Киргизскаго края, мы скажемъ нѣсколько словъ о завоеваніи западной его части, т. е. территоріи Уральской и Тургайской областей.

Движеніе сюда безвѣстныхъ русскихъ людей началось, по всей вѣроятности, еще съ конца XV вѣка. Въ царствованіе Грознаго здѣсь уже хорошо извѣстны были „воровскіе люди“, пришедшіе съ Дона; они спустились по Волгѣ въ Каспійское море и берегомъ дошли до устья *Яика* (Урала), гдѣ и остановились, устроивъ на одномъ изъ рукавовъ рѣки небольшое укрѣпленное селеніе. Край какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ желанію вольницы: онъ былъ богато одаренъ природой (рыба, соль и звѣрь) и почти необитаемъ; отсюда было удобно выходить, когда нужно, въ море и грабить торговые караваны персидскихъ и другихъ купцовъ. Бояться нападеній враговъ или наказаній отъ московскаго царя было нечего: мѣсто было слишкомъ удалено отъ Персіи и отъ Москвы. Первое время вольница тѣмъ и занималась, что лѣтомъ промышляла разбоемъ, а зимой проживала въ устьѣ Урала. Слухи о привольномъ житьѣ скоро разнеслись по Волгѣ и Дону, вызвавъ усиленный притокъ новой вольницы. Жить всѣмъ на устьѣ стало однако тѣсно: приходилось двигаться вверхъ по рѣкѣ. Въ среднемъ и верхнемъ теченіи Яика вольницѣ пришлось столкнуться съ татарами, башкирами и калмыками. Частыя столкновенія съ ними побудили вольницу попытаться узаконить свое положеніе, чтобы дѣйствовать далѣе отъ имени московскаго царя и получить отъ него поддержку. Посланные съ челобитной добились отъ Михаила Ѳедоровича признанія вольницы за служилыхъ людей, и ей оффиціально

пожаловано было все теченіе Яика отъ вершинъ до устья. Съ этого времени движеніе разнаго рода вольницы еще болѣе усилилось; сюда шли какъ на новую родину, бѣжали отъ крѣпостныхъ притѣсненій, отъ религіозныхъ преслѣдованій, отъ наказаній за преступленія. Прибѣжали сюда, хотя очень рѣдко, и промышленники за рыбой. Одинъ изъ первыхъ такихъ промышленниковъ Гурьевъ основалъ (въ 1640 г.) даже особый городокъ на устьѣ Яика, который носитъ его имя и до сихъ поръ.

Скопленіе вольницы и разнаго рода безпокойныхъ людей на отдаленной территоріи хотя и способствовало укрѣпленію здѣсь русскаго владычества, но создало много хлопотъ правительству. Вольница представляла благодарную почву для всякаго рода волненій, чѣмъ и пользовались враги московскаго правительства. Во время междуцарствія „яицкіе“ казаки оказали плохую услугу московскимъ воеводамъ, а потомъ пріютили у себя Заруцкаго и Марину Мнишекъ. Въ послѣдующіе годы броженіе не прекращалось: вольница не хотѣла признать надъ собой полной власти Москвы, а элементы, озлобленные чѣмъ-либо противъ Москвы, пользовались этимъ для достиженія своихъ цѣлей, волнуя населеніе. Здѣсь же, среди этой вольницы, зародилась у Пугачева мысль „тряхнуть“ Москвой и приведена была въ исполненіе, найдя значительное сочувствіе у яицкихъ казаковъ и башкировъ. Правительство, сознавая всю опасность, какую представлялъ этотъ элементъ для государства, не стѣснялось въ крутыхъ мѣрахъ, чтобы, если не смирить, то обезвредить его.

Послѣ наказанія пугачевцевъ были введены ограниченія въ самоуправленіи яицкихъ казаковъ. Именно была введена строгая регламентація службы и даже перемѣнено было самое имя вольницы: вмѣсто „яицкихъ“ казаки стали называться *уральскими* (съ 1775 года), а р. Яикъ—*Уралъ* и. Крутыя мѣры оказали свое дѣйствіе, хотя внутреннія броженія не прекращались до XIX в. Съ середины этого столѣтія уральскіе казаки оказали огромную услугу въ дѣлѣ завоеванія зауральскихъ киргизскихъ степей и въ походахъ въ Среднюю Азію: они были такими-же аванпостами русскаго движенія вглубь Киргизскаго края, какими были на востокѣ иртышскіе служилые люди и мѣстная вольница.

Тотъ-же характеръ носило завоеваніе и современной Тургайской области. Небольшая, сѣверо-западная часть ея была населена башкирами, а юго-восточная—киргизами младшей и средней ордъ. Первые, т. е. башкиры, съ появленіемъ среди нихъ фанатиковъ-мусульманъ (послѣ покоренія Казанскаго царства), стали неспокойнымъ сосѣдомъ для русскихъ, что, въ связи съ волненіями яицкой вольницы, не могло не казаться опаснымъ для правительства. Не встрѣтивъ открытаго сопротивленія, русскіе стали занимать мѣста по теченію правыхъ притоковъ Урала и Тобола, гдѣ были построены и крѣпости; постройка ихъ вызвала среди башкиръ возбужденіе, перешедшее потомъ въ возстаніе. Но всѣ возстанія кончались пораженіемъ башкиръ и усиленіемъ русской власти. Въ 1731—32 г. прикочевали къ границѣ Башкиріи средняя и младшая каргизскія орды и отдались въ подданство Россіи. Это заставило усилить положеніе русской власти на границѣ, отчасти для защиты киргизъ отъ джунгаръ, отчасти для поддержанія мирныхъ отношеній между башкирами и киргизами. Послѣднее однако не удалось:

съ одной стороны мусульманская пропаганда, самозванцы и бѣглые, мутившіе среди населенія, а съ другой—вызывающій образъ дѣйствій агентовъ русскаго правительства—способствовали частому возникновенію волненій. Отдача русской администраціей башкирской земли по *Илеку* прикочевавшимъ киргизамъ вызвала большое возстаніе (1735—40), кончившееся страшнымъ избіеніемъ башкиръ. Большую услугу правительству для упроченія власти оказалъ одинъ изъ первыхъ начальниковъ этой границы Неплюевъ. Онъ основалъ современный Оренбургъ и отъ него провелъ три линіи укрѣпленій, которыя прорѣзали край и дѣйствовали сдерживающимъ образомъ на населеніе. Одна изъ такихъ линій—*Нижне-Яицкая дистанція* шла по правому берегу *Урала* (Яика) до Каспійскаго моря: здѣсь было устроено 9 крѣпостей и 19 форпостовъ, защита которыхъ была возложена на яицкихъ казаковъ. Чтобы увеличить русское населеніе, Неплюевъ добился того, что безымянной вольницѣ было разрѣшено свободно осѣдать около форпостовъ и другихъ мѣстъ края. Значеніе этой вольницы стало замѣтно особенно послѣ того, какъ административная колонизація (русскими и татарами) не привела къ положительнымъ результатамъ. Чтобы прикрѣпить казаковъ (вольницу) къ этимъ мѣстамъ, всѣмъ служилымъ людямъ положено было жалованье и право на исключительное пользованіе рыбными богатствами въ р. Уралѣ. Впослѣдствіи къ нимъ были присоединены служилые люди изъ камскихъ поселеній и часть гарнизоннаго населенія изъ Оренбургскаго войска. Изъ нихъ составилось первое русское легальное населеніе на уральской границѣ.

Переходимъ къ *крестьянской* колонизаціи Киргизскаго края.

Акмолинская и Семипалатинская области долгое время были оффиціально закрыты для переселенія. Однако, уже за нѣсколько лѣтъ до возбужденія вопроса о возможности и разрѣшеніи колонизаціи степи земледѣльческимъ элементомъ, жизнь взяла свое. Такъ, въ 1866 г. образовались крестьянскіе поселки въ Акмолинской области, причемъ часть переселенцевъ, появившихся въ краѣ или случайно, или по вызову родственниковъ-казаковъ, осѣдала по казачьимъ станицамъ съ конца семидесятыхъ годовъ и до половины восьмидесятыхъ самовольно устраивались, арендуя земли у киргизъ.

Представителями этой самовольной колонизаціи края въ большинствѣ случаевъ являлись частью мѣщане разныхъ сибирскихъ городовъ, а главнымъ образомъ крестьяне Тобольской губерніи изъ Курганскаго и Ишимскаго уѣздовъ, прилегающихъ къ Акмолинской обл., и уже населенныхъ настолько густо, что тамъ стала ощущаться, нѣкоторая, правда очень относительная, тѣснота при вошедшемъ въ обыкновеніе слишкомъ экстенсивномъ (полухищническомъ) землепользованіи. Переселеніе это велось систематически и въ извѣстной степени раціонально. Обыкновенно желавшіе переселиться въ Акмолинскую область высылали туда ходоковъ, которые высматривали подходящія мѣста, арендовали у киргизъ небольшіе участки (изъ-полу или за небольшую плату), дѣлали распашки и посѣвы и, убѣдившись въ доброкачественности (вѣрнѣе въ полной нетронутости, дѣвственности) почвы и угодій, законтрактовывали эти земли юридическими актами на извѣстные сроки. Новоселы, убѣдившись въ высокомъ качествѣ своихъ участковъ, начинали энергично вызывать къ себѣ земляковъ или принимать стран-

ствующихъ русскихъ переселенцевъ. Такимъ образомъ среди киргизскихъ степей возникали русскіе поселки въ нѣсколько десятковъ домовъ, со всѣмъ деревенскимъ обзаведеніемъ. Съ теченіемъ времени и увеличеніемъ населенія, въ отношеніяхъ между хозяевами-киргизами и арендаторами-переселенцами (иногда заходившими слишкомъ далеко въ эксплоатаціи своихъ невѣжественныхъ хозяевъ) возникали недоразумѣнія, кончавшіяся вмѣшательствомъ администраціи. При этомъ крестьяне обыкновенно возбуждали ходатайства объ образованіи русскаго поселенія на занятой ими землѣ. До перваго (въ 1879 г.) оффиціальнаго разрѣшенія на образованіе въ краѣ русскаго населенія такихъ семей въ области проживало 317.

На почвѣ арендныхъ соглашеній была возможна и совершалась позднѣе первональная колонизація и другихъ мѣстностей Киргизской степи—въ Тургайской области и въ Павлодарскомъ уѣздѣ Семипалатинской области. Но естественный и необходимый переходъ отъ арендаго пользованія киргизскими участками къ собственному землепользованію всюду совершался туго, доставляя русскимъ насельникамъ степи всевозможныя мытарства и лишенія (въ Павлодарскомъ уѣздѣ онъ и до сихъ поръ не завершился).

Состояніе русской колонизаціи Киргизскаго края въ 70-хъ годахъ XIX вѣка обрисовано такъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1875 г. одного изъ наиболѣе выдающихся генералъ-губернаторовъ Западной Сибири ген. Казнакова:

„Положеніе степныхъ областей“, читаемъ мы въ этомъ отчетѣ, „требуетъ особеннаго вниманія. Со времени принятія киргизами русскаго подданства, успѣхи, сдѣланные ими въ гражданственности, ничтожны. Попытки перехода къ земледѣлію остались почти только тѣ, которыя были введены китайскимъ правительствомъ. Между тѣмъ доколѣ киргизы будутъ одиноко совершать въ пустынныхъ пространствахъ степей огромныя орбиты своихъ кочевокъ, вдали отъ русскаго населенія, они останутся вѣрноподданными лишь по названію и будутъ числиться русскими только по переписямъ. Сопредѣльные съ ними по линіи казаки, по малочисленности своей, не принесли дѣлу пользы, но сами научились поголовно киргизскому нарѣчію и переняли нѣкоторыя, впрочемъ безвредныя, привычки кочевого народа“.

Поднимая вопросъ о необходимости заселенія Киргизскаго края чисто-земледѣльческимъ элементомъ—крестьянами, генералъ-губернаторъ Казнаковъ ставилъ для новой колонизаціи широкія задачи и вполнѣ опредѣленно намѣчалъ ея основные принципы: „осторожное“, говоритъ онъ, „безъ стѣсненія кочевого населенія водвореніе внутри степей осѣдлаго населенія, частое общеніе русскаго населенія съ киргизами и наглядный примѣръ болѣе удобной жизни представляетъ единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостоянія полудикаго народа“.

Этотъ взглядъ на колонизацію Киргизскаго края нашелъ себѣ поддержку въ центральной власти. Поэтому рѣшено было образовать на киргизскихъ земляхъ русскія поселенія, которыя предполагалось размѣщать главнымъ образомъ при почтовыхъ и коммерческихъ трактахъ, такъ какъ это даетъ извѣстныя удобства для передвиженія торговыхъ транспортовъ, а развитіе хлѣбопашества на пунктахъ новыхъ

поселеній должно было удешевить хлѣбъ и обезпечить существованіе кочевниковъ. Для проведенія въ жизнь всѣхъ этихъ предначертаній была образована при главномъ управленіи Западной Сибири особая коммиссія, которая должна была выработать положеніе о порядкѣ колонизаціи степи.

Вслѣдъ затѣмъ было приступлено къ работамъ по образованію переселенческихъ участковъ. Сначала были произведены предварительное обозрѣніе и изысканіе удобныхъ мѣстъ для возведенія въ степи осѣдлыхъ поселеній, а затѣмъ было приступлено къ производству надлежащихъ съемочныхъ работъ. Хотя всѣ эти подготовительныя работы продолжались четыре года (при участіи въ спеціально предназначенныхъ къ тому коммисіяхъ уѣздныхъ начальниковъ, которые должны были являться защитниками интересовъ киргизъ), но они въ значительной мѣрѣ не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, вслѣдствіе того, что не было твердой основы для выбора мѣстностей, годныхъ для образованія участковъ — не было надлежащихъ детальныхъ естественно-историческихъ и статистическихъ данныхъ, вслѣдствіе чего необходимые разсчеты зачастую приходилось производить слишкомъ грубо и приблизительно.

Элементъ, необходимый для заселенія заготовленныхъ участковъ, былъ уже въ области: то были переселенцы, такъ или иначе обосновавшіеся въ степи. Поэтому уже въ 1879 г. на двухъ участкахъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ были основаны поселки, заключавшіе въ себѣ до 164 ревизскихъ душъ (причемъ на душу было нарѣзано 30 десятинъ). Въ 1880 — 1881 г.г. были заселены еще 9 участковъ (435 душъ м. п.) также въ Кокчетавскомъ уѣздѣ. Съ 1882 г. было рѣшено уменьшить норму надѣла до 15 дес., такъ какъ это количество земли, по разсчетамъ центральныхъ органовъ, было признано достаточнымъ для обезпеченія крестьянской семьи. Въ 1882—1884 г.г. въ Атбасарскомъ уѣздѣ были заселены 7 намѣченныхъ участковъ (съ 210 душами м. п.). Такимъ образомъ изъ 30 заготовленныхъ участковъ остались незаселенными 12 участковъ, т. е. 40%. Эти участки повидимому пустуютъ и до настоящаго времени по своей непригодности для земледѣльческаго населенія.

Засельщикамъ участковъ при поселеніи предоставлялись слѣдующія льготы: 1) право выбора участка; 2) льгота отъ платежа податей и отъ натуральныхъ повинностей, кромѣ воинской, на десять лѣтъ, если переселенцы втеченіе двухъ лѣтъ обзаведутся постройками и приступятъ къ распашкѣ надѣла; 3) на первоначальное обзаведеніе: а) безплатно 100 корней и по 20 руб. безвозвратно на каждый дворъ и б) на земледѣльческія орудія и на пріорѣтеніе скота по 20 руб.—также безвозвратно.

Несмотря на всѣ эти привиллегіи, новоселы перенесли немало тяжелыхъ испытаній. На большинствѣ участковъ, занятыхъ переселенцами, почва оказалась очень дурного качества и ничего не родила, лѣса и луговъ было вездѣ нарѣзано въ недостаточномъ количествѣ, а нѣкоторые участки были лишены питьевой воды. Много претерпѣли новоселы также и отъ незнакомства съ мѣстными климатическими условіями: хлѣбъ у нихъ то погибалъ отъ засухи, то вымерзалъ отъ морозовъ, то наконецъ истреблялся бичемъ степей—кобылкой (саранчей). Въ довершеніе бѣдъ новоселамъ пришлось пережить подрядъ три

неурожайныхъ года, и дошедшіе до крайности, они цѣлыми семьями стали уходить на пріиски и заводы сосѣднихъ уѣздовъ въ поискахъ за работой. Въ то-же время переселенцы ежегодно обращались съ просьбами о пособіи не только на обсѣмененіе полей, но и на продовольствіе, такъ что за четыре года—съ 1880 по 1884—имъ было выдано до 26 тыс. руб. или приблизительно по 30 руб. на каждую ревизскую душу. А около половины 1884 г. выяснилось, что новоселы десяти селеній, т. е. около 55,5% всѣхъ поселившихся крестьянъ, послѣ трехлѣтнихъ тщетныхъ попытокъ устроиться, очутились въ такомъ безнадежномъ состояніи, что администрація должна была переселить ихъ на новые участки, а нѣсколько семей тогда-же ушло на родину. Даже лучшія изъ крестьянскихъ поселеній, какъ въ этомъ пришлось при ревизіи лично убѣдиться акмолинскому губернатору Ливенцову, представляли безотрадный видъ: во всѣхъ поселеніяхъ онъ видѣлъ много наглухо заколоченныхъ домовъ; нигдѣ почти ему не пришлось наблюдать домашняго скота, а запасовъ хлѣба нигдѣ не было.

Съ бо́льшимъ успѣхомъ за тотъ-же періодъ времени шла самовольная колонизація, но ей приходилось испытывать трудности своего такъ сказать „узаконенія".

Неудачи правительственной колонизаціи начала 80-хъ годовъ заставили мѣстную власть принять мѣры къ пріостановкѣ прилива переселенцевъ со второй половины этого десятилѣтія. Но на практикѣ оказалось невозможнымъ остановить стихійное движеніе переселенцевъ въ киргизскія степи—„на Ишимъ", окрестности котораго издавна славились своими угодьями, лучшими во всей Акмолинской области: прекрасной пахатной землей, заливными лугами, достаточнымъ количествомъ лѣса и изобильными рыбою и дичью старицами (прежнія русла рѣкъ) и озерами. Количество переселенцевъ прогрессивно возрастаетъ съ каждымъ годомъ, что̀ видно изъ нижеслѣдующей таблички, составленной на основаніи матеріаловъ, собранныхъ чинами переселенческаго отряда Западной Сибири при поземельномъ устройствѣ крестьянъ-новоселовъ Кокчетавскаго и Петропавловскаго уѣздовъ въ 1891 году:

Годы.	Число семей	Число душъ (приблизительно).
1860—1875	30	150
1876—1878	287	1.700
1879—1881	304	1.800
1882—1884	373	2.200
1885—1887	418	2.500
1888—1890	2.140	12.000 [1]).

Эта таблица не захватываетъ переселенцевъ всей Акмолинской области: сюда не входятъ новоселы Атбасарскаго и Акмолинскаго уѣздовъ (въ Атбасарскомъ уѣздѣ за этотъ періодъ времени—1860—1890 г.г.—образовано 10 поселковъ, а въ Акмолинскомъ—одинъ).

Съ конца восьмидесятыхъ годовъ появились и прочно обосновавшіеся переселенческіе поселки въ Семипалатинской области. Однако здѣсь колонизація совершалась гораздо медленнѣе, также не безъ ослож-

[1]) Эта цыфра, по всей вѣроятности, ниже дѣйствительности.

неній. До 1887 г. въ Семипалатинскомъ уѣздѣ было только пять крестьянскихъ поселковъ (*Александровской* волости), которые были образованы въ 1871 г. изъ упраздненныхъ казачьей станицы *Каноническій* и четырехъ казачьихъ выселковъ съ сохраненіемъ прежняго земельнаго надѣла (т. е. по 30 десятинъ на душу). Въ 1887 г. генералъ-губернаторъ Г. А. Колпаковскій, придавая большое значеніе осѣдлому заселенію сопредѣльныхъ съ Китаемъ окраинъ, командировалъ въ расположенную въ горахъ Алтая восточную часть Семипалатинской области особую коммисію для осмотра урочищъ въ долинѣ озера *Марка-Куль* и рѣки *Кара-Кабы*, уступленныхъ Китаемъ въ 1881 году Россіи, и для выбора мѣстъ для устройства русскихъ поселеній. Вслѣдъ за коммисіей тотчасъ-же явились въ область и самовольные переселенцы изъ Томской губерніи, гдѣ быстро разнесся среди крестьянскаго населенія ложный слухъ о даровой раздачѣ земли на границѣ.

Съ девяностыхъ годовъ начался усиленный наплывъ въ Акмолинскую область переселенцевъ, съ которыми администрація первое время не знала, что дѣлать и куда рамѣщать. Такъ, лѣтомъ 1890 года скопилось въ области никуда не причисленныхъ переселенцевъ болѣе 17 тыс. человѣкъ (въ Кокчетавскомъ уѣздѣ—болѣе 14 тыс., въ Атбасарскомъ—1.728 и въ Петропавловскомъ — 1.200 душъ обоего пола). Переселенцы буквально наводнили всѣ казачьи и крестьянскія поселенія; но такъ какъ вездѣ все было переполнено, то они цѣлыми массами безцѣльно блуждали изъ поселка въ поселокъ, въ тщетныхъ поискахъ пристанища. Уѣздныя власти, не видя возможности какъ-нибудь устроить всѣхъ этихъ несчастныхъ и опасаясь волненія и развитія различныхъ эпидемій, употребляли всѣ мѣры, чтобы удалить переселенцевъ изъ предѣловъ области, тѣмъ болѣе, что трудно было убѣдить невѣжественную, темную массу крестьянства въ томъ, что селиться, гдѣ придется, нельзя, хотя земли и много. Преувеличенные слухи и письма переселившихся земляковъ о привольномъ житьѣ на новомъ мѣстѣ, а съ другой стороны—неурожаи и вообще тяжелое экономическое положеніе на родинѣ—особенно побуждали крестьянство двигаться въ Киргизскій край, несмотря ни на какія запретительныя мѣры.

Саманная хата на вновь образовавшимся поселкѣ на урочищѣ Кайранъ-Куль Петропавл. у. (*По фот. Э. А. Ярженовскаго*).

Уже въ 1890 г. было образовано въ Кокчетавскомъ и Петропавловскомъ уѣздахъ 11 новыхъ поселковъ, въ которыхъ поселилось до $8^1/_2$ тыс. душъ мужского пола (около 17 тыс. обоего пола).

При устройствѣ 11 тыс. переселенцевъ на долю командированнаго

чиновника выпала чрезвычайно трудная работа. Втеченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ ему пришлось устраивать тысячи крестьянскихъ семей изъ 30 различныхъ губерній, большею частью уже разорившихся. Работа была спѣшная. Некогда было обращать вниманіе на то, куда выгоднѣе было бы помѣстить ту или другую семью. Требовалось только распредѣлить огромныя толпы жаждущихъ найти какое-нибудь пристанище и притомъ какъ можно скорѣе. Распредѣленіе дѣлалось упрощеннымъ способомъ. Всей массѣ наличныхъ переселенцевъ, собравшихся въ томъ или другомъ мѣстѣ, предлагались разные участки, которыхъ переселенцы заранѣе не знали.

Вслѣдствіе спѣшности распредѣленія переселенцевъ по участкамъ, поселки оказались составленными изъ переселенцевъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей (въ нѣкоторыхъ были представители болѣе, чѣмъ изъ двадцати губерній). Иногда даже родственнымъ семьямъ не удавалось записываться на одинъ и тотъ-же участокъ, изъ-за чего начинались потомъ долгія хлопоты, причинявшія новоселамъ много убытковъ. Въ самыхъ поселкахъ скоро дала себя почувствовать эта случайность ихъ состава, и возникшая отсюда рознь среди новоселовъ мѣшала мирному теченію жизни.

Для поземельнаго устройства переселенцевъ была командирована въ 1891 г., по ходатайству степного генералъ-губернатора, въ Акмолинскую и Семипалатинскую области часть западно-сибирскаго переселенческаго отряда, которая отвела подъ неустроенныя еще 24 поселенія въ Кокчетавскомъ и Петропавловскомъ уу. (на 10.940 д. м. п.) 250 тыс. дес. земли и подъ 4 участка въ Семипалатинской области, занятые самовольными переселенцами (поселки *Тюсъ-Каинскій*, *Балакты-Булакскій* и *Чанагатинскій*—на Алтаѣ и еще одинъ, занятый повидимому позднѣе)—33 тыс. дес.

Хотя доступъ въ Киргизскую степь съ весны 1891 г. и былъ закрытъ оффиціально, однако наплывъ переселенцевъ въ Акмолинскую область безпрерывно продолжался подъ вліяніемъ недорода, охватившаго тогда Россію. Страшный неурожай постигъ и Акмолинскую область. Не успѣвъ обосноваться и зачислиться въ переселенческіе участки въ области, переселенцы, подъ вліяніемъ голода, перешли зимой изъ крестьянскихъ и казачьихъ поселковъ, гдѣ они временно поселились, въ города; въ Омскѣ насчитывалось до 6 тысячъ переселенцевъ, въ Петропавловскѣ ихъ скопилось до 800 человѣкъ, въ Акмолинскѣ и Атбасарѣ—около 600. Съ наступленіемъ весны всѣ они опять разошлись въ разныя стороны. Часть ушла въ Алтайскій округъ и дальше въ Сибирь, часть вернулась назадъ въ Россію, но большинство опять разбрелось по области по разнымъ станицамъ и поселкамъ.

Послѣ громаднаго наплыва въ Сибирь переселенцевъ подъ вліяніемъ голода, въ 1891 г. движеніе это нисколько не ослабѣло, а напротивъ даже увеличилось—съ 82 тыс. въ 1891 году до 84 тыс. въ 1892 году. Изъ этого громаднаго контингента переселенцевъ на долю Акмолинской области выпало однако очень незначительное количество, что объясняется, какъ на это было указано выше, неурожаемъ въ Киргизской степи. Высочайшія повелѣнія отъ 26 марта и 23 апрѣля, узаконившія положеніе массы сибирскихъ переселенцевъ, были распространены и на Степной край, и въ Акмолинской области было во-

дворено 4.390 д. обоего пола (915 семей); при этомъ переселенцамъ были выданы ссуды и пособія изъ переселенческаго кредита.

Съ проведеніемъ Великой Сибирской магистрали и учрежденіемъ Комитета Сибирской желѣзной дороги, въ компетенцію котораго вошло между прочимъ и „содѣйствіе заселенію и промышленному развитію прилегающихъ къ дорогѣ мѣстностей“ (сначала въ 100-верстной полосѣ, а затѣмъ и далѣе на югъ), заселеніе Сибири стало на болѣе раціональную почву. Такъ, въ частности, колонизація Киргизской степи приняла съ этого времени менѣе безпорядочный характеръ, какъ было раньше, когда обыкновенно переселенцамъ отводили участки уже послѣ того, какъ они поселились на нихъ.

Первое время по проведеніи Сибирской желѣзной дороги переселеніе находилось тѣмъ не менѣе все еще въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Переселенцевъ перевозили въ неприспособленныхъ и переполненныхъ вагонахъ; на узловыхъ станціяхъ (Петропавловскъ, Омскъ) скоплялись за лѣто десятки тысячъ и, за неимѣніемъ помѣщеній, переселенцы жили подъ открытымъ небомъ даже въ ненастную погоду [1]). Отсутствіе необходимаго продовольствія и медицинской помощи способствовало сильному развитію болѣзней и смертности. Вскорѣ однако устроены были въ Омскѣ и Петропавловскѣ „переселенческіе пункты“—больничные бараки, при которыхъ находится медицинскій персоналъ и съ переселенческими поѣздами сталъ отправляться фельдшеръ.

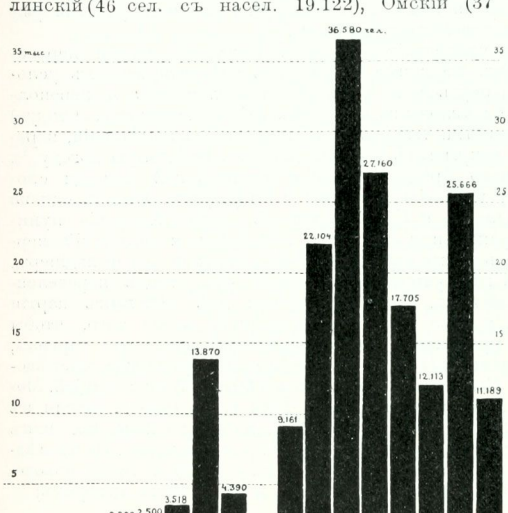
Чтобы поставить въ лучшія условія дѣло объ отводѣ переселенцамъ земельныхъ участковъ, были образованы двѣ межевыхъ партіи въ Акмолинской обл. и одна въ Семипалатинской, а для того, чтобы выдѣленіе участковъ происходило безъ нарушенія интересовъ киргизъ, произведено было статистическое и естественно-историческое обслѣдованіе Акмолинской и Семипалатинской областей особой экспедиціей. Межевыя („землеустроительныя“) партіи съ 1893 г. по 1900 г. отвели въ Акмолинской обл. 193 участка на 77.837 д. мужского пола, но, какъ оказалось, эти участки не могли вмѣстить всѣхъ желающихъ. За послѣднія 5 лѣтъ (1896—1900 г.) число устроенныхъ селеній и число новоселовъ (для Акмолинской обл.) выражалось въ слѣдующихъ цыфрахъ:

въ	1896 г.	было	132	сел.	съ	99.399	жит.
„	1897 „	„	134	„	„	113.249	„
„	1898 „	„	138	„	„	122.311	„
„	1899 „	„	150	„	„	134.424	„
„	1900 „	„	200	„	„	160.090	„

На приложенной на стр. 162-й діаграммѣ показано движеніе переселенцевъ въ Акмолинскую область съ 1860-хъ годовъ; изъ нея видно, какъ росло оно сначала постепенно (до 1889 г.) и какъ рѣзко мѣнялось въ слѣдующіе годы; колебаніе это объясняется отчасти неурожаями въ Европейской Россіи, которые усиливали переселеніе, и неурожаями въ Сибири, вызвавшими *обратное* переселеніе. Главный процентъ переселенцевъ даютъ сосѣднія съ краемъ губерніи—Пермская и Тобольская (до 50% въ сѣверной части Акмолинской обл.), затѣмъ ѣдутъ Самарская, Саратовская, Воронежская, Курская, Кіевская, Оренбургская, Орловская, Тамбовская,

[1]) Переселенцевъ перевозятъ по 0,3 коп. съ версты; дѣти до 10 лѣтъ ѣдутъ безплатно

Полтавская, Черниговская, Донская обл. и др. Изъ этого можно заключить, насколько на дѣлѣ условно понятіе малоземелья. При этомъ замѣчено, что крестьяне степныхъ губерній (Самарской, Харьковской, Донской обл.) идутъ въ южные степные уѣзды, къ природѣ которыхъ они болѣе привыкли; жители лѣсныхъ губ. (Пермской, Тобольской) выбираютъ участки въ сѣверной части края. Съ 1893 года въ Акмолинской области образовано, какъ мы уже сказали, 193 участка на 77.837 д. м. п.; болѣе всего образовано участковъ въ Петропавловскомъ у. (49 сел. съ населеніемъ въ 21.610), затѣмъ идутъ Кокчетавскій у. (42 сел. съ нас. 19.200), Акмолинскій (46 сел. съ насел. 19.122), Омскій (37 сел. съ насел. 8.141) и Атбасарскій (10 сел. съ нас. въ 6.205 ч.). Кромѣ того образованы въ послѣднее время дворянскіе участки: въ Кокчетавскомъ у.—семь на 2.342 ч. и одинъ на 62 ч. въ Акмолинскомъ у.



Переселенческое движеніе въ Акмолинскую область.

Положеніе переселенцевъ на участкахъ является часто довольно затруднительнымъ. Большинство ихъ—бѣдняки, не имѣющіе возможности сразу поставить крѣпко свои хозяйства; это сказывается на нихъ, особенно, если первый годъ неурожайный: хозяйства совершенно падаютъ, и переселенцамъ приходится голодать. Положеніе ухудшается еще и тѣмъ, что край мало населенъ, а заработковъ на сторонѣ почти невозможно достать: отсутствіе удобныхъ путей сообщенія между прочимъ мѣшаетъ этому. Нельзя сказать, чтобы и выборъ участковъ былъ всегда удаченъ: многіе участки (Акмолинскій у.) оказались безъ воды, или съ плохой водой, другіе — съ плохой почвой и отсутствіемъ сѣнокосовъ. Переселенцы вынуждены были бросить ихъ и, разорившись, уходить на другіе участки. Статистическія изслѣдованія показали, что выгоднѣе переселяться сюда среднимъ хозяйствамъ: богатымъ часто бываетъ невыгодно, а неимущимъ и малорабочимъ трудно; послѣднимъ трудно потому, что при мѣстныхъ почвенныхъ, климатическихъ и др. условіяхъ заведеніе хозяйства требуетъ съ перваго-же года большихъ за-

тратъ денегъ и труда; богатому невыгодно подвергать себя риску потому, что неурожай перваго же года можетъ поставить его въ тяжелое положеніе. Хотя переселенцамъ и выдаются пособія лѣсомъ и сѣменами и денежныя ссуды (въ 1900 г. на всю Акмолинскую обл. было выдано ссудъ на 405.124 руб.), но ихъ нельзя назвать достаточно обезпечивающими переселенца на новомъ мѣстѣ, какъ это и показали послѣдніе три года, когда потребовались сотни тысячъ рублей на продовольствіе переселившихся въ Акмолинскую область.

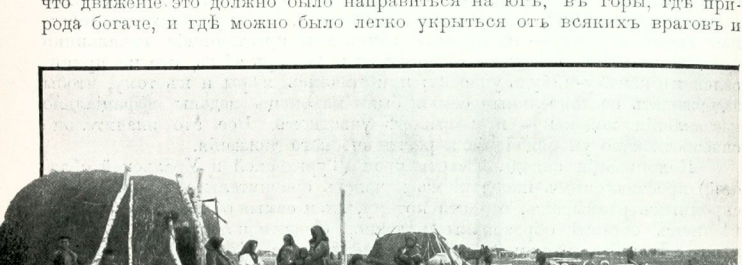
Въ настоящее время Акмолинская обл. почти совсѣмъ закрыта для переселенія; допускаютъ только въ Акмолинскій у. Въ Семипалатинскую обл. переселеніе только начинается (если не считать самовольныхъ).

Переселенія послѣднихъ лѣтъ не носятъ уже случайнаго характера: большинство семей шло на участки, выбранные довѣренными лицами—„ходоками", а не куда глаза глядятъ. Съ другой стороны мѣстная администрація — на родинѣ земскіе и крестьянскіе начальники слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не отпускать въ Сибирь тѣхъ, кто не приписался къ какому-нибудь участку; принимались мѣры и къ тому, чтобы задерживать состоятельныя семьи; были наконецъ изданы оффиціально наставленія ходокамъ при выборѣ участковъ. Все это значительно способствовало упорядоченію переселенческаго движенія.

Колонизація западной части края (Тургайской и Уральской областей) крестьянскимъ населеніемъ началась сравнительно недавно и въ скромныхъ размѣрахъ, отчасти потому, что и самыя области въ ихъ нынѣшнемъ составѣ образованы недавно, отчасти потому, что въ нихъ мало мѣстъ, пригодныхъ для земледѣлія, а Уральская область совершенно закрыта для переселенія; въ настоящее время въ ней есть небольшія крестьянскія колоніи только въ *Темирѣ*, *Уилѣ* (*Шиповскій* поселокъ) и *Жилой Косѣ* (на берегу Каспійскаго моря); но ихъ нельзя назвать земледѣльческими. Колонизація Тургайской обл. началась съ основаніемъ въ 1869 г. первой крѣпости *Акъ-Тюбе*, вокругъ которой осѣло нѣсколько вольныхъ крестьянскихъ семей. Въ концѣ 1870-хъ годовъ здѣсь уже считалось нѣсколько десятковъ дворовъ, которые и стали просить о приписк'ѣ; приписаться было разрѣшено и дозволено селиться на другихъ мѣстахъ (на арендованныхъ у киргизъ земляхъ). Въ 1886 г. въ Актюбинскомъ у. было 177 дворовъ, а, по переписи 1897 г.,—28.400 чел. обоего пола. Кустанайскій у., какъ самый плодородный во всей западной части края, заселяется быстрѣе. Первые колонисты появились, по вызову администраціи, въ 1881 г., при основаніи г. *Кустаная*; въ томъ же году въ новомъ городѣ появилось 1.200 семействъ крестьянъ-земледѣльцевъ (нѣкоторыя изъ нихъ жили ранѣе на арендованныхъ у киргизъ участкахъ). Въ 1889 г. въ городѣ числилось уже 18 тысячъ жителей Затѣмъ населеніе начало убывать, благодаря неурожаямъ и переходу на другіе участки. По переписи 1897 г., въ Кустанаѣ жило 14.065 жит. Это не помѣшало однако новымъ переселенцамъ осѣдать въ уѣздѣ. Для урегулированія этого движенія были приняты мѣры къ выдѣленію опредѣленныхъ участковъ для переселенцевъ. Съ 1885—88 годовъ въ с.-з. части уѣзда было основано одинадцать поселковъ. Но такъ какъ не былъ выясненъ вопросъ, насколько нарушаются этимъ интересы киргизъ, то поселки получили землю только въ аренду. Только уже послѣ статистическаго изслѣдованія въ

1899 г. (экспедиція Щербины) было выяснено, что безъ всякаго ущерба для киргизъ переселенцамъ могутъ быть выдѣлены большіе участки. Въ Кустанайскомъ у. было выдѣлено около 500 тыс дес., и образовано съ надѣлами 11 поселковъ. Съ этого времени переселенческое дѣло здѣсь было поставлено въ одинаковыя условія съ другими степными областями Сибири.

Нѣсколько особенный характеръ носитъ колонизація Алтая въ предѣлахъ разсматриваемаго края. До самаго послѣдняго времени она сохранила на себѣ отпечатокъ тѣхъ чертъ, какія носила вольная колонизація Сибири въ XVI и XVII вѣкахъ. Колонизаціонный элементъ не составлялся изъ казаковъ или служилыхъ людей; это были безъимянные люди, но отважные и рѣшительные, которымъ тяжело жилось на родинѣ, и они двинулись „куда глаза глядятъ“ искать себѣ новую родину. Естественно, что движеніе это должно было направиться на югъ, въ горы, гдѣ природа богаче, и гдѣ можно было легко укрыться отъ всякихъ враговъ и



Временное жилище переселенцевъ въ Акмолинскомъ у.

преслѣдованій. Здѣсь мы остановимся только на исторіи заселенія юго-западныхъ алтайскихъ долинъ, входящихъ въ предѣлы Семипалатинской области.

Въ 1761 г., когда основана была *Бухтарминская* крѣпость, обнаружилось, что въ окрестныхъ горахъ есть уже русскія поселенія, образованныя русскими звѣропромышленниками, бѣглыми крестьянами и всякого рода иной вольницей. Русскому правительству приходилось такимъ образомъ ловить своихъ же русскихъ и облагать ихъ ясакомъ, или совсѣмъ высылать на мѣста приписки. Несмотря на это, съ образованіемъ южной пограничной линіи, переступать которую строго запрещалось, въ Джунгарской землѣ къ 1761 г. существовало уже 17 русскихъ поселеній (по р. *Бухтармѣ*). Очевидно, что ни строгіе запреты, ни наказанія не могли остановить русской вольницы: стремленіе къ свободѣ и приволью брало верхъ надъ страхомъ быть наказаннымъ за ослушаніе. Кто были эти передовые посты русской колонизаціи, точно выяснить трудно; часть ихъ, услышавъ о приближеніи русскихъ отря-

довъ, обыкновенно бросала поселенія и уходила дальше въ горы. Но, какъ мы увидимъ ниже, сюда бѣжали чаще всего крестьяне, особенно заводскіе, отъ тяжелыхъ условій жизни; были здѣсь и преступники, скрывавшіеся отъ наказанія, спасались сектанты отъ гоненій за свои обычаи, были наконецъ и звѣрепромышленники.

Природа Алтая какъ нельзя лучше соотвѣтствовала стремленію этихъ людей: съ одной стороны цвѣтущія, плодородныя долины, обиліе звѣря и рыбы, съ другой—высокіе, недоступные хребты и очень рѣдкое туземное населеніе. Неудивительно, что въ глазахъ вольницы эти мѣста имѣли особенно притягательную силу. Нельзя однако отрицать того, что для рѣшимости идти селиться въ чужую, невѣдомую страну у этихъ людей было много мужества и даже геройства (нижеприведенные примѣры показываютъ это). Нельзя смотрѣть на это движеніе какъ на простое бродяжничество; какъ мы увидимъ ниже, вольные колонизаторы съ перваго же года заводили хозяйство и дѣлались осѣдлыми. Это переселеніе отчасти напоминало заселеніе Дона или Сѣчи въ Европейской Россіи или таперство и скваттерство въ первые годы завоеванія Америки. Какъ тамъ, такъ и здѣсь люди шли искать себѣ новую родину или безопасное убѣжище и находили ихъ. Необычныя условія жизни, какъ и слѣдовало ожидать, выдвинули здѣсь рядъ необыкновенныхъ личностей, окруженныхъ въ народномъ сознаніи ореоломъ особеннаго геройства и съ именемъ которыхъ теперь связанъ цѣлый рядъ легендъ; ихъ именами названы немало рѣчекъ и урочищъ въ горахъ. Вотъ одна изъ такихъ эпопей.

Въ пятидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія содержался въ Кузнецкомъ острогѣ за цѣлый рядъ „подвиговъ“ (кражи, побѣги и т. п.), нѣкто Аѳанасій Селезневъ. Много разъ сидѣлъ онъ въ острогѣ и одинъ, и съ товарищами; но обыкновенно, какъ только поступала весна, онъ убѣгалъ: „пора селезню крылышки расправить“—говаривалъ онъ, и трудно было его удержать въ неволѣ; зимой-же, не имѣя пристанища, онъ снова отдавался въ руки полиціи. Уходилъ онъ въ лѣса и горы, гдѣ занимался звѣроловствомъ, а при случаѣ не брезгалъ и угономъ чужого скота. Въ послѣдній разъ Селезневъ бѣжалъ съ братомъ и товарищемъ по заключенію; но дорогой онъ поотсталъ въ одной деревнѣ, у знакомыхъ, и былъ тамъ пойманъ. Пришлось снова сидѣть въ тюрьмѣ цѣлыхъ два года; съ нимъ же посадили его девятилѣтняго сына и старика отца. За это время Селезневъ успѣлъ научить своего сына грамотѣ (по часослову) и составить новый планъ бѣгства; дѣйствительно на второй годъ всѣ трое и двое другихъ заключенныхъ убѣжали изъ тюрьмы. Сначала они скрывались въ Касмалинскомъ бору у первыхъ двухъ товарищей, бѣжавшихъ съ Селезневымъ. Здѣсь они держали совѣтъ и порѣшили на томъ, чтобы, взявъ съ собой женъ и что можно изъ хозяйства, двинуться на Бухтарму. За неимѣніемъ нужнаго числа своихъ лошадей, они угнали ихъ изъ сосѣднихъ деревень, нагрузили четыре воза мукой, захватили еще кое-что для хозяйства и двинулись „на Бухтарму“, но вѣрнѣе—куда глаза глядятъ. Всего поѣхало семь мужчинъ, одна женщина и мальчикъ. Дорогой имъ пришлось пережить немало страха и лишеній. Надо было незамѣтно переѣхать границу и не встрѣтиться съ бродячими шайками урянхайцевъ; послѣднихъ они избѣжали, но избѣжать встрѣчи съ пограничной военной командой имъ не

удалось: у пикета Красноярскаго они натолкнулись на такую команду, отъ которой пришлось искать спасенія верхами, бросивъ всѣ запасы. Послѣ долгихъ скитаній добрались наконецъ смѣльчаки до Бухтармы, гдѣ и построили себѣ двѣ деревянныхъ избы. Селезневъ, какъ человѣкъ бывалый и предусмотрительный, построилъ себѣ избу отдѣльно и укрѣпилъ ее, такъ что она представляла собою блокгаузъ. Занялись селезневцы охотой и рыбной ловлей Но съ первыхъ же дней имъ пришлось защищать себя отъ урянхайцевъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ урянхайцы угнали у нихъ всѣхъ лошадей. Въ другой разъ урянхайцы сдѣлали нападеніе на ихъ поселеніе, но селезневцы отсидѣлись въ своихъ избахъ, причемъ были однако двое изъ нихъ ранены. Тогда селезневцы рѣшили перейти въ наступленіе и силой избавиться отъ непріятнаго сосѣдства. Зимой, вооружившись чѣмъ только могли, селезневцы отправились на поиски врага, напали ночью на партію сонныхъ урянхайцевъ и всѣхъ перебили. Приставали къ нимъ

Русскій поселокъ Джума-Базаръ въ пескахъ Тайсуйюнъ.

и калмыки, но селезневцы повидимому ужиться съ ними не могли. Такъ, одна партія калмыковъ, поселившаяся у нихъ, стала нарушать право гостепріимства—отнимала хлѣбъ у оставшихся, когда селезневцы уходили на охоту; это возмутило ихъ, и они убили калмыковъ. Живя въ чужой странѣ, селезневцамъ приходилось быть каждую минуту на стражѣ, чтобы не допустить внезапныхъ нападеній урянхайцевъ, калмыковъ и другихъ инородцевъ, занимавшихся здѣсь звѣроловствомъ или просто грабежомъ (угономъ скота и др.). Разъ проходила мимо нихъ партія киргизъ-кайсаковъ (до 500 чел.), занимавшаяся грабежомъ окрестнаго населенія. Селезневцы засѣли въ своихъ укрѣпленныхъ домахъ и рѣшились защищаться до послѣдней крайности; но киргизы не рѣшились нападать, очевидно признавъ въ нихъ силу. Въ другой разъ эта-же партія предложила вступить селезневцамъ въ обмѣнъ, не рѣшаясь отобрать у нихъ силой нужные предметы. Оставшись безъ лошадей, селезневцамъ волей-неволей приходилось добывать ихъ тѣмъ-же путемъ у русскихъ. Весной на плотахъ спустился Селезневъ съ

тремя товарищами внизъ по Иртышу до дер. Прапорщиковой и здѣсь угналъ шесть лошадей; кража однако была замѣчена, и казаки поймали Селезнева съ однимъ изъ его товарищей, а другіе убѣжали. О дальнѣйшей судьбѣ этого, несомнѣнно недюжиннаго человѣка съ большой волей и умомъ, исторія ничего не говоритъ. Изъ слѣдственнаго показанія Селезнева видно, что у него на Бухтармѣ осталось послѣ поимки десять маральихъ и лосевыхъ кожъ, десять куницъ, пять красныхъ лисицъ, два волка, сто бѣлокъ, десять бараньихъ тулуповъ, четыре мѣдныхъ котла, три чугунныхъ, одинъ желѣзный, одинъ мѣденникъ и полтора фунта серебра. Очевидно, что Селезневъ былъ человѣкъ предпріимчивый и занимался не только охотой, но и раскопками въ древнихъ рудникахъ, а можетъ быть и въ курганахъ. По указанію Селезнева, на Бухтарму была отправлена команда казаковъ, которая и поймала селезневцевъ, за исключеніемъ одного, который убѣжалъ. Все добро, накопленное селезневцами, было захвачено казаками и ихъ командиромъ.

Разсказанный эпизодъ даетъ представленіе о томъ, какъ безъименная вольница заселяла эти края. Большее значеніе въ дѣлѣ колонизаціи сыграли старообрядцы, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, „двоедане“. Здѣсь мы коснемся этого движенія только отчасти, такъ какъ главная масса „двоеданъ“ шла на югъ современной Томской губ., гдѣ оно и будутъ разсмотрѣно болѣе подробно. Появились они сначала на нижней Бухтармѣ въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія. Сначала жила небольшая семья очевидно наиболѣе терпѣвшихъ гоненія за свои обычаи и бѣжавшихъ съ пограничныхъ деревень. Неприступность мѣстности защищала ихъ отъ всякихъ преслѣдованій. Достаточно было обжиться здѣсь первой семьѣ, чтобы на слѣдующіе годы сюда потянулись и болѣе рѣшительные. Скоро по Бухтармѣ и ея притокамъ образовалось нѣсколько селеній. Богатая природа и свобода способствовали скорому обогащенію трудолюбивыхъ жителей, и объ ихъ житьѣ пошли заманчивые разсказы. Это вызвало новый усиленный притокъ поселенцевъ; кто шелъ и селился около прежде поселившихся, кто шелъ дальше на новыя мѣста. Массовый побѣгъ пограничнаго населенія не могъ не вызвать стѣсненій со стороны администраціи, но это не помогало; не дали положительныхъ результатовъ и поиски командъ. Попасть въ Бухтарминскую долину съ сѣвера и теперь можно только по одному пути (изъ Усть-Каменогорска) и притомъ съ затрудненіями, а въ прежнее время это было тѣмъ болѣе затруднительно. Чтобы не потерять такъ много рабочаго крестьянства, правительство имп. Екатерины II пошло на уступки: оно обѣщало всѣмъ бѣжавшимъ („каменьщикамъ“, какъ называла ихъ администрація за то, что они убѣжали и скрывались въ каменистыхъ горахъ и ущельяхъ) прощеніе съ тѣмъ, чтобы они дали себя переписать и согласились нести подати. „Каменьщики“ согласились; оффиціально ихъ стало числиться тогда 318 чел., но на самомъ дѣлѣ ихъ было конечно больше: нѣкоторые не хотѣли записываться, другіе—не могли, въ виду небезупречнаго прошлаго; тѣ и другіе предпочли остаться свободными и передвинулись дальше вглубь горъ.

Присоединеніе „каменьщиковъ“ въ 1792 г. не остановило и не могло остановить начавшагося движенія. Причины, создавшія его (тяжелыя условія жизни на родинѣ, особенно заводскихъ крестьянъ, и прикрашенные разсказы о привольной жизни „каменьщиковъ“) продол-

жали существовать и влекли сюда многихъ. Признаніе за „каменьщиками“ законныхъ правъ на проживаніе въ чужой землѣ скорѣе усилило это движеніе, такъ какъ ободрило къ этому менѣе рѣшительные элементы населенія; для болѣе же отважныхъ оно давало увѣренность, что и на новомъ мѣстѣ они не будутъ наказаны за самовольный уходъ. Дѣйствительно здѣсь съ начала XVIII столѣтія и, какъ мы увидимъ ниже, до настоящихъ дней продолжается какое-то стихійное движеніе русскихъ на югъ, стремленіе найти мѣсто, гдѣ-бы жилось привольно, безъ стѣсненія. Это стремленіе, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, укоренилось въ сознаніи пограничнаго населенія; народная фантазія прибавила къ этому разсказы о существованіи блаженныхъ странъ, гдѣ людямъ нѣтъ ни отъ кого обиды, гдѣ природа щедро разсыпала свои дары,—и вотъ въ сознаніи мѣстныхъ жителей появилось смутное представленіе о дѣйствительности такихъ сказочныхъ странъ или *Бѣловодья*. „Черезъ все XVIII столѣтіе проходитъ неустанное исканіе этого фантастическаго эльдорадо, гдѣ рѣки текутъ медомъ, гдѣ не собираютъ податей, гдѣ, наконецъ, спеціально для раскольниковъ, не существуетъ Никоновской церкви“ говоритъ проф. Шмурло. Что населеніе не давало себѣ точнаго и яснаго отчета въ томъ, гдѣ есть такая страна, видно изъ того, что въ XVIII вѣкѣ „Бѣловодья“ искали въ сѣверо-западномъ Алтаѣ, и можетъ быть первые піонеры колонизаціи и находили его, но когда сюда передвинулась русская граница, Бѣловодье перешло въ таинственныя Бухтарминскія горы, куда скоро потянулись и „бѣловодцы“. Съ появленіемъ тамъ русской власти и болѣе многочисленнаго населенія, народное сознаніе перенесло „Бѣловодье“ далѣе на югъ, въ южные, неприступные хребты Алтая, а затѣмъ еще далѣе на югъ—въ Китай. И это естественно: „Надѣляя намѣченную область идеальными качествами, русскій колонизаторъ, попадая въ нее, каждый разъ долженъ неизбѣжно убѣждаться, что и тутъ жизнь имѣетъ свою оборотную сторону, что и тутъ соціальныя отношенія зачастую выступаютъ во всей своей жестокости и неумолимой требовательности. Первоначальная мысль, что онъ нашелъ Бѣловодье, смѣнялась мыслью, что это Бѣловодье въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ наступало извѣстное разочарованіе, слабѣе, если новыя условія жизни, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, всетаки оказывались существенно лучше старыхъ, сильнѣе—если разница между брошеннымъ гнѣздомъ и вновь заведеннымъ оказывалась ничтожною. Въ первомъ случаѣ человѣкъ легко примирялся съ мыслью, что Бѣловодье такъ-таки и не далось ему въ руки, во второмъ случаѣ—вновь поднимался съ мѣста при первомъ же случаѣ и шелъ на его поиски“ (Шмурло). Для иллюстраціи этого движенія остановимся на нѣкоторыхъ случаяхъ исканія Бѣловодья въ 20—60-хъ годахъ XIX столѣтія.

Въ 1826 г. партія въ 38 чел. (мужчинъ, женщинъ и дѣтей) бѣжала на оз. *Канасъ* (въ китайскихъ предѣлахъ), гдѣ и думала зажить на привольѣ. За ними была послана погоня, которой, однако, не удалось вернуть бѣжавшихъ, и только обѣщаніемъ манифеста о помилованіи воротили ихъ обратно. Большіе размѣры приняло исканіе Бѣловодья въ 1828 г. въ предѣлахъ Томской губ. Въ 1832 г. бѣгали въ Китай 42 крестьянина, но были возвращены. Въ 1861 г. появились крестьяне въ Нарымской долинѣ (дер. Таловка и Медвѣдка), смущенные фантасти-

ческими разсказами бывалыхъ людей Бобровыхъ о существованіи гдѣ-то вблизи Бѣловодья: 55 чел. мужчинъ и женщинъ въ тотъ же годъ изъ пограничныхъ деревень перешли границу (р. Нарымъ), перевалили Нарымскій хребетъ и направились „въ Бѣловодье“, но вожаки Бобровы сбились съ пути и вывели партію на призайсанскія пустыни и въ низовья *Алкабека* (на пески). Два года бродила партія въ китайскихъ предѣлахъ, но обѣтованной земли не нашла; да и китайцы не вездѣ позволяли селиться. Ничего не оставалось дѣлать, какъ возвращаться домой. Бобровы и нѣсколько другихъ не захотѣли возвращаться и исчезли неизвѣстно куда. Администрація посмотрѣла на воротившихся снисходительно и даже сдѣлала имъ благодѣяніе—вернула дома и часть имущества, которое было распродано, когда крестьяне задумали искать Бѣловодье. Это не остановило движенія: вскорѣ появились русскія селенія въ горахъ по р. *Кабъ* и близъ оз. *Марка-Куля*. Хлѣбопашество, пчеловодство, рыболовство, охота—все это давало тамъ хорошіе результаты, и крестьяне, несмотря на протесты киргизъ, основали здѣсь свои деревни. Русскому правительству, при заключеніи трактата съ китайцами (1881 г.), пришлось выговаривать себѣ всю полосу земли между Нарымомъ и Кальджиромъ, какъ фактически уже захваченную русскими. Департаментъ земледѣлія въ 1885 г. включилъ эти мѣста въ число тѣхъ, гдѣ должны быть отведены участки для переселенцевъ, послѣ чего заселеніе ихъ пошло еще быстрѣе. Первые колонисты Кабинскихъ долинъ однако вскорѣ снова поднялись и пошли на новыя мѣста; образованныя деревни запустѣли, но потомъ снова пополнялись пришлымъ населеніемъ; послѣднее, проникшись стремленіемъ къ „Бѣловодью“, само пополнило ряды идущихъ на новыя мѣста, усиливая такимъ образомъ вольную колонизацію края. Въ 1896 г. въ Кабинскихъ долинахъ существовало три оффиціальныхъ деревни (болѣе 500 чел. обоего пола)—*Тюсь-Каинъ*, *Чанагаты* и *Балыкъ-Булакъ*; да можетъ быть человѣкъ до ста или болѣе, ищущихъ „Бѣловодья“ и ушедшихъ въ предѣлы Китая, жило въ горахъ.

Такимъ образомъ и въ настоящее время вольная колонизація, не смотря на препятствія, продолжаетъ существовать и будетъ, пока существуютъ причины, ее создающія. Насколько сильно это стремленіе къ исканію привольныхъ мѣстъ, можно судить по тому, что крестьяне проникаютъ въ самыя глухія мѣстности, преодолѣвая всѣ препятствія: извѣстно, что Пржевальскій открылъ колонію русскихъ крестьянъ-старообрядцевъ въ центральномъ Китаѣ (у Лобъ-Нора).

Въ настоящее время еще нѣтъ возможности подвести итоги крестьянскому заселенію края, какъ потому, что оно еще продолжается, такъ и потому, что прошло еще недостаточно времени. Но во всякомъ случаѣ край много выигралъ отъ переселенія. Разнообразныя природныя богатства края, какъ мы видѣли изъ первой главы, оставались нетронутымъ, мертвымъ капиталомъ; самъ край былъ дикой, почти безлюдной страной, по которой только изрѣдка кочевали киргизы. Коренное осѣдлое населеніе—казаки оказалось неспособнымъ къ колонизаторской дѣятельности, что̀ признавала (какъ мы видѣли выше) и мѣстная администрація [1]).

[1]) Не безъинтересно отмѣтить, что съ 1850-хъ годовъ у сибирскихъ казаковъ не возникло *ни одного* селенія.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ колонизація края и его культурное развитіе совершались бы крайне медленно, природныя богатства оставались бы долго недоступными. Съ появленіемъ крестьянъ, край получилъ довольно значительное земледѣльческое населеніе (болѣе 200 тыс. ч.), былъ прорѣзанъ въ нѣсколькихъ направленіяхъ цѣпью крестьянскихъ деревень и проселочныхъ дорогъ, въ сѣверной же части даже довольно часто. Въ краѣ развилась хлѣбная производительность настолько, что Кустанайскій уѣздъ сталъ одинъ вывозить хлѣба милліоны пудовъ. Съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги колонизація прилегающихъ степей пріобрѣла еще большее значеніе для культурнаго развитія края.

Грамотность и *распространеніе знаній* опредѣляютъ собой ростъ и культурное развитіе страны. Познакомившись съ исторіей развитія просвѣщенія въ краѣ, мы можемъ составить представленіе объ его культурности въ теперешнемъ состояніи.

Киргизскій край въ этомъ отношеніи находился въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Покоривъ край, русскіе не могли перейти къ культурной работѣ потому, что первоначальное завоеваніе совершалось исключительно съ цѣлью обогащенія, и первые завоеватели были совершенно неподготовлены къ культурной роли. Это были грубые, невѣжественные люди съ первобытной нравственностью, съ сомнительнымъ прошлымъ; правда, и при всемъ этомъ, они оказались развитѣе инородцевъ, но не настолько, чтобы, покоривъ ихъ, могли сознательно перейти къ мирной культурной работѣ; они не приложили усилій даже къ тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своимъ трудомъ. Напротивъ, они выбрали другой, болѣе легкій способъ наживы — грабежъ покореннаго инородца и расхищеніе природныхъ богатствъ.

Просвѣтительную роль при завоеваніи восточной части Киргизскаго края могло бы играть тогда только духовенство, но оно было слишкомъ незначительно, и центръ его находился слишкомъ далеко отъ края (Тобольскъ), чтобы можно было оказывать замѣтное вліяніе на жизнь края. Московское правительство, правда, старалось посылать въ Сибирь воеводъ и другихъ своихъ представителей—грамотныхъ; но источниками просвѣщенія эти люди не были, и забота объ этомъ не вмѣнялась имъ въ обязанность; грамотность ихъ служила имъ только для донесеній и приказовъ; московскому правительству, назначая ихъ, приходилось заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы они не притѣсняли народъ и исправно присылали подати. Сосланные въ тѣ времена грамотные поляки и запорожцы также повидимому не оказали въ этомъ отношеніи какого-нибудь вліянія: скорѣе они забывали здѣсь свои прежнія знанія и грамотность.

Послѣ того, какъ русское населеніе достаточно увеличилось и болѣе или менѣе осѣло на своихъ мѣстахъ (съ конца XVII в.), въ немъ началось стремленіе къ грамотности, но это стремленіе вызывалось чисто эгоистическими побужденіями небольшой сословной кучки. Воеводы, приказные, дьяки и др. служилые люди старались дать своимъ дѣтямъ (или родственникамъ) грамотность, чтобы удержать за своей семьей привиллегированное положеніе. Только въ XVIII вѣкѣ центральная власть (генералъ-губернаторы) выдвинули вопросъ объ открытіи школъ, хотя также не

для всего населенія, а только для военнаго сословія. Изъ послужныхъ списковъ 1761 г. видно уже, что на Сибирской линіи (отъ Тобола до Иртыша) изъ 78 урядниковъ и капраловъ—47 были грамотны, изъ 18 офицеровъ—всѣ были грамотны. Въ 1765 году начальникомъ сибирскихъ войскъ Шпрингеромъ были открыты „гарнизонныя школы" въ *Омскѣ, Петропавловскѣ* и *Ямышевѣ*; эти школы въ первый-же годъ имѣли 240 чел. учащихся. Въ 1789 г. въ Омскѣ была открыта „азіатская школа" для подготовки переводчиковъ (толмачей); въ ней, кромѣ элементарной грамоты и ариѳметики, преподавались татарскій, турецкій, арабскій и персидскій языки. Позже къ ней были прибавлены землемѣрный и топографическій классы. Въ 1813 г. въ Омскѣ было открыто первое общеобразовательное училище съ военными предметами—„войсковое училище", нѣчто вродѣ военной гимназіи. О доступномъ же всѣмъ народномъ образованіи тогда серьезно никто не заботился.

Духовенство хотя и имѣло съ начала XIX столѣтія свои церковныя школы, но ихъ было мало, и результаты обученія въ нихъ были неудовлетворительны благодаря плохому подбору учителей (малограмотные дьячки, отставные солдаты и т. п.). Казачьи школы (въ Сибирскомъ войскѣ) хотя заведены были также издавна (къ началу 50-хъ годовъ ихъ считалось 60), но въ задачу ихъ входило не распространеніе грамоты во всемъ казачьемъ населеніи: онѣ служили больше для удовлетворенія потребности въ грамотныхъ людяхъ на службѣ (подготовляли писарей, урядниковъ и т. д.). Учителями въ нихъ были такіе-же малограмотные казаки; отпускалось на такую школу по 2 р. 40 к. въ мѣсяцъ.

Дѣло народнаго образованія замѣтно двинулось впередъ въ царствованіе имп. Александра II, когда и въ сибирскомъ обществѣ стало замѣчаться стремленіе къ просвѣщенію вообще. Въ 1860-хъ годахъ въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ существовали уже, благодаря заботамъ одного изъ наиболѣе выдающихся мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, ген. Казнакова, десятки низшихъ школъ (кромѣ казачьихъ), открылось нѣсколько прогимназій; преобразованы были кантонистскія училища (въ Омскѣ) и замѣнены военно-начальными [1]); у казаковъ стали отпускаться средства на стипендіи въ спеціальныя учебныя заведенія и увеличилось число низшихъ школъ. Появились частныя школы (напр. Соколова въ Омскѣ), воскресныя школы, библіотеки уѣздныхъ и городскихъ училищъ стали доступными посторонникъ лицамъ. Параллельно съ этимъ шло открытіе среднихъ и спеціальныхъ школъ, главнымъ образомъ въ Омскѣ, какъ административномъ центрѣ. Въ 1836 г. въ Омскѣ былъ открытъ кадетскій корпусъ; въ 1852 г.—фельдшерская школа; въ 1858 г.—уѣздное училище; въ 1863 г.—Омская женская гимназія; въ 1871 г. были открыты женскія прогимназіи въ Петропавловскѣ и Семипалатинскѣ; въ 1872 г.—

[1]) До 1856 г. всѣ солдатскія дѣти должны были съ 14 лѣтъ поступать въ кантонистскія школы, гдѣ они и подготовлялись, а потомъ сразу шли на службу. Съ закрытіемъ школъ солдатскимъ дѣтямъ позволено было оставить школы и идти къ родителямъ. „Монаршая милость эта", говоритъ манифестъ, „возвратила въ нѣдра семействъ до 378 тысячъ малолѣтнихъ (во всей Россіи, а въ Омскѣ — до 600 чел.), которые, получивъ гражданскія права, перестали считать себя при жизни родителей сиротами".

учительская семинарія въ Омскѣ, въ 1876 г.—мужская гимназія въ Омскѣ. Общество начало относиться къ дѣлу просвѣщенія ревностнѣе: города ассигновали значительныя суммы на поддержку начальныхъ школъ и женскихъ прогимназій [1]).

Въ началѣ 1880-хъ годовъ открылось въ краѣ первое частное просвѣтительное общество — „попеченія о начальномъ образованіи“ (въ Омскѣ). Вообще начиная съ 1860-хъ годовъ просвѣщеніе стало дѣлать въ краѣ замѣтные успѣхи. За послѣднее время обращено вниманіе на сельскохозяйственное образованіе и на распространеніе въ краѣ знаній и ремеслъ; съ этой цѣлью съ 1885 г. были открыты въ уѣздахъ низшія сельско хозяйственныя школы. Наконецъ нельзя не упомянуть объ открытіи въ Омскѣ Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества, который, какъ въ дѣлѣ изученія края, такъ и въ качествѣ просвѣтительнаго общества, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія края, сплачивая около себя лучшія мѣстныя культурныя силы (открытъ въ 1877 г.).

Распространенію грамотности въ *киргизскомъ* населеніи было положено основаніе давно: первыя начальныя школы были открыты даже значительно ранѣе, чѣмъ для русскаго населенія, но русская грамотность среди нихъ весьма незначительна.

Такой неуспѣхъ русской грамоты среди инородцевъ объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что въ этихъ школахъ вначалѣ заботились не столько о томъ, чтобы научить дѣтей русской грамотѣ, сколько о томъ, чтобы дать имъ опредѣленное идейное направленіе. Такъ, первыя школы были открыты администраціей въ 1782 г. при многихъ мечетяхъ; учителями были наняты тобольскіе татары для того, чтобы парализовать вліяніе средне-азіатскихъ муллъ на подвластное русскимъ киргизское населеніе. Киргизамъ былъ открытъ вмѣстѣ съ тѣмъ полный доступъ въ русскія училища. Въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія были открыты во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Акмолинской и Семипалатинской областей школы-интернаты исключительно для киргизскихъ дѣтей (впослѣдствіи преобразованныя въ низшія сельско-хозяйственныя школы). Въ настоящее время здѣсь открываются аульныя школы.

Въ Тургайской обл. начало народному образованію положено съ основанія области (1869 г.), на что ассигновано было 800 руб.; но первую школу, двухклассную русско-киргизскую, удалось открыть только въ 1879 г. Затѣмъ развитіе школьнаго дѣла продолжалось довольно успѣшно. Въ 1883 г. была открыта учительская школа въ *Оренъ* Оренбургской губ. (пограничномъ съ Тургайской обл.), ремесленное училище въ *Тургаѣ*; въ 1887 г. появились русскія волостныя школы; въ 1891 г.—женскія начальныя въ *Тургаѣ*, *Актюбинскѣ*, *Кустанаѣ* и *Кара-Бутакѣ*; въ 1892 г. были спеціально для киргизъ устроены передвижныя аульныя школы, по программѣ, равной двумъ первымъ отдѣленіямъ одноклассныхъ министерскихъ школъ. Есть также около 20 школъ церковно-приходскихъ. Наибольшее число школъ (до 54) находится въ наиболѣе населенномъ уѣздѣ.—Кустанайскомъ, менѣе (до 12)—въ Тургайскомъ. Сред-

[1]) До 1856 г. въ Омскѣ, напр., была одна приходская школа, поддерживаемая двумя купцами, на которую городъ давалъ только 30 руб.; въ 1870-хъ же годахъ городъ содержалъ 4 училища, тратя на нихъ до 4 т. р.

нихъ учебныхъ заведеній въ Тургайской области нѣтъ. Въ Уральской области начальное образованіе поставлено довольно удовлетворительно: кромѣ войсковыхъ казачьихъ школъ здѣсь есть министерскія (русскія и киргизскія) и церковно-приходскія. Статистическія данныя за 1900 г. рисуютъ намъ положеніе начальнаго образованія въ краѣ въ слѣдующемъ видѣ (см. таблицу на этой страницѣ).

Первое мѣсто по числу школъ занимаетъ Уральская обл., послѣднее — Семипалатинская. Одна школа приходится въ краѣ на 3.065 ч. Наличнаго числа школъ, какъ мы видимъ, весьма еще недостаточно, и мысль о всеобщемъ обученіи въ краѣ—пока недостижимая мечта.

Не въ лучшемъ положеніи находится край и относительно *средняго* и *спеціальнаго* образованія. Такіе значительные и сравнительно довольно богатые города, какъ Семипалатинскъ и Петропавловскъ, не имѣли до сихъ поръ ни одного средняго учебнаго заведенія (если не считать въ первомъ недавно открытой мужской прогимназіи); между тѣмъ нужда въ нихъ весьма ощущается, такъ какъ имѣющіяся среднія учебныя заведенія въ Омскѣ переполнены. Въ Уральскѣ имѣется реальное (войсковое) училище и женская гимназія — единственныя среднія учебныя заведенія на Уральскую и Тургайскую области, а первое кромѣ того и на весь Киргизскій край. Лучшее положеніе занимаетъ г. Омскъ, гдѣ находятся мужская и женская гимназіи, кадетскій корпусъ, учительская семинарія, механико-техническое, желѣзнодорожное техническое училища и фельдшерская школа. Въ селѣ *Боровомъ* (въ 60 в. отъ Кокчетава) находится лѣсное училище.

ОБЛАСТИ.	Населеніе въ 1900 г.	Пространство въ кв вер.	Школы М. Н. П.			Духовнаго вѣдомства.			Казачьяго вѣдомства.			Другихъ вѣдомствъ и частныя.			ИТОГО.				Одна школа прих.	
			школъ.	мальч.	дѣвоч.	школъ.	мальч.	дѣвоч.	школъ.	мальч.	дѣвоч.	школъ.	мальч.	дѣвоч.	школъ.	мальч.	дѣвоч.	Всего.	на жителей.	на кв. вер.
Акмолинская .	803.994	479.200	129	6.028	2.354	[1])—	—	—	90	2.765	1.082	22	746	272	241	9.539	3.708	13.247	3.336	1.980
Семипалат. . .	686.053	442.245	25	1.276	727	13	522	149	56	1.420	457	19	897	—	114	4.115	1.357	5.472	6.018	3.879
Уральская . .	691.687	284.412	42	1.835	60	57	1.017	969	107	2.955	977	74	1.665	174	280	[2])7.472	2.180	9.652	2.470	1.015
Тургайская .	461.516	400.830	117	2.466	475	45	1.094	497	—	—	—	—	—	—	162	3.560	962	4.522	2.848	2.474
Весь край	2.443.250	1.606.687	323	11.605	3.616	115	2.633	1.615	253	7.140	1.613	115	3.308	446	797	24.686	8.207	32.893	3.065	2.016

[1]) Въ томъ числѣ и церковноприходскія школы.
[2]) Кромѣ того 183 школъ мастеровъ и мастерицъ съ 1.214 мужч. и 915 женщ.

Остается за Омскомъ первенство и со стороны развитія *книжнаго, типографскаго* и *издательскаго* дѣла. Въ Омскѣ есть три частныхъ типографіи (двѣ изъ нихъ съ литографіями) и двѣ правительственныхъ (съ литографіями), картографическое и литографическое заведеніе (Военно-Топографическаго отдѣла); издаются четыре періодическихъ изданія („Степной Край", „Сельскохозяйственный Листокъ"—на русскомъ и киргизскомъ языкахъ, „Епархіальныя Вѣдомости" и „Областныя Вѣдомости") и кромѣ того отдѣльные „Труды" ученыхъ обществъ (Географическаго, Медицинскаго и Сельскохозяйственнаго). Имѣется два книжныхъ магазина и четыре мелкихъ торговли книгами, двѣ публичныхъ библіотеки и двѣ народныхъ читальни. Изъ другихъ городовъ восточныхъ областей края имѣетъ типографію, одну книжную торговлю, библіотеку и періодическое изданіе („Областныя Вѣдомости") Семипалатинскъ; въ Петропавловскѣ есть небольшая книжная торговля и библіотека; въ другихъ городахъ (Акмолинскъ, Кокчетавъ, Каркаралинскъ, Павлодаръ, Усть-Каменогорскъ и Зайсанъ) есть небольшія общественныя библіотеки. Въ западной части края (Уральской и Тургайской обл.) Уральскъ имѣетъ типографію, книжный магазинъ, общественную библіотеку, народную читальню и три періодическихъ изданія („Областныя" и „Войсковыя Вѣдомости" и газету „Уралецъ"). Въ Тургайской области въ Кустанаѣ, Иргизѣ и Актюбинскѣ есть общественныя библіотеки, въ первомъ кромѣ того—народная читальня; типографій и книжныхъ магазиновъ въ области нѣтъ; „Тургайскія Вѣдомости" съ приложеніемъ „Тургайской Газеты" (на русскомъ и киргизскомъ языкахъ) издаются въ Оренбургѣ.

Все сказанное о развитіи книжнаго, типографскаго, издательскаго и библіотечнаго дѣла въ краѣ иллюстрируется нижеслѣдующей таблицей, въ которую внесено кромѣ того и число ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ, играющихъ замѣтную роль въ культурномъ развитіи края:

ОБЛАСТИ.	Типографій и литографій.	Книжныхъ магазиновъ и лавокъ.	Періодическихъ и ученыхъ изданій.	Ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ.	Библіотекъ.		Музеевъ.
					Общественныхъ.	Народныхъ читаленъ.	
Акмолинская	10	6	7	7	6	3	1
Семипалатинская.	2	1	2	2	5	2	1
Тургайская.	—	—	2	1	3	1	—
Уральская	2	2	3	3	1	2	1
Всего въ краѣ. . . .	14	9	14	13	15	8	3

Изъ этой таблицы, а также изъ предъидущаго видно, что Акмолинская обл. (собственно г. Омскъ) занимаетъ въ культурномъ отношеніи первое мѣсто въ краѣ; наиболѣе отсталой является Тургайская

обл., культурный ростъ которой тормозится отчасти отсутствіемъ крупныхъ населенныхъ пунктовъ. Высшее образованіе въ краѣ удовлетворяется учрежденіемъ стипендій въ ближайшихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—Томскомъ университетѣ и технологическомъ институтѣ, Казанскомъ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ, Московскомъ университетѣ, сельскохозяйственномъ институтѣ и нѣкоторыхъ другихъ; но такихъ стипендій немного. Край нуждается въ открытіи высшаго сельскохозяйственнаго и ветеринарнаго института, такъ какъ земледѣліе и скотоводство составляютъ краеугольный камень его экономическаго благосостоянія; отсутствіе же ученыхъ и практиковъ-спеціалистовъ по этимъ отраслямъ отзывается весьма неблагопріятно какъ на ихъ теперешнемъ состояніи, такъ и на ихъ дальнѣйшемъ развитіи.

ГЛАВА V.

Распредѣленіе населенія Киргизскаго края по территоріи, его этнографическій составъ, бытъ и культура.

А. П. Сѣдельникова.

Пространство и административное дѣленіе края.—Сибирское и Уральское казачьи войска.—Количество населенія и распредѣленіе его въ краѣ.—Сравнительная плотность населенія.—Ростъ и движеніе населенія за послѣдніе годы.—Сравнительное количество городского, сельскаго и кочевого населенія.—Величина и ростъ городовъ; густота и людность русскихъ и киргизскихъ поселеній.—Распредѣленіе населенія по поламъ, сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ.—Этнографическій составъ населенія.—Общія замѣчанія о „сибирякѣ", великоруссахъ, малоруссахъ и другихъ народностяхъ края.—Сибирскіе казаки.—Уральскіе казаки.—Крестьяне.—Киргизы

Киргизскій край занимаетъ обширную площадь въ 1 606.687 кв. верстъ, что̀ равняется $^1/_3$ всей Европейской Россіи (считая Финляндію, Польшу и Кавказъ) или $^1/_3$ всей Западной Европы, такъ что пространство каждой изъ входящихъ въ его составъ областей равно пространству главныхъ государствъ Европы.

Въ административномъ отношеніи Киргизскій край представляетъ четыре военныхъ области: Акмолинскую, Семипалатинскую, Уральскую и Тургайскую. Учреждены области въ 1868 году изъ земель сибирскихъ и оренбургскихъ киргизъ и земель Сибирскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ—для бо̀льшаго удобства въ управленіи киргизами и казачьими войсками, причемъ были сдѣланы большія преобразованія. „Уставъ о сибирскихъ киргизахъ", которымъ опредѣлялась жизнь этой окраины до того, былъ отмѣненъ и было введено новое „Временное положеніе объ управленіи въ степныхъ областяхъ" (въ настоящее время нѣсколько измѣненное). Въ силу этого положенія киргизскія земли признаны государственной собственностью, предоставленной киргизамъ лишь въ общественное пользованіе, а въ управленіи введены значительныя перемѣны. Султанская власть и окружные приказы упразднены; киргизамъ предоставлено народное управленіе (выборными изъ своей среды); ясачная подать замѣнена кибиточнымъ сборомъ и введены различныя другія реформы.

Военное и гражданское управленіе ввѣрялось съ этого времени военнымъ губернаторамъ областей. Акмолинская и Семипалатинская вмѣстѣ съ сосѣдней Семирѣченской составляли (съ 1882 г.) кромѣ того Степное генералъ-губернаторство. Мелкими административными дѣленіями какъ для киргизскаго, такъ и для русскаго населенія являются уѣзды.

Акмолинская и Семипалатинская области раздѣлены на пять уѣздовъ каждая; Уральская и Тургайская—на четыре уѣзда каждая; такимъ образомъ во всемъ краѣ 18 уѣздовъ. Киргизское населеніе, какъ и русское, разбито кромѣ того по волостямъ. Въ Акмолинской обл.—55 волостей, въ Семипалатинской—84, въ Уральской—60, въ Тургайской—54 (?); волости въ свою очѣредь раздѣлены на *аулы*, а послѣдніе на *кибитки* (юрты). Во главѣ волостей стоятъ выборные киргизы—волостные старшины; они подчинены непосредственно уѣздному начальнику. Кромѣ того въ составъ Акмолинской и Семипалатинской обл. входитъ, какъ самостоятельное административное учрежденіе, *Сибирское казачье войско*, а въ составъ Уральской—*Уральское казачье войско*.

Основаніемъ Сибирскаго казачьяго войска послужили первые военные колонисты края—„крѣпостные казаки", состоявшіе изъ разнаго рода ратныхъ людей—городовыхъ, донскихъ, уральскихъ казаковъ, башкиръ, татаръ, малороссовъ и др. Извѣстный казачій писатель Усовъ такъ характеризовалъ Сибирское войско: „Оно не было, подобно Донскому и Яицкому, самобытнымъ продуктомъ земской колонизаціи окраинъ, но во всеоружіи вышло изъ рукъ администраціи и своимъ существованіемъ совершенно обязано правительству. Эта черта запечатлѣлась на всей его послѣдующей исторіи: во все время его существованія правительство, безъ посредства самого народа, производило въ немъ необходимыя реформы, увеличивало его составъ посредствомъ принудительной колонизаціи; открыло ему способы къ внутреннему естественному размноженію, доставляя женъ изъ ссыльныхъ, преступницъ и освобожденныхъ изъ остроговъ колодницъ; сплотило его изъ различныхъ элементовъ въ однородный организмъ, влило образованіе въ невѣжественную темную массу, дало общественныя учрежденія, мѣстное самоуправленіе; изъ общаго ультра-плебейскаго уровня массы выдвинуло на поверхность путемъ служебной выслуги и научнаго воспитанія привиллегированный классъ личныхъ дворянъ и офицеровъ; возбудило экономическую жизнь и дѣятельность хлѣбопахатную, промышленную, торговую, ремесленную и поставило эту дѣятельность въ опредѣленныя, стѣсняющія рамки въ силу военныхъ требованій отъ казаковъ". Этими немногими словами вполнѣ опредѣляется характеръ Сибирскаго казачьяго войска.

Въ 1808 г. было утверждено положеніе о *Сибирскомъ линейномъ казачьемъ* войскѣ, какъ отдѣльномъ сословіи съ особыми правами, привиллегіями и обязанностями. Въ 1846 г. было введено новое положеніе, которое въ 1861, 69 и 71 г.г. было нѣсколько измѣнено; въ 1880 г. было учреждено новое положеніе о службѣ казаковъ, которое дѣйствуетъ до настоящаго времени. Войско раздѣляется на три военныхъ отдѣла (1-й, 2-й и 3-й); изъ нихъ первые два входятъ въ составъ Акмолинской обл., послѣдній—въ составъ Семипалатинской обл. и части Томской губ. Вѣдѣнію атамановъ отдѣла подлежитъ военное, хозяйственное и администра-

ПЛЕМЕНА
КИРГИЗСКАГО КРАЯ
сост. А. Сьдельниковъ.

7.

ГУСТОТА НАСЕЛЕНІЯ
КИРГИЗСКАГО КРАЯ
сост. А. Сьдельниковъ.

8.

„Россія" Т. XVIII. Изд. А. Ф. Девріена С. П. Б.
Лит. И. Кадушкина С. П. Б.

тивное управленіе поселками; дѣйствія ихъ подлежатъ наблюденію и руководству войскового правленія и наказного атамана (степного генералъ-губернатора). Поселковое управленіе сосредоточено въ поселковыхъ и станичныхъ управленіяхъ, атаманы которыхъ избираются изъ казаковъ. (Въ настоящее время въ войскѣ 173 поселка и 35 станицъ). Войску принадлежитъ (въ Акмолинской и Семипалатинской обл.) болѣе 5 милліоновъ десятинъ (въ томъ числѣ отданная во временное пользованіе „десятиверстная полоса“—около милліона дес.). Земли войска дѣлятся на три типа: юртовые надѣлы (земли станицъ и поселковъ, изъ которыхъ отводится на мужскую душу по 25 дес. удобной земли), потомственные участки офицеровъ и чиновниковъ и запасные (1/2 милл. дес.). Войско имѣетъ свой капиталъ (къ 1895 г. 1.008.536 руб.; за послѣдніе годы, вслѣдствіе неурожаевъ и другихъ причинъ, сумма эта значительно уменьшилась). Войско само ведетъ хозяйство, устраиваетъ школьную и врачебную часть и т. д. Въ мирное время оно обязано выставлять до 3.150 чел., въ военное—до 9.120 чел., вполнѣ снаряженныхъ къ войнѣ.

Уральское казачье войско образовано изъ Яицкаго (въ 1775 г., послѣ участія его въ пугачевскомъ бунтѣ); а 1591 г. считается годомъ основанія войска, какъ организованной военной силы. Въ настоящее время войско дѣлится на три военныхъ отдѣла (1-й Уральскій, 2-й Лбищенскій и 3-й Гурьевскій), управляемыхъ атаманами, которые подчинены, какъ и въ Сибирскомъ—войсковому правленію. Послѣднему принадлежитъ руководящая роль; въ его занятіяхъ принимаетъ участіе и съѣздъ выборныхъ отъ станицъ. Мѣстныя дѣла вѣдаются поселковыми и станичными атаманами (всего 135 поселковъ и 31 станица). Войско ведетъ разнообразное хозяйство (изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ рыбный промыселъ); оно имѣло къ 1899 г. войскового капитала 1.874.303 руб. (изъ нихъ 601.000 р. „нѣтчиковаго“ спеціально на снаряженіе казаковъ). Войску принадлежитъ около 6 милл. дес. земли, которая находится въ *общинномъ* пользованіи. Община регулируетъ пользованіе землей, сѣнокосными и другими угодьями, рыбный промыселъ, скотоводство, сборъ ягодъ и др.—вообще такъ или иначе затрагиваетъ всѣ стороны хозяйственной жизни казака. Въ мирное время войско обязано выставлять до 2.500 чел. нижнихъ чиновъ, въ военное—до 8.670 чел. Воинская повинность въ обоихъ войскахъ—одна изъ главныхъ тяготъ, тормозящихъ мирное культурное развитіе казачьяго населенія, такъ какъ до 33 лѣтъ казакъ считается на службѣ и не можетъ свободно заняться хозяйствомъ.

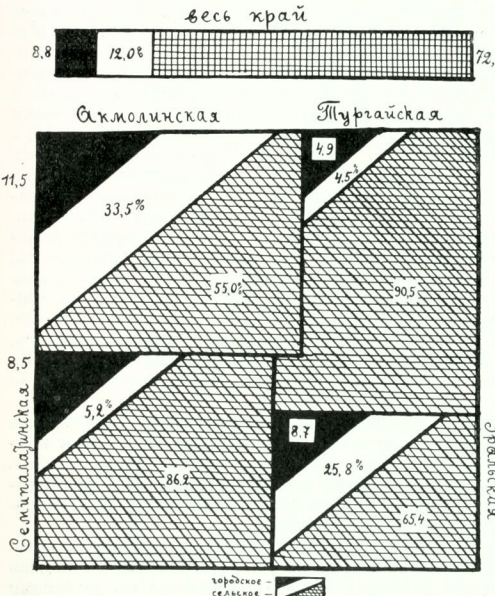
Крестьянское населеніе края въ настоящее время еще не устроено окончательно. Въ первое время крестьянскія поселенія и волости подчинены были наравнѣ съ киргизами уѣзднымъ начальникамъ, затѣмъ для Акмолинской обл. были учреждены особые чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, которыхъ замѣнили (съ 1897 г.) крестьянскіе чиновники, а съ 1902 г.—крестьянскіе начальники.

Перейдемъ теперь къ болѣе подробному описанію населенія края.

Насколько Европейская Россія, а въ особенности Западная Европа оживлены тысячами богатыхъ городовъ и селеній съ десятками милліоновъ населенія — настолько безлюдны громадныя пространства Киргизскаго края; на немъ совершенно теряются десятка два городовъ, нѣсколько сотенъ селеній и стоянки киргизъ, съ населеніемъ всего

въ 2.643.250 чел., или по 1,6 ж. на 1 кв. вер. По даннымъ 1900 г., населеніе въ краѣ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

ОБЛАСТИ.	Пространство въ кв. в.	Населеніе.			Жителей на 1 кв. в.
		Осѣдлое.	Кочевое.	Всего.	
Акмолинская . .	479.200	361.770	442.224	803.994	1,6
Семипалатинская	442.245	94.352	591.701	686.053	1,4
Тургайская . . .	400.830	41.224	420.292	461.516	1,1
Уральская. . . .	284.412	238.713	452.974	691.687	2,4
Весь край .	1.606.687	736.059	1.907.191	2.643.250	1,6



Сравнительная величина областей и распредѣленіе въ нихъ городского, сельскаго и кочевого населенія.

Наибольшее число населенія приходится, какъ мы видимъ, на Акмолинскую область, наименьшее — на Тургайскую; по плотности населенія первое мѣсто занимаетъ Уральская обл., а послѣднее — Тургайская. Въ силу естественно-историческихъ условій населеніе края распредѣлилось въ областяхъ неодинаково: наиболѣе густо населены *сѣверные* уѣзды или, вѣрнѣе, уѣзды, соприкасающіеся съ губерніями Томской и Тобольской въ Сибири, Астраханской, Самарской и Оренбургской — въ Европейской Россіи. Объясняется это тѣмъ, что здѣсь

лежатъ (какъ мы видѣли изъ первой главы) наилучшія по своимъ природнымъ богатствамъ мѣстности, что̀ привлекало какъ аборигеновъ края, такъ и, особенно въ послѣднее время,— переселенцевъ-крестьянъ; имѣло значеніе и то обстоятельство, что прилежащія губерніи населены были гуще, и этотъ избытокъ естественно переходилъ въ предѣлы нашего края (напр. изъ Тобольской губ. въ началѣ 1880-хъ годовъ въ сосѣдніе Петропавловскій и Кустанайскій уѣзды). Наконецъ нельзя не указать и на то, что завоеватели края—служилые люди и вольница, составившіе впослѣдствіи Сибирское и Уральское казачьи войска, начали свои наступательныя дѣйствія именно въ этихъ мѣстахъ, а, завоевавъ край, не разошлись по нему, но осѣли по сѣверной, восточной и западной его окраинамъ. Вотъ почему болѣе плотно населены уѣзды Уральскій, Петропавловскій, Кустанайскій, Семипалатинскій, менѣе—такіе малопригодные, по бѣдности природы, внутренніе уѣзды, какъ Атбасарскій, Иргизскій, Тургайскій, гдѣ не только для осѣдлаго населенія, но и для кочевника условія существованія неблагопріятны. Изъ прилагаемой картограммы видно, какъ неравномѣрно распредѣлено населеніе въ краѣ. Средняя плотность населенія весьма незначительна (1,6 чел.), такъ что съ этой стороны Киргизскій край занимаетъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ въ Россіи.

Если сравнить современное количество населенія съ тѣмъ, какое было двадцать лѣтъ назадъ, то мы увидимъ, что оно значительно увеличилось:

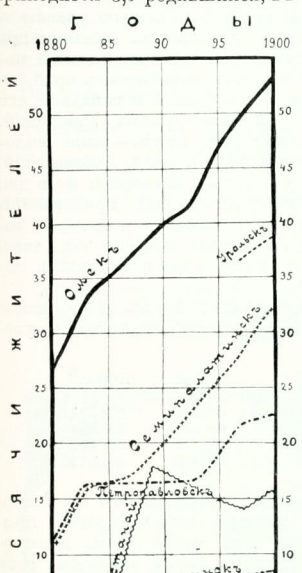
Области.	1880 г.	1890 г.	1897 г. (по переписи).	1900 г.
Акмолинская	454.205	519.929	682.429	803.994
Семипалатинская . . .	525.979	595.254	686.909	686.053
Уральская	?	?	645.590	691.687
Тургайская	320.070	?	453.691	461.516

Наиболѣе значительный приростъ населенія наблюдается въ Акмолинской области. Объясняется это не столько естественнымъ приростомъ населенія, сколько колонизаціей этой части края. Историческія справки рисуютъ намъ такую картину роста населенія этой области. Въ 1869 г. (годъ образованія области) населеніе ея состояло изъ 101.910 д. русскихъ и 274.750 д. кочевниковъ. Въ 1900 году приростъ осѣдлыхъ равнялся 259.860 д., т. е. 255%, а кочевого—167.474 д., или 61%. Усиленный приростъ населенія замѣчался съ 1879 г., когда населеніе городовъ области съ 50.394 д. возросло до 92.127, а число крестьянъ съ 1.749 д. до 167.952 д. Приростъ кочевого населенія былъ значительно меньше. Съ 1870 по 1880 г. оно увеличилось на 66 тысячъ; съ 1880 по 1890 г. только на 9.520 д. (благодаря тяжелымъ годамъ), съ 1890 по 1900 г. снова увеличилось на 83.859 д.

Естественное движеніе населенія края за 1900 г. выразилось въ слѣдующихъ цыфрахъ:

ОБЛАСТИ.	Браковъ.	Родившихся.	Умершихъ.	Приростъ.
Акмолинская	5.227	30.761	20.984	9.777
Семипалатинская . . .	2.733	15.160	11.529	4.631
Тургайская	3.175	16.441	10.009	6.432
Уральская (за 1895 г.).	1.842	9 110	5.369	3 741

Изъ нихъ видно, что въ отношеніи брачности край стоитъ невысоко (хотя преобладаніе магометанъ, казалось, должно бы ставить край на первое мѣсто). На 100 жителей приходится въ Акмолинской обл.— 0,6 брака, въ Семипалатинской—0,4, въ Тургайской – 0,7, въ Уральской— 0,3. *Рождаемость* также невелика: на каждые 100 ч. въ Акмолинской обл. приходится 3,8 родившихся, въ Семипалатинской—2,2, въ Тургайской— 2,3, въ Уральской—1,6. *Смертность* въ краѣ довольна значительна, особенно въ Акмолинской области, гдѣ на 100 человѣкъ приходилось 2,6 умершихъ; въ Семипалатинской—1,6, въ Тургайской—1,4, въ Уральской—1,1. Естественный приростъ за годъ остается первымъ за Акмолинской обл., гдѣ равняется 1,2; въ Семипалатинской онъ достигаетъ 0,6, въ Тургайской—0,3, въ Уральской—0,6.



Ростъ городовъ Киргизскаго края.

Главная масса осѣдлаго населенія края живетъ въ селеніяхъ; городовъ въ краѣ немного, и городскіе жители составляютъ незначительный процентъ. Въ Акмолинской обл. кромѣ областного города (Омска) существуютъ только четыре города (уѣздныхъ); во всѣхъ живетъ 92 т. ж.; въ Семипалатинской обл. кромѣ областного города есть также только четыре уѣздныхъ и одинъ заштатный, всѣ вмѣстѣ съ населеніемъ въ 58 т.; въ Тургайской—областного города совсѣмъ нѣтъ, а есть только четыре уѣздныхъ съ населеніемъ въ 23 тыс.; въ Уральской—областной, четыре уѣздныхъ и одинъ заштатный, всѣ вмѣстѣ съ населеніемъ около 60 тыс. Всего же въ Киргизскомъ краѣ 3 областныхъ города, 16 уѣздныхъ и 2 заштатныхъ, всѣ вмѣстѣ съ населеніемъ около 234 тысячъ. Отношеніе городского, сельскаго и кочевого населенія (въ процентахъ) показано на діаграммѣ на стр. 178. Городское населеніе, какъ мы видимъ, составляетъ только 8% всего населенія. Такое слабое развитіе городовъ объясняется исторической жизнью края. Современные города суть бывшія крѣпости или возникли изъ военныхъ поселеній, гдѣ сосредоточивались прежде войска, военныя и административныя учрежденія. Но когда войска выводились, военныя учрежденія закрывались, города пустѣли. Городовъ, созданныхъ экономической жизнью края (какъ центры промышленности или торговли), почти не существуетъ, если не считать Петропавловска и Кустаная, гдѣ съ основанія ихъ завелась торговля и промышленность. Ростъ городовъ, по этимъ же причинамъ, былъ

крайне ничтоженъ. Только въ 90-хъ годахъ XIX в., съ усиленіемъ переселенія въ край и особенно съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги, города на пути ея начинаютъ замѣтно расти и развиваться. На діаграммѣ на стр. 180 показанъ ростъ нѣкоторыхъ сибирскихъ городовъ. Слѣдующій рисунокъ на стр. 181 показываетъ величину городовъ въ тысячахъ и количество мужского и женскаго населенія въ нихъ, по даннымъ 1900 г.

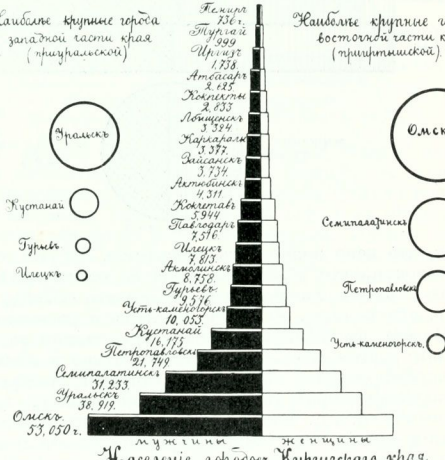
Негородское населеніе края приходится дѣлить на *сельское* и *кочевое*. По даннымъ всеобщей переписи 1897 года, оно распредѣлялось по селеніямъ, ауламъ и стоянкамъ слѣдующимъ образомъ:

ОБЛАСТИ.	Населенныхъ мѣстъ.	Жителей.
Акмолинская	6.552[1])	608.316
Семипалатинская . . .	8.913[1])	634.345
Тургайская	499	430.096
Уральская.	849	582 703
	16.813	2.255.460

Въ 1900 г. русскихъ селеній было:

Въ Акмолинской обл. . .	198	въ нихъ	жителей	77.057	ч.
„ Семипалатинской . .	160	„	„	47.047	„
„ Тургайской.	30 (?)	„	„	21.781	„
„ Уральской	158	„	„	172.415	„

По сравненію съ тѣмъ пространствомъ края, на которомъ раскиданы эти селенія,—число ихъ весьма незначительно; въ Акмолинской обл. одно русское селеніе приходится на 2.420 кв. в., въ Семипалатинской — на 2.514 кв. в., въ Тургайской — на 13.361, въ Уральской—на 1.800 кв. в.; если же считать число всѣхъ селеній (и города), то одно селеніе приходится на 95 кв. в. Тѣхъ, кто не знаетъ, что такое киргизское поселеніе, послѣдняя цифра можетъ ввести въ заблужденіе относительно дѣйствительной плотности населенія; въ Акмолинской и Семипалатинской обл., вмѣстѣ, напр., около 13 тысячъ такихъ киргизскихъ поселеній (стоянокъ и ауловъ), гдѣ населенія не болѣе чѣмъ по 50 душъ. Для русскихъ селеній среднимъ можно считать се-

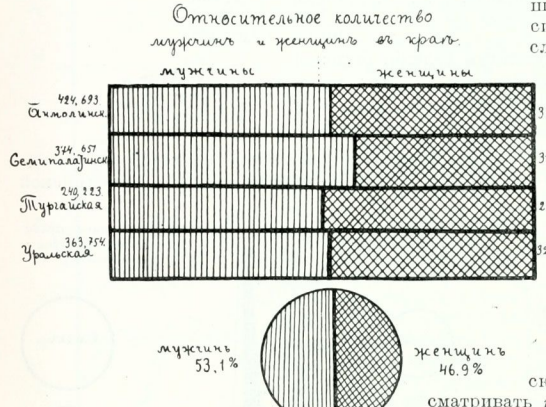


[1]) Въ томъ числѣ мелкія киргизскія стоянки въ 25, 10 и менѣе человѣкъ.

леніе въ 500—800 душъ; селеній въ тысячу жителей и болѣе—очень мало и это исключительно старые поселки.

Распредѣленіе населенія по *полу* (количество мужчинъ и женщинъ) показано на прилагаемой на этой страницѣ діаграммѣ, изъ которой видно, что въ краѣ значительно преобладаетъ *мужской* полъ (53%). Разница эта особенно замѣтна въ Семипалатинской обл., гдѣ на каждыхъ 37 мужчинъ приходится 31 женщина; болѣе равномѣрно распредѣляется по полу населеніе Тургайской обл. (на 24 мужчины—22 женщины).

Распредѣленіе осѣдлаго населенія по *сословіямъ* представлено на слѣдующей діаграммѣ на стр. 183. Изъ нея видно, что первое мѣсто по количеству занимаютъ *крестьяне*, несмотря на то, что они стали заселять край лишь недавно. Наиболѣе крестьянской областью является Акмолинская, гдѣ крестьянъ 54,2%, наименѣе—Уральская (16,5%). За ними идутъ *казаки*; наибольшее число ихъ (относительно другихъ сословій) въ Уральской обл.—(75%), менѣе—въ Акмолинской (25%); въ Тургайской обл. ихъ совсѣмъ нѣтъ. *Мѣщанъ, дворянъ* и *разночинцевъ* болѣе всего въ Тургайской (48%) и Семипалатинской обл. (41,6%), менѣе — въ Уральской (8,5). Если разсматривать *киргизъ* какъ сословіе, то первое мѣсто по количеству (72,1%) останется за ними, что ясно видно изъ діаграммы. Другія сословія, составляющія въ совокупности 27,9% населенія во всемъ краѣ, распредѣлены между собою въ такомъ порядкѣ: крестьянъ—37,5%, казаковъ—34,5%, дворянъ, духовенства, купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ—28%.



По *вѣроисповѣданію* населеніе края можно разбить на двѣ главныхъ группы: магометанъ и христіанъ; іудеи и язычники составляютъ ничтожный процентъ. *Магометане* (киргизы, татары, сарты, бухарцы) составляютъ въ краѣ 73,5%; *христіане*—26,2%, *іудеи*—0,05%, язычники (калмыки)—0,04%. Изъ христіанъ большинство *православнаго* вѣроисповѣданія; другія христіанскія вѣроисповѣданія представлены небольшимъ числомъ: протестантовъ—0,2%, католиковъ—0,1%.

Сектантовъ и *раскольниковъ*, сравнительно съ общимъ числомъ православныхъ, довольно много. Бо́льшая часть ихъ живетъ въ Уральской области (65.630 ч.); изъ нихъ *пріемлющихъ священство*—30.360 ч.; одна часть ихъ — „австрійскаго“ толка — признаетъ главенство бѣло-

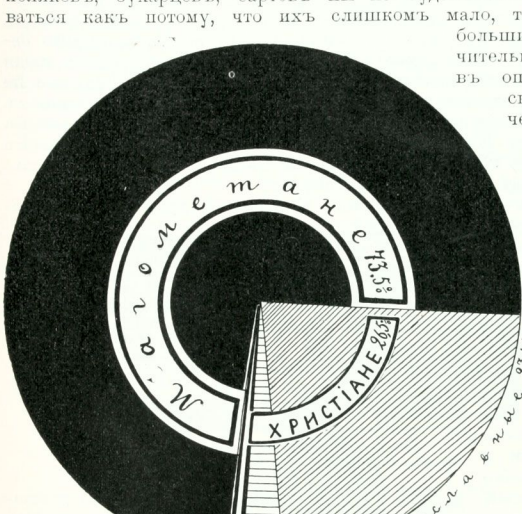
криницкаго епископа, другая — „московскаго“ толка — признаетъ власть московскихъ епископовъ. *Безпоповцевъ* (непріемлющихъ священства)—до 35 тыс.; бо́льшая часть ихъ признаетъ бракъ, но нѣкоторые не признаютъ. Кромѣ названныхъ есть въ области немного и сектантовъ. Въ Семипалатинской обл. сектантовъ „немоляковъ“, и другихъ—до 1.500 чел.; бо́льшая часть ихъ живетъ въ деревняхъ Усть-Каменогорскаго у. Въ Акмолинской обл. сектантовъ и раскольниковъ — до 4.000 чел.; средоточіемъ ихъ являются Акмолинскій, Омскій и Кокчетавскій у.у. Среди нихъ извѣстна секта *„новыхъ духовныхъ христіанъ“* или *„новаго израиля“*, по ученію которыхъ люди живутъ теперь во второмъ пришествіи Христа; священства они не признаютъ, иконъ и крестнаго знаменія также. Съ переселеніемъ крестьянъ въ Акмолинскую обл. число раскольниковъ и сектантовъ въ ней увеличилось. Въ Тургайской обл. сектантовъ и раскольниковъ насчитывается всего 120 чел. Такимъ образомъ во всемъ краѣ раскольниковъ и сектантовъ живетъ до 70.700 чел.

Въ *этнографическомъ* отношеніи Киргизскій край не представляетъ большого разнообразія. Изъ историческаго обзора мы видѣли, что хотя онъ съ древнихъ временъ служилъ „воротами народовъ“, двигавшихся съ востока (изъ внутренней Азіи) на западъ, но всѣ они только *проходили* здѣсь, не осѣдая, а другіе, если и останавливались на болѣе продолжительный срокъ, то непрекращавшіяся волны движенія новыхъ народовъ смывали ихъ „съ лица земли“, не успѣвъ отразить въ себѣ хотя нѣкоторыя черты ихъ жизни. Только появившіяся въ XIII вѣкѣ тюркскія племена прочно осѣли въ предѣлахъ нашего края, образовавъ коренное населеніе—*киргизъ*. Вліяніе этихъ послѣднихъ сказалось на всѣхъ послѣдующихъ народахъ, появившихся въ краѣ. За киргизами появились *монголы* и *джунгары* (калмыки), но ихъ пребываніе было также недолговременнымъ, и они сошли съ исторической арены, не успѣвъ наложить замѣтнаго отпечатка на киргизъ. Наконецъ, съ начала XVI вѣка начинаютъ подвигаться въ край представители славянскаго племени—великоруссы различныхъ оттѣнковъ на сѣверѣ, великоруссы и малоруссы—на сѣверо-западѣ. Это движеніе не только не прекратилось, но еще усилилось въ наши дни; къ нему прибавились еще латыши и эстонцы.

Относительное количество крестьянъ, казаковъ и др. сословій въ %.

Въ послѣдующемъ описаніи мы остановимся главнымъ образомъ на описаніи коренного населенія края—киргизахъ, какъ господствующаго народа въ краѣ и представляющаго въ этнографическомъ отношеніи вполнѣ опредѣленную группу. *Русское* старожильское населеніе края въ этнографическомъ отношеніи можно разсматривать только какъ особую областную разновидность великорусса. О великоруссахъ,

малоруссахъ, латышахъ и эстонцахъ, поселившихся въ краѣ недавно, мы ограничимся лишь общими замѣчаніями, такъ какъ ни въ физическомъ, ни въ бытовомъ отношеніи они не успѣли еще слишкомъ уклониться отъ своего первоначальнаго типа на родинѣ (гдѣ они и описываются подробно), да къ тому-же и изслѣдованій этихъ областныхъ разновидностей было далеко недостаточно. На описаніи евреевъ, поляковъ, бухарцевъ, сартовъ мы не будемъ совершенно останавливаться какъ потому, что ихъ слишкомъ мало, такъ и потому, что большинство ихъ въ значительной мѣрѣ утратили въ описываемомъ краѣ свои національныя черты и образъ жизни.



Распредѣленіе племенъ, населяющихъ край, представлено на прилагаемой картограммѣ.

Изъ нея видно, что бо́льшая часть края занята *киргизами*; затѣмъ идутъ *великоруссы* и *малороссы*, *татары*, *эстонцы* и *латыши*, *поляки*, *евреи*, *калмыки* и др. Количественное отношеніе этихъ народовъ представлено на діаграммѣ; *киргизы* составляютъ 73,6% всего населенія, русскіе—25,8%, татары—1,4, эстонцы и латыши—0,2, поляки—0,16%, евреи—0,09%, калмыки—0,04, сарты, бухарцы и другіе среднеазіатцы—0,09%.

Наиболѣе инородческой областью въ краѣ (какъ это видно изъ діаграммы распредѣленія городского, сельскаго и кочевого населенія) является Тургайская обл. и Семипалатинская, наименѣе—Уральская и Акмолинская. Опредѣлить точно количество киргизъ, русскихъ и др., при теперешнемъ положеніи областной статистики въ краѣ, не представляется возможнымъ (что признается и губернаторскими отчетами); діаграмма показываетъ только приблизительное соотношеніе этихъ народностей.

Перейдемъ теперь къ описанію представителей русской народности въ краѣ—*сибиряка-крестьянина* и *сибиряка-казака*.

Типъ сибиряка (въ предѣлахъ нашего края) вырабатывался вте-

ченіе болѣе трехсотъ лѣтъ, и этого достаточно, чтобы мѣстная жизнь наложила на него своеобразныя черты, по которымъ его можно выдѣлить въ особый *областной* этнографическій типъ.

Кто были родоначальниками его—установить трудно, такъ какъ первые русскіе колонисты представляли сбродъ вольницы; несомнѣнно, что среди нея были и великоруссы, и малоруссы, и поляки. Съ первыхъ-же лѣтъ появленія въ краѣ они вошли въ тѣсное соприкосновеніе съ инородцами—татарами, киргизами и калмыками, неизбѣжнымъ результатомъ чего явились метисація, перемѣны въ образѣ жизни, привычкахъ, нравахъ и т. д.; все это, конечно, оставило глубокій слѣдъ какъ на физическомъ обликѣ, такъ и на всемъ складѣ жизни русскихъ колонистовъ-завоевателей. Этому благопріятствовала некультурность самихъ колонизаторовъ и нѣкоторыя другія историческія причины. Такъ, метисація многимъ обязана тому обстоятельству, что первые колонизаторы, какъ люди военные, не имѣли при себѣ женъ. Администрація, желая закрѣпить ихъ семьей на пограничной линіи, должна была озаботиться подысканіемъ имъ женъ, каковыя и набирались партіями изъ гулящихъ и всякихъ другихъ женщинъ; но и этихъ не хватало; желающимъ приходилось брать киргизокъ и жить съ ними. Нечего и говорить о томъ, что тогдашніе нравы и обстоятельства дозволяли казакамъ имѣть много женъ и часто мѣнять ихъ.

Насколько сильно развилось кровосмѣшеніе пограничнаго русскаго населенія съ инородцами (главнымъ образомъ съ киргизами)—можно судить потому, что тобольскій митрополитъ неразъ обращался въ Москву съ указаніемъ на крайнее распутство пограничнаго населенія и просилъ о самыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ къ уничтоженію этого „грѣха“.

Но подобныя попытки не прекратили метисаціи, и она продолжала существовать. Большую роль въ выработкѣ физическаго типа и характера оказали, конечно, и природныя условія страны, а также историческія, при которыхъ складывалась жизнь первыхъ колонистовъ. Жизнь въ дикой степной странѣ, съ холодной зимой, жаркимъ и сухимъ лѣтомъ, жизнь въ особыхъ соціально-экономическихъ условіяхъ, вдали

отъ непосредственнаго правительственнаго режима, жизнь въ роли привиллегированнаго (казачьяго) сословія, и т. п.,—все это не могло не способствовать выработкѣ изъ великорусса или малорусса особаго областного типа—*сибиряка-степняка*.

Характеристика сибиряка, сдѣланная этнографами (напр. Щаповымъ и Ядринцевымъ), во многомъ приложима къ живущимъ въ нашемъ краю крестьянамъ и казакамъ.

Въ *физическомъ* отношеніи этотъ типъ не можетъ назваться красивымъ: коренастый, средняго роста, смуглый, съ грубыми, круглыми чертами лица, съ черными глазами и волосами, съ медлительными или урывчатыми движеніями, онъ производитъ на первый взглядъ невыгодное впечатлѣніе; только, ближе столкнувшись, забываешь о первомъ впечатлѣніи. Женщины также смуглы, съ неправильными чертами лица; но среди нихъ встрѣчается много симпатичныхъ.

Разговоръ лѣнивъ, апатиченъ, но безъ легкомыслія, отрывчатъ и малословенъ. Выговоръ отличается грубостью произношенія и однообразіемъ тона; звуки выговариваются нечисто (гортанно), вѣроятно благодаря вліянію киргизскаго выговора; особеннаго выдѣленія нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ нѣтъ. Вліяніе киргизскаго языка сказалось непосредственно: съ малыхъ лѣтъ большинство казаковъ и многіе изъ крестьянъ говорятъ свободно по киргизски и даже употребляютъ его въ обиходной рѣчи. Интеллектуальныя способности соотвѣтствуютъ физическимъ особенностямъ: мысль работаетъ спокойно и медленно; разсужденія даются трудно, они коротки и отрывчаты. Идеалистическое настроеніе посѣщаетъ сибиряка рѣдко; умъ болѣе направленъ на матеріальное; утилитарныя побужденія берутъ перевѣсъ надъ идеалистическими. Религіозность и мистичность въ населеніи большей части края отсутствуетъ, особенно среди казачьяго населенія; расколъ и сектанство, несмотря на благопріятныя условія, распространяются въ краѣ медленно (увеличеніе ихъ происходитъ главнымъ образомъ черезъ естественный приростъ семей или вновь прибывшихъ); повидимому религіозные вопросы мало интересуютъ и затрагиваютъ теперешняго казака и крестьянина.

На сибиряка дѣйствовала не столько историческая жизнь, сколько окружавшая его первобытная природа и жизнь инородца; онѣ открывали широкій просторъ его натурѣ, позволяя развернуться индивидуальности, все равно, было-ли это направлено на использованіе богатствъ края собственнымъ трудомъ, или на извлеченіе выгодъ изъ своего положенія путемъ утѣсненія и обиранія инородцевъ; это была новая жизнь для колонизаторовъ, незнакомая на родинѣ. Здѣшніе крестьяне и казаки не были никогда забиты и угнетены, какъ многіе крестьяне Европейской Россіи; отсутствіе крѣпостного права, вольность, отсутствіе стѣсненій и ограниченій въ образѣ жизни и другія условія выработали въ нихъ независимый, даже подчасъ неспокойный характеръ. Яркой иллюстраціей этого можетъ служить вольная колонизація ими Алтая (см. предыдущую главу). Будь эти колонизаторы культурнѣе—жизнь края выплилась-бы въ болѣе совершенныя формы, близкія къ тѣмъ, какія создались, при такихъ-же условіяхъ, при колонизаціи Сѣверной Америки. Но условія русской жизни не благопріятствовали этому; тогдашняя русская жизнь способствовала укорененію въ населеніи лишь

хищническихъ инстинктовъ; начала общественности и мирной культурной работы подавлялись ими.

Здѣшніе крестьяне и казаки менѣе консервативны, чѣмъ крестьяне губерній Европейской Россіи; нововведенія въ хозяйствѣ, домашнемъ обиходѣ принимаются ими охотно, и съ этой стороны между ними и городскими мѣщанами нѣтъ такой разницы, какъ въ Европейской Россіи.

Между крестьянами-старожилами и казаками ни въ физическомъ, ни въ бытовомъ отношеніи рѣзкой разницы нѣтъ (напр. въ Кокчетавскомъ у.), такъ-какъ часть казаковъ образована черезъ присоединеніе

Сибирскіе казаки Кокчетавскаго уѣзда изъ татаръ.

нѣсколькихъ крестьянскихъ деревень. Только тамъ, гдѣ крестьяне и казаки соприкасаются менѣе (напр. въ Петропавловскомъ, Усть-Каменогорскомъ у.у.), разница между ними становится замѣтнѣе. Особенностью казака можно считать только нѣкоторыя черты, напр., меньшую податливость къ нововведенію въ хозяйствѣ и меньшую привязанность къ труду; но это происходитъ не потому, что они крѣпко держатся за старину, а только потому, что, по складу характера и всей своей полувоенной жизни, они менѣе привязаны къ труду. Въ сибирскомъ казакѣ еще до сихъ поръ не искоренилось предубѣжденіе противъ „чернаго“ труда—земледѣлія, которымъ онъ не любитъ заниматься и при первой возможности прибѣгаетъ къ наемной рабочей силѣ. Проглядываетъ нелюбовь казака и къ другимъ отраслямъ труда. Въ семьѣ сибирскаго казака веденіе хозяйства лежитъ болѣе всего на женщинахъ и на наемныхъ рабочихъ. Эту не-

любовь къ хозяйству слѣдуетъ объяснять историческими условіями, въ силу которыхъ казаку приходилось вести полуосѣдлую жизнь, проводить ее на военной службѣ; даже въ настоящее время военная служба требуетъ поголовнаго служенія мужчинъ въ строю и въ строевомъ запасѣ до 33 лѣтъ, отнимая у семьи главныхъ работниковъ и отучая ихъ отъ хозяйства. Это настолько вошло въ плоть и кровь казаковъ, что многіе изъ нихъ и теперь смотрятъ на себя прежде всего какъ на „слугу царскаго“, у котораго на первомъ планѣ не хозяйство, а служба, забота не о томъ, чтобы лучше пашню пахать, а о томъ, чтобы умѣть шашкой владѣть. Эти условія сказались конечно и на характерѣ казака. Онъ держитъ, напримѣръ, себя свысока съ крестьянами, которыхъ считаетъ ниже себя только потому, что они—„мужики“, возятся съ землей; на киргиза смотритъ презрительно, называя „собакой“, и считаетъ излишнимъ имѣть съ нимъ равныя отношенія; обмануть, выругать ни за что—обыкновенныя явленія. „Цивилизуется“ казакъ болѣе всего на службѣ („въ отрядѣ“). Но эта „цивилизація“ чисто внѣшняя и, если можно такъ выразиться,—спеціально казачья: казакъ умѣетъ непринужденно держать себя съ начальствомъ, вести спеціальный разговоръ, критиковать даже распоряженія начальства и т. д., но вдумчиваго отношенія къ жизни, стремленія къ образованію и любознательности вообще—мало, а предпріимчивость развита менѣе, нежели въ крестьянахъ.

При одинаковыхъ условіяхъ крестьянамъ удается устроиться лучше, чѣмъ казакамъ; преимущество это берется главнымъ образомъ той способностью къ усидчивому, тяжелому труду, которая исторически выработалась въ крестьянинѣ и которая совершенно отсутствуетъ въ казакѣ. Вотъ почему въ Усть-Каменогорскомъ у., напр., крестьяне, живущіе рядомъ съ казачьими поселками, значительно богаче казаковъ, хотя послѣдніе имѣютъ лучшіе и болѣе значительные участки земли.

Въ общемъ условія природныя и историческія были однако для русскихъ колонизаторовъ богатой почвой, на которой культивировались энергичные и предпріимчивые характеры.

Теперь остановимся нѣсколько подробнѣе на образѣ жизни казаковъ и крестьянъ.

Поселенія сибирскихъ казаковъ (Киргизскаго края) представляютъ изъ себя три-четыре ряда домовъ съ неправильными улицами и кварталами. Общій видъ поселка невзраченъ; недомовитость казака кидается на каждомъ шагу; видны небрежность въ постройкѣ, отсутствіе заботъ о внѣшнемъ порядкѣ и т. д. Обычный типъ строенія—пятистѣнный домъ, одна половина котораго („горница“) чистая, для пріема гостей; дома съ небольшими и немногими окнами и деревянной крышей весьма рѣдки. Дворъ при домѣ большой, обнесенъ таловымъ плетнемъ (въ лѣсистыхъ мѣстахъ досчатый) раздѣляется на двѣ половины: одна при домѣ—чистая, другая—пригонъ для скота; въ ней-же дѣлаются плетеныя стойки или навѣсы для защиты скота отъ мороза. Внутренность чистой комнаты содержится въ порядкѣ; стѣны или бѣлятся, или обиваются обоями. Принадлежностью такой комнаты, кромѣ мебели, являются: зеркало съ накинутымъ расшитымъ полотенцемъ, тряпичные половики, ящики съ одеждой и лубочныя картины военнаго или любовнаго содержанія. Богатые казаки обставляютъ себя по городски: вѣнская и

мягкая мебель, трюмо, ташкентскіе ковры, портьеры, сравнительно хорошія картины, музыкальные инструменты—не рѣдкость.

Одежда казака—трехъ родовъ. Повседневнымъ костюмомъ можно считать бешметъ или халатъ киргизскаго покроя, только съ менѣе длинными рукавами, обыкновенно подпоясываемый широкой лентой цвѣтной матеріи или тканой опояской. Цвѣтъ халата чаще коричневый или въ киргизскомъ вкусѣ—съ узорами и цвѣтами. Въ праздники нѣкоторые носятъ пиджаки домашняго покроя и только немногіе одѣваютъ казачью форму—длиннополый однобортный сюртукъ съ наплечниками изъ краснаго сукна. Молодые парни ходятъ въ цвѣтныхъ рубахахъ, вышитыхъ

Сибирскіе казаки изъ мордвы.

нитками или гарусомъ. Головной уборъ—всегда картузъ или обыкновенная казачья фуражка. Зимній костюмъ состоитъ изъ того-же бешмета, но болѣе толсто стеганнаго, на шерсти, или-же дубленой овечьей шубы; на ногахъ—пимы, на головѣ—мѣховыя шапки татарскаго покроя, иногда и киргизскій малахай. Нижній костюмъ состоитъ изъ широкой и длинной холстяной, чаще ситцевой рубашки, широкихъ и короткихъ штановъ. Женскій костюмъ отличается отъ костюма мѣщанокъ мало. Обыкновенный костюмъ состоитъ изъ обтяжной или свободной кофты и широкой юбки; головы повязываютъ платкомъ и шалью; женщины въ праздничныхъ случаяхъ одѣваютъ наколки или косынки. Русскій сарафанъ и кокошникъ неизвѣстны кореннымъ казачкамъ; бусы,

серьги, кольца и браслеты обычны. Большинство носитъ мужскіе сапоги. Болѣе зажиточныя казачки (не говоря о казакахъ) одѣваются по городскому. Верхняя одежда лѣтомъ—жакетка домашняго покроя, зимой—прямыя шубы. Алтайскія казачки часто носятъ лѣтомъ мужской костюмъ, такъ какъ въ немъ удобнѣе работать (ѣздить верхомъ на лошади) въ горахъ.

Питаніе казака простое; онъ знаетъ обѣдъ изъ одного блюда—мясной похлебки (чаще изъ баранины) и молоко; прииртышскіе много питаются рыбой (въ разныхъ видахъ); каши рѣдки, картофель и зелень довольно обыкновенны. Большую роль играетъ въ питаніи казака кирпичный чай, безъ котораго, какъ и безъ водки, не обходится ни одно семейное празднество; чай употребляется крѣпкій, въ прикуску съ сахаромъ. Хлѣбъ—преимущественно пшеничный (ржаной очень рѣдокъ); водка въ большомъ употребленіи; на Алтаѣ приготовляется медовое хмельное пиво, которое замѣняетъ вино.

О занятіяхъ казака мы уже говорили. Обязанности службы не даютъ большого простора для развитія производительныхъ силъ казачьяго населенія. Земледѣліе, какъ требующее большой затраты труда, не пользуется его любовью и если заводится, то почти всегда съ наемными рабочими—киргизами; торговля скотомъ и товарами или даже перекупнымъ хлѣбомъ, благодаря такимъ нетребовательнымъ и податливымъ покупателямъ, каковы киргизы, предпочитается, какъ болѣе легкое и выгодное занятіе. Лучшими хлѣбопашцами считаются казаки Кокчетавскаго уѣзда (бывшіе крестьяне).

Скотоводовъ много по Иртышу и въ степныхъ уѣздахъ (Акмолинскомъ и Атбасарскомъ), гдѣ этому способствуютъ и природныя условія; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ десятки и даже сотни тысячъ капитала отъ этого занятія. Иртышскіе (и немногіе изъ кокчетавскихъ) казаки занимаются рыболовствомъ; но оно ведется довольно первобытнымъ образомъ и не составляетъ самостоятельнаго промысла, служа только подспорьемъ; рыбалка, какъ промыселъ существуетъ лишь на оз. *Зайсанѣ*, гдѣ собираются немногочисленныя рыбачьи семьи. На Алтаѣ у казаковъ ведется пчеловодство, но оно поставлено хуже и не даетъ такихъ результатовъ, какъ у рядомъ живущихъ крестьянъ. Казачки принимаютъ въ веденіи хозяйства одинаковое участіе съ мужчинами; а такія отрасли, какъ огородничество, бахчеводство, табаководство, уходъ за скотиной—ведется исключительно ими.

Громадное большинство сибирскихъ казаковъ (96%)—*православные*; небольшая часть—старовѣры: пріемлющіе священство и непріемлющіе, а также сектанты; магометанъ среди казаковъ 3% (они живутъ въ Кокчетавскомъ у.). Набожностью казаки не отличаются, можетъ быть потому, что церковныя приходы состоятъ изъ нѣсколькихъ поселковъ, раскиданныхъ на большомъ разстояніи, такъ что церковную службу и священника казаки видятъ рѣдко (болѣе половины поселковъ не имѣютъ церквей). Обряды исполняются исправно, посты соблюдаются, особенно женщинами. Во время мѣстныхъ бѣдствій (засухи, пожаровъ и т. п.), казаки мало прибѣгаютъ къ общественнымъ молебнамъ, причемъ молебны носятъ не особенно усердный характеръ. Вообще казаки переносятъ общественныя бѣды довольно апатично, не ропщутъ на судьбу,

не ищутъ такого утѣшенія въ молитвѣ, какъ крестьяне; ихъ повидимому не покидаетъ увѣренность въ хорошемъ исходѣ.

Суевѣрія среди казаковъ распространены менѣе, нежели среди крестьянъ.

Изъ *обрядовъ* наибольшей сложностью отличаются *ссадьбы*. Законная свадьба, т. е. не убѣгомъ, а съ согласія родителей слагается изъ слѣдующихъ моментовъ: сватовства, зарученья (рукобитья), дѣвичника, бранья, большого, похмельнаго и другихъ столовъ. Въ сватовствѣ участвуютъ отецъ, мать и ближніе родственники жениха вмѣстѣ съ по-

Казаки—калмыки Уральской области.

слѣднимъ; дѣло ведетъ бойкая сваха. Отецъ невѣсты отвѣта отъ себя обыкновенно не даетъ, а проситъ подождать рѣшенія своего родственнаго совѣта; рѣшеніе послѣдняго сообщается невѣстѣ, а, при согласіи ея, извѣщаются родители жениха. Послѣ этого являются къ невѣстѣ сваты и свахи и дарятъ родителей невѣсты. Вечеромъ у невѣсты собираются родственники, приглашаются сваты, женихъ и его родители; всѣ они угощаютъ родственниковъ невѣсты виномъ, а женихъ дѣлаетъ подарокъ невѣстѣ (ситецъ на платье). Послѣ этого обыкновенно поются свадебныя пѣсни, вродѣ такой:

Заручена красна дѣвица,
Любезна наша подруженька (имя),
Заручилъ-то тебя родимый батюшка
За удалого добра молодца (имя).

Тутъ же рѣшаются подробности свадьбы (сколько времени гулять, у кого и т. д.); родители жениха послѣ этого берутъ иногда у родителей невѣсты подписку, что они не откажутся отъ свадьбы. Съ этого времени въ домѣ невѣсты начинаются сборища молодежи обоего пола, которая веселится, а невѣста оплакиваетъ свое дѣвичество, прощается съ родными, „съ трубчатой косой—дѣвичьей красотой". Затѣмъ назначается дѣвичникъ, во время котораго невѣста и дѣвушки идутъ въ баню, а въ домъ невѣсты пріѣзжаютъ женихъ, сваты и др. родственники жениха; они угощаютъ родителей и родственниковъ невѣсты; когда приходитъ невѣста, то женихъ обязанъ дарить и ее (серьгами, головнымъ убромъ), а родственники его—родителей, сестеръ и братьевъ невѣсты. Послѣ этого ѣдутъ всѣ къ жениху, гдѣ происходитъ также обильное угощенье. Во все время дѣвушки поютъ пѣсни жениху, невѣстѣ, дружкѣ, свахѣ и др., за которыя послѣдніе обязаны дарить ихъ деньгами.

Наканунѣ вѣнчанья происходитъ омовенье жениха и всѣхъ, кто составляетъ съ нимъ свадебный поѣздъ; обставляется это нѣкоторыми церемоніями. На слѣдующій день женихъ получаетъ благословеніе родителей (во время котораго происходитъ обыкновенно пальба изъ ружей). Дружка выводитъ его и провожатыхъ на дворъ, гдѣ происходитъ прощаніе и благословеніе отъѣзжающихъ. У невѣсты, при входѣ въ домъ, читается три раза „Іисусова молитва", послѣ чего отецъ невѣсты впускаетъ поѣздъ въ комнаты; невѣста сидитъ за столомъ, окруженная родными (братомъ и сестрой) и дѣвицами, которые не пускаютъ пріѣзжихъ къ невѣстѣ. Дружка, шутя, начинаетъ пугать ихъ плетью, но получаетъ отвѣтъ, что получитъ невѣсту только тогда, когда задаритъ ихъ. Дружка даритъ и угощаетъ ихъ, послѣ чего они выходятъ изъ-за стола, а вмѣсто нихъ садятся женихъ и всѣ прибывшіе; начинается снова угощеніе и дареніе родныхъ невѣсты; дѣвушки поютъ прощальныя пѣсни, напр.:

Разлучаютъ (имя)
Со всѣмъ родомъ, со всѣмъ племенемъ,
Что со батюшкой, со матушкой,
Что съ братцемъ—яснымъ соколомъ...
Не клади (имя),
Не клади пени-жалобы
Ни на отца, ни мать свою...
Какъ чужая-то сторонушка
Она горюшкомъ усѣяна и т. д.

Затѣмъ родители благословляютъ молодыхъ; дружка выводитъ ихъ и усаживаетъ въ экипажъ; послѣ чего, читая „воскресную молитву", обходитъ три раза вокругъ экипажа, чтобы отогнать нечистую силу; затѣмъ уже ѣдутъ въ церковь. По пріѣздѣ въ домъ жениха молодые снова благословляются родителями, затѣмъ свахи расплетаютъ у молодой косу, подаютъ обоимъ зеркало и заставляютъ цѣловаться. Потомъ молодые уходятъ въ спальню; остаются они тамъ недолго, послѣ чего начинается уже полное веселье. Во время угощенія молодою отца, послѣдній „кладетъ" ей приданое—лошадь, корову и т. д; тоже дѣлаетъ мать и родители молодого. Такъ составляется ихъ приданое. На другой день, а также и на слѣдующіе бываютъ „похмельный столъ" и другія гулянки. Благодаря такимъ церемоніямъ и обычаю обязательно дарить въ извѣстныхъ

Уральскіе казаки.

случаяхъ, свадьба обходится среднему казаку въ сто и болѣе рублей [1]). Совершаются браки чаще въ молодомъ возрастѣ, причемъ экономическіе разсчеты играютъ видную роль. *Разводъ* допускается въ очень рѣдкихъ случаяхъ, но случаи ухода женъ отъ мужей и сожительство мужей—явленія довольно обыкновенныя. Положеніе женщины въ семьѣ довольно сносное, благодаря самостоятельному веденію ею нѣкоторыхъ отраслей хозяйства (огородничество, маслодѣліе и др.).

Раздѣлы въ семьѣ совершаются довольно часто; большія семьи у казаковъ рѣдки; „старики“ или сходъ въ дѣлежъ не вмѣшиваются; все дѣло рѣшаютъ отецъ и мать. При дѣлежѣ братьевъ въ спорныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ жребію.

Тяжелый трудъ въ жизни казака, какъ мы уже упоминали выше, не занимаетъ такого положенія, какъ у русскаго крестьянина; „тяготой“ является воинская повинность, которая требуетъ отъ казака полнаго снаряженія (на сумму 150—200 руб.); если въ семьѣ нѣсколько мужчинъ, то снаряженіе ихъ ставитъ семейство иногда въ безвыходное положеніе. Вотъ почему у казаковъ отсутствуетъ въ бытовыхъ пѣсняхъ „тягота земельная“, составляющая характерную черту крестьянскихъ пѣсенъ, а главное мѣсто отводится событіямъ военной службы, въ которой проходила прежде вся жизнь казака; да они и теперь еще накладываютъ на нее замѣтный отпечатокъ. Однѣ изъ пѣсенъ воспѣваютъ удаль и безпечность казака, напр.:

Мы давно сжились съ степями
И давно привыкли къ нимъ
Передъ дикими ордами
Мы не въ первый разъ стоимъ и т. д.

или:

Вспомнимъ братцы про былое,
Какъ мы въ оны времена
Крѣпко бились, брали съ бою
У коканцевъ знамена....
Гремитъ слава трубою,
Мы дрались за Дарью;
По холмамъ твоимъ, Чиназъ,
Разнеслась слава про насъ и т д.

Изъ старинныхъ военныхъ пѣсенъ въ большомъ ходу „Старый пушкарь“:

Рано утромъ весной
На редутъ крѣпостной
Разъ поднялся пушкарь посѣдѣлый,
Бряцнулъ сабли кольцомъ,
Дернулъ сивымъ усомъ
И раздулъ свой фитиль догорѣлый и т. д.

Въ другихъ пѣсняхъ, позднѣйшихъ, проглядываетъ уже недовольство теперешней службой, отрицательныя стороны которой даютъ себя чувствовать, особенно семейнымъ и бѣднымъ. Такова, напр., пѣсня казачки, оставшейся одинокой послѣ ухода мужа въ отрядъ:

---

[1]) Интересно, что почти въ такую-же сумму обходятся свадьбы значительно болѣе бѣднымъ крестьянамъ центральной земледѣльческой полосы Европейской Россіи. *Ред.*

Погасло солнце за горой,
Сидитъ казачка у дверей,
Она сидитъ и горько плачетъ
И льются слезы изъ очей и т. д.

или:

Соберемтесь мы казаченьки
Во единый во кружокъ.
Запоемте мы казаченьки
Пѣсню нову про себя.
Хорошо житье казаченькамъ,
Только служба тяжела.
Ходя наѣдимся, стоя выспимся и т. д.

Изъ историческихъ пѣсенъ въ большомъ ходу „пѣсня Ермака" (слова Рылѣева), которую казаки поютъ съ особеннымъ увлеченіемъ:

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молніи блистали,
Безперерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.
Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали близь дубравы...
Кто жизни не щадилъ своей
Въ разбояхъ злато добывая,
Тотъ думать будетъ-ли о ней,
За Русь святую погибая и т. д.

Однообразіе пѣсенъ, воспѣвающихъ главнымъ образомъ удаль казаковъ, какъ нельзя болѣе передаетъ главную характерную черту казачества, указывая въ то-же время на отсутствіе въ ихъ жизни болѣе глубокаго содержанія. „Тягота военная" дѣйствуетъ не только непосредственно при снаряженіи, но и на всю жизнь казака. Экономическое положеніе казаковъ, несмотря на богатство лучшими земельными участками, незавидно.

Въ составъ казаковъ входятъ, кромѣ преобладающихъ великоруссовъ: малоруссы (около 6 %), мордва (5 %), бѣлоруссы (3 %), киргизы (1 %), татары (1 %) и въ незначительномъ числѣ черемисы, чуваши, пермяки, вотяки, зыряне и др. Но эти племена въ значительной степени утратили свои національныя черты, а послѣдніе (черемисы и др.) совершенно ассимилировались съ кореннымъ народомъ—великоруссами.

Какъ этнографическую разновидность, можно разсматривать и *уральскихъ* казаковъ.

Историческія условія ихъ жизни во многомъ сходны съ таковыми у сибирскихъ казаковъ, благодаря чему въ характерѣ и образѣ жизни уральцевъ много сходствъ съ сибирскими казаками. Родоначальницей уральцевъ была вольница—бѣглые крестьяне (великоруссы, малоруссы) раскольники, донскіе и волжскіе казаки, поляки, а позже даже татары и калмыки. Эта вольница была проникнута стремленіемъ создать себѣ, вдали отъ правительства, независимую жизнь, сохранивъ свои обычаи, порядки и свободу. Это горячее и упорное стремленіе къ свободѣ и воль-

ности, а съ другой—безпрерывныя, втеченіе почти трехсотъ лѣтъ, столкновенія съ сосѣдями, наложили на уральца замѣтный отпечатокъ, опредѣливъ въ значительной мѣрѣ его теперешній характеръ и образъ жизни. При общемъ сходствѣ характера жизни уральцевъ и сибиряковъ-казаковъ, жизнь первыхъ проходила однако въ болѣе сложной обстановкѣ. Уральцы съ первыхъ-же лѣтъ занялись мирнымъ промысломъ—рыболовствомъ, которое, составляя главный источникъ ихъ благосостоянія, какъ у крестьянъ земледѣліе, наложило на ихъ жизнь глубокія черты. Бытовыя пѣсни отводятъ много мѣста восхваленію мѣста главнаго рыболовства—р. *Урала*—„Яикушки, сына Горыновича". Одна изъ нихъ, наиболѣе любимая казаками, начинается такъ:

Яикъ ты нашъ, Яикушка,
Яикъ, сынъ Горыновичъ!
Про тебя-ли, про Яикушку
Идетъ слава добрая
Про тебя-ли про Горыныча
Идетъ рѣчь хорошая:
Золочено у Яикушки
Его было донышко,
Серебряны у Яикушки
Его были краешки,
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки и т. д.

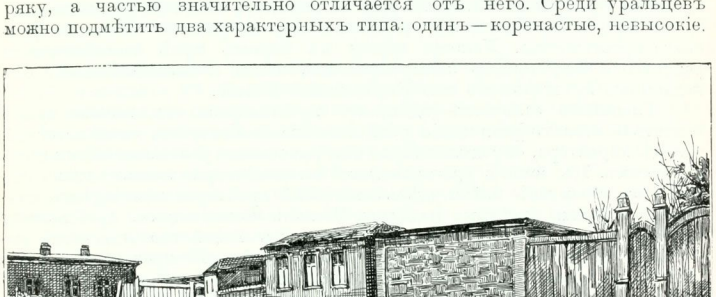
Осенняя плавня уральскихъ казаковъ: плавный атаманъ, врачъ и войсковые депутаты.

Живя на окраинѣ, почти совершенно независимо отъ центральной власти и вдали отъ общерусской жизни, уральцы не оставались однако безучастными къ крупнымъ явленіямъ русской политической жизни; достаточно указать на ихъ двуличную роль въ междуцарствіе и на большое участіе въ пугачевскомъ бунтѣ. Преданія о Пугачевѣ, пѣсни и сказанія, связанныя съ этимъ событіемъ, эти „крупицы, оставшіяся отъ стариннаго пированія", по выраженію уральскаго бытописателя Же-

лѣзнова, распространены и теперь въ народѣ, что говоритъ о томъ, что въ характерѣ и складѣ жизни казаковъ отмѣченное явленіе нашло благопріятную почву. Ничего подобнаго въ средѣ сибирскихъ казаковъ не замѣчалось.

Народный эпосъ у уральцевъ также богаче, чѣмъ у казаковъ сибирскихъ (по крайней мѣрѣ если судить объ этомъ по имѣющимся литературнымъ даннымъ). Правда и въ немъ удаль и молодечество казаковъ занимаютъ центральную роль, но отведено немало мѣста и чисто бытовымъ особенностямъ (часть такихъ преданій, сказаній и пѣсенъ собраны Желѣзновымъ).

Въ *физическомъ* отношеніи уралецъ частью (въ особенности, когда въ немъ есть примѣсь киргизской крови) подходитъ къ сибиряку, а частью значительно отличается отъ него. Среди уральцевъ можно подмѣтить два характерныхъ типа: одинъ—коренастые, невысокіе,



Типы построекъ въ южныхъ станицахъ уральскихъ казаковъ.
(*По фот. Вен. П. Семенова*).

круглолицые, свѣтлые блондины съ довольно грубыми и неопредѣленными чертами и густой, но короткою растительностью, а другой—высокіе, съ тонкими чертами лица и густой, длинной растительностью, красивые брюнеты, отличающіеся своей стройностью. *Одежда* уральскаго казака мало отличается отъ одежды сибирскихъ казаковъ. У уральцевъ можно замѣтить любовь къ клѣтчатымъ рубашкамъ подъ пиджаками. *Поселенія* (станицы и поселки) уральцевъ болѣе богаты постройками. Характерны на деревенскихъ улицахъ деревянные высокіе кресты (формы могильныхъ), выставляемые нерѣдко казаками у оконъ (врываютъ въ землю) по обѣту, подобно тому какъ великорусскіе крестьяне ставятъ свѣчи къ образамъ. Въ южныхъ станицахъ Уральскаго войска преобладаютъ небѣленыя, саманныя и земляныя избы съ плоской земляной крышей, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ. Въ составъ уральскихъ казаковъ входятъ, какъ мы уже сказали, кромѣ великоруссовъ, *татары*, *башкиры* (до 6 тыс.), *калмыки* (около 1 тыс. чел.).

Образъ жизни ихъ, подъ вліяніемъ русскихъ, измѣнился, и большинство ихъ занимается земледѣльческимъ хозяйствомъ и рыболовствомъ. Подробныя описанія этихъ народностей см. въ VI томѣ „Россіи".

На *крестьянахъ-старожилахъ* края (почти всѣ исключительно жители Акмолинской и Семипалатинской обл.) мы не будемъ останавливаться, такъ какъ часть ихъ, войдя въ составъ сибирскихъ казаковъ, передала имъ многое свое, такъ что многое изъ вышесказаннаго о первыхъ можно отнести и къ крестьянамъ.

Крестьяне-старожилы, какъ мы видѣли изъ предъидущей главы,— потомки вольныхъ колонизаторовъ края, потомки тѣхъ рѣшительныхъ, отважныхъ и свободолюбивыхъ людей, которые по своему желанію шли въ дикій край, преодолѣвали всѣ препятствія и клали прочное основаніе здѣшней русской колонизаціи. Несомнѣнно, что такими колонизаторами могли быть только наиболѣе рѣшительные, энергичные элементы русскаго крестьянства. Условія жизни въ новомъ краѣ способствовали развитію и закрѣпленію этихъ качествъ, чѣмъ и отличаются они отъ недавнихъ пришельцевъ изъ Европейской Россіи.

Главнымъ отличіемъ здѣшняго крестьянина отъ казака нужно считать не столько физическія и бытовыя его особенности, сколько общій складъ характера, опредѣлившійся историческими условіями жизни тѣхъ и другихъ. Въ основѣ крестьянскаго заселенія края лежало главнымъ образомъ стремленіе найти здѣсь земельный просторъ, съ которымъ связывались самыя завѣтныя надежды. Желаніе исполнялось, крестьянину представлялась возможность углубиться въ хозяйство и вообще построить свою жизнь такъ, какъ хотѣлось-бы. И крестьянинъ весь ушелъ въ земледѣльческое хозяйство, вкладывая въ него всю свою жизнь. Дѣйствительно, въ сравненіи съ казаками, его хозяйство можетъ считаться образцовымъ. Это тяготѣніе къ землѣ кладетъ отпечатокъ (какъ и въ Европейской Россіи) на всѣ стороны его жизни. Общая характеристика сибиряка, сдѣланная выше, болѣе всего подходитъ именно къ здѣшнему старожилу-крестьянину, нежели къ казаку, среди которыхъ такія черты, какъ развязность, безпечность, самоувѣренность, можно считать характерными, а у крестьянъ — рѣдкими. Крестьянинъ несомнѣнно болѣе положительный типъ, а какъ экономическая сила и болѣе сильный и желательный элементъ въ замиренномъ краѣ, нежели казакъ; послѣдній сознаетъ превосходство крестьянина въ веденіи хозяйства, его опытъ и знаніе жизни и вѣрно объясняетъ свою отсталость условіями своей жизни.

Въ *физическомъ* отношеніи крестьяне-старожилы имѣютъ много общихъ чертъ съ казаками. Отличаетъ съ виду крестьянина скорѣе костюмъ; на нихъ тѣ же россійскіе зипуны, шапки, войлочныя шляпы, холщевыя и шерстяныя рубахи, сермяжныя поддевки, цвѣтные пояса, большіе сапоги („бутылы"), зимой—овчинныя шубы и т. д., у женщинъ— красные сарафаны, холщевыя станушки (рубахи), наколки, ленты, притомъ почти все собственнаго приготовленія. Киргизскій халатъ, который носитъ большинство казаковъ, на крестьянинѣ можно увидѣть развѣ изрѣдка.

Крестьянскія деревни въ общемъ имѣютъ болѣе приглядный и домовитый видъ, нежели казачьи поселки; даже въ постройкахъ сказался степенный, положительный характеръ крестьянина: онѣ сдѣланы болѣе

основательно, чѣмъ у казака; плетеныя постройки, къ которымъ охотно прибѣгаютъ казаки даже лѣсистыхъ мѣстъ, у крестьянъ рѣдки. Отношенія между казаками и крестьянами не близки; случаи родства довольно рѣдки. Это особенно приложимо къ крестьянамъ алтайскимъ. Раскольничьи-же деревни живутъ совершенно обособленно, своимъ міромъ.

Малороссы (Харьковской, Полтавской, Кіевской и другихъ губерній) поселились за послѣдніе годы главнымъ образомъ въ южныхъ степныхъ уѣздахъ Акмолинскомъ и Атбасарскомъ. Ихъ деревни можно сразу узнать по бѣлымъ саманнымъ (сырцоваго кирпича) хатамъ съ соломенными крышами. Вообще „хохлы“ устраиваются на новой родинѣ такъ, какъ жили и на прежней; новую деревню можно всегда сразу отличить отъ старой, на которой уже сказалось мѣстное вліяніе. Съ великоруссами селятся они только въ крайности, предпочитая отдѣльныя поселенія.

Нѣмцы-колонисты (менониты, баптисты и др.), а также эсты и латыши появились въ Акмолинской обл. лишь въ 90-хъ годахъ XIX в; часть ихъ живетъ на арендованныхъ участкахъ близъ Омска, другая—въ Акмолинскомъ у. на надѣльной землѣ (пос. *Преображенскій*, *Романовскій*, *Канкринскій*), какъ и крестьяне. Занимаются они земледѣліемъ. Съ русскимъ населеніемъ не имѣютъ близкихъ отношеній; въ п. Романовскомъ отношенія были настолько враждебны, что дѣло не обходилось безъ вооруженныхъ столкновеній, и администрація впослѣдствіи совершенно отдѣлила русскихъ на новый участокъ. Какъ земледѣльцы, они не уступаютъ крестьянамъ въ умѣньѣ обработывать пашню; устроились они на участкахъ даже лучше, чѣмъ крестьяне. Они имѣютъ свои школы и молитвенные дома. Общій видъ нѣмецкаго селенія близокъ къ малороссійскому; такихъ строеній, какія бываютъ, напр., въ Лифляндской губ., здѣсь нѣтъ. Но одежда (шляпы, пиджаки), экипажи (парныя телѣги, шарабаны)—сохранились.

Поляки, *евреи*, *бухарцы*, *сарты* живутъ исключительно по городамъ; послѣдніе занимаются торговлей и другими коммерческими предпріятіями. *Башкиры* и *калмыки* иногда живутъ въ деревняхъ Уральской и Тургайской обл., гдѣ ведутъ хозяйство.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію главнаго народа края—*киргизъ-казаковъ*. Этотъ народъ, какъ по количеству, и такъ по обширности занятой территоріи, занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ тюркскихъ народностей азіатскаго материка (и второе, послѣ турокъ-османовъ, на землѣ). Для этнографа киргизъ-казаки представляютъ большой интересъ, такъ какъ до сихъ поръ сохранили кочевой образъ жизни и родовой бытъ, близкій къ первоначальному. По своему этническому составу они являются также наиболѣе интересными изъ всѣхъ азіатскихъ тюрковъ, какъ заключающіе въ себѣ представителей всѣхъ главнѣйшихъ и древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ. Рядомъ съ типичными чертами тюрковъ среди киргизъ можно наблюдать въ нѣкоторыхъ племенахъ ихъ и большую метисацію съ древними обитателями края (нетюрками) и монголами.

Разсмотримъ прежде всего этническій составъ киргизъ-казаковъ, составляющихъ въ предѣлахъ нашего края Среднюю и Малую (младшую) орду.

Главная масса принадлежитъ къ *Средней* ордѣ; въ составъ ея входятъ нѣсколько племенъ, изъ которыхъ наиболѣе важными (считая съ востока) будутъ: *киреи*, *найманы*, *аргыны* и *кипчаки;* они занимаютъ Семипалатинскую, Акмолинскую области и части Семирѣченской, Сырдарьинской и Тургайской обл. Киреи занимаютъ область *Чернаго Иртыша*; состоятъ они изъ многихъ родовъ (*сарыбасъ*, *джадыкъ*, *чиреучи*, *джастабанъ*, *джантыкей*, *ители*, *каракасъ*, *мулку*, *чубаръ-айгыръ*, *итенгемъ*, *чимоинъ*, *меркизъ*, *курсаты* и др.). Происхожденіе киреевъ, какъ и другихъ тюркскихъ племенъ, окончательно не установлено; несомнѣнно, что они произошли отъ смѣшенія тюрковъ съ древними обитателями края (усунями?). Найманы кочуютъ по *Тарбагатаю*, близь *Балхаша* и *Улу-Тау*; въ составъ ихъ входятъ роды: *бура-найманъ*, *семизъ-найманъ*, *акъ-найманъ*, *сарыджумартъ*, *кокджарлы*, *багоналы*, *кожембетъ*, *мурунъ* и др. Найманы, по мнѣнію нѣкоторыхъ этнологовъ (Аристовъ), состоятъ изъ древнихъ найманскихъ родовъ. Племя *аргынъ* образовано союзомъ многихъ родовъ: *басентеинъ*, *атагай*, *канджиглы*, *тобуклы*, *чакчанъ*, *алтай*, *карпыкъ*, *калкаманъ*, *айдобыль* (*суюнотыкъ*), *козганъ*, *туки* и др. и особаго племени *каракисякъ*. Кочуютъ они по среднему теченію *Иртыша*, *Ишима*, верховьямъ *Тобола* и по *Уралу*. Союзъ родовъ существовалъ уже до появленія въ краѣ Чингисидовъ. Племя *кипчакъ* имѣетъ въ своемъ составѣ роды: *танабуга*, *карабалыкъ*, *турайгыръ*, *узунь*, *кунделенъ*, *бултукъ*, *кökбöрöнъ*, *туючка*, *кытабакъ* и др.; живутъ эти роды въ предѣлахъ Тургайской области и отчасти Оренбургской губ. Нѣкогда кипчаки составляли многолюдное и могущественное племя, но съ XII вѣка они выдѣлили изъ себя значительныя массы на западъ, которыя вошли въ составъ казанскихъ, волжскихъ, крымскихъ татаръ, башкиръ и ногайцевъ; часть же ихъ ушла на ю.-в., составивъ главную массу узбековъ Ферганы, Хивы и Зеравшана. Къ Средней же ордѣ относятъ небольшое племя *байджигитъ* и *уванъ-гирей*, остатки прежнихъ союзовъ, обитавшихъ въ области Зайсана.

Малая орда составилась изъ племени *алчинъ*, въ составъ котораго вошли роды: *корасакалъ*, *дюрткара*, *чикли*, *кизя*, *каракисянъ*, *чумекей* и двухъ союзовъ—*байулы* и *джитыру*; первый образовался изъ родовъ *адай*, *джайнасъ*, *алача*, *байбакты*, *маскаръ*, *берчъ*, *тазларъ*, *исентемиръ*, *черкесъ*, *така*, *кизылъ-куртъ*, *шейхларъ*, *алтынъ* и *исыкъ*; второй сложился изъ родовъ *табыкъ*, *тама*, *кердери*, *джагалбайлы*, *киреизъ*, *тлеу* и *рамоданъ*. Эти роды кочуютъ въ предѣлахъ Уральской обл. и частью въ Тургайской, Сыръ-Дарьинской обл., Оренбургской и Астраханской губ. Основное племя *алчинъ*, по мнѣнію этнологовъ, представляло собой помѣсь тюрковъ съ древними динлинами и угро-финскими племенами; вообще вся Малая (младшая) орда представляетъ болѣе пестрый этническій составъ, чѣмъ Средняя и Большая орда.

Букеевская или *Внутренняя* орда выдѣлилась въ 1801 г. изъ Малой орды за р. Уралъ (въ предѣлы современной Астраханской губерніи) послѣ бѣгства оттуда торгоутовъ; состоитъ она почти изъ тѣхъ же родовъ, какъ и Малая.

Такимъ образомъ во всемъ киргизъ-казацкомъ (кайсацкомъ) народѣ можно отличать слѣдующія главныя, основныя, тюркскія племена: *канглы* и *дулатъ* (р. Чу)—въ Большой (старшей) ордѣ; *кипчакъ*, *аргынъ*, *найманъ*, *кирей*—въ Средней ордѣ и *алчинъ* - въ Младшей ордѣ.

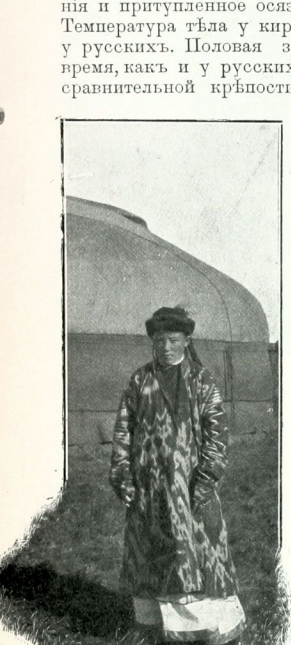
Физическій типъ этихъ племенъ можно считать характернымъ для тюрковъ нашего края, но свести къ нему всѣ племена киргизъ-казаковъ края нельзя. Изъ перечисленныхъ выше родовъ и племенъ (среди которыхъ нѣкоторые ведутъ свое происхожденіе отъ монголовъ или отъ усуней и другихъ древнихъ народовъ) видно, какой сложный и пестрый конгломератъ представляютъ собой киргизъ-казаки, а слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи объ его цѣльности въ этнологическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ. Цѣльность здѣсь скорѣе политическая, основанная на родствѣ языка, обычаевъ, вѣры и невольно созданная степью—этой ареной жизни всѣхъ кочевыхъ народовъ. Степь не только объединила всѣ племена киргизъ-казаковъ, но и оказала на нихъ нивеллирующее вліяніе, наложивъ на всѣ разнородныя племена болѣе или менѣе однообразный характеръ.

Киргизъ.

Въ нижеслѣдующемъ описаніи *физическаго типа* киргизъ-казаковъ цифровыя данныя отнесены къ опредѣленнымъ племенамъ и не могутъ быть обобщены на всѣхъ киргизъ-казаковъ края.

Ростъ коренныхъ тюрковъ считаютъ выше средняго. Цифры для отдѣльныхъ народностей таковы (Харузинъ). Для киргизъ Букеевской орды—1.629 м.м., Малой орды — 1.669 м.м. Киргизы Средней орды — 1.647 м.м., изъ нихъ родъ муруновъ—1.611 м.м., наймановъ—1.626 м.м., байджигитовъ — 1.643 м.м. и киреевъ—1.685 м.м. Такимъ образомъ наряду съ ростомъ выше средняго (1.650—1700 м.м.) есть племена съ ростомъ ниже средняго (1.600—1.650 м.м.). Средній ростъ киргизъ-казаковъ выведенъ въ 1.646,5 м.м. Величина головы равна: у киргизъ Средней орды—192 м.м.; мурунова рода—192 м.м., найманов—181 м.м., байджигитовъ—192 м.м. и киреевъ—197 м.м., у Букеевской орды—238 м.м. Величина лица: малыхъ размѣровъ (119 м.м. и меньше), у киргизъ Букеевской орды—117 м.м., у Средней орды—116, мурунова рода—116, найманов—114, байджигитовъ—117, киреевъ—115. У киргизъ Малой орды лицо среднихъ размѣровъ достигаетъ 121 м.м. Головной указатель (отношеніе длины черепа къ его ширинѣ) даетъ слѣдующія цифры для отдѣльныхъ племенъ: въ Букеевской ордѣ—86,5, въ Малой—87,5, Средней 89,5, въ родѣ муруновъ—89,5, найманов — 89,5, байджигитовъ—89,5 и киреевъ—89,0. Послѣдніе цифровые показатели даютъ основаніе отнести киргизъ (всѣхъ перечисленныхъ племенъ) къ брахицефаламъ (коротко-головымъ).

Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ видно, какъ значительно колеблются цыфровые показатели для разныхъ племенъ. Это показываетъ, что съ антропологической стороны тюрки нашего края, какъ уже сказано, не составляютъ одного цѣлаго. Съ внѣшней стороны киргиза можно охарактеризовать такъ: тѣлосложеніе довольно стройное; грудь хорошо развита, шея не толстая и не короткая; ноги слегка вогнуты (отъ частой верховой ѣзды), съ короткими голенями, кисти рукъ и ногъ небольшія. Цвѣтъ тѣла—желтовато-блѣдный, у лица нѣсколько темнѣе; волосы на головѣ черные, прямые и густые; носъ при основаніи расширенный, иногда горбатый; скулы выдаются слегка; роть небольшой; глаза каріе съ густыми черными бровями. Мышечная сила довольно значительна (но менѣе, чѣмъ у русскаго крестьянина). Жизнь съ малыхъ лѣтъ въ степи, подъ открытымъ небомъ, закаляетъ киргизъ и дѣлаетъ ихъ организмъ весьма выносливымъ и мало чувствительнымъ къ внѣшнимъ вліяніямъ (перемѣнѣ температуры, ушибамъ, пораненіямъ и пр.); благодаря этому-же киргизы имѣютъ мало развитое чувство вкуса, обоняніе и притупленное осязаніе, но зато богато развитые зрѣніе и слухъ. Температура тѣла у киргизъ въ среднемъ выше (на 0,73° С) таковой у русскихъ. Половая зрѣлость приблизительно начинается въ то-же время, какъ и у русскихъ, у женщинъ же—нѣсколько ранѣе. При всей сравнительной крѣпости организма, киргизы не отличаются долговѣчностью: 80-лѣтніе старики среди нихъ рѣдки.



Киргизка.

Женскій типъ въ общемъ близокъ къ мужскому, лишь нѣсколько слабѣе и мельче; нерѣдко голова относительно тѣла представляется болѣе, чѣмъ у мужчинъ (что̀ свидѣтельствуетъ объ умственномъ развитіи); черты лица болѣе правильны и выразительны, нежели у мужчинъ; красавицы среди киргизокъ не составляютъ особенной рѣдкости.

Изъ умственныхъ способностей киргизъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить память на окружающую его жизненную обстановку (природа, люди, событія); въ этомъ отношеніи киргизъ стоитъ значительно выше крестьянина. Память высшаго порядка, особенно на усвоеніе отвлеченныхъ понятій,—слаба. Любознательности менѣе, чѣмъ любопытства; ученіе (особенно математика) дается не трудно; среди учащихся лица съ хорошими способностями нерѣдки. Образованія киргизы не получаютъ: они почти всѣ безграмотны. Среди народа извѣстенъ счетъ только до 10 тысячъ—„тмень“ (русская „тьма“); больше киргизы числъ не знаютъ (въ обиходѣ ихъ жизни и до десяти тысячъ приходится, впрочемъ, считать очень рѣдко). Время считается такъ, какъ считалось у древнихъ монголовъ (отъ которыхъ и было принято). Годъ начинается съ марта; въ мѣ-

сяцѣ 28 дней. Время считается періодомъ, состоящимъ изъ 12 годовъ. имѣющихъ, каждый, названіе особаго животнаго. Первый годъ—„тшканъ“ (родъ мышей), второй—„сіиръ“ (корова), третій—„барсъ“, четвертый—„коянъ“ (заяцъ), пятый — „лу“ (наукообразное), шестой—„джиланъ“ (змѣй), седьмой — „джилны“ (лошадь), восьмой—„кой“ (баранъ), девятый—„мешнъ“ (многоношка), десятый—„таукъ“ (курица), одинадцатый—„итъ“ (собака) и двѣнадцатый—„донгзъ“ (свинья). 1902 г., напр., есть годъ зайца (съ марта), 1903 г. (съ марта) есть „лу“ и т. д.

Образъ жизни способствовалъ развитію у киргизъ живого, общительнаго характера; въ связи съ этимъ находятся добродушіе, гостепріимство, сострадательность и честность. Къ слабымъ сторонамъ характера слѣдуетъ отнести лѣнь, безпечность, склонность къ сплетнямъ и угощеніямъ. Эти черты создались и поддерживаются всѣмъ современнымъ складомъ киргизской жизни. Въ лѣтнее время киргизъ живетъ исключительно животной жизнью—ѣстъ, пьетъ, ѣздитъ и принимаетъ гостей; работа по хозяйству, забота о семьѣ—лежатъ на женѣ. Только зимой киргизу приходится заботиться о хозяйствѣ (главнымъ образомъ о благополучіи скота), но и тутъ онъ находитъ время „тамырничать“—т. е. ѣздить изъ кстау въ кстау (зимовки) по гостямъ, много ѣсть, разносить и слушать новости.

Среди тюрковъ, кочующихъ въ Азіи, киргизъ-казаки—наиболѣе культурный народъ, и несомнѣнно, что ему предстоитъ лучшее будущее: количество его увеличивается, и онъ оказывается воспріимчивымъ къ культурнымъ пріобрѣтеніямъ.

О сравнительной культурности киргизъ-казаковъ можно судить отчасти по характеру языка, по способности и формѣ излагать свои мысли, по богатству народной литературы и наконецъ по состоянію развитія искусствъ.

Наречіе киргизъ-казаковъ одни изъ русскихъ этнологовъ (напр. Паткановъ) относятъ къ восточной группѣ тюркскаго языка, другіе (Радловъ)—къ западному и именно къ особому виду его—киргизскому (на которомъ говорятъ всѣ тюрки нашего края). Азбука у киргизъ—арабская, которая стала распространяться среди тюрковъ Средней Азіи съ VIII вѣка вмѣстѣ съ исламомъ. До этого (съ IV в.) у нихъ была сирійская азбука (занесенная христіанами несторіанской секты). Загадочныя руническія письмена, открытыя археологами въ Восточной Сибири, оказались принадлежащими также тюркамъ, а не древнимъ славянамъ, финнамъ, евреямъ или другимъ народамъ,какъ думали многіе. Видоизмѣненная сирійская азбука сохранилась теперь только у монголовъ и маньчжуръ, остальные же тюрки держатся арабской азбуки.

Тюркскій языкъ относится къ типу несовершенныхъ (какъ имѣющій мало развитыя грамматическія отношенія словъ). Онъ построенъ изъ *сложенія* словъ, т. е. грамматическая зависимость между словами выражается не измѣненіемъ начальной формы слова, а прибавленіемъ къ ней приставокъ (аффиксовъ) и вставокъ (инфиксовъ); при этомъ связь корней съ ними настолько слаба, что всѣ составныя части слова легко выдѣляются. Такіе языки извѣстны у однихъ ученыхъ подъ именемъ агглутинирующихъ, у другихъ—несовершенныхъ, безформенныхъ и пр.; такъ какъ на нихъ говорятъ урало-алтайскія племена, то чаще называютъ ихъ урало- алтайскими. Подъ вліяніемъ ислама и сосѣдей (русскихъ, монголовъ и др.) въ киргизскомъ языкѣ наблюдается при-

мѣсь чужихъ словъ—арабскихъ, монгольскихъ, русскихъ, особенно-же татарскихъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Народное творчество довольно богато, хотя и однообразно; выразилось оно главнымъ образомъ въ произведеніяхъ лирическаго и эпическаго содержанія. Первыя сводятся къ описанію любви, переживанію различныхъ чувствъ и положеній влюбленными; много мѣста занимаютъ въ нихъ сравненія внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ героя и героини. Эпическія произведенія содержатъ описанія былой жизни киргизъ, подвиги и широкіе пиры „на всю степь“ видныхъ героевъ и богатыхъ хановъ—Аблая, Наурзбая и др. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ поэма „Курпечъ (Кузу) и Баянъ (Солу)“—древнее произведеніе, повидимому не одного автора, а собирательное. При несложной фабулѣ (Курпечъ любитъ Баянъ и по завѣту отца думаетъ на ней жениться, но является другой претендентъ на Баянъ—Тологой и убиваетъ Курпеча, Баянъ же убиваетъ Тологоя и себя), произведеніе это представляетъ большой интересъ по художественному описанію природы и особенно тогдашнихъ быта и нравовъ; съ этой стороны она не имѣетъ себѣ равныхъ среди другихъ киргизскихъ произведеній. Популярность ея среди киргизъ велика. Съ именами ея героевъ связано много названій мѣстностей—горъ, рѣкъ, урочищъ и пр. (гдѣ происходили описываемыя событія); могила Курпеча и теперь сохранилась (недалеко отъ Сергіополя).

Кромѣ того существуетъ цѣлая серія бытовыхъ пѣсенъ, пріуроченныхъ къ различнымъ обрядамъ и событіямъ жизни,—свадебныя, похоронныя и проч. Какъ созданіе позднѣйшаго времени слѣдуетъ назвать произведенія извѣстнаго народнаго поэта Ногойбая и его послѣдователей,—пѣвцовъ народнаго горя, выразителей нуждъ и положенія бѣднѣйшей части киргизовъ—джетаковъ; въ то же время пѣсни ихъ носятъ и обличительный характеръ (притѣсненій и несправедливостей со стороны власть имущихъ). Какъ сатирическое произведеніе позднѣйшаго времени можно указать „Зарзаманъ“ (Плачъ времени) Чортанбая, довольно удачно обличающее недостатки киргизъ, поскольку они создавались подъ вліяніемъ русской власти. Наконецъ, какъ представителя новаго теченія въ киргизской поэзіи, слѣдуетъ назвать Кномбая (въ Семипалатинскомъ у.)—автора многихъ стихотвореній, изящныхъ по формѣ и поэтическихъ по содержанію (особенно описанія природы). Этому же автору принадлежатъ хорошіе переводы „Евгенія Онѣгина“ и многихъ стихотвореній Лермонтова (который оказался наиболѣе понятнымъ для киргизъ); такимъ образомъ у семипалатинскихъ „оленгчи“ (пѣвцовъ) можно слышать, напр., „письмо Татьяны“, распѣваемое, конечно, на свой мотивъ.

Лирическія произведенія являются однако наиболѣе характерными для киргизской поэзіи: они также просты и незамысловаты, какъ и ихъ кочевая жизнь.

При отсутствіи грамотности, всѣ произведенія передаются устно; эту роль несутъ спеціальные люди—„акыны“ и „оленгчи“ (какъ гусляры и кобзари въ прежней Руси). Первые не только передаютъ старинныя пѣсни, но и сочиняютъ новыя; „оленгчи“ же обыкновенно занимаются „рифмоплетствомъ“, не столько обращая вниманія на содержаніе, сколько на то, чтобы была рифма и удачное сравненіе.

Всѣ перечисленные типы народнаго творчества не разсказываются,

а поются. Пѣніе (преимущественно одноголосое) въ жизни киргиза играетъ видную роль: безъ него не обходятся важнѣйшіе моменты жизни.

Въ музыкальномъ отношеніи киргизская пѣсня на первое впечатлѣніе кажется непріятной; но если въ нее вслушаться, то оригинальность, простота и содержательность мотива произведутъ обратное впечатлѣніе. Въ общемъ въ ней преобладаетъ растянутость и заунывность. Киргизы цѣнятъ умѣнье пѣть, и „оленгчамъ“ (пѣвцамъ) живется хорошо: ихъ зовутъ какъ почетныхъ гостей на всякое семейное и общественное празднество и щедро дарятъ за доставленное удовольствіе. Обыкновенно передача пѣсни сопровождается подыгрываніемъ на инструментѣ; изъ послѣднихъ распространены: домра—родъ треугольной балалайки съ тремя струнами (бараньи жилы) и кобызъ— овальная балалайка съ

На ярмаркѣ въ Темирѣ. (*По фот. А. Н. Чапина*).

колышкомъ внизу (какъ у віолончели), на которой играютъ смычкомъ; изъ духовыхъ можно назвать зурну—деревянный длинный рожокъ

Существуетъ среди киргизъ и живопись, выражающаяся въ раскрашиваніи фигуръ и узоровъ на дверяхъ юртъ, посудѣ, сѣдлахъ и проч. и въ тканьѣ различныхъ узорчатыхъ шерстяныхъ издѣлій. Искусство это находится еще на низшей ступени развитія.

Остановимся теперь на болѣе подробномъ описаніи сначала внѣшняго, а затѣмъ внутренняго быта киргизъ.

Жилищемъ киргизъ служатъ: лѣтомъ—юрта (точнѣе—уй, т. е. жилище; юрта же—монгольское слово), зимой—кстау, т. е. зимовка. Въ рѣдкихъ случаяхъ (у бѣдныхъ) лѣтнимъ и зимнимъ жилищемъ является юрта; на югѣ края, гдѣ зимы не такъ суровы, въ юртахъ живутъ и среднія семьи.

На описаніи юрты мы остановимся нѣсколько подробнѣе, такъ какъ она сосредоточиваетъ въ себѣ всю жизнь кочевника: въ ней скла-

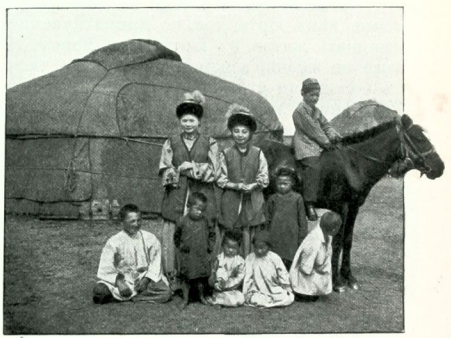
дывается его міросозерцаніе и происходятъ всѣ важнѣйшіе моменты его домашней и общественной жизни. Зимовка же—печальная необходимость, вызываемая мѣстными климатическими особенностями.

Юрта представляетъ собой деревянный, конусообразной формы, рѣшетчатый остовъ, обтянутый кошмой. Благодаря своей легкости и простому устройству она скоро разбирается и также скоро составляется, что весьма важно при частыхъ перекочевкахъ киргизъ. Остовъ юрты состоитъ изъ „кереге"—деревянной рѣшетки, служащей основаніемъ юрты (часть ея изъ 12—17 паръ палокъ называется канатомъ), и „ченгаракъ"—деревяннаго круга съ выгнутыми поперечными дугами—„кульдереушъ". Кереге и ченгаракъ связываются между собой деревянными дугами—„уками", которыя вставляются однимъ концомъ въ отверстія ченгарака и другимъ привязываются къ кереге. Число укъ въ юртѣ различно: въ небольшихъ—до 100, въ большихъ—150—200. Высота кереге, длина укъ и размѣръ ченгарака у различныхъ юртъ различны; высота юрты—4—6 арш. Дверь юрты состоитъ изъ прямоугольной рамы въ $1^1/_2$ арш. выс.; боковыя части рамы называются „босага" или „таянышъ", нижняя—„табылдырыкъ", верхняя—„мандайга". Дверь—„есыкъ" дѣлается изъ толстаго кошемнаго полотнища или дерева. Все это привязано къ „кереге". Для того, чтобы вѣтеръ не сорвалъ „ченгаракъ", его привязываютъ къ центру юрты арканомъ—„джиль-бау" или подпираютъ на это время особымъ шестомъ—„баканъ". Съ наружной стороны кереге обставляется плетеной свѣткой изъ стеблей чія (Lasiagrostis splendens), нерѣдко красиво переплетеннаго цвѣтными нитками; этотъ плетеный поясъ употребляется кромѣ того и въ самой юртѣ, какъ ширма. При постановкѣ юртъ употребляются много различныхъ веревокъ—„аркановъ"; изъ нихъ главную роль играетъ „баскуръ"—тканый шерстяной поясъ (до двухъ четвертей ширины), который охватываетъ верхнюю окружность кереге, придавая этимъ крѣпость и красоту юртѣ. Совершенно составленный остовъ изъ перечисленныхъ выше частей покрывается кошмой. Изъ нея приготовляются четыре прямоугольныхъ куска—„туурлыкъ", которыя охватываютъ кереге и налегаютъ на нижнюю часть укъ; двѣ трапецевидныхъ части „узюкъ" покрываютъ „уки" до ченгарака и прикрываютъ верхнюю часть туурлыка; къ узюку привязываются шесть аркановъ „бау", которыми онъ плотно притягивается; наконецъ ромбовидный кусокъ „тюндукъ" прикрываетъ ченгаракъ; его открываніе замѣняетъ окно въ юртѣ и трубу для выхода дыма (костеръ раскладывается всегда подъ нимъ). Дверь юрты ставится на сѣверо-востокъ, въ виду господства южныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, а также какъ на противуположную „святой" сторону (на юго-западѣ находятся Мекка и Медина). На юрту употребляютъ самую лучшую (бѣлую) кошму; у богатыхъ она расшивается цвѣтными нитками и даже шелкомъ и позументами; красивыми узорами ткутся баскуръ, есыкъ и плетется чіевая цыновка. Всѣ деревянныя части красятся, чаще въ желтый, коричневый и синій цвѣтъ.

Приготовленіемъ деревянныхъ частей занимаются особые мастера „уйге", которые дѣлаютъ все при помощи топорика (чапаготъ) и буравчика (уске); кошмы изготовляются женщинами (чаще всего цѣлаго аула). Ими же обыкновенно ставится и юрта. Хорошая юрта стоитъ до 150 руб., обыкновенная—80—100 руб. (въ Акмолинской обл.).

Описанная юрта не является однако единственнымъ типомъ. Кромѣ него есть другія, употребляемыя въ опредѣленныхъ случаяхъ; изъ нихъ мы назовемъ: кошъ, джолумъ-уй и аблайчу. Всѣ онѣ представляютъ упрощенный типъ описанной юрты, болѣе удобный въ извѣстныхъ случаяхъ. Кошъ состоитъ изъ трехъ „канатовъ“ (связокъ) кереге; ченгарака онъ не имѣетъ, уки скрѣпляются верхними концами. Употребляется кошъ при частыхъ переѣздахъ для пріѣзжихъ гостей, пастухами же—при стадѣ. Джолумъ-уй есть походная юрта, отличающаяся меньшими размѣрами; она покрывается только туурлыкомъ и тюндукомъ. Эти юрты стали входить въ употребленіе среди русскихъ войскъ, передвигающихся въ южной полосѣ края; извѣстны они подъ именемъ „джоломейки“.

Аблайча состоитъ только изъ укъ, воткнутыхъ въ землю, а на верхнемъ концѣ ихъ укрѣпляется ченгаракъ; она закрывается однимъ кускомъ кошмы. Наиболѣе употребительна она при дальнихъ перекочевкахъ и поѣздкахъ; происхожденіе свое аблайча ведетъ отъ хана Аблая (XVIII стол.), войско котораго имѣло такія юрты. Среди обыкновенныхъ юртъ различаютъ два типа — конусообразный или торгоутскій и киргизскій — куполообразный; первый встрѣчается рѣдко и ставится въ исключительныхъ случаяхъ.



Киргизскія дѣти у юрты. (*По фот. Бебенина*).

Какъ въ избѣ крестьянина есть „красный уголъ“—почетное мѣсто, такъ и въ юртѣ киргиза мѣсто, противуположное двери, уставленное ящиками и устланное коврами, считается почетнымъ; сюда на коверъ, сырмакъ (расшитая кошма) или одѣяла проводится почетный гость. Собственно хозяйской половиной служитъ правая, ближайшая къ двери часть юрты, отгороженная чіевой ширмой или занавѣской; тамъ хранятся пищевые продукты, казанъ (котелъ на треножникѣ), „саба“—мѣшокъ изъ прокопченой кожи, „баурсаки“, холодное мясо и др. Рядомъ у стѣны стоитъ „тюсекъ-орукъ“—постель (низкая кровать съ подушками); здѣсь мѣсто хозяина; рядомъ—„кебеже“—ящикъ съ лучшей посудой, чаемъ, сахаромъ. Лѣвая часть юрты (при входѣ) считается черной: тутъ отводится мѣсто собакѣ, молодому барану, беркуту; тутъ-же сидятъ у богатыхъ киргизъ бѣдняки-просители. У лѣвой-же стороны отводится мѣсто взрослымъ или женатымъ дѣтямъ. Мебели, кромѣ невысокаго (въ одну четверть) круглаго стола для ѣды, нѣтъ. Очагъ, вокругъ котораго любятъ сидѣть киргизы не только за ѣдой, но и за разговоромъ, называется „отбосы“; съ нимъ связано представленіе о благополучіи, почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему приносится жертва (см. свадьбу.).

Въ жизни киргиза юрта играетъ важную роль. Отцовская юрта („улькунъ ченгаракъ“) считается священной; обсужденіе важныхъ во-

просовъ, касающихся цѣлаго рода, происходитъ въ ней. Жена отдѣленнаго сына послѣ рожденія ребенка обязана притти въ отцовскую юрту, сдѣлать тамъ три поклона и вылить масло въ очагъ. Киргизы нерѣдко божатся юртой („коттукадамъ уюмде анзъ этеменъ, арь кимнеи узь де узике мешетъ"—„клянусь священной юртой, своя юрта—храмъ божій"). Находящійся въ юртѣ считается подъ защитой хозяина; обидѣть перваго значитъ оскорбить хозяина. Къ дверямъ юрты принято, напр., привязывать подаренныхъ животныхъ, причемъ, если оно сдѣлаетъ даже какое-нибудь несчастіе (напр. лошадь улягнетъ проходящаго), хозяинъ не отвѣчаетъ за это; если же недоброе случится отъ лошади пріѣзжаго, послѣдній отвѣчаетъ за это передъ судомъ біевъ, такъ какъ обязанъ привязывать лошадь къ задней стѣнѣ юрты.

Вообще юрта играетъ въ жизни киргиза видную роль, какъ мѣсто, гдѣ проходитъ вся жизнь, складываются ея семейныя и общественныя отношенія.

Постоянныя жилища не являются для киргизъ такими необходимыми, какъ юрта; только климатическія условія заставляютъ его промѣнивать житье въ юртѣ на зимовку. Житье киргиза въ зимовкѣ есть даже не жизнь, а скорѣе прозябанье, такъ какъ оно связано обыкновенно съ большими стѣсненіями, неудобствами, лишеніями и непріятностями. Самъ киргизъ смотритъ на житье въ зимовкахъ, какъ на временную, печальную необходимость въ своей жизни.

Съ другой стороны эти жилища, какъ одно изъ звеньевъ, составляющихъ переходъ кочевника къ осѣдлой жизни, заслуживаютъ вниманія: зимовая стоянка представляетъ собою ядро современнаго киргизскаго землевладѣнія и землепользованія.

Въ „кстау"—въ этихъ зимнихъ жилищахъ киргиза—можно наблюдать самыя разнообразныя строенія, въ зависимости какъ отъ климатическихъ и естественно-историческихъ условій края, такъ и отъ экономическаго состоянія владѣльца. Въ горахъ южнаго Алтая и Тарбагатая зимовки киргизъ дѣлаются изъ камня и дерева и располагаются въ долинахъ и логахъ горъ. Въ степной, южной (безлѣсной) полосѣ зимовки строятся изъ дерна; въ сѣверной, лѣсной—чаще изъ дерева, рѣже изъ дерна.

На описаніи зимовокъ двухъ послѣднихъ типовъ, какъ наиболѣе распространенныхъ, мы и остановимся.

Какъ осѣдлые народы выбираютъ для своихъ поселеній такія мѣста, которыя представляютъ наибольшія удобства и выгоды для ихъ жизни, такъ и киргизскія зимовки расположены въ такихъ мѣстахъ, которыя прежде всего благопріятны для содержанія скота—главнаго источника ихъ жизни. Въ виду этого зимовки располагаются у подножья горъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ, у опушки лѣсовъ, т. е. въ такихъ мѣстахъ, гдѣ зимой скотъ можетъ легче достать кормъ; поэтому подобныя мѣста охраняются лѣтомъ отъ потравы, чтобы сохранить траву на зиму. Въ кстау бросается въ глаза прежде всего тѣсная связь людского помѣщенія со скотнымъ дворомъ и отсутствіе планомѣрнаго расположенія строеній. Стѣны жилого помѣщенія строятся изъ пластовъ дерна, до аршина и болѣе толщиной; сверху такихъ стѣнъ укладывается рядъ деревянныхъ брусьевъ, на которыхъ укрѣпляются нѣсколько перекладинъ, служащихъ для настилки потолка. Послѣдній дѣлается изъ хво-

роста, камыша и травы; сверхъ ихъ накладываются дерновые пласты. Крышъ кстау не имѣютъ. Въ стѣнѣ, обращенной на дворъ, дѣлается невысокая дверь; на противуположной стѣнѣ устраиваются одно или два незначительныхъ окна—вѣрнѣе дыры съ однимъ стекломъ или натянутымъ пузыремъ [1]). Помѣщеніе дѣлится на двѣ половины: переднюю, болѣе грязную, въ которой помѣщается печь (обыкновенно сырцовая, состоящая изъ двухъ ящиковъ, причемъ въ первый вдѣланъ казанъ, а во второмъ пекутся баурсаки, топится сало и пр.); въ этой-же половинѣ находятся молодые бараны и телята, конская сбруя и ворохи другихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Дальняя половина (2—3 саж. длины), 2 саж. ширины и 1 саж. высоты) почти вся занята нарами, на которыхъ киргизы ѣдятъ и спятъ. По стѣнамъ набиты колья, на которыхъ развѣшиваются платье, лучшая сбруя, кошмы и пр. Ночью землянка освѣщается сальникомъ (фитиль съ бараньимъ саломъ въ чашкѣ). Изъ всего сказаннаго о зимовкѣ можно судить, въ какой тѣ-

Степная зимовка и мечеть киргизскаго рода Тузъ на Эмбѣ.

снотѣ, грязи и духотѣ приходится проводить киргизамъ зиму. Зимовки болѣе богатыхъ киргизъ безлѣсныхъ мѣстъ въ общемъ мало отличаются отъ описанной, только чище.

Вплотную со своимъ помѣщеніемъ строитъ киргизъ стойла для барановъ. Они имѣютъ такое-же устройство, какъ и жилье, только безъ оконъ и печи. Кромѣ нихъ пристраиваются еще два дерновыхъ помѣщенія: одно—нѣчто вродѣ кладовой и другое—для джетаковъ-рабочихъ. Затѣмъ идутъ болѣе легкія постройки, составляющія собственно дворъ киргизскаго дома. Дворъ обносится валомъ изъ земли, навоза, камыша и пр.; къ нему упираютъ концы жердей, укрѣпленныхъ другими концами или на особыхъ стойкахъ, или также на валу; на этихъ жердяхъ устраивается камышевая крыша надъ всѣмъ дворомъ. Крыша въ степныхъ зимовкахъ является необходимой въ виду частыхъ вѣтровъ и бурановъ. Внутри дворъ разбивается на нѣсколько частей, причемъ

[1]) На лѣто обыкновенно оконныя рамы со стеклами или пузырями вынимаются и убираются куда-нибудь, во избѣжаніе пропажи или поломки.

наиболѣе теплыя отводятся для мелкаго и рогатаго скота, менѣе теплая—для лошадей.

Общее впечатлѣніе отъ степныхъ кстау невыгодно: съ виду это куча тѣсно сплоченныхъ, заваленныхъ назьмомъ, землянокъ. Сплоченность построекъ однако весьма удобна для степного населенія въ виду частыхъ снѣжныхъ бурановъ.

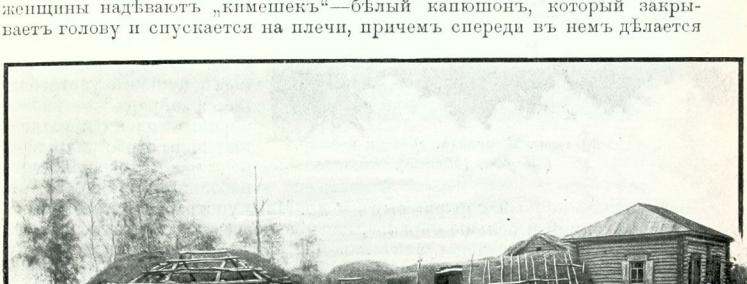
Зимовки киргизъ лѣсныхъ мѣстъ отличаются бо̀льшимъ удобствомъ. Жилое помѣщеніе состоитъ изъ небольшой избы съ небольшимъ окномъ и дверью, поломъ и потолкомъ, но чаще также безъ крыши. Бо̀льшая часть помѣщенія занята нарами, на которыхъ лежатъ кошмы, циновки, ковры, подушки; подъ нарами ставятся ящики и другіе хозяйственные предметы. Печка также болѣе совершеннаго типа, скорѣе красивая, нежели удобная. У средняго киргиза для варки мяса и для работниковъ дѣлается на дворѣ отдѣльное помѣщеніе—„чучела“. Это—куполообразное, наполовину дерновое, наполовину кошемное строеніе, грязное и холодное. Дворъ лѣсной зимовки не представляетъ такой скученности, какъ степной. Здѣсь у жилья дѣлается изъ дерна только помѣщеніе для барановъ; другой скотъ зимуетъ въ плетеныхъ или камышевыхъ пригонахъ, построенныхъ гдѣ-либо вглуби лѣса. Такимъ образомъ видъ лѣсныхъ кстау напоминаетъ отчасти русскую деревню.

У южныхъ (чуйскихъ и др.) киргизъ рядомъ съ земляными зимовками остаются юрты, поставленныя среди камышей и обложенныя снизу дерномъ и снѣгомъ; для скота дѣлаются простыя изгороди изъ камыша и саксаула. У киргизъ южнаго Алтая и Тарбагатая зимовки строятся изъ камня и лѣса; рѣже встрѣчаются дерновыя; для скота же совсѣмъ не дѣлаютъ помѣщеній, а держатъ его въ завѣтреныхъ логахъ и долинахъ.

Одежда киргизъ довольно разнообразна. Нижняя состоитъ у мужчинъ изъ одной ситцевой, рѣже холщевой, рубахи („куйлюкъ“), длинной и широкой и короткихъ, но широкихъ штановъ („дамбалы“) изъ сѣрой или цвѣтной матеріи. Сверху надѣваются халатъ изъ шерстяной, у богатыхъ изъ шелковой матеріи, всегда съ рисунками или вышивкой, широкіе штаны или „шелбары“ изъ бумажной матеріи, иногда изъ дубленой кожи. Поверхъ ихъ носится бешметъ—широкій кафтанъ изъ цвѣтной матеріи, или вышитый, иногда изъ армячины домашняго приготовленія. На головѣ киргизъ носитъ „аракчинъ“, а сверхъ его круглую шапку „боркъ“. На ноги надѣваются широкіе кожаные сапоги „сантама“ съ деревянными высокими каблуками; легкая обувь—„ичиги“ (сапоги изъ тонкой кожи безъ каблуковъ) носятся всегда съ калошами. Поясомъ служитъ широкая ситцевая лента, или же кожаный „ксе“. Послѣдній состоитъ изъ узкаго ремня, изукрашеннаго съ внѣшней стороны металлическими, у богатыхъ серебряными бляхами; на ремнѣ обыкновенно висятъ: небольшая сумка, въ которой прежде хранили трутъ и кремень, а теперь кладется на дорогу сыръ „куртъ“, чехолъ для ножа (который теперь употребляется при ѣдѣ мяса) и пороховница (пустая). Съ внѣшней стороны эти придаточныя части также изукрашены бляхами. Зимой киргизы одѣваютъ сверхъ бешмета „купу“ — шубу изъ войлока, сбитаго естественнымъ путемъ, т. е. на кожѣ барана или верблюда; это легкая, но очень теплая одежда. Кромѣ того носятъ дубленыя шубы и стеганые бешметы. Рукава у всѣхъ одеждъ мужскихъ и женскихъ дѣлаются длинными, что̀ замѣняетъ киргизамъ перчатки и рукавицы.

Ноги одѣваютъ въ стеганые или овчинные штаны—„шелбары“ и толстые (воловьей кожи) сапоги съ кошемными чулками. На голову надѣвается „малахай“—конической формы мѣховая шапка съ длинными и широкими наушниками, закрывающими сзади шею. Цвѣтъ матерій для костюмовъ выбирается всегда пестрый съ крупными цвѣтами и узорами.

Костюмъ женщинъ во многомъ сходенъ съ мужскимъ. Онѣ носятъ такія же широкія и длинныя рубахи, какъ и мужчины, широкія дамбалы, а сверху—свободное платье; на ногахъ—тѣ же сапоги или ичиги, съ тонкими лаковыми калошами; халаты и бешметы дѣлаются въ талію. Дѣвушки на головѣ носятъ круглыя шапки съ мѣховой оторочкой; женщины надѣваютъ „кимешекъ“—бѣлый капюшонъ, который закрываетъ голову и спускается на плечи, причемъ спереди въ немъ дѣлается



Зимовка (кстау) состоятельнаго киргиза въ лѣсной мѣстности (дворъ, надворныя постройки и домъ).

разрѣзъ для лица. Верхняя часть головы закрывается бѣлымъ платкомъ—„джаулыкъ“ (лицо у киргизокъ не закрывается).

Невѣста надѣваетъ на голову „саукеле“—высокую, острую, конусообразную шапку, расшитую позументомъ, серебряными бляхами и др. украшеніями; верхушка ея состоитъ изъ пучка перьевъ. Изъ другихъ особенностей свадебнаго костюма невѣсты можно назвать цвѣтную шаль „джилекъ“, которой покрывается вся невѣста сзади (прикрѣпляется джилекъ къ саукеле). Остальная одежда — обыкновенная, только болѣе богатая. Костюмъ жениха отличается отъ обычнаго еще меньше — только перьями на шапкѣ; но и это нельзя считать постояннымъ отличіемъ или принадлежностью костюма жениха.

Одежда мальчиковъ и дѣвочекъ въ общемъ одинакова, за исключеніемъ аракчина, который носится мальчиками съ малыхъ лѣтъ.

Главнымъ *питаніемъ* у киргизъ слѣдуетъ признать кумысъ — кобылье молоко, пришедшее въ молочнокислое и спиртовое броженіе. Для приготовленія и храненія кумыса употребляется особенный мѣшокъ „турсукъ“ изъ прокопченой кожи; въ него вставляется деревянная бол-

Омскіе киргизы. Киргизка, доящая кобылу.
(*По фот. Бебенина*).

тушка, которой перебалтываютъ кумысъ во время приготовленія и всякій разъ передъ употребленіемъ. Лучшій кумысъ имѣется у киргизъ южнаго Алтая и Кокчетавскаго уѣзда, какъ обладающихъ лучшими пастбищными мѣстами для скота. Въ лѣтнее время большинство киргизъ живетъ главнымъ образомъ на кумысѣ, выпивая его большое количество. Изъ другихъ молочныхъ кушаній употребляются: „айранъ“ — кислое коровье молоко и различные виды сыра: „куртъ“— поджареный бараній сыръ небольшими колобками, „еремчикъ“—кислый коровій сыръ и др. Мясо употребляется главнымъ образомъ зимой и больше баранье, какъ дешевое; конина же появляется только въ видѣ исключенія, какъ лакомое блюдо. Мясо почти всегда варится (въ казанѣ), рѣже жарится; ѣдятъ сначала мясо (причемъ берутъ его руками), а затѣмъ запиваютъ изъ большихъ деревянныхъ чашекъ наваромъ — „сурпой“; употребляютъ мясо и въ копченомъ видѣ. Дичь и рыба употребляются рѣдко, зелень—также.

Изъ хлѣбной пищи наиболѣе распространенной является просо, или немного поджаренное (тогда прямо грызется), или въ видѣ каши. Изъ муки приготовляютъ „баурсаки“—прѣсное тѣсто, которое рѣжется на мелкіе кусочки и жарится въ бараньемъ салѣ (напоминаетъ масляничные орѣшки у русскихъ). „Баламыкъ“—жидкое кушанье, сваренное въ казанѣ изъ муки, поджареннаго въ салѣ проса и воды. „Каурдакъ“—кусочки жаренаго мяса изъ разныхъ частей животнаго, причемъ особенно вкусными считаются почки. Въ знакъ особеннаго вниманія и любезности къ гостю хозяинъ самъ вкладываетъ ему въ ротъ кусочки каурдака [1]); это называется—ѣсть „бишь-барманъ“ (пять пальцевъ). Кумысъ, баурсаки и каурдакъ — главная пища киргизъ и наиболѣе любимая, особенно кумысъ, который считается при этомъ такимъ же священнымъ, какъ у крестьянина хлѣбъ. О распространеніи среди киргизъ любви къ кумысу можно судить отчасти по такому факту, какъ существованіе распивочной продажи кумыса, какъ водки у русскихъ (такъ называемые „кумысные кабачки“). Въ Акмолинскѣ, Уральскѣ и другихъ степныхъ городахъ, населенныхъ отчасти киргизами, есть немало такихъ распивочныхъ кумысенъ, гдѣ за 2 — 3 коп. можно получить большую чашку (3—4 чайныхъ) хорошаго кумыса.

Питательныя и возбудительныя качества кумыса извѣстны хорошо

[1]) Отсюда повидимому и происходитъ русское слово „кавардакъ“.

и мѣстному русскому населенію. Не говоря уже о посѣтителяхъ лѣчебныхъ станцій (*Боровое*, *Щучье*, *Баянъ-Аулъ*, *Ульбинское* и др.) и дачникахъ, которые пьютъ кумысъ по совѣту врачей, немало его выпиваетъ лѣтомъ русское населеніе окраинныхъ городовъ, какъ напр. Омска, гдѣ на это время открывается нѣсколько киргизами торговля кумысомъ (30—50 коп. четверть). Киргизы приготовляютъ изъ кумыса (перегонкой) опьяняющій напитокъ „араку", но онъ не имѣетъ пока широкаго распространенія. Пьютъ киргизы охотно и чай съ сахаромъ, преимущественно кирпичный. Водки и вина не употребляются. У пригородныхъ киргизъ печеный русскій хлѣбъ обыкновененъ.

Выше было сказано, что главнымъ занятіемъ киргизъ, какъ народа кочевого, служитъ скотоводство, а за послѣднее время стало распространяться и земледѣліе. Здѣсь мы остановимся только на домашнихъ занятіяхъ киргизъ.

Изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ издѣлія изъ шерсти (овечьей и верблюжьей), а именно: приготовленіе войлока, армячины, тесьмы и веревокъ. Армячина („шекпекъ") приготовляется изъ тонкихъ нитокъ верблюжьей и овечьей шерсти. Тканьемъ занимаются исключительно женщины (при участіи трехъ-четырехъ дѣтей); станокъ, основа и пр. приготовляются каждый разъ мастерщей. Армячина употребляется на одежду и по хозяйству (мѣшки и пр.). Изъ верблюжьей шерсти ткутъ узорчатыя широкія и узкія тесьмы („басъ-куръ" и „уй-бау"). Эта работа у хорошихъ мастерицъ выходитъ не только прочной и чистой, но и красивой по рисунку. Много приготовляется также кошемъ (изъ овечьей шерсти), которыя находятъ, какъ и всѣ предыдущія издѣлія, широкій сбытъ среди киргизъ. На кошмахъ выкатываются иногда цвѣтные рисунки. Приготовленіе ихъ самое первобытное: шерсть кладется слоемъ на циновку, свертывается въ трубку, поливается горячей водой и катается по землѣ. Вьютъ также волосяныя и шерстяныя веревки. Но болѣе тонкой ткацкой работы киргизы еще не знаютъ. Всѣ перечисленныя работы производятся только женщинами; мужчины иногда только обстригаютъ шерсть животныхъ.

Мужчины занимаются выдѣлкой кожи, шитьемъ изъ нея обуви и столярно-слесарнымъ мастерствомъ. Главными издѣліями послѣдняго является приготовленіе остова (кереге и др. частей) юрты, посуды, сѣделъ и экипажей—арбъ и телѣгъ (послѣднее производство — недавнее). Слесаря изощряются на отдѣлкѣ сѣдла, стремянъ и прочихъ принадлежностей сбруи; есть искусные накладчики на желѣзныя вещи серебра и мелкихъ мозаичныхъ работъ (инкрустація) при выдѣлкѣ посуды и др. роговыхъ и костяныхъ вещей.

Киргизскій аулъ вблизи Омска. (*По фот. Бебенина*).

У призайсанскихъ, чуй-

скихъ и отчасти уральскихъ киргизъ существуетъ рыболовство, но большого значенія для нихъ оно не имѣетъ. У всѣхъ киргизъ есть страсть къ охотѣ, особенно съ соколомъ или беркутомъ, но не какъ къ промысловому занятію, а скорѣе какъ къ интересному спорту и развлеченію; промысловый характеръ охота носитъ лишь у незначительной части населенія.

На заработки, требующіе значительнаго напряженія физическаго труда, киргизы не нанимаются; но обѣднѣвшіе киргизы (джетаки) составляютъ главный контингентъ рабочихъ на горнозаводскихъ и сельско-хозяйственныхъ промыслахъ края и предпочитаются русскимъ, какъ болѣе дешевые и крѣпкіе въ работѣ.

Общественная жизнь киргизъ развита, но сводится къ угощенію, поѣздкамъ и увеселеніямъ; различныя семейныя событія и праздники сопровождаются всегда угощеніемъ цѣлаго аула и даже ближайшихъ, безконечными разсказами новостей, играми молодежи и пѣснями „олентчи".

Общественный строй киргиза можно назвать демократическимъ, такъ какъ древніе султанскіе роды (Валиханъ, Аблай, Букей и др.) и хаджи (потомки Магомета), хотя и считаются свѣтской и духовной аристократіей, но особенными привиллегіями не пользуются; вліяніе ихъ на народъ становится незначительнымъ. Въ прежнее время (до половины XIX столѣтія) среди киргизъ существовало рабство (рабъ—„кулъ"), созданное тогдашней политической жизнью (частыя племенныя усобицы и войны съ сосѣдними народами — башкирами, калмыками и др.); въ концѣ XVIII столѣтія рабство было узаконено и русскимъ правительствомъ. Въ *Ямышевской* и *Семипалатинской* крѣпостяхъ производился долгое время торгъ рабами изъ киргизъ, которыхъ пріобрѣтали и русскіе въ качествѣ рабочей силы. Первая попытка къ ограниченію рабства была сдѣлана въ 1822 г., съ образованіемъ въ степи киргизскихъ округовъ; по закону этого года всѣ невольники, находившіеся у киргизъ, оставлялись при владѣльцахъ, но пріобрѣтать ихъ вновь строго запрещалось. Положеніе рабовъ было тяжелое, какъ и крестьянъ у русскихъ помѣщиковъ; владѣльцы распоряжались ихъ жизнью и смертью, не неся за это отвѣтственности. Какъ особый видъ добровольнаго рабства, существовалъ цѣлый разрядъ людей—тюленгутовъ (чаще обѣднѣвшихъ киргизъ), составлявшихъ то челядь, то свиту, которой окружали себя знатные султаны и цѣлые богатые роды. Эти люди считали себя независимыми отъ своихъ патроновъ, но долговременное проживаніе у послѣднихъ давало патронамъ поводъ заявлять на нихъ свои права, какъ на рабовъ. Недоразумѣнія съ тюленгутами и тяжелое положеніе куловъ продолжались до 1859 года, когда, по предложенію западно-сибирскаго генералъ-губернатора, султаны, біи и старшины всѣхъ округовъ рѣшили дать свободу своимъ рабамъ; послѣдніе переходили съ этого времени на положеніе свободныхъ киргизъ. По оффиціальнымъ даннымъ, въ Акмолинской и Семипалатинской обл. было освобождено 400 чел., но число это далеко ниже дѣйствительнаго числа бывшихъ рабовъ.

Но если исчезло среди киргизъ оффиціальное рабство — оно продолжаетъ еще фактически существовать въ не менѣе тягостной формѣ экономическаго рабства—кабалѣ. Среди многихъ ауловъ можно встрѣтить обѣднѣвшихъ киргизъ—„джетаковъ" (лежачихъ, т. е. не имѣющихъ скота

для кочевки), которые живутъ на положеніи безсрочнаго и безплатнаго рабочаго у богатыхъ киргизъ. Положеніе ихъ крайне тягостно; за кусокъ хлѣба и жалкіе обноски они исполняютъ всѣ работы. Надежды что-либо заработать и скопить, чтобы начать самостоятельную жизнь, для нихъ нѣтъ, такъ какъ хозяинъ всегда считаетъ джетака должнымъ, хотя долги чаще фиктивны. Особенно замѣтно джатачество среди иртышскихъ киргизъ; въ каждомъ казачьемъ поселкѣ можно встрѣтить джетаковъ, ютящихся по землянкамъ и хлѣвамъ казачьихъ дворовъ и влачащихъ жалкую жизнь. Обыкновенно за это джетакъ исполняетъ у казака всю хозяйственную работу и нерѣдко закабаляетъ себя и семью; въ лучшихъ случаяхъ получаетъ въ зиму 5—10 руб.

Экономическое неравенство существуетъ среди киргизъ издавна и обусловливалось въ значительной мѣрѣ ненормальностью формы землевладѣнія. Киргизы владѣютъ землей на правѣ захвата, установленномъ обычнымъ правомъ; благодаря этому существуетъ большая неравномѣрность въ пользованіи землей; такъ, одинъ родъ имѣетъ на кибитку тысячу десятинъ земли, другой—десятки, много если сотни десятинъ; усиленная колонизація степей обострила эту ненормальность. Наконецъ не могъ не способствовать этому и общій ходъ развитія экономической жизни киргизъ, именно появленіе земледѣлія, мѣстами переходъ отъ натуральнаго (скотоводческаго) хозяйства къ денежному, и, въ связи съ этимъ, разложеніе патріархальнаго строя. Современный аулъ не представляетъ уже равноправныхъ семей: въ каждомъ можно выдѣлить нѣсколько зажиточныхъ семей, въ экономической зависимости отъ которыхъ находится все остальное населеніе аула. Подобное явленіе (и джетачество) усиливается съ каждымъ годомъ и особенно въ годы „джута“ (голода).

На ярмаркѣ въ Уилѣ. (*По фот. А. Н. Чагина*).

Прежнія патріархальныя отношенія сохранились (отчасти) въ обычномъ правѣ и семьѣ.

Судъ у современныхъ киргизъ состоитъ изъ „біевъ“ (старѣйшихъ въ родѣ, которые прежде наслѣдовали эту должность по роду изъ поколѣнія въ поколѣніе); теперь же бій избирается отъ 100—200 кибитокъ (можетъ имъ быть однако только лицо не моложе 25 лѣтъ и не состоявшее подъ судомъ и слѣдствіемъ). Суду біевъ подлежатъ всѣ дѣла противъ чужой собственности и вообще тяжебныя до 500 руб. (но не уголовныя); притомъ окончательныя рѣшенія могутъ быть постановлены по искамъ не свыше 30 руб.; по дѣламъ свыше этой нормы судящіеся могутъ апеллировать къ съѣзду волостныхъ біевъ (подъ предсѣдатель-

ствомъ уѣзднаго, теперь крестьянскаго начальника); послѣдніе разбираютъ дѣла на всякія суммы, но окончательное постановленіе могутъ дѣлать по дѣлу на сумму не свыше 500 руб.

Попытки русскаго правительства (1830 и 50-хъ годовъ) реформировать народный судъ кончились неудачей и ухудшили его постановку настолько, что реформа 1868 г., вернувшаяся къ старому выборному началу судей, не могла вернуть къ суду должнаго уваженія; теперешній бій—это ставленникъ извѣстной партіи, дѣйствующей въ ея интересахъ. Судъ біевъ происходитъ публично, причемъ большую роль играетъ присяга свидѣтелей-поручителей тяжущихся. Кромѣ суда біевъ есть судъ домашній (остатокъ патріархата) изъ выбранныхъ родственниковъ или одного „аксакала“; они вѣдаютъ дѣла рода и не подлежатъ контролю біевъ; есть наконецъ и третейскій судъ, къ которому обыкновенно обращаются до народнаго суда.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о *барантѣ* — возстановленіи нарушенныхъ правъ силой или „своимъ судомъ“. Заключается она въ угонѣ скота обидчика. Въ барантѣ принимаютъ участіе лучшіе джигиты аула, и нужно много смѣлости и ловкости, чтобы угнать лощадей изъ аула обидчика. Въ свою очередь потерпѣвшій аулъ предпринимаетъ въ отместку нападеніе на аулъ нападавшихъ; бываетъ, что въ барантѣ принимаютъ участіе цѣлыя волости [1]).

Патріархальныя отношенія внутри рода и семьи также держатся. Аксакалъ (начальникъ рода) — самое почетное и уважаемое лицо, рѣшеніе котораго равносильно постановленію бія. Въ семьѣ центральное положеніе занимаетъ отецъ: онъ полный и единоличный хозяинъ; женщина и дѣти находятся на положеніи слугъ. Условія жизни ставятъ однако женщину значительно выше, чѣмъ она должна была бы быть юридически. Она фактически является главнымъ хозяиномъ, такъ какъ на ея плечахъ лежитъ воспитаніе дѣтей, приготовленіе пищи и одежды, уходъ за приаульнымъ скотомъ, приготовленіе издѣлій для домашняго обихода, постановка и поддержаніе въ порядкѣ жилища (юрты) и др.; вообще она принимаетъ большое и даже главное участіе во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ семьи и этимъ самымъ выходитъ изъ того незавиднаго положенія, въ которое ставитъ ее законъ. По закону она простая собственность мужа, которая послѣ его смерти поступаетъ въ собственность брата или семьи мужа (послѣднее впрочемъ стало уже выводиться).

Скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ обрядахъ киргизъ.

Бракъ у киргизъ нельзя считать таинствомъ или священнымъ обрядомъ — каковъ онъ, напр., у насъ: у нихъ это гражданская сдѣлка. Современные браки возникаютъ преимущественно на почвѣ такихъ соображеній, какъ породниться съ родомъ, богатымъ землей, или съ родомъ, вліятельнымъ на выборахъ, или наконецъ путемъ калыма поправить свое хозяйство. При такихъ основаніяхъ личное участіе жениха и невѣсты становится излишнимъ, и сговоръ возможенъ когда они, женихъ и невѣста, еще лежатъ въ колыбели. Въ прежнее время калымъ былъ двухъ родовъ—султанскій и киргизскій; первый со-

[1]) Съ барантой пришлось столкнуться переселенцамъ Акмолинской обл. съ первыхъ же дней жизни на новомъ мѣстѣ; киргизы уводили лошадей не только съ поля, но разбирали конюшни. Этимъ киргизы мстили за стѣсненіе ихъ въ землѣ.

стоялъ изъ 47 головъ разнаго скота (верблюдовъ, лошадей, коровъ и мелкаго), второй—изъ 37 головъ такого-же скота; при этомъ въ составленіи калыма принималъ участіе весь родъ невѣсты, а въ полученіи—весь родъ жениха. Теперь-же въ составленіи калыма участвуетъ только отецъ невѣсты, почему величина его стала сильно колебаться: у богачей онъ доходитъ до 300 головъ, у бѣдняковъ же случается, что даютъ только одну корову.

Свадьба слагается изъ слѣдующихъ моментовъ: сговора и поѣздки родителей, посѣщенія женихомъ невѣсты, поѣздки невѣсты къ жениху и молитвы муллы. Все это обставлено различными церемоніями и особенно подарками.

Съѣздъ для выбора волостныхъ біевъ въ степи.

Послѣ того, какъ состоялся неоффиціальный сговоръ, отецъ жениха съ богатыми и наиболѣе родовитыми родственниками ѣдетъ къ родителямъ невѣсты. Гости предоставляются заботамъ женщинъ-родственницъ невѣсты, которыя угощаютъ и ходятъ за пріѣхавшими; послѣдніе должны „откупиться“ отъ нихъ подарками или остроумнымъ разговоромъ; если этого не бываетъ, то гостямъ грозятъ не только насмѣшки, но и опасности; такихъ гостей женщины насильно одѣваютъ въ женское платье, купаютъ со всей одеждой въ водѣ, брѣютъ усы и бороду, запрягаютъ въ экипажъ, привязываютъ къ вертящемуся колесу и пр.; все это продѣлывается на глазахъ всего аула. Отецъ невѣсты угощаетъ прибывшихъ самымъ вкуснымъ блюдомъ—„куйрюкъ-бауръ“ (лучшія части конины, курдючное сало и печень, все подъ соусомъ изъ курта—„зуздукомъ“); съѣсть это блюдо значитъ завязать первый брачный узелъ.

Послѣ этого визита отецъ и родственники невѣсты ѣдутъ къ отцу жениха за полученіемъ калыма или его большей части. Пріѣздъ сопровождается гулянкой. Женихъ посылаетъ при ихъ отъѣздѣ въ аулъ невѣсты „улетры“—конину или другое мясо въ подарокъ женщинамъ аула.

Послѣ сговора и уплаты калыма женихъ получаетъ право посѣщать невѣсту. Эти посѣщенія имѣютъ существенное значеніе, являясь началомъ брака; такъ, въ случаѣ смерти жениха или невѣсты, послѣ того какъ между ними были свиданія, возвращается не весь калымъ, а только половина его, тогда какъ до свиданій удерживается незначительная часть; если женихъ думаетъ жениться на сестрѣ невѣсты, послѣ того какъ имѣлъ съ послѣдней свиданія, то обязанъ къ калыму приплатить новую часть. Свиданія эти должны носить невинный характеръ; если же невѣста окажется матерью, это считается позоромъ для нея и всего ея рода. Первое посѣщеніе женихъ дѣлаетъ съ массой подарковъ и въ сопровожденіи своихъ друзей. Въ юртѣ отца невѣсты происходитъ гулянье; невѣста-же уходитъ, чтобы избѣжать встрѣчи, въ юрту ближайшаго родственника. Ночью товарищи жениха и подкупленныя женщины аула являются къ родственнику, гдѣ во время пированья стараются похитить невѣсту. Происходитъ борьба двухъ партій—невѣстиной и жениховой; послѣдняя почти всегда побѣждаетъ, и невѣсту на коврѣ переносятъ въ юрту отца (это событіе называется „кызъ кашаръ“—бѣгство дѣвы). Здѣсь ее посѣщаетъ женихъ; при этомъ свиданіе ограничивается разговоромъ и держаніемъ руки черезъ рѣшетку юрты и называется „колъ статаръ“ (держать руку); женщинъ, устроившихъ свиданіе, женихъ даритъ.

Киргизская молодежь. (*По фот. Бебенина*).

На слѣдующій день женихъ дѣлаетъ оффиціальное посѣщеніе невѣсты; при этомъ онъ долженъ откупиться отъ различныхъ родственницъ невѣсты, преграждающихъ ему доступъ; эти подарки извѣстны подъ именемъ „кемпъ ульде“ (пропала старуха, т. е. одна старуха должна уступить мѣсто новой женщинѣ или „итъ-ирдаръ“—„собака рычитъ“, т. е. его, какъ чужого, нельзя впустить) и др. При входѣ жениха на очагъ льютъ масло; женихъ дѣлаетъ родителямъ невѣсты три поклона на од-

номъ колѣнѣ („тяжмъ“). Невѣста обыкновенно сидитъ за чіевой перегородкой (влѣво), куда и пропускается женихъ; это посѣщеніе невѣсты составляетъ главный моментъ свадьбы; называется оно „корпе кіймылъдатаръ“. Всѣ посѣщенія и пріѣзды жениха сопровождаются взиманіемъ съ него подарковъ; можно сказать, что женихъ не можетъ сдѣлать шага безъ того, чтобы за это не взяли съ него подарка родственники невѣсты, не говоря о спеціальныхъ и обязательныхъ, какъ напр. „лю“—подарокъ отцу невѣсты и родственникамъ, „сюзакы“—семьѣ „за молоко матери“, и др. Черезъ нѣкоторый періодъ времени (годъ, иногда болѣе или менѣе) женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой. Онъ привозитъ остальную часть калыма и скотъ въ даръ („той малъ“) въ возмѣщеніе расходовъ, вызванныхъ свадьбой; кромѣ того привозятся кошмы на юрту, которая ставится при его пріѣздѣ особо; деревянныя же части ея даетъ невѣста въ приданое. Въ новую юрту приводится невѣста, и начинается гулянье, причемъ поется наставительная пѣсня „Жаръ, жаръ“ (буквальный переводъ „о двухъ половинахъ“), въ которой дается совѣтъ, какой женой должна быть молодая. Затѣмъ юрта и все приданное невѣсты навьючивается, и молодые (невѣста въ брачномъ нарядѣ) въ сопровожденіи матери ѣдутъ въ аулъ жениха. При входѣ въ юрту дѣлаются поливаніе масла на очагъ и колѣнопреклоненія; мать жениха читаетъ наставленіе молодой и палочкой поднимаетъ съ ея лица покрывало (обычай новый; простые киргизы не знаютъ его). Послѣ этого начинается новое гулянье, игры и особенно скачки. Подъ вліяніемъ ислама, послѣ пріѣзда въ юрту жениха происходитъ обрядъ вѣнчанія: надъ чашкой съ водой, куда спущена монета, мулла читаетъ на арабскомъ языкѣ молитву (которой слѣдовательно никто не понимаетъ), затѣмъ спрашиваетъ молодыхъ о согласіи, даетъ имъ пить воду, а затѣмъ и всѣмъ присутствующимъ, монету же оставляетъ себѣ. По пріѣздѣ въ аулъ молодая не имѣетъ права называть мужчинъ ихъ именемъ, а должна дать имъ новыя имена (пережитокъ, указывающій на подчиненное и низшее положеніе женщины въ семьѣ).

Бо́льшая часть браковъ совершается въ возрастѣ 14—18 лѣтъ для невѣсты и 18—20 лѣтъ для жениха; бываютъ и 75-лѣтніе женихи, и женихи въ люлькѣ. Хотя мусульманскій законъ разрѣшаетъ киргизамъ многоженство, послѣднее не распространено, такъ какъ требуетъ большихъ расходовъ и подъ силу только богатымъ; бо́льшая часть киргизъ имѣетъ двухъ женъ (старую и молодую).

Роды происходятъ при такихъ-же условіяхъ, какъ и у крестьянокъ глухихъ угловъ нашего отечества: присутствуетъ бабка, которая въ трудныхъ случаяхъ прибѣгаетъ къ грубымъ пріемамъ, ведущимъ за собой нерѣдко смерть роженицы. На пятый день ребенку дается имя, чаще бабкой (обыкновенно названіе какого нибудь предмета—уздечка, нагайка, посуда, веревка и пр., вообще какое придетъ въ голову); рѣже имя даетъ аксакалъ; тогда оно дается въ память какого-нибудь извѣстнаго предка рода; или же имя дается муллой; тогда новорожденные нарекаются именемъ людей, такъ или иначе связанныхъ съ Магометомъ. На пятый годъ производится обрѣзаніе. По случаю благопріятныхъ родовъ киргизы не забываютъ устроить угощеніе и отпраздновать это событіе.

Похороны довольно просты. Умершаго кладутъ въ лѣвой сторонѣ юрты (при входѣ) за чіевую перегородку и посылаютъ гонцовъ по ауламъ съ извѣщеніемъ. Всѣ сколько-нибудь знакомые умершему считаютъ

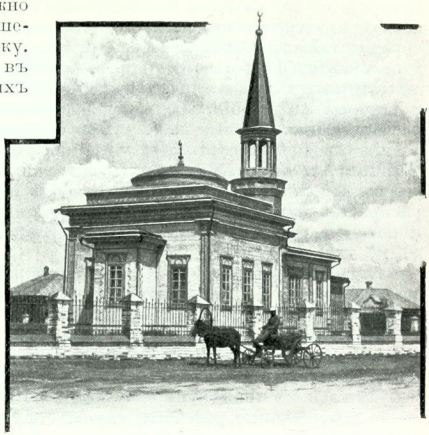
своей обязанностью непремѣнно посѣтить покойника, такъ-какъ при этомъ (по магометанскому закону) облегчаются грѣхи покойнаго и самого посѣтителя. Сверстники-друзья покойнаго производятъ омовеніе, за что получаютъ одежды покойнаго; остальные обыкновенно громко плачутъ и выражаютъ соболѣзнованіе семьѣ покойнаго. Покойника закутываютъ въ бѣлую простыню (или шелковую)—„ахретъ“ (т. е. „конецъ свѣта“, или одежда того свѣта) и перевязываютъ на головѣ, на поясѣ и въ ногахъ шнуркомъ. Затѣмъ его выносятъ за аулъ на открытое мѣсто, кладутъ на землю такъ, чтобы покойникъ лицомъ смотрѣлъ на юго-западъ (гдѣ находится Мекка), т. е. головой на сѣверо-востокъ и не на спину, а слегка на бокъ (на лопатку). Здѣсь читается на арабскомъ языкѣ молитва „джаната“ (освобожденіе души). Мулла обыкновенно спрашиваетъ: „онъ (покойникъ) былъ безгрѣшенъ?“, на что присутствующіе отвѣчаютъ: „безгрѣшенъ“. Если грѣшенъ, то мулла предлагаетъ выкупить грѣхи покойника скотомъ. Прежде этотъ выкупъ шелъ бѣднымъ, теперь поступаетъ въ пользу муллы. Могилы дѣлаются неглубокими (1—2 арш.), иногда съ боковой нишей, куда и кладется покойникъ (въ „ахретѣ“), нѣсколько на бокъ, взглядомъ къ Меккѣ. Нишу закладываютъ камнями или деревомъ, а сверху засыпаютъ землей; присутствующіе бросаютъ въ могилу горсти земли. Для могилъ выбираются видныя и людныя мѣста у большихъ дорогъ и непремѣнно на холмѣ, сопкѣ или горѣ; этимъ выражается почетъ умершимъ. Сверхъ могилы воздвигаются памятники, самыхъ разнообразныхъ формъ и различной стоимости; большинство изъ нихъ дерновые, но есть и цѣлые мавзолеи, напр. могила Алача, Курпеча, Аблая и др. Могилы чтутся киргизами, какъ священныя мѣста.

Киргизы исповѣдуютъ исламъ. Бо́льшая часть ихъ приняла его въ первой четверти XIV вѣка, въ царствованіе хана Узбека (въ Золотой Ордѣ). Проповѣдниками ислама были хивинскіе, бухарскіе и ташкентскіе муллы. Киргизы считаютъ себя суннитскаго толка, т. е. признаютъ, кромѣ корана, священными книгами жизнеописаніе Магомета и другія. Извѣстно, что истинные сунниты весьма ненавидятъ шіитовъ (непризнающихъ этихъ книгъ), болѣе даже, чѣмъ христіанъ; киргизы-же не только не отличаются такой нетерпимостью, но скорѣе даже равнодушны къ своей религіи; для нихъ религіозныя распри чужды, и обряды исполняются ими мало; вообще киргизы плохіе магометане. Прежде духовное сословіе составляли хаджи (потомки четвертаго поколѣнія Магомета-Али, носящіе зеленую чалму) и муллы. Позже духовными руководителями (муллами) были малограмотные бѣглые казанскіе татары, спасавшіеся въ степяхъ отъ солдатчины; у безграмотнаго и невѣжественнаго народа этимъ людямъ было нетрудно показать себя истинными муллами. Въ настоящее время киргизы имѣютъ муллъ изъ своей среды. Для подготовки ихъ существуютъ *медресе* (школы при мечетяхъ, въ Петропавловскѣ и Семипалатинскѣ), гдѣ получается первоначальное образованіе; затѣмъ, для пополненія образованія ѣздятъ въ ученые центры мусульманства—Бухару, Хиву, Ташкентъ, Самаркандъ [1]). За послѣднее время, съ усиленіемъ сношеній съ магометанами Средней Азіи,

[1]) Волостной мулла называется ахуномъ. Главное духовное лицо (съ властью нашего архіерея)—муфтій живетъ въ Европейской Россіи.

мусульманство начинаетъ пускать болѣе глубокіе корни. Объ этомъ можно косвенно судить по усилившемуся паломничеству въ Мекку. Въ 1901 году было выдано въ Омскѣ до 300 паломническихъ билетовъ.

Изъ праздниковъ назовемъ „курбанайзъ“ („жертвоприношеніе“, символизирующее принесеніе Исаака въ жертву). Въ этотъ праздникъ должно рѣзать (приносить въ жертву) лучшаго самца (лошадь или быка для того, „чтобы на томъ свѣтѣ, когда грѣшниковъ погонятъ черезъ адъ по тонкой веревочкѣ, острой, какъ сабля, было на чемъ переѣхать“). Рѣжутъ обыкновенно одного животнаго на семь человѣкъ; по старому обычаю, къ столу приглашаются богачами всѣ бѣдные въ аулѣ. Шкуры животныхъ идутъ муллѣ. Праздникъ сопровождается играми и развлеченіями; изъ нихъ популярными считаются скачки, причемъ въ нихъ принимаютъ участіе и дѣвушки; взрослые любуются бѣгомъ своихъ лучшихъ скакуновъ, молодежь веселится въ погонѣ другъ за другомъ; если юноша нагонитъ дѣвушку, то ему разрѣшается поцѣловать ее; если-же ему не удастся догнать, то дѣвушка будетъ гнать его обратно. Праздникъ этотъ переходящій.



Типъ городской киргизской мечети.

Въ воспоминаніе поста Магомета установленъ тридцатидневный „ураза“ (постъ); мѣсяцъ этого поста называется „Рамазанъ“. Въ это время киргизъ обязанъ съ появленіемъ дневного свѣта („какъ только можно видѣть нитку“) и до заката солнца отказываться отъ принятія пищи и питья; ѣсть можно только ночью. Киргизы приспособились къ этому такъ, что всю ночь ѣдятъ и пьютъ, а днемъ спятъ. Зимой этотъ постъ проходитъ легко, но лѣтомъ, когда день достигнетъ 18—20 час., поститься составляетъ большой подвигъ, въ особенности для бѣдныхъ, которымъ приходится весь день работать; поэтому несоблюденіе его у послѣднихъ встрѣчается часто. Законъ разрѣшаетъ только для стариковъ, больныхъ, роженицъ, родильницъ и дѣтей три дня или три раза по три дня принимать пищу.

Послѣ „уразы“ начинается праздникъ „Рамазанайты (Уразайты); какъ и предыдущій, онъ проходитъ въ обильномъ потребленіи мяса (баранины, конины) и кумыса, устройствѣ разныхъ развлеченій (борьба, скачки и др.). Кромѣ этихъ двухъ праздниковъ киргизы празднуютъ поминки наиболѣе чтимыхъ покойниковъ; они сопровождаются разнообразными угощеніями, обычными скачками, состязаніями въ верховой ѣздѣ и др.

Киргизы еще не вышли изъ-подъ власти природы; эта зависимость чувствуется въ каждомъ шагѣ киргиза; всѣ сколько-нибудь выдающіяся событія его жизни связаны съ примѣтами, совершеніемъ нѣкоторыхъ обрядностей и др. Закоренѣлый киргизъ не выйдетъ, напр., въ дальнюю дорогу въ субботу и во вторникъ, изъ боязни несчастья, такъ какъ эти дни считаются „тяжелыми". Въ крайнемъ случаѣ онъ долженъ совершить нѣкоторыя церемоніи, которыя оберегли-бы его отъ неизбѣжности несчастья, напр., отойти наканунѣ на сорокъ шаговъ отъ юрты по направленію предполагаемой поѣздки и зарыть горсть соли въ мѣшечкѣ. Выѣзжая въ тяжелый день, киргизъ выкапываетъ мѣшечекъ и беретъ его съ собой, вѣря, что это застрахуетъ его отъ несчастья. Довольно распространены амулеты, которые навѣшиваются какъ на любимыхъ животныхъ, такъ и на дѣтяхъ (у мальчиковъ на груди, у дѣвочекъ иногда въ косахъ).

Отъ прежняго язычества киргизы сохранили вѣру въ *бакси* (шамана), обыкновенно старика, къ которому прибѣгаютъ при лѣченіи болѣзней. Христіанство прививается къ киргизамъ весьма туго; дѣятельность семипалатинской и тургайской киргизскихъ миссій не принесла замѣтныхъ результатовъ; нѣкоторый успѣхъ, имѣетъ проповѣдь только среди бѣдняковъ (джетаковъ или байгушей), для которыхъ въ числѣ побудителей къ принятію христіанства не послѣднее мѣсто составляютъ чисто матеріальные разсчеты; случаи обратнаго перехода въ магометанство нерѣдки.

ГЛАВА VI.

Промыслы и занятія населенія.

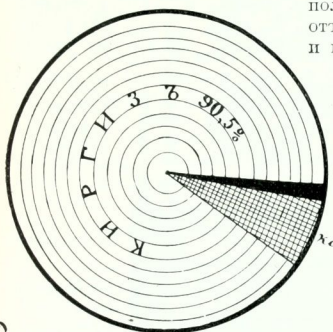
Т. П. Бѣлоногова, А. И. Сѣдельникова и П. А. Бородина.

Общій характеръ промышленной жизни Киргизскаго края.—Размѣры землевладѣнія киргизъ, казаковъ и крестьянъ въ восточной части края.—Исторія земледѣлія.—Посѣвная площадь въ настоящее время.—Системы хозяйства.—Результаты земледѣльческаго производства и продовольственный вопросъ.—Земледѣліе въ Тургайской и Уральской обл.—Скотоводство.—Рыболовство.—Уральское рыбное хозяйство.—Мѣстные сельскохозяйственные промыслы: пчеловодство, огородничество, табаководство, садоводство, лѣсной промыселъ.—Охота и звѣроловство.—Маслодѣліе.—Кустарные и отхожіе промыслы.—Горная промышленность.—Фабрично-заводская промышленность.—Торговля.

Характеръ промышленной жизни Киргизскаго края, какъ и всякаго другого вообще края, обусловливается прежде всего его естественно-историческими условіями. Край этотъ занимаетъ собой громаднѣйшую площадь въ 1.592.325 квадр. верстъ,—площадь, на которой могли-бы свободно помѣститься такія четыре государства, какъ напр. Франція, Германія, Италія и Испанія. По устройству своей поверхности площадь эта представляетъ обширнѣйшую степную равнину, нарушаемую только на сѣверо-западѣ, на границѣ Уральской и Тургайской областей и въ центрѣ, въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ, невысокими горными группами (мелкосопочникомъ) и кряжами, а на в. ю. в. упираю-

щуюся въ высокую Алтайскую горную страну. По своимъ почвеннымъ условіямъ равнину Киргизскаго края можно раздѣлить, какъ мы видѣли выше, на три полосы: сѣверную, характеризующуюся преобладаніемъ чернозема и представляющую съ точки зрѣнія хозяйственныхъ удобствъ самую лучшую часть края, среднюю—съ преобладаніемъ каштановыхъ почвъ и, наконецъ, южную—полосу полынно-глинистой степи, переходящей мѣстами на крайнемъ югѣ въ совершенно безплодную, лишенную почти всякой растительности пустыню. Этотъ характеръ физико-географическихъ условій отражается на всемъ складѣ хозяйственной жизни Киргизскаго края. Вообще говоря, онъ является краемъ *кочевого* или, по терминологіи Тюнена, краемъ „дикаго“ *скотоводства*, но въ различныхъ своихъ частяхъ и среди различныхъ по своему историческому прошлому элементовъ населенія скотоводческое хозяйство играетъ весьма неодинаковую роль.

Преобладая въ южной и центральной полосѣ края и характеризуясь здѣсь длинными и продолжительными кочевками, въ сѣверной полосѣ оно весьма значительно отступаетъ отъ типа нормальнаго кочевого хозяйства и не только у русскаго населенія, все болѣе и болѣе заселяющаго эту часть края, но во многихъ случаяхъ даже и у киргизъ уступаетъ свое мѣсто *землепашію*, начинающему пріобрѣтать здѣсь за послѣднее время значеніе весьма крупной, весьма видной отрасли сельскаго хозяйства. Особенно это нужно сказать относительно сѣверо-западной части края—Уральскаго уѣзда, сѣверныхъ уѣздовъ (Кустанайскаго, Актюбинскаго) Тургайской области, части Кокчетавскаго у. Акмолинской и части Семипалатинскаго, Усть-Каменогорскаго и Зайсанскаго у. у. Семипалатинской области. Для болѣе удобнаго знакомства съ земледѣліемъ Киргизскаго края необходимо раздѣлить его на двѣ различныя и по своимъ естественнымъ условіямъ, и по своему историческому прошлому части: западную и восточную. Къ первой мы отнесемъ Уральскую и Тургайскую области, ко второй—Акмолинскую и Семипалатинскую.



Распредѣленіе земель по владѣніямъ во всемъ краѣ.

Общая площадь восточной части Киргизскаго края равняется 907.727 кв. верстъ. Какъ видно изъ помѣщаемой здѣсь діаграммы, бо̀льшая часть этой площади находится въ пользованіи киргизскаго населенія; затѣмъ по площади землевладѣнія слѣдуютъ казаки, такъ какъ имъ принадлежитъ около 45.900 кв. верстъ (5.001.751 дес.); наконецъ крестьяне владѣютъ 1 514 тыс. дес.

Всѣ земли, занимаемыя киргизами и крестьянами, считаются собственностью государства; населеніе, занимающее ихъ, имѣетъ право

только на использованіе земли. Отношеніе между площадями киргизскаго и крестьянскаго пользованія съ каждымъ годомъ постепенно измѣняется: въ настоящее время въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ работаютъ три межевыя партіи по образованію переселенческихъ участковъ, и въ результатѣ дѣятельности этихъ партій площадь крестьянскаго пользованія все болѣе и болѣе увеличивается за счетъ земель, находившихся до сего времени въ пользованіи киргизъ. Земли, занимаемыя Сибирскимъ казачьимъ войскомъ, также считаются собственностью государства, но условія, на которыхъ онѣ отданы въ пользованіе казакамъ, таковы, что эти земли населеніе привыкло считать казачьей собственностью. Казаки не имѣютъ право отчуждать эти земли, но они имѣютъ право сдавать ихъ въ долгосрочную аренду (на 99 лѣтъ) и, нужно замѣтить, очень широко пользуются этимъ правомъ: большинство такъ называемыхъ „офицерскихъ“ участковъ сдано въ аренду колонистамъ (эстамъ и латышамъ) и „хозяйственнымъ“ крестьянамъ, переселившимся изъ Европейской Россіи и заарендовавшимъ довольно крупные участки или единолично, или небольшими группами, товариществами, а нѣкоторые участки проданы имъ совсѣмъ. Въ 1900 году такихъ хозяевъ-арендаторовъ въ Акмолинской области насчитывалось 1.165 семей.

Формы землепользованія у различныхъ элементовъ населенія весьма различны. Киргизскія земли раздѣляются на *кстау* (призимовочная территорія), *кузеу* (весенне-осенніе пастбища) и *джайляу* (лѣтовки). Въ основѣ формъ землепользованія ле-

Землевладѣніе по областямъ.

житъ захватно-заимочное право, т. е. фактическое завладѣніе пастбища или тѣмъ или инымъ родомъ, или родовой группой.

Казачьи земли состоятъ изъ „*юртоваго*“ надѣла — земель, находящихся въ общинномъ пользованіи казачьихъ станицъ и поселковъ (въ 1846 г. земельный душевой надѣлъ казака былъ опредѣленъ въ 30 десятинъ), и изъ *войсковыхъ запасныхъ земель*, предназначенныхъ для отвода станицамъ дополнительныхъ надѣловъ (съ ними душевой надѣлъ равняется болѣе чѣмъ въ 52 дес., т. е. имѣетъ размѣръ, равнаго которому нѣтъ ни въ одномъ казачьемъ войскѣ, ни вообще въ Россіи) и для надѣленія земельными участками на правахъ потомственнаго владѣнія казачьихъ офицеровъ и войсковыхъ чиновниковъ. Кромѣ того въ пользованіи

казаковъ находится огромная площадь земель, извѣстная подъ названіемъ „*десятиверстнаго пространства*“. Пространство это представляетъ изъ себя полосу земли шириною въ 10, 15 и мѣстами даже болѣе 20 верстъ, образованную во второй половинѣ XVIII столѣтія на протяженіи Ишимской степи („*Горькая линія*“) и вдоль рѣки *Иртыша* „для огражденія русской границы отъ вторженія киргизскихъ ордъ“ и отданную потомъ казачьему войску во *временное* пользованіе, продолжающееся уже около пятидесяти лѣтъ.

Крестьянскія земли находятся въ общинномъ пользованіи всего крестьянскаго населенія, распредѣляющаго земельныя угодья между собой главнымъ образомъ по числу наличныхъ мужскихъ душъ. Кромѣ перечисленныхъ выше земельныхъ пространствъ киргизами, казаками, крестьянами и лицами другихъ сословій, проживающими въ Семипалитанской области, используются еще на правахъ арендаторовъ больше 100.000 десятинъ, принадлежащихъ Кабинету Его Величества и крестьянамъ Томской губерніи (*Бельагачская* степь и др.). Киргизы арендуютъ около $^1/_5$ части этого пространства. Бельагачская степь, расположенная къ сѣверу отъ Семипалатинска, на границѣ Томской губ., представляетъ собой совершенно ровную степь съ очень толстымъ слоемъ чернозема, но въ высшей степени бѣдную водными источниками; часто на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ нельзя встрѣтить ни одного ключа и ни одной рѣчки; такъ какъ родниковыя воды находятся очень далеко отъ поверхности земли, то здѣсь нельзя устраивать даже колодцевъ. Выходъ изъ этого населеніе находитъ, устраивая такъ называемые „*снѣжники*“ (дѣлается загородка, въ которую зимой набивается снѣгъ, прикрываемый весной и лѣтомъ толстымъ слоемъ соломы); снѣжники даютъ воду не только для питья людямъ и скоту, но даже и для поливки огородовъ.

Первыя попытки русскаго населенія заняться *земледѣліемъ* въ восточной части Киргизскаго края относятся къ половинѣ XVIII столѣтія. Первый починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ мѣстной администраціи— въ лицѣ командира сибирскихъ пограничныхъ линій ген. Киндермана. Узнавъ въ 1745 году, что офицеры усть-каменогорскаго гарнизона посѣяли для опыта небольшое количество хлѣбныхъ зеренъ и получили урожай самъ 11—12, ген. Киндерманъ, желая удешевить продовольствіе мѣстныхъ войскъ, рѣшилъ ввести на сибирскихъ казачьихъ линіяхъ казенное хлѣбопашество.

Въ слѣдующемъ 1746 году по его приказанію были образованы на Иртышской и Бійской линіяхъ казенныя пашни. Работы на этихъ пашняхъ обязаны были производить водворившіеся на линіяхъ казаки въ количествѣ 600 человѣкъ. Каждый изъ этихъ 600 человѣкъ долженъ былъ засѣвать ежегодно по 3 десятины ржи и по 3 десятины ярицы. Каждому изъ нихъ были выданы для этого земледѣльческія орудія и двѣ пары воловъ.

Этого распоряженія, разумѣется, было недостаточно для созданія такой сложной отрасли сельскаго хозяйства, какъ земледѣліе. Казенное или, какъ его назвали потомъ, „палочное“ хлѣбопашество обнаружило свою полную нежизнеспособность почти тотчасъ-же. Посѣянныя въ 1746 и 1747 г.г. казаками Иртышской линіи 1.759 четвертей ржи, ярицы, ячменя и овса дали сбора только 6.174 четверти, а 1.136 четвертей, по-

сѣянныя въ 1748 году,—только 3.367 четвертей. Урожай вмѣсто ожидавшагося „самъ“ 11—12 оказался только „самъ“ 3—3½.

Въ слѣдующіе годы дѣло пошло еще хуже. „Во многихъ мѣстахъ былъ недородъ хлѣба за жарами и морозами, а въ другихъ мѣстахъ и сѣмена едва возвратились“—такъ почти ежегодно доносили центральному начальству командиры линейныхъ крѣпостей. Разумѣется, казенный хлѣбъ обходился значительно дороже привознаго, и кромѣ того его было такъ мало, что не доставало не только для продовольствія квартировавшихъ на линіи войскъ, но и для продовольствія самихъ казаковъ-хлѣбопашцевъ.

Несмотря на все это казенныя пашни существовали цѣлыхъ 24 года. Только въ 1770 году, по представленію новаго командира сибирскихъ войскъ ген. Шпрингера, онѣ были отмѣнены наконецъ сенатомъ.

Съ уничтоженіемъ казенныхъ пашенъ земледѣліе въ краѣ не прекратилось однако же окончательно. Изъ собранныхъ въ 1820 году новымъ командиромъ сибирскихъ войскъ ген. Капцевичемъ свѣдѣній оказалось, что оно продолжаетъ существовать на Бійской, а мѣстами даже и на Иртышской линіи—тамъ, гдѣ почвенныя и климатическія условія наиболѣе благопріятствовали его развитію. Это обстоятельство навело ген. Капцевича на мысль еще разъ сдѣлать здѣсь опыты земледѣлія. Въ 1826 году въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ были образованы, по его предписанію, такъ называемыя *„общественныя войсковыя пашни“*. Основанія, на которыхъ онѣ были образованы, значительно отличались отъ тѣхъ, на которыхъ существовали при Киндерманѣ казенныя пашни. Казаки (половина служилаго населенія) и на этотъ разъ должны были обязательно засѣвать хлѣбомъ извѣстное количество десятинъ (каждый эскадронъ по 112 десятинъ ржи и овса), но теперь они были уже заинтересованы въ этомъ предпріятіи: они стали пользоваться опредѣленной частью установленнаго урожая (эту часть они получали деньгами) и кромѣ того излишками противъ установленной нормы урожая, которые получались въ благопріятные для земледѣлія годы. Какъ эти излишки, такъ и урожай со своихъ собственныхъ полей казаки могли сдавать въ казенные магазины по цѣнамъ, значительно превышающимъ рыночныя.

Въ 1836 году „общественныя войсковыя пашни“ вслѣдствіе увеличившихся командировокъ казаковъ въ степь (бунтъ султана Кенесары Касимова) были прекращены, но онѣ оставили послѣ себя неизмѣримо большій слѣдъ, чѣмъ предпріятіе ген. Киндермана. Онѣ въ высшей степени увеличили войсковые капиталы и—что самое важное—явились толчкомъ къ развитію въ краѣ частнаго, вольнаго хлѣбопашества.

Особенно большое вліяніе на развитіе въ краѣ земледѣлія оказало водвореніе въ немъ въ 1846 и 1849 г.г. великорусскихъ и малорусскихъ крестьянъ (3.852 чел.), перешедшихъ въ казачье сословіе. „Эти новые казаки, привыкшіе на родинѣ къ хлѣбопашеству“, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей экономической жизни степи [1]), „вскорѣ освоились съ условіями новой обстановки, ввели въ употребленіе вмѣсто

[1]) Коншинъ, Н. Краткій статистическій очеркъ промышленности и торговли въ Акмол. обл. Омскъ, 1896.

сохи плугъ и, по сохранившимся отъ того времени свѣдѣніямъ, пользовались значительными урожаями".

Вотъ какъ характеризуютъ развитіе казачьяго земледѣлія цыфровыя данныя, взятыя нами изъ книги другого мѣстнаго изслѣдователя хозяйственной жизни Ѳ. Усова [1]).

ГОДЫ.	Всего четвертей.		Населеніе обоего пола.	На 1 д. населенія приходится четв.	
	Посѣяно.	Собрано.		Посѣва.	Сбора.
1822	?	47.905 [2])	?	?	?
1823	?	55.332	?	?	?
1824	14.152	73.554	37.646	0,4	2
1836	11.761	56.894	38.930	0,3	1,5
1845	13.345	64.422	46.612	0,3	1,4
1846—1851 (5 лѣтъ). . .	24.227	85.206	58.167	0,4	1,4
1856—1859 (3 года) . . .	48.561	310.600	73.980	0,6	4,2
1864—1867 (3 года) . . .	46.760	191.975	85.764	0,5	2,2
1872—1877 (5 лѣтъ). . .	55.874	265.567	87.530	0,6	3

До 70-хъ годовъ XIX столѣтія казаки являлись почти единственными земледѣльцами края: киргизы почти совершенно не дѣлали никакихъ посѣвовъ, а крестьянство, составляющее въ настоящее время ядро земледѣльческой массы, въ то время почти совершенно отсутствовало въ краѣ. Послѣднее обстоятельство съиграло здѣсь въ развитіи земледѣлія отрицательную роль. Мы говорили уже о томъ, какое большое вліяніе оказало на ростъ казачьяго земледѣлія переселеніе сюда великорусскихъ и малорусскихъ крестьянъ. Вліяніе это было-бы, разумѣется, неизмѣримо значительнѣе, если бы подобныя переселенія получили тогда въ краѣ болѣе широкое распространеніе. Но этого не было. Колонизація съ военными преимущественно цѣлями къ концу 1860-хъ годовъ была прекращена здѣсь совершенно. Въ казачествѣ, какъ въ постоянно готовой боевой силѣ, въ это время перестала уже чувствоваться столь острая нужда, какъ раньше, вслѣдствіе того, что государственная граница передвинулась въ Туркестанъ. Казакъ изъ завоевателя долженъ былъ сразу превратиться въ земледѣльца. Подобнаго превращенія, разумѣется, и не произошло: ни огромный земельный надѣлъ, ни дешевый

[1]) Усовъ, Ѳ. Статист опис. Сибирскаго казачьяго войска. Спб., 1879.

[2]) Эти цыфры выражаютъ собой только сборъ съ общественныхъ войсковыхъ пашенъ; какими цыфрами выражался тогда сборъ частнаго земледѣлія—неизвѣстно; нужно полагать, что онъ былъ невеликъ: въ 1824 г. онъ составлялъ только 8.625 четвертей, т. е. 0,38 четв. на 1 душу населенія.

наемный трудъ киргизъ, ни природныя условія наконецъ, во многихъ мѣстахъ очень благопріятныя для земледѣлія—ничто это не сдѣлало казака земледѣльцемъ и пропагандистомъ земледѣлія. Идеологія казака господствовала здѣсь очень продолжительное время и въ высшей степени тормозила попытки открыть край для свободной колонизаціи другими элементами, болѣе устойчивыми, болѣе способными для роли земледѣльцевъ. Но останавливаемая оффиціально, крестьянская колонизація, какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, приняла форму самовольной, занимая киргизскія земли или по арендному договору съ киргизами, или безъ всякаго согласія съ ихъ стороны. Такъ обстояло дѣло до опубликованія закона 13 іюля 1889 года, по которому киргизскія степи были открыты для переселенія. Колонизаціонный потокъ снова хлынулъ сюда широкой волной.

Развитіе земледѣлія въ Киргизскомъ краѣ такимъ образомъ находилось въ непосредственной зависимости отъ крестьянской колонизаціи. Переселяющееся сюда крестьянство, какъ свидѣтельствуютъ всѣ изслѣдователи мѣстной жизни, долго играло здѣсь роль инструкторовъ земледѣлія не только для кочевниковъ-киргизъ, но и для осѣдлаго казачества. Такъ, напр., въ *Акмолинской* станицѣ, по словамъ упомянутаго уже нами Ѳ. Усова, „казаки неоднократно дѣлали засѣвы, но рядъ неудачъ привелъ ихъ къ убѣжденію въ непроизводительности ихъ земли, и только явившіеся сюда недавно крестьяне-переселенцы изъ Россіи, начавъ пахать вмѣсто сохи плугомъ, доказали, что почва тутъ способна къ плодородію. Также въ Павлодарскомъ уѣздѣ крестьяне, поселившіеся лѣтъ 15 назадъ, научили казаковъ обрабатывать мѣста, считавшіяся чуть-ли не съ самаго заселенія Иртышской линіи безплодными". Подобныхъ примѣровъ можно бы привести множество.

Съ ростомъ переселенія роль „земледѣльца" начала постепенно переходить отъ казаковъ къ крестьянству. Одновременно съ этимъ начали расти также и размѣры *киргизскаго земледѣлія*. Земледѣліе у незначительной части киргизскаго населенія существовало давно, но, какъ среди народа кочевого, не могло получить до самаго послѣдняго времени распространенія. Есть основанія думать, что земледѣліе въ наиболѣе распространенной у нихъ формѣ—*арычной* унаслѣдовано ими отъ прежнихъ жителей края—джунгаръ, татаръ и сартовъ.

Для развитія земледѣлія среди киргизъ принимала цѣлый рядъ мѣръ и русская администрація—отъ раздачи сѣмянъ и сельскохозяйственныхъ орудій до отвода особыхъ земельныхъ участковъ. Земледѣліе дѣйствительно съ теченіемъ времени стало развиваться и продолжаетъ расти до настоящаго времени. Увеличеніе населенія, особенно крестьянскаго, и связанное съ этимъ стѣсненіе простора для скотоводства, естественное развитіе формъ скотоводческаго хозяйства (переходъ къ болѣе интенсивному скотоводству)—продолжаютъ способствовать этому. Усиленный спросъ на скотъ заставляетъ наиболѣе устойчивые элементы кочевниковъ переходить къ денежному хозяйству, а слабыхъ (въ экономическомъ отношеніи)—заниматься земледѣліемъ.

Наиболѣе развилось земледѣліе среди чуйскихъ киргизъ (по р. *Чу* въ Каркаралинскомъ у.). Здѣсь оно ведется съ незапамятныхъ временъ и занимаетъ въ хозяйствѣ ихъ видное положеніе, оттѣсняя на второй планъ даже скотоводство. Объ этомъ можно судить изъ слѣдующихъ

цыфръ: въ 1898 г. тамъ было 600 хозяйствъ, сѣявшихъ до 1.500 дес., т. е. почти по 3 дес. въ среднемъ, а скота приходилось на одно хозяйство только по 8 головъ; у кочующихъ-же киргизъ въ среднемъ на хозяйство приходится отъ 20 до 40 головъ. Такимъ образомъ этихъ киргизъ можно назвать уже земледѣльцами, ведущими полуосѣдлый образъ жизни. Слѣдующая таблица, взятая изъ упомянутой выше работы Коншина, хорошо освѣщаетъ ростъ земледѣлія у различныхъ группъ населенія въ Акмолинской области (цыфры за 1896, 1897 и 1901 г.г. прибавлены нами на основаніи оффиціальныхъ данныхъ за эти годы).

Посѣвъ разнаго рода хлѣба въ %.

ГОДА.	У казаковъ.	У мѣщ. и разноч.	У крестьянъ.	У киргизъ.	ГОДА.	У казаковъ.	У мѣщ. и разноч.	У крестьянъ.	У киргизъ.
1880	88,9	9		2,1	1890	67,1	9,8	11,4	11,7
1881	87,1	9		3,9	1891	56,5	13,2	18,5	11,8
1882	83,5	8,1	4,3	4,1	1892	52,2	15,2	20,9	11,7
1883	84,1	8,2	5,2	2,5	1893	49,3	13	21	16,2
1884	70	18	4,5	7,5	1894	54,5	12,4	21,8	11,3
1885	76,7	10,1	6,9	6,3	1895	?	?	?	?
1886	69,3	15,9	7,9	6,9	1896	44,4	9,5	37,7	8,4
1887	71,2	12,9	7,3	8,1	1897	48,5	3,1	35	13,4
1888	66	14,1	9,8	10,1	1898—1900	?	?	?	?
1889	62,8	14,3	10,3	12,1	1901	40	3,7	44,3	13

Изъ нея видно, что посѣвная площадь у казачьяго населенія постепенно падаетъ, у мѣщанъ и крестьянъ и особенно у киргизъ замѣтно растетъ. Если сказанное относительно киргизъ перевести на четверти, то получимъ, что въ 1880 г. киргизы сѣяли 796 четвертей хлѣба, въ 1885 г.—3.359 четвертей, въ 1890 г.—12.212 четвертей, а въ 1900 г.—22 тыс. четвертей.

То-же самое явленіе, хотя не въ столь рѣзко очерченной формѣ, замѣчается и въ другой области восточной части Киргизскаго края—Семипалатинской. И здѣсь, какъ и въ Акмолинской области, ростъ посѣвовъ все болѣе и болѣе увеличивается, и увеличеніе это происходитъ главнымъ образомъ за счетъ хозяйственной дѣятельности крестьянъ и киргизъ. Увеличеніе земледѣлія въ этой части края за 16 лѣтъ (съ 1885 по 1900 г.) представлено на слѣдующихъ таблицахъ (для Акмолинской и Семипалатинской обл. отдѣльно).

Такъ, для Семипалатинской обл. мы имѣемъ:

Г О Д А.	Было посѣяно разн. рода хлѣбовъ.	Сравн. съ пред. годомъ: + увеличеніе. — уменьшеніе.	Сравн. съ 1885 г.: + увеличеніе. — уменьшеніе.
1885	45.116 чтв.	0	0
1886 [1])	?	?	?
1887	49.436 „	?	+ 4.320 чтв.
1888	57.689 „	+ 8.253 чтв.	+ 12.573 „
1889	44.493 „	— 13.196 „	— — 623 „
1890—91 [1])	?	?	?
1892	148.052 „	?	+102.936 „
1893	60.790 „	— 87.262 „	+ 15.684 „
1894	129.092 „	+ 67.389 „	+ 83.946 „
1895	65.494 „	— 63.568 „	+ 20.378 „
1896	73.269 „	+ 7.775 „	+ 29.153 „
1897 [1])	?	?	?
1898	537.744 пуд.	?	?
1899	784.400 „	+246.656 пуд.	—
			Сравн. съ 1898 г.
1900	643.464 „	—140.936 „	+105.720 пуд.
1901	550.019 „	— 93.445 „	+ 12.275 „

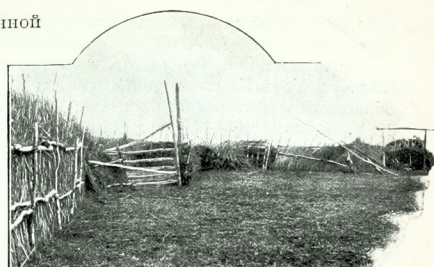
Какъ мы видимъ, ростъ посѣвовъ увеличивался въ Семипалатинской области очень не одинаково: достигая, благодаря хорошимъ урожаямъ предыдущихъ лѣтъ, въ 1892, 1894 и 1899 годахъ громадныхъ цыфръ 148.052 четв., 129.062 четв. и 784.400 пудовъ, въ нѣкоторые годы, какъ напр. въ 1889, 1901 гг., посѣвъ уменьшался до 44.493 четв. и 550.019 пудовъ главнымъ образомъ вслѣдствіе неурожая предыдущаго года. Въ общемъ количество посѣвовъ всетаки увеличивается и не только абсолютно, но и относительно (на 1 душу населенія).

Какъ увеличивались посѣвы въ Акмолинской области, показываютъ слѣдующія цыфры.

Г О Д А.	Было посѣяно разнаго рода хлѣбовъ.	Сравн. съ пред. годомъ: + увеличеніе — уменьшеніе.	Сравн. съ 1885 г.: + увеличеніе. — уменьшеніе.
1885	53.157 чтв.	0	0
1886	64.569 „	+ 11.412 чтв.	+ 11.412 чтв.
1887	77.731 „	+ 13.162 „	+ 24.574 „
1888	81.019 „	+ 3.288 „	+ 27.862 „
1889	79.793 „	— 1.226 „	+ 26.636 „
1890	105.323 „	+ 25.530 „	+ 52.166 „
1891	92.387 „	— 12.936 „	+ 39.230 „
1892	54.456 „	— 37.931 „	+ 1.299 „
1893	79.160 „	+ 25.704 „	+ 26.003 „
1894	93.800 „	+ 14.640 „	+ 40.643 „
1895 [2])	?	?	?
1896	1.117.357 пуд.	—	—
1897	1.305.837 „	+188.480 пуд.	—
			Сравн. съ 1896 г.
1898	1.328.788 „	+ 22.951 „	+211.431 пуд.
1899	1.789.082 „	+460.294 „	+671.725 „
1900	1.854.337 „	+ 65.255 „	+736.980 „

[1]) За эти годы свѣдѣній нѣтъ.
[2]) За этотъ годъ свѣдѣній нѣтъ.

Вслѣдствіе болѣе усиленной колонизаціи Акмолинской области ростъ ея посѣвовъ происходитъ болѣе быстро, а также и болѣе неуклонно, чѣмъ въ Семипалатинской области. Какъ и въ послѣдней, посѣвы въ Акмолинской области увеличились не только абсолютно, но, что особенно замѣтно у крестьянъ, и относительно (на 1 душу населенія). Общее количество посѣвовъ ея за послѣдніе годы въ три раза больше посѣвовъ Семипалатинской области.



Внутренность киргизскаго двора (зимовка).

Главнымъ посѣвнымъ хлѣбомъ являются пшеница и овесъ. Въ 1899 году было посѣяно пудовъ:

въ Акмолинской области.

Озим. ржи.	Ярицы.	Яровой пшен.	Ячменя.	Проса.	Овса.	Картофеля.
49.072	25.280	1.050.598	180.075	12.670	471.387	150.307

въ Семипалатинской области.

Озим. ржи.	Ярицы.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячменя.	Проса.	Овса.	Гречихи.	Картоф.
6.027	16.815	10.050	504.260	22.052	15.771	208.644	291	779

Просо сѣется главнымъ образомъ киргизами, а картофель—исключительно русскимъ населеніемъ.

Размѣры посѣвовъ у различныхъ экономическихъ группъ и сословій очень различны.

Болѣе крупные посѣвы дѣлаютъ крестьяне, переселившіеся лѣтъ 10—15 и болѣе тому назадъ; у нихъ, какъ наиболѣе зажиточныхъ и наиболѣе сильныхъ хозяевъ, на 1 душу (обоего пола) приходится больше 2 десятинъ посѣва; затѣмъ слѣдуютъ казаки и недавно переселившіеся крестьяне: у нихъ на 1 душу приходится немного менѣе одной десятины; всего менѣе приходится посѣва на 1 душу у киргизскаго населенія ($0,_1$—$0,_2$ десятины).

Уѣздами съ наибольшимъ распространеніемъ земледѣлія въ Акмолинской области являются: Кокчетавскій (ему принадлежитъ 40% всѣхъ посѣвовъ въ области) и Петропавловскій (37% всѣхъ посѣвовъ). За ними слѣдуютъ уѣзды: Омскій, Акмолинскій и Атбасарскій.

Въ Семипалатинской области первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Семипалатинскому уѣзду, населеніе котораго засѣваетъ площадь, составляющую 53% всей культурной площади въ области; половину этого количества (26%) составляютъ арендуемыя населеніемъ Семипалатинскаго уѣзда земли Бельагачскаго приставства—*Бельагачская* степь, которую можно считать житницей не только уѣзда, но пожалуй и области. Здѣсь ведутся самыя крупныя земледѣльческія хозяй-

ства, продукты которыхъ идутъ на рынки. Среди киргизъ есть такіе, которые засѣваютъ по 100—200 дес. хлѣба.

Второе мѣсто по площади посѣва въ Семипалатинской области занимаетъ Усть-Каменогорскій уѣздъ: населеніе его засѣваетъ 20% всей областной культурной площади; за нимъ идутъ уѣзды Павлодарскій—12 %, Зайсанскій—11,4% и наконецъ Каркаралинскій—2% всей посѣвной площади области

Урожайность хлѣбовъ въ различныхъ мѣстностяхъ края очень различна. Это объясняется какъ различіемъ почвенныхъ и климатическихъ условій этихъ мѣстностей, такъ и способами и пріемами обработки земли. Бо́льшая часть площади, занимаемой Акмолинской и Семипалатинской областями, по качеству своихъ почвъ находится въ неблагопріятныхъ для земледѣлія условіяхъ. Какъ въ той, такъ и въ другой области преобладающими являются мѣстности съ сухими, глинисто-солонцеватыми и песчанистыми почвами; удобныя для земледѣлія мѣста встрѣчаются между ними только въ видѣ отдѣльныхъ, разбросанныхъ группами, участковъ.

Исключеніе составляютъ въ Акмолинской области уѣзды: Кокчетавскій, болѣе всѣхъ другихъ богатый мѣстами, удобными для земледѣлія, и часть уѣздовъ Акмолинскаго и Петропавловскаго по теченію р. *Ишима*, гдѣ урожай пшеницы съ десятины даетъ до 180—200 пуд. Въ Семипалатинской же области такое исключеніе составляютъ Бельагачская степь и части уѣздовъ Усть-Каменогорскаго и Зайсанскаго (черноземныя и лёссовыя почвы). Климатическія условія особенно неблагопріятны для земледѣлія въ уѣздахъ Омскомъ, Петропавловскомъ (поздняя, холодная весна и недостатокъ дождей лѣтомъ), въ южныхъ частяхъ уѣздовъ Акмолинскаго и Атбасарскаго (засухи), въ гористыхъ Каркаралинскомъ, Усть-Каменогорскомъ уѣздахъ (заморозки весной и росы лѣтомъ), въ Семипалатинскомъ и Павлодарскомъ (засухи).

Господствующей *системой полеводства* какъ у русскихъ, такъ и у киргизъ въ разсматриваемыхъ областяхъ является одна изъ самыхъ экстенсивныхъ системъ—*залежная*; тамъ, гдѣ удобныхъ земель меньше, она переходитъ въ *залежно-паровую*. Ни плодосмѣна, ни законченнаго сѣвооборота при этой системѣ земледѣлія нѣтъ; земля засѣвается нѣсколько лѣтъ (3 — 6) подрядъ, сначала пшеницей и ярицей (яровой рожью), затѣмъ—съ истощеніемъ почвы—овсомъ, ячменемъ и др. хлѣбами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посѣвы этихъ хлѣбовъ чередуются съ парами; далѣе, послѣ 6—12 лѣтняго періода такой эксплоатаціи, земля забрасывается на неопредѣленное время, чаще лѣтъ на 6—10, послѣ чего, заросшая травами, отдохнувшая „выпашь“ снова поступаетъ въ обработку. Навозомъ пахатныя земли удобряютъ весьма рѣдкія хозяйства.

Въ южныхъ уѣздахъ Семипалатинской и Акмолинской областей, преимущественно у киргизъ Каркаралинскаго, Усть-Каменогорскаго и Зайсанскаго у.у., существуетъ *арычная* система земледѣлія (въ степныхъ мѣстахъ при помощи водоподъемной машины „чагыръ“). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Атбасарскомъ уѣздѣ, населеніе начинаетъ бросать арычное земледѣліе, такъ какъ орошеніе пашенъ солоноватой водой способствуетъ здѣсь засоленію ихъ: черезъ какихъ нибудь 3—4 года орошенія пашни превращаются въ солонцеватыя пространства, поросшія разными солянками и полынью. Въ другихъ мѣстахъ (Усть-

Каменогорскій, Зайсанскій у.у.), гдѣ орошеніе производится прѣсною водой, эта система хозяйства, наоборотъ, будетъ имѣть вѣроятно большое будущее, такъ какъ при ней урожай хлѣба болѣе обезпеченъ.

Обработка земли производится въ большинствѣ случаевъ обыкновенной сохой, въ которую впрягаются 3—4 лошади (ихъ замѣняютъ мѣстами быки и верблюды), и только въ послѣднее время, и преимущественно у переселенцевъ, начинаютъ получать распространеніе различнаго рода плуги; у киргизъ Бельагачской степи, ведущихъ крупное хозяйство, земледѣльческія орудія также распространены. У мелкихъ хозяевъ (а такихъ громадное большинство) употребляется соха—„тасъ“ — корень березы, на который надѣвается желѣзный колпакъ. Вмѣсто бороны примѣняется связка прутьевъ, которую волочатъ по пашнѣ раза два—три. При распашкѣ поля сохой почва поднимается не больше 2—$2^1/_2$ вершковъ на цѣлинѣ и вершковъ 3 на мягкихъ пахатныхъ земляхъ. Пашни засѣваются руками; забораниваются пашни у крестьянъ и у богатыхъ киргизъ обыкновенными зубчатыми боронами. Въ степныхъ мѣстахъ земля послѣ бороньбы укатывается, чтобы вѣтры не выдували сѣмянъ. За послѣднее время въ крупныхъ хозяйствахъ начинаютъ появляться сѣялки, жатвенки и молотилки.

Изъ хлѣбовъ русскимъ населеніемъ сѣется болѣе всего *пшеницы* (бѣлотурка, кубанка, черноколоска, красновка, усатка и др.), *овсъ*, *ячмень* и *рожь*, киргизами—*просо*. Послѣднее объясняется тѣмъ, что урожай его даетъ больше, чѣмъ всѣхъ другихъ хлѣбовъ; полдесятины проса прокармливаютъ цѣлую семью, тогда какъ урожай хлѣба, даже наивысшій (самъ 20), съ полдесятины даетъ значительно меньше. Просо у киргизъ играетъ такую-же роль, какъ полба у крестьянъ въ Поволжьѣ. Исключительное положеніе занимаютъ богатые киргизы (бельагачскіе), сѣющіе много пшеницы для продажи.

Крупныя хозяйства ведутся съ наемными рабочими, преимущественно „джетаками“ (обѣднѣвшими киргизами). Мелкія киргизскія хозяйства придерживаются общиннаго веденія, т. е. сообща обрабатываютъ пашню и убираютъ посѣвы. Казачьи хозяйства ведутся наемными рабочими, даже среднія, такъ какъ трудъ киргиза-работника цѣнится дешево. Распространены также работы исполу, за отработку, за аренду сѣнокосныхъ и другихъ участковъ, которыхъ у казаковъ много.

Въ 1899 году населеніемъ Акмолинской области собрано было пудовъ:

	Оз. ржи.	Ярицы.	Яр. пшен.	Ячменя.	Проса.	Овса	Картоф.
Казаками.	138.391	137.673	2.383.296	220.476	8.250	2 214.565	309.382
Крестьянами	46.519	15.552	3.853.725	423.806	48.627	788.070	510.689
Мѣщ. и разноч. . . .	36.795	4.617	262.323	24.064	1.400	2 3.602	17.018
Киргизами	—	180	850.669	237.491	44.382	257.322	—
Итого. . . .	221.705	158.022	7.350.013	905.837	102 659	3.493.559	837.089

Всего же разнаго рода хлѣбовъ было собрано 13.068.884 пуда. Населеніемъ Семипалатинской области въ томъ-же году было собрано пудовъ:

	Озим. ржи.	Ярицы.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячменя.	Проса.	Овса	Гречи.	Полбы.	Карт.
Русск. нас.	28.394	67.827	20.180	1.507.508	73.479	44.646	567.133	1.290	2.725	163.878
Киргизами	—	5.568	—	1.188 552	48.513	209.687	647.066	—	—	—
Итого. .	28.394	73.395	20.180	2.496.060	121.992	254.333	1.214.199	1.290	2.725	163.878

Всего же разнаго рода хлѣбовъ было собрано 4.376.446 пудовъ. Урожай по Акмолинской области за 1899 годъ былъ:

для озимыхъ хлѣбовъ	самъ 5,1	для овса	самъ 7,4
„ яровыхъ „	„ 6,7	„ картофеля	„ 5,6

По всей же области для зерновыхъ хлѣбовъ урожай былъ самъ 6,2 — что считается здѣсь немного выше средняго. Лучшій урожай былъ въ Петропавловскомъ, Кокчетавскомъ и Атбасарскомъ уѣздахъ.

Въ Семипалатинской области, наоборотъ, урожай 1899 года былъ нѣсколько ниже средняго; онъ опредѣлялся для:

яровой пшеницы	въ	самъ	4,9
озимой ржи	„	„	4,7
яровой „	„	„	4,3
овса	„	„	5,8
проса	„	„	15,2
ячменя	„	„	5,6
картофеля	„	„	5,9

Лучшій урожай былъ на арендованныхъ земляхъ въ Бельагачской степи и на югѣ—въ Зайсанскомъ и частяхъ Усть-Каменогорскаго и Каркаралинскаго уѣздовъ. Изъ сказаннаго видно, какіе урожаи можно считать для Киргизскаго края выше и ниже средняго.

Неурожаи 1900 и 1901 г.г. въ Киргизскомъ краѣ далеко не представляетъ собою какого-либо исключительнаго явленія: наоборотъ, за послѣднія 30 лѣтъ урожаи ниже средняго повторялись приблизительно черезъ каждые 2—4 года (больше 10 разъ). Такъ, они были въ 1870, 1874, 1878, 1879, 1883, 1888, 1890, 1892, 1897, 1900 и 1901 г.г. и мѣстами въ 1902 г.

Помимо общихъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія крестьянскаго хозяйства, такіе періодическіе неурожаи въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ должны быть объяснены еще двумя мѣстными степными явленіями—крайне частыми здѣсь *засухами* и появляющейся иногда въ огромныхъ количествахъ *кобылкой* (родъ саранчи); послѣдняя уничтожаетъ здѣсь очень нерѣдко не только хлѣбъ, но и травы, нанося такимъ образомъ ущербъ не только земледѣлію, но и скотоводству осѣдлаго населенія.

Борьба съ этими двумя бичами сельскаго хозяйства какъ мѣстнымъ населеніемъ, такъ и мѣстной администраціей предоставляется обыкновенно самой природѣ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ ослабить ихъ разрушительное дѣйствіе не замѣчалось ни съ той, ни съ другой стороны [1]).

Продовольственный вопросъ въ силу всего вышесказаннаго пріобрѣ-

[1]) Повидимому саранча составляетъ всюду неизбѣжное бѣдствіе лѣсостепи и степи при первомъ проникновеніи сюда залежного земледѣлія (сравн. южную часть Европ. Россіи въ XVII в.), а затѣмъ, со сгущеніемъ населенія и замѣной залежного хозяйства всеобщей распашкой при трехпольѣ, это бѣдствіе постепенно само собой исчезаетъ (вслѣдствіе отсутствія удобныхъ залежей для кладки саранчовыхъ „кубышекъ“ и бо́льшаго наблюденія за ихъ появленіемъ), замѣняясь въ свою очередь другими не менѣе ощутительными неудобствами повсемѣстнаго превращенія дѣвственныхъ земель въ пашни. Саранча такъ же характеризуетъ извѣстную стадію культурнаго состоянія страны, какъ всеобщая „моровая язва“ характеризуетъ извѣстную культурную стадію ея населенія (напр. Россія до XIX в.). *Ред*

таетъ въ восточной части Киргизскаго края особый интересъ. Въ благопріятные для земледѣлія годы населеніе Акмолинской и Семипалатинской областей не только удовлетворяетъ своимъ хлѣбомъ свои хозяйственныя потребности, но имѣетъ еще и излишки, которые выбрасываетъ обыкновенно на мѣстный и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ на россійскій и иностранный рынокъ. Въ послѣднихъ случаяхъ оно обыкновенно находится въ такихъ же самыхъ условіяхъ, въ какихъ находится въ урожайные годы населеніе всѣхъ вообще окраинъ, не имѣющихъ хорошихъ путей сообщенія: хлѣбъ продается чаще всего по очень низкимъ цѣнамъ, такъ какъ, благодаря дорогому транспорту, населеніе въ дѣлѣ вывоза не можетъ конкурировать съ мѣстностями, находящимися въ этомъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ.

Но такіе благопріятные годы очень часто прерываются здѣсь, какъ мы только-что говорили, годами полнаго неурожая. Въ эти послѣдніе населеніе не только не имѣетъ никакихъ излишковъ для продажи, но очень часто ему даже не хватаетъ хлѣба и для своего продовольствія, и для обсѣмененія своихъ полей. Большинству населенія приходится продавать все, что только можно бываетъ продать, приходится сильно задолжаться, существовать на средства частной благотворительности и правительственной помощи, а такъ какъ и того, и другого бываетъ обыкновенно далеко не достаточно для полнаго удовлетворенія потребностей, то приходится и голодать. Хуже всего положеніе такъ называемыхъ „самовольныхъ“, не получившихъ еще надѣла и не причислившихся ни къ какому сельскому обществу переселенцевъ, которымъ до ихъ „узаконенія“ не можетъ быть выдано правительствомъ ни продовольственной, ни сѣмянной ссуды. Хозяйство земледѣльческаго населенія въ такіе годы совершенно разстраивается; цынга, тифъ и другія, развивающіяся на почвѣ голода и недоѣданія болѣзни находятъ себѣ немало жертвъ, что подтверждается и оффиціальными отчетами. Въ виду этого за послѣдніе годы (бывшіе большею частью неурожайными въ Киргизскомъ краѣ) продовольственное дѣло въ краѣ составляло одну изъ настоятельныхъ заботъ Комитета Сибирской ж. д.

Земледѣліе въ западной части края (Тургайской и Уральской обл.) развито мало въ силу тѣхъ же естественно-историческихъ условій, какія мы указали для восточной части края. Земледѣліе пріурочено здѣсь къ сѣверной, ковыльно-черноземной полосѣ, составляющей продолженіе черноземныхъ оренбургскихъ степей (у.у. Кустанайскій, Актюбинскій и Уральскій). Въ Тургайской обл. начало земледѣлію было положено еще въ XVIII вѣкѣ, но это были единичные случаи въ киргизскихъ хозяйствахъ, не съигравшіе роли разсадниковъ земледѣлія. Только съ 70-хъ годовъ XIX столѣтія земледѣліе среди киргизъ начало играть бо́льшую роль. Въ это же время въ Актюбинскомъ и Кустанайскомъ у.у. появились первые русскіе крестьяне-земледѣльцы; мѣстомъ ихъ сосредоточенія послужилъ г. *Кустанай* (въ 1889 г. тамъ было уже 18 тыс. ж., почти исключительно крестьянъ - земледѣльцевъ). Обиліе „вольныхъ“ плодородныхъ земель влекло сюда съ каждымъ годомъ все бо́льшія и бо́льшія массы крестьянъ. Такъ какъ городского надѣла оказалось скоро недостаточно, крестьяне перешли къ арендованію участковъ у киргизъ; такихъ участковъ къ 1900 г. оказалось до 20 съ населеніемъ около 18 тыс. Обиліе земли и дешевизна аренды способствовали веде-

нію самой первобытной и вмѣстѣ съ тѣмъ хищнической системы хозяйства—*переложной*, которая быстро истощала землю и заставляла переселенцевъ часто переходить на новыя мѣста. Благодаря этому, а также тому, что арендное землепользованіе было шаткимъ, было признано необходимымъ поставить земельное устройство на болѣе прочныя основанія, на какихъ оно существуетъ въ Акмолинской и Семипалатинской обл. Послѣ статистическаго обслѣдованія оказалось, что здѣсь возможно безъ ущерба киргизскому хозяйству отвести постоянные участки для крестьянъ-земледѣльцевъ (съ 15-десятиннымъ надѣломъ удобной земли на душу). Всего и было отведено до 600 тыс. десятинъ. Съ этого времени земледѣліе русскаго населенія области стало на прочную почву. Въ 1880 г. русское населеніе сѣяло 105 дес. пшеницы; въ 1900 г. ростъ посѣвной площади дошелъ уже до 42 тыс. дес.

Киргизское населеніе, какъ мы уже сказали, съ 1870-хъ годовъ стало усиленно заниматься земледѣліемъ; съ 1875 г. по 1882 г. площадь посѣва въ области съ 17 тыс. увеличилась у нихъ до 44 т. дес. Такимъ образомъ посѣвная площадь какъ у русскаго, такъ и у киргизскаго населенія съ каждымъ годомъ возрастала.

Слѣдующая таблица показываетъ ростъ земледѣлія у русскаго и киргизскаго населенія области:

въ 1880 г.	было	засѣяно	. . . . .	21.302	дес.
„ 1881 „	„	„	. . . . .	34.236	„
„ 1882 „	„	„	. . . . .	46 613	„
„ 1884 „	„	„	. . . . .	68.000	„
„ 1896 „	„	„	. . . . .	215.720	„
„ 1900 „	„	„	. . . . .	182.447	„

Наибольшая часть посѣва приходится на киргизское населеніе (80%). Болѣе развито земледѣліе среди киргизъ сѣверныхъ уѣздовъ, хотя оно и появилось здѣсь сравнительно недавно—въ началѣ 1880-хъ годовъ; въ южныхъ же уѣздахъ—Иргизскомъ и Тургайскомъ, гдѣ недостатокъ пастбищныхъ мѣстъ хотя и заставилъ киргизъ издавна искать себѣ подспорья въ земледѣліи, оно за отсутствіемъ удобныхъ земель распространялось медленно. Бо́льшая часть киргизъ

Караванъ у водопоя на пути изъ Петропавловска въ Атбасаръ

сѣютъ только для себя по 1—2 дес.; исключеніе составляютъ богачи, сѣющіе иногда сотни десятинъ, и киргизы, живущіе на границѣ съ Оренбургской и Уральской обл. (с.-з. часть Актюбинскаго у.); у этихъ послѣднихъ земледѣліе служитъ не только для удовлетворенія личнаго потребленія, но доставляетъ значительный излишекъ для продажи; здѣсь хлѣбопашествомъ занимается почти все населеніе, и пашнями заняты всѣ удобныя мѣста. Обработка земли у большинства киргизъ ведется сообща и примитивнымъ способомъ: деревянныя сохи и бороны обыкновенны. Лучше производится обработка у зажиточныхъ крестьянъ и киргизъ Кустанайскаго и Актюбинскаго у.у., гдѣ за послѣднее время плуги и сельскохозяйственныя машины стали получать широкое распространеніе.

Урожайность хлѣбовъ—наибольшая въ уѣздахъ Актюбинскомъ и Кустанайскомъ; въ Иргизскомъ и Тургайскомъ у.у. она ниже и въ значительной степени опредѣляется погодой: въ дождливые годы урожаи проса достигаютъ здѣсь, напр., самъ 80, пшеница—самъ 10; въ сухіе годы хлѣба гибнутъ совершенно, почему здѣсь и распространено арычное орошеніе. Кромѣ засухъ на урожайность хлѣбовъ вліяютъ: мгла („помха"), замедляющая ростъ хлѣбовъ, кобылка и птицы, истребляющія тысячи десятинъ. Изъ хлѣбовъ киргизы болѣе всего сѣютъ *просо*, крестьяне—*пшеницу*; затѣмъ идутъ овесъ, ячмень, рожь и др.

По оффиціальнымъ даннымъ, урожай 1900 года выразился по Тургайской области въ слѣдующихъ цыфрахъ:

	Собрано пудовъ:						
	ржи	пшеницы	проса	овса	ячменя	др. хлѣб.	всего
Въ Кустанайск. у.	11.975	1.310.354	4.837.778	434.897	1.530	8.316	6.604.850
„ Актюбинск. у.	—	2.676.057	264.297	627.288	53.056	2.948	3.668.646
„ Иргизск. у. .	—	8.001	88.021	601	9	—	96.721
„ Тургайск. у..	104	37 542	75.676	450	1.530	—	115.302
	12.079	4.031.954	5.265.772	1.108.236	56.214	11.264	10 485.519

Посѣяно же было за этотъ годъ 833.574 пуда, такъ что въ общемъ урожай хлѣбовъ равнялся самъ 8,2. Цыфры показываютъ также ясно разницу размѣровъ земледѣлія въ сѣверной и южной полосахъ области.

Продовольственное дѣло организовано въ области еще недостаточно, какъ по малому количеству хлѣбозапасныхъ магазиновъ, такъ и по незначительности областного продовольственнаго капитала.

Земледѣліе въ Уральской обл. стало развиваться съ 70-хъ годовъ XIX столѣтія, когда казаки были освобождены отъ усиленной службы въ строю и стали имѣть возможность заняться сельскимъ хозяйствомъ. Впрочемъ хлѣбопашество въ силу физико-географическихъ условій могло получить распространеніе только въ Уральскомъ и Лбищенскомъ у.у. Другіе уѣзды, особенно южный Гурьевскій, оказались почти совершенно непригодными къ веденію хлѣбопашества. Всего удобныхъ земель въ Уральскомъ войскѣ считается 2.015.575 дес. (изъ 62.068 кв. вер. общей площади войсковыхъ земель). При общинномъ пользованіи землей послѣднее подчинено особымъ правиламъ, устанавливаемымъ съѣздомъ выборныхъ отъ станицъ. Такъ, запрещено, напр., распахивать на войсковой землѣ безплатно свыше 20 дес. на душу; сверхъ этой нормы взимается уже плата въ войско по 3 руб. за десятину; установлено, чтобы на семью при распашкѣ приходился одинъ плугъ и др. Земля

считается частной собственностью только на то время, пока она обработана и занята посѣвами; послѣ того, какъ посѣвъ убранъ, она можетъ быть занята кѣмъ угодно изъ казаковъ (то же самое слѣдуетъ сказать и про земли подъ усадьбами и садами).

Развивалось хлѣбопашество у казаковъ медленно; по складу своей жизни они были чужды такому труду и только по необходимости принялись за него. Въ послѣднее время съ проведеніемъ Покровско-Уральской ж. д. хлѣбные грузы получили возможность вывозиться изъ Уральской области на рынки. Выгодный ихъ сбытъ способствовалъ значительному увеличенію посѣвной площади. Среди киргизъ земледѣліе хотя стало развиваться лишь недавно, но по количеству собираемаго хлѣба первое мѣсто оставалось долгое время за ними.

Въ 1895 г. въ области было:

	посѣяно	собрано
озимаго. . . .	6.176 четв.	57.326 четв.
ярового. . . .	87.146 „	816.884 „
	93.322 четв.	874.210 четв.

По уѣздамъ этотъ урожай распредѣлялся такъ: въ Уральскомъ собрано было 85%, въ Калмыковскомъ (нынѣ Лбищенскомъ)—8,2% и въ Темирскомъ—6,3%. Изъ этого числа на киргизское населеніе приходится болѣе половины собраннаго хлѣба (59%); затѣмъ идутъ казаки и лица, живущія на войсковой землѣ (40%); остальная часть собирается крестьянами Темирскаго у. Въ 1900 г. войсковымъ населеніемъ было уже засѣяно 211.117 дес. или 73,4% всей посѣвной площади въ области, киргизами же—только 75.457 дес. или 26% и русскими поселенцами Темирскаго у.—1.286 дес. Количество хлѣба, собраннаго киргизами, хотя и значительно увеличилось въ сравненіи съ 1895 г., но ростъ казачьяго земледѣлія значительно превысилъ его. Ростъ земледѣлія въ области объясняется увеличеніемъ числа хозяйствъ вообще, у киргизъ—какъ подсобнаго заработка, у уральскихъ казаковъ также—какъ подсобнаго заработка подъ вліяніемъ выгоднаго сбыта его продуктовъ. Колебанія размѣра посѣвовъ у казаковъ опредѣляются уловомъ рыбы; если уловъ хорошій—казакъ сокращаетъ посѣвъ.

Главными хлѣбами по количеству собираемыхъ пудовъ являются: пшеница, рожь, просо, овесъ и ячмень; просо сѣется болѣе всего киргизами. Кромѣ того сѣется въ области немного картофеля и льна.

Обработка земли наилучшая у русскаго населенія; сельскохозяйственныя машины довольно распространены (въ области существуютъ шесть частныхъ и одинъ казачій складъ сельскохозяйственныхъ машинъ); у киргизъ изъ машинъ встрѣчаются почти исключительно сѣнокосилки.

Урожай хлѣбовъ за послѣдніе три года 1899, 1900 и 1901 г.г. былъ такой:

		1899 г.	1900 г.	1901 г.
Рожь	„самъ“	3,2	10,6	3,8
Пшеница	„	2,8	12,5	8,1
Овесъ	„	2,8	17,2	2,5
Ячмень	„	1,7	18,7	2,7
Просо	„	12,7	73,9	1,7
Ленъ	„	5,9	17,2	2,7
Картофель	„	2,9	6,2	4,2

Разница цыфръ показываетъ колебанія въ зависимости отъ урожая. Посѣвъ и урожай 1901 г. въ пудахъ выражался такъ:

	Десятинъ.	Посѣяно.	Собрано.
всѣхъ хлѣбовъ	178.129	633 610	4.266.860

Продовольственное дѣло совсѣмъ не организовано. Казачье населеніе хлѣбозапасныхъ магазиновъ не имѣетъ, и расходъ на этотъ случай производится изъ общаго войскового капитала. У киргизскаго населенія продовольственный вопросъ поднятъ недавно, и только съ распространеніемъ хлѣбопашества возможно будетъ организовать дѣло удовлетворительно. Въ настоящее время киргизы обязаны держать въ уѣздахъ по одному хлѣбозапасному общественному магазину.

Оканчивая обзоръ земледѣлія, приведемъ среднія данныя о посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ (въ пудахъ на десятину) за 5 лѣтъ (1896—1900 г.), по даннымъ Центральнаго Статистическаго Комитета, для трехъ областей:

	Озим. рожь.		Яров. рожь.		Озим. пшен.		Яров. пшен.		Овесъ.		Ячмень.		Просо.		Гречиха.		Картофель.	
	Сѣяно.	Собрано.	Сѣяно.	Собрано.	Сѣяно.	Собрано.	Сѣяно.	Собрано.	Сѣяно.	Собрано.	Сѣяно.	Собрано.	Сѣяно.	Собрано.	Сѣяно.	Собрано.	Сѣяно.	Собрано.
Акмолинск.	6,0	30,4	6,8	33,7	5,6	28,3	6,4	35,2	8,3	44,7	7,3	39,4	1,6	29,7	5,3	24,0	59,7	310,4
Семипалат.	6,3	48,4	6,3	35,4	4,9	44,0	6,4	42,6	8,1	45,2	8,2	47,2	1,3	32,6	—	—	55,3	304,8
Тургайская	3,6	23,8	4,8	28,5	—	—	4,5	35,8	4,8	35,3	4,1	32,6	0,8	50,4	2,8	16,6	45,2	252,4

Скотоводство въ краѣ по своему значенію занимаетъ еще болѣе важное положеніе, чѣмъ земледѣліе. Какъ послѣднее является главнымъ источникомъ благосостоянія осѣдлаго, преимущественно крестьянскаго населенія, такъ и скотоводство для главной массы населенія края—киргизъ составляетъ главный и, можно сказать, единственный источникъ не только ихъ благосостоянія, но и вообще существованія. Обширныя степныя и луговыя пространства края какъ нельзя болѣе благопріятствуютъ веденію скотоводческаго хозяйства, притомъ въ самой первобытной формѣ табуннаго, не требующаго особеннаго труда со стороны хозяевъ. Вся жизнь типичнаго степняка-киргиза тѣсно связана со скотоводствомъ; какъ для крестьянина внутреннихъ губерній земледѣліе есть школа жизни, такъ и для киргиза скотоводство играетъ ту-же роль; оно отражается на его духовномъ складѣ, опредѣляетъ его образъ жизни. Годичный циклъ его образа жизни подчиненъ потребностямъ скота. Весной, сразу послѣ снѣга кочевникъ трогается со стадами туда, гдѣ лучше сохранилась прошлогодняя трава, гдѣ и живетъ, пока скотъ не выѣстъ травы. Отсюда онъ передвигается на тѣ мѣста, гдѣ появится зеленая трава (а для этого киргизы предупредительно выжигаютъ ранней весной или осенью нѣкоторыя мѣста „уртени“), и живетъ тамъ до того времени, пока скоту есть что ѣсть. Съ этого мѣста по мѣрѣ роста травъ (съ іюня до конца іюля) киргизъ движется на лѣтнія пастбища—„джайляу“. Съ начала осени онъ снова начинаетъ направляться къ зимовкамъ, стараясь впрочемъ прикочевать къ нимъ позже, чтобы болѣе сохранить травы на зиму. Зимовочныя пастбища кочевники вообще

ревниво охраняютъ отъ потравы, такъ какъ на нихъ они должны прожить самое тяжелое время года—зиму.

Такъ изъ года въ годъ описываютъ киргизы со своими стадами „орбиты своихъ кочевокъ“ по степи, имѣя конечными пунктами зимовку (кстау), и въ этихъ перекочевкахъ проходитъ вся ихъ жизнь.

Веденіе скотоводства, какъ мы выше сказали,—самое примитивное. Зимой табуны пасутся („тебенюютъ“) на открытой степи, добывая траву копытами изъ-подъ снѣга. „Тебеневка“ производится въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала гонятся лошади, которыя разбиваютъ копытами слежавшійся снѣгъ и выѣдаютъ лучшую траву; за ними на это мѣсто гонятъ рогатый скотъ и верблюдовъ, которые еще болѣе разрыхляютъ снѣгъ, выѣдая траву, и наконецъ послѣ нихъ на это-же мѣсто идутъ бараны и выѣдаютъ оставшуюся траву. При вѣтрахъ и малоснѣжныхъ зимахъ добываніе корма не представляетъ большого труда для привычныхъ животныхъ; даже овцы легко добираются до травы. Но при глубокихъ снѣгахъ добываніе травы становится весьма изнурительнымъ, и слабыя животныя не выносятъ этого; вообще за зиму киргизскій скотъ сильно тощаетъ. Особенно много вреда приносятъ скотоводству *бураны* (пурга) и *гололедица* (о нихъ см. II главу). Для киргиза это бичъ Божій, котораго онъ боится болѣе всего, такъ какъ въ одну ночь буранъ можетъ наполовину уничтожить его стада, разогнавъ животныхъ по степи, гдѣ они дѣлаются жертвой снѣга и мороза или хищныхъ звѣрей; *гололедица* втеченіе нѣсколькихъ дней можетъ превратить богача въ бѣдняка, такъ-какъ животныя не въ состояніи пробить толстаго слоя ледяной коры и гибнутъ массами отъ истощенія. Такой моръ или паденіе скота киргизы называютъ „джутъ“. Однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ годовъ въ этомъ отношеніи былъ для киргизъ 1880 г., когда въ Акмолинской области пало 819.775 головъ скота, а въ Тургайской 1.528.679 головъ (изъ нихъ 70 т. верблюдовъ и 313 т. лошадей); въ 1884 г. въ Семипалатинской обл. погибло 412 тыс. головъ, въ 1891—92 г. въ Акмолинской обл. погибло 364.054 головы. Въ Уральской области также немало гибнетъ скота отъ бурановъ и гололедицы [1]). Спасеніемъ отъ бурана служатъ лѣса, глубокія долины рѣкъ и камыши, куда можно угнать на это время скотъ. Послѣдствіе гололедицы можно предотвратить только запасами сѣна, но это при современномъ веденіи скотоводства невозможно.

О движеніи скотоводства съ 1880 г. у кочевого населенія края говоритъ слѣдующая таблица (количество скота переведено за каждый годъ на душу):

Года.	Акмолинск.	Семипалат.	Тургайская.	Уральская.
Въ 1880	4,7	7,4	6,7	?
„ 1884	5,5	4,5	6,7	?
„ 1891	5,8	4,1	3,6	?
„ 1896	5,4	—	5,7	6,5
„ 1900	5	4,3	5	5,5

[1]) Киргизы подмѣтили, что такіе бѣдственные годы (совпадающіе съ нихъ „коянъ“, т. е. заячьимъ годомъ) происходятъ періодически черезъ 10—12 лѣтъ; эта періодичность совпадаетъ съ періодичностью увеличенія и уменьшенія солнечныхъ пятенъ и съ находящимися въ связи съ этимъ перемѣнами температуръ на землѣ.

Всего-же скота у кочевого населенія въ краѣ, по даннымъ 1900 г., было около 9.800 тыс. головъ. Изъ нихъ бо́льшая часть приходится на овецъ и козъ; затѣмъ идутъ лошади, рогатый скотъ и наконецъ верблюды.

Количество разнаго скота у кочевого населенія края распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

	Овецъ и козъ.	Рогатаго скота.	Лошадей.	Верблюдовъ.
Акмолинская	1.247.683	363.430	610.011	96.533
Семипалатинская . . .	1.795.679	343.364	567.552	55.482
Тургайская	1 074.424	382.594	467.187	120.596
Уральская (вмѣстѣ съ осѣдлымъ населеніемъ).	2.508.850	410.000	434.773	198.405

Втеченіе 1900 года кочевое населеніе края лишилось отъ разныхъ причинъ—болѣзней (чума, ящуръ, сапъ и др.), безкормицы, бурановъ, и особенно отъ хищныхъ звѣрей (главнымъ образомъ отъ волковъ):

въ Семипалатинской обл. . . .	88.967 гол.	(изъ нихъ болѣе 57 тыс. отъ волковъ).
„ Акмолинской	101.281 „	(изъ нихъ болѣе 21 тыс. отъ волковъ).
„ Тургайской	63.453 „	(изъ нихъ половина отъ волковъ).

Приблизительно такое количество скота теряется непроизводительно населеніемъ края ежегодно.

Изъ породъ скота, какъ мы видѣли, болѣе всего разводится *барановъ*, которые составляютъ главное богатство кочевниковъ. Они доставляютъ ему почти все необходимое въ жизни (одежду и пищу), являются мѣновой и торговой единицей и наконецъ главнымъ товаромъ всей степной торговли. Киргизскій баранъ имѣетъ крупный ростъ, грубую шерсть и рѣзкое отличіе—отложенія сала (курдюкъ) у основанія хвоста. Животныя весьма выносливы, легко переносятъ жаръ, холодъ и голодъ и питаются всякой растительностью. Крупный баранъ даетъ до $1^1/_2$—2 пуд. мяса, до 1 пуда сала и 3—4 ф. шерсти. Лучшими баранами считаются южные (напр. багаколинскіе въ Атбасарскомъ у.), которые и цѣнятся (6 руб.) вдвое дороже, чѣмъ бараны сѣверныхъ уѣздовъ края.

Послѣ барана наиболѣе цѣннымъ животнымъ и болѣе разводимымъ является *лошадь*. Киргизская лошадь съ внѣшней стороны весьма невзрачна—низкаго роста, короткая съ прямой, поникшей головой, широкой грудью, толстыми ногами и длинной, косматой шерстью. По выносливости ее можно поставить на первое мѣсто среди всѣхъ другихъ разводимыхъ въ Россіи лошадей; при всемъ этомъ она отличается быстротой бѣга и силой. Сдѣлать быстрый переѣздъ въ 100—150 вер. втеченіе 10—15 часовъ съ небольшими промежутками и безъ корма для нея не представляетъ большихъ затрудненій; скорость бѣга у нея въ случаѣ нужды поразительна. Благодаря этимъ качествамъ киргизская лошадь находитъ хорошій сбытъ среди русскаго населенія, какъ цѣнная рабочая сила. За послѣднее время для улучшенія породы заведены конюшни вѣдомства государственнаго коннозаводства; въ нихъ въ Тургайской области близъ г. Орска Оренбургской губ. было въ 1897 г. 464 жеребца и въ Кустанайскомъ у.—486.

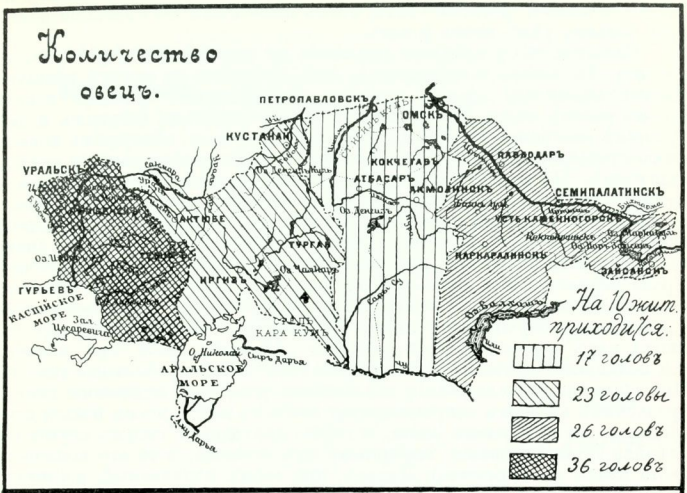
Рогатый скотъ хотя и значительно мельче черкасской и другихъ выхоленныхъ породъ, но по своимъ пищевымъ качествамъ и дешевизнѣ

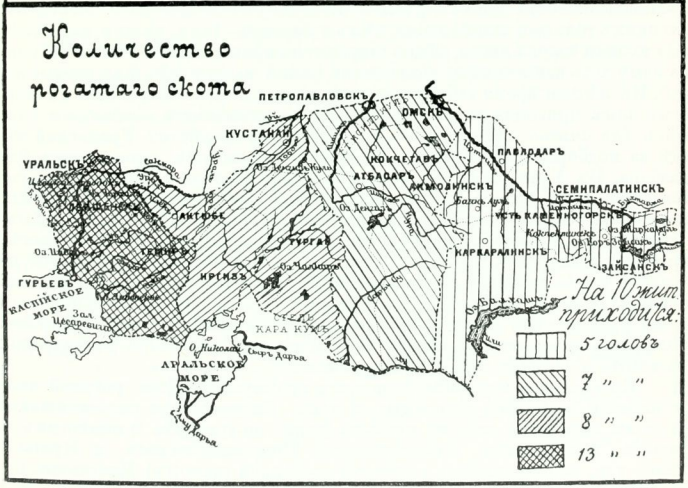
успѣшно конкурируетъ съ ними на рынкахъ сбыта. *Козы* держатся ради пуха, который идетъ на приготовленіе различныхъ принадлежностей одежды, напр. шарфовъ, платковъ, шалей; извѣстныя „оренбургскія шали“ приготовляются изъ пуха киргизскихъ козъ. Въ стадѣ барановъ обыкновенно держатся козлы, которые служатъ вожаками его. *Верблюды* разводятся двугорбые, какъ болѣе приспособившіеся къ мѣстнымъ условіямъ; преимущественно держатъ ихъ киргизы южной полосы края, гдѣ преобладаніе пустынь мѣшаетъ разведенію другихъ породъ скота; въ этихъ мѣстахъ верблюдъ незамѣнимъ; онъ можетъ пробыть два дня безъ воды и безъ корма или пить горькосоленую воду озеръ и ѣсть колючіе кустарники пустыни. Кромѣ того, какъ вьючная сила, онъ можетъ замѣнить двухъ лошадей. Все это особенно цѣнно при большихъ переходахъ караваномъ. Въ послѣднее время верблюда стали употреблять и при земледѣльческихъ работахъ. Молоко, мясо, шкура и шерсть „джебага“ киргизами утилизируются; послѣдняя составляетъ даже видную статью въ торговлѣ.

Несмотря, однако, на свое громадное значеніе въ жизни кочевника, скотоводство не поставлено на прочное основаніе, благодаря чему оно, а съ нимъ и благосостояніе киргизъ, подвержено всякимъ случайностямъ. Мы уже сказали, какое страшное опустошеніе производятъ въ стадахъ бураны или пурги и гололедица; если перевести на деньги „джутъ“ скота въ зиму 1879—80 г. и 1891—92 г., въ одной только Акмолинской обл., то эта потеря выразится суммой въ 15.540 тыс. руб.; а послѣдствія „джута“ болѣе непоправимы, нежели послѣдствія неурожая для крестьянъ, такъ какъ слѣдующій за неурожаемъ урожайный годъ можетъ съ избыткомъ вознаградить земледѣльца, для возстановленія-же прежняго количества скота нужно ждать нѣсколькихъ лѣтъ, благопріятныхъ для его размноженія.

Какъ недороды въ Россіи, такъ и „джутъ“ у киргизъ тяжелыми послѣдствіями обязаны не однимъ только стихійнымъ силамъ природы, но и тѣмъ соціально-экономическимъ условіямъ, въ которыхъ живетъ русскій мужикъ и киргизъ. Киргизъ, при своей некультурности, и теперешнемъ складѣ жизни, не въ состояніи ослабить послѣдствій этихъ стихійныхъ бѣдъ; привычка смотрѣть на лѣтнее кочеваніе, какъ на безпрерывный праздникъ, мѣшаютъ ему озаботиться объ обезпеченіи скота на случай гололедицы запасами сѣна, имѣть же для него хотя-бы кое-какія помѣщенія во время морозовъ и барановъ для большинства не подъ силу. Пониженію скотоводства въ качественномъ отношеніи способствуютъ кромѣ того и другія причины, напр. недостаточное питаніе жеребятъ, такъ какъ киргизы усердно выдаиваютъ молоко кобылицъ для кумыса, недостатокъ хорошихъ производителей и отсутствіе нужнаго призора за размноженіемъ вообще; благодаря послѣднему происходитъ скрещиваніе между собой близкихъ особей, или съ мѣстными выродившимися породами крестьянскихъ лошадей.

Распредѣленіе крупнаго и мелкаго скота въ краѣ неодинаково. Мелкій скотъ (овцы и козы), составляющій въ общемъ главную массу киргизскаго скота, преобладаетъ только въ южной полосѣ края, какъ менѣе населенной, а слѣдовательно болѣе свободной для держанія обширныхъ стадъ, чего и требуетъ овцеводство. Въ сѣверной полосѣ, какъ болѣе населенной, такого простора для держанія большихъ стадъ нѣтъ,

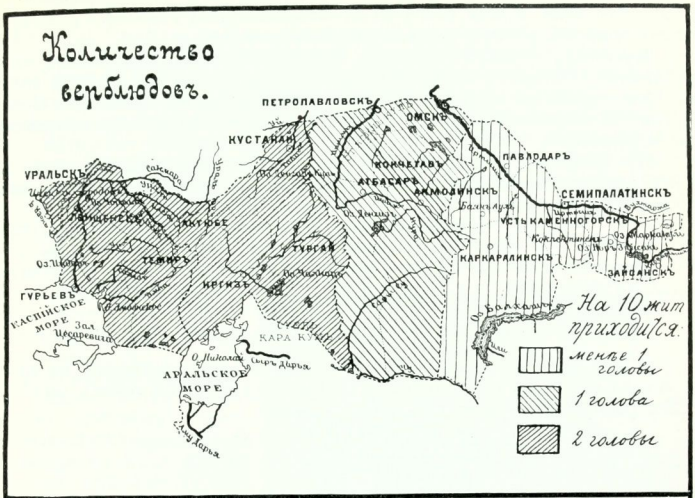

Количество овецъ.
ПЕТРОПАВЛОВСКЪ
ОМСКЪ
КУСТАНАЙ
ПАВЛОДАРЪ
КОКЧЕТАВЪ
АТБАСАРЪ
АКМОЛИНСКЪ
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
УРАЛЬСКЪ
УСТЬ КАМЕНОГОРСКЪ
АКТЮБЕ
ТУРГАЙ
КАРКАРАЛИНСКЪ
ИРГИЗЪ
ЗАЙСАНСКЪ
ГУРЬЕВЪ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
КАРА КУМЪ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
На 10 жит. приходится:
17 головъ
23 головы
26 головъ
36 головъ

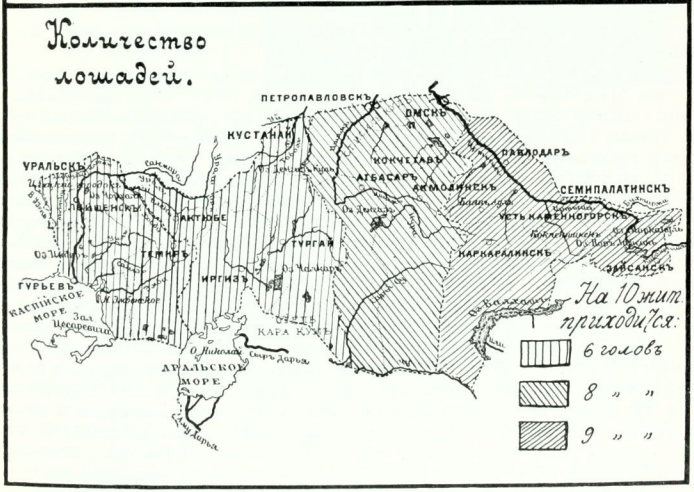

Количество рогатаго скота
ПЕТРОПАВЛОВСКЪ
ОМСКЪ
КУСТАНАЙ
ПАВЛОДАРЪ
КОКЧЕТАВЪ
АТБАСАРЪ
АКМОЛИНСКЪ
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
УРАЛЬСКЪ
УСТЬ КАМЕНОГОРСКЪ
АКТЮБЕ
ТУРГАЙ
КАРКАРАЛИНСКЪ
ИРГИЗЪ
ЗАЙСАНСКЪ
ГУРЬЕВЪ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
КАРА КУМЪ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
На 10 жит. приходится:
5 головъ
7 „ „
8 „ „
13 „ „

и киргизамъ приходится прибѣгать къ болѣе интенсивному скотоводству—разведенію меньшаго по числу, но болѣе цѣннаго скота; таковымъ являются лошадь и рогатый скотъ; этихъ животныхъ въ сѣверной полосѣ края больше, чѣмъ овецъ и козъ.

Скотоводство у осѣдлаго населенія не играетъ такой роли, какъ у киргизъ. Не говоря о горожанахъ, даже крестьяне не могутъ назваться обезпеченными для своихъ личныхъ потребностей нужнымъ количествомъ головъ скота. Только казаки, какъ владѣльцы богатыхъ и даже лучшихъ пастбищъ по лугамъ Иртыша, Урала и сѣверныхъ ковыльныхъ степей, приближаются, по количеству имѣющагося скота, у нихъ къ киргизамъ. Но держатъ нѣкоторые изъ нихъ тысячи головъ скота не потому, что скотъ необходимъ, какъ составная часть хозяйства, а исключительно ради торговыхъ цѣлей; это барышники, разводящіе скотъ и скупающіе его при случаѣ у киргизъ для продажи по значительно повышенной цѣнѣ. Уральскіе казаки средняго и нижняго теченія Урала держатъ массу скота потому, что онъ представляется наиболѣе выгоднымъ занятіемъ за невозможностью заниматься хлѣбопашествомъ; у казаковъ *„Внутренней“* линіи *(Чижинской, Кармановской* и др. станицъ), какъ и у сибирскихъ казаковъ *„Горькой“* линіи, при наличности большихъ пастбищъ, скотоводство также получило большое значеніе. При общинномъ пользованіи земельными угодьями содержаніе скота у уральскихъ казаковъ сопровождается особымъ налогомъ въ пользу всего войска за то количество скота, которое приходится сверхъ нормы (послѣдняя устанавливается выборными отъ станицъ, и за это количество скота платы не взимается). Доходъ, при этомъ получаемый, достигаетъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей. Веденіе скотоводческаго хозяйства у русскихъ только немного выше, чѣмъ у киргизъ. Такъ, казаки, даже имѣющіе тысячи головъ скота, рѣдко стараются сдѣлать запасы сѣна и устроить на зиму хоть какія-нибудь помѣщенія (чаще камышевые или ивовые дворы). Въ лѣтнее время табуны пасутся, какъ и киргизскіе, далеко въ степи, а къ зимѣ пригоняются къ поселку. За размноженіемъ особеннаго ухода нѣтъ (не считая нѣсколькихъ коневодскихъ хозяйствъ Уральской обл., гдѣ за подборомъ тщательно слѣдятъ); скрещиваніе происходитъ безъ разбора. Въ Уральской обл. есть нѣсколько казенныхъ случныхъ пунктовъ (для киргизскаго и казачьяго скота), гдѣ держатъ породистыхъ жеребцовъ Оренбургской государственной конюшни. Породы скота—обыкновенныя мѣстныя киргизскія лошади, калмыцкій рогатый скотъ и киргизскія (курдючныя) овцы. Осѣдлое населеніе разводитъ преимущественно болѣе цѣнный скотъ—крупный; мелкій—овцы и козы, какъ требующія большихъ пастбищъ, разводятся меньше; исключеніе составляетъ Уральская область, гдѣ населеніе южныхъ станицъ, благодаря бо́льшимъ пастбищамъ, ведетъ скотоводческое хозяйство въ широкихъ размѣрахъ, разводя много овецъ и козъ.

Крестьяне и горожане разводятъ преимущественно рогатый скотъ и лошадей, а затѣмъ уже овецъ и козъ. Скотоводство самостоятельной роли въ хозяйствѣ ихъ не играетъ (если не говорить о немногихъ богатыхъ крестьянахъ Акмолинскаго, Петропавловскаго и Кустанайскаго у.у., занимающихся гуртовой торговлей скотомъ). Крестьяне, привыкшіе на родинѣ вести земледѣльческое хозяйство на *волахъ*, стали разводить ихъ и здѣсь; теперь они распространены, особенно въ южныхъ


Количество верблюдовъ.
ПЕТРОПАВЛОВСКЪ
ОМСКЪ
КУСТАНАЙ
ПАВЛОДАРЪ
УРАЛЬСКЪ
КОКЧЕТАВЪ
АТБАСАРЪ
АКМОЛИНСКЪ
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
УСТЬ КАМЕНОГОРСКЪ
ЛАНШЕНЕЙ
АКТЮБЕ
ТУРГАЙ
ТЕМИРЪ
КИРГИЗЪ
КАРКАРАЛИНСКЪ
ЗАЙСАНСКЪ
ГУРЬЕВЪ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
Зал. Цесаревича
КАРА КУМЪ
Сыръ Дарья
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
На 10 жит. приходится:
менѣе 1 головы
1 голова
2 головы


Количество лошадей.
ПЕТРОПАВЛОВСКЪ
ОМСКЪ
КУСТАНАЙ
ПАВЛОДАРЪ
УРАЛЬСКЪ
КОКЧЕТАВЪ
АТБАСАРЪ
АКМОЛИНСКЪ
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
УСТЬ КАМЕНОГОРСКЪ
ЛАНШЕНЕЙ
АКТЮБЕ
ТУРГАЙ
ТЕМИРЪ
КИРГИЗЪ
КАРКАРАЛИНСКЪ
ЗАЙСАНСКЪ
ГУРЬЕВЪ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
Зал. Цесаревича
КАРА КУМЪ
Сыръ Дарья
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
На 10 жит. приходится:
6 головъ
8 „ „
9 „ „

степныхъ поселеніяхъ; волъ, какъ неприхотливое и выносливое животное, цѣнится тамъ дороже лошади. Въ Уральской области разводятся кромѣ того *мулы* и *ослы* (къ 1901 г. ихъ было 4.011 головъ). Среди крестьянъ довольно распространено разведеніе *свиней*.

Верблюдовъ осѣдлое населеніе держитъ сравнительно мало; употребляются они при земледѣльческихъ работахъ, въ Уральской-же области—для перевозки грузовъ, причемъ запрягаются въ телѣги. На Оренбургско-Ташкентскомъ трактѣ можно встрѣтить и тарантасы, запряженные верблюдами.

По даннымъ 1900 г., количество скота у осѣдлаго населенія во всемъ краѣ достигало болѣе 1.200 тыс. головъ; по областямъ оно распредѣлялось такъ:

	Лошадей.	Рогат. скота.	Овецъ и козъ.	Вербл.	Свиней.	Мул и ословъ.
Акмолинская	112.724	250.529	189.084	—	18 840	—
Семипалатинская . .	62.039	58.818	45.107	151	947	—
Тургайская	7.632	23.377	25.731	108	2.668	2
Уральская (вмѣстѣ съ кочевымъ насел.) .	434.773	410.000	2 508.850	198.405	2.510	34

Общее количество скота у кочевого и осѣдлаго населенія въ краѣ достигало въ этомъ году солидной цыфры въ 11.477.002 головъ; по областямъ распредѣлялось оно такъ:

въ Уральской обл.	3.554.672 гол.
„ Семипалатинской	2.929.134 „
„ Акмолинской	2.888.834 „
„ Тургайской	2.104.357 „

Распредѣленіе скота по областямъ относительно населенія показано на картограммахъ (стр. 243, 245).

Скотоводство въ краѣ, несмотря на то, что поставлено еще крайне шатко, продолжаетъ развиваться; сокращенія если и происходятъ, то лишь относительно количества населенія, которое увеличивается въ краѣ не только естественнымъ путемъ, но болѣе—иммиграціей, а переселившіеся крестьяне не успѣваютъ обзавестись сразу скотомъ. Уменьшеніе скота замѣчается только въ сѣверныхъ уѣздахъ края, гдѣ насчетъ скотоводства развивается земледѣліе; земледѣліе само по себѣ невольно привязываетъ киргиза къ одному мѣсту или заставляетъ сокращать размахъ своихъ кочеваній; у киргизъ сѣверной полосы края кочевки благодаря этому происходятъ теперь не болѣе какъ на 60 верстъ отъ зимовокъ, тогда какъ въ Атбасарскомъ и Иргизскомъ у.у. онѣ достигаютъ 400 вер., что и вынуждаетъ уменьшать число разводимаго скота (особенно овецъ и козъ) и заботиться о заготовкѣ сѣна. Сокращеніе земельнаго простора (съ образованіемъ крестьянскихъ поселковъ) также способствуетъ этому. Подобное явленіе констатируется изслѣдователями и оффиціальными отчетами какъ для Акмолинской, такъ и для Тургайской обл. Но общее количество скота въ этихъ областяхъ, а также и всемъ краѣ несомнѣнно увеличилось; такъ, въ 1891 г. въ Тургайской обл. было около 1.500 тыс. головъ, въ Акмолинской—2.240 тыс., въ Семипалатинской—2.700 тыс., а къ 1900 г. число скота въ первой увеличилось на 600 тыс., во второй—на 400 тыс. и въ Семипалатинской—на 200 тыс. Относительно количества скота, показываемаго киргизами, слѣ-

дуетъ сказать, что оно всегда значительно менѣе дѣйствительнаго числа (приблизительно на одну треть).

Скотоводство у кочевого населенія служитъ, помимо выгодъ отъ продажи, и для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Оно доставляетъ кочевнику главную и единственную лѣтомъ пищу—лошадиное и баранье мясо въ свѣжемъ, вяленомъ и копченомъ видѣ, кумысъ (квашеное молоко кобылицъ), айранъ (квашеное коровье и овечье молоко), сыры—курутъ и еремчикъ и др. продукты. Шкуры овецъ, жеребятъ, козъ идутъ на выдѣлку кожъ для верхняго платья и обуви; овечья и верблюжья шерсть—на приготовленіе кошмы (войлока), армячины, веревокъ, тесьмы, ковровъ и др.; шерсть козы—на приготовленіе шалей и платковъ. Изъ кожи кочевникъ дѣлаетъ себѣ ведра для воды („чилеи“) и мѣшки для кумыса („турсукъ“ и „сабы“). Наконецъ даже топливо („тезекъ“ или „кизякъ“) получаетъ кочевникъ отъ скота (сухіе экскременты), которое особенно цѣнно въ безлѣсныхъ степяхъ. Изъ всего сказаннаго видно, какъ тѣсно связано существованіе инородца съ его скотоводствомъ.

Складъ киязка близъ Уральска.
(*По фот. Вен. П. Семенова*).

Для содержанія кибитки (живущей въ юртѣ семьи) необходимъ опредѣленный минимумъ скота, за которымъ существованіе ея становится уже труднымъ; этотъ минимумъ для различныхъ мѣстъ различенъ (напр., 5 лошадей, 5 коровъ и 20 овецъ для Кокчетавскаго у.). Статистическія изслѣдованія (экспедиціи Щербины) показали что для безбѣднаго существованія средней киргизской семьи нужно не менѣе 24 гол. скота (въ переводѣ на лошадь) въ Кокчетавскомъ у., 16 гол.—въ Актюбинскомъ у.; въ другихъ уѣздахъ число это различно, смотря потому, живетъ-ли семья исключительно скотоводствомъ, или имѣетъ еще подсобное занятіе. „Джетачество“ (обѣдненіе скотомъ) среди киргизъ, за отсутствіемъ необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній, не можетъ быть учтено; несомнѣнно, что оно довольно распространено, хотя и не бросается такъ въ глаза, какъ безлошадность и вообще обѣдненіе скотомъ крестьянъ въ Европейской Россіи; за послѣдніе годы оно мѣстами усиливается, что, напр., замѣтно въ мѣстности, прилегающей къ Иртышу. Количество скота у осѣдлаго населенія колеблется періодически и въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ у киргизъ. Колебанія эти конечно не отзываются такъ сильно на ихъ экономическомъ благосостояніи.

Въ связи со скотоводствомъ въ краѣ существуетъ довольно значительное *сѣнокошеніе*. По даннымъ 1900 г., сборъ сѣна выразился въ слѣдующихъ цыфрахъ:

въ Акмолинской обл. . . .	22.791.846 пуд.
„ Семипалатинской . . .	16.000 000 „
„ Тургайской	25.579 594 „
„ Уральской (1901 г.) . .	2.704.087 „

Но этого количества весьма недостаточно не только для зимняго кормленія скота, но и на случай „джута". Въ сравненіи съ данными за прошлые годы количество собираемаго сѣна растетъ изъ года въ годъ (за исключеніемъ конечно неурожайныхъ лѣтъ, какъ 1891 и 1901 г.) и притомъ болѣе въ сѣверной полосѣ края, нежели въ южной. На случай „джута" въ краѣ устроены общественные склады сѣна. Въ Тургайской обл. такихъ сѣнозапасныхъ складовъ существуетъ четыре (по уѣздамъ), а въ Акмолинской обл.—пять. Хотя имѣющееся въ нихъ количество сѣна соотвѣтствуетъ пока только ничтожной части дѣйствительной потребности въ сѣнѣ втеченіе зимы, но польза ихъ населеніемъ сознана, и нужно думать, что въ ближайшемъ будущемъ обезпеченіе сѣномъ будетъ въ состояніи облегчать перенесеніе бѣдствій (гололедицы и др.).

Кромѣ земледѣлія и скотоводства въ Киргизскомъ краѣ развиты нѣкоторые промыслы, изъ которыхъ отмѣтимъ: рыболовство, огородничество, бахчеводство, табаководство, пчеловодство, звѣроловство и лѣсной промыселъ.

Рыболовство, по суммѣ денежныхъ оборотовъ, занимаетъ въ краѣ весьма видное мѣсто. Средоточіемъ его являются: на востокѣ — р. *Иртышъ* съ оз. *Зайсаномъ*, на западѣ—р. *Уралъ* съ *Каспійскимъ* прибрежьемъ.

Иртышское рыболовство развито главнымъ образомъ у казаковъ Усть-Каменогорскаго и Зайсанскаго уѣздовъ; киргизы и крестьяне занимаются имъ меньше потому, что берега Иртыша находятся, за незначительными исключеніями, во владѣніи казаковъ. По количеству добываемой рыбы первое мѣсто занимаетъ оз. Зайсанъ и устье *Чернаго Иртыша*; эта рыбалка, составляющая одну изъ крупныхъ доходныхъ статей войска, извѣстна подъ именемъ зайсанской (прежде бухтарминская). Для рыболовства здѣсь назначены три періода: 1) съ апрѣля до іюля, 2) съ іюля до ноября и 3) съ ноября до апрѣля. Въ первые два періода съ каждаго рыбака взимается по 5 руб.; зимой (съ ноября до апрѣля)—по 10 руб. съ каждой сѣти и по 1 руб. съ десятка удъ (самоловныхъ и др.). Главнымъ орудіемъ рыболовства служатъ сѣти, затѣмъ идутъ невода, уды, морды и др.; весной въ устьѣ Чернаго Иртыша ставятъ запоры. Наблюдателемъ рыбалки назначается казачій офицеръ; онъ слѣдитъ за исполненіемъ правилъ рыбаками, выдаетъ билеты на право ловли, продаетъ соль (изъ Усть-Каменогорскаго войскового склада) рыбопромышленникамъ, которые съ весны и съ осени приходятъ сюда артелями на карбасахъ. Разрѣшено на озерѣ заниматься рыбалкой и мѣстнымъ киргизамъ.

Находящаяся на стр. 249 таблица рисуетъ состояніе зайсанской рыбалки за 10 лѣтъ съ 1885 по 1894 г.

Въ 1900 г. результаты рыбалки выразились въ слѣдующихъ цыфрахъ: билетовъ на право рыбной ловли выдано на 5.195 руб.; добыто: бѣлой рыбы 41.497 пуд. (въ томъ числѣ нельмы 3.182 пуд., щуки

Годы.	Количество рыбаковъ.	Добыто: Красной рыбы.	Добыто: Бѣлой рыбы.	Икры.	Вязиги.	Жира.	Клея.
			въ пудахъ.				
1885	636	137	17.034	222	?	63	?
1886	495	136	13.822	221	0,17	55	0,22
1887	830	?	30.348	47,5	?	57	?
1888	585	127,5	24.871	8	1	33	1,12
1889	549	233,5	32.073	77	2,25	54,5	3,5
1890	?	177,5	50.843	43	1	34	3
1891	729	314	59.645	60	2,5	60	4
1892	728	336	50.130	31	2,5	41	4,75
1893	794	117,4	45.634	35	9	85	13,5
1894	781	219	40 533	61,5	2	47	3,5
Всего	—	1.797,9	364.933	806	20,42	529,5	33,59

21.310 пуд.), красной рыбы 325 пуд., черной икры 4,5 пуд., щучьей икры 225 пуд., жира 311 пуд.

Кромѣ Зайсана рыбалка существуетъ у всего прииртышскаго населенія, какъ русскаго, такъ и киргизскаго. Въ 1900 г. казачьимъ населеніемъ Семипалатинской области было наловлено 21.075 пуд. бѣлой рыбы на сумму 19.623 руб. и 1.025 пуд. красной на 3.996 руб. (послѣдняя ловится исключительно въ Иртышѣ). Жителями городовъ, расположенныхъ по Иртышу (кромѣ Омска), было поймано: бѣлой рыбы 13.120 п. на сумму 17.380 руб., красной 1.140 пуд. на 2.450 руб.; крестьянами: 15.815 пуд. бѣлой на 10.607 руб. и 32 пуд. красной на 204 руб. Киргизами въ Семипалатинской области поймано 13.315 пуд. бѣлой на 8.000 руб. и 6 пуд. красной на 33 руб. [1]). Всего въ Семипалатинской области (считая и Зайсанъ) въ 1900 году занималось рыбалкой до 7 тысячъ чел.; добыто было бѣлой рыбы 104.822 пуд. и красной 2.528 пуд., всего на сумму около 110 тыс. руб.

---

[1]) Зимующіе на р. Чу и по берегамъ оз. Балхаша киргизы ловятъ въ нихъ какъ для себя, такъ и на продажу значительное число рыбы: сазана (до 2 тыс. пуд.), сома (до 400 пуд.), щуки (до 800 п.), судака (до 800 п.), маринки (до 400 п.), жереха (до 800 п.). Крестьяне и казаки Усть-Каменогорскаго у. ловятъ много харіусовъ, ускучей и тайменей въ оз. *Марка Кулъ*.

Въ Акмолинской обл. наиболѣе добывается рыбы въ Кокчетавскомъ у. (на озерахъ *Чалкарѣ*, *Акши-Янгизтавѣ*, *Имантавѣ*, *Щучьемъ*, *Чебачьемъ* и во многихъ другихъ); здѣсь ловится исключительно бѣлая рыба (щука, окунь, язь и др.), въ среднемъ отъ 10 до 14 тыс. пуд. въ годъ. Затѣмъ идетъ Петропавловскій у., гдѣ добывается до 12 тыс. пуд., Омскій—до 8 тыс. (въ томъ числѣ до 400 п. красной); въ Атбасарскомъ и Акмолинскомъ у.у. рыбалкой занимаются преимущественно киргизы (въ *Ишимѣ*, *Нурѣ*, *Курагальджинѣ*, *Чу* и др.). Общій уловъ рыбы въ Акмолинской области можно оцѣнить въ среднемъ въ 90 тыс. руб. За послѣдніе годы ловъ рыбы въ обѣихъ областяхъ значительно упалъ, что объясняется хищническимъ способомъ ловли рыбъ; масса рыбы вылавливается, напр., во время нереста; отъ этихъ недостатковъ не свободна и зайсанская рыбалка, несмотря на то, что для казачьяго войска она представляетъ видную доходную статью и должна бы требовать къ себѣ особеннаго вниманія войскового начальства.

Въ Тургайской обл. рыбныя богатства довольно значительны; но отсутствіе осѣдлаго населенія и неблагопріятныя мѣстныя условія мѣшаютъ развиться этому промыслу. Занимаются рыболовствомъ главнымъ образомъ пришлые рыбаки—уральскіе, оренбургскіе и сибирскіе казаки и крестьяне, откупающіе за ничтожную плату у киргизъ рыбныя озера и побережье Аральскаго моря. Бѣлую рыбу ловятъ преимущественно по степнымъ озерамъ (*Чубалакъ* и др.); на побережьѣ *Аральскаго* моря ловятъ красную и бѣлую рыбу; ловится болѣе всего шипъ (изъ рода осетровыхъ). Въ будущемъ ловъ рыбы на берегахъ Аральскаго моря несомнѣнно пріобрѣтетъ большое промысловое значеніе, такъ какъ уже и теперь степныя ярмарки предъявляютъ большой спросъ на рыбу во всѣхъ ея видахъ.

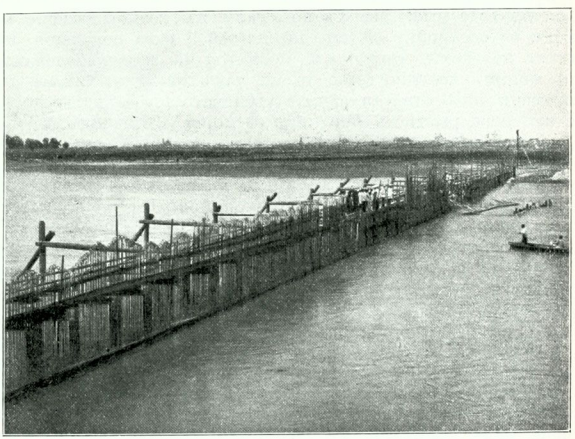
Значительно бо̀льшіе размѣры имѣетъ уральское рыболовство. Въ виду того, что оно во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ большой интересъ (масса добываемой рыбы, своеобразные способы ловли, организація труда и т. п.), мы остановимся на немъ болѣе подробно.

Уральское рыболовство представляетъ собою самый исконный промыселъ уральскихъ казаковъ. Въ прежнее время, вплоть до 30-хъ годовъ XIX столѣтія, этотъ промыселъ въ сущности былъ единственнымъ промысломъ, дававшимъ средства къ жизни и къ отбываню лежащей на казачьемъ населеніи государственной повинности. Несмотря на развитіе за послѣднее время въ войскѣ хлѣбопашества, занимающаго уже болѣе $^1/_2$ общаго количества хозяйствъ, рыболовство и доселѣ не уступаетъ, какъ по количеству занятыхъ этимъ промысломъ хозяйствъ, такъ и по общей доходности, хлѣбопашеству: имъ преимущественно заняты болѣе $^2/_5$ общаго количества казачьихъ хозяйствъ, да кромѣ того и для всего почти населенія, занимающагося главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, рыболовство (зимнее и осеннее) представляетъ довольно солидное подспорье.

Начало рыболовства уральскихъ казаковъ относится къ началу заселенія ими р. Урала, тогда Яика, и систематическое занятіе этимъ промысломъ совпадало, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ ослабленіемъ, а можетъ быть и съ прекращеніемъ среди яицкаго казачества „воровскихъ“ промысловъ и съ переходомъ къ болѣе спокойной экономической дѣятельности. Переходъ здѣшняго населенія къ мирнымъ промысламъ

повидимому былъ связанъ съ подданствомъ яицкаго войска московскому великому государю, что ознаменовано стариннымъ обычаемъ ежегоднаго „презента“ къ Высочайшему двору рыбы и икры.

Экономическое значеніе рыболовнаго промысла для мѣстнаго населенія отразилось положительно на всѣхъ болѣе или менѣе серьезныхъ сторонахъ жизни уральской общины, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно уже является такъ называемымъ пережиткомъ; самое существованіе такого пережитка указываетъ на всепоглощающую роль этого промысла въ прежнее время. Такъ, участіе или неучастіе въ рыболовствѣ обусловливало и до сихъ поръ обусловливаетъ степень тяжести налагаемой на каждаго отдѣльнаго казака денежной повинности; съ производствомъ нѣкоторыхъ изъ рыболовствъ было связано образованіе пенсіоннаго капитала для казачьихъ офицеровъ и чиновниковъ; для рыболовства войско несло такія большія жертвы, какъ устройство и содержаніе на свой счетъ трехъ крѣпостей съ гарнизономъ изъ казаковъ-же, какъ ежегодная плата за откупъ гурьевскихъ „учуговъ“, дорого стоющая организація надзора за правильностью рыболовства и за недопущеніемъ тайнаго лова, наконецъ всѣмъ бросающееся въ глаза обреченіе цѣлой рѣки исключительно для рыболовства съ полнымъ запретомъ судоходства по ней въ районѣ производства рыболовства. Что касается исторіи этого стариннаго промысла, то въ этомъ отношеніи можно указать на слѣдующіе главнѣйшіе факты. До 1743 года главныя устья Урала были втеченіе почти 150 лѣтъ загорожены сплошь „учугомъ“ [1]), и ловъ рыбы при немъ отдавался отъ казны на откупъ за довольно изрядную сумму. Вслѣдствіе значительнаго количества большихъ побочныхъ рукавовъ Урала, особенно съ западной



Учугъ на р. Уралѣ подъ Уральскомъ.

[1]) Особой рѣшеткой изъ вбитыхъ въ дно рѣки свай и кольевъ для задерживанія около нея идущей вверхъ по рѣкѣ рыбы.

стороны (*Баксай*, *Нарынка*, *Черная* и др.), въ первое время казаки очевидно не чувствовали особаго недостатка въ уловахъ рыбы: ея ловилось очень много и выше теперешняго г. Уральска при прежнемъ Яицкомъ городкѣ, который находился близъ ст. *Кирсановской*. Но съ развитіемъ въ устьяхъ Урала рыболовства, съ обмелѣніемъ нѣкоторыхъ его рукавовъ, а также въ связи съ увеличеніемъ народонаселенія въ войскѣ, недостатокъ въ уловахъ началъ чувствоваться, и казаки стали прилагать всѣ мѣры къ тому, чтобы забрать въ свои руки устья Урала. Этому много способствовалъ бывшій въ половинѣ XVIII столѣтія оренбургскій губернаторъ Неплюевъ, сдѣлавшій для казаковъ вообще очень много полезнаго. По просьбѣ казаковъ, благодаря его основательнымъ доводамъ въ пользу ихъ и вліятельному заступничеству, сначала (въ 1743 году) заставили откупщиковъ отворить по 8 саж. съ каждой стороны казенный „учугъ“ для прохода рыбы вверхъ по Уралу въ вознагражденіе яицкихъ казаковъ за постройку двухъ крѣпостей [1]) и за поселеніе въ г. Гурьевѣ сотни казаковъ. Впрочемъ, несмотря на это, рыболовамъ-казакамъ по прежнему очевидно было тѣсно, такъ какъ къ этому приблизительно времени надо отнести начало узенскаго рыболовства по р.р. *Узенямъ*, а также лова рыбы въ *Куржайскомъ* морскомъ заливѣ.

Въ 1752 г., благодаря настояніямъ со стороны того-же Неплюева, гурьевскіе „учуги“ отошли къ войску по контракту въ безпереоброчное откупное содержаніе за ежегодную плату въ 5½ тыс. руб. Въ 1770 году и г. Гурьевъ, ранѣе того не находившійся въ вѣдѣніи казаковъ, отошелъ къ яицкому войску. Вслѣдъ за отдачею въ откупное содержаніе гурьевскихъ учуговъ войско получило отъ казны также въ откупъ право собирать $^1/_{10}$ стоимости вывозимой изъ войска соленой рыбы въ пользу войска за 5 тыс. руб., что значительно способствовало развитію самаго промысла.

Всѣ рыболовства уральскихъ казаковъ въ ихъ цѣломъ образовали съ тѣхъ поръ совершенно самостоятельное „рыбное хозяйство“, отдѣльныя части котораго и всѣ правила, по возможности, были согласованы между собою и такимъ образомъ представляли нѣчто единое: „рыбная ловля нигдѣ въ Россіи столь хорошо не распоряжена и законами не ограничена, какъ въ здѣшнемъ мѣстѣ“ [2]),—писалъ Палласъ въ 1762 г. Это мнѣніе Палласа о порядкахъ рыболовства у уральскихъ казаковъ въ XVIII столѣтіи съ извѣстной точки зрѣнія можно повторить и по отношенію къ настоящему времени. Разсмотримъ сначала самые виды рыболовствъ въ водахъ уральскаго казачьяго войска.

Всѣ уральскія рыболовства можно раздѣлить слѣдующимъ образомъ:

А. Главныя рыболовства. I. *Морскія* (въ Каспійскомъ морѣ): 1. Весенній курхай („курхай“). 2. Осенній курхай („жаркдѣ“). 3. Ханное (зимнее). II. *Рѣчныя* (въ Уралѣ): 1. Севрюжья плавня или плавня весенняя („севрюги“). 2. Осенняя плавня („плавня“). 3. Багренье („зимнее“). 4. Зимнее неводное гурьевское („зимніе невода“).

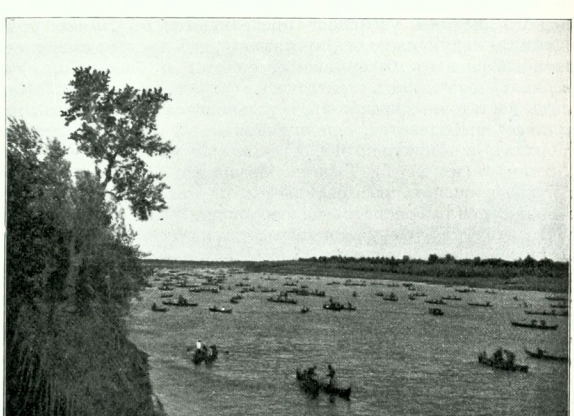
---

[1]) Именно Калмыкова и Кулагина, съ содержаніемъ въ каждой изъ нихъ по 500 чел. команды, устроенныхъ съ цѣлью недопущенія переправъ изъ-за Урала киргизъ-кайсаковъ и за Уралъ—калмыковъ.

[2]) Палласъ. Путешествія, т. I, изд. 2-е, стр. 422.

Б. Второстепенныя рыболовства: I Производящіяся подъ наблюденіемъ атамановъ рыболовствъ: 1. Узенское (осеннее и зимнее). 2. Чорхальское (зимнее и осеннее). II. Свободныя рыболовства (безъ атамановъ). 1. Ловъ по старицамъ во время весенней плавни и вообще весенній ловъ въ „черныхъ“ водахъ (неводами и сѣтями). 2. Зимній ловъ въ „запорныхъ“ старицахъ (неводами). 3. Вольный ловъ (зимою) по „чернымъ“ водамъ незапертымъ (неводами). 4. Ловъ сижами и рѣжаками по Уралу (зимою). 5. Багорчиковое рыболовство (зимою съ Каленовскаго форпоста внизъ по Уралу).

Ко всѣмъ этимъ рыболовствамъ надо прибавить рыболовство круглый годъ въ черныхъ водахъ удочкою, бреднями, сѣтьми, мордами, крыленами и неводами, рыболовство блесною въ Уралѣ (одновременно съ багорчиковымъ рыболовствомъ), ловъ котцами въ Уралѣ, въ черныхъ водахъ выше г. Уральска и въ илецкихъ дачахъ, ловъ крючковою (шашковою) снастью у илецкихъ казаковъ и наконецъ ловъ въ „особыхъ случаяхъ“ водолазами у учуга подъ г. Уральскомъ.



Осенняя плавня. На „ятови“ послѣ „жару“.

Уже въ этой схемѣ уральскихъ рыболовствъ бросается въ глаза большое сравнительно число и значеніе среди рыболовствъ *зимнихъ* и *осенних*ъ, тогда какъ въ сосѣдней Волгѣ и другихъ рѣкахъ преобладаетъ ловъ весенній. Это характерное отличіе уральскихъ рыболовствъ представляетъ собою несомнѣнный результатъ особенностей способовъ пользованія въ уральскомъ войскѣ рыболовными водами, при которомъ предоставилась возможность оставлять рыбу въ рѣкѣ, какъ въ садкѣ, на зиму въ ожиданіи повышенія цѣнъ на рыбные продукты. Что касается времени производства всѣхъ перечисленныхъ рыболовствъ, то надо сказать, что многія изъ нихъ производятся одновременно, и въ нихъ одни и тѣ же лица участвовать не могутъ. Послѣдовательность ихъ видна изъ слѣдующаго. Тотчасъ по вскрытіи Урала и моря начинаются *весеннія* рыболовства: *севрюжье*, *курхайское* и одновременный съ этими двумя главными весен-

ними рыболовствами *весенній* ловъ по всему Уралу и въ *черныхъ водахъ*— старицахъ и рѣчкахъ. Съ начала іюня всякій ловъ въ Уралѣ (ниже „учуга“ близъ г. Уральска) и въ морѣ совершенно прекращается и не производится вплоть до половины августа подъ страхомъ уголовнаго преслѣдованія въ случаѣ нарушенія запрещенія; съ этого времени разрѣшается осенній курхайскій ловъ, или *„жаркде“* рыболовство, продолжающееся до окончанія плавеннаго рыболовства по р. Уралу. Мѣсяцемъ позже сравнительно съ началомъ „жаркdго“ рыболовства начинается *„осенняя плавня“* по р. Уралу, которая оканчивается одновременно съ „жаркімъ“ и представляетъ собою, несмотря на различное время его начала, рыболовство, совпадающее съ *„осеннимъ курхаемъ“*. Вмѣстѣ съ этими рыболовствами производится и *„осеннее узенское“*. Вслѣдъ за покрытіемъ рѣкъ льдомъ „осеннее узенское“ превращается въ *„зимнее узенское“* (волокушами по льду); на всемъ протяженіи, гдѣ производилась осенняя плавня, начинается ловъ багорчиками, сижами и блеснами, начинается *„тяга черныхъ водъ“*, какъ запертыхъ, такъ и открытыхъ. Когда на Уралѣ ледъ достаточно окрѣпнетъ, и установится санный путь, начинается *„багренное“* рыболовство, одновременное съ нимъ *„чорхальское“* (на озерѣ Чорхалѣ), а нѣсколько позднѣе *„зимнее неводное“* (въ устьяхъ Урала) и *„аханное“* (въ морѣ). Такимъ образомъ и зимою масса рыболововъ, какъ весною и осенью, распредѣляется по отдѣльнымъ, одновременно производящимися рыболовствамъ: узенскому, багренному, багорчиковому, зимнему лову въ черныхъ водахъ, чорхальскому, неводному и аханному. Продолженіемъ багренья служитъ ловъ *рѣжаками, сѣтьми, сижами*, а подъ конецъ и неводами по разбагреннымъ мѣстамъ. Рѣжаковое рыболовство начинается 5 дней спустя послѣ конца багренья и продолжается 25 дней; послѣ того втеченіе 5 дней рыбачатъ неводами, а затѣмъ еще съ полмѣсяца только сижами и блеснами. Обыкновенно къ 15 марта Уралъ на всемъ пространствѣ, гдѣ производилось багренье, бываетъ свободенъ отъ рыболововъ; въ мѣстахъ же производства осенней плавни (нижнее теченіе его) рыболовство прекращается недѣлей раньше этого срока. Затѣмъ, какъ только вскроется на рѣкѣ ледъ, вновь начинается весеннее рыболовство и т. д.

Чтобы подобное распредѣленіе всѣхъ рыболовствъ по времени было вполнѣ понятно и чтобы можно было судить объ его цѣлесообразности, необходимо сказать нѣсколько словъ во-первыхъ объ *охранѣ войсковыхъ видъ* отъ незаконнаго и несвоевременаго лова и во-вторыхъ объ *„учугѣ“*. Мы уже упоминали выше (стр. 252) объ уничтоженіи казеннаго „учуга“ подъ Гурьевомъ [1]). Послѣ этого казаки оставили учугъ лишь подъ г. Уральскомъ (Яицкимъ городкомъ), верстъ

[1]) Изъ доклада Неплюева 1748 г. видно, что помимо казеннаго учуга подъ Гурьевомъ у яицкихъ казаковъ издавна и до уничтоженія гурьевскихъ казенныхъ учуговъ былъ свой казачій учугъ противъ ихъ городка для задержанія рыбы, входившей изъ моря въ Уралъ рукавами помимо Гурьева и казеннаго учуга. О томъ же существованіи казачьяго учуга въ среднемъ теченіи р. Урала свидѣтельствуетъ челобитная яицкихъ казаковъ 7 декабря 1720 г. (Уральскія Войск. Вѣд., 1869 г., № 33) и сохранившійся въ уральскомъ войсковомъ архивѣ указъ изъ канцеляріи оренбургской комиссіи на имя войскового атамана Андрея Бородина 26 марта 1742 г. (Хронол. Указ., № 23, л. 1), въ которомъ между прочимъ говорится: „велѣно по доношенію вашему учужнаго и на хоромное строеніе лѣсу вырубить до 10.000 деревъ“...

за 600 отъ устьевъ р. Урала, а въ этихъ послѣднихъ, такъ же какъ и въ морскомъ участкѣ водъ, организовали надзоръ за недопускомъ рыболовствъ въ неположенное время, когда рыба должна итти на зимнія „ятови“ (глубокія мѣста), а также за устраненіемъ облововъ со стороны невойсковыхъ рыбопромышленниковъ (астраханцевъ); вмѣстѣ съ тѣмъ и на всемъ протяженіи р. Урала отъ устья до учуга принимались самыя строгія мѣры къ возможному спокойствію втеченіе всего лѣта, чтобы рыба (исключительно красная) совершенно свободно размѣщалась по „ятовнымъ“ мѣстамъ: учугъ-же, или временная забойка, устанавливаемая въ началѣ лѣта и разбираемая зимой и весной, устроенъ для того, чтобы рыба не могла уйти изъ предѣловъ яицкой общины.

Общій планъ этого рыбнаго хозяйства, установленіе котораго въ главныхъ его чертахъ относится къ половинѣ XVIII столѣтія, остался и донынѣ неизмѣннымъ; кое - какія происшедшія съ тѣхъ поръ измѣненія коснулись главнымъ образомъ лишь охраны войсковыхъ, въ особенности морскихъ, водъ [1]).

Весеннее севрюжье рыболовство на р. Уралѣ передъ г. Гурьевомъ.

Изъ *морскихъ* рыбо-

[1]) Въ прежнее время этотъ надзоръ ограничивался нарядомъ сотни казаковъ на взморье съ офицеромъ во главѣ; впослѣдствіи были сооружены „маячныя суда“, т. е. стоевыя лодки, расположенныя по границамъ морскихъ войсковыхъ водъ, на которыхъ и размѣщался надзоръ изъ казаковъ такъ называемой „охранной команды“. Наконецъ въ 1880-хъ годахъ вся охрана была организована на новыхъ началахъ въ томъ отношеніи, что маячныя суда замѣнены однимъ паровымъ судномъ, которое съ тѣхъ поръ и охраняетъ съ большимъ успѣхомъ уральскія морскія воды отъ вторженія обловщиковъ. Кромѣ этого быстроходнаго судна имѣется паровая лодка для прибрежій и значительное количество мелкихъ лодокъ—гребныхъ и парусныхъ съ командою около 100 человѣкъ, въ томъ числѣ до 30 чел. избираемыхъ обществами „старшковъ-депутатовъ“. Во главѣ охраны стоитъ старшій смотритель войсковыхъ водъ съ тремя помощниками. Команда размѣщается на постахъ по берегу моря и на островахъ, а также и на самыхъ устьяхъ р. Урала. На войсковую охрану уральское войско тратитъ болѣе 30 тыс. руб. Надзоръ за неприкосновенностью собственно р. Урала на всемъ его протяженіи отъ недозволеннаго лова лежитъ на атаманахъ станицъ подъ наблюденіемъ атамановъ отдѣловъ.

ловствъ наиболѣе важнымъ по значенію для населенія надо считать *весенній* и *осенній курхаи*. Первое рыболовство производится въ морскомъ участкѣ войсковыхъ водъ по обѣ стороны отъ устьевъ Урала съ начала навигаціи до двадцатыхъ чиселъ мая. Орудіе лова составляютъ здѣсь ставныя морскія сѣти то на кольяхъ, то на „чипчикахъ“ [1]). За послѣднія 20 лѣтъ, кромѣ обыкновенной „курхайской“ сѣти, предназначенной преимущественно для лова севрюги, начали употреблять нѣсколько родовъ ставныхъ сѣтей для черной рыбы: „судачья“ сѣть—для судака, затѣмъ для леща особо и для мелкой рыбы (воблы и сельди) особо. Кромѣ того спеціально для ловли бѣлуги ранней весной ставятъ „аханы“ [2]).

Число участвующихъ въ весеннемъ курхаѣ рыболововъ, по даннымъ 1900 г., выражается 1.464 чел.; въ дѣлѣ бываетъ 601 лодка и 58.115 сѣтей.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ *осенній курхай*, или *„жаркôе“* [3]) рыболовство, которое производится обыкновенно съ 17 августа и продолжается въ настоящее время до окончанія осенней плавни. Число участвующихъ въ немъ рыболововъ выражается 2.140 чел. при 792 лодкахъ и 42.610 сѣтяхъ.

Третье морское рыболовство—*аханное* производится зимою подо льдомъ особаго рода сѣтями—„аханами“, которыми преимущественно ловятъ бѣлугу. Кромѣ аханова на немъ употребляются такъ называемые „полуаханы“, предназначаемые для лова осетровъ, и „бѣлорыбичныя“ сѣти—для бѣлорыбицы. На этомъ рыболовствѣ, по тому же направленію, какъ и на курхаѣ, проводятся бакенныя линіи въ обѣ стороны отъ устьевъ Урала, и желающіе участвовать въ рыболовствѣ получаютъ мѣсто по жребію. Но бакенная линія здѣсь далеко не имѣетъ того значенія, какое она имѣетъ на курхайскихъ рыболовствахъ, такъ какъ зимою по бакену вообще рыбачитъ очень мало народу, большинство же рыбачитъ въ вольныхъ водахъ.

По характеру лова, а главное по стоимости сборки аханное рыболовство можно разбить на два вида: 1) ловъ въ черняхъ (до 2 и $2^1/_2$-саженной глубины) преимущественно бѣлорыбицы и отчасти бѣлуги и 2) ловъ на глуби — преимущественно осетра и севрюги, а также и бѣлуги.

Въ первомъ употребляются „бѣлорыбичныя“ сѣти и аханы; основано оно на подходѣ въ зимнее время бѣлорыбицы къ чернямъ и на путешествіи бѣлуги подо льдомъ за воблой; участвуютъ въ немъ глав-

---

[1]) Маленькіе колышки, которые, будучи привязаны къ нижней подворѣ сѣтей, вбиваются въ морское дно и такимъ образомъ удерживаютъ сѣти на одномъ мѣстѣ.

[2]) По мѣсту производства рыболовства курхай раздѣляется на: 1) правую (на западъ отъ устьевъ р. Урала) бакенную линію, начиная съ *Тукайской* косы черезъ *Бибинскую* косу на ю.ю.з.; 2) лѣвую (на востокъ отъ устьевъ) бакенную линію, начиная съ мѣста въ трехъ верстахъ восточнѣе морского „рынка“ (обрыва) *Гогольскаго* острова прямо на ю.; 3) правую прибрежную линію, 300 саж. отступя отъ *Ракушечьяго* „рынка“ на Тукайскую косу; 4) лѣвую прибрежную линію, начиная съ *Отяковской* косы мимо *Большого Мокраго* острова на в. по направленію къ Гоголькому острову, и 5) вольныя воды, каковыми считается все пространство войсковыхъ морскихъ водъ внѣ участка, ограниченнаго бакенными линіями передъ устьями р. Урала.

[3]) Названіе происходитъ очевидно отъ жаркаго времени, въ которое оно начинается.

нымъ образомъ мелкіе рыболовы, собирающіе отъ 1 до 5 лошадей. Сборка обходится значительно дешевле, чѣмъ „на глубь“, такъ какъ не требуетъ особенно хорошихъ лошадей и „сбруи“, большого запаса фуража и т. п. Во второмъ употребляются исключительно полуаханы и аханы; основано оно на разыскиваніи морскихъ „ятовей“ осетра и другой красной рыбы. Участвуютъ въ немъ преимущественно крупные рыболовы съ большимъ количествомъ рыболовныхъ припасовъ, съ особенно хорошими лошадьми и всей „сбруей“, т. е. снаряженіемъ.

Сборка обходится очень дорого, такъ какъ помимо хорошей лошади и „сбруи“ требуется дѣлать большой запасъ хлѣба и фуража, потому что приходится заѣзжать за 70—80 и болѣе верстъ отъ берега. Здѣсь то вотъ подъ конецъ рыболовства отважные рыболовы зачастую и подвергаются тѣмъ опасностямъ и бѣдствіямъ, которыя такъ рельефно и художественно описаны бытописателемъ уральцевъ І. И. Желѣзновымъ въ его „Картинахъ ханнаго рыболовства“[1]). Опасности эти заключаются въ томъ, что подъ конецъ зимы отъ теплыхъ вѣтровъ ледъ портится, и громадныя льдины, отрываясь отъ сплошной массы льда, уносятся вмѣстѣ съ людьми, лошадьми и рыболовными припасами въ открытое море. Тамъ льдины постепенно таютъ; когда онѣ становятся малонадежными, аханщики снимаютъ съ лошадей шкуры и, надувая ихъ, сооружаютъ оригинальные спасательные снаряды—„бурдюки“, на которыхъ и устраиваютъ небольшіе плоты изъ камыша. Но, избавляясь такимъ путемъ отъ вѣрной гибели въ морской пучинѣ, аханщики съ одинаковой вѣроятностью могутъ погибнуть въ этихъ случаяхъ отъ голода, если на нихъ не наткнется какое-либо астраханское судно. Это называется „быть въ относѣ“.

На бурдюкахъ по морю.

Съ 1880-хъ годовъ на ханномъ рыболовствѣ кромѣ крупной рыбы—бѣлуги и осетра—стали вылавливать громадное количество мелкой крас-

[1]) См. его „Уральцы“, т. I, посмертное изд. 1888 г.

ной рыбы (третій сортъ), что̀ вызвало изданіе закона 2 мая 1895 г., ограничившаго аханный ловъ двухсаженной глубиной, почему прежнее значеніе его совершенно упало. Число участниковъ сократилось съ нѣсколькихъ тысячъ до 458 (1900 г.), число сѣтей вмѣсто сотенъ тысячъ достигаетъ нынѣ лишь 24 тыс. и заловъ рыбы вмѣсто 100 тыс. пуд. (преимущественно красной) доходитъ всего до нѣсколько тысячъ пудовъ; зато сильно увеличился входъ той же рыбы въ рѣки—Волгу и Уралъ.

Морскія рыболовства, увеличивая значительно общій уловъ рыбы войсковыми лицами, съ другой стороны вліяютъ на уменьшеніе заловъ въ рѣкѣ: курхайскія рыболовства, какъ весеннее, такъ и осеннее, дѣлаютъ это непосредственно, перехватывая порядками своихъ сѣтей часть рыбы, идущей въ устья Урала; аханное рыболовство при настоящемъ порядкѣ и способѣ лова должно вліять на уменьшеніе количества какъ входящей въ Уралъ красной рыбы, такъ и вообще всего запаса ея въ Каспійскомъ морѣ путемъ вылова мелкой красной рыбы.

Переходя къ *рѣчнымъ* рыболовствамъ, остановимся прежде всего на *весенней* севрюжьей плавнѣ. Севрюжья плавня производится въ нижнемъ теченіи р. Урала со вскрытія его до 25 мая, плавными севрюжьими сѣтями, причемъ на каждую работающую сѣть полагается 1 бударa [1]) съ двумя рыболовами. При ловѣ неводомъ необходима одна бударa съ 3—4 рыбаками. Число участниковъ—1.818 чел., сѣтей въ дѣлѣ 847. Это рыболовство, прежде державшееся только ловлей севрюги, теперь поддерживается ловомъ воблы, которую ранѣе не утилизировали совсѣмъ.

Безспорно первенствующее среди всѣхъ войсковыхъ рыболовствъ значеніе имѣетъ въ настоящее время *осеннее* плавенное рыболовство. Рыболовство это такъ же старо, какъ и севрюжья плавня, но характеръ его за послѣднее время сильно измѣнился: тогда какъ въ севрюжьемъ рыболовствѣ теперь, какъ и прежде, главное значеніе все еще имѣетъ ловъ красной рыбы, осенняя плавня заняла въ послѣднее время первенствующее мѣсто среди рѣчныхъ рыболовствъ исключительно благодаря значительно развившемуся на ней лову черной рыбы. Въ отличіе отъ севрюжьей плавни, въ которой ловъ основанъ на входѣ рыбы въ рѣку и поднятіи ея вверхъ по рѣкѣ для метанія икры,—здѣсь рыбу ловятъ на *ятовяхъ* [2]), гдѣ она стоитъ на мѣстѣ, и ее приходится разыскивать. Поэтому здѣсь имѣютъ громадное значеніе „рубежи“ и начало лова „по удару“: кто раньше поспѣетъ на ятовь, тотъ и будетъ съ рыбой. Въ этихъ-то видахъ здѣсь нанимаютъ въ весельщики самыхъ сильныхъ казаковъ, давая имъ по 50—70 руб. на какихъ-либо мѣсяца $1^1/_2$, или же нанимаютъ на одну будару двухъ весельщиковъ („двойчатки“). Рабочіе изъ „иногородныхъ“ здѣсь допускаются только въ видѣ исключенія, въ случаѣ, если казакъ заболѣетъ и не кѣмъ его замѣнить.

Осенняя плавня есть одно изъ самыхъ трудныхъ рыболовствъ; она уноситъ немало здоровья у казаковъ. Производится это рыболов-

---

[1]) Оригинальная рѣчная лодка, выдѣлываемая обыкновенно изъ цѣльнаго дерева, узкая, легкая и очень быстрая на ходу.

[2]) Слово „ятовь“ происходитъ отъ татарскаго „ятты“ (киргизскаго „джатты“), что̀ означаетъ „легъ“. Ятовями казаки называютъ глубокія мѣста, гдѣ рыба располагается на зиму („Перевозная ятовь“, „Кабанская ятовь“ и т. п.).

ство со второй половины сентября до покрытія рѣки около Гурьева льдомъ, что бываетъ въ концѣ октября и въ началѣ ноября; на пространствѣ между *Каленовскимъ* поселкомъ (въ 195 верстахъ ниже Уральска) и Гурьевомъ орудіемъ лова служатъ „ярыга“ [1]), и неводъ. Число участниковъ выражается 10.250 чел. (1900 г.). при 3.400 бударахъ и 2.500 сѣтяхъ и неводахъ. За плавеннымъ войскомъ идетъ 12.500 подводъ обоза съ кладью и подъ рыбу, считая по 30 пуд. на каждую; такимъ образомъ провозоспособность ихъ выражается 375.000 пуд. рыбы, которую везутъ изъ-подъ Гурьева въ Уральскъ на 500 верстъ „гужомъ“.

Среди участниковъ плавни надо различать по способу сбыта наловленной рыбы нѣсколько категорій рыболововъ. Наиболѣе значительная часть всего плавеннаго войска—„ярыжники“ [2]) изъ многолюдныхъ станицъ *Кругло-Озерной*, *Чаганской*, *Скворкинской*, *Бударинской* и *Кожехаровской*. Всѣ они обыкновенно имѣютъ не менѣе какъ по 3 подводы, на которыхъ обязательно везутъ по окончаніи рыболовства часть залова съ послѣднихъ рубежей, причемъ и распродаютъ рыбу во время дневокъ по селеніямъ. Купленная торговцами рыба немедленно въ свою очередь отправляется въ Уральскъ на подводахъ, въ которыхъ недостатка никогда не бываетъ, такъ какъ за войскомъ движется частью съ товаромъ и провіантомъ, частью порожнякомъ, масса извозчиковъ изъ крестьянъ, пріѣзжающихъ сюда исключительно для заработковъ извозомъ, а отчасти и за рыбой. На свои же собственныя подводы рыболовы обыкновенно налавливаютъ подъ конецъ рыболовства на „Гурьевской“ ятови, дающей всегда громадное количество черной рыбы.

Осенняя плавня. Способъ перевозки буларъ.

Другая категорія рыболововъ — неводчики изъ верховыхъ же станицъ („чернорыбцы“)—отличается отъ первой категоріи только орудіемъ

[1]) Ярыга—особый видъ сѣтяного мѣшка, который тянутъ по дну съ двухъ буларъ.

[2]) Отъ слова „ярыга“—сѣть.

лова (неводъ) и большимъ количествомъ подводъ. Эти обращаютъ главное вниманіе на то, чтобы наложить рыбы на всѣ подводы и, въ случаяхъ плохихъ залововъ, разсчитываютъ выручить хоть извозомъ.

Третья категорія рыболововъ плавеннаго войска — неводчики изъ низовыхъ станицъ обыкновенно совсѣмъ не имѣютъ подводъ для рыбы: даже ихъ будару съ неводомъ перевозитъ наёмный киргизъ-работникъ на верблюдѣ. Рыболовы этой категоріи или всю рыбу продаютъ на базарѣ въ деревни, или, если вздумаютъ почему-либо остановиться и рыбачить на мѣстѣ, пускаютъ ее въ садки до заморозковъ. Къ концу плавни за этой рыбой купцы пріѣзжаютъ сами и покупаютъ на мѣстахъ.

Такъ какъ главная масса плавенной рыбы отправляется въ Уральскъ, то, какъ сказано, за войскомъ обыкновенно движется цѣлая вереница извозчиковъ какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ казаковъ, такъ что и безъ того людная осенняя плавня дѣлается еще людиѣе и дѣйствительно можетъ поразить всякаго новаго человѣка массою всевозможнаго люда, который движется изъ селенія въ селеніе по всей линіи отъ Уральска до Гурьева.

Подводъ въ обозахъ однихъ промышленниковъ настолько много, что о мѣстахъ, гдѣ идти, — о „дорогахъ“ приходится еще верстъ за 50 до мѣста начала рыболовства трясти жребій; движется это „войско“ въ пять и въ шесть „дорогъ“, или параллельныхъ линій подводъ. Благодаря такому наплыву люда (отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ) вся Низовая линія оживаетъ; для всѣхъ мѣстныхъ жителей, скучающихъ въ своихъ глухихъ селеніяхъ, это по истинѣ общій праздникъ, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ мѣстахъ дневокъ открывается немедленно по приходѣ войска базаръ со всевозможными товарами, начиная отъ хлѣба до краснаго товара и мѣховъ включительно. Помимо того, что все теченіе жизни мѣстныхъ обывателей захватывается всецѣло здѣсь рыболовствомъ, оно подчиняетъ себѣ и дѣятельность мѣстной администраціи, которая въ лицѣ станичныхъ и поселковыхъ атамановъ сопровождаетъ плавенное войско по пути его слѣдованія и обязана оказывать всякое содѣйствіе къ его благополучію. Тѣмъ же громаднымъ значеніемъ для войска осенней плавни объясняется и то, что кромѣ плавеннаго атамана при войскѣ во все время находится врачъ для поданія помощи заболѣвшимъ и для выдачи свидѣтельствъ тѣмъ изъ нихъ, которые не въ состояніи продолжать рыболовства: такое свидѣтельство служитъ основаніемъ къ освобожденію отъ несенія въ данный годъ части существующихъ въ войскѣ денежныхъ повинностей. Наконецъ, для устраненія на пути плавеннаго войска сильныхъ конокрадствъ со стороны киргизъ, къ плавенному атаману высылаются волостные старшины отъ киргизъ смежныхъ волостей Зауральской и Внутренней ордъ.

Багренье представляетъ самое оригинальное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое популярное изъ всѣхъ войсковыхъ рыболовствъ. Благодаря своей оригинальности оно, кажется, всего болѣе извѣстно читающей публикѣ, такъ какъ имѣетъ цѣлую литературу: всѣ, кто ни бывалъ въ Уральскомъ войскѣ въ зимнее время, не упускали случая познакомиться съ этимъ своеобразнымъ ловомъ и, пораженные его оригинальностью, сообщали свои впечатлѣнія въ печати; поэтому описанія багренья встрѣчаются и у Рычкова, и у Палласа, и у Левшина, и у Ганстена [1]), и у

[1]) Hausteen. „Reise-Erinnerungen aus Sibirien“, 1830, s. 152—160.

Небольсина, и во многихъ періодическихъ изданіяхъ какъ прежнихъ лѣтъ, такъ и настоящаго времени. Оригинальность лова заключается всего болѣе въ орудіи, которымъ производятъ это рыболовство. Это багоръ [1]), которымъ, судя по первому впечатлѣнію, казалось бы, и нельзя ловить подо льдомъ рыбу. Но тутъ помогаетъ то обстоятельство, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ обыкновенно рыбачитъ громадное количество казаковъ (отъ 6 до 8 тысячъ), такъ что подо льдомъ образуется цѣлый лѣсъ изъ шестовъ, насаженныхъ баграми и находящихся въ постоянномъ движеніи. Это и способствуетъ тому, что такимъ незамысловатымъ орудіемъ, какъ багоръ, иной разъ вычерпываютъ на „ятови“ не только красную рыбу до чиста, но и вылавливаютъ значительное количество черной. Для этой послѣдней стали не такъ давно употреблять особаго рода багры съ двойными и тройными крючьями (на манеръ якорька). Это такъ называемые „водышки“, которыми, въ отличіе отъ обыкновенныхъ багровъ, водятъ по продолговатой проруби [2]); когда рыба (большею частью судакъ), проходя мимо, задѣнетъ желѣзный прутъ, который служитъ продолженіемъ самаго крючка, „баграчей“ [3]) быстро дергаетъ водышекъ вверхъ и задѣваетъ рыбу.

Багренье на р. Уралѣ.

Самая обстановка рыболовства очень картинна и живописна, что̀ также обращало вниманіе всѣхъ, посѣщавшихъ войско. Наибольшее впечатлѣніе производитъ на наблюдателя народная масса въ разнообразныхъ костюмахъ, строгій порядокъ до начала рыболовства, когда

[1]) Багоръ состоитъ изъ желѣзнаго крючка, который прикрѣпляется пряжей къ вязовой палкѣ аршина въ $1^1/_2$ длиною и въ средній палецъ толщиною. Навязь „счаливается“ съ такой же вязовой лѣсиной („комелекъ“, „середышъ“), и наконецъ къ этой послѣдней причаливается длинный еловый шестъ (багровище). Длина багра колеблется между 4—12 маховыми саженями (3—9 печатныхъ сажени).

[2]) При ловлѣ обыкновенными баграми рыболовъ, пробивъ узкую прорубь, ходитъ вокругъ проруби, то опуская, то подымая багоръ („ходить на багрѣ“).

[3]) Такъ называется рыбачащій на багреньѣ.

баграчеи со всѣми принадлежностями лова стоятъ наготовѣ, въ ожиданіи сигнальнаго выстрѣла вдоль обоихъ береговъ рѣки, невообразимая свалка послѣ выстрѣла и поражающая быстрота и ловкость баграчеевъ въ работѣ. Черезъ нѣсколько секундъ послѣ сигнала по всей рѣкѣ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, какъ бы по мановенію волшебства подымается цѣлый лѣсъ багровищъ, находящихся въ постоянномъ движеніи, а черезъ нѣсколько минутъ на льду тамъ и сямъ появляются уже бѣлуги и осетры.

Красную рыбу здѣсь ловятъ преимущественно на мѣстахъ, гдѣ она залегаетъ на зимнюю спячку съ осени: только отъ сильнаго шума она приходитъ въ движеніе, но при массѣ багровъ уйти ей почти никогда не удается. По „разбитіи багренной ятови", въ случаѣ, если окажется черная рыба, баграчеи становятся „на кресты" [1]) или вооружаются водышками и начинаютъ ловъ черной рыбы, преимущественно „ходовой". Въ иные годы, когда черной рыбы въ Уралѣ много, ею только и покрываютъ убытки по сборкѣ на ловъ и выручаютъ что-либо. Надо замѣтить, что бо́льшая часть баграчеевъ въ настоящее время обыкновенно возвращается съ багренья ни съ чѣмъ, что̀ зависитъ отъ уменьшенія количества красной рыбы и одновременнаго съ этимъ увеличенія числа рыболововъ.

Если и теперь на багренье выѣзжаетъ чуть не все взрослое мужское казачье населеніе вмѣстѣ съ подростками [2]), то это объясняется совсѣмъ не доходностью этого промысла, а тѣмъ, что багренье представляетъ собою не только промыселъ, но и общевойсковой праздникъ, своеобразную охоту, въ которой можно показать свою удалъ и молодечество.

Багренье дѣлится на два рыболовства—царское, для „презента" и казачье. Для презента разбагривается одна изъ лучшихъ ятовей близъ города Уральска (нынѣ *Жемчужная*, въ 6 верстахъ отъ города). Ловъ производится казаками ближайшихъ къ этой ятови селеній, причемъ вся пойманная красная рыба составляетъ собственность войсковой казны, изъ которой собственно за поимку казакамъ выдается по 1 р. за яловую рыбу и по 2 р. за икряную. Черная рыба идетъ въ собственность баграчеевъ. Изъ общаго залова красной рыбы часть (икра и крупные осетры) идетъ къ Высочайшему двору и въ подарки высокопоставленнымъ лицамъ, а остальное продается съ аукціона, и выручка поступаетъ въ войсковой капиталъ.

Все пространство (отъ Уральска до Каленовскаго п.), на которомъ производится собственно „казачье" багренье, разбивается на 11 рубежей, разбагриваемыхъ день за днемъ. Баграчею, если онъ хочетъ „взять все багренье", приходится проѣхать до 200 верстъ, припасти недѣли на двѣ овса для лошади, хлѣба для себя, переплатить изрядное количество де-

---

[1]) Терминъ для обозначенія того, что баграчей опускаетъ въ прорубь два багра, располагая ихъ крестъ на крестъ, чтобы было болѣе шансовъ черной рыбѣ наткнуться на одинъ изъ нихъ. Послѣднее время этотъ способъ лова черной рыбы вытѣсняется „водышками", которые съ каждымъ годомъ совершенствуются.

[2]) Не ѣздятъ на багренье жители Гурьева и близкихъ къ нему станицъ: оттуда выѣзжаютъ въ это время частью на аханное рыболовство (преимущественно гурьевцы), частью на зимніе невода, о которыхъ будетъ сказано ниже, и занимаются багорчиковымъ рыболовствомъ.

негъ за ночлеги съ хозяйскимъ сѣномъ, да кромѣ того на все багренье потребуется немало запасныхъ багровищъ. Часто повторяющіяся неудачи багренья вызываютъ много толковъ о необходимости измѣнить это рыболовство, и вопросъ объ измѣненіи порядка его не разъ обсуждался на съѣздѣ выборныхъ отъ станичныхъ обществъ, но пока старинный способъ лова сохраняется безъ измѣненій.

Изъ красной рыбы на багреньѣ ловится преимущественно „толстая“ рыба: бѣлуга, осетръ и шипъ, изрѣдка—севрюга. Ловъ черной рыбы—судака, сома, сазана, леща, жереха на багреньѣ составляетъ новость послѣднихъ 20—30 лѣтъ: у Данилевскаго отмѣчено только, что „изрѣдка попадается“, тогда какъ теперь въ иной годъ черная рыба на багреньѣ только и выручаетъ казаковъ.

Послѣ багренья на тѣхъ же мѣстахъ и тѣми же рыболовами производится ловъ „*рѣжаками*“ и „*сижами*“ [1]). Ловъ этотъ казаками не менѣе цѣнится, чѣмъ самое багренье, такъ какъ на немъ ловится довольно много черной рыбы—преимущественно жереха и судака, отчасти леща, попадаетъ также и красная, оставшаяся отъ багренья. Одновременно съ этимъ рѣжаки и сижи разрѣшается ставить ниже Каленовскаго поселка (втеченіе 7 дней) по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ производилась осенняя плавня и гдѣ до разрѣшенія рѣжаковаго рыболовства рыбачатъ багорчиками и блеснами. Это такъ называемое *багорчиковое* рыболовство имѣетъ для низовыхъ станицъ, живущихъ исключительно рыболовствомъ и иной годъ питающихся чуть не одной рыбой, громадное значеніе, и на немъ ловится изрядное количество черной рыбы. Рѣжаками и сижами по багреннымъ мѣстамъ разрѣшается рыбачить втеченіе 25 дней; послѣ того втеченіе 5 дней допускается ловъ неводами, а послѣ него только сижами.

Съ развитіемъ лова черной рыбы въ Уралѣ значеніе ея съ каждымъ годомъ увеличивается, и, какъ выше было сказано, старинный промыселъ-багренье иные думаютъ подчинить „рѣжакамъ“.

Кромѣ перечисленныхъ выше зимнихъ рыболовствъ, производимыхъ по Уралу, одновременно съ багреньемъ и рѣжаками въ устьяхъ Урала (начиная отъ *Кандаурова*) производится *зимнее неводное* рыболовство. Рыболовство это продолжается обыкновенно со второй половины декабря мѣсяца втеченіе 20 дней въ устьяхъ и рукавахъ Урала. По

---

[1]) Это совершенно оригинальное орудіе лова, обратившее на Московской политехнической выставкѣ 1872 г. и рыбопромышленной выставкѣ 1889 г. въ Петербургѣ на себя общее вниманіе публики, представляетъ довольно хитраго устройства мѣшокъ изъ сѣти, съ приспособленіемъ преграждать изъ него выходъ зашедшей рыбѣ. О томъ, что рыба, зашла въ мѣшокъ, узнаютъ посредствомъ колокольчика: рыба, проходя въ сижу, сама даетъ знать о томъ сидящему надо льдомъ въ кошарѣ рыболову, который, смотря по тому, сколько взошло рыбы, поднимаетъ мѣшокъ („кутецъ“) и вынимаетъ рыбу. Такъ какъ ходъ рыбы бываетъ преимущественно ночью, то рыболовамъ приходится сидѣть по цѣлымъ ночамъ. Въ сижу попадаетъ всевозможная рыба начиная съ красной и кончая воблой. Установка ея и самый ловъ ею требуетъ большого навыка и сметки, почему и ловятъ ею преимущественно старики. Надо замѣтить, что кромѣ самаго мѣшка для лова имѣетъ не меньшее значеніе переставъ изъ сѣтной дѣли, устраиваемый на протяженіи саженъ 5—10 перпендикулярно къ берегу. Натыкаясь на переставъ, рыба останавливается и осторожно плыветъ вдоль него, когда же подойдетъ къ зѣву мѣшка, звонкомъ даетъ о себѣ знать. Тогда рыбакъ шестомъ позади ея „ботаетъ“; рыба съ испугу кидается и попадаетъ въ мѣшокъ, который тотчасъ-же захлопывается.

числу этихъ рукавовъ рыболовство разбивается на четыре участка съ особыми въ каждомъ участкѣ начальниками. Рыбачатъ неводами длиною отъ 100 до 150 саженъ, съ матнею. При каждомъ неводѣ бываетъ не менѣе чѣмъ по 6 казаковъ.

Одновременно съ багреньемъ и зимними неводами производится рыболовство *чорхальское* на озерѣ *Чорхалъ*. Въ зимнемъ чорхальскомъ ловѣ участвуетъ до 100 казаковъ и столько же киргизъ. Рыболовство производится громадными (до 1 версты и болѣе длиною) неводами, вытягиваемыми особыми воротами, устраиваемыми на саняхъ. Такіе громадные невода стоятъ очень дорого (болѣе 1.000 руб.) и собираются обыкновенно частями по 100, 200, 300 и болѣе саженъ нѣсколькими хозяевами, причемъ за каждыя 100 саженъ полагается при дѣлежѣ добычи 6 паевъ. Общее количество неводовъ, пускаемыхъ въ дѣло на Чорхалѣ, не болѣе 20, обыкновенно же 10—14. Ловится исключительно черная рыба: лещъ, сазанъ, судакъ, окунь, щука, чехонь и вобла. Въ общемъ значеніе этого рыболовства среди остальныхъ не особенно велико.

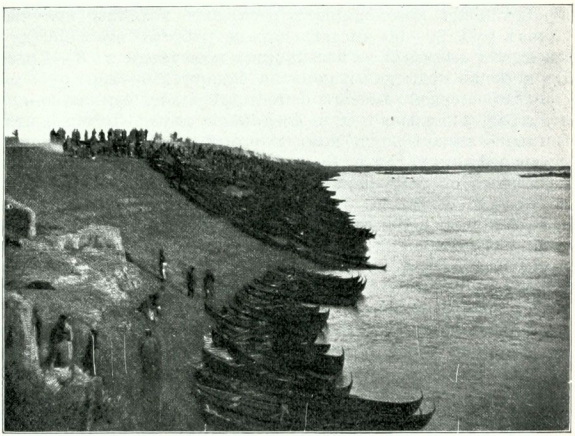
Узенское рыболовство раздѣляется на осеннее и зимнее, изъ которыхъ болѣе важное значеніе имѣетъ зимнее узенское рыболовство. То и другое производится одними и тѣми же орудіями лова—волокушами и неводами, первое—съ 10 сентября до покрытія воды льдомъ, второе—съ начала или съ половины декабря по 20 января или даже позже. Мѣсто лова—р. *Большой Узень, Камышъ-Самарскія* озера [1]), озеро *Сакрылъ* и р. *Кушумъ* (осенью). Промыселъ этотъ годъ отъ года падаетъ главнымъ образомъ вслѣдствіе обмелѣнія всѣхъ перечисленныхъ водоемовъ. Кромѣ волокушъ и неводовъ на узенскомъ рыболовствѣ, особенно осенью по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нельзя производить ловъ волокушами (затравенѣлыя мѣста), ставятъ сѣти; въ рѣкѣ Кушумѣ разрѣшается ловить рыбу кромѣ волокушъ и сѣтей котцами и глухими переставами, но этими послѣдними запрещено ловить въ проливахъ во время разлива, особенно въ томъ мѣстѣ Кушума, гдѣ онъ соединяется съ Ураломъ; это дѣлается въ тѣхъ видахъ, чтобы доставить возможность рыбѣ свободно входить изъ Урала въ Кушумъ. Въ настоящее время всѣ эти рыболовства представляются занятіемъ исключительно мѣстныхъ жителей Внутренней линіи,—станицъ *Сламихинской, Глиненской* и *Кармановской* и для населенія этихъ бѣдныхъ природными богатствами селеній служатъ большимъ подспорьемъ, давая заработокъ 200—300 рыбакамъ.

Познакомившись съ видами уральскаго рыболовства, остановимся на юридической и экономической сторонахъ этого промысла, т. е. на своеобразной здѣшней *общинной* организаціи его Сущность ея сводится къ слѣдующему. Рѣка Уралъ считается въ общемъ пользованіи всего казачьяго населенія, а организація рыболовства такова, чтобы по возможности каждый общинникъ имѣлъ одинаковые шансы на заловъ, для чего и установлены общія для всѣхъ казаковъ правила рыболовства съ точнымъ опредѣленіемъ ихъ мѣста, времени и орудій производства и устраненіемъ по возможности найма работниковъ (что на практикѣ въ большинствѣ случаевъ недостижимо). Являясь продуктами обычнаго

[1]) Изъ этихъ озеръ тянутъ слѣдующія: *Корабль, Старицкое, Яицкое* и *Бѣръ-Казанъ*.

права, правила производства рыболовства въ прежнее время, какъ хорошо извѣстныя каждому общиннику, не записывались. Но съ учрежденіемъ войсковой канцеляріи всѣ хозяйственныя дѣла были сосредоточены въ этой послѣдней, и ею впервые начали издаваться ежегодныя постановленія о порядкѣ производства того или иного рыболовства. Въ 1894 г. правила эти были собраны въ одно цѣлое, а въ 1898 г. отпечатаны вторымъ изданіемъ.

Чтобы имѣть по возможности полное представленіе объ организаціи труда, удобнѣе всего разсмотрѣть ее по отдѣльнымъ рыболовствамъ уральскихъ казаковъ. На *весенней* севрюжьей *плавнѣ* самостоятельною единицею лова является „бударa", т. е. лодка съ двумя рыбаками, изъ которыхъ одинъ работаетъ „въ веслахъ"—„весельщикъ", обыкновенно наемный рабочій изъ казаковъ же, а другой — „кормельщикъ" — правитъ лодкой, заметываетъ и выбираетъ сѣть. Обыкновенно „кормельщикъ" въ то же время является хозяиномъ будары и всѣхъ рыболовныхъ принадлежностей.



Весенняя плавня. Передъ „ударомъ".

Всѣ рыболовы на весеннейплавнѣ дѣлятся на двѣ, рѣзко другъ отъ друга отличающіяся по своему положенію въ промыслѣ группы: мелкихъ хозяевъ и рабочихъ, и это отличіе ихъ прочно установилось и характерно для каждой отдѣльной казачьей семьи. Капиталъ, какъ мы видимъ, обусловилъ всетаки и въ этомъ рыболовствѣ, съ теченіемъ времени, хотя и слабое, экономическое неравенство членовъ общины.

Такимъ образомъ равномѣрное распредѣленіе выгодъ отъ разбираемаго рыболовства касается нынѣ равноправности лишь хозяевъ, а не всѣхъ участниковъ рыболовства.

Для поддержанія равноправности хозяевъ устанавливается для всѣхъ одинаковое время начала рыболовства (мѣсяцъ и число) и одно опредѣленное его мѣсто [1]). Тѣмъ рыболовамъ, которые рыбачатъ по те-

[1]) О времени начала и конца лова дается знать пушечнымъ выстрѣломъ

ченію рѣки ниже другихъ (такъ называемые „рубежные“ рыболовы) и стало быть имѣютъ больше шансовъ на заловъ идущей въ это время изъ моря вверхъ по теченію рѣки рыбы, рыбачить дозволяется лишь черезъ день, да и въ тотъ день, въ который ловъ разрѣшается, они ловятъ лишь до 1 часа пополудни, между тѣмъ какъ рыболовамъ, стоящимъ по рѣкѣ выше рубежа на извѣстномъ протяженіи, позволяется рыбачить цѣлый день. Какъ вещь въ тѣхъ же видахъ устраненія неравномѣрности шансовъ на заловъ, самое орудіе лова всѣмъ рыболовамъ полагается имѣть одинаковое.

Помимо тѣхъ мѣръ, которыя установлены самими правилами производства рыболовства, въ цѣляхъ той же равномѣрности распредѣленія продуктовъ производства хозяева соединяются еще въ артели [1]).

Средніе заловы на будару надо считать рублей въ 120—150. За исключеніемъ необходимыхъ расходовъ хозяинъ получаетъ въ такомъ случаѣ руб. 60—90 чистаго дохода, работая втеченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ; наемный же весельщикъ получаетъ въ 3—4 раза меньше того. Въ хорошіе годы добываютъ на будару 150—200 руб. чистыхъ.

На *осенней плавнѣ* самостоятельною единицею является уже не „бударa“, а „связка“, т. е. соединеніе двухъ бударъ, что вызвано особеннымъ характеромъ лова, который нельзя производить иначе, какъ вчетверомъ при двухъ бударахъ. Здѣсь рѣчь идетъ о господствующемъ на плавнѣ способѣ лова—„ярыгой“ [2]), которую рыболовы тянутъ внизъ по теченію съ двухъ бударъ. Такимъ образомъ въ этомъ рыболовствѣ даже основная единица лова является въ формѣ мелкой артели, съ наемными весельщиками внутри себя. Равноправность этихъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ единицъ обезпечивается, какъ и въ весенней плавнѣ, установленіемъ строго и точно опредѣленныхъ мѣстъ и времени начала лова и одинаковостью у всѣхъ орудій лова. Такія „связки“ соединяются въ артели, такъ сказать, второго порядка. Однако здѣсь совсѣмъ не встрѣчается такихъ большихъ артелей, какъ на весеннемъ севрюжьемъ рыболовствѣ. Эта разница въ организаціи труда въ рыболовствахъ,

---

(„ударъ“) откуда и самый способъ производства рыболовства получилъ названіе „удара“.

[1]) По своему составу артели бываютъ очень различны: соединяются отъ 2 до 30 бударъ. Обыкновенная средняя артель состоитъ изъ 5—10 бударъ. Артели въ 20 и въ 30 бударъ извѣстны наперечетъ—это „славущія артели“. Обыкновенно составъ артели изъ году въ годъ мало измѣняется; артелью рыбачатъ одни и тѣ же лица и на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Набираются артельщики еще зимою и группируются вокругъ избраннаго „старшаго“. Какихъ либо формальностей при выборѣ, какъ это имѣетъ мѣсто при избраніи рыболовныхъ атамановъ въ артеляхъ сѣвера, здѣсь не встрѣчается. Самое названіе „атаманъ рыболовства“ на языкѣ уральскихъ казаковъ означаетъ офицера, назначаемаго нынѣ войсковымъ начальствомъ для наблюденія за порядкомъ и соблюденіемъ правилъ во время рыболовства, а прежде выборнаго отъ самихъ рыболововъ. Въ большинствѣ случаевъ даже самаго выбора „старшаго“ въ артели не существуетъ, а просто будущіе члены артели пристаютъ естественнымъ образомъ къ болѣе опытному, бывалому и пользующемуся уваженіемъ рыбаку, которому поручается продажа залова, храненіе вырученныхъ денегъ и распредѣленіе ихъ между членами артели. При сборкѣ на рыболовство каждый членъ артели долженъ запастись опредѣленнымъ, одинаковымъ для всѣхъ количествомъ хлѣба, рыболовныхъ орудій и т. п. Но далеко не во всѣхъ артеляхъ соблюдается, чтобы одинаковость сборки каждаго была провѣряема: полагаются больше „на совѣсть“.

[2]) Оригинальная плавная сѣть.

столь близкихъ по характеру, объясняется тѣмъ, что удача осенней плавни много зависитъ отъ личныхъ качествъ рыбаковъ, а большая артель лишь стѣснила бы ихъ проявленіе.

Весельщики на плавнѣ получаютъ отъ 40—70 руб. до 100, т. е. значительно бо́льшую заработную плату, чѣмъ на севрюжьемъ рыболовствѣ. Сборка на плавню обходится значительно дороже, чѣмъ на севрюжье рыболовство—отъ 70 до 100 руб. безъ найма весельщика и отъ 120 до 150 съ весельщикомъ—на будару. Артельная организація особенно развита у рыбачащихъ неводами. Рыболовство неводами производится тотчасъ послѣ того, какъ въ данномъ мѣстѣ нарыбачатся „ярыжники“ [1]). Для начала его также дается особый сигналъ.

Бо́льшая часть рыболововъ неводами представляютъ собою артельщиковъ, собирающихъ неводъ по частямъ—отъ $^1/_2$ до $^1/_4$ части, и сообразно этому дѣлится добыча.

Въ третьемъ изъ старинныхъ рыболовствъ—*багреньѣ* возможная равномѣрность распредѣленія улова достигается, такъ же какъ и въ двухъ разсмотрѣнныхъ выше рыболовствахъ, установленіемъ однообразнаго орудія лова. Но и на этомъ рыболовствѣ уже являются наемщики, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о существованіи среди казаковъ такихъ хозяевъ, которымъ положительно не чѣмъ болѣе кормиться, какъ наймомъ въ работники. Впрочемъ разъ среди уральскихъ казаковъ имѣется, какъ показала перепись 1885 г., до 14% безлошадныхъ хозяевъ, само собою разумѣется, что эти послѣдніе не могутъ уже самостоятельно участвовать даже и въ багреньѣ,—этомъ самомъ дешевомъ и популярномъ въ народѣ ловѣ. На багреньѣ, какъ и на плавнѣ, имѣетъ большое значеніе личная ловкость и сила, которыя значительно развиваются у казаковъ благодаря этимъ рыболовствамъ.

Совсѣмъ иными способами достигается та же цѣль—возможно равномѣрнаго распредѣленія добычи между промышленниками—въ *зимнихъ неводныхъ* рыболовствахъ, какъ въ Уралѣ (гурьевское), такъ и на оз. *Чорхалтъ*, въ запорныхъ старицахъ и „черныхъ водахъ“ [2]) вообще. Здѣсь самостоятельною единицею является неводная артель, и вся добытая однимъ неводомъ рыба дѣлится на равные паи по числу участниковъ (отъ 6 до 24), причемъ на долю хозяина невода, собственно на орудіе производства, дается обыкновенно на 100 саженъ длины 6 паевъ [3]).

---

[1]) Т. е. рыбачащіе ярыгами.

[2]) Этимъ именемъ казаки зовутъ всѣ воды, кромѣ моря и Урала. Главнымъ образомъ подъ ними разумѣются разные ерики и старицы, остающіеся послѣ весенняго разлитія въ долинѣ р. Урала.

[3]) Чтобы сравнять заловы отдѣльныхъ неводовъ, изъ нихъ образуются или своеобразныя артели—на гурьевскомъ неводномъ рыболовствѣ „схватки“, или же весь заловъ даннаго участка, въ которомъ иногда рыбачатъ семидесятью и большимъ числомъ неводовъ, сваливается въ общія кучи—„урсы“, и производится общая для всѣхъ участниковъ дѣлежка по числу паевъ. Такъ дѣлается на „зимнихъ гурьевскихъ неводахъ“, а раньше такой же пріемъ дѣлежа практиковался еще на весеннемъ чорхальскомъ рыболовствѣ. Если покупателей на рыбу оптомъ не находится, то „урсы“ разбираютъ по числу неводовъ на приблизительно равныя кучи, и каждая неводная артель получаетъ кучу по жребію.

Такимъ образомъ въ зимнемъ неводномъ рыболовствѣ экономическое неравенство участниковъ выступаетъ еще рѣзче, вслѣдствіе самаго характера лова сравнительно дорого стоющими неводами, принадлежащими обыкновенно единичнымъ лицамъ.

Это неравенство нѣсколько сглаживается обязательствами промышленника. Такъ, хозяинъ невода обязанъ непремѣнно имѣть при немъ по крайней мѣрѣ 6 человѣкъ войскового сословія въ качествѣ пайщиковъ; онъ не можетъ работать неводомъ съ дешевыми наемными рабочими изъ киргизъ; онъ, въ силу обычая и правилъ рыболовства, обязанъ дать участіе въ долѣ добычи своему однообщиннику, лишенному орудій производства.

На чорхальскомъ рыболовствѣ распредѣленіе добычи происходитъ, въ общемъ, на тѣхъ-же началахъ, какъ и на зимнемъ гурьевскомъ неводномъ рыболовствѣ. Здѣсь, между прочимъ, въ видахъ уравненія залова отдѣльныхъ неводовъ, опредѣляютъ предварительно размѣръ площади, удобной для тяги [1]) и дѣлятъ эту площадь такъ, чтобы на каждыя 100 саж. совокупной длины всѣхъ неводовъ пришелся по берегу участокъ равной длины; затѣмъ о мѣстахъ мечутъ жребій.

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ примѣняется ежегодный передѣлъ рыболовнаго участка между неводными артелями. Внутри такой неводной артели капиталъ играетъ большую роль, сосредоточивая иногда въ однихъ рукахъ до 30 и болѣе паевъ. Обыкновенно большинство неводныхъ артелей собираются нѣсколькими лицами.

Нѣкоторою оригинальностью отличается распредѣленіе добычи при ловѣ въ запорныхъ старицахъ и ерикахъ. Этимъ именемъ казаки зовутъ тѣ „черныя“ воды, въ которыхъ при спаденіи воды „запираютъ“ зашедшую изъ Урала рыбу разнаго рода переставами съ тѣмъ, чтобы зимою вытянуть ее неводами. Устройство запоровъ, т. е. забоекъ, производятъ или путемъ общественной работы, или, что̀ гораздо чаще, поручаютъ одному изъ жителей за опредѣленное число паевъ улова, или за извѣстную денежную плату.

Обыкновенно запираютъ старицы, лежащія по близости къ какому-либо селенію, жители котораго, израсходовавшись на производство забойки, одни только и могутъ участвовать въ ловѣ. Здѣсь, стало быть, является какъ-бы временное изъятіе части водъ изъ общаго пользованія.

Самое распредѣленіе улова производится весьма различно, смотря по стоимости запора и въ зависимости отъ его условій.

Вслѣдствіе дороговизны производства такой ловли, участіе капитала здѣсь довольно значительно, но власть его ограничена тѣсными предѣлами; здѣсь, напр., сплошь и рядомъ получаютъ паи совсѣмъ неучаствующіе (по слабости или просто лишніе) въ работѣ, но присутствующіе обыватели.

При ловлѣ снѣжами для равноправнаго участія въ рыболовствѣ рѣка въ мѣстностяхъ, удобныхъ для выставки снѣжъ, дѣлится на равные участки вдоль обоихъ ея береговъ (середина рѣки остается свободною

---

[1]) Успѣхъ тяги зависитъ главнымъ образомъ отъ того, какъ станетъ въ озерѣ ледъ: тянуть можно лишь тамъ, гдѣ ледъ сталъ ровно, такъ какъ въ противномъ случаѣ при тягѣ неводъ задѣваетъ за выступы льда и рвется.

для прохода рыбы), и объ нихъ желающіе принять участіе въ рыболовствѣ „трясутъ жеребій“, такъ что это отчасти напоминаетъ „ледные пан“ въ Донскомъ войскѣ [1]).

Вотъ главныя формы пользованія рыбными водами и распредѣленія залововъ между участниками,—формы, созданіе которыхъ всецѣло принадлежитъ соціальному творчеству народа. Правда, во всѣхъ этихъ формахъ нынѣ есть уже нѣчто, идущее въ разрѣзъ съ принципами, положенными въ ихъ основу; тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться со всѣми изслѣдователями уральскихъ рѣчныхъ рыболовствъ (Палласъ, Данилевскій, Сѣверцовъ и др.), что такого, сравнительно справедливаго по возможности способа пользованія рыболовными водами нигдѣ кромѣ Урала не существуетъ. Если и встрѣчаются въ Россіи мѣстами формы владѣнія и пользованія рыбными водами даже болѣе справедливыя (чистыя рыболовныя артели безъ наемныхъ рабочихъ), то эти отдѣльныя частныя организаціи, имѣющія сравнительно ограниченный кругъ дѣйствій, ни въ какомъ случаѣ не могутъ идти въ параллель со стройной организаціей труда громаднаго числа рыболововъ на обширномъ пространствѣ,—организаціей, еще болѣе поражающей наблюдателя своей технической стороной, чѣмъ экономической.

Осенняя плавня. „Ударъ“.

Обратимся къ другимъ формамъ пользованія рыбными водами въ Уральскомъ войскѣ. Къ таковымъ относятся морскія рыболовства, установленныя, собственно говоря, противъ желанія большинства общинниковъ, по распоряженію войскового начальства. Такимъ образомъ, при сужденіи объ этихъ формахъ надо помнить, что здѣсь приходится имѣть дѣло не съ бытовыми формами, созданными самимъ народомъ, а съ формами, выработанными администраціей, хотя и на нихъ отразилось господствующее во всѣхъ войсковыхъ рыболовствахъ право личнаго труда.

[1]) См. Харузинъ. Казацкія общины, стр. 61.

Самостоятельной единицей въ зимнемъ *„аханномъ“* рыболовствѣ является каждый „аханщикъ“ со своею лошадью, санями и сотней аханов ъ или сѣтей, причемъ рыбаки могутъ соединяться въ артели.

Участіе капитала и въ этомъ промыслѣ, какъ и въ другихъ морскихъ рыболовствахъ—обоихъ „курхаяхъ“—существуетъ со всѣми своими отрицательными сторонами и даже въ крайнихъ формахъ, именно въ видѣ ростовщическихъ предложеній отъ постороннихъ лицъ на оборудованіе рыболова вслѣдствіе нерѣдкой затруднительности для послѣднихъ въ производствѣ крупныхъ затратъ на сборку на „аханное“ рыболовство. Здѣсь создалась крайняя форма задолженности „аханщиковъ“ вслѣдствіе отсутствія правильно поставленнаго кредита для мелкихъ рыболовствъ.

Перейдемъ теперь къ послѣднему виду войсковыхъ рыболовствъ—къ морскому *курхайскому* рыболовству. Съ точки зрѣнія организаціи труда въ немъ надо различать три отличныхъ рыболовства: рыболовство по „мелководному бакену“—по прибрежью моря, „на бакенной (старой) линіи“ и „въ вольныхъ водахъ“. Во всѣхъ нихъ самостоятельной единицей является морское судно большей или меньшей величины съ переборной при ней лодкой, надлежащимъ количествомъ рыболовныхъ припасовъ и рабочихъ людей [1]).

Вся разница въ этихъ трехъ формахъ заключается въ томъ, что въ мелководномъ бакенѣ рабочихъ имѣть совершенно не разрѣшается: на каждый отведенный участокъ („жеребій“) полагается артель изъ двухъ войсковыхъ лицъ; на бакенной линіи („старый бакенъ“) участокъ отводится на каждую артель не болѣе какъ изъ пяти войсковыхъ лицъ, причемъ на такую артель допускается для переборки сѣтей имѣть одного рабочаго и для посола рыбы становщика [2]); наконецъ въ „вольныхъ водахъ“ по обѣ наружныя, обращенныя не къ устьямъ Урала, стороны отъ бакенныхъ линій ловъ не ограничивается ни относительно числа рабочихъ, ни относительно числа употребляемыхъ въ дѣло сѣтей: здѣсь обыкновенно производятъ рыболовство почти исключительно черезъ наемныхъ рабочихъ-киргизъ громаднымъ количествомъ сѣтей, и производство носитъ характеръ чисто капиталистическій. Въ первыхъ двухъ формахъ, для уравненія правъ отдѣльныхъ артелей, все пространство дѣлится на равные участки, и получаютъ ихъ войсковыя лица по доставшемуся жеребью. Съ другой стороны каждый участокъ („жеребій“) дается, по правиламъ, не отдѣльному промышленнику, а рыболовной артели, состоящей не менѣе какъ изъ пяти лицъ войскового сословія.

Однако изслѣдованія Данилевскаго и др. показали, что громадное большинство мѣстныхъ артелей фиктивны: бѣдные промышленники, не имѣя своихъ орудій производства, стоющихъ сравнительно очень дорого (сборка обходится 400—500 р.), вступаютъ въ сдѣлки съ состоятельными, записываясь къ нимъ какъ-бы въ артель, въ дѣйствительности-же являясь простыми рабочими, получающими заработную плату то деньгами, то частью улова („изъ части“).

---

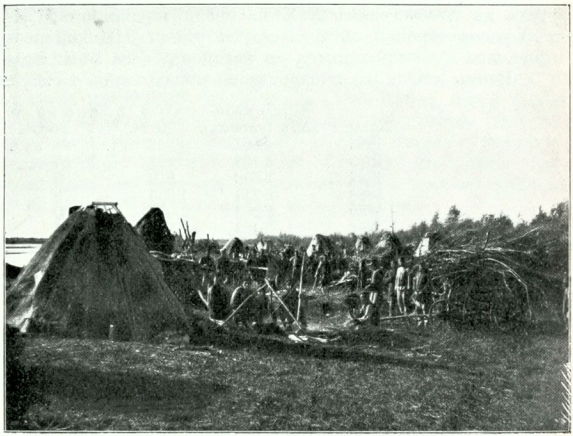
[1]) Безъ стоевыхъ (морскихъ) лодокъ можно рыбачить лишь на очень незначительномъ количествѣ жеребьевъ мелководнаго бакена.

[2]) Съ 1888 г. и здѣсь запрещено нанимать рабочихъ (для посола и становщика) изъ лицъ войскового сословія.

Сказаннымъ исчерпывается все разнообразіе формъ пользованія морскими рыболовными водами и распредѣленія залова между участниками. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ всѣхъ изслѣдовавшихъ эти рыболовства (Данилевскій, Сѣверцовъ и др.), что ихъ экономическая сторона, съ точки зрѣнія возможно равномѣрнаго распредѣленія продуктовъ производства, стоитъ значительно ниже, чѣмъ въ рѣчныхъ рыболовствахъ.

Что-же даетъ въ совокупности уральское рыбное хозяйство мѣстному населенію и войсковой казнѣ?

Значеніе его въ мѣстной жизни громадно: представляя заработокъ и средства къ отбыванію воинской повинности не менѣе чѣмъ 10.000 казакамъ, рыболовство даетъ въ тоже время всему населенію войска (болѣе 100 тыс. душъ об. п.) здоровую пищу круглый годъ. Кромѣ того вывозится за предѣлы войска до 63.000 п. красной рыбы, до 8.000 пудовъ икры красной рыбы и отъ 2 /2 до 3 милл. пудовъ черной или частиковой рыбы; цѣнность этого вывоза опредѣляется въ сумму отъ 2 до 3 милл. руб. Сюда слѣдуетъ присоединить не менѣе 5—6 тыс. не казаковъ, получающихъ отъ рыбнаго промысла заработокъ въ качествѣ рабочихъ и извозчиковъ по перевозкѣ всей этой массы рыбы гужомъ въ главный центръ рыбной торговли—Уральскъ и отчасти въ Гурьевъ.



Осенняя плавня. На стану.

Войсковая казна непосредственно въ формѣ особаго сбора съ вывозимыхъ изъ предѣловъ земли Уральскаго войска рыбныхъ продуктовъ получаетъ доходъ отъ 100 до 150 тыс. рублей, причемъ часть этого ежегоднаго дохода обращена на устройство Уральской низшей сельскохозяйственной школы и войскового хутора.

Въ виду громаднаго значенія рыболовства для Уральской области въ самомъ составѣ мѣстнаго хозяйственнаго правленія съ 1894 г. открыта особая должность войскового техника рыболовства (пока единственная въ Россіи), на обязанности котораго лежитъ забота о возможныхъ улучшеніяхъ въ организаціи уральскаго рыбнаго промысла.

Эмбенскій рыбный промыселъ ведется преимущественно астраханскими морскими ловцами при посредствѣ значительнаго количества киргизъ, снабжаемыхъ орудіями лова и законтрактовываемыхъ сдавать имъ рыбу. О размѣрахъ его можно судить по слѣдующимъ даннымъ, заимствованнымъ изъ отчета управленія астраханскихъ рыбныхъ промысловъ за 1899—1900 годы. Здѣсь имѣется 3 рыбацкихъ поселенія: *Жилая Коса*, *Ракуша* и *Прорва*. Общее число киргизъ, участвующихъ въ ловѣ (самостоятельно на бударахъ) опредѣляется въ 2.000 человѣкъ. Ловецкихъ хозяйствъ во всѣхъ селеніяхъ насчитано 132. О заловахъ данныхъ не имѣется, но заловы воблы бываютъ въ нѣсколько милліоновъ штукъ, и ловъ этотъ съ каждымъ годомъ развивается.

Пчеловодство играетъ видную роль у русскаго населенія южныхъ уѣздовъ Семипалатинской обл. Возникло оно въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ въ 20-хъ годахъ XIX в. среди пограничнаго населенія, а отъ него распространилось и въ другіе уѣзды. Наибольшее количество получаемаго меда приходится на казаковъ, а за ними идутъ крестьяне.

Ростъ здѣшняго пчеловодства показываетъ слѣдующая таблица:

Годы.	Число колодокъ (ульевъ).	Собрано: Меда.	Воска.
1883	4.861	1.162 пуд.	93 пуд.
1885	3.498	984 „	57 „
1887	3.883	919 „	38 „
1888	6.714	1.354 „	79 „
1889	8.254	2.692 „	290 „
1891	9.423	3.433 „	385 „
1892	12.266	3.590 „	425 „
1893	10.823	3.668 „	412 „
1894	15.013	5.120 „	294 „
1899	19.380	4.607 „	287 „

Въ 1900 г. въ области было 23.817 ульевъ и колодокъ; отъ нихъ получено 4.818 пуд. меда и 286 п. воска. Если сюда прибавить казачьи поселки по Бійской линіи (Томской губ.), то число это нужно увеличить вдвое. Общая стоимость меда и воска, добываемаго въ году, выразится суммой около 56 т. руб. Сѣвернымъ пунктомъ разведенія пчелъ въ этой области является Павлодарскій у. Въ Акмолинской обл. разводятъ пчелъ въ Кокчетавскомъ у., но промышленнаго значенія пчеловодство здѣсь пока не имѣетъ. Всюду пчеловодство ведется первобытнымъ способомъ: рамочные улья и другія техническія усовершенствованія недоступны мѣстнымъ пчеловодамъ—крестьянамъ и казакамъ. Войсковое правленіе мало принимаетъ мѣръ къ улучшенію дѣла, почему оно и не достигло хорошихъ успѣховъ. Въ другихъ мѣстахъ края, въ силу физико-географическихъ условій, пчеловодство не ведется.

Огородничество развито главнымъ образомъ у прииртышскаго населенія; огородъ составляетъ нераздѣльную часть всякаго русскаго двора; даже новые переселенцы Акмолинскаго у., живущіе на колодцахъ, заводятъ съ первыхъ же лѣтъ огороды. Садятъ въ нихъ болѣе всего картофель, затѣмъ капусту, морковь, рѣдьку, огурцы и др. овощи, которыя составляютъ обычное подспорье и суррогаты питанія въ нашихъ деревняхъ. Съ этой стороны если мѣстное огородничество и не представляетъ изъ себя крупнаго промысла, то во всякомъ случаѣ, въ смыслѣ подспорья къ собственному продовольствію, играетъ видную роль.

Огородничествомъ, какъ промысломъ, занимаются пригородныя селенія, вывозящія продукты его на ближайшіе городскіе рынки сбыта. Какъ особый видъ огородничества существуетъ *бахчеводство*—разведеніе арбузовъ, дынь и подсолнуховъ; ихъ разводятъ почти исключительно для продажи, главнымъ образомъ въ Семипалатинскомъ и Усть-Каменогорскомъ у.у. (въ 1900 г. засѣяно ими было до 1.400 дес., а собрано съ нихъ 7 т. пуд. подсолнуховъ, до 2 милл. арбузовъ и 100 тыс. дынь). Отсюда осенью все это сплавляется на плотахъ и карбасахъ въ Омскъ и другіе города. Общую площадь земли, занятую посѣвомъ названныхъ овощей, можно считать въ Акмолинской и Семипалатинской обл. до 5½ тыс. дес.; сборъ съ нихъ, въ среднемъ, колеблется отъ 270 тыс. пуд. до 400 т. пуд., на сумму 18—24 тыс. руб. Наибольшее количество разводимыхъ овощей приходится на казаковъ. Рынками потребленія служатъ: Омскъ, Петропавловскъ и Семипалатинскъ. Въ Тургайской области, за отсутствіемъ рынковъ сбыта и потребленія, разведеніе овощей не имѣетъ промышленнаго значенія. Въ Уральской обл. огородничествомъ занимаются казаки; болѣе всего разводятся арбузы и дыни; въ 1900 г. сборъ всѣхъ овощей достигалъ 82 т. возовъ (до 120 т. пуд.); болѣе всего собиралось изъ окрестностей Уральска—главнаго рынка области. Разведеніе въ краѣ техническихъ растеній *льна* и *конопли* незначительно; въ Акмолинской и Семипалатинской обл. ихъ разводятъ преимущественно крестьяне, занимающіеся ткачествомъ и казаки—бывшіе крестьяне; въ 1900 г. въ этихъ областяхъ было посѣяно:

	Въ Акмолинской обл.		Въ Семипалатинской обл.	
	Ленъ.	Конопля.	Ленъ.	Конопля.
У крестьянъ . .	2.771 дес.	727,5 дес.	27 дес. (?)	135 дес. (?)
„ казаковъ . . .	420 „	813,4 „	246 „	45 „

Въ прежніе годы сборъ этихъ растеній по Акмолинской области былъ такой (въ пудахъ):

	Ленъ.	Конопля.		Ленъ.	Конопля.
1882	4.598	16.592	1888	3.180	9.407
83	1.392	11.704	1889	7.731	18.935
86	1.885	6.271	1893	5.441	11.768
87	7.772	15.203			

Колебанія показываютъ, что разведеніе этихъ растеній носитъ случайный характеръ (увеличивается послѣ урожайнаго года).

Въ Уральской и Тургайской обл. разведеніе названныхъ растеній также не имѣетъ распространенія.

Большее значеніе имѣетъ въ восточной части края *табаководство*. Имъ занимаются едва-ли не исключительно сибирскіе казаки. Ведется оно издавна, но до сихъ поръ не получило надлежащей постановки за отсутствіемъ нужныхъ знаній и руководителей. Войсковое правленіе только доставляетъ казакамъ (безплатно) сѣмена, но не имѣетъ ни инструкторовъ, ни образцовой плантаціи; благодаря этому табаководство не приноситъ тѣхъ выгодъ, какихъ отъ него можно было ожидать. Культивировались казаками высшіе сорта турецкихъ и американскихъ табаковъ, но, вслѣдствіе неумѣлаго приготовленія, табакъ оказывался плохого качества. Въ настоящее время засѣвается преимуще-

ственно лучшій сортъ махорки — такъ называемая „серебрянка“ или „линейскій“ табакъ. Въ 1900 г. было засѣяно и собрано:

	Засѣяно.	Собрано.
Въ Акмолинской обл. .	370 дес.	7.360 пуд.
„ Семипалатин. „ .	278 „	6.580 „
	648 дес.	13.940 пуд.

Въ сравненіи съ предшедшими годами табаководство развивается: въ 1882 г. было собрано 8.812 п., въ 1886—6.271 п., въ 1889—8.635 п., въ 1893—7.873 п. Уменьшеніе въ 1893 г. сравнительно съ 1889 г. объясняется тѣмъ, что въ промежуткѣ между ними 1891 годъ былъ неурожайный. Нормально въ области урожай доходитъ до 17 т. пуд.; считая въ среднемъ два рубля пудъ, стоимость разводимаго табаку выразится въ суммѣ 28.880 руб. Въ будущемъ возможно еще большее развитіе табаководства, въ виду увеличенія спроса со стороны крестьянъ-новоселовъ. Въ другихъ мѣстахъ края табаководство не играетъ такой роли.

Въ Уральской обл. казаки занимаются *садоводствомъ*; началось оно съ 60-хъ годовъ XIX столѣтія, и теперь подъ сады стараются отвести всѣ малоцѣнные участки земли, такъ-какъ разведеніе плодовыхъ деревьевъ (вишни, сливы, яблони и др.) стало приносить хорошій доходъ, а земли пріобрѣли большую цѣнность (отъ 800 до 1.000 руб. дес.). Ростъ садовой площади за послѣдніе годы здѣсь былъ такой:

Въ 1895 г.	943 дес.
„ 1896 „	1.067 „
„ 1897 „	1.109 „
„ 1898 „	1.372 „
„ 1899 „	1.469 „

Въ 1900 г. садами было занято 1.563 дес. Въ другихъ мѣстностяхъ края разведенію плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ мѣшаютъ климатическія и почвенныя условія: въ Усть-Каменогорскомъ, Кокчетавскомъ и даже Акмолинскомъ у.у. крестьяне пробовали разводить вишню и яблоню, но не получили хорошихъ результатовъ; деревья хотя и растутъ, но плоды не вызрѣваютъ и часто страдаютъ отъ раннихъ холодовъ.

Лѣсной промыселъ въ краѣ болѣе или менѣе правильно организованъ въ Семипалатинской и Акмолинской обл. управленіемъ государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніи котораго находятся лѣсныя богатства. Для войсковыхъ казачьихъ лѣсовъ существуетъ особое лѣсничество, но сбытъ отсюда лѣсныхъ матеріаловъ незначителенъ. Въ Семипалатинской обл. площадь лѣсовъ выражалась въ 1900 г. цыфрой въ 2.231.134 дес., изъ которыхъ двѣ трети приходятся на Каркаралинскій уѣздъ; преобладающей породой является здѣсь сосна. Размѣры доходности лѣсопромышленности трудно привести въ виду неполноты свѣдѣній объ этомъ; билетовъ на право рубки въ 1900 г. было выдано на 69.060 руб. *Смолокуреніемъ* и *гонкой дегтя* занимались 94 семьи, выручившія 14.381 руб. Наиболѣе значительные сосновые боры, имѣющіе промышленное значеніе, изъ которыхъ сплавляется плотами лѣсъ по Иртышу, суть *Долонскій* и *Тульскій* (близъ Семипалатинска); оба принадлежатъ казачьему войску. Мѣстные лѣса идутъ главнымъ образомъ на

постройки; бревно 12 арш. длины и 7 вершк. ширины стоитъ отъ 2 до 3 руб.

Въ Акмолинской обл. лѣсная площадь составляетъ около 800 тысячъ дес.; лѣса находятся главнымъ образомъ въ Кокчетавскомъ у. (*Щученскій, Зерендинскій* и др. сосновые боры), въ сѣверной части Акмолинскаго у. (*Мунчактинская* сосновая дача) и въ Петропавловскомъ—березовые лѣса; въ другихъ мѣстахъ лѣса незначительны, или ихъ совсѣмъ нѣтъ (таковъ, напр., Атбасарскій у.). Доходы лѣсного промысла незначительны; лѣсъ идетъ почти исключительно для потребностей мѣстнаго крестьянскаго и казачьяго хозяйства; Мунчактинская дача удовлетворяетъ въ настоящее время все крестьянское и городское населеніе Акмолинскаго у. Несмотря на то, что для завѣдыванія лѣсами учреждены лѣсничества, лѣсной промыселъ не достаточно правильно организованъ; особенно приложимо это къ казачьимъ лѣсамъ. Съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги лѣса въ Петропавловскомъ у. подверглись хищническому истребленію; въ настоящее время оголено нѣсколько тысячъ десятинъ. Дрова доставляются на желѣзную дорогу и въ Омскъ, гдѣ продаются по 3 р. 75 к. и 4 р. 50 к. сажень. *Лѣсоводство* существуетъ съ 1881 г. въ Уральскомъ и Темирскомъ лѣсничествахъ; въ прежнее время здѣсь обсаживались степные участки; теперь-же обращено вниманіе на долины и истоки рѣчекъ. Размѣръ ежегодной культуры составляетъ $^1/_{40}$ общей площади (1 тыс. дес.), отведенной для этой цѣли. Въ Акмолинской обл. существуютъ два питомника деревьевъ—въ Омскѣ и Акмолинскѣ, но постановка дѣла оставляетъ желать лучшаго; продаются саженцы частнымъ лицамъ за незначительную плату.

Въ Тургайской обл. лѣсная площадь опредѣлена въ 424.605 дес (считая и кустарники); наибольшая часть ея лежитъ въ Кустанайскомъ у. Въ виду недостаточности лѣсовъ для рубки здѣсь введены длинные обороты: для сосны—120 лѣтъ, для березы и ольхи—60 л., для тополя, осокоря и ветлы—45 л., для ивы—15 л. Въ 1896 г. отъ продажи лѣса выручено было 20 тыс. руб.

Охота и *звѣроловство* носятъ хищническій характеръ и развиты мало, хотя въ краѣ немало цѣннаго звѣря. Занимаются ими какъ киргизы, такъ и русскіе. У зажиточныхъ киргизъ охота служитъ, впрочемъ, традиціоннымъ развлеченіемъ. Охотятся на лисицъ, волковъ, кабановъ, хорьковъ, барсуковъ, зайцевъ, утокъ, гусей, тетеревовъ, рябчиковъ и др. Пушного звѣря ловятъ капканами, киргизы-же—пріученными беркутами и собаками; волковъ иногда травятъ, въ охотѣ на птицъ употребляютъ сѣти, пленки, пріученныхъ собакъ и пр. Въ горахъ Алтая существуютъ охотники, промышляющіе спеціально горныхъ козъ, барановъ (архаровъ) и мараловъ; послѣднихъ держатъ въ особыхъ загонахъ для полученія молодыхъ роговъ, которые (особо приготовленные) сбываются за дорогую цѣну (до 10—12 руб. фунтъ) въ Китай.

Въ степныхъ мѣстахъ первое мѣсто занимаетъ охота на хорьковъ, корсаковъ, волковъ, зайцевъ, а также сайгаковъ, табуны которыхъ пасутся въ южныхъ пустынныхъ степяхъ края. Болѣе всего добывается такихъ шкуръ въ Актюбинскомъ и Иргизскомъ у.у. Тургайской обл. Сайгачьи рога на мѣстѣ стоятъ до 5 руб. пара; шкура барсука—40—50 коп.,

сотня сурковыхъ шкуръ—отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к.; хорька за 100 штукъ 5—7 руб., горностая—6—8 руб. за 100 штукъ; волка и лисицы—по 2—3 руб. за штуку, за зайца—15—30 коп., корсака—1 руб. Изрѣдка прибалхашскіе киргизы охотятся на тигра; шкура его на мѣстѣ цѣнится 50—60 руб.; шкура медвѣдя на Алтаѣ цѣнится въ 15—30 руб., барса—10—15 руб. Несмотря на хищническое истребленіе птицъ и звѣря количество добываемыхъ шкуръ увеличивается.

Такъ, изъ Тургайской обл. было вывезено въ 1893—95 г.г. шкуръ:

	Волчьихъ.	Лисьихъ.	Корсачьихъ.	Хорьковыхъ.
	Ш	т	у к	ъ.
Въ 1893 г. .	1.082	?	2.420	12.993
„ 1894 „ .	2.496	10.000	8.961	13.827
„ 1895 „ .	3.561	11.561	8.842	16.201

Общій доходъ отъ охоты по этой области достигаетъ около 40—50 тыс. руб. Въ Семипалатинской обл. въ 1900 г. было выручено отъ звѣроловства, по имѣющимся даннымъ, 16.494 руб.; но эта сумма далеко ниже дѣйствительной. Въ Акмолинской обл. звѣроловствомъ занимаются почти исключительно киргизы Акмолинскаго и Атбасарскаго у.у. и немного семей казаковъ и крестьянъ Кокчетавскаго и Петропавловскаго у.у. Добывается преимущественно мелкій звѣрь и притомъ въ нѣсколько меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ предыдущихъ областяхъ. Ловля птицъ не поддается даже приблизительному подсчету; насколько значителенъ ея ловъ, можно однако судить по тому, что одними сибирскими казаками въ 1897 г. было поймано, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, до 40 тыс. штукъ; въ Тургайской обл. охотой на птицъ занимается много промышленниковъ, такъ что число пойманныхъ птицъ нужно считать тамъ сотнями тысячъ. Въ зимнее время много птицы вывозится въ Москву, Петербургъ и др. города, а также на заграничные рынки (въ Лондонъ, Гамбургъ и др.).

Съ конца 90-хъ годовъ XIX в. въ Акмолинской и Семипалатинской обл. сталъ быстро развиваться новый промыселъ—*маслодѣліе*. Съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги жировые продукты вообще нашли себѣ удобный и скорый выходъ на внутренніе и даже заграничные рынки. Большое количество рогатаго скота давало возможность поставить маслодѣліе сразу въ крупныхъ размѣрахъ. Какъ и вездѣ въ Россіи—піонерами его явились предпріимчивые иностранцы, преимущественно датскія фирмы, и въ ихъ рукахъ находилось первые годы почти все „масляное дѣло". И только теперь русскіе пытаются вести его самостоятельно, а администрація оказываетъ этому содѣйствіе. Въ 1902 году правительство образовало особое мѣстное учрежденіе, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за ходомъ маслодѣлія, оказаніе ему содѣйствія путемъ организаціи артелей, выписки сепараторовъ и др. принадлежностей, выдачей ссудъ, указаній въ дѣлѣ организаціи сбыта, статистическихъ изслѣдованій и т. п. Частныя фирмы держатъ молочное дѣло въ своихъ рукахъ благодаря открытію съ первыхъ же лѣтъ у себя складовъ принадлежностей молочнаго хозяйства и сельскохозяйственныхъ машинъ, которыя выдаются населенію въ кредитъ съ тѣмъ, чтобы выработанное масло сдавалось этой фирмѣ; населеніе соглашается на эти условія, такъ какъ ему обезпеченъ сбытъ масла. Вырабатывается

масло ручнымъ способомъ; маслобойныхъ заводовъ пока нѣтъ; въ казачьихъ поселкахъ дѣйствуютъ общественныя маслобойни. Несмотря на нѣкоторыя отрицательныя стороны этого дѣла (лишеніе молока въ семьѣ, неудовлетворительное питаніе „обратомъ“ телятъ)—маслодѣліе явилось большимъ подспорьемъ въ жизни мѣстнаго населенія; это подтвердили неурожайные 1900 и 1901 годы, когда прилегающее къ желѣзной дорогѣ поселеніе, преимущественно занимающееся маслодѣліемъ, перенесло эти годы легче, чѣмъ то, которое не занималось названнымъ промысломъ.

Въ 1900 г. въ Омскомъ и Петропавловскомъ у.у. крупныя маслобойни выработали масла на 333.897 руб. (около 34 тыс. пуд.); всего же масла въ области было выработано не менѣе 50 тыс. пуд. Въ Тургайской, Уральской и Семипалатинской областяхъ маслодѣліе не распространено. Несомнѣнно, что въ будущемъ маслодѣліе будетъ развиваться и составитъ одну изъ наиболѣе доходныхъ статей мѣстнаго населенія.

Кромѣ перечисленныхъ, въ краѣ существуютъ незначительные *кустарные* промыслы, носящіе часто домашній характеръ. Изъ нихъ мы назовемъ слѣдующіе.

Ткачество распространено почти исключительно среди крестьянъ. Въ Кокчетавскомъ у. у крестьянъ можно встрѣтить тонкой работы, хорошаго качества и красивыхъ рисунковъ нестряди, близко напоминающія хорошіе сорта сарпинокъ. Холстъ и армячина ткутся всюду. За избыткомъ домашней потребности они поступаютъ въ продажу или идутъ въ обмѣнъ киргизамъ, казакамъ и торговцамъ. Среди киргизъ Тургайской и Семипалатинской обл. распространено тканье войлока (кошмы), простыхъ ковровъ, армячины и витье волосяныхъ веревокъ; все это поступаетъ преимущественно на мѣстные рынки; занято ими почти исключительно женское населеніе. Оно же приготовляетъ предметы домашняго обихода. Среди киргизъ есть хорошіе мастера по кузнечному (въ связи съ серебрянымъ), шорному дѣлу, также по сѣдѣльному и для приготовленія остова для юртъ.

Ремесла въ болѣе значительныхъ размѣрахъ встрѣчаются только въ городахъ. Такъ, въ 1900 г. въ городахъ Акмолинской области ремесленниковъ насчитывалось до 12 тысячъ; бо́льшая часть ихъ занята *сапожнымъ* и *портняжнымъ* дѣломъ; затѣмъ идутъ *хлѣбники*, *мясники*, *столяры* и др. За отсутствіемъ необходимыхъ техническихъ знаній ремесла эти стоятъ не на должной высотѣ и не даютъ хорошаго заработка. Общая производительность ихъ можетъ быть оцѣнена приблизительно около 120 тыс. руб.

Отхожіе промыслы развиты среди киргизъ. Иртышская и Горькая линіи казаковъ ведутъ свои хозяйства чуть ли не исключительно киргизами, нанимающимися за крайне дешевую плату; это же наблюдается и въ Тургайской и Уральской обл. Киргизы же составляютъ главный контингентъ рабочихъ и на соляныхъ, горныхъ пріискахъ и рыбныхъ промыслахъ, а въ городахъ—на заводахъ. Идутъ изъ киргизъ въ работники только „джетаки“. Благодаря сильной конкурренціи плата падаетъ низко, и только нетребовательные киргизы могутъ на нее существовать. Незначительность такихъ занятій и дешевизна труда киргизъ ставитъ русское населеніе въ тяжелое положеніе; въ неурожайные годы оно не можетъ разсчитывать на сторонніе заработки, и единствен-

нымъ выходомъ является организація общественныхъ работъ (каковыя и производились въ 1902 г. въ предѣлахъ Акмолинской и Семипалатинской обл.). Какъ особый видъ отхожихъ промысловъ здѣсь существуетъ *извозъ*. Въ прежніе годы онъ доставлялъ хорошій заработокъ киргизамъ южныхъ уѣздовъ края, являвшихся посредниками въ передачѣ товаровъ между Средней Азіей и русскими промышленными и торговыми центрами. Но съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, улучшеніемъ пароходства и опредѣленныхъ трактовъ, по которымъ пошли главныя массы прежняго груза, промыселъ этотъ значительно палъ: караванные пути стали забрасываться. Въ 1900 г. въ Семипалатинской обл. занималось извозомъ 2.800 семей (изъ нихъ 1.837 киргизскихъ), заработавшія 174.287 руб.; въ Тургайской и Уральской обл. заработокъ отъ извоза значительно менѣе; въ послѣдней главная часть приходится на зимнее время и на перевозку рыбныхъ и хлѣбныхъ грузовъ; послѣдніе доставляются въ южныя уральскія селенія и города, а рыба, наоборотъ, идетъ отсюда на сѣверъ.

Горные промыслы въ восточной части Киргизскаго края, въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской, возникли въ первой половинѣ XIX столѣтія, когда начались впервые добываніе и проплавка серебро-свинцовыхъ рудъ, почти исключительно на мѣстахъ такъ называемыхъ „чудскихъ“ копей.

Въ 1825 г. было положено начало золотопромышленному и мѣдноплавильному дѣлу. Наибольшаго развитія эти промыслы достигли лишь въ 1870—80-хъ годахъ. Каменноугольная промышленность развивалась параллельно съ ними, но наиболѣе широкое развитіе она получила лишь въ самое послѣднее время, съ образованіемъ въ концѣ 1890-хъ годовъ Воскресенскаго горнопромышленнаго общества (въ Павлодарскомъ у.).

Сколько-нибудь удовлетворительныя данныя, рисующія положеніе этого дѣла, имѣются только относительно позднѣйшаго времени, начиная съ 1855 года. По этимъ даннымъ, рудныхъ и каменноугольныхъ мѣсторожденій въ восточной части Киргизскаго края открыто было до 1896 г. около 560. Бо́льшая часть ихъ (около 460) находится въ Семипалатинской области, остальныя—въ Акмолинской.

Уѣздами, наиболѣе богатыми рудными и каменноугольными богатствами, являются въ Семипалатинской области Каркаралинскій, Павлодарскій, Усть-Каменогорскій и Зайсанскій. Особенно богаты первые два. Въ Каркаралинскомъ уѣздѣ насчитывается больше 300 мѣсторожденій; изъ нихъ болѣе 40 каменноугольныхъ, около 70 мѣдныхъ, около 170 серебро-свинцовыхъ, серебро-свинцово-мѣдныхъ, золото-серебро-свинцово-мѣдныхъ и т. п.; остальныя—желѣзныя (3), никелево-серебряныя (2), кобальто-серебряныя (1), цинковыя (4), оловянныя (1) и различныхъ соединеній желѣза, мѣди, серебра, свинца и проч.

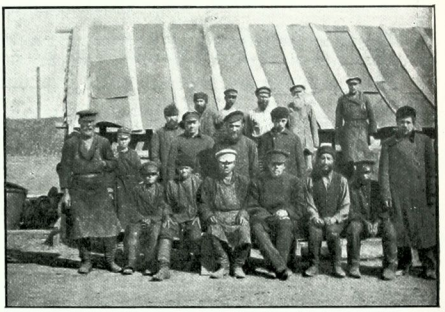
Въ Павлодарскомъ уѣздѣ преобладаютъ каменноугольныя мѣсторожденія; ихъ здѣсь насчитывается болѣе 50. Въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ насчитывалось въ 1892 г. около 160 золотыхъ пріисковъ, въ Зайсанскомъ—около 10 каменноугольныхъ мѣсторожденій и 40 золотыхъ пріисковъ.

Въ Акмолинской области наиболѣе богатыми въ этомъ отношеніи являются уѣзды Акмолинскій (въ немъ насчитывается болѣе 50 мѣсто-

рожденій мѣди, серебра и свинца и около 25 каменноугольныхъ), Кокчетавскій (въ 1896 г. въ немъ насчитывалось болѣе 100 золотыхъ пріисковъ и нѣсколько мѣсторожденій мѣди, каменнаго угля, дымчатаго хрусталя и топаза) и Атбасарскій (около 15 мѣсторожденій мѣди, серебра, свинца и каменнаго угля).

Изо всѣхъ перечисленныхъ выше мѣсторожденій разработывались только очень немногія. Такъ-какъ большинство ихъ отличаются, по отзывамъ спеціалистовъ, очень большимъ богатствомъ, то это обстоятельство нужно объяснить малой предпріимчивостью мѣстныхъ предпринимателей, ихъ плохимъ знакомствомъ съ хорошей, умѣлой постановкой дѣла и—что можно видѣть изъ краховъ нѣсколькихъ крупныхъ предпріятій—отсутствіемъ въ краѣ достаточныхъ капиталовъ для прочной, солидной постановки горнаго промысла.

Всѣ рудники, заводы и копи сосредоточивались до послѣдняго времени главнымъ образомъ въ рукахъ немногихъ фирмъ (Поповыхъ и Рязановыхъ). Въ послѣднее время появились Воскресенское акціонерное общество, фирмы Дерова, Касаткина, Титова и друг.



Рабочіе на Экибазъ-Тузѣ.

Количество добытыхъ въ Акмолинской и Семипалатинской обл. *рудъ, каменнаго угля* и выплавленныхъ металловъ за періодъ времени съ 1855 по 1893 г.г. показываетъ слѣдующая таблица на стр. 280 (взятая изъ книги горн. инж. А. Сборовскаго).

Слишкомъ рѣзкое колебаніе цыфръ добытыхъ и обработанныхъ рудъ въ приведенной таблицѣ объясняется отчасти неточностью самаго цыфрового матеріала, а главнымъ образомъ непрочностью постановки дѣла даже въ самыхъ крупныхъ рудникахъ и копяхъ (С. Попова и его сыновей). Рудники и заводы многихъ предпринимателей существовали отчасти благодаря только займамъ и авансамъ, даваемымъ то горнымъ, то кораблестроительнымъ вѣдомствами, то Государственнымъ Банкомъ. Въ зависимости отъ этихъ займовъ и авансовъ горное дѣло или увеличивалось, или падало и даже совсѣмъ прекращалось. Недостатокъ капиталовъ и происходящая отъ этого заминка въ дѣлахъ сказались въ послѣднее время повидимому даже и въ самомъ крупномъ каменноугольномъ предпріятіи степи—*Воскресенскомъ* горнопромышленномъ обществѣ (съ 1902 г. не работаетъ).

Экибазъ-Тузскія копи этого общества, находящіяся въ Павлодарскомъ уѣздѣ (около 150 в. отъ Павлодара), считаются одними изъ самыхъ богатыхъ въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ. Отъ этихъ копей къ р. Иртышу обществомъ проведенъ на разстояніи 109 верстъ желѣзнодорожный путь (конечная станція его—пристань Воскре-

ГОДЫ.	Съ рудниковъ.			Съ кам.-угольн. копей.			На заводахъ.					
	Число рабочихъ.	Добыто рудъ (въ пудахъ).		Число рабочихъ.	Добыто.		Число рабочихъ.	Проплавлено рудъ (въ пудахъ).	Выплавлено металловъ (въ пудахъ).			
		Серебро свинцовыхъ.	Мѣдныхъ.		Камен. угля.	Бураго угля.			Серебристаго свинца.	Блековаго серебра.	Мѣди черной.	Мѣди чистой.
1855	52	85.690	47.428	185	282.100	—	85	33.007	7.400	—	—	—
1857	415	637.929	48.882	101	59.000	—	73	84.929	15.415	9,24	—	169
1859	833	196.428	126.051	122	1.202.040	—	?	50.281	6.211	6,23	—	68
1861	339	163.169	238.997	201	166.151	—	213	102.794	3.321	3,36	9.914	2.040
1863	240	4.616	184.030	163	363.287	—	302	90.163	977	0,84	7.809	4.447
1865	204	?	101.466	129	202.203	—	120	115.441	—	—	14.981	7.647
1868	263	29.670	331.434	151	330.846	—	192	281.402	—	—	37.663	24.926
1870	72	—	147.427	92	349.546	—	124	103.454	—	—	21.069	11.567
1873	88	—	202.171	108	455.248	—	97	157.951	—	—	37.277	21.600
1875	162	—	256.485	131	800.834	—	160	196.692	—	—	41.917	26.122
1877	177	—	185.081	173	1.041.000	—	187	247.186	—	—	50.440	28.130
1878	235	—	323.328	212	1.219.172	—	157	225.300	—	—	56.340	31.162
1880	199	—	170.746	213	1.232.003	—	185	244.378	—	—	59.000	28.000
1882	204	—	230.000	256	1.064.908	—	249	175.658	—	—	42.529	19.106
1883	177	9.600	19 219	228	1.269.724	—	232	206.757	—	0,8	46.472	22.214
1885	75	70.290	103.651	292	1.508.082	127.500	389	279.293	3.186	35,1	62 036	23.938
1887	630	165.360	22.859	155	9.000	63.500	133	92.138	11.363	171,4	249	—
1888	822	220.712	21.295	206	3.500 и 312 кб. с.	59.900	225	103.782	22.544	136,2	308	—
1890	382	91.314	13.328	147	86.500 и 57 кб. с.	47.700	125	77.189	14.693	72,4	—	—
1891	408	141.008	4.961	163	68.000	71.000	240	90.347	8.879	96,3	1.213	—
1892	?	117.967	3.180	?	38.195 и 18 кб. с.	79.951	?	49.440	9.875	37,9	75	40
1893	141	134.478	22.025	111	27.415	73.000	163	44.725	11.738	98,2	872	797

Кромѣ того въ 1891, 1892 и 1893 г.г. было добыто *желѣзныхъ* рудъ 1.360 пудовъ. Часть этого количества обращена въ чугунъ.

сенская въ 30 верстахъ отъ Павлодара). Сбытъ угля обезпеченъ потребностями Сибирской желѣзной дороги, которой общество обязалось сдавать ежегодно по нѣскольку милліоновъ пудовъ угля; послѣдній на баржахъ подвозится къ Омску.

Оффиціальныя данныя за 1900 г. рисуютъ положеніе горнаго дѣла въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ въ слѣдующемъ видѣ:

	Въ Акмолинской обл.	Чистаго металла.	Въ Семипалатинской обл.	Чистаго металла.
Мѣдныхъ рудъ	221.767 пуд.	7.290 п.	373.618 п.	3.998 п.
Желѣзныхъ	—	—	5.705 „	—
Серебро-свинцовыхъ . .	—	—	35.555 „	{ 42,6 п. серебра 4.944 п. мѣди
Марганцевыхъ.	—	—	17.944 „	—
Каменнаго угля	931.491 „	—	3.705.755 „	—
Бураго угля.	—	—	85.980 „	—
Огнеупорной глины . .	—	—	85.750 „	—
Кварца	—	—	26.455 „	—

На всѣхъ рудникахъ въ Акмолинской обл. работало отъ 320 до 470 чел.; заработали они 90 тысячъ руб. Въ Семипалатинской обл. работало 1.076 чел. съ платой отъ 12 до 33 руб. въ мѣсяцъ.

Заготовка извести.

Кромѣ того въ Семипалатинской обл. производилась ломка жернового камня (главнымъ образомъ въ поселкахъ близъ Семипалатинска)—9.656 пуд., алебастра (п. *Лебяжій*)—24 куб. саж. и известняка—5.660 пуд. (въ пос. *Известковомъ*). Для мѣстныхъ казаковъ промыселъ этотъ доставляетъ значительный заработокъ.

Рабочими въ горныхъ предпріятіяхъ являются главнымъ образомъ киргизы-кочевники; заводы и рудники поэтому не служатъ центрами, около которыхъ возникали-бы осѣдлыя поселенія. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ до нѣкоторой степени только Экибазъ-Тузскія

копи и Воскресенская пристань, на которыхъ работаетъ довольно много и русскихъ рабочихъ. Работы въ большинствѣ предпріятій (за исключеніемъ Воскресенскаго общества) производятся главнымъ образомъ только весной и лѣтомъ, когда прикочевываютъ къ заводамъ и рудникамъ рабочіе-киргизы. Зимой же работы прекращаются.

Размѣры *платы* рабочимъ на различныхъ предпріятіяхъ весьма различны. Въ 1893 году рабочіе получали на однихъ рудникахъ (Попова) въ мѣсяцъ, на хозяйскомъ довольствіи отъ 3 до 25 рублей, служащіе—отъ 30 до 50 рублей; у другихъ (Дерова) первые—отъ 9 до 15 руб., вторые—отъ 15 до 60 р. и тѣ, и другіе на своемъ содержаніи; на третьихъ рабочіе получали на хозяйскомъ содержаніи отъ 6 до 8 рублей въ мѣсяцъ, служащіе—отъ 10 до 25 рублей; на нѣкоторыхъ же рудникахъ—рабочіе получали 6 р. въ мѣсяцъ, служащіе—10 р. на хозяйскомъ содержаніи; у Кабинета Его Величества въ 1892 г. служащіе получали отъ 30 до 75 р. въ мѣсяцъ, рабочіе—отъ 15 коп. до 1 р. въ день, и тѣ, и другіе на своемъ содержаніи.

При отсутствіи въ краѣ фабричныхъ инспекторовъ здѣсь съ рабочими обыкновенно не принято „стѣсняться“. Рабочіе-киргизы живутъ въ грязныхъ и вонючихъ юртахъ и землянкахъ (за послѣднее время впрочемъ въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ выстроены для рабочихъ казармы). Помѣщенія служащихъ болѣе сносны. Кое-гдѣ имѣются больничныя помѣщенія и при нихъ фельдшера, къ которымъ киргизы-рабочіе обращаются за помощью рѣдко, предпочитая свое домашнее леченіе.

Какихъ-либо мѣръ, направленныхъ къ обезпеченію рабочихъ на случай болѣзни, старости и т. п. нигдѣ не принимается. Школъ въ горнозаводскихъ предпріятіяхъ, за исключеніемъ Воскресенскаго общества, нигдѣ нѣтъ, нѣтъ также, за исключеніемъ того-же общества, церквей, священниковъ и врачей.

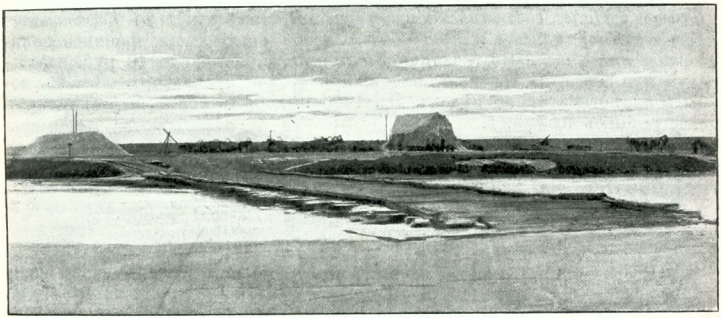
Въ *золотопромышленности* восточной части Киргизскаго края преобладаютъ мелкія предпріятія; добывается здѣсь только разсыпное золото. Вслѣдствіе дороговизны лѣса для укрѣпленій подземныхъ выработокъ и бѣдности розсыпей глубоколежащіе золотоносные пласты не разрабатываются; работы ведутся только открытыми разрѣзами.

Рабочіе на золотыхъ пріискахъ—киргизы, обыкновенно откочевывающіе зимой отъ пріисковъ; поэтому работы ведутся только весной и лѣтомъ. Рабочая плата—около 2—10 рублей въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ; число рабочихъ часовъ колеблется отъ 5 до 12.

Изъ общаго количества пріисковъ (310) въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ разрабатывалось только около 150. За 10 лѣтъ, съ 1882 по 1892 г. на всѣхъ нихъ добыто 191 пудъ 17 фунт. 23 золотн. 71 доля золота. Годовая добыча золота колебалась въ Акмолинской области между 1 и 7 пудами, въ Семипалатинской—между 10 и 32 пудами. Въ первой изъ нихъ пріисковое дѣло постепенно вплоть до послѣднихъ лѣтъ падало, во второй, наоборотъ, съ годами замѣчалось увеличеніе количества добываемаго золота. Объясняется это обстоятельство какъ различіемъ въ богатствѣ розсыпей той и другой области, такъ отчасти и тѣмъ, что въ Акмолинской области работы производились и производятся главнымъ образомъ „старателями“—золотничниками безъ всякихъ сколько-нибудь правильныхъ развѣдокъ, хищнически и

безъ капитала; въ Семипалатинской области шли главнымъ образомъ крупныя работы.

Въ 1900 г. въ Акмолинской обл. работало 18 пріисковъ съ 598 раб., вымыто было при этомъ 1.449 т. пуд. песка, золота получено 20 ф. 67 зол. Въ Семипалатинской области работалъ 141 пріискъ (изъ нихъ 131—въ Усть-Каменогорскомъ у. съ 5.169 рабочими); было промыто 91.242 т. пуд. песка, получено 30 пуд. 30 ф. 62 зол. золота. Въ 1900 г. были введены на пріискахъ правила (учрежденныя 18 мая 1899 г.) о продажѣ и покупкѣ шлихового золота между золотопромышленниками одного и того-же округа. Золотникъ золота продавали въ 1900 г. по 2 р. 50 к.—3 р. 80 к. Всѣ горные продукты свозятся на пароходахъ въ опредѣленные пункты (напр. Усть-Каменогорскъ, Каркаралы, Акмолинскъ), откуда уже они отправляются на пароходахъ и по почтѣ. Серебро доставляется на Петербургскій монетный дворъ, мѣдь и свинецъ Каркаралинскаго у.—въ Павлодаръ, гдѣ производятся сдѣлки съ россійскими покупателями; изъ



Добыча соли на Коряковскомъ озерѣ.

Акмолинской обл. мѣдь вывозится на уральскіе заводы (въ Екатеринбургъ).

Большихъ размѣровъ достигаетъ здѣсь *соляной* промыселъ. Изъ первой главы мы видѣли, какъ богатъ край залежами солей, благодаря обилію соленыхъ озеръ. Будь благопріятныя условія для развитія этого промысла—размѣры его превзошли-бы современную добычу въ нѣсколько разъ; отсутствіе же удобныхъ путей сообщенія, слабая населенность и нѣкоторыя другія причины мѣшаютъ этому.

Разработка соли производится частными лицами въ Акмолинской обл., причемъ работаютъ почти исключительно киргизы. Всего въ Акмолинской обл. разрабатывалось 11 озеръ съ хорошей солью; изъ нихъ наибольшее количество (до 40 тыс. пуд.) даетъ одно изъ большихъ озеръ Омскаго у.—*Теке;* затѣмъ много соли добывается въ озерахъ Петропавловскаго у. (до 62 тыс. пуд.). Всей же соли въ области добывается до 310 тыс. пуд. (болѣе или менѣе, смотря по количеству садки соли). Занимаются этимъ дѣломъ, какъ мы только-что говорили, преимущественно киргизы, въ исключительномъ и безвозмездномъ пользованіи которыхъ

считаются всѣ соленосныя озера съ 1891 г. Промыселъ этотъ не доставляетъ однако киргизамъ хорошаго заработка, такъ какъ соль не сдается ими прямо на рынки, а попадаетъ сначала въ руки перекупщиковъ-казаковъ (которыхъ въ области болѣе 400 чел.); у нихъ киргизы обыкновенно состоятъ въ долгу, и соль идетъ по 5—10 коп. пудъ, тогда какъ на базарѣ она стоитъ 15—20 коп. Сбывается соль болѣе всего по ближайшимъ казачьимъ и крестьянскимъ селеніямъ и городамъ.

Въ Кокчетавскомъ у. на оз. *Оразъ-Улькукъ-Соръ* добываются *горькія* соли (въ 1900 г.—5.250 пуд.), которыя продаются на уральскіе заводы. Соляныя озера Семипалатинской обл. находятся частью въ вѣдѣніи горнаго округа, частью предоставлены въ пользованіе киргизамъ. Первыя сдаются частнымъ лицамъ за попудную плату или годовую оброчную. Такихъ озеръ въ области считается 39, изъ которыхъ 16—на правой сторонѣ Иртыша, остальныя—на лѣвой. Наибольшее промышленное значеніе имѣютъ только семь озеръ: изъ нихъ четыре по правой—*Коряковское, Большое* и *Малое Таволжанскія* и *Карасукское*, а изъ лѣвыхъ—*Карабашское, Большое Калкаманское* и *Бишъ-Тузъ*. Озера сдаются въ арендное пользованіе или участками (различной стоимости, напр. по 10 руб. съ тысячи пуд.), или за годовую плату; при этомъ арендаторъ обязанъ добыть извѣстное число пудовъ. Въ 1900 г. добыча соли выразилась въ слѣдующихъ цыфрахъ.

Съ Коряковскаго озера	2.128.777 пуд.
„ Б. Таволжанскаго	1.138.190 „
„ Карасукскаго	170.800 „
„ Б. Калкаманскаго	125.000 „
„ Карабашскаго	1.053.300 „
„ Бишъ-Туза	50 644 „
„ М. Таволжанскаго	161.253 „

Всего—4.827.964 пуда; за нихъ получено попудной платы за соль:

Съ Коряковскаго озера	30.104 р. 60 к.
„ Б. Таволжанскаго	3.066 „ 98 „
„ Карасукскаго	2.410 „ 11 „
„ Б. Калкаманскаго	700 „ — „

Оброчной платы поступило: съ Карабашскаго—13.500 руб., М. Таволжанскаго—480 руб.; Бишъ-Туза—1 500 руб. Вся сумма, полученная отъ этого промысла, равнялась 51.950 руб. Продано въ томъ-же году 4.005.344 пуда на 152.721 руб. Соль, особенно коряковская, сбывается далеко за предѣлы области: она свозится къ Иртышу (*Черноярка, Павлодаръ* и др.), откуда сплавляется въ Омскъ, Тару, Тобольскъ и Томскъ, и сухопутнымъ путемъ въ Ачинскъ, Барнаулъ, Вѣрный и др. при цѣнѣ въ 5 — 15 коп. пудъ. Заняты ломкой соли болѣе 4.500 чел., преимущественно киргизъ, которые прикочевываютъ къ озерамъ и работаютъ за низкую плату (5 руб. за тысячу пудовъ), считая въ томъ числѣ и работу по складыванію на берегу озера соляныхъ призмъ. На главныхъ озерахъ добыча производится втеченіе всего лѣта и, какъ вездѣ,—первобытнымъ путемъ.

Добыча соли за послѣдніе годы увеличивается, такъ-какъ спросъ на нее расширяется.

Въ западной части края — Уральской и Тургайской обл. главной отраслью горной промышленности является добыча *псваренной соли.*

Въ Уральской обл. масса соли добывается изъ *Индерскаго* озера (см. выше, стр. 10); годовая добыча здѣсь доходитъ до 400—500 тыс. п. Кромѣ него соль, такъ называемую киргизскую, добываютъ изъ южныхъ степныхъ озеръ *Искене*, *Кара-Баспака*, *Кара-Бутака*, *Тентякъ-Сора* и др. въ размѣрѣ 60 т. п. въ годъ (но добывается соль не каждый годъ); такъ называемую „узенскую“ соль добываютъ съ оз. *Степановья*. Всѣ степныя озера сдаются частнымъ предпринимателямъ на 10 и менѣе лѣтъ по 1 руб. съ сотни пудовъ; работаютъ почти исключительно киргизы. Добыча соли, какъ и вездѣ, помимо другихъ причинъ зависитъ отъ состоянія лѣтней погоды: въ дождливое лѣто добыча соли уменьшается наполовину.

Въ Тургайской обл. наибольшее количество соли добывается съ оз. *Уркачъ* (Тургайскаго у.). Въ 1900 г, изъ него было добыто 82.473 пуда, а въ 1901 г. добыча пала до 37.473 пуд., благодаря дождливому лѣту. Работаютъ на озерѣ киргизы по 30 коп. съ пуда Кромѣ того киргизы производятъ ломку соли изъ свободныхъ степныхъ озеръ.

Изъ озера *Койклы-Соръ* добывается *глауберова* соль, но не каждый годъ.

Другія отрасли горнаго дѣла развиты мало. Въ Уральской обл. производится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ломка *мѣла*, *гипса*, *жернового* и *строительнаго* камня, но все это не носитъ характера постояннаго заработка. Съ недавнимъ открытіемъ *нефти* на *Кара-Чунгулѣ* началась ея разработка, но развитіе этого дѣла—еще въ будущемъ. Присутствія благородныхъ металловъ въ Уральской области не обнаружено.

Относительная величина фабрично-заводскихъ производствъ въ Киргизскомъ краѣ.

Въ Тургайской обл. горное дѣло дѣло также въ зачаткѣ. Открытые здѣсь серебро свинцовые и мѣдные рудники разрабатываются не каждый годъ, и дѣло это не обѣщаетъ въ будущемъ особеннаго развитія. Есть нѣсколько заявокъ на *золото* (въ Кустанайскомъ и Иргизскомъ у.у.) и *каменный уголь* (уроч. *Чокнаръ-Куль* Тургайскаго у.), но разработка ихъ не производится.

Вообще горное дѣло въ этихъ областяхъ, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія и вслѣдствіе малолюдности, пока еще мало развито.

Фабрично-заводская промышленность развита въ краѣ также недостаточно и состоитъ главнымъ образомъ въ обработкѣ продуктовъ скотоводства и сельскаго хозяйства. Благодаря послѣднему ростъ ея

находится въ тѣсной зависимости отъ состоянія указанныхъ отраслей хозяйства. Изъ причинъ общаго характера, препятствующихъ ея быстрому развитію, слѣдуетъ назвать отсутствіе въ краѣ свободныхъ капиталовъ, рынковъ сбыта (малое количество населенія) и удобныхъ путей сообщенія. Изъ частныхъ причинъ падежи скота и неурожаи вліяли, напр., на сокращеніе производства съ начала 1880 г. до начала 1890-хъ въ Акмолинской обл.

Всю фабрично-заводскую промышленность края можно свести, исходя изъ обработки матеріаловъ, къ слѣдующимъ группамъ: 1) по обработкѣ животныхъ продуктовъ, 2) по обработкѣ растительныхъ продуктовъ, 3) по обработкѣ ископаемыхъ продуктовъ, 4) по обработкѣ прочихъ продуктовъ.

Въ 1900 г. обработкой *животныхъ* продуктовъ заняты были въ краѣ кожевенные, салотопенные, овчинные, шерстомойные, мыловаренные, свѣчные, маслобойные и кишкопромывательные заводы, а именно:

Въ Акмолинской обл.	226	заводовъ	съ	1.836	раб.	выработали на сумму	1.779	тыс. р.
„ Семипалатинской	41	„	„	320	„	„ „ „	325	„ „
„ Тургайской . . .	37	„	„	83	„	„ „ „	23	„ „
„ Уральской	31	„	„	1.020	„	„ „ „	562	„ „

Обработкой *растительныхъ* продуктовъ были заняты заводы водочные, маслобойные (льяное, конопляное, подсолнечное масла), пивоваренные, дрожжевые и мукомольныя мельницы; изъ нихъ:

Въ Акмолинской обл.	159	заводовъ	съ	714	раб.	выработали на сумму	1.043	т. р.
„ Семипалатинской	13	„	„	310	„	„ „ „	860	„ „
„ Тургайской . . .	192	„	„	244	„	„ „ „	68	„ „
„ Уральской . . .	307	„	„	902	„	„ „ „	619	„ „

Промышленныхъ заведеній, занимающихся обработкой *ископаемыхъ* продуктовъ, очень мало. Они существуютъ только въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ.

Такъ, одинъ мѣдно-плавильный *(Спасскій)* заводъ находится въ Акмолинскомъ у. и три серебро-свинцово-мѣдно-плавильныхъ—въ Каркаралинскомъ у. Семипалатинской обл. Если сюда мы отнесемъ кирпичные и гончарные заводы, то обработка всѣхъ ископаемыхъ богатствъ выразится въ слѣдующихъ цыфрахъ:

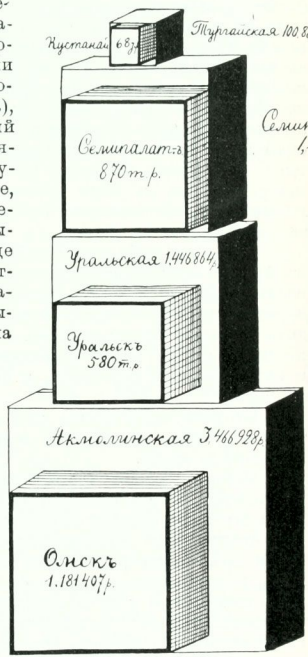
Въ Акмолинской области	103	зав.	съ	935	раб.	съ производствомъ на	485	тыс. р.
„ Семипалатинской . .	31	„	„	461	„	„ „	108	„ „
„ Тургайской	24	„	„	76	„	„ „	97	„ „
„ Уральской	44	„	„	499	„	„ „	95	„ „

Изъ прочихъ заводовъ заслуживаетъ упоминанія небольшой чугунно-литейный и механическій заводъ въ Омскѣ, съ годовой производительностью въ 10 тыс. руб. при 10 рабочихъ. Здѣсь же укажемъ на кузницы, выработавшія въ 1900 году: въ Акмолинской обл. на 144 т. руб. (390 кузницъ при 601 раб.), а въ Уральской—на 35 тыс. р. (198 кузницъ при 220 раб.).

Такимъ образомъ вся фабрично-заводская промышленность за 1900 г. выражалась въ слѣдующихъ цыфрахъ: всего заводовъ и фабрикъ было 1.852 съ 8.221 рабочими; произвели они на 6.165 тыс. руб. Сумма производствъ по каждой группѣ ихъ и по областямъ представлена на діаграммахъ (стр. 285, 287).

Изъ производствъ первое мѣсто по суммѣ оборотовъ занимаютъ

заводы, обрабатывающіе животные продукты. Этого и слѣдовало ожидать: выше мы видѣли, что въ краѣ весьма распространено скотоводство, которое въ большомъ количествѣ доставляетъ на продажу свои разнообразные продукты (сало, кожи, шерсть и др.), почему и было естественнымъ возникновеніе множества заводовъ, занятыхъ именно ихъ обработкой. Несмотря однако на обиліе и дешевизну этихъ продуктовъ, обработка ихъ находится на низкой степени; такъ, напр., обработка кожъ настолько несовершенна, что онѣ не выдерживаютъ конкуренціи даже съ низшими сортами кожъ, привозимыми изъ Европейской Россіи (Казани, Екатеринбурга), и идутъ исключительно на мѣстный рынокъ—казакамъ, киргизамъ и крестьянамъ. То-же слѣдуетъ сказать и про другія производства—овчинное, салотопенное, шерстомойное и мыловаренное; поставлены они неудовлетворительно и вырабатываютъ продукты низшаго сорта. Вообще недостатокъ спеціальныхъ знаній, отсутствіе предпріимчивости у крупныхъ капиталистовъ, отдаленность рынковъ сбыта—мѣшаютъ постановкѣ этого дѣла на болѣе широкихъ и прочныхъ началахъ. Если сопоставить сумму общей заводской промышленности съ числомъ заводовъ, а послѣдніе съ числомъ рабочихъ, то мы получимъ въ среднемъ, что каждый заводъ вырабатываетъ на 3,2 тыс. р. и имѣетъ 3,8 раб., такъ что на эту промышленность можно пока смотрѣть не какъ на настоящую фабрично-заводскую, а скорѣе какъ на ремесленную и кустарную.



Величина фабрично-заводской производительности по областямъ и городамъ.

За послѣднія десять лѣтъ и особенно съ 1896 г. промышленность края впрочемъ значительно увеличилась противъ прежняго, причемъ главное увеличеніе приходится на города, лежащіе по линіи Сибирской желѣзной дороги и по Иртышу.

Довольно быстрымъ ростомъ промышленности отличаются съ 1896—97 гг. города Петропавловскъ и Омскъ, расположенные на линіи Западно-Сибирской ж. д. Къ 1899 г. въ Петропавловскѣ производство однако сильно пало, но съ 1899 г. снова увеличилось. Уменьшеніе производства въ Петропавловскѣ, замѣчаемое въ періодъ 1890—96 гг., совпало съ неблагопріятными годами (91 и 92), отозвавшимися тяжело на хозяйствѣ киргизъ и земледѣльцевъ. Подобныя колебанія фабрично-заводскихъ производствъ изъ года въ годъ, въ зависимости отъ колебаній мѣстнаго урожая и невзгодъ

мѣстнаго скотоводства, очень характерны для Киргизскаго края, какъ страны еще экономически слабой и полудикой.

Торговля въ краѣ велась издавна; уже въ XVI вѣкѣ русскіе караваны ходили вверхъ по Иртышу, а „бухарскіе“ караваны направлялись черезъ Киргизскій край въ Европейскую Россію. Со вторженіемъ русскихъ вглубь степей и замиреніемъ киргизъ торговыя сношенія все болѣе и болѣе увеличивались. Русское правительство принимало цѣлый рядъ мѣръ къ наибольшему и надежному возстановленію такихъ отношеній. Такъ, въ 1764 г. были сдѣланы особыя ассигнованія суммъ спеціально для пріема и угощенія богатыхъ и вліятельныхъ инородцевъ, пріѣзжавшихъ на русскую границу; этимъ предполагалось пріохотить послѣднихъ къ сношеніямъ съ русскими. Въ 1783 г. съ этой цѣлью были устроены по Горькой и Оренбургской (на границѣ съ Тургайской обл.) линіямъ мечети и караванъ-сараи для пріѣзжихъ купцовъ-инородцевъ. Купеческіе караваны русское правительство брало подъ свою защиту, посылая съ ними конвои казаковъ. Наиболѣе значительныя торговыя сношенія завелись съ киргизами въ г. Петропавловскѣ (тогда таможнѣ).

Для облегченія торговли были отмѣнены нѣкоторыя пошлины, напр., въ 1831 г. съ киргизскихъ кожъ и сала, а въ 1835 г. пошлина на вывозимый въ степь хлѣбъ, земледѣльческія орудія и другія издѣлія изъ желѣза; въ 1845 г. купцы получили разрѣшеніе ѣздить въ степь и заводить тамъ мѣновую торговлю. Наконецъ съ 1868 года, съ преобразованіями въ степи, были уничтожены всякія пошлины на торговлю во всѣхъ четырехъ областяхъ, и она стала производиться на общихъ основаніяхъ.

Въ настоящее время всю торговлю края можно разбить на три типа: *мѣновую*, *ярмарочную* и *постоянную* (осѣдлую)—результатъ позднѣйшаго времени.

Первая находится въ рукахъ немногихъ торговцевъ, разъѣзжающихъ по степи съ небольшими запасами разныхъ товаровъ, необходимыхъ въ киргизскомъ обиходѣ; за свои товары торговцы берутъ разный скотъ и его продукты—сало, шерсть и др. О результатахъ торговли можно судить косвенно изъ того, что ѣдущій съ возомъ товаровъ, возвращается нерѣдко съ „косякомъ“ (стадомъ) лошадей или другихъ животныхъ или съ возами шерсти, сала и др. продуктовъ; все это сбывается за хорошую цѣну на мѣстные заводы или ближайшіе базары—въ Троицкъ, Оренбургъ, Орскъ, Петропавловскъ, Омскъ перекупщикамъ, которые въ свою очередь отправляютъ ихъ на главные русскіе и заграничные рынки. Торговля эта очень выгодна, такъ какъ въ степи конкуренція совершенно отсутствуетъ, и торговцы назначаютъ на товары высокую цѣну, которая къ тому-же уплачивается мѣной предметовъ, идущихъ за полцѣны (единицей обмѣна служитъ часто баранъ). Въ названные торговые пункты сами киргизы пригоняютъ также на продажу скотъ и привозятъ хлѣбъ. Обороты этой торговли можно считать до милліона рублей въ годъ.

Второй типъ торговли—*ярмарочный*—также распространенъ въ краѣ, какъ представляющій большія удобства при господствѣ кочевого населенія, маломъ числѣ вполнѣ установившихся крупныхъ торгово-промышленныхъ пунктовъ и удобныхъ путей сообщенія и наконецъ при

скопленіи въ опредѣленныхъ пунктахъ въ нѣкоторое время года (осенью и зимой) кочевого населенія. Эта торговля представляетъ, строго говоря, не продажу товаровъ, а также скорѣе обмѣнъ продуктовъ фабрично-заводскихъ на продукты скотоводства.

Всѣхъ ярмарокъ въ краѣ 106 съ оборотомъ (въ 1900 г.) въ 32,7 милл. руб.; изъ нихъ въ Акмолинской обл. 62 съ оборотомъ на 18,3 милл. руб., въ Семипалатинской—27 съ оборотомъ на 2,8 милл. руб. въ Уральской—11 ярмарокъ съ оборотомъ 8,9 милл. руб. и въ Тургайской—6 съ оборотомъ въ 1,4 милл. руб. Наиболѣе значительными ярмарками въ Акмолинской обл. являются три (лѣтнія), на которыя съѣзжаются не только мѣстные областные торговцы, но и купцы изъ Европейской Россіи, Туркестана и др. мѣстъ; это *Константиновская* въ *Акмолинскѣ*, *Петровская* въ *Атбасарѣ* и *Таинчинская* или *Таинчкульская* въ Петропавловскомъ уѣздѣ. Обороты этихъ ярмарокъ въ 1900 г. выразились въ слѣдующихъ цыфрахъ:

	Константиновская.		Петровская.		Таинчкульская.	
	Привозъ.	Сбытъ.	Привозъ.	Сбытъ.	Привозъ.	Сбытъ.
	Въ тысячахъ руб.		Въ тысячахъ руб.		Въ тысячахъ руб.	
Скотъ	1.0.0	727	989,8	813	679	184,5
Произведенія степи (кожа, сало, шерсть, войлокъ и проч.)	352	225,8	285,9	198,7	22,6	20,8
Фабрично-заводскіе товары.						
Мануфактурные	370	210	224	173,3	157	64
Металлическіе	73,5	26	12	7,9	8,9	2,7
Кожевенные	21,5	14	24	17,6	9,8	3,4
Азіатскіе (ковры, предм. одѣянія, сушеные плоды и пр.).	80,9	31	33	23,7	72	11,8
	1.907,9	1.233,8	1.568,7	1.234,4	949,3	287,2

Общій оборотъ этихъ главнѣйшихъ ярмарокъ за 1900 г. выразился въ 7.181 тыс. руб., т. е. былъ почти равенъ половинѣ оборота всѣхъ ярмарокъ области, причемъ на произведенія степи приходилось почти $^4/_5$ всего оборота. Изъ ярмарокъ особенно большое значеніе имѣетъ Константиновская, такъ какъ Акмолинскъ по своему положенію является единственнымъ крупнымъ пунктомъ въ южныхъ степяхъ. Вслѣдствіе громадныхъ разстояній сношенія кочевниковъ возможны здѣсь только лѣтомъ, когда удобно подвозить продукты и подгонять скотъ; къ этому времени и пріурочена ярмарка, являющаяся цѣлымъ событіемъ въ области. Съ конца апрѣля начинаютъ двигаться киргизы со стадами къ городу, и къ іюню все пространство земли въ углу между р.р. Нурой, Ишимомъ, Акмолинскомъ и границей Семипалатинской обл. представляетъ

сплошной выгонъ, покрытый „атарами“ овецъ, табунами лошадей, караванами верблюдовъ, нагруженныхъ вьюками сырья. Въ городѣ происходитъ торговля европейскими издѣліями. Киргизы, продавъ свой товаръ, закупаютъ тамъ все необходимое и по возможности на цѣлый годъ—до будущей ярмарки. Въ прежнее время азіатскіе (ташкентскіе и бухарскіе) товары находили здѣсь большой сбытъ, но теперь вытѣснены московскими и др. русскими издѣліями (это замѣчено и на другихъ ярмаркахъ).

Въ Семипалатинской обл. первое мѣсто занимаетъ *Ботовская (Куяндинская)* ярмарка въ Каркаралинскомъ у., оборотъ которой простирается (въ 1900 г.) до 1.644 тыс. руб.; изъ нихъ произведеній степи оборачивалось на 995 тыс. р., остальная же сумма приходилась на фабрично-заводскія издѣлія. Изъ другихъ, менѣе значительныхъ ярмарокъ могутъ быть отмѣчены: *Чарская* (въ Семипалатинскомъ уѣздѣ) съ оборотомъ въ 310 т. р., *Покровская* (въ *Баянъ-Аулѣ*)—на 210 т. р., *Ивановская* (въ п. *Песчаномъ*)—на 134 т. р. и др.

Въ Тургайской обл. значительныя ярмарки находятся: въ *Актюбинскѣ*—на 326 т. р., двѣ въ *Кустанаѣ* —на 614 т. р., въ *Тургаѣ*—на 186 т. р. и двѣ въ *Иргизѣ*—на 297 т. р. На этихъ ярмаркахъ въ числѣ произведеній степи выступаютъ на продажу, кромѣ продуктовъ скотоводства, *хлѣбные* продукты, а также „азіатскіе“ товары, подъ которыми въ Киргизскомъ краѣ извѣстны бухарскіе и ташкентскіе ковры, халаты, шелковыя и бумажныя ткани, сушеные плоды и др. Кочевымъ населеніемъ покупаются главнымъ образомъ мануфактурные и желѣзные товары.

Въ Уральской обл. наиболѣе значительны ярмарки: *Уильская* (въ Киргизской степи) съ оборотомъ въ 3,5 милл. руб., *Калмыковская*—съ оборотомъ до 2,3 милл. руб. *Сламихинская* (въ Калмыковскомъ у.)—до 600 т. р. *Иртецкая* — до 170 тыс. руб., наконецъ *Гурьевская* — до 160 тыс. руб.

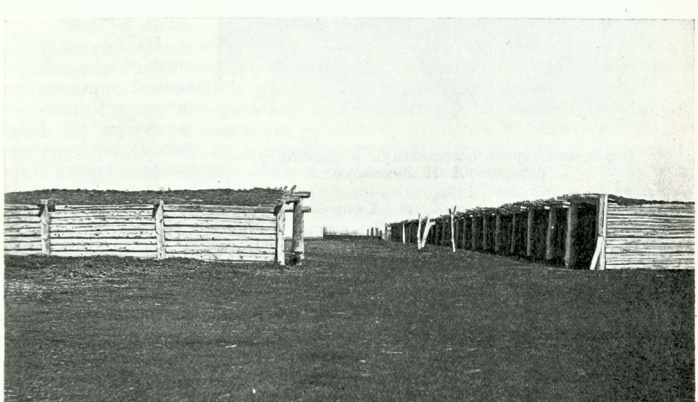
Сумма оборотовъ всѣхъ перечисленныхъ ярмарокъ въ краѣ колеблется въ большихъ предѣлахъ, въ зависимости отъ урожая хлѣбовъ и травъ, благополучныхъ лѣтъ для скота и нѣкоторыхъ другихъ причинъ, вліяющихъ на благосостояніе кочевниковъ. Съ проведеніемъ Закаспійской ж. д. часть киргизскихъ и „азіатскихъ“ товаровъ отвлечены отъ этихъ пунктовъ и пошли прямо въ Россію. Но въ общемъ обороты ярмарокъ растутъ, что̀ видно, напр., по Акмолинской обл., гдѣ они въ 1882 г. достигали 6,6 милл. руб., въ 1885 г.—7,8 милл. руб., въ 1889 г.—8,2 милл. руб., а въ 1893 г.—10,4 милл. руб.

Акмолинская, Тургайская и Уральской обл., прилегающія съ одной стороны къ населеннымъ частямъ русскихъ губерній, а съ другой—къ среднеазіатскимъ степямъ, явились передаточными пунктами для произведеній степи и русской фабрично-заводской промышленности, представляя въ то-же время и сами значительный фондъ различныхъ сырыхъ продуктовъ и скота. Указанныя крупныя ярмарки приноровлены такъ, чтобы скотъ, движущійся изъ глуби южныхъ степей, не миновалъ ихъ. Движеніе скота начинается съ *Чарской* ярмарки (Семипалатинской обл.); отсюда купленный скотъ идетъ на Омскъ, непроданный же гонится въ *Куянды* (*Ботовская* ярмарка), куда пригоняется, кромѣ мѣстнаго, еще и семирѣченскій скотъ. Отсюда скотъ гонится на Акмолин-

скую и Атбасарскую ярмарки, гдѣ распродается непроданный на первыхъ ярмаркахъ; отсюда уже одна часть его идетъ въ Тургайскую область, другая въ *Ташнчи*, на Петропавловскъ и въ ст. Звѣриноголовскую, откуда уже направлятся къ желѣзной дорогѣ и по ней развозится въ видѣ мяса, кожъ и др. сырья—въ Европейскую Россію. Въ 1900 г съ двухъ главныхъ станцій—Петропавловска и Омска вывезено:

	Петропавловскъ.	Омскъ.
Мяса (скотского, бараньяго, солонины) .	814 т. пуд.	246 т. пуд.
Кожъ (конскихъ, овчинъ, яловыхъ и др.)	1.420 т. штукъ.	724 т. штукъ.
Шерсти и волоса	37 т. пуд.	7 т. пуд.
Кишекъ бараньихъ	424 т. штукъ.	4 т. штукъ.

Рынками сбыта мяса служили главнымъ образомъ Москва (375 т. п.)



Типъ ярмарочныхъ торговыхъ рядовъ въ Киргизской степи.

и Петербургъ (345 т. п.); для кожъ—Владимірская губ. (450 т. штукъ), Ревель и Либава (405 т. шт.); кишки вывозятся преимущественно въ Берлинъ (380 т. шт.) и Москву (26 т. шт.). Кромѣ того изъ Петропавловска отправлено въ Казань, Петербургъ и др. мѣста 180 тыс. пуд. скотского и бараньяго сала. Учесть стоимость вывозимыхъ произведеній степи изо всей области, при отсутствіи статистическихъ данныхъ, невозможно, но нужно думать, что она выразится суммой въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, такъ какъ перечисленный только отпускъ г. Петропавловска равенъ почти 8 милл. руб. Въ Тургайской обл. ежегодный доходъ отъ вывоза произведеній степи (сало, кожи, шерсть, мясо и др.) достигаетъ около 9 милл. руб.; въ Уральской обл. онъ нѣсколько меньше, а въ Семипалатинской—больше.

Постоянная (осѣдлая) торговля сосредоточена въ главныхъ городахъ края, которые являются какъ-бы складочными пунктами фабрично-

Переправа черезъ пограничную р. Акъ-Кабу.
(По фот. Е. И. Лученко).

заводскихъ произведеній для кочевого населенія. Наиболѣе значительные торговые обороты ведутъ: Петропавловскъ—около 4 милл. руб., Омскъ — около 3,5 милл. руб., Кустанай (и уѣздъ) — на 900 т. рублей, Семипалатинскъ—до 1,5 милл., Уральскъ — болѣе 1 милл. рублей.

Въ Семипалатинской обл. кромѣ указанной торговли существуетъ еще *пограничная* съ Китаемъ. Ведется эта торговля черезъ три русскихъ таможенныхъ пункта: *Зайсанскій* и *Алкабекскій* на югѣ съ Чугучакомъ, Урумчи, Улясутаемъ, Булунъ-Тохоемъ, Гученомъ и др. китайскими городами, а на востокѣ области пограничная торговля идетъ черезъ п. *Котонъ-Карагайскій* съ г. Кобдо и съ китайскими киргизами. Въ 1900 г. черезъ Зайсанскую таможню было вывезено на 410.674 р., ввезено—на 26.804 руб., черезъ *Котонъ-Карагайскій* пунктъ—вывезено на 48.178 руб., привезено на 17.478 руб. и черезъ *Алкабекскій* вывезено—на 1.540 р., а привезено на 54.419 руб. Предметами торговли служатъ съ русской стороны произведенія фабрично-заводской промышленности, изъ которыхъ болѣе всего вывозится мануфактурныхъ товаровъ; общая сумма отпуска всѣхъ товаровъ равнялась въ 1900 г. 460.392 руб. Ввозятся преимущественно: скотъ (126 т. р.), кожи, шерсть, войлокъ, шкуры и чай; въ 1900 г. ввезено всего на 339.942 руб. Торговля эта въ общемъ расширяется, хотя и замѣчаются колебанія въ привозѣ, что видно изъ слѣдующихъ цыфръ:

въ 1892 г.	вывезено на	357 т. р.	привезено на	348 т. р.
„ 1894 „	„ „	437 „ „	„ „	413 „ „
„ 1899 „	„ „	454 „ „	„ „	383 „ „
„ 1900 „	„ „	460 „ „	„ „	339 „ „

Въ будущемъ, съ исправленіемъ горныхъ путей и развитіемъ судоходства по верхнему Иртышу, торговля эта несомнѣнно увеличится.

За неимѣніемъ данныхъ о торговыхъ оборотахъ по всѣмъ областямъ, можно только приблизительно опредѣлить сумму торговыхъ оборотовъ въ краѣ; а именно: въ Уральской обл.—23.926 тыс. руб. (оффиц. данныя), въ Тургайской — 12.600 тыс. р., въ Семипалатинской — до 25 милл. руб. и въ Акмолинской—до 35 милл., а всего около 96,5 милл. рублей.

ГЛАВА VII.

Пути сообщенія.

А. Н. Сѣдельникова.

Древній водный путь „волокомъ“.—Типъ старыхъ судовъ.—Развитіе парового флота на Иртышѣ.—Размѣры современнаго пароходства и его грузоподъемная сила.—Сплавной флотъ на Иртышѣ.—Буксирное и пассажирское движеніе по Иртышу.—Древніе грунтовые пути.—Современные главные тракты края.—Желѣзнодорожные пути сообщенія.—Обезпеченность края въ путяхъ сообщенія.

Самыми древними путями сообщенія для русскаго населенія въ Киргизскомъ краѣ были естественные *водные* пути по нѣкоторымъ крупнѣйшимъ здѣшнимъ рѣкамъ. Мы видѣли выше, что завоеваніе и колонизація края совершалась по берегамъ р.р. *Иртыша* (особенно) и *Урала*. Но еще и до появленія русскихъ, Иртышъ служилъ уже большой торговой дорогой, по которой ходили на „каюкахъ“ (т. е. крупныхъ лодкахъ) караваны бухарскихъ и другихъ среднеазіатскихъ купцовъ, ведшихъ мѣновую торговлю (среднеазіатскими тканями, хлѣбомъ, фруктами и др.) съ тобольскими татарами и даже съ обдорскими остяками, получая отъ нихъ пушнину. Этотъ путь начинался съ верхняго Иртыша (близъ Усть-Каменогорска), гдѣ товары перекладывались изъ вьюковъ на суда и отправлялись внизъ до *Искера*; на пути часть караванъ приставала къ болѣе населеннымъ пунктамъ и углублялась въ степи по стоянкамъ кочевавшихъ тамъ киргизъ. Движеніе каравановъ совершалось разъ—два въ лѣто. Съ появленіемъ русскихъ за Иртышемъ осталась роль главной артеріи всей торговой жизни края. Рядомъ съ бухарскими караванами появились русскіе промышленники и торговцы, преимущественно пріуральскіе, обмѣнивавшіе мануфактурные и желѣзные товары.

Водный русскій караванъ того времени состоялъ изъ нѣсколькихъ *досчаниковъ*—неуклюжихъ большихъ лодокъ; движеніе ихъ было медленное: внизъ по водѣ онѣ предоставлялись теченію рѣки; прибѣгали иногда къ парусамъ и весламъ, вверхъ же по рѣкѣ двигались „волокомъ“, т. е. тянулись при помощи веревокъ людьми и въ рѣдкихъ случаяхъ—лошадьми.

На такихъ досчаникахъ совершены были всѣ походы вольницы, а позже все завоеваніе Иртыша. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ досчаники представляли собой походный укрѣпленный домъ-складъ всего необходимаго въ подобныхъ поѣздкахъ. Съ „караваномъ“ отправлялась обыкновенно стража, часть которой шла по берегу для предупрежденія неожиданныхъ нападеній и засадъ со стороны калмыковъ, киргизъ и другихъ кочевниковъ. Послѣдніе хотя и не играли такой роли, какъ волжская вольница, но помѣхи къ плаванію тѣмъ не менѣе устраивали, больше съ цѣлью получить нѣкоторое количество „отступного“. Даже въ концѣ XVII вѣка поѣздки русскихъ за солью къ *Ямышевскому* озеру походили скорѣе на военные походы; одинъ изъ первыхъ историковъ

Сибири Миллеръ такъ описываетъ подобный походъ: „Отправить (въ 1699 г.) водяной караванъ изъ 25 досчаниковъ, къ которымъ присоединить изъ Тары еще 5; на нихъ насажено воинскихъ людей—стрѣльцовъ, пушкарей, барабанщиковъ, казаковъ конныхъ, пѣшихъ и татарскихъ съ рабочими при сотникахъ и атаманахъ — около 840; дано пищалей мѣдныхъ 11, съ желѣзными ядрами двух- и трехфунтовыми—до 314, ружей приличное число, пороху ручного и пушечнаго 79, а свинца 50 п., фитилей по разсчету и полковое изъ камки знамя. Плыть и останавливаться съ лагерными осторожностями“.

Съ устройствомъ по Иртышу ряда крѣпостей и оттѣсненіемъ киргизъ вглубь степей, военный характеръ водныхъ каравановъ постепенно уничтожился. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность развиться и мѣстной торговлѣ: въ крѣпостяхъ *Усть-Каменогорской, Семипалатной, Ямышевой, Железинской* и *Омской* образовались постоянные склады товаровъ; отсюда развозили ихъ внизъ по Иртышу и въ степь. Движеніе, какъ и въ первые годы, совершалось на досчаникахъ и „волокомъ“.

Бурлачества, какъ на Волгѣ, здѣсь не было, отчасти потому, что по Иртышу не было осѣдлаго населенія, которое могло-бы заняться этимъ промысломъ, отчасти потому, что бухарскіе купцы имѣли достаточное количество рабовъ, а у русскаго правительства были казаки, на обязанности которыхъ лежалъ „волокъ“ судовъ, сплавъ лѣса и тому подобныя работы.

Плаваніе „волокомъ“ продолжалось до XIX столѣтія, когда стали появляться *коноводки*; это были тѣ-же досчаники, на которыхъ пара лошадей приводила въ движеніе два бортовыхъ колеса. Коноводки не играли замѣтной роли въ исторіи мѣстнаго судоходства, а въ дальнѣйшемъ не получили развитія; этому много мѣшало мѣстное условіе плаванія—быстрота теченія. Выше Павлодара и особенно въ Семипалатинскомъ у. только наиболѣе сильныя изъ коноводокъ могли подняться противъ теченія. Въ настоящее время коноводки въ качествѣ паромовъ чуть-ли не исключительно занимаются переправой черезъ Иртышъ ниже Омска.

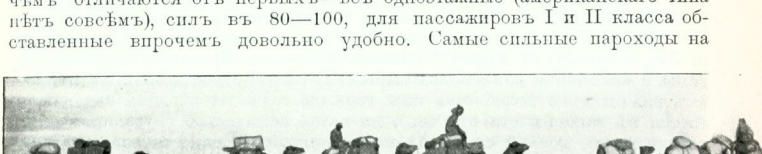
Паровыя суда появились на Иртышѣ въ предѣлахъ края въ началѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія. Первый пароходъ пришелъ въ Омскъ и прошелъ далѣе вверхъ по Иртышу до Семипалатинска въ 1862 году (черезъ 18 лѣтъ послѣ того, какъ появились первые пароходы въ Западной Сибири). На слѣдующій годъ пароходъ „Ура“ прошелъ изъ Семипалатинска въ оз. Зайсанъ и далѣе по Черному Иртышу. Съ этого времени Иртышъ считался открытымъ для плаванія паровыхъ и другихъ большихъ судовъ. За отсутствіемъ достаточнаго количества осѣдлаго населенія, пароходство однако развивалось медленно, хотя между Омскомъ, Семипалатинскомъ и Тобольскомъ въ 1870 годахъ пароходы дѣлали уже опредѣленные срочные рейсы. Мѣстная администрація старалась вызвать частную инициативу въ дѣлѣ развитія судоходства выше Семипалатинска, но оно не развивалось до настоящаго времени, такъ какъ не представляло явныхъ выгодъ и было небезопасно вслѣдствіе пороговъ и перекатовъ. Въ 1901 г. образовалось товарищество для пароходнаго плаванія изъ Семипалатинска на Черный Иртышъ.

О ростѣ пароходства по Иртышу можно до нѣкоторой степени судить изъ слѣдующей таблицы, показывающей ростъ пароходства по всему Иртышу и Оби вмѣстѣ:

въ 1860 г. на Оби и Иртышѣ было	12	пароходовъ.
„ 1863 „	16	„
„ 1870 „	23	„
„ 1875 „	32	„
„ 1880 „	36	„
„ 1885 „	57	„
„ 1891 „	73	„
„ 1893 „	93	„
„ 1895 „	120	„

Въ настоящее время по Иртышу и Оби плаваетъ около 150 пароходовъ; изъ нихъ около $^1/_3$ рейсируютъ между Семипалатинскомъ—Омскомъ—Тобольскомъ.

Господствующимъ типомъ парохода является *буксирный;* это небольшіе пароходы съ деревяннымъ корпусомъ въ 60, 80 и 100 силъ. Пассажирскихъ пароходовъ немного (между Омскомъ и Семипалатинскомъ въ 1902 г. ходило всего 5), и съ внѣшней стороны они мало чѣмъ отличаются отъ первыхъ—всѣ одноэтажные (американскаго типа нѣтъ совсѣмъ), силъ въ 80—100, для пассажировъ I и II класса обставленные впрочемъ довольно удобно. Самые сильные пароходы на



Караванъ вблизи Кара-Чунгула.

Иртышѣ и Оби—въ 240 силъ (одинъ); до 30 пароходовъ имѣютъ по 100—180 силъ, до 38 пароходовъ по 60—85 силъ; 40 имѣютъ отъ 25 до 40 силъ и около тридцати пароходовъ болѣе мелкихъ; изъ нихъ, какъ мы уже сказали, не менѣе трети плаваютъ по Иртышу въ предѣлахъ нашего края. Такимъ образомъ коммерческій паровой флотъ Киргизскаго края можно считать въ 60—70 пароходовъ и въ $2^1/_2$ тыс. силъ. Бо́льшая часть пароходовъ принадлежитъ двумъ товариществамъ: Курбатова и Игнатова и Трапезникова, которые съ 1900 г. образовали синдикатъ подъ именемъ „Товарищество Западно-Сибирскаго пароходства и торговли", и теперь почти все пароходное дѣло и движеніе грузовъ по Иртышу находится въ ихъ рукахъ; не приставшіе къ „Товариществу" мелкіе пароходовладѣльцы живутъ своими грузами.

Постройка мѣстныхъ пароходовъ производится въ Тюмени—этомъ исходномъ пунктѣ всего западно-сибирскаго пароходства; здѣсь имѣется спеціальный (Жабынскій) заводъ, гдѣ изготовляются машины и собирается все судно. Часть машинъ доставляется изъ ближайшихъ уральскихъ заводовъ (Мотовилихинскаго, Любимова, Гулетъ и др.). Въ предѣлахъ нашего края заводовъ, гдѣ-бы могли приготовляться части машинъ, нѣтъ; серьезный ремонтъ въ машинѣ пароходъ можетъ сдѣлать только въ Тюмени и лишь съ недавняго времени—въ Омскѣ.

Буксирные пароходы ведутъ за собой обыкновенно двѣ баржи. Мѣстныя баржи строются по образцу волжскихъ—длиной до 40 саж. и шириной въ 12—15 арш.; такая баржа принимаетъ груза до 80 тыс. пуд., который грузится обыкновенно въ трюмъ. Стоитъ она 10—12 тыс. руб.; дороговизна баржей объясняется отсутствіемъ хорошаго лѣса на мѣстѣ и спеціальныхъ мастеровъ. Въ предѣлахъ края незначительная постройка баржъ происходитъ близъ Семипалатинска, но лучшія и болѣе дешевыя приводятся съ низу (изъ Тюмени и Тары). На каждый пароходъ здѣсь принято имѣть по три баржи. Такимъ образомъ общее количество плавающихъ здѣсь пароходныхъ баржъ можно считать до 180 съ подъемной силой болѣе милліона пудовъ. Кромѣ деревянныхъ баржей есть нѣсколько желѣзныхъ, имѣющихъ спеціальное назначеніе—перевозку новобранцевъ и арестантовъ.

Кромѣ пароходныхъ баржей на Иртышѣ существуетъ другой типъ большихъ сплавныхъ судовъ—*бѣляны* и *коломенки*. Это деревянныя, широкія суда, неуклюже построенныя (съ тупымъ носомъ и широко-разведенныя съ деревянными скрѣпленіями). Строются онѣ въ Семипалатинскѣ, *Долонской* станицѣ и въ крестьянскихъ деревняхъ по р. *Убѣ* (впадающей выше Семипалатинска въ Иртышъ). Служатъ бѣляны и коломенки для сплава сырыхъ грузовъ (зерна, лѣса). Количество ихъ значительно колеблется изъ года въ годъ. Постройка ихъ усиливается въ зависимости отъ того, на какое количество груза приходится разсчитывать весной съ началомъ навигаціи. Если грузовъ за зиму скопляется большое количество, а зимующихъ пароходовъ мало, постройка коломенокъ увеличивается, при обратныхъ условіяхъ уменьшается. Впрочемъ для коломенокъ плаваніе въ верхнемъ Иртышѣ нельзя считать благопріятнымъ: быстрота теченія, извилистость рѣки, присутствіе перекатовъ и большіе вѣтры дѣлаютъ его опаснымъ. *Бѣляны* имѣютъ еще болѣе первобытное устройство; служатъ онѣ почти исключительно для сплава лѣса. Движеніе тѣхъ и другихъ совершается естественнымъ теченіемъ рѣки; для усиленія скорости, особенно при противномъ вѣтрѣ, съ носовой части спускается на борозду (фарватеръ) рѣки желѣзный грузъ (часто плита), который, не доставая дна, увлекается теченіемъ и усиливаетъ скорость плаванія; кромѣ того такой грузъ направляетъ и держитъ судно въ бороздѣ, не давая ему возможности уклоняться на мелкія мѣста.

Киргизская перевозная лодка (карбасъ) на оз. Зайсанъ. (*По фот. В. Сапожникова*).

Далѣе изъ мелкихъ судовъ, которыя также составляютъ мѣстный коммерческій флотъ, слѣдуетъ назвать *паузки*—небольшія (15—20 саж.) баржи, употребляемыя для сплава и перевозки товаровъ (главнымъ образомъ хлѣба) въ мелкихъ мѣстахъ верхняго Иртыша и по его притокамъ Убѣ и Бухтармѣ; можно назвать еще *барки*—мелкія суда, но болѣе неуклюжія, чѣмъ паузки. Древніе *досчаники* дошли до нашего времени въ видѣ *карбасовъ*; это наиболѣе распро-

страненная форма коммерческаго судна у мѣстнаго населенія; представляетъ она собою широкую въ 6—8 арш. и неглубокую досчаную лодку, при 15—20 арш. длины; поднимаетъ такой карбасъ до 200—300 пуд. Главнымъ предметомъ ихъ нагрузки служатъ мѣстные сельско-хозяйственные продукты, идущіе на продажу въ ближайшіе города, напр., арбузы, подсолнухи, крупа, иногда хлѣбъ, рыба, медъ, масло. На Зайсанскую рыбалку ежегодно уходятъ изъ Семипалатинскаго и Усть-Каменогорскаго у. нѣсколько карбасовъ съ казаками; весной и осенью десятки карбасовъ, нагруженныхъ сушеной рыбой, сплавляются въ Семипалатинскъ и Омскъ. Движеніе ихъ совершается волокомъ или бичевой, или же на веслахъ и на парусахъ.

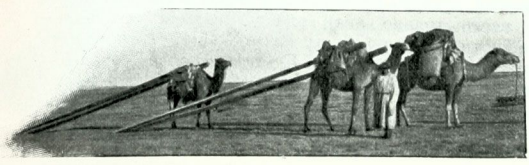
Наконецъ наиболѣе первобытной формой сплавного судна слѣдуетъ назвать *плоты*, которые втеченіе всего навигаціоннаго періода движутся съ верховьевъ Иртыша внизъ по рѣкѣ, главнымъ образомъ къ Омску. Являясь сами по себѣ уже товаромъ (лѣсные матеріалы), плоты привозятъ сотни тысячъ пудовъ арбузовъ, подсолнуховъ, крупъ, кедровыхъ орѣховъ, рыбы, соли, извести, алебастра и охры. Это наиболѣе дешевый способъ доставки товара и матеріала съ верхняго Иртыша, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ненадежный; весной и осенью на Иртышѣ происходятъ частыя и сильныя бури, которыя нерѣдко разбиваютъ плоты; кромѣ того Иртышъ выше Павлодара, какъ мы уже замѣтили, имѣетъ извилистое русло, быстрое теченіе и опасные перекаты, что для плотовъ представляетъ серьезныя препятствія и опасности.

Опредѣлить количество грузовъ, идущихъ по Иртышу втеченіе навигаціоннаго періода на пароходахъ, баржахъ, карбасахъ и другихъ судахъ, не представляется возможнымъ; приблизительное количество сплавляемаго груза и отправляемаго вверхъ по Иртышу можно считать отъ 10 до 15 милл. пудовъ. Изъ нихъ главная масса *сплавляемаго* груза падаетъ на каменный уголь (съ Воскресенскихъ копей до 1½ милл. п.) затѣмъ идетъ хлѣбъ (зерно и мука до 600—900 т. п.), соль (до 400 т. п.), зелень (арбузы, подсолнухи и пр.) и продукты скотоводства. *Получаются* же мануфактурные, желѣзные и др. продукты фабрично-заводской промышленности. Современное число грузовъ и судовъ для такой рѣки какъ Иртышъ, конечно, невелико. Это показываетъ, что грузовое движеніе только-что начинаетъ развиваться. Объясняется это слабой населенностью края и тѣмъ, что береговой полосой владѣетъ непромышленное населеніе—казаки, не умѣющіе использовать своего благопріятнаго положенія. Нельзя впрочемъ сказать, что на всемъ протяженіи края Иртышъ удобенъ для судоходства. Въ верхней части отъ китайской границы (р. Алкабекъ) до Семипалатинска встрѣчается нѣсколько пороговъ (въ гористой части между Бухтармой и Усть-Каменогорскомъ) и „шиверы“ (каменистыя мели); удобно ходить могутъ здѣсь только плоскодонныя суда съ неглубокой осадкой (такихъ пароходовъ здѣсь имѣется всего только два); для устраненія этихъ неудобствъ необходимы очистительныя работы. Ниже Семипалатинска есть также нѣсколько опасныхъ перекатовъ (у п. *Глуховскаго*, *Боброваго* и *Бѣлокаменнаго*); въ настоящее время происходитъ очистка этихъ мѣстъ (каменистыя мѣста взрываются динамитомъ). И только ниже Павлодара Иртышъ уже не представляетъ опасностей для плаванія, хотя и здѣсь есть нѣсколько перекатовъ.

Уба, *Ульба* и *Бухтарма* лежатъ въ предѣлахъ края только незначительной частью своего нижняго теченія (при впаденіи въ Иртышъ); по нимъ, какъ мы выше говорили, производится весной на карбасахъ и коломенкахъ сплавъ хлѣба, лѣса и меда.

Въ настоящее время значительное пароходное сообщеніе есть только между Омскомъ и Семипалатинскомъ; это двѣ главныхъ пристани—склады товаровъ: первый—для ввозимыхъ въ край и вывозимыхъ изъ него грузовъ, второй—для всей юго-восточной части края, для Семирѣчья и западной Манголіи. Насколько растетъ движеніе грузовъ на линіи Омскъ—Семипалатинскъ, можно судить потому, что въ 1880-хъ годахъ пароходы едва собирали себѣ нужное количество грузовъ (25—100 тыс. пуд.), а въ 1892 г. въ Семипалатинскѣ было сдано уже 4 милліона пудовъ. То-же самое слѣдуетъ сказать про Омскъ, гдѣ количество грузовъ, ввезенныхъ и вывезенныхъ черезъ него, доходитъ нынѣ до 8 милл. пуд. Изъ другихъ пристаней на этой линіи заслуживаетъ вниманія *Павлодаръ*, дающій до 300—600 тыс. пуд. хлѣба и нѣсколько меньше продуктовъ скотоводства; иногда здѣсь грузится и соль, а съ Воскресенскихъ копей сюда поступаетъ каменный уголь въ количествѣ до 1½ милл. пудовъ; наконецъ выдается пристань *Черноярка*, гдѣ главнымъ грузомъ является соль (300—600 тыс. пуд.). Въ годы небольшой воды сюда свозятся грузы изъ Семипалатинска и уже отсюда сплавляются внизъ.

Буксирные рейсы между Семипалатинскомъ и Омскомъ (разстояніе немного болѣе тысячи верстъ) лучшими пароходами дѣлаются въ 6 дней вверхъ рѣки и въ 5 дней—внизъ; плата съ пуда—15—35 коп. Слабосильные пароходы (въ 60 и менѣе силъ) дѣлаютъ такіе рейсы въ 12—10 дней; особенно труденъ подъемъ баржей выше Павлодара, гдѣ теченіе рѣки становится замѣтно быстрѣе. Пріемка грузовъ въ другихъ мѣстахъ, кромѣ названныхъ выше, не производится, такъ что все грузовое движеніе носитъ здѣсь характеръ *транзитный*, а не мѣстный торговый. Въ качествѣ неблагопріятныхъ условій для развитія грузового движенія слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія причины. Во-первыхъ здѣсь наблюдается замѣтная разность въ открытіи навигаціи въ Омскѣ и Семипалатинскѣ (не говоря уже о Тюмени, гдѣ зимуетъ бо́льшая часть пароходовъ), благодаря чему пароходовладѣльцы должны съ осени предвидѣть, гдѣ будетъ скопленіе грузовъ къ веснѣ, и успѣть оставить тамъ на зиму нужное количество баржей и пароходовъ; иначе на заходъ пароходовъ и ожиданіе открытія навигаціи уйдетъ значительный промежутокъ времени, и первый рейсъ пароходовъ совершится позже и безъ достаточнаго количества грузовъ. Такъ, разница въ открытіи навигаціи между названными городами доходитъ до двухъ недѣль; считая недѣлю на проходъ отъ Омска до Семипалатинска, получимъ три недѣли, потерянныхъ для перваго рейса пароходовъ, идущихъ за грузами въ Семипалатинскъ. Другой неблагопріятной причиной слѣдуетъ назвать недостаточное коли-



Перевозка бревенъ на верблюдахъ.

Почтовый трактъ въ горахъ по р. Проходной.

чество судовъ и пренебреженіе судовладѣльцами мѣстныхъ грузовъ. Правильнаго движенія грузовъ нѣтъ; грузоотправители не могутъ быть увѣрены, что товары ихъ будутъ во̀ время отправлены и доставлены; небольшіе же грузы, на какіе можно разсчитывать по селеніямъ, пароходы и совсѣмъ не берутъ. Нельзя также не указать на недостатокъ опытныхъ лоцмановъ и малое изслѣдованіе фарватера рѣки. Обстановка опасныхъ мѣстъ бакенами, фонарями и береговыми столбами стала производиться только съ 1895 года, что̀ значительно облегчило плаваніе судовъ въ осеннее время.

Пассажирское движеніе съ проведеніемъ Сибирской ж. д. особенно увеличилось вверхъ и внизъ по рѣкѣ, причемъ Омскъ является узловымъ пунктомъ для ѣдущихъ съ верхняго и средняго Иртыша по желѣзной дорогѣ. Пассажирское движеніе происходитъ болѣе правильно, чѣмъ буксирное. Втеченіе недѣли въ первый періодъ навигаціи между Омскомъ и Семипалатинскомъ ходятъ пассажирскіе пароходы до трехъ разъ въ недѣлю. Лучшіе пароходы совершаютъ этотъ рейсъ вверхъ по рѣкѣ въ три дня, внизъ—въ два дня. Плата за провозъ, въ сравненіи съ волжскими пароходами, значительно дороже, причемъ на пароходахъ „Товарищества Западно-Сибирскаго пароходства и торговли“ (I кл.—11 руб., II кл.—8 руб., III кл.—4 р. 20 к.)—дороже, чѣмъ на другихъ.

Ракушечный протокъ, служащій морской пристанью г. Гурьева.

Длина пути по Иртышу для пароходнаго движенія равняется всей его длинѣ, лежащей въ предѣлахъ края, т. е. болѣе двухъ тысячъ верстъ, но использована пока лишь нижняя половина; въ верхней же части теченія преобладаетъ сплавное движеніе грузовъ. Къ сплавнымъ грузовымъ путямъ относятся нижнія теченія р.р. *Бухтармы* (съ 1900 г. сталъ ходить небольшой пароходъ до Зыряновскаго рудника) *Убы*, *Ульбы*, *Оми*, съ общимъ протяженіемъ пути въ 200—250 вер.

На другихъ водахъ края пароходнаго движенія грузовъ не суще-

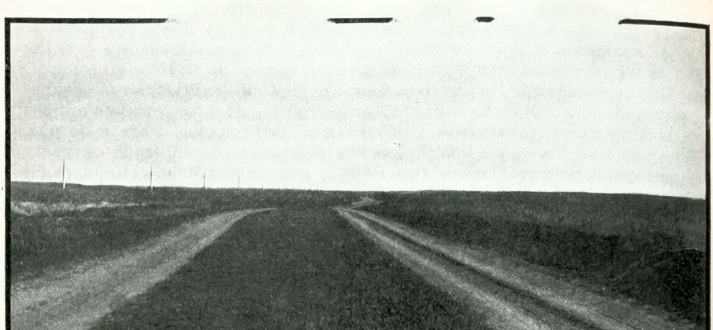
ствуетъ, хотя на такихъ, какъ р. Уралъ, Ишимъ и оз. Балхашъ, и могло бы существовать. На *Уралѣ*, какъ мы видѣли изъ VI главы, пароходство запрещено въ виду сохраненія въ его водахъ массы рыбы; *Ишимъ* сильно мелѣетъ къ осени, и кромѣ того на немъ устроены водяныя мельницы и есть небольшіе пороги (въ Кокчетавскомъ у.). Весной сплавляется по нему лѣсъ (плоты) и хлѣбъ изъ Кокчетавскаго у. въ Петропавловскъ. На оз. *Балхашѣ* (и р. *Или*) были попытки устроить пароходное сообщеніе еще въ 1870-хъ годахъ, но пока онѣ не привели къ хорошимъ результатамъ. Пробовали дѣлать сплавъ лѣса и по рѣкѣ *Нурѣ*, но при скоромъ спадѣ водъ и быстротѣ теченія она оказалась непригодной для этой цѣли (въ 1900 г. сплавляемый изъ Каркаралинскаго у. лѣсъ успѣлъ пройти только половину нужнаго разстоянія, а дальше вода спала, и плоты остались на сушѣ).

Морское судоходство у береговъ Уральской области существуетъ только въ *Каспійскомъ* морѣ отъ г. *Гурьева* къ Астрахани; здѣсь имѣется и пароходное сообщеніе. На *Аральскомъ* морѣ судоходство отъ береговъ Тургайской области послѣ открытія Оренской ж. д., соприкасающимъ берегомъ Арала. вѣроятно развьется бургско - Ташкентщейся съ сѣвер-

Земская станція въ степи (Петропавловскаго у.).

Грунтовые пути въ Киргизскомъ краѣ ведутъ свое начало съ еще болѣе древнихъ временъ, чѣмъ водные; караванная дорога съ юга (изъ Семирѣчья) по берегу р. *Сары-Су* на нынѣшніе Атбасаръ и Петропавловскъ извѣстна была не однимъ кочевникамъ уже въ XVI столѣтіи; вьючные пути въ южной, гористой части края ведутъ свое начало еще ранѣе; таковы напр., проходы черезъ Тарбагатай (Хабаръ-Асу и др.), которыми повидимому пользовались болѣе древніе народы (извѣстія объ этомъ доходятъ до XIV и XV столѣтія).

Южная полоса степей-пустынь также издавна была прорѣзана цѣлымъ рядомъ дорогъ, по которымъ происходили передвиженія народовъ. Первыми русскими дорогами были: путь по правому берегу Иртыша—на востокѣ и по правому берегу Урала—на западѣ края. Здѣсь были заложены первыя крѣпости, съ которыми приходилось поддерживать сообщенія. Прокладывать здѣсь дороги не приходилось: мѣстность была ровная, безлѣсная и сухая, и передвиженіе телѣгъ и экипажей совершалось безпрепятственно какъ лѣтомъ, такъ и зимой; приходилось только обезопасить движеніе каравановъ отъ нападеній киргизъ и др. кочевниковъ степи, ради чего съ караванами посылались конвойныя команды. Позже по сѣверной полосѣ края прошла новая линія—Горькая, соединившая крѣпости Оренбургской линіи съ иртышскими; здѣсь



Почтовый трактъ между Павлодаромъ и Семипалатинскомъ.

происходило такое-же сообщеніе, какъ и между иртышскими крѣпостями.

По всѣмъ такимъ дорогамъ движеніе было незначительно—по нѣскольку разъ въ годъ; проходили почти исключительно военныя команды и казенные транспорты, доставлявшіе провіантъ и военные снаряды; изрѣдка проходили также караваны среднеазіатскихъ купцовъ. Въ XVIII вѣкѣ движеніе по названнымъ путямъ усилилось, такъ какъ между русскими крѣпостями и киргизами завязались частыя торговыя сношенія; изъ степи пригонялся скотъ, свозились мѣха, овчина, войлоки, армячина и халаты; пріѣзжавшіе русскіе купцы вымѣнивали все это на суконныя, мануфактурныя, желѣзныя произведенія и мелочь (табакъ, гребни, посуду и пр.). Къ серединѣ XVIII столѣтія движеніе по этимъ путямъ настолько возросло, что въ 1745 г. понадобилось уже учрежденіе казенной гоньбы между Усть-Каменогорскомъ и Омскомъ, для чего были устроены пять станцій, на которыхъ содержались казаками лошади для проѣзжающихъ и почты. Вскорѣ такая же дорога была открыта и по Горькой линіи. За исправленіе и держаніе въ порядкѣ дороги отъ Усть-Каменогорска до Бухтармы правительство отдало казакамъ зайсанскую рыбалку (въ 1798 г.). Содержаніе ямской и конвойной службы возложено было на сибирскихъ казаковъ и въ слѣдующемъ столѣтіи. По отзывамъ историковъ казачьяго войска, служба эта являлась и въ то время одной изъ самыхъ тягостныхъ повинностей. Войску приходилось держать 179 почтовыхъ станцій на протяженіи болѣе 5 тысячъ верстъ, 1.830 почтовыхъ лошадей, 715 казаковъ-ямщиковъ и болѣе 2 тысячъ конвоировъ; для заготовленія сѣна наряжалось до 1.500 чел. Войско получало за все это 64.240 руб., затрачивая само до 170 тыс. руб. Кромѣ того войско приносило и немало человѣческихъ жертвъ. Ѣзда по степ-

нымъ „пикетамъ“ [1]) въ то время была небезопасна: киргизы нападали не только на ѣдущіе караваны, но иногда осаждали и самые пикеты. Зимой бушующія по нѣсколькимъ днямъ пурги совершенно отрѣзывали обитателей пикета отъ внѣшняго міра, заставляя голодать; безслѣдно исчезали цѣлые караваны, вмѣсто которыхъ весной находили обглоданныя кости неизвѣстныхъ людей и домашнихъ животныхъ. Такъ продолжалось до 1865 года, когда сибирскіе казаки были освобождены отъ обязательства держать казенную ямщину.

Съ этого времени почтовая гоньба по всей Киргизской степи передана была въ гражданское (почтовое) вѣдомство, которое сдаетъ ее частнымъ лицамъ съ торговъ. На казакахъ осталась только *земская* гоньба (послѣднія правила о ней выработаны были въ 1894 г.). Въ настоящее время расходы на содержаніе послѣдней сократились, такъ какъ близъ „Горькой линіи“ прошла желѣзная дорога, по которой и предпочитаютъ ѣхать. Тѣмъ не менѣе и теперь подводная повинность ложится тяжелымъ бременемъ на бѣдную часть казаковъ. Почтовая гоньба, наоборотъ, усилилась по Иртышской линіи и особенно въ степи.

Новые крестьянскіе поселки земскую гоньбу отбываютъ съ перваго-же года (натурой), и она является для нихъ одной изъ наиболѣе тягостныхъ повинностей.

Дорожнымъ экипажемъ на почтовыхъ станціяхъ служатъ большіе крытые тарантасы, на земскихъ—плетеные коробки и „легчанка“, т. е. дроги съ желѣзнымъ кузовомъ, а нерѣдко и простыя телѣги. Лучшимъ и наиболѣе удобнымъ считается проѣздъ на почтовыхъ. Почтовая гоньба производится на лошадяхъ и частью на верблюдахъ, запряженныхъ въ телѣги и даже въ экипажи, въ чемъ нетрудно убѣдиться изъ прилагаемыхъ рисунковъ.

Почтовые пути прорѣзываютъ край въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Главный трактъ идетъ отъ *Омска* черезъ *Павлодаръ*, *Семипалатинскъ*, *Усть-Каменогорскъ*, *Бухтарму*, *Больше-Нарымскую* до *Алтайской* станицы протяженіемъ около 1.197 вер. (откуда идетъ уже вьючный путь). Отъ него идутъ развѣтвленія—у Павлодара на *Каркаралы*—331 вер., отъ Семипалатинска на *Сергіополь*—222 вер., отъ Усть-Каменогорска на *Зайсанъ*—440 вер. Затѣмъ почтовый путь есть между *Петропавловскомъ*, *Кокчетавомъ* и *Акмолинскомъ* (565 в.).

Главная масса степныхъ грузовъ идетъ по Атбасарско-Петропавловскому, Акмолинско-Петропавловскому и Иртышскому путямъ; количество ихъ (главнымъ образомъ сырья—сала, кожи, шерсти и пр.)

Запряжка верблюда въ телѣгу.
(*По фот. Вен. П. Семенова*).

[1]) „Пикеты“—одинокіе почтовые дворы въ степяхъ, гдѣ перемѣняютъ лошадей; въ настоящее время пикеты сохранились между Петропавловскомъ и Кокчетавомъ, между Семипалатинскомъ и Сергіополемъ, между Павлодаромъ и Каркаралинскомъ, въ Зауральской степи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

нужно измѣрять многими сотнями тысячъ пудовъ. Экипажами для перевозки грузовъ служатъ телѣги и арбы (киргизскія двухколесныя телѣги), запряженныя лошадьми или верблюдами (за послѣднее время распространилась перевозка на волахъ).

Въ Уральской области главные тракты расходятся отъ г. Уральска—*Гурьевскій* (отъ Уральска до Гурьева—483 вер.), *Бузулуцкій* (отъ Уральска до п. Гниловскаго—около 100 вер., а далѣе на Бузулукъ по Самарской губ.), *Оренбургскій* (231 в.), *Темирскій* (до Темира—564 вер.) и *Мерген*евскій (въ Ханскую Ставку Астраханской губ.). Наибольшее значеніе имѣютъ изъ нихъ Гурьевскій и Оренбургскій, какъ проходящіе по самымъ населеннымъ мѣстамъ уральскаго войска (хотя за послѣднее время, съ проведеніемъ Покровско-Уральской и Оренбургской ж. д., значеніе Оренбургскаго тракта пало, и на немъ нѣтъ правительственной почтовой гоньбы). Главными грузами для Гурьевскаго тракта служатъ: хлѣбъ (по направленію съ сѣвера на югъ), рыба и скотъ (идутъ съ юга на сѣверъ). Расходы на содержаніе почтовыхъ и земскихъ трактовъ въ Уральской области выразились въ 1900 г. суммой въ 73.280 руб., что составляетъ видную часть всѣхъ расходовъ, понесенныхъ войсковымъ населеніемъ въ этомъ году.

Въ Тургайской обл. главные тракты—проходные. Таковы *Оренбургско-Ташкентскій*, (самый старый, открытый въ 1858 г.), который вступаетъ у Орска въ предѣлы области и идетъ черезъ *Иргизъ* до *Терекли* (откуда вступаетъ въ предѣлы Сыръ-Дарьинской обл.). Трактъ этотъ, проходя по малолюднымъ степямъ и песчанымъ пустынямъ, имѣлъ до настоящаго времени однако большое значеніе, такъ какъ былъ самымъ краткимъ путемъ между Туркестаномъ и Россіей. Въ ближайшемъ будущемъ, съ окончаніемъ постройки Оренбургско-Ташкентской ж. д., значеніе его упадетъ. Другой значительный трактъ (главнымъ образомъ для киргизскихъ продуктовъ) идетъ отъ *Тургая* на Орскъ. Какъ онъ, такъ и всѣ остальные тракты здѣсь открытъ въ 1881 г. Земскіе тракты (по пикетамъ) находящіеся между уѣздными городами, какъ и дороги кочевниковъ, не имѣютъ большого экономическаго значенія для края. Содержаніе ихъ обходится населенію однако не дешево; въ 1884 г. подводная повинность обошлась болѣе чѣмъ въ 23 тыс. руб., въ 1900 г. она достигла болѣе 40 тыс. руб.

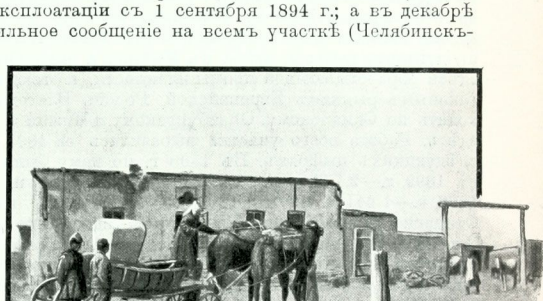
Несмотря на большіе расходы, которые ежегодно дѣлаетъ населеніе на содержаніе путей, положеніе ихъ оставляетъ желать много лучшаго. Если бы грунтъ мѣстностей, по которымъ идетъ бо́льшая часть главныхъ путей, не былъ глинисто-песчанымъ, а климатъ не былъ сухимъ, большинство путей въ краѣ были бы непроѣздными. Шоссейныхъ путей въ Киргизскомъ краѣ нѣтъ, и населеніе ихъ совершенно не знаетъ.

Провозъ грузовъ по дорогамъ не установленъ; берутъ или съ пуда, или со всего отправляемаго груза. Та и другая цѣна колеблется въ зависимости отъ разныхъ условій (урожайность хлѣба и травъ, обиліе снѣга, дождливое время года и др.). Въ общемъ можно считать, что для разстоянія до 50 вер. берутъ отъ 2 до 5 коп. съ пуда, на разстоянія 150—300 вер.—по 8—25 коп., а на разстояніи 300—600 вер.—30—75 коп. Въ степной (безлѣсной) полосѣ края главными возчиками являются киргизы, въ южной-же пустынной—исключительно киргизы.

Лучшими путями сообщенія — *желѣзными дорогами* край еще очень бѣденъ. Въ него входитъ небольшой участокъ *Западно-Сибирской* ж. д. *Петропавловскъ-Омскъ* (300 вер.) и еще меньшій участокъ узкоколейной *Покровско-Уральской* желѣзной дороги (110 вер.).

Съ 1900 г. приступлено къ постройкѣ новой желѣзной дороги *Оренбургско-Ташкентской*. Она пересѣкаетъ западную часть края съ с.-з. на ю.-в. (отъ Илецка къ сѣверному берегу Аральскаго моря, см. карту) и несомнѣнно, что въ транзитномъ и стратегическомъ отношеніи будетъ имѣть большое значеніе.

Западно-Сибирская желѣзная дорога (Челябинскъ-Омскъ) была открыта сначала для эксплоатаціи съ 1 сентября 1894 г.; а въ декабрѣ 1896 г. началось правильное сообщеніе на всемъ участкѣ (Челябинскъ-Обь). Въ предѣлахъ нашего края она захватила сѣверный край Петропавловскаго и Омскаго уѣздовъ, пересѣкая у Омска Иртышъ; благодаря послѣднему, въ сферѣ вліянія этого небольшого участка желѣзной дороги оказалась вся восточная, прииртышская полоса края. Главная часть грузовъ Семипалатинской и Акмолинской областей направляется къ двумъ станціямъ этого участка — Петропавловску и Омску. Работы этихъ станцій по отправкѣ грузовъ выразились за 1898, 1899 и 1900 гг. въ слѣдующихъ цыфрахъ:



Почтовая станція на трактѣ Оренбургъ—Ташкентъ. (*По фот. М. И. Кіяновскаго*).

	1898 г.	1899 г.	1900 г.
Петропавловскъ . . .	2.099 т. п.	2.460 т. п.	2.447 т. п.
Омскъ	1.275 „ „	1.072 „ „	1.268 „ „

Эти же станціи являются главными пунктами для *привоза* товаровъ со всего прилегающаго района края. Работа всего этого участка выражалась суммой по *отправкѣ* товаровъ въ 1898 г.—3.498 тыс. пуд., въ 1899 г.—3.675 тыс. пуд. и въ 1900 г.—4.834 тыс. пуд. По *пріемкѣ* товаровъ въ 1898 г.—1.645 тыс. пуд.; въ 1899 г.—2.280 тыс. пуд. и въ 1900 г.—5.258 тыс. пуд. Изъ всего количества приходящихъ грузовъ на *Петропавловскъ* падало въ 1898 г.—759 тыс. пуд, въ 1899 г.—1.032 т. пуд., въ 1900 г.—1.684 тыс. пуд. Въ *Омскъ* за эти годы прибыло: въ 1898 г.—827 тыс. п., въ 1899 г.—1.097 тыс. п. и въ 1900 г.—3.296 тыс. пуд. Слѣдуетъ замѣтить, что Омскъ до проведенія желѣзной дороги не имѣлъ почти никакого торговопромышленнаго значенія, теперь же

становится виднымъ пунктомъ на всей линіи Западно-Сибирской ж. д., и значеніе его растетъ съ каждымъ годомъ.

Пассажировъ всѣхъ трехъ классовъ было отправлено съ этого участка въ 1900 году до 180 тыс.; изъ нихъ 104 тыс.—со станціи Омскъ и 67 тыс.—со станціи Петропавловскъ. Прибыло: на первую—113 тыс., на вторую—60 тыс. человѣкъ.

Уральско-Покровская желѣзная дорога (узкоколейная линія Рязанско-Уральской ж. д.) пересѣкаетъ сѣверную часть войсковой земли отъ Уральска до ст. *Семиглавый Маръ* (на разстояніи 110 вер). Несмотря на недавнее открытіе (1893 г.) и незначительную величину въ предѣлахъ области, вліяніе ея сказалось замѣтно на торгово промышленной жизни области. Она заставила стягиваться главную массу степныхъ продуктовъ, рыбы и хлѣба къ Уральску, способствуя этимъ развитію здѣсь обрабатывающей промышленности, и отсюда направляла грузы къ главнымъ рынкамъ Европейской Россіи. Благодаря ей грузы не стали ходить по Самарскому, Оренбургскому и Чижинскому трактамъ, а пошли здѣсь. Работа всего участка выразилась за 1898, 1899 и 1900 годы въ слѣдующихъ цыфрахъ. Въ 1898 г. по нему было *отправлено* 4.630 т. п., въ 1899 г.—2.772 т. п., въ 1900 г.—5.038 т. п. *Прибыло* грузовъ въ 1898 г.—1.641 т. п., въ 1899 г.—2.133 т. п., въ 1900 г.—2.423 т. п. Отправка грузовъ, какъ мы видимъ, вдвое превышаетъ прибытіе грузовъ, что̀ говоритъ о транзитномъ характерѣ этой дороги. Главными предмета экспорта были: хлѣбъ, продукты скотоводства и рыба; ввозились издѣлія фабрично-заводской промышленности, керосинъ, нефть, чай и сахаръ.

Какъ мы видимъ, почти всѣ грунтовые, водные и желѣзные пути края являются *транзитными*, что̀ вполнѣ понятно при отсутствіи въ краѣ значительнаго населенія и торгово-промышленной жизни.

Въ заключеніе приведемъ таблицу, показывающую насколько обезпеченъ край путями сообщенія (въ грунтовыхъ путяхъ сосчитаны только почтовыя и земскія сообщенія).

Области.	Длина водныхъ путей.	Приходится на: 1.000 кв. в.	Приходится на: 1.000 жит.	Длина грунтовыхъ дорогъ.	Приходится на: 1.000 кв. в.	Приходится на: 1.000 жит.	Длина желѣзныхъ путей.	Приходится на: 1.000 кв. в.	Приходится на: 1.000 жит.	Длина всѣхъ путей.	Приходится на: 1.000 кв. в.	Приходится на: 1.000 жит.
Акмолинская .	410в.	0,9	0,5	1.500в.	3,1	1,8	410в.	0,5	0,3	2.190в	4,5	2,7
Семипалатинск.	1.600 „	3,5	2,2	2.039 „	4,6	3,0	—	—	—	3.639 „	8,2	5,3
Тургайская . .	—	—	—	844 „	2,1	1,8	780 „	строится		1.624 „	4,5	3,5
Уральская . .	—	—	—	1.571 „	5,5	2,2	110 „	0,4	0,1	1.681 „	5,9	2,4
Весь край. .	2.010в.	1,2	0,7	3.954в.	2,4	1,5	1.300в.	0,7	0,4	9.134в.	5,7	3,4

Такимъ образомъ наиболѣе обезпечены путями сообщенія Семипалатинская и Уральская области, а наименѣе—Акмолинская и Тургайская. Съ проведеніемъ Оренбургско-Ташкентской желѣзной дороги, которая пересѣчетъ часть Уральской и всю Тургайскую область на протяженіи болѣе 780 в., край получитъ первую желѣзную дорогу, соединяющую его внутреннія степи съ рынками Европейской Россіи; но главное значеніе этой дороги—всетаки не мѣстное, а транзитное.

Край имѣетъ только одну небольшую *мѣстную* желѣзную дорогу—*Экибазъ-Тузскую*. Она соединяетъ каменноугольныя мѣсторожденія Воскресенскаго горнаго общества (близь оз. *Экибазъ-Туза*), съ берегомъ Иртыша близь Павлодара (ст. *Воскресенской*). Дорога имѣетъ 109 вер. протяженія; главное движеніе по ней—грузовое. Въ 1900 г. по дорогѣ прошло 4.718 тыс. пуд. груза и проѣхало 12 тыс. пассажировъ.

ОТДѢЛЪ III.

Замѣчательныя населенныя мѣста и мѣстности.

ГЛАВА VIII.

Западная часть Киргизскаго края.

А. Н. Сѣдельникова и В. П. Семенова.

Покровско-Уральская жел. дор.—Уральскъ.—Гурьевскій трактъ и дорога отъ Сарайчиковской станицы на Усть-Уртъ и въ Хиву.—Уральско-Уильскій трактъ.—Уилъ и расходящіеся отъ него степные пути.—Уральско-Оренбургскій трактъ.—Уральско-Бузулуцкій трактъ.—Оренбургско-Ташкентская жел. дор.—Оренбургско-Ташкентскій (Орско-Казалинскій) трактъ.—Тургайскіе пути.—Кустанайскій трактъ и г. Кустанай.

Населенными мѣстами западная часть Киргизскаго края (Уральская и Тургайская области) небогата. Въ Тургайской области русскія поселенія сосредоточены почти исключительно въ Кустанайскомъ уѣздѣ; въ Уральской же области осѣдлыхъ поселеній хотя и значительно болѣе, но бо́льшая часть ихъ сосредоточена по правому берегу р. Урала. Такимъ образомъ трактовъ въ западной половинѣ Киргизскаго края мало, точно такъ же какъ и степныхъ проселочныхъ дорогъ; послѣднія играютъ здѣсь ту-же роль, что и въ восточной части края, т. е. служатъ главнымъ образомъ для передвиженія торговыхъ каравановъ.

Покровско-Уральская узкоколейная желѣзнодорожная линія Рязанско-Уральскаго общества (см. „Россія“, т. VI, стр. 496), входитъ въ предѣлы Уральской области изъ Новоузенскаго у. Самарской губ. между ст. *Озинками* и *Семиглавымъ Маромъ*, 7 верстъ не доходя послѣдней станціи. Станція эта грузила въ 1900 г. 167 тыс. пуд., преимущественно хлѣба и имѣетъ пріемный покой.

Свое оригинальное названіе станція получила отъ одной изъ находящихся здѣсь вершинъ („маровъ“) *Общаго Сырта*, черезъ который переваливаетъ извилинами желѣзный путь. Къ в. отъ станціи Семиглаваго Мара виднѣется главная вершина Общаго Сырта въ предѣлахъ Уральской обл.—гора *Ичка*, имѣющая 560 ф. высоты (а не 160, какъ ошибочно напечатано на стр. 2 настоящаго тома „Россіи“). Гора эта состоитъ изъ мѣла и кремнистыхъ глинъ третичной системы (по западному склону), покрытыхъ въ свою очередь сѣрыми и розовыми кварцевыми песчаниками.

За ст. Семиглавымъ Маромъ желѣзная дорога, спускаясь незамѣтно съ Общаго Сырта и огибая съ юга г. Ичку, извивается по ковыльной степи между отдѣльными невысокими „марами“ и увалами. Слѣдующая станція, въ 22 вер. отъ Семиглаваго Мара, называется *Шипово* въ честь

бывшаго губернатора и наказного атамана Уральской области ген. Н. Н. Шипова, при которомъ строилась здѣсь желѣзная дорога. Станція грузила въ 1900 г. всего 1 тыс. пуд., преимущественно хлѣба, а получила 117 т. п., преимущественно лѣсныхъ матеріаловъ. Въ окрестностяхъ станціи нѣтъ поселеній, за исключеніемъ самого станціоннаго поселка; въ лѣтнее время сюда выѣзжаютъ казаки на сельско-хозяйственныя работы, и мѣстность временно оживляется. Ст. Шипово вмѣстѣ съ Семиглавымъ Маромъ имѣетъ большое значеніе для селеній Николаевскаго у. Самарской губ., расположенныхъ въ верхнемъ теченіи р. Камелика, и для Чижинскихъ поселковъ Уральской области; съ тѣми и другими станція Шипово сообщается проселочными дорогами.

Дорога въ *Чижинскіе* поселки по такъ называемой *Внутренней* линіи идетъ на западъ отъ станціи, параллельно Общему Сырту, къ югу отъ него. Чижинскихъ поселковъ три; ближайшій отъ нихъ отстоитъ отъ Шипова верстахъ въ 30; это—*Чижинская* или *Чижинская 1-я* станица, имѣющая церковь. Верстахъ въ 25 далѣе находится слѣдующій *Чижинскій 3-й* поселокъ, иначе *Подтяженскій*, и наконецъ еще верстъ 25 далѣе (слѣдовательно верстахъ въ 80 отъ Шипова) лежитъ послѣдній *Чижинскій 2-й* поселокъ, иначе *Шилинскій*; оба послѣдніе имѣютъ школы. Всѣ эти поселенія расположены при рѣкахъ *Чижахъ*, берущихъ начало съ южныхъ склоновъ Общаго Сырта и скоро теряющихся въ такъ называемыхъ *Чижинскихъ разливахъ*, т. е. обширныхъ степныхъ болотахъ, пересыхающихъ лѣтомъ, но представляющихъ весной, послѣ таянія снѣговъ, сплошныя пространства воды. Въ верховьяхъ р. *Чижа 1-го*, по указаніямъ инж. Гуляева, обнажаются темныя сланцеватыя глины, быть можетъ принадлежащія къ нижнему отдѣлу мѣловой системы. Отъ послѣдней Чижинской станицы проселокъ продолжается къ ю.-з., верстъ на 60, черезъ пос. *Богатыревскій* на поселокъ *Березовскій* на р. *Большомъ Узенѣ*, а отсюда уже расходятся грунтовыя дороги на с.-в. въ *Александровъ Гай* Новоузенскаго у. Самарской губ. (см. „Россія“, т. VI, стр. 492) и къ ю.-в., внизъ по Узеню, черезъ п. *Таловскій* на станицу *Сламихинскую* (см. ниже), оставляя къ з. извѣстныя рыбныя озера *Б.* и *М. Сакрылъ*.

Отъ перевала черезъ Общій Сыртъ почти до самаго г. Уральска желѣзный путь спускается по долинѣ р. *Деркула*, притока Чегана, берущаго начало въ Сыртѣ. Долина очень полога и едва замѣтна среди слегка волнистой степи. Въ 27 вер. отъ Шипова находится разъѣздъ *Зеленый*.

Въ 10 вер., не доѣзжая Зеленаго, близъ желѣзной дороги лежитъ ст. *Каменная*, имѣющая церковь, школу, около 800 жит. и ярмарку съ оборотомъ до 102 тыс. руб.

Въ 12 вер. за Зеленымъ желѣзный путь достигаетъ своей послѣдней передъ Уральскомъ станціи *Переметной*. Станція эта грузила въ 1900 г. 9 тыс. пуд., преуществено хлѣба.

Въ 7 в. за ст. Переметной на р. Деркулѣ лежитъ небольшой казачій поселокъ *Переметный*.

Отъ ст. Переметной до Уральска 37 верстъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Уральска желѣзный путь пересѣкаетъ мостомъ р. *Чеганъ*, притокъ Урала, близъ впаденія въ нее р. Деркула. Здѣсь мѣстность болѣе оживлена искусственными насажденіями и ширикой обѣихъ рѣкъ. Въ этой мѣстности въ 3 вер. отъ Уральска, на Чеганѣ стоялъ въ сентябрѣ 1773 г. нѣсколько дней Пугачевъ со своими полчищами, угрожая Яицкому городку (см. ниже).

Пройдя 37 вер. отъ Переметной, желѣзный путь достигаетъ г. **Уральска**. Станція Уральскъ, лежащая нѣсколько сѣвернѣе города, грузитъ 5 милл. пуд., преимущественно хлѣба, рыбныхъ продуктовъ и скота и

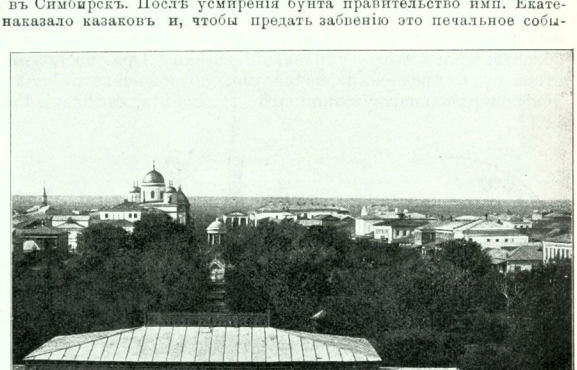
имѣетъ небольшой каменый вокзалъ, депо, мастерскія, нефтяные резервуары и др. желѣзнодорожныя сооруженія. Уральскъ лежитъ на правомъ берегу р. *Урала* и лѣвомъ берегу его притока *Чегана* на высотѣ 108 ф. надъ уровнемъ моря.

Время основанія города, до 1775 г. называвшагося *Яицкимъ городкомъ*, точно не извѣстно: по однимъ свѣдѣніямъ, городокъ былъ основанъ въ 1613 г., по другимъ—въ 1622 г. При этомъ утверждаютъ, что первоначальный Яицкій городокъ находился близъ ст. Кирсановской (см. ниже). Во всякомъ случаѣ это былъ одинъ изъ первыхъ населенныхъ пунктовъ на р. *Яикѣ* (Уралѣ). Рычковъ въ своей „Топографіи Оренбургской губ.“ 1762 г. пишетъ, что уже въ 1748 г. Яицкій городокъ имѣлъ до до 3 тыс. дворовъ, четыре церкви и соборъ архистратига Михаила. Тогда городокъ былъ обнесенъ плетнемъ, обмазаннымъ глиной, и ровъ и представлялъ одну изъ сильныхъ мѣстныхъ крѣпостей противъ киргизъ-кайсаковъ. Съ первыхъ же лѣтъ городъ сталъ играть видную роль въ краѣ; здѣсь была сосредоточена съ первыхъ лѣтъ административная власть, здѣсь былъ центръ „яицкой вольницы“, центръ раскола и старообрядства. Этотъ же городъ давалъ тонъ всей жизни „яицкой вольницы“.

Михайловская церковь въ Уральскѣ.
(*По фот. Вен. П. Семенова*).

18 сент. 1773 г. къ Яицкому городку впервые подошелъ Пугачевъ со своими вооруженными шайками (до 300 человѣкъ) и остановился въ 3 вер. отъ городка, за р. Чеганомъ. Комендантъ Симоновъ выслалъ противъ нихъ 500 казаковъ съ пѣхотой и 2 пушками, причемъ храбрый капитанъ Андр. Прох. Крыловъ (отецъ баснописца) командовалъ казачьимъ авангардомъ. При появленіи впереди пугачевскихъ шаекъ казака съ посланіемъ самозванца въ авангардѣ Крылова произошла измѣна приблизительно половины казаковъ, и Крыловъ принужденъ былъ возвратиться съ остальными въ городъ. На слѣдующій день Пугачевъ приближался къ Яицкому городку, но не рѣшился напасть на него при видѣ вышедшаго противъ него войска и направился отсюда къ Илецкому городку, гдѣ былъ встрѣченъ съ колокольнымъ звономъ перешедшими на его сторону казаками, выдавшими ему своего атамана, котораго онъ и повѣсилъ. Изъ Илецкаго городка Пугачевъ, какъ извѣстно, направился къ Оренбургу и осадилъ его. Въ Яицкомъ городкѣ до конца декабря было спокойно. Но 31 декабря приблизившимся шайкамъ мятежниковъ удалось, вслѣдствіе измѣны части жителей Яицкаго городка, проникнуть въ него, такъ что Симонову и Крылову оставалось только защищать крѣпость съ тысячью человѣкъ. Тяжелая осада длилась до апрѣля 1774 г. Эту осаду перенесъ, между прочимъ, четырехлѣтній Иванъ Андр. Крыловъ (будущій баснописецъ) и его мать Мар. Алексѣевна, вмѣстѣ съ отцомъ А. П. Крыловымъ (вышеупомянутымъ). Пугачевъ зналъ храбрость капитана Крылова и грозился повѣсить его и всю его семью въ случаѣ взятія городка. Особенно тяжело было положеніе осажденныхъ въ мартѣ, когда всѣ пищевые продукты истощились, и имъ приходилось ѣсть кошекъ, собакъ и глину. Наконецъ во вторникъ на страстной недѣлѣ была назначена послѣдняя вылазка. Часовые, стоявшіе на крышѣ соборной церкви, утромъ въ этотъ день, къ удивленію своему, замѣтили смятеніе среди осаждавшихъ пугачевцевъ. Оказалось, что до измѣнившихъ жителей Яицкаго городка, осаждавшихъ гарнизонъ, дошли извѣстія о пораженіи шаекъ Пугачева подъ Татищевой и Каргалой правительственными войсками ген.-аншефа Бибикова (собственно ген.-маіоромъ кн. Голицынымъ и полковникомъ

Хорватомъ), и они рѣшили связать своихъ атамановъ Каргина, Толкачева и Горшкова, а также одну изъ любовницъ Пугачева Устинью Кузнецову и предать ихъ гарнизону. Такимъ образомъ крѣпость была освобождена, и 17 апрѣля сюда прибылъ ген.-маіоръ Мансуровъ и принялъ начальство надъ городомъ, который онъ и охранялъ до самаго конца бунта, за это время распространившагося на все Поволжье отъ Казани почти до Астрахани. Наконецъ въ сентябрѣ 1774 года изъ Александрова Гая (см. „Россія“, т. VI, стр. 492—493) въ Яицкій городокъ былъ привезенъ своими же бывшими приверженцами Пугачевъ и выданъ здѣсь капитанъ-поручику Маврину, сдѣлавшему ему первый допросъ. Вскорѣ въ Яицкій городокъ прибылъ А. В. Суворовъ, и ему Симоновымъ былъ сданъ Пугачевъ. Суворовъ съ любопытствомъ разспрашивалъ самозванца объ его военныхъ дѣйствіяхъ, а затѣмъ, въ деревянной клѣткѣ на двухъ колесахъ, подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя и двухъ пушекъ, повезъ его отсюда въ Симбирскъ. Послѣ усмиренія бунта правительство имп. Екатерины II строго наказало казаковъ и, чтобы предать забвенію это печальное событіе, переименовало (въ 1775 году) Яицкій городокъ въ Уральскъ, рѣку Яикъ—въ Уралъ, а яицкое казачье войско — въ уральское. Въ 1868 г. Уральскъ былъ сдѣланъ областнымъ городомъ. До конца 1880-хъ годовъ въ городѣ сохранялись остатки прежней крѣпости — свидѣтельницы пугачевской осады (башни и валъ), но нынѣ они уничтожены.



Уральскъ. Бульваръ (городской садъ).

Въ настоящее время Уральскъ представляетъ значительный городъ съ 39 тыс. жит. (второй, послѣ Омска, городъ въ Киргизскомъ краѣ). Главная масса (27 тыс.) жителей—такъ называемые „иногородніе“, т. е. не казаки. Городъ занимаетъ выгодное торговое положеніе и благодаря этому здѣсь живутъ главнымъ образомъ мѣщане, крестьяне, незначительно число инородцевъ и другія неказачьи сословія, занимающіяся земледѣліемъ и торговлей. Со стороны вѣроисповѣданій русское населеніе города довольно разнообразно: большинство православныхъ, затѣмъ единовѣрцы и старообрядцы (5,8 тыс. душъ об. п.), раскольники австрійскаго окружницкаго толка, австрійская секта противуокружницкаго толка и безпоповцы (всего 2,5 т. об. п.); кромѣ того здѣсь есть и небольшое число магометанъ. Въ городѣ находятся двѣ православныхъ церкви, десять единовѣрческихъ, два старообрядческихъ дома и три мечети. Изъ нихъ Михайловская церковь по архитектурѣ является наиболѣе древней. Въ административномъ отношеніи городъ дѣлится на

двѣ станицы и три полицейскихъ части. Городское управленіе находится въ рукахъ особаго совѣта войскового хозяйственнаго правленія, въ составъ котораго входятъ, кромѣ лицъ казачьяго сословія, представители мѣстнаго купечества и мѣщанства. Съ внѣшней стороны городъ не представляется особенно замѣчательнымъ, хотя каменныя строенія и составляютъ значительный процентъ всѣхъ зданій. Въ городѣ нѣтъ водопровода, почти нѣтъ мостовыхъ, нѣтъ канализаціи. Въ центральной части города находится *Предтеченская* площадь, гдѣ расположены главныя торговыя помѣщенія; лучшей улицей считается *Михайловская* (съ бульваромъ); лучшій бульваръ—на *Казанской*. Какъ въ административномъ центрѣ области, на Михайловской ул. сосредоточены всѣ главныя управленія—областное, войсковое хозяйственное и штабъ войскъ области; кромѣ того—управленіе атамана 1-го военнаго отдѣла, областной судъ, уѣздное казначейство, почтово-телеграфная контора, отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта, отдѣленіе Государственнаго

Улица въ Уральскѣ. (*По фот. Вен. П. Семенова*).

банка, уральское отдѣленіе Русскаго торгово-промышленнаго коммерческаго банка, нѣсколько страховыхъ и транспортныхъ конторъ. Изъ другихъ площадей Уральска упомянемъ громадную и пустынную *Желѣзновскую* площадь, названную въ честь извѣстнаго бытописателя уральскихъ казаковъ Іоасафа Игн. Желѣзнова (1825—1863 г.), похороненнаго вблизи этой площади на старомъ кладбищѣ. О Желѣзновѣ, какъ гурьевскомъ уроженцѣ, см. при описаніи этого послѣдняго города.

Въ Уральскѣ есть больница (войсковая) на сто кроватей, безплатная лѣчебница и родильный пріютъ, войсковая богадѣльня, Маріинскій дѣтскій пріютъ и двѣ частныхъ аптеки. Общественная жизнь развита въ городѣ довольно слабо. Изъ просвѣтительныхъ и ученыхъ обществъ имѣются: Общество попеченія о начальномъ образованіи въ Уральской обл., Уральскій отдѣлъ Имп. Русскаго общества рыбоводства и рыболовства, общество друзей лѣса и ветеринарное; изъ другихъ—Общество коневодства, скаковое и благотворительное. Есть два клуба—войсковой и коммерческій.

Въ городѣ имѣется войсковая женская восьмиклассная гимназія и семиклассное войсковое реальное училище (преобразованное изъ

гимназіи въ 1900—1901 г.); есть также сельскохозяйственная школа съ фермой (за городомъ), духовное училище, школа войскового хора и пѣвчихъ и нѣсколько начальныхъ приходскихъ; всего же въ Уральскѣ имѣется 29 учебныхъ заведеній съ 2.400 учащимися (изъ нихъ 1.490 мальчиковъ). Кромѣ того есть Пушкинскій народный домъ, общественная библіотека и двѣ народныхъ читальни; при реальномъ училищѣ имѣется небольшой, но интересный естественно-историческій музей, для котораго тщательно собираются коллекціи по Уральской области; существуетъ также театръ и типографія. Въ Уральскѣ выходятъ въ свѣтъ три періодическихъ изданія: „Областныя Вѣдомости“, „Войсковыя Вѣдомости“ и газета „Уралецъ“.

Уральскъ. Зданіе войскового хозяйственнаго правленія.

Торгово-промышленное значеніе города возросло съ проведеніемъ Уральско-Покровской желѣзнодорожной линіи Рязанско-Уральскаго общества, которая сдѣлала его передаточнымъ пунктомъ для товаровъ, идущихъ въ область и продуктовъ степи, идущихъ на рынки въ Европейскую Россію. Скопленіе въ городѣ сырыхъ продуктовъ (главнымъ образомъ киргизскаго хозяйства) способствовало развитію соотвѣтствующей отрасли заводской промышленности. Наиболѣе крупное предпріятіе въ Уральскѣ есть Уральское торгово-промышленное общество, занимающееся паровымъ мукомольнымъ и лѣсопильнымъ дѣломъ, а также закупками хлѣба и скота. Въ 1901 г. въ городѣ работали 6 мыловаренныхъ заводовъ (на сумму 36.300 руб.),8 паровыхъ мельницъ (на сумму 380 т. руб.), 5 конныхъ мельницъ (11,1 т. р.), два заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ (10 т. р.), одинъ лакричный (1 т. руб.), одинъ пивоваренный (14 т. р.), одинъ винный заводъ (казенный) 525 т. р., 12 гончарныхъ (7,2 т. р.), 12 кирпичныхъ (на 81,6 т. р.), 45 кузницъ на 14,4 т. р. и свѣчной епархіальный заводъ. Всего же здѣсь имѣется 93 завода съ 836 раб. и производствомъ на 1.080,7 т. р. Торговля города растетъ, особенно транзитная. Въ 1900 г. со ст. Уральскъ отправлено было 5.038,8 т. пуд., причемъ главная масса падала на хлѣбные

грузы, рыбу, икру и продукты животноводства; привозъ выразился суммой въ 2.423,1 т. пуд; изъ нихъ бо́льшая часть падала на мануфактурные и желѣзные товары, нефть, керосинъ, чай и сахаръ. Мелочная торговля въ городѣ значительна. Въ іюнѣ здѣсь бываетъ ярмарка (Петровская), но обороты ея становятся изъ года въ годъ все меньше (въ 1900 г.—49 т. р.) вслѣдствіе постройки желѣзной дороги и конкуренціи зауральскихъ степныхъ ярмарокъ (двухъ Уильскихъ и Темирской).

Въ окрестностяхъ города расположены единовѣрческіе—мужской *Николскій* монастырь и *Покровскій* женскій, основанный въ видѣ общины въ 1880 г. Къ сѣверу отъ Уральска находился, по словамъ Палласа, рядъ древнихъ кладбищъ; могилы были каменныя, но и въ то время уже значительно разрушенныя; теперь же отъ нихъ не осталось и слѣда.

Отъ Уральска въ европейской части Уральской области расходятся три тракта: на югъ – Гурьевскій, на востокъ—Оренбургскій и на сѣверъ—Бузулуцкій, а по азіатской части Уральской области отъ Уральска идетъ на юго-востокъ Уильско-Темирскій трактъ. Начнемъ описаніе этихъ трактовъ съ самаго бойкаго изъ нихъ и самаго важнаго для населенія области—Гурьевскаго.

Гурьевскій почтовый трактъ по правому берегу Урала, перейдя подъ Уральскомъ мостомъ р. *Чеганъ*, далѣе въ 7 вер. отъ города поднимается на небольшой, пологій отрогъ Общаго Сырта, подходящій здѣсь съ запада къ р. Уралу въ видѣ увала, называемаго *„Бѣлыми Горками“*. Здѣсь обнажается бѣлый мѣлъ съ остатками морскихъ ежей и включеніями бураго желѣзняка. Мѣлъ вырабатывается для нуждъ г. Уральска.

Первая станція Гурьевскаго тракта—станица *Круглозерная* (14½ вер.); дорога здѣсь идетъ по слегка волнистому берегу Урала; есть нѣсколько логовъ—„россошей“. Станица лежитъ недалеко отъ Урала, имѣетъ церковь, двѣ школы и нѣсколько лавокъ.

Отсюда до слѣдующей станціи поселка *Чаганскаго* 24 версты. Дорога идетъ болѣе ровнымъ и низменнымъ берегомъ Урала. Поселокъ лежитъ на одной изъ старицъ Урала. Основанъ онъ въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія, какъ казачій форпостъ; теперь это небольшое поселеніе, имѣющее школу и лавки. На 17-й верстѣ отъ него, на берегу Урала лежитъ станица *Скворкинская* (2-го военнаго отдѣла). На 24-й же верстѣ лежитъ небольшой поселокъ *Янайкинскій*, имѣющій почтовую станцію.

Прежде былъ здѣсь *Кошъ-Яицкій* форпостъ, недалеко отъ котораго, на мѣстѣ, называвшемся встарину *Коловертномъ*, указываются валы и рвы—остатки поселенія первыхъ завоевателей—казаковъ.

На 14-й верстѣ отъ Янайкинскаго поселка, на старицѣ Урала лежитъ небольшой поселокъ *Богатинскій* имѣющій школу и лавки. Мѣстность здѣсь начинаетъ пріобрѣтать вполнѣ степной характеръ, а дорога отходитъ отъ рѣки на 4—6 вер.

На 23-й верстѣ лежитъ слѣдующая почтовая станція—большая станица *Бударинская*. Названіе свое станица получила, по преданію, отъ будары (рыболовной лодки), которая нѣкогда была зарыта, полная деньгами, въ ближайшемъ отъ станицы оврагѣ; много находилось охотниковъ найти этотъ кладъ, но счастливаго не оказалось. Ближайшій рукавъ („ерикъ“), на которомъ лежитъ станица, называется также Бударинскимъ. Изъ форп. Бударинскаго въ сентябрѣ 1773 г. началось первое движеніе вооруженныхъ силъ Пугачева на Яицкій городокъ (Уральскъ). Здѣсь же

самозванецъ написалъ письмо къ киргизскому хану Нурали, требуя отъ него сына въ заложники и 100 чел. вспомогательнаго войска. Нурали послѣ этого письма во все время бунта игралъ двойственную роль, увѣряя оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа въ своей преданности имп. Екатеринѣ II, но въ то-же время тайно помогая Пугачеву. Въ станицѣ Бударинской существуютъ двѣ школы, церковь и нѣсколько лавокъ; здѣсь находится также походная ветеринарная лабораторія.

Въ 15 вер. за Бударинской по тракту находится небольшой поселокъ *Барановскій*. Онъ лежитъ въ 3 вер. отъ Урала. Въ поселкѣ есть школа. Близъ этого поселка трактъ входитъ въ предѣлы Лбищенскаго уѣзда.

На 22-й вер. отъ Бударинской, на берегу большого „ерика" лежитъ станція *Кожехаровская*. Прежде здѣсь былъ форпостъ, а теперь большая станица, съ церковью, двумя школами и нѣсколькими лавками.

Изъ Кожехаровской дорога идетъ по глинисто-солончаковой степи, сначала близъ старицы, затѣмъ вдали отъ берега Урала На 16-й верстѣ отъ ст. Кожехаровской трактъ вступаетъ въ бывшую станицу *Лбищенскую*, недавно переименованную въ уѣздный городъ **Лбищенскъ**. Въ городѣ 3.400 жителей, изъ нихъ 2.100 казаковъ. Есть здѣсь двѣ деревянныхъ церкви (единовѣрческія, такъ какъ большинство жителей—раскольники и сектанты) и двѣ школы, а также пріемный покой на 3 кровати для киргизъ и на 5 кроватей—для военныхъ. Въ городѣ много каменныхъ построекъ, въ томъ числѣ нѣсколько лавокъ. Кромѣ рыболовства и скотоводства, жители занимаются охотой и сборомъ корня солодки (Glyzirrhiza glandulifera). Здѣсь находится почтовое отдѣленіе и уѣздное управленіе. Съ 29 авг. по 5 сент. въ Лбищенскѣ происходитъ ярмарка, причемъ главнымъ предметомъ торговли служитъ скотъ и его продукты и мануфактурные товары; всего товаровъ на Лбищенскую ярмарку привезено было въ 1900 г. на 282 тыс. руб.

Слѣдующая станція—станица *Горячинская* (въ 14½ вер.) лежитъ на берегу Урала, имѣетъ церковь, двѣ школы и нѣсколько мелочныхъ лавокъ; въ ней находится скотская лѣчебница, живутъ участковый и пунктовый ветеринарные врачи.

Отъ Горячинской мѣстность представляетъ собою нѣсколько болѣе высокую, сухую степь; на 16-й вер. за Горячинской на трактѣ лежитъ почтовая станція *Мергеневская*. Этотъ небольшой поселокъ расположенъ на довольно высокомъ, обрывистомъ берегу Урала. Прежде онъ былъ военнымъ форпостомъ. Названіе свое поселокъ получилъ отъ имени калмыка Мергеня, который до основанія форпоста имѣлъ здѣсь свою стоянку. Въ поселкѣ есть церковь и школа.

Отъ ст. Горячинской и Мергеневской идетъ проселочная дорога на з., на поселокъ *Кизылъ-Убинскій*, находящійся на р. *Кушумъ*. Изъ этого послѣдняго поселка дорога развѣтвляется на двѣ вѣтви: одна идетъ поперекъ Кушума, на з. въ *Сламихинскую* станицу, расположенную на р. *Большомъ Узенѣ*, недалеко отъ озера *Рыбный Сокрытъ*. Сламихинская станица представляетъ собою одно изъ богатыхъ и людныхъ селеній „Внутренней линіи". Она имѣетъ около 2½ тыс. жит., двѣ школы, церковь, почтово-телеграфное отдѣленіе и много лавокъ. Для ближайшей степи Сламихинская станица можетъ быть названа центромъ торговли скотомъ; торговля эта расширяется; скотоводческіе продукты вывозятся отсюда черезъ Александровъ-Гай на внутренніе рынки Европейской Россіи. Съ 14 по 21 сентября въ Сламихинской станицѣ бываетъ ярмарка, имѣющая до 600 тыс. руб. оборота. Другая дорога отъ

Кизылъ-Убинскаго поселка идетъ внизъ по Кушуму, на юго-западъ, черезъ пос. *Пятимарѣкій*, *Карамановскій* и *Кисыкъ Камышинскій* къ станицѣ *Мухорской*, расположенной на р. *Мухоръ*, недалеко отъ извѣстныхъ *Камышъ-Самарскихъ* озеръ, на границѣ Гурьевскаго у. (см. „Россія", т. VI, стр. 530).

Отъ Мергеневской Гурьевскій трактъ идетъ по правому берегу старицы („ерика") до почтовой станціи *Каршинской* (19 вер.)—небольшого поселка, бывшаго прежде форпостомъ; здѣсь есть церковь и двѣ школы. На 16-й верстѣ отъ него, на правомъ берегу той-же старицы лежитъ станица *Сахаринская*; прежде она была одной изъ наиболѣе укрѣпленныхъ крѣпостей по Уралу. Въ станицѣ есть церковь и двѣ школы. Въ 14 вер. отъ нея лежитъ почтовая станція—поселокъ *Каленовскій*, расположенный на старицѣ. Въ немъ существуетъ церковь и двѣ школы. На 16-й вер. отъ Каленовскаго находится небольшой пос. *Лебяжій*, гдѣ есть школа. Слѣдующая почтовая станція—пос. *Антоновскій* (24 вер.); это также небольшой поселокъ (бывшій форпостъ), имѣющій школу. Въ 10 вер. отъ него на берегу Урала лежитъ незначительный поселокъ *Кругловскій*, гдѣ есть школа; на 14-й верстѣ отъ него расположенъ поселокъ *Котельный*—бывшій форпостъ, названный, по преданію, по имени древняго котла, вытащеннаго здѣсь первыми казаками изъ рѣки; расположенъ онъ на обрывистомъ берегу и имѣетъ школу.

Слѣдующая станція—упраздненный городъ *Калмыковъ*, нынѣ станица. Основанъ онъ на высокомъ берегу Урала въ 50-хъ годахъ XVII столѣтія, какъ крѣпость для огражденіи линіи отъ нападеній кочевниковъ. Названіе свое эта станица получила отъ калмыковъ, которые, по преданію, переправились здѣсь черезъ Уралъ во время бѣгства изъ Европейской Россіи (въ XVI вѣкѣ). Въ настоящее время Калмыковъ—одна изъ населенныхъ и богатыхъ станицъ въ уральскомъ войскѣ. Населеніе—болѣе 2 тыс. чел.—состоитъ главнымъ образомъ изъ казаковъ, занимающихся разведеніемъ скота (послѣдній находитъ хорошій сбытъ на мѣстной ярмаркѣ), молочной торговлей (среди киргизскаго населенія) и садоводствомъ (виноградъ). Въ упраздненномъ городѣ имѣются: церковь, три начальныхъ школы, почтово-телеграфная контора, управленіе атамана 2-го военнаго отдѣла, мѣстная команда, приходо-расходная касса, камера уѣзднаго судьи, рыбопошлинная застава, пріемный покой на 2 кровати и военный лазаретъ (живетъ нѣсколько врачей); здѣсь есть также ветеринарный пунктъ съ походной лабораторіей и лѣчебницей (четыре ветеринарныхъ врача). Станица занимаетъ выгодное положеніе — при пересѣченіи описываемаго тракта со степнымъ Уильскимъ скотопрогоннымъ (изъ Зауральской степи); благодаря этому здѣсь происходитъ весной большая ярмарка (1 — 20 мая). Въ 1901 г. на нее было доставлено скота и его продуктовъ на 698,5 тыс. руб., мануфактурныхъ и колоніальныхъ товаровъ на 322 тыс., лѣсныхъ и желѣзныхъ—22,6 тыс. руб., хлѣба—7,7 тыс. руб. и прочихъ товаровъ—на 269,7 тыс. руб., а всего на 1.319 тыс. руб. На ярмарку съѣзжаются киргизы не только мѣстные, но и изъ сосѣднихъ уѣздовъ; торговцы пріѣзжаютъ изъ Оренбурга и др. городовъ.

Близъ Калмыкова въ ярахъ Урала вымываются иногда кости мамонта и первобытнаго быка.

Вышеупомянутый трактъ на Уилъ, перейдя черезъ Уралъ на Бухарскую сторону, достигаетъ кол. *Джанъ-Кудука* (18 вер.), далѣе *Кара-Кунака* (12 вер.) и вер. въ 23 отъ Кара-Кунака пик. *Джаманъ-Кудака*. Къ югу отъ коп. Джаманъ-Кудука

начинаются большіе барханные пески *Тайсуйганъ*. Въ южной части ихъ, въ развѣтвленіи р. Уила, носящемъ названіе р. *Джинчилды* (по мѣстнымъ населеніемъ называемыхъ *Джарпшеканъ*), лежитъ небольшое русское поселеніе *Джума-Базаръ*. Джума-Базаръ основанъ въ 1895 г. и служилъ раньше пунктомъ, гдѣ по пятницамъ („джума"—по киргизски пятница) происходили базары и находились временныя помѣщенія торговцевъ. Въ настоящее время оно представляетъ широкую, изогнутую подъ прямымъ угломъ улицу, обстроенную лавками и землянками. Въ лавкахъ, гдѣ торгуютъ русскіе и татары, можно получить всѣ предметы первой необходимости и спеціально идущіе для киргизскаго населенія: халаты, ичиги и проч. Въ послѣдніе годы здѣсь начали сѣять арбузы, по качеству не уступающіе уильскимъ. Вблизи поселка находятся киргизскія зимовки *Кизылъ-Кую* и фельдшерскій пунктъ, гдѣ населеніе охотно пользуется медицинской помощью. За Джаманъ-Кудукомъ находится кол. *Саспанъ*. За Саспаномъ трактъ сближается съ р. Уиломъ, перейдя пески *Бійрюкъ*. Здѣсь находятся кол. *Турку-Бай* (20 вер. отъ Джаманъ-Кудука), *Косъ-Куль* (22 вер.) и *Кумы-Кудукъ* (20 вер.). Къ югу отъ Бійрюка, въ низовьяхъ *Уила* находится нефтяной источникъ *Матеня* (въ пескахъ), названный въ честь муллы Матеня, жившаго въ первой половинѣ XIX в. и научившаго киргизъ пользоваться нефтью для лѣчебныхъ цѣлей. Далѣе трактъ, отдаляясь временно отъ р. Уила, входитъ въ Темирскій у. и при *Хандыкулѣ* (20 вер.) соединяется съ Уральско-Уильскимъ трактомъ (см. ниже).

До слѣдующей послѣ Калмыкова станціи—небольшого поселка *Красноярскаго* (бывшаго форпоста) — 15 вер. (отсюда начинается 3-й гурьевскій военный отдѣлъ). Мѣстность по тракту за Калмыковомъ болѣе разнообразна и менѣе ровна, чѣмъ до него. Въ поселкѣ Красноярскомъ есть церковь и двѣ школы. Отсюда дорога идетъ сначала въ 4–6 вер. отъ рѣки по песчаной равнинѣ, затѣмъ снова подходитъ къ рѣкѣ. На 17-й верстѣ за Красноярскимъ, уже въ Гурьевскомъ у. лежитъ незначительный поселокъ (бывшій форпостъ) *Харкинскій*. На 30-й вер. отъ Красноярскаго расположена почтовая станція—пос. *Горскій* (*Индерскія Горы*), бывшая крѣпость.

Отсюда идетъ дорога въ Зауральскую степь къ извѣстному ***Индерскому*** озеру и горамъ, расположеннымъ вер. въ 20 отъ поселка.

Индерскія горы представляютъ одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ во всей зауральской части Уральской области. Невысокія, но причудливо нагроможденныя, съ острыми гребнями, глубокими долинами, тѣсными ущельями и мрачными провалами (въ гипсовыхъ горахъ)—онѣ окружаютъ озеро, бѣлѣющее, какъ отъ снѣга, кристаллами самосадочной соли. Въ тѣнистыхъ долинахъ растетъ разнообразная кустарная и травяная растительность, многіе виды которой совершенно не встрѣчаются на окружающей равнинѣ; фауна горъ также отличается отъ окружающихъ степей. Все это, въ связи съ громадными богатствами соли хорошаго качества и присутствіемъ соленыхъ и сѣрныхъ источниковъ, издавна привлекало сюда ученыхъ путешественниковъ. Наибольшая высота Индерскихъ горъ, по Гебелю, не превышаетъ 200 ф. надъ окружающей степью; но, принимая во вниманіе, что поверхность этой степи находится ниже уровная океана, можно сказать, что Индерскія горы—самыя низкія на земномъ шарѣ. Наивысшая точка Индерскихъ горъ называется *Кизылъ-Тау* (Красная Гора—отъ краснаго желѣзистаго гипса, изъ котораго она сложена); находится она въ 3 вер. къ с.-з. отъ источника *Аще-Булака* (с.-в. берегъ Индерскаго озера). Индерскія горы имѣютъ видъ плоскогорья длиной 40, а шириной 7—10 вер., вытянутаго съ ю.-в. на с.-з., по которому расположены въ томъ же направленіи то отдѣльныя холмообразныя или скалистыя гипсовыя вершины, то такіе же небольшіе хребты, большею частью разорванные на части глубокими впадинами, съ массой пещеръ и провальныхъ ямъ. Эти хребты носятъ особыя названія, какъ напр. *Кизылъ-Тау*, *Нурбай-Тау*, *Кашаманъ-Тау*, *Джами-Тау* и др. Сѣверо-западное продолженіе Индерскихъ возвышенностей доходитъ до р. Урала и оканчивается здѣсь обрывомъ метровъ въ 15 высотой. Съ сѣвера Индерскія горы поднимаются отъ степи очень полого, а къ югу—къ Индерскому озеру—обрываются круто. Состоятъ Индерскія горы изъ отложеній системъ: пермской (гипсы, рухляки), юрской (известняки, мергели и гипсы съ массой ископаемыхъ устрицъ, причемъ эти отложенія хорошо раз-

виты у западнаго берега оз. Индера въ *Бѣлой Ростоши*), мѣловой (известнякъ и мѣлъ съ морскими ежами, белемнителлями, устрицами и отчасти кораллами, хорошо развитые у западнаго берега озера въ той же Бѣлой Ростоши и на восточномъ берегу Индерскаго озера у *Аазенъ Булака*), наконецъ третичной (известняки въ вершинѣ Бѣлой Ростоши) съ пластинчатожаберными такъ называемыхъ акчагыльскихъ пластовъ; все это по менѣе крутымъ склонамъ покрыто четвертичными арало-каспійскими песчано-глинистыми осадками съ массой раковинъ. Провалы и впадины въ Индерскихъ горахъ имѣютъ видъ то воронокъ или цилиндровъ, то оврагоръ, сильно вѣтвящихся, съ очень крутыми боками. Провалы здѣсь происходятъ постоянно и теперь; подземныя пустоты, происходящія отъ растворенія гипса, часто даютъ себя знать по пустому звуку подъ копытами лошадей. Изъ пещеръ въ Индерскихъ горахъ наиболѣе извѣстна пещера *Кизылъ Унуръ* (Красная пещера) недалеко отъ р. Урала, выходящая своимъ отверстіемъ въ крутой оврагъ и являющаяся въ видѣ узкаго, извилистаго коридора безъ вѣтвей; можно отмѣтить еще пещеру въ грядѣ Нурбай-Тау, съ прѣснымъ источникомъ на ея днѣ. Изъ 10 соленыхъ источниковъ, впадающихъ въ Индерское озеро съ горъ, наиболѣе замѣчателенъ цѣлебный *Аще Булакъ* (на сѣверо-восточномъ берегу озера) съ содержаніемъ солей 4,5% и температурой 9° R. Этотъ источникъ, съ очень чистой и пріятной на вкусъ соленой водой, выбивается изъ гипсовъ, выходящихъ въ провальной ямѣ изъ-подъ мощной толщи сильно размываемаго лёсса. Истокъ ключа имѣетъ видъ пещеры. Пройдя яму, вода скрывается въ щели подъ землей, образуя надъ собой узкій естественный земляной сводъ, такъ какъ дальше она сейчасъ же вырывается въ новой ямѣ изъ щели въ гипсахъ, откуда уже свободно течетъ, въ видѣ широкаго извивающагося ручья, длиной саженъ въ 100—150, въ Индерское озеро. Въ 7 вер. къ ю.-з. отъ Индерскаго озера тянется еще небольшая гряда холмовъ версты на 3 и далѣе сливается со степью. Эта гряда носитъ названіе *Джаманъ Индеръ* (джаманъ по киргизски значитъ плохой, незначительный). Недалеко отъ Индерскаго озера есть большой солонецъ *Каптемиръ-Хакъ*.

Насыпка самосадочной соли на воза на оз. Индерскомъ.

Окружность *Индерскаго озера* (вытянутаго въ видѣ элипсиса съ ю.-в. на с.-з. параллельно Индерскимъ горамъ и лежащаго на 24 ф. выше р. Урала) достигаетъ 77 верстъ (а по нѣкоторымъ источникамъ, только 40 вер.), окружность же соляной массы не превышаетъ 50 вер. Весной и осенью послѣ дождей вся поверхность озера бываетъ покрыта рапой или „тузлукомъ“, а лѣтомъ, въ сухое время слой рапы на озерѣ незначителенъ и перегоняется вѣтромъ отъ берега къ берегу. Запасъ соли въ озерѣ—не менѣе 30 милліардовъ пудовъ. Содержаніе солей въ рапѣ достигаетъ 24,5%. На озеро ежегодно въѣзжаютъ съ возами казаки и киргизы и прямо выгребаютъ соль гребками и лопатами; количество добываемой здѣсь соли доходитъ

до 700.000 пуд. въ годъ. Соль продается для посола рыбы въ Гурьевѣ и Уральскѣ. Обилію соли въ озерѣ немало способствуютъ впадающіе въ него соленосные источники.

Возвращаемся къ Гурьевскому тракту. Отъ Горскаго поселка слѣдующая почтовая станція—поселокъ *Гребенщиковскій* (17 вер.). Дорога идетъ сравнительно нѣсколько возвышенной, пустынной степью. Поселокъ (бывшій форпостъ) лежитъ на высокомъ берегу Урала; жители его кромѣ рыболовства и скотоводства занимаются огородничествомъ. Въ 14½ вер. отъ пос. Гребенщиковскаго лежитъ почтовая станція *Кулагинская*. Эта небольшая станица (бывшая крѣпость) имѣетъ церковь, двѣ школы и нѣсколько лавокъ.

Близъ станицы указываютъ на плохо сохранившіеся валы и ямы—слѣды „*Маринкина городка*"—мѣста, гдѣ, по преданію, жила Марина Мнишекъ со своими приверженцами.

Далѣе по тракту лежитъ небольшая станица *Орловская* (на 12-й в. отъ Кулагина), имѣющая школу. Дорога за Орловской станицей идетъ по лугу и на 26-й вер. вступаетъ въ пос. *Зеленовскій* (бывшій форпостъ); здѣсь есть почтовая станція, церковь и двѣ школы.

Слѣдующая станція—пос. *Тополинскій* (въ 15 вер)., бывшій форпостъ. Онъ имѣетъ школу и лежитъ на луговомъ берегу р. Урала. Въ 11 вер. отъ него по тракту расположенъ пос. *Кармановскій*, а далѣе, на 10-й верстѣ—почтовая станція пос. *Баксайскій* (бывшій форпостъ). Оба представляютъ собою небольшіе поселки со школами, лежащіе на низкихъ солонцовыхъ берегахъ Урала. Ниже Баксайскаго поселка находится логъ *Нарынка* (съ оз. *Курхайскимъ морцомъ*), по которому проходитъ весенняя вода Урала въ Каспійское море. Отъ Баксайскаго поселка къ югу тянется низменная солонцовая мѣстность, поросшая солянками и камышемъ. На 12-й верстѣ отъ Баксайскаго поселка лежитъ станица *Яманхалинская* (бывшій форпостъ), имѣющая церковь и двѣ школы.

Отъ нея трактъ идетъ по солонцовой низинѣ (весной заливаемой водой, вслѣдствіе чего сообщеніе производится на лодкахъ) до станицы *Сарайчиковской* (22 вер.). Въ станицѣ есть церковь и двѣ школы. Ст. Сарайчиковская лежитъ на островѣ, образуемомъ рукавомъ р. Урала. Прежде здѣсь была столица ногайскаго хана Золотой Орды *Сарайчикъ*. Яицкая вольница, скопившаяся въ низовьяхъ Урала, двигаясь вверхъ по рѣкѣ, въ XVI в. осадила городъ и взяла его. Судя по дошедшимъ до насъ осткамъ, здѣсь находился богатый городъ, имѣвшій каменныя постройки, которыя были украшены мраморными колоннами и обложены разноцвѣтными изразцовыми кирпичами. Здѣсь находили каменныя могилы, черепки посуды, расписанной красками, и много монетъ—серебряныхъ, золотыхъ и мѣдныхъ (на нѣкоторыхъ разобраны надписи Сараилъ-Джедита—названіе города). Городъ служилъ торговымъ центромъ. Жители послѣ разграбленія его яицкой вольницей бѣжали въ Хиву. Позже былъ основанъ здѣсь казачій форпостъ. Въ Сарайчиковской станицѣ до тысячи жителей, есть церковь и двѣ школы, а при казачьей школѣ—библіотека.

Отсюда идетъ проселочный и караванный трактъ въ Киргизскую степь къ низовьямъ р. *Сангза* и *Эмбы*. Дорога идетъ сначала на урочище (грязи) *Яманъ-Соръ* (около 45 вер.), отъ него мимо бугра *Карсанъ-Бай* къ копани *Джаныбекъ*, близъ которой находится нефтяной источникъ, изслѣдованный инж. Новаковскимъ, а затѣмъ *Бюули* (обѣ съ прѣсной водой)—60 вер. Отъ нихъ путь продолжается на ко-

пань *Чинильды* (24 вер.) и далѣе до *Тасъ-Кичу* на берегу р. *Сагиза* (25 в.). Это бывшее укрѣпленіе, отъ котораго сохранились только небольшіе слѣды. Рѣка Сагизъ здѣсь образуетъ нѣсколько стоячихъ горько-соленыхъ „плесъ“. На 30-й верстѣ къ югу отсюда лежитъ прѣсная копань *Джамбейты*. Въ 35 вер. отъ нея, на отк итой степи, у одного изъ рукавовъ (лѣтомъ пересыхающихъ) р. *Эмбы* лежитъ небольшое поселеніе *Нижне-Эмбенское*, бывшее укрѣпленіе.

Отсюда идутъ караванныя дороги въ *Хиву* черезъ Усть-Уртъ и въ *Уильское* поселеніе. За Эмбой хивинскій путь оставляетъ вер. въ 50 на юго-западъ отъ себя на берегу Каспійскаго моря рыболовный поселокъ *Жилую Косу*. Здѣсь есть церковь, школа грамоты, пріемный покой и фельдшерскій ветеринарный пунктъ. Поселокъ ведетъ значительную торговлю рыбой съ Астраханью и бойкій мелочной торгъ съ окрестными киргизами. Далѣе та-же дорога оставляетъ вер. въ 30 къ ю.-з. отъ себя извѣстное *Кара-Чунгулъ-кое* нефтяное мѣсторожденіе, самое богатое въ Уральской области и съ недавняго времени эксплоатируемое нефтяной компаніей. Мѣсторожденіе находится на берегу соляного озера *Кара-Чунгулъ* (что значитъ по киргизски черный оврагъ). Это озеро лежитъ въ глубокой впадинѣ (80 фут. ниже окружающей степи), окружностью до $2^1/_2$ верстъ. Дно впадины покрыто солью. На берегахъ озера Кара-Чунгула замѣчаются, какъ и на Индерскомъ, выходы гипсовъ, образующихъ на самомъ озерѣ живописные острова. На юго-западномъ берегу Кара-Чунгульскаго озера находятся главные источники нефти. Берегъ этотъ, довольно высокій и крутой, состоитъ изъ песчанисто-известковистой глины, причемъ у подножія его видны значительныя отложенія кира, потоки котораго достигаютъ озера. Карачунгульская нефть отличается своей легкостью и по свойствамъ близка къ американской (пенсильванской); пріурочивается она къ песчанымъ сломъ мѣловой системы. Близъ кара-чунгульскихъ нефтяныхъ источниковъ есть немало залежей асфальта. За Кара-Чунгуломъ хивинская дорога черезъ сильные родники *Ушканъ*, а далѣе по безводной степи черезъ уроч. *Тугуркайнъ* и *Джаничке-Кебыръ* идетъ къ границѣ Гурьевскаго у. съ Темирскимъ. Верстахъ въ 100 къ западу отсюда на Каспійскомъ морѣ лежитъ остр. *Прорва*. „Островъ Прорва (лежащій у входа въ Мертвый Култукъ) является послѣднимъ населеннымъ приморскимъ пунктомъ на

Нефтяныя вышки на берегу озера Кара-Чунгула.

юго-востокѣ Уральской области. Небольшой островъ площадью въ нѣсколько квадратныхъ верстъ отдѣляется проливомъ отъ низменнаго берега, изрѣзаннаго болотистыми проранами. Входъ въ проливъ съ сѣвера отличается достаточною глубиною для прохода судовъ до 8.000 пуд. подъемной силы и представляетъ одну изъ удобнѣйшихъ пристаней сѣверо-восточнаго берега Каспія. Во время сѣверныхъ вѣтровъ глубина пролива значительно повышается, и,—что замѣчательно,—вода его въ это время совершенно прѣсная. Объяснить это явленіе можно только предположеніемъ, что теченіемъ сюда доноситъ уральскую воду. Киргизы съ убѣжденіемъ называютъ прорвинскій проливъ Ураломъ. На материкѣ вблизи острова находится соляное озеро, солью котораго промышленники пользуются для посола рыбы. На обращенномъ къ материку возвышенномъ берегу острова вытянулось рыбачье поселеніе *Прорва*, состоящее изъ чистенькихъ домиковъ русской архитектуры. Изъ крупныхъ рыбопромышленниковъ можно упомянуть г. Сиротина, отправляющаго ежегодно въ Астрахань свыше 80.000 пуд. рыбы. Онъ-же содержитъ лавку, гдѣ покупателями являются преимущественно окрестные киргизы. На Прорвѣ развитъ птичій промыселъ: бьютъ лебедя, поганокъ и баклановъ ради ихъ шкурокъ, которыя

отправляются черезъ Гурьевъ или Астрахань въ Европейскую Россію и идутъ на принадлежности дамскаго туалета. Шкурка лебедя на мѣстѣ стоитъ 1 р., баклана или поганки—отъ 40 до 60 коп. Верстахъ въ пятидесяти къ ю.-в. отъ Прорвы берегъ моря сразу повышается, и дикія скалы низвергаются прямо въ море, такъ какъ здѣсь упирается въ Каспій *Чинкъ*, т. е. обрывъ *Усть-Урта*. Извѣстностью пользуется скала *Бараній Лобъ*, по описанію мѣстныхъ жителей, стоящая въ водѣ вдали отъ берега". (Доппельмейеръ). Оставленный нами хивинскій путь достигаетъ границы Гурьевскаго и Темирскаго уѣздовъ близъ 46° сѣв. широты у уроч. *Кокчи-Су*, и здѣсь оставляетъ къ с.-в. отъ себя возвышенности *Джильтау*, а далѣе (въ 80 вер. отъ Ушкана) достигаетъ *Чинка* (обрыва) *Усть-Урта*, на который и поднимается крутымъ подъемомъ, называемымъ *Мынъ-Су-Алманъ*, т. е. тысяча источниковъ, извѣстнымъ русскимъ еще со времень похода кн. Бековича-Черкасскаго. Источники эти выбиваются изъ известняковъ, входящихъ въ составъ Чинка; нѣкоторые изъ нихъ обдѣланы, такъ какъ здѣсь проходитъ древній караванный путь. Поднявшись на Чинкъ, дорога по территоріи Темирского у. уходитъ въ предѣлы Закаспійской области и далѣе на *Кунградъ* и *Хиву*.

Рыбопромышленный поселокъ Прорва. Промыселъ Спротина.

Возвращаемся къ Гурьевскому тракту. Отъ Сарайчиковской станицы дорога идетъ на пос. *Сорочинскій* (11 вер.). Это небольшое и небогатое поселеніе (700 жит.) лежитъ среди солончаковой низкой равнины и имѣетъ школу. На 12-й вер. за Сорочинскимъ среди такой-же безплодной равнины расположенъ пос. *Редутскій*—незначительное поселеніе (600 жит.) со школой и почтовой станціей (прежде здѣсь былъ Гурьевскій редутъ съ маякомъ). Отсюда трактъ идетъ близъ берега Урала (который течетъ среди илистыхъ, невысокихъ береговъ и такъ значительно извивается, что разстояніе между поселками по рѣкѣ нужно считать вдвое и даже болѣе, чѣмъ по сухому пути)—до пос. *Кандауровскаго* (13 вер.). Въ этомъ поселкѣ (500 жит.) есть школа. Мѣстность становится далѣе все болѣе солончаково-болотистой, поросшей солянками и камышемъ. Отъ Урала отдѣляются нѣсколько протоковъ, по которымъ весеннія воды рѣки изливаются въ море; на ю.-з. идетъ *Черная* рѣка, на ю.-в. — *Соколокъ* и нѣсколько мелкихъ. На 13-й верстѣ за Кандауровскимъ поселкомъ находится г. *Гурьевъ*.

Весной и лѣтомъ ѣзда отъ Сарайчиковской станицы до Гурьева доставляетъ много непріятностей; сырая, мѣстами болотистая почва затрудняетъ проѣздъ, а лѣтомъ въ камышахъ и на лугахъ столько комаровъ и мошекъ, что нужно большое терпѣніе, чтобы переносить ихъ присутствіе. „Здѣсь бываетъ лѣтомъ", пишетъ Палласъ, „столь несносное отъ комаровъ мученье, что для злодѣевъ лучшей муки почти выдумать не можно, если-бы ихъ ссылали сюда въ ссылку и заставляли жечь золу изъ соляныхъ растеній".

Гурьевъ, уѣздный городъ Уральской области, расположенъ на низкомъ, правомъ берегу р. Урала, въ его дельтѣ. Основаніе города точно не установлено, хотя вѣроятно относится къ XVI в. Оно произошло еще тогда, когда весь „Яикъ" не принадлежалъ казакамъ. Ватага предпріимчивыхъ, отважныхъ промышленниковъ, узнавъ о рыбныхъ богатствахъ рѣки, поселилась здѣсь съ цѣлью заняться рыбнымъ промысломъ. Во главѣ ихъ стоялъ промышленникъ Михаилъ Гурьевъ. Такъ какъ рѣка принадлежала татарамъ, жившимъ въ Сарайчикѣ, то Гурьеву пришлось платить имъ дань. Но потомъ, когда дѣло окрѣпло, промышленники рѣшили прочнѣе обосноваться. Съ этой цѣлью построена была крѣпость. Чтобы скрыть постройку отъ татаръ, русскіе, по преданію, заставили рѣку парусными судами и такимъ образомъ, незамѣтно для первыхъ, укрѣпились на мѣстѣ. Построивъ крѣпость, гурьевцы отказались платить дань, и татары оставили ихъ въ покоѣ; мѣсто это называлось *Узянъ-Балюзинъ*, а позже — *Яицкій городокъ*. Появившіеся на Яикѣ казаки приносили промышленникамъ немало хлопотъ. Въ 1649 году атаманъ Кондыревъ совсѣмъ разграбилъ городъ, а „учугъ" (забойку поперекъ рѣки для непропуска вверхъ рыбы), который имѣли здѣсь гурьевцы, отдалъ яицкой вольницѣ на семь лѣтъ; въ городѣ расселены были стрѣльцы. Въ 1667 году городъ былъ разграбленъ Касимовымъ. Въ 1668 г. здѣсь нашелъ пріютъ Стенька Разинъ съ приверженцами. Въ 1752 г., какъ городъ промышленниковъ, Гурьевъ былъ упраздненъ и присоединенъ къ яицкому войску подъ именемъ „Яицкаго городка"; учугъ рыбопромышленниковъ былъ совершенно уничтоженъ. Занимая выгодное стратегическое положеніе, городъ имѣлъ въ первое время деревянную, а позже каменную крѣпость съ бастіонами, вооруженными пушками. Въ 1810 г. крѣпость была упразднена и укрѣпленія срыты. Съ 1865 г. Гурьевъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Уральской области.

Въ настоящее время городъ имѣетъ до 9.600 жителей, такъ что по населенности является вторымъ послѣ Уральска. Главная часть его населенія—не казаки (мѣщане, разночинцы и киргизы). Въ немъ три единовѣрческихъ каменныхъ церкви и одна деревянная, мечеть, нѣсколько каменныхъ лавокъ и довольно много домовъ. Промышленная жизнь, за исключеніемъ рыбопромышленности, въ городѣ не развита, но есть торговля. Съ 17 октября по 2 ноября въ городѣ происходитъ ярмарка; главный предметъ ея торговли, какъ и всѣхъ другихъ ярмарокъ Уральской области—скотъ и его продукты, а также рыба, въ обмѣнъ на хлѣбъ, мануфактурныя и металлическія издѣлія. Обороты ярмарки достигаютъ 160 тыс. рублей. Кромѣ того городъ ведетъ значительную морскую торговлю съ Астраханью. Изъ Гурьева вывозятся рыбные и скотоводческіе продукты, а ввозится въ него преимущественно

хлѣбъ и соль. Въ 1897 г. перевозкой между Астраханью и Гурьевомъ занято было 117 судовъ, которыя перевезли до 80 тыс. пуд. сырья изъ Гурьева и доставили изъ Астрахани 500 тыс. пуд муки.

Въ городѣ, какъ центрѣ уѣзда, сосредоточены административныя управленія и учрежденія: управленіе уѣзднаго начальника, мировой судъ, уѣздное казначейство, акцизный надзоръ, мѣстная команда, для казачьяго населенія—управленіе атамана 3-го военнаго отдѣла. Кромѣ того здѣсь находятся: больница на 25 кроватей, пріемный покой, аптека, отдѣленіе ветеринарной лабораторіи, скотская лѣчебница, почтово-телеграфная контора и рыбопошлинная застава. Въ городѣ есть нѣсколько учебныхъ заведеній—мореходный классъ, двухклассное русско-киргизское училище, двѣ приходскихъ и двѣ церковно-приходскихъ школы. За невозможностью вести хлѣбопашество, жители занимаются садоводствомъ; здѣсь хорошо вызрѣваютъ: виноградъ, яблоки, груши, персики, вишни, абрикосы и др. плодовыя деревья; сдѣланы также удачные опыты шелководства. Въ окрестныхъ озерахъ производится ломка соли, но пока въ незначительныхъ размѣрахъ. Съ 1889 г. городъ сталъ имѣть правильное сообщеніе съ Астраханью: два раза въ недѣлю ходятъ товаро-пассажирскіе пароходы.

Ракушечная пристань г. Гурьева во время курхайскаго рыболовства.

Самымъ выдающимся уроженцемъ г. Гурьева былъ извѣстный бытописатель казаковъ Іоасафъ Иги. Желѣзновъ, родившійся здѣсь въ 1824 г. Дѣдъ его былъ заслуженнымъ сотникомъ, участвовавшимъ въ кампаніяхъ 1812—1815 г.г., а затѣмъ въ аральской экспедиціи полковника Берга, а отецъ былъ неграмотнымъ урядникомъ, пропавшимъ безъ вѣсти въ концѣ 1820-хъ годовъ. Такимъ образомъ, оспротѣвъ грудным ребенкомъ, Желѣзновъ своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ былъ обязанъ всецѣло нѣжно любившей его полуграмотной матери, а также грамотному дѣду и бабкѣ. Желѣзновъ въ 1836 г., двѣнадцати лѣтъ отъ роду,

поступилъ въ войсковое училище въ Уральскѣ. Здѣсь онъ пристрастился къ чтенію книгъ и познакомился со старикомъ кузнецомъ Жадаевымъ, знавшимъ массу казачьихъ преданій. Все это повліяло на даровитаго мальчика, сдѣлавъ изъ него впослѣдствіи выдающагося мѣстнаго этнографа и историка. Училище Желѣзновъ окончилъ въ 1841 г. семнадцати лѣтъ, а затѣмъ вернулся въ Гурьевъ, служилъ здѣсь въ канцеляріи три года и изучалъ рыбные промыслы, давшіе впослѣдствіи матеріалъ для его разсказовъ „Картины ханнаго рыболовства“ и „Василій Струняшевъ“. Послѣ того до 1849 г. Желѣзновъ служилъ въ разныхъ частяхъ Уральской обл., а затѣмъ два года переходилъ вмѣстѣ со своимъ „экстреннимъ полкомъ“ по разнымъ частямъ Россіи (былъ въ Москвѣ, въ юго-западномъ краѣ, въ Малороссіи), послѣ чего снова вернулся въ Гурьевъ. Въ 1850-хъ годахъ Желѣзновъ служилъ со своимъ полкомъ въ Москвѣ, гдѣ сошелся съ Островскимъ, Погодинымъ, Аполл. Григорьевымъ и въ ихъ сообществѣ усердно принялся за литературу, повременамъ возвращаясь въ Уральскую область и собирая тамъ цѣнные этнографическіе и историческіе матеріалы. Въ 1862 г. Желѣзновъ былъ выбранъ членомъ уральской войсковой канцеляріи и долженъ былъ вернуться на службу въ Уральскъ. Въ концѣ того-же года отношенія между выборными членами войсковой канцеляріи и наказанымъ атаманомъ обострились. Желѣзновъ, бывшій однимъ изъ главныхъ участниковъ этой борьбы, не вынесъ ея, и лѣтомъ 1863 г. въ отчаяніи лишилъ себя жизни въ Уральскѣ, гдѣ и похороненъ.

Съ 1849 до 1872 г. провелъ почти безвыѣздно въ Гурьевѣ болѣе двадцати послѣднихъ лѣтъ своей жизни и скончался здѣсь одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ путешественниковъ первой половины XIX вѣка Григорій Силычъ Карелинъ, прославившійся въ особенности съ 1831 по 1845 годъ своими путешествіями по киргизскимъ степямъ, по восточнымъ побережьямъ Каспійскаго моря до персидской границы, въ Тарбагатаѣ и Семирѣченскомъ Алатау.

Гурьевскій уѣздъ—одинъ изъ малонаселенныхъ уѣздовъ въ краѣ, благодаря почти полному отсутствію условій, благопріятныхъ для проживанія не только осѣлаго, но и кочевого населенія; особенно замѣтно въ немъ отсутствіе хорошей воды и растительности. Всего осѣдлаго населенія—28.500 чел., кочевого — 118.400 чел. (кромѣ того на островѣ Прорвѣ, на Ракушечьей пристани и Жилой Косѣ живетъ въ общей сложности до 2 тысячъ человѣкъ). Главное занятіе жителей—рыболовство и добыча соли; обрабатываемой земли $0{,}_{01}{}^0/_0$ всей площади; удобной земли (занятой главнымъ образомъ садами)—$4{,}_1{}^0/_0$; на хозяйство приходится: у осѣдлаго населенія—$61{,}_8$ гол. скота, у кочевого—$38{,}_0$.

Возвращаемся къ *Уральску*.

Второй почтовый трактъ, выходящій изъ Уральска уже въ Зауральскую степь, имѣетъ юго-восточное направленіе и идетъ на *Уилъ*. Этотъ трактъ, перейдя р. *Уралъ*, направляется сначала по заливной долинѣ рѣки, покрытой многочисленными старицами и ериками, а затѣмъ по ровной, слабо поднимающейся къ востоку глинистой степи и пересѣкаетъ сравнительно довольно многоводную для здѣшнихъ мѣстъ р. *Барбастау* или *Барбашевку* близъ почтовой станціи *Барбашева* на 16-й верстѣ. На рѣчкѣ устроена торговымъ домомъ бр. Ванюшиныхъ обширная запруда и водяная мельница.

Слѣдующая почтовая станція тракта въ 20 в.—*Ханъ-Куль* или *Джуванышъ*. Здѣсь при небольшомъ озерѣ сгруппированы многочисленныя

киргизскія зимовки, а вокругъ станціи имѣются и значительныя распашки съ посѣвомъ проса и частью пшеницы на лессовидныхъ почвахъ.

Отъ Джуваныша въ 26 в. къ ю. находится оз. *Чорхалъ* или *Чаркалъ* (или, какъ его неправильно называютъ, *Челкаръ*). Озеро это имѣетъ въ окружности 48 вер., причемъ самый длинный поперечникъ его (съ с. на ю.) достигаетъ 16 вер., а самый короткій (съ з на в.)—13½ вер. Берега озера отлоги, но на нѣкоторомъ разстояніи окружены ярами, до которыхъ доходятъ воды озера послѣ снѣжныхъ зимъ. По сѣверо-западную сторону озера лежитъ мѣловая гора *Сантасъ*, возвышающаяся надъ степью на 56 футъ, а по юго-восточную—мѣловая же гора *Сасай*, возвышающаяся надъ степью футъ на 90. Въ строеніи обѣихъ горъ, кромѣ мѣла, принимаютъ также участіе известняки и песчаники. Съ Сантаса открывается особенно красивый видъ на озеро Чорхалъ при закатѣ солнца. На Сантасѣ киргизы добываютъ мѣлъ. Вода въ озерѣ Чорхалѣ по цвѣту весьма сходна съ морской водой, хотя она только солоноватa. Озеро обильно рыбой, которая здѣсь ежегодно ловится казаками (такъ называемое чорхальское рыболовство). Черезъ рч. *Солянку*, по направленію къ Горячинскому форпосту на Уралѣ (на ю.-ю.-з.) озеро Чо халъ соединяется съ р. Уралъ, откуда и проникаетъ весной въ озеро рыба. Но это бываетъ только послѣ снѣжныхъ зимъ (напр. въ 1887 г.), а въ сухіе года Солянка не достигаетъ Урала. Питается озеро Чорхалъ прѣсными рѣчками *Каракъ* (Малая) или *Шулакъ-Анкаты* (40 в. длины) и *Куперли* (Большая)— *Анкаты* (70 в. длины), текущими съ довольно высокаго водораздѣла между Чорхаломъ и р. Утвой. Оз. Чорхалъ имѣетъ до 18½ фут. глубины (въ южной части) и называется у казаковъ „морцомъ". „Это названіе", по свидѣтельству Н. А. Бородина, „еще болѣе идетъ къ нему, когда подуетъ вѣтеръ; находясь какъ-бы въ ущельѣ между двумя горами, озеро подвержено сильнымъ порывамъ вѣтра, весьма быстро поднимающаго довольно изрядный валъ. Шумъ и прибой волнъ, особенно на южной, приглубой сторонѣ вполнѣ напоминаетъ море".

Далѣе трактъ по плоской степи входитъ въ область притоковъ оз. Чорхала, носящихъ названіе рѣчекъ *Анкаты*. Мѣстность въ области этихъ рѣчекъ довольно овражиста, почва весьма плодородна (шоколаднаго цвѣта) и кое-гдѣ распахана киргизами. Трактъ пересѣкаетъ три рѣчки: *Шулакъ-Анкаты* при одноименной почтовой станціи (20 в. отъ Ханъ-Куля) *Ирсары-Анкаты* и *Куперли-Анкаты* при впаденіи въ нее р. *Исень-Анкаты*. Близъ послѣднихъ находится почтовая станція *Куперли-Анкаты* въ 25 в. отъ Шулакъ-Анкаты.

Вдоль р. *Джюрени*, притока р. Исень-Анкаты, тянется небольшая гряда (высотой около 60 метровъ) *Джюрень-Тау*, состоящая изъ мѣла; очень живописное обнаженіе послѣдняго можно наблюдать при устьѣ р. Джюрени.

За Анкатами степь (до сихъ поръ ковыльная) пріобрѣтаетъ понемногу болѣе пустынный характеръ, и выцвѣты соли на поверхности земли появляются чаще. Здѣсь идутъ станціи: *Донгулюкъ-Соръ* (20 в.), *Чедырта* (20 в.) близъ слiянія рѣчекъ *Чатерды* и *Уленты*, текущихъ съ высокаго Утвинскаго водораздѣла, далѣе—*Джамбейтинская ставка* (20 в.). Здѣсь происходятъ еженедѣльно базары, на которые привозятся продукты киргизскаго хозяйства и вымѣниваются на мануфактурные товары. При базарѣ имѣется отдѣленіе ветеринарной лаборатоpіи и пріѣзжаетъ врачъ. Слѣдующая за Джамбейтинской ставкой станція (въ 20 в.) называется *Джамбейты* и расположена близъ одноименной рѣчки. За нею на 18-й верстѣ слѣдуетъ ст. *Джаръ-Камышъ* близъ р. *Булдурты*. За Чедыртой трактъ выходитъ изъ Уральскаго у. и входитъ въ предѣлы Лбищенскаго. За Булдуртой мѣстность уже носитъ пустынный характеръ, такъ какъ здѣсь появляются впервые летучіе пески (напр. *Кугузюкъ-Кумъ*) съ барханами, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить выше (стр. 54). Эта пустынная, барханная мѣстность продолжается при станціяхъ *Чотты-Куль* (въ 15 в., при небольшомъ прѣсномъ озерѣ *Чу-*

баръ-Куль), *Кара-Тюбе* (15 в., близъ рч. *Калдагайты*, откуда мѣстность начинаетъ повышаться), *Айдаръ-Ханъ* (15 в., близъ рч. *Джаксы-Бай*) и *Тюлекъ* (20 в.). Между Айдаръ-Ханомъ и Тюлекомъ трактъ входитъ изъ Лбищенскаго уѣзда въ предѣлы Темирскаго (Эмбенскаго) уѣзда.

Лбищенскій (прежде Калмыковскій) уѣздъ въ большей своей части представляетъ степныя солончаковыя и пустынныя пространства, пригодныя лишь отчасти для скотоводства; удобныя земли лежатъ только по Уралу и въ с.-в. части уѣзда въ Зауральской степи, занимая 24,4% всей площади уѣзда; изъ 57,3 тыс. осѣдлаго населенія и 128,1 тыс. кочевого земледѣліемъ занято только 0,6%. Поэтому главнымъ послѣ рыболовства занятіемъ у казаковъ является скотоводство. Скота у осѣдлаго населенія приходится 68,9 головъ на хозяйство, у кочевого — 34,9. Селенія существуютъ главнымъ образомъ по правому берегу р. Урала, а въ остальныхъ степныхъ частяхъ уѣзда ихъ весьма мало, въ особенности въ Зауральской степи.

Наиболѣе движущіеся барханы обойдены трактомъ, но это вызвало его уклоненіе здѣсь къ югу. Наконецъ у *Ханды-Куля* (20 в.) Уральско-Уильскій трактъ соединяется съ вышеописаннымъ (стр. 317) Калмыковско-Уильскимъ и далѣе идетъ вмѣстѣ съ нимъ на востокъ.

Первая станція здѣсь—*Джикинды* или *Аще Сай-Джикинды* (24 в.) у рѣчки того-же наименованія, въ ровной суглинистой степи, кое-гдѣ распаханной киргизами, вблизи мѣловыхъ горъ *Акчатъ-Тау*.

Эти горы, сложенныя изъ мѣла и глинисто-известковаго сланца, крутыми террассами и обрывами спускаются въ долину р. *Уила*. Самая высокая ихъ точка—гора *Тетерикъ-Тау* достигаетъ 664 ф.

Далѣе дорога поднимается на южное предгорье Акчатъ-Тау—высоты *Урундукъ*, гдѣ и расположена одноименная почтовая станція, называемая также *Аще-Сай-Урундукты* (20 в.). Превосходный видъ, открывающійся съ этихъ высотъ, былъ описанъ нами выше (стр. 4). Высоты Урундука состоятъ изъ мѣла съ плитными известняками наверху. Отъ Урундука идетъ спускъ (болѣе 350 ф. выс.) въ долину р. *Уила*.

Здѣсь трактъ достигаетъ русскаго населеннаго пункта *Уила*, иначе *Уильскаго укрѣпленія* или *Шиповскаго* поселка, названнаго такъ въ честь бывшаго уральскаго наказного атамана ген. Н. Н. Шипова. Этотъ городокъ расположенъ на высокой террассѣ правобережья р. Уила, окруженной съ з. вышеупомянутыми мѣловыми высотами Урундукъ, а съ с. и в. (за рѣкой) окаймленной песками, къ югу переходящими въ высокіе, движущіеся барханы. Уилъ, собственно говоря, состоитъ изъ трехъ частей. Первая изъ нихъ представляетъ собою военное поселеніе, состоящее изъ казенныхъ построекъ и церкви, расположенныхъ у почти уже упраздненной крѣпости, гарнизонъ которой состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ казаковъ и солдатъ, главная обязанность которыхъ—поддерживать порядокъ во время здѣшнихъ многолюдныхъ ярмарокъ. На с.-в. отъ этого военнаго поселка въ полуверстѣ находится собственно Шиповскій поселокъ, состоящій изъ переселенцевъ (преимущественно малороссовъ), основавшихся однако здѣсь непрочно. Рядомъ съ послѣднимъ поселкомъ на с.-з. расположены каменные корпуса ярмарки. Ярмарка въ Уилѣ бываетъ дважды въ году: весенняя (съ 15 мая по 15 іюня) съ общимъ оборотомъ въ 1900 г. на 1.491.000 р. и осенняя (съ 15 сент. по 15 окт.) съ общимъ оборотомъ въ 1900 г. на 509.000 р. Ярмарка носитъ мѣновой характеръ, такъ какъ здѣсь русскими купцами главнымъ образомъ обмѣниваются мануфактурные товары на киргизскій скотъ и шерсть. Въ Уилѣ есть русско киргизская

школа, школа грамоты, церковь, почтовое отдѣленіе, лазаретъ при мѣстной командѣ и ветеринарный пунктъ. Мѣстоположеніе Уила имѣетъ много недочетовъ: городокъ страдаетъ лѣтомъ отъ пыли окружающихъ его летучихъ песковъ, а зимой отъ снѣжныхъ бурановъ; кромѣ того ощущается недостатокъ прѣсной воды, а въ ближайшихъ окрестностяхъ преобладаетъ скудная полынная растительность. Между тѣмъ по сосѣдству съ Уиломъ есть мѣста гораздо болѣе защищенныя отъ вѣтра, болѣе богатыя прѣсной водой и съ болѣе плодородной почвой, покрытой ковылемъ.

Къ в. отъ Уильскаго укрѣпленія и къ с. отъ барханов *Баркинъ-Кумъ* производится добыча твердаго плитнаго песчаника среди старыхъ заросшихъ барханов. Къ с.-в. отъ Уильскаго укрѣпленія, вер. въ 10, въ урочищѣ *Кусь-Да-Кара* имѣются отложенія гипса.

Уильское укрѣпленіе является центромъ, откуда радіусами въ разныя стороны расходятся тракты и караванныя дороги по Зауральской степи, чѣмъ и объясняется его выдающееся торговое значеніе.

Одинъ изъ такихъ трактовъ направляется изъ Уила на сѣверъ, къ г. Илецку (Илецкой Защитѣ) Оренбургской губ. Перейдя при *Джунду-Сай* (25 в.) черезъ возвышенность (мѣловая сопка *Акъ-Бурунъ*), дорога далѣе (вер. въ 45 отъ Уильскаго укрѣпленія), при устьѣ р. *Кіила* пересѣкаетъ р. *Уилъ* и вверхъ по Кіилу (по лѣвому берегу, холмистому, обнажающему песчаники мѣловой системы), но все болѣе и болѣе уклоняясь отъ рѣки, черезъ *Сайндыкъ* (*Кандыкъ*, 25 в.), *Тюбе-Кудукъ* (19 в.) и *Карагандѣ* (16 в.) направляется къ *Ишкиранскимъ* горамъ, которыхъ и достигаетъ близъ *Джусалъ* (25 в.). Пройдя при *Коинды* (25 в.) и *Чубаръ-Кудукѣ* (15 в.) мимо Ишкиранскихъ горъ, близъ верховьевъ р. *Ишкиргана*, путь пересѣкаетъ далѣе, близъ *Хобланды* (17 в.) самый значительный притокъ Илека—р. *Кара-Хобду*, гдѣ вступаетъ въ Актюбинскій у. Тургайской области, а далѣе направляется къ р. *Илеку* и, перейдя послѣдній и вступивъ въ Оренбургскую губ., достигаетъ г. *Илецка*.

По притоку Большой Хобды р. *Малой Хобдѣ* и впадающей въ нее рѣчкѣ *Уте-Сюкъ* указываются признаки бураго угля, пріуроченнаго къ сломъ юрской системы, но ведшіяся здѣсь въ 1870-хъ годахъ развѣдки не привели къ практическимъ результатамъ.

На востокъ отъ Уильскаго укрѣпленія идетъ также дорога и при *Байдавлетѣ* (14 в.) развѣтвляется на с.-в.—на г. *Актюбинскъ*, а на в.—на г. *Темиръ*. За *Айсаномъ* (26 в.) черезъ 24 в. актюбинская дорога переходитъ черезъ р. *Уилъ*, а далѣе, за *Тюбе-Кудукомъ* (16 в.) и *Кара-Кудукомъ* (50 в.) переходитъ въ Актюбинскій у. Тургайской обл.

Къ ю. отъ Кара-Кудука, при впаденіи рч. *Бадамъ-Чалы* въ рч. *Бабили-Кумды* есть выходъ смолистаго (асфальтоваго) песчаника, имѣющій видъ потока.

Войдя въ Тургайскую область, путь (въ 18 в. отъ Кара-Кудука) пересѣкаетъ здѣсь сначала верховья р. *Сары-Хобды* (лѣваго притока р. Кара-Хобды), а затѣмъ, за горой *Уй-Ташъ* и *Бишъ-Кудукомъ* (40 в. отъ Кара-Кудука),—верховья *Кара-Хобды* (8 в. отъ Бишъ-Кудука). За послѣдней рѣкой, пройдя черезъ *Иртесъ* (10 в.) и *Турушъ* (20 в.), дорога достигаетъ черезъ 20 верстъ г. *Актюбинска* (см. ниже).

Къ в. отъ Байдавлета, какъ мы говорили выше, отдѣляется дорога на Темиръ. За ст. *Курдакты* (11 в.) и *Карагантѣ* (18 в.) находится по этому пути ст. *Калбатыръ* (17 в.).

Къ ю. отъ Калбатыря, вер. въ 60, на небольшой песчаной равнинѣ обнажаются выходы смолистаго (асфальтоваго) песчаника въ видѣ узкой полосы длиной до 20 саж., образовавшагося вѣроятно изъ нефти или горной смолы, разлившейся по слоямъ горныхъ породъ и постепенно превратившейся въ асфальтъ.

При Калбатырѣ путь сближается съ верхнимъ теченіемъ р. Уила и слѣдуетъ ему почти до самыхъ верховьевъ рѣки, проходя здѣсь черезъ ст. *Алты-Карасу* (35 в.), *Кинджалы* (32 в.) и *Чіилы* (20 в.). За послѣдней дорога близъ ст. *Калмакъ-Кыранъ* (25 в.) достигаетъ верхней точки водораздѣла между Уиломъ и *Темиромъ*, а далѣе спускается въ долину послѣдняго, гдѣ въ 33 в. и достигаетъ г. *Темира* (см. ниже).

Далѣе на в.-ю.в. отъ Уильскаго укрѣпленія проходитъ еще караванный путь на *Верхне-Эмбенскій* постъ, пересѣкающій на поддорогѣ р. *Сагизъ* въ ея верхнемъ теченіи.

Къ ю.-ю.-в. отъ Уильскаго укрѣпленія идетъ черезъ *Эмбу* дорога на *Усть-Уртъ*. Мѣстность сначала покрыта зимовками киргизъ и изобилуетъ пастбищами. Путь пересѣкаетъ при устьѣ рч. *Курдакты* р. *Аще* (*Горькій*)-*Уилъ*, притокъ Уила. Аще-Уилъ протекаетъ по чистому, каменистому руслу и несетъ чрезвычайно прозрачную, но сильно горькосоленую воду.

За Аще-Уиломъ дорога черезъ *Карандысай*, *Чанъ-Кудукъ* и *Челесай* идетъ по безплодной степи вдоль границы Гурьевскаго и Темирскаго у. поперекъ водораздѣла къ р. *Сагизу*. Высокій, холмистый, пересѣченный водораздѣлъ начинается близъ Чанъ Кудука.

На в. отъ дороги въ Сагизъ впадаетъ рч. *Ибейта*, долина которой изобилуетъ прѣсной водой, прекрасной злаковой и луговой растительностью и весьма пригодна для арычной земледѣльческой культуры. Сюда заходятъ всѣ караваны, нуждающіеся въ прѣсной водѣ. Близъ Ибейты въ двухъ различныхъ мѣстахъ есть даже два громадныхъ осокоря (джингъ-агачъ), посаженные здѣсь когда-то встарину и почитаемые киргизами священными. Это, кажется, самые южные, по географическому положенію, экземпляры высокостволь ныхъ деревьевъ въ Зауральской степи.

Долина Сагиза близъ мѣста пересѣченія его дорогой имѣетъ нѣсколько верстъ ширины и изобилуетъ рѣзкими солончаками, но, несмотря на скудныя пастбища, покрыта здѣсь зимовками и кочевьями киргизъ. Перейдя черезъ р. Сагизъ, путь направляется опять поперекъ водораздѣла—къ Эмбѣ. Первая станція на этомъ пространствѣ—*Терескань* лежитъ между р.р. *Кайнаромъ* (съ з.), который былъ описанъ нами выше (стр. 12), и *Терескапомъ*.

Тарантасъ въ степи.
По фот. Вен. П. Семенова).

Далѣе дорога достигаетъ ст. *Дарель-Сая* близъ одноименныхъ обрывовъ, описанныхъ нами выше (стр. 5). Къ западу отсюда находятся горы *Иманъ-Кара* и *Кой-Кара*, а также оз. *Тологой*, описанныя нами выше (стр. 5—6), а къ востоку — двуглавая гора *Акъ-Гуга*, имѣющая 735 ф. высоты и далеко видная во всѣ стороны. 3½ ст. *Алаша Казганомъ* и *Аще-Саемъ* путь достигаетъ близъ песковъ *Люсунъ* р. *Эмбы*, которую и переходитъ недалеко отъ вышеупомянутаго (стр. 8) уроч. *Кандарала*, оставляя на востокъ, на лѣвомъ берегу Эмбы, горы *Чиркала* и пески *Аймагутъ*.

Вдоль Эмбы къ з. отъ Кандарала черезъ *Уй-Тасъ*. *Акъ (Тазъ)-Мечеть* и *Аще-Кудукъ* идетъ соединительная дорога на *Нижне-Эмбенское* укрѣпленіе (см. выше, стр. 320).

„Вблизи зимовокъ киргизскаго рода Тазъ, носящихъ названіе Тазъ-Мечети, въ песчаныхъ берегахъ извивается рѣка Эмба, образуя живописные пороги, яркой зеленью острововъ рѣзко выдѣляющіеся на желтоватомъ пустынномъ фонѣ окружающей мѣстности. Рѣка пересѣкается глинистымъ пластомъ и, претерпѣвая незначительное паденіе, пѣнясь, быстро несетъ воды свои среди небольшихъ острововъ, съ зелеными шапками болотной растительности (Scirpus affinis, Polypogon, Polygonum lapatifolium). Чайки тучами носятся въ воздухѣ, бросаясь за рыбой въ пѣну порога; на берегу видны величавыя фигуры орлановъ-бѣлохвостовъ, и этотъ полный свѣжести и оживленія уголокъ—въ своемъ родѣ единственный на много верстъ кругомъ“. (Доппельмейеръ).

Въ то же время вверхъ по долинѣ Эмбы отъ Кандарала мимо горъ Чиркала черезъ *Санкыбай*, *Турпай-Камыш*, *Кара-Тюбе* (*Букембай*), *Акъ-Джарляу*, *Кокпекты* и развалины бывшаго *Эмбенскаго* укрѣпленія идетъ соединительная дорога на *Верже-Эмбенскій* постъ (см. ниже). Отъ Кандаралы на востокъ идетъ, оставляя къ сѣверу горы Чиркала и пески Аймагутъ, дорога черезъ *Аще-Кудукъ*, *Аще-Уртъ*, *Бирюгумъ*, *Терсеканъ-Кумъ*, *Баканды*, *Тунще-Уртъ*, *Аще Кудукъ*, *Блуй-Булакъ* (въ верхнемъ теченіи р. *Чегана*), *Джамбыске*, *Кизляръ-Чекань* (уже въ предѣлахъ Тургайской обл.), *Тамаръ-Кудукъ* и *Исенъ-Чаулъ* къ *Аральскому* морю, гдѣ соединяется съ караваннымъ путемъ изъ Кунграда въ г. Иргизъ (см. ниже).

Отъ Кандаралы къ югу Уильско-Усть-Уртскій путь, слѣдуя вдоль границы

Гурьевскаго у. съ Темирскимъ и оставляя къ востоку горы *Джиль-Тау*, соединяется наконецъ близъ вышеупомянутаго (стр. 321) *Мынъ-Су-Алмана* съ дорогой изъ Сарайчиковской станицы и вмѣстѣ съ нею продолжается на *Усть-Уртъ*.

Возвращаясь къ Уильскому укрѣпленію, мы можемъ упомянуть еще послѣдній выходящій изъ него радіусъ—именно соединительную дорогу на юго-западъ, мимо кол. *Барханъ*, пересѣкающую далѣе р. *Уилъ* недалеко отъ впаденія въ него р. *Аще-Уила*, затѣмъ идущую черезъ *Кизылъ-Сай* и *Манытъ* къ р. *Саизу*, а далѣе по его теченію черезъ *Акъ-Кумъ* и *Акъ-Чата* слѣдующую на соединеніе съ Сарайчиковско-Хивинской дорогой у *Тасъ-Кичу* (см. выше, стр. 320).

Возвращаемся къ *Уральску*.

Оренбургскій трактъ идетъ отъ Уральска по правому берегу рѣки *Урала* до самаго г. Оренбурга, въ мѣстности гораздо болѣе привлекательной, чѣмъ всѣ прочіе тракты Уральской области, такъ какъ по долинѣ р. Урала почти все время тянется болѣе или менѣе широкой полосой веселый, свѣтлозеленый „уремной“ лиственный лѣсъ, живописно контрастирующій съ высокимъ лѣвымъ берегомъ рѣки—такъ называемой „Бухарской стороной“. Этотъ трактъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе историческій, такъ какъ на немъ разыгрался весь первый періодъ пугачевскаго бунта. Въ прежнее время (до проведенія Оренбургской и Покровско-Уральской ж. д.). Оренбургскій трактъ имѣлъ большое значеніе (въ особенности-же когда здѣсь была цѣпь форпостовъ противъ киргизъ), теперь же грузы большею частью идутъ мимо него—Бузулуцкимъ трактомъ и обѣими названными желѣзными дорогами. Трактъ идетъ все время правымъ, весьма невысокимъ въ предѣлахъ Уральской области берегомъ Урала, представляющимъ древнюю терассу рѣки, на которой замѣчаются мѣстами выходы юрскихъ песчаниковъ и мѣловыхъ отложеній.

По тракту лежатъ слѣдующіе поселки. Первый — *Трекинскій* (17 вер.) — небольшая станица (850 жит.), имѣющая церковь, школу и почтовую станцію. Далѣе идетъ *Дарьинскій* (12 вер.)—небольшой поселокъ (800 жит.), имѣющій почтовую станцію.

Вер. въ 8 къ ю.-в. отъ Дарьинскаго форпоста, на лѣвомъ, высокомъ берегу р. Урала (на такъ называемой „Бухарской сторонѣ“) находится крутой обрывъ, называемый *„Брусяной“* (отъ отрываемыхъ быстрымъ теченіемъ рѣки глыбъ горныхъ породъ, имѣющихъ нерѣдко видъ толстыхъ брусьевъ и несомыхъ внизъ по теченію Урала). Обрывъ, саженъ въ 8—10 вышиной, обнажаетъ пласты бурыхъ, сѣрыхъ и зеленоватыхъ песковъ и песчаниковъ, то глинистыхъ, то известковистыхъ или мергелистыхъ, ступенчато-размываемыхъ вешними водами, бѣгущими съ него въ видѣ узкихъ водопадовъ. Въ нижнемъ пластѣ рыхлаго известковистаго песчаника съ гальками В. П. Семеновымъ найдены окаменѣлости Mactra Karabugasi-a, Cardium dombra, Potamites caspius и др., указывающія на принадлежность этой породы къ такъ называемымъ акчагыльскимъ пластамъ третичной системы (неогенъ). Р. Уралъ подъ обрывомъ вымываетъ мѣловыя окаменѣлости, какъ напр. белемнителли, а выше Брусянаго обрыва находится еще другой крутой обрывъ, состоящій изъ сѣрой глины.

За Дарьинскимъ форпостомъ въ 17 вер. расположена станица *Рубежная* (1.500 жит.) при рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Уралъ; станица имѣетъ школу, церковь и почтовую станцію. Слѣдующая станція, въ 12 вер., есть пос. *Январцевскій*; (2.000 жит.); онъ также имѣетъ школу и церковь.

По лѣвому, высокому берегу р. Урала, немного (въ 9 вер.) выше Январцевскаго форпоста есть живописный обрывъ *Красная Глинка* или *Красная Ростошь*. Здѣсь обнажаются гипсы пермской системы, залегающіе штоками въ сѣроватомъ мергелѣ и рыхломъ известнякѣ; тутъ же развиты сланцеватыя глины той же системы съ

прослойками красной и желтой охры, употребляемой мѣстными жителями для окраски домовъ.

Слѣдующая вверхъ по теченію крутая возвышенность по лѣвому берегу р. Урала называется *Чернозатонскимъ* обрывомъ. Этотъ обрывъ (въ 1870-хъ годахъ изслѣдованный съ чисто научной цѣлью проф. Синцовымъ, а въ 1880-хъ годахъ—съ практическими цѣлями инж. Новаковскимъ), въ 15 метровъ высотой, нынѣ почти совсѣмъ заросъ уремной растительностью, черезъ которую даже трудно пробраться. Когда же онъ былъ обнаженъ, то въ немъ наблюдался выходъ желтовато-сѣрыхъ песчаниковъ со сростками сферосидерита, сѣрыхъ глинъ, горючихъ сланцевъ и мергелей юрской системы съ массой характерныхъ окаменѣлостей — аммонитовъ, белемнитовъ, устрицъ (грифей), ауцеллъ и пр. Верхній слой горючаго сланца, по изслѣдованію Новаковскаго, представляетъ собою матеріалъ, вполнѣ годный для отопленія, но непрерывность залежи подвержена большому сомнѣнію. Недалеко отъ Красной Глинки и Чернаго Затона на „Бухарской сторонѣ“ есть мельница бр. Ванюшиныхъ.

На 16-й верстѣ за Январцевскимъ поселкомъ по тракту лежитъ станица *Кирсановская* (1.200 жит.) со школой и церковью. На этомъ мѣстѣ, по преданію, былъ первоначальный Яицкій городокъ, слѣды котораго остались здѣсь въ видѣ рвовъ и валовъ, теперь едва замѣтныхъ. Слѣдующая за Кирсановской станція есть пос. *Иртецкій* на стариц̀ѣ р. Урала, близь впаденія р. *Иртека* въ Уралъ. Поселокъ (1500 жит.), имѣетъ школу и ежегодную ярмарку съ оборотомъ до 170 тыс. руб. По дорогѣ между ст. Кирсановской и Иртецкимъ поселкомъ приходится переѣзжать черезъ рч. *Лайтовку*, на берегу которой видны слѣды древнихъ кургановъ а южнѣе тракта расположенъ пос. *Ранній* (1.200 жит.).

Противъ Иртецкаго поселка въ р. Уралъ впадаетъ съ „Бухарской стороны“ второй по величинѣ (послѣ Илека) въ предѣлахъ Уральской области его лѣвый притокъ—р. *Утва*, прорѣзывающая глубокой долиной высокій водораздѣлъ между системой оз. Чорхала и р. Илекомъ и берущая начало на этомъ водораздѣлѣ, къ западу отъ Ишкирганскихъ горъ. Въ глинистыхъ и песчаныхъ обрывахъ, сопровождающихъ теченіе р. Утвы, Новаковскимъ и Никитинымъ были найдены характерныя для акчагыльскихъ пластовъ третичной системы окаменѣлости, какъ-то: Cardium dombra, Mactra karabugasica, Potamites caspius и пр.

Слѣдующая (въ 12 вер.) за Иртецкимъ по тракту станица *Бородинская* (1.500 жит.) лежитъ также въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ р. Урала, на его старицѣ, среди самой богатой во всей Уральской области уремной лѣсной растительности съ вѣковыми деревьями (заповѣдная дубовая роща). Станица имѣетъ церковь и школу.

За Бородинской станицей Оренбургскій трактъ еще болѣе отклоняется отъ р. Урала, такъ что слѣдующая за ней станція—пос. *Кинделинскій* (2.100 жит.) лежитъ при рч. *Кинделѣ* вер. болѣе чѣмъ въ 10 отъ нынѣшняго русла Урала. Кинделинскій поселокъ, принадлежащій „плецкимъ“ казакамъ, имѣетъ школу.

При впаденіи рч. Киндели въ Уралъ указывались прежде развалины городка „*Шакашки*“.

На 14-й верстѣ за Кинделинскимъ поселкомъ по тракту лежитъ станица *Студеная* (2.300 жит.), имѣющая школу. Изъ станицы выходятъ два пути: одинъ—на послѣдній въ предѣлахъ Уральской области по Оренбургскому тракту поселокъ *Мухрановскій* (имѣющій 2.500 жит., школу и почтовую станцію), за которымъ въ 10 верстахъ дорога вступаетъ въ Оренбургскую губ., направляясь къ станицѣ *Разсыпной*, а другой—на заштатный городъ Уральской области *Илецкій Городокъ*. Эта дорога идетъ лугами и пересѣкаетъ близь городка р. Уралъ.

Илецкій Городокъ лежитъ на лѣвомъ берегу Урала, недалеко отъ впаденія въ него р. *Илека* (въ 150 вер. отъ Уральска). Основанъ онъ, какъ укрѣпленіе, въ 1730 г. Въ сентябрѣ 1773 г. Пугачевъ изъ-подъ Яицкаго городка съ нѣсколькими стами приверженцевъ появился подъ Илецкимъ городкомъ и потребовалъ отъ мѣстнаго атамана Портнова покорности. Портновъ однако воспротивился, но тотчасъ же былъ схваченъ измѣнившими казаками, выданъ Пугачеву и повѣшенъ имъ, послѣ чего Пугачевъ, встрѣченный жителями Илецкаго Городка съ колокольнымъ звономъ, праздновалъ здѣсь три дня свой первый успѣхъ и, забравъ съ собою здѣшнихъ казаковъ и пушки, пошелъ отсюда на крѣпости Разсыпную, Нижне-Озерную, Татищеву и, занявъ ихъ, осадилъ Оренбургъ. Илецкій Городокъ находился во власти пугачевцевъ до начала апрѣля 1774 г., когда онъ былъ занятъ ген.-маіоромъ Мансуровымъ, нашедшимъ здѣсь 14 пушекъ. Нынѣ Илецкій Городокъ представляетъ собою заштатный городъ Уральской области и вмѣстѣ съ тѣмъ казачью станицу. Жителей въ немъ 7.900 чел., изъ нихъ 3.600—казачьяго населенія. Мѣстные (илецкіе) казаки составляютъ особыя станицы отъ уральскихъ, хотя въ административномъ отношеніи подчинены первому военному отдѣлу уральскаго войска. Бытовыя особенности илецкихъ казаковъ нѣсколько разнятся отъ уральскихъ. Населеніе Илецкаго Городка занимается хлѣбопашествомъ (болѣе чѣмъ уральцы), а также торговлей скотомъ и его продуктами. Городокъ имѣетъ три церкви, четыре школы, больницу, аптеку, ветеринарную лабораторію и скотскую лѣчебницу. Въ Илецкомъ Городкѣ много лавокъ, бываютъ базары и небольшія ярмарки; есть также почтово-телеграфная станція.

Отъ Илецкаго Городка по правому, пологому берегу р. *Илека*, текущаго здѣсь въ широкой долинѣ съ пойменными лугами, идетъ къ ю.-в. проселочная дорога въ илецкія станицы Оренбургской губ. На этой дорогѣ, въ предѣлахъ Уральской обл. есть три поселка: *Затонный* (1000 жит.), 20 в. отъ Илецкаго Городка), *Сухорѣчка* (1.000 жит.), (на 48-й в.) и *Озерскій* (1000 жит., (на 75-й в. отъ Илецкаго Городка). За послѣднимъ въ 8 верстахъ дорога выходитъ въ Оренбургскую губ., направляясь черезъ *Линево* на станицу *Изобильную* и г. *Илецкъ*. Между Озерскимъ и Линевымъ, т. е. на самой границѣ Уральской обл., у мельницы, принадлежащей киргизскому муллѣ, на лѣвомъ, высокомъ берегу р. Илека, по наблюденіямъ В. П. Семенова, находится прекрасное обнаженіе сѣрыхъ рухляковъ и глинъ повидимому верхняго отдѣла юрской системы, со слѣдами весьма крупныхъ аммонитовъ.

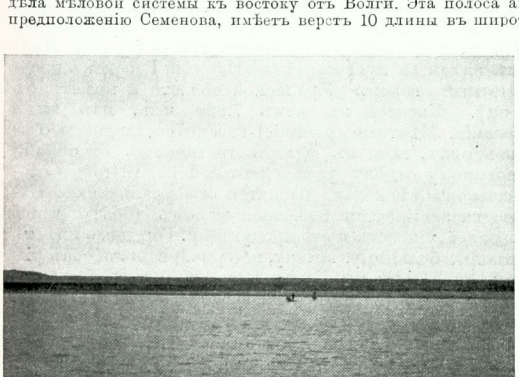
Бузулуцкій трактъ идетъ изъ Уральска по казачьимъ селеніямъ, расположеннымъ по лѣвому берегу р. *Чегана*. Весь описываемый трактъ не заключаетъ въ себѣ ничего особенно достопримѣчательнаго; поселенія немноголюдны, промышленныхъ или торговыхъ среди нихъ нѣтъ. Мѣстность въ общемъ довольно холмистая, прорѣзанная логами, въ которыхъ мѣстами обнажены (а также и по берегамъ Чегана) мѣловыя и юрскія отложенія—мѣлъ, песчаники и известняки, нерѣдко съ окаменѣлостями.

Первая станція (въ 14 вер. отъ Уральска) есть поселокъ *Новенькій* (*Второй Отрогъ*, 300 жит). На 14-й верстѣ отъ него расположенъ пос. *Чувашскій* (400 жит.), а 10 верстъ далѣе—поселокъ *Теплый* (300 жит.); всѣ три поселка составляютъ одно поселковое управленіе. На 6-й верстѣ отъ Теплаго лежитъ станица *Красная*, (400 жит.), имѣющая почтовую станцію; здѣсь есть и школа. На 4-й верстѣ отъ Краснаго расположенъ поселокъ *Каменный Уметъ* (300 жит.), а въ 10 вер. отъ него—*Таловскій* (300 жит.). Оба составляютъ одно сельское общество.

Противъ пос. Каменнаго къ правому берегу Чегана съ запада, отъ Общаго Сырта, тянется мѣловой кряжъ, называемый *Бѣлымъ Сыртомъ*.

Въ 14 вер. за Таловскимъ находится пос. *Ново-Озерный* или *Озерновскій* (700 жит.), имѣющій школу.

Верстъ 5 не доѣзжая форп. Ново-Озернаго среди степи тянется съ в. на з. и впадаетъ въ Чеганъ небольшой логъ съ невысокими обнаженіями, называемый *Цвѣточной Ростошью*. Здѣсь обнажаются черныя и темносѣрыя сланцеватыя глины, въ которыхъ М. Новаковскій нашелъ (въ колодцѣ) обломокъ Ammonites bicurvatus, а В. Семеновъ (въ конкреціяхъ, въ самомъ обнаженіи)—Amm. Deshayesi; это указываетъ, что здѣшнія глины принадлежатъ къ аптскому ярусу и представляютъ собою единственный доказанный примѣръ распространенія отложеній нижняго отдѣла мѣловой системы къ востоку отъ Волги. Эта полоса аптскихъ отложеній, по предположенію Семенова, имѣетъ верстъ 10 длины въ широтномъ направленіи, при ширинѣ отъ 5 до 10 верстъ.



Р. Илекъ близь Актюбинска. (*По фот. М. И. Кіяновскаго*).

Къ с.-в. отъ Ново-Озернаго вер. въ 10 есть урочище, называемое *Осокоревой Ростошью*. Здѣсь, по свидѣтельству Семенова, выступаютъ песчаники, повидимому юрской системы, съ зубами рыбъ, кусками окаменѣлыхъ хвойныхъ деревьевъ и пустотами отъ окаменѣлыхъ раковинъ; въ песчаникахъ, внизу зеленоватыхъ (глауконитовыхъ), а сверху охряно-желтыхъ, переходящихъ далѣе въ бѣлый песокъ и затѣмъ въ бѣлую песчанистую глину, есть каменоломни.

Къ с.-с.-з. отъ Ново-Озернаго расположенъ за Чеганомъ, на одномъ изъ его не значительныхъ притоковъ, пос. *Грязный Ростошью*. Здѣсь, по наблюденіямъ Новаковскаго, обнажаются известняки юрской системы съ ауцеллами и горючій сланецъ въ пластахъ мергеля, русло же оврага усѣяно обломками аммонитовъ и белемнитовъ. Южнѣе Старцевой Ростоши по р. *Таловкѣ* замѣтны также пласты мергелей юрской системы съ горючимъ сланцемъ.

(400 жит.). Въ 10 в. къ ю.-з. отъ него есть глубокій оврагъ, называемый *Старцевой Ростошью*.

На 25-й верстѣ отъ Ново-Озернаго по тракту расположена казачья станица *Соболевская* (600 жит.), со школой, почтово-телеграфнымъ отдѣленіемъ и скотской лѣчебницей. Наконецъ послѣдняя станція на описываемомъ трактѣ, въ 15 вер. отъ Соболевской станицы, есть пос. *Гниловскій* (400 жит.), имѣющій школу. За Гниловскимъ трактъ, пересѣкая *Общій Сыртъ*, вступаетъ въ предѣлы Бузулуцкаго у. Самарской губ. не доходя до с. *Гаршина*, а отсюда направляется въ долину р. *Бузулука* и по ней уже слѣдуетъ до самаго г. *Бузулука* (см. „Россія“, т. VI, стр. 437).

Уральскій уѣздъ раздѣляется на двѣ части (какъ и другіе уѣзды области, лежащіе по Уралу)—земли казачьяго войска (по правую сторону рѣки) и киргизскія—по лѣвую сторону рѣки. По плотности и количеству населенія уѣздъ занимаетъ первое мѣсто въ области; здѣсь лежатъ главные населенные и промышленные пункты ея. Главное занятіе казаковъ—рыболовство; въ послѣдніе годы начинаетъ у нихъ развиваться и земледѣліе, которое можетъ получить большое распространеніе въ сѣверной части уѣзда, гдѣ есть черноземныя почвы. Всего осѣдлаго населенія въ уѣздѣ—149.898 жит. (въ 1901 г.), киргизовъ—72.452 чел. и переселенцевъ Джирень-Купинской волости—1.367 чел., а всего 223.717 чел. Удобной земли 71,6%; подъ земледѣліе занято 2,1% всего пространства уѣзда. Скота у осѣдлаго населенія—24,5 головъ на хозяйство, у кочевого—33,1 гол. Въ уѣздѣ 466, большею частью небольшихъ, заводовъ и мельницъ съ 1.367 рабочими. Въ ближайшихъ къ Уральску станицахъ развивается огородничество, продукты котораго выгодно сбываются въ городѣ.

Перейдемъ теперь къ описанію путей, принадлежащихъ главнымъ образомъ Тургайской области и только частью захватывающихъ восточныя окраины Уральской обл.

Строющаяся ширококолейная *Оренбургско-Ташкентская* желѣзная дорога, пройдя по Оренбургской губ. свои первыя пять станцій—*Мѣновой Дворъ* (7 вер. отъ Оренбурга), *Донгузъ* (28 в.), *Маячную* (52 в.), *Илецкъ* (72 в.) и *Григорьевскую* (96 в.), въ нѣсколькихъ верстахъ за послѣдней станціей вступаетъ въ Актюбинскій уѣздъ Тургайской области.

Актюбинскъ. *(По фот. М. И. Кіяновскаго).*

Вер. въ 35 къ с. отъ мѣста пересѣченія желѣзной дорогой границы Тургайской обл. съ Оренбургской губ. и вер. въ 25 къ ю.-в. отъ ст. Донгузъ, на правой (тургайской) сторонѣ верховьевъ пограничной рч. *Бердянки*, противъ пос. *Ханскаю* форпоста Оренбургской губ. водораздѣлъ р.р. Урала и Илека представляетъ значительныя высоты, далеко видныя со степи, называемыя *Ханскими* и круто обрывающіяся къ рч. Бердянкѣ. Обрывъ состоитъ изъ невполнѣ согласно налегающихъ другъ на друга слоевъ юрской системы—зеленоватыхъ песчаниковъ съ углистыми прослойками, сѣрыхъ рухляковъ и желтоватыхъ песчаниковъ съ массой характерныхъ окаменѣлостей—аммонитовъ, белемнитовъ, грифей, ауцеллъ и пр. Аммониты на юго-восточной сторонѣ обнаженія почти всѣ исковерканы и сплющены (по свидѣтельству В. П. Семенова), что произошло вѣроятно подъ вліяніемъ давленія, выдвинувшаго здѣсь юрскіе пласты. Въ обрывахъ есть каменоломни.

Войдя въ Актюбинскій уѣздъ, Оренбургско-Ташкентская ж. д. все время до границъ Темирскаго уѣзда идетъ вверхъ по долинѣ р. *Илека*, до самыхъ его верховьевъ. Долина эта занята аулами, пастбищами и частью распашками киргизъ. Пройдя станціи *Акъ-Булакъ* (*Карнизанъ*, 119 в.), *Якша* (141 в.), *Яйсанъ* (161 в.), *Аксу* (184 в.), *Кара-Тугай* (217 в.) и *Курайли* (231 в.), желѣзный путь на 255-й верстѣ отъ Оренбурга достигаетъ уѣзднаго города *Актюбинска* или *Акъ-Тюбе*.

Актюбинскъ возникъ изъ укрѣпленія *Акъ-Тюбе*, основаннаго въ

1869 г., вокругъ котораго основалось нѣсколько семей переселенцевъ. Къ концу 1870-хъ годовъ въ Акъ-Тюбе уже было нѣсколько десятковъ крестьянскихъ дворовъ, а въ 1880-хъ годахъ поселокъ съ бывшимъ укрѣпленіемъ превратился въ уѣздный городъ Тургайской области. Населеніе Актюбинска нынѣ достигаетъ 2.840 душъ обоего пола. Въ городѣ ежегодно съ 14 сентября по 14 октября бываетъ ярмарка, оборотъ которой въ 1900 г. достигалъ по привозу 326 тыс. руб. а по продажѣ—223 тыс. руб. На ярмаркѣ главнымъ образомъ обмѣниваются мануфактурные товары и частью земледѣльческія орудія на киргизскій скотъ.

За Актюбинскомъ желѣзный путь, слѣдуя по направленію долины Илека и тракту изъ Актюбинска въ Темиръ, поворачиваетъ на югъ, гдѣ вверхъ по рѣкѣ расположены слѣдующія станціи: *Бишъ-Тамакъ* (280 в.), *Тамды* (305 в.) и *Акъ-Кемиръ* (322 в.).

Отъ Акъ-Кемира трактъ отклоняется отъ желѣзнаго пути къ югу и за *Акъ-Булакомъ* и *Чіилы-Темиромъ* достигаетъ вер. въ 60 отъ Акъ-Кемира уѣзднаго города Уральской области *Темира* (см. ниже).

Желѣзный-же путь за Акъ-Кемиромъ принимаетъ юго-восточное направленіе, слѣдуя все вверхъ по долинѣ р. Илека. Здѣсь расположена ст. *Кандагачъ* (343 в.) Далѣе при ст. *Темирской* (369 в.) желѣзная дорога входитъ въ Темирскій у. Уральской области.

Расположенный вер. въ 35 къ ю.-з. отъ Темирской станціи уѣздный городъ **Темиръ** лежитъ на одноименной рѣчкѣ, впадающей въ Эмбу. Городъ, какъ и Актюбинскъ, возникъ, вмѣсто упраздненнаго военнаго Эмбенскаго поста, изъ казачьяго укрѣпленія, основаннаго въ 1897 г., вокругъ котораго осѣли крестьяне-переселенцы. Выгодное положеніе на перекресткѣ караванныхъ дорогъ, среди густонаселенныхъ киргизскихъ волостей, сдѣлало его замѣтнымъ торговымъ пунктомъ въ степи. Въ Темирѣ, имѣющемъ нынѣ до 750 жит., бываетъ ежегодно весенняя ярмарка (съ 15 мая по 15 іюня), имѣвшая въ 1900 г. оборота 537 тыс. руб., т. е. вторая, по величинѣ, послѣ Уильской въ Уральской области. На ярмаркѣ производится преимущественно обмѣнъ мануфактурныхъ и желѣзныхъ издѣлій на киргизскій скотъ и шерсть (овечью, верблюжью и др.). Жители Темира занимаются земледѣліемъ и торговлей. Въ городѣ есть уѣздное управленіе, воинская команда, почтовое отдѣленіе, камера мирового судьи, военная церковь, русско-киргизская школа, лазаретъ, и живутъ медицинскій и ветеринарные (пунктовый и уѣздный) врачи.

Отъ Темира къ ю.-ю.-в. отходитъ грунтовая дорога на *Верхне-Эмбенскій* постъ (см. ниже).

Далѣе, пройдя по лѣтовкамъ киргизъ черезъ ст. *Керъ* (393 в.) и *Кудукъ* (517 в.), желѣзный путь достигаетъ р. *Эмбы* недалеко отъ ея верховьевъ, при одноименной станціи (434 в.). Слѣдующая за Эмбой станція, на полупути къ Мугоджарамъ, называется *Киргизской* (452 версты).

Вер. въ 30 къ ю.-з. отъ ст. Киргизской на р. Эмбѣ находится *Верхне-Эмбенскій* постъ, отъ котораго, какъ мы выше говорили (стр. 328), идетъ внизъ по теченію Эмбы соединительная дорога на *Кандаралы*. Отъ Верхне-Эмбенскаго поста есть еще дорога на югъ, параллельно Мугоджарскимъ горамъ, мимо оз. *Батпакъ* и черезъ *Алты-Джаксы*. У *Джаинды* (40 в. отъ В.-Эмбенскаго п.) эта дорога развѣтвляется. Западная вѣтвь черезъ *Майлы* (20 в. далѣе) идетъ на пересѣченіе съ вышеупомянутой (стр. 328) дорогой отъ Кандарала къ Аральскому морю. Далѣе этого пересѣченія дорога пересѣкаетъ долину р. *Чегана* и за нимъ поднимается на *Чинкъ Усть*, *Урта* по длинному оврагу *Аще-Айрыкъ* (что̀ значитъ горькій провалъ). Р. Чеганъ-текущая въ широкой долинѣ, только весной, при и послѣ таянія снѣговъ на Мугоджарахъ имѣетъ сильное сплошное теченіе; въ іюнѣ теченіе прекращается, и остаются лишь котловины съ прѣсной водой, заросшія камышемъ, осокой, мѣстами съ кочкарникомъ по берегамъ. Аще-Айрыкъ имѣетъ широкое ложе съ пологими во-

сточными (правыми) и крутыми западными (лѣвыми) берегами. Взойдя на Чинкъ, дорога нѣсколько уклоняется къ западу и, не доходя до 46° сѣв. широты, развѣтвляется; при этомъ западная вѣтвь мимо оз. *Чумышты-Куля* идетъ на соединеніе съ вышеописанной (стр. 321) хивинской дорогой отъ Сарайчиковской станицы, а восточная направляется черезъ *Косъ-Кудукъ* мимо самосадочныхъ озеръ *Самъ* и *Асмантай-Матай* (о нихъ см. выше, стр. 12) черезъ сыпучіе пески *Матай* къ границѣ Закаспійской области и соединяется уже въ предѣлахъ послѣдней съ идущимъ по западному берегу Аральскаго моря Иргизско-Хивинскимъ путемъ (см. ниже).

Отъ Джаинды, какъ мы сказали выше, отдѣляется восточная вѣтвь дороги. Эта вѣтвь, пройдя мимо соленаго озера (грязи) *Чушка-Куль* съ развалинами укрѣпленія на его берегахъ и мимо южной оконечности Мугоджаръ, соединяется близъ урочища *Джамбышке*, на границѣ Уральской и Тургайской областей, съ дорогой отъ Кандарала къ Аральскому морю (см. выше, стр. 328). Мугоджары, представлявшіе раньше на западномъ своемъ склонѣ плоскіе холмы и гривы изъ мѣла и зеленыхъ песчаниковъ частью съ бурымъ желѣзнякомъ, на югѣ круто оканчиваются горой *Джаманъ* (*Яманъ*)-*Тау*, состоящей изъ сіенита. Здѣсь есть признаки желѣзныхъ рудъ. Южнѣе ея плоскій водораздѣлъ продолжается въ видѣ ряда скалистыхъ возвышеній, переходящихъ понемногу въ увалы. Діориты въ послѣдній разъ обнажаются по верхнему теченію р. Чегана, уже близъ подножья Усть-Урта.

Мугоджары издали. (*По фот. М. И. Кіяновскаго*).

Отъ ст. Киргизской есть дорога черезъ Мугоджарскія горы, слѣдующая далѣе вдоль р.р. *Чимъ-Иргиза* и *Иргиза* на городъ *Иргизъ* Тургайской обл. (см. ниже).

Возвращаемся къ желѣзному пути. За ст. Киргизской слѣдуетъ ст. *Мугоджарская* (469 в.). Отсюда начинается подъемъ на *Мугоджарскій* хребетъ.

Желѣзный путь переваливаетъ Мугоджары черезъ перевалъ *Кумъ-Асу* (изъ Уральской обл. въ Тургайскую) недалеко отъ высшей точки Мугоджаръ—горы *Айрюкъ* (болѣе 1.000 ф. выс.). Близъ перевала есть признаки желѣзныхъ рудъ. Ядро Мугоджарскаго хребта и его наиболѣе выдающіяся вершины состоятъ изъ древнихъ изверженныхъ породъ—гранита, сіенита, діорита, діабаза, порфира, порфирита, яшмъ и др. Эти породы окружены по обоимъ склонамъ горъ полосами кристаллическихъ известняковъ, сланцевъ и конгломератовъ девонской системы съ сохранившимися мѣстами окаменѣлостями. Южнѣе Айрюка по западному склону Мугоджаръ девонскихъ отложеній незамѣтно, а сѣвернѣе его они прекращаются по восточному склону. Къ югу отъ Айрюка начинаются мощныя отложенія мѣла въ видѣ ряда плоскихъ возвышенностей (200—300 ф. высоты надъ степью).

За Мугоджарами желѣзный путь выходитъ изъ предѣловъ Темирскаго у. Уральской обл. въ Иргизскій у. Тургайской обл.

Темирскій уѣздъ, самый восточный изъ уѣздовъ Уральской обл., есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе пустынный его уѣздъ. Русскаго населенія здѣсь насчитывается

2.280 чел., а киргизъ-кочевниковъ—139.470 чел. Болѣе прочная русская осѣдлость есть только близъ Темира и Уила, обязанныхъ своимъ развитіемъ именно тому, что здѣсь поселились земледѣльцы-крестьяне близъ казачьихъ укрѣпленій. Зимовки (кстау) киргизъ главнымъ образомъ сосредоточены около Мугоджарскихъ горъ и близъ Уила. Мѣста, годныя для земледѣльческой культуры, встрѣчаются спорадически главнымъ образомъ въ сѣверной, пригодной для культуры, половинѣ уѣзда, но пока еще очень мало изслѣдованы. Обработанной земли было (въ 1901 г.) 28.306 дес., т. е. 0,2% площади уѣзда. Земледѣліе замѣтно расширяется у киргизъ. Въ сѣверной части уѣзда находится лѣсничество, заключающее 30.194 дес. различнаго лѣса. Изъ нихъ 136 дес. выращено искусственно; тутъ же находится и плодовый садъ. Русское населеніе уѣзда имѣетъ 9.163 гол. разнаго скота, а киргизское—948.900 головъ. Главныя соляныя богатства, въ видѣ самосадочныхъ озеръ, сосредоточены въ южной части уѣзда—на Усть-Уртѣ. Скрещеніе почтовыхъ и караванныхъ путей создало въ уѣздѣ два торговыхъ центра съ преимущественно русскимъ населеніемъ—Уилъ и Темиръ, въ которыхъ происходятъ бойкія ярмарки мѣнового характера (главнымъ образомъ мануфактура обмѣнивается на киргизскій скотъ и верблюжью и овечью шерсть).

Мугоджары вблизи. (*По фот. М. И. Кіяновскаго*).

Спускается съ Мугоджаръ желѣзный путь по теченію рѣчекъ *Б.* и *М. Караганды* и *Каульджура*. Здѣсь расположены станціи *Родники* (492 в.), *Караганды* (516 в.) и *Каульджуръ* (535 в.).

Близъ истоковъ р. *Каульджура*, за полосой кремнистыхъ сланцевъ наблюдаются выходы темносѣраго девонскаго известняка и конгломерата съ типичными окаменѣлостями Chonetes, Orthis, Atrypa reticularis, Rhynchonella livonica, Martinia glabra и др. Близъ Каульджура девонскіе осадки (известняки) составляютъ гору *Алабасъ* (выс. до 80 метровъ надъ прилегающей степью). Эта гора представляетъ собою рядъ кольцеобразно замыкающихся высокихъ холмовъ, среди которыхъ разстилается продолговатая котловина, а на ея краяхъ изъподъ известняковъ обнажаются выходы порфиритовъ. Верстахъ въ 15 къ в. отъ Алабаса есть еще невысокій кряжъ *Шулдакъ*, также образованный частью известняками девонской системы. Близъ Алабаса есть признаки каменнаго угля.

За ст. Каульджуромъ желѣзный путь при ст. *Соленой* (559 в.), *Улпанѣ* (580 в.) и *Челкарѣ* (598 в.) проходитъ черезъ область соляныхъ озеръ, тянущихся по степи отсюда къ юго-западу (т. е. къ с.-в. углу Усть-Урта) параллельно Мугоджарскимъ горамъ.

Наиболѣе замѣчательныя изъ этихъ озеръ: *Челкаръ*, *Копа-Соръ*, *Курганъ-Тузъ*, *Чулакъ-Джида*, *Талды-Эспе*, *Кара-Батырь* и самое далекое—*Кашкаръ-Ата*.

Близъ ст. *Челкаръ* желѣзный путь соприкасается съ сѣверной око-

Степь Большіе Барсуки. *(По фот. М. И. Кіяновскаго).*

нечностью узкой песчаной пустыни *Большіе Барсуки*, тянущейся отсюда также къ юго-западу, восточнѣе полосы озеръ, но параллельно ей и Муголжарамъ.

Эта барханная область, какъ и большинство другихъ, имѣетъ сравнительно недалеко отъ поверхности земли прѣсную подпочвенную воду. Близъ южной части Большихъ Барсуковъ сосредоточены киргизскія зимовки.

Миновавъ (на 625-й в.) ст. *Бирюкъ* и (на 652-й в.) ст. *Джиланъ*, желѣзный путь огибаетъ съ сѣвера горы *Тогузъ-Кенъ* и достигаетъ ст. *Тогузъ* (на 679-й в.).

Къ ю. отъ этой станціи находится соленое озеро (грязь) *Тентякъ-Соръ* и небольшая, узкая песчаная пустыня *Малые Барсуки*.

При ст. Тогузъ желѣзный путь пересѣкается грунтовой дорогой, идущей изъ г. Иргиза въ Хиву. По сѣверо-восточному концу этой дороги, соединяющейся съ Оренбургско-Ташкентскимъ трактомъ южнѣе г. Иргиза, близъ 48° сѣв. широты, у ст. *Джалавлы* ближе всего отъ желѣзной дороги до г. *Иргиза* Тургайской обл. (описаннаго ниже, при Оренбургско-Ташкентскомъ трактѣ). Продолженіе Иргизско-Хивинской дороги къ ю. отъ ст. Тогуза ведетъ насъ мимо оз. Тентякъ-Сора и песковъ Малыхъ Барсуковъ, черезъ *Джидели* (въ 65 вер., откуда уже видно Аральское море) къ заливу *Паскевича* на *Аральскомъ* морѣ.

Далѣе дорога идетъ черезъ *Достанъ* (26 в.) и *Кара-Тюбе* (40 в. отъ Достана), сближаясь за послѣднимъ съ заливомъ *Тщебасъ* Аральскаго моря, а, миновавъ Ходжа-Булакъ, сближается съ заливомъ *Чернышева* и у южной оконечности песковъ *Большихъ Барсуковъ* соединяется съ вышеописаннымъ (стр. 328) путемъ изъ Кандаралы къ Аральскому морю. Отсюда соединившаяся дорога входитъ въ юго-восточный конецъ Темирскаго у. Уральской области и, слѣдуя близъ западнаго берега Аральскаго моря (черезъ *Кинъ-Тычке*, *Джюпари-Чаглау*, *Кинъ Якъ* и *Суламу*), уходитъ въ предѣлы Закаспійской области, а отсюда уже въ Кунградъ и Хиву.

Несмотря на однообразіе и пустынность описаннаго пути, онъ можетъ дать цѣлый рядъ интересныхъ наблюденій. Такъ, на сѣверныхъ берегахъ Аральскаго моря заслуживаютъ вниманія *столовыя* страны, обязанныя своимъ происхожденіямъ размыванію (эрозіи) и смыванію (денудаціи); самые берега, благодаря этимъ же причинамъ, представляютъ живописные обрывы (до 150 метр. выс.), утесы, скалы, дюны, глубокіе овраги, пещеры—указывающіе на громадную образовательную роль здѣсь воды и вѣтра. Еще вдалекѣ отъ моря въ глинистыхъ мѣстахъ можно часто встрѣтить створки моллюсковъ, живущихъ и теперь въ Аральскомъ морѣ (Cardium edule, Hydroleja stagnalis, Dreyssena polymorpha)—признакъ, свидѣтельствующій объ уменьшеніи объема моря. На полуостровѣ *Куланды* (огибаемомъ дорогой за Ходжа-Булакомъ) встрѣчаются большіе выходы известняковъ и песчаниковъ мѣловой системы съ богатой фауной (Belemnitella mucronata, Nautilis, Terebratula, кораллы и пр.).

За ст. Тогузомъ Оренбургско-Ташкентская желѣзная дорога, миновавъ ст. *Кара-Чокатъ* (706 в.) и *Алтынъ* (730 в.), при ст. *Саксаульской*

(754 в.) входитъ въ предѣлы Казалинскаго уѣзда Сырдарьинской области и, слѣдуя черезъ ст. *Конту* (780 в.), *Аральское море* (802 в., при заливѣ *Кара-Чаганакъ*), *Сапакъ* (824 в.), *Андреевскую* (849 в.), *Камышлы-Башъ* (872 в.), *Бикбаулинскую* (895 в.) достигаетъ ст. *Казалинска* (918 в.), расположенной въ нѣкоторомъ разстояніи отъ одноименнаго города, откуда уже направляется черезъ *Перовскъ* на *Ташкентъ*.

Наибольшее значеніе въ Тургайской обл. имѣлъ до послѣдняго времени *Оренбургско* или точнѣе *Орско-Казалинскій* трактъ (говоримъ „имѣлъ“ потому, что, съ проведеніемъ ж. д. Оренбургъ - Ташкентъ, значеніе его совершенно упадетъ). Начинается этотъ трактъ отъ г. *Орска* (Оренбургской губ.) и, перейдя р. *Уралъ*, вступаетъ въ предѣлы Актюбинскаго уѣзда и затѣмъ направляется по долинѣ р. *Ори*, по правому ея берегу.

Первая станція—пикетъ *Таканъ* (28 вер.) на правомъ берегу Ори. Отсюда дорога поворачиваетъ круто на югъ, идетъ тѣмъ же правымъ, кое-гдѣ всхолмленнымъ берегомъ Ори. Слѣдующая станція есть бывшій фортъ *Аще-Бутакскій* (18 вер.). Онъ былъ основанъ въ 1845 г, какъ оплотъ русской власти, но, съ открытіемъ въ 1845 г. укрѣпленія Уральскаго (г. Иргиза), надобности въ немъ болѣе не чувствовалось, и онъ былъ закрытъ. Теперь около Аще-Бутака живутъ только арендаторы-земледѣльцы. Отсюда до станціи *Истемесъ* 15 верстъ; дорога идетъ по такой-же мѣстности. Отъ Истемеса до *Аралъ-Тюбе* 26 верстъ. На всемъ пути встрѣчается много обнаженій кристаллическихъ сланцевъ, прорѣзанныхъ мѣстами выходами порфира и гранита. Степь холмистая, покрыта ковылемъ - волосатикомъ и рѣдкими кустами таволги. Отъ Аралъ-Тюбе до пикета *Тасды-Булака* 21 верста; отъ него дорога идетъ берегомъ до пикета *Сары-Камышъ* (18 вер.), а отсюда до ур. *Бугаты-Сай* (22 версты) по открытой, слегка волнистой степи, съ жалкой растительностью. Отъ Бугаты-Сая въ 20 вер. по тракту расположенъ пикетъ *Тамды*.

Отъ Тамды къ с.-з. идетъ соединительная дорога на г. *Актюбинскъ* (см. выше, стр. 333—334).

Къ ю.-з. отъ Тамды беретъ свое начало р. *Оръ*. Близъ верхняго теченія Ори находится оконечность *Муголжарскихъ* горъ—гора *Кара-Тау*, къ югу отъ которой Муголжары идутъ по степи въ видѣ двухъ параллельныхъ каменныхъ грядъ, раздѣленныхъ котловинами и дающихъ на западъ и востокъ боковые отроги, оканчивающіеся обыкновенно обрывистыми сопками. По притокамъ р. *Тирсъ-Бутака*, впадающаго въ Орь, (напр., по рч. *Карачандѣ*) обнажаются кристаллическіе сѣрые девонскіе известняки, тянущіеся въ видѣ длинныхъ, довольно значительныхъ (до 16—18 метр.) грядъ. По Тирсъ-Бутаку развиты и конгломераты девонской системы.

Отъ Тамды трактъ уклоняется изъ долины Ори на ю.-в. и вступаетъ изъ Актюбинскаго уѣзда въ Иргизскій.

Актюбинскій уѣздъ въ естественно-историческомъ отношеніи, какъ мы видѣли выше, сходенъ съ Кустанайскимъ: оба они относятся къ черноземной полосѣ описываемаго края и представляютъ мѣстами даже лѣсостепь, а большею частью сплошную степь; удобной земли въ уѣздѣ считается около половины всего пространства. Подъ земледѣліе въ 1900 г. было занято 84.800 десятинъ, или почти 6% всей удобной земли. Населенія осѣдлаго 6.600 чел., кочевого—112.300 чел.; скота у перваго 10.300 головъ, у второго—479.600 головъ. Заводская промышленность находится въ зародышѣ. Въ уѣздѣ есть 25 промышленныхъ заведеній съ 46 рабочими, вырабатывающими на 8.200 руб. У осѣдлаго населенія главное занятіе — земледѣліе, затѣмъ идутъ скотоводство и торговля. Значительныхъ населенныхъ пунктовъ нѣтъ; почти всѣ они—не болѣе, какъ заимки или хутора. Почтовыя станціи представляютъ только пикеты, гдѣ живутъ ямщики.

За Тамдами въ 28 вер., уже въ предѣлахъ Иргизскаго уѣзда, на трактѣ расположенъ пикетъ *Бишъ-Кара-Бутакскій*. Отъ него, по слабымъ, теряющимся въ степи сѣверо-восточнымъ отрогамъ Мугоджаръ, до форта *Кара-Бутакъ* 20 верстъ. Фортъ былъ выстроенъ въ половинѣ 1840-хъ годовъ, во время волненій въ Киргизской степи, для защиты мирныхъ киргизъ и прилегающихъ границъ. Позже сюда переселилось нѣсколько семей арендаторовъ, а теперь здѣсь расположено небольшое крестьянское селеніе, имѣющее около 600 жителей (около трети магометанъ). Оно имѣетъ деревянную церковь, мужское и женское училище, почтово-телеграфное отдѣленіе, военный лазаретъ. Въ Кара-Бутакѣ есть нѣсколько лавокъ съ постоянной торговлей (годовые обороты ихъ достигаютъ 50 т. руб.). Здѣсь-же находится ветеринарно-охранный пунктъ для прогоняемаго скота (въ годъ до 120 тыс. головъ) и стоитъ мѣстная команда.

Отъ Кара-Бутака по открытой волнистой равнинѣ до пикета *Аще-Сай* 16 верстъ.

На третьей верстѣ отъ Аще-Сая, влѣво отъ дороги находится невысокая сопка *Маячная*, гдѣ въ прежнее время стояла стража, наблюдавшая за появленіемъ воровскихъ шаекъ.

Отъ Аще-Сая до станціи *Чулакъ-Кайракты* (16 вер.) дорога идетъ такой-же волнистой степью съ жалкой растительностью; на обоихъ перегонахъ (отъ Кара-Бутака до Аще-Сая и отъ Аще-Сая до Чулакъ-Кайракты) нѣтъ проточной воды. *Чулакъ-Кайракты* стоитъ на лѣвомъ берегу рѣчки того-же названія. Отъ него идетъ большой безводный перегонъ до станціи *Кумъ-Сай* (25 вер.), расположенной уже на правомъ берегу р. *Иргиза*. На 18-й вер. за Кумъ-Саемъ переѣзжаютъ пересыхающую лѣтомъ рѣчку *Узунъ-Кайракты* и нѣсколько сухихъ овраговъ. Слѣдующая станція *Кара-Сай* находится въ 23 вер. отъ Кумъ-Сая. Характеръ пути—прежній, мѣстами даже пустынный; по прежнему наблюдаются выходы кристаллическихъ породъ. Передъ станціей дорога переходитъ на лѣвый берегъ р. Иргиза, причемъ бродъ мелкій. Отсюда начинается глинисто-песчаная степь, чередующаяся мѣстами съ сыпучими песками; но послѣдніе не стѣсняютъ еще дороги. Станція *Копанинская* (на 16-й верстѣ отъ Кара-Сая) лежитъ на ровной, открытой степи.

Недалеко отъ станціи есть нѣсколько мелкихъ горько-соленыхъ озеръ, а на востокъ отъ станціи въ 18 вер. находится прѣсный колодезь.

Слѣдующая за Копанинской станція *Сары-Лы* находится отъ нея въ 17 верстахъ. Дорога пролегаетъ такой-же пустынной степью; встрѣчаются небольшія пятна песковъ; влизи находится нѣсколько озеръ (горькихъ); на берегахъ ихъ сдѣланы копани, въ которыхъ можно достать прѣсную воду. До слѣдующей станціи *Терень-Узякской* (14 вер.) дорога идетъ по ровной, пустынной мѣстности; по сторонамъ дороги встрѣчаются два бугра *Бишъ-Уба* и *Сары-Уба*. Отсюда до слѣдующей станціи *Кызылъ-Яръ* 18 верстъ. Характеръ мѣстности остается прежній. Къ востоку отъ дороги лежитъ нѣсколько большихъ киргизскихъ могилъ; есть нѣсколько копаней съ довольно сносной водой. Станція лежитъ на высокомъ, лѣвомъ берегу Иргиза; послѣдній представляетъ здѣсь къ осени мелкую горько-соленую рѣчку. Отсюда дорога повора-

чиваетъ круто на востокъ и идетъ лѣвымъ, пустыннымъ берегомъ Иргиза до ст. *Бузъ-Гумеръ* (1½ вер.).

Къ ю. отъ дороги, по правому берегу р. Иргиза тянутся большіе сыпучіе пески *Аиръ-Кизылъ*.

Отсюда до города *Иргиза* (19 вер.) дорога идетъ также лѣвымъ берегомъ рѣки и только передъ городомъ переходитъ на правый. Мѣстность пріобрѣтаетъ уже совершенно пустынный характеръ.

Иргизъ, уѣздный городъ Тургайской обл., основанъ въ 1845 г. (почти одновременно съ Тургаемъ) на правомъ, высокомъ берегу р. *Иргиза*, какъ передовой военный постъ въ мѣстной степи. Основаніемъ къ постройкѣ укрѣпленія послужили волненія въ степи, принявшія подъ конецъ (при Кенесары Касимовѣ) характеръ открытаго возстанія. Мѣсто было весьма удобное для военныхъ цѣлей (на берегу рѣки, на яру, который возвышается надъ окружающей степью, вблизи заливныхъ луговъ и проч.), но неудобное для осѣдлаго населенія главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія земель, пригодныхъ для распашки. Основано было укрѣпленіе отрядомъ уральцевъ подъ командой Назарова и извѣстно было сначала подъ именемъ *Уральскаго* укрѣпленія. Постройкой крѣпостныхъ валовъ и другихъ сооруженій завѣдывалъ инженерный прапорщикъ Михайловъ. Построивъ укрѣпленіе, русская администрація извѣстила окрестныхъ киргизъ, что возведеніемъ его оно имѣетъ въ виду только охрану мирныхъ киргизъ отъ нападеній воинствующихъ, но это увѣреніе сначала не внесло мира, и волненія въ степи не утихали. Въ 1849 г. правительство рѣшило образовать здѣсь осѣдлое населеніе, въ виду чего предложило переселиться сюда съ семьями охотникамъ изъ оренбургскаго казачьяго войска; такихъ семей нашлось десять, которыя и получили отъ казны разнообразныя пособія для постановки здѣсь хозяйства. Несмотря на это первымъ семьямъ пришлось пережить много лишеній и принести много жертвъ, прежде чѣмъ онѣ приспособились къ жизни въ здѣшнихъ условіяхъ (сухой климатъ, плохая вода (колодцы), отсутствіе свѣжаго хлѣба и пр.). Попытки заняться земледѣліемъ не дали хорошихъ результатовъ, и до сихъ поръ оно не получило распространенія. Съ 1868 г. (съ момента устройства сибирскихъ киргизъ) Уральское укрѣпленіе было переименовано въ уѣздный городъ Тургайской обл. подъ именемъ *Иргиза*. Въ городѣ есть почтово-телеграфная контора, двухкласное русско-киргизское приходское училище, женская и вечерняя школа для взрослыхъ инородцевъ, городская общественная библіотека и казенная библіотека при мѣстной командѣ. Есть также небольшая деревянная церковь, два хлѣбозапасныхъ магазина для киргизъ, военный лазаретъ и пріемный покой (врачъ, фельдшеръ и акушерка). Населенія въ Иргизѣ насчитывается около 1.000 душъ об. п. изъ нихъ около трети магометанъ. Городскіе доходы въ 1900 г. равнялись 47.500 р. Въ городѣ нѣтъ никакихъ заводовъ и фабрикъ. Весной и осенью здѣсь происходятъ ярмарки, носящія, какъ и всѣ степныя ярмарки, мѣновой характеръ: киргизы сгоняютъ скотъ и доставляютъ различные продукты своего хозяйства, а купцы привозятъ фабрично-заводскія издѣлія. Обороты обѣихъ ярмарокъ достигаютъ 297 тыс. руб. Ярмарки происходятъ въ верстѣ отъ города, гдѣ построены для этого особыя помѣщенія и въ томъ числѣ мѣновой дворъ изъ сырцоваго кирпича. Здѣсь-же находится ветеринар-

но-охранный пунктъ для скота, идущаго на сѣверъ (въ Орскъ, Троицкъ и т. д.). Въ городѣ существуетъ и постоянная торговля, причемъ главными покупателями являются окрестные киргизы.

Отъ Иргиза главный трактъ (почтово-телеграфный) идетъ прямо на югъ. Мѣстность носитъ пустынный характеръ; на пути къ станціи *Джелангачъ* (20 в.) по дорогѣ попадаются сыпучіе пески и нѣсколько горько-соленыхъ озеръ, на ю.-з. отъ которыхъ, вдоль теченія Иргиза тянется сплошная полоса сыпучихъ песковъ (*Талды-Кумъ*, *Барби-Кумъ* и др.). Вторая станція—*Акъ-Сай* (въ 26 вер. отъ Джелангача). Дорога идетъ по такой же мѣстности. На половинѣ пути лежитъ сопка *Кусюкты-Тюбе* и цѣлая группа горько-соленыхъ озеръ, попадаются также заросли кокъ-пека и баялыча. Слѣдующая станція—*Джалавлы* (23 в.); съ половины пути начинается большой солончакъ *Тентякъ-Соръ*, прилегающій къ оз. *Мельде-Куль*. Отсюда до послѣдней станціи этого тракта въ предѣлахъ разсматриваемой области *Терекли*—34 версты. Путь лежитъ то песками (окраины *Кара-Кумовъ*), то солончаками, то среди зарослей кокъ-пека и баялыча: съ дороги видны въ степи нѣсколько киргизскихъ могилъ. Отъ Терекли дорога вступаетъ въ предѣлы Казалинскаго уѣзда Сырдарьинской области, направляясь на *Казалинскъ*, *Перовскъ* и далѣе на *Ташкентъ*.

Иргизскій уѣздъ въ естественно-историческомъ отношеніи есть самый бѣдный уѣздъ Тургайской области. Почти все его пространство, за исключеніемъ сѣверной окраины, занято глинисто-солонцовыми и песчаными равнинами, только отчасти пригодными даже для скотоводства. Главная масса населенія состоитъ изъ кочевниковъ-киргизъ (93.835 чел.); осѣдлое населеніе живетъ въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ лишь въ двухъ пунктахъ—Иргизѣ (болѣе 1.000 чел.) и Кара-Бутакѣ (900 чел.). Обрабатываемой земли — 0,02% всей площади уѣзда. Скота у киргизъ—381.843 гол., у осѣдлаго населенія—1.514 головъ. Обрабатывающей промышленности совершенно нѣтъ. Для колонизаціонныхъ цѣлей уѣздъ недоступенъ, за неимѣніемъ подходящихъ для земледѣлія участковъ.

Между Иргизомъ и *Тургаемъ* лежитъ земскій трактъ, которымъ пользуются очень рѣдко; онъ проходитъ сначала по одному изъ притоковъ оз. *Дуруккча* — р. *Телькара*, пересѣкаетъ р. *Улькай-Якъ*, а затѣмъ идетъ по правому берегу р. *Турая*. На 220-й верстѣ отъ Иргиза лежитъ г. *Турай*.

Тургай основанъ въ одно время съ Иргизомъ; основаніемъ были одни и тѣ же соображенія. Укрѣпленіе поддерживалось сначала оренбургскимъ войскомъ, почему оно и называлось прежде *Оренбургскимъ*. Основателемъ Тургая былъ маіоръ Томилинъ, который выбралъ это мѣсто, какъ удобное только для стратегическихъ цѣлей; строилъ укрѣпленія Рыбаковъ. Впослѣдствіи къ нему были приписаны нѣсколько семей оренбургскихъ казаковъ, но, въ силу неблагопріятныхъ почвенныхъ и климатическихъ условій, осѣдлое населеніе не могло здѣсь устроиться болѣе или менѣе сносно. Въ 1868 г. Тургай былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ области. Въ настоящее время въ немъ 855 чел. жителей; изъ нихъ до 460 ч. магометанъ (киргизъ, татаръ и бухарцевъ). Въ городѣ есть деревянная церковь и каменная мечеть, двухклассное мужское русско-киргизское училище и Яковлевское ремесленное; имѣется также почтовое отдѣленіе, военный лазаретъ и пріемный покой (живутъ врачъ, фельдшеръ и акушерка). Промышленности въ городѣ нѣтъ; есть только двѣ вѣтряныхъ мельницы. Здѣсь бываетъ ярмарка, на которую съѣзжаются киргизы и купцы изъ ближайшихъ городовъ; обороты ея достигаютъ 186 т. руб.; для ярмарки выстроены особыя лавки (42). Городскіе доходы въ 1900 г. равнялись 4.600 р. Здѣсь, какъ и въ Иргизѣ, есть ветеринарно-охранный пунктъ для скота, прогоняемаго на Орскъ и Троицкъ (проходитъ до 50 т. головъ въ годъ). Окрестности города совершенно пустынны.

Изъ Тургая выходятъ кромѣ описаннаго еще три дороги: одна—на *Орскъ*, другая—на *Кустанай* и третья—въ *Перовскъ* Сырдарьинской области; послѣдняя—исключительно караванная.

Караванная дорога идетъ отъ Тургая на югъ, на 16-й верстѣ пересѣкаетъ горько-соленую р. *Джаксы-Кабырга*, далѣе проходитъ по солонцовой пустынной равнинѣ, по которой разбросано нѣсколько горько-соленыхъ озеръ. На 56-й верстѣ приблизительно лежитъ копань *Битпа-Кудукъ* (*Карлбикъ*). Отъ нея по такой же пустынной равнинѣ (влѣво остаются пески *Акъ-Кумъ*) дорога идетъ до горько-соленой рѣчки *Улу Джиланчикъ* (до 40 вер.). Отъ послѣдней путь продолжается по нѣсколько всхолмленной, пустынной степи, мимо нѣсколькихъ киргизскихъ могилъ, къ пескамъ *Сары-Кумъ* (колодезь *Сазанбай*) и по такой же мѣстности до кол. *Джагыкъ* (до 85 вер.), далѣе до кол. *Кодукты-Сай*; характеръ пути остается прежній. На 20-й вер. за Кодукты-Саемъ дорога переходитъ сухое русло рѣчки *Карлалы* (притокъ озера *Чубаръ-Тениза*), на 80-й за Каргалой переходитъ русло второго притока (лѣтомъ также сухого) этого озера *Булакты* (перейдя до него нѣсколько сухихъ логовъ). При этомъ по сторонамъ дороги встрѣчается нѣсколько киргизскихъ могилъ. На 14-й вер. за Булакты находится прѣсный колодезь, а на 22-й—другой прѣсный колодезь. Перейдя сухое русло слѣдующаго притока, лѣтомъ обсыхающаго, *Міюръ*, дорога доходитъ (на 20-й вер. за Міюромъ) до третьяго притока Чубаръ-Тениза—*Белеуты* (лѣтомъ безводнаго). Отсюда такой же пустынной степью путь продолжается до кол. *Косъ-Кудукъ* (25 вер). Отъ него въ 8 вер. расположенъ другой колодезь (родникъ) *Тутъ-Булакъ*; на востокѣ видны невысокіе холмы и нѣсколько киргизскихъ могилъ. На 28-й верстѣ отъ Тутъ-Булака близь лога *Эспе* лежитъ копань *Мустана*; на 24-й вер. отъ нея, также близь сухого лога, есть родниковый колодезь *Кутмынъ-Булакъ*, а на 16-й верстѣ за послѣднимъ—колодезь *Сары-Булакъ*. Отъ него путь продолжается по голому солончаку до кол. *Камышлы* (18 вер.). На пути между ними есть небольшой родникъ. Отъ *Камышлы-Булака* (недалеко отъ сѣвернаго берега озера *Арысъ-Куля*) путь поворачиваетъ на юго-западъ и на 8-й верстѣ отъ озера выходитъ за предѣлы края въ Сырдарьинскую обл., гдѣ на 12-й верстѣ отъ границы сходится, недоходя станціи *Петровской* (сѣвернѣе г. Перовска) съ Оренбургско-Ташкентскомъ трактомъ.

Весь описанный трактъ имѣетъ однообразно-пустынный характеръ: на протяженіи болѣе 400 вер. тянутся то пески, то солончаки, то хрящевато-глинистыя пространства; растительность тѣхъ и другихъ однообразна на всемъ пути.

Такой же пустынностью отличаются дороги изъ Тургая на *Орскъ* и на *Кустанай*. Орская дорога, имѣющая общее с.-з. направленіе, около 50° сѣв. широты пересѣкаетъ р. *Улькай-Якъ* близъ впаденія въ нее р. *Кабырги*. Немного ранѣе этого пересѣченія отъ Орской дороги отдѣляется караванная (сначала по р. Кабыргѣ, а затѣмъ, уже въ предѣлахъ Кустанайскаго у.—черезъ верхнее теченіе Тобола) на *Наслѣдницкую* станицу Оренбургской губ. По пересѣченіи р. Улькай-Яка Орская дорога идетъ вверхъ по послѣдней рѣкѣ до ея верховьевъ—по границѣ Тургайскаго и Иргизскаго у.у. Затѣмъ путь входитъ въ Кустанайскій у. и, повернувъ къ западу, проходитъ мимо озеръ *Айке* и *Джиты-Куль-Чалкаръ*, а далѣе наконецъ соединяется съ Оренбургско-Ташкентскимъ почтовымъ трактомъ въ Актюбинскомъ у. у пикета *Томды* (см. выше, стр. 338). Кустанайская дорога имѣетъ отъ Тургая общее с.-с.-в. направленіе. Въ сѣверной части Тургайскаго у. она проходитъ мимо озеръ *Акъ-Суатъ* и *Сары Мунинъ*, а, перейдя въ Кустанайскій у., оставляетъ къ востоку оз. *Убаганъ* и направляется къ г. *Кустанаю*.

Природа *Тургайскаго* уѣзда такъ же бѣдна, какъ и Иргизскаго; бо́льшая часть уѣзда (до $^2/_3$) занята безплодными солончаками и пустынями; небольшое исключеніе составляетъ только незначительная сѣверная часть. Вслѣдствіе этого для колонизаціи уѣздъ совершенно закрытъ. Населенія въ уѣздѣ — 47.406 чел. кочевниковъ и 490 чел. осѣдлыхъ (жители г. Тургая). Главное занятіе—скотоводство; количество скота у киргизъ—526.226 гол.. у осѣдлаго населенія—1.297 головъ. Обрабатываемая земля составляетъ 0,01% всей площади уѣзда. Промышленности въ уѣздѣ нѣтъ.

Почтовое сообщеніе съ *Кустанаемъ* производится по тракту отъ г. *Троицка* Оренбургской губ. Первыя двѣ станціи тракта—*Андреевская* и *Вѣринская*—находятся еще въ предѣлахъ Оренбургской губ. Затѣмъ трактъ входитъ въ Кустанайскій уѣздъ и идетъ прямой линіей на юго-востокъ среди ровной степи, усѣянной массой маленькихъ озеръ. Трактъ имѣетъ здѣсь станціи *Яковлевскую*, *Федоровскую*, *Вѣчную*, *Черновскую* и *Ивановскую*. За послѣдней станціей онъ достигаетъ г. *Кустаная*.

Кустанай (или *Николаевскъ*)—главный городъ Тургайской области, возникъ въ 1879—1881 г., когда здѣсь, по вызову администраціи, поселилось 1.200 семействъ крестьянъ-земледѣльцевъ, присоединившихся къ нѣсколькимъ семьямъ, жившимъ здѣсь раньше того на арендованныхъ у киргизъ земляхъ. Въ 1880-хъ годахъ въ Кустанаѣ водворились и казенныя административныя учрежденія. Такимъ образомъ къ 1889 г. въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ уже числилось 18 тыс. жителей. Но затѣмъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ неурожаевъ, часть крестьянскаго населенія перешла на другіе участки, и въ Кустанаѣ, по переписи 1897 г., числилось только 14.065 жит. Городъ имѣетъ значеніе не только какъ административный и торговый центръ (250 торгово-промышленныхъ заведеній) для всей сѣверной, наиболѣе плодородной и заселенной новоселами изъ Европейской Россіи части Тургайской области, но и какъ пунктъ мѣновой торговли съ киргизами. Здѣсь есть небольшіе кожевенные, пивоваренные, гончарные, кирпичные и салотопенные заводы. Двѣ здѣшнія ярмарки имѣютъ въ общемъ оборотъ болѣе 600.000 р.

Кустанайскій уѣздъ, наиболѣе сѣверный изъ уѣздовъ Тургайской области, расположенъ въ системѣ верхняго теченія р. Тобола и по правобережью его притока Аубугана, вытекающаго изъ оз. Убагана. Населеніе его достигаетъ 160.000 жит., въ томъ числѣ до 130.000 киргизъ. Уѣздъ—самый плодородный во всей Тургайской области, такъ какъ здѣсь есть черноземныя почвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Кустанайскомъ уѣздѣ и наибольшая пропорція русскаго населенія, такъ какъ здѣсь, послѣ статистическаго изслѣдованія Щербины (1899 г.) переселенцамъ изъ Европейской Россіи было выдѣлено около 500 тыс. дес. удобной для хлѣбопашества земли. У всего населенія уѣзда имѣется до 870.000 головъ скота.

ГЛАВА IX.

Восточная часть Киргизскаго края.

А. Н. Сѣдельникова, Т. П. Бѣлопогова и П. Н. Столпянскаго.

Петропавловскъ.—Почтово-земскій трактъ на Кокчетавъ—Атбасаръ—Акмолинскъ и степныя (караванныя) дороги отъ этихъ послѣднихъ.—Западно-Сибирская ж. д. и Горькая линія.—Омскъ.—Почтовый и водный путь Омскъ—Павлодаръ.—Экибазъ-Тузская ж. д.—Трактъ Павлодаръ — Каркаралинскъ. — Почтовый и водный путь Павлодаръ—Семипалатинскъ.—Семипалатинскъ.—Тракты отъ Семипалатинска на Каркаралинскъ, Сергіополь и Кокпектинскъ.—Трактъ изъ Семипалатинска на Усть-Каменогорскъ.—Усть-Каменогорскъ.—Трактъ Усть-Каменогорскъ—Кокпектинскъ—Зайсанскъ и далѣе къ китайской границѣ.—Трактъ Усть-Каменогорскъ—Бухтарминская—Алтайская станица.—Горные пути Южнаго Алтая.—Водное сообщеніе по верхнему Иртышу отъ Усть-Каменогорска на Зайсанъ.

Западно-Сибирская желѣзная дорога входитъ изъ Тобольской губерніи въ предѣлы Акмолинской области за ст. *Мамлютской* на 465-й вер. отъ Челябинска и, перейдя на 480-й вер. рѣку *Ишимъ* желѣзнымъ мостомъ въ 100 саж. длины, достигаетъ здѣсь станціи *Петропавловска*. Станція расположена въ двухъ верстахъ отъ уѣзднаго города того-же имени и грузитъ около $2^1/_2$ милл. пудовъ, преимущественно хлѣба и продуктовъ животноводства. Вокругъ станціи образовался поселокъ, заселенный какъ служащими на желѣзной дорогѣ, такъ и торговцами. Въ поселкѣ построена церковно-приходская школа на 80 чел. учащихся

имени Терещенко и каменная церковь св. Маріи Магдалины. Близъ станціи имѣется переселенческій пунктъ съ бараками на 300 человѣкъ.

Городъ **Петропавловскъ** основанъ въ 1752 г., когда для защиты русскихъ поселеній отъ набѣговъ киргизъ-кайсацкихъ ордъ была устроена *Ишимская* или *Горькая* линія сибирскаго казачьяго войска. Тогда и было основано на правомъ, высокомъ берегу р. Ишима укрѣпленіе св. Петра и Павла, переименованное въ 1807 г. въ городъ. Въ 1822 году послѣдній былъ назначенъ окружнымъ городомъ Омской области, а въ 1838 году сдѣланъ заштатнымъ городомъ Ишимскаго округа Тобольской губерніи, такъ какъ Омская область была упразднена. Когда же въ 1868 году образовалась Акмолинская область, то Петропавловскъ былъ сдѣланъ ея уѣзднымъ городомъ. Увеличеніе населенія

Главная площадь въ Петропавловскѣ.

Петропавловска происходило довольно быстро: въ 1771 году въ немъ насчитывалось 914 душъ обоего пола, въ 1835 году—4.750, въ 1865 году—7.800, въ 1887 — 13.985, а, по переписи 1897 года,—20.629, въ 1900 г.—21.750, т. е. за 129 лѣтъ число жителей увеличилось почти въ 23 раза. Представляя въ первое время своего существованія небольшое укрѣпленіе съ деревянными стѣнами и палисадами, городъ Петропавловскъ въ 1865 г. имѣлъ уже 2 площади, 14 улицъ и 11 переулковъ, а въ настоящее время занимаетъ площадь около 7 кв. верстъ. Такой ростъ города зависѣлъ отъ счастливаго его положенія на мѣстѣ соединенія караванныхъ торговыхъ путей съ желѣзной дорогой.

Городъ дѣлится на двѣ части—*Нагорную* или *Новый Городъ*, на возвышеніи отъ 3 до 9 саженъ надъ уровнемъ рѣки, и *Подгорную* или *Старый Городъ* у самаго Ишима. Въ нагорной части сохранились остатки старой крѣпости, которая была построена въ видѣ неправильнаго полукруга, обращеннаго серединою къ западу, гдѣ и оканчивалась крутымъ берегомъ, имѣющимъ 100 футовъ высоты. Нижняя часть города (ка-

зачья часть) въ сильные разливы воды заливается рѣкою Ишимомъ. Въ 1824 и 1847 годахъ здѣсь были довольно значительныя наводненія.

Въ настоящее время городъ имѣетъ около 3.000 домовъ (изъ которыхъ около 2ъ0 каменныхъ), 5 каменныхъ православныхъ церквей, 6 магометанскихъ мечетей, еврейскую деревянную синагогу, три больницы, 1 аптеку, театръ, общественное собраніе, отдѣленіе государственнаго банка, общественный городской банкъ, двѣ гостинницы и нѣсколько довольно значительныхъ торговыхъ фирмъ. Затѣмъ здѣсь существуютъ училища: мужское пятиклассное, женская четырехклассная прогимназія, 2 церковно-приходскія школы, приходское женское училище, 2 станичныхъ школы и 6 татарскихъ школъ (медресе) при мечетяхъ. Нынѣ въ Петропавловскѣ открывается еще реальное училище.

Изъ зданій заслуживаютъ вниманія разнообразной архитектуры мечети, городское училище и такъ называемый „мѣновой дворъ“. Въ 1900 г. доходы города составляли около 60.000 р. Такъ какъ черезъ Петропавловскъ проходили два тракта: „Горькая линія“ и Петропавловско-Акмолинскій (послѣдній служитъ въ то-же время и караванной дорогой въ Туркестанъ), то до покоренія Туркестана, городъ былъ главнымъ центромъ русской торговли со Средней Азіей. Въ настоящее же время онъ является важнѣйшимъ пунктомъ торговли съ Киргизскою степью и отчасти съ Семирѣчьемъ, Ферганской областью, Ташкентомъ и Бухарою. Киргизская степь доставляетъ главнымъ образомъ продукты скотоводческаго хозяйства, среднеазіатскія владѣнія—бумажныя, шелковыя ткани, ковры, сушеныя ягоды и фрукты. Самъ же Петропавловскъ отправляетъ въ степь колоніальные товары, металлическія издѣлія и сукна, идущія сюда изъ фабричныхъ центровъ Европейской Россіи; такимъ образомъ городъ является складочнымъ мѣстомъ фабричныхъ товаровъ для всей сѣверной полосы Киргизскаго края. Въ 1900 г. въ городѣ было 446 торговыхъ заведеній съ оборотомъ около 4 милл. руб. въ годъ. Съ 1756 года киргизы приводили сюда на продажу калмыковъ и другихъ своихъ военно-плѣнныхъ инородцевъ; тогдашнее русское правительство разрѣшало эту покупку всѣмъ русскимъ людямъ „по недостатку въ Сибири такихъ людей, которымъ, по указамъ, крѣпостныхъ людей имѣть велѣно“. Эта торговля была прекращена въ 1825 году. Въ 1900 г. въ Петропавловскѣ насчитывалось: 42 салотопенныхъ завода, 10 кожевенныхъ, 3 шерстомойныхъ, 11 овчинныхъ и нѣсколько другихъ менѣе крупныхъ. Общая же сумма заводской промышленности въ городѣ достигала 1.043 т. руб.; производствомъ занято было 1.375 рабочихъ. Въ Петропавловскѣ еженедѣльно бываютъ базары и двѣ ярмарки—*Петровская* отъ 25 іюня до 25 іюля и *Игнатьевская* отъ 18 декабря до 1 января, но торговля на послѣднихъ производится мелочная. Городъ владѣетъ 7.745 дес. земли.

Въ нижней части города находится казачья станица *Петропавловская*, которая имѣетъ свое отдѣльное станичное управленіе и хозяйство.

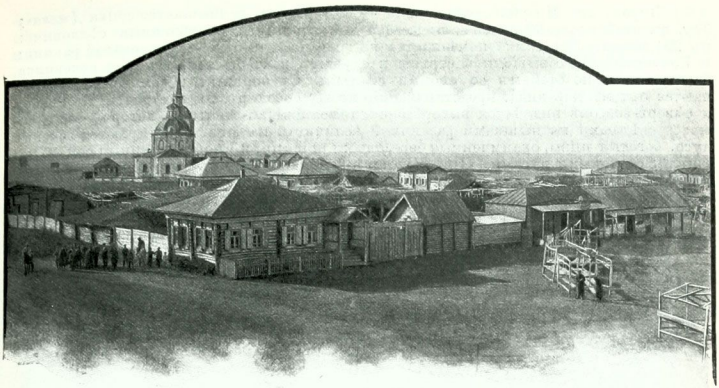
Изъ Петропавловска къ с.-з. идетъ *Ишимскій* трактъ, принадлежащій разсматриваемому краю лишь на 35 верстъ. Въ 20 в. отъ Петропавловска лежитъ на немъ пос. *Павловскій*, имѣющій 700 жителей и школу. Трактъ имѣетъ большое торговое значеніе по подвозу изъ гор. Ишима Тобольской губ.

Отъ Петропавловска къ западу идетъ большой торговый трактъ на станицу *Звѣриноголовскую* Оренбургской губ., пролегающій въ предѣлахъ разсматриваемаго

края на протяженіи 290 верстъ. Изъ города трактъ переходитъ сначала на лѣвый берегъ р. *Ишима* и параллельно рѣкѣ направляется на югъ до пос. *Архангельскаго* (20 вер.). Поселокъ этотъ—одинъ изъ большихъ въ сибирскомъ войскѣ (болѣе 2.400 жит.), но не коренныхъ казаковъ, а приписныхъ (въ 1870-хъ годахъ) крестьянъ; въ поселкѣ есть цер ковь, школа, двѣ лавки и много мельницъ. Слѣдующая станція—*Вознесенская* станица (28 вер.)—богатое селеніе съ 1.800 жит. (среди которыхъ много раскольниковъ), имѣетъ двѣ школы, церковь, оружейный и суконный склады, запасные хлѣбные магазины и нѣсколько мельницъ. Къ югу отъ тракта по Ишиму лежатъ богатые и большіе казачьи поселки—*Новоникольскій, Надеждинскій, Богомоловскій*, къ сѣверу—*Бишкульскій*. Обиліе луговъ по Ишиму способствовало разведенію большого количества скота, который идетъ на продажу и составляетъ большую рабочую силу въ хозяйствѣ; въ большинствѣ поселковъ жители—малороссы („бычники", какъ ихъ называютъ другіе казаки, вслѣдствіе того, что они пользуются волами). Слѣдующія станціи на трактѣ: пикетъ *Мало-Вознесенскій* (20 вер.) и пос. *Становой* (22 вер.); часть казаковъ въ нихъ—татары-магометане. Далѣе слѣдуетъ пос. *Сежжарскій* (30 вер.) и станица *Новорыбинская* (30 вер.). Всѣ эти селенія невелики, имѣютъ школы и часовни, мельницы и небольшія маслодѣльни. Жители ихъ занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ; скотоводами считаются особенно новорыбинцы, табуны у которыхъ пасутся круглый годъ въ степи, какъ у киргизъ. Станицу Новорыбинскую считаютъ центромъ торговли скотомъ; сюда пригоняются большіе гурты скота не только изъ Акмолинской, но и изъ Семирѣченской обл., и уже отсюда гурты направляются въ сосѣднія губерніи и столицы. У богатыхъ казаковъ держатся племенные жеребцы. Въ станицѣ бываютъ двѣ ярмарки: Рождественская (Богородицкая) въ сентябрѣ и Никольская въ маѣ; обороты ихъ достигаютъ до 100—200 тыс руб. Жителей здѣсь болѣе 1.500. Слѣдующая станція — *Прѣсновская* станица (16 вер.), бывшая крѣпость, одна изъ богатыхъ мѣстныхъ станицъ, имѣющая жителей около 2 тыс. (среди нихъ есть раскольники и сектанты). Здѣсь есть церковь, двѣ казачьихъ школы и церковно-приходская, оружейный, пороховой и суконный склады, врачъ, почтовое отдѣленіе, нѣсколько салотопенныхъ заводовъ и маслодѣленъ, до десятка лавокъ, кузницы и мельницы. Въ Прѣсновской станицѣ бываютъ двѣ большихъ ярмарки (главный предметъ торговли—скотъ и его продукты); одна—въ декабрѣ (до 210 т. руб.), другая—въ январѣ (до 130 т. руб.). Къ Прѣсновской станицѣ подходитъ большая скотопрогонная дорога изъ Кокчетавскаго уѣзда черезъ п. Кривоозерный и Ново-Покровскій. Слѣдующая станція тракта есть пос. *Екатерининскій* (29 вер.)—небольшое поселеніе, имѣющее школу, салотопенные заводы и мельницы. За ней находится на трактѣ пос. *Кабаній* (16 вер.), гдѣ есть церковь, школа и небольшая ярмарка. За Кабаньимъ по тракту слѣдуетъ станица *Прѣсногорьковская* (25 вер.). Она представляетъ собою зажиточное селеніе съ 1.500 жит., имѣетъ богатую церковь (при которой находятся могила бывшаго начальника Омской крѣпости Сентъ-Лорана) двѣ школы, почтовое отдѣленіе, нѣсколько мелкихъ кожевенныхъ заводовъ, мельницъ и лавокъ. Въ Прѣсногорьковской станицѣ бываютъ три ярмарки, на которыя привозится товаровъ на 200 тыс. руб. Здѣсь находится ветеринарно-охранный пунктъ (карантинъ) и живетъ ветеринарный врачъ. Слѣдующая станція по тракту есть небольшой пос. *Пе чаный* (25 вер.) съ церковью и школой. Недалеко отъ него расположенъ еще менѣе значительный пос. *Сибирскій*—послѣдній по этому тракту на ст. Звѣриноголовскую въ предѣлахъ нашего края.

Второй трактъ, выходящій изъ Петропавловска, есть трактъ на *Атбасаръ-Акмолинскъ* и имѣетъ до Атбасара южное направленіе. Выйдя изъ Петропавловска, дорога начинаетъ спускаться къ почтовой станціи *Каратальской* (18 вер.), идя по древнему, возвышенному берегу р. *Ишима*. Ишимъ здѣсь уже давно отступилъ далеко на западъ, оставивъ послѣ себя рядъ мелкихъ озеръ—*Шестренькое, Горькое, Гусиное*, которыя лишь въ половодье соединяются съ Ишимомъ. Протекая по громадной аллювіальной долинѣ, шириной до 2 верстъ, Ишимъ имѣетъ въ ширину отъ 10 до 15 саженъ и пролагаетъ себѣ путь красивыми извилинами

На низменномъ, лѣвомъ берегу тянутся безконечные поемные луга, среди которыхъ виднѣются на разстояніи чуть-ли не тридцати верстъ казачьи поселки и селенія переселенцевъ. Съ правой, высокой стороны



Станица Прѣсногорьковская. (*По фот. Э. А. Ярженовскаго*).

къ рѣкѣ выходитъ рядъ живописныхъ оврaговъ, заросшихъ дикимъ вишенникомъ. По склону этихъ оврaговъ журчатъ ключи, преимущественно солоновато-известковой воды. Къ востоку тянется степь; перистый и волосистый ковыль покрываетъ ее на нѣсколько верстъ. Вправо отъ почтоваго тракта виднѣются пашни, бахчи, которыя устроили казаки и переселенцы-крестьяне. Небольшія березовыя рощи съ изрѣдка попадающейся осиною перемежаются со степными участками. Мѣстами ихъ смѣняютъ оазисы болотной и озерной растительности.

Слѣдующая станція по тракту есть пик. *Каратомарскій* (23 в.).

Верстахъ въ 15 вправо отъ него находится небольшое озеро *Джалтырь*, не болѣе полуверсты въ окружности. Въ 1815 году путешественникъ Шангинъ опредѣлялъ его окружность около пяти верстъ; высохшее ложе его—солончаковое и покрыто камышомъ. На лужкахъ около озера встрѣчаются стрепета и стаи куликовъ.

Спустившись въ балку около пикета *Камышловскаго*, расположеннаго на бывшемъ стокѣ, соединявшемся съ озерами *Камышловскими* (около Сибирской желѣзной дороги), почтовый трактъ начинаетъ подниматься въ гору.

Недалеко находится озеро *Балыкты*, т. е. рыбное, дѣйствительно когда-то изобиловавшее рыбою, но ловъ послѣдней давно уже прекратился.

Вплоть до пикета *Джамантузскаго* или *Ямантузскаго* (25 в.) дорога идетъ по безлѣсной степи, и только вблизи пикета вновь появляется нѣсколько березовыхъ колковъ и имѣется небольшой участокъ сосноваго бора, производящій въ этихъ мѣстахъ впечатлѣніе полной неожиданности.

Почти прямо на востокъ отъ этого пикета верстахъ въ 40 находится громадное озеро *Чаглы*, а за послѣднимъ мѣсто *Таинчинской* ярмарки (см. ниже).

Влѣдъ за пикетомъ Джамантузскимъ, около почтовой станціи *Мизгильской* (23 в.) почтовый трактъ входитъ въ предѣлы Кокчетавскаго уѣзда. Дорога съ каждой верстой все яснѣе поднимается въ гору и проходитъ еще 20 верстъ по такой же степи.

Вправо отъ Мизгильскаго пикета въ 40 верстахъ возвышается сопка *Джеманъ-Тау*, высотой около 60 саженъ. имѣющая двѣ вершины, раздѣленныя сѣдловиною въ 200 саженъ. Эта сопка помѣщается на границѣ глинисто-солонцеватой равнины и Кокчетавской возвышенной страны и служитъ какъ-бы маякомъ для кочевника, блуждающаго по степямъ со своими стадами. Съ вершины Джеманъ-Тау открываются лѣтомъ два вида, представляющіе между собою рѣзкій контрастъ. На сѣверѣ и сѣверѣ-востокѣ виднѣется выгорѣвшая, пожелтѣвшая степь, на которой озера кажутся свѣтлыми пятнышками различной величины; на югѣ простираются зеленые луга, богатыя нивы, окаймленныя березовыми рощами, и многочисленныя сопки, покрытыя сосновыми лѣсами. При подошвѣ Джеманъ-Тау, съ сѣверо-восточной стороны, близъ многочисленныхъ киргизскихъ зимовокъ, на открытой полянѣ расположено шесть древнихъ могилъ. Могилы эти насыпей почти совсѣмъ не имѣютъ и состоятъ изъ врытыхъ на ребро гранитныхъ плитъ, расположенныхъ въ видѣ круга. Въ серединѣ одного изъ такихъ круговъ остались слѣды врытой здѣсь каменной бабы.

Могила семьи Букаевыхъ въ 17 вер. отъ Петропавловска по Атбасарскому тракту.

Отсюда путь идетъ до станціи *Аксуйской* (20 в.) по слегка всхолмленной, безлѣсной степи. Эта станція, какъ и всѣ предыдущія, представляетъ собою одинокій деревянный домъ съ пригонами для скота; жителей, кромѣ семей ямщиковъ, — нѣтъ. Слѣдующій перегонъ до станціи *Азатской* (18 в.) носитъ такой-же характеръ, какъ предыдущій.

При небольшой дер. *Алексѣевской* или *Азатѣ* почтовый трактъ пересѣкаетъ р. *Чаглинку* и идетъ на Кокчетавъ (28 в.); мѣстность кругомъ принимаетъ характеръ горной степи; съ полдороги открывается видъ на „Кокчетавскій Кавказъ". „Весь горизонтъ представляется взволнованнымъ. Прямо на югъ видны плоскія возвышенности или холмы, а налѣво и направо отъ нихъ синія горы съ крутыми профилями, оче-

видно скалистыя. При подошвѣ невысокихъ холмовъ, виднѣющихся въ концѣ дороги, и расположенъ городъ Кокчетавъ—киргизскій Владикавказъ. Подобно кавказскому, этотъ лежитъ на плоскости, но сейчасъ же за городомъ начинается гора“ (Потанинъ).

Кокчетавъ, уѣздный городъ Акмолинской области, лежитъ при озерѣ *Копа*, въ которое впадаетъ р. *Колчектинка*. Это озеро имѣетъ около 13 верстъ въ окружности и около 6 аршинъ глубины. Озеро Копа небольшимъ протокомъ соединяется съ р. *Чаглинкою*, и такимъ образомъ послѣдняя принимаетъ въ свое теченіе воды озера *Чертанъ-Куль*, расположеннаго въ самомъ центрѣ Кокчетавскихъ горъ и соединеннаго съ озеромъ Копою р. Кол-

Кокчетавъ.

чектинкою. Городъ образовался слѣдующимъ образомъ. Въ 1820-хъ годахъ въ Сибири были предложены Сперанскимъ для удобства управленія степью такъ называемые внѣшніе округа. Въ 1824 г. подъ начальствомъ Григоровскаго была снаряжена экспедиція для открытія на берегу оз. Копа окружного приказа Кокчетавскаго, гдѣ содержался для сторожевой службы и охраны казачій отрядъ. Въ настоящее время Кокчетавъ состоитъ изъ двухъ частей: мѣщанской слободы и казачьей Кокчетавской станицы. По переписи 1897 г., въ городѣ было 5.000 жит. (2.600 мужчинъ и 2.400 женщинъ), а въ 1900 г.—5.900 ж. Постройки въ городѣ преимущественно деревянныя (около 500 домовъ), двѣ православныя церкви, мечеть, два низшихъ учебныхъ заведенія для мальчиковъ и одна школа для дѣвочекъ; есть также казачья общественная библіотека. Въ городѣ существуетъ уѣздная больница на 15 кроватей, аптека

и живутъ два врача и пунктовый ветеринарный; есть также почтово-телеграфная контора. Для торговли выстроены лавочные ряды, въ которыхъ есть нѣсколько мануфактурныхъ и бакалейныхъ лавокъ. Гостинницъ нѣтъ. Съ 14 сентября по 1 октября бываетъ ярмарка. Интеллигенцію въ городѣ составляютъ главнымъ образомъ казачьи офицеры. Въ 1899 году городскіе доходы выражались суммою 2.900 р. За десятилѣтіе (1887—1898 года) въ городѣ число домовъ увеличилось болѣе чѣмъ вдвое (съ 231 до 500), выстроилась новая церковь и мечеть, открылось одно училище. Близь уѣзднаго управленія стоитъ большая каменная баба, представляющая нѣчто похожее на воина, держащаго въ правой рукѣ чашу, а въ лѣвой — мечъ. Вышина истукана 166 сантиметровъ; отъ темени до подбородка 47 сант., а кругомъ шеи 121 сантиметръ. Въ городѣ находятся нѣсколько салотопенныхъ заводовъ съ общею производительностью до 180 тыс. руб.

Вправо отъ города Кокчетава, почти прямо на западъ, лежитъ озеро *Челкаръ*, окруженное горами *Аиръ-Тау*, которыя къ югу переходятъ въ *Иманъ-Тау*, окружающія озеро *Имантавское*. Всюду среди горныхъ ущелій Аиръ-Тау можно наблюдать величественные результаты гигантской работы воды и воздуха въ разрушеніи горныхъ породъ. Интересную картину представляютъ такія мѣста, гдѣ гранитныя глыбы, отвалившись отъ массива горы, „сдвигаются медленно и правильно, образуя среди непроходимаго лѣса гигантскія лѣстницы саженъ въ 50 шириною,—лѣстницы, драпированныя самыми фантастическими гирляндами и куртинами изъ зелени папоротниковъ, куке-морала, грушанокъ и разноцвѣтныхъ лишайниковъ“ (Словцовъ). Посреди лѣса иногда встрѣчаются въ разсѣлинахъ скалъ какъ-бы круглыя чаши—водоемы, куда нѣсколькими водопадами ниспадаютъ ручейки и ключи.

Къ Кокчетаву тяготѣютъ здѣсь слѣдующіе зажиточные крестьянскіе и казачьи поселки.

Аиртавскій выселокъ, лежащій на берегу озера Челкара, образованный въ 1850-хъ годахъ изъ переселенцевъ Саратовской, Пензенской, Пермской и Тобольской губерній, приписавшихся къ казачеству; въ немъ болѣе 360 домовъ, болѣе 1.800 жит., хорошая церковь и двѣ школы (мужская и женская). Около того же озера Челкара, на восточномъ его берегу расположенъ поселокъ *Челкарскій*, въ разстояніи 58 верстъ отъ Кокчетава, имѣющій 274 двора и болѣе 1.900 жит. Въ поселкѣ есть деревянная церковь, школа, хлѣбный магазинъ, 1 водяная и 31 вѣтряная мельницы, двѣ кузницы, кожевенный заводъ и винная лавка. Около этихъ двухъ поселковъ (Аиртавскаго и Челкарскаго) залегаютъ точильные сланцы, дающіе прекрасный матеріалъ для жерновоъ.

Верстахъ въ 10 отъ Аиртавскаго выселка къ сѣверо-западу, около озера *Саумалъ-Куль* (кривое озеро) находится выселокъ *Кривоозерный*, заселенный челябинскими, шадринскими и тобольскими крестьянами; дворовъ въ Кривоозерномъ считается 224, а жителей болѣе 1.700 душъ. Въ селеніи имѣется церковь и школа. Мѣста вокругъ этого выселка, по выраженію крестьянъ, благодатныя; суглинисточерноземный пластъ залегаетъ глубже трехъ четвертей. Пашня безъ паровъ и безъ унаваживанія можетъ выдержать не менѣе шести посѣвовъ; березовыя и сосновыя рощи окружаютъ выселокъ; по берегамъ озера выходятъ на дневную поверхность точильные сланцы, известняки и слѣды бураго желѣзняка.

Къ юго-западу отъ поселка Челкарскаго, въ разстояніи 7 верстъ, находится поселокъ *Лобановскій*, при небольшомъ озерѣ *Курды-Куль*, въ 68 верстахъ отъ Кокчетава; въ немъ считается 228 дворовъ и болѣе 1.800 жителей (изъ нихъ часть раскольниковъ); въ поселкѣ есть деревянная церковь, мужская и женская школы, хлѣбный магазинъ, 5 водяныхъ и 26 вѣтряныхъ мельницъ, 3 кузницы, 2 лавки, а также бываетъ ярмарка. Поселокъ Лобановскій находится на половинѣ разстоянія между выселкомъ Челкарскимъ и поселкомъ *Имантавскимъ*, лежащимъ на восточномъ берегу озера того же названія. Въ этомъ поселкѣ болѣе 500 домовъ и болѣе 2.500 душъ обоего пола (въ томъ числѣ 830 татаръ); здѣсь находится православная церковь и мечеть, школа, хлѣбный магазинъ, 4 водяныхъ и 22 вѣтряныхъ мельницъ, лавки и кузница. *Имантавское* озеро въ настоящее время простирается не болѣе 15 верстъ въ длину, но прежде оно было повидимому втрое болѣе. Восточный его берегъ покрытъ гранитными гальками, щебнемъ и усѣянъ выброшенными

на берегъ раковинками обитающихъ въ этомъ озерѣ перловокъ. На юго-западной сторонѣ озера возвышаются *Имантавскія* горы, которыя врѣзываются въ озеро мысами и переходятъ въ гранитные острова. Самый большой изъ нихъ имѣетъ 9 вер. въ окружности и поднятъ надъ водою до $3^1/_2$ саж. Сосновый лѣсъ и кустарники (среди нихъ встрѣчается рѣдкій кустарникъ таранушка Ribes dicanthra), покрывающіе островъ буреломъ, валежникъ и всюду разбросанныя глыбы кварца и гранитовъ дѣлаютъ его трудно проходимымъ. Въ Имантавскихъ горахъ находятся залежи серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ, которыя могутъ считаться очень богатыми металломъ.

На западномъ берегу Имантавскаго озера, тамъ, гдѣ изъ него вытекаетъ р. *Арыкъ-Балыкъ*, находится станица *Арыкъ-Балыкская*, основанная въ 1820-хъ годахъ Станица лежитъ въ 97 верстахъ отъ Кокчетава. Въ ней есть деревянная церковь, станичное правленіе, мужское и женское училища, хлѣбный магазинъ, 6 водяныхъ и 23 вѣтряныхъ мельницъ, салотопенный заводъ, три кузницы, казенная винная лавка, бываетъ и ярмарка. Въ станицѣ насчитывается 300 домовъ и болѣе 2.100 жит. Около станицы находятся слѣды заброшенныхъ древнихъ арыковъ, раздѣляющихъ крестообразно поля, свидѣтельствующія о развитіи здѣсь хлѣбопашества въ самыя отдаленныя времена. Киргизы и казаки не помнятъ, кому принадлежали эти арыки. Около станицы на юго-западѣ расположены два выселка *Верхне-Бурлукскій* и *Нижне-Бурлукскій* при р. *Бабыкъ-Бурлукъ*. Въ первомъ числится 128 дворовъ и 1.100 жителей обоего пола, школа, хлѣбный магазинъ, кожевенный заводъ и 12 вѣтряныхъ мельницъ, а во второмъ—209 дворовъ и 1.430 жителей, школа, хлѣбный магазинъ, 6 водяныхъ мельницъ, 22 вѣтряныхъ и два кожевенныхъ завода, двѣ кузницы и винная лавка.

На юго-востокъ отъ Кокчетава, въ верховьяхъ р. *Кокчектинки* расположена *Кокчетавская* горная страна съ озерами *Шучимъ*, *Котуркульскимъ*, *Боровымъ*—лучшая по природнымъ условіямъ мѣстность Кокчетавскаго уѣзда. Она находится въ 75 верстахъ отъ города къ юго-востоку. Здѣсь природа щедро разсыпала свои дары. Въ высокихъ горахъ находятся золотыя розсыпи, мѣдныя и желѣзныя руды, растетъ чудный строевой лѣсъ, озера полны рыбою, прилегающіе степные участки отличаются рѣдкимъ плодородіемъ. Изъ горныхъ вершинъ *Кокче-Тау* особенно интересна сопка *Окъ-Джепесъ* (что значитъ по-русски „стрѣлой не достать“). Киргизское преданіе говоритъ объ этой горѣ слѣдующее. „Давнымъ давно, когда только киргизы владѣли вольною степью, на этомъ пикѣ жилъ „вѣщунъ-орелъ“ и зорко слѣдилъ за злыми дѣлами султановъ; много богатырей пыталось подстрѣлить его, но стрѣлы не долетали до его неприступнаго гнѣзда; были смѣльчаки, которые хотѣли взобраться на пикъ, но тщетны были ихъ усилія... Владычество хановъ прошло; „вѣщунъ-орелъ“ улетѣлъ, а „Окъ-Джепесъ“ все красуется своею вѣчной красотою и служитъ памятникомъ давно прошедшихъ лѣтъ“. (Словцовъ). Горы покрыты лѣсомъ. Лучшій сосновый боръ находится между д.д. Щучьей и Боровой и расположенъ на грубыхъ древнихъ почвахъ, происшедшихъ отъ разрушенія гранита.

Изъ озеръ, расположенныхъ въ этой мѣстности, наиболѣе красивое—*Боровое*, по формѣ овальное, не болѣе двухъ верстъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Вотъ какъ описываетъ это озеро Словцовъ. „Берега его пустынны, но представляютъ своеобразно-прелестные виды, совершенно напоминающіе окрестности живописнѣйшаго Колывань-озера на Алтаѣ. Мѣстами по берегамъ нагромождены каменныя глыбы и плиты, какъ-бы выброшенныя водою со дна; мѣстами онѣ кажутся сложенными человѣческими руками въ каменные столбы, мѣстами представляютъ колоссальныя развалины замковъ. Въ одномъ мѣстѣ такая сопка стоитъ посреди воды совершенно одиночной. Волны постоянно бьютъ въ естественную бѣлогранитную набережную и разсыпаются брызгами, какъ слеза прозрачными и блестящими. На одномъ только восточномъ берегу встрѣчаются песчаныя отмели. Сѣверный берегъ Борового озера, примыкающій къ подошвѣ Кокче-Тау, представляетъ самыя сильныя разрушенія гранитовъ: здѣсь нагромождена такая масса громадныхъ обломковъ скалъ, что иногда негдѣ проложить тропу, и она, чтобы обогнуть неудобныя мѣста, спускается въ озеро; въ этомъ случаѣ приходится брести по водѣ, дабы снова выйти на дорожку. Въ щеляхъ между обломками скалъ гнѣздятся кусты ивы, березы, малины. Съ рядомъ лежащимъ озеромъ Чебачьимъ Боровое озеро соединяется протокомъ съ живописнымъ водопадомъ. Еще достопримѣчательною особенностью этихъ мѣстъ можно назвать естественные каменные мосты надъ озеромъ *Котурк-Кулемъ*, которые образовались изъ широкихъ жилъ кварца и порфира, подвергавшихся меньшему разрушенію, чѣмъ окружавшій эти жилы гранитъ; одинъ изъ

этихъ мостовъ въ восточной половинѣ озера протягивается версты на полторы поперекъ озера въ видѣ прямой, снѣжно-бѣлой панели", нѣкогда покрытой вѣковыми соснами, которыя, располагаясь по обѣ стороны, служили естественной аллеей. Здѣсь расположены слѣдующіе населенные пункты: *Еленовка, Дорофѣевка, Александровское, Боровая, Щучинская, Котуркульская.*

Станица *Щучинская* имѣетъ до 400 казачьихъ и крестьянскихъ дворовъ, жителей болѣе 2.000. Станица расположена у *Щучьяго* озера, окруженнаго гранитными утесами. Вода озера необыкновенно свѣтла и изобилуетъ рыбой. Съ запада къ самому поселку спускаются своими подошвами Кокчетавскія горы; съ востока идетъ мѣстами всхолмленная низменность, покрытая смѣшаннымъ лѣсомъ и кустарниками; къ юго-востоку по равнинѣ между небольшими рощами расположены пашни, засѣянныя пшеницей, и наконецъ на ю.-з. открывается безпредѣльная даль степей. Станица считается одной изъ самыхъ зажиточныхъ и населенныхъ въ уѣздѣ; въ ней есть четыре лавки съ большимъ выборомъ товаровъ, церковь, мужская и женская школа, почтово-телеграфное отдѣленіе, частный и казенный склады земледѣльческихъ орудій, станичное управленіе, боровское лѣсничество; имѣются также небольшія маслодѣльни. Сюда пріѣзжаетъ лѣтомъ много дачниковъ на кумысъ. Поселокъ *Еленовка* имѣетъ 41 дворъ и около 300 жителей. *Александровское*, основанное въ 1879 году, расположено около бывшаго пикета Кокчактинскаго, съ 85 дворами и болѣе чѣмъ 600 жителями. Поселокъ *Ивановка* имѣетъ 21 домъ и болѣе 150 жителей. Поселокъ *Дорофѣевка* расположенъ на западномъ берегу озера *Чебачья*; онъ основанъ въ 1879 году, имѣетъ 112 дворовъ и около 800 жителей. Въ окрестностяхъ Дорофѣевки есть нѣсколько золотыхъ пріисковъ. На востокъ отъ него въ горахъ Кокче-Тау расположенъ поселокъ *Боровой* съ 15 домами; здѣсь находится низшая лѣсная школа. Въ Боровомъ двѣ мельницы работаютъ на восьми поставахъ съ толчеей. Къ югу отъ Борового находится станица *Котуркульская* при озерѣ того же имени; въ ней 357 домовъ и болѣе 2.300 жителей, деревянная церковь, станичное правленіе, мужское и женское училища, хлѣбный магазинъ, 5 водяныхъ и столько же вѣтряныхъ мельницъ, 9 лавокъ, 4 кузницы и винная лавка.

Въ этой же мѣстности находятся слѣдующія мѣсторожденія полезныхъ ископаемыхъ: въ логу, идущемъ въ Большое Чебачье озеро, въ 250 саж. отъ него и на урочищѣ *Кончи*—мѣдь, открытая въ 1837 и 1838 годахъ, между озеромъ Боровымъ и Щучьимъ—дымчатый хрусталь и топазъ, открытые въ 1840 году, да кромѣ того здѣсь же найдено нѣсколько золотоносныхъ розсыпей.

Въ Кокчетавскія горы пріѣзжаютъ изъ Тобольской, Томской губ., Акмолинской и Семипалатинской обл. пользоваться воздухомъ, кумысомъ, который здѣсь, благодаря превосходнымъ пастбищамъ, отличается высокими качествами. Къ сожалѣнію, здѣсь не имѣется для пріѣзжающихъ лѣчиться удобныхъ помѣщеній, нѣтъ постояннаго врача, наконецъ, нельзя даже разсчитывать на дешевизну пищевыхъ продуктовъ: продажа ихъ находится въ рукахъ нѣсколькихъ семей, и цѣны стоятъ всегда выше, чѣмъ даже въ большихъ городахъ края.

Отъ Кокчетава почтовый трактъ, уклоняясь на ю.-з., идетъ на г. Атбасаръ.

Первая станція отъ Кокчетава—небольшой поселокъ *Прирѣчный* (24½ в.). Слѣдующая станція (20½ в.)—казачья станица *Зерендинская* лежитъ на ровной степи, около *Зерендинскаго* озера, покоющагося въ гранитной впадинѣ; съ юга его окружаютъ живописно расположенныя, покрытыя лѣсомъ сопки. Гранитные острова, замѣченные въ 1816 г. Шангинымъ, въ настоящее время, вслѣдствіе усыханія озера, слились съ его берегами. Въ станицѣ Зерендинской считается 251 домъ и около 1.500 жителей. Здѣсь находится деревянная церковь, станичное правленіе, мужское и женское училища, хлѣбный магазинъ, двѣ водяныхъ и 18 вѣтряныхъ мельницъ, 7 лавокъ, 2 кузницы и винная лавка. Изъ жителей 459 мордвы, 743 малоросса, а остальные великороссы.

Далѣе, на востокъ отъ дороги тянутся безконечныя степи, а на западъ возвышаются небольшія горы и холмы—*Моральдинскія* и *Сандыктавскія*.

Между Зерендинской станицей и слѣдующей *Викторовской* на полупути, у пикета *Карагайлы-Кульскаго* (75 верстъ отъ Кокчетава) трактъ

достигаетъ наивысшей точки въ 1.367 фут. и начинаетъ послѣ этого спускаться по теченію р. *Джебая* (притока Ишима) до города Атбасара.

Слѣдующая станція по тракту есть станица *Викторовская* (18 в. отъ Зерендинской), а за ней—пос. *Айдабульскій*. Послѣдній лежитъ при рѣкѣ того же названія, имѣетъ 29 домовъ и 260 жителей. Здѣсь есть мельница и почтовая станція.

На западъ отъ него мѣстность значительно повышается вплоть до озера *Джаксы-Янизъ-Тау*. На восточномъ берегу его, въ 50 верстахъ отъ Айдабульскаго поселка находится выселокъ *Джаксы-Янизъ-Тау* или иначе *Якши-Янизтавскій*, основанный въ 1879 г. Въ этомъ выселкѣ 230 домовъ и 1.435 жителей. Противъ этого выселка на другомъ берегу озера находится станица *Аканъ-Бурлукская*, основанная въ 1879 г. Въ ней 276 домовъ и около 2.000 жителей, деревянная церковь, станичное управленіе, женское и мужское училища, два хлѣбныхъ магазина, 11 водяныхъ и 6 вѣтряныхъ мельницъ, 41 лавка, 3 кузницы и винная лавка; здѣсь бываетъ ярмарка. Озеро Джаксы-Янгизъ-Тау—очень рыбное; въ 15 верстахъ отъ него находится строевой лѣсъ, а вблизи станицы Аканъ-Бурлукской есть прекрасная вязкая глина, изъ которой казаки выдѣлываютъ кирпичи простымъ просушиваніемъ, безъ прокалки; граниты и жерновые песчаники залегаютъ въ 17 вер. отъ станицы. Въ этой станицѣ и окружающихъ ее поселкахъ есть мастера, приготовляющіе простыя сельскохозяйственныя машины. Черезъ названныя станицы и поселки (казачьи и крестьянскіе) идетъ проселочный трактъ на станицу Прѣсновскую (на Горькой линіи); осенью и лѣтомъ по нему прогоняются большіе гурты скота.

Слѣдующая за пос. Айдабульскимъ по тракту станица *Сандыктавская* (въ 23 в. отъ Викторовской) расположена на р. *Джебаѣ*, въ разстояніи 86 верстъ отъ Кокчетава; она имѣетъ 200 домовъ и 1.370 человѣкъ жителей. Въ станицѣ находятся: деревянная церковь, станичное управленіе, мужское и женское училища, хлѣбный магазинъ, 8 водяныхъ мельницъ и одна вѣтряная, а также кузница; здѣсь бываетъ ярмарка.

Отъ этой станицы въ 15 верстахъ къ сѣверу находятся древніе курганы, сложенные изъ гранитныхъ камней.

Изъ Сандыктавской станицы почтовый трактъ идетъ на пос. *Петровскій* (19 вер.), проходя черезъ зажиточную дер. *Балкашинку*. Отъ Петровскаго трактъ идетъ на пос. *Владимірскій* (19 в.) и на половинѣ пути проходитъ черезъ д. *Максимовку*. Отъ Владимірскаго дорога продолжается на *Михайловку* (19 вер.). Отъ нея начинается уже Атбасарскій уѣздъ. Слѣдующая станція тракта—село *Покровское* (19 вер.); отъ нея до *Атбасара*—19 вер.

Всѣ эти деревни довольно зажиточны; жители ихъ занимаются хлѣбопашествомъ. Мѣстность къ югу теряетъ горный характеръ и переходитъ сначала въ волнистую, а затѣмъ въ почти ровную степь.

Атбасаръ, уѣздный городъ Акмолинской области, лежитъ на рѣкѣ *Атбасаркѣ*, впадающей въ Ишимъ, на высотѣ 924 ф. надъ уровнемъ моря. Основанъ онъ въ 1846 г., какъ казачья станица и опорный пунктъ въ мѣстной степи. Въ настоящее время это типичный маленькій степной городокъ. Деревянныя постройки, узкія, песчаныя улицы, киргизы кругомъ и вездѣ, ихъ скрипучія арбы, ревъ верблюдовъ, казаки въ „образѣ киргизскомъ", почти полное отсутствіе какихъ-либо признаковъ городского благоустройства—вотъ характерныя черты Атбасара, какъ города Впрочемъ онъ и не городъ, а только станица съ городскимъ поселеніемъ. Земля, на которой стоитъ Атбасаръ, принадлежитъ обществу станичниковъ, такъ что городъ не имѣетъ собственной земли. Жителей въ Атбасарѣ болѣе 2.600. Здѣсь есть 2 православныхъ церкви и миссіонерскій станъ съ

пріютомъ, мечеть, уѣздное и станичное правленія, оружейный складъ, городское одноклассное училище, казачья женская школа, почтово-телеграфная контора, пріемный покой на 9 кроватей, аптека, 2 врача и 4 фельдшера, 2 ветеринарныхъ врача и фельдшера, уѣздное казначейство. Въ городѣ имѣется небольшая Пушкинская библіотека съ читальней; гостинницъ и извозчиковъ нѣтъ. Есть два большихъ склада сельскохозяйственныхъ орудій. Въ городѣ бываетъ Петровская ярмарка (съ 10 іюня по 5 іюля), которая привлекаетъ торговцевъ не только изъ Тобольской, Оренбургской и Пермской губерній, но даже изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, напр. изъ Бухары. Обороты ярмарки достигаютъ болѣе 2 милл. рублей; главная торговля ярмарки—скотомъ, особенно баранами. Въ городѣ есть паровая мукомольная мельница, вырабатывающая въ годъ на 25 тыс. руб., а также нѣсколько мелкихъ салотопенныхъ и кожевенныхъ заводовъ.

Въ окрестностяхъ Атбасара на берегу Ишима есть выходы известняковъ и и песчаниковъ каменноугольной системы съ характерными окаменѣлостями Productus giganteus, P. semireticulatus и пр.

Церковь въ г. Атбасарѣ.

Въ 17 в. къ сѣверу отъ Атбасара находится низшая сельскохозяйственная школа съ опытной фермой. Въ окрестностяхъ города есть также извѣстный конскій заводъ султана Мейрама. Верстахъ въ 40 отъ города Атбасара на сѣверо-западъ, въ верховьяхъ рѣки *Акъ-Кайракты* расположено урочище *Бель-Аячъ*. Здѣсь, по описанію Шангина, находились шесть древнихъ городищъ: четыре изъ нихъ отстояли другъ отъ друга на сто саженъ, пятое—позади ихъ, въ ста саженяхъ отъ берега р. Акъ-Кайракты, шестое — въ 2½ верстахъ къ востоку. Городища имѣли форму элипсовидную, съ воротами, обращенными къ восточной и западной сторонамъ. Стѣны при воротахъ были украшены четырехугольными башнями. Въ настоящее время отъ этихъ сооруженій не осталось и слѣда.

Изъ Атбасара, кромѣ вышеописаннаго почтово-земскаго тракта на Кокчетавъ, который продолжается отсюда на Акмолы, выходитъ еще одинъ путь, по которому въ настоящее время ѣздятъ весьма рѣдко (почти исключительно административныя лица и купцы), но прежде онъ былъ значительно оживленъ. Это—пикетный трактъ до пик. *Улутавскаго* и далѣе каравannый путь на югъ черезъ уроч. *Кара-Джаръ* по *Голодной степи* на р. *Чу* и въ кышлакъ *Сузакъ* (Сырдарьинской обл.).

Дорога идетъ по правому берегу р. *Атбасарки* на югъ до р. *Ишима*, гдѣ у вновь основаннаго поселка *Дмитріевскаго* переходитъ его и углубляется въ степь. На 13-й верстѣ за Дмитріевскимъ есть станція-пикетъ, состоящая изъ двухъ избъ, гдѣ живутъ казаки, ведущіе земскую гоньбу. Отъ него, по правому степному берегу рѣчки *Урумсай*, до пик. *Урумсайскаго* 34 в.; этотъ пикетъ, какъ и всѣ—малолюденъ: кромѣ семьи ямщиковъ никто здѣсь не живетъ. Перемѣнивъ лошадей, ѣдутъ близъ праваго берега рѣчки *Терсъ-Акана* до пик. *Терсъ-Аканскаго* (35 вер.). По дорогѣ обнажаются глинистые известняки и песчаники; мѣстами виденъ кварцевый щебень. Перейдя рѣчку, дорога идетъ по глинистой степи до пик. *Чабдартинскаго*

(35 вер.). Отъ него она продолжается по сѣверо-восточнымъ склонамъ сопокъ *Кара Куусъ* до пик. *Тогушкенскаго* (33 вер.). Далѣе трактъ идетъ по лѣвому берегу р. *Терсъ-Акана* до пик. *Кокчетавскаго* (34 вер.); отъ него тѣмъ-же берегомъ продолжается до пик. *Кантадырскаго* (32½ вер.). Здѣсь путь переходитъ на правый берегъ рѣчки и по слабо-холмистой степи (отроги горъ *Кента* и *Баке-Чеку*) мимо оз. *Косъ-Куля* идетъ до пик. *Кучекинскаго* (35½ вер.). Отсюда по невысокимъ холмамъ и логамъ дорога направляется на пик. *Арианатинскій* (32½ вер., высота надъ ур. моря—1.946 фут.). Отъ него той же возвышенно-холмистой степью, съ небогатой растительностью (по самой границѣ съ Тургайской обл.) ѣдутъ до пик. *Тамдинскаго* (32 вер.). Далѣе мѣстность еще болѣе повышается (г. *Ичка-Гумды*); дорога идетъ по отрогамъ *Улутавскихъ* горъ (средняя высота болѣе 2.000 ф. надъ моремъ; главная же вершина ихъ *Улие-Ака-Мечеть* достигаетъ даже 3.731 ф. надъ уровн. моря; на с.-з. отъ Улутавскихъ горъ, въ предѣлахъ Тургайской обл., лежатъ довольно значительныя горы *Джиланчикъ*) и входитъ къ мѣсту бывшей *Улутавской* станицы, нынѣ опустѣлой. Основаніе станицы было положено въ 1846 г., подъ вліяніемъ тогдашнихъ волненій въ степи. Султанъ Кенесары-Касимовъ, киргизскій герой, воспѣтый во многихъ пѣсняхъ и легендахъ, началъ въ 1837 г. народную войну за независимость внутреннихъ киргизъ отъ Россіи и Кокана. Русскіе вели съ нимъ десять лѣтъ трудной и безпокойной борьбы. Отсутствіе удобныхъ путей сообщенія и какого-либо опорнаго пункта въ степи вызвало необходимость основать форпостъ. Таковымъ и сдѣлали въ 1841 г. поселеніе въ котловинѣ живописныхъ и дикихъ Улутавскихъ горъ. Вначалѣ форпостъ представлялъ собою довольно значительное поселеніе, а именно большую улицу сырцовыхъ домовъ, каменную церковь, амбары съ продовольственными магазинами и склады боевыхъ снарядовъ. Населенъ онъ былъ исключительно казаками и солдатами (причемъ тѣ и другіе жили здѣсь по жребію, добровольно же никто не хотѣлъ оставаться). Послѣ того, какъ волненія въ степи улеглись, нужды въ поддержкѣ здѣсь поселенія не ощущалось, тѣмъ болѣе, что здѣшніе русскіе поселенцы, несмотря на стараніе администраціи пріохотить ихъ къ земледѣлію, не научились ему, и въ 1862 году Улутавская станица была упразднена, причемъ жители ея перебрались въ вышеописанную (стр. 353) Сандыктавскую станицу Кокчетавскаго у. Въ настоящее время здѣсь находится только два жилыхъ дома: ямщиковъ-казаковъ и торговца-сарта, который ведетъ бойкую торговлю съ окрестными киргизами. Остальныя строенія разрушились; въ нѣкоторыхъ пріютились киргизы-джетаки (бѣдняки, занимающіеся вблизи земледѣліемъ).

Отъ Атбасара до Улутавскаго пикета—373 вер. На югъ болѣе удобный путь считается къ мѣсту бывшаго пикета *Джилянды-Кенгирскаго* (25 вер.) [1]; отъ него по правому берегу рѣчки *Джилянды* путь идетъ до бывшаго пикета въ устьѣ этой рѣчки (25 вер.). Къ с.-в. отсюда, за р. *Кара-Кенгиромъ* находится одинъ изъ величественныхъ памятниковъ киргизской исторіи—могила *Алача-хана*—знаменитаго хана временъ могущества киргизскихъ ордъ (XV в.). Монументъ представляетъ собою массивный кирпичный кубъ высотой въ 10 саж., съ куполомъ и четырьмя башнями по угламъ. Куполъ обложенъ синей глазурью, а стѣны — узорами изъ бѣлыхъ глазурованныхъ кирпичей. Внутри купола находится галлерея, на которую ведетъ каменная лѣстница. Внутри зданія помѣщается обширная комната, посреди которой насыпанъ небольшой холмъ надъ могилой, заваленный лошадиными черепами, цвѣтными тряпицами, конскими хвостами и деревянными копьями. Памятникъ къ сожалѣнію разрушается, чему способствуютъ также и киргизы, разбирая съ него кирпичи. Недалеко отъ этого памятника находятся двѣ могилы: хана Амбулакта, сдѣланная изъ сырцоваго кирпича въ видѣ купола шестисаженной высоты, а еще далѣе — могила Джуса хана, похожая на могилу Алача-хана. Отсюда правымъ берегомъ р. Кара Кенгира дорога направляется къ югу до могилы *Арстомбая* (25 вер.). Къ з.-ю.-з. отсюда находится *Никольскій* мѣдный рудникъ. Отъ м. Арстомбая путь продолжается до зимовки *Нуркутая*,, на лѣвомъ берегу Кара-Кенгира противъ устья рч. *Улкунъ-Джизды-Кенгиръ* (30½ вер.). На 17-й верстѣ находятся остатки коканской крѣпости (рвы и насыпи); при нихъ есть три зимовки. Далѣе путь продолжается до зимовки *Сурюта*., на урочищѣ *Кара-Джаръ* (22 вер.). Весь этотъ путь удобенъ для колеснаго экипажа; вблизи есть много корма, то-лива и прѣсной воды. Мѣстность — суглинистая, иногда щебнистая степь. Въ камышахъ по рѣчкамъ много дичи и кабановъ; въ степи—дрофы, а изрѣдка встрѣ-

[1]) Другой путь идетъ до *Кара-Джара* въ 186 вер. къ западу отъ него и менѣе удобенъ для колесной ѣзды.

чаются и сайги. Къ югу мѣстность значительно измѣняется: преобладаютъ песчаныя и глинистыя мѣста; растительность становится бѣднѣе и пріобрѣтаетъ пустынный характеръ (окраина Голодной степи). Дорога все время придерживается праваго берега р. *Сары-Су*. Первая остановка—у могилы *Талмаса* (22 вер.); корма здѣсь мало, особенно для лошадей, но топлива достаточно; вода въ рѣкѣ—горькосоленая. Отсюда путь идетъ до могилы *Кызъ-Мола* (45 вер.); характеръ мѣстности остается тотъ же самый; ощущается недостатокъ воды и корма. Далѣе дорога идетъ до брода *Тасъ-Уткульскаго*, ниже могилы *Сартъ-Мола* (27 вер.). Отъ него путь продолжается по лѣвому берегу р. Сары-Су до могилы *Кара-Кинчакъ* (30½ вер.). Сначала дорога идетъ по солонцово-песчаной мѣстности, затѣмъ вступаетъ въ область бархановъ *Кокъ-Джидъ*; хотя пески довольно глубоки, а гребни достигаютъ 5—10 саж. высоты (направленіе—ю.-ю.-з.), мѣстность не производитъ такого удручающаго впечатлѣнія, какъ солонцовая или щебнистая равнина пустынь; въ лощинахъ между грядъ зеленѣетъ травяная и особенно кустарная растительность: джузгунъ, джингиль, саксаулъ, шенгиль и джидда (до 5 саж. высоты); мелкія птички, стаи грачей, крикливыхъ бульдуруковъ, небольшіе юркіе зайцы, изрѣдка небольшія сѣрыя змѣи, иногда и сайга—оживляютъ эти мѣста. Во многихъ котловинахъ на глубинѣ 1 арш. можно достать прѣсную воду. Этотъ путь для колеснаго экипажа весьма труденъ. Отсюда дорога идетъ такими же барханами къ развалинамъ крѣпости *Джаманъ - Курганъ* (30½ вер.); къ концу пути барханы становятся мельче, и на нихъ преобладаетъ саксаулъ; на пути встрѣчаются три колодца *Шукуръ-Кудукъ* съ прѣсной водой, но она богата водорослями, инфузоріями и др. микроскопическими животными. *Джаманъ-Курганъ* (или *Коканское* укрѣпленіе) сохранилось еще до сихъ поръ. Оно представляетъ собою четыре глинобитныхъ стѣны, внутри скрѣпленныхъ стволами саксаула и джидды; длина ихъ достигаетъ 25 саж., 3½—4 аршина—высота и 1½ аршина—толщина; стѣны окружены рвомъ въ 3½ аршина ширины и 2 аршина глубины. Прежде укрѣпленіе служило сторожевымъ пикетомъ коканцевъ, охранявшихъ здѣсь отъ киргизъ и барантачей торговые караваны. Въ барханахъ можно достать хорошую воду; кормъ же скудный. Отсюда дорога тянется по тѣмъ-же песчанымъ барханамъ (уроч. *Кизылъ-Джингильды*) близъ лѣваго берега Сары-Су до зимовки *Батеша* (32 вер.). Отъ него сухой, песчаной долиной весенняго протока р. Сары-Су—*Бокто-Карына* путь идетъ къ западу отъ солонцовъ уроч. *Аймз-Куль* (на 40-й вер.), затѣмъ — по западному подножью пустыни *Бедъ-Пакъ Дала* (*Голодная степь*), которая высится отвѣсной темно-красной стѣной въ 15 саж. надъ окружающими солонцами и песками; на 70-й верстѣ дорога пересѣкаетъ сухой логъ *Терс.-Секанъ-Сай* и, пройдя 20 вер. по безплодной пустынѣ, снова вступаетъ въ пески (уроч. *Айдарлы-Кумъ*) съ небогатой растительностью (здѣсь есть небольшой колодезь *Чанъ-Реу*). На 120-й верстѣ переходятъ бродомъ *Бесь-Куланъ* р. *Чу* и, вступивъ въ Сырдарьинскую обл., по пескамъ идутъ до восточнаго берега оз. *Акъ-Джайткана* (16 вер.); вода здѣсь горьковата, корма и топлива мало. Отъ него мимо сопки *Инкей* слѣдуютъ по барханамъ къ сопкѣ *Куланъ-Кабанъ*, близъ которой расположены горько-соленые колодцы *Косъ-Кудукъ* (17 вер.) [1]. Отъ нихъ путь идетъ по барханамъ къ колодцамъ *Джанызъ-Кудукъ*, на уроч. *Чубаръ* (31 вер.); вода здѣсь солоновата, корма—недостаточно. Далѣе по глинистой степи дорога продолжается до лога *Куль* у могилы *Бердыбы* (25 вер.); въ копани есть прѣсная вода и около—небогатая растительность. Отсюда мѣстность принимаетъ болѣе живой видъ; встрѣчаются часто травы и кустарники и чѣмъ южнѣе, тѣмъ больше. На 25-й верстѣ по типичной степи дорога входитъ въ оазисъ (кышлакъ) *Сузакъ*.

Такимъ образомъ отъ *Атбасара* до пикета *Улутавскаго* пикетнымъ трактомъ—373½ вер. Отъ него по старой отрядной дорогѣ до урочища *Кара-Джаръ*—127½ в.,

---

[1]) Съ именемъ *Бесь-Куланъ*, *Инкей* и *Кабанъ* связано киргизское преданіе. У Алача-хана любимый сынъ-юноша былъ затоптанъ на охотѣ дикими куланами. Огорченный ханъ обрекъ это стадо на смерть, обѣщая большую награду тому, кто исполнитъ его волю—истребитъ ихъ. За подвигъ взялся джигитъ Домбаукъ; онъ отправился слѣдомъ за табуномъ на своихъ лучшихъ бѣгунахъ Инкей и Кабанъ. Долгое время гонялся Домбаукъ за стадомъ по Голодной степи; многихъ убилъ, но пять выбрались къ р. Чу, перешли ее (отчего и бродъ называется *Бесь-Куланъ*, т. е. пять куланов) и бросились въ пески. Домбаукъ также переплылъ рѣку, но у первой сопки палъ одинъ конь Инкей; второй конь добѣжалъ до второй сопки и также палъ. Именами ихъ и называютъ киргизы эти сопки.

а далѣе на югъ, по пустынямъ до оазиса *Сузакъ*—461 вер.; всего же отъ Атбасара до Сузака—961 вер.

Возвращаемся къ Атбасару. Почтовый трактъ на Акмолинскъ, выйдя изъ города, круто поворачиваетъ на востокъ и поднимается параллельно рѣкѣ Ишиму, то идя въ низкой аллювіальной долинѣ совсѣмъ по его берегу, то поднимаясь на древній увалъ, который обнажаетъ мѣстами выходы сланцевъ, и удаляясь въ степь верстъ на 5—10. По Атбасарскому уѣзду трактъ идетъ на 103½ версты, а затѣмъ переходитъ въ Акмолинскій уѣздъ, причемъ направленіе тракта дѣлается юго-восточнымъ. Въ предѣлахъ Атбасарскаго уѣзда на трактѣ находятся три почтовыхъ станціи: *Байджигитская* (21½ в.), *Аманайская* (23¼ в.) и *Колутонская* (24¼ в.). При первой изъ нихъ находится д. *Ново-Александровская*, при второй—д. *Марiинская*, а при третьей—д. *Колутонская*. Деревни эти основаны въ 1880-хъ годахъ крестьянами-малороссами (700—900 жит. въ каждой), занимающимися хлѣбопашествомъ.

Атбасарскій уѣздъ занимаетъ 114.549 кв. в., изъ которыхъ болѣе 100 т. кв. в. принадлежитъ киргизамъ. Въ естественно-историческомъ отношеніи уѣздъ весьма разнообразенъ; лучшими земельными участками считаются лежащіе къ сѣверу отъ Ишима. Къ югу отъ Ишима бо́льшая часть уѣзда занята глинистой и щебнистой степью, а самый югъ—пустынями, пригодными лишь для кочевого жителя. Осѣдлаго населенія—17.035 чел.; изъ нихъ 14.410 чел. крестьянъ, живущихъ въ 3 волостяхъ и 17 деревняхъ; остальные — казаки станицы Атбасарской. Кочевого населенія—74.152 жит., составляющихъ 12 волостей, 68 ауловъ и 14.129 кибитокъ (юртъ). Количество скота въ уѣздѣ—589.747 штукъ; изъ нихъ у киргизъ — 558.100 штукъ; въ томъ числѣ крупнаго 188.100 шт.; у осѣдлаго населенія крупнаго скота—31.600 штукъ. Земледѣліе въ силу неблагопріятныхъ естественныхъ условій не можетъ получить распространенія въ большей части уѣзда. Въ 1900 г. крестьянами было посѣяно 65.800 пуд. зерновыхъ хлѣбовъ, казаками—7.100 пуд., а киргизами—20.400 пуд. Промышленности въ уѣздѣ почти нѣтъ; имѣется 41 небольшое промышленное заведеніе (обрабатывающія продукты скотоводства и земледѣлія и находящіяся близъ Атбасара) со 108 раб. и производствомъ на 50.200 руб. Крестьянское населеніе живетъ по р. Ишиму и по тракту на Кокчетавъ; большихъ селеній нѣтъ. Отведенные для крестьянъ участки заселены ими.

При слѣдующемъ пикетѣ *Караобинскомъ* (27 верстъ отъ Колутонской) трактъ входитъ въ предѣлы Акмолинскаго уѣзда.

При пикетѣ Караобинскомъ теперь расположена деревня *Таволжанская* Акмолинскаго у., образованная въ 1890 г.; жителей въ ней до 600 чел. Отъ нея трактъ идетъ черезъ небольшую новую деревню *Астраханскую* до дер. *Ново-Черкасской* (прежде казачій пикетъ *Чангарскій*) на протяженіи 19 верстъ, на правомъ берегу Ишима. Здѣсь на берегу рѣки есть обрывъ, обнажающій известняки съ палеозойской фауной (Productus, Chonetes, Orthis, Spirifer и др.). Отъ нея дорога направляется на дер. *Петровскую* (29 вер.), образованную въ 1895 г. на мѣстѣ бывшаго казачьяго пикета *Джеландинскаго* [1]). Отсюда путь идетъ до дер. *Покровской* (образованной въ 1895 г.) на протяженіи 29 вер.; до основанія деревни здѣсь находился пикетъ *Карамендинскій*. Послѣдняя станція къ Акмолинску—село *Максимовское* (въ 33 вер. отъ Покровской); основано оно въ 1890 г. на мѣстѣ пикета *Барманскаго*; на половинѣ пути лежитъ село *Семеновское* (осн. 1890 г.)—самое значительное селе-

[1]) Близъ пикета есть сопка *Ай-Дарлы* съ обнаженіями габбро и розоваго гранита.

ніе въ Акмолинскомъ у. (болѣе 2 тыс. жит.); жители его занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Отъ Максимовки до г. *Акмолинска*—32 вер.

Весь этотъ путь проходитъ по нѣкогда бывшей здѣсь казачьей *Ишимской* линіи военныхъ пикетовъ. Такимъ образомъ почтовымъ трактомъ отъ Кокчетава до Акмолинска черезъ Атбасаръ 417 вер. (а отъ Петропавловска—597 вер.).

Кромѣ описаннаго тракта между Кокчетавомъ и Акмолами есть другой, болѣе прямой, по старой караванной дорогѣ. Въ настоящее время, съ заселеніемъ Акмолинскаго у., онъ начинаетъ играть видную роль и несомнѣнно въ будущемъ займетъ первенствующее положеніе среди другихъ трактовъ, соединяющихъ южныя степи Акмолинской и частью Семипалатинской обл. съ желѣзной дорогой у гор. Петропавловска.

Первая станція отъ Кокчетава на этомъ пути—дер. *Ивановка*—въ 18 вер.; за ней идетъ *Александровка* (20 вер.); отъ послѣдней дорога направляется въ преддверіе Кокчетавской Швейцаріи—дер. *Дорофѣевку* (15 вер.); отсюда, близъ подошвы западныхъ склоновъ г. *Кокче-Тау*, путь идетъ до ст. *Щучинской* (18 вер.); на второй верстѣ есть „свертокъ" дороги на с. *Боровое*. (Объ этихъ селеніяхъ сказано выше, на стр. 351—352).

Далѣе дорога направляется на югъ, по красивой, холмистой мѣстности съ выходами гранитовъ, покрытой смѣшанными (березовыми и сосновыми) лѣсками; на 26-й верстѣ находится небольшой киргизскій пикетъ *Мултынбай*, гдѣ проѣзжающіе на земскихъ лошадяхъ перепрягаютъ ихъ. Отсюда по такой же живописной мѣстности путь направляется до села *Макинскаго* (25 в.). Поселокъ этотъ небольшой, населенъ крестьянами; здѣсь есть школа и лавка. За с. Макинскимъ дорога выходитъ изъ Кокчетавскаго у. въ предѣлы Акмолинскаго.

Кокчетавскій уѣздъ занимаетъ площадь въ 63.689 кв. в.; въ естественно-историческомъ отношеніи онъ довольно разнообразенъ и имѣетъ хорошую будущность; наиболѣе богата въ этомъ отношеніи средняя, гористая его часть. Осѣдлое населеніе составляютъ казаки и крестьяне; первыхъ—31.235 чел., вторыхъ—63.184 чел.; казаки составляютъ 8 станицъ и 15 поселковъ; крестьяне—9 волостей и 60 деревень. Обиліе хорошихъ земель способствовало здѣсь развитію земледѣлія; въ 1900 г. крестьянами было засѣяно 301.600 пуд., казаками—148.700 пуд., киргизами—16.200 пуд. Количество скота въ уѣздѣ—563.700 головъ; изъ нихъ 358.800 головъ находятся у киргизъ (въ томъ числѣ крупнаго скота—186.400 головъ); у осѣдлаго населенія имѣется 204.900 головъ (изъ нихъ 120.800 гол. крупнаго скота). Промышленная жизнь еще въ зачаткѣ: разрабатываются здѣсь лишь небогатыя золотыя розсыпи, а также производится ломка соли и топазовъ. Всего въ уѣздѣ 203 промышленныхъ заведеній съ 413 раб. и производствомъ на 95.100 руб. Осѣдлое населеніе занимаетъ среднюю часть уѣзда, имѣетъ нѣсколько богатыхъ станицъ и деревень (Зарендинская, Щучинская, Куткурульская, Лобановская и др.). Кочевое населеніе разселено по периферіи уѣзда; всего занято кочевниками 53.372 кв. в.; кочевниковъ въ уѣздѣ—75.630 чел.; они составляютъ 8 волостей, 69 ауловъ и 13.405 кибитокъ. Для дальнѣйшаго заселенія крестьянами уѣздъ закрытъ.

Отъ пос. Макинскаго до села *Никольскаго* 38 верстъ; по дорогѣ много живописныхъ видовъ. Поселокъ довольно зажиточный, строенія деревянныя; здѣсь есть школа, церковь, и двѣ лавки. С. Никольское населено (съ 1887 г.) крестьянами, которые занимаются хлѣбопашествомъ. До слѣдующей станціи—села *Алексѣевскаго* (40 вер.) дорога пролегаетъ по холмистой мѣстности, покрытой то березовыми, то сосновыми лѣсками, которые придаютъ ей паркообразный характеръ; близъ села начинается *Мунчактинская* казенная сосновая дача. Село Алексѣевское менѣе зажиточно; въ немъ много землянокъ; здѣсь есть школа, церковь, двѣ лавки, волостное правленіе; жители занимаются хлѣбопашествомъ. Отсюда путь идетъ къ дер. *Новорыбинской* (25 вер.). Мѣстность дѣлается менѣе холмистой и значительно бѣднѣе растительностью; попадаются нерѣдко солонцы. Новорыбинское лежитъ на берегу оз. *Чертанъ-Куля* и представляетъ группу разбросанныхъ саманныхъ избъ; есть здѣсь двѣ лавки; населеніе—малороссы, живущіе бѣдно. Невдалекъ отъ селенія расположена сопка, на которой есть нѣсколько древнихъ могилъ, сложенныхъ изъ гранитныхъ глыбъ. Отсюда мѣстность еще болѣе теряетъ холмистый и лѣсной характеръ; начинаютъ преобладать голые холмы и сопки (на вершинахъ которыхъ почти вездѣ можно видѣть

грудами камней—признакъ древнихъ могилъ). Только передъ слѣдующей станціей появляется снова небольшой смѣшанный лѣсокъ. Деревня *Канкринская* (или „*Кучеки*“) въ 12 вер. отъ предыдущей—самое бѣдное селеніе между Кокчетавомъ и Акмолинскомъ (основана въ 1898 г.). Населеніе ея—русскіе крестьяне, латыши и нѣмцы; занимаются они хлѣбопашествомъ, но хлѣба родятся плохо. Какъ населенный пунктъ, участокъ можетъ считаться самымъ старымъ (онъ взятъ былъ въ 1860-хъ годахъ въ аренду у киргизъ акмолинскими мѣщанами, и администрація поддерживала ихъ, такъ какъ это было единственное мѣсто между Кокчетавомъ и Акмолинскомъ, гдѣ жили русскіе и гдѣ проѣзжающіе могли найти хлѣбъ и пріютъ). Теперешній поселокъ представляетъ собою рядъ разбросанныхъ земляныхъ хатъ; школы и церкви нѣтъ; есть лишь небольшая лавка. Это послѣдній поселокъ до Акмолинска. Отсюда дорога идетъ по пустыннымъ, слегка волнистымъ степямъ. Передъ проѣзжающимъ развертывается на десятки верстъ однообразно-унылый ландшафтъ суглинистыхъ степей; на нихъ нѣтъ ни лѣсныхъ, ни кустарныхъ насажденій: всюду однообразный, рѣдкій коверъ изъ кипца, тонконога и ковыля. Лѣтомъ степи совершенно безлюдны, такъ какъ киргизы откочевываютъ на лѣтовки и приходятъ сюда только осенью. Отсутствіе вблизи человѣческихъ поселеній способствовало сильному размноженію здѣсь сурковъ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ близъ дороги не встрѣчаются въ такомъ множествѣ эти звѣрьки, какъ здѣсь. Въ хорошій день семьи сурковъ задаютъ непріятный и до того шумный концертъ, что онъ слышенъ на всю степь. Звѣрьки настолько еще не напуганы человѣкомъ, что подпускаютъ къ себѣ очень близко. Кромѣ сурковъ здѣсь много степныхъ орловъ (беркутовъ); красивыя, гордыя птицы также позволяютъ подойти къ нимъ очень близко. Сурки и беркуты—единственные живые спутники по этой дорогѣ. На 22-й верстѣ отъ Канкринскаго находится киргизскій пикетъ *Муканъ*. Это небольшой деревянный домъ съ нѣсколькими земляными дворами; комнаты обыкновенно служатъ помѣщеніемъ только ямщиковъ, а потому крайно загрязнены: проѣзжающіе не выходятъ изъ экипажа. На 3-й вер. отъ пикета есть два „свертка“ въ новыя крестьянскія деревни (*Ключи* и *Елизаветинское*). На 5-й верстѣ (влѣво отъ дороги) заслуживаетъ вниманія громадная котловина, представляющая собою повидимому дно древняго озера. Изъ озеръ здѣсь наиболѣе значительны *Бозъ-Аныръ* и *Сасыкъ-Куль*. Оба они имѣютъ достаточно прѣсную воду; есть въ нихъ мелкая рыба, а въ камышахъ находятъ себѣ пріютъ множество птицъ (утокъ, гусей, куликовъ, лебедей). У *Сасыка* (на 23-й верстѣ) перепрягаютъ лошадей (здѣсь стоитъ небольшой киргизскій аулъ). Отсюда, по такой же голой, волнистой степи ѣдутъ до *Акмолинска*. Въ 5 вер. отъ города дорога поднимается на невысокій увалъ съ выходами песчаниковъ, съ котораго виденъ весь городъ.

Городъ **Акмолинскъ** или *Акмолы* (по киргизски „акъ“ значитъ бѣлый, а „мола“ значитъ могила) основанъ въ 1830 г., на правомъ, довольно возвышенномъ берегу р. *Ишима* (на высотѣ 1.251 ф. надъ уровнемъ моря) вслѣдствіе просьбъ отдавшихся подъ русскую власть киргизскихъ султановъ, для охраненія порядка и спокойствія среди киргизъ, а затѣмъ въ 1832 г., при введеніи новаго порядка управленія киргизами, сдѣланъ былъ окружнымъ городомъ Акмолинскаго внѣшняго округа. Въ 1838 г. городъ былъ осажденъ Кенесарой, но казаки, запертые имъ въ казармѣ, тѣмъ не менѣе отразили его нападенія. Названіе свое городъ получилъ отъ урочища Акъ-Мола, лежащаго нѣсколько южнѣе города. Казаки, желая захватить это урочище, стали называть и свое мѣсто Акъ-Мола, думая этимъ возстановить недѣлимую связь всей мѣстности и тѣмъ самымъ оставить ее въ своихъ рукахъ. Планъ этотъ не удался, но названіе Акмолы такъ и осталось за казачьимъ форпостомъ. Съ замиреніемъ степи Акмолинскъ сталъ центромъ торговли и сношеній южныхъ киргизъ съ русскими. Позже онъ былъ назначаемъ уѣзднымъ и главнымъ городомъ Омской области киргизъ. Съ 1868 г. Акмолинскъ—уѣздный городъ Акмолинской области, а главный городъ—Омскъ.

Въ настоящее время Акмолинскъ представляетъ собою третій городъ (Омскъ, Петропавловскъ) въ области по количеству жителей (бо-

лѣе 8 тыс., преимущественно казаковъ, мѣщанъ и киргизъ) и по своему торгово промышленному значенію. Въ немъ происходитъ крупный обмѣнъ товаровъ фабрично-заводской промышленности на произведенія степи. Особенно большое значеніе имѣетъ *Константиновская* ярмарка, обороты которой доходятъ до 4 милл. руб. Акмолинскъ поставляетъ главную массу товаровъ для киргизъ не только Акмолинскаго, но и Атбасарскаго и Каркаралинскаго у., сосредоточивая на это время у себя и главную массу продуктовъ скотоводческаго хозяйства. Главная мѣстная торговля находится въ рукахъ фамилiи Кубриныхъ, имѣющихъ хорошiе магазины. Въ центрѣ города помѣщаются небольшiе (каменные) торговые ряды. Есть здѣсь мыловаренный, кожевенный, маслобойный, пивомедоваренный и пряничный заводы, казенный винный складъ, много кузницъ и мельницъ. Въ городѣ находятся: уѣздное казначейство, почтово-телеграфная контора, аптека; есть двѣ церкви (одна каменная) и мечеть, городское трехклассное училище, женская прогимназiя, двѣ начальныхъ школы, городская публичная библiотека (Пушкинская). За городомъ расположена низшая сельскохозяйственная школа съ опытнымъ полемъ и садомъ. Съ внѣшней стороны городъ мало отличается отъ другихъ городовъ края; каменныя строенiя находятся только на главной площади; улицы немощены, освѣщаются изрѣдка керосиновыми фонарями; имѣется небольшое число извозчиковъ. Гостинницъ и номеровъ для прiѣзжающихъ нѣтъ. Городскiе доходы въ 1900 г. выражались суммою около 28.000 руб.

Кромѣ вышеописанныхъ двухъ трактовъ изъ Акмолинска выходятъ еще три степныхъ пути: одинъ на с.-в., къ озерамъ Омскаго у. по р. *Селетъ*; теперь по нему лежитъ нѣсколько новыхъ поселковъ; другой—на ю.-з., по правому берегу р. *Ишима*, по кресьянскимъ поселкамъ и далѣе по Каркаралинскому уѣзду до г. Каркаралинска и третiй—прямо на югъ, въ предѣлы Сырдарьинской обл. На этомъ пути, какъ на наиболѣе важномъ въ торговомъ отношенiи, мы остановимся нѣсколько подробнѣе. Выйдя изъ города, трактъ идетъ по такъ называемой *Ташкентской* дорогѣ къ п. *Рождественскому* (45 вер.), направляясь на ю.-в. близъ праваго берега р. Ишима. Мѣстность представляетъ собою волнистую, безлѣсную степь, поросшую мелкими сорными травами, а кое-гдѣ покрыта солончаками. На 5-й верстѣ находится незначительный бродъ черезъ р. *Ишимъ* (въ iюлѣ—до 2 четв. глуб. и 3 саж. шир.), послѣ чего дорога идетъ сначала по лѣвому берегу Ишима, а затѣмъ на 7-й верстѣ поворачиваетъ прямо на югъ.

На 20-й верстѣ влѣво отъ дороги находится большое прѣсное озеро *Май-Балыкъ* (50 кв. вер.). Вокругъ него расположено нѣсколько ауловъ и зимовокъ киргизъ. Озеро славится крупными карасями; въ прибрежныхъ камышахъ водится множество дичи (гусей, утокъ, куликовъ); все это привлекаетъ сюда немало охотниковъ изъ города. Обыкновенно ѣдущiе на земскихъ лошадяхъ сворачиваютъ къ озеру, гдѣ смѣняютъ лошадей (въ рѣдкихъ случаяхъ ямщики соглашаются везти прямо до станцiи). Отъ Май-Балыка дорога поворачиваетъ на ю.-з., причемъ поднимается на небольшой увалъ, съ котораго виденъ городъ и далеко окрестныя степи. Далѣе тянется волнистая, мѣстами ковыльная, степь. На 35-й верстѣ дорога подходитъ къ долинѣ р. *Нуры* и идетъ ея правымъ, нагорнымъ берегомъ до слѣдующаго поселка. Село *Рождественское* лежитъ по склону праваго берега Нуры и представляетъ собою три ряда глиняныхъ (саманныхъ) построекъ. Населенъ поселокъ нѣмцами (выходцами изъ Самарской, Саратовской и Ставропольской губ.). Въ немъ есть три небольшихъ лавки, волостное и сельское правленiе и евангелистская школа. Въ 3 вер. къ с.-з. отъ Рождественскаго лежитъ незначительное русское село *Преображенское*. Прежде населенiе его жило въ Рождественскомъ, но потомъ, послѣ столкновенiй съ нѣмцами, администрацiя отдѣлила русскихъ. Отъ Рождественскаго трактъ идетъ на пос. *Черниговскiй* (45 вер.). Дорога направляется изъ поселка въ долину Нуры; мѣстность здѣсь песчаная, бугристая, для скорой ѣзды весьма неудобная. Черезъ рѣку сдѣланъ мостъ (броды хотя и есть, но при быстромъ теченiи рѣки для экипажа не-

удобны). На 3 в. отъ Рождественскаго лежитъ дер. *Романовская*, населенная нѣмцами. Въ ней находятся поселковое управленіе и евангелистская школа; есть также лавка и вѣтряная мельница. Жители занимаются хлѣбопашествомъ. Въ Нурѣ водится много крупной рыбы (щуки до 1 п., язи и др.), но правильнаго рыболовнаго промысла никто не ведетъ. Пройдя черезъ деревню, дорога идетъ по низкому лѣвому берегу р. Нуры: на 2-й верстѣ передъ урочищемъ *Акъ-Сенгиръ* путь переходитъ по мосту на правый берегъ Нуры и поднимается на упомянутое урочище. Акъ-Сенгиръ—довольно высокая гряда (1.365 ф. надъ уровнемъ моря), образующая къ рѣкѣ большой яръ. Здѣсь нѣкогда былъ сторожевой казачій пикетъ, но теперь отъ него не осталось никакихъ признаковъ. Въ яру есть хорошія обнаженія отложеній каменноугольной системы, представляющихъ большой интересъ для геолога и состоящихъ изъ песчаниковъ, темносѣрыхъ известняковъ и углистыхъ глинъ, причемъ известняки содержатъ типичныя окаменѣлости Productus semireticulatus, Spirifer striatus и др. Эти же породы преобладаютъ и въ окрестн й степи. Спускъ съ Акъ-Сенгира хотя и крутой, но удобный. Далѣе дорога идетъ по правой луговой сторонѣ Нуры, рѣзко выдѣляющейся отъ бѣловатыхъ яровъ—древнихъ береговъ рѣки. По долинѣ разбросано много небольшихъ озеръ, берега которыхъ заросли камышомъ и разнообразными кустарниками (таволга, жимолость, крушина, шиповникъ и различныя ивы). Въ долинѣ много различныхъ птицъ; среди нихъ можно увидѣть и степныхъ красавицъ—дрофъ. Осенью сюда прикочевываютъ киргизы, и долина нѣсколько оживаетъ, лѣтомъ же ничто не напоминаетъ здѣсь о человѣкѣ. На 12-й верстѣ дорога поднимается на береговой увалъ и направляется на ю.-в. по волнистой, суглинистой степи.

Вправо отъ дороги лежитъ русло рѣчки *Кокпекты* (лѣтомъ она представляетъ рядъ „плесъ“ *Кара-Су*, у которыхъ кочуютъ киргизы). На 20-й в. дѣлаютъ перемѣну лошадей. (Обыкновенно, экипажъ останавливается на дорогѣ, а ямщикъ выпрягаетъ лошадь и уѣзжаетъ въ аулы (за 2—3 вер.), откуда пріѣзжаетъ новый ямщикъ съ другими лошадьми). Отсюда дорога снова поворачиваетъ на ю.-з., къ долинѣ Нуры, причемъ мѣстность становится все выше и выше. Съ одного изъ увваловъ открывается красивый видъ на сѣверъ и востокъ (типичный ландшафтъ южно-киргизской степи): слегка волнистая равнина съ рядомъ озеръ, сухихъ болотъ, логовъ и увваловъ тянется на много верстъ и далеко вдали едва замѣтно сливается съ горизонтомъ. Сѣрое небо, сѣрая однообразная растительность, тишина и кажущееся полное отсутствіе жизни наводятъ на новичка-проѣзжающаго унылое настроеніе. Передъ пос. *Черниговскимъ* дорога огибаетъ восточный отростъ сопки *Кубитей* (1.540 фут.), подходитъ къ долинѣ Нуры и по береговой равнинѣ вступаетъ въ село. *Черниговскій* поселокъ (какъ и всѣ поселенія по этой дорогѣ) образованъ въ 1890-хъ годахъ, а поэтому представляетъ пока мало устроенное село; дома глинобитные, безъ крышъ, дворовъ нѣтъ, одна крестьянская усадьба отъ другой отдѣлена небольшими бороздами. Поселокъ устроенъ на берегу старицы р. Нуры (въ 3 в. отъ самой рѣки). Здѣсь находятся волостное и сельское правленія, церковь, школа; есть также хорошая лавка, водяная и вѣтряная мельницы. Населеніе состоитъ изъ малороссовъ, занимающихся хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Отъ этого поселка дорога идетъ на пос. *Кіевскій* (25 в.). Мѣстность преоставляетъ собою волнистую суглинистую степь. На 12-й верстѣ дорога идетъ мимо невысокой сопки *Джуеанъ-Тюбе*; на ней много киргизскихъ могилъ (дерновыхъ, глиняныхъ, деревянныхъ и каменныхъ), а на вершинѣ есть древніе („чудскіе“) курганы. Пос. *Кіевскій* лежитъ въ 2 вер. отъ р. *Нуры* и въ 1/4 вер. отъ рѣчки *Кундузды* (лѣтомъ здѣсь остается рядъ „плесъ“, такъ что жители пользуются колодезной водой). Населенъ поселокъ малороссами и съ виду производитъ хорошее впечатлѣніе: дома имѣютъ болѣе чистый и зажиточный видъ въ сравненіи съ другими поселками на этомъ пути; всѣ они съ камышевыми крышами, выбѣлены бѣлой и красной глиной. Въ селѣ есть школа, сельское управленіе, двѣ лавки, водяная и вѣтряная мельницы. Жители занимаются хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Слѣдующая станція—дер. *Ивановская* (20 вер.). Характеръ мѣстности на пути тотъ же самый: глинистая, кое-гдѣ солончаковая, безлѣсная степь, изрѣдка нарушенная невысокими сопками. Деревня Ивановская лежитъ на берегу небольшого озера (прежде — старица Нуры въ 1 1/2 вер. отъ послѣдней); состоитъ она изъ полутора десятка глинобитныхъ бѣдныхъ хатъ (невыбѣленныхъ и безъ крышъ); ограда (дворовъ) нѣтъ. Поселокъ основанъ въ 1900 г. и повидимому неудачно (на плохой землѣ), такъ что населеніе его не только не увеличилось, но почти на половину разошлось. Въ немъ есть однако ресельскон правленіе и двѣ мелочныхъ лавки; торгуютъ главнымъ образомъ на кир-

гизъ. Эта деревня—послѣднее русское поселеніе на трактѣ изъ г. Акмолинска въ Среднюю Азію; далѣе путь идетъ черезъ мѣста бывшихъ казачьихъ пикетовъ, теперь заброшенныхъ и опустѣлыхъ. Въ этомъ поселкѣ необходимо запастись всѣмъ, чѣмъ возможно, такъ какъ южнѣе болѣе чѣмъ на 700—800 вер. не встрѣтится поселенія, гдѣ бы можно было что-нибудь достать, даже хлѣбъ.

Выйдя изъ поселка, дорога идетъ на югъ, къ невысокому кургану (могила *Бетжурганъ*). Передъ ней находится мѣсто бывшаго казачьяго пикета *Куланъ-Нуринскаго*. Отсюда начинаются къ югу два пути — пикетный и караванный. *Пикетный* направляется на юг -востокъ, близъ праваго берега р. Нуры, мимо киргизскихъ могилъ *Казыбая* и *Мажибая;* на 21-й верстѣ дорога проходитъ между сопокъ *Ала-Атъ-Бенкъ* и *Кертенды;* у могилы *Балина* на берегу Нуры дѣлается остановка. Отсюда дорога и етъ правымъ берегомъ Нуры. Берегъ возвышенный (небольшой подъемъ на ур. *Джаксы-Куртъ*); встрѣчается травяная и кустарная растительность. У мѣста бывшаго пикета *Тлень-Джартасъ* (28 вер.) дѣлается остановка. Къ югу отъ пикета въ 3 вер. находится бродъ черезъ Нуру (1¼—1 арш. воды), откуда дорога поворачиваетъ на ю.-з., а Нура—на с.-в. На пути встрѣчается большое солоноватое озеро *Сопанъ-Соръ*, а за нимъ тянется слегка холмистая степь и рядъ прѣсныхъ озеръ *Джоръ-Дженъ;* близъ озеръ и по логамъ встрѣчаются кусты таволги, тала, карагайника, баялычъ; озера богаты камышомъ. Отсюда путь идетъ къ большому оз. *Балыкты*, гдѣ находятся развалины прежняго пикета (30 вер.). Отъ него дорога продолжается по невысокимъ, безлѣснымъ холмамъ къ развалинамъ пикета *Куйгунъ* (26 вер.). На пути есть кустарниковая растительность и хорошій подножный кормъ; прѣсная вода здѣсь находится въ изобиліи (оз. *Сулу-Куль* и *Кара-Кога*). Отъ Куйгуна дорога идетъ по сопкамъ къ бывшему пикету *Эскеней* (25 в.); мѣстами она спускается въ небольшіе лога (верховья р. *Акъ-Тасты*); путь щебнистый; есть нѣсколько мелкихъ бродовъ черезъ ключи. Передъ развалинами пикета путь огибаетъ могилу *Джанъ-Гозу* и высокую *Эскенейскую* сопку (2.170 ф. надъ уровнемъ моря). Воды и подножнаго корма достаточно; топливомъ служитъ пометъ.

Отъ бывшаго пикета Эскеней начинается *караванный* путь; колесной ѣзды здѣсь предпочитается вьючная на верблюдахъ или арбахъ. Сначала дорога идетъ по невысокимъ холмамъ, мимо сопки *Бала-Баксы* до брода черезъ р. *Джаманъ-Сары-Су* (около 1 арш.), а оттуда по сухой глинистой степи до колодцевъ *Талпанъ-Кудукъ* (15 вер.); вода здѣсь несовсѣмъ хорошая. Отъ нихъ путь продолжается до могилы *Матабая*, на лѣвомъ берегу р. *Джаксы-Сары-Су* (22 вер.). На этомъ пути подножнаго корма мало и онъ плохой; топливомъ служатъ камышъ и пометъ. Отсюда дорога направляется на югъ, къ колодцамъ *Шкима* (5 вер.) и *Кошкуль-Бай-Кудукъ* (7 вер.); вода ихъ невполнѣ хорошая. Отъ нихъ ѣдутъ по глинистой степи, поросшей кое-гдѣ баялычемъ, мимо могилъ *Кусагалы* и *Мандыбая* къ броду черезъ р. *Манакъ* (22 вер.). Топливомъ служатъ баялычъ и талъ; подножнаго корма достаточно. Отсюда путь направляется къ колодцамъ *Чокпаръ-Тасты* (35 в.). Путь идетъ холмистой глинистой степью, поросшей баялычемъ и караганой. Вдали видны сопки; ближайшая изъ нихъ—*Кокъ-Сенгиръ*. Въ колодцахъ (*Чокпаръ-Тасты*) вода на глубинѣ 4 арш. пригодна для питья; подножнаго корма и топлива достаточно. Отъ этихъ колодцевъ путь идетъ по травянистой степи съ кустами боялыча къ броду черезъ р. *Ащи (Ата)-Су* (въ 16 вер.). Отъ нея дорога направляется на югъ и проходитъ близъ сопокъ *Улькунъ-Чекомекъ* и *Джертасъ* (гдѣ есть большой прѣсный ключъ *Сары-Булакъ*). На 20-й верстѣ лежитъ колодезь *Кызъ-Кудукъ;* отъ него ѣдутъ мимо сопки *Кара-Тасъ* по травянистой и кустарниковой степи къ прѣсному ключу *Айна-Булакъ* (28 вер.). Отсюда путь идетъ по лѣвому берегу ключа до могилы *Баятара* (21 вер.), гдѣ бродомъ переѣзжаютъ Айна-Булакъ и мимо сопокъ *Кызылча* спускаются въ долину р. *Кара-Сая*, откуда направляются къ горамъ *Аркалы* черезъ ключъ *Бикъ-Тасъ*, а затѣмъ снова въ долину Кара-Сая (38 вер.). Воды, подножнаго корма и топлива здѣсь въ избыткѣ. Отъ Кара-Сая дорога пролегаетъ близъ *Аркалыкскихъ* сопокъ къ броду у ключа *Аркалы*, отъ него мимо могилъ *Саианай* до лога съ ключемъ *Тіймли-Булакъ* (16 вер.). Кормъ здѣсь есть; топливомъ служитъ чаще пометъ. Далѣе къ югу ѣдутъ по ровной степи съ баялычемъ, караганой и солянками близъ западныхъ отроговъ сопокъ *Джанышъ* до ур. *Мій-Кайнары* (15 вер.) съ двумя прѣсными колодцами; корму и топлива на пути мало. Отсюда путь направляется по щебнистой и холмистой степи (сопки *Чалакъ*, *Чалъ-Чеку*) къ логу *Каибъ-Мергеныкъ-Кара-Су*, а оттуда на уроч. *Чабдаръ-Джуванъ* (38 вер.), гдѣ есть три колодца съ плохой водой; подножный кормъ составляютъ здѣсь камышъ и полынь, топливо—пометъ. Отъ нихъ дорога идетъ по каменистой степи, по русламъ сухихъ рѣчекъ до колодцевъ въ руслѣ *Джидели*

близь могилы *Кимчакъ-Бая* (26 вер.). Вода въ колодцахъ соленая; подножнаго корма очень мало; топливо—пометъ. Къ югу отсюда мѣстность начинаетъ уже пріобрѣтать пустынный характеръ: появляются заросли саксаула; солонцы и каменистыя мѣста обыкновенны. Дорога идетъ по сухимъ логамъ и холмамъ до обширной солонцеватой котловины съ соленымъ ключемъ *Соръ-Булакъ* у могилы *Бай-Коджи* (41 вер.). На этомъ пути воды, корму и топлива нѣтъ, и животныхъ нужно гнать на большое плоскогорье, съ котораго уже начинается *Голодная степь* (*Бедъ-Пакъ-Дала* или *Тюль*(т. е. безводная). Почва здѣсь обнаженная, глинисто-щебнистая со множествомъ солонцовъ, а въ сухое лѣто почти совершенно голая; топливомъ служитъ саксаулъ и пометъ. На 42-й вер. есть два колодца *Быръ-Тюскенъ* (близь могилы *Кызыбека*); въ нихъ вода солоноватая, но въ одномъ она вообще годна для питья. Отсюда на югъ идутъ почти сплошные *такыры* и *соры* (сухіе и грязные солонцы), лишенные растительности. Мѣстами замѣчаются обнаженные, щебнистые холмы. Въ логу *Кызылъ-Такыръ* находится нѣсколько колодцевъ *Уванаса* (на 40-й вер.) съ плохой водой. Отъ Уванаса начинается самый большой и трудный переходъ по такъ наз. *Уванасскому* пути)—на лѣвый берегъ р. *Чу*. Дорога идетъ то каменистой, то глинистой или солончаковой почвой, лишенной растительности. Воды нѣтъ (почему обыкновенно захватываютъ воду въ бурдюки изъ колодцевъ Быръ-Тюскена, такъ какъ уванасскую воду едва пьютъ даже животныя, а киргизы и привычные люди только отстоянную съ кирпичнымъ чаемъ, или же очищенную квасцами). По дорогѣ встрѣчаются змѣи, ящерицы и изрѣдка каменныя куропатки. На 10-й верстѣ въ котловинѣ *Кизылъ-Такыръ* есть кол. *Косъ-Кудукъ*, но вода въ немъ соленая. На 19-й верстѣ путь идетъ близь известковыхъ сопокъ *Кызъ-Имчекъ* (917 ф. надъ моремъ), имѣющихъ коническую форму. Съ вершины сопокъ открывается однообразный сѣрый видъ пустыни. Кругомъ тянется безконечная, унылая равнина; кое-гдѣ тускло блестятъ солонцы, желтѣютъ пески, чернѣютъ голые камни сопокъ. Вдали, на югъ, въ ясный тихій день можно различить неясныя очертанія *Каратавскихъ* горъ Сырдарьинской обл. (180 вер.). На 50-й верстѣ встрѣчаются невысокія сопки *Тоиуз-Кенъ*. Обойдя ихъ съ запада, путь идетъ на могилу *Кулунчакъ*, а отъ нея къ оз. *Бечеръ-Куль* (74 вер.), которое лежитъ на южной, возвышенной границѣ Голодной степи. Такимъ образомъ по этому пути приходится сдѣлать черезъ пустыню (отъ Соръ-Булака до р. Чу) 173 вер. На берегахъ послѣдняго озера растетъ чій и камышъ—единственный кормъ для животныхъ; вода хотя и горько-соленая, но чистая, такъ что скотъ пьетъ ее охотно, но людямъ пить воду нельзя; поэтому обыкновенно посылаютъ за водой на лѣвый берегъ р. Чу, гдѣ въ пескахъ можно достать сносную воду. Въ самой же р. Чу лѣтомъ вода настолько усыхаетъ, что отдѣльные водоемы обращаются въ густой горько-соленый растворъ. Долина р. Чу здѣсь безплодна и состоитъ изъ сыпучихъ песковъ, кое-гдѣ поросшихъ близь воды камышомъ (въ нихъ водятся кабаны). Близь сопки *Той-Тюбе* переѣзжаютъ долину Чу (иногда бродомъ въ 3 четв.) и черезъ камыши и барханные пески *Кокче-Кумъ* слѣдуютъ до колодцевъ *Семейка-Саганъ* (17 вер., уже въ предѣлахъ Сырдарьинской обл.), близь лога *Джаманъ-Чу* (прежнее русло Чу). Вода въ колодцахъ горько-соленая; подножный кормъ плохой; топливо—баялычъ, саксаулъ и терескенъ. Отсюда путь идетъ по пескамъ Коксе-Кумъ до озера *Истамъ-Газы* (26 вер.); кормъ попадается изрѣдка. Далѣе путь идетъ къ озеру *Сарам-Какъ* и колодцамъ *Уруслъ-Каганъ* (16 вер.); вода здѣсь сносная; вблизи растутъ камыши, саксаулъ, баялычъ и джузгунъ. Отъ нихъ дорога идетъ на югъ, мимо могилъ *Акъ-Ожй-Чуръ* и *Байсина*. На 13-й вер. путь раздѣляется: западная вѣтвь идетъ прямо въ г. Туркестанъ, восточная же заходитъ въ кышлакъ (оазисъ) *Сузакъ* (42 вер.), о которомъ мы упоминали выше (стр. 356) и уже отъ него въ Туркестанъ. Съ середины пути пески кончаются, и идетъ холмистая степь, орошенная арыками изъ каратавскихъ ключей. Отъ г. Акмолинска до Сузака 802 вер., изъ нихъ 173 вер. по Голодной степи.

Второй караванный путь идетъ отъ Акмолинска до *Куланъ-Нуринскаго* пикета, откуда переходитъ р. Нуру и сворачиваетъ на ю.-з. (тогда какъ первый—пикетный идетъ по правому берегу р. Нуры). Сначала тянутся береговые холмы, затѣмъ степь съ рядомъ озеръ; наиболѣе значительно озеро *Тасъ-Суатъ* (на 26-й вер.) съ хорошей водой; корму здѣсь въ изобиліи. Отсюда путь направляется на югъ, въ долину р. *Куланъ-Утмеса* къ сз. *Баятыръ* (на 40-й вер.); въ долинѣ развита богатая травяная растительность; есть и топливо. Направляясь по правому берегу рѣки Куланъ-Утмеса, на 40-й вер. дорога переходитъ бродомъ рѣчку и въ предѣлахъ сопочныхъ возвышенностей Арало-Иртышскаго водораздѣла идетъ до зимовки состоятельнаго киргиза *Чонъ* въ уроч. *Кара-Агачъ* (на 40-й вер.). Мѣстность

эта богата травяной и кустарной растительностью и водой. Само урочище представляетъ оазисъ въ сравненіи съ окружающими степями; здѣсь сохранились послѣдніе къ югу лѣски (березы, осины и даже ольхи). Это дало поводъ западно-сибирскому генералъ-губернатору возбудить вопросъ (въ 1869 г.) объ основаніи здѣсь русскаго селенія, но намѣреніе это, по разнымъ причинамъ, не было приведено въ исполненіе.

Отъ Кара-Агача дорога идетъ на ю.-з. къ р. *Джусалы*, а отъ нея по травянистой степи до могилы *Карджасная* (28 вер.) и далѣе, мимо сопки *Улькунъ-Толгой*, до брода на р. *Сары Су* (30 вер.). Кормъ и вода—въ достаткѣ, но топлива нѣтъ. Бродъ черезъ рѣку неглубокъ (до 1 арш.). Затѣмъ дорога идетъ по лѣвому берегу рѣки и передъ песками сворачиваетъ на юго-западъ къ могилѣ *Тлемисъ* и соленому оз. *Акъ-Бастау*, а отъ него къ колодцамъ *Токобая* (30 вер.). Корму здѣсь достаточно, есть и вода; топливо—камышъ и пометъ. Отъ нихъ путь направляется къ горѣ *Токобай*, отъ которой на протяженіи 10 верстъ тянутся пески (до могилы *Бала-Джумартъ*), а затѣмъ песчаная степь до оз. *Бозуля* (на 25-й вер.); воды и корма здѣсь достаточно. Отсюда ѣдутъ на ю. з., близъ песковъ и песками, мимо соленаго оз. *Кара-Куль* (на 16-й вер.), колодцевъ *Тасъ-Кудукъ* (25 в., вода не постоянна) и *Кумъ-Джайляу*, а отъ нихъ къ могилѣ *Топаръ*, на берегу „плесъ“ рѣчки *Кизылъ-Эспе* (42 вер.). Прѣсной воды, корму и топлива здѣсь достаточно. Въ 5 вер. къ востоку лежатъ еще 4 прѣсныхъ озера *Уишъ-Куль*.

По долинѣ р. Кизылъ-Эспе дорога идетъ на ю.-з., къ солонцу *Бозлакъ* (20 вер.); вода имѣется въ плесахъ и колодцахъ; топлива и корма достаточно (талъ и баялычъ). Отсюда путь направляется по солонцеватой (сухой) долинѣ р. *Кокъ-Тасъ* и между сопками *Конуръ-Джалъ-Татышъ* къ колодцамъ *Бель-Кудукъ* (на 42 вер.) по окраинѣ песчаныхъ бархановъ *Тобулалы-Конуръ*. Колодцевъ три, съ довольно сносной водой; вблизи подножнаго корма и топлива мало, но въ ближайшихъ барханахъ есть заросли саксаула, баялыча и др. Отъ Бель-Кудука путь идетъ черезъ небольшіе пески, мимо могилъ *Кара-Моа* и *Маката*, въ котловину солонца *Кизылъ-Такыръ-Сорчакъ*, а отъ него на холмы *Камбаса*. Далѣе дорога спускается (на 32-й в.) къ колодцамъ *Джидели-Кудукъ*. На западъ отсюда въ 7 вер. расположены барханы *Джидели-Конуры*. Переходъ трудный, такъ какъ есть сыпучіе пески; корма и воды достаточно. Далѣе путь продолжается песчаной степью, близъ восточнаго края песковъ, до колодца *Бартча-Кумъ-Кудукъ* (16 вер.); корма, топлива и воды здѣсь достаточно. Отъ нихъ близъ бархановъ дорога направляется къ могилѣ *Кызибека* (20 вер.), гдѣ въ котловинѣ находится нѣсколько копаней и колодезей съ довольно хорошей водой (1—2 арш. глубины); есть здѣсь камыши и карагайники. Отсюда путь идетъ на югъ, къ могилѣ *Илибай* и *Кужбанъ*, а отъ нихъ по пескамъ къ могилѣ *Кажи-Бежень* и далѣе къ могилѣ *Байбиче* (20 вер.); подножнаго корма здѣсь достаточно; вода имѣется въ колодцѣ; топливо—пометъ. Отъ Байбиче дорога идетъ песками къ могилѣ *Кумунагамъ*, затѣмъ къ могилѣ *Бзау* и по котловинѣ, на 22-й вер., входитъ въ ущелье высокихъ барханныхъ песковъ *Саменъ-Кумъ*, частью неподвижныхъ, но больше сыпучихъ. Ущелье весьма трудно для перехода: ноги животныхъ и колеса арбъ глубоко вязнутъ въ пескѣ. На 25-й верстѣ дорога выходитъ на широкую котловину, поросшую чіемъ и осокой, гдѣ находится могила *Саменъ*; здѣсь есть нѣсколько колодцевъ; вода въ нихъ иногда соленая; но, пройдя по пескамъ, утомленные верблюды и лошади охотно пьютъ эту воду и объѣдаютъ чій, баялычъ и осоку; люди также пьютъ воду, особенно съ крѣпкимъ чаемъ. Далѣе дорога идетъ по песчаной степи (гдѣ есть баялычъ и карагайникъ) и солонцамъ къ кол. *Табанъ-Кудукъ* (25 вер.); вода здѣсь горько-соленая, на глубинѣ 4 арш. (а потому загрязнена; въ ней попадаются даже трупы животныхъ); для употребленія необходимо воду кипятить; подножнаго корма и топлива мало. Къ югу дорога идетъ по песчаной котловинѣ съ зарослями саксаула, баялыча, карагайника, пересѣкаетъ два солончака и на 22-й верстѣ подходитъ къ сѣверной окраинѣ *Голодной степи*—довольно значительной (30 саж.) возвышенности, которая издали кажется почти отвѣсной стѣной, и зигзагами по логу поднимается на нее къ ключамъ *Кендерлыкъ* (25 вер.). Возвышенность имѣетъ глинистую почву (въ промоинахъ обнажены глинистые сланцы, а также красные и синіе слои глинъ съ раковинами). У ключей мѣстность довольно живописна, благодаря окружающимъ скаламъ и высокимъ утесамъ; подножнаго корма и топлива достаточно; вода—прѣсная, но мутная и ея немного; вблизи есть кустарниковыя заросли. На западъ отъ Кендерлыкскихъ ключей (верстахъ въ 10) есть урочище *Тамалы-Тасъ*. Здѣсь на высокомъ яру лежитъ большая глыба песчаника (до 3 куб. саж.), которая считается у киргизъ священ-

нымъ камнемъ; поверхность камня испещрена множествомъ іероглифовъ и киргизскими надписями; растущіе вблизи его кусты баялыча украшены цвѣтными лоскутами; можетъ быть здѣсь древніе жители приносили благодарственную жертву за счастливый переходъ черезъ пустыню и отмѣчали себя надписями на камнѣ. Невдалекѣ отсюда находится киргизское кладбище.

Отъ Кендерлыкскихъ ключей предстоитъ безводный 85-верстный переходъ черезъ Голодную степь къ колодцамъ *Чолакъ-Эспенмкъ-Кудукъ*. Мѣстность представляетъ безотрадную картину пустыни: повсюду глинистая, песчаная или галечная равнина, кое-гдѣ поросшая баялычемъ и полынью; кругомъ ничто не напоминаетъ о жизни, отсутствіе воды мѣшаетъ здѣсь держаться звѣрямъ и птицамъ; у Кендерлыкскихъ ключей можно въ послѣдній разъ увидѣть мелкихъ птичекъ и бульдуруковъ (рябки), а южнѣе—только у вышеназванныхъ колодцевъ. Первыя 55 верстъ тянется равнина. На 35-й верстѣ проходятъ мимо сухого кол. *Ногай-Кудукъ*, гдѣ одинъ благочестивый мусульманинъ далъ обѣтъ достать воду; въ настоящее время вырыто болѣе 16 саж., но воды еще не оказалось. На 60-й верстѣ мѣстность замѣтно понижается къ югу. На 66-й верстѣ дорога идетъ черезъ заросли саксаула и баялыча (тянущіяся къ востоку на 7 вер., въ ширину—до 6 вер.) къ могилѣ *Итаякъ*, а отъ нея уже къ кол. *Чолакъ-Эспенмкъ-Кудукъ* (85 вер.). Колодезь большой (1½ саж. въ діаметрѣ и 8 арш. глуб.), выложенъ саксауломъ и считается самымъ богатымъ по водѣ источникомъ въ пустынѣ; наполняется онъ водой быстро (5—6 час.) и до края; вода хорошая, особенно въ верхнихъ слояхъ. Отсюда путь идетъ близъ восточнаго края громаднаго, мѣстами вязкаго солонца *Ашъ-Казана*, затѣмъ спускается въ долину р. *Чу*, гдѣ по пескамъ идетъ до *Той-Уткульскаго* брода (28 вер.). Кормовыхъ травъ на пути почти нѣтъ, воды также. Перейдя рѣку (глуб. до 1 арш.), дорога поворачиваетъ на ю.-в., входитъ въ предѣлы Сырдарьинской области и черезъ пески *Коксе-Кумъ* соединяется съ вышеописаннымъ *Уванасскимъ* путемъ на кышлакъ *Сузакъ*. Всего отъ гор. Акмолинска до Сузака по *Кендерлыкскому* пути—827 верстъ, изъ нихъ по Голодной степи—118 верстъ.

Кромѣ вышеописанныхъ двухъ дорогъ черезъ Голодную степь въ предѣлахъ Акмолинской области другихъ дорогъ нѣтъ (съ востока на западъ ее не переѣзжаютъ). Есть еще нѣсколько побочныхъ тропъ, но по нимъ только опытный киргизъ рѣшится ѣхать и то въ случаѣ крайней нужды, такъ какъ разстоянія колодцевъ другъ отъ друга не менѣе 70—80 вер. (напр. *Чингильская* тропа и *Чганакъ-Казанская*).

Въ виду того, что переѣздъ по всѣмъ вышеописаннымъ караваннымъ путямъ не безопасенъ въ смыслѣ благополучнаго исхода для скота и даже для людей, не будетъ лишнимъ сообщить тѣ свѣдѣнія и условія, которыя необходимо имѣть въ виду при переѣздѣ черезъ пустыню и съ которыми всегда считаются опытные киргизы-проводники [1]. Слѣдуетъ выступать съ бивуака въ 2—3 часа дня; передъ тѣмъ возможно лучше выкормить и напоить животныхъ [2], итти во время зноя самымъ тихимъ шагомъ и только прибавлять его къ закату солнца; послѣ заката—итти ускореннымъ шагомъ до 10 час. веч.; въ 9—10 часовъ вечера сдѣлать привалъ, не развьючивая верблюдовъ и не разсѣдлывая лошадей (ночи въ пустынѣ холодныя); если есть вода (а ее лучше всегда захватывать въ собой), то дать ея немного конямъ. Послѣ отдыха слѣдуетъ усиливать постепенно ходъ каравана. На пути необходима осмотрительность, такъ какъ на сѣверныхъ и южныхъ окраинахъ Голодной степи ночью можно натолкнуться на киргизъ, неравнодушныхъ къ чужимъ лошадямъ Лучше итти всю ночь, пользуясь прохладой, сдѣлать на разсвѣтѣ стоянку и снова до 10 часовъ, послѣ чего сдѣлать стоянку на 4—5 часовъ. Въ общемъ лучше не дѣлать больше 12 часовъ ѣзды въ сутки. У колодцевъ необходимо предварительное изслѣдованіе воды; если есть возможность, то слѣдуетъ вычерпать (очистить) старую воду и дождаться свѣжей, такъ какъ старая вода служитъ нерѣдко причиной кровянаго поноса у животныхъ и даже у людей. Ѣдущимъ по Уванасскому пути лучше захватить съ собой воды въ *Быръ-Тюкенъ*, такъ какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ до самаго Сузака (200 вер.) нѣтъ сносной воды. Если колодцы вычерпаны или засорены, то черезъ 1—2 часа можно достать ее (во многихъ мѣстахъ) изъ новаго колодца или копани; почти всюду въ Голодной степи вода держится на глубинѣ 1—9 аршинъ.

---

[1]) По Шмидту и др.

[2]) Легче всего совершить переходъ на верблюдахъ; нѣсколько труднѣе—на лошадяхъ и весьма рискованно на рогатомъ скотѣ, для котораго трудно чайти въ пустынѣ кормъ.

Весной опасно ѣхать по солонцамъ близъ колодцевъ *Мій-Кайнары* и *Чубдаръ-Джуганъ* (по Уванаскому пути) и нѣкоторыхъ другихъ, такъ какъ почва котловинъ представляетъ тогда трясину, въ которой погибаютъ неосторожныя животныя. Большая непріятность грозитъ здѣсь каравану и въ концѣ лѣта; почва котловинъ высыхаетъ, рыхлѣетъ и образуетъ слой пудрета въ аршинъ (изъ перегнойнаго матеріала, извержений скота и солей почвъ). Стоитъ лишь подняться слабому вихрю, чтобы эта пышная масса поднялась смерчемъ, отъ котораго бѣгутъ люди и животныя, такъ какъ частицы такой соленой пыли попадаютъ въ горло и въ поры тѣла, засоряютъ глаза, производя при этомъ воспаленіе и зудъ всего тѣла. По щебнистымъ мѣстамъ верблюды часто стираютъ копыта и хромаютъ, вслѣдствіе чего необходимо обвязывать копыта кошмой (войлокомъ). По всѣмъ караваннымъ дорогамъ разсчитывать на добычу (птицъ и животныхъ) нельзя: на сѣверной окраинѣ пустыни можно въ послѣдній разъ поохотиться на птицъ (въ западной части и на кабановъ). Только идущимъ по каркаралинскимъ путямъ можно достать на р. Чу вкусную рыбу (жерехъ, щука, тальменъ, сомъ). Разсчитывать на атмосферную влагу лѣтомъ также нельзя, хотя неопытнаго путника и могутъ ввести въ заблужденіе дождевыя тучи. Онѣ появляются иногда надъ пустыней и сопровождаются всѣми прелюдіями большихъ дождей: гремитъ громъ, сверкаетъ молнія, несутся порывы сильнаго вѣтра, поднимаютъ тучи песка и столбы смерчей; видны наконецъ полосы спускающагося дождя, но караванъ можетъ быть спокоенъ: до него долетятъ только рѣдкія капли воды; вся же остальная масса дождя, попавъ въ сухую атмосферу пустыни, испаряется. Миражъ—явленіе здѣсь обыкновенное и имѣетъ свою пользу: изнуренныя знаемъ животныя, завидѣвъ тѣнистыя рощи деревьевъ (которыя оказывается обыкновенно кустами баяльча) и водные бассейны (сухіе солонцы), ободряются и прибавляютъ шагу. Для геолога пустыня представляетъ большой интересъ на сѣверо-западной окраинѣ и по южной границѣ; здѣсь много прекрасныхъ обнаженій различныхъ глинъ и другихъ горныхъ породъ.

Въ настоящее время караванныя дороги хотя и менѣе оживлены торговыми караванами, но переѣзды киргизъ, разнаго рода промышленниковъ, а въ послѣднее время даже крестьянъ-переселенцевъ не составляютъ рѣдкаго исключенія. Въ началѣ весны пустыня оживаетъ отъ передвиженія киргизъ съ р. Чу на лѣтовки (джайляу) въ верховья р. Сары-Су; осенью передъ снѣгомъ тѣ же киргизы перекочевываютъ обратно. Зимой пускаться по Голодной степи болѣе опасно: голодедица бываетъ весьма часто и если застанетъ караванъ въ пути, положеніе его будетъ безвыходнымъ.

Ознакомившись съ главнѣйшими путями и наиболѣе замѣчательными мѣстностями южной части Акмолинской области, мы возвращаемся къ г. *Петропавловску*, съ котораго начали нашъ обзоръ.

На ю.-в. выходитъ изъ Петропавловска степной караванный путь; по нему въ концѣ 1890-хъ годовъ были основаны крестьянскія деревни *Григорьевская*, *Полтавская* и *Новороссійская* (въ сторонѣ—д. *Борки* и *Ивановка*). По этой дорогѣ въ 100 верстахъ отъ Петропавловска лежитъ урочище *Таинчи*, на которомъ происходитъ лѣтомъ киргизская ярмарка *Таинчикульская* или *Таинчинская*—одна изъ значительныхъ въ степи: обороты ея достигаютъ 1.400 тыс. руб.; главный предметъ торга—киргизскій окотъ и его продукты въ обмѣнъ на фабричныя издѣлія (мануфактурныя, металлическія и др.). Сюда съѣзжаются не только изъ Акмолинской обл., но и изъ Европейской Россіи и Ташкента.

Отсюда эта дорога идетъ на югъ и въ сѣверной части Акмолинскаго уѣзда совпадаетъ съ земскимъ трактомъ.

Западно-Сибирская желѣзная дорога изъ Петропавловска направляется на востокъ и до Омска идетъ параллельно старинному тракту по *Горькой* линіи (временами пересѣкая его, т. е. оставляя то по правую, то по лѣвую сторону отъ себя). Поэтому названный трактъ мы разсмотримъ совмѣстно съ желѣзной дорогой.

Выйдя изъ Петропавловска, желѣзный путь на полупути къ первой своей станціи оставляетъ къ югу отъ себя верстахъ въ 10 на Горькой линіи поселокъ *Плоскій* (25 вер. отъ Петропавловска), имѣющій до 620 жителей, часовню, школу и земскую станцію.

Первая за Петропавловскомъ желѣзнодорожная станція *Токуши*

(522 версты отъ Челябинска) находится въ ровной мѣстности, окружен ной болотами и озерами и покрытой березовыми рощами. Станція отправляетъ земледѣльческіе и скотоводческіе продукты; въ 1900 г. отправлено было до 20 тыс. пуд. Недалеко отъ станціи расположенъ поселокъ *Токуши* съ 325 жителями, школой, часовней, хлѣбнымъ магазиномъ и 6 мельницами.

Къ югу отъ Токушей, верстахъ въ 10, на Горькой линіи лежитъ небольшой поселокъ *Камышловскій*.

Вер. въ 12 за Токушами желѣзный путь достигаетъ разъѣзда *Полуденнаго*, гдѣ и пересѣкаетъ трактъ Горькой линіи близъ одноименной станицы. Эта станица, расположенная при оз. *Питномъ*, основана въ 1755 г., при образованіи Ишимской линіи. Съ 1830 г. въ ней существуетъ школа. Кромѣ того станица имѣетъ церковь, станичное управленіе, суконный и оружейный склады, хлѣбный магазинъ, кузницы и вѣтряныя мельницы. Жителей здѣсь болѣе 700.

Къ этой станицѣ причислена *Полуденская* киргизская волость, расположенная къ югу отъ желѣзной дороги, съ 703.600 десятинъ земли, 7 аулами и 1.161 кибитками. Всего киргизъ въ этой волости считается 6.700 человѣкъ. На 1 кибитку здѣсь приходится 606 десятинъ земли, на 1 душу населенія—105,6 дес. Киргизы обладаютъ 6.545 лошадями, 2.100 головъ крупнаго скота, 6.060 овцами и 260 козами.

За Полуденной желѣзный путь вер. въ 18 достигаетъ разъѣзда *Ганькина*, близъ одноименнаго поселка—одного изъ бѣднѣйшихъ въ здѣшнемъ казачьемъ войскѣ.

За Ганькинымъ, на 567-й верстѣ отъ Челябинска и въ разстояніи 77 верстъ отъ станціи Петропавловска лежитъ станція *Медвѣжья*, грузящая преимущественно земледѣльческіе и скотоводческіе продукты.

Въ 3 верстахъ къ югу отъ станціи лежитъ поселокъ того же имени, который имѣетъ до 400 жителей обоего пола. Въ поселкѣ есть школа, часовня, 5 мельницъ, кузница и хлѣбный магазинъ. Въ ближайшемъ къ нему поселкѣ *Кожевовъ* (350 ж.) есть нѣсколько маслодѣльныхъ заводовъ, доставляющихъ до 10—13 тыс. пудовъ масла.

Вер. въ 20 за Медвѣжьей на желѣзномъ пути расположенъ разъѣздъ *Чистый* близъ небольшого одноименнаго поселка.

Отсюда трактъ Горькой линіи уклоняется къ сѣверу—на станицу *Лебяжью* (16 вер.), основанную въ 1755 г. и имѣющую до 800 жит., деревянную церковь, станичное училище, церковно-приходскую школу, 15 мельницъ, нѣсколько лавокъ (въ томъ числѣ казенную винную), сборный домъ, хлѣбный магазинъ и общественную маслодѣльню. Съ 1 по 8 ноября въ станицѣ Лебяжьей бываетъ Козьминская ярмарка съ оборотомъ до 20 тыс. руб. У станицы до сихъ поръ сохранились рвы и валы – остатки бывшаго укрѣпленія.

На разстояніи 7—40 верстъ отъ Лебяжьей находится система горько-соленыхъ озеръ, извѣстная подъ именемъ *Камышловскихъ* и *Лебяженскихъ*. Въ сухіе года въ нихъ садится соль, но горькая, почему и не служитъ предметомъ добычи.

За разъѣздомъ Чистымъ верстахъ въ 22 желѣзная дорога входитъ изъ предѣловъ Петропавловскаго уѣзда въ Омскій.

Петропавловскій уѣздъ занимаетъ 60.953 кв. в., изъ которыхъ 45.250 кв. в. принадлежитъ киргизамъ. Въ естественномъ отношеніи уѣздъ представляетъ двѣ нѣсколько различныхъ полосы—сѣверную черноземную и лѣсо-степную и южную—степную (не лишенную впрочемъ черноземныхъ участковъ). Населенія осѣдлаго 83.260 чел.; изъ нихъ казаковъ 42.940 чел. и 40.320 крестьянъ; первые живутъ въ 6 станицахъ и 46 поселкахъ, вторые—въ 13 волостяхъ и 43 деревняхъ. Кочевого населенія—68.210 чел., которое составляетъ 8 волостей, 69 ауловъ и 12.160 кибитокъ (юртъ). Главное занятіе жителей—земледѣліе и скотоводство. Въ 1900 г. казаками посѣяно было 245.700 пуд. зернового хлѣба, крестьянами—155.700 пуд. и кир-

гизами—до 55 т. пуд. Скота у осѣдлаго населенія было 385.820 штукъ; изъ нихъ 205.425 штукъ у киргизъ (въ томъ числѣ до 123 тыс. крупнаго). Промышленность развита мало и сосредоточена болѣе всего близъ г. Петропавловска. Въ уѣздѣ существуетъ 201 промышленное заведеніе съ 455 раб. и производствомъ на 461.175 р. Значительныхъ поселеній въ уѣздѣ нѣтъ. Казачье населеніе занимаетъ полосу земли по линіи желѣзной дороги, лѣвому берегу Ишима и на западъ до Оренбургской губерніи. Крестьянскія селенія разбросаны по правому берегу р. Ишима и по сѣверной полосѣ уѣзда, примыкающей къ казачьей землѣ. Для переселенія уѣздъ нынѣ закрытъ.

Слѣдующая станція желѣзнаго пути *Исиль-Куль* (616 в. отъ Челябинска) есть важнѣйшая между Петропавловскомъ и Омскомъ. Расположена она при озерѣ того-же имени. При станціи есть церковно-приходская школа и деревянная церковь. Въ 1898 г. станція отправила болѣе 70 тыс. пуд. грузовъ, изъ нихъ около 50 тыс. пуд. хлѣба, а въ 1900 г. общая отправка станціи достигла 109 тыс. пуд. У станціи образовался уже значительный поселокъ. Эта, а также и всѣ слѣдующія станціи до Омска имѣютъ колодезную горькосоленую воду.

Верстахъ въ 13 къ сѣверу отъ Исиль-Куля, на трактѣ Горькой линіи лежитъ небольшой, бѣдный поселокъ *Лосевскій*.

За ст. Исиль-Кулемъ желѣзный путь оставляетъ къ югу селеніе *Городище* (750 душъ обоего пола), расположенное почти у самой линіи желѣзной дороги и населенное преимущественно переселенцами изъ Пензенской губерніи. Селеніе особенно начало заселяться съ 1895 года.

Далѣе, верстахъ въ 25 отъ Исиль-Куля желѣзная дорога оставляетъ къ сѣверу, верстахъ въ 10, на трактѣ Горькой линіи зажиточную казачью станицу *Николаевскую*, имѣющую болѣе тысячи жителей, мужскую и женскую казачьи и церковно-приходскую школы, деревянную церковь, станичное управленіе, два хлѣбныхъ магазина, оружейный и пороховой склады, 20 мельницъ, два салотопленныхъ завода, нѣсколько маслодѣленъ, лавокъ и 2 кузницы. Въ станицѣ бываютъ двѣ ярмарки: первая—Симеоновская—съ 1 по 6 сентября и вторая—Христорождественская—съ 25 декабря по 1 января (оборотъ достигаетъ 180—200 тыс. руб.). Эти обѣ ярмарки принадлежатъ къ такъ называемымъ „осеннимъ ярмаркамъ", на которыхъ происходитъ обмѣнъ между киргизами, вернувшимися съ лѣтнихъ пастбищъ на зимовки, и казаками, а также пріѣзжими скупщиками скота и сала. Киргизы доставляютъ на ярмарки избытокъ скота и различныя кустарныя издѣлія (кошмы и пр.), вымѣнивая ихъ на мануфактурныя, металлическія издѣлія и хлѣбъ.

Слѣдующая станція желѣзнаго пути—*Кочубаево* (на 657-й в. отъ Челябинска). На станцію доставляются главнымъ образомъ: мясо, сало, дрова и хлѣбъ; въ 1900 г. станція отправила до 58 тыс. пуд. груза.

Вблизи станціи находятся два небольшихъ казачьихъ поселка—*Волчій* и *Покровскій* и нѣсколько недавно основанныхъ крестьянскихъ поселковъ (*Степокъ*, *Инсарка*, *Москаленка* и другіе)—всѣ, за исключеніемъ Волчьяго, къ югу отъ желѣзной дороги. Жители этимъ поселковъ занимаются земледѣліемъ; здѣсь-же на арендованныхъ участкахъ уже третій годъ разводятся крестьянами Таврической губ. тонкорунныя овцы.

До пос. *Курганскаго*, расположеннаго близъ полотна желѣзной дорогу, отъ ст. Кочубаева (на протяженіи почти 40 вер.) желѣзный путь идетъ рядомъ съ трактомъ Горькой линіи, а отъ Курганскаго этотъ трактъ снова нѣсколько уклоняется къ сѣверу.

Вблизи поселка Курганскаго встрѣчаются древніе курганы и остатки прежнихъ укрѣпленій—рвы и валы.

На 699-й в. отъ Челябинска находится на желѣзномъ пути станція *Маріановка*, отправившая въ 1900 г. до 58 тыс. пуд. различныхъ грузовъ.

Между Маріановкой и Омскомъ желѣзный путь оставляетъ къ сѣверу, на трактѣ Горькой линіи въ 6—10 верстахъ поселки *Степной* и *Мельничный*, лежащіе

на берегу нынѣ высохшей р. *Камышловки*, впадающей въ Иртышъ, въ которой Палласъ засталъ еще слабое теченіе. Оба они представляютъ собою небольшія, бѣдныя поселенія; жители ихъ—казаки—занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

На 741-й верстѣ отъ Челябинска по желѣзнодорожной линіи находится *Омскій постъ* — одинокій станціонный домъ въ 2 вер. отъ Иртыша; отъ поста идетъ желѣзнодорожная вѣтвь къ берегу рѣки, соединяющая каменноугольную и лѣсную пристань, лѣсопильный и шпалопропиточный заводъ (устроенные для нуждъ желѣзной дороги). Вблизи поста находится паровая мельница Ременникова, вырабатывающая до 500 тыс. пуд., и кирпичный заводъ; за нимъ расположенъ небольшой нѣмецкій хуторъ, населенный баптистами. Отъ поста желѣзнодорожный путь идетъ къ р. *Иртышу*, переходитъ его большимъ желѣзнымъ мостомъ (шесть пролетовъ рѣчныхъ и два береговыхъ), длиной въ 322 саж.; у береговъ идутъ два мола, съуживающіе рѣку на 28 саж. Перейдя мостъ, желѣзная дорога подходитъ къ станціи *Омскъ*.

Станція Омскъ представляетъ собою самую большую станцію Западно-Сибирской желѣзной дороги. Пассажирское зданіе—небольшое, но довольно красивой архитектуры. Около вокзала находятся главныя (на всемъ участкѣ) мастерскія, желѣзнодорожный складъ, обширное паровозное депо, вагонныя мастерскія, больница и жилые дома—въ числѣ 51—для служащихъ на желѣзной дорогѣ; все это составляетъ какъ-бы отдѣльный городокъ. Противъ вокзала на границѣ съ казачьимъ селеніемъ *Атаманскимъ* хуторомъ находится каменная церковь. Церковь освѣщается электричествомъ (какъ и большинство другихъ желѣзнодорожныхъ зданій). Около церкви расположено большое зданіе двухкласснаго начальнаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія для дѣтей обоего пола, содержащагося на средства желѣзной дороги; зала его служитъ театральнымъ помѣщеніемъ для желѣзнодорожной публики. Иногда въ немъ происходятъ чтенія для взрослыхъ. Кромѣ того при станціи имѣется церковно-приходская школа для дѣвочекъ, общественная библіотека и желѣзнодорожное техническое училище. Часть селенія, лежащая на берегу Иртыша у ж.-д. моста, является самой бѣдной населенной рабочимъ людомъ и босяками; называется она „*Черный городокъ*“.

На станціи Омскъ общее протяженіе желѣзнодорожныхъ путей равняется болѣе чѣмъ 20 верстамъ.

На расположенныхъ близъ станціи Омскъ казачьихъ земляхъ выросъ „*Царскій*“ казачій поселокъ (или Атаманскій хуторъ), небольшіе домики котораго служатъ чаще квартирами для служащихъ на желѣзной дорогѣ и станціонныхъ торговцевъ и ремесленниковъ. Образованіе поселка относится къ 1898 г., когда съ основаніемъ станціи выгоды поселенія стали очевидны для хозяевъ, а особенно послѣ того, какъ городъ сталъ требовать съ казаковъ городскіе налоги; большинство казаковъ распродалось и перебхало на это мѣсто (какъ принадлежащее имъ). Теперь Царскій или Атаманскій хуторъ — большое и шумное селеніе съ хорошими домами, богатыми лавками, пивными и пр. Въ поселкѣ находится маслодѣлательный заводъ „Довборы“ (лаки, краски, олифа и проч.), вырабатывающій до 40 тыс. пуд., большая паровая мельница „Санте“, вырабатывающая до 1 милл. пуд. муки и нѣсколько кирпичныхъ заводовъ; недавно построены здѣсь также бойня и заводъ мясныхъ консервовъ. Общее населеніе какъ Царскаго поселка, такъ и желѣзнодорожнаго достигаетъ 8 тысячъ жителей.

Отъ станціи Омскъ къ городу идетъ вѣтвь длиною въ 3½ версты, служащая для перевозки пассажировъ и мастеровыхъ.

Въ 1½ вер. отъ станціи находится переселенческій врачебно-питательный пунктъ съ бараками на 1.500 человѣкъ; здѣсь въ самый разгаръ переселенія скопляется болѣе 3.000 переселенцевъ, которые отсюда расходятся ва Омскій и Акмолинскій уѣзды, а также въ юго-восточную часть Тобольской губерніи (уѣзды Тюкалинскій и Тарскій) и Семирѣченскую область. Здѣсь же находятся склады сельскохозяйственныхъ орудій и лѣсныхъ матеріаловъ.

Омскъ расположенъ на правомъ берегу р. *Иртыша* при впаденіи въ нее р. *Оми*, на высотѣ надъ уровнемъ моря 261 футъ.

Основавъ городъ въ 1716 году подполковникомъ Бухгольцемъ. До этого времени самымъ крайнимъ русскимъ поселеніемъ на западъ отъ Тобольска по Иртышу была основанная въ 1670 году слобода Чернолуцкая. Рѣшеніе проникнуть далѣе вглубь степи по рѣкѣ Иртышу съ тѣмъ, чтобы прочно обосноваться тамъ, принадлежитъ первому сибирскому губернатору кн. Матв. Петр. Гагарину (о которомъ см. также „Россія", т. II, стр. 293). Въ 1714 году онъ донесъ Петру Великому, что при джунгарскомъ городѣ Эркети (Яркендѣ), доплыть до котораго по р. Иртышу будто бы можно въ 2½ мѣсяца, находятся богатыя золотыя розсыпи, и предложилъ отправить туда военную экспедицію, которая завладѣла бы г. Яркендомъ и положила около него начало русской золотопромышленности. Чтобы обезпечить путь отъ слободы Чернолуцкой до г. Яркенда, кн. Гагаринъ предлагалъ при этомъ построить по р. Иртышу рядъ крѣпостей и другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Петръ Великій, готовившійся въ то время вступить въ Финскомъ заливѣ въ столкновеніе со шведами, согласился на предложеніе кн. Гагарина и 22 мая 1714 г. собственноручно предписалъ: „построить городъ у Ямышева озера и итти далѣе до города Эркети и искать онымъ овладѣть". Въ томъ же 1714 г. была сформирована подъ начальствомъ подполковника Бухгольца экспедиція, которая въ іюлѣ 1715 г. въ составѣ 2.932 человѣкъ со штабомъ изъ русскихъ и плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ, знакомыхъ съ инженернымъ, артиллерійскимъ и горнымъ искусствами, на 32 досчаникахъ и 27 лодкахъ отправилась изъ Тобольска вверхъ по Иртышу. Достигнувъ „Эркети" и найти тамъ золотое руно этимъ первымъ сибирскимъ аргонавтамъ однакоже не удалось. Къ 1 окт. 1715 года они успѣли доплыть только до Ямышевскихъ озеръ и остались здѣсь зимовать, заложивъ подъ руководствомъ артиллерійскаго поручика Каландера въ 6 вер. отъ Иртыша, при рѣчкѣ *Прыскужѣ* Ямышевскую крѣпость—нынѣ поселокъ Ямышевскій. Проникнуть въ Яркендъ рѣшено было въ слѣдующемъ году. Движеніе русскаго отряда, разумѣется, не могло остаться незамѣтнымъ и непонятнымъ для тогдашнихъ обитателей прииртышскихъ степей — джунгаръ. Какъ того и слѣдовало ожидать, они рѣшили положить ему предѣлъ. Джунгарскій ханъ Цеванъ-Рабданъ, узнавъ о постройкѣ Ямышевской крѣпости, отправилъ для вытѣсненія Бухгольца изъ своихъ предѣловъ 10.000 войска подъ предводительствомъ своего двоюроднаго брата Церенъ-Дондука. Церенъ-Дондукъ окружилъ Ямышевскую крѣпость и прервалъ съ нею всякое сообщеніе. Послѣ двухмѣсячной осады, потерявъ вслѣдствіе повальныхъ болѣзней около ¾ своего отряда, Бухгольцъ принужденъ былъ срыть возведенное имъ укрѣпленіе и на уцѣлѣвшихъ 18 досчаникахъ отплыть обратно, внизъ по теченію р. Иртыша. Не доплывъ 50 верстъ до слободы Чернолуцкой, онъ остановился при устьѣ р. Оми и на лѣвомъ берегу ея, съ разрѣшенія кн. Гагарина, заложилъ *Омскую* крѣпость. Крѣпость эта, находясь на рубежѣ двухъ степей—Киргизской, разстилающейся за Иртышемъ и населенной тогда киргизъ-кайсаками, и Барабинской, лежащей между берегами рѣкъ Иртыша и Оми и принадлежавшей Джунгарскому царству (калмыкамъ), сыграла для завоевателей степи весьма важную роль, сначала какъ операціонная база при послѣдующихъ походахъ вверхъ по р. Иртышу, а потомъ—какъ хорошо укрѣпленный пунктъ вообще для усиленія русскаго вліянія въ степи. Вначалѣ она представляла изъ себя не болѣе какъ укрѣпленный лагерь, состоявшій изъ пяти бастіоновъ, связанныхъ между собою частоколомъ, рогатками и небольшимъ рвомъ, внутри которыхъ были выстроены деревянная церковь (на мѣстѣ ея находится нынѣ Ильинская церковь), комендантскій домъ, гауптвахта, домъ для инвалидовъ пограничной линіи и церковь шведскихъ плѣнниковъ. Крѣпость эта послужила зерномъ для развитія города, являющагося въ настоящее время центромъ административнаго управленія восточною частью Киргизскаго края. Развитіе новаго поселенія шло однако довольно медленно. По свѣдѣніямъ 1725 г., населеніе Омска опредѣлялось только цыфрой 992 человѣка, а, по свѣдѣніямъ 1742 г.,—1.092 чел. Населеніе крѣпости, какъ говоритъ въ своей „Исторической хроникѣ Омска" И. Слов-

ПЛАНЪ
Г. ОМСКА
Острогъ
Въ Кайнскъ
Р. Омь
Р. Иртышъ
Изъ Мельничной
Склады
Ипподромъ
Лагери
Санитарн. ст.
Пересыл. пунктъ
Въ Томскъ
Атаманскій хуторъ
ж. д. ст. Омскъ
Изъ Челябинска
Въ Павлодаръ
Лѣсные склады
Масштабъ
0 125 250с 1 2 верс.

цовъ, „состояло изъ казаковъ, свободныхъ переселенцевъ, купцовъ и такъ называемыхъ въ то время „подлыхъ людей“ (сосланныхъ за различныя преступленія и наказанныхъ кнутомъ). Въ настоящее время отъ этой первоначальной крѣпости не осталось никакихъ слѣдовъ: на ея мѣстѣ находятся Слободской и частью Ильинскій форштадты (части города). Въ 1765 г. (по Палласу въ 1768 г.) вмѣсто нея начальникомъ пограничной стражи ген. Ширингеромъ, сдѣлавшимъ Омскъ своей резиденціей, была построена уже на правомъ берегу Оми и Иртыша (въ углу, ограничиваемомъ этими рѣками) новая крѣпость по системѣ инженера Вобана („по новымъ архитектуры правиламъ“, какъ пишетъ Палласъ), съ глубокимъ рвомъ, съ пятью бастіонами, связанными земляными валомъ, и съ четырьмя прочными каменными воротами (выстроенными впрочемъ нѣсколько позже).

Съ 1872 по 1882 годъ Омскъ былъ попеременно то уѣздными или заштатнымъ городомъ Тобольской губерніи, то областнымъ Омской области (съ 1822 по 1838 годъ), заключавшей въ себѣ всѣ уѣзды теперешнихъ Акмолинской и Семипалатинской областей, и только въ 1882 году, съ учрежденіемъ въ Западной Сибири Степного генералъ-губернаторства, онъ былъ сдѣланъ областнымъ городомъ Акмолинской области и административнымъ центромъ всего Степного края (Акмолинская и Семипалатинская области).

Въ настоящее время Омскъ является довольно большимъ (третьимъ по населенности) городомъ Сибири (52 тысячи жителей въ 1900 г.). Главную массу его населенія составляютъ: мѣщане (43%), дворяне и чиновники (23,7%), нижніе воинскіе чины и ихъ семейства (15%), крестьяне (11,5%) и казаки (2,8%). Широкою полосою (отъ 1 до 2½ вер.) онъ тянется версты на 4 по правому берегу *Иртыша* и рѣкою *Омью* разсѣкается на двѣ приблизительно равныя части. Дома—преимущественно деревянные; каменные преобладаютъ только въ центрѣ города. Наиболѣе выдающіяся зданія—сибирскій кадетскій корпусъ, помѣщеніе войскового хозяйственнаго правленія, дворецъ генералъ-губернатора, помѣщеніе 1-го сибирскаго артиллерійскаго дивизіона (бывшая казачья суконная фабрика, на которой работали между прочимъ ссылаемые въ Сибирь преступники), рядъ магазиновъ по Любинскому проспекту (изъ нихъ лучшій—Шаниной), каѳедральный соборъ, помѣщеніе интендантства, областного правленія, казенной палаты и др.; за городомъ находится четырехъэтажное зданіе городской тюрьмы. Въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи Омскъ занимаетъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ. Мостовыхъ или шоссе въ городѣ нѣтъ и поэтому весной и осенью во время дождей образуется непролазная грязь, переходящая въ нѣкоторыхъ частяхъ города въ непроходимую и непроѣздную трясину. А лѣтомъ даже отъ небольшого сравнительно вѣтерка поднимаются такія облака и тучи пыли, что образуютъ на нѣкоторыхъ площадяхъ и улицахъ города ряды песчаныхъ дюнъ, и въ это время невозможно пробыть на улицѣ и часу. Высокія грунтовыя воды, отсутствіе канализаціи и водопровода, самая первобытная система выгребовъ, соръ и всеобщая нечистота на улицахъ и площадяхъ, сильная загрязненность питьевыхъ водъ сточными нечистотами (изъ бань)—все это создаетъ въ немъ очень высокую степень заболѣваемости и смертности (особенно распространены здѣсь дѣтскія болѣзни); между тѣмъ медицинская помощь поставлена неудовлетворительно: на весь городъ имѣется одна больница на 30 кроватей и одинъ городской врачъ. Недавно медицинское общество открыло безплатную лѣчебницу. Садовъ очень немного: общественныхъ только 3 (если не считать садъ около „дворца“, находящійся въ исключительномъ пользованіи генералъ-губернатора); изъ нихъ только одинъ дѣтскій садъ можно назвать болѣе удачнымъ,

а остальные малоустроены и небогаты растительностью. Уличное освѣщеніе (керосиновое, причемъ въ центрѣ есть нѣсколько галкинскихъ фонарей)—плохое и рѣдкое, особенно въ удаленныхъ отъ центра улицахъ, такъ что ночью городъ погруженъ большей частью въ глубокую тьму.

Въ настоящее время Омскъ является сосредоточіемъ множества правительственныхъ учрежденій, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ; здѣсь находится управленіе степного генералъ-губернатора и всѣ учрежденія Сибирскаго округа (штабъ, судъ, интендантство, артиллерійское управленіе и пр.). Въ Омскѣ есть три среднихъ учебныхъ заведенія—кадетскій корпусъ, мужская и женская гимназіи, четыре спеціальныхъ—учительская семинарія, низшее механико-техническое училище съ ремесленной школой, низшее техническое желѣзнодорожное училище, центральная (мужская) фельдшерская школа и нѣсколько низшихъ учебныхъ заведеній: женская прогимназія, городское пятиклассное училище, пансіонъ для киргизскихъ и русскихъ дѣтей, 7 мужскихъ школъ, 5 женскихъ, одна смѣшанная школа, профессіональная, четыре церковно-приходскихъ. Всего (въ 1900 г.), въ Омскѣ имѣется 31 учебное заведеніе съ 3.850 учащимися. Въ городѣ также много различнаго рода общественныхъ учрежденій. Наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ: Западно-Сибирскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества съ музеемъ и библіотекой и Общество попеченія о начальномъ образованіи, имѣющее нѣсколько своихъ школъ и публичную библіотеку; кромѣ того—Медицинское общество (при есть немъ лабораторія и бактеріологическій кабинетъ), Вольное пожарное общество, Омскій отдѣлъ Московскаго Сельскохозяйственнаго Общества, отдѣленіе Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, Общество вспомоществованія учащимъ и учившимъ Акмолинской обл. (съ педагогическимъ музеемъ), Общество правильной охоты, Общество конскаго бѣга, Общество любителей драматическаго искусства, Общество приказчиковъ и нѣсколько другихъ. Всѣхъ обществъ считается здѣсь до 35. Съ 1893 года въ Омскѣ издается газета „Степной Край“; при областномъ правленіи издается офиціальная газета „Акмолинскія Областныя Вѣдомости“ и „Сельскохозяйственный Листокъ“, какъ приложеніе къ ней, преобразованный въ 1902 г. изъ „Киргизской Газеты“; духовное вѣдомство издаетъ „Епархіальныя Вѣдомости“.

Географическое, Медицинское и Сельскохозяйственное общества издаютъ ежегодно свои „Труды“. Другія общества издаютъ свои годовые отчеты. Общественныхъ библіотекъ въ городѣ три: библіотека Общества попеченія о начальномъ образованіи (имѣющая наибольшее количество подписчиковъ), казачья и одна частная библіотека. Кромѣ того библіотеки имѣются при многихъ обществахъ (лучшая библіотека въ Географическомъ Отдѣлѣ). Кромѣ спектаклей драматической или оперной труппы (пріѣзжающей на сезонъ) въ помѣщеніи цирка, приспособленнаго для театральныхъ представленій, устраиваются порой мѣстнымъ музыкальнымъ обществомъ или проѣзжающими черезъ Омскъ артистами концерты въ помѣщеніи Гражданскаго и Военнаго Собранія.

Въ торгово-промышленномъ отношеніи Омскъ до самаго послѣдняго времени игралъ незначительную роль сравнительно съ другими большими городами Западной Сибири. Въ городѣ есть двѣ ярмарки, но

большого, даже областнаго значенія онѣ не имѣютъ (оборотъ ихъ, достигаетъ около 200 т. руб.). Мѣстная торговля, сравнительно, напр., съ Иркутскомъ и Томскомъ,—незначительна. Торговыхъ заведеній въ Омскѣ было въ 1900 г. 800 съ годовымъ оборотомъ торговли въ $3^1/_2$ милл. р. Съ каждымъ годомъ (въ особенности послѣ проведенія Сибирской ж. д.) торговля въ городѣ расширяется, и городъ замѣтно оживаетъ, становится неузнаваемъ. Этимъ онъ обязанъ своему выгодному положенію у пересѣченія желѣзнодорожнаго пути воднымъ, которое дѣлаетъ его главнымъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, идущихъ изъ восточной части Киргизскаго края, западнаго Алтая и прилегающихъ хлѣбородныхъ мѣстъ Тобольской и Томской губ. на русскіе и заграничные рынки, а оттуда фабричныхъ издѣлій—на мѣстные. О размѣрахъ этого грузооборота можно судить отчасти по даннымъ Омской желѣзнодорожной станціи. Въ 1899 г. она отправила 1.072 тыс. пуд., въ 1900 г.—1.268 т. пуд.; прибыло же грузовъ—въ 1899 г.—1.097 тыс. пуд., а въ 1900 г.—2.778 тыс. пуд.; такимъ образомъ по числу груза эта станція занимаетъ второе мѣсто послѣ Иркутска на всей Сибирской желѣзной дорогѣ. Промышленное значеніе города съ проведеніемъ желѣзной дороги также возросло. Въ немъ находится большая табачная фабрика Серебрякова съ производствомъ на 200 тыс. руб., три паровыхъ мукомольни (производящія на 143.700 т. р.), 29 кирпичныхъ заводовъ (производящіе на 125 тыс. руб.), два пивомедоваренныхъ—на 48 т. р., два заведенія минеральныхъ водъ (19 т. р.), два восково-свѣчныхъ (на 53 т. р.), четыре салотопенныхъ (на 42 т. р.), четыре мыловаренныхъ (на 11 т. р.), небольшой чугунолитейный (на 10 т. р.), винокуренные, дрожжевые, пряничные, лѣсопильные; кузницы, слесарныя мастерскія и проч.; всего же 113 фабрикъ и заводовъ съ общей производительностью въ 1.181.400 руб., при 870 рабочихъ. Въ скоромъ времени извѣстныя московскія фирмы Морозова, Цинделя и др. открываютъ здѣсь свои склады.

Въ городѣ имѣются три частныхъ типографіи (при двухъ существуютъ литографіи) и двѣ казенныхъ (также съ литографіями), литографія и картографическое заведеніе при Военно-Топографическомъ Отдѣлѣ и наконецъ пять фотографій. Городской доходъ въ 1900 г. достигалъ почти 236.000 р.

Въ городѣ существуютъ три склада земледѣльческихъ орудій и машинъ и десятка полтора конторъ разныхъ фирмъ (преимущественно датскихъ), экспортирующихъ главнымъ образомъ сибирское сливочное масло и вмѣстѣ съ тѣмъ продающихъ сельскохозяйственныя машины. Благодаря улучшившимся послѣ проведенія Сибирской желѣзной дороги условіямъ транспорта Омскъ сталъ выбрасывать на россійскіе рынки за послѣднее время довольно большое количество сырья—преимущественно продуктовъ животноводства.

Въ городѣ есть пять банковъ, городской ломбардъ, три транспортныхъ конторы и нѣсколько обществъ страхованія жизни, доходовъ и капиталовъ, страхованія отъ огня, смерти, несчастныхъ случаевъ и проч. Гостинницъ и „номеровъ для пріѣзжихъ“ нѣсколько; изъ нихъ лучшія—гостинница Зайцева, „Столичные“ и „Коммерческіе номера“.

Центральная часть города начинается съ *Никольской* площади, куда выходятъ лучшія зданія города—громадный *кадетскій корпусъ, артиллерійскій дивизіонъ, казачье управленіе, управленіе 2-го казачьяго Отдѣла,*

ОМСКЪ. 1) Рѣка Омь. 2) Кадетскій корпусъ. 3) Казачья площадь и Никольская церковь. 4) Кафедральный соборъ. 5) Центральная часть города. 6) Крѣпость.

войсковая библіотека, сибирскій торговый банкъ, гражданское собраніе, красивый католическій костелъ, гостинница Щепановскаго (прежде она называлась „гостинницей для знатныхъ иностранцевъ", такъ какъ въ ней мѣстная администрація принимала пріѣзжавшихъ почетныхъ гостей и киргизскихъ султановъ). На площади стоитъ *Никольская* (казачья) церковь, въ которой хранится знамя, принадлежавшее, по преданію, Ермаку. На эту площадь выходитъ главная улица—*Дворцовая;* на ней находится лучшая гостинница и ресторанъ въ городѣ—Зайцева. Далѣе улица переходитъ въ *Чернавинскій* проспектъ, на который выходятъ рядъ магазиновъ и небольшой садъ, противъ котораго находится *дворецъ генералъ-губернатора* и *„коммерческіе"* номера. За садомъ на береговой площади находится *Ильинская* церковь—старая купеческая церковь, самая богатая въ городѣ, а противъ церкви—зданіе Техническаго училища. Съ востока на площадь выходятъ *Томская* и *Полицейская* ул.,—однѣ изъ оживленныхъ въ городѣ; на послѣдней находится каменное зданіе городской думы; на западѣ площадь переходитъ въ набережную Оми; на устьѣ послѣдней помѣщаются главныя пароходныя пристани; здѣсь же находится окружный судъ, книжный и нѣсколько другихъ магазиновъ.

Черезъ Омь перекинутъ желѣзный мостъ (разводной, для пропуска вверхъ рѣки судовъ), которымъ Чернавинскій проспектъ соединяется съ *Любинскимъ* проспектомъ—лучшей улицей въ городѣ; проспектъ состоитъ изъ ряда каменныхъ магазиновъ, образующихъ сплошную стѣну домовъ; здѣсь находятся лучшіе магазины (Шаниной, Тереховой, Волкова и др.) и самыя красивыя зданія. Здѣсь же помѣщается *судебная палата, управленіе акцизными сборами* Тобольской губ. и Акмолинской обл. и *городская* желѣзнодорожная *станція*. Другую сторону проспекта образуетъ *Любинскій городской садъ* (находящійся пока въ пользованіи вольно-пожарнаго общества).

На берегу Оми находится *Дѣтскій садъ* школьнаго общества—лучшій садъ въ городѣ съ лѣтнимъ театромъ, гимнастикой, площадками для игръ, чайнымъ и фруктовымъ буфетомъ. Эта часть лежитъ на древней терассѣ Оми. Далѣе Любинскій проспектъ переходитъ въ *Базарную* площадь, гдѣ тянутся въ нѣсколько рядовъ деревянныя торговыя помѣщенія, „толкучіе" ряды мясные, овощные и др. На площадь выходитъ женская *гимназія* съ *Александровскимъ пансіономъ*. Рядомъ съ ней находится *музей* Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества—одна изъ достопримѣчательностей города. Музей существуетъ около 20 лѣтъ, но только въ послѣднее время (съ 1900 г.) съ переходомъ въ новое зданіе былъ устроенъ болѣе или менѣе удовлетворительно и открытъ (безплатно) для обозрѣнія публики (по воскресеньямъ) Въ немъ хранятся довольно богатыя естественно-историческія коллекціи, характеризующія природу Западной Сибири и прилежащихъ странъ (минералогическія,зоологическія и ботаническія), а также довольно значительныя этнографическія, сельскохозяйственныя и палеонтологическія коллекціи. Позади музея и женской гимназіи начинается *крѣпость*—часть города, занятая исключительно военными учрежденіями и казармами. Остатки прежней крѣпости и теперь сохранились въ видѣ четырехъ каменныхъ воротъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались рвы и валы. Восточныя ворота имѣютъ надпись *„Омския 1791 года"*, южныя—*„иртышскія 1792 года"*,

западныя—*„тоболския 1791 года“* и сѣверныя—*„тарския 1791 года“*. Зданія крѣпости заняты разными военно-административными учрежденіями—правленіями, казармами, складами и квартирами военной администраціи. Здѣсь же въ с.-в. углу крѣпости находился и тотъ „мертвый домъ“, въ которомъ были въ заключеніи около шести лѣтъ Ѳ. М. Достоевскій и поэтъ Дуровъ. Домъ этотъ описанъ Достоевскимъ въ его „Записках изъ мертваго дома“. Зданіе „мертваго дома“ давно уже сломано, и на его мѣстѣ построены каменныя двухъ-этажныя казармы; сохранились только: зданіе кордегардіи, стоявшей около „мертваго дома“, кузницы, въ которыхъ заковывали въ кандалы арестантовъ, и тотъ домъ, въ которомъ Ѳ. М. Достоевскій, по разсказамъ лицъ, хорошо помнящихъ его, жилъ нѣкоторое время по освобожденіи изъ тюрьмы и до отъѣзда въ г. Семипалатинскъ. Базарная площадь переходитъ въ Театральную, на которой находится городской каменный театръ, открывающійся въ настоящемъ году.

Въ городѣ восемь приходскихъ церквей, въ томъ числѣ новый кафедральный соборъ, довольно красивой архитектуры; одинъ костелъ, протестанская кирка, большая (каменная) мечеть и двѣ синагоги. Кромѣ того домовыхъ церквей восемь и часовня.

Омскъ—родина извѣстнаго публициста и ученаго Ник. Мих. Ядринцева; съ городомъ связано также имя другого извѣстнаго сибиряка—ученаго и путешественника Григ. Ник. Потанина, уроженца поселка Ямышевскаго Павлодарскаго у. (см. ниже), получившаго первоначальное образованіе въ Омской военной гимназіи.

Н. М. Ядринцевъ (род. въ 1842 г.) происходилъ изъ небогатой военной семьи и первоначальное образованіе получилъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Томской гимназіи. Восемнадцати лѣтъ Н. М. уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ попалъ въ кружокъ интеллигентовъ-сибиряковъ. Слушаніе лекцій университетѣ, увлеченіе лекціями Костомарова и тотъ духовный подъемъ 1860-хъ годовъ, который чувствовался тогда въ русскомъ обществѣ, оказали большое и рѣшающее вліяніе на міросозерцаніе Ядринцева. Возвратившись въ Сибирь, онъ весь отдался на служеніе своей родинѣ, посвятивъ себя изученію ея и занявшись литературной (публицистической) дѣятельностью. Затѣмъ Н. М. вмѣстѣ съ Потанинымъ (см. ниже) былъ подвергнутъ судебной карѣ (по обвиненію въ пропагандѣ сибирскаго сепаратизма) и втеченіе двухъ лѣтъ былъ заключенъ въ Омской тюрьмѣ, послѣ чего былъ высланъ въ Архангельскую губ. Пребываніе въ тюрьмѣ и ссылкѣ дало ему богатый матеріалъ къ изученію тюремнаго дѣла, результатомъ чего явилась извѣстная книга „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“—трудъ, бывшій весьма полезнымъ работавшей тогда преобразовательной комиссіи и послужившій отчасти къ смягченію участи Ядринцева. Въ 1876 г. Ядринцевъ былъ приглашенъ на службу генералъ-губернаторомъ Казнаковымъ. Въ Омскѣ Н. М. состоялъ членомъ мѣстнаго Географическаго Отдѣла и сдѣлалъ по порученію послѣдняго двѣ научныхъ поѣздки на югъ Томской губ. Нѣсколько позже Н. М. оказалъ наукѣ другую заслугу, открывъ точные слѣды Каракорума—первой столицы Чингисидовъ, откуда вывезъ загадочныя рунническія письмена. Въ 1882 г. Н. М. издалъ капитальный трудъ „Сибирь какъ колонія“, явившійся результатомъ многолѣтняго изуче-

нія Сибири. Умеръ Н. М. въ 1894 г. въ Барнаулѣ, гдѣ и похороненъ.

Городъ расположенъ въ ровной степной или вѣрнѣе лѣсостепной мѣстности. Кое-гдѣ кругомъ его разбросаны группы невысокаго березоваго лѣса; особенно это замѣчается съ сѣверной и восточной стороны. Около города съ сѣверной стороны есть довольно большая (около 4 кв. верстъ) роща, а далѣе—ферма управленія государственными имуществами Тобольской губерніи со строящейся здѣсь въ настоящее время молочной лабораторіей; они являются лучшимъ мѣстомъ гуляній для задыхающагося лѣтомъ отъ жары и пыли омскаго населенія. Здѣсь есть нѣсколько дачъ. Съ южной стороны около города расположены кадетскіе, баталіонные, артиллерійскіе и казачьи лагери (въ нихъ есть двѣ церкви) и такъ называемая „санитарная станція“ (лѣтнее отдѣленіе омскаго военнаго госпиталя). Лагери и „санитарная станція“ расположены въ большихъ березовыхъ рощахъ. За ними, далѣе на югъ по берегу р. Иртыша, есть также нѣсколько небольшихъ березовыхъ рощицъ (такъ называемые „хутора“) — мѣсто лѣтняго выѣзда горожанъ.

Между лагерями и городомъ находятся: интернатъ учительской семинаріи съ опытнымъ огородомъ, ипподромъ скакового общества, громадные склады военнаго интендантства, остатки прежней заставы—двѣ каменныхъ колонны и заводы: минеральныхъ фруктовыхъ водъ и пивомедоваренный.

По берегамъ *Иртыша* подъ Омскомъ обнажаются породы третичнаго періода, изслѣдованныя Черскимъ и состоящія изъ глинъ и песковъ съ раковинами Unio, Paludina, костями рыбъ и пр. Въ *Красномъ Яру* на Иртышѣ и въ ярахъ на *Оми* нерѣдко вымываются кости мамонта, первобытнаго быка и оленя.

Изъ Омска расходятся (кромѣ желѣзной дороги, которая идетъ далѣе по области только на 12 вер., уходя затѣмъ передъ ст. *Кормиловкой* въ Томскую губ.) нѣсколько почтовыхъ, земскихъ и проселочныхъ дорогъ. Таковы: 1) *Тюкалинскій* трактъ (почта и телеграфъ), идущій изъ Омска на сѣверо-западъ на г. *Тюкалинскъ* въ предѣлахъ Киргизскаго края на протяженіи только 20 вер.; 2) *Каинскій* земскій трактъ (и телеграфъ) по правому берегу р. Оми, идущій въ предѣлахъ края на протяженіи 12 верстъ; 3) проселочный—по деревнямъ внизъ по Иртышу на протяженіи 10 вер.; 4) описанный выше земскій по *Горькой линіи*—до Петропавловска; 5) степной на *Акмолинскъ*, и наконецъ 6) вверхъ по Иртышу на *Павлодаръ* и *Семипалатинскъ*.

Акмолинскимъ трактомъ можно ѣздить только лѣтомъ и на „долгихъ“; идетъ онъ сначала по безлюдной степи, прямо на югъ, мимо большихъ горько-соленыхъ озеръ-морей *Теке*, *Кизыль-Какъ* и *Селеты*, затѣмъ по лѣвому берегу р. *Селеты*; въ среднемъ теченіи трактъ проходитъ черезъ новые поселки *Маріинскій*, *Гоголевскій*, *Степокъ*, *Софійскій* и далѣе достигаетъ *Акмолинска*. Всего протяженія трактъ имѣетъ около 460 вер.; пользуются имъ мало; если бы здѣсь было осѣдлое населеніе, трактъ получилъ бы нѣкоторое значеніе. По берегамъ р. Селеты можно наблюдать много живописныхъ видовъ (см. рис. на стр. 42—43).

Главный почтово-земскій трактъ съ телеграфомъ идетъ вверхъ по правому берегу р. *Иртыша*, по прежней военной „*Иртышской*“ линіи до г. *Усть-Каменогорска*. Параллельно ему по Иртышу происходитъ и пароходное сообщеніе. На описаніи этихъ двухъ путей мы теперь и остановимся.

Почтовый трактъ изъ Омска на *Павлодаръ—Семипалатинскъ—Усть-Каменогорскъ* все время тянется по *Иртышской* казачьей линіи, вдоль праваго берега р. *Иртыша*, удаляясь отъ него только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (самое большее верстъ на 5—6). Дорога до первой станціи Усть-Заостровской все время идетъ около Иртыша по ровной лѣсостепи.

На 15-й верстѣ отъ Омска, верстахъ въ 3 въ сторонѣ отъ почтоваго тракта лежитъ поселокъ *Ново-Станскій*, а въ 3 верстахъ отъ него (на 1 версту въ сторону отъ почтоваго тракта)—поселокъ *Черемуховскій*; оба поселка населены казаками. Населеніе ихъ занимается преимущественно огородничествомъ и рыболовствомъ; продукты того и другого доставляются на омскій рынокъ. Въ высокихъ ярахъ Иртыша обнажены третичныя глины съ раковинами Unio, Paludina, Lithogliphus, Pisidum, Valvata и др.

Первая станція его (28½ верстъ отъ Омска) *Усть-Заостровская* представляетъ собою небольшой казачій поселокъ, около 80—100 домовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ. Жители его занимаются земледѣліемъ, огородничествомъ и рыбной ловлей; продукты этихъ промысловъ находятъ себѣ хорошій сбытъ въ Омскѣ.

Слѣдующая станція (21½ вер.)—казачій поселокъ *Ачаирскій*, основанный въ 1720 году, какъ одинъ изъ форпостовъ по Иртышской линіи. Въ поселкѣ около сотни, большей частью старыхъ, очень невзрачныхъ на видъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ домовъ. Есть здѣсь церковь, школа и лавки. Жители занимаются земледѣліемъ, огородничествомъ и рыбной ловлей. Верстахъ въ 18 отъ поселка Ачаирскаго расположена слѣдующая станція—довольно большая станица *Покровская*. Въ станицѣ есть деревянная церковь, станичная школа и нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Такъ же, какъ и въ предыдущихъ поселкахъ, жители станицы занимаются земледѣліемъ и огородничествомъ (арбузы, дыни, огурцы, капуста и т. п.). Поселокъ—старый, дома большею частью обветшавшіе. Четвертая станція есть поселокъ *Ильинскій* (*Изылбашскій*) (17 вер.). Онъ рѣзко выдѣляется среди другихъ своими красивыми, чистенькими домиками, вытянувшимися по обѣ стороны длинной (версты на двѣ), прямой улицы; въ поселкѣ есть школа и часовня, а также нѣсколько мелочныхъ лавочекъ; поселокъ производитъ впечатлѣніе зажиточнаго селенія. Во многихъ дворахъ видны косилки, жнейки и др. земледѣльческія машины и орудія. Слѣдующая станція—большой казачій поселокъ *Соляной* (18 вер.) на берегу Иртыша, около небольшого горько-соленаго озерка. Здѣсь около 80—100 домовъ, расположенныхъ въ двѣ—три улицы, начальная школа, мелочная лавочка, питейный домъ, пароходная пристань; церкви нѣтъ. Изъ поселка Соляного дорога идетъ по высокимъ ярамъ праваго берега Иртыша, за которымъ широко разстилаются зеленѣющіе заливные луга такъ называемаго „десятиверстнаго“ пространства, отрѣзаннаго въ 1765 году по распоряженію командира сибирскихъ войскъ ген.-поручика Шпрингера (вдоль всего Иртыша отъ Омска до Усть-Каменогорска и теперешней желѣзной дороги) и находящагося въ настоящее время въ пользованіи казаковъ; по лѣвую сторону дороги разстилается ровная степь; березовыя рощи отодвигаются отъ дороги влѣво и темнѣютъ на горизонтѣ; онѣ подходятъ къ Иртышу лишь около слѣдующей станціи—ст. Черлаковской.

Станица *Черлаковская* находится въ 26½ верстахъ отъ Соляного. Она основана въ 1720 году, какъ одинъ изъ главныхъ форпостовъ, связывавшихъ Омскъ съ Ямышевской и Семипалатинской крѣпостями. Никакихъ слѣдовъ укрѣпленія къ настоящему времени здѣсь не сохранилось. Въ станицѣ около 400 домовъ (нѣсколько улицъ), деревянная церковь, мужская и женская школы, станичное правленіе, почтово-телеграфное отдѣленіе, около шести лавокъ. Въ Черлаковской есть пароходная пристань. Въ концѣ іюня здѣсь происходитъ Петров-

ская ярмарка; преобладающій товаръ—масло, кожи и вообще сырые животные продукты. Ст. Черлаковская лежитъ на высокомъ берегу Иртыша; вблизи есть березовыя рощи. Далѣе по дорогѣ къ пос. *Большому Атмасу*, лежащему приблизительно на половинѣ пути между Черлаковской и слѣдующей станціей пос. Татарскимъ, лѣса еще болѣе отходятъ на востокъ, а немного далѣе исчезаютъ совсѣмъ изъ виду. Мѣстность начинаетъ принимать чисто степной характеръ (сухая полынная степь). Мѣстами дорога идетъ по пескамъ, сильно затрудняющимъ ѣзду, удаляясь отъ Иртыша версты на 2 — 3. Въ сторонѣ появляются курганы (обыкновенно изрытые); къ югу они становятся все чаще и чаще.

Поселокъ *Татарскій* (въ 26½ вер. отъ Черлаковской), имѣющій домовъ 40—50, школу и часовню, лежитъ на берегу Иртыша въ совершенно безлѣсной, открытой степи. За пос. Татарскимъ и немного дальше пос. *Крутоярскаго* трактъ выходитъ изъ предѣловъ Омскаго у. Акмолинской обл. и вступаетъ въ Павлодарскій у. Семипалатинской обл.

Омскій уѣздъ занимаетъ площадь въ 41.049 кв. в., изъ которыхъ 31.620 кв. в. приходится на киргизскія земли. Въ естественно-историческомъ отношеніи уѣздъ можно считать почти однороднымъ съ преобладаніемъ ковыльной степи; въ сѣверной полосѣ есть березовые лѣски—„колки", въ южной части нерѣдко встрѣчаются солонцовыя мѣста. Осѣдлаго населенія 41.421 чел., изъ нихъ 27.510 казаковъ; послѣдніе живутъ въ 3 станицахъ и 25 деревняхъ, крестьяне же—въ 4 волостяхъ и 35 деревняхъ. Кочевого населенія 46.250 чел., составляющихъ 5 волостей, 27 ауловъ и 7.526 кибитокъ (юртъ). Въ уѣздѣ съ водвореніемъ переселенцевъ и арендаторовъ развивается хлѣбопашество. Въ 1900 г. было посѣяно зерновыхъ хлѣбовъ 225.446 пуд. и 41.783 пуд. картофеля. Количество скота въ уѣздѣ достигаетъ 353.695 головъ, изъ которыхъ 243.630 гол. (въ томъ числѣ 149 т. крупнаго) приходится на кочевое населеніе (у осѣдлаго населенія крупнаго скота до 65 т. головъ). Промышленность въ уѣздѣ мало развита; здѣсь имѣется лишь 77 промышленныхъ заведеній (изъ которыхъ большинство въ окрестностяхъ города) съ 212 раб. и производствомъ на 185.293 р. Большихъ селеній въ уѣздѣ нѣтъ (самое значительное и зажиточное—станица Черлаковская). Казачьи селенія расположены по правому берегу р. Иртыша и близъ линіи Сибирской ж. д., крестьянскія—вглубь степи (на колодцахъ и озерахъ). Тамъ же кочуетъ и главная масса киргизъ; послѣднимъ принадлежитъ 31.620 кв. вер. земли. Пока для заселенія уѣздъ закрытъ (до выясненія излишковъ земли).

Отъ Татарскаго до станціи *Урлютюпинской* 24½ версты. *Урлютюпъ* прежде былъ довольно хорошо укрѣпленнымъ форпостомъ, а теперь представляетъ собою большую, богатую казачью станицу съ правильными улицами, съ нѣсколькими хорошими домами, крытыми желѣзомъ или тесомъ, среди которыхъ есть одинъ каменный. Есть также почтовое отдѣленіе, начальная школа, деревянная церковь и нѣсколько лавокъ. Жители, по оффиціальнымъ даннымъ за 1899 годъ, въ количествѣ 918 душъ занимаются земледѣліемъ и главнымъ образомъ скотоводствомъ; здѣсь много скотопромышленниковъ; зимой бываетъ довольно значительная по Иртышской линіи Рождественская ярмарка. Урлютюпъ стоитъ на берегу Иртыша; здѣсь есть небольшая пароходная пристань. Кругомъ разстилается ровная, однообразная степь.

Верстахъ въ 12 отъ Урлютюпа и верстахъ въ 3 въ сторонѣ отъ дороги, на берегу Иртыша виднѣется поселокъ *Башмачный* (пароходная пристань). Въ Башмачномъ жителей обоего пола 685 душъ. Верстахъ въ 5 отъ него на берегу Иртыша стоитъ небольшой кожевенный заводъ, снабжающій своимъ товаромъ ближайшіе поселки и станицы.

Въ 28 верстахъ отъ Урлютюпа расположена слѣдующая станція—поселокъ *Желѣзинскій*. Поселокъ этотъ основанъ, какъ крѣпость, въ

1717 году подполковникомъ Ступинымъ, посланнымъ кн. Гагаринымъ, черезъ годъ послѣ неудачной экспедиціи Бухгольца, для возведенія новыхъ крѣпостей по Иртышу. Въ 1767 г. здѣсь былъ устроенъ большой мѣновой дворъ. Слѣды крѣпостного рва и вала замѣтны еще и сейчасъ; въ пространствѣ, окруженномъ рвомъ и валомъ, стоитъ каменная церковь, построенная еще во время существованія крѣпости; нѣсколько старыхъ, покрытыхъ теперь ржавчиной, но наводившихъ въ свое время на прежнихъ обитателей степи паническій страхъ пушекъ врыто сейчасъ около церкви въ видѣ столбиковъ. До 1900 года въ Желѣзинскомъ находилось станичное правленіе, но теперь оно переведено въ Урлютюпъ, и Желѣзинка изъ станицы переименована въ поселокъ. Поселокъ довольно большой (460 жит.). Здѣсь есть двѣ начальныя школы: мужская и женская и школа грамоты, лавки, а также винная казенная лавка. Въ Желѣзинскомъ есть пароходная пристань. Окрестности поселка, какъ почти и всѣхъ нижеописанныхъ, настолько пустынны и непривлекательны, что наводятъ тоску на проѣзжающаго; только широкая, могучая рѣка, опоясанная зеленѣющей полосой луговъ и желтой стѣной яровъ, заставляетъ любоваться собой и забыть про дорогу.

Слѣдующая станція—поселокъ *Пяторыжскій* (въ 24½ верстахъ), бывшій форпостъ, расположенъ на крутомъ, высокомъ берегу Иртыша. Здѣсь есть около двухсотъ небольшихъ, ветхихъ домиковъ, образующихъ три параллельныя Иртышу улицы, деревянная церковь, начальная школа и двѣ мелочныхъ лавки. Жителей въ Пяторыжскѣ 624 человѣка. Хлѣба въ поселкѣ Пяторыжскомъ, какъ и въ предшествовавшемъ пос. Желѣзинскомъ, казаки сѣютъ мало; многіе покупаютъ привозный (преимущественно изъ Каинскаго уѣзда) хлѣбъ; главное занятіе жителей—скотоводство; довольно сильно развитъ также и рыбный промыселъ; рыбу (стерлядь, язи, щуки) солятъ и сбываютъ въ Омскѣ.

За Иртышомъ на западъ отъ поселка тянутся громаднѣйшею полосою около 15 верстъ въ ширину заливные луга десятиверстнаго пространства, приносящіе казакамъ большіе доходы; много луговъ сдается въ аренду киргизамъ, продовольствующимъ свой скотъ на земляхъ десятиверстной полосы обыкновенно втеченіе 9—10 мѣсяцевъ въ году. Въ окрестной голой степи разбросано въ разныхъ мѣстахъ много древнихъ кургановъ. Правый берегъ Иртыша образуютъ высокіе яры, состоящіе изъ мощныхъ толщъ третичныхъ и послѣтретичныхъ глинъ и песковъ, въ которыхъ жители нерѣдко находятъ кости мамонта. Нижніе слои этихъ отложеній имѣютъ много ключей, изъ которыхъ нѣкоторые желѣзистые.

Около поселка дорога отходитъ версты на 4 отъ Иртыша и приближается къ нему на 6-й—7-й верстахъ. Въ 17½ верстахъ отъ Пяторыжска расположена слѣдующая станція—небольшой, но довольно чистенькій, въ двѣ прямыхъ, широкихъ улицы поселокъ *Бобровскій*. Здѣсь есть часовня, школа, винная лавка и мелочная лавочка. Населеніе (370 человѣкъ) дѣлаетъ довольно большіе посѣвы хлѣбовъ; довольно развито также и скотоводство. Поселокъ стоитъ на очень высокомъ берегу Иртыша. Отъ Бобровскаго по такой же мѣстности дорога идетъ къ слѣдующей станціи—поселку *Осьморыжскому*. Поселокъ этотъ, основанный какъ форпостъ въ 1720 году, расположенъ по правому, довольно низкому здѣсь берегу Иртыша. Въ поселкѣ около сотни домовъ, церковь, школа и 3—4 мелочныхъ лавочки. Здѣсь же есть и пароходная пристань. Главное занятіе жителей (740 человѣкъ)—скотоводство и земле-

дѣліе. На половинѣ пути къ слѣдующей станціи (29½ верстъ), станицѣ Песчаной, лежитъ довольно большой, зажиточный поселокъ *Качиры*. Въ немъ есть школа, часовня, нѣсколько мелочныхъ лавочекъ и винная лавка. Населеніе засѣваетъ довольно много хлѣба; развито также скотоводство и рыболовство (въ старицахъ Иртыша). Около ст. Песчаной дорога спускается въ долину рѣки. Весной сюда залпвается вода, и ѣзда совершается въ объѣздъ по „увалу".

Станица *Песчаная* лежитъ на правомъ, низкомъ берегу Иртыша, во впадинѣ *Кулундинской* степи, соединяющейся здѣсь и далѣе, за станицей, съ долиной р. Иртыша. Мѣстность низкая, песчаная, заливаемая иногда въ весеннее половодье водою. Въ станицѣ болѣе тысячи жителей, около двухсотъ домовъ, широкія, прямыя улицы, постройки довольно хорошія. Станица имѣетъ большую каменную церковь, школу (смѣшанную), станичное правленіе, почтово-телеграфное отдѣленіе, нѣсколько лавокъ—мелочныхъ и съ такъ называемымъ „краснымъ" товаромъ, а также винную лавку. Главное занятіе жителей—скотоводство. Изъ станицы Песчаной къ станціи-поселку *Прѣсному* дорога (24 версты) идетъ по очень низкимъ и порою болотистымъ мѣстамъ.

Еще отъ Осьморыжскаго Иртышъ дѣлаетъ множество излучинъ, и долина его расширяется на югъ все больше и больше. Около Песчанаго она достигаетъ 15 и болѣе верстъ. Недалеко отъ станицы Песчаной, вправо отъ дороги, виднѣется озеро *Песчаное*, потомъ далѣе оз. *Убіенное* и нѣсколько другихъ. Верстахъ въ 10 отъ станціи Песчаной находится оз. *Старый Маякъ* (здѣсь раньше былъ казачій маякъ) [1]) и затѣмъ *Прѣсновская ляга* (низкое, сырое мѣсто).

Поселокъ *Прѣсный* лежитъ также на низкомъ берегу Иртыша. Здѣсь около сотни домовъ, крытыхъ тесомъ, за исключеніемъ двухъ большихъ, крытыхъ желѣзомъ, школа, часовня, винная и двѣ мелочныхъ лавочки. Жителей въ пос. Прѣсномъ около 450 человѣкъ обоего пола. Дорога за Прѣснымъ идетъ по низменности, то приближаясь къ Иртышу, то удаляясь отъ него.

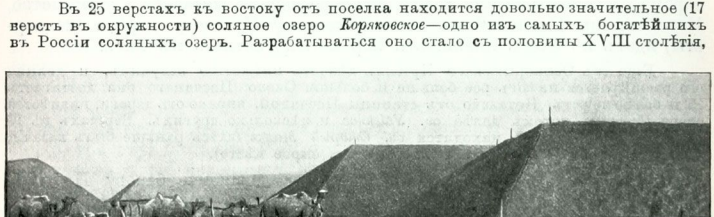
Недалеко отъ поселка Прѣснаго, вправо отъ дороги, на рѣчкѣ *Чермой*, протекающей между Иртышомъ и дорогой, стоитъ кожевенный заводъ. Вглубь степи расположено небольшое горькосоленое *Прѣсновское* озеро.

Около слѣдующей станціи поселка *Чернорѣцкаго* (15½ в.), дорога снова подходитъ къ Иртышу, такъ что поселокъ стоитъ на самомъ берегу рѣки. Чернорѣцкій основанъ какъ форпостъ въ 1720 году. Въ настоящее время въ немъ насчитывается болѣе 500 человѣкъ жителей. Дома поселка довольно хорошіе, нѣкоторые крыты желѣзомъ. Здѣсь есть деревянная церковь, довольно хорошее зданіе школы (школа смѣшанная), 2—3 мелочныхъ лавочки и винная лавка. Населеніе занимается земледѣліемъ, скотоводствомъ и рыбнымъ промысломъ. Отъ поселка Чернорѣцкаго дорога снова удаляется отъ Иртыша, особенно около пос. Григорьевскаго, лежащаго въ 13—14 верстахъ отъ Чернорѣцкаго. Въ пос. *Григорьевскомъ* около 60 домовъ и около 300 человѣкъ жителей, занимающихся земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ и извознымъ промысломъ (возятъ соль съ *Коряковскаго* озера на Черноярскую

[1]) Маякъ—военный постъ, на которомъ устраивалась, обыкновенно на четырехъ столбахъ, вышка" (башня), набитая сверху хворостомъ, зажигавшимся въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было дать знать въ сосѣднюю крѣпость или форпостъ о приближеніи непріятеля.

пристань). Отъ пос. Чернорѣцкаго до станціи *Черноярской* 26 верстъ. Поселокъ Черноярскій, одинъ изъ сильно укрѣпленныхъ когда-то форпостовъ, есть послѣдняя станція къ Павлодару. Жителей здѣсь 450 человѣкъ обоего пола, домовъ—около 80—100. Поселокъ расположенъ на невысокомъ здѣсь берегу Иртыша. Въ Черноярскѣ есть пароходная пристань и огромные соляные склады. Жители поселка Черноярскаго занимаются отчасти земледѣліемъ, а главнымъ образомъ работами по добыванію и перевозкѣ соли. Кромѣ того поселокъ Черноярскій въ нѣкоторые годы является крайнимъ населеннымъ пунктомъ, до котораго доходятъ пароходы; лѣтомъ и осенью между нимъ и г. Павлодаромъ на Иртышѣ образуется нѣсколько мелей (на 6-й, 9-й и 12-й в.), и пароходы тогда оставляютъ свои грузы на Черноярской пристани. Разгрузка и доставка товаровъ въ Павлодаръ являются такимъ образомъ въ эти годы также немаловажной статьей дохода черноярцевъ. Зимой въ Черноярскомъ обыкновенно зимуетъ нѣсколько пароходовъ.

Въ 25 верстахъ къ востоку отъ поселка находится довольно значительное (17 верстъ въ окружности) соляное озеро *Коряковское*—одно изъ самыхъ богатѣйшихъ въ Россіи соляныхъ озеръ. Разрабатываться оно стало съ половины XVIII столѣтія,



Нагрузка соли у оз. Коряковскаго.

и несмотря на это никакихъ признаковъ истощенія соляного пласта въ немъ не замѣтно и до сихъ поръ. Въ 1899 г. изъ него добыто было, по оффиціальнымъ даннымъ, 2.439.223 пуда соли. Соль на мѣстѣ продается 5—6 коп. за пудъ. Съ озера соль перевозится главнымъ образомъ на Черноярскую пристань и отчасти въ Павлодаръ; отсюда она расходится вверхъ и внизъ по Иртышу, въ города Степного края, Западной и отчасти Восточной Сибири и на сибирскіе рыбные промыслы (по рѣкѣ Оби). Въ 1899 году было продано на озерѣ 1.104.959 пудовъ соли. Коряковская соль считается одной изъ лучшихъ въ Сибири.

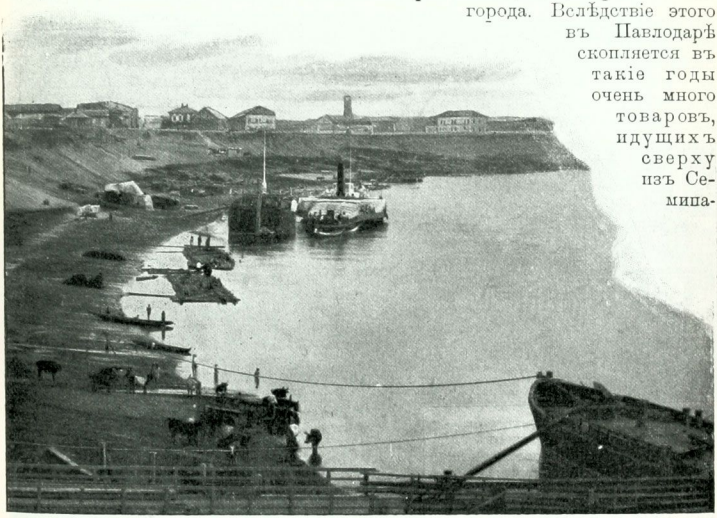
Дорога изъ пос. Черноярскаго въ г. Павлодаръ (26½ в.) идетъ по солонцеватымъ мѣстамъ съ крайне бѣдной растительностью.

Влѣво отъ дороги находятся кромѣ уже упомянутаго озера Коряковскаго еще нѣсколько другихъ—*Чунгуръ*, *Узунъ-Соръ*, *Былкалдакъ* и проч.

Городъ **Павлодаръ** лежитъ въ однообразной, лишенной почти всякой растительности равнинѣ, на правомъ, высокомъ берегу р. Иртыша. Основанъ онъ, подъ именемъ Коряковскаго форпоста, въ 1720 году; по упраздненіи укрѣпленія онъ былъ переименованъ въ Коряковскую станицу, потомъ въ 1861 году—въ заштатный городъ Павлодаръ и наконецъ не очень давно былъ обращенъ въ уѣздный городъ Семипалатинской области. Когда-то это былъ самый заурядный, захудалый уѣздный

городъ Степного края, съ нѣсколькими улицами небольшихъ деревянныхъ домиковъ, среди которыхъ каменная тюрьма казалась дворцомъ. Теперь Павлодаръ—одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ Семипалатинской области съ очень недурнымъ для уѣзднаго города наступающимъ и довольно богатымъ, быть можетъ, даже блестящимъ будущимъ.

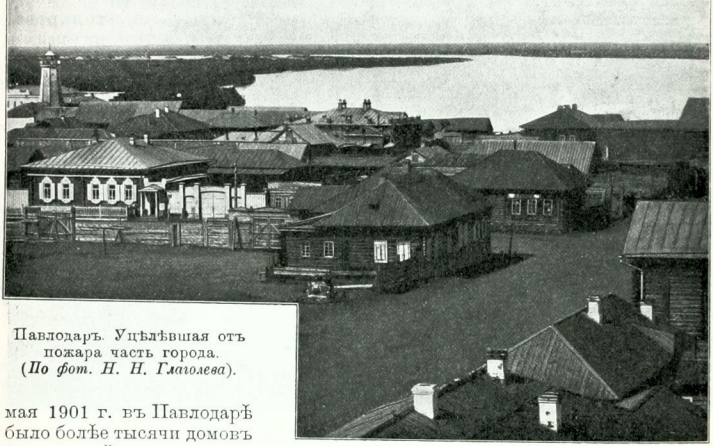
Во-первыхъ, въ настоящее время Павлодаръ представляетъ собою одну изъ самыхъ важныхъ пароходныхъ пристаней на р. Иртышѣ. Очень часто пароходное движеніе вслѣдствіе мелководья Иртыша совершается только до Павлодара (какъ напр. въ 1900 году) или вѣрнѣе, до бывшаго кожевеннаго завода мѣстнаго купца Масленникова, близъ устья рч. *Тяпки*, въ 9 верстахъ отъ города. Вслѣдствіе этого въ Павлодарѣ скопляется въ такіе годы очень много товаровъ, идущихъ сверху изъ Семипа-



Г. Павлодаръ. Берегъ р. Иртыша. (*По фот. Н. Н. Глаголева*).

латинска, и товаровъ, идущихъ снизу и предназначенныхъ для Семипалатинска и другихъ городовъ Степного края, расположенныхъ въ верховьяхъ Иртыша или вблизи него. Во-вторыхъ, Павлодаръ является сейчасъ весьма важнымъ пунктомъ въ торговомъ отношеніи: павлодарскіе купцы ведутъ довольно большую торговлю со степью, и поэтому въ городѣ скопляется съ одной стороны масса сырья, преимущественно животныхъ продуктовъ (сала, кожъ, овчинъ, волоса, шерсти и пр.) и хлѣба, отправляемаго воднымъ путемъ внизъ по Иртышу, а съ другой—очень значительное количество мануфактурныхъ, бакалейныхъ и т. п. товаровъ, привозимыхъ изъ Европейской Россіи и предназначенныхъ для Семипалатинской степи. Происходящій здѣсь и въ другихъ пунктахъ Семипалатинской области обмѣнъ степного сырья на евро-

нейскіе товары, а слѣдовательно и значеніе Павлодара, какъ торговаго города, сильно увеличилось особенно въ послѣднее пятилѣтіе послѣ проведенія черезъ Омскъ Сибирской желѣзной дороги, давшей возможность сибирскимъ товарамъ поступать на болѣе отдаленный и болѣе обширный рынокъ сбыта. Наконецъ, въ третьихъ, Павлодаръ находится недалеко отъ очень богатыхъ мѣдныхъ и другихъ рудниковъ и обширнаго каменноугольнаго района, начинающаго привлекать къ себѣ за послѣднее время очень крупные капиталы (Экибазъ-Тузскія каменноугольныя копи Воскресенскаго горнопромышленнаго общества). Все это довольно замѣтно отразилось на жизни города; въ послѣднія пять—восемь лѣтъ Павлодаръ очень разросся, застроился и вообще оживился. До конца



Павлодаръ. Уцѣлѣвшая отъ пожара часть города. (*По фот. Н. Н. Глаголева*).

мая 1901 г. въ Павлодарѣ было болѣе тысячи домовъ (почти всѣ деревянные), расположенныхъ въ нѣсколько широкихъ, правильныхъ улицъ, а въ концѣ мая того года двѣ трети ихъ были уничтожены пожаромъ, и съ тѣхъ поръ бо́льшая часть города представляла изъ себя громаднѣйшую площадь, заваленную только обгорѣлыми остатками домовъ и другихъ строеній.

Населеніе Павлодара вмѣстѣ съ Павлодарской казачьей станицей, составляющей съ городомъ одно цѣлое (не въ административномъ, а въ территоріальномъ отношеніи), по даннымъ оффиціальной статистики, равнялось въ 1899 г. 7.620 чел. обоего пола. Населеніе составляютъ казаки, киргизы, татары, мѣщане и пр. сословія. За десять лѣтъ до того, въ 1889 г. населеніе города, по оффиціальнымъ даннымъ, опредѣлялось только цыфрой 4.830 человѣкъ обоего пола. Съ 1889

по 1899 годъ населеніе его увеличилось слѣдовательно болѣе чѣмъ въ полтора раза. Увеличеніе это произошло почти исключительно за счетъ пришлаго люда—главнымъ образомъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи. Въ городѣ было до средины мая 1901 г. болѣе тысячи домовъ, мечеть, 2 православныя церкви—каменная и деревянная, которая сгорѣла во время пожара, кромѣ того нѣсколько крупныхъ магазиновъ (Дерова и др.), два склада земледѣльческихъ орудій и машинъ (одинъ—казенный находится въ вѣдѣніи переселенческаго управленія, а другой—частный), почтово-телеграфная контора, казначейство, шесть учебныхъ заведеній—городское 3-хъ классное училище, помѣщающееся въ просторномъ каменномъ зданіи, низшая сельско-хозяйственная школа, городская начальная женская школа, казачье начальное училище, церковно-приходская школа и киргизское училище. Въ настоящее время Павлодаръ быстро застраивается. Въ городѣ общественное собраніе и общественная библіотека. Изъ коммерческихъ учрежденій можно отмѣтить конторы агентовъ Общества Россійскаго страхованія и транспортированія кладей и общества „Надежда". Ярмарокъ въ Павлодарѣ не бываетъ. Фабрично-заводская промышленность въ самомъ городѣ незначительна: фабрикъ нѣтъ, а заводовъ всего только пять—два салотопенныхъ, одинъ мыловаренный и два кирпичныхъ.

Общественной жизни, поскольку она выражается въ различнаго рода общественныхъ учрежденіяхъ (просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и т. п. обществахъ) пока почти нѣтъ.

Изъ Павлодара идутъ два *почтовыхъ тракта* (съ телеграфомъ): 1) на юго-западъ въ *Каркаралинскъ* (356½ в.) и 2) на юго-востокъ въ *Семипалатинскъ* (337 в.).

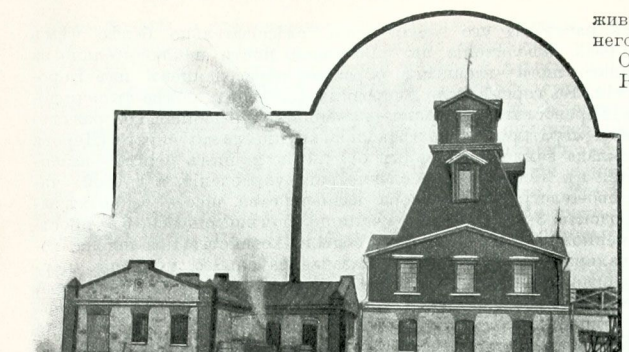
Въ 12 верстахъ выше (южнѣе) города на лѣвомъ берегу Иртыша находится *Воскресенская* пристань—начальная станція Воскресенской желѣзной дороги.

Экибазъ-Тузская или вѣрнѣе *Воскресенская* желѣзная дорога соединяетъ Экибазъ-Тузское каменноугольное мѣсторожденіе съ вышеупомянутой пристанью. Длина желѣзной дороги достигаетъ 109 верстъ. Экибазъ-Тузскія каменноугольныя копи лежатъ на открытой степи, недалеко отъ горько-соленаго озера *Экибазъ-Тузъ*. Здѣсь кромѣ шахтъ (главная—*Владимірская*) находятся кузницы и квартиры служащихъ, больница (на 6 кроватей) съ аптекой и родильный покой (живутъ врачъ, фельдшеръ и акушерка); есть часовня и при ней священникъ, строится школа. Въ 4 верстахъ построенъ этимъ-же товариществомъ мѣдный заводъ (4 шахтовыя печи и 2 горна) На пристани находятся склады для угля и нѣсколько домовъ. Копи и пристань соединены телеграфомъ. Желѣзная дорога перевозитъ кромѣ угля также и пассажировъ. Въ 1900 г. всѣхъ грузовъ прошло 4.718.000 п. и проѣхало 12 тысячъ пассажировъ, преимущественно рабочихъ, которыхъ бываетъ на копяхъ отъ трехсотъ до четырехсотъ. Въ 1902 г. товарищество пріостановило свои работы.

Павлодарско-Каркаралинскій трактъ, послѣ паромной переправы черезъ р. *Иртышъ*, идетъ сначала около протоковъ этой рѣки, потомъ по ровной, однообразной глинистой, мѣстами солонцеватой степи.

За Иртышомъ трактъ пересѣкается близъ первой своей станціи—пикета *Калкаманскаго*—Экибазъ-Тузской желѣзной дорогой (вер. въ 7—8 отъ Калкамана).

Пикетъ Калкаманъ (33½ в. отъ Павлодара) лежитъ на соляномъ озерѣ того-же названія. Озеро считается собственностью казны (какъ и всѣ вообще киргизскія и крестьянскія земли) и сдается въ аренду частнымъ лицамъ. Въ 1899 г. въ немъ добыто около 80.000 пуд. соли, не считая конечно того количества, которое добываютъ для своихъ хозяйствъ



Владимірская каменноугольная шахта на Эмбазъ-Тузѣ.

живущіе вблизи него киргизы. Окружность Калкамана достигаетъ около 20 верстъ. Пластъ соли около аршина толщины находится подъ водой не болѣе, какъ на $^1/_4$—$^1/_2$ аршина. Кромѣ этихъ богатствъ озеро пользуется въ степномъ краѣ широкой извѣстностью благодаря цѣлебнымъ свойствамъ своей грязи (здѣсь лѣчатся отъ ревматизма, послѣдствій сифилиса, золотухи, малокровія, чесотки и проч., см. стр. 70). Каждое лѣто на озерѣ живутъ человѣкъ 15—25 больныхъ русскихъ и татаръ, а также и киргизъ. Особенно популярно оно, какъ курортъ, среди послѣднихъ; объ этомъ говоритъ и самое названіе его „Калкаманъ", что въ буквальномъ переводѣ съ киргизскаго языка значитъ „народъ здоровъ". Спеціально выстроенныхъ для больныхъ помѣщеній нѣтъ. Больные живутъ въ нанимаемыхъ у киргизъ (10 — 12 руб. въ мѣсяцъ) юртахъ; столуется большинство на пикетѣ у калкаманскаго почтосодержателя (15 руб. въ мѣсяцъ). Киргизы доставляютъ за сравнительно недорогую плату кумысъ и баранину.

Въ $1^1/_2$ в. отъ этого озера расположено соляное озеро *Кичкене-Тузъ*, грязи котораго также признаются цѣлебными. По составу онѣ близки въ калкаманскимъ и напоминаютъ собою извѣстныя манычскія грязи.

Отъ Калкамана до слѣдующей станіи—пикета *Джаманъ-Тузскаго*—$40^3/_4$ версты. Дорога идетъ по ровной, безлѣсной, однообразной степи. Пикетъ Джамантузскій лежитъ у большаго соляного озера *Джаманъ-Тузъ* и рѣшительно ничего замѣчательнаго изъ себя не представляетъ.

За этимъ пикетомъ однообразіе степи начинаетъ нарушаться: мѣстность постепенно становится волнообразной, холмистой; въ сторонѣ виднѣются озера; иногда дорога пересѣкаетъ степныя, полувысохшія или даже совсѣмъ высохшія лѣтомъ рѣчки съ деревянными мостиками черезъ нихъ; въ логахъ обнажаются породы третичной системы (песчаники).

Отъ Джаманъ-Тузскаго пикета до слѣдующей станціи—пикета *Кайдаула*—$30^1/_4$ верстъ. Отъ Кайдаула до пикета *Чакчанъ* $33^1/_4$ версты. Дорога идетъ по волнообразной, холмистой степи; чѣмъ далѣе, тѣмъ почва становится все болѣе и болѣе каменистой. Пикетъ Чакчанъ получилъ

свое названіе отъ близлежащей высокой, полукруглой гранитной сопки того же названія.

Въ сторонѣ отъ пикета есть каменноугольная копь (неразрабатываемая). Далѣе за ней расположено нѣсколько мѣдныхъ рудниковъ.

Отъ пикета Чакчанскаго до слѣдующей станціи пикета *Карасорскаго* 30 верстъ.

Пикетъ Карасорскій лежитъ въ предгорьяхъ *Баянъ-Аульскихъ* горъ (998 ф. надъ уровнемъ моря), около небольшого горько-соленаго озера *Кара-Соръ*. Кругомъ виднѣются холмы; на югѣ синѣетъ гряда Баянъ-Аульскихъ горъ, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ.

Въ 20 верстахъ отъ пикета, въ сторону отъ дороги находятся мѣдные рудники павлодарскаго купца Дерова и др., а въ десяти верстахъ отъ него—киргизская святыня *Ауліе-Тасъ* (святой камень). Ауліе-Тасъ представляетъ изъ себя длинную саженъ въ десять пещеру, у западной стѣны

Улица въ Баянъ-Аулѣ.

которой лежитъ большой, съ углубленіемъ въ серединѣ, камень. Въ немъ постоянно скапливается стекающая со стѣнъ и потолка пещеры холодная, прозрачная вода, отличающаяся, по мнѣнію киргизъ, очень цѣлебными свойствами. Посѣщающіе пещеру киргизы пьютъ эту воду, обмываютъ ею больныя части своего тѣла и употребляютъ для установленныхъ у магометанъ омовеній. Въ пещерѣ, по преданію киргизъ, жилъ когда-то святой человѣкъ. Народа съѣзжается къ Ауліе-Тасъ временами очень много; особенно много бываетъ женщинъ, такъ-какъ святая вода пещеры уничтожаетъ, по мнѣнію киргизъ, безплодіе женщинъ. Окрестности Ауліе-Таса сложены изъ палеозойскихъ песчаниковъ и кварцитовъ. Среди нихъ есть выходы порфиритовъ.

Отъ пикета Карасорскаго до слѣдующей станціи—казачьей станицы Баянъ-Аульской—24 версты. Дорога здѣсь тянется по восточному склону Баянъ-Аульскихъ горъ, поросшихъ сосновымъ лѣсомъ. Приходится постоянно подниматься и спускаться съ холма на холмъ.

Баянъ-Аулъ основанъ въ 1826 году и является однимъ изъ пер-

выхъ русскихъ поселеній въ Семипалатинской степи. Въ 1833 году былъ открытъ Баянъ-Аульскій „внѣшній округъ“, и въ Баянъ-Аулѣ былъ учрежденъ „окружный приказъ“, вѣдавшій всѣми дѣлами по судебному и полицейскому управленію имъ. Въ 1868 году приказы были упразднены, и Баянъ-Аулъ сталъ обыкновенной казачьей станицей. Станица расположена на южномъ склонѣ Баянъ-Аульскихъ горъ, около большого озера, называемаго киргизами *Сабунды-Куль*, а русскими—*Баянъ-Аульскимъ*, въ замѣчательно живописной долинѣ, богатой лугами и заросшей березой, кустарникомъ и сосновымъ лѣсомъ (3 147 ф. надъ уровнемъ моря). Кругомъ расположены высокіе, скалистые, покрытые сосновымъ лѣсомъ гранитные холмы, рѣзко поднимающіеся съ поверхности долины въ видѣ отдѣльныхъ группъ и кряжей. Горный, насыщенный смолистымъ запахомъ сосны воздухъ, живописныя окрестности и сравнительная дешевизна жизни въ станицѣ дѣлаютъ Баянъ-Аулъ однимъ изъ лучшихъ дачныхъ мѣстъ Киргизскаго края; каждое лѣто здѣсь живетъ около 15—20 семействъ дачниковъ. Квартиру со столомъ можно нанять здѣсь рублей за 25 (въ лѣто), большой домъ безъ стола — рублей за 15—20. а

Баянъ-Аулъ.

одну небольшую комнату за 5—6 рублей. Въ станицѣ есть три—четыре широкихъ, длинныхъ улицы, съ довольно хорошими постройками, каменная церковь, мечеть, почтово-телеграфное отдѣленіе, станичное правленіе и нѣсколько лавокъ съ разнымъ товаромъ. Въ началѣ октября здѣсь бываетъ довольно значительная ярмарка (оборотъ ея 220 тыс. руб.). Жителей (преимущественно казаковъ) въ Баянъ-Аулѣ около 800 ч. обоего пола. Рядомъ со станицей расположенъ поселокъ киргизъ „джетаковъ“ (осѣдлыхъ, бѣдныхъ киргизъ). Главное занятіе населенія какъ этого поселка, такъ и станицы—скотоводство; хлѣбопашество развито не особенно сильно: многимъ своего хлѣба не хватаетъ на круглый годъ. Какъ на подсобные промыслы, можно указать на извозъ, лѣсной промыселъ и отхожій—на рудники и отчасти на рыболовство.

Въ окрестностяхъ станицы имѣется много „чудскихъ“, какъ говорятъ казаки, могильныхъ кургановъ и нѣсколько мѣдныхъ рудниковъ. *Баянъ — Аульскія* горы сложены почти исключительно изъ крупнозернистаго біотитоваго гранита разныхъ цвѣтовъ (красноватаго, желтаго и сѣраго). Въ горахъ особенной живописностью отличается упомянутое выше (стр. 29) оз. *Джелбай* съ замѣчательными формами вывѣтриванія гранита по его берегамъ.

Дорога изъ Баянъ-Аула къ пикету *Сартавскому* имѣетъ протяженія 27 /2 верстъ и идетъ по отрогамъ Баянъ-Аульскихъ горъ, оставляя въ сторонѣ нѣсколько горькосоленыхъ озеръ, вблизи которыхъ обнажаются известняки, песчаники и сланцы каменноугольной системы. Здѣсь много весьма живописныхъ мѣстъ.

Въ семи верстахъ отъ станицы лежитъ гора *Кочотъ*; съ нея открывается чудный видъ на сѣверъ, въ сторону Баянъ-Аула. Въ окрестностяхъ горы на востокъ (въ 30 вер.) есть мѣдный заводъ Попова.

Далѣе дорога вьется по высокому плоскогорью, между невысокихъ холмовъ, покрытыхъ обыкновенно выжженой солнцемъ травой и носящихъ поэтому у киргизъ названіе *Сары-Тау* (желтыя горы). Грунтъ каменистый; камни (граниты, порфиты, діориты, изрѣдка сланцы) окрашены въ самые разнообразные цвѣта (красный, зеленый, темномалиновый и проч.). За пикетомъ *Бель-Агачскимъ*, до котораго отъ станціи Сартавской 27 1/2 верстъ, дорога носитъ тотъ же самый характеръ

Окрестности Баянъ-Аула. Берегъ оз. Джембая.

здѣсь обнажаются граниты, порфиты, окрашенные порою въ темномалиновый цвѣтъ, порфириты и ярко-зеленые сланцы. Около пик. Бель-Агачскаго есть большія поселенія киргизъ-джетаковъ. Отъ Бель-Агача до пикета *Джильтавскаго*, находящагося уже въ предѣлахъ Каркаралинскаго у.,—23 версты. Горы здѣсь смѣняются невысокими холмами.

Отсюда къ югу граниты и др. кристаллическія породы исчезаютъ съ поверхности земли, уступая свое мѣсто палеозойскимъ песчаникамъ, сланцамъ и кварцитамъ. Съ этими породами связаны здѣсь главнѣйшія рудныя мѣсторожденія (мѣди, желѣза, свинца, серебра и пр.). Недалеко отъ пик. Джильтавскаго находятся нѣсколько мѣдныхъ рудниковъ (заявокъ), какъ и большинство другихъ—на мѣстѣ древнихъ (чудскихъ) копей. Наиболѣе значительный и богатый изъ нихъ лежитъ близъ оз. *Шупты-Куль* (около 8—12 ф. мѣди съ пуда руды). Здѣсь находится кромѣ того фабрика для сухой и мокрой обработки мѣдныхъ рудъ и встрѣчается золото.

Затѣмъ около пикета *Куянды* (28 1/2 в. отъ Джильтау) дорога идетъ

по равнинѣ. Пикетъ Куянды лежитъ въ окаймленной небольшими *Токпанскими* горами долинѣ рѣчки *Талды*, вблизи большого соляного озера *Кара-Соръ*.

Озеро *Кара-Соръ* есть самое большое горькосоленое озеро Семипалатинской области. Оно имѣетъ въ длину до 45 в., а въ ширину—отъ 2 до 7 вер.; глубина его, какъ и у всѣхъ горькосоленыхъ озеръ края,—незначительна (до 3 арш.), берега низкіе и солончаковые въ немногихъ мѣстахъ къ озеру подходятъ холмы и отрываются небольшими утесами. Весной въ озеро впадаетъ нѣсколько рѣчекъ.

Ежегодно, уже около пятидесяти лѣтъ, между 25 мая и 25 іюня около этого пикета происходитъ самая важная въ степномъ краѣ, самая значительная по своимъ оборотамъ *Куяндинская* или *Ботовская* ярмарка. Ярмарка основана лѣтомъ 1848 года ялуторовскимъ купцемъ Ботовымъ, впервые выѣхавшимъ сюда для покупки киргизскаго скота и для сбыта обитателямъ степи мануфактурныхъ, бакалейныхъ и проч. европейскихъ товаровъ. Примѣру Ботова послѣдовали другіе купцы, и въ настоящее время Куяндинская ярмарка является мѣстомъ самаго значительнаго по своимъ размѣрамъ обмѣна азіатскихъ и европейскихъ товаровъ. Число торговыхъ помѣщеній, расположенныхъ во время ярмарки въ четыре длинныхъ ряда, доходитъ до 200; обороты ярмарки достигаютъ до 2—3 милліоновъ рублей. Въ 1899 г. на ярмаркѣ было продано, по оффиціальнымъ даннымъ, разныхъ товаровъ на 1.731.700 рублей; главный товаръ представлялъ изъ себя скотъ—преимущественно бараны; ихъ продано на 638.965 р.; затѣмъ слѣдуютъ прочіе продукты скотоводческаго хозяйства—на 234.730 р., мануфактурные, галантерейные и проч. товары—на 754.000 руб., мука и зерно всякаго рода—на 16.200 рублей и т. д. Ежегодно въ указанное выше время Талдинская долина, безлюдная и молчаливая до того, оглашается шумомъ тысячеголосой толпы, представляющей изъ себя въ буквальномъ смыслѣ „смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“; кишитъ огромными табунами лошадей, верблюдовъ, барановъ. Кругомъ шумъ, гамъ, безпрерывное движеніе, несмотря на изнуряющій зной и духоту іюньскаго дня... Въ двухъ главныхъ рядахъ, образующихъ собой длинную, широкую улицу, помѣщаются мануфактурные, чайные и проч. магазины, лавки со скобянымъ товаромъ, временныя отдѣленія транспортныхъ конторъ и т. д. Тутъ-же стоитъ небольшая часовня, въ которой по праздникамъ совершается служба. Въ сосѣднихъ съ ними рядахъ помѣщаются ташкентцы со своими товарами (бязь, шелковыя матеріи, ковры, сушеные фрукты и проч.), складъ швейныхъ машинъ Зингера, получающихъ за послѣднее время большое распространеніе въ степи, магометанскій молитвенный домъ, кумысники, торговцы хлѣбомъ, торговыя бани и проч. Въ концѣ торговыхъ рядовъ расположенъ такъ называемый „чиновничій кварталъ“, гдѣ помѣщаются временныя отдѣленія Государственнаго банка, почтово-телеграфной конторы (въ Куянды проведенъ телеграфъ), дома для пріѣзжающихъ сюда и живущихъ во все время ярмарки чиновниковъ—каркаралинскаго уѣзднаго начальника, мирового судьи, ветеринарныхъ и медицинскаго врачей, полицейскихъ служителей и проч. Здѣсь-же происходятъ во время ярмарки съѣзды различныхъ должностныхъ лицъ пяти ближайшихъ къ Куяндамъ киргизскихъ волостей—чрезвычайные съѣзды біевъ (народныхъ судей), съѣзды выборныхъ для рѣшенія различныхъ важныхъ исковыхъ дѣлъ и поземель-

ныхъ споровъ; сюда-же съѣзжаются и сборщики податей, взыскивающіе съ киргизъ прямые налоги въ половинномъ размѣрѣ за текущій годъ. Словомъ, во время ярмарки Куяндинскій пикетъ является сосредоточіемъ всего административнаго управленія въ Каркаралинскомъ уѣздѣ и вообще самымъ оживленнымъ пунктомъ во всей центральной части Семипалатинской области. Въ общемъ ярмарка занимаетъ почти всю Талдинскую равнину (верстъ 11 въ длину и верстъ 5 въ ширину). Кромѣ постоянныхъ зданій (деревянныхъ или сложенныхъ изъ сырцоваго кирпича), въ которыхъ помѣщаются магазины, различныя учрежденія и квартиры чиновниковъ, во время ярмарки устраивается много временныхъ тесовыхъ балагановъ и киргизскихъ кибитокъ. За послѣднее время Ботовская ярмарка начинаетъ нѣсколько падать и сокращаться по своимъ оборотамъ. Объясняется это съ одной стороны значительнымъ сокращеніемъ киргизскаго скотоводства, происходящаго отчасти вслѣдствіе перехода киргизъ къ болѣе интенсивному хозяйству, отчасти вслѣдствіе обѣдненія нѣкоторыхъ слоевъ киргизскаго населенія, а съ другой — и тѣмъ, что фигурировавшіе ранѣе на ярмаркѣ торговцы значительно увеличились въ своемъ числѣ и все больше и больше стали входить въ торговыя сношенія со степнымъ населеніемъ и помимо ярмарки. Конечно оказали на это свое вліяніе и общія условія россійскаго рынка. Съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги явилась надежда, что, съ улучшеніемъ условій транспорта въ Сибири, улучшится также и положеніе дѣлъ въ Талдинской долинѣ. Характеръ мѣстности сначала остается прежній, представляя собою волнистую степь съ выходами палеозойскихъ сланцевъ и песчаниковъ, рѣже гранита и порфирита. Отъ Куяндовъ до слѣдующей станціи — пикета *Сіирлинскаго*—23 версты. За этимъ пикетомъ равнина начинаетъ исчезать и смѣняться предгоріями *Каркаралинской* горной группы, петрографическій составъ которой близокъ къ вышеописанному. Кое-гдѣ по р. *Каркаралинкѣ* встрѣчаются выходы известняковъ и сланцевъ каменноугольной системы. Въ 25 верстахъ отъ пикета Сіирлинскаго лежитъ уѣздный городъ *Каркаралинскъ*.

Каркаралинскъ расположенъ въ неширокой долинѣ рѣчки *Каркаралинки*, на довольно высокомъ плоскогорьѣ (2.681 фут. надъ уровнемъ моря). Съ трехъ сторонъ—съ юга, сѣвера и запада—онъ окруженъ покрытыми мѣстами сосновымъ лѣсомъ, мѣстами совершенно обнаженными, въ высшей степени живописными Каркаралинскими горами. Городъ основанъ въ 1824 году, какъ административный центръ внѣшняго Каркаралинскаго округа, и вплоть до настоящаго времени является единственнымъ крупнымъ русскимъ населеннымъ пунктомъ во всемъ Каркаралинскомъ уѣздѣ. Городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ прямыхъ, широкихъ улицъ, невполнѣ еще застроенныхъ послѣ бывшаго здѣсь въ 1900 году огромнаго пожара, уничтожившаго всю казачью станицу (составлявшую съ городомъ въ территоріальномъ отношеніи одно цѣлое) и очень много зданій въ центральной части города. Въ центральной части находятся: церковь, общественный садъ, въ которомъ стоитъ небольшой, въ видѣ чугуннаго креста на гранитномъ основаніи, памятникъ тысячелѣтія крещенія Руси, наконецъ довольно большое зданіе уѣзднаго управленія и нѣкоторыхъ другихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Жителей въ Каркаралинскѣ, по оффи-

ціальнымъ даннымъ за 1899 годъ, 3.475 чел. обоего пола; изъ нихъ казаковъ—531 челов., татаръ—472 челов., киргизъ—1912 челов., крестьянъ, мѣщанъ и проч.—560 человѣкъ. Въ городѣ есть одна православная церковь и одна магометанская мечеть. Училищъ въ городѣ три: городское трехклассное, низшая сельско-хозяйственная школа и женская начальная школа. Есть здѣсь двѣ больницы—военный лазаретъ и киргизскій пріемный покой; правительственныхъ учрежденій немного: уѣздное управленіе, станичное правленіе и почтово-телеграфная контора. Благотворительно-просвѣтительныхъ учрежденій нѣтъ; нѣтъ даже и столь обычнаго въ сибирскихъ городахъ „общественнаго собранія". Жизнь цѣликомъ сосредоточивается „около своихъ дѣловъ" — въ кругу своей семьи или, самое большее, въ кругу знакомыхъ. Жители Каркаралинска занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ и торговлей; земледѣліе почти отсутствуетъ; промышленность въ самомъ городѣ также ничтожна.

Окрестности Каркаралинска очень живописны. Каркаралинскъ лежитъ, какъ уже говорилось выше, у подножія *Каркаралинскихъ* горъ. Горы (4.883 ф. надъ уровнемъ моря) состоятъ большею часть изъ розоваго гранита и порфира; въ ложинахъ между горъ растетъ сосновый лѣсъ и густой кустарникъ малина, черемуха, акація и проч.). Здѣсь встрѣчается много ключей, потоковъ и озеръ. Особенно выдаются по своей живописности два горныхъ озера: *Бассейнъ* и *Чортово озеро*. Оба они находятся на горныхъ высотахъ—одно въ 4, другое въ 5 верстахъ отъ города и представляютъ изъ себя четырехугольные гранитные ящики, наполненные водой; съ трехъ сторонъ у того и другого озера поднимаются отъ воды высокіе, почти отвѣсные гранитные берега. Иногда въ Бассейнѣ скопляется очень много воды, и озеро тогда льется черезъ одинъ изъ своихъ краевъ. Кругомъ озера растетъ сосновый лѣсъ. Въ горахъ около Каркаралинска есть нѣсколько пещеръ; одна изъ нихъ, извѣстная подъ именемъ *„Палатки"*, находится въ двухъ верстахъ отъ города. На холмѣ около города въ одномъ мѣстѣ замѣтны остатки какой-то длинной и несомнѣно древней (можетъ быть сооруженной до историческаго времени) стѣны, сложенной изъ гранитныхъ плитъ, и много древнихъ кургановъ.

Въ Каркаралинскомъ уѣздѣ есть нѣсколько очень богатыхъ мѣдныхъ и серебро-свинцовыхъ рудниковъ, принадлежащихъ мѣстнымъ промышленникамъ С. А. Попову, А. И. Дерову и нѣк. др. Дѣло поставлено однако, по отзывамъ лицъ, знакомыхъ съ этими предпріятіями, не особенно прочно. Съ притокомъ сюда капиталовъ и предпріимчивыхъ людей горнозаводское дѣло вѣроятно приметъ другой видъ, и Каркаралинску въ этомъ случаѣ предстоитъ блестящая будущность центра богатаго горнозаводскаго района.

Почтовый трактъ въ Каркаралинскѣ оканчивается; въ разныя стороны отсюда идутъ только „вольные" тракты: одинъ трактъ на Семипалатинскъ и нѣсколько проселочныхъ, вѣрнѣе караванныхъ, дорогъ на заводы и рудники Попова, Дерова и др. горнопромышленниковъ и за предѣлы нашего края—въ Туркестанъ и Семирѣченскую область. Въ послѣднее время обсуждается вопросъ о соединеніи Каркаралинска почтовымъ трактомъ съ г. Семипалатинскомъ; до настоящаго времени почтовое сообщеніе производится черезъ Павлодаръ, такъ что разстояніе между городами получается болѣе чѣмъ вдвое длиннѣе дѣйствительнаго; теперь здѣсь проходитъ такъ называемый *Майлиторинскій* земскій трактъ, по которому ѣздятъ главнымъ образомъ промышленники и мѣстная администрація (о немъ сказано при Семипалатинскѣ, см. ниже).

Изъ другихъ трактовъ назовемъ *Сергіопольскій*. Онъ идетъ изъ Каркаралова на ю.-в., по холмистой мѣстности, по юго-западнымъ склонамъ горъ *Кенты* до средняго теченія р. *Кусака*, а отъ него близъ сопки *Джарма* поворачиваетъ на востокъ и на 280-й верстѣ, перейдя р. *Кусакъ*, вступаетъ въ предѣлы Семирѣченской обл. Служитъ трактъ главнымъ образомъ для передвиженія каравановъ и горнопромышленниковъ.

Такой-же путь идетъ на югъ къ озеру Балхашу, сначала по р. *Кокъ-Талъ* затѣмъ по р. *Булькульдаку* и наконецъ по р. *Токраю* которая пересыхаетъ не доходя до Балхаша. Долина Токрау издавна служитъ киргизамъ мѣстомъ для посѣва хлѣба, который родится здѣсь хорошо; земледѣліе ведется арычнымъ способомъ. Оттсюда дорога поворачиваетъ на ю.-з., по берегу озера, огибаетъ его и, перейдя р. *Чу*, выходитъ изъ предѣловъ края; по этому тракту, кромѣ промышленниковъ и кочующихъ киргизъ, ходятъ рыбаки (русскіе и киргизы) на Балхашъ и Чу.

Съ *Акмолами* Каркаралинскъ соединенъ бывшимъ пикетнымъ трактомъ, который идетъ отъ города на сѣверо-западъ, сначала по равнинѣ, затѣмъ по горамъ *Бель-Агачъ*, далѣе черезъ р. *Чидерты*, бывшій пикетъ *Якши-Ніязскій*, *Аюлинскій*, къ верховьямъ *Ишима* и по правому берегу его до Акмолинска. Передъ городомъ трактъ проходитъ черезъ нѣсколько новыхъ поселковъ — *Константиновскій*, *Николаевскій*. *Александровскій* и др. Весь путь имѣетъ длины около 400 верстъ.

Кромѣ того изъ Каркаралинска выходятъ нѣсколько вьючныхъ тропъ на рудники. Одна изъ такихъ, идущая на западъ къ горамъ *Косъ-Агачъ*, приводитъ (на 180-й в. приблизительно) къ извѣстному *Спасскому* мѣдноплавильному заводу бр. Рязановыхъ, а отъ него къ извѣстнымъ *Караганднискимъ* каменноугольнымъ копямъ близъ р. *Нуры*, откуда направляется къ верховьямъ р. *Ишима*, гдѣ и сходится съ вышеописанной.

Акмолинскій уѣздъ занимаетъ 198.960 кв. в., изъ которыхъ до 180 т. кв. в. находится во владѣніи киргизскаго населенія. Осѣдлаго населенія 28.265 чел. крестьянъ, живущихъ въ 45 деревняхъ и составляющихъ 7 волостей. Казаки живутъ въ городѣ и составляютъ до $1^1/_2$ тысячи человѣкъ. Кочевого населенія въ уѣздѣ 177.979 чел., составляющихъ 22 волости, 167 ауловъ и 30.370 кибитокъ. Въ уѣздѣ болѣе всего распространено скотоводство; въ этомъ отношеніи уѣздъ занимаетъ первое мѣсто въ Акмолинской области. Всего скота въ Акмолинскомъ уѣздѣ въ 1900 г. было 995.884 головъ, изъ нихъ 951.665 гол. у киргизъ, въ томъ числѣ крупнаго 369.443 головъ; у крестьянъ и казаковъ скота 39.709 штукъ, изъ которыхъ 29.500 головъ крупнаго. Земледѣліе сравнительно такъ же распространено, какъ среди осѣдлаго, такъ и кочевого населенія; крестьянами было посѣяно въ 1900 г. 86.406 пуд. зерновыхъ хлѣбовъ, казаками—6.508 пуд. и киргизами—75.922 пуд. Промышленность, несмотря на разнообразныя мѣстныя богатства (руды, каменный уголь, продукты скотоводства), развита еще незначительно; одними изъ главныхъ причинъ этого являются отсутствіе удобныхъ путей сообщенія и малое количество осѣдлаго населенія въ уѣздѣ. Въ уѣздѣ (считая и окрестности города) существуетъ 81 промышленное заведеніе съ 410 раб. и производствомъ на 267.955 руб., въ томъ числѣ одинъ мѣдноплавильный заводъ съ 281 раб. и производствомъ на 238.800 тыс. руб.). Осѣдлое населеніе живетъ по берегамъ р. Ишима, р. Нурѣ и земскимъ трактамъ, на Кокче-Тау и въ верховьяхъ р. Селеты. Значительныхъ селеній нѣтъ; большинство изъ нихъ недавно образованы въ уѣздѣ. Отводятся новые участки для переселенцевъ.

Упомянемъ еще путь — *Каркаралинскій караванный*. Прежде онъ имѣлъ громадное торговое значеніе, такъ-какъ служилъ единственнымъ путемъ, связывавшимъ не только Каркаралинскій уѣздъ, но и всю Семипалатинскую область съ городами Туркестана. Въ то-же время онъ соединялъ Каркаралинскъ съ гор. Акмолинскомъ и ближележащими рудниками и заводами (Спасскій, Успенскій, Богословскій и др.).

Изъ города ведутъ на ю.-з. нѣсколько путей, которые потомъ соединяются въ два главныхъ: одинъ—болѣе сѣверо-западный (черезъ Каркаралинскій и Акмолинскій уѣзды), второй—по юго-западной части Каркаралинскаго у. Оба до горъ *Булатъ* идутъ по гористой мѣстности, а отъ нихъ вступаютъ въ предѣлы *Голодной степи*.

Первый путь направляется сначала къ мог. *Акъ-Тау*, въ долинѣ р. *Тесте-Кара-Су* (36 вер.); мѣстность гориста, богата растительностью и ключевой водой. Отсюда долиной р. *Анръ-Тасты* путь продолжается до сопки *Айныръ-Джалъ* (24 в.); затѣмъ онъ направляется въ верховья р. *Кара-Су* до сопки *Кара-Чеку* (10 вер.). Въ сторонѣ отсюда лежитъ *Богословскій* мѣдный рудникъ. Отъ Кара-Чеку по горамъ путь идетъ въ верховья рч. *Басъ-Токрау* къ сопкѣ *Куу-Чеку* (23 вер.). Затѣмъ дорога продолжается по горной долинѣ р. *Джела-Наши*, близъ подошвы горы *Тулубай* (24 вер.), въ верховья другой горной рѣчки *Джамчи* у сопокъ *Тюль-Кулю* (28 вер.). Вездѣ видна богатая дровяная и кустарная растительность, много ключей и рѣчекъ (бродныхъ) съ хорошей водой. Отъ сопки по той-же долинѣ путь идетъ до могилы *Койтенъ* (25 вер.). Отъ послѣдней онъ переваливаетъ въ долину р. *Мукуту-Джамчи* (22 вер.),

а изъ нея въ долину р. *Терекнынъ-Эспенымъ*, у восточнаго мыса сопокъ *Сирге-Адыръ* (20 вер.). Отсюда ѣдутъ по долинѣ этой рѣчкой, до ключей на южномъ склонѣ *Найда-Кескена*, близъ сопки *Кизылъ-Ташъ* (30 вер.), затѣмъ направляется въ долину р. *Чулика* до могилы *Асая* (24 вер.), отъ нея до ключей *Игинъ-Булакъ* на сѣверномъ склонѣ г. *Кепели* (25 вер.). Отъ нихъ путь идетъ до ключей *Талды-Булакъ* на сѣверномъ склонѣ сопки *Кизылъ-Теneке* (20 пер.), затѣмъ до ключа у каменоломни *Джартасъ* (29 вер.), далѣе до ключа у могилы *Байбуту* въ уроч. *Дувалчій* (31 вер.), а отъ него до ключа *Еминъ-Булакъ* у сопки *Койлюбай* на уроч. *Булатъ* (30 вер.) близъ сѣверной окраины *Голодной степи*. Весь этотъ путь лежитъ по гористой мѣстности, часто весьма живописной; въ долинахъ видна богатая травяная и кустарниковая растительность; рѣчки неглубоки и удобны для бродовъ; вода хорошая; грунтъ дороги—щебнистый, для колеснаго экипажа не представляетъ затрудненій. Отъ Еминъ-Булака обыкновенно перекладываютъ вещи уже на верблюдовъ, т. е. устраиваютъ караванъ.

Здѣсь въ послѣдній разъ встрѣчается въ изобиліи кормъ и вода, такъ что для изнуренныхъ животныхъ необходимо сдѣлать дневную стоянку и запастись водой, а, если можно, то и травой. Первыя 13 верстъ, до ключа *Телегонъ* (въ долинѣ между сопокъ *Джюнды-Адыръ*), дорога идетъ по сухой степи съ небогатой растительностью, затѣмъ вступаетъ въ глинисто-солонцовую степь, на 18-й верстѣ проходитъ близъ ключа *Хатынъ-Су* (сильно засореннаго), на 31-й вер.—около ключа *Ажузъ* до подошвы сопокъ *Кумысъ-Тюбе*, гдѣ есть четыре колодца. Отъ нихъ по солонцамъ и такырамъ дорога идетъ до ур. *Шайтанъ-Сій-Меса* съ колодцами *Бесъ-Бакыръ* (68 вер.). Путь здѣсь довольно трудный, такъ какъ подножнаго корма и топлива (баялычъ, кокъ-пекъ, карагана) немного, воды же во всѣхъ названныхъ колодцахъ почти совсѣмъ нѣтъ, причемъ она горько-соленая и весьма загрязнена (колодцы заброшены). Въ *Бесъ-Бакырѣ* вода также горько-соленая (на глубинѣ 3 арш.), хотя въ нуждѣ ее и можно употреблять; кормомъ здѣсь служатъ полыни. Отсюда путь идетъ къ колодцамъ *Кызъ-Кылганъ* (30 вер.); подножнаго корма и топлива здѣсь мало; вода въ колодцѣ горько-соленая и ея недостаточно. Отъ Кызъ-Кылгана путь идетъ по обширнымъ голымъ солонцамъ и сухимъ логамъ до кол. *Токумъ-Тыканъ* въ вершинѣ лога *Конъ-Крюмъ* (36 вер.); вода въ колодцѣ горько-соленая (на глубинѣ 1 арш.). Отъ Токумъ-Тыкана путь поворачиваетъ на югъ, входитъ въ солончаковую котловину урочища *Тесъ-Булакъ*, окруженную небольшими увалами; вправо отъ дороги лежатъ два горько-соленыхъ озера *Тесь-Тузъ* (въ 15 и 10 кв. вер.); у южной оконечности этого урочища находится сухой ключъ *Тесь-Булакъ* (25 вер.); лѣтомъ онъ пересыхаетъ, но на глубинѣ 1 арш., въ пескѣ можно найти горько-соленую воду. Вблизи встрѣчаются кусты баялыча, карагайника и саксаула. Дорога далѣе идетъ все на югъ, по солончаковымъ котловинамъ, до кол. *Чекменъ-Калганъ* (27 вер.), въ 2 вер. на западъ отъ дороги; вода здѣсь немного солоноватая, но вполнѣ пригодная для питья (на глубинѣ 7 арш.). Отсюда идетъ утомительный путь по сухимъ котловинамъ и солонцамъ; на 25-й вер. проходятъ мимо сопокъ *Кара-Нія*, на 45-й в.—мимо соп. *Казанганъ*, затѣмъ по горѣ *Тантай* (56 вер.). Въ 5 и 8 вер. на востокъ отъ дороги лежатъ два небольшихъ озера, въ которыхъ можно найти прѣсную воду; если же воды не встрѣтится, то необходимо доѣхать до берега Чу, къ броду *Кызылъ-Джайма* (81 вер.). Вода въ рѣкѣ проточная и прѣсная, корма и топлива—въ достаткѣ. Перейдя рѣку, дорога принимаетъ юго-западное направленіе и идетъ сначала по пескамъ, близъ прѣсныхъ озеръ, поросшихъ камышемъ, а затѣмъ поднимается на лѣвый береговой увалъ рѣки къ бывшему *Ташкентскому* укрѣпленію или *Тасты-Курганъ* (40 вер.). Воды и корма здѣсь достаточно. Отсюда путь идетъ на западъ до могилы *Сары-Мола*, затѣмъ къ урочищу *Акпанбая* и къ колодцамъ *Саурумбай-Казганъ* (45 вер.). Вода здѣсь есть, но растительность бѣдна; въ пескахъ можно найти саксаулъ. Отъ нихъ по сопочной мѣстности, среди барханов, черезъ уроч. *Джеты-Джалъ* путь идетъ къ колодцамъ *Чубаръ-Кудукъ* (21 вер.), гдѣ вода прѣсная, а далѣе по травянистой степи въ вышеупомянутый кышлакъ (оазисъ) *Сузакъ* (43 в.) Сыръ-Дарьинской области (см. выше, стр. 365).

Этимъ путемъ отъ Каркаралинска до Голодной степи (ур. *Булатъ*) считается 411 вер.; по Голодной степи до р. Чу—280 вер.; отъ Чу до оазиса Сузакъ—128 вер., а всего отъ Каркаралинска до Сузака—819 вер.

Кромѣ этого пути („Каркаралинскаго"), Туркестанъ имѣетъ небольшія сношенія съ Каркаралинскимъ уѣздомъ по двумъ другимъ путямъ—*Канъ-Джолъ* и *Чакъ-Чагайлы-Джолъ*; оба они идутъ въ предѣлахъ Каркаралинскаго уѣзда и являются одними изъ трудныхъ въ Голодной степи.

Канъ-Джолъ (кровяная дорога) начинается отъ сѣверной окраины Голодной степи (уроч. *Булатъ*), отъ ключа *Сасыкъ-Булакъ*. Дорога идетъ волнистой мѣстностью, пересѣкаетъ большіе солонцы (съ кокъ-пекомъ и солянками) на 25-й вер. переходитъ большой оврагъ *Уафи-Ташканъ*, на 35-й вер. далѣе подходитъ къ колодцу съ горько-соленой водой *Шурукъ*; отъ него путь идетъ до невысокихъ сопокъ, гдѣ находится колодезь *Кими-Кожа* (80 вер.); растительность близъ дороги составляютъ джусанъ, баялычъ, кокъ-пекъ и чій. Отсюда путь идетъ по обширнымъ и высокимъ плоскогоріямъ, покрытыхъ мелкой галькой; на 27-й в. есть ключъ *Садакъ-Булакъ* съ довольно сносной водой; вокругъ него растетъ небогатая кустарная и травяная растительность. Отъ послѣдняго дорога направляется по сухой солонцовой равнинѣ, до песчанаго лога съ колодцемъ *Кень-Кіякъ* (45 вер.); далѣе путь продолжается по такой же равнинѣ до могилы *Качи-Берды* (12 вер.), откуда видѣнъ хребетъ *Байара-Чагарлы*. На 2-й верстѣ отъ могилы дорога вступаетъ въ ущелье лога *Джаръ-Тасъ*; на днѣ его есть небольшое плесо „*Кара-Су*“, поросшее камышомъ; вода здѣсь горько-соленая. Затѣмъ идетъ холмистая мѣстность съ выходами гранитныхъ плитъ (въ ямахъ можно найти прѣсную воду). Далѣе тянется солонцовая равнина, по которой дорога входитъ въ горы *Чагарлы* по ущелью *Анда-Сай*; оно очень извилисто, съ песчанымъ дномъ и имѣетъ нѣсколько „кара-су“ (плесъ)—остатки весеннихъ водъ; около нихъ имѣется рѣдкая растительность. Горы сложены изъ палеозойскихъ песчаниковъ, въ которыхъ есть окаменѣлости. Въ горахъ много ключей; въ нѣкоторыхъ. какъ напр. *Аркаръ-Су* (на 80-й вер.), есть прѣсная вода. Выйдя изъ горъ, дорога пролегаетъ по холмистой степи на югъ, пересѣкаетъ на 25-й верстѣ глубокое, сухое русло и выходитъ на галечную степь, покрытую изрѣдка полынью (среди песковъ начинаются заросли саксаула); на 40-й вер. путь подходитъ къ мельницѣ *Отельбая*, построенной на одномъ изъ арыковъ изъ р. Чу. Здѣсь начинаются уже пашни и бахчи чуйскихъ и сыръ-дарьинскихъ киргизъ-земледѣльцевъ. Всего по этому пути отъ Каркаралинска до р. Чу считается 718 вер.; изъ нихъ по Голодной степи (отъ ключа Сасыкъ-Булака на ур. Булатъ до р. Чу)—307 вер.

Второй путь—*Чакъ-Чагайлы-Джолъ* начинается отъ пересѣченія вышеописанной караванной дорогой („каркаралинской“) рѣчки *Моюнты*. Дорога идетъ по суглинистой степи, немного всхолмленной; близъ дороги есть небогатая степная растительность. У колодца *Еленды-Булакъ* (на 30-й вер.) появляется изрѣдка баялычъ—признакъ близости пустыни. Отсюда путь направляется на сопку *Карауль-Тюбе* (*Чеку*, 25 вер.), по холмистой степи, на которой уже преобладаетъ баялычъ; вода у сопки довольно сносная: люди и животныя пьютъ ее безъ отвращенія. Отъ сопки совершенно пустынной степью путь идетъ до колодца *Бозъ-Оба* (30 вер.), отъ него глинисто-солонцовой, мѣстами усѣянной галькой пустыней дорога продолжается до кол. *Косъ-Кудукъ* (30 вер.); вода здѣсь пригодна для питья, да кромѣ того у подножья гранитной гряды есть прѣсный ключъ; корма и топлива достаточно. По такой же безплодной пустынѣ ѣдутъ до колодца *Кара-Мырза* (30 вер.); близъ него есть травяная и кустарная растительность. Отсюда по слабо-волнистой мѣстности и плоскогорью путь идетъ до оврага *Кара-Ончыръ*. Въ послѣднемъ есть интересныя для геолога обнаженія конгломератовъ; затѣмъ ѣдутъ мимо небольшого соленаго озера *Акъ-Джандыкъ-Соръ*, окруженнаго солонцами и зарослями кокъ-пека, къ кол. *Чакъ-Чагайлы-Кудукъ* (40 в.). Отъ нихъ баялычной степью дорога продолжается до кол. *Берубай-Ташканъ* (40 вер.). Отсюда до колодцевъ *Акъ-Тасты* (30 вер.) дорога идетъ высокой сухой степью; у стоянки есть невысокая гранитная сопка; вода довольно сносная, корма недостаточно. Далѣе до ключа *Майли-Соръ Булакъ* (40 вер.) тянется ровная степь, поросшая баялычемъ; на 20-й вер. есть „свертокъ“ на вышеописанный путь *Канъ-Джолъ*; вода въ ключѣ прѣсная; вблизи есть полыни и баялычъ. Отсюда дорога поворачиваетъ нѣсколько на ю.-з. и на 5-й верстѣ вступаетъ въ ущелье *Джаль-Сай* (въ горахъ *Чагарлы-Джамбыль*, составляющихъ южную границу *Голодной степи*). Это ущелье весьма похоже на *Анда-Сай* (описанное выше), только здѣсь растительность болѣе богата: много камыша, полыни и даже есть ковыль; въ ущелье выходитъ много логовъ, также поросшихъ травами и кустарниками; въ логахъ обнажаются палеозойскіе песчаники и др. породы съ окаменѣлыми караллами. Встрѣчается нѣсколько крытыхъ овечьихъ зимовокъ и одна зимовка. сложенная изъ камня. Выйдя изъ ущелья, дорога идетъ сначала небольшимъ логомъ, затѣмъ поднимается на возвышенное плоскогорье съ немногими песчаными сопками и покрытое сплошными зарослями саксаула, которыя тянутся вер. на 30—35, почти до самаго берега р. *Чу* (на 50-й верстѣ).

Всего по этому пути отъ Каркаралинска до р. Чу—670 вер., изъ нихъ 315 в.

по Голодной степи. Этотъ путь болѣе удобенъ для перехода, чѣмъ Канъ-Джолъ; въ сухое время можно безъ особеннаго труда проѣхать здѣсь и въ колесномъ экипажѣ. Общій характеръ пути таковъ же, какъ и акмолинскихъ; въ горахъ Чагарлы, Джамбиль, Бай-Кара, а также въ зарослях саксаула встрѣчаются зайцы, сайги, волки, дикія кошки, кабаны; ближе къ Чу въ камышахъ можно натолкнуться и на тигра.

Теперь вернемся къ описанію Иртышскаго почтоваго тракта.

Трактъ изъ Павлодара на Семипалатинскъ (337 в.) идетъ по Иртышской казачьей линіи, по правому берегу р. *Иртыша*. Первая станція отъ Павлодара къ Семипалатинску есть небольшой поселокъ *Подстепной* (около 80 дворовъ и 400 человѣкъ населенія обоего пола)—въ 21 в. отъ Павлодара. Слѣдующая станція (30 в. отъ Подстепного) есть поселокъ *Ямышевскій*. Онъ былъ раньше однимъ изъ самыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ по Иртышу. Озеро *Ямышевское*, около котораго расположенъ поселокъ, было извѣстно русскимъ еще въ началѣ XVII столѣтія. Въ 1613 году изъ Тобольска былъ отправленъ съ военнымъ отрядомъ Барташъ съ порученіемъ отыскать Ямышевское озеро, очень богатое, какъ извѣстно было по слухамъ, солью. Съ тѣхъ поръ соль для Сибири постоянно добывалась изъ этого озера. Здѣсь же, около озера Ямышевскаго, происходила въ XVII столѣтіи ярмарка, на которую ѣздили сибирскіе торговые люди, обмѣнивавшіе свои товары на произведенія степи; во время этой ярмарки производился обмѣнъ подарковъ и велись переговоры между русскими и джунгарскими посланцами. Еще болѣе видную роль съигралъ этотъ пунктъ въ слѣдующемъ XVIII столѣтіи (при наступательныхъ дѣйствіяхъ русскихъ). Крѣпость разрушалась нѣсколько разъ, пока русскіе окончательно не укрѣпились ниже ея по Иртышу. Въ настоящее время слѣды крѣпости чуть замѣтны; сохранилась только каменная крѣпостная церковь, построенная впрочемъ значительно позже самого укрѣпленія. Въ поселкѣ около сотни дворовъ и пятисотъ человѣкъ населенія. Жители (казаки) занимаются скотоводствомъ, земледѣліемъ и отчасти рыболовствомъ. Послѣдніе неурожаи сильно отразились на благосостояніи жителей поселка, какъ впрочемъ и всей вообще Иртышской казачьей линіи. Въ поселкѣ есть двѣ начальныхъ школы—мужская и женская. Здѣсь родился въ 1835 г., извѣстный путешественникъ Григ. Ник. Потанинъ. Онъ былъ сынъ казачьяго офицера, пріобрѣвшаго себѣ извѣстность въ географической литературѣ своими поѣздками, съемками и маршрутами въ Киргизской степи. Григ. Ник. Потанинъ, окончивъ курсъ наукъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, заинтересовался исторіею Сибири и усердно работалъ въ 1856—57 г. въ Омскомъ архивѣ, а подъ вліяніемъ знакомства съ путешественникомъ того времени въ Киргизскихъ степяхъ и Заплйскомъ краѣ П. П. Семеновымъ, занялся также и естественными; и географическими науками. Сознавая недостаточную свою подготовку къ научной дѣятельности, Григ. Ник. Потанинъ въ 1858 г., несмотря на полное отсутствіе матеріальныхъ средствъ, осуществилъ свою завѣтную мечту: кое какъ добрался онъ до Петербурга и въ три года прослушалъ полный университетскій курсъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета. Въ 1863—1864 г. г. Григ. Ник. Потанинъ, въ качествѣ переводчика и натуралиста съ успѣхомъ принялъ участіе въ разграничительной экспедиціи съ Китаемъ К. В. Струве, а въ 1865 г., былъ казначеемъ и секретаремъ Томскаго губернскаго статистическаго комитета. Въ 1866 г. послѣ волненій, происшедшихъ въ Омскѣ между учащеюся

молодежью, Потанинъ былъ привлеченъ къ суду, по обвиненію въ пропагандѣ сибирскаго сепаратизма. Омская судебная коммиссія посмотрѣла сурово на вину Потанина, и онъ былъ приговоренъ на пять лѣтъ къ каторжнымъ работамъ, которыя и отбылъ въ Свеаборгѣ, а затѣмъ былъ водворенъ на поселеніе въ г. Никольскѣ Вологодской губ. Въ 1872 г., по ходатайству Имп. Русскаго Географическаго Общества, онъ получилъ полное помилованіе съ возвращеніемъ чина и дворянскаго достоинства. Приглашенный въ Сибирь генералъ-губернаторомъ Казнаковымъ, онъ въ 1876 и 1879 г. г. совершилъ, по порученію Географическаго Общества, двѣ замѣчательныя экспедиціи въ Монголію, а въ 1883—1886 г. г. и въ 1892—1893 г. г., двѣ экспедиціи въ Ганьсуйскую и Сычуанскую провинціи Срединной Китайской Имперіи и на окраины Тангута и Тибета, упрочившія за нимъ славу выдающагося путешественника и изслѣдователя внутренней Азіи. За пос. Ямышевскимъ трактъ выходитъ изъ предѣловъ Павлодарскаго у. въ Семипалатинскій.

Павлодарскій уѣздъ занимаетъ площадь въ 103.788 кв. вер.; въ естественно-историческомъ отношеніи онъ довольно однообразенъ. Бо́льшая часть уѣзда занята глинистыми степями съ массой горькосоленыхъ озеръ. Незначительное число пригодныхъ для земледѣлія земель лежитъ къ востоку отъ Иртыша; тутъ же имѣются незначительные березовые лѣски. Южная пограничная часть уѣзда всхолмлена небольшими гранитными поднятіями. Населенія—160.270 чел.; изъ нихъ киргизъ—144.160 чел. (24.485 кибитокъ), казаковъ—8.800 чел.; остальные—крестьяне, мѣщане и др. Земледѣліе, за недостаткомъ удобныхъ земель, распространено мало. У русскаго населенія было посѣяно въ 1900 г. 33.586 пуд. зерновыхъ хлѣбовъ, у киргизъ—20.840 пуд. Скотоводство играетъ большую роль не только у киргизъ, но и у русскихъ. У первыхъ было въ 1900 г. крупнаго скота 268 431 гол., мелкаго—207.894 гол.; у русскихъ—31.772 гол. крупнаго и 11.706 гол. мелкаго. Въ уѣздѣ есть значительная каменноугольная и мѣдноплавильная промышленность (производство до 600 т. руб.) и самое значительное во всей восточной части края соляное дѣло. Разработка соли (изъ озеръ Коряковскаго, Таволжанскаго, Карабашскаго и др.) достигаетъ до 4 милл. пуд., а плата за разработку — до 50 т. руб. Казачье населеніе имѣетъ заработокъ отъ рыболовства (до 7—8 т. руб.) въ Иртышѣ. Русское населеніе жило до послѣдняго времени по Иртышу и въ одномъ пунктѣ (Баянъ-Аулѣ) въ степи. Для переселенцевъ степная часть уѣзда закрыта.

Отъ пос. Ямышевскаго до слѣдующей станціи—пос. *Чернаго*, находящагося уже въ предѣлахъ Семипалатинскаго у., 22 версты. Дорога идетъ по песчаной, холмистой степи сначала верстахъ въ $2^1/_2$—3 отъ Иртыша, а потомъ, около пос. Чернаго,—верстахъ въ 6—8.

Въ пос. Черномъ около 80 дворовъ и 450 душъ обоего пола населенія; главное занятіе жителей—скотоводство, земледѣліе и рыболовство. Около пос. Чернаго, какъ и около слѣдующей станціи—пос. *Лебяжьяго* ($31^1/_2$ вер.), казаками добывается много алебастра, который сплавляется по Иртышу на плотахъ въ г. Омскъ. Поселокъ Лебяжій расположенъ на низинѣ праваго берега Иртыша. Въ поселкѣ больше сотни дворовъ и, по даннымъ за 1899 г., 570 чел. обоего пола населенія. Здѣсь есть церковь, двѣ школы и пароходная пристань, съ которой отправляется ежегодно около 30.000 пуд. алебастра.

Отъ Лебяжьяго до слѣдующей станціи— пос. *Подпускного*—$24^1/_2$ версты. Дорога тянется все время около берега Иртыша. Въ пос. Подпускномъ около 80 дворовъ и 470 жителей обоего пола. Кромѣ скотоводства жители, такъ же какъ и въ поселкахъ Черномъ и Лебяжьемъ, занимаются между прочимъ добываніемъ алебастра, который на плотахъ спускается отсюда внизъ по р. Иртышу.

Слѣдующая станція — поселокъ *Кривинскій* (24 в.)—имѣетъ около 80 дворовъ и 480 чел. населенія.

Отъ Подпускного до Кривинскаго 24 версты; дорога идетъ, такъ же, какъ и дальше—отъ Кривинскаго къ станицѣ Семіярской, по большей части лугами.

Станица *Семіярская* вслѣдствіе частаго мелководья Иртыша является весьма важной пароходной пристанью. Она основана, какъ форпостъ, въ 1720 году. Въ настоящее время въ ней есть нѣсколько небольшихъ улицъ съ деревянными домами, старинная каменная (крѣпостная) церковь, двѣ школы, станичное правленіе и почтово-телеграфное отдѣленіе. Жители (около 500 чел.) занимаются скотоводствомъ, земледѣліемъ и отчасти рыбнымъ промысломъ. По оффиціальнымъ даннымъ за 1899 г., на одно хозяйство приходилось здѣсь въ среднемъ 5 дес. посѣва, 11 лошадей, 6 головъ крупнаго рогатаго скота и 3 мелкаго. Станицѣ принадлежатъ очень обширные покосные луга, большія луговыя рощи, пашни — верстахъ въ 100 отъ станицы; вблизи же ея удобныхъ для земледѣлія земель нѣтъ. Станица Семіярская находится на половинѣ пути изъ Павлодара къ Семипалатинску.

Около станицы (въ 1 в.) есть довольно большое сравнительно (около 35 хозяйствъ) поселеніе киргизъ „джетаковъ“ (сидячихъ, осѣдлыхъ), арендующихъ у казаковъ для пастьбы скота участки въ такъ называемой „десятиверстной полосѣ“.

Дорога (26 в.) къ слѣдующей станціи—небольшому поселку *Грачевскому* (314 челов. об. пола)—идетъ вблизи Иртыша; на берегахъ показываются обнаженія сланцевъ и песчаниковъ. На противуположной сторонѣ, на лѣвомъ берегу рѣки тянутся богатѣйшіе луга.

Вблизи поселка есть залежи каменнаго угля, пока никѣмъ еще не разрабатываемыя.

По дорогѣ къ пос. *Черемуховскому* (въ 33 в. отъ Грачевскаго) тянется сосновый лѣсъ. На серединѣ пути между пос. Грачевскимъ и Черемуховскимъ лежитъ маленькій пос. *Известковый*, жители котораго (175 д. об. пола) уже съ давнихъ временъ занимаются добываніемъ и обжиганіемъ залегающаго около поселка на правомъ берегу Иртыша известняка.

Въ 20 в. отъ п. Черемуховскаго расположена по тракту станица *Долонская*. Она лежитъ на правомъ берегу Иртыша вблизи когда-то очень обширнаго *Долонскаго* бора. Въ урожайные годы ст. Долонская представляетъ собою довольно большую хлѣбную пристань; въ 1893 г. отсюда было отправлено около 400.000 пудовъ пшеницы; въ этомъ же году для сплава того же хлѣба здѣсь было построено 7 баржъ „коломенокъ„. Въ станицѣ около 150 дворовъ и 600 чел. населенія.

Отъ станицы Долонской до пос. *Бѣлокаменскаго*, получившаго свое названіе отъ сосѣдней бѣлой кварцевой скалы,—$23^1/_2$ версты. Дорога идетъ по высокому, песчаному берегу Иртыша; кое-гдѣ встрѣчаются обнаженія сланцевъ, песчаниковъ и известняковъ, залегающихъ подъ песками. Въ поселкѣ около 100 дворовъ и 500 чел. населенія. Пашни пос. Бѣлокаменскаго, такъ же, какъ и станицы Долонской, находятся вдали, верстахъ въ 30—35 къ сѣверу отъ нихъ.

Отъ Бѣлокаменки до предпослѣдней къ Семипалатинску станціи—пос. *Глуховскаго* (около 100 дв. и 500 чел. жит.) $19^1/_2$ верстъ. Далѣе, въ $5^1/_2$ в. отъ него лежитъ маленькій (дворовъ 50, около 280 чел. жите-

лей) пос. *Стеклянскій*, имѣющій на Иртышѣ хорошій затонъ для зимовки судовъ.

Въ 12 в. отъ него расположенъ привлекающій къ себѣ весной и лѣтомъ массу богомольцевъ *„Святой Ключъ“*, около котораго выстроена часовня съ иконой Абалакской Божіей Матери. Ежегодно 7 іюля изъ Семипалатинска сюда совершается крестный ходъ. Около часовни выстроено нѣсколько бараковъ для богомольцевъ.

Въ $2^1/_2$ в. отсюда на трактѣ лежитъ пос. *Старо-Семипалатинскій* (около 120 дв. и 600 ч. жит.)—бывшая Семипалатинская крѣпость, основанная въ 1718 г. дворяниномъ Василіемъ Чередовымъ и полковникомъ Ступинымъ. Въ 1776 г. она была перенесена, по распоряженію генер.-поручика Шпрингера, на 16 в. выше по Иртышу, туда, гдѣ нынѣ находится гор. Семипалатинскъ. Отъ него по песчанымъ дюнамъ до г. *Семипалатинска* 16 верстъ, а всего отъ Омска до Семипалатинска — 727 вер.

Кромѣ сухопутнаго почтоваго тракта между Омскомъ и Семипалатинскомъ существуетъ правильное *пароходное* сообщеніе.

Пассажирское движеніе поддерживается нѣсколькими пассажирскими пароходами „Товарищества Западно-Сибирскаго пароходства и торговли“—„Вѣрный“, „Н. Казнаковъ“, „Сарапулецъ“, „Фортуна“, „Казанецъ“; изъ нихъ первый ходитъ исключительно между Омскомъ и Семипалатинскомъ еженедѣльно; другіе ходятъ до Тюмени. Кромѣ того ходятъ пароходы: „Александръ Невскій“ Ботова и „Михаилъ“ Плотникова еженедѣльно. Въ среднемъ приходится весной и въ первую половину лѣта до трехъ пароходовъ въ недѣлю, отходящихъ и приходящихъ отъ Омска къ Семипалатинску. Всѣ пароходы однопалубные; каюты перваго и второго класса находятся наверху; для третьяго класса существуетъ общее зало наверху и въ трюмѣ. Каюты освѣщаются электричествомъ; въ холодное время отапливаются паромъ. На всѣхъ пароходахъ имѣется довольно хорошая кухня; есть буфетъ, причемъ все продается по таксѣ. Лучшими пароходами считаются „Александръ Невскій,“ „Вѣрный“, „Михаилъ“ и „Казанецъ“. Такса на пароходахъ „Товарищества Западно-Сибирскаго пароходства и торговли“ нѣсколько дороже, чѣмъ на другихъ пароходахъ.

Проѣздъ по Иртышу отъ Омска до Семипалатинска не представляетъ того интереса, какой имѣетъ проѣздъ по Волгѣ; здѣсь нѣтъ богатыхъ, шумныхъ городовъ, нѣтъ такихъ мѣстъ, съ которыми связаны крупныя событія исторической жизни русскаго государства. Здѣсь на разстояніи болѣе тысячи верстъ расположенъ всего одинъ небольшой уѣздный городокъ и десятка два еще менѣе значительныхъ селеній; прошлое этихъ мѣстъ не имѣетъ за собой выдающихся событій, оставившихъ послѣ себя вещественные слѣды. Природа береговъ и прилегающей мѣстности также не представляетъ особеннаго интереса: на всемъ пути она однообразна. При этомъ однообразіи и почти пустынности береговъ могучая рѣка имѣетъ зато особенный интересъ для любителя природы.

При описаніи этого пути мы не будемъ останавливаться на поселеніяхъ, лежащихъ на берегахъ Иртыша, ибо они описаны уже выше, при почтовомъ трактѣ. Здѣсь мы перечислимъ только важнѣйшія станціи пріемки и отправленія пассажировъ и грузовъ.

Первая станція для большинства пароходовъ есть станица *Черлаковская* (отправляетъ небольшія партіи сала и масла); до нея лежатъ на правомъ берегу вышеупомянутые казачьи поселки *Новый*, *Черемуховскій*, *Усть-Заостровскій*, *Ачаирскій*, *Покровскій*, *Изылбашскій*, *Соляной*, *Елизаветинскій*; кромѣ того есть нѣсколько заимокъ, арендованныхъ нѣмцами-выходцами и россійскими мѣщанами. На лѣвомъ берегу, сразу за желѣзнодорожнымъ мостомъ (въ 4 в. отъ Омска) есть небольшая переселенческая колонія, населенная сектантами; выше по рѣкѣ лежатъ небольшіе хутора, недавно основанные на арендованной у казаковъ землѣ выходцами-нѣмцами. За ними вглубь степи лежатъ новыя крестьянскія деревни *Поповка*, *Сосновка*, *Новинка* и стоитъ по берегу нѣсколько ауловъ. Этотъ участокъ Иртышскаго пути нужно признать наиболѣе заселеннымъ и оживленнымъ. Иртышъ здѣсь широкъ, тихъ и глубокъ; небольшіе перекаты выше Омска не составляютъ серьезнаго препятствія для судоходства, тѣмъ болѣе, что они обставлены бакенами. Слѣдующая пароходная пристань есть станица *Желѣзинская*; на пути къ ней лежатъ вышеупомянутые казачьи поселки—*Большой* и *Малый Атмасъ*, *Татарскій*, *Крутоярскій* и *Урлютюпская* станица; по лѣвому же берегу кромѣ ауловъ ничего нѣтъ. На всемъ этомъ пути Иртышъ однообразенъ: рѣка течетъ въ широкомъ руслѣ, образующемъ съ правой стороны высокіе наносные яры, иногда съ богатой фауной древнихъ животныхъ (не только раковинъ, но и костей такихъ животныхъ, какъ мамонтъ); лѣвый берегъ состоитъ изъ двухъ или болѣе террассъ, причемъ нижняя покрыта цвѣтущимъ лугомъ и озерами.

Слѣдующая пристань есть поселокъ *Черноярскій* (для нѣкоторыхъ пароходовъ и *Песчаный*). На пути расположены вышеупомянутые поселки *Пяторыжскій*, *Бобровскій*, *Осьморыжскій*, *Качирскій*, *Прѣсный* и *Черноярскій*. Здѣсь Иртышъ становится какъ-бы многоводнѣе: обширныя луговыя пространства, тянущіяся на десять и болѣе верстъ въ ширину, прорѣзаны рядомъ старицъ и луговыхъ озеръ, составляющихъ излюбленныя мѣста здѣшнихъ рыбаковъ. Весной здѣсь наблюдается море воды (до 18 и болѣе верстъ ширины), и при сильныхъ вѣтрахъ бываетъ такое волненіе, что плаваніе становится затруднительнымъ даже для большихъ пароходовъ (ихъ прибиваетъ къ берегу). Мѣстность однообразна: правый берегъ образуютъ по прежнему высокіе глинисто-песчаные яры, лѣвый—широкіе луга съ богатыми травами и зарослями кустовъ тала и ивъ (Salix). За ними видна сѣрая поверхность волнистой степи, сливающаяся съ горизонтомъ. На правомъ берегу съ парохода трудно видѣть прилегающую мѣстность: фарватеръ рѣки лежитъ у самаго яра, и глазъ все время упирается въ обнаженія глинъ и песковъ. Тамъ, гдѣ въ рѣку впадаютъ лога (остатки отъ прежнихъ рѣчекъ), можно видѣть безлѣсную, ровную степь, теряющуюся за горизонтомъ. Рѣдкія казачьи селенія (по тракту между ними считается отъ 16 до 30 вер., а при извилистомъ теченіи рѣки разстояніе это увеличивается вдвое). не мѣшаютъ рѣкѣ носить пустынный характеръ. Мы видѣли, что представляютъ изъ себя эти поселки въ два-три ряда бѣдныхъ избъ; съ рѣки, благодаря высокимъ ярамъ, они совершенно теряются, напоминая землянки или зимовки киргизъ; въ будни они производятъ впечатлѣніе заброшенныхъ селеній: немногочисленное населеніе теряется на просторѣ надѣльныхъ земель, тянущихся на сотни квадратныхъ верстъ,

принадлежащихъ поселку; даже рыбаковъ, проводящихъ все лѣто на рѣкѣ, трудно встрѣтить пароходу: они теряются въ многочисленныхъ протокахъ и луговыхъ озерахъ, рѣдко появляясь на самой рѣкѣ. Въ праздники селенія оживаютъ: на берегу виднѣются группы мужчинъ и женщинъ, разодѣтыхъ въ яркіе костюмы; берегъ есть единственное мѣсто для прогулки, и появленіе парохода представляетъ пріятное развлеченіе, а если онъ остановится, — то и цѣлое событіе въ жизни поселка. Пароходъ тотчасъ же наполняется любопытными продавщицами молока, яицъ, птицы и проч.; вокругъ парохода снуютъ на лодкахъ рыбаки, предлагая за дешевую цѣну рыбу.

На 550-й вер. (отъ Омска) лежитъ пристань *Черноярская*—одна изъ главныхъ на Иртышѣ. Здѣсь скапливается до 400 тыс. пудовъ соли. На 600-й верстѣ лежитъ г. *Павлодаръ* (описаный выше). Городъ расположенъ на высокомъ яру, но, при невысокихъ деревянныхъ постройкахъ, не только не представляетъ краснваго вида, а даже едва замѣтенъ. Издали бросается въ глаза только масса вѣтряныхъ мельницъ; изъ этого можно заключить, что здѣсь скапливается много хлѣба; на самомъ дѣлѣ пароходные грузы составляютъ здѣсь преимущественно хлѣбъ (зерно и мука) и продукты скотоводчества изъ Заиртышской степи. Близъ Павлодара есть глубокая протока *Уеолка*, представляющая собою удобную пристань для зимовки судовъ; но ней-же ходятъ пароходы къ вышеупомянутой *Воскресенской* пристани (для сокращенія разстоянія).

Выше Павлодара плаваніе носитъ такой-же характеръ. По правому берегу тянутся почти сплошные яры, по лѣвому—луга; на рѣкѣ много острововъ, то заросшихъ кустарниками, то песчаныхъ и голыхъ; на ярахъ-же изрѣдка показываются кучки какъ-бы вросшихъ въ землю жилыхъ строеній; это казачьи поселки, такіе же рѣдкіе, какъ и ранѣе. Стаи чаекъ вьются надъ песками, оглашая криками рѣку; осенью пески покрыты вереницами гусей, надъ луговыми озерами носятся тучи утокъ; безлюдность позволяетъ гнѣздиться здѣсь множеству разнообразной птицы. Выше Павлодара теченіе Иртыша становится быстрѣе, причемъ фарватеръ рѣки крайне измѣнчивъ какъ по направленію теченія, такъ и по глубинѣ; рѣка имѣетъ здѣсь нѣсколько рядовъ старицъ и рукавовъ. На пути лежатъ вышеупомянутыя казачьи селенія: *Подстепный*, станица *Ямышевская*, поселокъ *Черный*, *Лебяжій*, *Подпускной*, *Кривой*. Пароходы останавливаются обыкновенно у Ямышевскаго поселка.

Выше пос. *Кривинскаго* Иртышъ начинаетъ мѣнять свой характеръ. Теченіе его становится замѣтно быстрѣе; между берегами не замѣчается такой разницы, какая наблюдалась раньше: оба берега довольно возвышены, и вся долина уже. Прилегающая мѣстность также нѣсколько мѣняется: степной характеръ нарушается небольшими увалами, которые, подходя къ берегу, обрываются сланцевыми и гранитными „быками“ (утесами), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуютъ уже небольшіе пороги, стѣсняющіе проходъ судовъ; таковы пороги (или „шиверы“) у пос. *Бѣлокаменнаго* (на 60-й верстѣ отъ Семипалатинска), *Известковаго* (на 140-й вер.) и *Грачевскаго* (на 160-й вер.). Въ настоящее время производится очистка такихъ мѣстъ. Теченіе рѣки здѣсь настолько значительно, что слабосильному пароходу съ нагруженной баржей подниматься довольно трудно. Выше пос. Кривого лежатъ вышеупомянутые: станица

Семіярская, за ней пос. *Грачевскій*, *Извѣстковый*, *Черемуховскій*, станица *Долонская*, пос. *Бѣлокаменскій*, *Глухой*, *Стеклянный*.

Пароходы останавливаются въ пос. Грачевскомъ, Долонской и Семіярской станицахъ; вторая является видной хлѣбной пристанью; послѣдняя служитъ какъ перевалочное мѣсто товаровъ, идущихъ изъ Семипалатинска, въ силу того, что выше Иртышъ становится къ серединѣ лѣта мелкимъ на перекатахъ. Въ малую воду здѣсь рейсируютъ спеціальные буксирные пароходы, перевозящіе грузы изъ Семипалатинска въ станицу Семіярскую. У пос. Стекляная есть хорошая бухта (затонъ) для зимовки судовъ. На 10-й верстѣ отъ города, на лѣвомъ берегу находится вышеупомянутый *„Святой Ключъ“*; пароходы здѣсь дѣлаютъ небольшую стоянку. Передъ Семипалатинскомъ есть нѣсколько перекатовъ. Главныя пароходныя пристани *Семипалатинска* расположены въ 3—5 вер. отъ города, такъ какъ вблизи города нѣтъ удобныхъ мѣстъ для стоянки пароходовъ.

Семипалатинскъ расположенъ главнымъ образомъ на правомъ берегу р. *Иртыша*.

Основаніе г. Семипалатинска относится къ 1718 г., когда русское правительство, пользуясь дружественными отношеніями съ джунгарами, стремилось прочнѣе удержаться на верхнемъ Иртышѣ. Въ 1717 г. подполковникъ Ступинъ укрѣпилъ снова разрушенную джунгарами въ 1715 г. Ямышевскую крѣпость, а на слѣдующій годъ передвинулся вверхъ по Иртышу и заложилъ на одномъ изъ его протоковъ новую крѣпость, названную *Семипалатной*, такъ какъ близъ нея находились развалины семи зданій, построенныхъ изъ необожженаго кирпича въ началѣ XVII столѣтія благочестивымъ калмыцкимъ ханомъ; зданія служили убѣжищемъ ламъ, о чемъ свидѣтельствуютъ найденныя среди развалинъ тангутскія письмена, касающіяся ламайской вѣры. Зданія извѣстны были у калмыковъ подъ именемъ *Зордшинкидъ* („кизылъ-кенчей дворецъ“); разрушены они были повидимому во время усобицъ (1660 — 1670 г.г.). Паллассъ въ своемъ описаніи путешествія говоритъ о трехъ зданіяхъ; о другихъ же зданіяхъ можно было только догадываться по остаткамъ фундаментовъ. Въ настоящее время отъ нихъ не осталось и слѣда. Мѣсто для крѣпости было выбрано неудобное, и ее приходилось переносить на другія мѣста (теперешній городъ лежитъ уже на четвертомъ мѣстѣ). Среди иртышскихъ крѣпостей Семипалатная считалась одной изъ сильныхъ и при завоеваніи верхняго Иртыша и западнаго Алтая играла первую роль. Съ 1745 г. по 1782 г. Семипалатная считалась крѣпостью, въ 1782 г. была сдѣлана уѣзднымъ городомъ Колыванскаго намѣстничества, а въ 1797 г. была причислена къ Тобольской губерніи, въ 1822 г. была сдѣлана окружнымъ городомъ Омской обл., въ 1838 г. была отнесена къ Бійскому у. и съ 1854 г. стала областнымъ городомъ Семипалатинской области.

Въ настоящее время Семипалатинскъ есть одинъ изъ большихъ городовъ Киргизскаго края. Онъ имѣетъ до 31 тыс. жителей (въ томъ числѣ болѣе 9 тыс. магометанъ). Главная часть города расположена на правомъ берегу Иртыша (686 ф. надъ уровнемъ моря). Незначительная часть—такъ называемая *Затычная слободка*—находится на лѣвомъ берегу [1]). Съ внѣшней стороны Семипалатинскъ мало напоминаетъ областной городъ; бо́льшая часть строеній представляетъ собою небольшіе деревянные дома;

[1]) Черезъ Иртышъ ходитъ паромъ „самолетъ“. Устройство его возможно только на быстрыхъ рѣкахъ, почему здѣсь, равно какъ и выше, ходятъ черезъ Иртышъ „самолеты“. Устройство ихъ таково: къ длинному канату, верхній конецъ котораго опущенъ на середину рѣки, съ якоремъ привязывается нѣсколько лодокъ такъ, что онѣ находятся подъ острымъ угломъ къ теченію; вода напираетъ на нихъ, и онѣ постепенно захо́дятъ нѣсколько впередъ и подъ напоромъ теченія переплываютъ рѣку, увлекая и нижній конецъ каната, у котораго привязанъ паромъ.

каменные дома имѣютъ чуть-ли не исключительно только казенныя учрежденія. Лучшее каменное зданіе—мужская прогимназія. Улицы широкія, освѣщаются керосиномъ; отсутствіе мостовыхъ здѣсь не приноситъ такихъ большихъ неудобствъ, какъ въ другихъ городахъ, благодаря песчаному грунту. Но насколько удобны онѣ въ дождливую погоду, настолько же неудобны въ сухое лѣто: тогда на улицахъ города наметаются цѣлые сугробы песка, и въ воздухѣ носятся тучи мелкой песчаной пыли. Благодаря песчаной почвѣ въ городѣ почти совершенно отсутствуетъ древесная растительность; единственный городской садъ засаженъ преимущественно акаціей и карагачемъ (Ulmus campestris var. suberosa), какъ болѣе приспособленными къ существованію на песчаной почвѣ. Здѣсь, какъ въ административномъ центрѣ области, сосредото-

Семипалатинскъ.

чены областныя гражданскія и военныя учрежденія. Кромѣ того находятся: главный станъ киргизской миссіи (во главѣ съ архимандритомъ), епархіальное отдѣленіе училищнаго совѣта, окружный судъ, управленіе Семипалатинско-Семирѣченскаго горнаго округа, Иртышская описательная партія (временно), отдѣленіе государственнаго банка, отдѣленіе Сибирскаго торговаго банка, агентство Ярославско Костромского земельнаго банка, шесть страховыхъ и транспортныхъ конторъ. Общественная жизнь развита мало; изъ учрежденій имѣются общества: попеченія о начальномъ образованіи въ г. Семипалатинскѣ, любителей музыки и драматическаго искусства, правильной охоты, любителей конскаго бѣга, приказчиковъ и нѣсколько благотворительныхъ обществъ. Въ 1902 г. открытъ Семипалатинскій подъотдѣлъ Западно-Сибирскаго отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества.

Потребность въ образованіи горожанъ удовлетворяется недостаточно

(всего здѣсь 16 учебныхъ заведеній съ 1.570 учащимися). Городъ пока еще не имѣетъ ни одного средняго учебнаго заведенія; здѣсь есть только мужская и женская прогимназіи. Ходатайство города о преобразованіи этихъ учебныхъ заведеній въ полныя гимназіи впрочемъ встрѣчено сочувственно, и въ ближайшемъ будущемъ городъ будетъ имѣть двѣ гимназіи. Низшее образованіе удовлетворяется двумя городскими училищами (пятиклассное и трехклассное), однимъ начальнымъ и тремя церковно-приходскими; магометанское населеніе имѣетъ свои училища (7) при мечетяхъ. Спеціальное образованіе можно получить только въ низшей сельско-хозяйственной школѣ, находящейся въ 20 вер. отъ города на уроч. *Узунъ-Булакъ*. Въ городѣ есть общественная библіотека и при ней народные безплатные отдѣлы. При Географическомъ подъотдѣлѣ есть небольшой музей. Издаются „Памятныя книжки“ (неоффиціальное изданіе областного статистическаго комитета) и „Областныя Вѣдомости“. Неоднократныя ходатайства объ открытіи частной газеты не удались. Въ городѣ есть три каменныхъ церкви и семь мечетей. Городъ содержитъ больницу на 30 кроватей, лѣчебницу для душевно-больныхъ на 10 кроватей и двѣ амбулаторныхъ лѣчебницы; есть три вольнопрактикующихъ врача, а также областной, уѣздный и пунктовый ветеринарный врачъ. Театра нѣтъ; спектакли происходятъ въ клубѣ. Для пріѣзжающихъ имѣется небольшая гостинница съ номерами; есть извозчики.

Главная масса жителей—мѣщане и киргизы, занимающіеся хлѣбопашествомъ (въ Бельагачской степи) и мелкой торговлей. Хотя торгово-промышленная жизнь въ городѣ не особенно развита, онъ играетъ однако видную роль въ торговыхъ сношеніяхъ сѣвера края съ югомъ. Этому способствовало его выгодное мѣстоположеніе у Иртыша: здѣсь нагружаются товары, идущіе съ юга (шерсть, шкуры, мѣха, хлѣбъ и др.) на пароходы для отправки въ Россію; здѣсь-же происходитъ разгрузка почти всей массы товаровъ, идущихъ изъ Россіи (металлическія издѣлія, мануфактура и др.) для мѣстныхъ киргизъ и въ прилегающія провинціи Китая, главнымъ образомъ въ г. г. Чугучакъ, Кульджу, Кобдо, Булунъ-Тохой и др. Такимъ образомъ городъ сталъ, въ силу своего положенія, передаточнымъ и обмѣннымъ пунктомъ между русскими и киргизами, бухарцами и китайцами. Уже въ 1804 г. правительство открыло здѣсь мѣновой дворъ и таможню, и въ настоящее время многіе мѣстные торговцы живутъ преимущественно мѣновой торговлей. За послѣдніе десять лѣтъ значительно развилась въ Семипалатинскѣ хлѣбная торговля и связанная съ этимъ обрабатывающая промышленность. Въ городѣ имѣются значительныя паровыя мельницы (Красильникова, Плещеева и Мусина), вырабатывающія на 704 тыс. руб., и винокуренный заводъ (Плещеева), вырабатывающій болѣе 150 т. ведеръ сорокаградуснаго спирта; кромѣ того имѣются три дрожжевыхъ завода и одинъ водочный. Изъ другихъ крупныхъ заводовъ слѣдуетъ назвать шерстомойный съ производствомъ на 153 тыс. руб., четыре кожевенныхъ, вырабатывающихъ на сумму 134 т. руб., а также нѣсколько мелкихъ салотопенныхъ, мыловаренныхъ и кирпичныхъ заводовъ. Съ 15 декабря по 1 января въ Семипалатинскѣ происходитъ незначительная ярмарка. Торгово-промышленное значеніе города замѣтно увеличилось съ проведеніемъ Сибирской ж. д. Семипалатинскъ съ этого времени сталъ

болѣе стягивать къ себѣ окрестные грузы и отправлять ихъ по Иртышу до Омска.

Въ настоящее время существуетъ проэктъ соединить желѣзной дорогой Семипалатинскъ съ Ташкентомъ, Барнауломъ и Средне-Сибирской желѣзной дорогой. Если проэктъ осуществится, значеніе его для города и всего прилегающаго края будетъ громадно.

Окрестности города представляютъ безлѣсную степь, носящую мѣстами характеръ пустыни благодаря песчанымъ дюнамъ. Единственное мѣсто, гдѣ лѣтомъ можно найти цвѣтущую зелень—это два городскихъ острова, густо поросшіе тополемъ и ивой; на нихъ-то и проводитъ лѣто бо́льшая часть горожанъ. На сѣверъ отъ города расположена неразъ упомянутая нами черноземная, безводная *Бельгаічская* степь (см. стр. 61, 225).

Кромѣ описаннаго тракта изъ города идутъ еще три почтово-земскихъ. Опишемъ ихъ по порядку съ запада.

Съ 1901 г открытъ земскій трактъ, идущій изъ Семипалатинска въ юго-западномъ направленіи на *Каркаралы*; онъ извѣстенъ подъ именемъ *Майлигоринскаго*.

Первая станція тракта есть пикетъ *Итпасъ* (17 вер.). Пикетъ лежитъ среди глинистой, лѣтомъ пустынной равнины. На 23-й вер. трактъ переходитъ черезъ рѣчку *Мухоръ*, лѣтомъ высыхающую, за исключеніемъ небольшихъ омутовъ, гдѣ водится мелкая рыба. Далѣе попадаются гряды холмовъ; на 49-й вер. дорога приходитъ къ пик. *Кутай-Булаку*, лежащему въ горахъ *Семей-Тау* — тѣхъ самыхъ, которыя отчетливо видны вдали изъ Семипалатинска (а для ѣдущихъ на пароходѣ по Иртышу—втеченіе нѣлаго дня до пріѣзда въ Семипалатинскъ). Горы представляютъ невысокій, но мѣстами довольно крутой, гранитный гребень, достигающій 10 верстъ ширины. Въ нихъ, по словамъ киргизъ, находили прежде убѣжище барантачи. На 30½ вер. за Кутай-Булакомъ находится слѣдующая станція—*Байгазы-Чаганъ*; мѣстность здѣсь глинисто-солонцеватая; на горизонтѣ видны небольшія сопки (*Кызъ-Имчикъ*, *Коконъ* и др.). На 23-й вер. за Байгазы-Чаганомъ находится пикетъ *Кемпирскій*, лежащій среди равнины, вблизи небольшого озера и р. *Аще-Су*, притока Чагана. Въ 47½ вер. за Кемпирскимъ находится пикетъ *Бэйчалакскій*. Мѣстность здѣсь холмистая, но такого же пустыннаго характера, какъ и вначалѣ; бросаются въ глаза кустики караганы и таволги; у р. *Чаана* дорога пересѣкаетъ плоскую порфировую гряду. За Чагановъ трактъ переходитъ въ Каркаралинскій у. и, оставляя къ с. сопки *Дегеленъ* (болѣе 3.000 ф. надъ уровнемъ моря), на 34-й верстѣ отъ Бойчалакскаго достигаетъ пикета *Джамбулы-Кудука*. На 26-й верстѣ отъ него находится пикетъ *Мушеке-Булакъ*. Равнина здѣсь всхолмлена рядами грядъ сѣверо-западныхъ отроговъ *Чингизъ-Тау*. На 22½ верстѣ за Мушеке-Булакомъ расположенъ пикетъ *Кіймалы-Кудукъ*, а въ 30½ вер. за послѣднимъ—пик. *Каракольскій*. На 34-й вер. за Каракольскимъ, у западной подошвы г. *Бокъ-Тау*, дорога достигаетъ пикета *Кара-Чрекскаго*. На этомъ пути мѣстность однообразна: тянутся ряды незначительныхъ голыхъ холмовъ, между которыми проходятъ русла мелкихъ степныхъ рѣчекъ, лѣтомъ пересыхающихъ. Передъ послѣднимъ пикетомъ дорога идетъ по горамъ *Бокъ-Тау*, гдѣ преобладаютъ граниты. По высотѣ эти горы значительно выдѣляются среди другихъ окружающихъ; на нихъ указываютъ „чудскія могилы“. Отсюда по довольно ровной, глинистой равнинѣ путь идетъ до пикета *Талдинскаго*, расположеннаго на рѣчкѣ *Талды*. Отъ него по восточнымъ отрогамъ горъ *Каркаралы* дорога направляется на городъ *Каркаралинскъ* (32 в.). Всего отъ Семипалатинска до Каркаралинска по этому тракту 361½ вер.

Каркаралинскій уѣздъ—одинъ изъ самыхъ большихъ уѣздовъ Киргизскаго края—имѣетъ площадь 182.430 кв. вер. Въ естественно-историческомъ отношеніи онъ почти всюду однообразенъ, въ общемъ представляя собою холмистую, мало орошенную, глинистую или щебнистую степь, наиболѣе высокіе пункты которой достигаютъ 4.815 фут. (г. Кнаылъ-Рай); мѣстность, прилегающая къ Балхашу, носитъ пустынный характеръ. Населенія въ уѣздѣ 156.100 чел., изъ которыхъ казаковъ около 600 чел., а киргизъ 155 тыс. (33.170 кибитокъ), такъ что этотъ уѣздъ является наиболѣе киргизскимъ; среди киргизъ здѣсь притомъ много султанскихъ родовъ. За малымъ количествомъ удобныхъ для хлѣбопашества земель земледѣліе занимаетъ здѣсь одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ занятіяхъ населенія. Русскими въ 1900 г. было посѣяно 1.770 пуд. зерновыхъ хлѣбовъ, киргизами—6.550 пуд. Количество скота у русскихъ достигаетъ 4.416 гол. крупнаго и 1.176 мелкаго; у кир-

гизъ—222.764 гол. крупнаго и 509.177 гол. мелкаго Изъ другихъ занятій населенія слѣдуетъ отмѣтить охоту за мелкимъ звѣремъ. Въ уѣздѣ существуетъ издавна горная промышленность (добыча каменнаго угля, серебро-свинцовыхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ); развитіе ея тормозится, какъ и въ другихъ мѣстахъ края, отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія. Осѣдлое населеніе живетъ почти исключительно только въ г. Каркаралахъ. Для переселенцевъ уѣздъ совершенно закрытъ.

Сергіопольскій трактъ идетъ прямо на югъ отъ Семипалатинска по пикетамъ.

Первая станція его есть пикетъ *Улугузскій* (25 вер.); дорога идетъ слегка волнистой, но пустынной степью.

При пикетѣ Улугузскомъ отъ тракта отдѣляется вѣтвь на юго-востокъ для соединенія съ г. *Кокпектами*. Дорога эта идетъ почти все время по долинѣ р. *Чара*, почему и извѣстна позъ именемъ *Чарскаго* земскаго тракта. Перейдя по восточной сторонѣ горъ *Бель-Терекъ*, дорога направляется на село *Карповское* на р. *Чарѣ*; поселокъ этотъ небольшой (до 460 ж.), основанъ переселенцами въ 1895 г. Здѣсь есть школа, церковь и волостное правленіе. Жители села занимаются земледѣліемъ. Отъ Карповскаго дорога идетъ на дер. *Таубинскую*. Это большая деревня (до 850 ж.), основанная въ одно время съ предыдущей; населена она мордвой и крестьянами южно-русскихъ губерній. Къ с.-в. отъ Таубинскаго лежатъ горы *Дельбегетей*, имѣющія болѣе 2.200 ф. надъ уровнемъ моря. Отсюда путь идетъ до такъ называемаго *Чарскаго* волостного дома (45 в.), а отъ послѣдняго—до новой небольшой дер. *Покровской* (14 в.); отъ Покровской ѣдутъ до находящагося уже въ Усть-Каменогорскомъ у. большого села *Георгіевскаго* (16 вер.), имѣющаго до 1.300 жителей и представляющаго собою самое большое крестьянское (великоруссы и малоруссы) поселеніе въ Семипалатинской обл.; основано Георгіевское въ серединѣ 1890-хъ годовъ. Въ селѣ есть волостное правленіе, церковь, школа, три мелочныхъ лавки, болѣе десятка мельницъ, маслобойня и кузница. Крестьяне занимаются земледѣліемъ (при арычномъ орошеніи, которое существовало здѣсь еще у киргизъ). Большинство построекъ села—сырцовыя (изъ глинобитнаго необожженаго кирпича) за неимѣніемъ вблизи лѣса; такія постройки преобладаютъ во всѣхъ поселеніяхъ Усть-Каменогорскаго и Зайсанскаго у. у. къ западу отъ Иртыша и Калбинскихъ горъ. Отсюда дорога идетъ до небольшой дер. *Николаевской* (35 вер.). Жители ея (великоруссы, малоруссы и мордва), въ числѣ немного болѣе ста, занимаются земледѣліемъ (арычное). Всѣ описанные поселки лежатъ въ западныхъ отрогахъ *Калбинскихъ* горъ. Отъ Николаевскаго дорога идетъ уже совсѣмъ гористой мѣстностью; на серединѣ пути къ слѣдующей станціи (пос. *Кираджальскій*, 30 в.) дорога переходитъ на *Усть-Каменогорско-Кокпектинскій* трактъ (о немъ см. ниже), который и вступаетъ въ предѣлы Зайсанскаго у., направляясь къ г. *Кокпекты*.

За Улугузскимъ расположенъ пик. *Аркалыкъ* на западномъ склонѣ горъ *Бель-Терекъ*. Переваливъ за пик. Аркалыкомъ невысокія горы *Аркалыкъ*, дорога доходитъ до пик. *Ащикульскаго* (27 вер.); отъ него по степи, частью каменистой, путь направляется на пик. *Джартавскій* (21½ в.). Слѣдующая станція—пик. *Кизылъ-Мульскій* (16 вер.); за ней слѣдуетъ пик. *Аркатскій*, имѣющій почтовое отдѣленіе; лежитъ онъ на восточныхъ склонахъ горъ *Аркатъ* (2.569 ф.). Переваливъ сѣверо-западной невысокій отрогъ горъ *Альджанъ*, путь идетъ къ пик. *Альджанъ Адырскому* (24 вер.). Отъ него по волнистой, мѣстами солонцеватой равнинѣ дорога направляется на пик. *Узунъ-Булакскій* (24½ вер.). Далѣе дорога снова поднимается на невысокую горную цѣпь до пик. *Инрекейскаго* (26¼ вер.). На 18-й верстѣ отъ него дорога выходитъ изъ предѣловъ Киргизскаго края. На 22 й верстѣ отъ Инрекейскаго пикета лежитъ пик. *Алтынъ-Колакъ*, и отъ него до Сергіополя остается 26¼ вер. Всего-же отъ Семипалатинска до Сергіополя по тракту 272 версты.

Трактъ изъ Семипалатинска на *Усть-Каменогорскъ* и *Алтайскую* станицу имѣетъ в.-ю.-в. направленіе.

По выходѣ изъ города этотъ почтовый трактъ направляется къ казачьему поселку *Озерному* (18 вер.). На всемъ протяженіи дорога идетъ по правому, нагорному берегу р. *Иртыша*, который представляетъ изъ себя нѣсколько волнистую степь. Мѣстами возвышаются небольшія дюны. Близъ дороги и вдали отъ нея встрѣчается нѣсколько полувысохшихъ озеръ, заросшихъ камышомъ. Иртыша съ дороги не видно, и только передъ станціей Озерной путь подходитъ настолько близко, что ясно различается богатый зеленѣющій покровъ луговъ и отдѣльныя рощи тополей. На западѣ видны горы *Семей-Тау*, на югѣ—холмистая равнина, поднимающаяся надъ заливной долиной Иртыша; такія-же гряды холмовъ видны на с.-в.; мѣстами онѣ обнажаютъ желтый песокъ, чѣмъ и обнаруживаютъ свое происхожденіе. Близъ дороги находится кожевенный заводъ. Передъ поселкомъ приходится переѣзжать бродомъ маленькую рѣчку. Станція *Озерная* представляетъ собою небольшой казачій поселокъ (540 д. об. п. и 90 жилыхъ строеній), расположенный на высокомъ берегу Иртыша. Отъ рѣки поселокъ отдѣленъ заливнымъ лугомъ. Въ поселкѣ есть начальная (смѣшанная) школа, часовня, поселковое управленіе и мелочная лавка. Жители занимаются огородничествомъ, хлѣбопашествомъ и рыбной ловлей.

До слѣдующей станціи—*Талицкой* (24½ вер.) дорога болѣе разнообразна: приходится переѣзжать нѣсколько рѣчекъ (*Аширкины* и *Андреевки*; на первыхъ лежитъ *Аширкина* усадьба); здѣсь есть нѣсколько довольно большихъ уваловъ и овраговъ. Характеръ растительности начинаетъ мѣняться: обильно появляются впервые на всемъ описываемомъ трактѣ нѣкоторыя растенія предгорій.

На 8-й верстѣ за Талицкой лежитъ небольшая деревня *Новая*, за ней нѣсколько хуторовъ (*Андреевскіе* и *Фанбольскій*) и винокуренный заводъ; за Иртышомъ показываются невысокія, безлѣсныя сопки *Саротанъ*. Поселокъ *Талицкій* (около 100 жилыхъ строеній, 560 душъ об. п.) лежитъ на высокомъ берегу Иртыша, но, какъ и предъидущій, отдѣленъ отъ рѣки большимъ заливнымъ лугомъ. Въ немъ находятся: начальная (смѣшанная) школа, поселковое управленіе, мелочная и винная лавки.

Изъ поселка трактъ идетъ до станціи *Шульбинской* (25½ в.). Прежде онъ шелъ по правому берегу Иртыша, но за послѣдніе годы дорога стала невозможной, благодаря развитію здѣсь песчаныхъ дюнъ; обыкновенный дорожный тарантасъ приходится запрягать по 6—8 лошадей, чтобы перебраться черезъ дюны. Теперешній путь, выйдя изъ поселка, спускается на лугъ, и на 2-й верстѣ приходится переѣзжать на паромѣ Иртышъ. Паромъ—„самолетъ“, и поэтому никакихъ затрудненій при переправѣ не бываетъ (съ экипажа берутъ 20 коп.). Перейдя на лѣвый берегъ, дорога пересѣкаетъ устье степной рѣки *Чаръ* и идетъ сначала заливнымъ лугомъ съ богатой травяной и древесной растительностью (среди послѣдней весной бросается въ глаза душистая бѣлая акація), затѣмъ поднимается на безлѣсный увалъ (сѣверо-западные отроги сопокъ *Керегс-Тасъ*) надъ долиной Иртыша. По увалу разбросано много пашенъ. Правый берегъ рѣзко выдѣляется надъ долиной благодаря высокимъ, обрывистымъ берегамъ съ буграми желтаго песка; по послѣднимъ растутъ рѣдкія сосны и ели. Передъ станціей трактъ переходитъ на небольшой лугъ; отсюда на паромѣ-самолетѣ переплываютъ

на другой берегъ; теченіе въ этомъ мѣстѣ весьма быстро, и переправа совершается скоро. Берегъ у поселка высокій, и мѣстами видны обнаженія сланцевъ и песчаниковъ. Взвозъ отъ парома настолько крутъ, что въ дождливую погоду ѣзда по нему небезопасна.

Шульбинскій поселокъ довольно значителенъ (въ немъ 3 улицы и около 120 жилыхъ строеній); населеніе поселка—казаки—достигаетъ 690 д. об. п.; въ поселкѣ есть начальная смѣшанная школа, миссіонерская церковь, поселковое управленіе, мелочная и винная лавки. Жители занимаются хлѣбопашествомъ и табаководствомъ.

Въ окрестностяхъ п. Шульбинскаго есть мѣсторожденія мѣди и остатки древнихъ рудныхъ разработокъ.

До слѣдующей станціи *Пьяноярской* (23½ вер.) дорога идетъ по правому берегу Иртыша. Мѣстность холмистая; есть небольшіе перевалы и глубокіе лога, а также бродъ черезъ р. *Осиху*. Поселокъ вытянутъ вдоль берега Иртыша, имѣетъ около 120 жилыхъ строеній и болѣе 680 душъ об. п. Жители—казаки—занимаются хлѣбопашествомъ, табаководствомъ, рыболовствомъ и скотоводствомъ; производится также ломка камня и сплавъ его. Въ поселкѣ есть начальная школа, мелочная и винная лавки и поселковое управленіе.

Изъ этого поселка идетъ почтовый трактъ на гор. *Змѣиногорскъ* (Томской губ., 200¾ в.). Описываемый-же трактъ продолжается на станицу *Убинскую* (16 вер.) по берегу Иртыша; мѣстность представляетъ собою почти совершенно ровную степь. Станица расположена при впаденіи р. *Убы* въ Иртышъ и имѣетъ около 710 жителей (жилыхъ строеній 108). Жители—казаки—занимаются хлѣбопашествомъ, рыболовствомъ и скотоводствомъ. Въ поселкѣ есть школа, мелочная лавка, часовня и поселковое управленіе.

Первыя 5 верстъ за Убинскимъ дорога идетъ правымъ берегомъ р. *Убы*; передъ зажиточнымъ селомъ *Убинскимъ* (Томской губ.) она переходитъ ее и тянется вдоль берега Иртыша, причемъ село Убинское остается въ сторонѣ. Черезъ Убу ходитъ по канату паромъ (плата 15 коп. съ вольныхъ), а бродовъ нѣтъ. Отъ Убы трактъ идетъ по Томской губ., которая вклинивается здѣсь (а также южнѣе) въ Семипалатинскую обл. неширокими полосами. Мѣстность довольно холмистая: дорога то поднимается на высокіе увалы (влѣво видны сопки *Грачевка* и *Караульная*, мѣста прежнихъ маяковъ), то спускается въ лога, или пересѣкаетъ долины рѣчекъ (*Ванявка*, отъ которой идетъ поворотъ въ д. *Зѣвакину* на берегу Иртыша, а также *Половинная*).

На увалѣ за послѣдней рѣчкой трактъ снова вступаетъ въ Семипалатинскую область и за сопкой *Слюденкой* поворачиваетъ къ берегу Иртыша.

Семипалатинскій уѣздъ занимаетъ 64.786 кв. вер.; въ естественно-историческомъ отношеніи онъ почти вездѣ однообразенъ: здѣсь преобладаютъ глинистыя степи, на юго-восточной окраинѣ всхолмленныя небольшими горами. Населенія въ уѣздѣ 139.400 чел., изъ нихъ киргизъ 120.600 чел. и казаковъ 9.230 чел.; остальные крестьяне. Казачьихъ поселеній—14, крестьянскихъ—9 (?), кибитокъ (юртъ)—23.585. Значительныхъ осѣдлыхъ пунктовъ нѣтъ. Болѣе распространеннымъ занятіемъ у осѣдлаго населенія является земледѣліе; въ 1900 г. въ уѣздѣ было посѣяно зерновыхъ хлѣбовъ 297.270 пуд.; у киргизъ (особенно бельагачскихъ) земледѣліе также распространено; всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ было посѣяно у нихъ 92.480 пуд. Лучшія хлѣбородныя черноземныя мѣста находятся къ сѣверу и востоку отъ г. Семипалатинска въ Бельагачской степи (принадлежащей собственно Кабинету Его Имп

Величества, но предоставленной въ аренду населенію Семипалатинскаго у.). Скотоводствомъ занимается и осѣдлое населеніе. Всего скота въ уѣздѣ было (въ 1900 г.) 636.609 головъ; на долю кочевого населенія приходится 579.817 головъ, изъ нихъ 212.465 штукъ крупнаго; у осѣдлаго—56.792 гол., изъ нихъ 41.840 крупнаго. Промышленность уѣзда незначительна; здѣсь имѣется только одна паровая мельница (въ окрестностяхъ Семипалатинска) при 155 раб. съ производствомъ на 704 т. руб. и винокуренные заводы. Въ уѣздѣ предположена нарѣзка для переселенцевъ новыхъ крестьянскихъ участковъ.

Далѣе трактъ идетъ уже къ Усть-Каменогорску. Перейдя р. *Барашевку* (хорошій бродъ), трактъ входитъ въ поселокъ *Барашевскій* (25 в. отъ Убинскаго). Это небольшое бѣдное казачье поселеніе у подножья невысокихъ сопокъ на берегу Иртыша (жилыхъ строеній 90, жителей около 390). Здѣсь есть начальная (смѣшанная) школа, часовня, мелочная и винная лавки, поселковое управленіе. Жители занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Кромѣ того здѣсь, какъ и въ послѣднихъ трехъ поселкахъ, разводится табакъ (въ 1901 г. собрано 7.286 пуд. или 71% всего сбора табака у казаковъ), а также много подсолнуховъ.

За Барашевскимъ поселкомъ дорога пролегаетъ по холмистой мѣстности и сначала идетъ вдали отъ Иртыша. На пути есть небольшой бродъ черезъ рѣчку *Орловку*, за которой трактъ вступаетъ въ полосу Томской губ., и нѣсколько подъемовъ. На 10-й верстѣ дорога спускается въ устье долины р. *Березовки*, при впаденіи которой въ Иртышъ лежитъ *Березовка*—большая деревня, растянувшаяся верстъ на 1½ по берегу Иртыша. Здѣсь есть церковь и лавка. Отъ этой деревни дорога идетъ уже вполнѣ гористой мѣстностью, причемъ встрѣчаются красивыя сопки (*Гребень*, *Круглая*, *Жерновая* и др.) на границѣ съ Семипалатинской обл. Такія же сопки виднѣются и на лѣвомъ берегу Иртыша. *Красноярскій* поселокъ (въ 20½ в. отъ Барашевскаго) лежитъ на обрывистомъ берегу Иртыша; населенъ онъ казаками (около 310 д. об. п., жилыхъ строеній до 60); селеніе это бѣдно; въ немъ есть начальная школа, мелочная лавка и поселковое управленіе. Жители занимаются хлѣбопашествомъ.

Въ 5 вер. въ горахъ есть остатки Березовскаго рудника и такъ называемыя „чудскія копи".

Отъ этой станціи трактъ идетъ на поселокъ *Уваровскій* (21½ вер.). Мѣстность гористая; есть небольшіе подъемы, съ которыхъ открываются довольно красивые виды на окрестность и Заиртышскія горы; два брода ведутъ черезъ рр. *Среднюю* (за ней начинается полоса Томской губ.) и *Крутую*. На 14-й вер. дорога идетъ черезъ дер. *Глубокую*, расположенную у подошвы окружающихъ ее сопокъ (*Гороховы*), на берегу Иртыша, при впаденіи въ него р. *Глубокой*; въ деревнѣ есть школа, церковь мелочная и винная лавки. За Иртышомъ противъ нея лежитъ д. *Донская*. На 2 й в. отъ деревни трактъ входитъ въ предѣлы Семипалатинской обл. Близъ сопки *Жерновой* онъ раздваивается: одинъ идетъ на казачій поселокъ *Уваровскій*, другой—на крестьянскую д. *Уваровскую*. Первый пролегаетъ по берегу Иртыша. Жителей въ Уваровскомъ около 560 д. об. п. (до 85 жилыхъ строеній); занимаются они хлѣбопашествомъ; здѣсь есть начальная школа, мелочная и винная лавки, а также поселковое управленіе. Изъ поселка трактъ проходитъ мимо дер. Уваровской и направляется на г. *Усть-Каменогорскъ* (24½ вер.). На 4-й вер. дорога вступаетъ въ предѣлы Томской губ. Мѣстность здѣсь носитъ менѣе гористый характеръ;

на 8-й в. трактъ проходитъ черезъ крестьянскую дер. *Прапорщикову*, а за ней выходитъ на небольшой увалъ, съ котораго видна колокольня Усть-каменогорскаго собора. Послѣ брода черезъ р. *Орловку* дорога вступаетъ въ Семипалатинскую обл. и идетъ до самаго города слабо волнистой степью.

Всѣ описанные казачьи поселки основаны въ 1745 году начальникомъ линіи ген. Кындерманомъ съ цѣлью „охраненія границъ и пресѣченія перелазовъ непріятельскихъ; частые и повседневные разъѣзды, коими усмотрѣть воровскіе тракты будетъ можно; людямъ и лошадямъ будетъ облегченіе, коммуникація благонадежнѣе и разъѣзды продолжать не такъ будетъ трудно.“ Сначала здѣсь были простые дворы съ деревянной защитой, гдѣ жила сторожевая команда казаковъ; въ 1764 г., при усиленіи границы они были возведены на степень форпостовъ, къ которымъ и приписано населеніе. Теперешніе поселки, несмотря на свое 160-лѣтнее существованіе, недалеко ушли съ внѣшней стороны отъ прежнихъ форпостовъ.

Передъ г. Усть-Каменогорскомъ приходится переѣзжать р. *Ульбу*, весной и раннимъ лѣтомъ на паромѣ (15 коп.), въ малую же воду можно и бродомъ.

Г. **Усть-Каменогорскъ** расположенъ на правомъ берегу р. Иртыша при впаденіи въ нее р. *Ульбы*. Основаніе города относится къ 1720 г., когда, послѣ неудачной экспедиціи Бухгольца, имѣвшей цѣлью дойти до Яркенда и развѣдать о золотѣ „о рѣкѣ Дарьѣ, куда она устьемъ вышла“,—Петромъ Великимъ была послана вторая экспедиція во главѣ съ Лихаревымъ. Послѣдній поплылъ вверхъ по Иртышу на 34 досчаникахъ съ 440 чел. при 13 пушкахъ и 6 мортирахъ, проникъ въ оз. Зайсанъ и далѣе на р. Черный Иртышъ. Тамъ онъ былъ окруженъ джунгарами, и хотя нападенія ихъ были отбиты, Лихаревъ вернулся назадъ. Отыскивая мѣсто для крѣпости, которая могла-бы служить опорой для дальнѣйшихъ экспедицій, Лихаревъ заложилъ на правомъ берегу Иртыша, при выходѣ его изъ горъ и при впаденіи р. Ульбы (804 ф. надъ уровнемъ моря) крѣпость *Усть-Каменную* (достраивали эту крѣпость Ступинъ и инженеръ-капитанъ Летранжу). Это была одна изъ сильныхъ южныхъ иртышскихъ крѣпостей. Позже, съ образованіемъ сибирскаго казачьяго войска она была переименована въ казачій поселокъ, затѣмъ въ станицу. Съ увеличеніемъ неказачьяго населенія поселокъ получилъ городское управленіе, а съ 1868 г. былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Семипалатинской обл.

Въ настоящее время Усть-Каменогорскъ, хотя и занимаетъ второе мѣсто по величинѣ въ Семипалатинской области, представляетъ однако скорѣе большую станицу. Въ немъ нѣтъ большихъ и богатыхъ магазиновъ, нѣтъ крупной торговли; вообще съ внѣшней стороны онъ мало напоминаетъ городъ. Изъ большихъ зданій можно назвать городское трехклассное училище. Есть здѣсь также двѣ церкви (одна каменная) и деревянные торговые ряды. Благоустройствомъ городъ не отличается: несмотря на близость камня для мощенія улицъ, послѣднія весной и осенью трудно проходимы. Торгово-промышленное значеніе города незначительно: есть 2 мыловаренныхъ завода, вырабатывающіе на 20 тыс. руб., и шесть кожевенныхъ, производящихъ на 134 тыс. руб.; здѣсь нѣтъ крупныхъ торговыхъ фирмъ, не бываетъ и значительныхъ ярма-

рокъ. Населенія въ 1900 г. насчитывалось въ Усть-Каменогорскѣ 10 тыс. жителей, изъ нихъ бо́льшая часть—мѣщанъ и казаковъ; они занимаются хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ и скотоводствомъ. Въ городѣ есть кромѣ городского училища три начальныхъ, церковно-приходская и татарская школы; въ окрестностяхъ существуетъ низшая сельскохозяйственная школа съ фермой. При городскомъ училищѣ имѣется публичная библіотека; недавно усиліями мѣстной интеллигенціи открытъ народный домъ съ читальней. Есть также городская больница на 10 кроватей, два медицинскихъ врача и одинъ ветеринарный, наконецъ одна аптека. Въ городѣ находится управленіе атамана третьяго отдѣла сибирскаго казачьяго войска и стоитъ баталіонъ войскъ. Гостинницъ для пріѣзжающихъ нѣтъ; есть извозчики. Зимой съѣзжаются въ городъ служащіе съ ближайшихъ золотыхъ пріисковъ; здѣсь же живетъ и большинство золотопріискателей, такъ что городъ можетъ считаться центромъ мѣстной золотопромышленности.

Изъ Усть-Каменогорска выходятъ, кромѣ описаннаго, три почтовыхъ пути: одинъ—черезъ *Кокпекты* до *Зайсана*(съ телеграфомъ); второй — вверхъ по Иртышу до ст. *Бухтарминской* и далѣе до ст. *Алтайской* и третій — на *Бійскъ* и *Барнаулъ*; послѣдній лежитъ въ предѣлахъ края только на протяженіи одной станціи, почему на описаніи его мы не будемъ останавливаться.

Церковь въ Усть-Каменогорскѣ.

Кокпектинскій трактъ направляется на югъ и соединяетъ Усть-Каменогорскъ съ центромъ мѣстной золотопромышленности—*Калбинскими* горами. Съ середины 1890-хъ годовъ были образованы здѣсь кромѣ того русскія деревни, такъ что движеніе по нему усилилось.

Трактъ пересѣкаетъ р. Иртышъ подъ Усть-Каменогорскомъ и затѣмъ начинаетъ медленно подниматься на возвышенность. Первая станція по этому тракту—пикетъ *Урунхайскій* (29 1/2 в.). Мѣстность здѣсь степная, но среди нея выдается нѣсколько сопокъ; изъ нихъ наиболѣе интересны *Монастырскія*. Мѣстные жители вѣрятъ, что въ нихъ скрыты сокровища древнимъ народомъ „чудь“.

Къ с.-з. отъ Урунхайскаго пикета лежатъ горы *Аиръ-Тау* (болѣе 3.100 ф. надъ уровнемъ моря).

Въ сторонѣ, на ю.-в. отъ Кокпектинской дороги, на одномъ изъ притоковъ р. *Аблайкитки* (идущей параллельно тракту и впадающей въ Иртышъ немного выше Усть-Каменогорска) находятся развалины знаменитаго калмыцкаго *Аблайкитскаго* буддійскаго монастыря. Монастырь этотъ былъ построенъ калмыцкимъ (джунгарскимъ) ханомъ Аблаемъ въ половинѣ XVII в. и служилъ ему резиденціей,

но во время усобицъ въ 1670-хъ годахъ былъ разрушенъ. Русскій посолъ Ѳед. Ив. Байковъ, отправленный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ къ китайскому императору, провелъ здѣсь четыре зимнихъ мѣсяца въ 1654 г. въ гостяхъ у хана Аблая и засталъ еще окончаніе постройки монастыря выписанными изъ Китая мастерами. Въ пищевомъ отношеніи монастырь повидимому обезпечивался трудомъ бухарцевъ, спеціально поселенныхъ ханомъ Аблаемъ вокругъ и заведшихъ здѣсь арычную культуру хлѣбовъ (ячмень, просо, горохъ и пр.). Въ царствованіе Петра Великаго сибирскимъ губернаторомъ кн. Гагаринымъ было доставлено въ Петербургъ нѣсколько рукописей изъ Аблайкитскаго монастыря, написанныхъ золотыми и серебрянымъ буквами на голубой и черноватой бумагѣ. Петръ В. отправилъ ихъ въ Парижскую академію наукъ. Это были первыя рукописи, обратившія вниманіе западно-европейскихъ ученыхъ на тибетскую литературу. Въ 1734 г. здѣшняя библіотека была уже въ значительной мѣрѣ расхищена невѣжественными киргизами и казаками. Тѣмъ не менѣе, по порученію академика Миллера, тогда же были доставлены изъ Аблайкитскаго мон. въ Усть-Каменогорскъ до 1.500 листовъ рукописей частью на бумагѣ, частью на березовой корѣ, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ досокъ, разрисованныхъ фресками. Бо́льшая часть рукописей оказалась религіознаго буддійскаго содержанія. Площадь Аблайкитскаго мон., обнесенная стѣною въ 4 арш. толщины и 5 арш. высоты, занимала пространство въ 500 саж. длины и 250 саж. ширины и имѣла форму продолговатаго четырехугольника. Внутри его на кирпичной террассѣ немного выше человѣческаго роста находились храмы. Въ одномъ изъ здѣшнихъ зданій повидимому были устроены печи, въ которыхъ ламы приготовляли лекарства, плавили металлы и обжигали глину для лѣпки божковъ, которыми они снабжали вѣрующихъ. Въ одномъ изъ храмовъ было 16 пьедесталовъ, расписанныхъ цвѣтами и служившихъ повидимому подножіями истукановъ. Здѣсь находились также остатки огромной лѣпной статуи, разбитой когда-то казаками; на стѣнахъ монастыря было найдено до 200 буддійскихъ изображеній. Хранилище рукописей помѣщалось въ сѣверной стѣнѣ монастыря. Палласъ засталъ еще нѣсколько сохранившихся зданій самого монастыря, украшеннаго живописными, вытканными и высѣченными на стѣнахъ помѣщеній или дворцовъ для ламъ изображеніями божковъ (бурханы). Но все это уже тогда расхищалось и растаскивалось какъ русскими, такъ и киргизами; теперь здѣсь сохранились только безформенные слѣды прежнихъ зданій, крѣпостныхъ стѣнъ, арыковъ и колодцевъ.

Къ слѣдующей станціи—пикету *Себинскому* (23 вер.) мѣстность дѣлается уже гористой.

Влѣво отъ дороги выдѣляются сопки *Чертей-Тау*; въ нихъ находится нѣсколько мелкихъ золотыхъ пріисковъ.

За пик. Себинскимъ начинается подъемъ на *Сенташскій* перевалъ черезъ *Калбинскія* горы. Слѣдующая станція пик. *Сенташъ* (24 вер.) лежитъ въ Калбинскихъ горахъ по южному ихъ склону.

Въ окрестностяхъ пикета, къ в.-ю.-в. отъ него находится много пріисковъ; изъ нихъ крупными будутъ: *Поповскій*, *Успенскій*, *Маріинскій*, *Никольскій* и *Казанскій*; кромѣ того есть и много мелкихъ.

Отъ пикета Сенташскаго дорога поворачиваетъ нѣсколько къ западу и, спускаясь по долинѣ рч. *Ачанакты*, слѣдуетъ до пикета *Ачанококтинскаго* (25½ в.) по такой-же гористой мѣстности; здѣсь въ сторону отъ тракта отходитъ нѣсколько пріисковыхъ дорогъ.

Передъ станціей, нѣсколько влѣво отъ дороги находится новая дер. *Маріинская* (до 200 жит. малороссовъ и великороссовъ).

За пик. Ачанококтинскимъ къ тракту примыкаетъ съ с.-з. вышеупомянутая дорога изъ Семипалатинска на Кокпекты. До слѣдующей станціи—пик. *Караджальскаго* (28 вер.) гористый характеръ мѣстности удерживается. Передъ пикетомъ дорога входитъ въ предѣлы Зайсанскаго уѣзда.

Въ сторонѣ лежитъ нѣсколько золотыхъ пріисковъ (*Варваринскій* и др.).

На сѣверо-востокъ отъ пикета Караджальскаго рѣзко возвышается надъ окружающей мѣстностью куполообразная гора *Калмыкъ-Тологой*. Порфировые утесы

горы испещрены различными надписями и изображеніями животныхъ—мараловъ, козловъ и лошадей; на вершинѣ и склонахъ много „чудскихъ могилъ“ (всѣмъ этимъ впрочемъ богаты и многія другія мѣстныя горы). Съ горы открывается чудный видъ на далекое пространство: виденъ *Тарбагатай* и *Призайсанская* равнина.

У киргизъ существуютъ про Калмыкъ-Тологой легенды. Вотъ одна изъ нихъ. Калмыкъ-Тологой находился между оз. Зайсаномъ и Тарбагатаемъ близъ горы *Сартъ-Толоюй*. Въ то время въ предгорьяхъ Тарбагатая кочевали два великана—отецъ и сынъ. Они задумали запрудить Иртышъ у Усть-Каменогорска и для этой цѣли подняли Калмыкъ-Тологой и понесли его туда. Дойдя до того мѣста, гдѣ теперь расположена гора, они остановились на ночлегъ. Въ этой мѣстности кочевало племя, у котораго была высватана невѣста для сына великана, но не весь калымъ былъ еще уплаченъ. По обычаю же невѣста не должна дѣлаться женой до уплаты всего калыма. Не видѣвъ давно невѣсты, женихъ выпросилъ у отца позволеніе побывать у невѣсты; отецъ дозволилъ, но напомнилъ, что не весь калымъ уплаченъ, и невѣста не должна дѣлаться его женой; за нарушеніе-же закона предковъ ему грозитъ величайшее наказаніе. На другой день сынъ вернулся къ отцу; когда они приготовились продолжать путь и подняли на себя гору,—послѣдняя упала и задавила ихъ. Видно законъ предковъ былъ нарушенъ, и Провидѣніе наказало за это. Когда о смерти ихъ узнала мать, она захотѣла посмотрѣть на могилы своихъ близкихъ; съ горы *Кизылъ-Чеку* въ первый разъ она увидѣла Калмыкъ-Тологой и такъ предалась горю, что изъ ея глазъ потекли кровавыя слезы, обратившіяся въ красный камень („кизылъ“ значитъ красный); когда она дошла до мѣста *Ахъ-Тасъ*, у ней текли уже бѣлыя слезы, обратившіяся въ бѣлый камень. Легенда имѣетъ нѣкоторыя общія черты съ калмыцкой-же легендой объ образованіи горы Богдо въ Заволжской степи (сравн. „Россія“, т. VI, стр. 529). Кромѣ этого киргизы разсказываютъ о страшномъ побоищѣ здѣсь калмыковъ во время одной войны [1]).

На всемъ протяженіи отъ Урунхайскаго пикета до Кокпектовъ въ горахъ преобладаютъ глинистые сланцы, песчаники и известняки, принадлежащіе повидимому къ палеозойскимъ образованіямъ; эти породы прерваны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гранитами, порфирами, а въ сѣверной части даже кое-гдѣ гнейсами. Въ горахъ много „чудскихъ“ могилъ и копей, въ которыхъ находятъ различныя мѣдныя и каменныя вещи.

За пик. Караджальскимъ дорога выходитъ изъ горъ въ долину р. *Чагалека* и близъ его праваго берега проходитъ къ г. *Кокпекты* (29 вер.) Всего отъ Усть-Каменогорска до Кокпектовъ—159 верстъ.

Кокпекты или *Кокпектинскъ* — заштатный городъ Зайсанскаго у. Состоитъ онъ изъ двухъ частей: собственно города и казачьей станицы, основанныхъ въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія. Городъ насчитываетъ около 800 жителей, въ станицѣ же болѣе 2 тысячъ душъ. Съ внѣшней стороны Кокпекты представляютъ собою небольшую деревню съ тремя улицами и небольшими саманными постройками, растянувшимися по берегу небольшой рѣчки *Кокпектинки* (567 ф. надъ уровнемъ моря). Въ городѣ есть двѣ школы (городская и казачья) и церковь. Здѣсь живетъ судья, есть почтово-телеграфное отдѣленіе и ветеринарный пунктъ (врачъ). Жители занимаются хлѣбопашествомъ (у всѣхъ арычное земледѣліе) и скотоводствомъ.

Окрестности города пустынны (само названіе города Кокпекты дано по имени растенія солончановыхъ пустынь—кокъ-пека (Atriplex).

Изъ города выходитъ проселочный трактъ на пос. *Буконь* и далѣе къ Иртышу; о немъ будетъ сказано ниже.

Главный трактъ идетъ вправо отъ р. Кокпектинки на юго-востокъ. Первыя двѣ станціи—пикеты *Аралъ-Тюбе* (23¼ вер.) и *Джусъ-Агачъ* (19½ вер.). Здѣсь дорога тянется ровной, пустынной степью, не удаляясь отъ долины рѣчки. Далѣе трактъ начинаетъ отклоняться къ западу; на 21-й вер. лежитъ пикетъ *Чоганакскій* или *Кара-Уткульскій*. Противъ него есть бродъ черезъ Кокпектинку того-же названія. Отсюда уже хо-

[1]) Дополненія къ „Землевѣдѣнію Азіи“ К. Риттера, т. IV, стр. 146.

рошо замѣтна широкая гладь оз. *Зайсана*, а прямо на югъ—темносинія очертанія *Тарбагатая*, украшенныя на вершинахъ бѣлѣющими пятнами снѣга. Дорога идетъ далѣе такой-же солонцевато-песчаной равниной, бывшей несомнѣнно древнимъ ложемъ озера (по дорогѣ встрѣчаются раковины; для геолога представляютъ большой интересъ сухія русла рѣчекъ).

Озеро *Зайсанъ* лежитъ въ 12—18 вер. къ с.-в. отъ тракта; берега его—то песчаные, то поросли камышомъ. Описаніе озера дано выше (стр. 40)

Здѣсь лежатъ слѣдующіе пикеты: *Базарка* (28¹/₄ в.), отъ которой идетъ караванный путь черезъ *Тарбагатай* къ перевалу *Хабаръ-Асу* и далѣе черезъ границу въ китайскій городъ *Чугучакъ*; *Бурханка* (25 вер.), *Чорга* (15¹/₂ в.), *Эспе (Нора)* (17 вер.) и *Тай-Джузгенъ* (23 в.).

Около послѣдняго подходятъ къ дорогѣ небольшія гранитныя сопки *Сартъ-Толгой*, представляющія собой отроги *Монракскихъ* горъ, которыя уже ясно выступаютъ на горизонтѣ рѣзкими формами своихъ вершинъ, а за серебристой полосой оз. Зайсана выступаютъ темносиней грядой, окутанныя будто дымомъ, *Алтайскія* горы. Отъ всѣхъ перечисленныхъ пикетовъ ведутъ вьючныя дороги по рѣчкамъ черезъ Тарбагатай (перевалъ *Хабаръ-Асу*, о которомъ см. I главу, стр. 30) въ гор. *Чугучакъ*.

Слѣдующія станціи отъ *Тай-Джузгена*: пик. *Сары-Булакъ* (19 вер.) и *Кара-Булакъ* (31 вер.). Дорога здѣсь идетъ по отрогамъ горъ; вдали показываются снѣжныя вершины *Саура*. На пути приходится переѣзжать нѣсколько горныхъ рѣчекъ; особенно бурна рѣка *Уйдене*, черезъ которую сдѣланъ мостъ. Наконецъ послѣдняя станція тракта есть городъ *Зайсанъ* (17 вер.).

Основаніе г. **Зайсана** или *Зайсанска* относится къ 1868 г., когда къ Россіи отошла бо́льшая часть теперешняго Зайсанскаго уѣзда, и чувствовалась необходимость основать здѣсь военный постъ для поддержанія порядка и управленія краемъ. Теперь это небольшой городокъ, имѣющій около 4 тыс. жителей — русскихъ, киргизъ, татаръ и сартовъ; при этомъ въ городскомъ населеніи около ²/₃ мужчинъ; расположенъ онъ на 2.200 ф. надъ уровнемъ моря, на берегу бурной рѣчки *Джеминейки*, берущей начало изъ горъ. Городъ состоитъ изъ собственно города и казачьей станицы. Строенія сырцовыя и безъ крышъ, что́ напоминаетъ среднеазіатское поселеніе; около домовъ проведены арыки. Благодаря имъ по сторонамъ улицъ удалось развести тѣнистые сады; обиліе зелени и бѣленыя строенія придаютъ городку веселый и чистый видъ, что́ особенно пріятно встрѣтить въ голой и почти пустынной степи. Въ городѣ есть небольшая церковь, городское трехклассное училище и женская приходская школа. Изъ учрежденій здѣсь помѣщаются: уѣздное управленіе, казначейство, таможня, почтово-телеграфная контора, лѣсничество; живутъ медицинскій (при больницѣ) и ветеринарный врачи, податной инспекторъ, судья. Въ городѣ стоитъ батальонъ и казачій полкъ. Торгово-промышленное значеніе города въ настоящее время незначительно: въ городѣ есть нѣсколько мелкихъ лавокъ, въ окрестностяхъ происходитъ ломка бураго угля, а часть казаковъ ходитъ на рыбную ловлю на оз. Зайсанъ. Въ мѣстной таможнѣ происходитъ осмотръ каравановъ, идущихъ изъ Монголіи и Джунгаріи. Въ окрестностяхъ города находится низшая сельскохозяйственная школа.

Здѣсь кончается почтовый трактъ и телеграфъ.

Отсюда идутъ колесныя дороги къ оз. *Зайсану* и р. *Черному Иртышу* (переѣзжаютъ послѣдніе на паромѣ) и вьючные пути черезъ *Сауръ* въ долину р. *Чиликты* и да-

лѣе черезъ переѣалы *Бурча-Сутай*, *Бай-Мурзинскій*, *Чаганъ-Обо* и *Керегенъ-Тасъ* -- въ предѣлы Китая (общая характеристика этихъ путей сдѣлана въ 1-й главѣ, при описаніи переваловъ). На Чаганъ-Обо находится ветеринарно-охранный пунктъ.

Колесная дорога идетъ отъ Зайсанска на востокъ до послѣдняго русскаго селенія—казачьяго поселка *Кендерлыкъ*, расположеннаго на правомъ берегу горной рѣки *Кендерлыка*, въ 32 вер. Поселокъ небольшой, населенъ казаками (до 350 жит.). Въ окрестностяхъ его существуютъ богатыя залежи бураго угля, который и разрабатывается для мѣстнаго потребленія (идетъ въ Зайсанскъ). Изъ поселка выходятъ къ границѣ (30 вер.) два пути: одинъ по горамъ черезъ уроч. *Акъ-Кезень*, другой—черезъ пограничный столбъ *Уласты*. По нимъ ходятъ только караваны.

Къ сѣверу отъ р. Чернаго Иртыша проходятъ нѣсколько дорогъ, по которымъ движутся киргизы на лѣтовки въ окрестности оз. *Марка-Куля*. Вьючнымъ путемъ дорога не составляетъ большихъ затрудненій для переѣзда; только горы передъ Марка-Кулемъ составляютъ нѣкоторыя препятствія, при отсутствіи въ нихъ удобныхъ переваловъ.

Улица въ Зайсанѣ.

Теперь перейдемъ къ описанію *Бухтарминско-Алтайскаго* тракта изъ Усть-Каменогорска.

Этотъ путь является весьма важнымъ по своему значенію, такъ какъ соединяетъ южный Алтай и прилегающія къ нему провинціи Китая съ воднымъ путемъ у Семипалатинска. Основаніе этого пути было положено въ 1760 г., когда русское правительство, въ виду предстоявшихъ столкновеній китайцевъ съ джунгарами, рѣшило оградить свои владѣнія (особенно алтайскіе заводы) отъ нападеній воюющихъ рядомъ форпостовъ. Но на первыхъ порахъ удалось устроить только Бухтарминскую крѣпость и то въ 1781 г. Мѣсто для нихъ, подъ именемъ *Бухтарминской* линіи, выбрано было тамъ, гдѣ идетъ теперь почтовый трактъ; эта линія

должна была соединить Усть-Каменную крѣпость съ Бухтарминской. Дикія, неприступныя мѣста оставались однако еще нѣкоторое время незаселенными. Сюда рѣшались идти только вольные колонизаторы, основавшіе нѣсколько деревень задолго до появленія оффиціальныхъ селеній. Въ 1796 г. были наконецъ устроены четыре „коммуникаціонныхъ редута"—*Ульбинскій, Феклистовскій, Сѣверный* и *Березовскій;* около нихъ стали селиться и заниматься хлѣбопашествомъ семейные казаки, что и послужило основаніемъ здѣсь мѣстнаго осѣдлаго поселенія. Помимо нихъ возникло нѣсколько крестьянскихъ деревень по близости, въ предѣлахъ Томской губ.

Выйдя изъ Усть-Каменогорска, трактъ направляется на востокъ до ст. *Ульбинской.* Сначала онъ идетъ степной равниной, но поднимающіяся впереди и по сторонамъ дороги горы говорятъ уже о томъ, что степь скоро кончится. На 10-й верстѣ лежитъ д. *Атамановская;* на пути приходится переѣзжать нѣсколько рѣчекъ *(Махильникъ, Ботошную, Богородскую, Гремячій).* За послѣдней мѣстность пріобрѣтаетъ уже вполнѣ гористый характеръ; подъемы и спуски, путь по откосамъ горъ надъ глубокими долинами—становятся обычными. Съ главнаго перевала открывается на окрестности Усть-Каменогорска довольно красивый видъ. Станція (25 вер.) *Ульбинская* (1.358 ф. надъ уровнемъ моря) представляетъ собою небольшой казачій поселокъ (до 50 жилыхъ строеній и 300 д. об. п.); расположенъ онъ на лѣвомъ берегу р. *Ульбы,* въ глубокой долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Красивое мѣстоположеніе, рѣка, лѣсъ и вообще богатая природа сдѣлали его дачнымъ мѣстомъ для усть-каменогорскихъ жителей. Въ поселкѣ есть часовня, мелочная лавка и поселковое управленіе [1]).

Изъ этого поселка начинается одинъ изъ живописнѣйшихъ въ Алтаѣ путей—на поселокъ *Феклистовскій* (15½ вер.). Первыя четыре версты дорога идетъ по лѣвому берегу рѣки, то спускаясь до уровня воды, то высоко поднимается надъ рѣкой, идя по краю горныхъ выступовъ. Затѣмъ она входитъ въ ущелье горной рѣчки *Проходной.* Съ обѣихъ сторонъ дороги высятся крутые склоны горъ, то покрытые исполинскимъ травянымъ покровомъ (выше сажени), надъ которымъ поднимаются изрѣдка группы стройныхъ пихтъ и мелкій березнякъ, то отъ вершины до подножья склоны загромождены грудами камней, или наконецъ въ водѣ отвѣсной стѣной выдвигаются утесы въ нѣсколько десятковъ саженъ высоты. Дно ущелья усѣяно камнями, а мѣстами лежатъ громадныя глыбы, между которыми извивается дорога. Изрѣдка она поднимается на карнизъ склона горъ, заставляя новичка-проѣзжающаго испытывать невольную боязнь. Ночью такія мѣста довольно опасны, и ѣдущимъ въ первый разъ лучше воздержаться отъ проѣзда ночью. Рѣчка Пихтовка лѣтомъ незначительна и не представляетъ неудобствъ, хотя дорога идетъ большей частью близъ воды. Только въ трехъ мѣстахъ сдѣланы мосты (вызванные не столько глубиной воды, сколько топографіей мѣстности). Горы сходятся здѣсь настолько тѣсно, что горизонтъ проѣзжающаго не простирается далѣе 10—20 саж.: вглядъ упи-

[1]) Въ этомъ и во всѣхъ нижеописанныхъ казачьихъ поселкахъ и станицахъ нѣтъ питейнаго дома (постановленіе поселковыхъ обществъ) и вообще водка въ небольшомъ употребленіи; ее замѣняетъ домашнее медовое пиво.

рается всюду въ склоны горъ; только надъ головой разстилается небольшая полоса неба (см. рис. на стр. 299). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ ущелье *Проходное* впадаютъ такія-же тѣсныя ущелья другихъ рѣчекъ. Во всѣхъ рѣчкахъ водится мелкая рыба, харіусъ (изъ породы лососевыхъ) и ускучъ. Благодаря богатой растительности здѣсь заведено много пасѣкъ; наибольшаго интереса заслуживаетъ образцовая пасѣка Ѳедорова, на „ученье“ или при нуждѣ къ которому съѣзжаются окрестные крестьяне и казаки-пасѣчники.

Выйдя изъ ущелья Проходного, дорога идетъ по болѣе открытымъ склонамъ высокихъ горъ, причемъ замѣтно на глазъ постепенно поднимается все выше и выше; многія горы, которыя по выходѣ изъ Проходного казались высокими, постепенно понижаются, и когда съ перевала передъ слѣдующей станціей оглянешься на пройденный путь, всѣ онѣ остаются уже внизу. Уклоны хотя и значительны (до 3 вер. пути), но довольно пологи, такъ что подъемъ удовлетворителенъ. Спускъ, какъ всегда, труднѣе и производится съ тормазомъ [1]). Послѣдній перевалъ достигаетъ до 2.800 ф. надъ уровнемъ моря; отдѣльныя вершины его—значительно выше. За нимъ, у подошвы конической безлѣсной сопки, у р. *Тѣсной* лежитъ пос. *Феклистовскій* (2.720 ф. надъ уровнемъ моря). Поселокъ этотъ небольшой (54 жилыхъ строенія, около 300 д. об. п.); жители его—казаки, занимаются хлѣбопашествомъ и пчеловодствомъ; здѣсь есть школа, церковь (безъ постояннаго причта), мелочная лавка и поселковое управленіе. Слѣдующая станція есть пос. *Сѣверный* (13½ вер.). Перегонъ къ нему хотя и незначителенъ, но рядъ переваловъ затрудняетъ поѣздку; весь путь идетъ по открытымъ горамъ; въ долинахъ есть пихтовый и лиственичный лѣсъ. Когда-то встрѣча съ медвѣдемъ была здѣсь обыкновенна, но теперь охота и лѣсные пожары отогнали его вглубь горъ. По склонамъ горъ разбросано много пашенъ.

Передъ станціей находится высокій и трудный перевалъ *Коровье Сѣдло*. Склоны его настолько круты, что на первый взглядъ кажется маловѣроятнымъ, чтобы лошади могли затащить тарантасъ на вершину. Спускъ еще труднѣе, и рѣдкій пассажиръ рѣшится просидѣть его въ экипажѣ. Съ перевала открывается красивый видъ на югъ: все видимое пространство занято горами и какъ-бы слилось въ одну волнистую поверхность; въ бинокль можно различить окрестности Усть-Каменогорска. На ю.-в. взглядъ упирается въ вершины ближайшихъ хребтовъ; вдали въ туманѣ начинаютъ обрисовываться кое-гдѣ снѣговыя вершины южнаго Алтая.

Поселокъ *Сѣверный* лежитъ на рѣкѣ *Сѣверной* (притокъ *Смолянки*) на высотѣ 1.860 ф. надъ уровнемъ моря, среди невысокихъ горъ; жители его—казаки (свыше 400 чел. обоего пола; жилыхъ строеній 65); здѣсь есть начальная школа, лавка, поселковое управленіе. Главное занятіе жителей—хлѣбопашество и пчеловодство.

Изъ этого поселка начинается самый трудный на всемъ протяженіи отъ Усть-Каменогорска до станицы Алтайской путь до станціи *Александровской* (18½ верстъ). Дорога идетъ по гористой мѣстности, при-

[1]) Обыкновенный тормазъ—веревка съ крюкомъ, привязанная за заднюю ось, причемъ крюкомъ зацѣпляютъ переднее колесо. На трудныхъ спускахъ, особенно въ дожливую погоду, въ колеса вставляютъ еще палку, которая не даетъ имъ вертѣться.

чемъ бо́льшая часть долинъ покрыта чернью и орошена рѣчками (нѣсколько *Осиновокъ*) и множествомъ ключей, благодаря которымъ почва становится настолько вязкой и топкой, что и привычныя лошади съ трудомъ тащатъ легкій экипажъ; въ дождливую погоду количество лошадей удваивается, а весной эти мѣста совершенно непроѣздны для экипажей. Кромѣ того здѣсь есть нѣсколько значительныхъ переваловъ. Вторая половина пути идетъ ущельемъ рѣчки *Пихтовки*, причемъ мѣстность сильно напоминаетъ ущелье р. Проходной: такъ-же по обѣ стороны дороги идутъ двѣ горныя гряды, склоны которыхъ то одѣты густымъ травянымъ покровомъ съ группами пихтъ, то выступаютъ въ видѣ скалъ и утесовъ (весьма интересныхъ для геолога), съуживая дорогу иногда до того, что трудно разъѣхаться двумъ экипажамъ. Дорога все время идетъ по каменистому руслу ущелья, переходя во многихъ мѣстахъ рѣчку бродами. Какъ и Проходная, Пихтовка является одной изъ живописныхъ рѣчекъ между Усть-Каменогорскомъ и Алтайской станицей; особенно хорошо здѣсь ѣхать раннимъ лѣтомъ, когда кругомъ цвѣтутъ шиповникъ, малина, смородина, черемуха, піоны (марьинъ корень) и слышится пѣніе соловья; любителямъ поэзіи нельзя не посовѣтывать ѣхать здѣсь въ лунную ночь.

Насколько живописны и интересны эти дороги лѣтомъ, настолько опасны весной, когда оба ущелья становятся достояніемъ бушующей и рвущейся съ горъ массы водъ; зимой же обвалы и лавины похоронили здѣсь не одинъ десятокъ людей.

Передъ станціей дорога какъ-бы выскакиваетъ изъ описаннаго ущелья и сразу поворачиваетъ по невысокому подъему къ станціи. Поселокъ *Александровскій* лежитъ на пологомъ склонѣ горы (2.000 ф. надъ уровнемъ моря), у рѣчки *Березовки*. Жители его — казаки (до 340 чел. обоего пола); поселокъ расположенъ въ одну улицу (жилыхъ строеній 56); онъ имѣетъ начальную школу, небольшую мелочную лавку и поселковое управленіе; жители его занимаются хлѣбопашествомъ и пчеловодствомъ.

До слѣдующей станціи—*Бухтарминской* станицы—25½ верстъ. На этомъ перегонѣ нѣтъ ни высокихъ переваловъ, ни топкихъ мѣстъ, и дорога идетъ или по субъальпійскимъ лугамъ плоскихъ горъ, или по сухимъ каменистымъ склонамъ. Первый характеръ мѣстности преобладаетъ на всемъ пути отъ поселка Александровскаго до поселка *Березовскаго* (12 верстъ); на горныхъ лугахъ замѣчается обиліе высокаго (2½ аршинъ) и красиваго растенія — болиголова (Dictamnus fraxinella); онъ занимаетъ иногда цѣлыя десятины, придавая мѣсту красивый видъ. На половинѣ пути къ упомянутому поселку есть бродъ черезъ р. *Серебрянку*. Поселокъ *Березовскій* лежитъ на открытомъ, плоскомъ склонѣ горы у р. Березовки; жители его—казаки (до 300 чел. обоего пола, жилыхъ строеній 45); занимаются они пчеловодствомъ и хлѣбопашествомъ, а зимой—охотой на горныхъ козловъ и барановъ. Здѣсь есть начальная школа, лавка и поселковое управленіе; здѣсь-же имѣется и станція для земскаго пути.

Отъ Березовскаго поселка дорога идетъ по невысокимъ безлѣснымъ горамъ, пріобрѣтающимъ характеръ сухихъ степей. Съ невысокаго перевала передъ р. *Селезневкой* (съ ней связано имя Селезнева, см. IV главу, стр. 165—167), съ которой въ ясную погоду можно разли-

чить впереди снѣжныя вершины *Нарымскаго* хребта. Передъ станціей путь идетъ по обнаженіямъ сланца и песчаной твердой почвѣ; травяная растительность становится весьма бѣдной и невзрачной на видъ, а хвойный лѣсъ совсѣмъ исчезаетъ. Только передъ Бухтармой, влѣво отъ дороги, на оригинальной (вывѣтрившейся) конической сопкѣ *Мохнатой* есть рѣдкія пихты.

Станица *Бухтарминская* лежитъ на правомъ берегу р. *Бухтармы*, недалеко отъ впаденія ея въ Иртышъ, на высотѣ почти 3 тыс. ф. надъ уровнемъ моря. Основана она въ 1781 г. какъ крѣпость. Еще въ 1764 г. начальникъ сибирской границы Шпригеръ находилъ необходимымъ построить здѣсь крѣпость какъ для защиты вышеописаннаго прохода—единственнаго выхода изъ горъ на равнину, такъ и для свободнаго плаванія по Иртышу. Но построить крѣпость удалось только въ 1781 г. Въ настоящее время Бухтарминская станица есть самое значительное поселеніе не только на этомъ трактѣ, но и среди всѣхъ казачьихъ селеній области. Жителей здѣсь до 1½ тыс. (почти исключительно казаковъ), домовъ до 300; есть здѣсь нѣсколько лавокъ съ разнообразнымъ товаромъ, мужская и женская школы, церковь и почтово-телеграфное отдѣленіе. Въ торгово-промышленномъ отношеніи станица не занимаетъ виднаго мѣста среди другихъ поселеній области. Жители ея—казаки—ведутъ небольшое хозяйство, занимаются пчеловодствомъ и рыбалкой (въ Иртышѣ). Прежде, въ разгарѣ дѣятельности Зыряновскаго серебряного рудника (лежащаго въ 40 верстахъ на с.-в.), казаки занимались извозомъ, доставляя съ рудника руды на *Гусиную* пристань (на Иртышѣ, въ 7 верстахъ отъ станицы). Развалины прежней крѣпости и до сихъ поръ еще сохранились на берегу Бухтармы.

Въ окрестностяхъ станицы есть пещеры съ надписями. Съ пещерами связаны различныя преданія; по мнѣнію однихъ, въ нихъ жила сказочная „чудь", по словамъ другихъ—калмыки. На одномъ изъ береговыхъ утесовъ у крѣпости показывали слѣды коня, отпечатавшіеся будто бы на гранитѣ (вѣроятно это просто результатъ вывѣтриванія гранита). Съ ними связано преданіе о сказочномъ богатырѣ, который на конѣ прыгнулъ съ этого утеса на скалистый лѣвый берегъ Иртыша; но береговая скала обвалилась и похоронила подъ собой богатыря; теперь на этомъ мѣстѣ образовалась громадная россыпь. На устьѣ Бухтармы есть высокій *Вершининскій* утесъ, названный по имени казачьяго офицера Вершинина, который былъ здѣсь окруженъ напавшими кочевниками; не желая отдаваться живымъ, Вершининъ пробился на край утеса и вмѣстѣ съ конемъ кинулся въ рѣку.

Отъ переправы черезъ Бухтарму дорога идетъ сначала по заливному лугу рѣки, причемъ въ іюнѣ и іюлѣ приходится переѣзжать въ бродъ два ея незначительныхъ протока; первый изъ нихъ, благодаря быстротѣ и крутымъ берегамъ, не безопасенъ (особенно ночью), второй же болѣе широкъ, но мелокъ. Берега Бухтармы въ этихъ мѣстахъ довольно красивы, густо поросли кустами тальника, жимолости и осокоря. Близъ воды вымыта и нанесена масса камней и нагромождены глыбы, достигающія сажени въ поперечникѣ. Выйдя изъ заливной части долины, трактъ поднимается на вторую, болѣе древнюю терассу долины. Здѣсь картина замѣтно мѣняется. Передъ путникомъ развертывается широкая степь, замкнутая на ю.-з. невысокими скалистыми горами; по характеру растительности она напоминаетъ сухія степи Акмолинскаго у. Кое-гдѣ здѣсь попадаются участки ковыльной степи, мѣстами идутъ заросли сорныхъ растеній (пустыри), кое-гдѣ смѣняемыя пашнями и бахчами. На 4-й верстѣ отъ главнаго тракта идетъ „свертокъ" (поворотъ) на рудникъ

Зыряновскій Томской губерніи. Здѣсь-же уходитъ на Зыряновскій рудникъ и телеграфъ. На 6-й верстѣ главнаго тракта дорога поднимается въ горы. Вышина ихъ незначительна, такъ что онѣ не представляютъ затрудненій даже для быстрой ѣзды. Живописныхъ мѣстъ нѣтъ; но вывѣтрившіяся вершины, голыя скалы и россыпи, раскиданныя по обѣ стороны пути, представляютъ большой интересъ для геолога. На 8-й верстѣ дорога переваливаетъ въ долину Иртыша; съ перевала открывается небольшой видъ на Бухтарминскую долину и горы — на с.-в., и на Иртышскую долину—на ю.-з. Отъ перевала до поселка *Вороньяго* (10 верстъ) дорога идетъ по отлогому склону къ Иртышу и по берегу этой рѣки подходитъ къ поселку. Послѣдній расположенъ на высокомъ берегу Иртыша и представляетъ изъ себя маленькій, небогатый поселокъ въ одну улицу. Жилыхъ домовъ здѣсь около 70, населенія — до 460 д. обоего пола; въ поселкѣ имѣется начальная школа.

Кромѣ описаннаго пути между Бухтарминской и Вороньимъ есть другой путь черезъ *Гусиную* пристань (на Иртышѣ),—мѣсто, куда прежде свозили руду съ Зыряновскаго рудника, а отсюда сплавляли до Усть-Каменогорска. И теперь здѣсь находятся пароходныя пристани.

Выйдя изъ поселка, дорога идетъ до слѣдующей станціи по берегу Иртыша, мѣстами спускаясь съ увала даже на береговой песокъ. Весь путь лежитъ по ю.-з. склону горъ, которыя тянутся почти параллельно Иртышу съ с.-з. на ю.-в. и отдѣляютъ его отъ Бухтарминской долины. Характеръ мѣстности напоминаетъ холмистую степь съ небогатой травяной растительностью и полнымъ отсутствіемъ древесной. Горы съ округленными вершинами и незначительной высоты, по отсутствію проходовъ и ущелій, не представляютъ особеннаго интереса. Какъ „игру природы“ можно указать вблизи дороги одну скалистую вершину, въ которой есть большое сквозное отверстіе, почему вершину киргизы и называютъ *Тессыкъ-Тасъ*, т. е. дыроватый камень). Болѣе красивъ лѣвый берегъ Иртыша. Высокія скалистыя горы здѣсь круто опускаются почти въ самую воду; вершины и ущелья поросли можжевельникомъ, небольшія группы пихтъ красиво торчатъ на утесахъ и въ разсѣлинахъ скалъ. Изрѣдка горы какъ будто прерваны зеленѣющимъ лугомъ. Иртышъ течетъ здѣсь въ неширокомъ руслѣ (100—150 саж.); теченіе воды довольно спокойное, хотя и быстрое; мелей, перекатовъ и пороговъ не видно; изрѣдка встрѣчаются лишь острова. Передъ слѣдующей станціей приходится переѣзжать небольшую горную рѣчку *Черемшанку*; русло и долина ея песчаны, такъ что ни въ какое время года переѣздъ не представляетъ здѣсь неудобствъ.

Слѣдующая станція есть казачій поселокъ *Черемшанскій* ($20^1/_2$ верстъ). Онъ еще менѣе значителенъ, чѣмъ Вороній; жилыхъ домовъ здѣсь около 40, жителей-казаковъ до 290 человѣкъ обоего пола. Въ поселкѣ есть начальная школа и мелочная лавка. Здѣсь проведены изъ р. Черемшанки арыки, которыми орошаютъ огороды, отчасти пашни и сады.

Изъ этого поселка трактъ идетъ въ пос. *Мало-Красноярскій* (20 в.). Сначала дорога направляется на ю.-в. отъ поселка, въ упомянутую выше цѣпь горъ (въ 2—3 вер. отъ Иртыша) и по нимъ уже проходитъ до самой станціи. На 6-й верстѣ дорога спускается въ широкую долину р. *Таволжанки*; эта долина представляетъ собою одно изъ лучшихъ мѣстъ для хлѣбопашества мѣстныхъ жителей. Черезъ рѣчку есть мостъ.

Не доѣзжая двухъ верстъ до поселка дорога выходитъ снова къ Иртышу и передъ поселкомъ идетъ по самому берегу рѣки. *Мало-Красноярскій* поселокъ расположенъ на высокомъ, обрывистомъ берегу Иртыша и состоитъ изъ двухъ рядовъ маленькихъ, бѣдныхъ домовъ (числомъ около 40, при 250 жит. об. п.). Въ поселкѣ есть начальная школа и мелочная лавка.

Изъ п. Мало-Красноярскаго по лѣвому берегу Иртыша идетъ проселочный путь на казачій пос. *Чистый Яръ* и станицу *Бѣлы*. Дорога пролегаетъ по киргизскимъ ауламъ. Оба поселка представляютъ собою небольшія селенія (въ первомъ—до 550 чел., во второмъ—до 600 чел.) съ сырцовыми постройками. Казаки занимаются хлѣбопашествомъ (пашни лежатъ на лёссѣ, орошаемомъ арыками). Здѣсь живутъ главные промышленники-рыболовы, артелями ходящіе на оз. Зайсанъ. Въ 35 вер. на с.-з. отъ станицы лежитъ небольшой поселокъ *Казнаковскій*, населенный выходцами-казаками Кокчетавскаго у. (изъ малороссовъ и мордвы); занимаются они хлѣбопашествомъ. Отсюда по берегу Иртыша можно проѣхать на селеніе чоло-казаковъ *Мечень*, или на половинѣ пути свернуть на западъ къ казачьему поселку *Букони* (до 550 чел. жит.); поселокъ этотъ состоитъ изъ сырцовыхъ, красивыхъ съ виду построекъ; улицы его обсажены деревьями; въ поселкѣ есть церковь.

Въ пяти верстахъ отсюда лежитъ селеніе чоло-казаковъ, также называемое *Букомь*. Чоло-казаки есть метисація татаръ съ киргизами; первые въ 1800 г. бѣжали сюда и образовали свое селеніе. Чоло-казаки до сихъ поръ сохранили татарскій бытъ и говорятъ по татарски; вообще они мало поддались вліянію киргизъ, несмотря на частые браки и близкія отношенія; занимаются чоло-казаки земледѣліемъ.

Изъ Букони дорога идетъ на *Кокпекты* (28 вер.). На 7-й верстѣ находится образованный для новокрещенныхъ киргизъ пос. *Преображенскій*; въ немъ живутъ до ста человѣкъ крещеныхъ киргизъ, которые занимаются хлѣбопашествомъ.

Слѣдующая почтовая станція по тракту есть пос. *Больше-Нарымскій* (26½ вер.). Трактъ здѣсь идетъ на ю.-в., тогда какъ Иртышъ поворачиваетъ на югъ и нигдѣ уже болѣе не сталкивается съ трактомъ. Первыя 10 верстъ дорога пролегаетъ по склону горы *Долой*; на пути нѣтъ ни крутыхъ подъемовъ, ни спусковъ; мѣстность представляетъ собою сухую горную степь; древесная и кустарная растительность совершенно отсутствуютъ. Близь дороги находятся бахчи и немного пашенъ. На 12-й верстѣ есть небольшой подъемъ, съ котораго дорога спускается уже въ *Нарымскую* долину; съ него въ послѣдній разъ можно видѣть иртышскую долину и скалистыя горы *Сындыкъ-Тасъ* (заиртышскія). Съ подъема на *Красную* гору открывается довольно красивый видъ на нижнюю часть Нарымской долины. Она кажется продолговатой сѣрой чашей, на которой красиво выдѣляются зеленые узоры—луга и долины рѣчекъ. Сѣверо-восточная окраина долины выражена неясно, южная—весьма рѣзко, благодаря высокимъ и крутымъ склонамъ *Нарымскаго* хребта. Окутанный почти постоянно туманомъ и облаками, хребетъ имѣетъ красивый видъ; по гребню и темнымъ ущельямъ чернѣютъ лѣса, а кое-гдѣ бѣлѣютъ и снѣга. Передъ Красной горой дорога идетъ по склонамъ (около 3 вер.), покрытымъ зарослями чія, изрѣдка по сланцевымъ обнаженіямъ; сама же гора представляетъ собою гранитную и песчаниковую гряду съ рѣзкими очертаніями; въ этой горѣ мѣстные жители добываютъ красную краску (минеральное ярко-красное вещество). На 16-й вер. дорога пересѣкаетъ долину р. *Чиркаинъ (Хайрюзовки)*: долина довольно велика и занята пашнями; рѣчка незначительна, но на ней есть мостъ, такъ какъ въ нижнемъ теченіи дѣлаютъ запруды (чтобы оросить пашни), и тогда переѣздъ безъ моста былъ бы затруднителенъ. Невда-

лекѣ отъ этой рѣчки пересѣкаетъ дорогу вторая—*Черная (Джебага)*; черезъ нее сдѣланъ также мостъ.

При впаденіи Чиркаина въ *Нарымъ*, на правомъ берегу послѣдняго лежитъ крестьянская деревня *Макарова*, а противъ нея, на лѣвомъ берегу Нарыма, у подножья двухъ сопокъ—дер. *Татарская (Хайрюзовка)*, населенная татарами (обѣ Томской губ.). Еще ниже по Нарыму лежитъ маленькое поселеніе *Немоляковъ*, жители котораго—крестьяне-сектанты; въ 2 вер. отъ устья Нарыма лежитъ дер. *Тумараши (Усть-Нарымская)* — новое поселеніе, гдѣ образованъ миссіонерскій станъ. Всѣ эти деревни лежатъ вдали отъ главнаго тракта (отъ 3 до 10 вер.) и соединены проселочной дорогой, которая отдѣляется отъ тракта на 3-й верстѣ отъ Мало-Красноярска и идетъ по правому берегу Нарыма.

Отъ р. Черной трактъ идетъ по холмистой, степной мѣстности до поселка *Больше-Нарымскаго*.

Влѣво отъ дороги (въ 2—3 вер. до поселка) бросаются въ глаза двѣ небольшихъ группы горъ—*Камениха* и *Шиши*. Обѣ представляютъ острые скалистые гребни весьма причудливой формы; склоны ихъ завалены гигантскими гранитными глыбами, которыя образовали между собой пещеры. Съ послѣдними мѣстное преданіе связываетъ сказочныя богатства, схороненныя будто-бы здѣсь нѣкогда китайцами, киргизами и сказочнымъ народомъ „чудью“. Раскопки нѣкоторыхъ пещеръ хотя и не дали золотыхъ кладовъ, но здѣсь были найдены мѣдные, желѣзные котлы и разное оружіе. Въ Каменихѣ (близъ *Антипкина* лога) есть пещера, въ которую можно загнать десятокъ лошадей. На стѣнѣ есть какія-то надписи. Въ *Зеленцовомъ* логу въ пещерѣ, по разсказамъ жителей, есть слѣды „ноги человѣка“ на камнѣ. Надписи, по словамъ жителей, существуютъ будто-бы во многихъ пещерахъ. Не лишены интереса эти горныя группы для геолога и минералога. На вершинѣ Шишей и по склонамъ встрѣчаются пещеры, внутренность которыхъ какъ-бы отполирована. Есть ли это результатъ вывѣтриванія, или доказательство того, что долина нѣкогда была подъ водой? Кромѣ того здѣсь же добывали мѣстные жители кристалы горнаго хрусталя (для украшеній и игры дѣтямъ).

Не доѣзжая поселка, на с.-в. показываются вершины двухъ высокихъ горъ—*Острухи* и *Толстухи* (до 5½ тыс. ф. надъ моремъ); среди грязно-бурой поверхности окружающихъ горъ синеватый цвѣтъ вершины говоритъ о томъ, что онѣ покрыты густой растительностью: на самомъ дѣлѣ въ долинахъ этихъ двухъ горъ находятся самые лучшіе участки для хлѣбовъ и пастбищъ. Роскошная субальпійская растительность Толстухи дала возможность завести здѣсь громадныя пасѣки (до 400 и болѣе колодокъ у нѣкоторыхъ хозяевъ). Въ логахъ растетъ масса кустарниковъ малины, черной и красной смородины, крыжовника; встрѣчаются также небольшія рощицы тополей и березъ (въ самой же Нарымской долинѣ такая растительность нигдѣ не встрѣчается).

Поселокъ *Больше-Нарымскій* расположенъ на правомъ, нѣсколько возвышенномъ берегу р. *Нарыма*. Это самый большой (послѣ ст. Бухтарминской) поселокъ Усть-Каменогорскаго у. (имѣетъ жителей до 660 д. об. п.); въ немъ болѣе 100 жилыхъ домовъ, нѣсколько улицъ и одна площадь, среди которой стоитъ небольшая деревянная церковь. Здѣсь есть двѣ мелочныхъ лавки, одна изъ которыхъ довольно значительна. Въ поселкѣ живутъ врачъ, фельдшеръ и акушерка, временно и священникъ; здѣсь есть небольшая начальная смѣшанная школа и почтовое отдѣленіе. Жители—казаки; есть нѣсколько разночинцевъ—мелкихъ золотопромышленниковъ. Жители занимаются хлѣбопашествомъ и пчеловодствомъ; нѣкоторые имѣютъ большіе табуны лошадей.

Черезъ поселокъ кромѣ почтоваго тракта идетъ дорога изъ Бухтарминской долины (Зыряновскій рудникъ) къ упомянутымъ выше деревнямъ по Нарыму и нѣсколько дорогъ на пріиски, расположенные у подошвы и по склонамъ Нарымскаго хребта; черезъ р. Нарымъ въ поселкѣ сдѣланъ хорошій мостъ. Въ этомъ мѣстѣ ширина долины достигаетъ 10 вер., но высокій хребетъ настолько обманываетъ глазъ, что разстояніе это кажется въ 2—3 вер. Близъ поселка по Нарыму есть много прекрасныхъ береговыхъ обнаженій (слоистыя глины и пески съ раковин-

нами), по которымъ геологъ можетъ судить о происхожденіи долины; встрѣчаются здѣсь и курганы; нѣкоторые изъ нихъ уже разрыты мѣстнымъ населеніемъ; при этомъ здѣсь находили мѣдные и желѣзные котлы, урны (съ двумя ручками), стремена и другіе предметы.

Слѣдующая станція есть поселокъ *Мало-Нарымскій* (16 вер.). Сначала дорога идетъ по ровной, глинистой степи. На 3-й верстѣ она поднимается на невысокую гряду *Акъ-Джалъ*; подъемъ и спускъ отлоги и довольно удобны. Акъ-Джалъ, какъ и всѣ окружающія горы, лѣтомъ почти совершенно лишенъ растительности. Послѣ него дорога пересѣкаетъ долину р. *Каразюка*; въ этой долинѣ сѣютъ между прочимъ дикое растеніе змѣеголовникъ (маточникъ—Dracocephalum moldavicum); многіе мѣстные жители употребляютъ его вмѣсто чая. На 12-й верстѣ приходится переѣзжать еще одну невысокую гряду, послѣ которой дорога идетъ уже до самой станціи глинистой степью; влѣво отъ дороги бросаются въ глаза три конусообразныхъ вершины: *Острая*, *Остязъ* и *Рудничная*, а за ними рѣзко выдѣляется высокая гора *Гляденъ* [1]). Поселокъ *Мало-Нарымскій* лежитъ на правомъ берегу р. *Малонарымки* въ 2 вер. отъ впаденія ея въ Нарымъ (1.500 ф. надъ уровнемъ моря). Жителей здѣсь болѣе 380 чел., жилыхъ домовъ 65. Въ поселкѣ есть часовня, начальная школа, поселковое управленіе и винная лавка; кромѣ казаковъ здѣсь живетъ нѣсколько семей крестьянъ. Занимается населеніе хлѣбопашествомъ, нѣкоторая же часть—пчеловодствомъ.

Отъ поселка идетъ „вольный" трактъ на *Зыряновскій* рудникъ; въ 3 верстахъ отъ Мало-Нарымскаго онъ проходитъ черезъ зажиточную крестьянскую деревню *Солоновку* Томской губ. (при впаденіи р. Солоновки въ Малонарымку); крестьяне ея—первые русскіе жители Нарымской долины. Живутъ они весьма зажиточно; у одного изъ нихъ имѣется богатый маралій садъ, т. е. загонъ, въ которомъ держатся въ неволѣ маралы; молодые рога ихъ сбываются по высокой цѣнѣ въ Китай.

Изъ п. Мало-Нарымскаго трактъ идетъ въ деревню *Таловку* (28 в.). Первыя 8 верстъ дорога пролегаетъ по отрогамъ плоскихъ горъ, въ которыхъ встрѣчаются роговикъ и яшмы, затѣмъ переходитъ мостомъ черезъ р. *Нарымъ* и идетъ частью по заливному лугу, частью болѣе высокой лѣвой стороной долины мимо пашенъ, орошаемыхъ арыками изъ р. *Верхней Теректы*; на пути приходится переѣзжать нѣсколько сухихъ руселъ рѣчекъ, которыя текутъ только весной. На 18-й верстѣ дорога вступаетъ въ красивое ущелье (проходъ *Чотъ* 3 вер. длины), образуемое *Березовскими* горами и Нарымскимъ хребтомъ. Издали они кажутся настолько сходящимися, что трудно допустить существованіе прохода. Послѣдній представляетъ одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ въ Нарымской долинѣ. Мѣстами горы настолько съуживаютъ дорогу, что трудно разъѣхаться двумъ экипажамъ, отчего киргизы и зовутъ его *Чотъ* (щёки); въ другихъ мѣстахъ онъ расширяется до 100 саж., причемъ съ сѣверной стороны его нерѣдко образуютъ отвѣсные утесы и голыя скалы, а съ южной—пологіе склоны хребта, зеленѣющіеся богатой травяной

[1]) Перевалъ хотя незначителенъ, но съ него открывается красивый видъ на хребетъ. Онъ производитъ впечатлѣніе полуразвалившейся стѣны; мѣстами чернѣютъ громадныя россыпи (корумы); въ логахъ и ущельяхъ темнѣютъ лѣса; на вершинахъ много снѣга. Особенно красивъ *Джайдакъ* (одна изъ главныхъ вершинъ Нарымскаго хребта) со своей снѣговой шапкой, которая искрится на солнцѣ, скрываясь по временамъ въ молочныхъ кучевыхъ облакахъ.

растительностью. Русло рѣки завалено множествомъ камней и гранитныхъ глыбъ, благодаря которымъ теченіе воды бурливо и стремительно. Для проѣзда проходъ довольно удобенъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ крутыхъ подъемовъ, а черезъ Нарымъ сдѣланы въ двухъ мѣстахъ подвижные мосты. Выйдя изъ прохода, дорога пересѣкаетъ р. *Май-Эмиръ* и идетъ по лѣвому берегу р. Нарыма (по *Май-Эмирской* степи). Передъ д. *Таловкой* трактъ переходитъ снова черезъ р. Нарымъ.

Кромѣ этого тракта между поселками Мало-Нарымскимъ и Таловскимъ есть другой путь черезъ крестьянскую дер. *Березовку* по долинѣ р. *Березовки* и *Березовскимъ* горамъ; для легкаго экипажа этотъ путь лучше, такъ какъ короче перваго и притомъ идетъ все время по живописнымъ мѣстамъ.

Деревня *Таловка* (по мѣстному *Солдатово*) Томской губ. лежитъ на р. *Таловкѣ*, при впаденіи ея въ Нарымъ (2.540 ф. надъ уровнемъ моря) и населена крестьянами—первыми выходцами изъ русскихъ въ долинѣ. Еще до Чугучакскаго договора (1864 г.), послѣ котораго Нарымская долина, хребетъ и другія мѣста отошли къ Россіи, здѣсь самовольно поселились выходцы изъ Европейской Россіи и Томской губ., насильно захватили земли, прогнавъ жившихъ здѣсь „невѣрноподданныхъ“ киргизъ. Позже къ нимъ присоединились еще новые переселенцы изъ Европейской Россіи. Въ настоящее время Таловка представляетъ собою довольно значительную деревню (около 400 жит.). Здѣсь есть лавка, начальная школа и часовня, сельское правленіе и винная лавка. Жители Таловки занимаются хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ и охотой.

Изъ Таловки почтовый трактъ идетъ въ дер. *Медвѣдку* (17 вер.). Дорога лежитъ по южнымъ отрогамъ *Коробишенскаго* кряжа, приподнятымъ надъ долиной Нарыма. На 13-й верстѣ (ур. *Бель-Карагай*) дорога выходитъ на небольшой плоскій перевалъ (3.400 ф. надъ уровнемъ моря), который служитъ водораздѣломъ Нарыма и Бухтармы и границей здѣсь Нарымской и Бухтарминской долинъ.

У подошвы перевала расположено большое болото—истокъ р. *Нарыма*. На перевалѣ растетъ рѣдкій лиственичный лѣсъ (единственный на всемъ пути отъ ст. Бухтарминской). На ю.-з. отъ него находятся двѣ невысокихъ сопки съ богатѣйшей субъальпійской растительностью. Съ нихъ открывается чудный видъ на Нарымскую долину, окружающія горы и хребты центральнаго Алтая. Если смотрѣть на западъ, налѣво тянется массивной стѣной темносиняго цвѣта *Нарымскій* хребетъ. Впереди далеко въ туманѣ обрисовываются горы за Иртышомъ. Вправо, какъ застывшія гигантскія волны моря, синѣютъ гряды холмовъ, среди которыхъ, какъ острова, поднимаются горы Толстуха и Глядень. На с.-в. отъ нихъ высятся голыя скалы дикаго, еще болѣе высокаго и неприступнаго *Холзуна*. А на востокъ отъ него ярко играютъ блескомъ снѣговъ и льдовъ *Катунскіе* бѣлки. Далеко, далеко уходятъ они въ даль и въ высь, то окутываясь въ облака, то снова открываясь взорамъ... Какимъ-то блѣдно-розовымъ отливомъ отсвѣчиваютъ ихъ вершины на темномъ фонѣ окружающихъ горъ, подъ лучами яркаго полуденнаго солнца... Несомнѣнно, что панорама Алтая, открывающаяся здѣсь путнику почти съ дороги, есть одна изъ самыхъ красивыхъ на всемъ вышеописанномъ трактѣ.

Съ перевала дорога спускается въ долину р. *Медвѣдки* (притокъ р. *Тагаса*, впадающей въ р. *Кульмесъ*, правый притокъ *Бухтармы*). Съ обѣихъ сторонъ горы сближаются, и близъ Медвѣдки, кромѣ замыкающихъ долину Нарымскаго хребта и Бухтарминскихъ горъ, ничего уже не видно. Деревня *Медвѣдка*, какъ и вышеописанная, основана самовольно ушедшими сюда крестьянами. Въ настоящее время это небольшое поселеніе (около 250 д. об. п.). Жители его занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, имѣютъ пасѣки. Здѣсь есть охотники и

рыбаки; послѣдніе ходятъ на Марка-Куль. Жителями производится сборъ кедровыхъ орѣховъ. Деревня лежитъ у подошвы хребта, черезъ который здѣсь есть перевалъ *Кундузды*, довольно удобный для верховой ѣзды.

Отсюда дорога идетъ по гористой мѣстности, перерѣзанной многими горными рѣчками, въ станицу *Алтайскую* (23 вер.). Станица основана въ 1871 г., когда къ русскимъ владѣніямъ отошла долина верхней Бухтармы (входившая въ предѣлы Китая). Это послѣдняя почтовая станція (въ 270 вер. отъ Усть-Каменогорска). Отсюда до *Урумыскаго* пос. есть земскій трактъ (57 вер.); далѣе идутъ уже вьючные пути. Станица Алтайская лежитъ у подошвы Нарымскаго хребта на высотѣ 3 500 ф., на берегу р. *Сарымсакты*, впадающей въ р. *Кульмесъ*, лѣвый притокъ *Бух-*

Станица Алтайская.

тармы, имѣетъ двѣ улицы и до 520 чел. жителей. Въ станицѣ есть церковь и школа, находится почтовое отдѣленіе, алтайское лѣсничество и ветеринарно-охранный пунктъ. Жители Алтайской станицы занимаются лишь отчасти земледѣліемъ; для послѣдняго неблагопріятнымъ оказывается высокое положеніе мѣстности (въ связи съ чѣмъ находятся неблагопріятныя для роста хлѣбовъ климатическія условія). Близъ станицы Нарымскій хребетъ богатъ строевымъ лѣсомъ—лиственницей, пихтой, елью и кедромъ; сборъ шишекъ съ послѣдняго (кедровые орѣхи) составляетъ небольшой подсобный промыселъ для жителей. Здѣсь происходитъ осмотръ гуртовъ скота и каравановъ съ сырьемъ, идущихъ изъ *Кобдо*. Съ 6 по 19 декабря въ станицѣ бываетъ ярмарка съ оборотомъ до 75 тыс. руб.; главные предметы торговли: мануфактурные товары, масло, сало, шерсть и кожи.

Въ двухъ верстахъ отъ Алтайской станицы на востокъ лежитъ деревня *Котонъ-*

Карагайская. Она имѣетъ до сотни деревянныхъ построекъ; жители ея—крестьяне въ количествѣ до 600 чел. Прежде здѣсь былъ военный постъ и жилъ начальникъ мѣстной границы. Теперь постъ переведенъ далѣе въ горы (въ п. *Кошъ-Агачъ*). Здѣсь помѣщается волостное правленіе для новыхъ переселенческихъ поселковъ, лежащихъ по южную сторону Нарымскаго хребта, по р. *Кара-Кабь—Тюсь-Каинскаго, Чуганатинскаго* и *Балыкъ-Булакскаго*; къ нимъ идутъ горныя тропы. Всѣ эти четыре крестьянскихъ поселка образованы самовольными выходцами на р. Кара-Кабѣ. Много лишеній и всякаго рода превратностей судьбы испытало населеніе упомянутыхъ деревень (см. IV главу, стр. 169), пока наконецъ не остановилось на этихъ мѣстахъ.

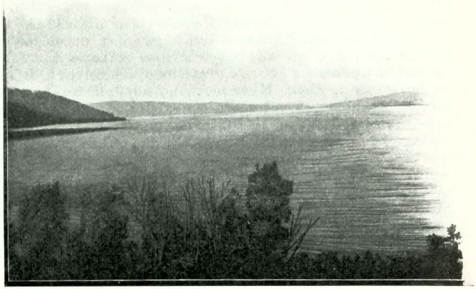
Изъ Алтайской станицы сюда ѣздятъ черезъ проходы *Байгерды*, *Маркасъ* и *Бурхатъ* (см. I гл., стр. 34). Ѣздятъ чаще черезъ Маркасъ; дорога довольно затруднительна, а весной и опасна; при неглубокихъ снѣгахъ зимой ходятъ на лыжахъ и спускаются въ саняхъ. Кабинскія долины лежатъ на высотѣ 4½ т. ф. надъ уровнемъ моря, благодаря чему климатъ ихъ довольно суровъ; въ серединѣ сентября здѣсь уже наступаютъ холода; снѣгъ выпадаетъ въ этомъ же мѣсяцѣ, а въ октябрѣ уже наступаетъ полная зима; холоднѣе всего въ долинѣ пос. Тюсь-Каинскаго. Плодородныя долины давали бы возможность процвѣтать здѣсь земледѣлію, но этому препятствуютъ ранніе заморозки, мѣшающіе иногда дозрѣвать хлѣбамъ (сѣется пшеница, рожь, ярица, ячмень и овесъ). Сборъ съ десятины достигаетъ 100—150 пуд. и даже 220 пуд. (въ Чаганатахъ). Кромѣ хлѣбопашества крестьяне всѣхъ поселеній содержатъ скотъ, составляющій хорошее подспорье земледѣлію. Разводятъ мараловъ, молодые рога которыхъ идутъ по дорогой цѣнѣ въ Китай, и занимаются охотой. Пушнымъ звѣремъ эти мѣста богаты; здѣсь встрѣчаются: соболи, медвѣди, лисицы, бѣлки, сурки, архары, кзалы, косули; больше же всего добывается бѣлки (по 20 к. штука). Развивается съ каждымъ годомъ и пчеловодство. Нѣсколько семей ходятъ рыбачить на оз. Марка-Куль, гдѣ ловятся таймень, харіусъ, ускучъ; добываютъ рыбы до 6 пуд. въ день. Въ Чаганатахъ есть кожевенный заводъ (Ошланова), выдѣлывающій кожи на мѣстныхъ жителей. Въ Балыкъ-Булакѣ есть небольшая лавка съ разнообразнымъ товаромъ; здѣсь же находится ветеринарно-охранный пунктъ (живутъ ветеринарный врачъ и полицейскій чиновникъ). Шкуры животныхъ, сало, масло, рыба и шерсть возятся на ярмарку въ Алтайскую станицу; избытокъ хлѣба сбывается киргизамъ и урянхайцамъ. Въ 1900 г. въ пос. Тюсь-Каинскомъ жило 150 чел., въ Чаганатахъ—83 чел., въ Балыкъ-Булакѣ—до 200 чел.

На 6 вер. отъ станицы Алтайской отдѣляется тропа къ перевалу *Сарымактъ*, направляющаяся далѣе на оз. *Марка-Куль* (см. выше, стр. 34, 41); далѣе дорога идетъ по широкой и ровной долинѣ (называемой иногда *Котонъ-Карагайской*). На 9-й верстѣ дорогу отклоняетъ круто къ сѣверу небольшой кряжъ Нарымскаго хребта; здѣсь кончается долина, а далѣе начинается уже гористый путь. При вступленіи въ горы находятся кожевенный заводъ Гусева (производство незначительно) и киргизскія „кстау“ (зимовки); тутъ-же расположено нѣсколько киргизскихъ могилъ. Далѣе по дорогѣ начинается „согра“—каменистое болото, трудно проѣзжее весной и осенью, сносное лѣтомъ; по сторонамъ отъ дороги растетъ хвойный лѣсъ (лиственица), смѣняющійся березами и кустарниками.

На 14-й верстѣ отъ дороги идетъ „свертокъ“ къ перевалу *Байгерды*. У подошвы горъ виднѣются киргизскія пашни, орошаемыя арыками; на вершинахъ хребта показываются пятна снѣга—это снѣговыя поля. *Бухтарма* въ этихъ мѣстахъ представляетъ довольно бурливую, пѣнящуюся рѣку, благодаря множеству камней, загромождающихъ ея русло. На 16-й верстѣ, въ болѣе чистомъ, но также быстромъ и глубокомъ мѣстѣ рѣки устроенъ перевозъ (паромъ) по 10 коп. съ человѣка и лошади. На 20-й верстѣ вправо видна новая тропа и перевалъ черезъ Нарымскій хребетъ *Бурхатъ*. Дорога продолжаетъ итти все параллельно хребту, который поднимается крутой стѣной надъ долиной, тогда какъ лѣвая сторона дороги выражена невысокими горами съ мягкими очертаніями. Передъ урочищемъ *Чингистаемъ* горы нѣсколько расходятся, и пикетъ Чингистай лежитъ уже на широкой, однообразной равнинѣ (3.270 ф. надъ уровнемъ моря).

Чингистайскій пикетъ (на 27 вер.) основанъ киргизами въ 1873 г. послѣ того, какъ русская администрація, задумавъ соединить осѣдлымъ пунктомъ самый крайній казачій поселокъ—Урульскій съ Алтайской станицей, постановило образовать здѣсь новое поселеніе. А такъ какъ образованіе послѣдняго повлекло бы за собой отчужденіе киргизской земли, то послѣдніе рѣшили открыть и содержать здѣсь на свой счетъ пикетъ и при немъ земскихъ лошадей. Пикетъ представляетъ одинокое

деревянное зданіе; лѣтомъ въ немъ живетъ только почтарь съ работникомъ, зимой сюда прикочевываетъ ауль. Отъ пикета идутъ двѣ тропы къ переваламъ *Маркасъ* и *Бухатъ*; обѣ перевала невысоки и считаются однимъ изъ наиболѣе удобныхъ въ этихъ мѣстахъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чингистая у подошвы хребта стоитъ казачій пограничный пикетъ(30казаковъ и офицеръ) для поддержанія порядка въ земленользованіи пограничныхъ киргизъ и для охраны границъ. Напротивъ Чингистая, на правомъ берегу р. *Бухтармы* лежитъ д. *Черневая* (Томской губ.). Отсюда дорога идетъ по такой же долинѣ



Озеро Марка-Куль съ сѣверо-восточнаго берега.
(*По фот. Е. И. Луценко*).

близъ берега р. Бухтармы; отъ главнаго хребта здѣсь отдѣляется нѣсколько живописныхъ отроговъ, заставляющихъ дорогу принимать извилистое направленіе; Бухтарма при всей своей небольшой ширинѣ (18—20 саж.) представляетъ однако довольно грозную рѣчку, съ ревомъ несущую свои мутныя, говорящія о ледниковомъ происхожденіи воды, подернутыя покрываломъ изъ бѣлой пѣны. Долина рѣки становится тѣснѣе и принимаетъ все болѣе и болѣе гористый характеръ. На 20-й верстѣ видна на правомъ берегу Бухтармы дер. *Березовка* (недавно основанная); вправо отъ дороги идетъ тропа къ перевалу *Сорокай*, довольно удобному и недлинному. Передъ Урульскимъ поселкомъ хребетъ поднимается надъ долиной крутой и величественной стѣной, покрытой, какъ щетиной, густымъ хвойнымъ лѣсомъ. По одному изъ отроговъ у поселка проходитъ перевалъ *Баканасъ*, болѣе трудный, чѣмъ предыдущій.

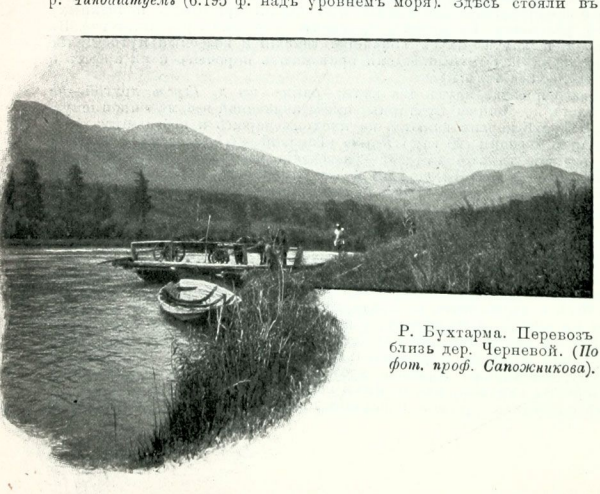
Поселокъ *Урульскій* (на 30-й в.) основанъ въ 1871 г., какъ военное пограничное поселеніе. Въ настоящее время въ немъ болѣе 600 чел. жителей—казаковъ, занимающихся немного земледѣліемъ (послѣднее при неблагопріятныхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ не можетъ приносить хорошихъ результатовъ). Въ поселкѣ есть школа и лавка. Здѣсь кончается земскій и колесный путь. Далѣе ѣздятъ уже только верхами; опытные ѣздоки провѣжаютъ впрочемъ и на арбахъ и таратайкахъ (двухколесныя телѣги).

Изъ Урульскаго поселка идутъ два пути:—одинъ въ д. *Берель*, другой—на *Арчаты*. Первый идетъ по долинѣ Бухтармы, представляющей весьма живописную мѣстность; на 10-й верстѣ переправляются на плохомъ паромѣ и небольшимъ рѣдкимъ лѣсомъ ѣдутъ до деревни (20 вер.) *Берели* (Томской губ.), заселенной крестьянами въ 1873 г.; главное занятіе жителей—разведеніе мараловъ, скотоводство и земледѣліе. Высота деревни достигаетъ 4.231 ф. надъ уровнемъ моря. Отсюда идетъ путь на *Рахмановскіе* теплые ключи (Томской губ.); наша же дорога направляется на ю.-в., къ д. *Арчаты* Томской губ. (16 вер.); путь идетъ то по берегу рѣки—по „приторамъ“ (откосамъ) на 40—50-саженной высотѣ надъ рѣкой, то приходится спускаться въ воду и ѣхать мимо отвѣсныхъ утесовъ („бомовъ“). Деревня лежитъ на высотѣ 4.559 ф. и имѣетъ незначительное населеніе (до 80 чел.).

Въ эту же деревню можно проѣхать и прямымъ путемъ изъ Урульскаго пос. черезъ горную гряду *Коко-Даба*. Послѣдняя отдѣляется отъ главнаго хребта почти подъ прямымъ угломъ и заставляетъ р. Бухтарму рѣзко измѣнить здѣсь свое направленіе, т. е. не на западъ, а на сѣверъ, у д. Берели повернуть на югъ и уже отъ Урульскаго поселка снова направиться на западъ. Дорога черезъ Коко-Дабу (5.560 ф. надъ уровнемъ моря) не затруднительна; съ перевала ея открываются красивыя панорамы ближайшихъ горныхъ хребтовъ, но хребты центральнаго и южнаго Алтая, покрытые снѣгами, изъ-за нихъ не видны.

Арчаты есть послѣднее русское поселеніе въ южномъ Алтаѣ; отсюда уже

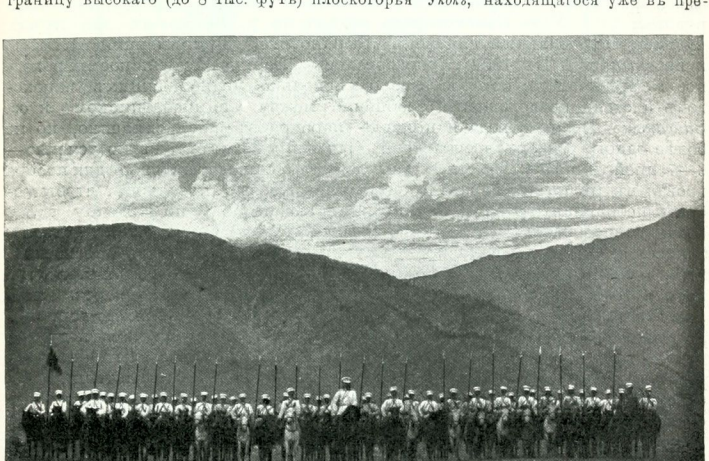
нельзя достать земскихъ лошадей, а приходится снаряжать караванъ, т. е. вьючить все на лошадей. Южный хребетъ достигаетъ здѣсь 9 тысячъ футъ, т. е. поднимается выше линіи вѣчныхъ снѣговъ, и послѣдніе занимаютъ на немъ уже большія пространства. Недалеко отъ Арчатовъ выдается въ хребтѣ вершина *Тау-Текеле*, (см. стр. 34, 35), въ которой мѣстные жители ломаютъ друзы горнаго хрусталя; правильнаго промысла здѣсь однако не существуетъ. Здѣсь же идетъ перевалъ *Тау-Текеле* въ верховья р. *Кабы*. Мѣстность по дорогѣ становится далѣе все болѣе и болѣе дикой: въ безпорядкѣ сбѣжавшіеся у рѣки невысокіе отроги хребта стѣсняютъ проѣздъ, лога и ущелья хребта заняты лѣсными трущобами. На 6-й верстѣ дорога пересѣкаетъ бурную горную рѣчку *Курте* (по ней пролегаетъ довольно трудный проходъ черезъ хребетъ) и сворачиваетъ влѣво; противъ этого мѣста на правомъ берегу Бухтармы до 1870-хъ годовъ стоялъ китайскій пикетъ *Табаты*, почему и вся эта мѣстность называлась урочищемъ Табаты. Далѣе начинается долина *Табаты* (тѣснина); дорога идетъ узкимъ ущельемъ горъ, заросшимъ лѣсомъ; высокія (до 80 ф.) и стройныя лиственицы перемѣшаны здѣсь съ пихтой и елью; по дорогѣ попадается масса бурелома, который стѣсняетъ проѣздъ; кромѣ того затрудняютъ путь частые камни и топи отъ множества ручейковъ, стекающихъ съ горъ. Здѣсь встрѣчаются громадныя (въ нѣсколько квадратныхъ саженъ) гранитныя глыбы, свалившіяся съ вершинъ хребта; просѣки, еще не совсѣмъ заросшія лѣсомъ, говорятъ объ ихъ происхожденіи. Стѣсненная горами, Бухтарма съ силой и шумомъ несется по камнямъ, образуя каскады, водовороты и пороги. Въ восточномъ концѣ этого урочища раскинулись киргизскія пашни, представляющія можетъ быть самый крайній въ вышину предѣлъ ихъ распространенія на всемъ Алтаѣ (высота мѣстности достигаетъ не менѣе 4.900 ф.). Въ концѣ долины приходится переѣзжать по довольно сносному деревянному мосту черезъ р. *Бухтарму*, такъ какъ лѣвымъ берегомъ ѣхать весьма затруднительно. Мѣстность становится замѣтно выше, что отражается и на растительности: лѣса рѣдѣютъ, въ ландшафтѣ начинаетъ преобладать камень; онъ въ видѣ розсыпей виденъ по склонамъ горъ, а перемѣшанный съ вязкой почвой представляетъ трудныя и непріятныя для проѣзда каменныя болота (до 3 вер. длиной). Неудобства послѣдняго думали устранить устройствомъ стланей (бревенчатой настилки), но, при отсутствіи наблюденія за послѣдней, теперешняя стлань не только не представляетъ удобствъ, но еще болѣе ухудшила проѣздъ, такъ какъ въ сгнившихъ бревнахъ проваливаются ноги лошадей. При подъемѣ на сопки *Ундюръ-Бирюкъ* („Три волка“) открывается красивый видъ на югъ, гдѣ снѣжные хребты пограничнаго Алтая выступаютъ во всемъ величіи своихъ массивовъ. На 54-й верстѣ отъ Уруля долина расширяется, и здѣсь въ нее впадаетъ съ сѣвера долина съ р. *Чиндагатуемъ* (6.195 ф. надъ уровнемъ моря). Здѣсь стояли въ 1880-хъ годахъ китайскій и русскій пикеты; теперь они уничтожены, а русскими содержится таможенный пикетъ, представляющій собою простую юрту, въ которой живутъ два стражника для провѣрки пропускныхъ свидѣтельствъ каравановъ, идущихъ изъ Монголіи (караваны досматриваются на *Укокѣ*, о которомъ см. ниже).



Р. Бухтарма. Перевозъ близъ дер. Черневой. (*По фот. проф. Сапожникова*).

Отсюда идутъ на востокъ двѣ

тропы, сходящіяся на урочищѣ *Кошъ-Агачъ* (въ 175 верстахъ, въ предѣлахъ Томской губ.). Одна изъ нихъ идетъ по долинѣ Чиндгатуя, вся въ предѣлахъ Томской губ., другая направляется по правому берегу Бухтармы, сначала луговому, затѣмъ поднимается по склону горъ. Съ послѣднихъ открывается видъ на лежащую вблизи снѣжную группу, извѣстную подъ разными именами. Ближайшую часть называютъ г. *Агайрыкъ*; къ югу отъ нея бѣлѣетъ снѣжная вершина *Кійтына*; къ востоку отъ нихъ лежатъ горы *Канасъ* и *Табынъ-Богдо-Ола*. Въ горахъ Агайрыкъ и Канасъ беретъ начало р. *Бухтарма*. Съ дороги видны серебристыя ленты, тянущіяся по с.-з. склону горъ; въ вершинахъ ихъ нетрудно разсмотрѣть голубыя пятна—*Бухтарминскіе* ледники, дающіе начало рѣкѣ. На 16-й вер. дорога поднимается на каменистый склонъ горы—западную границу высокаго (до 8 тыс. футъ) плоскогорья *Укокъ*, находящагося уже въ пре-



Сибирскіе казаки на китайской границѣ.

дѣлахъ Томской губ. По этому пустынному плоскогорью, напоминающему каменистыя тундры сѣвера, дорога идетъ до пик. *Укока* (на 96-й вер. отъ Уруля). Этотъ пикетъ такой же, какъ и Урульскій. За Укокомъ пролегаетъ путь въ китайскія владѣнія (г. *Кобдо*). До Кошъ-Агача дорога идетъ по такимъ же плоскогорьямъ, пересѣкаетъ невысокіе хребты, затѣмъ выходитъ на *Чуйскую* степь, на восточномъ краѣ которой лежитъ *Кошъ-Агачъ*—небольшое селеніе, служащее передаточнымъ пунктомъ между Монголіей и Россіей; здѣсь проходитъ извѣстный *Чуйскій* торговый трактъ.

Переходъ отъ Уруля до Кошъ-Агача даже при неблагопріятныхъ условіяхъ можно сдѣлать въ 5 дней. На югѣ отъ описаннаго пути идетъ нѣсколько тропъ въ Китай (Монголію), но онѣ, за исключеніемъ одной (отъ Укока черезъ Уланъ-Дабу), трудны и извѣстны подъ именемъ „воровскихъ“ (т. е. по нимъ ѣздятъ только конокрады).

Вся мѣстность выше Алтайской станицы населена очень рѣдко; кромѣ описанныхъ небольшихъ русскихъ селеній другихъ поселеній здѣсь совершенно нѣтъ.

ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ
СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ
Масштабъ
въ Англійскомъ дюймѣ 60 вер.
0 5 10 20 30 60 120
Приложеніе къ соч. „РОССІЯ
ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА"
т. XVIII подъ ред. В. П. Семенова изд. А. Ф. Девріена.
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
ХРЕБЕТЪ АЛАТАУ
ХРЕБЕТЪ ТАРБАГАТАЙ
ГОРЫ МОНРАКЪ
ГОРЫ САЙКАНЪ
ГОРЫ МУСТАУ
ГОРЫ ТОКЕ-КАРАТАУ
ГОРЫ ЖЕТЫ-ТАУ
ГОРЫ ЖЕТЫ-ТОБЕ
ГОРЫ ЖЕТЫ-ЖОЛЪ
ГОРЫ ЖЕТЫ-ЖЕЛЕ
ГОРЫ ЖЕТЫ-ЖЕЛЕ
ГОРЫ ЖЕТЫ-ЖЕЛЕ

Туземное населеніе состоитъ изъ кочующихъ киргизъ, небольшого числа калмыковъ и на границѣ—урянхайцевъ.

Теперь вернемся къ описанію воднаго пути отъ Семипалатинска до Усть-Каменогорска и Зайсана.

По *Иртышу* выше Семипалатинска пароходнаго сообщенія до 1900 года совсѣмъ не было. Объяснить это нужно многими причинами: отсутствіемъ предпріимчивыхъ людей, незначительностью населенія и нѣсколькими опасными для плаванія мѣстами. Но съ 1900 года начало здѣсь развиваться пароходное сообщеніе. Сначала отъ Зыряновскаго рудника до г. Усть-Каменогорска ходилъ по р. *Бухтармѣ* для нуждъ рудника слабосильный пароходъ „Зыряновскъ", принимавшій съ собою и пассажировъ. Въ 1902 г. образовалось „Верхне-Иртышское пароходное товарищество", которое завело нѣсколько мелкосидящихъ пароходовъ и стало поддерживать сообщеніе между Семипалатинскомъ и оз. *Зайсаномъ*. Время отхода и прихода пароходовъ неопредѣленно, но не болѣе одного раза въ десять дней; срокъ проѣзда вверхъ по теченію—6—7 дней, внизъ—4—5 дней. Остановки происходятъ только для набора дровъ; въ рѣдкихъ случаяхъ останавливаются у поселковъ, чтобы забрать небольшой грузъ и пассажировъ. Мѣстность по Иртышу здѣсь болѣе разнообразна и интересна, нежели между Омскомъ и Семипалатинскомъ. Сначала берега носятъ степной характеръ; правый возвышенный, песчаный, лѣвый—луговой; Иртышъ образуетъ мѣстами, въ полосѣ луговъ, нѣсколько глубокихъ протоковъ. На 14-й вер. отъ Семипалатинска есть незначительный порогъ *„Бабій"*, но въ большую воду онъ не опасенъ; въ остальное время его избѣгаютъ проѣздомъ черезъ другой рукавъ рѣки. Вообще „перекаты" (мелкія, быстрыя мѣста посреди рѣки) и „шиверы" (каменистыя мели)—становятся здѣсь частыми, и въ опасныхъ мѣстахъ пароходъ приглашаетъ въ качествѣ проводниковъ мѣстныхъ рыбаковъ или сплавщиковъ карбасовъ. Между пос. *Талицкимъ* и *Шульбинскимъ* правый берегъ образованъ песчанымъ яромъ, живописно украшеннымъ рѣдкими соснами. Далѣе подходятъ къ берегу небольшіе увалы, обрывающіеся къ рѣкѣ довольно высокими утесами. Въ ярахъ есть много интересныхъ обнаженій. Теченіе рѣки въ главномъ руслѣ—быстро, и пароходъ подвигается медленно; особенно трудно плыть на заворотахъ, которыхъ здѣсь много. Наиболѣе опаснымъ мѣстомъ считается *„Прапорщикова шивера"*—мель противъ одноименнаго поселка. Въ этомъ мѣстѣ фарватеръ рѣки идетъ почти подъ прямымъ угломъ съ одного берега на другой и имѣетъ съ одной стороны мель, съ другой—островъ; судно рискуетъ каждую минуту быть выброшеннымъ на мель. Нужно немало умѣнья направить судно такъ, чтобы оно миновало эти препятствія. Въ настоящее время производятся работы по устраненію здѣсь опасности для плаванія. Далѣе до Усть-Каменогорска плаваніе безопасно. Для пассажира съ половины пути есть уже чѣмъ полюбоваться. Къ берегамъ то тутъ, то тамъ подбѣгаютъ невысокія горы (у д.д. *Глубокой*, *Прапорщиковой*), сжимая рѣку въ гранитной и сланцевой набережной, а затѣмъ снова отбѣгаютъ вдаль, уступая мѣсто зеленѣющимъ лугамъ. Послѣдніе на всемъ пути отъ Семипалатинска составляютъ богатые травой и кустарниками участки; изрѣдка встрѣчаются рощи бѣлаго и душистаго тополя. На описаніи лежащихъ на берегахъ Иртыша селеніяхъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ это было уже нами

сдѣлано при описаніи Иртышскаго почтоваго тракта (стр. 409—412). Въ *Усть-Каменогорскѣ* пароходъ стоитъ въ зависимости отъ наличности груза; если его нѣтъ, то черезъ нѣсколько часовъ отправляются далѣе.

Плаваніе выше Усть-Каменогорска является самымъ интереснымъ на всемъ Иртышѣ и Оби. Здѣсь, на 6-й — 7-й верстахъ отъ города сразу поднимаются довольно значительные хребты, которые прорѣзываетъ рѣка. По красотѣ береговъ эти мѣста путешественниками сравниваются не безъ основанія съ лучшими мѣстами по Рейну и Дунаю. Почти на всемъ протяженіи отъ Усть-Каменогорска до Бухтарминской станицы рѣка течетъ въ ущельѣ, образуемомъ на правомъ берегу гранитами, а на лѣвомъ—сланцами. Особенно живописны утесы: *Бишбанскій Камень*, *Гладкій Таскунъ*, *Пятухъ* (верхняя часть послѣдняго къ сожалѣнію рухнула, и онъ не производитъ уже прежняго впечатлѣнія), *Семь Братьевъ*, *Козелъ* и *Монастырь*. Эти мѣста однако не только интересны для плывущихъ, но и опасны; теченіе рѣки въ этихъ тѣснинахъ весьма быстро, и судну необходимо принять всѣ предосторожности, чтобы не попасть на камни; опасны эти мѣста болѣе для сплавныхъ судовъ—карбасовъ и плотовъ, которымъ трудно справляться съ теченіемъ рѣки. Въ одномъ мѣстѣ горы расходятся, и Иртышъ течетъ по широкой котловинѣ нѣсколькими рукавами, какъ напр. *Сенькинъ Разбой*. Береговыя террассы наводятъ на мысль о существованіи здѣсь въ древности озера. Передъ впаденіемъ *Бухтармы* горы принимаютъ мягкія очертанія и отступаютъ отъ рѣки; появляются низменные, поросшіе кустами острова. Берега на всемъ протяженіи безлюдны; казачьи поселки лежатъ въ горахъ на разстояніи 7—20 вер.; на лѣвомъ берегу пріютились кое-гдѣ небольшіе киргизскіе аулы. Жители поселковъ пробираются къ берегу Иртыша по долинамъ рѣчекъ, если нужно попасть скорѣе въ городъ или что-нибудь сплавить внизъ; на Иртышѣ имѣются небольшіе карбасы, на которыхъ и совершается поѣздка; времени на эту поѣздку нужно въ шесть разъ менѣе, чѣмъ на лошадяхъ по почтовому тракту.

Пароходъ у пореката (шиверы) на Иртышѣ близъ д. Прапорщиковой. (*По фот. В. Сапожникова*).

У станицы *Бухтарминской* (описаніе см. выше, стр. 421) пароходъ заходитъ въ Бухтарму или дѣлаетъ остановку въ 3 верстахъ. Отсюда вверхъ Иртышъ носитъ еще характеръ горной рѣки: горы не отходятъ далеко отъ береговъ, и теченіе его довольно быстро, но чѣмъ выше, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ, а горы отступаютъ вглубь страны. У пос. *Черемшанскаго* горы въ послѣдній разъ тѣснятъ рѣку и затѣмъ отходятъ все далѣе и далѣе отъ береговъ; у пос. *Красноярскаго* берега Иртыша слегка волнисты, съ глинисто-песчаными ярами; появляются также луга, поросшіе осокой и камышомъ. Отъ устья Нарымской долины Иртышъ носитъ уже совершенно характеръ степной рѣки: теченіе его спокойно, мѣстность ровна, безлѣсна; только кустарники темными полосами по-

являются кое-гдѣ среди степи, обнаруживая присутствіе рѣки; показываются также желтыя пятна песковъ. Въ береговыхъ камышахъ пріютилась масса разныхъ птицъ — единственныя существа, оживляющія эту мѣстность. При устьѣ р. Нарыма (въ 3 вер. отъ Иртыша) лежитъ вышеупомянутая (стр. 424) небольшая деревня *Тумараши* или *Усть-Нарымская;* населена она крестьянами. Съ 1898 г. здѣсь устроенъ миссіонерскій станъ. Недалеко отъ нея лежитъ незначительное, также вышеупомянутое поселеніе раскольниковъ („немоляковъ"). Слѣдующія поселенія до Зайсана будутъ: казачьи селенія—*Чистый Яръ, Баты* (описанныя выше) и д. *Казнаковская.*

Передъ устьемъ р. *Курчума* Иртышъ выходитъ изъ предѣловъ Усть-Каменогорскаго у. въ Зайсанской.

Усть-Каменогорскій уѣздъ занимаетъ площадь въ 41.487 кв. вер. Въ естественно-историческомъ отношеніи его можно назвать гористымъ; только южная часть, ближайшая къ оз. Зайсану, можетъ быть названа равниной. Осѣдлаго населенія въ уѣздѣ довольно значительное число, а именно—казаковъ 10.774 и крестьянъ—15.688 чел., кочевого—78.739 чел. (17.451 кибитка). Земледѣліе какъ у русскихъ, такъ и у киргизъ распространено; первые сѣяли зерновыхъ хлѣбовъ въ 1900 г. 64.960 пуд., послѣдніе—86.650 пуд. Количество скота у киргизъ достигаетъ 133.800 головъ крупнаго и 300.427 мелкаго; у русскихъ—35.783 головъ крупнаго и 16.438 мелкаго. Въ уѣздѣ развита золотопромышленность. На 121 пріискѣ въ 1900 г. было добыто 28 пуд. 37 ф. 52 зол. 64 дол. золота. Есть здѣсь нѣсколько мелкихъ заводовъ, обрабатывающихъ продукты скотоводства; есть также лѣсной промыселъ, рыбный и пчеловодство; послѣднее даетъ населенію до 20—30 тыс. руб. ежегодно. Вообще естественныя богатства уѣзда обѣщаютъ уѣзду хорошее будущее; теперешній недостатокъ уѣзда составляетъ отсутствіе удобныхъ путей сообщенія. Иртышъ, будучи вполнѣ судоходной рѣкой, затрудненъ для плаванія благодаря порогамъ. Осѣдлое населеніе занимаетъ преимущественно правый берегъ Иртыша и мѣста по главному Алтайскому тракту. Въ 1890-хъ гг. стали заселяться переселенцами и нѣкоторые внутренніе участки уѣзда (въ Калбинскихъ горахъ); заселеніе продолжается и въ настоящее время.

Въ нижнемъ теченіи р. Курчума и у западныхъ склоновъ Нарымскаго хребта пріютились киргизскія зимовки. Лѣтомъ здѣсь пустыня; видно лишь много дерновыхъ могилъ; вблизи хребта и въ долинѣ Курчума выступаютъ киргизскія пашни. Противъ устья Курчума тянется безлюдная, голая степь, то солончаковая, то песчаная; по берегамъ ея видны полосы густыхъ камышей, въ которыхъ и теперь можно натолкнуться на кабановъ. Для пароходнаго движенія эта часть рѣки (отъ устья Нарыма до оз. Зайсана) довольно удобна. Киргизы для своихъ нуждъ держатъ въ трехъ мѣстахъ баркасы для переправы. При входѣ въ оз. *Зайсанъ* есть нѣсколько мелей. Минуя ихъ, пароходъ попадаетъ въ фарватеръ рѣки и уже полнымъ, увѣреннымъ ходомъ можетъ идти до южнаго берега озера. Послѣдніе низменны и сливаются съ горизонтомъ водъ, но позади ихъ темносинимъ фономъ высятся хребты *Тарбагатая* и *Саура.* Въ южномъ концѣ озера, на мысѣ *Тополь номъ* раскинулось небольшое рыбачье поселеніе. Здѣсь ловится и сушится главная масса добываемой въ озерѣ рыбы. Прежде нагружали ее въ карбасы или гужомъ доставляли до Усть-Каменогорска или даже до Семипалатинска, что обходилось недешево и подвержено было всякимъ случайностямъ. Нужно думать, что съ развитіемъ пароходства грузы пойдутъ этимъ путемъ.

Пароходство возможно и далѣе по р. *Черному Иртышу* до границы съ Китаемъ при впаденіи р. *Алкабека,* гдѣ находится таможня; послѣдняя представляетъ собою небольшой одинокій домъ, гдѣ живутъ вете-

ринарный врачъ и полицейскій чиновникъ для осмотра каравановъ (везущихъ главнымъ образомъ сырье). Развитіе здѣсь пароходства возможно при двухъ условіяхъ: расширеніи торговли съ Китаемъ и развитіи производительныхъ силъ этихъ мѣстъ; среди послѣднихъ можно указать на расширеніе золотого и горнопромышленнаго дѣла вообще. Въ предѣлахъ тихаго и быстраго Иртыша, нужно думать, что недостатка въ грузахъ не будетъ, такъ какъ тутъ есть довольно значительныя поселенія и уже существуетъ горная промышленность, развитіе которой тормозилось недостаткомъ именно путей сообщенія, какъ водныхъ, такъ и сухопутныхъ. Съ установленіемъ путей здѣсь несомнѣнно разовьется и крупное движеніе.

Досмотръ каравана на таможенномъ пунктѣ.

Зайсанскій уѣздъ занимаетъ пространство въ 49.751 кв. в. Въ естественно-историческомъ отношеніи онъ весьма разнообразенъ; въ общемъ это громадная котловина, въ которой лежитъ озеро Зайсанъ, окруженная почти со всѣхъ сторонъ высокими горами; въ котловинѣ преобладаютъ глинистыя степи и пески, въ горахъ — черноземныя или каменистыя почвы и лѣса; послѣднихъ 219,4 т. дес. (почти исключительно лиственница). Населенія въ уѣздѣ 97.803 чел.; изъ нихъ 91.380 чел. киргизъ (23.663 кибитки) и 3.930 чел. казаковъ. Земледѣліе занимаетъ какъ у русскихъ, такъ и у киргизъ видное мѣсто; у первыхъ зерновыхъ хлѣбовъ сѣялось въ 1900 г. 27.870 пуд., у вторыхъ—40.980 пуд. (бо́льшей частью практикуется арычное земледѣліе). Скота въ уѣздѣ было въ 1900 г.—548.744 гол.; изъ нихъ у киргизъ: крупнаго—128.970 гол. и мелкаго 410.829 гол.; у русскихъ 9.979 головъ, изъ которыхъ крупнаго — 7.197 головъ. Въ уѣздѣ разрабатываются небольшія каменноугольныя копи (Кендерлыкскія) и работаетъ нѣсколько пріисковъ (среднее содержаніе золота на 100 пуд. песка — 13,8 долей); добыто было въ 1900 г. (на 9 пріискахъ) 1 пуд. 33 ф. 9 зол. 32 доли золота. При улучшеніи путей сообщенія и увеличеніи осѣдлаго населенія горная промышленность вообще получитъ здѣсь большое развитіе. Осѣдлое населеніе живетъ только въ шести пунктахъ—уѣзднымъ городѣ, заштатномъ городѣ (станицѣ) Кокпекты, станицѣ Кендерлыкской и въ трехъ деревняхъ на р. Кабѣ. Прииртышское и призайсанское населеніе имѣетъ хорошій рыбный промыселъ на оз. Зайсанѣ. Уѣздъ открытъ для переселенцевъ (отводятся участки).

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКАГО № ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СОБРАНІЯ.

Указатель главнѣйшихъ источниковъ и пособій по Киргизскому краю.

Примѣчаніе. Сюда не вошли сочиненія, упомянутыя уже въ предыдущихъ томахъ „Россіи", которыя обнимаютъ собою кромѣ Киргизскаго края также и другія области, какъ напр. „Геогр.-статист. словарь Россійской Имперіи" и пр. Такимъ образомъ читателю для подобныхъ общихъ сочиненій слѣдуетъ справиться въ соотвѣтствующихъ указателяхъ предыдущихъ томовъ.

Общая географія.

Becker, A. Reise in die Kirgisen-Steppe nach Astrachan und an das Kaspische Meer. Moskau, 1866.

Бларамбергъ. Военно-статистическое обозрѣніе земли киргизъ-кайсаковъ Внутней и Зауральской орды. 1848.

Богдановъ, М. Обзоръ экспедицій и естественно-историческихъ изслѣдованій въ Арало-Каспійской обла ти, съ 1720 по 1874 г. Спб., 1875 г. Тр. Арало-Касп. Эксп., вып. I.

Бородинъ, Н. Уральское казачье войско. Уральскъ, 1885.

Венюковъ, М. Путешествія по окраинамъ русской Азіи и записки о нихъ. 1868.

Wangali. Reise nach der oestlichen Kirgisen - Steppe. Горн. Журналъ, 1853, № 4—7.

Волости и населенныя мѣста. 1893 г. Вып. I. Акмолинская обл., 1893; вып. V. Семипалатинская обл., 1895; вып. XIV. Тургайская обл., 1894. Статистика Россійской Имперіи, изд. Центр. Стат. Ком. М. В. Д., XXVII.

В. Г. Поѣздка въ долину озера Иссыкъ-Куля. Семипалат. Областн. Вѣд. 1890, № 31 и 33.

Гагемейстеръ. Топографическо-хозяйственное описаніе Прикаспійскаго края. СПБ., 1850.

Галицкій, П. Отъ Семипалатинскаго укрѣпленія до Вѣрнаго. Спб. Вѣд., 1868, № 150 и 151.

Ф. Гернъ, В. Поѣздка на р. Чу къ ея устью черезъ пустыню Бедь-Пакъ-Дала въ сент. 1883. Зап. З.-С. Отдѣла И. Р. Г. Общ., кн. X, Омскъ, 1889.

Goebel. Reise in die Steppen d. südlichen Russlands, 2 Theile, 1837.

Humboldt, A. Central-Asien, I и II.

Данилевскій, Н. Я. и **Семеновъ, Н. М.** Путешествіе къ устью р. Эмбы. Записки Имп. Русск. Геогр. Общества, 1855, ч. XIII, отд. V.

Eversmaun. Reise von Orenburg nach Buchara; begleitet von einem naturhistorischen Anhange und einer Vorrede von H. Lichtenstein. 1823.

Ефимовскій, И. Географическое обозрѣніе Западной Сибири и Киргизской степи. Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, 1855, ч. 13, отд. 3, стр. 1—34.

Завалишинъ, И. Описаніе Западной Сибири, т. III. Сибирско-Киргизская степь. Москва, 1867.

Изъ путевыхъ замѣтокъ натуралиста во время поѣздки въ степь Внутренней Киргизской Орды. СПБ. Вѣд. 1852, № 203.

Кеннанъ, Дж. Степная жизнь въ Сибири. 1871.

Онъ же. Степи Иртыша. Наблюденія и впечатлѣнія американскаго путешественника. Новь. 1888, XXIII, № 20.

Каренинъ, Г. Путешествіе по Каспійскому морю. Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. 1883, т. X.

Киргизская степь Сибирскаго вѣдомства и новоучрежденная въ ней Семипалатинская область. Жур. Мин. Вн. Дѣлъ, 1854, ч. VII, отд. II.

Киргизскія степи Акмолинской области. Зап. З.-С. Отд. И. Р. Г. О., кн. 15, в. III; кн. 16, в. I.

Киргизская степь. Оренбургскія Губ. Вѣд. 1849, № 11—13; 1850, № 14.

Красовскій. Область сибирскихъ киргизовъ. Мат. для геогр. и стат. Россіи. 3 тома, СПБ., 1868.

Леваневскій. Очерки Киргизскихъ степей (Эмбенскаго уѣзда). Землевѣдѣніе, II, 1894, III, 1894, II—IV, 1895.

Левшинъ, А. Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей. СПБ., 1832.

Лепехинъ, И. Дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства въ 1768 и 1769 гг. СПБ., 1771.

Л-чъ, П. Статистическое описаніе Уральской области. „Волга", 1878, № 50—52.

Маркграфъ, О. В. Великая Сибирская низменность, ея географическія особенности и ея значеніе для заселенія страны. Землевѣдѣніе, кн. II — III, 1895.

Meyendorff. Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820. Paris, 1826.

Мейеръ, Л. Киргизская степь Оренбургскаго Вѣдомства. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. СПБ. 1865.

Миддендорфъ, А Бараба. Зап. Им. Ак. Наукъ, 1870, XIX, кн. 2.

Миддендорфъ, А. и **Эрманнъ.** Описаніе путешествія по Сибири. Обзоръ главн. путешествій Свенске, т. I. Спб., 1855.

Михайлова, В. Киргизскія степи Акмол. обл. Зап. З.-С. отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. XV и XVI.

Михайловъ, М. Киргизская степь. Спб. Вѣд., 1866, № 155.

Онъ же. Область Сибирскихъ киргизовъ и Семипалатинская. Современ. очеркъ. Лит. Библіотека, 1867, январь.

Никитинъ, С. Отчетъ экспедиціи 1892 г. въ Зауральскія степи Уральской области и Усть-Уртъ. Изд. Общ. Ряз.-Ур. ж. д. СПБ., 1893.

О трудахъ Лемана въ связи съ работами др. изслѣдователей Оренб. края и сосѣднихъ съ нимъ странъ Азіи. Географич. Извѣстія, 1848—50, отд. IV.

Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи, 1777, 1809, ч. I.

Петри, Ю. Въ киргизской степи. Тр. VIII съѣзда Ест. и Врачей, СПБ., 1890.

Поѣзда изъ Орска въ Хиву и обратно, совершенная въ 1740—41 г.г. Гладышевымъ и Муравинымъ. СПБ., 1851.

Реклю, Э. Земля и люди. Всемірная географія. Россія Европейская и Азіатская, т. II. Азіатская Россія. Спб., 1884.

Риттеръ, К. Землевѣдѣніе Азіи. Географія странъ, входящихъ въ составъ Россіи и пр. Переводъ подъ ред. П. П. Семенова, т. III, 1869. Т. IV. Алтайско-Саянская горная система въ предѣлахъ Россійской Имперіи (дополненіе къ т. III). Сост. П. П. Семеновъ и Г. Н. Потанинъ. Спб., 1877.

Романовскій, Д. О географическихъ изслѣдованіяхъ въ Киргизской степи и Туркестанской области въ 1865 г. и нѣсколько словъ о торговомъ значеніи Ташкента. Извѣстія И. Р. Геогр. Общ., 1866, II.

Россія въ сибирскихъ степяхъ. Сиб. Вѣстн. 1885, № 16—20, 27.

Рычковъ, Н. Дневныя записи путешествія въ Киргизъ-Кайсацкой степи въ 1771 г. СПБ., 1772.

Рябининъ, А. Уральское казачье войско. Мат. для геогр. и стат. Росс. Имперіи, 1866.

Савичевъ, Н. Путевыя впечатлѣнія изъ поѣздокъ по землѣ Уральскаго войска. Ур. Войск. Вѣд. 1868, № 47; 1869, № 13 и 48.

Семеновъ, П. Окраины Россіи. Изд. М-ства Финансовъ, С.П.Б., 1900.

Онъ же. Письма путешествій въ Кирг. степи. Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1856, ч. 18, кн. 5—6, 1—6, стр. 27—30.

Сильверсгельмъ, бар. Киргизская степь Зап. Сибири. Военно-Статистическое Обозрѣніе Россійской Имперіи, XVIII, III. СПБ., 1852.

Словцовъ, И. Путевыя записки, веденныя во время поѣздки въ Кокчетавскій у. Акмолинской области въ 1878. (Второе изданіе болѣе полное съ примѣчаніями М. Сіязова). Зап. Зап.-Сибир. отдѣла И. Р. Геогр. Общ. 1897, к. XXI.

Соколовскій, Э. Описаніе восточной части Киргизской степи. Журналъ Мин. Пут. Сообщ., 1878, № 3, мартъ.

Сосновскій, Ю. О результатахъ рекогносцировки въ рѣчной области Чернаго Иртыша въ сопредѣльномъ бассейнѣ оз. Улюнгуръ и въ горномъ округѣ Хобу-Соръ. Извѣстія И. Р. Геогр. Общ., 1874, X.

Старковъ, В. Краткое обозрѣніе Киргизской степи въ географическомъ, историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Томск. Губ. Вѣд., 1860, № 25 и 31.

Онъ-же. Краткое описаніе Киргизской степи. Пам кн. Тоб.губ., 1861—62.

La stepre Kirghize. Le Globe —Journal de la Soc. de Géogr. de Genève, 1881, IV.

Струве, К. и **Потанинъ, Г.** Путешествіе на оз. Зайсанъ и въ рѣчную область Чернаго Иртыша, до озера Марка-Куль и горъ Сары-Тау, лѣтомъ 1863. Зап. по Общ. Геогр. И. Р. Г. Оощ., 1867, I.

Усовъ, Ѳ. Статистическое описаніе Сибирскаго казачьяго войска. Спб., 1879.

Хорошхинъ. Казачьи войска. Опытъ военно-статистическаго описанія, 1881.

Шмидтъ, Ю. Очеркъ Киргизской степи къ югу отъ Арало-Иртышскаго водораздѣла въ Акмол. области. Зап. З.-С. отдѣла И. Р. Г. Общ., кн. XVII, вып. 2. Омскъ, 1894.

Онъ же. Экспедиція въ южную часть Акмол. обл. Зап. Военно-Топогр. Отд. Главнаго Штаба, LI, 1894.

Шустовъ, А. Описаніе южной части земли Уральскаго казачьяго войска. Урал. Войск. Вѣд., 1871, № 13—15.

Экспедиція къ Черному Иртышу. Отчетъ Геогр. Общества за 1863. Зап. И. Р. Г. Общ., 1864.

Формы земной поверхности, внутреннее строеніе земной коры и минеральныя богатства.

Абрамовъ, Н. Арасанскіе минеральные ключи въ Семипалатинской области. Вѣстникъ И. Р. Г. Общ. 1858, ч. 23, № 6.

Онъ-же. Каменный уголь въ Сергіопольскомъ окр. Семип. обл. Изв. И. Р. Г. Общ. 1867 г., III, № 6.

Онъ-же. Каменный уголь въ Семипалатинской обл. Изв. И. Р. Г. Общ. 1868, IV, № 6.

Аленицынъ, В. Поѣздка на приуральскія, челябинскія и троицкія озера. Отчетъ И. Р. Г. Общ. за 1887 г. С.П.Б. 1888.

Андрусовъ, Н. Мат. къ позн. Прикаспійскаго неогена. Акчагыльск. пласты. Тр. Геол. Комит.

Анзимировъ. Петрографическій очеркъ восточной части Кокчетавскаго уѣзда Акмол. обл. Омскъ, 1887.

Антиповъ. Рудныя и каменныя мѣсторожденія Киргизской степи. Горн. Журн., 1892, февраль.

Астрономическія опредѣленія пунктовъ Зап. Сибири. Изв. И. Р. Г. Общ. 1872, VIII № 8.

Baer, К. Kaspische Studien. Bull. de l'Acad. Imp. d. Sc. de St.-Petersb., XV.

Онъ-же. Ученыя замѣтки о Каспійскомъ морѣ и его окрестностяхъ. Зап. И. Р. Г. Общ., XI.

Бергъ, Л. Матеріалы для гидрологіи Аральскаго моря. Научн. рез. Аральск. эксп. Зап. Туркест. Отд. И. Р. Г. О., III, в. I.

Бергъ и Игнатовъ. Соленыя озера Омскаго уѣзда. Записки Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., кн. 28.

Они-же. О колебаніи уровня озеръ Средней Азіи. Изв. И. Р. Г. О.

Богачевъ. Краткій очеркъ мѣсторожд. мѣдн. рудъ, бураго угля, селенита и др. въ Тургайской обл. Горн. Журн. 1889, I, № 3.

Богдановъ. Иртышскія горы. Геолог. очеркъ. С.П.Б., 1883.

Онъ-же. Геогностическій обзоръ нижней долины р. Бухтармы и рудныхъ богатствъ ея. Горн. Журн. 1882, I, № 3.

Бородинъ, Н. Оз. Чархалъ или Чархальское морцо. Изв. И. Р. Г. Общ., XXXII, 1896, вып. IV.

Бѣлоусовъ, М. Минеральныя богатства Киргизской степи. Горн. Журн., 1884, № 12.

Онъ-же. Мѣсторожденіе каменнаго угля въ Киргизской степи. Горн. Журн. 1885, № 4.

Величковскій, В. Замѣтка объ Индерскомъ озерѣ. Ур. Войск. Вѣдом., 1886, № 48.

Влангали, А. Геогностическія поѣздки въ восточной части Киргизской степи въ 1849 и 1851 гг. 2 части. С.П.Б., 1853.

Высоцкій, Н. Геологическія изслѣдованія 1894 г. въ Киргизской степи и на Иртышѣ. Геол. изслѣд. по линіи Сиб. ж. д., вып. I, 1896.

Габріель, А. Объ открытіи графита въ Киргизской степи. Тр. Имп. Вольн. Экон. Общ. 1868, II, вып. 4. Томск. Губ. Вѣд., 1868, № 12.

Онъ-же. О каменноугольномъ производствѣ въ Кирг. степи Сибирскаго вѣдомства. Изв. И. Р. Г. Общ. 1873, IX, № 4.

Онъ-же. Свѣдѣнія объ открытыхъ въ разныхъ мѣстахъ Киргизской степи мѣдныхъ и желѣзныхъ рудахъ, а также каменнаго угля. Изв. И. Р. Г. Общ., 1869, № 2.

Гаркемъ, В. Соляныя озера Уральской обл. Горн. Журн., 1894, Мартъ.

Helmersen, G. Reise nach dem Ural und d. Kirgisen-Steppe in den Jahren 1833 und 1835.

Геогностическія замѣчанія о сѣв. части Баянъ-Аульскаго и Каркаралинскаго округа въ Киргизской степи. Горн. Журн., 1845, ч. III, № 8.

Геогностическое описаніе зап. части Омской области, снятой на планъ экспедиціей, назначенною для военно-топографической рекогносцировки въ 1832 г. Горн. Журн. 1833, ч. IV, кн. 11.

Геологическій очеркъ Урала и Алтая. Библ. для Чтенія, 1837, т. 25, отд. 7.

Hermann, R. Berkungen über den Graphit aus der Kirgisen-Steppe. Bull. Soc. des Natur. de Mosc., 1858, № 4.

Гернгроссъ. Геогностическое описаніе западной части Омской области. Горн. Журн., 1833, кн. XII.

Гикишъ. Каталогъ высотъ Азіатской Россіи

Зап. И. Р. Г. Общ. по общей географіи.

Гордягинъ, А. Матеріалы по познанію почвъ и растительности Западной Сибири. Тр. Каз. Общ. Ест., XXXIV и XXXV, вып. 2.

Графитовые рудники въ Семипал. обл. Сем. Обл. Вѣд., 1875, № 26.

Графитъ въ Киргизской степи. Горн. Журн. 1858, VII, 2, № 4, стр. 185—187.

Графитъ въ Семипал. Обл. Изв. И. Р. Г. Общ., 1867, III, № 6.

Графитъ въ Киргизской степи. Пром. Листокъ, 1858, № 19. Горн. Журн. 1858, ч. II, № 4,

Гребенской, В. Озеро Чархалъ и его окрестности. Ур. Войск. Вѣд., 1870, № 30.

Журналъ коммиссіи по нивеллировкѣ Сибири. Изв. И. Р. Т. Общ., 1875, № 3.

Зайцевъ, А. О породахъ нѣкоторыхъ пунктовъ Киргизской степи между Иртышемъ и оз. Балхашемъ. Изв. Имп. Томск. Унив., 1891, кн. 3.

Замѣчанія о Киргизской степи. Астраханскія Губ. Вѣд. 1856,, № 1, 3, 10, 11, 14, 22, 25, 29, 30, 34.

Земляницынъ, И. Графитовые рудники въ Семипал. области. Семип. Обл. Вѣд., 1875, № 26.

Иваншинцевъ. Очерки береговъ Каспійскаго моря. Морской Сборн., 1855, № 3.

Игнатовъ, П. Тенизо-Кургальджискій озерный бассейнъ Акмол. у. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.

Игнатьевъ. Мѣсторожденіе каменнаго угля въ окр. Зайсанскаго поста. Записки З.-Сиб. Отд. И. Р. Гор. Общ., VII, 1885, вып. 2.

И. З. Объ открытіи мѣсторожденіи графита въ Киргизской степи. Зап. Каз. Эконом. Общ., 1858, 1, № 3. Пермскія Губ. Вѣд., 1858, № 10.

Извѣстія о рудникахъ въ Киргизской степи. Вѣст. Евр., 1816, часть 87, № 11.

Изображеніе медали въ память открытія свинцовой руды въ степи Киргизъ-Кайсацкой. Вѣстн. Европы, 1816, часть 88, № 13.

Каменный уголь въ Сергіоп. окр. Семип. обл. Изв. Имп. Р. Геог. Общ. 1867, III, № 6.

Каменный уголь въ Семипалатинскѣ. Изв. Имп. Русск. Общ., 1868, IV, № 6.

Карелинъ, Г. Разборъ статьи Рябинина объ естественныхъ произведеніяхъ Уральскаго казачьяго войска, извлеченной изъ книги его: „Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Описаніе Уральскаго каз. войска, 2 части, сост. А. Рябининъ. СПБ. 1866. Ур. Войск. Вѣд., 1867, №№ 44, 52; 1868, №№ 1, 7, 10, 21, 22, 51 и 52. Также Тр. СПБ. Общ. Естеств., VI, 1875.

Онъ-же. Журналъ экспедиціи для осмотра сѣв.-вост. берега Каспійскаго моря. Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Общ. Географіи, 1884, X.

Катанаевъ. Докладъ по вопросу объ организаціи наблюденій надъ водами степного раіона Зап. Сибири. Программа для собиранія свѣдѣній объ озерахъ и рѣкахъ степного раіона Зап. Сибири. Зап. З.-Сиб. отдѣла И. Р. Г. О., 1893, кн. XV, вып. II.

Ковалевскій и Гернгроссъ. Описаніе западной части Киргизъ—Казачьей или Киргизъ—Кайсацкой степи. Горн. Журн., 1846, № 4, 12.

Кокшаровъ, Н. Извѣстіе о бирюзѣ въ Киргизской степи. Зап. Имп. Минер. Общ., VII, ч. 20.

Киргизская степь. „Волга“, 1863, № 60. (О минеральн. богатствахъ).

Кирпичниковъ, Д. Описаніе соленыхъ около устья Эмбы и нефтяныхъ мѣсторожденій въ мѣстности, прилегающей къ сѣверо-восточному берегу Каспійскаго моря. Ур. Войск. Вѣд., 1874, № 43 и 44.

Коноваловъ, А. Пояснительная записка къ профилю русла р. Кушума. Ур. Войск. Вѣд., 1883, № 4 и 5.

Онъ же. Замѣтка объ измѣненіи уровня воды въ Каспійскомъ морѣ. Ур. Войск. Вѣд., 1888, № 37.

Королевъ, В. Описаніе нѣсколькихъ образцовъ почвъ Акмолинской области. Зап. З.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О. 1898, XXIV.

Костычевъ, П. О солонцахъ Уральской области. Сельск. Хоз. и Лѣс., 1886, № 10.

Краснопольскій, А. Предварительный отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1895 г. въ Зап. Сибири. Геол. изслѣд. по линіи Сиб. ж. дор., вып. V, 1897.

Онъ же. Предварительный отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1896 г. въ Зап. Сибири. Геол. изслѣд. и разв. работы по линіи Сиб. ж. дороги, вып. IX.

Онъ же. Прииртышскія мѣсторожденія ископаемаго угля. Горн. Журн., 1894, Іюнь.

Онъ же. Геологическія изслѣдованія въ Киргизской степи. Горн. Журн., 1895, № 7.

Онъ же. Краткія извлеченія изъ отчета сибирскихъ горныхъ партій. Изв. Геол. Ком., № 6—7, 1894.

Краткій очеркъ мѣсторожденій мѣдныхъ рудъ, бур. угля и селитры въ Тургайской области. Горн. Журн., 1889, т. I, № 3.

Крашенниковъ, Г. Къ вопросу о положеніи золотого промысла на кокчетавскихъ промыслахъ. Вѣст. Золотопр. и Горн. Дѣла, 1892, № 23.

Кузнецовъ. Озеро Балхашъ и р. Или. Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., 1851—60, 1856, ч. 18.

Лемпицкій. О соляныхъ озерахъ и соляномъ промыслѣ Зап. Сибири. Горн. Журн., 1884, № 3. Съ картой соляныхъ озеръ Зап. Сибири.

Ленцъ. О періодическихъ измѣненіяхъ уровня Каспійскаго моря. Журн. Министе. Внутр. Дѣлъ, 1836, № 5.

Мальевъ. О каменномъ углѣ Прииртышскаго бассейна. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., кн. 10.

Мейстеръ, А. Геологическія изслѣдованія зап.-сиб. горной партіи. Горн. Журн.. 1895, № 8.

Онъ же. Геологическія изслѣдованія 1895 г. въ Киргизской степи. Геол. изсл. по лин. Сиб. ж. дор., вып. V, 1897.

Миллеръ и Мошковъ. Сибирская нивеллировка. Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общ., 1876, № 3.

Минеральныя богатства Киргизской степи. Горн. Журн., 1884, № 12.

Мирошниченко. Нивеллировка отъ г. Петропавловска до г. Акмолинска, произведенная въ 1885 и 1886 гг. Записки Военно-Топограф. Отд. Главнаго Штаба, XLVIII, 1892.

Онъ же. Списокъ высотъ, опредѣленныхъ въ Зап. Сибири по барометр. наблюденіямъ въ 1869 г. Изв. И. Р. Г. О., 1872, VIII, № 8.

Онъ же. Перечень астрономическихъ пунктовъ Зап. Сибири. Зап. З.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. Общ., 1881, кн. 4.

Мѣсторожденіе каменнаго угля въ Киргизск. степи. Горн. Журн., 1885, № 4, стр. 81—86.

Нешель. Замѣчанія о Киргизской степи между Оркою крѣпостью и Аральскимъ моремъ. Геогр. Изв., изд. И. Р. Геогр. Общ., 1848, вып. 5.

Никитинъ, С. и **Пашкевичъ, В.** Гипсометрія страны между Волгою и Ураломъ. Съ картою высотъ пространства между Волгою и Ураломъ Изв. И. Р. Геогр Общ., XXX, 1894.

Новаковскій. М. Очеркъ геологическаго характера и минеральныхъ богатствъ Уральской области. Горн. Журн., 1887, № 10.

Нѣсколько словъ о золотыхъ розсыпяхъ и рудномъ промыслѣ въ киргизскихъ степяхъ. СПБ. Вѣд., 1858, № 52.

Обзоръ топографическихъ и астрономическихъ работъ въ Зап. Сибири въ теч. 1871 г. Изв. И. Р. Геогр. Общ., 1872, VIII, отд. II.

Объ открытіи графита въ Киргизской степи. Перм. Губ. Вѣд., 1858, № 10.

Объ открытіи графита въ Киргизской степи. Тр. Имп. Вольн. Экон. Общ., 1868, II, в. 4.

О горныхъ породахъ и полезныхъ ископаемыхъ Кара-каралинской степи. Горн. Журн., 1887, № 2.

О горныхъ развѣдкахъ, произведенныхъ въ Киргизской степи экспедиціей 1815 г. Горн. Журн., 1829, № 3.

О золотыхъ розсыпяхъ въ Киргизской степи. Акм. Обл. Вѣд., 1877, № 7.

О золотѣ, добытомъ въ 1840 г. въ Сибири и Киргизскомъ округѣ частными лицами. Мануфакт. и Горнозавод. Извѣстія, 1841, № 3.

О металлическихъ богатствахъ сибирскихъ киргизовъ. СПБ., 1859.

О рудныхъ богатствахъ и минеральныхъ источникахъ Киргизской степи. Том. Губ. Вѣд., 1862, № 20—23.

О существованіи золотосодерж. песковъ въ Киргизъ-Кайсацкой степи. Горн. Журн. 1827, № 2.

Описанія къ картамъ золотыхъ пріисковъ Сибири и Урала. Тобольско-Акмолинскій горный округъ. Кокчетавскій уѣздъ. Изд. Коммиссіи для собиранія и разработки свѣдѣній о сибирской золотопромышленности. СПБ., 1897.

О соленыхъ озерахъ въ предѣлахъ Уральской области. Ур. Войск. Вѣд., 1868, № 13, 14. Таблица солянымъ озерамъ въ Уральской области. Тамъ-же.

Оссовскій. Геогидрологическія изслѣдованія Барабы. Томскъ, 1894.

По поводу измѣненія русла р. Урала. Ур. Войск. Вѣд., 1885, № 1.

Пущинъ. Каспійское море. 1877.

Пѣвцовъ, М. Астрономическія наблюденія г. Лазарева для опредѣленія мѣстъ въ Алтаѣ, на Верхней Бухтармѣ и его-же бар. опредѣленія высотъ въ ю.-в. части Семипал. области и метеорол. набл. въ г. Акмолинскѣ. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., 1884, кн. 6.

Результаты испытанія образцовъ рудъ и каменныхъ углей въ Семипалат. обл. Семипал. Обл., Вѣд. 1871, № 40.

Результаты барометрической нивеллировки, произведенной между Оренбургомъ и Аральскимъ моремъ въ 1858 г. астрономомъ Струве, состоявшимъ при нашей миссіи въ Хивѣ. Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ., 1859, ч. 26, V.

Результаты испытанія каменнаго угля въ Семипал. обл. Семипал. Обл. Вѣд., 1871, № 40.

Русановъ, И. О рудныхъ богатствахъ и минеральныхъ источникахъ Киргизской степи. Томск. Губ. Вѣд., 1862, № 20—23. Тоже. Акціонеръ, 1862, № 27.

Савинъ. О горючемъ смолистомъ сланцѣ и алебастрѣ, находящихся въ предѣлахъ Уральск. войска. Ур. Войск. Вѣд., 1867, № 36, 37 и 42.

Сковичъ. Гигрологическія изысканія вдоль

линіи Зап.-Сиб. жел. дор. въ 1893 г. Горн. Журн., 1894, декабрь.

Сборовскій. Матеріалы къ изученію горнаго дѣла въ степныхъ областяхъ Зап. Сибири и Тобольской губ. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1896, XIX.

Сибирская нивеллировка. Изв. И. Р. Г. Общ., 1878, № 2.

Синцовъ, И. Мезозойскія образованія Общаго Сырта. Труды Каз. Общ. Ест., т. I.

Соймоновъ. Описаніе Каспійскаго моря. СПБ., 1763.

Соколовскій. Минеральные прінски купца Попова въ Киргизской степи. Мануфакт. и Горнозаводскія Изв., 1841, № 2. Тоже въ Тульск. Губ. Вѣд., 1841, № 4.

Софроновъ, А. О металлическихъ богатствахъ области сибирскихъ киргизовъ. СПБ., 1859.

Спасскій, Г. О нѣкоторыхъ новыхъ открытіяхъ по части естественной исторіи, учиненной въ Киргизъ-Кайсацкой степи. Сиб. Вѣст., 1823, I.

Онъ-же. О существованіи золотосодержащихъ песковъ и самыхъ мѣсторожденій золота въ Киргизъ-Кайсацкой степи и особенно въ смежныхъ съ нею странахъ. Горн. Журн., 1827, № 2.

Стражевскій. Отчетъ о дѣйствіяхъ золотоискательной партіи въ Зауральской степи въ 1837 г. Горн. Журн., 1838, III, кн. 7. Горн. Журн., 1841, I, № 1.

Сверцовъ, Н. Геологическія наблюденія, сдѣланныя Н. Сѣверцовымъ и И. Борщевымъ въ западной части Киргизской степи въ 1857 г. Горн. Журн., 1860, II, № 5.

Онъ же. Краткій очеркъ орографіи Средней Азіи (съ картой). Изв. И. Р. Г. Общ., VIII, 1872, отд. II.

Сюзи. Геогностическое описаніе окрестностей сѣв.-вост. берега Каспійскаго моря и нѣкоторыхъ мѣстъ, прилегающихъ къ Оренб. линіи. Горн. Журн, 1836, № 1.

Татариновъ. О дѣйствіи киргизской рудоискат. партіи въ 1851 г. Горн. Журн., 1852, IV, № 10.

Тихоновичъ, Н. Изъ наблюденій въ Киргизскихъ степяхъ Семипалатинской области. Землевѣдѣніе, 1902, кн. II—III.

Топографическое описаніе р. Эмбы. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., XV, отд. V.

Trautschold. Ueb. jurassischen Fossilien v. Indersk. Bull. Soc. Natur. de Mosc., 1863, № 4.

Труды Арало-Каспійской экспедиціи. (Изд. подъ ред. Гримма).

Филипповъ. Морская географія Каспійскаго водоема. 1884.

Фишеръ. Озеро Балхашъ и теченіе р. Или. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., 1884, кн. VI.

Фусъ, В. Результаты сибирской нивеллировки, произведенной въ 1875—76 гг. отъ ст. Звѣриноголовской до озера Байкала. Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1885, т. 15, № 1.

Ф. Г. Извѣстія о рудникахъ въ Киргизской степи. Вѣстн. Европы, 1816, ч. 87. № 11.

Химическое изслѣдованіе воды и почвы г. Уральска и его окрестностей. Ур. Войск. Вѣд., 1875, № 18.

Шкляревскій, А. Къ минералогіи Омскаго уѣзда. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. 28.

Шмидтъ, Ю. Результаты степной нивеллировки отъ Омска до Вѣрнаго съ вѣтвями къ оз. Балхашу и Зайсану, испол. въ 1893, 94 и 95 гг. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. 29.

Онъ же. Списокъ астрономическихъ пунктовъ, опредѣленныхъ въ Сибири и Степномъ генералъ-губернаторствѣ съ 1884 по 1893 г. Зап. З.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. Общ., кн. XV, вып. 1. Омскъ 1893.

Онъ же. Списокъ астрономическихъ опредѣленій географическихъ координатъ пунктовъ, исполненныхъ въ Сибири и Степномъ генералъ-губернаторствѣ. съ 1893 по 1898 г. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., 1898, кн. XXIV.

Онъ же. Тріангуляція въ Киргизской степи Семипалатинской и Акмолинской областей 1878 и 1881 гг. Зап. Воен.-Топ. Отд. Глав. Штаба, XLIII, 1892.

Шульцъ. Нѣкоторые результаты нивеллировочныхъ изслѣдованій, произведенныхъ между Оренбургомъ, Аральскимъ моремъ и Каратугаемъ. Зап. И.Р. Г. О., 1884, т. XII, № 3.

Ядринцевъ, Н. Уменьшеніе водъ въ Арало-Каспійской низменности въ предѣлахъ Западной Сибири (по картографическимъ изслѣдованіямъ за 100 лѣтъ). Извѣстія И. Р. Г. Общ., 1886, № 1. Съ картою озеръ: Чановъ, Сумъ и Абышкана.

Яковлевъ, А. О горныхъ породахъ и полезныхъ ископаемыхъ въ Каркаралинскомъ уѣздѣ Киргизской степи. Горн. Журн., 1887, № 2.

Климатъ.

Baer, K. Ueber das Klima der Kirgisen-Steppe. S.-Petersb, 1840.

Брейтигамъ, П. Матеріалы для климатологіи Зап. Сибири и Степного края. Вы-

водъ метеорологическ. наблюденій въ Омскѣ за 1893 г. Зап. З.-Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., кн. XVI. Омскъ, 1894.

Онъ же. Данныя относительно вскрытія и замерзанія рѣкъ въ Сибири. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1893, кн. XV, вып. I.

Онъ же. Труды метеорологической коммиссіи при З.-С. Отд. И. Р. Г. О. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., 1895, кн. XVIII, вып. I.

Онъ же. Выводъ метеор. наблюд. Омской метеор. станціи за 1896 г. и многолѣтнія среднія температуры г. Омска. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., кн. XX, 1896.

Вильдъ, Г. О темп. возд. въ Росс. Имперіи. Спб. 1881.

Онъ же. Объ осадкахъ въ Росс. Имп. СПБ., 1888.

Воейковъ, А. Климаты земного шара. СПБ., 1884.

Онъ же. О климатѣ г. Акмолинска. Изв. И. Р. Геогр. Общ. 1872, т. VIII.

Каминскій, А. Годов. ходъ и геогр. распред. влажности въ Росс. Имперіи. СПБ., 1894.

Керсновскій, І. О направл. и силѣ вѣтра въ Росс. Имп. СПБ., 1885.

Коноваловъ, А. По вопросу о засухѣ. Уральскія Войск. Вѣд., 1891, № 37.

Лазаревъ. Метеорологич. набл. въ г. Акмолинскѣ съ 1873 по 1881 г. Зап. З.-Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., 1884, кн. VI.

Лѣтописи Никол. Главн. Физ. Обсерв. Ежегодное изданіе.

По вопросу о засухѣ. Ур. Войск. Вѣд., 1888, № 13.

Оводовъ. Замѣтки о метеорологич. набл. въ г. Уральскѣ. Оренб. Губ. Вѣдом., 1868, № 52.

Протопоповъ, А. Вѣтры въ Уральскѣ и общее понятіе о нихъ. Ур. Войск. Вѣд., 1890, № 33.

Онъ же. О грозахъ уральскихъ въ связи съ общимъ знакомствомъ съ ними. Ур. Войск. Вѣд., 1890, № 29.

Онъ же. Объ осадкахъ въ г. Уральскѣ въ связи съ общимъ понятіемъ о нихъ. Ур. Войск. Вѣд., 1891, № 24.

Онъ же. О туманѣ и облакахъ вообще и въ частности въ Уральскѣ. Ур. Войск. Вѣд. 1890, № 47.

Рыкачевъ, М. Вскрытія и замерзанія водъ въ Росс. Имп. Спб., 1886.

Сладковъ, Л. Очеркъ климатическихъ условій войск. земель. Ур. Войск. Вѣд., 1888, № 8—10.

Соломинъ, П. Сводъ метеорологич. набл. за 1900 и 1901 г.г. на Омской станціи. Зап. З.-С. Отд. И. Р. Геогр. Общ кн. 29.

Таблицы метеоролог. наблюд. въ г. Семипалатинскѣ въ 1882 г. Наблюдатели А. К. Лазаревъ и А. Арефьевъ. Семипал. Обл. Вѣд., 1882 и 1883.

Шенрокъ, А. Объ облачности въ Росс. Имп. СПБ., 1895.

Растительный міръ.

Акутинъ, Т. О нашихъ лѣсахъ. Ур. Войск. Вѣд., 1870, № 20 и 21.

А. Х. Сады и огор ды въ окрестностяхъ г. Уральска (изъ письма къ редактору). „Газета для Сельскихъ Хозяевъ", 1862, № 69.

Bongard und Meyer. Verzeichniss der im Jahre 1838 am Saisang-Nor und am Irtysch gesammelten Pflanzen. St.-Petersb., 1841.

Борщовъ. И. Мат. для ботан. геогр. Аралo-Касп. края. Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. XII, кн. 1. СПБ., 1865.

Веревкинъ. О лѣсоводствѣ въ Уральской области. Зап. Оренб. Отд. И. Р. Г. О., 1870, кн. I.

Herder. Plantae Severzovianae et Borszcovianae. Bull. Soc. Nat. de Mosc., 1872.

Онъ же. Emendanda ad plantas Severzovianas et Borszcovianas. Bull. Soc. Nat. de Mosc., 1878.

Goebel. Reise in die Steppen des südlichen Russlands, 2 Theile, 1837.

Гольде, К. Наблюденія надъ появленіемъ растеній, заносимыхъ изъ друг. мѣстъ въ г. Омскъ и его окрестности. Зап. З.-С. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. VIII, вып. 1.

Гордягинъ, А. Матеріалы къ познанію почвъ и растительности Западной Сибири. Тр. Каз. Общ. Ест., т. XXXIV и XXXV, вып. 2.

Дрова въ Киргизской степи. Тоб. Губ. Вѣд., 1858, № 9.

Ивановъ, Л. О водорослях соленыхъ озеръ Омскаго у. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., кн. 28.

Карелинъ, Г. Журналъ путешествія въ 1831 г. въ киргизскія степи. Изв. И. Р. Г. О., XXV, кн. VI.

Онъ же. Отношеніе и письмо въ комитетъ „Акклиматизаціи". Журн. Акклим., 1861, т. 2, вып. 7.

Кильманъ и Колоколовъ. Флора г. Омска и его окрестностей. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., VI, 1884.

Claus. Ueber die Flora und Fauna der Kaspischen Steppe.

Коржинскій, С. Флора востока Европейской Россіи, ч. I. Томскъ, 1892.

Красновъ, А. Травяныя степи сѣвернаго

полушарія. Тр. Геогр. Отд. И. О. Люб. Ест., Антр. и Этногр. при Моск. Унив., вып. 1, 1894.

Крыловъ, П. Ботанич. матеріалъ, собранный Г. Потанинымъ въ вост. части Семипалатинской обл. въ 1863 и 1864 г.г. и сводъ предыдущихъ изслѣд. Изв. Имп. Томск. Унив., 1891, стр. 106.

Лѣсоистребленіе въ Уральской обл. Оренб. Листокъ, 1878, № 30, 31.

Митрясовъ, Ф. Еще нѣсколько словъ о нашихъ лѣсахъ. Ур. Войск. Вѣд., 1870, № 49 и 50, 1872, № 10, 1873, № 28.

О кермекѣ (корень растенія Statice latifolia Aaxarica). Уральск. Войск. Вѣд., 1873, № 4.

Сязовъ, М. Статистика омской и тюменской флоръ. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., XIII, вып. 1, 1892.

Онъ же. Флора долины р. Оми около устья. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., 1895, вып. 1, кн. XVIII.

Онъ же. Очеркъ флоры г. Семипалатинска и его окрестностей. Зап. З.—Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., 1897, кн. XXII.

Онъ же. Матеріалы для фитогеографіи южныхъ частей Зап. Сибири. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1898, кн. XXIV.

Онъ же. Итоги изслѣдованій омской флоры. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. 10.

Смирновъ. Ботаническая экскурсія на Индерскія горы. Прилож. къ проток. Общ. Ест. при Имп. Каз. Ун. 30 дек. 1870 г.

Соломинъ П. О теплой травѣ (произрастаетъ близъ г. Омска). Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. VII, вып. 2.

Сорокинъ, Н. Матеріалы для флоры Средней Азіи. Москва, 1884.

Съдельниковъ, А. Геоботаническое описаніе Нарымской долины. Мат. къ флорѣ ю.-з. Алтая. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. 27.

Тальникъ (Salix viminalis). Ур. Войск. Вѣд., 1884, № 10.

Tauscher. Notes sur les steppes de la Russie en general et particulièrement sur celles qui s'étendent entre le Volga et l'Ural. Mem. Soc. des Nat. de Mosc., IV, 1812—1813.

Trautvetter, R. Plantae in deserto kirgisorum sibiricorum ab Sewerzow collectae. Acta Horti Petrop., т. X, 2.

Федченко, О. и Б. Списокъ растеній, собранныхъ экспедиціей Игнатова на соленыя озера Омскаго уѣзда. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. 28.

Они же. Списокъ растеній, собранныхъ экспедиціей Игнатова въ Акмол. у. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. 29.

Флора Семипалатинска. Степной Край, 1896, № 87.

Schrenk, L. Ueber eine im Jahre 1840 in die Dsungarische Kirgisen-Steppe unternommene Reise. Aus dem russischen Manuskript übersetzt v. C. A. Meyer. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs v. Baer und Helmersen, Bd. VII, St.-P., 1845.

Животный міръ.

Бергъ, Л. Къ ихтіофаунѣ Азіатской Россіи. 1898.

Бородинъ, І. О причинахъ уменьшенія рыбы въ Каспійскомъ морѣ. Ур. В., 1872, № 18. Моск. Вѣд., 1873, № 18.

Бородинъ, Н. Отчетъ объ экскурсіи съ зоологическою цѣлью лѣтомъ 1895 г. на крейсерѣ „Уралецъ“ въ сѣв. части Касп. моря. Вѣстн. Рыбопромышл., 1897, № 1.

Wagner et Kittary. Orthoptères observés dans les steppes des kirghises. Bull. de la Soc. des Natur. de Mosc., 1849, № 4.

Варпаховскій, Н. Краткія данныя по ихтіофаунѣ Азіатской Россіи. Зап. Имп. Акад. Наукъ, 1889, т. 59, кн. 1.

Онъ же. Рыбы Обь-Иртышскаго бас ейна. Изд. Мин. Земл. и Гос. Им., 1902

Гернъ, В. Зоографическія замѣтки по Киргизской степи. Семипал. Обл. Вѣд., 1891, № 15, 21, 22—25.

Heyden. Beitrag zur Insecten-Fauna des oestl. Kirgisen-Steppe. Тр. Русск. Энт. Общ., 1889, т. 23.

Данилевскій, Н. Описаніе уральскаго рыболовства. Вѣстн. И. Р. Г. Общ., 1858, т. 22, отд. II.

Елпатьевскій, В. Списокъ Amphibia, Reptilia, Aves и Mammalia, собранныхъ въ 1898 г. въ Омскомъ у. Зап. З.-Сиб. Г. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. 28.

Еременъ. О саранчѣ. Ур. Войск. Вѣд., 1881, № 29.

Замѣтка о распространеніи рѣчного рака въ Зап. Сибири. Акмол. Обл. Вѣд., 1877, № 6.

Зарудный, Н. Орнитологическая фауна Оренбургскаго края. Прилож. къ LVII т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ. 1888.

Онъ же. Матеріалы для фауны амфибій и рептилій Оренбургскаго края. Bull. d. l. Soc. d. Naturalistes de Moscou, 1895, № 3.

Изслѣдованіе рыбныхъ богатствъ Сибири. Вост. Обозрѣніе, 1886. № 49.

Ингеницкій. О новомъ видѣ кобылки. О саранчевыхъ и нѣкоторыхъ друг. вредныхъ насѣкомыхъ Степного края.

И. Р. Птицы и звѣри Акмол. обл. Природа и Охота, 1880, т. IV, № 10.

Кесслеръ. Свѣдѣнія о распространеніи долгоногаго рѣчного рака въ Зап. Сиб. Тр. Энтимол. Общ., 1878, т. 10.

Claus. Ueb. d. Flora und Fauna d. Kaspischen Steppe.

Коноваловъ. Комары. Ур. В., 1881, № 34.

Лепешкинъ, В. О фаунѣ веслоногихъ рачковъ водныхъ бассейновъ Омскаго уѣзда. Изв. Имп. Общ. Люб. Естеств. Антр. и Этн., XCVIII, Днев. Зоол. Отд., т. III, № 1. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. 28.

Морозовъ. Списокъ птицъ Акмол. обл. и прилегающихъ мѣстностей Тобольской и Томской губ. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1898, кн. XXIV.

Motchoulsky, V. Coléoptères rapportés en 1859 par M. Severtsef des steppes meridionnales des Kirghises. S.-Pétersbourg, 1860.

Nazarow. Recherches zoologiques des steppes des Kirguiz. Moscou, 1886.

Никольскій, А. Позвоночныя Балхашской котловины.

Nikolski, A. Observations sur quelques poissons du lac Balkhasch. Bull. de l'Acad. des Sciences de St.-Pét. 1885, XXX.

О научныхъ изслѣдованіяхъ г. Сѣверцова и Фрезе въ Зауйскомъ краѣ лѣтомъ 1864 г. Изв. И. Р. Г. Общ., 1865, т. I, № 7.

Pallas. Zoographia rosso-asiatica.

Плотниковъ, В. Къ орнитологіи Семипалатинской обл. Сѣрая куропатка (Perdix cinerea). Семипалат. Обл. Вѣд., 1891, № 37.

Онъ же. Соколъ-пустельга. Пигалица степная. Къ орнитологіи Семипалатинской области. Семипалат. Обл. Вѣд., 1892, № 1 и 13.

Рузскій, М. Фаунистическія изслѣдованія въ восточной Россіи: 1) Къ фаунѣ муравьевъ востока Россіи. 2) Зоологическая экскурсія въ Оренбургскій край въ 1894 г. Тр. Общ. Естеств. при Имп. Каз. Унив., т. XXVIII, вып. 5, 1895.

Онъ же. Муравьи окрестностей Аральскаго моря. Научн. результ. Аральск. Экспед. Туркест. Отд. И. Р. Г. Общ., т. III, вып. 1.

Сабанѣевъ. Жизнь рыбъ и рыболовство на зауральскихъ озерахъ. Москва, 1874.

Саранча, бывшая прошлымъ лѣтомъ (1855) на Нижне-Уральской линіи. Оренб. Губ. Вѣд., 1856, № 11, 12.

Словцовъ, И. Путевыя записки, веденныя во время поѣздки въ 1878 г. въ Кокчетавскій уѣздъ. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. III, 1881.

Суровцевъ, М. Очеркъ энтомологич. фауны Алтая и Семипалат. области. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. XVII. Омскъ, 1894.

Сѣверцовъ, Н. Орнитологія и орнитологическая географія Европейской и Азіатской Россіи. Спб., 1867.

Онъ же. Жизнь красной рыбы въ уральскихъ водахъ.

Уральская сельдь. Вѣстн. Рыбопр., 1889.

Филипповъ, В. Свѣдѣнія о куриныхъ птенцахъ въ Семипалат. области. Природа и Охота, 1878, № 7.

Зверсманъ. Естественная исторія Оренбургскаго края, Часть 2. Млекопитающія, 1850. Часть 3. Птицы. Посмерт. изд., 1868.

Онъ же. Новый орелъ изъ киргизскихъ степей. Журн. Мин. Нар. Просв., 1852, ч. 76.

Археологія и исторія.

Аристовъ. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ. Живая Старина, III и IV, 1894.

Бай, бар. Отъ Волги до Иртыша. Зап. Уральскаго Общества Любит. Естествозн., XVII, вып. 2, 1897.

Бартольдъ, В. Свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ и низовьяхъ Аму-Дарьи съ древнѣйшихъ временъ до XVII в. Научн. результ. Аральск. Экспед. Туркест. Отд. И. Р. Г. О., IV, вып. 2, Ташкентъ, 1902.

Бій Исетъ Кутебаровъ, возмутитель киргизской степи. Русск. Хоз. Лист., 1858, № 31.

Буцинскій. Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ. 1889.

Валихановъ. Очерки Джунгаріи. Зап. И. Р. Г. О., 1861.

Вельяминовъ-Зерновъ. Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношеніяхъ Россіи со Среднею Азіей со времени кончины Абулъ-Хайръ-хана. Уфа, 1853—1855.

Вопросы управленія, хозяйства, суда и народ. образ. въ Тург. обл., разрѣшенные въ присутствіи Тург. обл. правл. съ участ. уѣзд. нач. и свѣд. лицъ изъ киргизовъ въ засѣд. съ 25 янв. по 12 фев. 1894 г. Оренбургъ, 1894.

Галкинъ. Этногр. и истор. матер. по Сред. Азіи и Оренбург. краю. 1868.

Голосъ киргиза о заселеніи степи киргизскими переселенцами. Спб. Вѣстн., 1889, № 85 и 86.

Гоненія на расколъ въ Западной Сибири. Недѣля, 1878, № 38.

Докладъ о колонизаціи въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, 1885.

Древности Сибири. Сибирск. Вѣстн., 1818, ч. I, 1821, ч. XIII, 1824, ч. I.

Ельницкій. Инородцы Сибири и Средне-Азіат. влад. Россіи. 1895.

Желѣзновъ, І. Сочиненія.

Замѣтка объ антропологіи и археологіи Семипалат. области. Семипал. Обл. Вѣд., 1881, № 50.

Замѣтки о переселенцахъ въ Акмолинской области. Акмол. Обл. Вѣд., 1885, № 28. Вост. Обозр., 1885, № 33, 34, 35.

Замѣчанія о древностяхъ въ Киргизъ-Кайсацкой ордѣ. Сиб. Вѣстн., 1822 г., часть 20.

Заселеніе Киргизскихъ степей. Вост. Обозр., 1882, № 19.

Золотовъ. Матеріалы для исторіи Сибирскаго казачьяго войска. Омскъ, 1878.

Историко-литературная справка изъ сибирской старины. Акмол. Обл. Вѣд., 1889, № 36.

Казачество, ст. В. Мякотина. Энциклоп. Слов. Брокгауза и Ефрона, т. 30. Тамъ-же: Уральскіе казаки.

Каменная пирамида въ Киргизской степи Тоб. Губ. Вѣд., 1859, № 40.

Катанаевъ. Киргизскія степи. Средняя Азія и Сѣв. Китай въ XVII и XVIII ст. по показаніямъ, развѣдкамъ, доѣзжимъ записямъ, отчетамъ и изслѣд. зап.-сиб. казаковъ и прочихъ служилыхъ сибирскихъ людей. Записки Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., кн. 14, в. I.

Кауфманъ, А. Отчетъ старшаго производителя работъ по командировкѣ въ Тургайскую область для выясненія вопроса о возможности ея колонизаціи. Изв. Деп. Госуд. Зем. Имущ. СПБ., 1896.

Киргизскіе памятники. Оренб. Листокъ, 1881, №№ 34, 37.

Колонизація Сибири въ связи съ общ. переселенч. вопросомъ. Изд. Комитета Министровъ. СПБ. 1900.

Колонизація на юго-востокѣ Семип. области. Семипал. Обл. Вѣд., 1882, №№ 8, 14, 16, 26, 45, 47, 49.

Колонизація степныхъ областей въ связи съ вопросомъ о кочевомъ хозяйствѣ. Записки Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., кн. XVIII, в. 2, 1895.

Костенко, Л. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. СПБ., 1870.

Крыловъ, К. О передвиженіи переселенцевъ по рѣкамъ Зап. Сибири. Русск. Судох., 1895, № 165.

Кустанай и арендаторскіе поселки. Тург. Обл. Вѣд., 1892, № 18.

Къ вопросу объ организаціи переселенческаго дѣла въ степныхъ областяхъ. Степной Край, 1897, № 45.

Къ вопросу о колонизаціи въ Киргизской степи. Вост. Обозр., 1887, № 50.

Къ вопросу о колонизаціи Степной области. Степной Край. 1896, №№ 12, 16.

Левшинъ, А. Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ 1823. Сѣв. Архивъ, 1828, № 12—15.

Legras. Colonies russes et kirghises en Sibérie. Ann. S. 6. 1897, № 28, 365—368.

Маевъ, Н. Очерки исторіи киргизскаго народа съ 1732 по 1863 г. Мат. для стат. Турк. края, II, 1873.

Малороссы-колонисты въ Усть-Каменогорскѣ, Семипалат. обл. Мірское Слово, 1875, № 13.

Матеріалы для исторіи Киргизской степи. Сборникъ газ. „Сибирь", 1877, т. I.

Матеріалы для исторіи, статистики и этнографіи Семип. обл. Семип. Обл. Вѣд., 1872, № 33.

Матеріалы для исторіи Сибирскаго казачьяго войска. Акмол. Обл. Вѣд., 1878, № 9—13, 15—18.

Монастыри въ Западной Сибири. Томск. Епарх. Вѣд., 1881, № 12, 13, 24.

Никитинъ. Памятники древности Каркаралинскаго уѣзда. Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., 1896, VIII, в. 1 и 2.

Нѣчто о сибирскихъ казакахъ и объ Искерѣ. Вѣстн. Евр., 1828, часть 160, № 11.

Объ азіатскомъ музеѣ. СПБ. Вѣд., 1821, № 52.

Объ увозѣ киргизами въ плѣнъ русскихъ людей. Тоб. Губ. Вѣд., 1889, № 38.

Общій взглядъ на устройство русск. поселеній въ сѣв.-вост части Кирг. степи. Изв. Имп. Р. Геогр. Общ., 1869, т. V, № 2.

О древностяхъ, открываемыхъ въ киргизскихъ степяхъ. Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ., 1853, ч. VIII.

О древнихъ развалинахъ въ Сибири. Сиб. Вѣстн., 1818, ч. III.

О калмыцкихъ ружьяхъ. Записки Имп. Русск. Техн. Общ., 1879, № 6.

О ламайскихъ амулетахъ. Сиб. Вѣстн., 1820, ч. 9.

О монгольскихъ древностяхъ. Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, 1835, № 8.

Описаніе сибирскихъ кургановъ и древностей. Труды Моск. Археол. Общ., IX, вып. 2 и 3.

О сибирскихъ древнихъ курганахъ. Сиб. Вѣст., 1828, ч. 2.

О переселенцахъ. Степной Край, 1896, № 2.

Переселенческое движеніе. Степной Край, 1896, № 66.

О русскихъ насел. въ сѣв.-вост. части Киргиз. степи. Всем. Путешест., 1869, № 21.

О сношеніяхъ киргизовъ съ русскими до основанія округовъ. Русск. Инвалидъ, 1857, № 195.

О собраніи матеріаловъ для исторіи Сиб. каз. войска. Акмол. Обл. Вѣд., 1887, № 44.

О сходствѣ кургановъ въ южной Россіи съ курганами въ южной Сибири. Записки Одесск. Общ. Ист., 1853, Ш.

Очевидецъ. Переселенческій вопросъ въ Зап. Сибири. Наблюдатель, 1891, № 8.

Очерки по исторіи Сибирскаго казачьяго войска. Акмол. Губ. Вѣд., 1882, №№ 45, 46, 48, 1883, №№ 5—13, 26, 27, 31—34, 1884, №№ 4—8.

Очеркъ Карнараловъ въ церковно-историч. отношеніи. Семипал. Обл. Вѣд., 1871, № 11 и 12.

Первое заселеніе бывшей Зап.-Сиб. военн. границы свободными обывателями. Акмол. Обл. Вѣд., 1875, № 9 и 10.

О переселенцахъ Акмолинской области. Моск. Вѣд., 1890, № 23.

Переселенцы-арендаторы Гургайской области (вторая часть отчета старшаго производителя работъ Кауфмана по командировкѣ въ Тург. обл). СПБ., 1897.

Переселенческое дѣло въ Зап. Сибири и степяхъ. Вост. Обозр., 1887, № 34.

Положеніе переселенцевъ Петропавловскаго уѣзда. Степной Край, 1896, № 60.

Путешествіе отъ Сибирской линіи до Ташкента. 1800. Сиб. Вѣстн., 1818, ч. 4.

Пушкинъ, А. Исторія Пугачевскаго бунта.

Радловъ, В. Сибирскія древности.

Развалины Семь-Палатъ Семипал. Обл. Вѣд., 1872, №№ 42 и 43.

Русскія поселенія и образованіе киргизъ (Семирѣчье). Турк. Вѣд., 1898, № 66.

Русскіе поселенцы среди киргизовъ. Тург. Газета, 1897, № 44.

Семипалатинскія древности. Изв. Имп. Археол. Общ., 1859, П, вып. 4.

Сибирскія рѣдкости въ Рижскомъ музеѣ. Журн. Мин. Нар. Пр., 1834, часть 2, № 6.

Смирновъ. Отчетъ по командировкѣ 1899 г. въ Акмол. и Семипал. обл. Изд. М. З. и Г. И., 1900.

Собраніе актовъ, договоровъ и пр., относящихся до Киргизской степи. Том. Губ. Вѣд., 1861, № 28—31, 33—36.

Старина Тургайской области. Соврем. Извѣстія. 1885, № 86.

Титовъ, А. Сибирь въ XVII в.

Ф. С. Очеркъ колонизац. движ. въ Акмол. обл. Русское Богатство, 1894, II.

Ханъ внутренней Киргизъ-Кайсацкой орды Джангиръ. Сѣв. Пчела, 1844, № 116.

Харузинъ. Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа Этн. Обозр., 1895, № 3.

Онъ же. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи. Этногр. Обозр., 1896, №№ 1, 2.

Шмурло, Е. Русскія поселенія за южн. Алтайск. хребтомъ на китайской границѣ. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., XXV, 1899.

Ядринцевъ, Н. Сибирь какъ колонія, 1882. Второе изд. 1892.

Онъ-же. Изъ наблюденій надъ переселенцами въ Зап. Сибири. Землевѣдѣніе, IV, 1895.

Распредѣленіе населенія по территоріи, его этнографическій составъ, бытъ и культура.

Алекторовъ. Статьи о киргизахъ Тургайской области. Оренбургск. Листокъ, 1890.

Аничковъ. Памятники киргизскаго народнаго творчества. Уч. Зап. Им. Каз. Ун., 1896.

Аристовъ. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ. Живая Старина, III и IV, 1894.

Байга у киргизовъ. Акмол. Обл. Вѣд., 1876, №№ 13, 15; 1878, №№ 1—5, Сиб. Газ., 1882, № 13; 1886, № 21, Русск. Вѣд., 1888, № 187.

Бракъ у киргизовъ. Турк. Вѣд., 1889, №№ 33, 34, Оренб. Лист., 1888, № 11, Акмол. Обл. Вѣд., 1890, № 28.

Валихановъ. Очерки Джунгаріи. Зап. Имп. Р. Г. Общ., 1861.

Выписка изъ всеподданнѣйшаго отчета степн. ген.-губ. за 1887 и 1888 г.г. О возможности и своевременности принятія мѣръ къ распространенію православія среди киргизовъ. Ирк. Епарх. Вѣд., 1890, № 29.

Грабежъ въ степи, наказанный по нар. обыч. киргизовъ. Оренб. Губ. Вѣд., 1868, № 8.

Движеніе правосл. населенія въ Семипал. обл. 1882 г. Семипал. Обл. Вѣд., 1883, № 7.

Джайляу (лѣтнія стоянки киргизъ). Сиб. Газета, 1886, № 51.

Древніе киргизскіе похоронные обычаи. Изв. Общ. Археол., Ист. и Этн. при Имп. Каз. Унив., XIV, вып. 2.

Естественное движеніе войскового насел. Петроп. и Кокчет. у.у. по данн. 1879 г. Акмол. Обл. Вѣд., 1881, №№ 4, 5, 7.

Желѣзновъ, І. Сочиненія.

Загряжскій, А. Обычное право киргизовъ. Мат. для стат. Турк. края, 1876, IV.

Замѣтка о сибирскомъ казачествѣ. Томск. Губ. Вѣд., 1863, № 38, 41. Военный Сборн., 1861, т. 19, № 5.

Замѣтка о совершонныхъ въ Акмол. обл.

преступленіяхъ. Акмол. Обл. Вѣдом., 1880, №№ 22, 23, 25.

Замѣтки о жизни киргизовъ. Сиб. Вѣд., 1890, №№ 20—22. Оренб. Лист., 1890, №№ 16—20, 22, 23, 25, 30, 32.

Записки миссіонера киргизскихъ дух. миссій. Перк. Вѣд., 1886, №№ 10—17, 19.

Зеландъ. Киргизы (этнологическій очеркъ). Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., 1885, кн. 7, вып. 2.

Зимовки и другія постоянныя сооруженія кочевниковъ Акмол. обл. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. 17, вып. I.

Ибрагимовъ, И. Замѣтки о киргизскомъ судѣ. Зап. И. Р. Г. Общ. по Отд. Этн., 1878, VIII.

Значеніе обряда присяги у киргизовъ. Юрид. Вѣстн., 1885, № 5.

Изъ мѣстнаго назачьяго быта. Семипал. Обл. Вѣд., 1873, №№ 23, 47.

Изъ Омска. Нар. пр. киргизовъ. Всемірн. Иллюстр., 1873, № 240.

Изъ записной книжки: киргизское удальство, угонъ скота, палы и пословицы Пам. кн. Семипал. Обл., 1898.

Ильминскій, Н. Мат. къ изученію киргизскаго языка. Казань, 1861.

Козъ-бары—игра у киргизовъ. Всемірная Иллюстр., 1875, № 354, Живоп. Об., 1876, № 50, Сиб. Вѣстн., 1877, № 77.

Киргизская духовная миссія. Тоб. Епарх. Вѣд., 1884, № 3, Томск. Епарх. Вѣд., 1884, №№ 7, 8, 11, 12, Перк. Общ. Вѣстн., 1884, №№ 56, 59—61, Том. Еп. Вѣд., 1885, № 17; 1887, № 8—10; 1887, № 1; 1888, № 11; 1889, №№ 8 и 9; 1890, №№ 10 и 11.

Киргизскій праздникъ въ Кокчетавѣ. Моск. Вѣд., 1858, № 99.

Киргизскія пословицы. Турк. Вѣд., 1868, №№ 1—6; 1870, №№ 1—6; Акмол. Обл. Вѣд., 1876, №№ 14, 15; Семипал. Обл. Вѣд., № 9; 1886, №№ 6 и 17. Мат. для стат. Туркест. края. Ежегодн. СПБ., 1874, вып. III.

Киргизскія пословицы. Семипал. Обл. Вѣд., 1885, № 38; 1°91, №№ 10, 11.

Киргизскія преданія. Иллюстр., 1896, № 21; Оренб. Губ. Вѣд., 1850, № 49; Воскр. Досугъ, 1871, т. 18, № 32; Иллюстр. Міръ, 1880, № 7; Сиб. Газ., 1885, № 19; Вост. Обозр., 1885, №№ 49—59; Ор. Губ. Вѣд., 1849, № 47; Акмол. Обл. Вѣд., 1877, №№ 1—3; Уральск. Войск. Вѣд., 1889, № 18.

Киргизскія пѣсни. Вѣстн. Евр., 1874, № 12; Оренб. Лист, 1890, № 18.

Киргизскія сказки. Акмол. Обл. Вѣд., 1876, №№ 19—24, особое приб. къ Акмол. Обл. Вѣд., 1890.

Киргизскій разсказъ о звѣздахъ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Имп. Каз. Ун., XIV, вып. 3.

Киргизскій судъ и присяга. Вост. Об., 1884, № 19.

Киргизскіе суды. „Сибирь", 1877, № 28.

Киргизское описаніе солнца, находящагося на небесахъ. Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Каз. Унив., XIV, вып. 3.

Киргизское правосудіе. Бирж. Вѣдом, 1872, № 129.

Киргизъ о киргизской газетѣ. Сиб. Газета, 1888, № 25.

Киргизъ-Кайсаки, ст. А. Позднѣева. Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона, т. 29. Тамъ же этногр. статья: Киргизы и киргизъ-кайсаки А. Я.

Киргизы Акмол. области. Прав. Вѣстн., 1885, №№ 8, 9, 13; Акмол. Обл. Вѣд., 1887, № 9; 1888, № 28.

Киргизы. Литер. Газета, 1830, I, № 7.

Киргизы. Древній судъ біевъ. Акмол. Обл. Вѣд., 1888, №№ 48 и 51.

Киргизы Зайсанскаго приставства. Сиб. Г., 1881, № 31; Русск. Вѣд., 1887, № 328.

Киргизскіе врачи и чародѣи. Журн. для чтен. воспит. военно-учебн зав., 1851, т. 91, № 363.

Киргизская степь и ея медицина. Моск. Мед. Газ., 1874, № 28.

Конокрадство и киргизская полиція. Оренб. Лист., 1880, №№ 40 и 46.

Кочевой бытъ и изслѣдованія въ степяхъ. Вост. Обозр., 1886, № 12.

Къ вопросу о переходѣ киргизъ Семипал. обл. въ осѣлое состояніе. Пам. кн. Семипал. Обл., 1898.

Леченіе падучей болѣзни у киргизовъ. Сибирь, 1877, № 8.

Матеріалы для изученія юрид. обыч. киргизовъ. Тр. Семипал. Обл. Стат. Ком. Вып. I. Матер. право. Омскъ, 1886.

Меліоранскій. Киргизскія пословицы и загадки. З. В. Отд. И. Р. Арх. Общ., VII, вып. I—IV, 1893.

Миропіевъ, М. Демонологическіе разсказы киргизовъ. Спб., 1888.

Народная киргизская медицина. Др. Здрав., 1836, №№ 10, 11,

Народные киргиз. обычаи. Енис. Губ. Вѣд., 1871, № 25; Ирбитск. Ярм. Лист., 1871, №№ 9, 10, 15; Семипал. Обл. Вѣд., 1871, №№ 5—7, 10, 33 и 37; 1873, № 37; Ур. Войск. Вѣд., 1874, № 21.

Небольсинъ. Уральцы. СПБ., 1855. Библ. для Чтенія, 1854, кн. 4.

Онъ же. Нѣсколько замѣчаній объ уральскихъ казакахъ. Вѣстн. И. Р. Г. Общ., 1854, № 6.

Нѣсколько словъ о возможности учрежденія миссіи между киргизами Средн. Орды. Правосл. Обозр., 1872, № 5.

Нѣчто о преподаваніи киргизскаго языка въ уральской гимназіи. Ур. Войск. Вѣд., 1870, № 31.

Образцы киргизской поэзіи. Оренб. Лист., 1885, №№ 8—11, 13—17.

Образъ управленія и законы киргизовъ. Томск. Губ. Вѣд., 1858, № 45.

Объясненіе нѣкоторыхъ терминовъ киргизскаго судопроизводства. Туркест. Вѣд., 1873, № 42.

О бытѣ киргизъ Тургайской обл. Русск. Вѣстн., 1880, № 4.

Обычаи киргизъ Семипалат. области. Русск. Вѣстн., 1878, № 9.

Обычное право киргизъ. Пам. кн. Зап. Сибири, 1882.

О выставкѣ въ Омскѣ вещей, предст. на конгрессъ оріенталистовъ. Акмол. Обл. Вѣд., 1876, № 12.

О годности молодыхъ людей Зап. Сибири къ военной службѣ. Пам. кн. Зап. Сиб., 1882.

О древнемъ судопроизводствѣ киргизовъ. Акмол. Обл. Вѣд., 1883, № 51.

О кочевьяхъ киргизъ Акмол. и Семипалат. обл. Томск. Губ. Вѣд., 1870, №№ 41, 42.

О муллахъ въ Киргизской степи. Мат. для статист. Турк. края Ежегодн., 1874, III.

О мѣстностяхъ стоянки киргизъ. Акмол. Обл. Вѣд., 1890, № 13.

О преобразованіи общественнаго управленія госуд. крестьянъ Зап. Сибири. Прод. Свода Зак., т. 54, отд. 2, 1879.

Отчетъ о чрезвычайномъ съѣздѣ біевъ 5 уѣздовъ Семип. обл. Семип. Обл. Вѣд., 1885, № 27.

Очерки санитарнаго состоянія Зап. Сибири составл. при Зап.-Сиб. военно-медиц. управл. Омскъ, 1880.

Памятники киргизскаго творчества. Учен. Зап. Имп. Каз. Унив. LXIV, II кн., 1897

Первая киргизская газета. Вост. Обозр., 1890, № 28.

По поводу волненій въ Киргизской степи. Голосъ, 1869, № 99; Моск. Вѣд., 1869, № 62; Вѣсть, 1869, № 114.

Потанинъ, Г. О реформѣ Сибирск. казачьяго войска. Указ. Политико-Эконом., 1860, № 184.

Похороны у киргизовъ. Сѣв. Пчела, 1862, № 283; Иллюстр. Газ., 1864, № 45; Тоб. Губ. Вѣд., 1871, № 5; Журн. Коннозав., 1873, № 5; Турк. Вѣд., 1873, № 1.

Поѣздка на киргизскія поминки въ 1892 г. Изв. Общ. Арх., Ист и Этн. при Каз. Унив., XIV, вып. 2. Казань, 1897.

Поярковъ. Изъ области киргизскихъ вѣрованій. Этн. Обозр., 1891, № 4.

Преданія и пѣсни уральскихъ казаковъ. Русск. Вѣстн., XX, ч. 3 и 4, 1889.

Прииртышскіе назаки и киргизины въ ихъ домашней обстановкѣ. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. 15, вып. 2.

Путешествующіе киргизы. Русск. Вѣстн., 1860, №№ 17, 21.

Radloff, W. Aus Sibirien. Leipzig, 1884.

Расколъ въ Сибири. Сиб. Вѣстн., 1889, №№ 126, 127, 129.

Раскольничьи общины въ Сибири. Восточн. Обозр., 1882, №№ 37, 38.

Результаты переписи Семипалатинска 1886 г. Семипал. Обл. Вѣд., 1886, №№ 36—38, 40, 42, 44.

Религія, легенды, похороны и рожденіе у киргизовъ. Зап. З. Сиб. Отд. И. Р. Г. О., VIII, вып. 1. Протоколы ст. 29. Акмол. Обл. Вѣд., 1880, № 45. Турк. Вѣд., 1870, 1870, № 14; 1871, № 14.

Remusat. Recherches sur les langues tartares. Paris, 1820.

Реформы въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ. Сборникъ газ. „Сибирь", т. I.

Русскіе враги среди киргизовъ. Недѣля, 1872, № 3.

Рыбаковъ, С. О музыкальномъ и пѣсенномъ творчествѣ киргизъ. Изв. И. Р. Г. О., 1897.

Рябининъ. Яицкое казачество. Русск. Вѣстн., 1863, № 7.

Санитарно-статист. очеркъ 3 уч. Сиб. каз. войска. Прилож. къ протоколу Омск. Мед. Общ., 1889—1890, № 8.

Саньковскій, Ф. Записки миссіонера киргизской духовной миссіи, 1884—1885.

Скачки въ Киргизской степи. Журн. Коннозав. и Охоты, 1853, т. 35, № 2; 1867, №№ 9—11; 1871, №№ 5—7.

Свѣдѣнія о ходѣ дѣла по присоединенію уральскихъ казаковъ къ единовѣрію. Т. Доп., 476—492, 198—507 Чт. Любит., 1881, IX, 116, Т. Доп., 492, 498.

Семейная жизнь киргизовъ. Томск. Епарх. Вѣд., 1887, №№ 8, 19.

Сорокинъ. Составъ киргизскаго населенія въ шести волостяхъ Темирскаго уѣзда Пам. кн. Уральск. обл., 1897.

Статистическія свѣдѣнія о церквахъ и приходахъ въ Павлодарскомъ уѣздѣ. Семипалат. Обл. Вѣд., 1882, № 6.

Стремленія къ обрусѣнію киргизовъ и средства къ тому. Астр. Епарх. Вѣд., 1882, № 11.

Судебное устройство въ Степномъ краѣ Сиб. Вѣстн., 1886, №№ 10, 11, 13, 14, 15.

Судьба русскаго крестьянства въ Киргизской степи. Вост. Обозр., 1886, № 3.

Усовъ, Ѳ. Статистическое описаніе Сибирскаго казачьяго войска. СПБ, 1879.

Харузинъ, А. Киргизы Букеевской орды. 1889.

Цикловой годъ у киргизовъ Турк. Вѣд., 1875, № 6.

Чугуновъ. Матеріалы для антропологіи Сибири. VI. Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ киргизъ. Изв. Имп. Томск. Унив., 1895, кн. 7.

Этнографическіе очерки киргизскаго народа. Русск. Туркестанск. Сборникъ, 1871, вып. 2.

Промыслы и занятія населенія.

Абрамовъ, Н. Золотопромышленность въ Кокпектинскомъ окр. Семипалатинской обл. за 1866 г. Изв. И. Р. Геогр. Общ. 1869, V, № 7. За 1867 г. Тобольскія Губ. Вѣд., 1870, № 1.

Акутинъ, И. Объ открытіи лова рыбы по прибрежью Каспійскаго моря въ принадлежащемъ Уральскому войску участкѣ. Ур. В., 1869, № 3.

Онъ-же. Замѣтки о весеннемъ курхаѣ. Ур. В., 1869, № 1, 2.

Александровъ. Войсковая Бухтарминская рыбалка (на оз. Норъ-Зайсанъ). „Сибирь", 1878, № 1.

Алексѣевъ, И. Замѣтки о багренномъ рыболовствѣ въ Уральскомъ войскѣ. Урал. Войск. Вѣд., 1883, № 50 и 51.

Астафьевъ. Землевладѣніе и земледѣліе Сиб. каз. войска. Тр. Имп. Вольн. Экон. Общ., 1897.

А. Ш. Аханщики. Ур. Вѣд., 1871, № 3—8, 11.

Багренье на Уралѣ. Мірское Слово, 1873, № 7.

Багренье. Оренб. Лист., 1877, № 6.

Бернеръ, В. Мѣдное производство Спасскаго завода въ Акмолинской области. степи сибирск. киргизовъ. Горн. Журн., 1871, II, № 4.

Бирюковъ, М. Аханное рыболовство. Ур. Войск. Вѣд., 1876, № 11.

Бобылевъ. Аханное рыболовство. Прир. и Охота, 1878, № 11.

Бородинъ, І. Объ узенскомъ рыболовствѣ. Ур. В., 1869, № 50.

Бородинъ, Н. Докладъ о нуждахъ уральскаго рыбнаго промысла. Протоколы съѣзда рыбопромышленниковъ, 1889.

Онъ же. Рыболовство уральскихъ казаковъ по экспонатамъ на рыбопромышленной выставкѣ. Вѣстн. Рыб., 1889, № 9 и 10.

Онъ же. Уральскіе казаки и ихъ рыболовство (съ иллюстр.). „Наука и Жизнь", 1891, № 1, 4, 14.

Онъ же. Уральскіе казаки и ихъ рыболовство. Прилож. къ „Вѣстн. Казачьихъ Войскъ", 1901.

Онъ же. Статьи по рыболовству и рыбоводству. Вѣстникъ Рыбопромышлен., 1889, № 8—10; 1890, № 1, 4, 12; 1891, № 8, 9; 1892, № 2, 10; 1893, № 1; 1894, №6—10.

Варпаховскій, Н. Рыболовство въ водахъ Обь-Иртышскаго бассейна. Изд. М. З. и Г. И., 1901.

Внутренняя киргизская степь въ хозяйственно-статист. обозрѣніи. Журн. Мин. Гос. Имущ., 1862, № 6, 7, 9, 11.

Второвъ. Извлеченіе изъ рапорта о курхайскомъ рыболовствѣ. Ур. В., 1871, № 24, 25.

Вѣдомость о повальныхъ болѣзняхъ на дом. живот. въ Акмол. обл. за 1898 г. Акмол. Обл. Вѣд., 1899, № 8.

Вѣдомость о частныхъ золотыхъ промыслахъ въ Киргизской степи за 1842—47, 51 и 1852 г.г. Горн. Журн. 1844, ч. 3, № 7; 1844, ч. 2, № 4; 1845, ч. 1, № 3; 1846, ч. 1, № 3; 1847, ч. 2, № 6; 1848, ч. № 3; 1852, ч. 1, № 2; 1853, ч. 1, № 1.

Гвоздевъ. Рыбные промыслы въ Россіи. Ст. I. Рыболовство на Уралѣ. Нар. Бесѣда, 1864, кн. 4.

Головачевъ. Рыболовство на Уралѣ. Народн. Рем. Газета, 1872, № 15, 16.

Данилевскій, Н. Краткій очеркъ рыбнаго хозяйства на Уралѣ. Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1858.

Онъ же. Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи, т. III и V. Описаніе уральскаго рыболовства.

Данныя по обводненію переселенческихъ участковъ Омскаго и Петропавловскаго уѣздовъ Акмолинской области за 1895 г. Степной Край, 1896, № 50.

Д. Н. Рыболовство въ Зап. Сибири. Памятная книжка Зап. Сибири, 1882, стр. 339—368.

Добромысловъ. Скотоводство въ Тургайской области, 1895.

Емурановъ. Рыбная мука, какъ кормъ для скота и пища людей. Ур. Войск. Вѣд., 1891, № 37.

Желѣзновъ, І. Картины аханнаго рыболовства.

Замѣтки о нѣкоторыхъ недостаткахъ въ степномъ коннозаводствѣ. Ур. Войск. Вѣд., 1876, №№ 19, 21, 22.

Замѣтка о предметахъ уральскаго войскового хозяйства. Рыболовство. Ур. В., № 39, 40.

Зенковъ, П. Эксплуатація земной поверхности въ Киргизской степи. Туркест. Вѣд., 1870, № 10 и 13; 1871, № 2 и 10.

Золотопромышленность въ Кокчетавскомъ уѣздѣ. Засѣданіе общаго собранія членовъ З. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. Степной Край, 1896, № 7.

Золотые промыслы въ Киргизской степи. Промышл. Газета, 1866, № 39. СПБ. Вѣд., 1858, № 52. Акмол. Обл. Вѣд., 1877, № 7.

Кадомцевъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ киргизскія степи (извлеченія изъ отчетовъ гг. ветеринаровъ, командированныхъ въ киргизскія степи). Спб., 1877.

Карелинъ, Г. О тюленьемъ промыслѣ въ

сѣв. части Каспійскаго моря и особенныхъ выгодахъ, какія могли бы проистечь отъ онаго для войска Уральскаго. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1883, X.

Киргизская лошадь. Военн. Сборн., 1873, т. 93 № 9.

Киргизы-работники на морскихъ рыболовствахъ. Ур. В., 1868, № 34.

Климовъ, М. Нѣсколько словъ о весеннемъ морскомъ или курхайскомъ рыболовствѣ. Ур. В., 1867, № 27.

Коневодство у киргизовъ. Оренб. Листокъ, 1876, №№ 43, 44, 47, 49, 51.

Коноваловъ, Ѳ. Узенское рыболовство. Ур. Войск. Вѣд., 1886, № 15.

Кравцовъ, Г. Отчетъ о поѣздкѣ въ Киргизскую степь Евр. и Аз. Рос. въ 1872—74 гг., съ цѣлью изслѣдованія условій и причины развитія и распространенія скотскихъ падежей. 1877.

Крахалевъ, А. Кокчетавская золотопромышленность. Вѣстн. Золотопромышлен. и Горнаго дѣла, 1892, № 22 и 23.

Кинешемцовъ. О зимнемъ рыболовствѣ уральцевъ. Вѣст. Евр., 1809, № 10.

Краткій обзоръ горнозавод. промышл. Семипал. обл. Пам. кн. Семип. обл., 1898.

Максимовъ. Плавня. Истор. Вѣстн., 1883 г., № 6.

Маляревскій. Статистическій очеркъ современнаго состоянія горнозаводской промышленности въ Зап. Сибири. Записки Зап.-Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., кн. 4.

Матеріалы для изученія горнаго дѣла въ ст. областяхъ Зап. Сибири и Тобольской губ. Зап. З.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. Общ., 1896, кн. XIX.

Матеріалы для изученія экономическаго быта госуд. крест. и инородцевъ Зап. Сибири. Вып. XXII. Изд. М. З. и Г. И. СПБ., 1898.

Матеріалы по киргизскому землевладѣнію Кокчетавскаго у., т. I, 1898.

Мендельѣевъ, Д. Уральская желѣз. промышленность въ 1899 г. СПБ., 1900.

Миллеръ. О рыбьемъ клеѣ. Ежемѣс. Соч., 1763.

Минеральные пріиски купца Попова въ Киргиз. степи. Мануф. и Горнозав. Изв., 1841, № 2.

Михайловъ, В. Киргизское коневодство Акмолинской области. Омскъ, 1894.

Мурашкинцевъ, А. Сибирское маслодѣліе.

Мѣдное производство Спасскаго зав. въ Акмолин. обл. Горн. Журн., 1871, ч. 2, № 4.

Мѣры къ улучшенію лошадей киргизской породы. Уральск. Вѣд., 1876, №№ 10—15.

На аханахъ. Ур. Вѣд., 1875, № 17, 18.

Назаровъ. Объ аханныхъ бакенахъ. Ур. В., 1874, № 50.

Небольсинъ. Рыболовство на Уралѣ. Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1852, IV, кн. 2, отд. V.

Н-ч-ц-въ, Д. Краткій очеркъ горнозаводской промышленности въ Кирг. степи Семипалатинской обл. Семипалат. Обл. Вѣд., 1871, № 3.

О дѣйствіи киргизскихъ рудоискат. партій въ 1881 г. Горн. Журн., 1852, ч. 4, № 10, съ планомъ.

О каменоугольномъ производствѣ въ Киргизской степи. Изв. Имп. Р. Геогр. Общ., 1873, III, № 4.

О киргизскихъ овцахъ. Архивъ Ветер. Наукъ, 1875, № 2.

О мѣрахъ обезпеченія продовольствія кочевого населенія степныхъ областей. Акмол. Обл. Вѣд., 1899, № 13.

О порядкѣ размежеванія земельныхъ станичныхъ надѣловъ въ Сиб. каз. войскѣ, 1877 г, іюля. Прод. Свода Зак., 1879, т. 52.

О пригонѣ киргизскихъ барановъ въ Россію. Земл. Газета, 1840, № 105.

О рыбной ловлѣ уральцевъ во время зимы. Сѣв. Почта, 1810, № 44, 46.

О рыбномъ промыслѣ въ Уральскомъ войскѣ. Оренб. Губ., Вѣд. 1860, № 23. Самарскія Губ. Вѣд. 1860, № 26. Землед. Газета, 1860, № 32.

О рыболовствѣ киргизовъ. Туркест. Вѣдомости, 1874, № 20.

О скотоводствѣ у киргизовъ Зап. Сибири. Сельск. Хоз. и Лѣсовод., 1883, № 1.

Отчетъ о дѣятельности уральскаго войскового техника рыболовства за 1894 г. Уральскъ, 1895.

Очерки киргизскаго коннозаводства. Журн. Коннозав., 1883, № 7 и 8. Русскій Спортъ, 1883, № 8 и 9.

Очеркъ неводнаго уральскаго рыболовства. Оренб. Губ. Вѣд., 1862, № 13. Замѣтка на эту статью въ Оренб. Губ. Вѣд., 1862, № 40.

Падежъ скота въ Атбасарскомъ уѣздѣ. Акмол. Обл. Вѣд., 1897, № 30.

По дѣлу объ уральскомъ рыболовствѣ. Журн. засѣданій. Записки Оренб. отдѣла И. Русск. Геогр. Общ., т. I и II.

Поиски цвѣтныхъ камней въ Заиртышской степи въ концѣ прошлаго столѣтія. Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., кн. 16, в. II и III.

Покатиловъ. Описаніе рыболовства на Уралѣ и Каспійскомъ морѣ. Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, 1831, № 2.

Поповъ. Рыбная ловля на Уралѣ. Журн. Охоты и Коннозаводства, 1873, № 23, 24.

Правила производства рыболовства въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ, изд. подъ редакціей Н. А. Бородина.

Протоколы съѣзда рыбопромышленниковъ, 1889. Вѣстн. Рыбопромышленности, 1889. Особое приложеніе.

Протопоповъ. О р. Уралѣ и объ уловѣ рыбы. СПБ. Вѣд., 1857, № 118.

Результаты багреннаго рыболов. за 1872—1873 г. Прав. Вѣстн., 1873, № 72.

Руссовъ. Нѣчто о киргизской рыбѣ. 1832.

Рыбные промыслы на Уралѣ. Вѣстн. Пром., 1874, № 97.

Рыбные промыслы уральскихъ казаковъ. Морская Газ., 1880, № 2.

Рыболовство водолазами на Уралѣ. Сѣв. Звѣзда, 1877, № 23.

Рыболовство на Зайсанѣ. Вост. Обозрѣніе, 1886, № 9.

Савичевъ. О багреньѣ. Ур. Вѣстн., 1873, № 10.

Сборовскій, А. Краткій очеркъ о состояніи Семипал.-Семирѣченскаго горн. окр., подвѣдомственнаго томскому горному управл., за 1894 г. Горн. Журн., іюль 1894, ноябрь 1895.

Свѣдѣнія о ходѣ золотого и руднаго промысловъ въ Акмом. обл. за 1877 г. Акмол. Обл. Вѣд., 1878, № 23.

Скотобойное дѣло въ Петропавловскѣ. Степной Край, 1896, № 77.

Скотоводство въ сибирскихъ степяхъ. Сиб. Вѣстн., 1886, № 23.

Сластинъ, К. Объ узенскомъ неводномъ рыболовствѣ. Ур. Войск. Вѣд., 1876, № 31 и 32.

Справка изъ дѣлъ войсковой канцеляріи о доходахъ войсковой Бухтарминской рыбалки. Справки о количествѣ рыбы, добытой въ 1837 и 1840 г.г. Справка о количествѣ рыбы, добытой въ 1853—1856 г.г. Справка о количествѣ рыбы, добытой въ трехлѣтіе 1858—1860 г.г. Зап. по Общ. Геогр. И. Р. Г. О., т. I, подъ ред. П. П. Семенова. СПБ., 1867.

Статистико-экономическія изслѣдованія уральскаго рыболовства. Вѣстн. Рыбопром., 1897, № 12.

Статистическія свѣдѣнія о состояніи скотоводства въ области Степн. ген.-губ. Акмол. Обл. Вѣд., 1888, № 27.

Статистическія свѣдѣнія о степи сибирскихъ киргизовъ за 1853 г. Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, 1854, ч. X.

Струве и Потанинъ. О рыбномъ промыслѣ на Цайсанѣ и на Черномъ Иртышѣ. Отрывки изъ путеш. Зап. И. Р. Г. О., 1864, № 4.

Съ плавеннаго рыболовства. Ур. Войск. Вѣд., 1875, № 41.

Табуны лошадей въ киргизскихъ степяхъ Всемірн. Иллюстр., 1873, № 237.

Труды экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей, подъ ред. Щербины. Сборники: по Кокчетавск. у. Воронежъ, 1897; по Акмол. у. Омскъ, 1902; по Омскому у. Омскъ, 1902. Изд. Мин. Земл. и Гос. Имущ.

Уральская рыбная ловля. Оренб. Губ. Вѣд., 1849, № 20.

Уловъ рыбы на Уралѣ. Коммерч. Газ., 1857, № 106.

Учугъ при Уральскѣ. Уральск. В., 1873, № 26.

Фридрихсъ, Елизав. Багренье на Уралѣ. Родникъ, 1887, № 2.

Что такое десятиверстная полоса и значеніе ея въ настоящее время. Степн. Край, 1897, № 47.

Шарковъ. Статистическій отчетъ о состояніи Уральскаго казачьяго войска на 1887 г. Уральскъ.

Эксплуатація земной поверхности Киргизской степи. Турк. Вѣд., 1870, №№ 10, 13; 1871, №№ 2 и 10.

Пути сообщенія.

Никитинъ, С. Отчетъ экспедиціи 1892 г., въ Зауральскія степи Уральской обл. и на Усть-Уртъ. Изд. Общ. Ряз.-Ур. ж. д., 1893.

Соколовскій, Э. Описаніе вост. части Киргизской степи, на которой произведены въ 1876 г. изысканія для Ташкентской ж. д. отъ г. Тургая до Каратаусскихъ горъ. Журн. Мин. Пут. Сообщ., 1878, № 3.

Словцовъ, И. Путевыя записки, веденыя во время поѣздки въ Кокчетавск. у. Акмол. обл. въ 1878 г. Зап. З.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1897, кн. XXI.

Шмидтъ, Ю. Экспедиція въ южную часть Акмол. обл. Зап. Военно-Топогр. Отд. Главн. Шт., LI, 1894.

Справочныя изданія и путеводители.

Безе, Э. Путеводитель по Средней Азіи. Москва, 1888.

Болдыревъ. Изслѣдователи нашего края. Ур. В., 1874, №№ 39—42; 1875, №№ 2—6.

Двѣ замѣчательныя иконы въ г. Омскѣ. Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., 1863, № 4, стр. 204—210, Тоб. Губ. Вѣд., 1859, № 2.

Дмитріевъ-Мамоновъ. Путеводитель по Великой Сибирской ж. д.

Онъ же. Путеводитель по Средне-Азіатской ж. д.

Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1900—1901.

Дополненіе къ обзору литературы объ Ур. казачьемъ войскѣ. Ур. Войск. Вѣдом., 1885, № 28.

Козловъ, И. Памятная книжка Акмол. обл. на 1887 г. Омскъ, 1887.

Круссеровъ. Адресъ-календарь Зап. Сибири на 1875 г., 2 части. Омскъ.

Къ вопросу объ учрежденіи иноческой обители на Св. Ключѣ, что близъ города Семипалатинска. Томск. Епарх. Вѣд., 1882, № 5.

Матеріалы для статистики Зайсанскаго приставства. Семипал. Обл. Вѣд., 1882, №№ 6, 12.

Медико-топографическое описаніе Киргизской степи, приведенной въ извѣстность инструментально. Томск. Губ. Вѣд., 1859, №№ 36—42; 1860, № 10.

Медико-топографическіе очерки Внутр. Кирг. Орды. СПБ. Вѣд., 1875, № 112.

Медико-топографическіе очерки Кирг. Вн. Орды и оспенная эпидемія. Прот. засѣданія Общ. Р. Врачей за 1874—1875 г.г.

Многочтимыя иконы по Зап. Сибири. Омскъ, 1881.

Объ Абалацкой семипал. иконѣ. Тоб. Губ. Вѣд., 1857, № 14; Иркут. Епарх. Вѣд., 1878, № 30, стр. 327—338; 1880, № 39, стр. 500—512, Томск. Епарх. Вѣд., 1882, № 6, стр. 158—162, № 10, стр. 262—268.

Обзоръ литературы объ Уральскомъ казач. войскѣ. Ур. Войск. Вѣд., 1883, №№ 31 и 32.

Отчеты о состояніи Сибирскаго казачьяго войска.

Памятная книжка Западной Сибири 1881 и 1882 г. Омскъ.

Памятныя книжки Семипал. обл. на 1897 и 1898 г.г. съ картою области. Изд. Семипалат. Стат. Ком.

Приложенія ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ областей Киргизскаго края.

Статистическій обзоръ Семипалат. обл. за 1881 г. Семипал. Обл. Вѣд., 1882, №№ 36—43.

Статистическій обзоръ Уральской области. Пам. книжка Ур. Обл., 1897.

Столѣтній юбилей освященія придѣловъ Ямышевской церкви. Акмол. Губ. Вѣд., 1883, № 3.

Уральская справочная книжка 1891 года. Уральскъ.

Харузинъ, А. Библіографическій указатель сочиненій и статей, касающихся киргизовъ и странъ, занимаемыхъ ими. Изв. Общ. Люб. Ест. 1889, т. 63.

Шешуковъ. Сибирскій дорожникъ. Иркутскъ, 1894.

Карты, атласы и фотографіи.

Бородинъ, Н. Статистическій атласъ Уральскаго казачьяго войска. Прилож. къ книгѣ „Уральское казачье войско". СПБ., 1885.

80-верстная карта Акмол. и Семипал. обл. Изд. Омск. Воен.-Топогр. Отдѣла.

Геологическая карта теченія Иртыша (ниже г. Семипалатинска до пос. Лебяжьяго). Геол. изслѣд. по лин. Сиб. ж. д., вып. 1, 1896.

Геологическая карта Киргиз. степи (Баянъ-Аулъ-Каркаралы). Масштабъ 1:840.000. Геол. изслѣд. по лин. Сиб. ж. д., вып. 1, 1895.

Геологическая карта, приложенная къ соч. Н. Андрусова. „Объ акчагыльскихъ пластахъ". Тр. Геол. Комит.

Десятиверстная военно-топогр. карта Европ. Россіи. Изд. Военно-Топогр. Отд. Гл. Шт. Листы 141, 143, 144 и 145 захватываютъ часть Тургайской области, а листы 111, 112, 113, 130, 131, 132 и 133 захватываютъ земли Уральскаго казач. войска.

Десятиверстная карта Омскаго военнаго округа. Изд. Омск. Военно-Топограф. Отдѣла.

Карта южной пограничной полосы Азіатской Россіи. 40 вер. масшт. Изд. Военно-Топогр. Отд. Гл. Шт.

Карта соляныхъ озеръ Зап. Сибири, приложенная къ ст. Лемпицкаго: „О солян. озерахъ и солян. промыслѣ Зап. Сиб." Горн. Журн., 1884, № 3.

Карта, приложенная къ соч. И. Словцова: „Путев. зап., веден. во время поѣздки въ Кокчет. у. Акмол. обл.". 1878 г. Зап. З.-Спб. Отд. И. Р. Г. О., XXI.

Карта къ ст. Маляревскаго: Стат. очеркъ соврем. сост. горнозав. пром. въ Зап. Сибири. Зап. З.-Спб. Отд. И. Р. Г. О., кн. 4.

Карта, приложенная къ соч. Костенко: „Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности". 1870.

Карта оз. Чорхала, приложенная къ ст. Н. Бородина: „Чархальское морцо".

Карта, приложенная къ соч. Н. Тихонова: „Изъ наблюденій въ Киргизскихъ

степяхъ Семипал. обл." Землевѣдѣніе, 1902.

Карта, прилож. къ „Краткому орографич. очерку Средней Азіи" Н. Сѣверцова. Изв. И. Р. Г. О., VIII, 1872, отд. II.

Карты золотыхъ пріисковъ Сибири и Урала, Тобол., Акмол. окр., Кокчет. у. Изд. Комм. для собир. и разраб. свѣд. о сибирск. золотопром. СПБ., 1897.

Карта путей сообщенія Азіатской Россіи. Масшт. 100 вер. въ дюймѣ. Изд. Мин. Пут. Сообщ., 1903.

Карта, прилож. къ соч. Д. Менделѣева: „Уральская желѣзная промышленность".

Карта, прилож. къ памятной книжкѣ Семипалат. области.

Карты, прилож. къ путевод. Дмитріева-Мамонова и Долгорукова.

Красильниковъ. Ландкарты Оренбург. губ., сост. въ 1755 г. Оренбургъ, 1880.

Маршрутныя карты и профили, прилож. къ соч. „Никитина: Отчетъ экспед. 1892 г. въ Зауральскую степь Уральск. обл. и на Усть-Уртъ".

Сорокаверстная карта Зап.-Сиб. военнаго округа. Изд. Омскаго Военно-Топограф. Отдѣла.

Планъ г. Омска: 1) въ 2-верст. масшт., 2) въ 5-верст. масшт., 3) въ 100-саж. масшт. Изд. Омск. Военно-Топогр. Отд.

Альбомъ видовъ изъ Киргизской степи. La vie des Steppes Kirghises par B. Zaleski. P. 1865. Изв. И. Р. Г. Общ., 1865, I, № 9.

Полторацкій. Альбомъ типовъ и видовъ Зап. Сибири.

Фотографическіе альбомы музея Зап.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. Общ.

Много хорошихъ снимковъ имѣется у новѣйшихъ изслѣдователей Киргизскаго края, частью воспроизведенныхъ при ихъ работахъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Имена географическія.

Примѣчаніе. Курсивомъ отмѣчены страницы, гдѣ находится главное, подробное описаніе даннаго пункта.

Аазенъ-Булакъ, ключъ 318.
Аблайкитка, р., прит. Иртыша 21, 37, 413 C IV.
Аблайкитскій мон. Усть-Каменог. у. 147, *413*.
Абуганъ, р., прит. Тобола 24, 98, 343 И II.
Агайрыкъ, горы 431.
Адай, кирг. родъ 200.
Ажузъ, ключъ 396.
Азаттъ, с. Кокчет. у. 348 К II.
Азбай, р. 66.
Азу, горы 35, 41.
Айгыръ-Джалъ, гора 395.
Айдабульскій, пос. Кокчетавск. у. 353 К II.
Айдарлы-Кумъ, уроч. 356.
Айдаръ-Ханъ, почт. ст. Лбищенск. у. 326 В IV.
Айдобыль, кирг. родъ 200.
Айке, оз. 342 Ж III.
Аймагутъ, пески 328 Г V.
Айна-Булакъ, ключъ 362.
Айна-Куль, уроч. 356.
Аиртавскій, выселокъ Кокчетавск. у. 350 К II.
Аиръ-Кизылъ, пески 340 Ж IV.
Аиръ-Тасты, р. 395.
Аиръ-Тау, горы 28, 36, *350* К II.
Айрюкъ, гора 7, 49, 335 Е IV.
Айсануръ, пик. Темирск. у. 327 Г IV.
Аканъ-Бурлукъ, р., прит. Ишима 22, 45 I II.
Аканъ-Бурлукская, ст. Кокчет. у. 353 I II.
Акмолинская обл. 27, 28, 60, 120, 141, 142, 145, 146, 148, 150, 155, 158—163, 171, 172, 174—184, 198—200, 206, 214, 222—224, 229—236, 240, 246, 248, 250, 272—279, 281—283, 286, 289, 290, 292, 305, 307, 343, 344, 346, 349, 352, 353, 365, 366, 372, 377, 381, 395.
Акмолинскій у. 26, 28, 45, 46, 61—63, 69—71, 84, 93, 104, 117, 121, 122, 124, 125, 158, 162, 163, 183, 190, 199, 231, 232, 244, 250, 272, 274—276, 278, 286, 357, 358, 360, 366, 370, *395*.
Акмолинскъ, обл. гор. 46, 74, 104, 152, 160, 174, 228, 275, 283, 289, 303, *357—360*, 362, 363, 379 Л III.
Акмолинско-Петропавловскій трактъ 303.
Акпанбай, уроч. 396.
Аксу, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 333 Д III.
Аксуйская, станція Атбас. тракта 348 К II.
Актаста, р. 66.
Актюбинскій у. Тургайск. обл. 59, 66, 94, 98, 119, 124, 163, 223, 235, 236, 247, 275, 327, 333, *338*, 342.
Актюбинскъ, у. г. Тургайск. обл. 163, 172, 174, 290, 327, *333—334*, 338 Д III.
Акча-Адыръ, сопка 14.

Акчатъ-Тау, гора 4, 5, 36 49, 326 Г IV.
Акъ-Бастау, оз. 364.
Акъ-Булакъ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 333 Г Ш.
Акъ-Булакъ, уроч. Темирск. у. 334 Д IV.
Акъ Бурунъ, сопка 327.
Акъ-Бута, гора 5, 58, 328 Г V.
Акъ Джайтканъ, оз. 356.
Акъ-Джалъ, горы 425.
Акъ - Джандыкъ - Соръ, оз. 397.
Акъ-Джарляу, пик. 328 Д IV.
Акъ Кайракты, р. 354.
Акъ-Каба, р. 35, 153.
Акъ-Кезень, уроч. 417.
Акъ-Кемиръ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 334 Д IV.
Акъ-Крекъ, горы 14 О V.
Акъ-Кумъ, пески 329, 342.
Акъ-Кызъ, оз. 10 В V.
Акъ-Мечеть, пик. 328 Г V.
Акъ-Молъ, уроч. 359.
Акъ-Нейманъ, кирг. родъ 200.
Акъ-Сай, ст. Орско-Казалинск. тракта 341 Ж IV.
Акъ-Сенгиръ, уроч. 361.
Акъ-Суатъ, оз. 342 И Ш.
Акъ-Сюй Чуръ, могила 363.
Акъ-Тасты, кол. 397.
Акъ-Тасты, р. 362.
Акъ-Тасъ, уроч. 415.
Акъ-Тау, горы 117.
Акъ-Тау, могила 395.
Акъ-Тюбе, горы 32.
Акъ-Тюбе см. Актюбинскъ.
Акъ-Ульгунъ, горы 35.
Акъ-Чата, пик. 329 В IV.
Акъ-Чеку, горы 47, 63, 67, Ала-Атъ-Бенкъ, сопка 362.
Алабасъ, гора 46, 336.
Алабуга, р. 88.
Алайчиръ, мѣсторожд. мѣди 67.
Алахинскій, ледн. 35.
Алача, кирг. родъ 200.
Алача-Хана, могила 355.
Алаша-Казганъ, пик. 328 Г V.
Александровка, д. Кокчетавск. у. 358 К II.
Александровская вол. Семипалатин. у. 159.
Александровскій, пос. Акмол. у. 395 Л Ш.
Александровскій, пос. Усть-Каменог. у. 419, 420 С IV.
Александровское, пос. Кокчетавск. у. 352 К. II.
Алексѣевскій см. Азатъ.
Алексѣевское, с. Акмол. у. 93, 358 Л VI.
Алетъ, перевалъ 30.
Алкабекскій, погр. пункть 292.
Алкабекъ, р., прит. р. Черн. Иртыша 19, 20, 36, 53, 120, 153 169, 297, 435 Т V.
Алтай, горная система 2, 18, 19, 21, 29, 31, 32, 38, 45—48, 51, 54—56, 61, 70, 74, 82—84, 86—88, 90, 91, 107, 116—122, 126, 134, 136, 138, 140, 141, 146, 148, 153, 159, 160, 164, 165, 168, 186, 190, 200, 208, 210, 212, 223, 275, 276, 374, 416, 417, 426, 429, 430.
Алтайская, ст. Усть-Каменог. у. 34, 91, 303, 408, 413, 421, 428, 431 Т IV.
Алты-Джаксы, пик. 334.
Алтынъ, кирг. родъ 200.
Алты-Карасу, пик. 327 Г IV.
Алтынъ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 337 Ж V.
Алтынъ-Су, р. 68.
Алчинъ, кирг. родъ 142, 200.
Альджанъ, горы 36, 408 Р IV.
Альджанъ - Адырскій, пик. 408 Р IV.
Амантайская, почт. ст. Атбас. у. 357 К Ш.
Аманъ-Каргай, боръ 88.
Амбулакта - Хана, могила 355.
Анда-Сай, ущелье 397.
Андреевки, р. 409.
Андреевскіе, хутора Семипалат. у. 409.
Антоновскій, пос. Лбищ. у. 316 Б IV.
Арало-Балхашская равнина 13, 14, 16, 28, 53.
Арало-Иртышскій водораздѣлъ 12, 22, 24, 28, 29, 44—50, 52, 54—56, 116, 133, 363.
Арало-Каспійскій бассейнъ 46, 82, 127, 133, 134.
Аралъ-Тюбе, пик. Зайсанск. у. 415 С IV.
Аралъ-Тюбе, пик. Актюб. у. 338 Е Ш.
Аральское море 7, 13, 15, 25, 41, 42, 48, 53, 56, 115, 116, 118, 126, 134, 137, 144, 146, 250, 301, 305, 328, 334, 335, 337, 338.
Арасанскій, источникъ 71.
Аргантинскій, пик. Атбас. у. 355 I IV.
Аргиппеи, племя 138.
Аргыны, кирг. родъ 142, 144, 200.
Аримаспы, племя 138.
Аркалы, ключъ 362.
Аркалыкскія горы 28, 36, 67, 362, 408 О Ш.
Аркалыкъ, пик. Семипал. у. 408 П IV.
Аркаръ-Су, ключи 397.
Аркатскій, пик. Семипал. у. 408 Р IV.
Аркатъ, горы 36, 44, 45, 408 П IV.
Арстомбая, могила Атбас. у. 355 I V.
Артемьевская, шахта Павлодарск. у. 64.
Архангельскій, пос. Петропавл. у. 65, 346.
Арчала, р. 45.
Арыкъ-Балыкская, ст. Кокчетавск. у. 351 I П.
Арысъ-Куль, оз. 18, 342 I VI.
Арысь-Кумъ, пустыня 14 И V.
Асая, могила 396.
Асмантай-Матай, оз. 12, 335 Д VI.
Астраханская, д. Акмол. у. 357 К Ш.
Атагай, кирг. родъ 200.
Атамановская, д. Усть-Каменогор. у. 418.
Атаманскій, хут. Омск. у. 369.
Ата-Су см. Ащи-Су.
Атбасарка, р. 353, 354.
Атбасарскій у. Акмол. обл. 28, 44—46, 121, 125, 157—159, 162, 179, 190, 199, 231, 232, 234, 241, 246, 250, 275, 276, 279, 353, *357*, 360.
Атбасаръ, у. г. 46, 110, 160, 289, 301, 346, *352—354*, 356—358 К Ш.
Атмасъ Большой, пос. Омск. у. 381, 402 Н I.
Атмасъ Малый, пос. Омск. у. 402 Н П.
Атбасарско - Петропавловскій трактъ 303.
Аты-Джаксы, р. 96.
Ауліе, р. 46.
Ауліе-Тасъ, пещера 389.
Ахтабанъ, оз. 69.
Ачанрскій, пос. Омск. у. *380*, 402 М I.
Ачанакты, р. 414.
Ачанакоктинскій, пик. Усть-Каменогор. у. 414 Р IV.
Аширкина, усадьба Семипал. у. 409.

Аширкины, рр. 409.
Ашъ-Казанъ, солонецъ 365.
Аще-Айрыкъ, оврагъ 8, 334 Д V.
Аще-Айрыкъ, родникъ 12.
Аще-Булакъ, источн. 317, 318.
Аще - Бутакскій, бывш. фортъ Актюбин. у. 338 Е III.
Аще-Бутакъ, р. 48.
Аще-Кудукъ, пик. Темирск. у. 328 Г V, Д V.
Аще-Куль, оз. 41, 47, 63.
Аще-Сай, пик. Темирск. у. 328 Г V.
Аще-Сай, пик. Иргизск. у. 339 Е IV.
Аще - Сай - Джикинды см. Джикинды.
Аще - Сай - Урундукты см. Урундукъ.
Аще Су, р. 17, 28, 362, 407.
Аще-Уилъ, р., прит. Уила 328, 329 Г IV.
Аще-Уртъ, уроч. Темирск. у. 328 Г V.
Ащикульскій, пик. Семипал. у. 408 Р IV.
Ащилы, р. 46.
Аюлинскій, пик. Павлодар. у. 395 М III.
Аятъ, р., прит. Тобола 24, 44, 49, 66 З II.

Бабили-Кумды, р. 327.
Бабій, порогъ 432.
Бабыкъ-Бурлукъ, р. 351.
Багоналы, кирг. родъ 200.
Баламъ-Чалы, р., прит. Бабили-Кумды 327.
Базарка, пик. Зайс. у. 416 С IV.
Базары, рч. 30.
Байбакты, кирг. родъ 200.
Байберды, перев. 34, 428.
Байбиче, могила 364.
Байбуту, могила 396.
Байгазы-Чаганъ, почт. ст. Семипал. у. 407 П IV.
Байгара-Чагарлы, горы 397 М VI.
Байдавлетъ, пик. Темирск. у. 327 Г IV.
Байджигитская, почт. ст. Атбас. у. 357 К III.
Байджигиты, кирг. родъ 200, 201.
Бай Коджа, могила 363.
Бай-Мурзинскій, перев. 417.
Байсина, могила 363.
Байулы, кирг. родъ 200.
Баканасъ, перев. 34, 429.
Баканды, уроч. Темирск. у. 328 Д V.
Баке-Чеку, горы 355.
Бакланій, мысъ 40, 58.
Баксай, рук. р. Урала 252.
Баксайскій, пос. Гурьевск. у. 319 Б V.
Бала-Баксы, сопка 362.
Бала Джумартъ, могила 364,
Балгина, могила 362.
Балгынъ, р., прит. Нарыма 32, 137.
Балкашинка, д. Кокчетав. у. 353 К II.
Балпашъ, оз. 69.
Балхашскіе пески 113, 115.
Балхашскій бассейнъ 133, 134.
Балхашъ, оз. 15, 41, 42, 45, 52, 53, 78, 99, 108, 115—118, 121, 122, 125—127, 133, 134, 141, 200, 301, 395, 407.
Балыкты, оз. 104, 347, 362.
Балыкъ-Булакъ, д. Усть-Каменогор. у. 160, 169, 428 У IV.
Балыхтинскіе, разливы 9, 96, 110 А III, IV.
Бараній Лобъ, скала 321.
Барановскій, пос. Уральск. у. 315.
Барашевка, р. 411.
Барашевскій, пос. Усть-Каменог. у. 411 Р III.
Барбастау, р. 324 Б III.
Барбашевка см. Барбастау.
Барбашево, почт. станц. Уральск. у. 324 Б III.
Барби-Кумъ, пески 341 Ж IV.
Баркинъ-Кумъ, барханы 4, 327.
Барманскій, пик. Акмол. у. 357.
Барсуки Большіе, пуст. 13, 17, 41, 337 Е V.
Барсуки Малые, пуст. 41, 337 Ж V.
Бартча-Кумъ-Кудукъ, кол. 364.
Барханъ, кол. Темирск. у. 329 Г IV.
Бархотъ, мысъ 40, 58.
Бассейнъ, оз. 394.
Басентеинъ, кирг. родъ 200.
Басъ-Токрау, р. 395.
Батеша, зимовка Атбас. у. 356 I VI.
Батпа-Кудукъ, коп. 342.
Батпакъ, оз. 334 Д IV.
Баты, с. Усть-Каменогор. у. 423, 434 С IV.
Башмачный, пос. Павлодар. у. 331.
Баянъ-Аульскія горы 44, 45, 50, 57, 88, 92, 389, 390, 391 Н III.
Баянъ-Аульское оз. см. Сабунды-Куль.
Баянъ-Аулъ, ст. Павлодар. у. 152, 213, 290, *389—390*, 399 Н III.
Баятара, могила 362.
Баятыръ, оз. 363.
Бегеръ-Куль, оз. 313 К VI.
Бедъ-Пакъ-Дала см. Голодная степь.
Белеуты, р. 17, 342 И V, I V.
Бель-Агачская степь 61, 107, 225, 231—234, 406, 407, 410 П III, Р III.
Бель-Агачскій, пик. Павлодар. у. 391 Н III.
Бель-Агачъ, горы 45, 395 Н III.
Бель-Агачъ, уроч. Атбас. у. 354.
Бель-Карагай, уроч. 426.
Бель-Кудукъ, кол. 364.
Бель-Терекъ, горы 408 П III, Р III.
Бердыбы, могила 356.
Бердянка, рч. 333 Г III.
Березовка, р. 32, 411, 420, 426.
Березовскій, пос. Усть-Каменогор. у. 418, 420 С IV.
Березовскій, пос. Лбищ. у. 309 А III.
Березовскій, рудникъ Усть-Каменогор. у. 411 Р III.
Беркала, мѣсторожд. серебра 67.
Беркуты, горы Атбас. у. 44.
Берубай-Тышканъ, кол. 397.
Берчъ, кирг. родъ 200.
Бесъ Бакыръ, колодцы 396 Л V.
Бесъ-Тюбе, уроч. 46, 47, 63.
Бесъ-Куланъ, бродъ 356 I VI.
Беткургана, могила 362.
Бзау, могила 364.
Бирюгумъ, пик. Темирск. у. 328 Г V.
Бирюкъ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 337 Е V.
Бишбанскій, утесъ 20, 433.
Бишкульскій, пос. Петропавл. у. 346.
Бишъ-Кара-Бутакскій, пикетъ Иргизск. у. 339.
Бишъ-Кудукъ, кол. 327 Д IV.

Бишъ-Тамакъ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 334 Д Ш.
Бишъ-Тузъ, оз. 284.
Бишъ-Уба, бугоръ 339.
Бишъ-Чеку, мѣсторожд. мѣди и серебра 67.
Бикъ-Тасъ, ключъ 362.
Бійрюкъ, пески 217 В IV.
Блуй-Булакъ, уроч. Темирск. у. 328 Д V.
Блюули, уроч. 319.
Бобровскій, пос. Павлодар. у. 22, 297, 382, 402 Н II.
Богатинскій, пос. Уральск. у. 314.
Богатыревскій, пос. Уральскаго у. 309.
Богомоловскій, пос. Петропавл. у. 346.
Богородская, р. 418.
Богословскій мѣдн. рудникъ Каркаралинск. у. 395 Н IV.
Бозгакъ, солонецъ Акмол. у. 364 К V.
Бозгуль, оз. 364.
Бозъ-Ангыръ, оз. 359.
Бозъ-Оба, кол. 397.
Бойчалакскій, пик. Каркаралинск. у. 407.
Бокто-Карынъ, протокъ р. Сары-Су 356.
Бокъ-Тау, гора 407 Н, О IV.
Бокачи, уроч. Гурьевск. у. 8.
Болта-Кара, гора Акмол. у. 93.
Большая киргизская орда 200.
Больше-Нарымскій, пос. Усть-Каменогор. у. 91, 303, *423—424* Т IV.
Борки, д. Петропавл. у. 366.
Боровое, оз. 26, 68, 213, 351, 352 Л II.
Боровой, пос. Кокчетав. у. 69, 94, 173, 213, *352*, 358 К II.
Бородинская, ст. Уральск. у. 83, 330 В III.
Ботошная, р. 418.
Брусяной, обрывъ 50, 329 Б III.
Бугаты-Сай, уроч. Актюб. у. 338 Е III.
Бугу-Лы, горы 121.
Бударинская, ст. Уральск. у. 259, *314—315* Б III.
Бузулуцкій трактъ 304, 314, 329, 331, 332.
Бузъ-Гумеръ, ст. Орско-Казал. тракта 340 Ж IV.
Букембай см. Кара-Тюбе.
Буконбай, горы 35.
Буконь, р., прит. Иртыша 21, 53.
Буконь, с. Зайс. у. 415, *423* С IV.
Буконь Большая, р. 37.
Буконь Малая, р. 37.
Булакты, р., прит. оз. Чубаръ-Тениза 342.
Булать, уроч. 395—397.
Булдурта, р. 54, 325.
Бултукъ, кирг. родъ 200.
Булькульдакъ, р. 395.
Бура-Найманъ, кирг. родъ 200.
Бурга-Сутай, перев. 30, 417.
Бурлукскій см. Верхне-Бурлукскій и Нижне-Бурлукскій.
Буртей, р. 48.
Бурханка, пик. Зайсанск. у. 416.
Бурхать, перевалъ 34, 428, 429.
Бухарка, р., протокъ Урала 11.
Бухарская сторона 11, 316, 329, 330.
Бухарцы 146, 151, 184, 199, 414.
Бухтарма, р. 20, 21, 34, 35, 37—40, 47, 78, 90—92, 107, 132, 133, 152, 161—167, 296—300, 302, 303, 421, 427—433.
Бухтарминскія горы 32, 88, 168.
Бухтарминская долина 51, 55, 56, 91, 107, 167.
Бухтарминскій ледн. 35, 38, 431.
Бухтарминская укрѣпленная линія 417.
Бухтарминская, станица Усть-Каменогор. у. 20, 37, 38, 164, 413, 417, 418, 420, *421*, 424, 433 С IV.
Былкалдакъ, оз. 384.
Быръ-Тюскенъ, кол. Акмол. у. 363, 365 К VI.
Бѣловодье 168, 169.
Бѣлокаменный, пос. Семипал. у. 297, 400, 403, 404 П III.
Бѣлая, гора 48.
Бѣлая, рукавъ Иртыша 21.
Бѣлая Ростошь, урочище Лбищ. у. 49, 318.
Бѣлоруссы 195.
Бѣлыя Горки, увалъ 314.
Ванявка, р. 410.
Варваринская зол. пріискъ Усть-Каменог. у. 414.
Великоруссы 183—186, 199.
Верхне-Бурлукскій, выселокъ Кокчетавск. у. 351 К II.
Верхне-Эмбенскій постъ Темирск. у. 327, 328, 334 Д IV.
Вершининскій, мысъ 40.
Вершининскій утесъ 20, 421.
Викторовская, ст., Кокчетав. у. 352, 353 К II.
Владимірскій, пос. Кокчетав. у. 353 К II.
Владимірская шахта Павлодарск. у. 64.
Внутренняя казачья линія 264, 309, 315.
Вознесенская, ст. Петропавл. у. 346 К I.
Волчій, пос. Омск. у. 368 Л I.
Вороній, пос. Усть-Каменогор. у. 422 С IV.
Воскресенская ж. д. 307, 387.
Воскресенская, прист. Павлодар. у. 279, 281, 282, 307, 387, 403 О II.
Воскресенскія копи см. Экибазъ-Тузъ.
Второй отрогъ см. Новенькій.
Вѣчная почт. ст. Кустан. у. 342 З II.
Ганькинъ, разъѣздъ Зап.-Сиб. ж. д. 367.
Георгіевское, с. Усть-Каменогорск. у. 408 Р IV.
Гладкій Таскунъ, утесъ 433.
Глазастая, гора 49.
Глиненская, ст. Лбищ. у. 264.
Глубокая, д. Усть-Каменог. у. 411, 432 С III.
Глубокая, р., прит. Иртыша 411.
Глуховской, пос. Семипал. у. 49, 297, 400, 404 П III.
Глядень, гора 32, 425, 426.
Гниловскій, пос. Уральск. у. 304, 332 Б II.
Гоголевскій, пос. Акмол. у. 379 М II.
Голодаевскій, мысъ 40.
Голодная степь 14, 16, 53, 62, 80, 81, 86, 99, 112, 113, 115, 133, 354, 356, 363—366, 395—398.

Голый, мысъ 40.
Городище, с. Омск. у. 368.
Гороховы, сопки 411.
Горскій, пос. Гурьевск. у. 317 Б IV.
Горячинская, ст. Лбищенск. у. 84, *315*, 325 В Ш.
Горькая линія 22, 24, 25, 51, 56, 102, *152*, 171, 225, 244, 277, 288, 302, 303, 344, 345, 353, 358, 366—368, 379.
Горькое, оз. 346.
Грачевка, сопка 410.
Грачевскій, пос. Семипал. у. 400, 403, 404 П Ш.
Гребенщиковскій, посел. Гурьевск. у. 319 Б IV.
Гребень, сопка 411.
Гремячій, руч. 418.
Григорьевская, д. Петропавл. у. 366 К I.
Григорьевскій, пос. Павлодарск. у, 383 О II.
Гриппы, племя 138.
Грифы см. гриппы.
Грязный, пос. Уральск. у. 332 Б Ш.
Гунны 141.
Гурьевскій редутъ см. Редутскій.
Гурьевскій у. Уральской обл. 69, 237, 316, 317, 320, 321, *324*, 328, 329.
Гурьевскій трактъ 304, 314—321.
Гурьевъ, у. г. Уральской обл. 10, 11, 47, 48, 76, 130, 252, 259, 271, 301, 304, 319, *321—324*.
Гусиная, прист. Усть-Каменог. у. 421, 422.
Гусиное, оз. 346.
Дабусунъ-Тузъ, оз. 14, 18, 28, 112 К V.
Дарель-Сай, уроч. Темир. у. 5, 328 Г V.
Дарьинскій, пос. Уральск. у. 50, 329 Б. Ш.
Дегеленъ, сопки 92, 407 О IV.
Дельбегетей, горы 36, 408 Р IV.
Денгизъ, оз. см. Тенизъ.
Деркулъ, р., прит. Чегана 309 Б Ш.
Десятиверстное пространство 225.
Джагалбайлы, киргиз. родъ 200.
Джадыкъ, кирг. родъ 200.
Джайдакъ, гора 31, 32.
Джайнасъ, кирг. родъ 200.
Джаинды, уроч. Темирск. у. 334, 335 Д V.
Джаксы, оз. 27.
Джаксы, сопка 28.
Джаксы-Бай, р. 326 В IV.
Джаксы-Кабырга, р. 342 З IV.
Джаксы-Кайракты, р. 45.
Джаксы-Куртъ, уроч. Акмол. у. 362.
Джаксы-Сары-Су, р. 362.
Джаксы-Янгизъ-Тау, высел. Кокчетавск. у. 353 І II.
Джаксы - Янгизъ - Тау, оз. 353.
Джалавлы, оз. 28.
Джалавлы, ст. Орско-Казалинск. тракта 337, 341 Ж IV.
Джалкуты-Канай, р. 37.
Джалпасень, гора 67.
Джалтырь, оз. 347.
Джаль-Сай, ущелье 397.
Джаманъ-Акъ-Куль, оз. 17.
Джаманъ - Индеръ, гряда 318.
Джаманъ-Кудукъ, пик. Лбищенск. у. 316, 317 В IV.
Джаманъ-Курганъ, развал. Атбас. у. 356 І V.
Джаманъ-Сары-Су, р. 362.
Джаманъ-Тау, горы 317, 335, 348.
Джаманъ-Тузскій, пик. Петропавл. у. 357 К I.
Джаманъ-Тузскій, пик. Павлодарск. у. 388 О Ш.
Джаманъ-Тузъ, оз. 27, 63, 69, 104.
Джаманъ-Чу, логъ 363.
Джамбейтинская, ставка Лбищ. у. 325 В Ш.
Джамбейты, пик. Лбищ. у. 320, 325 В Ш.
Джамбиль, горы 398.
Джамбулды - Кудукъ, пик. Каркар. у. 407 О IV.
Джамбышке, уроч. 328, 335 Д V.
Джамча, р. 395.
Джангызъ, сопки 362
Джангызъ - Кудукъ, колод. 356.
Джаничке - Кебырь, уроч. 320 Г V.
Джантыкей, киргиз. родъ 200.
Джанъ-Гоза, могила 362.
Джанъ-Кудукъ, кол. Лбищ. у. 316 Б IV.
Джанысбекъ, коп. 319.
Джаныспай, р., прит. Ишима 22.
Джаны-Су, р. 66.
Джарга, сопка 394.
Джарма см. Джемени.
Джаршыканъ см. Джингильды.
Джартавскій, пик. Семипал. у. 408 Р IV.
Джаръ-Дженъ, оз. 362.
Джаръ-Камышъ, пик. Лбищ. у. 325 В Ш, IV.
Джаръ-Тасъ, уроч. 396, 397.
Джарыкъ, кол. 342.
Джастабанъ, кирг. родъ 200.
Джебага, р. см. Черная.
Джебай, р. 353.
Джела-Наша, р. 395.
Джелангачъ, ст. Орско-Казал. тракта Иргизск. у. 341 Ж IV.
Джеландинскій, пик. Акмол. у. 357.
Джелдыбай, оз. 26.
Джембай, оз. 29, 57, 58, 390 Н Ш.
Джемени, рч. 30.
Джеминейка, р. 416.
Джертасъ, сопка 362.
Джеты-Джалъ, уроч. 396.
Джидели, рч. 17, 337, 362.
Джидели-Конуры, кол. 364.
Джидели-Кудукъ, кол. 364.
Джикинды, пик. Темирск. у. 326 В IV.
Джиланчикъ, горы 14, 28, 99, 355 И IV.
Джиланъ, ст. Ор.-Ташк. ж. д. 337 Е V.
Джильтавскій, пик. Каркар. у. 391 Н Ш.
Джиль-Тау, горы 321, 329.
Джилянда, р. 355.
Джилянды-Кенгирскій, пик. Атбасарск. у. 355.
Джингильды, р. 317.
Джирень - Купинская вол. Уральск. у. 333.
Джирень Суазь, сопка 14.
Джиты-Куль - Чалкаръ, оз. 342 Ж Ш.
Джитыру, кирг. родъ 200.
Джуванъ-Тюбе, сопка 361.
Джуванышъ см. Ханкуль.
Джума-Базаръ, пос. Гурьевск. у. 317.
Джунгарія 145 — 147, 152, 370.
Джунгары 146, 147, 151—154, 183, 228, 370, 404.
Джунду-Сай, уроч. Темирск. у. 327 Г IV.
Джусалы, уроч. Темирск. у. 327 Г Ш.

Джусалы, р. 364.
Джуса хана, могила 355.
Джусъ-Агачъ, пик. Зайсанск. у. 415 С IV.
Джугари-Чаглау, уроч. Темирск. у. 337.
Джунды-Адыръ, сопки 396.
Джурень, р., прит. р. Исень-Анкаты 48, 325.
Джюренъ-Тау, горн. гряда 49, 325.
Динлины, кирг. родъ 200.
Діана, мѣсторожд. серебра 67.
Дмитріевскій, пос. Атбас. у. 354 I Ш.
Долгая, гора 423.
Долонская, ст. Семипал. у. 296, *400*, 404 П Ш.
Долонскій боръ 88, 92, 274, 400.
Донгулюкъ-Соръ, пик. Уральск. у. 325 Б Ш.
Донская, д. Усть-Каменог. у. 411.
Дороффѣвка, пос. Кокчетавск. у. *352*, 358 К П.
Достанъ, уроч. Иргизск. у. 337 Е V.
Дувалчій, уроч. 396.
Дулатъ, кирг. родъ 144, 200.
Дурукча, оз. 13, 17, 341 З IV.
Дюй-Сечакъ, гора 28.
Дюринскіе разливы 9, 96, 110 А, Б Ш.
Дюрткара, кирг. родъ 200.

Егенды-Булакъ, кол. 397.
Егинъ-Булакъ, ключъ 396.
Екатерининскій, пос. Петропавл. у. 346 I I.
Еленовка, пос. Кокчет. у. 352 К П.
Елизаветинскій, пос. Акмол. у. 359.
Елизаветинскій, пос. Омск. у. 402 Н I.
Ембулатовка, р. 12.
Еремень-Тау, горы 28, 45, 46, 92, 93, 117 М Ш.
Есей, оз. 26.

Желѣзинскій, пос. Павлодарск. у. 294, 381, 382, 402 Н П.
Жемчужная, ятовь Уральск. у. 262.
Жилая Коса, пос. Гурьевск. у. 163, 272, *320*, 324 В V.
Жерновная, сопка 411.

Зайсанскій у. Семипалат. обл. 29, 61, 63, 66, 68. 70, 74, 84, 119, 121, 122, 223, 232—234, 248, 278, 408, 414—416, 434, *435*.
Зайсанскъ см. Зайсанъ.
Зайсанъ, оз. 20, 30, 31, 35—37, 40, 41, 56, 58, 78, 108, 112, 115—117, 121, 126, 128, 132, 134, 136, 151 — 153, 190, 248, 249, 294, 297, 415, 416, 432, 434, 435 С IV, V.
Зайсанъ, у. г. Семипалат. у. 30, 174, 292, 413, *416*, 417, 432 Т V.
Зайсанъ-Норъ см. Зайсанъ.
Замарайка, гора 423.
Зап.-Сибирская ж. д. 104, 161, 170, 181, 275, 276, 281, 287, 300, 305, 306, 343, 347, 366, 369, 386, 393.
Западно-Сибирская равнина 18, 19, 24, 26, 49, 50, 55, 73, 82, 95, 98, 110.
Затонный, пос. Уральск. у. 331.
Зеленовскій, пос. Гурьевск. у. 319 Б IV.
Зеленцовъ, логъ 424.
Зеленый, разъѣздъ Покровско-Уральск. ж. д. 309.
Зерендинская, ст. Кокчетавск. у. 68, 352, 353, 358 К П.
Зерендинскій боръ 275.
Зерендинское, оз. 352.
Золотая Орда 142, 220, 319.
Золотинскій, рукавъ р. Урала 11.
Зордшинкиды, древн. зданія 404.
Зѣвакина, д. Семипал. у. 20, 410 Р Ш.

Ибейта, р., прит. р. Сагиза 328.
Ивановка, пос. Кокчетавск. у. 352, 358 К П.
Ивановка, д. Петропавл. у. 366.
Ивановская, д. Акмол. у. 361 Л Ш.
Ивановская, почт. ст. Кустан. у. 342 З П.
Известковый, пос. Семипал. у. 63, 69, 281, *400*, 403, 404 П Ш.
Изылбашскій, пос. Омск. у. 380, 402 Н I.
Илекъ, р., прит. Урала 8, 11, 12, 48, 59, 95, 139, 155, 321, 330, 331, 333, 334.
Илецкій Городокъ, заштт. г. Уральск. у. 310, 330, *331*.
Ильинскій см. Изылбашскій.
Илюбая, могила 364.
Имантавскій, пос. Кокчет. у. 350 I П.
Имантавскія горы 350, 351.
Имантавское, оз. 250, 350.
Иманъ-Кара, гора 13, 328 Г V.
Индерскія горы 3, 48, 49, 100, *317—318* Б IV.
Индерское, оз. 3, 10, 47, 50, 68, 71, 100, 285, 317, *318*, 319, 320 Б IV.
Инкей, сопка 356.
Инрекейскій, пик. Семипалат. у. 408 Р IV.
Инсарка, пос. Омск. у. 368 Л I.
Иргизскій у. Тургайской обл. 61, 62, 94—98, 104, 134, 179, 236, 246, 275, 285, 328, 335, 338—340, *341*, 342.
Иргизско-Хивинскій путь 335.
Иргизъ, р. 13, 16, 17, 52, 53, 94, 95, 97, 335, 339—341
Иргизъ, у. гор. Тург. обл. 14, 59, 174, 290, 304, 328, 335, 337, 338, *440—341* Ж IV.
Ирсары-Анкаты, р. 325.
Иртекъ, р., прит. Урала 8, 12, 47, 84, 330 В Ш.
Иртесъ, уроч. Актюб. у. 327 Д Ш, IV.
Иртецкій, пос. Уральск. у. 290, 330 В Ш.
Иртышская укрѣпленная линія 225 –228, 277, 303, 379—381.
Иртышъ, р. 18—28, 31, 32, 35—41, 45—53, 56, 60—62, 68—70, 88, 91, 94, 100, 106—108, 116, 118, 120—126, 128, 132—134, 137—140, 142, 146, 148—150, 152, 153, 167, 171, 190, 200, 225, 244, 247—249, 274, 279, 284, 287, 288, 292—298, 300, 302, 305, 307, 369, 370, 372, 379—385, 387, 398 — 404, 406—413, 415, 421—423, 432—435.
Иртышъ Черный, р. 19, 20, 30, 34, 36, 40, 120, 132, 142, 145, 151, 200, 248, 294, 416, 417, 434.
Исентемиръ, кирг. родъ 200.

Исенъ-Чагылъ, уроч. Иргизск. у. 328 Е V.
Исенъ-Анкаты, р. 325 Б, В III.
Исиль-Куль, ст. Зап.-Сиб. ж. д. 367 Л I.
Искене, оз. 10, 285 В V.
Исседоны, племя 138.
Истемесъ, ст. Орско-Казал. тракта Актюб. у. 338 Е III.
Исыкъ, ущелье 30, 200.
Итаякъ, могила 365.
Ители, кирг. родъ 200.
Итенгемъ, кирг. родъ 200.
Итпасъ, пик. Семипал. у. 407 П III.
Иттемень, оз. 28.
Ичка, гора 2, 49, 308 А III.
Ишимо-Иртышская степь 50, 95, 100, 148—150, 225.
Ишимская линія см. Горькая линія.
Ишимъ, р. 19, 22, 24, 28, 45, 50—53, 56, 100, 107, 110, 124, 132, 133, 137, 139, 144, 150, 200, 232, 250, 289, 301, 343—346, 353, 354, 357—360, 368, 395.
Ишкирганскія горы 4, 327, 330 Г III.
Ишкирганъ, р. 327.
Ишъ-Чарышъ, прит. горы 35.

Каба, р. 19, 34, 35, 39, 120, 169, 430, 435 У IV.
Кабаній, пос. Петропавл. у. 346 І І.
Кабырга, р., прит. р. Улькай-Яка 342.
Кажи-Бежень, могила 364.
Казаки 27, 61, 69, 122, 149, 154, 155, 169, 176, 182, 186, 187, 195, 225, 226, 228, 237, 238, 244, 248, 250, 253, 273, 277, 319, 340, 341.
Казаки сибирскіе 188—195, 197, 250, 273, 302.
Казаки уральскіе 128, 176, 195—197, 238, 244, 250, 252, 265, 267, 311, 340.
Казанганъ, сопка 396 Л VI.
Казанскій зол. пріискъ Усть-Каменог. у. 414.
Казанъ-Басы, боръ 88.
Казанькъ-Соръ, оз. 18.
Казибека, могила 364.
Казнаковская, д. Усть-Каменог. у. 423, 434 С IV.
Казынбая, могила 362.
Каибъ-Мергенынъ-Кара-Су, логъ 362.
Кайдаулъ, пик. Павлодарск. у. 388 Н III.
Кайнаръ, р. *12*, 66, 328 Г V.
Кайнаръ-Ушакъ, урочище 12.
Каинды, р. 37.
Калбатырь, пик. Темирск. у. 327 Г IV.
Калбинскія горы 36, 45, 66, 88, 91, 92, 119, 152, 408, 414, 434.
Калгутта, р. 35—36.
Калдагайты, р. 326.
Каленовскій, пос. Лбищен. у. 253, 259, 262, 263, *316* В IV.
Калкаманскій, пик. Павлодарск. у. 387 О III.
Калкаманъ, оз. 69, 70, 284, 387, 388.
Калкаманъ, кирг. родъ 200.
Калмакъ-Кырганъ, пик. Темирск. у. 327 Д IV.
Калмыки 40, 139, 144, 146—153, 166, 184, 185, 195, 197, 199, 214, 316, 404, 432.
Калмыковскій у. см. Лбищенскій у.
Калмыковско - Уильскій трактъ 326.
Калмыковъ, ст. Лбищ. у. *316*, 317 В IV.
Калмыкъ-Тологой, гора 414, *415*.
Кальджиръ, р., прит. Иртыша 20, 35—41, 132, 169 Т IV.
Камбасъ, холмы 364.
Камениха, г ра 424.
Каменная, ст. Уральск. у. 309.
Каменный Уметъ, посел. Уральск. у. 331.
Камень, утесъ 433.
Камышловка, р. 369.
Камышловскій логъ см. Горькая линія.
Камышловскій, пик. Петропавл. у. 65, 347 К I.
Камышловскія озера 347, 267.
Камышлы-Булакъ, кол. 342.
Камышъ-Самарскія оз. 9, 110, 264, 316 Б IV.
Канасъ, горы 31, 34, 35, 431.
Канасъ, оз. 19, 168.
Канасъ, р. 35 У IV.
Канглы, кирг. родъ 144, 200.
Кандагачъ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 334 Д IV.
Кандаралы, уроч. Темирск. у. 8, 328, 334 Г V.
Кандауровскій, пос. Гурьевск. у. 263, 321 Б V.
Канджиглы, кирг. родъ 200.
Канъ-Джолъ, дорога 397.
Кани-Берды, мог. 397.
Канкринскій, пос. Акмол. у. 93, 199, *359* Л III.
Канонирская, ст. Семипалат. у. 159.
Кантайка, д. Кокчет. у. 69.
Кантемиръ-Хакъ, солонецъ 318.
Кантадырскій, пик. Атбас. у. 355 І IV.
Кара-Агачъ, уроч. 363, 364.
Карабалыкъ, кирг. родъ 200.
Кара-Баспакъ, оз. 10, 285.
Кара-Батана, оз. 9.
Кара-Батыръ, оз. 17, 336.
Карабашское, оз. 27, 69, 284, 399.
Кара-Булакскій, перевалъ 30.
Кара-Булакъ, пик. Зайсанск. у. 416 Т V.
Кара-Булакъ, р. 30.
Кара-Бутакъ, оз. 285.
Кара-Бутакъ, фортъ Иргизск. у. 172, *339*, 341 Е IV.
Карагай, р. 37.
Карагайлы, горы 93.
Карагайлы, р. 30.
Карагайлы-Кульскій, пик. Кокчет. у. 352.
Караганда, р., прит. Тирсъ-Бутака 335.
Караганда Большая, р. 336.
Караганда Малая, р. 336.
Карагандинскія каменноуг. копи 63, 395 Н IV.
Караганды, уроч. Темирск. у. 327 Г IV.
Караганды, ст. Оренб.-Ташк ж. д. 336 Е IV.
Караганды-Сай, пик. Темирск. у. 328 Г IV.
Кара-Гонда, сопка 44.
Караджальскій, пик. Зайсанск. у. 67, 408, 414 Р IV.
Кара-Джаръ, уроч. 354 — 356.
Каразюкъ, р. 425.
Кара-Ирекскій, пик. Каркар. у. 407 Н IV.
Кара-Иртышъ см. Иртышъ Черный.
Кара-Каба, р. 34, 159, 428.
Каракасъ, кирг. родъ 200.
Кара-Кенгирь, р. 355.
Кара-Кипчака, могила 356.
Каракисянъ, кирг. родъ 200.

Кара-Кога, оз. 362.
Каракольскій, пик. Каркар. у. 407 О IV.
Кара-Кудукъ, уроч. Темирск. у. 326 Г. IV.
Кара-Куль, оз. 364.
Кара-Кумъ, пустыня 14—16, 53, 81, 83, 113, 115, 341 З V.
Кара-Кунакъ, кол. 316.
Кара-Куусъ, сопки 355.
Каракъ, р. 325.
Карамбакъ см. Батпа-Кудукъ.
Карамендинскій, пик. Акмолинск. у. 357.
Кара-Мола, могила 364.
Кара-Мырза, кол. 397.
Кара-Нія, соп. 396.
Караобинскій, пик. Акмол. у. 357.
Кара-Ончыръ, оврагъ 397.
Кара-Сай, р. 362.
Кара-Сай, ст. Орско-Казал. тракта 339 Ж IV.
Карасакалъ, кирг. родъ 200.
Карасорскій, пик. Павлодарск. у. 389 Н Ш.
Кара-Соръ, оз. 29, 45, 50, 392.
Кара-Су, р. 66, 361, 395, 397.
Карасукское, оз. 68, 69, 284 О II.
Каратальская, почт. стан. Петропавл. у 346 К I.
Кара-Тасъ, сопка 362.
Кара-Тау, гора 338.
Кара-Токъ, уроч. 70.
Каратомарскій, пик. Петропавл. у. 347 К. I.
Кара-Тугай, ст. Оренб. Ташк. ж. д. 333. Д Ш.
Кара-Тюбе, пик. Лбищ. у. 326 В IV.
Кара-Тюбе, уроч. Темирск. у. 328 Д V.
Кара-Тюбе, уроч. Иргизск. у. 337.
Караулъ-Тюбе, сопка 397.
Караульная, сопка 410.
Кара-Уткульскій см. Чоганакскій.
Кара-Хобда, р., прит. Илека 327 Г Ш.
Кара - Чаганакъ, заливъ Аральск. моря 338.
Кара-Чеку, сопка 395.
Кара-Чокатъ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 337 Ж. V.
Кара-Чунгулъ, оз. 49, 69, 70, 285, 320 В V.
Карбуга, р. 30.
Каргалы, р., прит. оз. Чубаръ-Тениза 342.
Карджаспая, могила 364.
Кармановская, ст. Гурьевск. у. 11, *319* Б V.
Кармановскій, пос. Лбищ. у. 244, 264, 316 Б IV.
Карнизанъ см. Акъ-Булакъ.
Карповское, с. Семипал. у. 408 Р IV.
Каршыкъ, кирг. родъ 200
Карсанъ-Бай, бугоръ 319.
Каркаралинка, р. 78, 393.
Каркаралинскій у. Семипалат. обл. 28, 45, 61 — 63, 66—70, 118, 121, 122, 124, 140, 228, 232, 234, 274, 278, 283, 286, 290, 301, 360, 391, 394—396, *407—408*.
Каркаралинскія горы 28, 29, 44, 48, 50, 67, 88, 92, 117, 118, 145, 393, 394.
Каркаралинскъ, у. г. Семипал. обл. 139, 152, 174, 283, 303, 360, 387, *393 — 394*, 396, 397, 407, 408.
Каршинскій, пос. Лбищен. у. 316 Б IV.
Каспійское море 12, 15, 50, 53, 68, 72, 73, 76, 78, 115—118, 134, 137, 144, 153, 155, 163, 248, 252, 258, 301, 319—321.
Каульджуръ, р. 46, 336 Е IV.
Каульджуръ, ст. Оренб. - Ташк. ж. д. 336 Е IV.
Качирскій, пос. Павлодарск. у. 22, *383*, 402 Н. II.
Кашаманъ-Тау, горы 317.
Кашкаръ-Ата, оз. 17, 336 Е V.
Кезень, горы 34.
Кемпирскій, пик. Семипалат. у. 407 П IV.
Кендерлыкъ, ст. Зайсанск. у. 63, 417, 435 Т V.
Кендерлыкскій перевалъ 30.
Кендерлыкъ, ключи 364.
Кендерлыкъ, р. 30, 38, 47, 56, 417 Т V.
Кентъ, горы 28, 117, 355, 394 Н, О IV.
Кень-Кіякъ, кол. 397.
Кепели, горы 396.
Кердери, кирг. родъ 200.
Кереге-Тасъ, сопки 409.
Керегенъ-Тасъ, горн. проходъ 30, 417.
Кертенды, сопка 362.
Керъ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 334 Д IV.
Кизиряръ-Чеканъ, уроч. Иргизск. у. 328 Д V.
Кизылъ-Джайма, бродъ 396.
Джингильды, уроч. 356.
Кизылъ-Какъ, оз. 71, 379 М II.
Кизылъ-Куртъ, кирг. родъ 200.
Кизылъ-Кую, зим. Гурьевск. у. 317.
Кизылъ-Мульскій, пик. Семипалат. у. 408 Р IV.
Кизылъ-Рай, горы 14, 28 Н IV.
Кизылъ-Сай, уроч. Темирск. у. 329 Г IV.
Кизылъ-Су см. Зайсанъ.
Кизылъ-Су, р. 37.
Кизылъ - Такыръ - Сорчакъ, солонецъ 364.
Кизыръ-Такыръ, логъ 363.
Кизылъ-Тау, горы 63, 317, 423.
Кизылъ - Ташъ, горы 14, 396.
Кизылъ-Тенеке, сопка 396.
Кизылъ-Убинскій, пос. Лбищенск. у. 315, 316 Б IV.
Кизылъ-Чеку, горы 99, 415.
Кизылъ-Эспе, р. 68, 364.
Кизылъ-Яръ, ст. Орско-Каталинск. тракта 339 Ж IV.
Кизя, киргизск. родъ 200.
Кильмесъ, р. 38.
Кимы, дер. Атбас. у. 45. I Ш.
Кинделинскій, пос. Урал. у. 330 В Ш.
Кинделя, р. 12, 330 В Ш.
Кинджалы, пик. Темирск. у. 327 Г IV.
Кинъ-Тычке, уроч. Темирск. у. 337 Е VI.
Кинъ-Якъ, уроч. Темирск. у. 337 Е VI.
Кипчаки, кирг. родъ 142—144, 200.
Кипчакская орда см. Золотая орда.
Кипчакъ-Бая, могила 363.
Киргизская, ст. Оренб. - Ташк. ж. д. 334 Д IV.
Киргизы 27, 32, 69—71, 99, 103, 115, 117—119, 121, 124, 126, 141—147, 154—157, 161, 163, 164, 169, 172, 175, 177, 182 — 185, 190, 195, 199 — 222, 225, 227—230, 232, 233, 235—241, 244, 248, 250, 270, 272, 275—278, 281—285, 288, 289, 292, 293, 303, 319, 320, 328, 336, 340,

359, 360, 367, 368, 390, 393, 400, 407, 432.
Киргизъ-казаки см. киргизы.
Кирей, кирг. родъ 142, 144, 200, 201.
Киреизъ, кирг. родъ 200.
Кирсановская, ст. Уральск. у. 252, 310, 330 В Ш.
Кисыкъ-Камышевскій, пос. Лбищ. у. 316 Б IV.
Кичкене-Тузъ, оз. 71, 388.
Кіевскій, пос. Акмол. у. 361 Л Ш.
Кіилъ, р. 327 Г IV.
Кіймалы-Кудукъ, пик. Каркар. у. 407 О IV.
Кійтынъ, гора 31, 35, 153, 431 У IV.
Кіялы-Бурты, р. 48.
Ключи, д. Акмол. у. 359.
Кобеневка, рукавъ Иртыша 21.
Кодукты-Сай, колодезь 342.
Кожегулъ Булакъ, р. 66.
Кожембетъ, кирг. родъ 200.
Кожехаровская, ст. Лбищ. у. 259, 315 Б Ш.
Кожехово, пос. Петропавл. у. 367.
Козганъ, кирг. родъ 200.
Козелъ, утесъ 433.
Козловка, р. 37.
Кой-Багаръ, сопка 14.
Кой-Кара, гора 5, 6, 328 Г V.
Койклы-Соръ, оз. 285.
Койлюбай, сопка 396.
Коинды, уроч. Уральск. у. 327 Г Ш.
Койтекъ, могила 395.
Кокай, оз. 26.
Коканское укрѣпленіе см. Джаманъ Курганъ.
Кёкбёрёнъ, кирг. родъ 200.
Кокджарлы, кирг. родъ 200.
Коко-Дабы, плоскогорье 31, 38, 91, 429.
Коконъ, сопка 407.
Кокпектинка, р. 415.
Кокпектинскъ см. Кокпекты.
Кокпекты, вашт. гор. Зайсанск. у. 408, 413, *415—416*, 423, 435 С IV.
Кокпекты, р. 21, 37, 40, 361.
Коксе-Кумъ, пески 363, 365.
Кокчетавскій, пик. Атбаск. у. 355 І Ш.
Кокчетавскій у. Акм. обл. 24, 28, 45, 61, 66, 67, 69, 84, 91, 119, 121, 122, 124, 125, 133, 152, 157—160, 162, 183, 187, 190, 212, 223, 231, 232, 234, 247, 250, 272, 274—277, 279, 284,301, 346, 347 — 351, 355, *358*, 423.
Кокчетавскіе лѣса 88.
Кокчетавъ, у. г. Акм. обл. 26, 152, 173, 174, 303, 348, *349—350*, 51 354, 357—359.
Кокче-Тау, горы 18, 22, 25, 28, 44, 68, 93, 117, 119, 122, 349, 351, 352, 358, 395.
Кокчи-Су, уроч. Гурьевск. у. 321 Г V.
Кокъ-Джидъ, барханы 356.
Кокъ Сенгиръ, оз. 28 Л ІІ.
Кокъ-Сенгиръ, сопка 362.
Кокъ-Талъ, р. 395.
Кокъ-Тасъ, рч. 17, 364.
Кокъ-Тау, гора 26.
Коловертное, мѣстн. Урал. у. 314.
Колутонская, д Атбас. у. 357 К Ш.
Колчектинка, р. 349, 351.
Конская Голова, утесъ 57—58.
Константиновскій, пос. Акмол. у. 395 М Ш.
Контасъ, сопка 44.
Конуръ - Джалъ - Татышъ, сопки 364.
Конъ, р. 29, 105, 110.
Конъ-Крюмъ, логъ 396.
Копа, оз. 26, 349 К ІІ.
Копанинская, ст. Орско-Казал. тракта Иргизск. у. 339 Ж IV.
Копа-Соръ, оз. 336 Е V.
Копча, оз. 25, 104.
Копчи, уроч. 352.
Коробишенскій кряжъ 32, 426.
Коровье Сѣдло, перев. 419.
Коруанъ см. Зайсанъ.
Коряковское, оз. 26, 50, 68, 284, 383, 384, 399 О ІІ.
Косъ-Агачъ, горы 395.
Косъ - Копъ - Гыръ, мѣсторожд. серебра 67.
Косъ Кудукъ, кол. 335, 342, 356, 363, 3 7.
Косъ-Куль, кол. Лбищ. у. 317 В IV.
Косъ-Куль, оз. 41, 355.
Косумовское мѣсторожд. кам. угля Павлодарск. у. 64.
Котельный, пос. Лбищен. у. 316 В IV.
Котонъ-Карагайскій, пик. Усть-Каменног. у. 292, 427, 428 Т IV.
Котонъ-Карагай, р. 38.
Котуркульская, ст. Кокчет. у. 65, 352 Л Ш.
Котуркульское, оз. 351.
Кочотъ, гора 391.
Кочубаево, ст. Зап.-Сиб. ж. д. 368 Л І.
Кошкара-Ата, оз. 12 Е V.
Кошкуль Бай-Кудукъ, кол. 362.
Кошъ-Яицкій, форпостъ Уральск. у. 314.
Красная, ст. Уральск. у. 331 Б Ш.
Красная Глинка, уроч. Уральск. у. 329, 330 В Ш.
Красная Гора см. Кизылъ-Тау.
Красная пещера см. Кизылъ-Унгуръ.
Красная Ростошь см. Красная Глинка.
Красноярскій, пос. Лбищен. у. 166, 317, 411, 433 Б IV.
Красный Яръ, уроч. Омск. у. 379.
Крестовскій, утесъ 20.
Кривой (Кривинскій), пос. Семипал. у. 49, 400, 403 О Ш.
Кривоозерный, пос. Кокчет. у. 346, 350 І Ш.
Круглая, сопка 411.
Кругловскій, пос. Лбищен. у. 316 Б IV.
Кругло-Озерная, ст. Урал. у. 259, 314 Б Ш.
Крутая, р. 411.
Крутоярскій, пос. Омск. у. 381, 402 Н Ш.
Кубитей, сопка 361.
Кугузюкъ-Кумъ, пески 325 В IV.
Кудукъ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 334 Д IV.
Кужбанъ, могила 364.
Куйгунъ, пик. Акмол. у. 362.
Кулагинская, ст. Гурьевск. у. 319 Б IV.
Куланды, полуостр. 337 Е IV.
Куланъ-Кабанъ, сопка 356.
Куланъ - Нуринскій, пик. Акмол. у. 362, 363 Л Ш.
Куланъ-Утмесъ, р. 363 Л IV.
Кулунджакъ, р. 37.
Кулунчакъ, могила 363.
Куль, логъ 356.

Кульмесь, р., прит. Бухтармы 426, 427.
Кумгунаганъ, могила 367.
Кумъ-Асу, перевалъ 335.
Кумъ-Джайляу, кол. 364.
Кумъ-Кудукъ, кол. Гурьев. у. 317 В IV.
Кумъ-Сай, ст. Орско-Казал. тракта 339 Е IV.
Кумысъ-Тюбе, сопки 396.
Кунделенъ, кирг. родъ 200.
Кундузды, горы 31, 32, 427 Т IV.
Кундузды, р., прит. р. Курчума 32, 34, 361.
Куперли - Анкаты, пик. Уральск. у. 325 Б Ш.
Куперли-Анкаты, р. 325.
Курайли, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 333 Д Ш.
Кургальджинъ, оз. 26, 29, 108, 121, 133, 250 К Ш.
Курганскій, пос. Омск. у. 368 М I.
Курганъ-Тузъ, оз. 17, 336 Е V.
Курга-Сыкъ, уроч. Тургайск. обл. 67.
Курдакты, пик. Темирск. у. 327 Г IV.
Курдакты, р. 328.
Курды-Куль, оз. 350.
Куркульдекъ, р., прит. р. Курчума 32.
Курманынъ Кумъ, барханы 14 М VI.
Курсаты, кирг. родъ 200.
Курте, р. 430.
Куртy, перев. 34.
Курчумскіе прііски Усть-Каменног. у. 66.
Курчумскія горы 29, 31, 35, 41, 66, 87, 88, 90, 119 Т IV.
Курчумъ, р., прит. Иртыша 21, 31, 32, 34—36, 38, 40, 132, 434 Т IV.
Курхайскій заливъ 252, 319.
Кусагалы, могила 362.
Кусакъ, р. 394.
Кустанай, у. гор. Тургайск. обл. 163, 172, 174, 180, 235, 290, 292, 341—*343*.
Кустанайскій у. Тургайск. обл. 24, 59, 66, 94, 98, 163, 164, 170, 172, 179, 223, 235, 236, 241, 244, 275, 285, 308, 318, 342, *343*.
Кусь-Да-Кара, уроч. Темирск. у 327.
Кусюкты-Тюбе, сопка 341.
Кутай-Булакъ, пик. Семипал. у. 407 П Ш.
Кутуркульская, ст. Кокчет. у. 358 Л II.
Кутынъ-Булакъ, кол. Тург. у. 342 И V.
Куу, гора 28, 67 О IV.
Куу-Чеку, сопка 63, 93, 395 М Ш.
Кучеки см. Канкринская.
Кучекинскій, пик. 355.
Куянды, пик. Каркар. у. 290, *391—393* Н IV.
Кушумъ, р. 9, 264, 315, 316 Б IV.
Кызъ-Имчикъ, сопка 363, 407.
Кызъ-Кудукъ, колод. 362.
Кызъ-Кыганъ, колодцы 396.
Кызъ-Мола, могила 356.
Кызыбека, могила 363.
Кызылча, сопка 362.
Кыставъ-Курчумъ, р. 66.
Кытабакъ, кирг. родъ 200.

Лайтовка, р. 330.
Латыши 183, 184, 199, 224, 330, 359.
Лбищенская ст. см. Лбищенскъ.
Лбищенскій у. Уральской обл. 96, 237, 238, 290, 315, 325, *326*.
Лбищенскъ, у. г. Уральск. обл. 315.
Лебяженскія озера 367.
Лебяжья, ст. Петропавл. у. 367 Л I.
Лебяжій, пос. Лбищенск. у. 316 Б IV.
Лебяжій, пос. Семипал. у. 281, 399, 403 О Ш.
Лобановскій, пос. Кокчетавск. у. 350, 358 К II.
Лосевскій, пос. Омск. у. 368 Л I.
Люсунъ, пески 328.

Мажибая, могила 362.
Май-Балыкъ, оз. 360.
Майлигоринскій трактъ 407.
Майли-Соръ-Булакъ, ключъ 397.
Майлы, уроч. Темирск. у. у. 334 Д V.
Май-Эмиръ, р., прит. р. Нарыма 32, 426.
Макарова, д. Усть-Каменог. у. 424 Т IV.
Маката, могила 364.
Макинское, сел. Кокчетав. у. 358 Л II.
Максимовка, д. Кокчетав. у. 353.
Максимовское, с. Акмол. у. 357 Л Ш.
Малая киргизская орда 199, 201.
Мало - Вознесенскій, пик. Петропавл. у. 346 К I.
Мало - Красноярскій, пос. Усть-Каменог. у. 422, 423 С IV.
Малонарымка, р. 425.
Мало-Нарымскій, пос. Усть-Каменог. у. 425 Т IV.
Малороссы 176, 183—186, 195, 199, 361.
Мамай, оз. 28 Л II.
Манакъ, р. 362.
Мангытъ, ур. Темирск. у. 329 Г IV.
Мандыбая, могила 362.
Макинскій, пос. Кокчетав. у. 61.
Маралъ-Тюбе, горы 121.
Маринкинъ, городокъ Гурьевск. у. 319.
Маріановка, ст. Зап.-Сиб. ж. д. 368 М I.
Маріинская, д. Атбас. у. 357 К Ш.
Маріинская, д. Усть-Каменогорск. у. 414 С IV.
Маріинскій зол. прііскъ Усть Каменог. у. 64, 414.
Маріинскій, пос. Акмол. у. 379.
Марка-Куль, оз. 20, 34—36, 40, *41*, 126, 132, 159, 169, 417, 427, 428 Т IV.
Марка-Кульскія горы 41.
Маркасъ, проходъ 428, 429.
Маскаръ, кирг. родъ 200.
Матабая, могила 362.
Матай, пески 335.
Матеня, нефт. источн. 317.
Махильникъ, р. 418.
Маячная, сопка 49, 339.
Медвѣдка, р., прит. Тагаса 426.
Медвѣжья, ст. Зап.-Сиб. ж. д. 367 Л I.
Мельде-Куль, оз. 13, 341 Ж IV, V.
Мельничный, пос. Омск. у. 368 М I.
Менреу-Карагай, лѣсъ 93.
Мергеневскій трактъ 304.
Мергеневскій, пос. Лбищ. у. 315, 316 Б IV.
Меркизъ, кирг. родъ 200.
Мечеть, с. Усть-Каменог. у. 423.
Мечке-Соръ, оз. 218 К IV.
Мизгильская, почт. ст. Кокчетав. у. 347 К II.

Михайловка, д. Кокчет. у. 353 К II.
Мій-Кайнары, уроч. Акмол. у. 362, 366 К V.
Міюръ, р. 342.
Моинты, р. 17, 397.
Монастырскія сопки 413.
Монастырь, утесъ 433.
Монголы 139, 142, 147, 153, 183, 199, 202, 203.
Монракъ, горы 416 С V.
Моральдинскія горы 352.
Мордва 195, 408.
Москаленка, пос. Омск. у. 368 Л I.
Мохнатая, сопка 42.
Моюнъ-Кумъ, пески 14 И V.
Мугоджарская, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 335 Е IV.
Мугоджарскія горы 2, 4—8, 12, 13, 15, 17, 45—49, 53—55, 67, 94—98, 118, 120, 140, *334—339*.
Муильды, рч. 30.
Муканъ, пик. Акмол. у. 359 Л III.
Мукуту-Джамча, р. 395.
Мулку, кирг. родъ 200.
Мултынбай, пик. Кокчет. у. 358 Л II.
Мунчактинская лѣсн. дача Акмол. у. 93, 119, 122, 275, 358 Л III.
Мурджикъ, горы 67 О IV.
Муруны, кирг. родъ 200, 201.
Мустана, коп. Тург. у. 342 И V.
Мусъ-Тау, горы 30 Т V.
Мухорская, ст. Лбищ. у. 316 Б IV.
Мухоръ, р. 316, 407 А, Б IV.
Мушеке-Булакъ, пик. Каркарал. у. 407 О. IV.
Мынъ-Булакскій перевалъ 32.
Мынъ-Су-Алманъ, уроч. Гурьев. у. 321, 329 Г VI.

Надеждинскій, пос. Петропавл. у. 346 К I.
Найда-Кескенъ, горы 396.
Найманъ, кирг. родъ 142, 144, 200, 201.
Нарымскія горы 29, 31, 32, 34, 56, 66, 87, 88, 90, 91, 107, 110, 119, 137, 169, 421, 423, 425—428, 434 Т IV.
Нарымъ, р., прит. Иртыша 20, 21, 32, 36, 38, 40, 45, 47, 51, 56, 91, 107, 132, 137, 152, 153, 168, 169, 423, 424, 426, 433, 434 Т IV.
Нарымъ-Каба, р. 35.
Нарынка, рукавъ р. Урала 252, 319.
Немоляковъ, пос. Усть-Каменогор. у. 424.
Нижне-Бурлукскій, выс. Кокчет. у. 351.
Нижне-Эмбенскій, посел. Гурьев. у. 320, 328 В V.
Нижне-Яицкая дистанція 155.
Николаевская, д. Усть-Каменогор. у. 408 Р IV.
Николаевская, ст. Омск. у. 368 Л I.
Николаевскій, пос. Акмол. у. 395 Л III.
Николаевскъ см. Кустанай.
Никольскій зол. пріискъ Усть-Каменог. у. 414.
Никольскій мѣдн. рудн. Атбас. у. 355 I V.
Никольское, с. Акмол. у. 93, 358 Л II.
Ніязъ, горы 28, 45, 92 М III.
Ніязъ, р. 22.
Новая, д. Семипал. у. 409.
Новенькій, пос. Уральск. у. 331.
Новинка, д. Омск. у. 402 М I.
Ново-Александровская, д. Атбас. у. 357 К III.
Ново-Никольскій, пос. Петропавл. у. 346 К I.
Ново-Озерный, пос. Урал. у. 48, 332 Б III.
Ново-Покровскій, пос. Кокчетавск. у. 346 I II.
Новороссійская, д. Петропавлов, у. 366 К I.
Новорыбинская, ст. Акмол. у. 358 Л III.
Новорыбинская, ст. Петропавлов. у. 348 I I.
Ново-Станскій, пос. Омск. у. 380.
Ново-Черкасская, д. Акмол. у. 357.
Новый, пос. Омск. у. 402 М I.
Ногай-Кудукъ, кол. 365.
Ногайцы 149, 150, 200.
Нора см. Эспе.
Нура, р. 26, 29, 44—46, 94, 105, 110, 133, 142, 144, 250, 289, 301, 360—363, 395 М III.
Нурбай-Тау, горы 317, 318.
Нуркутая, зимовка 355.
Нѣмцы 199, 359, 360.

Обалы-Джалъ, уроч. 67.
Огневка, р. 37.
Огульгунъ, перев. 34.
Озерновскій см. Ново-Озерный.
Озерный, пос. Кустан. у. 88.
Озерный, пос. Семипал. у. 409 Р III.
Озерскій, пос. Уральск. у. 331 В III.
Ойратскій союзъ калмыковъ 146.
Окуневка, рук. Иртыша 21.
Окъ-Джепесъ, сопка 351.
Омскій постъ Зап.-Сиб. ж. д. 369.
Омскій у. Акмол. обл. 24, 28, 70, 71, 112, 162, 183, 231, 232, 250, 277, 283, 305, 360, 367, 370, *381*.
Омскъ, обл. гор. Акмол. обл. 18, 21. 22, 25, 27, 50, 56, 61, 70, 102, 106, 108, 118, 132, 136, 137, 146, 149, 151, 152, 160, 161, 171—174, 180, 199, 213, 221, 249, 273, 275, 281, 284—287, 290—298, 300, 302—305, 311, 359, 366, *379—380*, 382, 386, 399, 401, 402, 407 М I.
Омскъ, ст. Зап.-Сиб. ж. д. 306, 369.
Омь, р., притокъ Иртыша 21, 106, 137, 146, 150, 151, 300, 370, 372, 377, 379 М I.
Оразъ-Улькукъ-Соръ, оз. 284.
Орда, горы 92.
Орловка, р. 411, 412.
Орловская, ст. Гурьев. у. 319 Б IV.
Оренбургская крѣпостная линія 152, 288, 302.
Оренбургское казачье войско 155, 341.
Оренбургско-Ташкентская ж. д. 301, 304, 305, 307, 333—338.
Оренбургско-Ташкентскій трактъ см. Орско-Казалинскій.
Оренбургско-Уральскій трактъ 304, 314, 329.
Орь, р. 95, 97, 139, 338 Е III.
Орско-Казалинскій трактъ 246, 304, 337, 342.
Осиновка, р. 37.
Осиха, р. 410.
Осока, р. 110.
Осокоревая Ростошь, уроч. Уральск. у. 332.
Острая, гора 425.
Оструха, горы 424.

Остязъ, гора 425.
Осьморыжскій, пос. Павлод. у. 382, 383, 402 Н II.
Отельбая, мельн. 397.

Павловскій, посел. Петропавл. у. 345.
Павлодарская, ст. Павлод. у. 386.
Павлодарскій у. Семипал. обл. 21, 26, 28, 46, 61, 63, 67, 69—71, 121, 134, 156, 228, 232, 272, 278, 279, 378, 381, 398, *399*.
Павлодаръ, у. г. Семипал. обл. 22, 50, 64, 70, 108, 139, 174, 279, 281, 283, 284, 294, 297, 298, 303, 307, 379, *384—387*, 394, 398, 400, 403 О II
Паскевича, заливъ 337 Е V.
Переметная, ст. Покровско-Уральск. ж. д. 309 Б III.
Перетаскъ, прот. р. Урала 11.
Пестренькое, оз. 346.
Песчаное, оз. 383.
Песчаный, мысъ 40.
Песчаный, пос. Павлод. у. 290, 383, 402 О II.
Песчаный, пос. Петропавл. у. 346 И I.
Петровская, д. Акмол. у. 357.
Петровскій, пос. Кокчет. у. 353 К II.
Петропавловская, ст. Петропавл. у. 65, 345.
Петропавловскій у. Акмол. обл. 24, 59, 94, 112, 119, 124, 158—160, 162, 179, 187, 231, 232, 234, 244, 250, 275—287, 283, 289, 305, *367—368*.
Петропавловскъ, у. г. Акм. обл. 25, 50, 145, 152, 160, 161, 171, 173, 174, 180, 220, 287, 288, 291, 292, 303, 305, 306, *343—346*, 358, 359, 366, 368, 379 К I.
Печенѣги 141.
Пинное, оз. 367.
Пихтовка, р. 37, 418, 420.
Плоскій, пос. Петроп. у. 366 К I.
Подпускной, пос. Семипал. у. 399, 403 О III.
Подстепный, пос Павлодар. у. 398, 403 О II.
Подтяженскій см. Чижинскій 3-й пос.
Покровская, д. Семипал. у. 408.
Покровская, д. Акмол. у. 357 Л III.
Покровская, ст. Омск. у. 380, 402 М, Н I.
Покровскій, пос. Омск. у. 363 М I.
Покровско-Уральская ж. д. 237, 304—306, 308—310, 313, 329.
Половинная, р. 410.
Половцы 141.
Полтавская, д. Петропавл. у. 366 К I.
Полуденная вол. Петропавл. у. 367.
Полуденный, разъѣздъ Зап.-Сиб. ж. д. 367 К I.
Поляки 170, 184, 185, 195, 199.
Поповка, д. Омск. у. 402.
Прапорщикова, д. Усть-Каменогор. у. 167, 412, 432 С III.
Прапорщикова шивера, мель 432.
Поповскій, золот. пріискъ Усть-Каменог. у. 414
Преображенскій, пос. Зайсанск. у. 423 С IV.
Преображенское, с. Акмол. у. 199, 360 Л III.
Прибалхашскія равнины 15, 99.
Призайсанская равнина 30, 37, 52, 415.
Прирѣчный, пос. Кокчетав. у. 352 К II.
Прорва, остр. 272, *320—321*, 324 В VI.
Прорывной, пос. Кустан. у. 88.
Проходная, р. 418.
Проходное, ущелье 419.
Прѣсновская ляга 383.
Прѣсновская, ст. Петропавл. у. 346, 353 I I.
Прѣсновское, оз. 383.
Прѣсногорьковская, ст. Петропавл. у. 346 И I.
Прѣснуха, р. 370.
Прѣсный, пос. Павлодар. у. 383, 402 О II.
Пьяноярскій, пос. Семипал. у. 20, 410 Р III.
Пятимарскій, пос. Лбищ. у. 316 Б IV.
Пяторыжскій, пос. Павлодарск. у. 22, 109, 137, *382*, 402 Н II.
Пѣтухъ, утесъ 20, 421, 433.

Ракушечья, прист. Гурьев. у. 272, 324 Б V.
Рамоданъ, кирг. родъ 200.
Редутскій, пос. Гурьев. у. 321 Б V.
Родники, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 336 Е IV.
Рождественскій, пос. Акмол. у. 360 Л III.
Романовскій, пос. Акмол. у. 199, 361 Л III.
Рубежная, р. 12.
Рубежная, ст. Уральск. у. 329 Б III.
Рудничная, гора 425.
Рязанско-Уральская ж. д. см. Покровско-Уральская.

Сабунды-Куль, оз. 390.
Саганай, могилы 362.
Сагизъ, р. 8, 10, 49, 69, 96, 110, 116, 319, 320, 327—329 Г IV.
Садакъ-Булакъ, ключъ 397.
Сазанбай, кол. 342.
Сайндыкъ, уроч. Темирск. у. 327 Г IV.
Сакрылъ Большой, оз. 264, 309.
Сакрылъ Малый, оз. 309.
Сакрылъ Рыбный, оз. 9, 315 А IV.
Саксаульская, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 337.
Салкынъ-Чеку, горы 35.
Саменъ, могила 364.
Саменъ-Кумъ, пески 364 К V.
Самъ, оз. 12, 335 Д VI.
Сандыктавская, ст. Кокчет. у. 353, 355 К II.
Сандыкъ-Тау, горы 119, 122, 352.
Санкыбай, уроч. Темирск. у. 328 Г V.
Сантасъ, гора 3, 49, 325 Б III.
Сарайчикъ, ст. Гурьев у. 319, 321, 322, 335 Б V.
Сарайчиковско-Хивинская дорога 329.
Сары-Лы, ст. Орско-Казал. почт. тракта 339 Ж IV.
Саротанъ, сопки 409.
Сартавскій, пик. Павлодар. у. 391 Н III.
Сартъ-Мола, могила 356.
Сартъ-Тологой, гора 415, 416.
Сарты 184, 199, 228.
Сарыбасъ, кирг. родъ 200.
Сары-Булакъ, р. 65.
Сары-Булакъ, рч. 30.
Сары Булакъ, ключъ 342, 362.

Сары-Булакъ, пик. Зайсан. у. 416 С V.
Сары-Джумартъ, кирг. родъ 200.
Сары-Камышъ, пик. Актюб. у. 338.
Сары-Кульджа, горы 14.
Сары-Кумъ, пески 15, 342.
Сары-Мола, могила 396.
Сарымсакты, горы 31, 32, 34, 35, 428 Т IV.
Сарымсакты, р., прит. р. Кульмеса 427.
Сары-Муинъ. оз. 342.
Сары-Су, р. 14, 16, 17, 28, 52, 53, 94, 99, 133, 134, 144, 147, 301, 356, 364, 366.
Сары-Тау, горы 29, 35, 36, 90, 391.
Сары-Туменекъ, гор. 30.
Сары-Тургай, р. 99 И Ш.
Сары-Уба, бугоръ 339.
Сары-Хобда, р., прит. р. Кара-Хобды 327.
Сары-Чеку, горы 32.
Сасай, гора 3, 325 Б Ш.
Саспанъ, кол. Лбищ. у. 317 В IV
Сасыкъ-Булакъ, ключъ 397.
Сасыкъ-Куль, оз. 42, 359.
Саумалъ-Куль, оз. 350.
Саурумбай - Казганъ, кол. 396.
Сауръ, горы 2, 29—31, 45, 47, 56, 83, 84, 87, 90, 91, 117—121, 126, 416, 434 Т V.
Сахарная, ст. Лбищ. у. 316 Б IV.
Святой, ключъ 401, 404.
Себинскій, пик. Усть-Каменогорск. у. 414 С IV.
Селезневка, р. 37, 420.
Селейкъ-Саганъ, кол. 363.
Селеты-Денгизъ, оз. 25, 27, 28, 379 М П.
Селеты, р. 22, 27, 28, 44, 56, 105, 106, 366, 379, 395 М П.
Семей-Тау, горы 36, 107, 407 П Ш.
Семеновское, с. Акмол. у. 357.
Семиглавый Маръ, ст. Уральско-Покровск. ж. д. 306, 308, 309 А Ш.
Семизъ-Бугу, кам. уг. мѣсторожд. 63.
Семизъ - Найманъ, кирг. родъ 200.
Семипалатинская, крѣп. 146, 151, 214, 294, 401.
Семипалатинская обл. 27, 31, 38, 73, 137, 141, 142, 146, 148, 152, 155, 156, 158—161, 163, 164, 171—173, 175—177, 180—184, 198, 200, 214, 222—225, 229—236, 240, 246, 249, 272—274, 276—279, 282—284, 286, 289—292, 305, 307, 352, 372, 381, 384, 385, 392, 393, 395, 408, 410—412.
Семипалатинскій у. 67, 70, 91, 106, 121, 159, 179, 204, 223, 231, 232, 273, 290, 294, 399, *410—411*.
Семипалатинскъ, обл. г. 21, 36, 44, 61, 69, 70, 74, 86, 106, 107, 109, 117, 132, 152, 171, 173, 174, 220, 225, 273, 274, 281, 292, 294—298, 300, 303, 378, 379, 385, 387, 394, 398, 401, *404*—408, 410, 411, 414, 417, 432, 434.
Семіярская, ст. Семипал. у. 400, 404 П Ш.
Семь Братьевъ, пороги на Иртышѣ 20, 433.
Сенжарскій, пос. Петропавлов. у. 346 І І.
Сенташъ, перев. 414.
Сенташъ, пик. Усть-Каменогорск. у. 414 С IV.
Сенькинъ-Разбой, рукавъ р. Иртыша 433.
Сергіевское, кам.-уг. мѣстор. 63.
Серебрянка, р. 420.
Сибирская ж. д. см. Западно-Сибирская.
Сибирская линія см. Горькая линія.
Сибирскій, пос. Петропавл. у. 346.
Сибирское казачье войско 175—177, 179, 224.
Сибиряки 184—188.
Сирге-Адыръ, сопки 396.
Сіирлинскій, пик. Каркар. у. 393 Н IV.
Скворкинская, ст. Уральск. у. 259, 314 Б Ш.
Сламихинская, ст. Лбищ. у. 264, 309. 315 А. IV.
Слюденка, сопка 410.
Собачья Нора, ущелье 20.
Соболевская, ст. Уральск. у. 332 Б. П.
Соколокъ, прот. Урала 321.
Солдатово см. Таловка.
Соленая, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 336 Е IV.
Солоновка, р., прит. р. Малонарымки 425.
Солтанъ-Кельды, оз. 26.
Соляной, пос. Омск. у. 380, 402 Н І.
Солянка, р. 48, 325 Б Ш.
Сопанъ Соръ, оз. 362.
Сорнокай, перев. 429.
Сорочинскій, пос. Гурьев. у. 321 Б V.
Соръ-Булакъ, ключъ 363.
Сосновка, д. Омск. у. 402 М І.
Софійскій, пос. Акмол. у. 379 Л Ш.
Спасскій мѣдн. зав. Акмол. у. 395 М IV.
Средняя, р. 411.
Средняя киргизская орда 199, 200, 201.
Становое, оз. 7, 69.
Становой, пос. Петропавл. у. 346 К І.
Старо-Семипалатинскій, посел. Семипалат. у. 401 П Ш.
Старцева Ростошь, овражъ Уральск. у. 332.
Старый Маякъ, оз. 383.
Стеклянскій, пос. Семипал. у. 401, 404.
Степановье, оз. 285
Степной, пос. Омск. у. 368 М І.
Степокъ, пос. Омск. у. 368 Л І.
Степокъ, пос. Акмол. у. 379 Л Ш.
Студеная, ст. Уральск. у. 330 В Ш.
Сулама, уроч. Темирск. у. 337.
Сулу-Куль, оз. 362.
Сургута, зим. Атбас. у. 355 І V.
Суръ-Куль, оз. 67.
Сухорѣчка, пос. Уральск. у. 331 В. Ш.
Суюнотыкъ см. Айдобыль.
Сындыкъ-Тасъ, горы 423.
Сыпа, оз. 27.
Сыртъ Бѣлый, мѣл. кряжъ 332.
Сыртъ Общій, кряжъ р. 2, 8, 12, 46, 48, 55, 59, 69, 83, 84, 94, 95, 118, 308, 309, 314, 332.
Сѣверная, р., прит. Смолянки 419.
Сѣверный, пос. Усть-Каменогор. у. 418, 419 С IV.
Табанъ-Кудукъ, кол. 364.
Табаты, долина 430.
Табыкъ, кирг. родъ 200.
Табынъ-Богдо-Ола, гора 31, 35, 431.
Таволжанка, р. 422.
Таволжанская, д. Акмол. у. 357 К Ш.

Таволжанское, оз. 69, 399.
Таволжанское Большое, оз. 284.
Таволжанское Малое, оз. 284.
Тагасъ, р., прит. р. Кульмеса 426.
Тазларъ, кирг. родъ 200.
Тазъ-Мечеть см. Акъ-Мечеть.
Тай-Джугенъ, пик. Зайсанск. у. 416 С V.
Тайду-Згунъ, рч. 30.
Таинчи, уроч. Петропавл. у. 291, 366 К I.
Тайсуйганъ, пески 317 В IV.
Така, кирг. родъ 200.
Такаръ, пик. Актюб. у. 338 Е Ш.
Такыръ, рч. 36.
Талдинскій, пик. Каркар. у. 407 Н IV.
Талды, р. 392, 407.
Талды-Булакъ, ключи 396.
Талды-Булакъ, рч. 30.
Талды-Кумъ, пески 341.
Талды-Эспе, оз. 336.
Талицкій, пос. Семипал. у. 409, 432 Р Ш.
Талмаса, могила 356.
Таловка, д. Усть-Каменог. у. 168, 425, 42[illegible] Т IV.
Таловка, р., прит. р. Нарыма 32, 332, 426.
Таловскій, пос. Лбищ. у. 309, А Ш IV.
Таловскій, пос. Уральск. у. 331.
Тама, кирг. родъ 200.
Тамаръ-Кудукъ, уроч. Иргизск. у. 328 Д V.
Тамгала-Соръ, солончаки 14.
Тамгалы-Тасъ, уроч. 364.
Тамдинскій, пик. Атбас. у. 355 I IV.
Тамды, пик. Актюб. у. 338, 342 Е IV.
Тамды, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 334 Д IV.
Танабуга, кирг. родъ 200.
Тантай, горa 396 К VI.
Тарангуль, оз. 26.
Тарбагатай, горы 2, 13, 14, 28—31, 35, 36, 45—47, 56, 70, 83, 87, 110, 117, 118, 126, 134, 145, 153, 200, 208, 210, 301, 370, 415, 416, 434.
Тасты-Бутакъ, пик. Актюб. у. 338 Е Ш.
Тасты-Курганъ см. Ташкентское укрѣпленіе.
Тасъ-Кичу, уроч. Гурьевск. у. 320, 329 В V.
Тасъ-Кудукъ, кол. 364.
Тасъ-Суатъ, оз. 363.
Тасъ-Тау, гора 30.
Тасъ-Уткульскій бродъ 356 I V.
Татарскій, пос. Омск. у. 381, 402 Н II.
Татары 146, 150—153, 155, 176, 184, 185, 195, 197, 200, 228, 317, 322.
Таубинская, д. Семипалат. у. 408 Р IV.
Тау-Текеле, горы 34, 35, 91, 430.
Ташкентское, укрѣпл. 396.
Тебези, рч. 30.
Теке, озеро 28, 104, 106, 283, 379 М II.
Телегонъ, ключъ 396.
Телькара, р., прит. оз. Дурункча 341.
Телюгень, оз. 10 В V.
Телюгень-Ушакъ, уроч. Гурьевск. у. 13.
Темиръ, р. 95, 163 Д IV.
Темирская, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 334 Д IV.
Темирскій у. Уральск. обл. 96, 238, 317, 3[illegible]0, 321, 326, 328, 329, 333—334, *335*, *336*, 337.
Темиръ, у. гор. Уральск. обл. 304, 327, *334* Д IV.
Тенизъ, оз. 26, 28, 29, 104, 110, 134 К III.
Тентякъ-Соръ, грязь 10, 285, 337 Ж V.
Тентякъ-Соръ, солончакъ 341.
Теплый, пос. Уральск. у. 331.
Терекли, ст. Орско-Казалинск. тракта 304, 341 Ж V.
Терекнынъ-Эспенымъ, р. 396.
Теректы, р. прит. р. Нарыма 32.
Теренъ-Узякъ, ст. Орско-Казал. тракта Иргизск. у. 339 Ж IV.
Терсеканъ, р. 58, 328.
Терсеканъ-Кумъ, уроч. Темирск. у. 328 Д V.
Терсъ-Айрыкъ, рч. 30.
Терсъ-Аканскій, пик. Атбас. у. 354 I Ш.
Терсъ-Аканъ, р. 354, 355.
Терсъ-Секанъ-Сай, логъ 356.
Тесте-Кара-Су, р. 395.
Тесъ-Булакъ, уроч. 396.
Тесь Тузъ, оз. 396.
Тетерикъ-Тау, гора 326.
Тили-Куль, оз. 16.
Тирсъ-Бутакъ, р., прит. р. Ори 338.
Тиханово ущелье 51.
Тлемисъ, могила 364.
Тлень-Джартасъ, пик. Акмол. у. 362 Л IV.
Тлеу, кирг. родъ 200.
Тоболъ, р. 13, 18, 19, 24, 25, 44, 49, 50, 53, 88, 94, 98, 100, 102, 107, 108, 132, 133, 137, 139, 144, 146, 150, 154, 171, 200, *342*, 343.
Тобулгалы-Конуръ, барханы 364.
Тобуклы, кирг. родъ 200.
Тоголай, возв. 45.
Тоголой, оз. 5, 328.
Тогузъ-Кенъ, горы 337 Е, Ж V.
Тогузъ-Кенъ, сопки 363.
Тогузъ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 337 Ж V.
Тогушкенскій, пик. Атбас. у. 355 I Ш.
Той-Тюбе, сопка 363.
Той-Уткульскій бродъ 365.
Токобай, уроч. 364.
Токпанскія горы 392.
Токрау, р. 395.
Токумъ-Тыканъ, кол. 396.
Токуши, пос. Петропавл. у. 367 К I.
Токуши, ст. Зап.-Сиб. ж. д. 366 К I.
Толстуха, гора 32, 424, 426.
Топаръ, могила 364.
Тополевка, рукавъ Иртыша 20.
Тополинскій, пос. Гурьевск. у. 319 Б IV, V.
Топольный, мысъ 40, 434.
Торгоуты, племя 146.
Трекинскій, пос. Уральск. у. 329 Б Ш.
Тугуркайнъ, уроч. Гурьев. у. 320 Г V.
Туза, рч. 99.
Туки, кирг. родъ 200.
Тулубай, гора 395.
Тульскій боръ 274.
Тумараши, д. Усть-Каменогор. у. 424, 434.
Турайгыръ, кирг. родъ 200.
Тургай, р. 16, 28, 133, 150, 341.
Тургай, у. гор. Тург. обл. 172, 290, 304, *341* З IV.
Тургай-Камышъ, уроч. Темир. у. 328 Г V.
Тургайская обл. 46, 48, 49, 59, 67, 120, 122, 125, 128, 141, 146, 148, 153, 154, 156, 163, 172—176, 178, 180—

184, 199, 200, 222, 223, 235, 237, 240, 241, 246, 248, 250, 273, 275—278, 284, 285, 288—292 301, 304, 307, 308, 327, 328, 333—335, 338, 340, 341, 343, 355.
Тургайскій у. 61, 62, 94, 98, 104, 172, 179, 236 285, *342*.
Турку-Бай, кол. Лбищ. у. 317. В V.
Турушъ, уроч. Актюб. у. 327.
Тутъ-Булакъ, кол. Тург. у. 342 И V.
Туще-Уртъ, уроч. Темирск. у. 328 Д V.
Туючка, кирг. родъ 200.
Тщебасъ, заливъ 337 Е V.
Тѣсная, р. 419.
Тюбе-Кудукъ, кол. Темирск. у. 327 Г IV.
Тюлекъ, пик. Темирск. у. 326 В IV.
Тюль-Кулю, сопки 395.
Тюсъ-Каинскій, пос. Усть-Каменог. у. 160, 169, 428 У IV.
Тяпка, р., рукавъ Иртыша 21, 385.

Уафи-Тшканъ, оврагъ 397.
Уба, р., прит. Иртыша 21, 38, 39, 296, 298, 300, 410 Р Ш.
Убаганъ, оз. 24, 38, 59, 60, 95, 342, 343 И Ц.
Убалы, перев. 34.
Убіенное, оз. 383.
Уванасъ, кол. Акмол. у. 363 К VI.
Уванъ-Гирей, кирг. родъ 200.
Уваровская, д. Усть-Каменог. у. 411.
Узень Большой, р. 3, 9, 96, 115, 252, 264, 309, 315.
Узунъ-Булакскій, пик. Семипал. у. 408 Р IV.
Узунъ-Кайракты, р. 339.
Узунъ-Соръ, оз. 63, 384.
Узунь, кирг. родъ 200.
Узюнъ, гора 67.
Узюнь-Булакъ, р. 66.
Узянъ-Валюзинъ см. Яицкій городокъ.
Уй, р., прит. р. Тобола 24, 49 З I.
Уйгуры, племя 141.
Уйдене, р. 416.
Уйдонскій проходъ 30.
Уилъ, р. 3, 4, 8, 10, 69, 70, 96, 163, 316, 317, 324, 326—329.
Уилъ см. Уильское укрѣпленіе.
Уильское, укрѣпл. Темирск. у. 4, 163, 320, *326—327*.
Уильско-Темирскій трактъ 304, 314.
Уильско-Усть-Уртская дорога 329.
Уйсюнъ см. Усунь.
Уй-Тасъ, уроч. Гурьевск. у. 328 Г V.
Уй-Ташъ, гора 327.
Укекскій, ледн. 35.
Укокъ, пик. Усть-Каменог. у. 430, 431.
Укокъ, плоскогорье 430.
Уланъ-Кара, горы 35.
Уласты, рч. 30, 417.
Улента, р. 45, 325 М Ш.
Улье-Акъ-Мечеть, гора 355.
Ульпанъ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 336 Е V.
Улугузскій, пик. Семипалат. у. 408 П Ш.
Улу-Джиланчикъ, р. 342 И IV.
Улутавскій, пик. Атбас. у. 354—356 І IV.
Улу-Тау, горы 14, 28, 99, 200, 355 І IV.
Ульба, р., прит. Иртыша 21, 37—39, 78, 298, 300, 412, 418 С Ш.
Ульбинская, ст. Усть-Каменог. у. 213, 418 С IV.
Улькай-Якъ, р. 342 З IV.
Улькунъ-Джизды-Кенгиръ, р. 355.
Улькунъ-Карой, оз. 28.
Улькунъ-Тологой, сопка 364.
Улькунъ-Чекомекъ, сопка 362.
Ундюръ Бирюкъ, сопки 430.
Уралъ, р. 2, 3, 8, 10—12, 47, 48, 50, 52, 53, 62, 66, 68, 83, 84, 86, 94—96, 107—109, 113, 115, 116, 118—120, 124, 126, 128—131, 133, 134, 137, 139, 140, 144, 146, 148, 153—155, 196, 200, 244, 248, 250, 252—256, 258, 262—264, 267—270, 293, 301, 302, 308—311, 314—319, 321, 322, 324—326, 329—331, 333, 338.
Уральская обл. 12, 46, 48, 50, 54—56, 58, 59, 62, 66, 69, 70, 79, 96, 98, 109, 120, 122, 124, 128, 141, 148, 153, 163, 173—176, 178, 180—182, 184, 199, 200, 222, 223, 235—237, 240, 244, 246 271, 273, 274, 277, 278, 284—286, 289—292, 301, 304, 307—309, 313, 314, 317, 320, 322, 324, 329—331, 333—335, 337.
Уральскій у. 61, 96, 179, 223, 235, 237, 238, 325, *333*.
Уральско-Уильскій трактъ 314, 317, 324—326.
Уральское казачье войско 47, 128, 175—177, 179, 197, 237, 260, 269, 271.
Уральское укрѣпл. см. г. Иргизъ.
Уральскъ, обл. гор. 3, 10, 11, 49, 74, 173, 174, 212, 252—254, 259, 260, 262, 271, 273, 292, 304, 366, *309—314*, 319, 322, 324, 329, 331, 333 Б Ш.
Урда-Тау, горы 36.
Уркачъ, оз. 285.
Урлютюпъ, ст. Павлодарск. у. 109, 381, 382 Н П.
Уртенъ-Джурюкъ, р. 32.
Урумсай, р. 354.
Урумсамскій, пик. Атбас. у. 354 І Ш.
Урундукъ, возв. 3, 4, 326.
Урундукъ, пик. Темирск. у. 326 Г IV.
Урунхайскій, пик. Усть-Каменог. у. 413, 415 С IV.
Уръ-Чеку, возвыш. 45.
Урыльскій, пос. Усть-Каменог. у. 38, 427—429.
Урянхайцы, народъ 165, 166, 432.
Усолка, протокъ 403.
Успенскій зол. пріискъ Усть-Каменог. у. 414.
Усть-Заостровскій, пос. Омск. у. 379, 380, 402 М I.
Усть-Каменная крѣп. см. Усть-Каменогорскъ.
Усть-Каменогорскій у. Семипалат. обл. 29, 61, 66, 68, 70, 71, 74, 84, 119, 121, 122, 183, 187, 188, 223, 233, 234, 248, 272, 273, 274, 278, 283, 297, 408, *434*.
Усть-Каменогорскъ, у. г. Семипалатин. обл. 20, 22, 36, 37, 45, 47, 86, 90—92, 94, 107, 117, 132, 139, 146, 147, 151, 167, 174, 283, 293, 294, 297, 302, 303, 379, 380, 408, 411, *412—413*, 414, 415, 417—419, 432, 433.
Усть-Кемпиръ, оз. 10.
Усть-Нарымская см. Тумараши.

Усть-Уртъ, плоскогорье 7, 8, 9, 12, 14, 46, 53, 54, 320, 321, 328, 329, 334—336.
Усунь, народъ 140, 141, 201.
Утва, р., прит. Урала 3, 8, 48, 50, 52, 66, 96, 325, 330 В Ш.
Уте-Сюкъ, рч., прит. р. Хобды Малой 327.
Уткатанъ, гора 67.
Утъ-Курманкеръ, горы 35.
Учъ-Булакъ, горы 32.
Ушканъ, родники Гурьевск у. 320 І V.
Ушкунгуй, перевалъ 34.
Ушъ-Куль, оз. 364.

Фанбольскій, хут. Усть-Каменог. у. 409.
Федоровская, почт. ст. Кустан. у. 342 З П.
Феклистовка, р. 37.
Феклистовскій, пос. Усть-Каменогор. у. 418, 419 С IV.

Хабаръ-Асу, перевалъ 30, 301, 416 С Х.
Хаиръ-Кумынъ, р. 38.
Хайрюзовка см. Чиркаинъ.
Хайрюзовка, д. см. Татарская.
Хайрюзовка, р., прит. р. Нарыма 32.
Хандыкуль, уроч. Темирск. у. 317, 326 В IV.
Ханкуль, пик. Уральск. у. 324, 325 Б Ш.
Ханскія высоты 333.
Харкинскій, пос. Гурьевск. у. 317 Б IV.
Хатынъ-Су, ключъ 396
Хунъ-Хуту-Норъ см. Зайсанъ.
Хобда Большая, р. 48, 66, 327.
Хобда Малая, р., прит. р. Хобды Большой 48, 66, 325.
Хобланда, уроч. Актюб. у. 327 Г Ш.
Ходжа-Булакъ, уроч. Иргизск. у. 337 Е V.
Хонзы, племя 146.
Хошоуты, племя 146.
Худай-Куль, оз. 50.

Царскій пос. см. Атаманскій хут.
Цвѣточная Ростошь, логъ Уральск. у. 48, 332 Б Ш.

Чабдартинскій, пик. Атбас. у. 354 І Ш.
Чабдаръ-Джуванъ, уроч. 362.
Чагалекъ, р. 415.
Чаганская, ст. Уральск. у. 259, 314 Б Ш.
Чаганъ см. Чеганъ.
Чаганъ, р., прит. Иртыша 407 П Ш, IV.
Чаганъ-Коль, р. 35.
Чаганъ-Обо, перев. 30, 417.
Чагарлы, горы 397, 398.
Чагарлы - Джамбыль, горы 397.
Чаглинка, р. 26, 348, 349.
Чаглы, оз. 26, 347.
Чайлинская вол. Усть-Каменогор. у. 71.
Чакильмесъ, сопка 40, 58, 153 С IV.
Чакчанъ, кирг. родъ 200.
Чакчанъ, пик. Павлодарск. у. 388 Н Ш.
Чакъ-Чагайлы-Кудукъ, кол. 397.
Чакъ-Чагайлы - Джолъ, дорога 397.
Чалакъ, сопка 362.
Чалкаръ, оз. Кокчет. у. 25, 250 К П.
Чалкаръ см. Чорхалъ.
Чалкаръ-Тенизъ, оз. 13, 16, 17 З IV, V.
Чалпанъ-Кудукъ, кол. 362
Чалъ-Чеку, сопка 362.
Чамбаръ, оз. 10.
Чанагатинскій, пос. Усть-Каменог. у. 160. 169, 428 У IV.
Чангарскій см. Новочеркасская.
Чанъ-Кудукъ, ур. Гурьевск. у. 328 Г IV.
Чанъ-Реу, колод. 355.
Чархалъ см. Чорхалъ.
Чаръ, р. 21, 36, 37, 408, 409 Р IV.
Чаръ-Гурбанъ см. Чаръ.
Чатерды, р. 325 В Ш.
Чебачье, оз. 26, 66, 250, 351, 352.
Чедырта, пик. Уральск. у. 325 Б, В Ш.
Чеганъ, р., прит. Урала 8, 12, 131, 309, 310, 314, 331, 332 Б Ш.
Чеганъ, р. 7, 328, 334, 335 Д V.
Чекмень Калганъ, кол. 396.
Челесай, пик. Темирск. у. 328 Г IV.
Челкарскій, пос. Кокчет. у. 350.
Челкаръ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 336 Е V.
Челкаръ см. Чорхалъ.
Черемисы 195.
Черемуховскій, пос. Семипал. у. 380, 400, 402, 404, П Ш.
Черемшанка, р. 422.
Черемшанскій, пос. Усть-Каменог. у. 422, 433 С IV.
Черкесъ, кирг. родъ 200.
Черлаковская, ст. Омск у. 106, *380—381*, 381, 402 Н І.
Черная, р. 383, 424.
Черная, р., притокъ Урала 252, 321.
Черниговскій, пос. Акмол. у. 360 Л Ш.
Черневая, р. 37, 38.
Черновская, почт. ст. Кустан. у. 342 З П.
Чернорѣцкій, пос. Павлодарск. у. 383, 384, 402 О П.
Черноярская, прист. Павлод. у. 284, 298, 383, 384, 402, 403 О П.
Черный городокъ Омск у. 369.
Чернышева заливъ 337 Е VI.
Черный Затонъ, обрывъ Уральск. у. 66, 330 В Ш.
Черный пос. Семипал. у. 399, 403 О Ш.
Черный Иртышъ см. Иртышъ Черный.
Чертанъ-Куль, оз. 349, 358.
Чертей Тау, сопки 92, 414 С IV.
Чидерты, р. 22, 28, 44—46, 50, 56, 105, 395 М, Н П, Ш.
Чижи, рѣки 131, 309 А Ш.
Чижинская 1-я, ст. Уральск. у. 244, 309 А Ш.
Чижинскіе разливы 9, 62, 96, 110, 309 А Ш.
Чижинскій трактъ 306, 309.
Чижинскій 2-я, пос. Уральскаго у. 309 А Ш.
Чижинскій 3-й, пос. Уральскаго у. 309 А Ш
Чикли, кирг. родъ 200.
Чиликта, р. 29, 30, 416.
Чимоинъ, кирг. родъ 200.
Чингизъ-Тау, горы 13, 14, 28, 36, 99, 407 П IV.
Чингильды, коп. Гурьевск. у. 320.
Чингистай, пик. Усть-Каменог. у. 34, 428 Т IV.
Чинкъ, обрывъ Усть-Урта

2, 7—9, 14, 49, 321, 334, 335 Г, Д V.
Чиреучи, кирг. родъ 200.
Чиркаинъ, р., прит. р. Нарыма 423, 424.
Чиркала, горы 4, 328 Г V.
Чистый, разъѣздъ Зап.-Сиб. ж. д. 367 Л I.
Чистый-Яръ, пос. Усть-Каменог. у. 423, 434 С IV.
Читъ-Иргизъ, р. 335.
Чіилы, пик. Темирск. у. 327 Д IV.
Чіили-Булакъ, ключъ 362.
Чіилы-Темиръ, уроч. Темирск. у. 334 Д IV.
Чоганакскій, пик. Зайсанск. у. 415 С IV.
Чоганатинскій, пос. Усть-Каменогор. у. 428.
Чокнаръ-Куль, уроч. Тург. у. 285.
Чокпаръ-Тасты, кол. 362.
Чолакъ-Эспенынъ-Кудукъ, колод. 365.
Чоло-казаки 423.
Чорга, пик. Зайсанск. у. 416 С V.
Чортово, оз. 394.
Чорхалъ, оз. 3, 8, 9, 49, 54, 132, 254, 264, 267, *325*, 330, 336, 350 Б Ш.
Чотъ, проходъ 425.
Чопты-Куль, пик. Лбищен. у. 325.
Чу, р. 14, 16, 42—44, 116—118, 121, 122, 133, 134, 143, 152, 200, 228, 250, 354, 356, 363, 365, 366, 395—398.
Чубалакъ, оз. 250.
Чубаръ, уроч. 356.
Чубаръ-Айгыръ, кирг. родъ 200.
Чубаръ-Джуванъ, кол. 366.
Чубаръ - Кудукъ, кол. Уральск. у. 327 Г Ш.
Чубаръ-Кудукъ, кол. 396
Чубаръ-Куль, оз. 28, 29, 325, 326.
Чубаръ-Тенизъ, оз. 17, 18И V.
Чувашскій, пос. Уральск. у. 331 Б Ш.
Чудь, народъ 138—140, 147, 278, 421.
Чуйрукъ, оз. 28.
Чулакъ-Джида, оз. 17, 336.
Чулакъ-Кайракты, ст. Орско-Казал. тракта 339 Е IV.
Чуликъ, р. 396.
Чумекей, кирг. родъ 200.
Чумекъ, р. 41.
Чумышты-Куль, оз. 12, 335 Д VI.
Чунгуръ, оз. 384.
Чурчутъ, горы 92.
Чурчутъ-Су, р., прит. р. Нарыма 32.
Чушка-Куль, сол. грязь 12, 335 Д V.
Чюль см. Бедъ-Пакъ-Дала.

Шайтанъ-Сій-Меса, уроч. 396.
Шакашня, древн. гор. 330.
Шарыкъ, р. 45.
Шейхларъ, кирг. родъ 200.
Шилинскій см. Чижинскій 2-й пос.
Шипово, ст. Покровско-Уральск. ж. д. 308, 309 Б Ш.
Шиповскій поселокъ см. Уильское укрѣпленіе.
Шиши, горы 424.
Шкима, кол. 362.
Шулакъ-Анкаты см. Каракъ.
Шулдакъ, горы 336.
Шулекъ, горы 46.
Шульба, р. 140.
Шульбинскій боръ 88, 92.
Шульбинскій, пос. Семипалат. у. 20, 409, 410, 432 Р Ш.
Шункуръ - Кудукъ, кол. 356.
Шуптульское мѣсторожд. мѣди см. Шупты Куль.
Шупты-Куль, оз. 66, 67, 391.
Шурукъ, кол. 397.

Щученскій боръ Кокчет. у. 275.
Щучинская, ст. Кокчетавск. у. 61, 93, 213, *352*, 358 К II.
Щучье, оз. 26, 250, 351, 352 К II.

Эбейты, оз. 28.
Эдрей, горы 28 О Ш.
Экибазъ-Тусская ж. д. см. Воскресенская.
Экибазъ-Тузскія копи Павлодарск. у. 63, *64*, *65*, 279, 281, 297, 298, 386, *387* Н Ш.
Экибазъ-Тузъ, оз. 46, 63, 64, 307, 387.
Эктагъ см. Алтай.
Эмба, р. 3, 8—10, 12, 47, 58, 69, 70, 96, 97, 110, 116, 272, 319, 320, 328, 334.
Эмба, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 334 Д IV.
Эмбенскій постъ см. Темиръ и Верхне-Эмбенскій постъ.
Эмбенскій у. см. Темирскій у.
Эскеней, пик. Акмол. у 362 Л IV.
Эскеней, сопки 362 Л IV.
Эспе, логъ 342.
Эспе, пик. Зайсанск. у. 416 С V.
Эспе, рч. 30.
Эсты 183, 184, 199, 224.

Югунтасъ, перевалъ 34.
Юзчжи, народъ 141.

Яикъ, р. см. Уралъ.
Яйсанъ, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 333 Г Ш.
Яицкій рукавъ р. Урала 11.
Яицкій городокъ 252, 309—311, 314, 322, 331.
Яицкое казачье войско см. Уральское.
Яковлевская, почт. ст. Кустан. у. 342 Ж II.
Якша, ст. Оренб.-Ташк. ж. д. 333 Г Ш.
Якши-Ніязскій, пик. Каркар. у. 395 М Ш.
Якши-Янгизтавъ, оз. 250.
Якши - Янгизтавскій см. Джаксы-Янгизъ-Тау.
Яманъ-Соръ, уроч. 319 В V.
Яманъ-Тау см. Джаманъ-Тау.
Ямантуаскій см. Джамантуаскій.
Яманхалинская, ст. Гурьевск. у. 319 Б V.
Ямышевскій, пос. Павлодарск. у. 146, 152, 171, 214, 294, 370, 378, *398—399*, 403, 404 О Ш.
Ямышевское, оз. 50, 69, 151, 293, 370, 398 О Ш.
Янайкинскій, пос. Уральск. у. 314 Б Ш.
Январцевскій, пос. Уральск. у. 48, 53, 66, 329, 330.
Яръ-Камышъ, оз. 17.

Имена личныя.

Аблай, султанск. родъ 214.
Аблай, султанъ киргизскій 141, 145, 220.
Аблай, ханъ калмыцкій 413, 414.
Абулхаиръ, ханъ киргизскій 144, 146.
Абулъ-Мамбетъ, султанъ киргизскій 144.
Алача, ханъ киргизскій 220.
Алей, сибирскій царевичъ 150.
Амурасанъ, ханъ киргизск. 147.
Андрусовъ, Н. И., геологъ 50.
Аристовъ, Н. А., этнологъ 144, 200.

Байковъ, Ѳ. И., посолъ 414.
Баракъ, султанъ киргизск. 144.
Бартащъ, военачальникъ 398.
Батый, ханъ татарскій 142.
Бековичъ-Черкасскій, кн., военачальникъ 321.
Бергъ, полковн. 322.
Беръ, К. М., естествоисп. 2, 128.
Бибиковъ, ген.-анш. 310.
Бобровы, промышленники 169.
Бородинъ, Н. А., воол. 2, 128, 132, 325.
Борщовъ, И., геогр. 2, 16, 82.
Ботовъ, купецъ 392.
Букей, султанск. родъ 214.
Букей, ханъ киргизскій 144.
Бунге, ботан. 82.
Бухгольцъ, полковникъ 146, 151, 370, 382, 412.

Валихановъ, этногр. 2.
Валиханъ, султанск. родъ 214.
Ванюшины, бр., купцы 324, 330.
Венюковъ, П. Н., геологъ 2.
Вершининъ, офицеръ 421.
Вланган, геогр. 2.
Высоцкій, геологъ 62.

Гагаринъ, М. П., кн., сибирскій губернаторъ 151, 370, 382, 414.
Галданъ-Цыренъ, джунгарскій властитель 144, 146.
Ганстенъ, путешественникъ 260.
Гебель, естествоиспытатель 1, 317.
Геродотъ, историкъ 138.
Гирей, султанъ-джучидъ 143.
Гмелинъ, ботаникъ 82.
Голицынъ, кн., ген.-маіоръ 310.
Голубевъ, геогр. 2.
Горшковъ, атаманъ 311.
Григоровскій, основатель Кокчетава 349.
Гуляевъ, инж. 309.
Гумбольдтъ, А., географъ 1.
Гурьевъ, Михаилъ, рыбопромышленникъ 154, 322.

Данилевскій, Н. Я., естествоиспытатель 2, 128, 263, 269—271.
Деровъ, купецъ 279, 282, 387, 389. 394.
Джагатай, ханъ 142, 143.
Джаны-Бекъ, султанъ-джучидъ 142. 143.
Джучій, ханъ 142, 143.
Докучаевъ, В. В., почвовѣдъ 60.
Доппельмейеръ, естествоисп. 6, 321, 328.
Достоевскій, Ѳ. М., писатель 378.
Дуровъ, поэтъ 378.

Ермакъ, покоритель Сибири 148, 149, 150, 377.

Жадаевъ, кузнецъ 324.
Желѣзновъ, І. И., пис.-этногр. 2, 196, 197, 257, 312, 323, 324.

Зарудный, Н. А., зоологъ 116.
Заруцкій, воевода 154.
Зингеръ, торг. фирма 392.

Игнатовъ, П. Г., геогр. 2.
Иса-Бугъ, ханъ 143.

Казнаковъ, генералъ-губернаторъ 156, 171, 378, 399
Каландеръ, поручикъ 370.
Канай, царевичъ сибирскій 150.
Кащеевичъ, ген. 226.
Каргинъ, атаманъ 311.
Карелинъ, Г. С., естествоиспытатель 1, 82, 83, 324.
Касаткинъ, купецъ 279.
Касимовъ, разбойникъ 322.
Касымъ, ханъ татарскій 143, 144.
Кенесары-Касимовъ, султанъ 145, 152, 226, 340, 355, 359.
Кесслеръ, зоологъ 128.
Киндерманъ, генералъ 152, 225, 226, 412.
Кирилловъ, натуралистъ 82.
Кнамбай, поэтъ 204.
Колпаковскій, Г. А., ген.-губернаторъ 159.
Кондыревъ, атаманъ 322.
Коншинъ, Н., статистикъ 229.
Краснопольскій, А. А., геологъ 2, 62.
Крылова, М. А., жена капитана 310.
Крыловъ, А. П., капитанъ 310.
Крыловъ, И. А., баснописецъ 310.
Кубрины, купцы 360.
Кузнецова, Устинья 311.
Кучумъ, царь сибирскій 148—150.

Лазаревъ, геогр. 2.
Левинсонъ-Лессингъ, Ф. Ю., геологъ 2.
Левшинъ, А., геогр. 1, 260.
Лелебуръ, ботаникъ 82, 116.
Летранжъ, инж.-кап. 412.
Ливенцовъ, губернаторъ 158.
Лихаревъ, военачальникъ 151, 412.

Мавринъ, капитанъ-поручикъ 311.

Мансуровъ, ген.-маіоръ 311, 331.
Марина Мнишекъ, царица 154, 319.
Матеня, мулла 317.
Мейеръ, ботан. 82.
Мейрамъ, султанъ 354.
Мейстеръ, геологъ 65.
Мергень, калмыкъ 315.
Миддендорфъ, А. Ѳ., геогр. 2, 22, 82.
Миллеръ, академикъ 294, 414.
Мирошниченко, геодез. 2.
Михайловъ, прапорщикъ 340.

Назаровъ, основатель гор. Иргиза 340.
Наурзбай, султанъ 145, 204.
Небольсинъ, геогр. 261.
Неплюевъ, губернаторъ 155, 252.
Никитинъ, С. Н., геологъ 2, 3, 7, 50, 54, 58, 330.
Никольскій, А. М., зоологъ 2, 116, 134.
Новаковскій, М., геологъ 2, 50, 319, 330, 332.
Ногойбай, поэтъ 204.
Нурали, ханъ киргизскій 315.

Палласъ, путешественникъ 1, 10, 11, 22, 82, 109, 116, 118, 252, 260, 269, 314, 322, 369, 372, 404, 414.
Паткановъ, этнологъ 203.
Петръ Великій, имп. 151, 370, 412, 414.
Политовъ, натур. 82.
Поповы, купцы 279, 282.
Поповъ, С. А., промышл. 394.
Портновъ, атаманъ 331.
Потанинъ, Г. Н., путешественникъ 2, 58, 82, 349, 378, 398.
Пугачевъ, Емельянъ, самозванецъ 154, 196, 309—311, 314, 331.
Пѣвцовъ, М., геогр. 2.

Разинъ, Стенька, разб. атаманъ 322.
Радловъ, В. В., этнологъ 203.
Рейнсдорпъ, губернаторъ 315.
Ремезовъ, лѣтописецъ 149.
Ременниковъ, купецъ 369.
Риттеръ, К., географъ 40.
Рыбаковъ, строитель гор. Тургая 341.
Рычковъ, геогр. 260, 310.
Рязановы, купцы 279, 395.

Сапожниковъ, В., ботан. 82.
Сборовскій, А., горн. инж 279.
Селезневъ, Аѳанасій, крестьянинъ 165—167.
Семеке, ханъ киргизскій 146.
Семеновъ, В. П., геогр. 50, 321, 331—333.
Семеновъ, П. П., геогр. 2, 44, 81, 398.
Сентъ-Лоранъ, комендантъ 346.
Серебряковъ, фабр. 374.
Симоновъ, комендантъ 310, 311.
Синцовъ, И. Ѳ., геологъ 2, 330.
Сиротинъ, рыбопромышленникъ 320.
Словцовъ, И., мѣстн. изслѣд. 350, 351, 370, 372.
Соколовъ, педагогъ 171.
Сперанскій, М. М., гр., госуд. дѣят. 349.
Струве, К. В., геогр. 2, 58, 398.
Ступинъ, полковникъ 382, 401, 404, 412.
Суворовъ, А. В., кн., фельдмаршалъ 311.
Сѣверцовъ, Н. А., путеш. 2, 116, 128, 269, 271.
Сюкъ - Аблайхановъ, султанъ киргизскій 144.

Титовъ, купецъ 279.
Толкачевъ, атаманъ 311.
Томилинъ, маіоръ 341.
Трапезниковъ, пароходовладѣлецъ 295.
Тюненъ, ученый 223.

Узбекъ, ханъ 220.
Усовъ, Ѳ., статистикъ 176, 227, 228.

Фалькъ, натуралистъ 82.

Харузинъ, А. Н., этнографъ 201.
Хорватъ, полковникъ 311.

Цеванъ - Рабданъ, ханъ джунгарскій 370.
Церенъ - Дондукъ, ханъ джунгарскій 370.

Чередовъ, Василій, дворянинъ 401.
Черскій, И., геологъ 2, 379.
Чингисиды, династія 200, 378.
Чингисханъ, монгольскій властитель 36, 142.
Чонъ, киргизъ 363.
Чортанбай, киргизскій писатель 204.

Шангинъ, В., путешественникъ 347, 352, 354.
Шиповъ, Н. Н., атаманъ 309, 326.
Шмидтъ, Ю., географъ 2, 365.
Шмурло, Е., историкъ 168.
Шпрингеръ, генералъ 171, 226, 370, 380, 401, 421.
Шренкъ, А., естествоисп. 2, 82.

Щаповъ, этнографъ 186.
Щербина, статистикъ 164, 247, 343.

Эверсманъ, зоологъ 1, 82, 116.

Ядринцевъ, Н. М., писат. 186, 378.

Ѳедоровъ, пчеловодъ 419.

Предметы.

Аблайча 207.
Абрикосъ 323.
Агама 127.
Адамова голова 104.
Акація 394.
Акчагыльскіе пласты 50, 56, 318, 329. 330.
Алебастръ 69, 151, 281, 399.
Аллювіальныя образованія 2, 60.
Алтаитъ 47.
Альпійская область 87—88.
Аммониты 48, 330—333.
Англезитъ 66.
Антидопа 56, 121.
Анцистродонъ 127.
Аптскія отложенія 332.
Араліи 55, 82.
Арало-каспійскіе осадки 52, 53, 56, 318.
Араукаріи 54.
Арбузы 273, 317.
Аржаникъ 96, 104, 107, 109.
Архаръ см. баранъ.
Астрагалъ 60, 88, 92, 98, 100, 101, 107, 114.
Астры 87, 92, 93, 101.
Асфальтъ 70, 320, 327.
Ауцеллы 330, 332, 333.
Ашаритъ 68.

Багренье 260—263.
Бакланъ 125, 126, 320, 321.
Баптисты 199.
Баранта 215.
Баранъ 121, 241, 275, 428.
Барбарисъ 92, 125.
Баржи 296.
Барки 296.
Барсукъ 119, 275.
Барсъ 58, 116, 117, 276.
Барханы 53, 54, 325, 356.
Бахчеводство 190, 248, 273.
Баялычъ 14, 62, 96, 99, 111—115, 341, 362—366, 396, 397.
Безпозвоночныя 134—137.
Безпоповцы 183, 311.
Безсмертникъ 102.
Бекасъ 124.
Белемнителли 49, 318, 329.
Белемниты 6, 13, 48, 49, 330, 332, 333.
Береза 54, 56, 60, 83, 84, 91—95, 97—102, 104, 106, 107, 110, 351, 364, 399, 418.
Береза карликовая 88.
Беркутъ 118, 126, 275.
Бершъ 131.
Блескъ желѣзный 67.
Блескъ мѣдный 67.
Бобовая руда 6.
Бобовникъ 54, 95, 98, 99, 101.
Бобръ 120.
Богородская трава 93, 95, 96, 98, 106.
Бойня 369.
Болиголовъ 86, 420.
Болота 43, 59, 108.
Боры 92—94.
Боярокъ 83, 87, 98.
Боярышникъ 95, 98, 107, 110.
Брусника 94.
Букъ 55, 82.
Бульдюрюкъ 125, 356, 365.
Бульдургунъ 99, 111, 116.
Буранъ см. пурга.
Бурачекъ 104.
Бури 41.
Буркунъ 94—96, 98, 107.
Бурундукъ 120.
Быкъ мускусный 56.
Быкъ первобытный 116, 316, 379.
Бычекъ 132.
Бѣлая рыба 249, 250.
Бѣлка 120, 428.
Бѣлоголовникъ 102.
Бѣлорыбица 130.
Бѣлуга 128, 130.
Бѣляна 296.

Валуны 56.
Варакушка 124.
Василекъ 101.
Василистникъ 98, 100.
Венерины башмачки 106.
Верба 84, 95.
Верблюдъ 56, 116, 241, 242, 246.
Вероника 101, 104, 106, 107.
Весенній ловъ рыбы 253, 254.
Веслоногія 137.
Ветла 54, 83, 84, 95.
Вечерницы 120.
Виноградъ 323.
Вишенникъ 59, 94, 95, 98, 101, 107.
Вишня 60, 274, 323.
Влажность воздуха 78, 79.
Вобла 130.
Водные пути 293—301.
Водоросли 108, 110.
Войлокъ 277.
Волкъ 116, 118, 122, 275, 276, 398.
Волчій корень 101.
Волы 244, 246.
Вскрытіе рѣкъ 77, 78.
Вывѣтриваніе горныхъ породъ 57, 58, 390.
Выпь 26, 124.
Выхухоль 119.
Вьюнокъ 95, 99, 106.
Вѣйникъ 101, 107, 109.
Вѣтренка 60, 95, 98, 101, 102.
Вѣтры 73, 74.
Вязель 107, 109.
Вязъ 54, 83, 84.

Гагара 26, 125.
Гагея 100.
Гадюка 126, 127.
Гальки 13, 397.
Гвоздика 93, 98, 104.
Геккончикъ 127.
Герань 95.
Гесситъ 47.
Гипсъ 3, 5, 7, 13, 47, 48, 50—52, 69, 71, 285, 317, 318, 320, 327, 329.
Гіена пещерная 58, 116.
Глины 2, 3, 7, 9, 13—15, 22, 46—53, 58, 61, 63, 66, 69, 308, 309, 320, 329—332, 342, 361, 364, 379, 380, 382, 402, 424.
Глухарь 126.
Гнейсъ 44, 45, 50, 66, 415.
Гнусъ 134, 135.
Голавль 131.
Голецъ 132.
Гололедица 72, 240.
Голубь дикій 124.
Гольянъ 133.
Горечавки 87, 88, 92.
Горихвостка 124.
Горлица 124.
Горностай 119, 276.
Городища древнія 139, 354.
Горошекъ 60, 107, 109.
Горькуша 96, 102.
Гранитъ 7, 14—16, 22, 30, 36, 44—48, 50, 57, 67, 335.

338, 351 — 353, 358, 390, 391, 393, 394, 407, 415, 433.
Графитъ 47, 69.
Грачъ 124, 356.
Гребеньщикъ 95, 96, 99, 114.
Гречка 95, 106.
Грифы 333.
Груша 323.
Грушанка 93, 94, 350.
Грязи 70, 71
Гудронъ 5, 13.
Густера 131.
Гусь 26, 124, 275, 359, 360.
Гусятникъ 114.

Денудація см. смываніе.
Двоедане 167.
Джантакъ 95, 99, 114, 115.
Джетачество см. обѣдненіе скотомъ.
Джейранъ 121.
Джидда 114, 125, 356.
Джингылъ 112, 115, 356.
Джоломейка см. Джолумъ-Уй.
Джолумъ-Уй 207.
Джузгунъ 54, 96, 107, 114, 115, 242, 356, 363.
Джусанъ 112, 397.
Дзара см. ежъ.
Дислокація 45—48.
Діабазъ 7, 44, 335
Діориты 7, 13, 44, 355, 391.
Дождь сухой 81.
Домашнія занятія киргизъ 213—214.
Донникъ 95, 96, 98. 109.
Досчаникъ 293, 296.
Драгоцѣнные камни 63.
Дроздъ 124.
Дрофа 124, 355, 361.
Дубъ 55, 82—84.
Душица 95.
Дымянка 93.
Дыни 273.
Дюны 53, 92, 115.
Дятелъ 124.

Единовѣрцы 311.
Ежевика 95, 97, 98, 107.
Ежевникъ 106.
Ежи 119.
Ежи морскіе 49, 314, 318.
Елецъ 133.
Ель 87, 88, 90, 91, 427, 430.
Емуранчикъ 120.
Ершъ 131, 133.

Жаброногія 137.
Жабы 127.
Жаворонокъ 124, 125.
Жаркое рыболовство см. курхай осенній.
Желѣзныя руды 67, 140, 278, 310, 335, 350, 351, 391, 408.
Жерехъ 41, 44, 130, 133, 366.
Жерновой камень 281, 285.
Жимолость 83, 95, 98, 106. 107, 110, 361, 421.
Жуки 136.
Журавль 124.

Замерзаніе рѣкъ 77, 78.
Заработная плата 177, 282.
Заразиха 100.
Засуха 60.
Заяцъ 120, 124, 275, 365, 398.
Звѣроловство 248, 275, 276.
Землевладѣніе 222—225.
Земледѣліе 225—239.
Землеройки 119.
Земляника 106.
Земляной хлѣбъ 99.
Земноводныя 127.
Зимовки киргизъ 208—210.
Злаки 88, 93, 106, 108.
Змѣеголовникъ 86, 92, 425.
Змѣя 356, 363.
Змѣя-стрѣла см. стрѣлазмѣя.
Золотарники 86.
Золото 63. 66, 152, 278, 282, 283, 285, 351, 352, 391, 414, 435.
Зуекъ 124.

Ибелекъ 96, 106.
Ибрисъ см. барсъ.
Ива 56, 83, 88, 92, 95, 98, 106, 108, 110, 351, 361, 402, 407.
Иволга 124.
Известняки 2, 5, 7, 8, 16, 45 — 50, 63—66, 69, 317, 318, 321, 325, 326, 329, 331, 332, 335 — 338, 350, 354, 357, 361, 391, 393, 400, 415.
Извозъ см. промыселъ извозный.
Изень 111, 113.
Ийтъ-сасыкъ 111.
Икра 129.
Илексъ 82.
Илъ 3, 53.
Ископаемыя богатства 63—71.
Исламъ 203, 220.
Иссопка пахучая 88.
Источники минеральные 70, 71, 317, 318.

Іудеи 182.

Кабанъ 26, 116, 121, 275, 355, 398.
Кабарга мускусная 121.
Калашникъ 97.
Калина 98, 108, 109.
Каменный уголь 47, 63—65, 278, 279, 389, 395, 400.
Каменный вѣкъ 138—140.
Камнеломки 88.
Камни цвѣтные 68
Камышъ 98, 102, 105—108, 110—112, 115, 116, 363.
Капуста 272.
Капуста заячья 93, 106.
Карагайникъ 362, 364, 396.
Карагана 92, 114, 118, 362, 396, 407.
Карагачъ 94.
Карагужъ 122.
Кара-джузгунъ 99.
Кара-джусанъ 96.
Кара-куртъ 137.
Кара-матау 99, 102.
Карантышъ 86.
Карась 26, 42, 131, 133, 360.
Карбасъ 296.
Картофель 272.
Каспійская сельдь см. сельдь каспійская.
Кварциты 44, 45, 67, 389, 391.
Кварцы 351.
Кедровый сланецъ 88.
Кедръ 88, 90, 91, 427.
Керимъ 129.
Кермекъ 111.
Киръ 320.
Кіякъ 99, 114.
Кленъ 83.
Клинтухъ 124.
Климатъ 72—82.
Клубника 95, 97, 98, 102.
Клущица 126.
Кобальтово-серебряныя руды 278.
Кобчики 122.
Ковры 277.
Конылъ 59—61, 94—96, 98, 101, 102, 104, 115, 338, 359.
Коза горная 121, 275.
Коза дикая см. козуля.
Козлобродникъ 100.
Козодой 124.

Ковуля 122, 428.
Кокушникъ 106.
Кокъ-пасъ 91.
Кокъ-пекъ 14, 62, 96, 99, 111—113, 115, 341, 396, 397.
Кокъ-тыкенъ 115.
Колокольчики 92, 95, 97, 98, 101.
Коломенки 296.
Колонизація 148—170, 227, 228.
Колонокъ 119.
Колчеданъ мѣдный 66.
Колчеданъ сѣрный 66, 67.
Колюшка 131.
Комаръ 134.
Конгломераты 45, 46, 50, 52, 335, 336, 338, 397.
Коноводки 294.
Конопля 273.
Конотопка 99, 106, 113.
Кораллы 318, 397.
Коростель 124.
Корсакъ 118, 275, 276.
Корумы 14.
Коршунъ 122, 126.
Корышъ 132.
Костеръ 101, 107, 109, 132.
Костяника 94, 95, 97, 98, 101, 102.
Кошки 118, 398.
Кошъ 207.
Красная рыба 249, 250.
Красноперка 131.
Крачки 26, 124, 125, 126.
Крестовникъ 98, 107.
Кречета 122, 124.
Кристаллическія породы 48.
Кровохлебка 102.
Кронштепъ 124.
Кроты 116, 119.
Крохадь 124.
Крушина 83, 95, 98, 107, 361.
Крыжовникъ 86, 424.
Крыса водяная 120.
Кряква 124.
Кувшинки 106, 108, 110.
Куга 102, 106, 108, 110, 111.
Кузьмичева трава 95.
Куке-моралъ 350.
Кукушкины слезки 92, 101.
Кукушникъ 93.
Куланъ 121.
Кулики 124, 347, 359, 360.
Кумысъ 211—213.
Куницы 119.
Купальницы 87.
Курганы 140, 353, 368, 390, 425.
Куропатка каменная 363.
Курослѣпъ 98, 108.
Курочка 124.
Курхай весенній 252, 253, 256, 270.
Курхай осенній 252, 254, 256, 270.
Кустарные промыслы см. промыслы кустарные.
Кустарныя породы 95.
Кыылча 98.

Лабазникъ 95, 98, 102, 106.
Лазоревикъ 100, 107, 114.
Лазоревка 125.
Лазурь 66, 67
Лайка 118.
Ландышъ 95.
Лапчатки 98, 101, 104, 106.
Ласка 119.
Ласточка 124.
Лебеда 113.
Лебедь 26, 124, 320, 321, 359.
Левкой 97.
Ледники 32, 35, 39, 56, 88.
Ленокъ 97.
Лёнъ 273.
Лёссъ 2, 52, 53, 59, 318.
Лещъ 41, 130.
Лингнитъ 50.
Лилія 86, 92.
Лимонитъ 5.
Линнея 94.
Линь 26, 131, 133.
Липа 55, 82—84.
Лисица 118, 275, 276, 428.
Лисій хвостъ 107.
Лиственница 88, 90—92, 427, 430.
Лишайники 88, 100, 106, 115, 350.
Ломоносъ 95.
Лосось 130.
Лось 122.
Лошади 56, 116, 241, 244, 246.
Лукъ 97, 98, 100.
Лунь 124.
Лысуха 124.
Лѣса 83, 84, 88—92, 275.
Лѣсостепь 95, 100—103, 106, 110.
Лютики 87, 88, 92, 100, 107, 108.
Лягушки 127.

Магометане 180, 182, 190, 220, 311.
Макъ 87.
Малина 86, 92, 94, 97, 351, 394, 424.
Мамонтъ 56, 116, 316, 379, 382, 402.
Маралъ 121, 122, 275, 425, 414, 428, 429.
Марганцовыя руды 67.
Марена 107, 109.
Маринка серебристая 133.
Мартышка 124.
Марьинъ корень 92.
Маслодѣліе 276, 277, 286, 346, 408.
Мастодонтъ 56.
Матрацовыя отдѣльности 44, 57.
Маттіола 100.
Мгла 81.
Медвѣди 116, 119, 276, 428.
Медвѣжье ухо 86.
Медвѣжьи пучки 86.
Медресе 220.
Медунка 102.
Менониты 199.
Мергели 2, 3, 7, 13, 14, 47—52, 317, 329, 330—333.
Металлы 279.
Метаморфическія породы 45.
Минога 131, 133.
Минъ-дуанъ 115.
Мирты 55, 82.
Млекопитающія 117 — 122.
Могильники 140.
Можжевельникъ 88, 91, 92, 95, 98.
Моллюски 45, 48, 55, 337.
Молочай 97, 100, 107.
Морковникъ 60, 100, 102, 104.
Морковь 272.
Морское судоходство 301.
Мохъ 94.
Мошка 134.
Мулы 246.
Мускусная кабарга см. кабарга мускусная.
Мусульманство 220—221.
Мухи 134, 136.
Мухоловка 124.
Мхи 88, 106.
Мытники 86.
Мыши летучія 56, 120.
Мыши 120.
Мѣдныя руды 63, 65—67, 140, 152, 278, 279, 283, 285, 351, 389—391, 394, 408, 410.
Мѣлъ 2, 3, 5, 7, 13, 16, 49, 69, 285, 308, 314, 318, 325, 326, 331, 335, 352.
Мятликъ 95, 101, 107, 109.

Налимъ 133.
Народное творчество 204, 205.
Нарѣчіе киргизъ-кайсаковъ 203.

Незабудка 92, 95, 98, 101.
Некленъ 83, 84.
Нельма 41, 133.
Неогеновыя образованія 50, 51.
Непріемлющіе священство 190.
Нефть 63, 69, 70, 285, 320.
Никелево-серебряныя руды 278.
Носолепестникъ 97, 100.
Носорогъ ископаемый 56, 116.
Ночницы 120.

Облачность 79, 80, 81.
Обмелѣніе 42.
Обработка земли 233, 238.
Образованіе народное 170—175.
Обряды казаковъ 191.
Обряды киргизъ 216—222.
Общественная жизнь киргизъ 214—216.
Обѣденіе скотомъ 247.
Овесъ степной 101, 104.
Овода 134.
Овраги 5, 8, 9.
Овсянка 124, 125.
Овцебыкъ мускусный 116
Овцы 241, 242, 244.
Огоньки 86.
Огородничество 190, 272, 273, 319, 333, 361, 380, 409.
Огурцы 272.
Одежда киргизъ 210, 211.
Одуванчикъ 98.
Озера 9—12, 17, 24, 25, 29, 41, 50, 51, 68—71, 98, 99, 102, 105, 106, 108, 110, 124, 137, 151, 283—285, 336, 339, 341, 342, 367, 379, 391, 399.
Озерно-рѣчныя образованія 52, 53.
Озокеритъ 70.
Окаменѣлости 46, 49, 51, 52, 329—336, 354, 361, 397.
Окунь 26, 41, 42, 131, 133, 134.
Оленій ягель 100.
Олень 56, 116, 121, 122, 379.
Олигоценъ 49, 50.
Оловянныя руды 278.
Ольха 55, 82, 84, 93, 99, 364.
Опалы 68.
Опоки 49.
Орелъ 122, 359.
Орланъ-бѣлохвостъ 122.
Орѣшникъ 55, 82.
Осадки 80, 81.
Осетръ 41, 128, 129, 132.
Осина 60, 83, 84, 91—95, 97, 99, 100, 102, 107, 364.
Ослы 246.
Осока 98, 102, 105, 106, 114, 364.
Осокорь 54, 83, 84, 97, 107, 328, 421.
Острецъ 94, 98, 102.
Отайка 124.
Охота 117—119, 121, 122, 123, 126, 275, 276, 315, 420, 426, 428.
Охра 66, 330.
Охрана войсковыхъ водъ 254—255.

Палеогенъ 49, 55.
Палеозойскія образованія 44, 45, 357, 415.
Памятники древніе 140, 147.
Папоротники 94, 106, 350.
Паровыя суда 294.
Пасленъ 95, 98, 100, 107.
Паузки 296.
Пеликанъ 125.
Первоцвѣтъ 88.
Перекати-поле 94, 101, 106, 111.
Перекаты 297.
Переселеніе народовъ 140, 141.
Персикъ 87, 323.
Пескарь 133.
Пески 2, 3, 7, 14, 15, 49—51, 53, 54, 66, 97, 99, 106, 113, 115, 329, 341, 342, 356, 363, 379, 382, 402, 424.
Пестрядь 277.
Песчаники 2, 3, 5—7, 13—15, 20, 22, 45, 47, 48, 50, 52, 53, 67, 69, 120, 308, 325, 327, 329—333, 335, 337, 353, 354, 361, 388, 389, 391, 393, 397, 400, 410, 415.
Песчаный хлѣбъ 99, 116.
Печенка 67.
Питаніе киргизъ 211—213.
Пихта 87, 89, 90—92, 418, 420, 427, 430.
Піоны 87, 107.
Плавня осенняя 252, 254, 258—263, 266.
Плавня севрюжья (весенняя) 252, 253, 258, 265.
Плакунъ 100.
Пластинчатожаберныя 318.
Платаны 55, 82.
Пліоценовыя отложенія 51, 55.
Плоскохвостъ 120.
Плотва 26.
Плотность населенія 178, 179.
Плоты 297.
Повилика 95, 106.
Поганка см. бакланъ.
Поздолы 60.
Подкаменщикъ см. бычекъ.
Подмаренникъ 97, 98, 100, 102, 106, 107.
Подорожникъ 98, 102, 104.
Подсолнухи 273.
Подустъ 131.
Пожары степные 102, 103.
Покореніе края русскими 148—153.
Полевки 120.
Полозъ 127.
Полуха 124.
Полынь 14, 88, 94—96, 99, 102, 104, 106, 111, 112, 115, 365, 397.
Понто-арало-каспійская ихтіологическая область 128.
Пороги 38, 297, 301, 403.
Порфириты 44, 64, 335, 336, 389, 391, 393.
Порфиры 7, 44, 45, 335, 338, 351, 351, 391, 394, 407, 414, 415.
Почвы 58—62.
Православные 182, 190, 311.
Пресмыкающіяся 126, 127.
Пріемлющіе священство 182, 190.
Приростъ населенія 179.
Провалы 318.
Продовольственное дѣло 235, 237, 238.
Производства и промыслы:
алебастр. 399.
веревочн. 213, 277.
винокуренн. 286, 313, 374, 406.
восково-свѣчн. 374.
гончарн. 286, 313, 343.
горн. 278—285, 408, 435.
дегтярн. 274.
дрожжев. 286, 374, 406.
известков. 460.
извозн. 278, 383, 384, 390.
искусств. минер. водъ 313, 374.
каменоломн. 332, 333, 410.
каменноугольн. 63—66, 279—281, 416.
картографическ. 374.
кирпичн. 286, 313, 343, 353, 369, 374, 387, 406.
кишкопромыват. 286.
кожевен. 213, 286, 287, 343, 345, 346, 350, 351, 354, 360, 381, 383, 406, 409, 412, 428.

красочн. 369, 423.
кузнечн. 277, 286, 313, 345, 350—353, 360, 367, 368, 374, 408.
кустарн. 277.
лакричн. 313.
литографск. 374.
лѣсн. 248, 274, 275, 390.
лѣсопильн. 313, 369, 374.
маслодѣльн. 360, 367, 368.
машиностроит. 353.
мозаичн. 213.
муком. 286, 313, 354, 369, 374, 406.
мыловарен. 286, 287, 313, 360, 374, 387, 406, 412.
мѣдноплавильн. 278, 286 395.
мясн. консерв. 369.
овчинн. 286, 287, 345.
огородн. см. огородничество.
орѣхов. 427.
отхож. 277, 278, 390.
пивоварен. 286, 313, 343.
пивомедов. 360, 374.
портняжн. 277.
пряничн. 360, 374.
птичн. 276, 320.
рыбн. см. рыболовство.
салотопен. 286, 287, 343, 345, 346, 350, 351, 354, 368, 374, 387, 405.
запожн. 213, 277.
свѣчн. 286, 313.
серебро-свинц. и мѣдноплавильн. 286.
серебрян. 213.
слесарн. 374.
смолокуренн. 274.
солян. 283—285, 318, 319, 323, 324, 358, 384, 387, 398. 399.
столярн.-слесарн. 213.
сѣдельн. 277.
табачн. 374.
ткацк. 213, 273, 277.
типографск. 374.
топазн. 358.
фабр.-заводск. 285 — 287, 313, 343, 345, 345, 346, 350, 351, 354, 367—369, 374, 381, 383, 406, 408, 409, 412, 428.
фотограф. 374.
чугунно-лит. 286, 374
шерстомойн. 286, 287, 345, 406.
шерстоткацк. 213.
шорн. 227.
шпалопропиточн. 369.
Прутовникъ 95.
Прыгунчикъ 120.
Прямокрылыя 136.
Птицы 122—126.
Пурга 72, 240, 242.
Пустыни 42, 113—115.
Пути сообщенія:
водные 293—301.
грунтовые 301—305.
желѣзные 305—307.
Пушица 108.
Пчеловодство 136, 190, 248, 272, 413, 419—421, 424—426, 428.
Пырей 95, 96, 98, 99, 102, 104, 107, 109, 110.
Пѣночка 124, 125.

Размываніе 57, 337.
Ракитникъ 95, 98, 102, 108, 110.
Раковины 53.
Раки 137.
Рапа 318.
Расколъ 182, 183, 186, 190, 195, 311, 315.
Растительность 82—116.
Рдестъ 106, 108.
Ревень 96, 99.
Ремесла 277.
Роговикъ 45, 425.
Рождаемость 180.
Роза альпійская 88.
Роза водяная 106, 108, 110.
Рослость населенія 201.
Россомаха 119.
Рухляки см. мергели.
Рыболовство 190, 196, 214, 248—272, 315, 319, 324—326, 333, 380, 382, 383, 390, 398, 400, 409, 410, 416, 421, 428.
Рыбы 128—134.
Рысь 116, 117.
Рѣдька 272.
Рѣпка 100.
Рябина 83, 84, 108.
Рябка 125.
Рябчикъ 275.
Ряски 108, 110.

Садоводство 274, 316, 323.
Сазанъ 41, 42, 44, 130, 133.
Сайгакъ 116, 121, 275, 355, 398.
Сайгачья трава 111.
Саксаулъ 15, 54, 107, 114, 115, 125, 356, 363 — 365, 396—398.
Сарбуялъ 96.
Сасыръ 104.
Свинецъ 66, 67, 283, 391.
Севрюга 128, 129.
Сектанты 182, 183, 315.
Селедочка морская 131.
Сельдь каспійская 131.
Серебро 63, 66, 67, 140, 152, 283, 311, 351.
Серебро - свинцовыя руды 66, 67, 278, 279, 285, 394, 408.
Синецъ 130.
Синица 124, 125.
Системы полеводства 232.
Системы (періоды) и эры:
архейская 7, 44.
девонская 7, 36, 45—47, 50, 54, 67, 335, 336, 338.
каменноугольная 30, 46—48, 50, 54, 354, 361, 391, 393.
мезозойская 6, 48.
мѣловая 2, 3, 7, 48, 49, 53, 55, 70, 309, 318, 320, 327, 331, 332, 337.
палеозойская 7, 389, 391, 393, 397.
пермская 3, 47, 48, 55, 317, 329.
третичная 3, 7, 48—53, 55, 56, 69, 70, 308, 318, 329, 330, 379, 380, 382, 388.
четвертичная 49, 52, 56, 57, 318.
юрская 2, 3, 48, 55, 66, 317, 327, 330—333.
Ситникъ 98.
Сіенитъ 7, 44, 335.
Скалтейръ 127.
Скворецъ 125.
Скопа 122.
Скорпіонъ 137.
Скотоводство 190, 213, 239—247, 287, 315, 316, 319, 326, 345, 381 — 383, 390, 394, 385, 398 — 400, 410 — 413, 415, 426, 428, 429.
Славка 125.
Сланцы 7, 13 — 15, 20, 40, 44 — 48, 50, 63, 66, 326, 330, 332, 335, 336, 338, 350, 357, 364, 391, 393, 400, 410, 415, 420, 423, 433.
Слива 274.
Сливняки 137.
Слѣпень 134.
Смертность 181.
Смолевки 100, 101.
Смородина 86, 94, 95, 97-106, 110, 424.
Смываніе 337.
Снѣга вѣчные 32, 88.
Снѣжники 225.
Собака 275.
Соболь 119, 428.

Сова 124, 126.
Соколъ 122, 124, 126.
Сокольникъ 94.
Соксунъ 124.
Солнечники 104.
Соловей 125.
Солодка 104.
Солончаки 14, 15, 58, 60—62, 86, 96, 97, 99, 102, 110, 112, 284, 328, 341, 342, 356, 363, 396, 397.
Солончаковая растительность 102.
Соль поваренная 9, 10, 41, 50, 68, 151, 284, 317, 320, 325.
Соль глауберова 285
Солянки 88, 96, 99, 102, 111—114, 362, 397
Сомъ 41, 130, 133.
Сопки 104.
Сопъ 130.
Сорога 133.
Сорокопутъ 124.
Соры 17, 363.
Сосна 88, 90—94, 100, 107, 274, 347, 352, 394, 400.
Спаржа 100.
Спаржа морская 111.
Стародубка 95, 101, 102, 104.
Старообрядцы 311.
Степная растительность 94—107.
Степной овесъ см. овесъ степной.
Степи 27, 38, 44, 94—107.
Стерлядь 128, 132.
Стерлядь морская см. керимъ.
Стерхъ 124.
Столовыя страны 337.
Стрепетъ 124, 347.
Стрижъ 124.
Стрѣла-змѣя 127.
Стрѣлолистъ 86.
Суглинки 51, 52, 58—60.
Судакъ 130.
Судъ киргизскій 215.
Суевѣрія 222.
Суколень 124.
Суннитъ 220.
Суранъ 96.
Сурокъ 120, 276, 359, 428.
Сусакъ 98, 110.
Сусленикъ см. хорекъ каменный.
Суслики 56, 116, 120.
Сферосидериты 330.
Сырокъ 133.
Сѣнокошеніе 247, 248.

Табаководство 190, 248, 273, 274, 410, 411.
Таволга 59, 60, 83, 87, 88, 95, 98—102, 106, 107, 338, 361, 362, 407.
Тайга 90.
Таймень 41, 132, 366, 428.
Такыры 9, 363.
Талъ 84, 95, 98, 99, 362, 364, 402.
Тальникъ 98, 421.
Тамарискъ 54.
Тамаръ-байау 111.
Тамыръ-дари 116.
Тарантулъ 137.
Таранушка 351.
Тарбаганчикъ 120.
Тарлау 114.
Тарпанъ 121.
Тебеневка 240.
Теке-сокалъ 96.
Температура воздуха 74, 76, 77.
Терескень 99, 112, 115.
Тернъ 83, 84, 95.
Тетеревъ 124, 275.
Тигръ 58, 116, 117, 276, 398.
Тимофеевка 95, 98.
Тингиджа 115.
Типецъ (типчакъ) 94—96, 98, 99, 101, 102, 104, 359.
Тиркушка 124.
Тминъ 107, 109
Тонконогъ 94—99, 101, 104, 106, 359.
Топазъ 279, 352.
Тополь 83, 84, 91, 92, 94, 95, 107, 109, 407.
Торчакъ 124.
Торговля 288—294, 315.
Торфъ 65, 66.
Трилистникъ 101, 106, 107, 109.
Тритонъ 127.
Троецвѣтка 86, 92.
Тростникъ 102, 108.
Трясогузка 124.
Тундры 86.
Туръ 56.
Тушканчики 56, 116, 120.
Туфъ вулканическій 7.
Тымырткенъ 114.
Тысячелистникъ 98.
Тюльпаны 97, 99, 100, 114, 115.

Угленосныя породы 46, 47.
Уголь бурый 63, 66, 327, 416, 417.
Уголь каменный 46, 47, 63—66, 92, 279, 285, 207, 327, 336, 408, 416, 417, 435.
Угольки 100.
Удавъ степной 127.
Удодъ 124.
Ужъ 127.
Улларъ 1 6.
Урема 330.
Урожайность хлѣбовъ 232, 236—238.
Усачъ 133
Ускучъ 41, 126, 132, 428.
Устрицы ископаемыя 49, 317, 318, 330.
Усыханіе озеръ 25, 42.
Утка 26, 124, 275, 359, 360.
Учугъ 251, 252, 254.
Ушланъ 120.

Фазанъ 125.
Фаланга 137.
Фауна 116—137.
Фельзитъ 7.
Филинъ 124, 126.
Фіалка 86, 87, 92, 94, 95, 98.
Флора 82—116.
Форель 132.
Формы землепользованія 224—225.

Харіусъ 41, 126, 132, 428
Хлопушки 99.
Хмѣль 106.
Хомякъ 120.
Хорекъ 119, 275, 276.
Христіане 182.
Хрусталь 68, 279, 352, 430.

Цапля 26.
Царскія кудри 86, 92.
Цинкъ 66, 278.

Чагыръ 96.
Чайка 124—126.
Чалбышъ 132.
Чарышъ 115.
Частуха 102, 108, 110.
Чебакъ 130, 133.
Чеканчикъ 124.
Чеканъ 125.
Червогонъ 100.
Черемуха 83, 84, 87, 92, 98, 108, 109, 394.
Черепаха 127.
Черника 94.
Чернь 90.
Чехонь 131.
Чечетка 124.
Чешуекрылыя 134.
Чилига 95, 98.
Чина 95, 101, 107, 109.
Чингыль 114, 356
Чирокъ 124.

Чича 106.
Чій 99, 111, 112, 114, 115, 363, 364, 397.
Чоти муллыкъ см. песчаный хлѣбъ.

Шаиръ 96, 114.
Шалфей 99.
Шелководство 323.
Шемисъ 41.
Шенгыль см. Чингыль.
Шиверы 297.
Шіиты 220.
Шилохвостъ 124.
Шиповникъ 83, 87, 92, 95, 98, 99, 101, 102, 106, 107, 110, 361.
Шипъ 41, 128, 130.
Шомпольникъ 95.
Шпатъ 68.
Шпорникъ 86, 92, 94.

Щебень 354.
Щиповка см. ускучъ.
Щитомордникъ см. анцистродонъ.
Щука 26, 41, 42, 44, 131, 133, 361, 366.

Эоловыя образованія 59.
Эоценъ см. третичная система.
Эрозія см. размываніе.
Эспарцетъ 60, 95, 96, 98, 101, 107.
Этнографическій составъ населенія 183—185.
Эфедра 114.

Юрта 206—208.

Яблоня 83, 84, 108, 274, 323.
Язычество 182.
Языь 41, 131, 133, 361.
Янтарь 50.
Ярмарки 283—291.
Ясень 109.
Яшма 7, 13, 68, 335, 425.
Ящерицы 126, 127, 303.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Замѣченныя опечатки и погрѣшности.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
2	11 снизу	160	560
4	11 снизу	центра	центръ
34	3 сверху	стекаетъ	стекаетъ здѣсь
36	10 сверху	крупными	круглыми
42	подъ рисункомъ	П. І. Игнатова	П. Г. Игнатова
44	24 сверху	южная	южная и сѣверная
44	16 снизу	*Уяту*	*Аяту*
51	подъ рисункомъ	Каракалинскихъ	Каркаралинскихъ
83	21 сверху	четыре	пять
98	6 снизу	юго западную	сѣверо-западную
137	2 снизу	піявокъ	медицинскихъ піявокъ
137	1 снизу	не водятся	водятся конскія
166	подъ рисункомъ	Тайсуйюнъ	Тайсуйганъ
222	7 снизу	1.592.325 квадр. верстъ	1.592.325 квадр. верстъ (безъ водныхъ поверхностей)
223	7 снизу	907.727 кв. верстъ.	907.727 кв. верстъ (безъ водныхъ поверхностей).
244	18 сверху	*„Внутренней“*	*„Внутренней“*
260	1 снизу	Hausteen.	Hansteen.
304	20—21 сверху	Таковы *Оренбургско-Ташкентскій*,	Таковъ *Оренбурско-Ташкентскій*
316	1 снизу	*Джаманъ-Кудака*	*Джаманъ-Кудука*
337	30 сверху	ст. *Джалавлы* ближе	ст. *Джалавлы*, ближе
396	6 сверху	(20 пер.),	(20 вер.),